



Н.В.Тимофеев-
Ресовский

*Люди бывают очень плохие, плохие,
средние, хорошие, очень хорошие, и есть
некоторое количество замечательных
людей*

Истории, рассказанные им самим,
с письмами, фотографиями
и документами

Истории,
рассказанные
им самим,
с
письмами,
фотографиями
и
документами



С О Г Л А С И Е

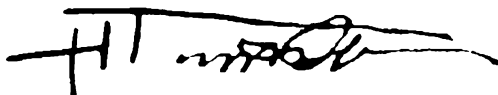
СОГЛАСИЕ

Н. В. Тимофеев-Ресовский

**Истории, рассказанные им самим,
с письмами, фотографиями
и документами**

Д О С Т О Я Н И Е Р О С С И И

К 100-летию со дня рождения

A handwritten signature in black ink, appearing to read "Н. С. Пустовой", written in a cursive style with a long horizontal stroke extending to the right.

Н.В.Тимофеев-Ресовский

Воспоминания

Истории,
рассказанные
им самим,
с
письмами,
фотографиями
и
документами

Москва

Согласие

2000

УДК 882
ББК 84(2Рус=Рос)6 + 28.04
Т41

Руководитель программы «СОГЛАСИЕ»

В. Михальский

Художественное оформление

и макет А. Бондаренко

Составитель и редактор

Н. Дубровина

Научный консультант

В. Иванов

Издание подготовлено при содействии

Научной библиотеки МГУ

Федеральная программа книгоиздания России

Тимофеев-Ресовский Н. В.

Т41

Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами. — М.: «Согласие», 2000. — 880 с., 120 илл.

Исключительная судьба, одержимость исследователя, громадный масштаб личности, неукротимый характер, артистизм и тончайшее чувство юмора — все вместе взятое так сплелось, так дополнило друг друга, что фигура выдающегося русского ученого Н. В. Тимофеева-Ресовского (1900—1981) давно уже стала легендарной. Имя его сегодня на слуху у всех образованных людей в России.

Одна часть предлагаемой вниманию читателей книги составлена из устных рассказов самого Николая Владимировича, другая — из его писем, из документальных и документированных свидетельств о жизни и деятельности этого замечательного человека.

ББК 84(2Рус=Рос)6 + 28.04

ISBN 5-86884-080-1

© «Согласие», 2000.

© Д. А. Гранин. Предисловие, 2000.

© С. Э. Шноль. Предисловие, 1995.

© В. И. Иванов. Предисловие, очерк, письма, комментарии, 2000.

© Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова (фонотека). Истории, 2000.

© М. А. Реформатская. Очерк, письма, комментарии, 2000.

© Н. А. Ляпунова. Письма, комментарии, 2000.

© Т. В. Пищикова. Очерк, 2000.

© Е. С. Саканян. Очерк, 2000.

© Т. И. Никишанова. Письма, 2000.

© Н. И. Дубровина. Составление, указатели, подбор фотографий, 2000.

© А. Л. Бондаренко.

Художественное оформление, 2000.

От составителя

Эта книга задумывалась как переиздание «Воспоминаний» Н. В. Тимофеева-Ресовского, переиздание, как водится, исправленное и дополненное. Вот только дополнения теперь занимают... две трети книги.

Для тех, кто не держал в руках «Воспоминания», которые называются здесь «Истории...», нужно сказать несколько слов. Эта книга не написана. Она рассказана. Основой ее стали магнитофонные записи сотрудников МГУ В. Д. Дувакина и М. В. Радзишевской, которые в течение пяти лет (1974—1978) регулярно ездили в Обнинск к Николаю Владимировичу. В отделе фонодокументов Научной библиотеки МГУ хранятся 37 кассет с их записями. Расшифрованные и скомпонованные в виде отдельных историй они два с лишним года (1991—1993) публиковались в журнале «Человек». Кроме того, в разные годы и в разной обстановке беседы с Н. В. записывали его друзья и коллеги. Часть этих записей из личных архивов Т. И. Никишановой, С. Э. Шноля и В. И. Иванова также использована при создании книги. Рассказы выстраивались в хронологическом порядке, тот же принцип сохранен и при делении на главы.

Комментарии к тексту «Историй...» составлены в основном М. А. Реформатской и В. И. Ивановым. Прокомментированные места в тексте отмечены звездочками.

Теперь о дополнениях. Главное, это, конечно, письма, хотя они — лишь малая толика из огромной переписки Тимофеевых-Ресовских. Большая их часть

здесь — из семейных архивов Н. А. Ляпуновой и Ю. Ф. Богданова, М. А. Реформатской, А. Н. Тимофеева и Т. И. Никишановой. Первые шесть писем из архива А. С. Серебровского были обнаружены и расшифрованы Н. В. Глотовым. Все комментарии к письмам сделаны Н. А. Ляпуновой, Ю. Ф. Богдановым, М. А. Реформатской и В. И. Ивановым. И в историях, и в письмах сохранены сознательные «неправильности» устной и письменной речи Н. В. и Е. А. Тимофеевых-Ресовских, стилистические особенности и устаревшее правописание. Исправлялись лишь случайные опiski и некоторые знаки препинания, если они затрудняли понимание. Небольшие сокращения в письмах отмечены отточиями в угловых скобках. Подчеркнутые автором слова выделены курсивом.

Вместе с историями письма составляют основную, автобиографическую часть книги. Это подлинный голос Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, *собственные истории о себе и о жизни* непревзойденного рассказчика.

Вторая часть — приложение — это *истории о нем, его родословная, очерки о его жизни*, основанные на документах и свидетельствах очевидцев. Таким образом, книга сложилась как биография, или, скорее, как материал для еще не написанной биографии ученого.

Фотографии отобраны из архивов А. Н. Тимофеева, В. И. Иванова, М. А. Реформатской, Н. А. Ляпуновой, С. Э. Шноля, А. П. Нахимова и Обнинского городского музея. Архивные документы собраны Т. В. Пишиковой. Огромную часть работы по расшифровке звучащих текстов и писем взяла на себя сотрудник отдела фонодокументов М. В. Радзишевская. Книга не состоялась бы без помощи сотрудников Научной библиотеки МГУ и многих других людей, кто знал и любил Николая Владимировича.

Даниил Гранин

Огромный человек

В предисловии обычно рассказывают об авторе книги и о том, почему ее надо читать, чем она хороша.

Здесь есть вступительное сердечное слово С. Шноля и статья В. Иванова про научные заслуги автора.

Предисловие мне показалось лишним. Тем не менее я его пишу.

Воспоминания Н. В. Тимофеева-Ресовского выходят вторым изданием. Я прочитал их вновь. Впечатление было настолько сильным, что мне захотелось кое-что рассказать читателям.

Не знаю, как будет дальше, но в конце нашего века книги стареют как никогда быстро. Меняются взгляды, оценки, интересы.

С этой книгой такого не произошло.

После моей повести о Зубре появились новые материалы о нем. К сочиненным героям годы ничего не добавляют, личность же историческая продолжает обрывать документами, сведениями. Научные работы Зубра живут, и энергично, биография его пополняется — такое впечатление, что он не отдаляется, а приближается к нам.

Книга эта не написана, она наговорена. Ни журналист, ни писатель не обрабатывали, не доводили ее текст. К счастью.

Зубр разглядывал свою жизнь с тем же вдумчивым интересом, как и прочие живые объекты своих исследований.

С. Шноль справедливо замечает, что Николай Владимирович был выдающимся рассказчиком. Я бы добавил, что его отличает не логика, не сюжеты, а — его повествование кажется сбивчивым — его ведут ассоциации.

Ассоциативность мышления составляет своеобразие его рассказов.

Говорят, стиль — это человек. Стиль Н.В. соответствует внутренней свободе его мышления, его поведения, его поступков.

Это был самый свободный человек, какого я встречал. И спустя годы он остается в памяти самым свободным и самым независимым.

Именно это раздражало критиков, когда вышла повесть «Зубр». Ее восприняли как вызов и справа и слева.

В то время нападки доставили мне много неприятностей.

Научные достижения Н.В. не интересовали вохровцев из «Нашего современника», «Молодой гвардии» и прочих отрядов казарменной идеологии. Возмущала личность Н.В., легкость, с какой он перешагивал через гитлеровский режим — и сталинский тоже, оставаясь всегда самим собою.

Упрекали за идеализацию героя, за согласие с его идеологией.

Да, я принимал его и принимаю его воспоминания: если любишь человека, то любишь его всего, со всеми его особенностями. Он, например, охотно вставал, когда исполняли гимн Советского Союза, и подпевал своим зычным голосом. Это был его принцип — законопослушность.

Личность не может складываться лишь из приятных нам черт, тогда это уже не Личность, и это уже не любовь, а изжога.

Книга «Истории...» не просто мемуары, она дает неизвестный доселе исторический материал для понимания XX века.

Тем более, что мы не имеем истории нынешней России.

Н.В. участвует в гражданской войне, воюет в банде анархистов, рассказывает о Москве двадцатых годов; мы видим становление генетики, Московский университет...

Приходит к власти Гитлер, а Н.В., оставаясь советским ученым, продолжает свои научные работы в Берлине.

Там, где Зубр,— там всегда центр исторических событий, там совершаются главные взлеты и падения, открытия и трагедии эпохи...

Обочина — не его местопребывание.

Вокруг него вертится история, вращается мир.

Таково удивительное свойство этой натуры.

Послевоенный ГУЛАГ, атомная физика — ничто не миновало его.

И обо всем этом рассказано совсем не так, как принято.

Кроме истории, это рассказы о том, как получается ученый — он сам. Процесс отнюдь не линейный. Получается не просто накоплением знаний, опыта, поисками закономерностей. Ученый — это не только ученый. Ученому помогает отнюдь не пресловутая одержимость. У Н.В. скорее все наоборот — ему необходима полнота жизни, огромный аппетит к ней. В нем не утихает озорство, лихость и энергия мысли.

Впрочем, у него все огромно — и зычный голос, умение и выпить, и пожрать, страсть к музыке, физическая мощь, огромна его память, его любовь к общению, к «трёпу».

Среди всех этих шумных, блестящих дарований, какими наделила его природа, было одно, что так ясно представлено в книге,— он любил размышлять.

То, чем так редко (его упрек!) заняты наши естественники.

Одним из результатов этих его занятий была простота изложения.

Самые сложные проблемы он излагал как нельзя просто.

Я давно заметил, что тот, кто хоть раз слышал выступления Н.В., запомнил его идеи если не навсегда, то надолго.

Он умел врезаться в память остротой простоты. Это сохранилось в книге — образность, его сочный язык и та доступность, что всегда отличала великих ученых.

Время утвердило его в коротком списке наших ученых мирового класса — таких, как Менделеев, Павлов, Вернадский, Сахаров...

Сюда можно добавить, но не убавить.

Со своими гениями Россия обращаться не умеет. При жизни Н.В. не получил ни звания академика (отечественного!), ни лауреатства — никаких наград, одни лишь шишки да синяки, лагерную пеллагру да ссылку. А между тем в его воспоминаниях

нет ни злобы, ни мрачности, ни оскорбленного чувства. Я же до сих пор ловлю себя на желании ткнуть носом в его всемирную славу тех партийных громил, что травили его в Обнинске в последние годы его жизни.

Чего стоит его «Слово о душе и духе», его замечания о Добре, о происхождении жизни на Земле. К его словам о душе стоит прислушаться, ибо это слова человека, который проник в сущность живого, может, глубже других. Равно как и к прочим его взглядам. Читая его вновь и вновь, поражаешься, как мудро и просто устроен мир.

И весело.

В его размышления всегда добавлена улыбка.

Книга «Истории...» — книга Мыслителя, чтение ее доставляет эстетическое наслаждение своей легкостью и глубиной, юмором, новизной и честным рассказом об этой огромной жизни огромного человека.

Владимир Иванов

К читателям этой книги

Милостивые государи и милостивые государыни! Вы открыли вышедшую вторым изданием книгу воспоминаний и размышлений Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, ученого и учителя, зоолога и генетика, биофизика и эколога (хоть он и недолюбливал это слово) — естествоиспытателя, натуралиста в самом широком, ныне почти забытом смысле этого слова, ученого, входившего в первый десяток крупнейших биологов XX столетия. Но он был еще и философом, знатоком и ценителем истории, искусств, православным русофилом и, в то же время, истинным интернационалистом; педантичным исследователем и одновременно разудалым, широкой души богатырем, веселым человеком, который был убежден, что даже самые глубокие научные изыскания должны делаться «ohne tierische Seriosität» — без звериной серьезности. Полностью прав Даниил Александрович Гранин, утверждая, что это был огромный человек.

Кем только не довелось быть Николаю Владимировичу за 80 лет своей жизни — барчуком и гимназистом, студентом и пастухом, грузчиком и научным работником, академиком полудюжины иностранных академий и узником ГУЛАГа. Хвалы и клеветы не обходили его стороной до конца дней. Даже после смерти ретивые правоведы из Прокуратуры СССР и их апологеты из литературных и журналистских кругов ухитри-

лись инкриминировать ему новые преступления против закона. Теперь неоднократные публикации гранинского «Зубра» на разных языках и в разных странах, фильмы Саканян, выход в свет воспоминаний его и о нем, издание избранных трудов, развитие его идей и исследований в его международном «незримом колледже» — все свидетельствует о его мировой известности и славе.

Сейчас загадочное пристрастие людей к круглым датам (в 1998 году состоялся вековой юбилей Елены Александровны, а в этом году предстоит 100-летие Николая Владимировича, включенное ЮНЕСКО в число замечательных дат года) подняло высокую новую волну интереса к их жизни и творчеству. Конечно, эта книга воспоминаний и размышлений Н.В. не претендует на научную строгость и глубину. Это, скорее, околонуточные сказы, застольные беседы, популярные лекции, обильно приправленные гротеском, иронией и самоиронией. К сожалению, при перенесении на бумагу они с неизбежностью утрачивают изрядную долю выразительности устной речи: среди талантов Н.В. был несомненный дар артиста — оратора и рассказчика. В письменной же версии эти сказы близки по жанру и стилю к повествованиям гоголевского Рудого Панька, многих персонажей Н.С.Лескова или В.М.Шукшина, которых, особенно Лескова, Николай Владимирович весьма и весьма жаловал. По аналогии с вышедшей когда-то с участием Николая Владимировича книжкой «Физики шутят» эту можно было бы в каком-то смысле назвать «Биологи тоже шутят».

Разумеется, никто не станет изучать по этой книге научные работы Н.В.Тимофеева-Ресовского. Для этой надобности им опубликована не одна сотня основательных трудов, занимающих более погонного метра плотно стоящих томов на моей книжной полке. Вместе с тем, книге нельзя отказать в определенной поучительности: крупный человек потому таковым и является, что даже самые, казалось бы, несерьезные и легкомысленные его рассуждения тем не менее «nicht ohne...» (не без...), как любил говаривать Николай Владимирович.

Новое издание воспоминаний Н.В. дополнено подборкой из его и Елены Александровны переписки с несколькими из множества их корреспондентов, а также приложением, статьи которого отчасти поясняют разбросанные по тексту воспоми-

наний и писем, порой не полно раскрытые сведения об истории рода Тимофеевых-Ресовских, об их жизненных перипетиях, научной работе и т. д.

Образ Елены Александровны, жены Николая Владимировича — Лёльки, присутствует в рассказах не на переднем плане. Так было и в жизни. Но Елена Александровна была верным ангелом-хранителем спутника всей своей жизни (более полувека они жили и работали вместе, почти не разлучаясь), и только ей был подвластен его буйный и не всегда беспристрастный нрав.

Мы с Татьяной Александровной благодарны судьбе, что она подарила нам четверть века повседневного рабочего и дружеского общения с незабвенными Еленой Александровной и Николаем Владимировичем Тимофеевыми-Ресовскими.

Симон Шноль

Парадокс Н. В.*

Собранные в этой книге рассказы Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского принадлежат к жанру художественных мемуаров, традиционных для нашей культуры. Специфика их — в особом звучании устного творчества, а Н. В. был выдающимся рассказчиком. Конечно, в записи, на бумаге утрачиваются многие живые оттенки, творящие чудо художественного воздействия, интонации, выразительные паузы, прекрасный тембр — артистический бас. Но остается яркий текст, неожиданные оценки, своеобразие мысли и просто множество интересных сведений о минувшем времени, замечательных людях, важных событиях.

В 1925 году в качестве ученика Н. К. Кольцова и С. С. Четверикова совсем еще молодой Тимофеев-Ресовский был приглашен на работу в Германию. Двадцать лет спустя, после падения Берлина, он вернулся на родину всемирно известным ученым. Вернулся, как предполагалось, для исследований в области радиационной генетики и разработки способов защиты от радиационной опасности. Но оказался в тюрьме и на каторге. Потом, все еще арестантом, руководил этими исследованиями в системе учреждений МВД и «вышел на поверхность» лишь в 1955 году. Вышел, не будучи непосредственным свидетелем прошедших

* Это одно из предисловий к первому изданию книги.

в СССР лет, сохранив в себе таким парадоксальным путем черты и традиции российской интеллигенции, созданные предшествующей более чем двухсотлетней историей нашей страны.

Первое его публичное выступление в Москве после освобождения состоялось по приглашению П. Л. Капицы на его знаменитом семинаре в Институте физических проблем, а потом в МГУ на 16-м этаже главного здания. Аудитории были переполнены — молва опережала события. А решиться пригласить опального ученого могли тогда только физики и математики. Биологи головы не поднимали — еще держалась власть Лысенко. Слова «ген» и «хромосома» произносить опасались. Признать публично, что ДНК (а не «живой белок») — вещество наследственности, — за это вполне можно было лишиться работы. И вдруг — знаменитый генетик.

Николая Владимировича слушали, как слушают истощенные узники человека с воли. Какой забытый русский язык! Риторические фигуры, логика, интонации, метафоры. А главное — свобода. Свобода и глубина мысли, оценок и суждений. Он, такой независимый и громогласный, прошел тюрьму, лагерь и «шарашку»? Какой парадокс! У меня возникло и на долгое время осталось ощущение ожившего ископаемого. Перед нами был человек России прежней, России до 1914 года. Впечатление это усиливалось год за годом, в течение всех последующих лет общения с Н. В.

Было удивительно, что он не просто знает своих предков с петровских времен, но живо представляет их облик и привычки, достоинства и странности, рассказывая о событиях XVIII—XIX веков как очевидец. И объясняет эту свою способность поздними браками и долгожительством предков. Но ясно — мало помнить рассказы. Нужно еще обладать особым художественным складом, даром рассказчика и сочинителя, особым вниманием к «историям». И не только к историям дедов. Поразительны его рассказы о профессорах Московского университета прошлого века, литераторах, художниках, ученых. Бесценны воспоминания о дореволюционной гимназии, гражданской войне, о своих друзьях и учителях, о жизни в Германии. Столько красок, такая живопись и самобытность, что хочется остановиться — не писать дальше, включить магнитофон и слушать, слушать...

Эрудиция Н. В. казалась неправдоподобной, касалось ли это западноевропейской или древнерусской живописи, музыки, литературы, хорового пения или оперных певцов. Неудивительно, что в молодости он колебался в выборе профессии — заниматься ли историей искусства или все же биологией. Неудивительно и то, что биология победила. Зато другие увлечения придали Н. В. ренессансную широту и универсальность.

Среди сохранившихся магнитофонных записей мне особенно дороги пленки с пением Николая Владимировича. Можно попытаться вообразить, как звучали голоса вечерами на берегу Москвы-реки, на Звенигородской биостанции, как пел он, оторванный от родины, в Германии, в лагере, как слушали его заключенные. Светлой июньской ночью у костра на Можайском море Н. В. пел старинные романсы и казачьи песни. Есть там одна, которую, как рассказывал Н. В., пели в конном строю при езде шагом. Ее слова — «Эх, Россия, мать Россия, мать Российская земля!». И все. И снова — «Эх, Россия...», постепенно убыстряя. Это, возможно, и есть главная песня Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского.

Н. В. сыграл выдающуюся роль в восстановлении истинной биологии в нашей стране. Выйдя на волю и переехав в Свердловск, он организовал недалеко от города Миасса летнюю биостанцию. Чрезвычайной красоты место — озера, скалы — Ильменский заповедник. Чистая поэзия. И тут же на берегу озера лаборатория — полная свобода для любых биологических исследований. Мечта и сказка! Слухи об этой сказке, где властвовал знаменитый, известный всему миру генетик, распространились быстро, и к Н. В. стали стекаться биологи, физики, химики, медики со всей страны.

Николай Владимирович уехал из России вскоре после окончания Московского университета. Особый дух и стиль российских студентов, независимость, увлеченность науками, некая буйность от избытка сил прекрасно чувствуются в его рассказах. Тридцать лет спустя он увидел таких же студентов. Это было время сразу после XX съезда, время «оттепели». Студенты весело встречали наступавшую, как тогда казалось, свободу. Они были активны и самостоятельны и с энтузиазмом признали доминантность Н. В. А он принял их. Миассовские школы-семинары стали, в сущности, первыми

школами по современной биологии и генетике в нашей стране после 1948 года.

Н. В. был неутомим. Он читал лекции и вместе с женой Еленой Александровной и сотрудниками биостанции проводил классический «дрозофильный» практикум. Приезжие выступали с докладами, которые непременно сопровождались, как бы это точнее выразить — «мощными», «зычными» и, уж конечно, неожиданными, глубокими и оригинальными комментариями Н. В. Его возражения, дополнения нередко задевали самолюбие докладчика, но обижаться долго не удавалось. Н. В. был бесспорным лидером в этом (как и в любом другом) обществе.

Трудно выделить главный научный труд Тимофеева-Ресовского. Мы часто забываем, что в основе всех, и особенно оригинальных, достижений человечества, лежит мысль. Исходная мысль — идея — обычно наименее заметная часть научного поиска, во всяком случае наименее материальная. Несколько слов на семинаре, реплика докладчику, а иногда и очень обидное замечание могут определить направление исследований на всю жизнь. В наше время почти не принято отмечать истоки идей, лежащих в основе развития науки. Но идейные истоки современной молекулярной биологии имеют самое непосредственное отношение к Н. В. Тимофееву-Ресовскому.

В Германии, Англии, Дании, США громогласный Н. В. излагал в лекциях, докладах, дискуссиях, на семинарах идеи своего высокоцитимого учителя Николая Константиновича Кольцова. И особенно матричный принцип передачи наследственной информации — эту, может быть, главную биологическую идею XX века, равную по значению идеям квантовой механики и теории строения ядра. С нее началась цепь замечательных открытий, закончившаяся открытием двойной спирали ДНК. В этой цепи Н. В. принадлежит не просто одно из звеньев. Ему принадлежит чрезвычайно важное развитие матричного принципа — представление о конвариантной редупликации, связывающее матричный механизм изменчивости и наследственности с теорией эволюции.

Принято называть главной его работу 30-х годов с К. Циммером и М. Дельбрюком в Германии по определению размера

гена. Она стала началом не только современной молекулярной генетики, но и радиобиологии. Не менее важны, очевидно, его труды по популяционной генетике, одни из первых в этой области. Или, может быть, биологические методы борьбы с радиоактивными загрязнениями и радиобиологические исследования, огромные по объему сделанного, но практически так и не востребованные даже после чернойбыльской катастрофы...

Ощущение значительности, необычности общения с Н. В. переживали многие. Очень хотелось сохранить его облик, суждения, рассказы. По-разному реализовывались эти стремления. Сотрудники Московского университета В. Д. Дувакин и М. В. Радзишевская в течение нескольких лет специально ездили в Обнинск с магнитофоном, и Н. В., однажды смирившись с этой «шпионской» машиной, рассказывал очередную историю. Я предпочитал записи в непринужденной обстановке, без предварительной подготовки — у костра, за столом в дружеской компании, на лекциях и дискуссиях. Повесть Д. А. Гранина «Зубр», появившись в «Новом мире», стала событием чрезвычайным. О Тимофееве-Ресовском рассказывает кинотрилогия Е. С. Саканян «Рядом с Зубром», «Охота на Зубра», «Герои и предатели». Тимофееву-Ресовскому посвящаются конференции и симпозиумы. Недавно появилась книга воспоминаний.

Настало время дать слово ему самому.

Истории

*«Это Вам не факт,
а истинное происшествие...»*

Разбойники, землепроходцы, адмиралы и другие предки

Родился я в 1900* году 7 сентября по старому стилю. У меня почему-то так и в паспорте 7 сентября осталось. Родился в Москве на Остоженке, во Всеволожском переулке*, в котором жили мои предки по материнской линии. Мать моя урожденная Всеволожская*. Это фамилия старинная — Рюриковичи. Одна из шести или семи фамилий Рюриковичей, доживших до XX века. По сути говоря, Всеволожские все родственники. Позже они разделились на две ветви — петербургскую и московскую. Московские Всеволожские иногда назывались поместными Всеволожскими, считались старшей ветвью и презирали немножко петербургских Всеволожских, потому что Всеволожские — петербургская ветвь — пошли служить Романовым, а это, по тогдашним понятиям, считалось ниже всеволожского достоинства.

Тимофеевы довольно сложного происхождения, более, по дворянской линии, молодого. Они стали калуцкими* дворянами лишь со времен Алексея Михайловича. Наши Тимофеевы, наша ветвь, были дворяне Калуцкой губернии, но в то же время они были донские казаки. И по бумагам, и по семейным преданиям происходит фамилия эта таким образом. У Степана Тимофеевича Разина, небезызвестного разбойника, был старший братец — Тимофей Тимофеевич Разин. А у этого брата был в свою очередь старший сын, опять же Тимофей Тимофеевич Разин. И он

ходил у Степана Тимофеевича в каких-то податаманьях, ну, в каком-то невысоком чине. Когда Степана Тимофеевича Разина благополучно пымали и четвертовали, этот Тимофейка со своими казаками драпанул по теперешнему в юго-западную Сибирь и завоевал там какие-то пустопорожные земли. Что было, наверное, немудрено. Все-таки разинские казаки сражаться умели. Их хоть было немного, но они били и царские войска, и, конечно, им нехитро было побить и этих самых башибузуков тамошних.

А потом он предложил очень современный метод. Основной метод советской внешней торговли — товарообман. Он написал тишайшему царю Алексею Михайловичу, что, мол, я тебе, царь-батюшка, эти свои завоеванные пустопорожные земли под державу твою, а ты мне (я уж не помню, как он выражался, то, что мы сейчас называем репатриацией) учини репатриацию, разреши вернуться домой, в Россию. Ему не только разрешили вернуться домой, но сделали калужским воеводою.

А от этого произошла такая штукавина — мы числились одновременно и донскими казаками вплоть до моего поколения. Надел какой-то там имели, землишки немножко. И служить должны были в казацких войсках. Что для ближайших моих пяти-шести поколений предков, а они были в основном уже интеллигенты, городские люди, инженерá и прочее, было, конечно, неудобно. Ведь казаки были территориальное войско. Всех русских призывали просто на военную службу, когда время приходило, ну, когда была установлена всеобщая повинность. Они приходили, и их дальше ничего не касалось, с ними обращались, как с товаром. Посылали, куда надо, обмундировывали, вооружали, дрессировали и т.д. А казак должен был, когда время приходило, явиться со своим конем, своей амуничкой, со всем своим в свой полк, потому что казак рождался в своем полку. Во! И это, конечно, какому-нибудь москвачу, или петербуржцу, или киевлянину, или какому-нибудь иному горожанину было довольно муторно. Ну, были, конечно, всякие обходные маневры, можно было этого как-то избежать, но неудобно было.

Так вот. Пошла отсюда фамилия Тимофеевых, дворян Калужской губернии, записанных в шестой книге*, все чин чином. А в конце XVIII века, вот не помню, при матушке ли Екатерине или при Павле, ейном сынишке, проживал в Калужской губернии неподалеку от Тимофеевых какой-то мелкопоместный дворянчик Ресовский. Как раз на реке Ресе, которая впадает в Угру, а Угра в Оку, а Ока в Волгу, а Волга, как известно, пока еще впадает в Каспийское море. Собственно, правильнее было бы произносить Рёсовские. Но потом горожане пересобачили это немножко на польский манер — Ресóвские. А, собственно, по-русски-то Рёсовские — от реки Ресы*.

И этот Ресовский оказался последним в роде. У него не было ни одного сына, а были три девки. И он поставил условие при женитьбе и подал на высочайшее имя прошение... Тогда, значит, и прицепили моему пращуре «Ресовского». И с тех пор пошла двойная фамилия у старшего в роде*. Мой отец был старшим в своем поколении, был Тимофеев-Ресовский. Мой дядя, его младший брат, был Тимофеев, и все его сыновья были Тимофеевы. А я старший сын старшего в том поколении моего отца — Тимофеев-Ресовский, а мои братья были Тимофеевы. Теперь уже все померли. Я — старший — жив, а все младшие уже померли. Так что я последний в роду Тимофеев-Ресовский. Старший сын мой погиб в немецком концлагере. Он был Тимофеев-Ресовский. А младший жив, он Тимофеев. И это не традиция, это закон такой был.

Тимофеевы, так же как и Всеволожские, те, из которых складывались мои предки по отцовской и материнской линии, были, в основном, жителями Калуцкой губернии. У Всеволожских были имения и в других местах, в Симбирской губернии и еще где-то, но последние поколения жили в Калужской губернии. И я в значительной мере вырос в Калужской губернии. Во времена моего детства чаще всего мы проводили лето на границе Мещовского и Массальского уездов Калужской губернии, в именице Конёцполье или Конецпóлье, по-раз-

ному произносилось. Невдалеке, верстах, наверное, в осьмнадцать-двадцати от Концеполья было именье Тимофеевых, но совершенно запущенное, там давно уже никто не жил, а был такой хутор небольшой; Аксютино, Хиштутино тож, называлось оно. Но жили мы всегда в Концеполье, в имении Всеволожских.

Отец мой был довольно занятым человеком. Он окончил Петербургский университет, физико-математический факультет, математиком и астрофизиком. Был оставлен при университете. Поехал собирать материал для магистерской диссертации на какие-то там астрономические противостояния или на какую-то иную ерунду, в мире происходящую, вернулся... Диссертацию-то он защитил, но пришел в ужас от состояния земной поверхности в пределах нашего Отечества и решил: чего там небом заниматься, когда земля в полном дезордере — никаких средств сообщения и сплошное неудобство. И поступил в тогда только что реорганизованный бывший Военно-инженерный институт, который стал знаменитым Петербургским институтом инженеров путей сообщения, который закончил, сколько помнится, в два года, потому что ему почти все физические и механические дисциплины были зачтены. И с тех пор всю жизнь проработал инженером путей сообщения, чистым строителем. Он только строил железные дороги и никогда не работал на эксплуатации. Построил он в бывшей Российской империи около 15000 верст железных дорог и был крупным инженером-путейцем, создавшим своего рода практическую школу инженеров.

Первая его самостоятельная дорога была первым выходом в Сибирь: Екатеринбург — Тюмень. Сперва ведь предполагался более северный Великий Сибирский путь, а потом пустили южнее: Челябинка — Новониколаевск и т.д. А потом соединились эта северная ветка и южная ветка. И так как это было связано с преодолением некоего жульничества, которое при постройке этой железной дороги, при проектировании, было вскрыто... Действительно, там нажульничано было — ужас, поставщики там и всякая такая штука... И был объявлен конкурс на реальный план и

смету этой дороги. Этот конкурс совсем еще молодым инженером выиграл мой отец...

А прославился он в свое время, главным образом, этими «пустяковыми» дорогами. В Заволжье есть два соленых озера — Эльтон и Баскунчак. До сих пор они являются мощными поставщиками соли на Россию. А кроме того, эта соль и экспортировалась широко у нас. А подвозить ее к Волге было трудно, потому что в пустыне эти озера. На верблюдах караванами везли на берег Волги, там грузили на суда, на баржи и курсировали вниз или вверх по Волге, смотря по тому, куда дальше направлялась эта соль. И вот решили очень правильно: соорудить небольшую железную дорогу, соединяющую Эльтон и Баскунчак с Волгой. По тем временам, это был, по-моему, конец 70-х годов или самое начало 80-х, это была какая-то чрезвычайная техническая новинка, потому что полностью нормально функционировавшая железная дорога была проложена по чистой голой пустыне без капли пресной воды. Одним словом, какие-то были преодолены технические трудности, специфические для пустынных мест. И это послужило основой для прокладки Закаспийской железной дороги. Потом, в 90-е годы, была проложена от Красноводска на Каспийском море до Ташкента Южно-Туркестанская железная дорога.

А главное, в 90-е годы отца англичане и французы пригласили строить Северо-Сахарскую дорогу, соединившую Атлантический и Индийский океаны в известной степени, значит, Марокко, Алжир, Тунис, Египет и с выходом до Красного моря, что ли. Ну, и теперь эта дорога существует и процветает. Она должна была проходить, собственно, по северной окраине пустыни Сахары. Ну, отца пригласили туда, он все там осмотрел и отказался, потому что, говорит, с нашими ворами и прохвостами я воевать выучился, изучил все повадки поставщиков и такой шушеры, а с вашими, иностранными, заново учиться не намерен. И поэтому предложил свои услуги только в качестве консультанта. Консультантом — пожалуйста. Я ни за что отвечать не буду. А главным инженером-строителем быть не желаю, потому что можно

влипнуть в какую-нибудь Панаму. Нет, Панама позже произошла. Панама — это уже начало XX века, Панамский канал, после чего в поговорку вошло — Панама в качестве крупного жульничества. Ну вот, и он там три года проболтался, в Африке, консультантом. Очень интересную жизнь вел, охотился на львов, слонов, бегемотов, носорогов, жирафов, газелей, даже гну. Очень было интересное, конечно, время. У нас дома после него остались интереснейшие альбомы, фотографии и всякая такая штука. Все это уже погибло.

Самая в свое время технически совершенная дорога, построенная им, была Полоцк — Седлец. Благодаря этой дороге прошла нормально, неожиданно нормально, военная мобилизация в 14 году, в начале первой мировой войны. Немцы надеялись, что русские не смогут провести мобилизацию в должные сроки, потому что пропускной способности дорог, идущих на запад, недостаточно, а вот пропускная способность дороги Полоцк — Седлец была до последних времен почти рекордной и по тогдашним временам во много превышала среднюю пропускную способность. А в Киеве он последнюю строил дорогу: Одесса — Бахмач, на которой и помер. Он скончался молодым человеком, 63 лет, на 64 году жизни*, на Рождество 13 года.

Бабушка моя, Всеволожская, была замечательная барыня. Жена брата адмирала, деда моего — Всеволожского. Она родилась в 1824 году*, а умерла в 1919 году в Москве. И умерла исключительно по вине, я бы сказал, советской власти и разрухи. Потому что в Москве было холодно, голодно и никакого транспорта. А старушка привыкла не пропускать премьер в Большом театре. Значит, по вине не столько советской власти в целом, сколько Большого театра: нечего было лезть в такое время с премьерами. Поставил Большой театр какую-то премьеру, и бабушка на 96 году жизни поползла с сестрицей из Никольского переулка (ныне Плотников переулок на Арбате близ Смоленского рынка, дом 6, квартира 5) пешочком в Большой театр. Ну, добрались благополучно, прослушали премьеру. Не понравилась ей премьеры. Притопала обратно. На следующий день уже

не встала и от старческого воспаления легких померла через три дня. А тогда был у нас в приходе Успенья на Могильцах, в Мертвом переулке, священник старенький. И когда он пришел ее соборовать, что-то там перепутал, а бабушка-то все каноны церковные знала, она ему слабым голосом, уже умирая, сказала: «Вот ты тут, батюшка, перепутал, не так надо соборовать». Батюшки ее «выкали», а она их «тыкала».

Была она двоюродная сестра, старшая, Кропоткина. Когда в 17 году Кропоткин вернулся в Москву*, я несколько раз с бабушкой у него бывал. У них были отношения такие: она его «тыкала» и звала «Петя», а он ее «выкал» и звал «Софья Васильевна». Он очень милый старик был. Я тогда, что там, шибздик был, студент-первокурсник или что-то в этом роде, может, второго курса, спорил с ним немного по части дарвинизма. Но мы очень быстро договорились. Обыкновенно изображают критики всякие его книжку знаменитую* «Взаимопомощь как фактор борьбы за существование» в качестве антидарвинистической. Чепуха это! Продарвинистическая книжка, где очень талантливо выражена простая мысль, что взаимопомощь в пределах вида является таким же положительным фактором в борьбе за существование, как и всякое другое положительное явление. А я тогда увлекался всякой географией, исторической географией, биологией. А он ведь, собственно, был основателем современных учений геологических о ледниковом периоде*. И, кроме того, как географ он создал первую наметку правильной геоморфологической карты Северо-Восточной Азии*.

Надо сказать, что у меня в родословной последних поколений одна существенная, по-моему, особенность: мои ближайшие предки и с материнской и с отцовской стороны очень поздно женились и выходили замуж. Обе мои бабушки и с отцовской и с материнской стороны родились в предпоследний год царствования Александра I, в 1824 году. А бабушка, при которой я, собственно, вырос, Всеволожская, мать моей матери, умерла при Ленине, 95 лет отроду. Так что для меня, в отличие от моих сверстников, XIX век не был историей.

Усугубилась моя близость с XIX веком тем, что как раз в Концеполье Калужской губернии, в именнице моего деда Всеволожского, жили на покое три старых человека: бывший повар, бывший звонарь и церковный сторож и бывший садовник. Они еще моим дедом были, так сказать, переведены на пенсию. Дед для них три таких домика, хуторка, построил на усадьбе, и они там жили. Жили и жили. И умерли все в начале первой мировой войны, в 14-15 годах. Один, самый младший, в возрасте 110 лет, второй — что-то 113 или 114, а старшему было 116 лет. Все трое вывозились в Москву в 1912 году на столетие Отечественной войны и получили какие-то бронзовые медали в память 12 года* с текстом: «Не нам, не нам, а имени Твоему!» Что это значило, я так никогда и не мог выяснить. А так как я был старшим в своем поколении, то они очень меня любили, эти три старца, и я, сколько себя помню, по крайней мере пару раз в неделю должен был в послеобеденное время пить с ними чай.

Они по очереди в хорошую погоду друг у друга собирались в садике, совместно пили чай, который им готовила, с моей точки зрения, старушка, а с их точки зрения, Надька, Надежда, которой тогда уже было далеко за 80, но для них она была девчонка, конечно, потому что, когда они были уже взрослые мужики, она еще голопузая бегала. Она была нянькой моей матери, тоже уже жила на покое. Так вот эта Надежда, три старца и я с ними часто пили послеобеденный чай, и я слушал их рассказы, воспоминания, начиная с наполеоновских времен. И для меня это была не история, а современность. Я это потом очень резко ощущал в гимназии среди своих товарищей по классу. Для моих сверстников XIX век был историей. Ну, конечно, не так, как у теперешней молодежи, для которой что время японской войны, что Ивана Грозного, примерно одно и то же — давно прошедшие времена. Сейчас, к сожалению, дети, молодежь теряют историческую перспективу и ощущение времени. Так же, как из-за плохого преподавания географии теряют и ощущение пространства в значительной мере. В наше время этого, конечно, не было, но

все-таки для моих товарищей XIX век — это была история по Платонову*, а для меня — нет. Для меня — воспоминания вот этих старичков.

Теперь мне хочется вспомнить несколько чудаков из моих предков, как по материнской, так и по отцовской линии, живших в осмнадцатом веке. Один из них был Всеволожский. Всеволожские — это древняя русская фамилия, никогда не выплывавшая, так сказать, в большие воды на самый верх, но иногда процветавшая, потом пару столетий перестававшая процветать и бедневшая, потом опять богатевшая. Вот одной из невест Грозного* была Всеволожская, которую отравили или что-то с ней сделали, вроде как с «царской невестой» в опере Римского-Корсакова.

Но особенно интересен был чудаки в осмнадцатом веке. Он родился в конце XVII века. Молодым человеком Петр I его послал в Париж изучать военные и строительные науки. Петр посылал тогда целый ряд молодых людей обучаться там военному делу, гражданскому строительству и всякое такое. Потом Петр помер, как известно, вытаскивая из воды матросов, простудился. Потом правила Екатерина недолго, его вдовица. Все шло хорошо с Всеволожским. Он был богатый человек. В Петербурге построил себе богатый дом, со чады и домочадцы и всякая такая штука. Но потом появилась Анна Иоанновна со своим Бироном. А Бирон старался русских, по возможности, отправлять ускоренными темпами на тот свет. И вовремя Всеволожскому донесли, что на него предполагается в ближайшие дни, нет, не покушение, а просто ночной арест целым взводом солдат тайной канцелярии и в тайную канцелярию его препроводят. А оттуда выход был очень труден. Он тогда сразу же (он, наверное, и раньше знал: многое было подготовлено) со чады и домочадцы, бросив все, драпанул в неизвестном направлении на всей своей лошадиной тяге. И исчез.

Оказалось, что у Всеволожских были какие-то совершенно дикие земли в Нижнем Заволжье, так сказать, на границе с тогдашними киргиз-кайсацкими ордами. И вот туда он драпанул. А так как он был очень хороший чело-

век, по-видимому, и хороший барин, то из всех его имений и именьяц стали драпать к нему мужики. Тем более, что Бирон реквизирует все имения Всеволожских. Вот в этих заволжских землях он и обосновался в качестве независимого такого князька. Вел он жизнь занятную. Народу у него собралось достаточно. Постепенно там образовалось такое маленькое государство вне государства. И он поставил себе целью обезопасить торговые пути из России в Бухару, в Хиву и вообще в Среднюю Азию, которые тогда грабили различные хивинцы, кокандцы, всякие полубесхозные и полудикие среднеазиатские полукочевники и разбойники. Значит, он со своими казаками сражался с этими среднеазиатцами.

А для души у него было другое занятное занятие. Когда он узнавал, что на Волге где-нибудь сажали комендантом, или губернатором, или еще каким-нибудь начальником в каком-нибудь городе немца, он со своими казаками город сей брал штурмом, этого немца сек публично на городской площади и с великим срамом отпускал на все четыре стороны, а сам смывался обратно. Власти как-то его просмотрели: и изящная Елисавет, севшая потом на престол, и матушка Екатерина. Досидел он там до десятого десятка, 90 лет пережил, во всяком случае. И кончил тоже очень чудно. Был ранен тяжело в бою с какими-то бухарцами, туркменами, хивинцами далеко от дому, за несколько сот верст. Но верхом, поддерживаемый своими конниками, доехал живым до дому и дома помер. И приказал похоронить себя в очень красивом месте. Там, в Заволжье, протекают и до сих пор никуда не впадающие реки, Большой и Малый Узень*, в пески уходят. Вот в овраге, по которому Малый Узень протекал, и была, по-видимому, усадьба этого самого Всеволожского. На его склоне, в очень красивом месте, он и велел себя похоронить.

Сперва мой дед, потом бабка разыскивали это место и нашли. В 1911 году я вместе с бабушкой ездил туда уже конкретно разыскивать могилу эту. И нашли камень, на котором тогдашним языком было высечено, что «здесь покоится Иван Васильев Всеволожский, кой по проис-

кам прохвоста курляндского Бирона принужден был бежать из Санкт-Петербурга, осел в здешних местах, всю жизнь сражался с хивинцами и охранял торговые караваны. Смертельно будучи ранен в бою с хивинцами, скончался волею Божьей, прибыв домой...» Я уж забыл когда. И бабушка поставила там простенькую ограду вокруг памятника.

Еще одним чудачком из Всеволожских был младший брат моего деда, которого я еще застал и хорошо знал. Брат моего деда был морским офицером и всю свою жизнь прожил старым холостяком. Он отличился в турецкую кампанию 77-78 годов на Кавказе и на Черном море. Он на Черном море успешно применил брандеры против турецкого флота, тогда в основном еще деревянного. Брандер — это лодка парусная небольшая, очень ходкая, к длинному бушприту которой впереди присобачена была бомба. Два добровольца — один офицер и один матрос, по положению, — садились в эту лодку при попутном ветре и, подыскивая подходящие условия, разгонялись полным ходом против неприятельского корабля, который по ним палил с переменным успехом. Но они обыкновенно успевали боднуть его в бок этой бомбой. Это было главное дело — боднуть его бомбой, которая взрывалась и разбивала корабль.

Это не всегда кончалось смертью добровольцев. Заблаговременно они выскакивали в море и вплавь старались спастись. Так произошло и с этим моим внучатым дядюшкой, братом моего деда. Повезло им очень. Он и матрос умудрились взорвать таким образом флагманский линейный турецкий корабль. А сами сиганули, значит, в море, до взрыва еще. Это было недалеко от берега пустынного. Они выбрались на какую-то косу и, в общем, спаслись. За это моего внучатого дядюшку наградили, по преданию, золотым Георгиевским оружием, и солдатским Георгиевским крестом, и офицерским Георгием IV степени, белый крестик такой. Ну, и Георгиевским крестом, конечно, матроса, который с ним был. После этого мой дядюшка очень быстро карьеру начал делать. Тогда он был не то капитаном II ранга, не то ка-

питан-лейтенантом, а потом сразу сделался капитаном I ранга, потом контр-адмиралом, вице-адмиралом и, наконец, полным адмиралом и вышел в отставку.

Был он знаменит вот еще чем. В конце XIX века, в 80-е годы, будучи уже вице-адмиралом или полным адмиралом, он со своей учебной флотилией находился в Средиземном море в учебном плавании. Шли они от порта к порту, останавливались, потом шли к следующему порту. И так доехали до Тулона. А недалеко от Тулона, во-первых, Ницца, а во-вторых, Монте-Карло. И он решил попробовать игрануть. Считался он человеком бедным по тем временам, никаких капиталов у него не было. Жалование, конечно, адмиральское. Но адмиральское жалование не делало человека богатым. Адмирал получал какие-то пять-шесть тысяч в год. Ведь и министерские жалования в царское время были не очень высокими. Вот инженеры-строители, мой отец, например, двойное министерское жалование получал, двадцать четыре тысячи в год. Это, действительно, человек делался богатым. Профессор Московского университета, ординарный профессор, получал, по-моему, пять или четыре с половиной в год.

Так вот, он отправился, значит, в Монте-Карло, взял с собой какое-то количество золотых двадцатифранковых и десятифранковых монет и решил их проиграть. Он не был игроком и вообще никакого вкуса к игре не чувствовал, но никак не мог долгое время проиграть эти свои франки. А потом вдруг пошло, и пошло, и пошло. И с ним приключилась довольно редкая история: он сорвал банк в Монте-Карло. Сорвать банк — это значило выиграть какую-то очень большую сумму, не помню — три миллиона или пять миллионов франков. Одним словом, на этот день банк прекращал платежи, до следующего дня закрывалась вся эта игорная музыка. Ну, выплатили ему эти деньги. Он послал длинную телеграмму братцу своему, моему дедушке: «Присмотри недалеко от Конецполя, я помню, есть хорошее имение, я любые деньги заплачу...»

Написал и отправил, к счастью, по телеграфу несколько тысяч франков на срочные нужды по именицу

деду моему, своему брату, у которого он обыкновенно жил во времена отпуска и когда делать было нечего. И поехал дальше со своей эскадрой, от порта к порту. Был он не пьяница, так выпить мог, конечно. Какой же моряк не пьет. Но, вообще, он был не игрок, не пьяница, не кутила. Но, приезжая в порт, он открывал рестораны для местного населения на день, на два, кое-где даже на три. То есть все могли пить, есть, а расплачивался он. А самое замечательное, что из Константинополя он своему брату послал телеграмму: «Пришли 100 рублей на обратную дорогу». Умудрился все эти миллионы оставить в Средиземном море.

Я еще помню, когда гимназистом вместе с родителями до первой мировой войны за границу ездил, мы проехали по целому ряду портов и городов по берегам Средиземного моря, и по африканским, и по европейским. И вот начиная с итальянских портов, с Неаполя, потом Палермо, затем... Вот, Господи, куда перенесены мощи Николая Угодника? В Бари, на Адриатическом побережье Италии. Мы специально ездили посмотреть на мощи моего патрона, потому что дед мой Всеволожский Николай Васильевич был. Тоже Николай. Мамаша — Надежда Николаевна. Она хотела потом рассказать своему отцу, что она побывала у его патрона, а он и мой, кстати. И вообще очень уважаемый нами всеми святой, потому что самый занятой и рабочий святой. Он всеми ведает: и рыбаками, и охотниками, и учеными, между прочим, и лесным делом заведует. И скотами бессловесными, путешественниками, географами и всякой такой публикой. Очень занятой святой. Так вот, мы слышали разговоры... это было, значит, до первой мировой войны, через 12—15 лет после поездки этого моего внучатого деда. Население этих городов рассказывало, как *il conte russo* — русский граф, значит, открывал, оказывается, народишку на три дня ресторации, траттории, во всех этих портовых городах. Таким образом, действительно, можно несколько миллионов просадить. Так что, был человек!

Он вышел в отставку полным адмиралом. Это Высокопревосходительство, редкий чин. Полных адмиралов,

так же как фельдмаршалов, в России было очень мало. На 25 лет — один. И жил у деда в имении, в Конецполье. И с ним жил вот тот выживший с ним матрос, который тоже вышел в отставку, когда вышел в отставку адмирал-то его, и остался у него в качестве чего-то среднего между другом, приятелем, камердинером, мастером на все руки и всякая такая штука. Очень симпатичный старик был, лет на 15–20 моложе своего шефа. Я тогда адмирала помню, когда ему уже свыше 80-ти было. Он говорил, что когда состарится, а 85 лет — довольно жизни, то застрелится из своего нагана. Он деду сказал только: «Ты знаешь, чтобы меня не с собаками зарыли, а похоронили по-православному, ты уж сжульничай, подмажь там каких-то земских врачей, чтоб признали временное помешательство». Так все это и произошло в 1906 или 1907 году, через несколько недель после того, как он отпраздновал свое 85-летие.

А до того — это тоже было на моей памяти — произошло следующее. Дед мой, конечно, в земстве работал по мере сил. Земские всякие деятели собирались обыкновенно у него, он был по возрасту старший, ему было тогда далеко за 80 лет. И этот адмирал из своих апартаментов иногда слышал, как в малом зале эти земцы орали, кричали, спорили.

Тогда самое острое дело в Калужской губернии было следующее. Посадили туда какого-то страшно неприятного губернатора из немцев прибалтийских. Такого сухого немца, крайне реакционного, который земским деятелям пакостил, где только мог. А они тогда добивались организации ветпунктов по-теперешнему — ветеринарных точек, как тогда называлось, для предупреждения и лечения всяких эпизоотий и т.п. А губернатор им чинил препятствия.

Этот адмирал все слушал, слушал и однажды приходит на собрание к земцам и говорит: «Вы, господа, все чужь какую-то городите, не умеете совершенно действовать. Поручите мне, я вам через некоторое время подписанное губернатором разрешение привезу». Велел заложить большую карету четвериком с кучером. Кучера в

парадную кучерскую форму облечь, а сам с этим своим бывшим матросом парадные мундиры надели. Матрос — свой боцманский, а адмирал — адмиральский мундир со всеми орденами и прочими регалиями и оружием золотым георгиевским. И в карету велел посадить полдюжины овец. И поехал в Калугу.

Рано утром выехали. До Калуги примерно километров 50 будет, на четверике они пять часов примерно ехали. При въезде в Калугу бывший боцман стал на запятки. Подкатили они к губернаторскому дому. Соскочил с запяток боцман в парадной форме, открыл дверцу, вышел полный адмирал во всех регалиях, Его Высокопревосходительство. Полная ажитация! Выскочил на крыльцо камердинер губернаторский. Двери распахнулись, Его Высокопревосходительство вошло в переднюю. Там ожидал уже губернатор с протянутой рукой, бросившись встречать Его Высокопревосходительство. Его Высокопревосходительство не заметило протянутой руки и заявило кратко: «Я к тебе по делу». А губернатор как назло был даже не действительным статским советником, а только по должности превосходительством, а по чину — статским советником, высокородием. «Я к тебе по делу. Я вот от земцев слышал, что ты чинишь препятствия к организации ветеринарных пунктов в губернии. Конечно, земцы тебя победят в конце концов, но мне ждать некогда, я шесть своих овец привез к тебе. Лечи. Запрещаешь ветпункты открывать — лечи сам». И говорит своему матросу: «Ну-ка, выводи их». И тот стал одну за другой выгружать из кареты этих овец. Ну, губернатор тут начал заикаться: «Ваше Высокопревосходительство, меня неправильно поняли». — «А ежели неправильно поняли, так возьми своего делопроизводителя, и пусть напишет бумагу, что все в порядке. Пусть открывают свои ветпункты, когда хотят, где хотят и могут». — «Да, конечно, я всегда готов и рад».

И действительно, тут все было мобилизовано. Через полчаса подписанная и вице-губернатором и губернатором бумага с разрешением была получена. После чего Его Высокопревосходительство заехало в какой-то калуж-

ский ресторан, там они с боцманом пообедали и отправились обратно. Значит, за сутки проделали сто верст. А ему было за 80.

Теперь часто люди устают от езды. Я вот от езды не устаю, потому что всегда уверяю, что это машина может устать, а я сижу, еду, чего мне уставать. И в электричке я не устаю, ежели сидячее место. Сажу себе и еду. А она пыхтит.

В те же времена, в XVIII веке, с отцовской стороны был занятный Тимофеев. Он был моим... дед... прадед... прапрадед... Моим прапрадедом он был, пожалуй. Его, как и Всеволожского, Петр I отправил за границу учиться каким-то наукам, кажется, землемерию и геодезии. Вернувшись, он всю жизнь протрубил, в сущности, землепроходцем. С частями казаков ходил на освоение восточносибирских, камчатских земель. Но чудак был презрядный. Он очень интересовался всякими науками, путешествиями и сам что-то такое придумывал в области физической географии и смежных дисциплин. Старым уже человеком, лет под 75, он в чине бригадира вышел в отставку и поселился в своем маленьком имении в Калужской губернии, Аксютино, Хишутино тож. И продолжал заниматься последней заинтересовавшей его проблемой — проблемой Гольфстрима.

Надо сказать, что он собрал замечательную библиотеку на английском, немецком, голландском и испанском языках, не считая русского. Часть ее до самой революции сохранялась уже в имении Всеволожских Коцепполье. Главным образом книги XVII, XVIII века из области географии, путешествий, описаний народов, природоведения в широком смысле слова, минералогии, зоологии, ботаники. И вот, в различных источниках, преимущественно иностранных, он собрал сведения о дебите этого самого Гольфстрима, то есть сколько Гольфстрим несет вначале вод и куда они деваются. И пришел к заключению, что известные уже в ту пору три основных северных, северо-восточных конечных ветвей Гольфстрима, так сказать, не покрывают весь приход теплой воды. И что должно быть еще какое-то

ответвление у Гольфстрима, уходящее куда-то на север между Шпицбергом и Новой Землей (Шпицберген тогда назывался Грумант) или на восток от Груманта. Ну, в районе того, что мы сейчас знаем под именем Земли Франца-Иосифа. И что, если там есть острова, а почему бы им там не быть, там должен быть вполне приличный климат. Теплые острова. Вот он развил эту гипотезу теплых островов и решил проверить ее.

Было это примерно в 70-е годы XVIII века. Заложил он свое именье, что мог, попродавал, кликнул своих казачков, кто помоложе. К нему собралось более полусотни казаков. Они отправились в Архангельск. Он снарядил там три шняки каких-то. И отправились они в арктическую экспедицию мерить Гольфстрим и открывать теплые острова. И пропали. А через шесть лет он и почти все казаки (погибло очень немного) вернулись со славой из турецкого плена.

Оказывается, с ними произошли следующие приключения. Ехали они помаленьку на север к кромке полярных льдов, проделывали посильные промеры температуры и мощности потоков Гольфстрима. Пращур мой, по-видимому, убедился в том, что был неправ и что, в общем-то, никаких неучтенных потоков Гольфстрима нету. Так добрались они почти до Груманта, где их подхватили штормы и вынесли в Северную Атлантику. Через некоторое время их выбросило на берега Нормандии или Бретани во Франции. Ну, несколько человек потонуло, но почти все вылезли на скалы французские и отправились в Париж. Там, вместо того, чтобы через российского посланника возвратиться домой, пращур вспомнил второе свое хобби географическое — он всегда интересовался Северной Африкой. А французы в те времена начали пробовать коммерчески осваивать теперешние Марокко, Алжир, Тунис — северо-западную Африку. Атласские горы были тогда населены дикими племенами, и туда европейцы практически не проникали. Пращур мой сговорился с какими-то французскими коммерсантами, что он примет участие в их экспедициях в качестве, так сказать, военного конвоя и ученой части.

Так и получилось. Они отправились в пределы теперешнего Марокко, углубились туда и, конечно, наткнулись на всяких марокканцев и прочих диких людей. Их били, били, гнали и где-то в Атласских горах в конце концов всех забрали в плен. Французских коммерсантов частью порешили, а казачков-то во главе с моим пращуром просто забрали в рабство. И помаленьку стали продавать все дальше и дальше на восток, покуда все они не оказались на рабском рынке в Александрии египетской. Там они в качестве рабов на этом рынке содержались. Пращур мой и его казаки, однако, каким-то образом завязали связи с единоверными греками, коих в Александрии египетской было много, целая греческая слобода. И греки — этого уж фамильное предание не упоминает — то ли выкрадывали, то ли выкупали этих рабов помаленьку, одного за другим. Одним из первых выкупили моего пращура, старика, он по дешевке шел, ему уже под 80 было.

В конце концов единоверные греки вместе с моим пращуром уже всех казачков, около полусотни, значит, выкупили, освободили из рабства. Жили они там у греков и увидели в один прекрасный день великолепную бригантину или фрегат турецкий военный, стоящий в гавани мирно, отдыхающий. Команда вся на берегу наслаждалась жизнью, а на военном судне были только часовые. Тогда они вместе с несколькими единоверными греками темной безлунной ночью на лодках подплыли к турецкому кораблю, влезли на борт, часовых скинули в море, подняли паруса и ушли на этом турецком корабле в море.

Проделали они это потому, что узнали в Александрии, что матушка Екатерина находится в состоянии очередной войны с Турецкой Портой, то есть была какая-то очередная русско-турецкая война. И они стали каперствовать. В те времена можно было каперствовать. Каперы — это были частные суда, которые принимали участие в военных действиях на одной из воюющих сторон. Из награбленного вражеского имущества определенный процент сдавался воюющей стороне, а остальное остава-

лось, значит, в пользу капера. Так они около двух лет прокаперствовали в Эгейском море, война шла, по-видимому. Они особенно этим не интересовались. Судно оказалось очень удачным, крайне быстроходным, для каперства как раз очень подходящим. Команда, эти землепроходцы-то, всякого повидали. Им покаперствовать в теплом море... Да еще с ними были единоверные греки, природные моряки. Так что все это было хорошо устроено, пока они не напоролись на превосходящие силы турецкого флота. Были окружены. После легкой перестрелки утоплен был их фрегат, но почти никто не был убит. Выловили их из теплой воды эгейской и взяли уже не в рабство, а в плен. Настоящими военнопленными стали и были посажены в какую-то крепость, или лагерь, или черт знает что, в окрестностях Константинополя. И тут опять помогли единоверные греки. Ведь тогда греков было в Турции сколько угодно, греки страдали под турками и, вообще, мечтали освободиться.

Вот с помощью единоверных греков они опять начали один за другим убежать из плена. По-видимому, охраняли их не Бог весть как. Тогда все время войны шли, всяких военнопленных сидело всюду до черта, и полсотни больше, полсотни меньше — там не уследишь. Одним словом, все они в конце концов опять подрапали из плена. Греки их переправили на тот берег, в Малую Азию, и они еще долгое время, сколько, я уж не знаю, не помню, ну, что ли партизанили, а попросту разбойничали в горах Анатолийского побережья Черного моря. Пока не увидели в некоей бухте (я так и не установил в свое время, какая это была бухта), не увидели мирно стоящие на якоре два турецких судна военных: большой линейный корабль, новенький совсем, и фрегат. Команда опять же веселилась на берегу, часовые охраняли эти суда. Греки раздобыли лодок рыбацких, и вся эта ватага, посев в лодки, причалила к кораблям, забралась на борт, побросала часовых в море, как и раньше дело было, подняла якоря и паруса и уплыла к своим северным берегам.

В то время Потемкин, князь Таврический, формировал российский императорский черноморский флот в ни-

зовьях больших рек, там, где Херсон, Николаев. И вот в один прекрасный день два турецких военных корабля, однако под русскими флагами, прибыли к русским берегам. Произвело это некоторое смятение, потому что прежде всего решили, что, прикрывшись русскими флагами, турки диверсию учинили. Но тут же на морском языке, сигналами морскими, с кораблей вкратце пояснили, кто они и откуда. Они были впущены в порт и тут рассказали уже все, что с ними происходило. И было всеобщее веселье и торжество и великое водкопитие, конечно, так как тут уж были не какие-нибудь басурмане, турки, а православные люди, которые могли вполне уже выпить.

Высланы были тотчас и гонцы в Петербург, к матушке Екатерине. И матушка Екатерина милостиво распорядилась: у благополучно возвернувшегося из турецкого плена бригадира Тимофеева пригнанные им из Турции военные корабли приобрести по сходной цене и включить в состав Российского императорского флота. Бригадиру же Тимофееву дать чин генерал-лейтенанта, перепрыгнув через чин. Благодаря этому сей Тимофеев возместил, в сущности, свои траты и убытки на арктическую экспедицию, которую можно считать вполне благополучно окончившейся, получил через чин генерал-лейтенанта, вполне превосходительной особы, и вернулся к себе в имение, выкупил его, обстроился, укомфортабился, и надо сказать, что с тех пор, а когда он вернулся, ему уже 81 год был, он больше в экспедиции не пускался. А мирно дожил и помер в высоких уже годах, в конце девятого десятилетия, в своей постельке.

В моих предках не только тот полный адмирал Всеволожский был, но и по отцовской линии Тимофеевы разбавлялись морскими кровями. Какая-то из моих прапрабабушек была Сенявина. Кажется, по тимофеевской линии, а не по Всеволожским, а впрочем, я не знаю. В Русском музее есть портрет* генерал-адмирала Сенявина, того, который в XVIII веке кильватерную колонну придумал*. Заменял голландский рассеянный бой кильватерной колонной. До этого сражались голландским

методом, общей кучей. А ежели в кильватерной колонне, можно использовать полный бортовой залп. И бил он, значит, неприятеля бортовыми залпами с огромным успехом, пока первыми англичане, а за ними и шведы, и голландцы не переняли бортовой залп.

Затем следующим хронологически был Головнин. Он был кругосветным путешественником, три года просидел в плену у японцев*. Затем второе кругосветное путешествие совершил и воспитал всю плеяду наших знаменитых адмиралов XIX века во главе с Лазаревым. Лазарев его ученик был. А сестрой Головнина была моя прапрабабка.

Тут еще встрял интересный моряк. Это опять же по отцовской линии. Одна из моих прабабушек была Невельская. И был адмирал Невельской, который прославился тем, что присоединил Дальний Восток к России. Обнаружил, то есть доказал, что Сахалин — остров. Описал Татарский пролив и Уссурийский край. И за самовольное присоединение Дальнего Востока к России был разжалован в матросы*. Тогда в Петербурге правительство состояло преимущественно из балтийских немцев, и Нессельроде (Кисельвроде, как его называли солдаты) или кто-то из тогдашних министров иностранных дел, тоже какой-то немец, значит, страшно боялись конфликтов с какой-нибудь державой. Он же Амур взял. И Амур, и вдоль Сахалина прошел. Николаевск-на-Амуре основал. И пока он плавал, его жена там управлялась. Она, собственно, и командовала в Николаевске и вообще была замечательная баба.

Так вот. Произошло будто бы следующее. Все-таки перед императором Николаем I Невельского реабилитировали. Вообще многие в русской истории XIX века очень уж в угоду либеральной литературе низводили императора Николая I черт знает на какие ступени какого-то совершенно идиотического деспота. Он таким не был. Он, по-видимому, был самый умный из русских царей XIX века. Ну, Александр I Благословенный — это была фигура чрезвычайно подлая вообще-то. Сомнительная была личность во всех отношениях.

Александр II был неплох, но не мог устоять против провокаторов. А провокаторами были, конечно, в эпоху Александра II эти наши революционеры и либералы. Потому что великолепно начавшуюся эпоху великих реформ они свели на нет. В конце концов, когда начались царевубийства и всякие такие штуки, неизбежно было наступление реакции. По принципу «чем хуже, тем лучше» они и действовали. Для ускорения революции, может быть, это было и хорошо, но, я думаю, и революция русская прошла бы лучше, ежели она бы попозже произошла. И ежели мы бы не оказались вместе с немцами, проигравшими первую мировую войну, а оказались бы победителями. А мы великолепно ими могли бы оказаться.

Александр III, как известно, Паоло Трубецкой поставил памятник, гениальный совершенно. Я, кажется, вам докладывал, какое было выражение. Не знаете? «Стоит комод, на комод бегемот, на бегемоте обормот, на обормоте шапка». Сейчас он находится во дворе Русского музея*. Это вообще один из лучших памятников. Действительно, Трубецкому удалось воплотить стиль и сущность Александра III.

Так вот, значит, эти немцы поспешили и за спиной Николая I Невельского все-таки из капитана второго ранга в матросы расстригли. Это Николаю не понравилось. И, по семейной легенде, дальше произошло следующее. Вполне вероятно, это и документально известно, потому что он был не только реабилитирован, но и повышен в чине. Как будто бы Николай вызвал его себе во дворец, вышел на крыльцо и сказал: «Матрос Невельской, следуй за мной». Он, значит, навытяжку, как полагается матросу, отрапортовал: «Ваше императорское величество...» Они проследовали в переднюю: «Боцман Невельской, следуй за мной». И так по всем комнатам провел его в свой кабинет. И в кабинете приветствовал капитаном первого ранга. В каждой комнате, значит, повышая на чин. Через несколько лет был произведен он в контр-адмиралы, а умер вице-адмиралом. Написал очень хорошую и очень интересную книгу, которая и до сих пор не потеряла своего географического интере-

са*, — «Подвиг русских морских офицеров на Дальнем Востоке».

Затем был такой известный адмирал Нахимов. Он прославился в Севастополе тем, что его убили, преимущественно. А до того он весьма здорово турок бил на море и выиграл Синопский бой. Он мне и сродственник и свойственник*. Сродственник опять же потому, что одна из моих прабабушек была его теткой. У него у самого детей не было, но у брата его были дети. И за его племянника вышла замуж моя тетка, сестра моего отца. Их сын, мой двоюродный брат Сережа Нахимов*, женился, у него родился сын, этот сын тоже женился, затем сам погиб на второй войне, остался сынок, мой, значит, внучатый двоюродный племянник. Он был, так сказать, почетным нахимовцем. Его, конечно, устроили в нахимовское училище, в «Огоньке» фотографировали: нахимовец Нахимов — звучит! А потом скончалась его бабушка, никого не осталось в живых, и я его потерял как-то из виду.

Я очень любил своего двоюродного брата, этого Сережу Нахимова. Но он скончался, когда мы с женой и ребятами жили за границей. Он по образованию был агрономом, такой агроном-растениевод в Смоленской губернии. Потом началась первая мировая война, и он пошел прапором запаса, и ему очень не повезло, то есть в чинах повезло, но он в ужасную штуку попал. Было знаменитое, во всех газетах времен первой мировой войны больше полутора лет фигурировало во всех военных донесениях — Икскюльское предмостное укрепление*. Мы его за каким-то чертом держали, когда немцы уже подошли близко к Риге, на Западной Двине какое-то предмостное укрепление. Там мост через Двину был, ну и на левом берегу Двины немцы, на правом — мы. А вот на левом немецком берегу перед мостом мы держали, по-военному называется предмостное укрепление. И держали его более полутора лет. Там положены были несколько батарей, которые выбивались, потому что громадное количество немецких сил было там сконцентрировано. И личный состав выбивался, и пушки выбивались. По-

том туда переправляли и новые пушки, и новый личный состав. Моего двоюродного брата несколько раз сравнительно легко ранило, и он не пожелал эвакуироваться. Он потом рассказывал, с ним вроде бзика такого случилось. Он не мог уйти оттудова. Так сказать, вьелся в это самое предсмертное состояние. И он оказался, по-моему, единственным офицером, выдержавшим все это Икскюльское предмостное укрепление. И из прапоров запаса дошел до капитана артиллерии, заработал офицерского Георгия, офицерское золотое Георгиевское оружие и всякие такие штуки.

А после революции остался в Красной Армии. Его как офицера царского времени сразу сделали командиром полка, как минимум. Тогда ведь были в цене военспецы, как они назывались. В отличие от военных комиссаров были военспецы. Сережа Нахимов в артиллерии советской промаячил всю гражданскую войну, и после войны все его никак не демобилизовывали. Но в конце концов он демобилизовался с помощью Бонча-Бруевича*, управляющего делами Совета Народных Комиссаров, который был в очень большой дружбе с его матерью, значит, с моей теткой, и с другой моей теткой*.

Все, что я вам теперь рассказываю, я знал не только из воспоминаний бабки, деда и всех родственников старшего поколения, но и из всеволожского архива в Концеполье, в который попал и архив Тимофеева. Там была и коммерческая переписка по снаряжению полярной экспедиции, закладыванию мельницы и все прочее. Затем переписка о приобретении у Тимофеева государыней турецких кораблей и пожаловании ему чинов, орденов и пр. Для всяких экономистов там тоже интересный был материал: были хозяйственные книги конторские примерно с петровских времен. Это интереснейшая штука. Можно было кучу кандидатских и даже несколько докторских диссертаций сделать на этом материале.

Все это, к сожалению, пропало в 21-22 годах вместе с библиотекой. Библиотека еще была замечательна тем, что там кроме всей этой естественно-исторической и географической литературы на всех европейских языках

были все толстые журналы с середины осмнадцатого века без перерывов. Просто был приказ выписывать все толстые русские журналы, всякие «Северные пчелы», «Полярные сияния», петербургские альманахи*, вплоть до XX века, до всякого «Русского богатства», «Русской мысли» и «Вестника Европы», не считая всего прочего там: собраний сочинений на разных языках всяких классиков и т.д. И все это было в 1914 году пожертвовано Румянцевской библиотеке, теперешней Ленинской*.

Но, оказывается, пожертвовать не так-то просто. Для этого на столь замечательный дар должна была воспоследовать благодарность правительства и Государственной Думы. А Государственная Дума и правительство в это время войной занялись, и им было не до книжек. И поэтому все это затянулось и затухло. А потом началась революция. Опять не до книжек. Тут опять-таки мать и бабушка, я-то воевал, а они опять через Бонч-Бруевича стали действовать, через Луначарского, но местные власти не отдавали. А в именице был совхозик устроен. И там директором был поставлен какой-то совершенный жулик. И он проворовался на сто процентов. И вот в 21 году в один прекрасный день или ночь он полил керосином и соляжкой все, что мог — и дом, и конюшни, и амбары, — поджег и смылся. И библиотека вся сгорела к чертям собачьим. Документы, архивы — все.

Киев. Гимназия

Отец мой, как я уже вам докладывал, был инженер путей сообщения, строитель. Жили мы в разных городах в зависимости от того, где он строил свою железную дорогу. Родился я в Москве. Когда мне было три-четыре года, переехали мы в Вильно, где было главное управление дороги, выстроенной отцом, Полоцк — Седлец. Это та самая дорога, которая прославилась в 14 году в связи с мобилизацией военной в начале первой войны. В 1908 году мы переехали в Киев, где было главное управление до-

роги Одесса — Бахмач с мостом у Черкасс через Днепр, которую строил отец. Это последняя его дорога.

В Киеве мы сперва жили на Терещенковской улице, 23, против Николаевского парка. На одной его стороне проходит Караваевская улица, где университет. По другую сторону проходила Терещенковская улица, на которой мы жили. Справа, ежели смотреть от Софийской площади, с той стороны Киева — Бибиковский бульвар, где располагалась наша, очень известная в России, Императорская Александровская первая киевская гимназия, где Паустовский учился, Булгаков, я сам и другие крупные люди*. Я начал там учиться с третьего или четвертого класса. А потом мы жили на Большой Житомирской, 8, в доме, принадлежавшем такому сахарному миллионеру Шелюжко. Как миллионер он был мне совершенно неинтересен, но мы были большими друзьями, несмотря на то, что он был, наверное, раза в четыре старше. Он был владельцем знаменитой разводни Шелюжки в Киеве на Львовской улице*. Это продолжение Большой Житомирской. Это были две больших оранжереи застекленных, бетон и стекло. С бассейнами, аквариумами и всякой штукой. Это была самая крупная рыбозаводня аквариумных рыбок в мире, больше гамбургских рыбозаводен. Главными импортерами в то время были гамбургские рыбозаводы. Ну, и потом Шелюжко в их компанию тоже вошел. А я в молодости, и с детства даже, увлекался аквариумами. У меня бывало до 35—40 аквариумов одновременно. Я занимал две комнаты. Квартиры у нас всегда были огромные, потому что нас много было, детишков. У всех разные возрасты, свои интересы. Нас семь человек*, да родителей двое — девять человек. Да при детишках и няньки, и фрейлины, и гувернеры, по причине разного опять-таки возраста.

Аквариумы у меня бывали самых разнообразных размеров: от крупных аккумуляторных банок стеклянных до проточных аквариумов длиной более метра, шириной почти в метр и высотой сантиметров семьдесят пять. В этих аквариумах я, опять-таки довольно быстро, скон-

центрировал свои интересы на определенных группах животных. Из рыб аквариумных я любил лабиринтовых: макроподов, гурами, бойцовых рыбок. Терпеть не мог золотых рыбок, презирал их, даже со всеми пышными экзотическими вариантами: вуалехвосток, телескопов — все это презирал. Любил часть живородок, а затем разводил очень много у себя в аквариумах отечественных пресноводных рыб, особенно вьюновых, горчаков и некоторых других. Причем (это было тогда сравнительной редкостью) у меня в аквариумах целый ряд отечественных аквариумных рыб размножались, откладывали икру и выводили мальков. Некоторые виды, насколько мне до сих пор известно, только у меня в аквариумах и разводились. У меня была очень полная коллекция. Шелюжко, в доме которого мы жили в Киеве, тоже с малых лет, несмотря на то, что был миллионером и сахарозаводчиком, по сути дела, был зоологом, аквариумистом. У него были как гамбургские все виды рыб, так и время от времени он, так сказать, оплачивал собственные экспедиции для добычи новых аквариумных тропических рыбок. И я, конечно, временами в его рыбозаводнях дневал и чуть не ночевал. И поэтому интересующих меня рыб у меня был максимально возможный набор.

Киев того времени, предвоенных лет, между 10-м и 14 годами, был городом очень интересным. В России это был, пожалуй, один из таких передовых в смысле цивилизации городов. Прекрасный трамвай был проведен в Киеве довольно давно. В самом начале века большинство домов, имевших более трех этажей, были снабжены лифтами. Была хорошая телефонная сеть. Киев славился тогда на всю Россию прекрасной организацией работы пожарных частей, скорой помощи. Одним словом, в смысле городской жизни он был очень цивилизованным городом, с одной стороны, и, с другой стороны, для России он был представителем больших южных городов. Это был, ежели хотите, самый северный южный город, большой город в России: Киев, Екатеринослав, Одесса. Харьков уже был менее типичен. Может быть, ближе был Ростов-на-Дону. Но, пожалуй, наиболее такими

своеобразными, имевшими свое лицо городами русскими были тогда на юге Киев и Одесса.

В Киеве жизнь была относительно веселой, немножко напоминавшей за границу. Очень оживленны были весны до поздней осени кафе, большие кафе. Как только теплело, выставлялись столики под тентами на широких киевских тротуарах, и в этих кафе протекала, собственно, довольно типичная такая европейская уличная жизнь. В знаменитых кофейнях Семадени* сидели иной раз часами какие-то деловые люди и занимались, по видимому, коммерческими делами. С другой стороны, сидела молодежь — студентки, курсистки — веселилась, разговаривала, кокетничала. То, чего в Москве, в Петербурге и во всех больших городах, более северных, в России дореволюционной, в сущности, не было.

Интересна была и гимназическая жизнь. Несмотря на то, что Киев был отнюдь не какой-то глухой провинцией, а третьим по величине городом в дореволюционной России, очень типична была школьная гимназическая жизнь в том смысле, что каждая гимназия, коммерческое или реальное училище, многие высшие и начальные городские училища имели своеобразные, иногда немножко чудные традиции. Одни гимназии состояли в дружбе, другие — в традиционной вражде. Например, в Николаевском парке, ныне парк Шевченки кажется, с одной стороны находилась наша Первая гимназия, Императорская Александровская, с другой стороны, прямо напротив, кажется, Императорское коммерческое училище*. По традиции, особенно зимой, по снегу, в Николаевском парке по субботам после уроков происходили кулачные бои между нашей гимназией и Коммерческим училищем. Это, конечно, было предприятие, связанное с целым рядом мероприятий по защите от начальства гимназического и коммерческого и от полиции. Потому что, конечно, начальство все это не одобряло. Но проводились настоящие стычки по всем старинным правилам, с запретом набирать пятаки в кулак и с определенными правилами, куда можно и куда нельзя бить. И эти бои проходили настолько интенсивно, что иногда

мне после таких боев приходилось часик-другой где-нибудь оттираться снегом и в парке отлеживаться перед тем, как возвращаться домой, чтобы очень уж не бросалось домашним в глаза то состояние, в котором мы после таких боев находились.

Но некоторые гимназии друг с другом дружили. И вообще в поведении гимназистов и школьников на улицах, в парках — всюду в Киеве — по традиции сохранялось «лыцарство», как говорилось, рыцарство своего рода. Например, мы идем втроем — встречаем четырех «коммерсантов». Мы могли задрать их и начать небольшую свалку или драку, но они не могли, потому что их было четверо, а нас трое. На их стороне было большинство, и это считалось бы не рыцарским поведением: задрать, так сказать, более слабую сторону.

Было одно исключение. Все школы рыцарски относились друг к другу более или менее, за исключением частной гимназии Науменки*. Это была частная привилегированная гимназия, в которой учились главным образом дети богатых родителей, так сказать буржуазии тогдашней. Они имели отличную от всех прочих гимназий форму — синюю такую. И вообще они несчастные были юноши, потому что их разрешалось бить в любой комбинации. Науменковцев можно было, ежели даже трое, а он один, все равно можно было ему морду набить. Так что они как бы вне закона стояли. Наверное, мы не любили все науменковцев за то, что они, во-первых, были передовые, во-вторых, богатые, в-третьих, какие-то такие чистенькие, холеные и вели себя соответственно — тихо и смирно. Интеллигентные были мальчишки.

А мы были шпана, конечно. У нас были и традиционные занятия, и более-менее рыцарские, и более такие, ну, что ли, некультурные. Учился я во времена знаменитого Кассо*. При Кассо гимназисты находились на таком, значит, полувоенном положении: после восьми часов вечера на улицу выходить не имели права, к различным неполадкам в форме строжайшие были придирки. Ежели кушак не так надет или число пуговиц не соответствует положенному на рубашках или куртках, ежели

по улице школьник идет с неряшливо заткнутой за пояс рубашкой, то так называемые классные надзиратели и их помощники могли остановить, записать, и потом происходили от этого всякие неприятности.

Никакого телесного наказания в наши дни, конечно, не применялось, но карцер существовал. Можно было получить карцер на один день, а можно было и на две недельки получить. Это не значит двухнедельная отсидка, карцер означал отсидку в течение трех часов по окончании уроков. Ежели карцер давался на неделю, то всю неделю каждый день нужно было три часа отсидеть в карцере. Ну, конечно, это была неприятная штука. На неделю, на две недели получали редко, за наиболее крупные преступления. Ну, так на день-два-три — это довольно часто можно было получить.

У нас, в нашей гимназии, процветал в мое время такой спорт. Назывался он «марафонский бег». После восьми, так около полдесятого-десяти вечера мы компанией, обыкновенно зимой, выходили на самые неположенные места, скажем, на Бибиковский бульвар, который был под полным запретом в вечерние часы для гимназистов. И там отыскивали какого-нибудь педеля — помощника классного надзирателя, по гимназической терминологии — коридорного наставника. Это были обыкновенно довольно бедные такие неудачники, по образовательному цензу не вытягивавшие в учителя, самая низшая категория служащих министерства народного просвещения. По чину они были начиная с коллежского регистратора до коллежского секретаря: коллежский регистратор, губернский секретарь и коллежский секретарь — три самые низшие чина. Получали они небольшое жалование, были обыкновенно люди многосемейные уже и подрабатывали сверхурочные, дежуря на ловле гимназистов вечером на улице. Это называлось «систировать». Они должны были систировать нашего брата.

А мы вот, значит, собирались в самое неположенное время в неполенном месте небольшой компанией и выискивали такого педеля. Конечно, перед этим загибался значок на фуражке. Ведь на фуражке была такая

кокарда из дубовых листьев с номером гимназии. Вот этот номер гимназии либо чем-нибудь закрывался, либо загибался так, чтобы просто по внешнему виду нельзя было определить, из какой гимназии. Надо сказать, что обращаться к полиции этим педелям было строжайше запрещено. Это было дело не полиции, а дело министерства народного просвещения. Они должны были управляться, как хотели, сами.

И вот мы выискивали такого педеля, так сказать, показывались ему целой компанией — человека четырех-пять... Ему, конечно, выгодно было систировать сразу небольшую компанию: всякий улов количественно определяется. Одно дело систировать одного, другое дело — сразу пятерых. Он, значит, за нами, а мы от него. Он наддает ходу, и мы наддаем ходу. Он притомится, замедлит шаги, и мы замедляем шаг. И помаленьку так идем в район, скажем, «круглый», университетский. Это была улица, которая таким винтом шла вверх от Караваевской, кажется, по кругу университетскому. Замедляем ход — он нас почти догоняет. Мы опять припускаем до какого-нибудь темного, совершенно пустынного бокового переулочка, куда мы загибаем. И он загибает. Мы по команде скидываем шинели, кроем его шинелями и смертным боем бьем. Потом быстро свои шинели берем и удираем уже бегом.

Нам потом было жалко, конечно, этих несчастных коридорных наставников, зарабатывавших свои сверхурочные. Но, в общем, это повело очень быстро к тому, что они все-таки никогда своих гимназистов, из своих гимназий, не систировали. Так что это имело некоторое воспитательное значение для воспитателей. А воспитанники, нет, они не разлагались, потому что все-таки разложения нет. Бить начальство — это не разложение, а наоборот. Вот. А, как я вам уже докладывал, рыцарство, в основном, работало, и группу явно слабейшую и малочисленную бить не полагалось. Они могли, конечно, нападать. Ну, конечно, ежели задерут, то их можно было и побить, но более сильный не имел морального права первым нападать. Так что из этого уже видно, что жизнь была веселой в общем-то.

Вот часто в различных мемуарах, особенно в мемуарах всяких наших передовых интеллигентов, встречаются воспоминания о школах типа бурсы... Ну, бурса существовала в XIX веке*. В XX веке помяловская бурса, в сущности, уже нигде не существовала в России... А были, в основном, казенные гимназии и реальные училища, особенно провинциальные, довольно-таки мракобесные и с довольно строгой дисциплиной и с начальством, следившим за соблюдением формальных правил порядка в школе. И вот это обыкновенно наши передовые интеллигенты со всякими вздохами и причитаниями считали ужасным: у бедных мальчиков загублено детство этими самыми ужасными, какими-то отсталыми школами, гимназиями и так далее. Я считаю, это, конечно, все чужь. Такие отсталые порядки в школах, во-первых, не так были страшны. Не так страшен черт, как его малютки... Это я нарочно. А во-вторых, все имеет всегда свои плохие и свои хорошие стороны. Хорошей стороной в этой строгой дисциплине формальных порядков, введенных в отношении одежды, в отношении поведения и в отношении просто дисциплины в общественных местах и при встречах с учителями, со своим начальством и довольно-таки строгих наказаниях при нарушениях... а за систематические нарушения школьных порядков выгоняли, иногда с волчьим билетом, то есть без права поступления в казенные заведения. Это имело, конечно, прекрасную воспитательную сторону.

Я в жизни своей часто убеждался, что вся эта так называемая педагогика, уговаривание, всякое такое... чепуховски смешное отношение педагогов к ученикам — в общем, один разврат, и толку от него никакого. В первую голову передовые школы с передовой педагогикой не дают детям, учащимся, основного, что должна дать школа — воспитания чувства ответственности, прежде всего за самого себя. Вот сейчас приходится наблюдать, что школьники в школах могут не только на головах ходить, а и со своими учительницами вытворять все, что им заблагорассудится, и ничего им не грозит решительно. А вот мы-то знали, что серьезное хулиганство влечет

за собой, прежде всего для нас и для наших семей, ужасные последствия, поэтому, с младших классов начиная, все мы прекрасно понимали своим полудетским учебным коллективом, что такое хулиганство допустимое и что такое хулиганство с подлинкой и недопустимое. И, во всяком случае, мы прекрасно знали, что за все проделки наши мы всерьез отвечаем. Вот это то, чего, мне кажется, не хватает в современной школе. Это в нас, несомненно, воспитывало чувство ответственности. А чувство ответственности должно воспитываться в человеке сызмальства, потому что это очень важная вещь во всей моральной структуре человека.

У меня от всех этих, казалось бы, реакционных сторон организации тогдашней гимназической жизни в Киеве не осталось каких-нибудь таких очень уж неприятных воспоминаний. Во всяком случае, я, положив руку на сердце, не могу считать это чисто отрицательным явлением. Ну, конечно, были со стороны глупых и бездарных учителей, гимназического начальства и так далее перегибы, часто, действительно, нехорошее отношение к ученикам, но это было редко, а чаще... Бывали такие случаи, что если, например, директор заметит в классе какое-нибудь либо слишком уж серьезное хулиганство, либо что-то нежелательное, скажем в кавычках — политическое, он этого официально не замечал, а потом при случае нам давал понять, что он заметил. И это, конечно, лучше всяких наказаний заставляло нас опять-таки ответственно относиться и к нашему хулиганству, и к затеям, которые, как мы знали, гимназистам не полагались. И затеи эти продолжались, но велись так, чтобы не подводить друг друга и не подводить и наше начальство.

Киевская гимназия была из лучших в некоторых отношениях, но вообще это была довольно-таки реакционная гимназия. Много было бездарных педагогов, но были и талантливые педагоги. Но талантливых было меньше, чем скучных и бездарных. Вот, например, у меня был очень замечательный учитель Павел Викторович Терентьев, такой немножко вечный студент Киевского университета. Он сперва почти кончил естественное от-

деление физико-математического факультета, а потом перешел на медицинский факультет и уже кончил его после нашего отъезда из Киева, после того, как мы переехали в Москву. Павел Викторович обладал замечательным свойством, нужным, собственно, всякому преподавателю: я был человек, так сказать, трудно поддающийся дисциплинированию, порядку и всяким приказам и наказаниям, но я не мог огорчить Павла Викторовича Терентьева. Я учился всегда прекрасно и выполнял все его указания, просто чтобы не огорчить его — настолько я уважал и любил Павла Викторовича Терентьева.

Сейчас вообще масса средних школ и страшная нехватка преподавателей средней школы. Поэтому очень часто преподаватели совершенно не на высоте. Я же учился в гимназии, как в Киеве, так и в Москве, может быть, в самое лучшее время. Ведь после 1905-1906 года все-таки дух в средних школах был совершенно иной, чем в XIX веке, скажем. Появилось, кроме того, много действительно талантливых преподавателей. Очень хорошо было в университетских и крупных городах то, что многие преподаватели и научные сотрудники тогдашних высших учебных заведений, в первую голову университетов, кончая университет, не сразу попадали на штатные оплачиваемые места в университетах. Им приходилось зарабатывать хлеб свой, надо сказать с маслом, преподавателями гимназий, реальных и коммерческих училищ. Преподавателями средних школ. Это, во-первых, было полезно для самих молодых начинающих ученых и вузовских преподавателей. Это была хорошая практика. И это было очень хорошо и в смысле поднятия среднего уровня преподавания в средних учебных заведениях.

Большинство сколько-нибудь стоящих биологов бывают, обыкновенно, зоологами или ботаниками чуть ли не с рождения, во всяком случае, с детских лет. И я был зоологом, как уже говорил, сколько себя помню. Я вообще детство проводил в различных, свойственных детскому и юношескому возрасту безобразиях — драках и прочее. А в свободное время сидел на диване с десяти томной «Жизнью животных» Брема*. И все десять томов

чуть ли не наизусть знал уже ко времени гимназии. В Бреме из патриотических соображений я заинтересовался фауной Российской империи, в основном, а фауны заграничные меня меньше интересовали. А так как Российская империя целиком входила в палеарктическую область, то с зоогеографической точки зрения я интересовался палеарктической областью. Остальными же зоогеографическими областями пренебрегал и до сих пор пренебрегаю. Но, по детским годам и свойственным детскому возрасту интересам, я вначале-то интересовался не какими-то областями, а размерами животных. Выискивал в Бреме наидлиннейших и наитяжелейших китов, какого размера достигают слоны, и наоборот, самых маленьких млекопитающих: есть ли млекопитающие меньше мыши-малютки и так далее.

Тогда же определились у меня и некоторые интересы более специфические: я стал «мокрым» зоологом, то есть меня больше интересовала водная и прибрежная фауна, чем чисто сухопутная.

В связи с «Жизнью животных» Брема, в связи с рыбоборазводней Шелюжки, в связи с собственными аквариумами у меня, конечно, развился интерес и к собственным экскурсиям на водоемы, не только на Днепр, но и на малые реки и пруды и сажалки, где я ловил всякую рыбную и нерыбную мелочь для своих аквариумов. Этим путем я привык к зоологическим экскурсиям, иногда довольно дальним, благодаря разумному отношению моего родителя к выращиванию собственного потомства: мне отец позволял после проверки любые, так сказать, пределы свободы. Дамский пол, взрослый конечно, протестовал против моего исчезновения на довольно опасные речки чуть ли не на целый день, а иногда и на часть ночи, боясь, что я утону. Как-то отец взял меня с собой на реку и еще до того, как я разделся, взял за задницу штанов и за шиворот, раскачал, бросил в реку и посмотрел, что будет. Я как рыба выплыл, в одеже еще раза два нырнул до дна, набрал там растений, вынырнул и вылез к нему благополучно с улыбающейся рожой. Он потом дамскому полу заявил, что он мне разрешает на любые

пресноводные водоемы одному ходить, сколько мне вздумается и когда вздумается. И с тех пор я обрел (мне было тогда, наверное, лет 8-9) полную свободу экскурсирования в любых направлениях и с любыми целями.

Таким способом я подошел к зоологическим экскурсиям, и с аквариумов и «Жизни животных» Брема начались мои серьезные интересы в зоологии, а потом в естествознании вообще. Так же, как с чтения, как за границей их называют, Толстоевского — Толстого и Достоевского, — начались мои литературные интересы и кое-какие художественные интересы, которые потом развились довольно всерьез в область искусствоведения, главным образом живописи.

Теперь вот первые мои учителя зоологии уже всерьез. В Киеве, будучи гимназистом средних классов, я пристроился фуксом к только что организованной Днепровской биологической станции, которой заведовал тогда очень хороший зоолог Беллинг*, доцент, молодой тогда, Киевского политехнического института. Я работал на станции таким мальчишкой-препаратором в свободное время, в свободное не только от официального учения, но и от ухода за моими аквариумными рыбами, от собственных экскурсий и так далее. Времени мне тогда не хватало, действительно не хватало. Потом-то, выросши, я увидел, что все взрослые обыкновенно врут, когда говорят, что не хватает времени. У большинства людей времени больше, чем надобно, особенно потому, что большинство людей не умеют оставаться одни, сами с собой, поэтому они тратят время на совершенные пустяки, а мне действительно тогда еще, в детстве, не хватало времени из-за зоологии.

Так вот, на Днепровской биологической станции я препараторствовал и помогал по уходу за экспериментальными посудинами, в которых Беллинг разводил то, что ему нужно было в данный момент, и немножко привык к лабораторной обстановке. Тогда же я начал сам собирать коллекционный материал по карповым рыбам бассейна Днепра, собственно, не самого Днепра, а бассейна Десны, как известно, крупнейшего левого притока

Днепра. Тогда же я, будучи еще, в сущности, мальчишкой, гимназистом четвертого-пятого класса, уже дотрепался в своих зоологических разговорах с Беллингом до действительно интересной проблемы, сводящейся к тому, что в геологически сравнительно недавнее время какие-то были перепутаны, путаницы в притоках, в левых притоках верхней Десны, принадлежащей к днепровскому бассейну, а посему к бассейну Черного моря, и в левых притоках Оки, принадлежащих волжскому бассейну, а Волга, как известно, все еще впадает в Каспийское море, несмотря на то что сейчас прилагают все усилия, чтобы она больше никуда не впадала. Так вот, это, конечно, представлялось нам тогда, и мне, шибздику, представлялось очень небезынтесной проблемой: очень недавние связи между все-таки довольно различными по своим условиям, по своей водной фауне вообще и ихтиофауне в особенности волжским и днепровским бассейнами. Вот, собственно, Беллинг был первым моим учителем зоологии в Киеве.

Вот, теперь я хочу еще рассказать о нашем, ну что ли, культурном развитии в гимназическое время вне гимназии. В Киеве, в той компании, в которой я рос — отчасти это были гимназисты Первой гимназии, отчасти гимназисты из других гимназий, включая всеми презираемую Науменковскую гимназию, несколько человек оттуда были у нас, в нашей компании. Старшими среди нас были уже студенты первого курса и курсистки первого курса Высших женских... Насчет девушек — это вы не думайте. У нас в Киеве были, так сказать, конкуренции и вообще соревнования за хорошеньких гимназисток Фундуклеевской Мариинской гимназии. Она отличалась высоким процентом не только хорошеньких, но и настоящих красавиц. А я в жизни видел красавиц, и хорошеньких, и красавиц, и по-настоящему интересных женщин... Они вообще в мире не переводятся. Но почему-то Фундуклеевская Мариинская гимназия... Часть женских гимназий принадлежала ведомству императрицы Марии. Это были, пожалуй, в России лучшие женские гимназии, не министерские, а ведомства императ-

рицы Марии*, кажется, той императрицы XIX века, но не ручаюсь.

Так вот, значит, у нас были кружки в Киеве, довольно такие разнообразные по устремлениям и содержанию. Это были и компании, занимавшиеся более или менее совместно спортом. Например, наша компания совершала во все свободные урывки времени, но более или менее длинные, экскурсии и иногда даже небольшие экспедиции в окрестности Киева. Рано завелись велосипеды, которые, кстати, я презирал. Я в молодости, и особенно в юности, презирал всякую цивилизацию, как я ее называл, включая велосипеды. Я считал для себя, зоолога, охотника и лесного человека, так сказать, велосипед... Но этих фундуклеевских гимназисток я отнюдь не презирал. И когда устраивались совместные более или менее большие велосипедные экскурсии куда-нибудь за тридцать пять — сорок верст по Житомирскому шоссе на речку Ирпень или куда-нибудь еще, я петушком рядышком пробегал это расстояние. Тогда мне 13-14 лет было.

То же самое наблюдалось в России, по-видимому, в начале XIX века, вот в пушкинских кружках и в пушкинской среде. Они ведь тоже в 14-15 лет были готовыми поэтами и всякая такая штука. Это потом 17-18-летние балбесы были еще детьми. Бывали и такие эпохи.

Так вот, я хочу сказать, что я в те времена здорово насобачился бегать. Житомирское шоссе, как известно, такими волнами — то вниз, то вверх. Вниз они меня на велосипедах, конечно, обгоняли, а в горку на велосипеде ехать, как известно, очень скучно, в горку я их обгонял. Но мы не состязались. Я просто без велосипеда вместе с ними куда-нибудь на Ирпень за тридцать пять верст убегал. Я еще вот десять лет тому назад, в возрасте почти 65-летнем... между прочим, Надежда Васильевна Реформатская не верила, не верила, а потом увидела это в Миссоуе*, на Южном Урале: я играючи за лошадью в телеге, вернее впереди этой лошади, пробегал на так называемые дальние копи в заповеднике десять — двенадцать верст бегом, и обратно то же самое. Компания, значит,

на лошадях, а я бегом. Но я всегда спорт презирал. Вот там еще, в Киеве, началось это презрение к спорту, за исключением футбола.

Ну, а кружки заключались в том, что мы в свободное время собирались и, смотря по сезону и по умонастроению, устраивали какие-нибудь экскурсии — экспедиции. Еще в совершенно, я бы сказал, полудетском возрасте у нас были претензии на серьезность и научность. Мы прямо, так сказать, исследовали какие-нибудь малоисследованные речки или лесные массивы, собирали коллекции, читали доклады по прочитанной литературе. Некоторые делали доклады литературоведческого, так сказать, порядка о каких-нибудь писателях или поэтах, кое-кто выступал, так сказать, по актерской линии: читал стихи. Мы были довольно передовые. Тогда, в 11, 12, 13, 14 годах, мы, конечно, главным образом увлекались символистами и акмеистами в русской поэзии: Блок, Белый, Бальмонт. С другой стороны, появился тогда Игорь Северянин со своими футуристическими стишками. Он, между прочим, как-то приезжал в Киев*. Мы всем кружком ходили его слушать и немножко даже публично поиздевались. Кто-то из нас был неплохой рифмоплет и приветствовал его в виде весьма злого сатирического подражания ему в стихах.

Многие приезжали. Маяковский там шатался с каким-то подсолнечником в петлице. Я видел его на Крещатике с Бурлюками, с расписанными мордами*. Ведь вы не забывайте, Маяковского канонизировали и иконку из него сделали. А был обыкновенный хулиган-футурист. А потом Бурлюки... нюха истории у них было меньше, чем у Маяковского. Маяковский, значит, вышел в классики советской литературы и особенно поэзии: «Нигде кроме, как в Моссельпроме», так сказать... и «От всего старого мира мы оставим только папиросы „Ира“». Я не люблю очень Маяковского. И, надо сказать, никогда ни Бурлюками, ни Маяковским не интересовался, даже тогда уже как-то не принимал. И так осталось на всю жизнь. Я потом довольно серьезно интересовался поэтикой и поэтами*. И до сих пор у меня убеждение, что это маленький человек, маленький поэт,

вообще почти не поэт, а рифмоплет, который потом очень удачно рифмосплетал передовицу.

Мне, с одной стороны, может, и не повезло, а с другой стороны, очень повезло... В конце концов, я считаю, что мне повезло... Я во всех кружках наших, до 20-х годов уже, послеуниверситетских, всегда был ежели не самым молодым, то из младших. Я говорю «повезло», потому что тем самым я очень много от этих кружков получал. Дело в том, что в качестве младшего я принимал участие в, так сказать, мероприятиях, слушал доклады, участвовал в прениях людей значительно более образованных и старших по сравнению со мной. Это, конечно, меня довольно быстро развило в разных псевдонаучных направлениях, так скажем. Приучило сравнительно рано к серьезной литературе, к серьезным точкам зрения на разные вещи, понимаете? Это, конечно, очень важно. Одно дело быть сравнительно уже сформировавшимся молодым человеком и участвовать в кружке с мальчишками, а другое дело — мальчишкой участвовать в кружке молодых людей обоего пола. В некоторых отношениях ведь девчонки развиваются быстрее нас, мальчишек. Я говорю сейчас про возраст от 12-ти до 18-ти лет. Вот.

Так что мы, с одной стороны, занимались экскурсиями, поездками, очень много на лодках ездили, более маленькими компаниями. Я из Киева две очень интересные поездки проделал. В первый раз нас было трое, а во второй — четверо. Мы на реке Ирпень — правый приток Днепра, впадающий чуть посевнее Киева, — купили лодки, хорошие лодки за пятнадцать рублей, и прокатились по всему Днепру в Черное море. Через пороги, значит, с лоцманом, лодочку можно было на плот такой поставить за трешницу. И специальный плотовщик-лоцман проводил у правого берега через пороги.

Так докатились мы до Черного моря, поохотились в днепровских плавнях, там продали свою лодку за четвертной билет, потому что там степные безлесные места, лодки много дороже, и поступили юнгами на рыбацкие шхуны. Там в это время, весной и в начале лета, нехватка рабочих рук у рыбаков. Рыбаки-то черноморские

раньше были наполовину рыбаки, наполовину мужики: у них было и крестьянство и рыбачество. По крестьянству как раз сенокос, а по рыбачеству — камбалу ловить надо. Так вот нас подрядили на три недели на камбалу юнгами. По четвертному билету каждому. Мы все гимназисты были. Ну, значит, мы три недели ловили камбалу. Прибыли в Одессу-маму, получили втроем семьдесят пять целковых, великолепно, комфортабельно там прожили дней десять и потом по железной дороге вернулись в Киев. Великолепная была поездка! Вторую поездку мы учинили вверх по Днепру, на Припять.

Значит, в этих кружках я и еще несколько человек занимались уже довольно рано довольно серьезной естественно-исторической работой. С 12-13-летнего возраста я был серьезным сборщиком биологического материала, главным образом птиц и рыб коллекционировал. Это были мои специальности в области позвоночных. И затем планктон: низшие ракообразные, водные блохи всякие, циклопы, дафнии... Вот такая штука. Вообще, я был преимущественно «мокрым» зоологом. Из птиц тоже всякую водоплавающую — дичь, чаек — всякую такую штуку любил. А прочих менее любил. Как у настоящего зоолога, у меня были любимые, были нелюбимые группы животных. У настоящих зоологов и настоящих ботаников всегда имеются любимые и нелюбимые систематические группы.

Мне очень помогало то, что с малых лет и до теперешнего времени у меня постоянно бывали периодические, иногда краткосрочные, иногда долгосрочные увлечения чем-нибудь. Я всегда говорил своим ученикам и молодым людям: «Плохо, когда человек теряет любознательность». Любознательность — великая вещь. Но, к сожалению, многие люди рано очень теряют любознательность, а у других заменяется... мужская любознательность женским любопытством. Любопытство — это порок. Есть даже старинная русская поговорка: «Любознательность — доблесть мужчин, а любопытство — порок женщин». Так вот я и тогда периодически увлекался всякой всячиной. И во время увлечений по довольно серьезной тогдашней науч-

но-популярной литературе я соответствующие вопросы в меру сил, так сказать, осваивал. И это было мне, конечно, полезно для накопления того, что можно назвать ориентировочными знаниями.

Для людей, претендующих на какую-нибудь умственную деятельность, необходимой предпосылкой является некоторый достаточный минимум ориентировочных знаний об окружающем в разных направлениях. В этом отношении я всю жизнь наблюдал и сейчас наблюдаю, что вот ваш брат, гуманитарий, в невыгодном, по сравнению с нами, естественниками, положении оказывается. Я говорю, конечно, не о массовом человеке. Большинство ведь гуманитариев бесконечно менее образованы, чем мы, и обладают значительно меньшим ориентировочным знанием. Это, конечно, остаток традиций XIX века, когда ведущим культурным уровнем были гуманитарные дисциплины.

Видите ли, в XX веке ситуация резко изменилась, резко изменилась, так сказать, физическая картина мира. Физическая картина мира XVIII—XIX веков была легко доступна любому человеку, даже скверному поэту. Скверный поэт, прослушав пару популярных лекций, мог уже представить себе физическую картину мира. В начале, в первой четверти XX века физическая картина мира резко изменилась. Я говорю не про прикладную часть: техника, «косметика» — летают в космос, электростанции строят... Это все прикладное, несущественное. Уже, так сказать, конечное приложение. А именно физическая картина мира резко изменилась. Сейчас мы, естественники, те из естественников, конечно, которые не просто какие-нибудь зоологи, ботаники, химики воюющие или там геологи ползучие, а люди, которые интересуются, работают, чувствуют себя в сфере современных естественнонаучных идей и современной научной картины мира, мы ведь находимся в совершенно ином положении. Сейчас и серьезные философские проблемы отнюдь не гуманитарные, а естественнонаучные и математические.

У вас, гуманитариев, до сих пор считается чистой философией, скажем, примитивный какой-нибудь мате-

риализм. Совершенно наплевать, это материализм диалектический или исторический, или, как это называется, грубый материализм, ведь это все чушь собачья, так же как и деление на материализм и идеализм, как деление на метафизику и на не метафизику. Ведь не только наши господа философы, но и многие «загармоничные» философы-профессионалы до сих пор думают, что существует метафизика. И существуют некие идеалистические системы философии, которые — не метафизика. А ведь это такая же метафизика, как и идеалистическая философия. Методологически не отличается от любой другой метафизики. Всякое философствование онтологического типа есть метафизика, мета-физика. А сейчас современная естественнонаучная картина мира, она совершенно сближена и родственна философской метафизике, метафизике в общем смысле. Наша естественнонаучная картина мира ближе всего, пожалуй, к платонизму. Конечно, сейчас наша естественнонаучная картина мира с точки зрения примитивных, детских классификаций университетских профессоров-философов XIX, да и XX века, в общем, должна быть обругана «идеализмой». К счастью, мы тогда уже многое из этого понимали.

Я говорю, что мне повезло: я был младшим. И благодаря этому я имел возможность с помощью старших товарищей познакомиться со всем этим очень рано. Я еще не был в пятом классе, когда, так сказать, разобрался в философии. С другой стороны, мы вот спортом занимались, хотя я спорт презирал, как я уже говорил. Нет, футболистом был всерьез, а из прочего спорта... Однажды мне очень не повезло. Как раз в Киеве, на Днепре, был яхтклуб, а рядом спасательная станция. Станция Императорского общества спасания на водах. Так как я с детства плавал как рыба, то с 12-13-ти лет был членом этого Императорского общества спасания на водах. И весной в качестве гимназистика дежурил на спасательной станции. Ну, и вылавливал всяких дураков, которые топили. Особенно всяких девиц и молодых человек, которые пробовали романтику... Еще лед не прошел, а они на лодочке выплывали. А в лодочках, узеньких

гребных лодочках, целоваться нужно очень умеючи. Это требует разработанной техники и опыта. И каждому дураку не дадено. И вот много парочек таких опрокидывалось. Их потом, дураков, нужно было из крайне холодной воды вытаскивать. Вот это тоже было наше занятие.

А рядом с нами находился днепровский яхтклуб, у которого была очень сильная команда гребцов. Вы знаете, на подвижных лодках этих, узеньких? Прекрасная восьмерка. Она одно время была на первом месте в России, била и петербуржцев, и финнов. И вот обыкновенно на Днепре первая большая регата весной, еще не совсем сошла талая вода. Не помню, в 13-м, кажется, или в 14 году это было... Прямо перед состязанием, сходя по лестницам к причалу, один из дурачков из этой нашей восьмерки поскользнулся и сломал себе руку. И либо нашей знаменитой восьмерке выпасть из состязаний, либо что-то взамен. Так как я был приятелем всей этой компании, меня уговорили: «Ну, надо...» Грести я мог, но никогда спортом этим не занимался и презирал. И вот сел я на место этого дурака, который руку себе сломал. Так я до сих пор не помню, как меня на финише вытаскивали. Мы что-то на корпус или на два корпуса оказались все-таки впереди. Несмотря на меня, они выиграли. Но я думал, что помру. Ведь надо же в темпе и под водой весло протягивать. А это страшно трудно без тренинга.

«Salve, domine magister!»

В самом начале 1914 года после смерти отца мы переехали в Москву. И я из Первой Императорской александровской гимназии в Киеве перевелся в небезызвестную Флёровскую гимназию в Москве. Флёровская гимназия была в те времена во многих отношениях замечательная. Она была не номерной казенной гимназией, а так называемой частной, по происхождению частной, основанной Александром Ефимовичем Флёровым*.

Частные гимназии в России раньше разделялись на две более или менее крупные категории. Одна была с правами для учащихся, а другая — с правами для учащихся. С правами для учащихся — это, в сущности, были настоящие, обыкновенно недавно основанные, частные гимназии, реальные училища и другие школы, которые по программе и объему курсов были приравнены к соответствующим казенным учебным заведениям, ученики которых получали дипломы со всеми теми же правами, которые дают и дипломы казенных гимназий, реальных училищ и так далее. Но учащие, преподаватели, автоматически прав не имели, то есть им не шли чины, они состояли, так сказать, на частной службе в соответствующей частной гимназии. И поэтому во время экзаменов в таких гимназиях и реальных училищах присутствовали представители учебного округа, ну, что ли в виде контроля.

А в частных гимназиях и реальных училищах с правами для учащихся преподаватели имели все права учителей, и никто их не контролировал. Преподавание, экзамены, выдача дипломов — все проходило так же, как в номерных казенных гимназиях. Вот такой и была Флёровская гимназия. И была гимназией, по-моему, очень хорошей.

Она была типа казенных гимназий, в достаточной мере хулиганистая, никаких передовых методов к нам не применяли. Но во Флёровской гимназии был необычайно высокий даже для столичных гимназий — московских, петербургских, харьковских, одесских — процент талантливых учителей. Ну, просто талантливых в каком-то смысле! Многие из них были талантливые люди кроме всего прочего, некоторые были чудачки, другие были действительно довольно крупными специалистами. У нас, в сущности, в каждом классе было по меньшей мере три-четыре очень хороших талантливых учителя. Для старших классов это имело большое значение. В старших классах учитель должен уметь увлекать своими лекциями и рассказами, а не применять какую-то идиотскую педагогику, которая никому не нужна.

Среди преподавателей Флёровской гимназии в мое время были учителя, которые потом стали моими университетскими преподавателями. И это было хорошим началом, и хорошим трамплином и разгоном для университетских преподавателей, и хорошей практикой для них. И это, как я уже говорил, в значительной мере повышало средний уровень школьного преподавания. Правда, иногда бывали и такие случаи. В старших классах... кажется, это было в восьмом классе, существовал предмет космография. И у нас во Флёровской гимназии преподавал ее экстраординарный профессор Московского университета, астроном. Вот в данный момент у меня выпала из головы его фамилия, ну, довольно известный астроном... Это, конечно, было полнейшим недоразумением. Он был, несомненно, хороший астроном, несомненно, хороший профессор университета. Но у нас он, приходя на урок, вежливо с нами раскланивался, мы, вставши, тоже вежливо раскланивались. Потом он оборачивался к доске и все положенное для урока время записывал там какие-то абсолютно нам непонятные формулы и при этом что-то говорил. Причем мы полагали тогда, что он не отдает себе отчета, какой из своих университетских курсов он читает. Но совершенно явно он не осознавал, что он в гимназии производит лишь сотрясение воздуха.

И это, простите, не игнорирование передовой педагогики, а просто чисто индивидуальное свойство вот этого профессора. Передовая педагогика — это довольно ненужная вещь, потому что обычно в основе ее лежит неправильное мнение, что можно человека чему-то научить против его желания, заставляя его учиться. А это не так. Разбудить желание может интерес, а не передовая педагогика. Ежели учитель талантливый и интересный человек, то никакой ему ни передовой, ни реакционной педагогики не требуется.

Класс наш был в должной мере хулиганистый и отличался очень интересной особенностью: в нашем классе самое, так сказать, хулиганье, ну, человек пять-шесть, в то же самое время были лучшими учениками, которые в конце все кончили с золотыми и серебряными медаля-

ми. Этим, во-первых, объяснялся высокий уровень нашего хулиганства и, во-вторых, большие трудности для начальства с нами бороться. Ну, нахулиганим, а в то же время, как говорится, цвет класса. Что ж поделаешь! Нельзя всех будущих медалистов выгнать из класса. Неловко вроде. И вот нас терпели поэтому. И хорошо делали, что терпели. И мы терпели начальство. Начальство у нас тоже было, в общем, хорошее. Александр Сергеевич Барков был прекрасный директор*. И когда что-нибудь действительно серьезное случалось, он умел формально закрыть глаза, не заметить и пропустить. А потом частным образом нас вздрючить. Но вообще мы хулиганили, обыкновенно, остроумно и, в общем, безвредно.

Я пробовал обучать теперешних школьников, но ведь теперешние школьники, поскольку они не подвергаются никакой дисциплине, могут хоть на головах ходить, хоть без штанов разгуливать по коридорам и вытворять со своими учительницами-шкрабшами* все, что угодно, а вы с ними ничего не можете вытворить, поэтому как-то и хулиганить-то им неинтересно. Они вот больше обрезают... микрофоны у автоматов телефонных. Такой работой занимаются.

А мы так. У нас один год была очень симпатичная по человечеству, совершенно русская, но блестяще знавшая французский язык преподавательница французского языка. У нас в мужских гимназиях преподавательниц обыкновенно не было. Вот единственно бывали француженки. Ну вот, один год и у нас француженка была, Ольга Владимировна*, удивительно симпатичная дама, и такая очень дама. Она временами любила устраивать целый урок (у нее было два урока в неделю, один раз час, а другой раз два часа), вот двухчасовой урок она время от времени посвящала сплошному опросу. Ну, а сплошной опрос, как известно, неприятная вещь. Пусть лучше треплется учительница, чем спрашивает. Потому что, ежели она спрашивает, мы мычим. А она может трепаться свободно.

Тогда мы такую штуку произвели. Какой-то особенно предстоял неприятный опрос. Перед тем мы послали

Льва Харлашку в булочную Чуева в одном из арбатских переулков. Там за пятак в такой бумажный фунтик мальчонка набирает прусаков, лучше прусаков, а не тараканов: они мельче. Перед уроком на кафедру ставился стул (кафедра сама довольно высокая, затем стул ставился на кафедру), и самый долговязый влезал на стул и из паке-тика брал за ножки осторожно прусаков, плевал им на спинку и приклеивал к потолку над кафедрой. И так об-клеивал потолок. Потолки высокие, французенка-то, чего ей на потолок глядеть, на потолок ей глядеть нече-го, она приходила, садилась за кафедру. А слюни как всякое жидкое и полужидкое тело имеют привычку под-сыхать. Значит, на спинке у таракашки слюнки подсох-нут — он и падает на французенку. Она не понимает. Видит — тараканы начинают бегать вокруг нее. Один за-полз ей за шею, прямо как у Козьмы Прутков: «Однаж-ды к попадье заполз червяк за шею»*. Она разохалась, разохалась, решила, что в гимназии какая-то инвазия та-раканов началась. Мы, конечно, тоже все вскочили, ра-зохались, разохались, начали ловить этих прусаков. Од-ним словом, произошло большое оживление и веселье. Она побежала к кому-то там... к швейцару или помощ-нику швейцара, к кому-то из так называемых работяг, жаловаться, что откуда, мол, эти тараканы завелись. Тот прибежал. Но тот не дурак — посмотрел на потолок: а там еще остатние, неподсохшие еще, на потолке были. Он тогда: «А вот видите, откуда они». Ну, тут и ей стало все ясно. Но так как она была дама, во-первых, настоя-щая дама, а во-вторых, не сволочь и не стерва... Так что, вот, такую штуку проделывали.

Потом у нас был замечательный физик, Борис Федо-рович Розанов. Он был доцентом Петровской сельскохо-зяйственной академии, ныне Тимирязевка, и у нас пре-подавал физику. Он очень хороший был человек, пре-красный физик, но он, обыкновенно, плохо соображал, где он находится, и иногда впадал в такое физическое увлечение, что, упершись в доску с формулами, расска-зывал нам что-то такое, наверное, очень интересное, че-го мы не понимали. И еще страшно любил показывать

опыты. Мы их называли фокусами и даже всегда просили: «Борис Федорович, вы нам сегодня фокусы покажете?» А он смеялся, говорил: «Покажу, покажу».

А у нас было несколько комиков. Главные комики были: Игорь Ильинский*, который потом профессионалом стал по этой части, но он был так, на третьем месте, а на первом и на втором месте были Вольф и Гарвей. Ну, эти были действительно прирожденные комики, разного стиля: у Гарвея морда кирпича просит, такая именно морда, а не личность, какой-то квадратный такой череп, волосья... называлось это бобриком. Когда начальство приставало: «Когда ты подстрижешься?», он говорил: «У меня бобрик». А это не бобрик, а черт знает что на голове. И такая наглая физиономия, как у такого, ну, средних лет пропойного пьяницы.

А Вольф наоборот. Папаша у него был акционер издательства «Вольф», люди богатые были, и очень шикарно он одевался. Ему начальство иной раз делало замечание и раз даже приказало больше не приходить. И он умел быть изысканно изящен и вежлив.

И вот Борис Федорович Розанов. Я до сих пор помню один случай, когда его чуть кондрашка не хватил. В связи с какой-то физикой общепонятной и общедоступной он показывал общеизвестный, элементарный опыт сообщающихся сосудов: для этого берут изогнутую трубку, наливают в нее подкрашенную воду, либо красную, либо синюю, и потом показывают, что в обоих коленах этой трубки на одном уровне вода стоит. Почему это так, вам, гуманитариям, конечно, неизвестно, но что это так, вы в этом убеждены. Ну, и мы, конечно, были все убеждены. И вот Борис Федорович показывает нам закон сообщающихся сосудов, морда у него сияет: он страшно любил любые, даже совершенно элементарные опыты показывать. Показал. И тогда Вольф аккуратно поднимает руку: «Разрешите, Борис Федорович?» А Борис Федорович страшно любил, когда мы, мальчики, задаем вопросы. Это ведь многие учителя любят, потому что думают, по глупости и серости, что это от интереса и понимания, когда это от хулиганства, вообще-то говоря. Так вот, он поднял ручку: «Мож-

но вопрос в связи с очень интересным фо..., простите, опытом, который Вы только что нам показали...» — и потом таким баритоном интеллигентным, задушевым, вдумчивым баритоном... Сперва небольшое такое введеньице, что, «знаете, Борис Федорович, я всегда восхищаюсь точными Вашими науками, до чего это все замечательно, особенно, вот, физика. Химия — это все-таки не то, а вот физика — это замечательно. Вот меня очень увлек этот интересный эксперимент, который Вы нам показали, но у меня вопрос». Борис Федорович сияет: вопрос! «Скажите, Борис Федорович, если воду вместо синего выкрасить в красный, тоже получится?» Тут Борис Федорович вдруг обмяк, и мы думали, что с ним кондрашка случится: «Я рассказывал, думал, что вы, сукины дети, понимаете, а оказывается, вы ни черта не понимаете». Большое это было для него разочарование. Но потом он вскоре утих, он очень был отходчив. Я этот урок помню, он перед глазами у меня стоит... последний урок, мы должны были уходить. И после уроков, значит, звонок прозвенел, мы все встали, Борис Федорович тут еще кому-то что-то объяснял, и мы пропели ему при выходе любимую его песню:

Борис Федорович полысел, полысел,
Борис Федорович полысел, полысел. Да!

А еще был случай, когда опять по наивности и такой хорошести своей он просто испугался и тоже его чуть кондрашка не хватил. У нас был замечательный физический кабинет, просторный такой. Впереди большой стол, за которым разгуливал преподаватель, черная доска, которая ездила вверх и вниз, не хуже, чем в теперешнем МГУ, и такие столики на двух человек, не парты, а именно столики, а внизу, как у парт, они были скреплены соответствующей скамейкой для двоих. На этих столиках можно было опыты проделывать с приборчиками, всякие такие штуки. А Борис Федорович был глуховат и, как я уже говорил, страшно увлекался. Так вот, мы отрепетировали такую штуку. Это трудно было, но мы репетировали долго и достигли совершенства почти балетного. По команде безмолвной впереди сидящий

подымал руку, все мы брали, каждый, под стол руками, скамью подымали и так-так-так — поворачивались на 180 градусов. Причем до того отрепетировали, что это все происходило абсолютно бесшумно, да и Борис Федорович глуховат без того.

И вот однажды, когда он увлекся у доски, мы таким образом перевернулись. А он, значит, свое отбубнив, повернулся к классу и ничего не мог понять. Начал он перед классом, а кончил — в заду где-то. Потом вдруг сообразил и страшно был сам доволен. Хохотал: «Как это!?» Ну, тут мы ему: «Борис Федорович, это Вам не физика. Мы две недели тренировались. Каждый день начинали с того, что приходили на четверть часа раньше в гимназию и четверть часа упражнялись». Вот такие штуки. Это штуки приятные, хулиганство не вредное и с выдумкой.

Наряду со всякими хулиганствами и прочими фокусами мы, однако, с переменным успехом занимались. Из преподавателей были у нас самыми замечательными следующие. Во-первых, математик Николай Тимофеевич Зерченинов. Мы его звали либо Николай Теоремович, либо Николай Мордофеевич. Очень хороший человек, быстр был на все: на соображение, на ответ, на вопрос, быстро двигался, довольно быстро говорил, прекрасно преподавал математику. У нас примерно половина класса была антиматематически настроена, но и эта половина все же знала более или менее математику. Он нам очень много помогал во всяких общественных делах: в устройстве и организации кружков, затем, когда мы влопывались с хулиганствами какими-нибудь и нужно было вступать в умные и осторожные отношения с начальством, потому что начальство, хотя и были люди очень хорошие, но все-таки они начальство были, чиновники, и не могли спускать нам все, что угодно. Так вот, Николай Мордофеевич нам помогал в этих делах. Он как-то умел с начальством вдумчиво говорить на педагогическом уровне. Все как-то так оборачивалось, что получалось в конце концов: «Ну что ж, ну схулиганили, ну не беда». Вот к этому он вел. Вот, это был очень замечательный учитель.

Затем Константин Иванович Горбачевский*, латинист, преподаватель латинского языка. Ведь считалось, особенно передовой интеллигенцией, черт бы ее побрал, которая ничего ни в чем не смыслила обыкновенно, что это какие-то ретроградные люди, что предмет совершенно не нужный... Я считаю, что латынь, пожалуй, основной нужный предмет в средней школе. Мы сейчас видим: у современной молодежи, кончающей среднюю школу, невероятные, в сущности, непреодолимые трудности с иностранными языками. Они долбят слова и число знаков либо английских, либо немецких по двенадцать лет подряд и ничего не выдалбливают. И это, во-первых, связано с тем, что преподавание иностранных языков в средней школе у нас поставлено — хуже трудно придумать. Все эти учительницы своими иностранными языками не владеют, а владеют только какими-то педагогическими приемами. А мальчишкам и девчонкам надо язык выучить, а не педагогические приемы. А нас безо всякой педагогики учили по системе Берлица*. И в конце концов, так как преподавателям языков запрещалось в классе по-русски разговаривать, то, в общем, все кончалось благополучно.

А, во-вторых, сейчас нет латыни. Это ведь ужасная вещь. Ведь на латыни основаны все эти наши-то, русские иностранного происхождения слова, которые русские люди современные не понимают, откуда они взялись, поэтому перевирают с невероятной легкостью. Затем большинство научной и технической терминологии основано на латинских и греческих корнях, преимущественно латинских. И ежели греческие участвуют, то в латинизированном виде. И наконец, латинская грамматика — основа всех европейских языков, кроме русского и английского.

С русским такое приключение случилось: преподобными Кириллом и Мефодием была изобретена своя азбука, но компилятивная, скомпилировали из греческой, из латинской, арабской, еврейской и всяких других свою азбуку славянскую для тогдашнего литературного славянского языка, и свою грамматику тоже скомпилирова-

ли из разных грамматик, присобачили ее к этому литературному славянскому языку. Алфавит, грамматика и язык литературный в течение тысячи с лишним лет совместно эволюционировали и привели в конце концов к «великому, могучему, свободному» и так дальше русскому языку, который сейчас коверкают на все возможные лады.

К романским языкам, которым латинскую грамматику сверху придали, она, ну, более или менее подошла, особенно к итальянскому и французскому языку. Французский язык поэтому, современный литературный французский язык, пожалуй, из европейских языков наиболее прецизионный, элегантный и совершенный по структуре. А вот в германских языках получилась неприятность. Немецкий литературный язык подчинился латинской грамматике и получились все эти «цу на конце», понимай все наоборот, а что наоборот понимать, уже забыто. Затем ненужные в немецком языке *Plusquamperfekt*, *Futurum zwei* и всякие штуки. И это повело к тому, что сейчас высококультурные интеллигентные немцы плохо владеют грамматикой своего собственного языка. А разговорный язык всегда отъезжает от литературного. Если человек разговаривает на языке Шиллера и Гёте, то сразу значит, что это иностранец, по возможности русский. Потому что на языке Шиллера и Гёте никто не разговаривает.

Другая крайность — английский язык, который при этой оказии вообще от грамматики отделался. Говорят, особенно у нас, что в так называемых английских школах очень плохо и безнадежно пробуют обучать детишек английскому языку, и ничему они не выучиваются, конечно, по вышеизложенным причинам. Я вот довольно в совершенстве владел английским языком, сейчас немного подзабыл, но не помню, чтоб я изучал или вообще даже слышал о какой-то английской грамматике. Мне какие-то друзья говорили, что она отличается тем, что состоит преимущественно из исключений. И у меня было много друзей, англичан и американцев, которые тоже утверждают, что они, в общем, тоже об английской

грамматике никогда путем не слышали и она без надобности. Ну, английский язык, вообще, движется... на встречу китайскому благодаря абсолютному несоответствию языка латинскому алфавиту и вместе с тем сохранению традиций написания слов романо-германских (как известно, пишется Ливерпуль, а произносится Манчестер). И в общем написание превращается в символику какую-то: например, слово *through* — сколько букв, а, собственно, два с половиной звука.

Так вот, у нас, к счастью, был замечательный латинист Константин Иванович Горбачевский. Он был вообще интересный очень человек, удивительно милый, хороший человек, за пределами класса всегда нас опекал всячески. Бывали случаи, что мы что-нибудь действительно отмачивали не вполне, так сказать, добропорядочное, он тогда нас мягко приводил к одному знаменателю, и, вообще, мы чуть ли ему не в жилетку плакались уже полувзрослыми мужиками. Но в классе, когда он входил в класс, он вытягивался; у него один глаз был свой, а другой стеклянный, кроме всего прочего, острый нос, тощий, бритый — в общем, безобразный по виду. И он вытягивался, подымал руку и по-римски говорил: «*Salvete, discipuli mei!*» На что, подымаясь, мы хором отвечали: «*Salve, domine magister*». На уроках в основном с нами по-латыни разговаривал. И преподавал нам не только латинскую грамматику и всякие там *cum temporale*^{*}, но и древнеримскую историю.

Третий замечательный преподаватель был Владимир Михайлович Фишер^{*}, преподаватель русского языка и литературы. Ну, он просто очень интересный, талантливый человек был. Он нам с самого начала, в шестом классе, сказал: «Я вам не буду преподавать то, что положено, я приват-доцент в университете, читаю, что хочу. Так я и вам буду читать, что хочу. А у меня есть вот учебничек, кроме того есть потолще учебник Саводника для гимназий^{*} и Сиповского несколько томиков хрестоматий^{*} по русской литературе и словесности. Так вот и пользуйтесь. Вы ребята достаточно взрослые, грамотные. А я вам буду интересное читать». Так он и делал. Мы что нужно учили, а сверх этого он нам читал интересное.

И раз в месяц опрос. Он немножко гнусил, но совершенно замечательно декламировал, особенно классическую русскую поэзию, начиная с Ломоносова:

Лице свое скрывает день,
Поля покрыла хладна ночь...*

И Державина. Он обратил в свое время наше внимание, и я в этом убедился совершенно, прочтя очень много всяких стихотворений на всяких языках, что в мировой поэзии лучшее произведение — это последние коротенькие стихи Державина:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,—
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы*.

Это, конечно, лучшее произведение всей мировой поэзии по краткости, ясности и всем прочим качествам. Ничего лучше никто не написал. Владимир Михайлович Фишер всем нам, включая уже в то время безнадежных математиков, физиков и естественников, привил любовь к настоящей хорошей литературе. Это редко бывает. Школа, если поглядеть сейчас, современная школа, ведь она у молодежи отбивает всякий вкус к какой бы то ни было литературе. Да и раньше то, что проходило в обязательном порядке в гимназиях, обыкновенно за всю жизнь не перечитывалось. Хватало. А мы все были Владимиром Михайловичем приучены к хорошей русской литературе, и, конечно, он нам давал очень хороший обзор всей мировой литературы.

У нас не было двух разных предметов: русской литературы и иностранной литературы. Иностранная литература давалась попутно с русской, так сказать, в контексте с русской и синхронно с русской. Он сам был очень хорошим переводчиком, и им были напечатаны перево-

ды Байрона. Вообще, талантливейший был человек. И он не обладал ни стремлением к поддержанию дисциплины, ни строгостью, ни какими-то педагогическими качествами — ничем. Но никому, даже самым безнадежным хулиганам и дуракам в классе, в голову не могло прийти во время урока Владимира Михайловича Фишера что-нибудь выкинуть, слово какое-нибудь сказать или звук какой-нибудь издать, двигаться зря. Все сидели, слушали и восхищались. Из чего опять же следует, что всякая педагогика — гнусь и муть. Никому она ни на что не нужна.

Затем был, конечно, хорош наш директор, Александр Сергеевич Барков. Он преподавал географию, до революции был доцентом, а потом стал профессором Московского университета. Он был очень хороший человек. Ну, у него вели себя всегда все примерно, он директор был, начальство, Их Превосходительство. Он заботился о том, чтобы у нас поддерживались кружки, всегда говорил, что официально я не обязан знать, но устраивайте кружки. И, в частности, он принимал участие вне стен гимназии в нашем географическом кружке. Это первый наш кружок был, который потом перерос в «Сикамбр»*.

И наконец, упомяну еще Александра Петровича Калитинского*, который был доцентом Археологического института, по специальности геолог и антрополог. Он немножко занимался физической антропологией, происхождением человека, всякими неандертальцами и прочими якобы уже членораздельными скотами. И археологом был немножко. Он преподавал у нас в старших классах и относился к преподаванию юмористически, что очень хорошо. Надо сказать, что все эти преподаватели, о которых я говорю вам, все они были замечательны в первую очередь тем, что в них не было звериной серьезности. Они не страдали тем, что немцы называют «der tierische Ernst» — звериная серьезность. Это ужасное свойство многих людей — страдать звериной серьезностью. Так вот, они не страдали, и Калитинский в особенности. Он вообще нас предупредил, придя в класс преподавать географию (это уже были основы экономической гео-

графии всего земного шара, и основы экономической географии России, и основы климатологии): «Вот по программе вам положено то-то и то-то, могу вам рекомендовать такие-то учебники, такие-то книжки для чтения (точно так же, как Владимир Михайлович, только другого типа совершенно человек). А я вам буду интересные вещи рассказывать из того, что по программе не положено, главным образом, основы физической антропологии, происхождение человека и кое-что из климатологии новенькое: о Воейкове, о комплексной географии, о комплексном изучении земной поверхности». И читал нам блестящие лекции.

Зоологию во Флёровской гимназии тогда преподавал Сергей Иванович Огнёв*, зоолог очень крупный, через некоторое время, через ряд лет, ставший профессором зоологии Московского университета и крупным звероводом, крупным специалистом по млекопитающим, особенно по грызунам, отчасти насекомоядным. Сергей Иванович, кроме того, был сыном знаменитого в свое время, в те времена уже старика, Ивана Флоровича Огнёва*, профессора гистологии на медицинском факультете того же Московского университета, большого знатока московских древностей.

Я вам еще не рассказывал, как мы втроем, представители трех поколений: Иван Флорович Огнёв, живописец известный очень* Михаил Васильевич Нестеров (среднее поколение, ему тогда было сорок с хвостиком) и я, гимназист старших классов,— во время первой мировой войны почти каждую субботу и воскресенье ходили по всем московским церквам. И не художник Нестеров, отчасти известный своей церковной живописью и вообще религиозной тематикой в живописи, а гистолог Иван Фролович Огнёв нам преподавал всю археологию и искусство старых московских церквей. Мы тогда обошли за две зимы, по-моему, все московские церкви, построенные раньше XX века, с XIX века и до основания Москвы. Кроме того, той же тройкой ездили в теперешний Загорск, тогда Сергиев Посад, и в окружающие пустыни.

А Сергей Иванович Огнёв тогда был молодым внештатным ассистентом Московского университета, сидел в Зоологическом музее. Но так как он по университету денежек не получал, и хотя семейство было не бедное, он хотел, конечно, зарабатывать деньги. И деньги он зарабатывал в качестве гимназического учителя зоологии. Как я уже говорил, количество штатных оплачиваемых должностей ассистентов в университетах было ограничено очень. Внеуниверситетских, чисто научных институтов практически почти не было не только в России, а вообще в мире. Значит, оплаченных научных должностей, с которых ученый мог начинать свою научную карьеру, было немного. Поэтому было естественно, что большинству приходилось на стороне где-то зарабатывать деньги. Естественнее всего было зарабатывать будущим ученым учителями, поэтому очень многие будущие крупные и историки, и филологи, и зоологи, и ботаники, и химики, и физики начинали с учительства в соответствующих специальностях, были гимназическими учителями.

Сергей Иванович Огнёв был преподавателем зоологии в гимназии в те времена и уже сверхштатным ассистентом университета. А после революции стал сперва штатным ассистентом, потом доцентом, потом профессором и одним из крупных наших зоологов-позвоночников. Затем были два брата Жадовские, Борис Эсперович и Анатолий Эсперович. Борис Эсперович Жадовский рано умер. Он был тоже гимназическим преподавателем зоологии и сверхштатным университетским ассистентом. А Анатолий Эсперович был преподавателем ботаники в гимназии, а потом стал известным и превосходным доцентом ботаники Московского университета. Это вот только по моей специальности. Но и в других областях. Химию преподавал Славянов — доцент химии в Коммерческом институте московском. В Москве был до... кажется, он закрылся или слился с чем-то в 19 году уже, после революции, Коммерческий институт*, который славился очень хорошим составом профессоров и преподавателей.

Там вот Александр Васильевич Цингер был профессором физики. Знаменитый* Цингер, который написал знаменитые учебники и в качестве физика «Занимательную ботанику», а не «Занимательную физику». А «Занимательную физику» не он, а его сотрудник один, Яша Перельман*, написал, его ассистент по Коммерческому институту. Тот написал «Занимательную физику», «Занимательную математику» и «Занимательную арифметику». А потом пошли всякие другие занимательные. А физик Цингер написал «Занимательную ботанику». И прекрасная книга! Эта вещь переведена на немецкий, английские языки и, вообще, послужила своего рода началом и эталоном для всяких «занимательных». Вот прекрасная «Занимательная зоология» была крупным очень зоологом мюнхенским, профессором зоологии в Мюнхене, фон Фришем, потом написана. Кстати, непосредственно под личным воздействием Цингера. Они были знакомы лично и даже дружили. Одним словом, в гимназиях... вот в нашей, Флёровской, гимназии и в целом ряде других московских гимназий... и петербургских гимназиях (в меньшей степени в киевских и харьковских), молодыми относительно учителями были начинающие преподаватели соответствующих университетов, политехнических институтов и так далее.

Кто нуждался, тот мог в нескольких гимназиях набрать себе достаточное количество часов для того, чтобы вполне культурную, цивилизованную жизнь вести, даже жениться и родить каких-нибудь детей. А раньше-то рожали не одно дитё и не сидели всю жизнь втроем, как сейчас: два родителя едят одного ребенка... Но ребята сейчас, в общем, устойчивые, и обычно все-таки не удастся двум родителям угробить одного ребенка. А раньше-то ребят было много: нас было семь человек, у моей жены в семействе было детей девять штук. Итого: в двух семействах наших было шестнадцать...

Так вот, вторым моим учителем зоологии стал Сергей Иванович Огнёв, и не столько по Флёровской гимназии, потому что гимназическая зоология для меня была уже малоинтересна, сколько по совместному участию

в экспедициях. Он был блестящий экспедиционный и экскурсионный зоолог, прекрасно разбирался в природе, прекрасно видел ландшафт и был совершенно изумительным для тех времен фотографом.

Мне посчастливилось с Сергеем Ивановичем Огнёвым экскурсировать и в Смоленской губернии, и много по Московской губернии, малость по Тверской губернии, и в других экскурсиях зоологических я его сопровождал, поэтому ознакомился с местожительством и местообитаниями целого ряда млекопитающих и птиц в природных условиях. Можно по музейным шкуркам прекрасно знать какие-нибудь группы зверей и птиц и понятия не иметь, как они выглядят в природе и где они на самом деле обитают. А вот Сергей Иванович и это прекрасно знал, и я у него этому научился.

Затем мне пришлось сопровождать его в качестве препаратора в нескольких больших экспедициях. Самой интересной была одна экспедиция в то, что теперь является Казахстаном, тогда Киргизскими степями называлось. В те же времена я стал выдающейся личностью. Вы должны ценить, что знакомы со мной, имеете со мной дело. Я не просто человек, а я, насколько мне удалось установить, единственный человек в мире, в природных условиях обгаженный пеликаном. Понимаете? Это, как говорится, не жук накакал, а много серьезнее. А было вот как. В районе озера Денгиз много мелких и средней величины озер различной солёности. Мне там нужны были два пеликана для коллекции. Один пеликан уже был, шкурка была уже препарирована, и вот нужен был другой пеликан. И как-то еду я себе верхом, подъезжаю к озерку, с одного берега камыши, тростники и такая бухточка. И в этой бухточке плавают целая стая пеликанов и рыбу ловят. Я соскочил с коня... А конь был казачий, хороший, он стоит и стоять будет сколько угодно, ждать седока. Я, значит, бросил коня и пополз в эти камыши. Подполз на расстояние верного выстрела, из стаи выбрал себе нужного пеликана, бабахнул и убил его. Пеликаны все перепугались и полетели. Они плыли на меня и полетели так — через меня. И с ними медве-

жья болезнь, по-видимому, случилась: они в воздухе все обкакались. И один пеликан мне в лоб угодил. Крупный такой заряд рыбный, вонючий страшно. Я прямо даже не раздеваясь — мне все равно нужно было в озеро лезть за убитым пеликаном — ну, я бросился в озеро, обмылся. Так что это «не то что что-то, а что касаясь в рассуждении, то вообще...».

Во всех таких поездках я был уже тогда сборщиком Императорской Академии наук. Это очень замечательная вещь... Через Огнёва и его отца, старика Огнёва, Ивана Флоровича, знаменитого профессора Московского университета, и... еще кого-то... я получил так называемый открытый лист. Зоологический музей Академии наук пополнялся главным образом сборами, так сказать, народных масс всяких. Было довольно много коллекционеров, сборщиков, которые работали на Академию наук. И им выдавался такой замечательный, на толстой бумаге лист, где напечатано было наверху огромными буквами «Императорская», потом поменьше — «Российская Академия наук» и совсем маленькими — «Зоологический музей». Затем текст, примерно такой: «Податель сего является препаратором и сборщиком материала Зоологического музея Императорской Российской Академии наук». И самое важное дальше: «...указанному препаратору и сборщику Тимофееву-Ресовскому (это вписано тушью писарем, писарской рукой, аккуратненько) разрешается круглогодичная научная охота в пределах всей Российской империи без соблюдения каких-либо охотничьих сроков. Всем местным властям предлагается оказывать (опять тушью вписано) Тимофееву-Ресовскому всяческое содействие. Президент Академии наук Великий князь Константин Константинович».

Ведь Карпинский был вице-президентом. Только с 17 года он стал президентом, когда Константин Константинович — поэт известный К. Р. — скончался. Вот. Написано «Константин», а сбоку канцелярской рукой опять тушью написано: «Подписано его Императорским Высочеством Великим князем Константином Константиновичем». А в левом нижнем углу большая восковая

печать, покрытая такой папиросной бумажкой с двумя шелковыми хвостиками. Я об этом рассказываю потому, что эта бумага делала человека примерно тем, что из литературы мне известно в отношении фельдъегерей времен Николая I, которые могли, значит, по всей России скакать с невероятной скоростью, ямщиков и даже почтмейстеров бить по морде и т.д. Значит, я получал всюду почтовых лошадей без очереди. Это была очень выгодная бумажка. Я получил ее, когда мне было 13 лет. Вообще-то я был горд, конечно. Но ничего особенного. Вещь деловая. Чего ж там гордиться.

Всякие учителя и всякие способы учиться

Наряду с Московским, тогда Первым Московским государственным университетом с 1908 года в Москве существовал, а в те годы, когда я, еще будучи в гимназии, начал его посещать, расцвел или, скажем так, в среднем роде, расцвело высшее учебное заведение и вообще предприятие — Московский городской свободный университет имени Шанявского*. Был такой генерал-лейтенант Шанявский, очень богатый человек, который еще при жизни основал между прочими благотворительными учреждениями этот самый свободный университет. А затем, основав его, помер и весь свой капитал, все свои деньги оставил для завершения строительства, оборудования и т.д. этого самого университета. Университет Шанявского был любопытным учреждением. Он был выстроен и оборудован по типу современного по тем временам университета, высшего учебного заведения. Но состоял он из трех, что ли, частей.

Во-первых, из сектора, устраивавшего эпизодические публичные научно-популярные или даже научно-специальные лекции тех или иных интересных или крупных ученых самых различных специальностей: от искусствоведения до математики.

Второй сектор представлял из себя циклы научных лекций по определенным различным как гуманитарным, так и естественнонаучным дисциплинам. Например, Муратов, Градов, Тренёв* читали очень интересные циклы лекций по истории живописи, архитектуры, скульптуры — по истории изобразительных искусств. Василенко*, довольно крупный композитор конца XIX — начала XX века, читал очень интересный курс всеобщей истории музыки и музыкальных инструментов. Затем целый ряд литературоведов, филологов и естественников читали маленькие или более крупные курсы по своим специальностям. Например, знаменитый в свое время, да и до сих пор считающийся классиком петербургский профессор Кравков*, экспериментальный фармаколог и химик, читал интереснейший курс теоретических основ фармакологии. Я эти лекции слушал, даже не подозревая, что через тридцать лет они очень мне пригодятся в научной работе, посвященной совершенно иным, не фармакологическим и не иммунологическим проблемам. То есть курсы были от астрономии почти до гастрономии.

И наконец, третий сектор, основной — это университет, построенный по университетскому типу, с несколькими факультетами, где читались примерно в пределах университетских программ курсы разных гуманитарных и естественно-исторических дисциплин. Многие из этих курсов были очень интересны... по очень странной причине, подтверждающей старую поговорку: «Нет худа без добра».

Как известно, в 1911 году знаменитый нервный, довольно реакционный и не особенно умный министр Кассо рядом своих нелепых распоряжений и попыток активного вмешательства в дела средней и высшей школы спровоцировал, так сказать, защитную реакцию профессоров и преподавателей Московского университета, в результате чего он уволил тогдашнего декана физико-математического факультета Михаила Александровича Мензбира*, зоолога знаменитого. И вызвал уход из Московского университета большой группы, более ста человек, лучших и крупнейших профессоров, доцентов и асси-

стенгов университета. Добром этой акции явился совершенно небывалый в истории высших учебных заведений расцвет Московских высших женских курсов*, потому что большая группа университетской профессуры и доцентуры ушла туда.

Высшие женские курсы, приравненные к университетам, были тогда в Петербурге, в Москве, в Киеве, в Харькове, в Казани и где-то еще, в Варшаве, кажется. Высшее образование, мужское и женское, протекало отдельно, что было полезно во всех отношениях, включая романтическое, потому что меньше рожали «жеребят», не закончив образования. С другой стороны, так сказать, поощрялась межвузовская романтика, а не внутривузовская, которая скучнее и требует меньшей изобретательности и меньше таланта. Так вот, Московские высшие женские курсы страшно выиграли в первую очередь потому, что лучшие профессора из Московского университета перешли в профессию Высших женских московских курсов. Некоторые ушли на Московские высшие Голицынские сельскохозяйственные женские курсы, так называемые Голицынские курсы*. Обогатилась и Петровско-Разумовская академия, ныне Тимирязевская, и расцвел университет Шанявского.

Самое важное в этом заведении было то, что в слушатели принимались лица, достигшие 16-летнего возраста, безотносительно каких бы то ни было образовательных цензов и бумажек. В 16 лет юноши и девушки считались достаточно взрослыми, чтобы понимать, грамотны они или неграмотны, будут понимать то, что будут слушать, или не будут. Это их собачье дело было. Значит, этим университет Шанявского не интересовался. Но за это по договору с правительством он и никаких прав никому не давал. Он давал желающим образование, а не права быть кем-то... А это очень существенная вещь... Университет Шанявского, его университетское отделение, был первоклассным, совершенно современно оборудованным. Многие крупные университетские ученые получили там совершенно новые, интереснейшие возможности развития и перестройки своих курсов и своих лабораторий.

В частности, мой учитель, Николай Константинович Кольцов*, очень замечательный зоолог и экспериментальный биолог русский, в университете Шанявского организовал первую в России, в Европе, а пожалуй, и во всем мире, специальную кафедру и лабораторию экспериментальной биологии. Вокруг нее собралась группа очень талантливой молодежи, с помощью которой он создал первую в России школу экспериментальной биологии, давшую впоследствии большое количество крупных ученых, уже после революции в свою очередь, ставших крупными профессорами, создателями своих школ. После революции, кстати, большинство ушедших в 11 году из Московского университета ученых вернулись в той или иной форме в Московский университет, в том числе и Михаил Александрович Мензбир, и Кольцов, и другие...

Так вот, я это говорю к тому, что часть из нас, тогдашней молодежи студенческого возраста и состояния, использовали, по мере возможности, и этот университет Шанявского. Там я и познакомился с лабораторией экспериментальной биологии Кольцова, прослушал несколько лекций Кольцова. И потом уже, после революции, будучи студентом Московского университета, между военными всякими приключениями стал слушать как следует зоологию, целый ряд университетских курсов, главным образом Кольцова, а потом и работать в кольцовском Институте экспериментальной биологии.

В мое время в университете все структуры и все преподавание было построено совершенно иначе, чем сейчас. Во-первых, не было этой бешеной специализации и многофакультетности. В сущности, было четыре факультета: медицинский, юридический, историко-филологический и физико-математический. Юридический в то же время был общеобразовательным, на него шли люди, которые ничем особенно не интересовались, но им нужен был диплом о высшем образовании для чисто служебных целей. Историко-филологический и физико-математический разделялись уже на несколько, немного, отделений. Например, на физико-математическом

факультете было астрономо-математическое отделение, физическое отделение и естественное отделение, в которое входили все науки, от химии до антропологии и географии.

На естественном отделении первый курс был общий для всех. И это очень было хорошо. Во-первых, хорошо потому, что всем естественникам давало основы всех основных подразделений естествознания. На первом курсе слушали курс общей физики с малым практикумом, общей химии, общей зоологии, общей ботаники с соответствующими малыми практикумами. И лишь со второго курса начиналась специализация. Биологи разбивались на зоологов и ботаников. И это было очень удобно. У нас у всех, кто бы мы ни были в дальнейшем: зоологи, ботаники, химики, геологи — было в качестве основы некоторое общее обозрение всех естественных наук, что, конечно, очень полезно и хорошо и расширяло кругозор.

Первый курс естественного отделения физико-математического факультета, объединявший практически все существующие разделы естествознания (за исключением физики, астрономии и математики), давал возможность поступившим в университет студентам всерьез избрать себе специальность. Потому что большинство поступающей в вузы молодежи, в сущности, всерьез не знает, чем она, эта молодежь, интересуется. Обычно студенты-первокурсники плохо представляют себе те науки, которые они избрали якобы своей специальностью. Вот первый курс естественного отделения давал без потери времени, а наоборот, с большой пользой, возможность сознательно избрать то, чем данный студент заинтересуется.

Из зоологов в Московском университете моими главными учителями были Михаил Александрович Мензбир, Николай Константинович Кольцов и их уже ученики, более молодое поколение: Сергей Сергеевич Четвериков*, Борис Степанович Матвеев*, Сергей Николаевич Скадовский* и еще несколько человек.

По зоологии были тогда поставлены в Московском университете два совершенно образцовых, значительных, больших практикума. Это, в первую голову, двухгодич-

ный большой зоологический практикум по беспозвоночным Кольцова и одногодичный практикум по сравнительной анатомии позвоночных при кафедре Северцова*. Вел этот практикум Борис Степанович Матвеев. Практикум кольцовский по зоологии главным образом вел Григорий Иосифович Роскин*, один из основных сотрудников Кольцова еще по университету Шанявского, его ученик и крупный цитолог и гистолог.

Особенно интересно был поставлен большой практикум Кольцова. Стержнем практикума было изучение не только типов, но всех классов беспозвоночных, начиная с простейших, одноклеточных, и кончая, так сказать, переходом к позвоночным — оболочниками. Работа была построена очень интересно и очень правильно. Практикум был круглосуточный. Ключ от лаборатории хранился в условленном месте, и к нему в любое время имел доступ староста группы или его заместитель. Я сам в течение года был старостой большого практикума, поэтому эти дела знаю хорошо. И, действительно, несмотря на то, что в Москве было холодно, голодно, единственным транспортом были только собственные ноги, мы все, «большие практиканты» Кольцова, работали очень много, потому что ежели мы днем должны были работать или заниматься какими-нибудь другими делами, то мы работали ночью. Теперешних рассуждений, что «ах, мальчики и девочки могут устать, переутомиться» и что-то вредно, а что-то полезно, у нас, конечно, не было. Мы были молодые, нормальные люди.

Григорий Иосифович Роскин каждую неделю в четверг нас проверял. Человек нас было так от пятнадцати до двадцати, в основном мужского пола, тогда только начинали появляться девчонки в университете. И задавал материал на следующую неделю или на две недели иногда. И очень следил за тем, чтобы мы не запускали материал. А мы должны были готовить все препараты сами. У нас была прекрасная демонстрационная коллекция и микроскопических препаратов по всем группам, и беспозвоночных у Николая Константиновича Кольцова. Он массу всего сам сделал на разных морских и пре-

сноводных биологических станциях. Кроме того, мы сами целый ряд экспериментов должны были проводить. Например, разводить несколько видов инфузорий, амёб и кое-каких других корненожек, должны были жгутиковых разводить в культурах у себя, должны были наблюдать, зафиксировать и окрасить все стадии деления у этих простейших, а у инфузорий — все основные стадии конъюгации. Это очень важная вещь, чему сейчас, к сожалению, недостаточно учат, и многие молодые биологи оказываются на первое время ограниченными в своих привычках и навыках в обращении с живым биологическим материалом.

Дальше мы должны были по всем основным типам и классам животных опять-таки готовить свои препараты. У каждого из нас скапливалась большая собственная коллекция препаратов. Много мы делали и для лаборатории, так что материал в лаборатории постепенно рос и приумножался, что было существенным, потому что росло и число студентов на большом практикуме. Но самым интересным и важным было наше окружение.

При большом практикуме читалось несколько специальных курсов, часть из которых сопровождалась специальными практикумами. Дмитрий Петрович Филатов, замечательный* наш экспериментальный эмбриолог, читал курс экспериментальной эмбриологии с практикумом, в котором мы, по возможности, проделывали самые простые эксперименты на дробящихся яйцах и зародышах лягушек, аксолотлей, тритонов.

Сергей Николаевич Скадовский читал нам курс гидрофизиологии с практикумом, в котором мы проходили основные формы планктона, обучались измерять состав воды и т.д. Софья Леонидовна Фролова, замечательный* цитолог* из первой гвардии цитологов и кариологов нашего Отечества, и Петр Иванович Живаго читали нам* курсы цитологии и кариологии с соответствующими практикумами, где мы учились красить и считать хромосомы на удобных объектах. Наверное, я что-нибудь забыл, но и перечисленного мною совершенно достаточно.

Да! Сергей Сергеевич Четвериков читал в связи с большим практикумом интереснейший курс, который назывался «Курс экспериментальной эволюции или экспериментальной систематики». Это, в сущности, была комбинация курсов биологии и генетики с основами теоретической систематики. Это был очень интересный курс, который повлиял на дальнейшую работу и научную жизнь некоторых из нас в очень значительной степени.

При практикуме по сравнительной анатомии позвоночных Борис Степанович Матвеев читал очень интересный курс с демонстрационным практикумом по органогенезу, собственно, по специальной эмбриологии, по развитию отдельных систем органов у позвоночных. Владимир Викторович Васнецов читал* интересный курс основ сравнительной анатомии и систематики рыб. И ряд преподавателей вели в связи с обоими практикумами — и матвеевским, и кольцовско-роскинским — курс по определению позвоночных животных.

Как видите, зоологии нас учили основательно. До того основательно, что в дальнейшем ни в преподавании, ни в научной работе своей — ни в чем не имея никакого дела со сравнительной анатомией позвоночных и, в частности, с центральной нервной системой оных, я до сих пор могу наизусть перечислить все черепные нервы позвоночных, в артериальных и венозных системах могу перечислить основные вены и артерии и группы, у которых они впервые появились или исчезли в процессе эволюции. Чего кончающие сейчас биофак зоологи обыкновенно совершенно не знают. Не то что забыли, а просто никогда и не знали. А нас этому учили и выучили так хорошо, что мы всю жизнь это помним.

Из ботаников мне ближе всех был Голенкин*. Он считался скучным профессором, читал лекции не блестяще, далеко было ему не только до Кольцова, но и до своих коллег. Но он был прекрасным ботаником, прекрасным морфологом и систематиком высших растений и прекрасным, умным эволюционистом классического времени и классического направления. Его ботаничес-

кие лекции были поэтому для тех, кто интересовался сутью дела, почти всегда интересны.

В Московском университете тогда общую ботанику на первом курсе читал Лев Мельхиседекович Кречетович. Как исследователь он был никто. Но он был златоуст. И мы потом смеялись, что два златоуста для первокурсников — химик Александр Николаевич Реформатский, который тоже завлекательные лекции читал*, и вот Лев Мельхиседекович Кречетович, который столь же завлекательные лекции читал по общей ботанике, распределили на две группы хлынувших в университет девиц. Половина увлеклась Реформатским и пошла в химии, другая половина увлеклась Кречетовичем и пошла в ботанику, что довольно сильно впоследствии повредило этим двум научным дисциплинам. Вот. В известной мере, это действительно было так. Надо сказать, что увлекательность лекций Кольцова стояла на другом уже уровне, более высоком.

Совершенно замечательными были лекции старейшины русской зоологии тех времен Михаила Александровича Мензбира. И я счастлив, что я их прослушал, в особенности его курс зоогеографии. Он был лектором-классиком по классическим проблемам зоологии. Когда мы слушали его курс исторической зоогеографии, у нас было впечатление, что мы сидим в аудитории дарвиновских времен и читает Дарвин*, или Гексли*, или кто-нибудь еще из больших классиков. Он был, может, не столь блестящий, но столь же вдумчивый, умелый и умный лектор, как Николай Константинович Кольцов. Читал он немножко суховато, за исключением тех лекций, которые сам особенно любил и которые любили все русские зоологи. Это были, сколько помнится, две-три лекции о миграциях различных животных и, в особенности, о миграциях птиц.

После революции, когда появилось уже железнодорожное движение в Советской России, стали ходить поезда не только с товарными вагонами, а и с пассажирскими, и стали ходить очень точно по расписанию, точнее, чем сейчас в целом ряде случаев, на эти лекции

съезжались на одну неделю в Москву слушать Мензбира все его старые ученики, профессора из Казани, Киева, Харькова, Одессы, из Петрограда — тогда уже не Петербурга, а Петрограда, из новенького Пермского университета, из Саратовского, иногда даже из Иркутского и Томского... Одним словом, все, кто мог, со всей России съезжались слушать Мензбира. Читал он в старенькой аудитории Высших женских курсов в Мерзляках*. В эту аудиторию тогда со всего здания притаскивали стулья сколько возможно, рассаживались и на подоконниках, и на ступеньках аудитории. Все было полно. Так читал Мензбир.

Очень интересными были лекции по общему курсу геологии Алексея Петровича Павлова*. Я считаю большой бедой и глупостью, что уже давно кончают десятки тысяч наших молодых людей биофаки различные, не имея даже отдаленного представления о геологии. Этим самым значительная часть эволюционной биологии теряет конкретный смысл. Ну и палеонтологию, конечно, сейчас тоже биологи не изучают. Алексей Петрович Павлов каждый год группу студентов с общего практикума уводил на экскурсии в Подмоскowie. Нам, негеологам, показывали, как выглядит геология в поле. Это тоже очень важно.

Наконец, не могу не вспомнить Марию Васильевну Павлову*. Это, действительно, палеонтолог-классик, супруга Алексея Петровича Павлова. Знаменитые ее работы по эволюционной истории лошадей и еще несколько таких классических филогенетических исследований на позвоночных в основном... Мария Васильевна была замечательный человек, добрейшей души.

В мое время она уже была глуха почти совсем. С увлечением читала нам палеонтологию и эти камешки всякие, окаменелости показывала, и мы ее очень уважали. А экзамены принимала группами. Рассаживались мы в маленькой аудитории какой-нибудь, и экзамен протекал следующим образом. Во-первых, группа по тем временам роскошно складывалась. Кроме того, всегда в группе находился какой-нибудь стрекулист, у которого был

блат где-нибудь ободрать в Ботаническом саду какие-нибудь оранжереи. Одним словом, мы всегда готовили Марии Васильевне роскошный букет. Заворачивали в белую полупапиросную бумагу, которую тоже где-то кто-то доставал, и этот букет перед экзаменом на подоконнике ставился и так прикрывался газетой, чтобы Мария Васильевна видела, что там все-таки букет ей приготовлен. И она немножко, так сказать, пускала слезу и вообще в растроганном виде начинала экзамен.

Так как она была глуха, то брались несколько книг палеонтологических. Она кого-нибудь вызывает, задает вопрос, обыкновенно неглупый и очень общий вопрос. Тогда дежурный по книгам быстро находит нужный ответ и довольно громко, но однообразным таким, скучным голосом говорит. А спрашиваемый, около нее стоящий, кричит ей в ухо то же самое. Благодаря этому методу все сдавали блестяще, на сплошные пятерки. Мария Васильевна была страшно довольна и уже совсем растрогана. Когда я слушал, а потом сдавал ее курс, я в группе был вроде старосты. Ну и потому, что я немножко так умел дамам ручку целовать, моя обязанность потом была развернуть этот букет, поднести Марии Васильевне, поцеловать ей ручку по всем правилам искусства. Тогда Мария Васильевна совсем вся была мокрая, в слезах, и в мокром виде меня облапывала и целовала тоже. Вот как это происходило. Видите, всякие были учителя и всякие способы учиться.

Очень я лично любил и такого древнего классика Анучина*, антрополога и географа. Тоже все это было классично, интересно; и почему-то все это засекречивается от современной молодежи.

На последних курсах мы занимались специальными разделами биологии, кто чем интересовался: ихтиологией, гидробиологией, генетикой, биометрией, систематикой тех или иных групп. Но наряду с этим мы получали действительно высококвалифицированное обозрение собственно всего естествознания.

Я решил по зрелом рассуждении примкнуть к кольцовской кафедре. Стал слушать все курсы и отдельные

доклады, лекции Кольцова, которые всегда были увлекательны, интересны, блестящи не только по содержанию, но и по форме. Зоологические курсы Николая Константиновича Кольцова были вообще совершенно своеобразным явлением. Он читал в мое время два курса: курс общей зоологии, который мы, те, кто могли, если как-нибудь могли, ежели не целиком, то хоть частями повторно слушали сколько угодно лет, потому что этот курс видоизменялся, дополнялся в связи с развитием науки и жизни каждый год. И Николай Константинович читал эти курсы совершенно замечательно.

Он был вообще редким явлением в науке. Обыкновенно очень крупные ученые бывают неважными профессорами, ораторами не Бог весть какими, да и с точки зрения построения их курсы часто бывают сумбурны. И наоборот, так сказать, кафедральные златоусты обыкновенно бывают научными пустышками, ничем не интересными исследователями. Вот одно из редких исключений — это Кольцов. Из немецких биологов — Макс Хартман* и Альфред Кюн*, из англичан — Джулиан Хаксли*. Вот эти люди все были крупнейшими учеными и блестящими профессорами, блестящими лекторами и в то же время блестящими преподавателями, прекрасно и рационально строившими свои курсы, поэтому слушать их было не только архиполезно, но и в высшей степени приятно и утешительно. Вот таким же профессором был Кольцов.

Второй его курс был курсом зоологии беспозвоночных с очень кратким добавлением обзора позвоночных. Это, собственно, систематический курс зоологии. Он был столь же блестяще построен, всегда, так сказать, поддерживался up to date, со всеми добавлениями нужными, связанными с развитием наук, и оба курса Кольцова сопровождалась совершенно сознательно не всем известными, наскучившими, часто изодранными, измазанными таблицами и плакатами, на которых изображены чьи-нибудь кишки или еще что-нибудь, кровеносные системы вскрытой лягушки, а рисунками, собственными рисунками на доске цветными мелками. И это были, иначе и не назовешь, художественные произведения.

Кольцов, читая лекции, во время изложения иллюстрировал их своими цветными схемами. Так как он был прекрасным художником и графиком, то это было технически очень хорошо, ясно, много яснее, нагляднее любых изданных таблиц. Но кроме того, огромное значение имела синхронность: он о чем-то говорил, и это же схематически в то же время вычерчивал на доске. Вы следили за его изложением и параллельно — за изображением. Это был прием, которым, конечно, мог пользоваться только такой всесторонне одаренный человек, как Николай Константинович Кольцов. Это уж не запомнить — ухитриться надо. Это врежется в память буквально на всю жизнь. Поэтому немудрено, что все его ученики, и старшего поколения, значительно более старшего, чем мое поколение, со всей России, можно сказать, съезжались на некоторые лекции его курса общей биологии.

И я до сих пор счастлив, что я тогда проявил достаточную лягавость, верхнее чутье, чтобы связаться именно с этим кругом московской зоологии, а не с каким-нибудь другим. Остальные были намного скучнее и оказались впоследствии намного скучнее.

Время тогда было занятое, никто почти не работал на одном только месте, все работали на двух, трех, четырех, пяти местах. И я тоже. Я преподавал на двух рабфаках, преподавал в двух вузах, так сказать, для жратвы, а все свободное время до двух часов ночи просиживал над наукой. День весь я был занят и учением и обучением других, а вечером до поздней ночи работал в Кольцовском институте экспериментально.

Я всю жизнь делал всегда то, что хотел, и не изображал из себя какую-то фигуру, которая страдает от того, что ее заставляют все время делать не то, что ей хочется. Таких страдающих людей вокруг меня до сих пор до черта. Их всё угнетает, их все угнетают, и они принуждены, видите ли, заниматься не тем, чем хотели бы. Если бы они могли, то черт знает что бы наворотили! Врут дьяволы! Просто они лентяи, потому что быть двадцать четыре часа в сутки занятым делами не теми, которыми хо-

чешь заниматься — это значит, что ты бездельник. Вообще-то говоря, обычно так бывает: ежели человек не бездельник, он не занят двадцать четыре часа в сутки, а занят много меньше и делает то, что он хочет делать, а то, чего не хочет делать, не делает. И тогда он живет более или менее нормальной жизнью даже в самых ненормальных условиях.

Вот я всю жизнь этого и придерживался: делал то, что мне хотелось. Мне хотелось на жратву заработать в виде пайка за пение первым басом в красноармейском хоре — и я с большим удовольствием распевал русские песни и солдатские песни первым басом и не жаловался. А преподавать на рабфаке зоологию мне тоже было занято. Я до отъезда за границу по пятьдесят восемь часов в неделю педагогики имел, то есть круглым счетом почти по десять часов в день — глотка у меня выдерживала трепаться-то. И ничего в этом ужасного нету. Никто еще от брехни не помирал. И утомительного в этом особенно ничего не было. Утомительно ямы под телеграфные столбы рыть, а трепаться, особенно мне по зоологии, другому — по какой-то другой специальности, которая его интересуется, — совсем не утомительное дело. А чтобы этого добиться, нужно другое: чего не хочешь делать — не делай. Тогда волей-неволей придется делать то, что хочешь. Так надо жить. В этом, так сказать, жизненная философия заключается.

Время у меня было заполнено. Я, еще будучи гимназистом последних классов, буквально натренировался мало спать. После чего всю жизнь довольствовался максимум пятью часами сна в сутки. Этого для меня было совершенно довольно. Все эти рассуждения: «Человек должен спать восемь часов»... Передремывать можно и двенадцать часов. А я выучился крепко спать. Никогда я никаких снотворных средств не употреблял, но выучился этому делу очень просто, когда мне в старших классах гимназии действительно стало не хватать времени на всякие мои интересы: и зоологические, и искусствоведческие, и кружки, и всякую такую муру. Да и на чтение книг интересных. В мире ведь куча интересных книг.

Я до сих пор завидую людям, которые либо по небрежности, либо по глупости, либо по необразованности еще не прочли массу интересных книг, которые я прочитал. Я им завидую! Им же предстоит такое наслаждение!

Так вот, я натренировался мало спать очень простым способом. Я всегда вообще поздно ложился, ложился в три часа ночи, до того занимаясь всякими делами. Под конец читал искусствоведческую литературу ночью. Последние двадцать минут, перед тем как лечь, я несколько раз обегал вокруг нашего квартала, где я жил, на Арбате, в Никольском переулке, и ложился спать, и засыпал, конечно, сразу. Ставил себе будильник на семь часов, то есть через четыре часа будильник меня будил. И полтора-два месяца ходил, значит, скучный, сонный, и мне хотелось спать. А потом помаленьку привык. И спал крепко зато, никогда не видел снов, ничего, никаких дуростей, спал себе как цуцик. И потом стал ставить будильник на полвосьмого. Четыре с половиной часа. Когда можно было, пять часов даже спал, но не больше. Больше пяти часов мне в жизни и не нужно было.

Я рассчитал так: ну что ж, станешь помирать — вроде обидно станет, что больше трети жизни проспал. Зачем? Спать и в гробу можно сколько угодно. Лучше побольше пожить-то. Ну вот, поэтому я приучился мало спать. И многие из нас спали мало. Только я-то через два месяца перестал от этого страдать, еще до всякого университета. Уже в университете был приучен к этому делу, приучил себя. Ну, а другие немножко сонные были. Были даже такие чудачки, у которых голова якобы болела. Я-то в те времена во все эти глупости не верил, чтобы могла у человека так просто голова болеть. Потом у меня голова очень здорово болела, но это после тяжелой контузии, там, на гражданской войне. У меня года два ужас какие головные боли были, но это последствия контузии были, которые постепенно проходили.

Приключения военные и гражданские

Когда началась революция, я попал сперва на германский фронт, потом на гражданскую войну, в 12-ю Красную Армию, на Деникинский фронт, поступил в университет. В общем, тут началась у меня мешанина из университета и всяких гражданских войн. Я то воевал, то попадал в Москву и сразу в Зоологическом музее садился за моих формалиновых и спиртовых рыбок. А денежки зарабатывал преимущественно в качестве грузчика. Я на подъемную силу и всякую такую вещь был здоров, а грузчиком тогда было работать очень выгодно: карточки первой категории и дополнительные карточки, плюс всяческий блат, так сказать, сверхинтеллигентный.

До того я одно лето проработал пастухом в Тверской губернии. Это тоже очень выгодно. И, кроме того, это приятнейшая должность. Из всех профессий, которые я за жизнь свою перепробовал, это, пожалуй, самая приятная профессия: бессловесные скоты, приятная компания, коровы в основном. Я пас совхозное стадо в одном из первых совхозов Тверской губернии. Был, конечно, бык и, так, около полуста коровок. Причем бык был мощный, но какой-то дурашливый, всегда плелся позади стада. Стадо я получил от своего предшественника, пастуха из военных сербов, из австрийской армии, Пурчила. Пурчил был замечательный пастух, он и дома у себя, в Сербии, пастушествовал. Он приучил коровок к нескольким сербским песенкам, которые насвистывал или напевал, я у него перенял эти сербские песенки и корову Варьку. Крупная была пега корова, умная такая, солидная корова была. И вот мы, так же как до меня Пурчил с ней в обнимку, я с ней в обнимку так впереди стада шествовал, а стадо за нами. И была у меня хорошая, тоже за три года плена Пурчилом выдрессированная, собака пастушеская системы «надворный советник» — беспородная. И очень хорошо это время я провел.

А еще до того, на фронте немецком недолго пробыв, я стал вахмистром. Это по-теперешнему значит старшина в кавалерии, так как я в казацкой части служил. В 17 году, собственно, кавалерия-то на фронтах была вся спешена, и в окопы нас загнали, так что мне шли кавалерийские унтер-офицерские чины, а служил-то я в пешем строю. Это потом привело к ряду таких анекдотов, которые со мной происходили уже в Красной Армии: по бумагам-то я вахмистр, а конного строя как следует не знаю. Я всегда потом уже хвастал, что в вахмистры был произведен примерно одновременно с неким товарищем Буденным. Он тоже был вахмистр царского времени. Но он потом кое-какую карьерку сделал, в маршалы вышел, а я так вахмистром и остался. Правда, потом стал помощником взводного командира, уже в 12-й Красной Армии. Но высоких чинов не испробовал. Вот.

В Москве же, когда попадал в Москву, по протекции, оказанной Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем... Был такой старый большевик, приятель Ленина и первый управляющий делами Совнаркома, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. По специальности он был гуманитарий какой-то, филолог или литературовед. А занимался всю жизнь всякими раскольниками, староверами, сектантами. У него была колоссальная картотека всяких поповцев и беспоповцев, и хлыстов, и бегунов — черт-те кого. Вообще же был большевик старый, но богатый, барственный такой, из помещиков, по-моему, бессарабских он был родом. Ко мне имел весьма касательное отношение.

Дело в том, что одна из моих теток в Петербурге в 1905 году его от городских где-то под диваном прятала или что-то в этом роде. И он это запомнил и к нашему семейству относился хорошо. И когда нам стало совсем плохо и жрать нечего, он нас старался немножко опекасть: устроил меня грузчиком в Центропечать, а это было тогда выгодное очень занятие. Не такое выгодное, как пастушество, конечно. Когда я был пастухом, я за лето заработал, наверное, раз в десять больше ординарного профессора Московского университета. А грузчи-

ком я зарабатывал пятикратное профессорское жалование. В два раза меньше, чем пастухом. Да, и главное: кроме карточек первой категории — дополнительные карточки для тяжелой работы.

Кроме того, мы еще кое-что левачили. Артельным у нас был такой Иван Иванович, пожилой рабочий, от Грачева из Охотного ряда. Мы получали какое-то жалование, которым никто не интересовался, в Центропечати, потому что тогда лимоны были — миллионы, на них купить все равно ничего нельзя было. Но вот карточки получали хорошие, и Бонч нам устроил: каждый грузчик получал по три столовых карточки в третью столовку Совнаркома отеля «Метрополь». Ресторан этот знаменитый, «Метрополь», был уже превращен в советскую столовку.

Кормили там, чем положено: жиденькой пшой — жиденькая на водичке пшенная каша. Чехов был в те годы переименован, и говорили, что ржа ест железо, тля ест траву, а пшша — душу. И затем — карьими глазками. А карьими глазками у солдат называлось вот что: в воде разваривались воблиные головы, сушеные воблы... Теперь есть такой редкий продукт, за которым моментально почему-то хвосты выстраиваются, а раньше это была пища нищих и самое дешевое, что есть на свете. Когда жрать человеку нечего, он пару вобл сжирал с краюшкой хлеба. Их о камень побьешь, побьешь, потом есть можно. Вот головы отрезали и варили в воде. Они совершенно разваривались. Чуть-чуть бросали что есть: какой-нибудь травки, капустных листьев иногда, ежели были, затем немножко пши. А главное, головы эти разваривались совершенно, из них вываливались глаза, черепа, черепушки топли на дно, а глаза всплывали на поверхность. Поэтому и назывался этот суп: «Ах вы, карьи глазки!»

Мы имели по три талона. Получишь три супа таких, осторожно лишнюю воду сольешь, и получается миска вот этих концентратов карьих глазок. И потом туда же вот эту — «...а пшша душу...», второе так называемое. Потом полагалась осьмушка хлеба или жмыхов, черная та-

кая клякса. По три осьмушки — это уже четверка с половиной хлеба — фунта, не кило, а фунта. Да по дополнительным карточкам нам полагалось лишнее. По первой категории четверть фунта, да по дополнительным карточкам — еще четверть фунта. В общем получали этой черной массы три четверти фунта — и питаться можно было.

Так мы очень хорошо жили. Во-первых, работа очень приятная. Грузчиком, ежели отработать технику... Я вот помню в наших поездках по Амуру, по Лене, по Енисею... Там эти теплоходы туристические берут и грузы. И на иной пристани видишь разгрузку. Так попадают такие халтурные артели, Господи! И вот я до сих пор помню, в Николаевске-на-Амуре артель разгружала и нагружала наш теплоход. Красота была! Это была настоящая профессиональная работа. Вы думаете, грузчики — это что? Инженером или профессором каждый дурак может быть, а вот грузчиком! Это почти как Свято-слав Рихтер среди пианистов... Это же отрабатывается техника, прецизионная техника хватки всякой, и ручной, и ручной работы, и спинной работы. И когда артель настоящих грузчиков работает — да это же красота. Я тогда получил некоторое количество долларов незадолго до этого, какой-то гонорарий. И были, как их, сертификаты. И в «Березке» я накупил себе английских сигарет. И вот раскошелился: весь взятый в дорогу запас этих английских сигарет я этой артели грузчиков подарил. Радовались ребята, ужас!

Так вот, Иван Иванович, наш артельный, организовал вот что. Тогда редко поезда какие-нибудь ходили. И вот в Москву со всей России из провинции приезжали всякие уездные, волостные комиссары, такие дяденьки в кожаных тужурках, на поясе пушка висит, за литературой и бумагой. Мы должны были их погрузить. У нас была упаковочная в Центропечати и там рогожные тюки большие. Мы получали дополнительные карточки и считались на самой тяжелой работе, потому что у нас эти тюки были пяти- и семипудовые. Действительно, особенно по ступенечкам носить, даже на лесенку неболь-

шую, семь пудиков на спинозе вроде скучновато, можно сказать. Мы работали, однако, таскали с восьми до четырех, восьмичасовой рабочий день. А после четырех я смывался в университет, а вечером кружок у нас был, так что время было занято все.

Иван Иванович узнавал, когда приезжает за бумагой и книжками комиссар с машиной, а тогда в Москве буквально по пальцам можно было пересчитать грузовики, которые работали на автоконьяке — на смеси спирта с газOLIном... Это все не наука, что я вам рассказываю, а серьезные вещи... Грузовиков этих было несколько, и они обыкновенно давались какому-нибудь комиссару буквально на короткое время прямо на уходящий какой-нибудь состав свои тюки привезти, перегрузить в вагоны. Если он не попадет, он мог застрять на два месяца в Москве и к концу первого месяца помереть с голоду, потому что граждане получали по восьмушке хлеба на карточки.

Вот Иван Иванович узнавал, что такой уездный комиссар откуда-нибудь из Тьмутаракани, значит, приехал за литературой... Тогда появилась первая конституция, всякие философические книги. Мы тогда все потешались, всех спрашивали про Дюринга. «Анти-Дюринг» — брошюрка такая в массовом количестве тогда появилась, а мы все говорили: «Анти-Дюринг есть, а почему Дюринга нет? Давайте нам Дюринга». Нам пробовали тогдашние марксисты, значит, объяснять с ученой терминологией, почему Дюринга можно и не печатать, а только Анти-Дюринга. Обыкновенно этот самый заказчик должен был еще засветло погрузиться на поезд, отходящий в нужном ему направлении, и тогда его дело было закончено, и он уезжал домой в какую-нибудь хлебную провинцию и процветал далее. А ежели не уедет, то ему карачун.

А моей профессией была демагогия, я был демагогом артельным. Значит, мы спустя рукава, так в час по чайной ложке, грузили машину этого заказчика. Какой-нибудь такой противный фрукт в такой кожаной тужурке, широким кожаным поясом подпоясанный, на поясе у

него пушка в кожаном же футляре — одним словом, как полагается. И картуз обыкновенно кожаный. И иногда даже галифе кожаные, и сапоги кожаные — в общем, сплошная кожа. И ровно в четыре часа я вступал в действие: «Товарищи, бросай работу, довольно, попили нашей кровушки,— полную демагогию разводил,— четыре часа, конец рабочего дня. Завтра в восемь утра продолжим». Он сперва хватался за пушку, вытаскивал ее. Я ему спокойненько говорил: «Ты, голубок, пушку-то спрячь, ты не у себя дома, а в Москве. Мы тут и пушку у тебя отберем, и морду тебе набьем». Ну, приходилось ему пушку убирать.

Морду мы ему не били, конечно. А Иван Иванович в это время кумекал ему с заднего ходу-то: конечно, ежели... и так далее, посмотреть с точки зрения-то... то оно и можно было бы... Одним словом, дело кончалось тем, что мы отбирали у него прежде всего пояс кожаный широкий. Это ценнейшая вещь была на подошвы к кожаным башмакам. Ценнейшая вещь. А что ему пояс. Подумаешь, пояс. Люди тут голодают, жрать нечего, а он в широком кожаном поясе будет гулять. Иногда Иван Иванович его до того, значит, намазаливал, что он и кожаную тужурку отдавал. Мы ее потом пропивали артельно. Ежели у него был какой-нибудь хлебушек, все отбирали, наличность была — отбирали. Он предлагал нам пушку свою — мы не брали, это нам без надобности, это вы там бандитствуете где-то, а мы живем в столице нашей родины Москве и нам «леворверты» без надобности, потому что у нас опасность от попрыгунчиков... А тогда в Москве попрыгунчики были в белых простынях. Попрыгунчики — вроде духов, в них из пушки стрелять не будешь.

Был у нас еще Ванька такой, малец лет 16-17-ти, здоровый вообще парень, но глупый, грязный всегда он был, какой-то задрипанный, но специалист своего дела: он у всех московских грузовиков знал, где дырочка, через которую можно выпустить автоконьяк. А у нас была артельная такая баночка, вроде бидончика металлического. Пока мы торговались, он через дырочку из грузо-

вика-то выпускал автоконьяк, оставляя немножко на дорогу до вокзала, — честно работал. Когда он выпустит автоконьяк, мигнет нам, тогда мы быстренько, в четверть часа, набросаем эти тюки семипудовые — и катись.

Мы шли тогда в полуподвальный бывший извозчий трактир на Сретенке. Он оставался в каком-то таком полувиде — неизвестно, то ли он был частный, то ли он был государственный. Он, конечно, государственный уже был, советский трактир, но, с другой стороны, хозяин бывший за стойкой стоял, заправлял делом, половые там были. Мы приходили с автоконьяком. Себе оставляли по чарочке — гадость ужасная! А остальное шло трактирщику. И за это мы получали настоящие суточные щи с убоинкой и по краюхе не совсем жмыхового хлеба, черный тоже и непеченный, но все же похож на хлеб. И иногда даже, ежели была, какой-нибудь пши туда же в щи вываливали и наедались как следует. Ну, а потом я шел к рыбам, конечно. Вот так мы жили.

Я-то все время прерывался, потому что опять попадал на фронт. Я мог бы и избегать всего этого, фронтов и прочее, но у меня всю жизнь было чувство неловкости попадать в какие-то более или менее исключительные условия. Ежели все воюют — надо воевать. Ежели все голодают — нужно голодать. Ну, голодать... все голодающие стараются что-то отхватить, конечно, и наесться. Ну, и я старался отхватить и наесться, но попадать в какие-то исключительные условия неприятно. А воевали мы тогда разутые, раздетые, голодные, холодные. Ужас! Ужас! Ужас! Но ничего.

Сперва деникинцы нас до самой Тулы прогнали, а потом мы их аж до самого Черного моря взад отогнали. Так что война была веселой, подвижной тогда. Мы, я помню, месяца полтора, наверное, против Дикой дивизии воевали. Они у мужиков бессловесный скот брали, а нам птица оставалась только. Когда они откатывались, они скот весь сжирали, а как-то за всем не угонишься, и кур, уток, гусей — это мы уже приканчивали. Так что после обоюдной гражданской войны мужички-то оставались того... при пиковом интересе.

Я не знаю, насколько я вам ясно описал стиль тогдашней жизни: смесь учения, слушания университетских лекций, кружковщины, работы грузчиком, работы в Зоологическом музее. Периодически прерывалось все это военно-гражданскими эпизодами. В общем, по моему, жизнь была веселой: мало-мало голодали, мало-мало холодали — все такое. Но люди мы были молодые, здоровые, крепкие. Жили мы, сколь ни странно, в общем, довольно-таки вне политики. Я принадлежал к тем людям, которые сознательно не попали, скажем, в эмиграцию, к белым. Не по политическим причинам. Я отнюдь не был ни коммунистом, ни «сицилистом», ни каким другим стрекулистом, а просто я считал, что нужно быть в пределах границ своего Отечества. И все. И сражаться с тем, кто извне в границы моего Отечества приходит.

Я был достаточно грамотным человеком, чтобы видеть, что белое движение несерьезное, что дюжина самых разнообразных течений — все это сдобрено буржуазной спекуляцией. Мне пришлось побывать в Киеве времен гетманщины, когда я возвращался с Юго-Западного фронта. Меня там забрали, мобилизовали в синие жупаны. Я оттуда «втик на коню» и со всей обмундировочкой казацкой до Москвы — и все.

Там были со мной приключения, при бандитах пришлось поработать, меня бандиты — «анархисты, ученые самого пана князя Кропоткина», предшественники французских банд, задолго еще до Махно, — «пымали» на Десне зимой. И я бы там, наверное, пропал, но угодил в банду пана Гавриленко такого, который говорил: «Я же ученый самого пана князя Кропоткина». Тогда я не выдержал и сказал: «А ты его видел когда-нибудь?» — «Та ни, но я же ученый его». Я говорю: «А я внучатый племянник ему». Что, действительно, истине соответствует. И тогда он невероятным уважением ко мне возгорелся. Но эта работа была трудная. Было нас четырнадцать человек. Все. Мы должны были фуражировать и гнать немцев. Я почему остался у них? Потому что они занимались полезным делом: гнали немцев с Украины.

Немцы уже тогда ужасно гнусно себя вели. Ну, и я остался. Да, и встретил там в банде среди этих четырнадцати кавалеристов своего товарища еще по гимназии, Чекунова, казак тоже был.

Но это очень тяжелая работа. Мы сутками прямо не вылезали из седла, потому что нам надо было нападать на крупные немецкие подразделения с обозами. Главное было... черт с ними, с немцами без обоза, нам их нечего было и бить — сами себя добьют, а вот обоз у них отбить. А нас-то четырнадцать сабелек. Но мы разработали хорошую тактику: рассыпались уже в темноте, нашпандоривали коней, орали «ура» и стреляли. И немцы обыкновенно никак не могли разобрать, сколько нас. Нам хохлы доносили, где они на ночевку устроились, где обоз расположен, главное — обоз. Сразу мы обоз окружали и отбивали. Но тяжело, тяжело было. Все мы были легко ранены, довольно часто попадали пульки.

Раз мы влипли капитально. Хутор большой, где немецкий батальон с обозом расположился. Там Десна замерзшая, с берегами уже ледяными, тут, значит, шлях, а тут опушка леса, из дикой груши колючки, и никак через них не пробраться. Через Десну тоже невозможно — она полузамерзшая. И мы, значит, напали на немцев. Но, во-первых, нам хохлы не донесли по глупости, что у них пулеметная рота. Это тогда нововведение было. А под пулеметами неприятно. Серые мужички, они больше артиллерии боятся: хлопает, взрывы, бахает и все такое. А наш брат, полуинтеллигент, так сказать, опасается больше пулеметов от воображения. Вот лежишь на земле под пулеметами и представляешь себе: чешет пулемет, и достаточно ему, сукину сыну, немножко нос опустить, и прямо по спинозе проедет. От воображения больше страх.

И вдруг нам в тыл эскадрон целый немецких улан, тоже конные. Значит, наше конное преимущество отпадает. И тут мы с Чекуновым впервые применили на практике теорию вероятности и математическую статистику. Нам карачун: впереди пулеметы, сзади примерно сто сабель. Всех нас перебьют, и дело на этом кончится.

И потом удивятся дураки немцы, что нас только четырнадцать человек. А мы у них убили-то уже больше. Тогда мы решили, что единственная возможность — в темноте разогнать лошадей в карьер и через эскадрон. Просто, значит, шашки наголо, «ура» и кто-то пробьется. И, действительно, получилось даже не fifty-fifty, а полегли семь человек, а пробились восемь. Причем сначала думали, что наоборот, — лег я тоже.

Мне на войне всегда везло... По-видимому, когда я врзался в этих улан, кто-то из них попал мне здорово шашкой по башке плашмя. Я с коня своего скovyрнулся на дорогу, на шлях, и без сознания пролежал там. По-видимому, меня сочли за убитого, никто мной не интересовался, как раз на опушке этих колючек. Я поздно уже ночью, скорее под утро, на небе звезды, очухался, попробовал встать. Гляжу — цел! Страшно башка болит, громадные две шишки на башке. Папаха у меня была, куда-то она делась, я ее тут рядом не нашел, и конь мой, конь казачий был, стоит себе, обгладывает какие-то кустики, ждет. Я влез на него и к утру нашел свою банду. Чекунов — на нем, по-моему, оказалось около двадцати легких ран, и пулевых, и сабельных — как котлетка. Ну, ничего, через две недели совсем выздоровел. Пан Гавриленко нас всех от ранений лечил коньяком шустовским. Где-то он царапнул энное количество коньяку. Для антисептики снаружи рану трактовали коньяком и выстиранными портянками и внутрь выдавали чарку.

Вот вскоре после этого я ему сказал: «Я тебе отработал, пойду себе до дому, аж к самому пану Кропоткину». Он мне все вручал всякие драгоценности, очень благодарил, все такое, какие-то золотые часы, портсигары. Ну, как полагается, какой-нибудь золотой портсигар с надписью: «Дорогому и уважаемому Савве Ивановичу — какому-нибудь — Морозову* от благодарных рабочих» или что-то в этом роде. Я ему говорю: «Не надо мне. Ты мне шпику, сала дай». Конь мой слишком хорош был. Я ему говорю: «Коня какого-нибудь рабочего, мужицкого дай, из упряжных». Потому что я коня-то хотел на границе... тогда была граница между «Вэликой вильной Вкраиной

от Карпат аж до самого Кавказу» и РеСеФеСеРе. Он мне дал целый мешок... У меня было два торбаса со всякой едой, салом, главным образом. Я на границе все это выменял на одежду, и коня променял, и карабинчик свой, и все, и часть сала. Получил еще свеженького хлеба крестьянского и пешочком, а где с попутными подводками добрался, уж не помню, до Тулы что ли, докуда-то, откуда в товарном вагоне прибыл в Москву.

От «Сикамбра» до Дрозсоора

В гимназии еще началось у меня и у моих ближайших друзей, как гимназических, так и не гимназических, увлечение всякой всячиной: науками, искусствами, философией, литературой, чем угодно. Мне было тогда 16 лет. Мы сперва организовали с помощью Александра Сергеевича Баркова, директора и географа нашего, географический кружок, но очень широкого профиля. Под географией понимали мы все, что касается, по современной терминологии, среды обитания человека. Но очень скоро это переросло в «Сикамбр»*, в кружок, в котором мы занимались всем. Масштаб был от естественно-исторических проблем до религиозной философии: Бердяев, Булгаков, Соловьев и прочие Григории Сквороды, а также действительно интересные философы — славянофилы: Киреевские братья, Самарин, Хомяков, Шелгунов и до Данилевского. И мне кажется, что в нашем развитии интеллектуальном эти кружки, особенно «Сикамбр», сыграли большую роль. В конце концов, человек интеллектуально формируется на основе своих прирожденных качеств, способностей, вкусов и так далее. Но все это прирожденное должно чем-то питаться. Я считаю, что эти наши кружки, плюс ряд очень интересных и хороших гимназических учителей создали прекрасную обстановку для нашего интеллектуального развития.

В «Сикамбре» мы, например, первыми, раньше Художественного театра, ставили Лескова «Грабеж». Я там одного из дьяконов играл. Мы же ставили «Запечатлен-

ного ангела» Лескова. Затем мы с помощью одного из старших наших товарищей, Витвера Ивана Александровича, между прочим географа и музыканта, начали писать оперу* под названием «Мельхиседек» на апокалипсическую тему. Опера, правда, осталась незавершенной, как говорится.

После того как я вернулся с фронта и осел в Москве, мы продолжали кружком заниматься. Небольшой группой уже в университетское время мы слушали логику Густава Густавовича Шпета*, слушали математическую логику и алгебру понятий Лузина*. Мы их привлекли в наш кружок. Я помню, Шпет нас заставил феноменологической логикой заняться. Это, представляете себе, три тома Гуссерля по-немецки, все как следует! Прогрызть такой гранит науки для того, чтобы убедиться, что нам все это без надобности. Мы очень скоро убедились... Но мы, правда, были в то время уже философски в достаточной мере подкованы, поэтому знали, что все, что обычно называется университетской философией, нам это совершенно без надобности. Те из нас, кто всерьез этим интересовался, прекрасно уже верхним чутьем чувствовали, что гносеология в ближайшее время заменится общими положениями теоретической физики и новой физической картиной мира, а также комбинацией из математической логики и алгебры понятий, а прочая философия и вообще университетская философия нам без надобности.

Это чисто паразитарные дисциплины, кормятся какие-то профессора на действительно крупных покойных людях и их извращают, классифицируют по глупым классификационным системам, находят всякую идеализму, материализму и еще всякую «изму». Все это собачья чушь! Философы и философия — это действительно редкие явления в мире человеческом, когда появляются крупные люди, которым есть что сказать прочим людям о своем видении внешнего мира и человеческой природы. Философами, по сути дела, являются святые, люди, конечно в основном, которые знают, как надо жить, и которые показывают людям, как можно жить, для того

чтобы не по-собачьи умереть. А все прочее — это паразитирование на нас, ученых, с одной стороны, и с другой стороны — друг на друге: всякие там идеалисты, механисты, материалисты и прочие стрекулисты друг над другом измываются. И это совершенно неинтересно.

Вот мое поколение, моя группа в этом просто лично убедилась. Мы действительно честно прочли всего основного Канта, немцев начала XIX века, включая этого самого паразита Гегеля, который совершенно все закрыл. И кто кого на попа поставил — он Маркса или Маркс его — черт их там разберет! Оба на попу поставлены. Ерундология совершенная. Конечно, из немецких философов все-таки самый крупный, конечно, Кант. У него очень много интересного. Но многословия очень много. И англичанин Юм написал почти все, что сделал Кант, но только очень коротко. И не написал того, чего не нужно было писать.

Кружок наш частично пополнялся, частично распался, а потом, так сказать, кончился наш «Сикамбр» и организовался новый кружок, уже наш научный кружок среди кольцовцев, вокруг очень симпатичного человека и умницы большого, Сергея Сергеевича Четверикова. Членами кружка были Сергей Сергеевич Четвериков со своей супругой Анной Ивановной, затем Димитрусь Ромашов*, Дмитрий Дмитриевич Ромашов, примерно моего возраста, тоже зоолог, энтомолог в основном. Затем Лиля Балкашина*, Елизавета Ивановна Балкашина, она была гидробиологом в нашей гидробиологической группе. Затем такой Александр Николаевич Промптов, любитель птиц, Николай Константинович Беляев*, Борис Васин...

Одно время к нам примыкал Митя Обручев*, Дмитрий Владимирович Обручев, один из сыновей того древнего геолога, академика Обручева, который 94 года прожил и переплюнул академика Зелинского, прожившего 93 года только. Митя Обручев был мой сотоварищ по гимназии. Он умер недавно, год тому назад, по-моему, или что-то в этом роде. Скучный был человек, крайне ученый, крайне скучный, такой аккуратный. Он и в им-

нази был такой примерный ученик — Митя Обручев. Интересовался он преимущественно пауками, извиняюсь за выражение, а потом рыбами, и не то чтобы бойкой живой селедкой какой-нибудь, а ископаемыми рыбами. Всю жизнь просидел в Институте палеонтологии между шкафами с ископаемыми рыбами, то есть не рыбами, а кусочками ископаемых рыб. И, говорят, кое-что в этих ископаемых рыбах понимал. Но так, чтобы он понимал суть дела, того, что вообще происходит на свете и для чего люди живут, этого нельзя сказать. Он не понимал, как и многие другие.

Потом присоединились помаленьку в начале 20-х годов и другие. Появился молодым студентиком Борис Львович Астауров*. Он у нас с Лёлькой*, по-моему, даже года полтора питался, в Москве живучи. Отец его жил вне Москвы, по-моему, отец его был земским врачом. Затем Сергей Михайлович Гершензон*, сын Михаила Осиповича Гершензона. Михаила Осиповича я тоже знал. Михаил Осипович был замечательный человек*. Он жил в небольшом доме № 13 в Никольском же переулке. Там наши друзья Залогиньи жили*. А одно время, попав в Москву, от голода удравши, Вячеслав Иванов жил у Михаила Осиповича Гершензона. Большая была комната у них. Они в разных углах жили. И издали потом книжку* «Переписка из двух углов». Очень умная книжка, между прочим. Очень умная. «Грибоедовская Москва» Гершензона тоже очень хорошая книжка*. А Сергей Михайлович... он как-то не ладил с родителями. Он тогда совсем молодой был. Потом появился такой Георгий Георгиевич Винберг*, совершенно русский человек из шведов. Так вот организовался четвериковский наш кружок...

Не забывайте, как научные работники мы были совершенно изолированы от мира примерно шесть-семь лет и были принуждены довольствоваться собственными мозгами, немного нового читать, совсем немного. Это было хорошо и очень, я бы сказал, плодотворно. Заставляло думать, заставляло находить свои пути, отчасти свои методы, делать науку на соплях и пяти пальцах, что иногда весьма полезная вещь. Я и до сих пор считаю,

что импортные, стоящие сотни тысяч рублей в валюте приборы и аппараты нужны для разработки мелких деталей, а принципиальное и большое в науке делается все-таки на соплях и пяти пальцах, с помощью размышления в основном. Сергей Сергеевич Четвериков придерживался такой вспомогательной гипотезы, что в связи с этим из всей цивилизации для наук полезнее всего цивилизованные, простите, ватерклозеты, где можно спокойно, тихо и долго посидеть и всерьез подумать о науках. Поэтому очень ценили возрождение в Москве ватерклозетов, между прочим. Ведь в революцию всякие такие цивилизации более или менее развалились, отмерли и так далее. Наш дом был в этом отношении очень счастливый: очень быстро восстановилось центральное отопление, очень быстро восстановился газ. У нас газ был, ванна на газу горячая. Но несколько лет не было ни газа, ни отопления центрального. Буржуйки были — все закоптили... Потом уже отмывали и белили. Сожгли все, что можно. У меня был десяти томный Брем, в нем цветные таблицы были все прикрыты папиросной бумагой. Так из всего Брема, из десяти томов, всю папиросную бумагу выкурили на махре. От тех времен книги такие хорошие до сих пор попадают у букинистов: все в порядке, только папиросная бумага отсутствует.

Мы чувствовали, что надо и в биологии создавать какое-то новое умонастроение, эволюционное, конечно. Что в дарвинизме как единственной эволюционной теории, другой и до сих пор, в сущности, нету, нужно освежить то, что эта теория делает с биологическим материалом. Всякая теория хороша постольку, поскольку она пережевывает и как-то презентует в научном виде материал. И вот мы чувствовали, что что-то новое тут должно быть. Поэтому по мере своих сил старались друг другу делать доклады на основе всего, что мы могли интересного прочесть. Я говорю, хорошо, что этого было мало, того, что приходило из-за границы, потому что мы не были завалены текущей и каждодневной скучной и, в сущности, никому не нужной научной литературой, а имели возможность использовать действительно стоя-

щие, крупные вещи в небольшом числе, их реферировали с привлечением посторонних.

Несколько раз, будучи в Москве, а не в Петрограде или в Петровско-Разумовском, Лев Семенович Берг нам рассказывал*. Он тогда выпустил свой «Номогенез»*. Мы его вовсю ругали и критиковали, но это было очень интересно. Затем были две очень ученые дамы, которых мы привлекали в качестве гостей нам сделать доклады. Лидия Петровна Бреславец тогда была очень ученой* — ботаник, цитолог, и была красавица, самая настоящая красавица. Уже со старушкой я с ней говорил, и страшно она была рада, когда я ей сказал, что мы в МОИП, Московское общество испытателей природы, ходили смотреть ее доклады. Не слушать, а смотреть. И такая же была, которую мы ходили смотреть в тот же МОИП, геолог Варсонофьева. Она тоже была очень интересной ученой дамой и тоже красавица. Мы пробовали всячески, и большинством голосов, решать вопрос, кто же из них красивей: Бреславец или Варсонофьева. В общем, согласились на том, что обе хороши и жаль, что в науки пошли. Я не считаю членами нашей группы Бреславец и Варсонофьеву, ну и, конечно, Берг тогда был уже совсем взрослый дяденька, профессор и прочее. Они гостями были у нас. А вот членами была молодежь, из коей, пожалуй, вот Ромашов, я, Балкашина и Николай Константинович Беляев были старше.

Кружок четвериковский спаял нашу небольшую группу, которая потом, в середине 20-х годов, доросла так человек до пятнадцати, наверное, молодежи. Собирались мы не в институте, а у Четверикова на квартире, у меня на квартире. У меня была большая очень комната. Образовался такой естественный дружеский кружок, неофициальный совершенно. Конечно, уже в 30-е годы сразу посел бы весь кружок и получили бы по червонцу каждый. Я на Лубянке сидел одно время, в 45 году, с двумя молодыми студентами-математиками Московского университета, которые со скуки тоже, для интересу, затеяли математический кружок*. Их посадили и получили они все по червонцу. Вот!

А в 22 году летом произошло следующее. Впервые крупный иностранный, очень так радикально, левонастроенный ученый, знаменитый уже тогда генетик Герман Мёллер* прилетел из Америки. Мёллер — это один из первых старейших учеников Моргана, из так называемых четырех разбойников: Морган*, Стёртевант*, Мёллер и Бриджес*. Мёллер прилетел в Москву на аэроплане, то есть через Атлантический океан он, конечно, тогда переехал на пароходе, в туристском классе, чтоб подешевле было. Из Гавра перелетел на аэроплане в Мюнхен, по-моему, из Мюнхена уже в Варшаву, а из Варшавы в Москву. Вот таким манером. И привез из Америки целую большую коллекцию культур, диких культур различных мутаций и комбинаций различных мутаций. К тому времени уже пара сотен мутаций была открыта и изучена у великолепного, в сущности уникального, замечательного генетического объекта — плодовой мушки *Drosophila melanogaster*. Мёллер прочел ряд докладов, посетил наши биологические станции институтские. Одним словом, лично показал нам технику работы с дрозофилой, лабораторной работы с дрозофилой. Все это было занимательно, увлекательно и весьма занятно.

Надо сказать, что еще до приезда Мёллера мне и Дмитрию Дмитриевичу Ромашову, такому молодому человеку тоже, только что кончившему или еще не кончившему Московский университет, по специальности энтомологу, который потом стал одним из крупных генетиков четвериковской группы, еще до прилета Мёллера пришлось немножко поработать не с *Drosophila melanogaster*, а с несколькими другими видами, пойманными нами в Подмосковье. Мы сами по литературным данным наладили варку корма дрозофильного и технику разведения, усыпления эфиром мух для изучения их под микроскопом или под лупой. Так что для нас двоих это было не очень ново, но тем более полезно. Зная элементы, мы от Мёллера овладели, так сказать, всей тогда современной техникой разведения дрозофилы как подопытного объекта.

Мёллер сделал нам несколько докладов. И вообще пожил и потрехался. Он был у нас на обеих станциях: и в Звенигороде, и в Аникове. И были по этому случаю большие винопития, даже где-то Кольцов, а в особенности Серебровский*, словчили, достали целый ящик шампанского системы Абрау-Дюрсо. Великолепное шампанское. И, конечно, спирт. И были пьянства, и было очень интересно. Мёллер действительно очень талантливый и очень интересный человек. Мы с ним потом стали большими друзьями.

Он позже по приглашению Вавилова* — 34-й, 35-й, 36-й — три года провел здесь, сперва в Ленинграде, потом в Москве, в Институте генетики Академии наук у Николая Ивановича Вавилова. По-русски выучился говорить неплохо и превратился из Германа Мёллера в Германа Германовича, папаша его тоже Герман был. И потом в 36 году удрал. Ему уже в 34-м было ясно, куда все катится. Он до конца 36 года дотерпел, а потом вовремя смылся*. В 37 году ему бы уже, пожалуй, несмотря на американское гражданство, было бы небезопасно. Во всяком случае, многих бы посадили из-за него. Он все это сообразил и смылся.

Он читал доклады нам по-немецки. Выяснил, что только некоторые из нас знают английский язык... очень немногие... И сейчас у нас молодежь не знает английского, а о прочих конгрессных языках даже и не слыхала — о французском, немецком и других. А тогда еще осталось поколение, учившееся в гимназии, а гимназисты-то по-французски и по-немецки бегло могли. Те, у кого не было практики, не могли говорить, но совершенно свободно читали и писали и, конечно, все понимали. А английский язык был у нас необязателен, и далеко не все гимназисты учили английский язык. У нас он в гимназии был. Мёллер быстро выяснил, что английского языка никто не знает, а он немецким владел и был совершенно уверен, что совершенно свободно говорит, но *Menchen und Weibchen* у него звучали как *Monschen and Wobschen*. Никак наши сперва не могли понять, что это за *Monschen and*

Wobschen у дрозофилы. А это были самцы и самки мушиные. Вот.

Так вот, в 22 произошла очень существенная вещь: мы вступили в личный контакт с самой тогда передовой генетикой, с моргановской группой, непосредственно через Мёллера. Первая наша задача в связи с внедрением самой модернистской по тому времени экспериментальной дрозофильной генетикой в нашу среду была необходимость серьезного ознакомления с совершенно до того нам незнакомой литературой. В 21 году Кольцов получил от своих друзей из Германии книжку Моргана «Структурные основы наследственности»*. Она сыграла в свое время огромную роль. Это было, собственно, началом внедрения современной генетики в биологическое мышление русских зоологов, ботаников, микробиологов и так далее. А только с 22, даже с 23 года начали приходить журналы научные, особенно генетические, которые до тех пор почти никому из нас не были известны.

Мёллер же привез не только живые культуры дрозофилы, но и большое количество оттисков дрозофильных, кукурузных и других работ. И мы принялись за чрезвычайно серьезное, подробное, с полным критическим разбором реферирование основных из этих новых генетических работ. Ну, в связи с этим и кружок наш уже стал не просто Соором — совместным оранием, а Дрозсоором — совместным оранием о дрозофиле.

Для нас всех это было, помимо всего прочего, прекрасной школой усвоения и освоения научной литературы. Потому что кружок наш был, как я говорил, частный, неофициальный, мы могли себя чувствовать совершенно свободно и свободно к каждому докладчику приставать с вопросами самого разнообразного характера. Так что докладывающий ту или иную работу или небольшую группу связанных работ, очередной реферат, должен был уметь отчитываться передо всеми нами в любых вопросах, которые мы ему ставили. Это, конечно, сыграло большую роль в нашем дальнейшем развитии научном. Очень большое значение имело при этом руководство Четвериковым этого нашего совершенно свободного и демокра-

тического кружка. Он как-то умел направить все споры, разговоры, казалось бы, принимавшие подчас совершенно неопределенные, неоформленные и неупорядоченные направления. Он умел все это вовремя возвращать в нужное русло, вместе с тем не ограничивая ни докладчика, ни вопрошающих, оставляя полную свободу спора и трепа и вместе с тем препятствуя вырождению этого спора или трепа в пустопорожнюю болтовню. Мне кажется, что все участники Дрозсоора на себе почувствовали большое значение этой дрозсооровской школы, которую мы тогда, в 21, 22, 23 годах, весьма основательно прошли.

Я еще раз хочу напомнить, что со времени нашего юношества и до 22 года мы были отрезаны совершенно от того, что происходило за границей. Генетика же была наукой в то время весьма молодой и, в сущности, самой интересной и плодотворной. Буйный период развития экспериментальной генетики и был так, грубо говоря, с 13-го до 22-23 годов. Значит, мы за ее развитием, естественно, следить не могли, не говоря уже о том, чтобы принимать в нем участие. Нам пришлось за один-два года все это в нашем Дрозсооре нагонять и как следует усваивать, пережевывать. И, конечно, очень правильно получилось, что мы параллельно начали экспериментальную работу на этом замечательном, удобнейшем объекте для экспериментальных генетических работ, особенно по тому времени,— дрозофиле.

Первое время было нелегко. Мы, конечно, опять-таки под влиянием Кольцова, Четверикова, отчасти Александра Сергеевича Серебровского, мы все, молодежь, включая самих Четверикова и Серебровского, проделали на привезенных Мёллером культурах серьезный большой дрозофильно-генетический практикум: своими руками провели все скрещивания нужные, своими глазами убедились не только в менделизме, который нашему поколению послевоенному не был известен, да и большинству наших учителей был известен только по довоенным учебникам. И мы убедились не только в менделизме, но и в морганизме, во всех новых штучках, так сказать, в подходе новом к

реальному освоению хромосомной теории наследственности. И было опять-таки очень хорошо и правильно, что наши учителя, в первую голову Кольцов и Четвериков, настояли на том, чтобы мы наряду с теоретическими занятиями в нашем Дрозсооре практически прошли своего рода большой, и очень большой, генетический практикум на дрозофиле. Цитологи наши тогдашние, особенно Софья Леонидовна Фролова и Петр Иванович Живаго, помогали нам, показывая и заставляя нас самих проделывать цитологические исследования: красить хромосомы, считать хромосомы, так что мы параллельно осваивали и материальные основы хромосомной теории наследственности.

Вот это было, я бы сказал, очень существенным, очень важным этапом в нашем развитии, в развитии московской и отчасти ленинградской школы генетиков, потому что филиппченковская группа* тогдашней, петроградской еще, молодежи, несмотря на трудность переездов и личных коммуникаций, все-таки находилась в контакте с нами. Так что можно сказать, этот период имел огромное значение для развития всей советской генетики, которая тогда зарождалась. И очень хорошо получилось, что она зарождалась с самого начала на основе высшего уровня экспериментальной генетики, отчасти на кукурузе, но в основном на том материале дрозофильном, который привез Мёллер и который Мёллер нам лично показал, разъяснил, распропагандировал и т.д. Это была главная заслуга и главный результат деятельности нашего Дрозсоора.

К 23 году мы стали в результате такого самообучения грамотными по тогдашнему времени и достаточно передовыми генетиками. Нам это было нелегко переварить, потому как те же американцы в то время уже формировали большие группы молодых специалистов, генетиков с самого начала, которые кончали университеты уже как генетики. Мы же были классическими, уже готовыми биологами довоенного уровня. В этом была трудность, но в этом была, может, и особая привлекательность работы нашего кружка и нашей группы в кольцовском институте. У нас, я бы сказал, с самого начала сформировалось более грамотное, более широкое и более биоло-

гическое отношение к генетике, чем у большинства басурман. Мы увидели, что можно совершенно на новый манер оживить эволюционное учение. Это было, в общем-то, наше достижение: Четвериков, я, Ромашов этим заинтересовались в основном. Нам совершенно ясно почуялась возможность создания нового направления экспериментальной биологии, некоего синтеза экспериментальной генетики с классическим дарвинизмом. Это было, пожалуй, самым внутренне теоретическим периодом жизни нашего кружка и нашей научной жизни — перестройка на новые рельсы, которых тогда и за границей не существовало. И я думаю, что это нам удалось.

Может создаться такое впечатление: ах, вот мы разом бросили свою старую профессию и с сегодня на завтра стали генетиками. На самом деле это происходило, конечно, не так. Мы были людьми не такого типа, которым было наплевать, что делать, абы заниматься наукой. Нас интересовали не бумажки, а наука всерьез. Между прочим, характерно, что многие из нас даже не кончили университета, не заботились вообще ни о каких бумажках, а работали и работали. Мы, конечно, не могли на то, во что вработались и влезли, уже просто плюнуть и бросить. Этот переход нашей группы в основном из гидробиологии и энтомологии в экспериментальную генетику проходил естественно и помаленьку. Не бросая старое, мы занялись новым, начали разводить дрозофилу, ставить скрещивания, частью сообщая, частью каждый для себя, выдумывать свою новую тематику и проблематику генетическую. Летом на Звенигородской станции занимались количественными и биометрическими работами по изучению двух природных микроландшафтов в окрестностях биологической станции, где пытались поставить все на генетическую почву, проводить такие, на первый взгляд, казалось бы, довольно тривиальные комплексные зоологоботанические исследования небольших районов живой природы.

А параллельно в лаборатории шли скрещивания с дрозофилами. Причем мы старались найти тоже какие-то свои линии. Я, еще несколько человек, в особенности Ас-

тауров, Балкашина, попозже Рокицкий*, занялись фенотипической — подробным исследованием изменчивости в фенотипическом проявлении отдельных мутаций. Вернее, тем, как проявляются отдельные гены при различных воздействиях других генов, генотипов и различных условий внешней среды. Это привело в конце концов к довольно приличному знанию феноменологии проявления генов, к определенным представлениям о взаимодействии проявления генов как с другими элементами генотипа, так сказать — с генотипической средой, так и с внешней средой, ее отдельными факторами — питанием, температурой и т.д. — и их взаимодействиями.

Кое-кто занялся изучением мутационного процесса. Это было интересно, потому что, как я говорил, многие из нас стали думать о том, как можно видоизменить и оживить теорию эволюции. Совершенно естественно, еще Дарвин на это указывал, что в основе всякой эволюции лежит изменчивость, наследственная изменчивость. Дарвин считал ее ненаправленной, случайной. И мы по литературе и накапливаемому уже у нас собственному опыту тоже помаленьку приходили к убеждению, что мутационный процесс, то есть изменения в геноме, передающиеся по наследству, происходят вовсе не так редко, как многим казалось. Что у каждого организма, по-видимому, все-таки возникает довольно большое число мутаций. Ну, что значит — большое? Общее число любых мутаций, мы тогда были почти уверены, что оно равно паре процентов. Сейчас мы знаем, что оно еще больше: оно порядка десяти процентов. Но, правда, так как генов очень много, то каждая мутация в отдельности возникает очень редко. Часто на десятки, сотни тысяч, даже на миллионы гамет — половых клеток — только в одной в среднем возникает определенная мутация определенного гена. Но, во всяком случае, для нас было совершенно очевидно, что вот эта генетическая мутабельность и есть та первичная основа, на которой протекает, и только и может протекать эволюционный процесс.

Затем нам казалось очень важным как-то строже подойти к изучению первичных, исходных процессов эво-

люции. Классический дарвинизм той поры, классическое эволюционное учение занималось тем, что позже мы называли макроэволюцией, то есть крупными явлениями эволюционными, эволюционными процессами, обычно протекающими в течение длительного отрезка времени на больших пространствах среди надвидовых групп таксонов живых организмов. Но ведь виды не могут рождаться из ничего, ведь то, что реально в каждый данный момент происходит в живой природе, происходит внутри видов. Вот живут виды в пределах своего ареала, индивиды размножаются, живут, ссорятся, мирятся, поедают друг друга и т.д., и вот во всей этой внутривидовой кутерьме происходит что-то такое, что ложится в основу большого процесса эволюции. Значит, должна быть какая-то микроэволюция, какие-то стартовые, исходные механизмы, которые ведут уже к большой эволюции в живой природе. Тогда, в начале 20-х годов, мы все почувствовали интерес к этому.

Все это вместе рождало, естественно, интерес и к изучению природы генов. Что они собой представляют, что в связи с этим представляют собой, чисто механически, мутации. Это направление оставило серьезный след во многих из нас в дальнейшей нашей работе. В частности, через пару десятилетий моя группа, уже моих учеников и сотрудников, специально занималась физико-химической природой мутаций и структурой генов. Это оживлялось у нас начатыми еще давно Николаем Константиновичем Кольцовым рассуждениями, основанными на его собственных работах по физико-химической природе клеточных структур и внутриклеточных процессов, скажем, мускульного сокращения и т.д. Они привели Николая Константиновича уже в 12 году к определенным воззрениям на природу наследственного вещества, на природу генотипа, а в связи с этим, конечно, и на природу мутаций, изменений этих генотипов. Ну, тогда в основном сам Николай Константинович Кольцов разрабатывал эти свои воззрения. Первая его большая, на современном уровне работа появилась в 28 году по-немецки, а затем, в начале 30-х годов, еще целый ряд

теоретических исследований о природе, о строении хромосом и генов, о природе мутаций появились в теоретических журналах. Сперва в начавшем выходить «Журнале экспериментальной биологии», потом в «Биологическом журнале».

Мы заинтересовались генетическими основами промыслового дела, использованием естественных производительных сил. С тех пор, в особенности у меня, так и не увядал интерес к тому, что сейчас именуется охраной природы, изучением среды. Среда чего? Я всегда спрашиваю: «Которая между вторником и четвергом, или какой-нибудь другой?» Оказывается, другой: среды обитания. Кого? Человека. Ну ладно, среды обитания человека. Вообще-то — живой природы, биосферы Земли. Появился интерес к биогеохимии, к Вернадскому*. Эта струя влилась к нам. Потом, уже после моего отъезда, она сильно выветрилась.

Наш кружок, наш Дрозсоор, был особенно интересен тем, что в широком смысле состоял и из молодых сотрудников кольцовского института, включая биологические станции, принадлежавшие институту, и из старших студентов, проходивших большой зоологический практикум кольцовский. Причем все происходило в кольцовском институте, где помимо самого Кольцова была очень интересная группа передовых биологов, старшего поколения кольцовских учеников: Фролова, Живаго, Серебровский, Завадовский*, Скадовский — все это были интересные, крупные люди, стоявшие над нами. Кроме Четверикова, они не были постоянными рядовыми участниками нашего кружка, но наш кружок в их среде развивался. И это, конечно, сыграло очень большую роль.

Дрозсоор с моим участием продолжался до 25 года, а с 26 года — меня уже не было — он разросся, к сожалению. Но все кончилось в 28 году, когда начались другие совершенно веяния в Советской России, чем были во времена Ленина. После смерти Ленина ленинский дух еще несколько лет, так сказать, витал над страной и держал ее, я бы сказал, в смысле взаимоотношений между людьми в приличном состоянии, а потом начались вся-

кие вещи, политически очень резкие, ведущие к человеческим неприличиям часто. Вот с 28 года всякие такие затеи, вроде нашего Дрозсоора, стали подозрительно контрреволюционными затеями, и их разгоняли. Разогнали и наш Дрозсоор. Сергея Сергеевича Четверикова отправили в ссылку, сперва в Свердловск, где он несколько лет заведовал паршивеньким маленьким каким-то краеведческим музейчиком. А потом разрешили переехать сперва во Владимир немножко, а потом в Горький, профессором в Горьковский университет. Это было уже в середине 30-х годов.

Наш Дрозсоор в результате был в те времена и далее, до второй войны во всяком случае, таким уникальным в Отечестве нашем явлением. Мне в этом отношении повезло.

Педагогика, Лёлька и «мокрые дела»

Теперь я хочу рассказать, как и почему я залез в науку уже, так сказать, более или менее официально, стал этим самым, так называемым научным работником. Это сейчас у нас чрезвычайно распространенный сорт паразитов и иногда лишь — полупаразитов. Тогда же нашего брата было еще сравнительно немного, и можно сказать, что большого вреда нашему Отечеству мы не приносили. Так вот. Времени у меня в те годы, с конца 21-го, как я говорил, было мало. Чтобы жить, нужно было есть, чтобы есть, надо было зарабатывать на еду. К этому времени запасы, так сказать, от гнусного старого режима были более или менее съедены уже у большинства людей моего круга. И ничего уже не было. Даже которые получше плюшевые занавески, и те были съедены. Пошли каким-то там... спекулянтам, которые из них, с одной стороны, делали дамские шляпки, с другой стороны — какие-то шикарные картузы для новых нэпмачей и, с третьей стороны — юб-

ки в обтяжку для дам же. Так что все было подъедено, надо было как-то зарабатывать.

Кроме того, начала осуществляться денежная реформа. «Лимоны», то есть миллионы, до того быстро росли в числе, что в конце концов докатилось: миллион трамвайный билет стоил, когда трамваи пошли в Москве. Была проведена финансовая реформа, введены червонцы. Сколько, я забыл, это меня не интересует, сколько-то, значит, этих миллионов равнялись одному червонцу, а червонец — это было десять золотых рублей. И на червонец можно было купить чертову прорву всяких вещей. Когда через несколько лет мы с женой приехали в Германию, тогда совершенно свободно в меняльной кассе можно было червонцы обменять на марки. До революции рубль стоил две марки десять пфеннигов, а один рубль червонный стоил две марки двадцать три пфеннига. Так что был он дороже царского рубля, червонный рубль. Я тогда уже в Москве осел окончательно, точно не помню когда, но в самом начале, в январе — феврале 21 года, по-моему. И больше не воевал, то есть я состоял на военной службе, получал за пение в хоре Московского военного округа фронтовой паек. Первым басом пел. Но это война такая уже была мирная, я бы сказал.

Мы тогда не пали еще столь низко, чтобы зарабатывать с помощью науки. Зарабатывали мы деньги работой, сперва физической, а когда отрывать время на физическую работу было уже некогда, я пустился по интеллигентской линии — стал преподавателем. Меня устроили в ППУОКР (два «п» в начале) Политпросвет Управления округа. И там я читал лекции об эволюции и пел в хоре первым басом. Получал за лекции простой паек красноармейский, а за пение басом — фронтовой паек, то есть двойной паек. Итого три пайка, что было очень здорово. Это было лучше всяких жалований. Но все это кончилось, потому что с утверждением червонца и нэпа все пайки отмирали, один за другим мирно и тихо скончались.

Я стал преподавать на Пречистенском рабфаке. Еще в приезды во время революции в Москву я, по каким-то

там традициям интеллигентским, немножко преподавал на вечерних Пречистенских рабочих курсах*. Это считалось либеральным и передовым занятием. Потом Пречистенские вечерние рабочие курсы превратились в первый, самый крупный в Москве рабфак, Пречистенский рабфак, огромное учреждение. Вот на этом рабфаке я преподавал зоологию. Через некоторое время, не помню, кажется, в 22 году, в начале 23-го, я начал преподавать зоологию еще на каком-то рабфаке, небольшим, в районе Девичьего Поля и Погодинки*. Затем, в 21/22 учебном году организовался в качестве надстройки над Пречистенским рабфаком Практический институт*, высшее учебное заведение, очень интересное. Его закрыли в 29-м, мне было страшно жаль, и я с тех пор все время мечтал и мечтаю, как хорошо было бы иметь нечто подобное. Это был интереснейший институт, состоявший из трех факультетов: экономического, сельскохозяйственного и биотехнического. Я стал преподавателем зоологии на биотехническом факультете при кафедре зоологии, вел практикум, как малый, так и большой зоологический практикум. Это был интереснейший факультет.

Экономический и сельскохозяйственный факультеты были интересны только тем, что они были модернистскими, реформированными экономическими и сельскохозяйственными вузами. А биотехнический факультет — это была очень своеобразная, новая, очень талантливая, интересная и нужная выдумка. Это, собственно, был факультет, посвященный теоретическим основам любой прикладной биологии. Это то, чего у нас не было и чего нету до сих пор, а сейчас и в помине нет.

На биотехническом факультете было несколько циклов — цикл генетико-селекционный, цикл промысловый в широком смысле слова, разделявшийся на специальности: лесные промыслы, водные, охотничьи, зверобойные промыслы и т.д. Все промысловое дело, понимая под промыслом, в отличие от агрономии и агротехники, то, что человек добывает из запасов, постоянно самовозобновляющихся, так называемых диких или свободноживущих

живых организмов — растений, животных и микроорганизмов, вплоть до сбора грибов и использования микроорганизмов: различных видов дрожжей, бактерий, водорослей и т.д. Значит, основы генетики и селекции, основы промыслового дела и третье направление — теоретические основы прикладной гидробиологии. Значит, все проблемы очистки сточных вод, водопроводного дела и т.д., теоретические, в основном гидробиологические, гидрофизиологические основы этих дел. Затем теоретические основы прикладной энтомологии в качестве раздела защиты растений и прикладной бактериологии, то есть вредители растений группы грибов и бактерий. Опять-таки теоретические основы вот этих прикладных дел.

Директором и хозяином этого предприятия стал очень талантливый человек, я уж, грешным делом, забыл, кто он был по специальности, какой-то, по-моему, агроном-экономист, или, может, географ-экономист, или что-то в этом роде. Генкин такой. Вот в 29 году ему устроили «посажё», а институту — разгон. Ну, просто собралась слишком талантливая, умная компания и добропорядочная. Этого с 29 года и впредь уже больше не терпели.

Первый курс был общим для всего института, для всех факультетов и всех специальностей, как на естественном отделении университетов. И по программе он был очень сходен с первым курсом естественного отделения университета, то есть были основные общие курсы всех естественных наук. Преподавалась общая физика с малым практикумом, общая химия с малым практикумом, общая геология с малым практикумом и минералогией, общая зоология с двумя малыми практикумами, микроскопическим и макроскопическим, общая ботаника с практикумом по морфологии растений, общая география физическая — и все. Отпало, по сравнению со старым режимом, богословие. А новое еще не было введено, потому что оно преподавалось в школе. Тогда был, кажется, один курс «по Бухарину» — «Азбука коммунизма». А потом на последнем курсе был какой-то из, извиняюсь за выражение, «матов». Который мат, диамат или истмат, — я уже не помню.

Со второго курса начиналось деление на эти три факультета. А с третьего курса уже внутри факультетов на специальности. Всего же, как и в университетах, было четыре года. И за четыре года обучали большему, чем сейчас практически за шесть лет. Потому что в прошлое время богословия было один час в неделю один семестр, а посчитайте, сколько сейчас «богословия». Минимум 25% всего учебного плана.

Так вот. Я с большим энтузиазмом и увлечением занимался преподаванием в этом Практическом институте. С 22 года я уже не был студентом, кончил университет, не сдав государственных экзаменов, которые никогда и не сдавал, потому что тут началась университетская реформа. И вообще нужно было быть любителем какой-то студенческой правды, чтобы что-то сдать. А я плюнул на это и стал заниматься наукой. И никакой бумажки мне не выдали. И не требовалось тогда никаких бумажек с меня. Бумажки у нас пошли с 30-х годов. И с тех пор не прекращается писчебумажная жизнь. А раньше человека оценивали по делам. Было известно, что я практически университет кончил...

Была где-то зачетная книжка. Но я, уж не помню, в Москве или за границей, потерял ее. Это — было. Кроме того, у меня было... где-то в бумагах у Елены Александровны должно храниться... письмо Николая Константиновича Кольцова, удивительно милое... Когда мы за границу уехали, отчасти по его рекомендации, он дал мне очень симпатичное письмо на немецком языке или на французском с изложением того, кто я есть, чему я обучен и, главное, что я его ученик, был старостой большого практикума его знаменитого и всякая такая штука.

К тому времени я уже женился*, в 22 году. Через большой практикум, кстати. Моя жена Лёлька... Вообще она была совершенно замечательная женщина. Бывают замечательные женщины, изредка попадают на свете. А еще реже попадают совершенно замечательные. Так вот, моя супружница была совершенно замечательной женщиной. Отдаленное знакомство какое-то домами было когда-то. А семейство у нее было обширное. Их

было девять человек детей*, причем все бабье — два брата и семь сестер. Вы представляете себе? Нас было шесть братьев и одна сестра, значит, сестре была не жизнь, а жестянка: все шесть братьев ее за косы таскали и всячески над ней измывались. А там наоборот: семь девок, в общем, ухаживали за двумя братьями и испортили их. Нет, одного не испортили.

Вот вы видели, по-моему, в альбоме, такой стоит мужик с детьми, все в романовских полушубках. Вот это брат Лёлькин, Борис, который агроном и который специалист был по романовскому овцеводству. «Самый счастливый человек в жизни», как он уверял, потому что все мечты его исполнились. Он мечтал и женился, действительно, на ярославской такой тоже агрономше, произвел четыре детеныша — одного мальчика и три девки. Или наоборот. И мечтал, главное, все семейство одеть в настоящие романовские полушубки. И мечта его сбылась. Этот Борис так и остался в Ярославской губернии... Он всю первую войну провоял, его только два раза легко ранило, и сравнительно скоро ему удалось демобилизоваться. Его упрашивали остаться в Красной Армии, но он умолил через того же Бонч-Бруевича, о котором я вам рассказывал, который моей семье протезировал, — удалось демобилизоваться и на землю сесть в Ярославской губернии. А ехал консультировать все романовское животноводство. На этой должности он, по-моему, в начале 50-х годов и помре. Он был почти на двадцать лет старше Лёльки.

Лёлька была снизу, по-моему, второй, не самой младшей, а второй снизу. Старшая сестра, Вера Александровна, была на двадцать один год старше Лёльки. Она была музыкантшей и знаменита была тем, что знакомилась со всякими знаменитостями музыкальными. Дружила и с Орловым, и с Рахманиновым, и со всеми знаменитыми певицами: и с певицей Держинской, и с певицей Неждановой, и с певицей Степановой, и с композитором Гречаниновым, с Игорем Стравинским. Одним словом, коллекционировала знаменитых музыкантов. Она была такая барыня, никогда замуж не выходи-

ла, имела салон... работала учительницей музыки и, как это называется, при Большом театре она была... не концертмейстером, а как-то еще это называется, кто занимается и аккомпаниаторством, но главным образом теорией с певцами. Потому что певцы-то многие — дубы стоеросовые: кроме как мурлыкнуть, ничего не знают, их надо немножко образовать, чтобы выпускать-то в люди. Только глотки. А почему в этом месте надо взрывать, а в другом, наоборот, шепотком, так это им надо популярно разъяснить. Да, кажется, концертмейстер это называется. Очень вообще была в этом смысле полезная баба: у нее можно было встретиться со всякими интересными музыкальными людьми.

Следующая сестра была химик-фармаколог, неплохой, и была замужем за Михаилом Ивановичем Штуцером*, очень замечательным бактериологом. Ну вот, это раз... два... третья сестра была химик опять же. Это бабье тогда все в химию бросалось, потому что на Высших женских курсах Александр Николаевич Реформатский общую химию преподавал на первом курсе, а он был химический златоуст, одним словом, курсисток завлекал.

А затем была еще Антонина, опять же химик. Высшие женские курсы она кончила и была оставлена там для приготовления к профессорскому званию. И черт ее дернул подхватить не рак, а саркому. Эта саркома... Она буквально в три-четыре месяца скончалась. То же самое и другая старшая сестра — тоже саркома. Между прочим, я думаю, не зря они саркому подхватили. Они обе работали по радиационной части. А тогда это очень неаккуратно было, они обе облучились.

Елена Александровна начинала тоже у Кольцова еще в университете Шанявского. И в университете Шанявского Михаилу Михайловичу Завадовскому в 18 году загорелось пересаживать яичники у кур в Аскании-Нова, у бывшего Фальц-Фейна. И в его экспедиции в Асканию-Нова* принимали участие два дохлых совсем студента и семь девок-студенток, в том числе и Елена Александровна. Заканчивала она* Алфёровскую гимназию. А мы, между прочим, алфёровских гимназисток прези-

рали за интеллигентность. Мы дружили с Травниковской женской гимназией в Москве. Они были хорошенькие, а потом ужомытые, извините за выражение, — вертеть умели задницей, а те, алфёровки, были интеллигентные, благовоспитанные и всякая такая штука и задницами вертеть не умели. Так вот, значит, поехали они в экспедицию. А там, в «Хохляндии», как раз начались эти... Через Асканию-Нова и белые, и зеленые, и коричневые, и черные, и красные, и все другие проходили. Михаил Михайлович Завадовский — он не был великий ученый, и даже не очень крупный, и даже не без придури. Поэтому оказался и человеком так себе. Бросил всех этих своих девиц там и сам смылся в Крым, в Симферополь, с какой-то оказией. И с двумя молодыми людьми, которые оказались тоже в человеческом смысле не особенно того. Вот три мужика во главе с начальником экспедиции драпанули, бросили семь девок на произвол проходящих банд*. Потому что все это были банды: что красные, что белые, что рыжие, что черные — все один черт. Всяких цветов банды.

В конце концов половина из них — четыре штуки — умудрились попасть в Одессу-маму, а три штуки в Крым, в том числе и Елена Александровна. А в Крыму тогда работал очень бойкий Симферопольский университет*, который сейчас, кажется, опять университетом стал. А в конце 20-х годов был превращен в пединститут. Там собралось множество прекрасных профессоров со всей голодающей России*. И Елена Александровна поступила там в этот университет, а этот Михаил Михайлович Завадовский, ему потом было страшно совестно, устроил ее уборщицей в Симферопольский университет. Не мог пристроить лаборанткой! Но это увидел покойный Гурвич, знаменитый гистолог*, выдумавший эти митогенетические лучи... Он тогда был профессором Симферопольского университета, потом в Москву приехал и помер*. Он тогда был уже пожилой человек, и он этому молодому болвану Завадовскому публичную вздрючку сделал и взял лаборанткой к себе Елену Александровну. Это, во-первых, в два раза больше денег, а во-вторых, не

заниматься вообще-то уборкой хлама на университетском дворе. Ну вот. Это все-таки на Завадовского подействовало, он нашел какую-то хохлушку или татарку на освободившееся место и обратился с ней, чего раньше не догадался, вполне, значит, вежливо и корректно. Но благорасположения Гурвича до самой смерти так и не заработал. А Гурвич был действительно крупный... Я считаю, что в этих митогенетических лучах Гурвич чертову прорву напутал, и путного там немного. Но как он подошел к этому — все это очень интересно, логично, красиво. И у него прекрасные гистологические работы...

Так она застряла в Крыму. А когда вернулась, должна была тут устроиться опять. Но так как она начала у Кольцова в университете Шаняевского, то она, конечно, к Кольцову пошла. И Кольцов очень мило принял ее и направил ко мне, что вот, я староста,— «попросите его от моего имени, старосту этого самого, вас устроить. Он вам там местечко найдет и всякая такая штука, и микроскоп»... Что я и сделал. Но она как-то меня так обработала, что я, значит, женился. У меня поэтому вместе с СеСеСеРе значок даже на пиджаке есть: «50-летие». Просто написано: «1922—1972». Мы отпраздновали тут золотую свадьбу, а оказывается, СеСеСеРе свою золотую свадьбу отпраздновал и по этому поводу значки выпустили, но на них не написано, что это в пользу СеСеСеРе, поэтому я себе навесил. Нам достали где-то.

В этом Практическом институте собралось и очень небезынтересное студенчество. Сравнительно большой процент людей, выбитых из колеи революцией, как-то выбывших из университета неизвестно почему или не попавших в университет. Всякие такие люди. И очень была талантливая, в общем-то, публика. Зоология была двухфамильная: два Николая Владимировича — Николай Владимирович Римский-Корсаков и Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, которые, значит, заправляли зоологией. И мы организовали на недостроенной фабричке «Карболит» на станции Влахернской* по Савеловской дороге биологическую станцию. Замечательную биостанцию там устроили, студенческую, для летних практикумов.

И там Елена Александровна ассистенткой тоже устроилась, так как она была совершенно официально студенткой. Я был преподавателем, потому что не был студентом, а неизвестно кто был. А она была студентка, поэтому ассистенткой только могла быть при практикуме зоологическом. Летом мы там обучали, значит, зоологии этих людей. И, надо сказать, из моих учеников с учебного года 21/22 до учебного года 24/25 (после мы уехали), в общем, в литературу научную попали человек пятнадцать — двадцать. Это очень высокий процент. Сейчас жив и здоров еще один мой ученик, Толя Щербаков. Он и доктор биологии, и профессор, и всякая такая штука, и директор биостанции на Глубоком озере, под Москвой тут. А остальные почти все померли. Как-то народ сейчас умирает довольно рано.

Затем Кольцов взял меня ассистентом в Медико-педологический институт, который тоже потом разогнали. Решили, что это наука какая-то антимарксистская. Почему-то. А сейчас восстановлена, как всегда это бывает. И этнология восстановлена, и педология восстановлена. Там я вел малый практикум, но времени мало тратил — это было скучно и неинтересно. Он читал курс зоологии, а я вел малый практикум зоологический. Вот этими делами я в основном и зарабатывал. Так что я, так сказать, благополучно питался и даже питал семейство, оставшееся в Москве: мать, сестру и кого-нибудь из братьев. Остальные братья тоже болтались где-нибудь. Брат Виктор, тоже зоолог*, как и я, тоже с детских лет. Он только больше был птичник, мышатник, а я — рыбак. Я мокрый зоолог, а он — сухой. Он тогда начал соболями интересоваться и ездил в экспедиции по соболям и зубрам — подсчитывать оставшихся. А потом, это уже во второй половине 20-х годов, навсегда в Сибирь уехал, в Иркутске жил до самой смерти, вот недавно совсем умер. Крупный соболятник. Он участвовал в восстановлении соболя в нашем Отечестве.

Как известно, это единственное наше действительно крупное достижение. В последний год, когда разрешен был его отстрел, в 34 году, по всему Советскому Союзу

было заготовлено двести семь соболей. Двести семь! После чего под влиянием группы молодых зоологов, которые писали во все инстанции правительственные, во все газеты, вышел, наконец, специальный декрет, запрещающий не только отстрел, промысел и охоту на соболя, но, так сказать, наличие всякой свежей шкурки соболиной (специалист всегда может определить с точностью до двух лет). А наличие шкурки соболиной или даже муфты какой-нибудь моложе 34 года — это был «червонец» гарантированный, десять лет «посажё», как минимум. Вот это подействовало, действительно соболя стали недотрогами полными. И к 55 году поголовье соболей было не только восстановлено, но соболя у нас стало больше, чем во времена тишайшего царя Алексея Михайловича.

Дело в том, что со времен Алексея Михайловича у нас точнейшая соболиная статистика имеется. Граф Витте, как известно, ввел у нас золотую валюту*, золотой рубль. А до того в России, собственно, основной валютой был соболь. Поэтому его учет, учет добывания соболя, был очень точен в России. А из этого было легко судить: динамика добычи отражает динамику встречаемости очень точно у таких практически важных объектов, как соболь. Так вот, количество соболя, максимальное количество, не достигало таких цифр, каких достигает сейчас. Соболь освоил целый ряд больших территорий, в которых он давно уже не встречался. Но пока на внутреннем рынке он чрезвычайно дорог, потому что это единственная наша сегодня серьезная валюта. Ведь Россия дожила до того, что мы хлеб покупаем! Ведь при таких условиях никакие соболя не помогут.

Я вам, кажется, рассказывал, как мой братец-соболятник приезжал в Свердловск. Его попросили, ну, как специалиста по соболям посмотреть: в одежный пушной магазин, главный в Свердловске, доставлены были на продажу десять дамских соболиных манто по какой-то фантастической цене — по-моему, десять или двенадцать тысяч рублей, что-то в этом роде. Мы с ним что-то заговорились после завтрака, и он, вместо того чтобы до

обеда пойти посмотреть, пощупать и оценить, пошел после обеда: все оказались проданными. Это Свердловск, не Москва все-таки, а Свердловск. Значит, минимум десять каких-то сверхжуликов, которые своим, значит, законным или незаконным женам могли купить соболиные манто по двенадцать тысяч.

Так вот, значит, у меня было пятьдесят шесть, иногда пятьдесят восемь часов в неделю педагогики: на двух рабфаках, в Практическом институте и в Медико-педагогическом институте. С 22 года, кроме того, Кольцов подбросил мне небольшое жалованьишко по Институту экспериментальной биологии. В это время я начал работать научно официально, во-первых, на Звенигородской гидрофизиологической станции, заведовал которой Скадовский. Он был и организатор и, собственно, владелец этой станции. Большой практикум кольцовский продолжался два года, и из тех, кто второй год уже работал, самые активные, так сказать, и интересующиеся науками, обыкновенно летом работали уже либо на Звенигородской биологической станции, либо в Аникове. Это в шести верстах от Звенигородской станции, немножко выше по Москва-реке. Там была генетико-селекционная станция, где генетикой кур занимались в основном и еще какой-то селекцией и генетикой. Там верховодил Серебровский, как и Скадовский, ученик Кольцова еще по университету Шанявского.

Я, а потом и Елена Александровна вступили в гидробиологическую группу. И под эгидой Скадовского, он был руководителем от Главрыбы, пустились изучать гидробиологию среднерусских озер. А оказывается, в средней России, так радиусом в сто с небольшим верст вокруг Москвы, озер до черта. Есть совершенно замечательные озера, группы озер. Например, Нерские озера. Никольские озера немножко подальше. Затем Тростенское озеро совершенно замечательное, верст, наверное, пятнадцать — двадцать от Нового Иерусалима. К большинству из них, самым красивым, не было железной дороги, поэтому некоторые озера и до сих пор еще озера, а не помойные лужи, так сказать, вокруг которых сидят

сотни тысяч так называемых туристов. Это такая очень крупная саранча, значительно более вредная, чем обыкновенная саранча.

А так как Главрыба была почтенное ученое заведение и во главе Главрыбы стояли почтенные ученые дяденьки, у них был план, у них был бюджет, но не было денег. Бюджет был, а денег не было, то есть они бывали, деньги, время от времени, и тогда надо было ловить момент. Это уже было дело Сергея Николаевича Скадовского. А изучали мы озера в основном по причине наличия у Сергея Николаевича переживших революцию золотых часов с золотой же цепкой и с золотыми же брелоками, которые тогда весьма выгодно можно было закладывать у московских каких-то евреев. А у меня были первого выпуска швейцарские вороненые часы «Омега» на цепочке, тоже вороненой. Почему-то эти часы имели тоже какую-то очень большую цену.

Вот эти мои и скадовские часы золотые, значит, перед очередной экспедицией закладывались... Кроме того, собирали посильные взносы... Ну, я был тогда богат по причине пятидесяти шести недельных часов педагогики, да еще трех пайков красноармейских вначале. Они были основой нашего питания на станциях, потому что в качестве питания мы получали ржу, некоторое количество просто намолотой ржи. Из нее можно было ржаную кашу варить. А ржаная каша сама себя хвалит, как известно. Грибы собирали, ягоды. Когда были деньги, можно было у мужиков окрестных покупать молоко. Они очень дешево продавали, потому что, в общем-то, было перепроизводство молока тогда там. Опять же от железной дороги, от ближайшей станции Кубинка, шестнадцать верст было.

Звенигородская электричка только потом, при нас уже, строилась, не электричка, а железная дорога. Это была ветка очень комическая. От Голицына до Звенигорода построена была такая железная дорога: для простоты, скорости и дешевизны такие глупости, как насыпи, не делали, а просто, так сказать, по лугам и болотинам положили шпалы, к ним присобачили рельсы и пустили

поезд. Поезд — паровозик такой, типа «кукушки», как вот эти маневровые, старые, в три-четыре вагончика. И проезжали они иногда действительно осторожно, тихо, без каких-либо чрезвычайных происшествий. А иногда в определенном месте, на определенной болотине как-то, сколько помнится, ежели ехать от Голицына на Звенигород, на правый бок поезд оседал, немножечко колебался и потом ложился на бок.

И там заготовлены были уже березовые слезы — берез понарили не только мы, а и звенигородские граждане — такие большие слезы. Значит, почтеннейшая публика вылазила через окна и двери лежащих вагонов... Обыкновенно никаких серьезных повреждений не было, только бабы охали, иногда визжали, но и то только потому, что таким случаем пользовались помоложе которые мужики, тревожили их не с того конца. Это вы можете выбросить...

Нет, лирических отступлений я не делаю, я только «факты на лице». Вот. И, значит, с помощью покойного Архимеда, им придуманного рычага, ставили опять на попу эти вагончики. Машинист очень громко дудел, потом чуть-чуть пыхтел, а мы еще слезами подпирали, и помаленьку он из этого опасного места выезжал. Тогда все радостные садились и ехали дальше. Рядом проходил тракт из Голицына в Звенигород. Мужики обыкновенно эту звенигородскую кукушку обгоняли, кнутиком помахивали и машинисту кричали: «Чепляйся, подтащ!» Но мы на этой кукушке редко ездили, только ежели очень много вещей, потому что от Звенигорода до нашей станции было девять верст, а от Кубинки — шестнадцать. Разница не так уж велика. И там всегда были мужики с подводой, а некоторые даже с бречками, можно было нанять, и быстрее было.

Звенигородская станция расположена на том месте, где были дачи. В Москве был знаменитый такой невропатолог Россолимо*, Григорий Иванович Россолимо. Я его прекрасно знал. Очень был симпатичный и весьма богатый человек из южнорусских греков родом. А его пасынком был Сергей Николаевич Скадовский, один из

моих учителей, мокрый, физиолог и ученик Кольцова, один из старшего поколения учеников Кольцова. Вот у Скадовского и Россолимо рядом там дачные были участки. Не теперешние дачные, а настоящие, так сказать, старомодные дачи, за деньги построенные на ять. А так как с малых лет Сергей Николаевич тоже мокрой зоологией увлекался, то он на своем участке, поближе к Москва-реке, чем дачи (дача на самой горке была, а это чуток повыше Звенигорода, на Москва-реке), на полдороге сверху выстроил прекрасное из бревен, не жалёя денег, многокомнатное здание со светелкой наверху и с подвалом внизу в три комнаты. Там было несколько комнат, затем большая застекленная веранда по одному из длинных фронтов — такая вот биологическая станция, лично построенная на собственные средства Сергеем Николаевичем Скадовским. Сергей Николаевич был ассистентом Кольцова по университету Шанявского и по Высшим женским курсам в свое время, и он предоставил свою станцию студентам и курсисткам для летних работ и, кроме того, кольцовской лаборатории университета Шанявского и кольцовской кафедре Высших женских курсов для научных работ.

Но вскоре началась война. Скадовский как-то воевать не пошел. То ли денег у него было слишком много, то ли еще почему. Может, тут и Россолимо посодействовал. Все-таки из греков. А после войны началась революция. Мамаша Сергея Николаевича первым браком была за Скадовским, очень богатым южнорусским помещиком. На берегу Черного моря, немножко западнее Крыма, расположен Скадовск. Скадовские оттуда и пошли. По ним город и называется Скадовск.

А Григорий Иванович Россолимо родом из зажиточных греков, а потом стал и совсем богатым. Профессора-невропатологи автоматически делались богатыми, потому что за максимально возможные гонорары лечили от безделья богатых барынь. В основном это была деятельность-то невропатологов: пользоваться богатых барынь от безделья. «Ах, ах, ах, голова болит» и «Ах, ах, ах, я что-то нервно себя чувствую, плохо сплю». От того,

что жрет только одни вкусные вещи, желудок ненормально действует. Одним словом, от всех этих, так называемых, женских болезней лечили невропатологи. И лечили они, конечно, только богатых барынь, потому что такие болезни только у богатых барынь и бывали. И, следовательно, гонорары брали... Ну, четвертной билет была мелкая разменная монета. Значит, барыня к нему пришла — должна оставить четвертной билет. Прийти к нему можно было, вероятно, и за десятку, а вызвать его к себе на дом — это уж четвертной билет непременно. Словом, тут деньга к деньге, и он на богатой вдове Скадовской женился еще.

И как только случилась Февральская революция, он, все предвидя, сказал Скадовскому, что «голубчик, сделай раз в жизни приличный жест: подари эту станцию университету». Да не университету Шаняевского (тогда как раз Кольцов вернулся после 17 года в Московский университет), а «настоящему университету, кафедре Николая Константиновича Кольцова». Значит, так все и произошло, как Россолимо распорядился.

Он помер потом естественной смертью, как и большинство граждан. Даже советские граждане есть, которые естественной смертью помирали. Вот он был из тех советских граждан. А Скадовский помер недавно, в самом конце 50-х годов, по-моему, или в начале 60-х. Мы еще в Свердловске были, когда помер Сергей Николаевич Скадовский. А супруга его Людмила Николаевна — певица, меццо-сопрано. По субботам вечером, каждую субботу на Звенигородской станции был концерт. Сергей Николаевич хорошо играл на рояле, Людмила Николаевна пела. Иногда приезжала какая-нибудь ее подруга, певица профессиональная... Приглашала она обыкновенно либо контральту, либо сопрану, так чтобы дуэтом они могли петь. Кроме того, для дуэтов сгложался Сергей Романович Царапкин*, мой приятель, а потом и сотрудник по Берлин-Буху. Иногда я что-то там пел, например басовую партию «Горные вершины» Рубинштейна. Людмила Николаевна — первый голос, вторую часть. Первая часть идет бас соло, такой полуречитатив, а вторая часть

уже идет дуэтом: бас с тенором или бас с женским ка-ким-то, предпочтительно не контральто, а либо меццо-сопрано, либо сопрано. Затем Даргомыжского. Есть та-кой дуэт «Ванька-Танька». Тоже распевалось. Я этот дуэт очень люблю. Я вообще терпеть не могу так называемый «style russe». Я очень люблю русские народные песни, но не «style russe». А у Даргомыжского есть замечательные дуэты и трио. Скажем, «Ночевала тучка золотая», «Беле-ет парус одинокий», лермонтовский. Это тоже по суббо-там мы распевали там.

Как я умыкал наркома

В конце первой мировой войны, в 16 году, по-моему, Владимиром Ивановичем Вернадским в Академии наук была создана Комиссия по изучению естественных про-изводительных сил страны, сокращенно КЕПС. Это за-мечательная была организация. Сперва в виде малень-кой, действительно, комиссии просто при Академии на-ук. И вот к началу 20-х годов она организовала людей по всей России, где были настоящие ученые, для изуче-ния естественных производительных сил страны, начи-ная с человеческих. Были привлечены антропологи, де-мографы, кончая микробиологами, и почвоведками, и геологами, и всякая такая штука. Через всякие сорта биологов. Академия наук была в Петрограде, и там в основном КЕПС находился. Потом Москва стала столи-цей, и тут больше жизни было, а Петроград, как извест-но, в 19-20 годах почти так же, как во время блокады, вымер, там был полнейший голод... И разбежались кто мог, и померло тоже очень много людей от голода, и хо-лода, и всего...

Вот интересно бы знать, где она находится — заме-чательная серия графическая рисунков вот этого голод-ного, холодного, разрушающегося Петрограда, которую выполнил Добужинский. Была выставка его в начале 20-х годов в Москве уже и в Ленинграде, кажется, в

22-23 году, перед его отъездом в Литву. Это совершенно гениальная серия рисунков Петрограда 19—21 годов. Страшные вещи. Сорок — сорок пять рисунков. Я их видел уже в Берлине*. Добужинский же литовец по происхождению и потом уехал в Ковно, Каунасом который стал. Вместе с уезжавшим в Каунас литовским послом*, который до того в Литве никогда не был... Балтрушайтис, да. В Москве специально его сделали послом, когда образовалась республика.

А КЕПС после революции разросся. Ленин придавал большое значение развитию КЕПСа. Потом он разбился на целый ряд отделений, в том числе и территориальных. В Москве было организовано Московское отделение, Кольцов избран был там членом-корреспондентом и начальником вот этого Московского отделения КЕПСа. В 22 году меня и еще нескольких молодых людей среди своих сотрудников он, за неимением других штатных единиц, устроил сотрудниками этого самого КЕПСа, ну, чтоб мы получали там какие-то небольшие денежки и состояли сотрудниками. В конце концов мы стали сотрудниками кольцовского института, но вот по этому КЕПСу. Тогда кольцовский институт, как и большинство московских научно-исследовательских институтов объединялись ГИНЗом — Государственным институтом народного здравоохранения, который Семашко устроил*. Ведь Академия была в Петербурге, потом в Ленинграде, а московские научно-исследовательские институты объединялись ГИНЗом.

Очень любопытно, что в одном и том же 1912 году одновременно в разных странах были основаны Рокфеллеровский институт в Америке, в Германии — Общество кайзера Вильгельма, а в России — Московское общество научного института. Идея во всех этих обществах была одна и та же: завести научно-исследовательские институты, не связанные ни с промышленностью, ни с высшими учебными заведениями, чтобы науки в них были не привеском к чему-то другому, к практике или к учебе, а сами по себе существовали бы, автономно. При организации этих формально частных обществ, собирав-

ших средства с частной публики, главным образом очень богатой, они получали, кроме того, каждое по мере своих талантов, поддержку государственную через соответствующие департаменты для открытия и организации чисто научных исследовательских институтов.

Не нужно забывать, что до начала XX века наука вся делалась только в университетах и чуть-чуть в высших технических учебных заведениях и сельскохозяйственных. Ну, медицинские факультеты относились к университетам. А часть прикладных наук, вернее, их уже более техническая часть, приложение собственно, осуществлялось в промышленных лабораториях при больших заводах, фабриках и т.д. А чисто научных заведений, не зависящих ни от университетов, ни от заводов и фабрик, то есть профессиональных научных учреждений, не существовало. В 10, 11, 12 годах они стали появляться в трех странах: в России, Германии и Соединенных Штатах. В это же время примерно, да, в 12 году, появился в Англии тоже чисто научный, научно-исследовательский Садоводческий институт, но практически посвященный генетике и ботанике.

И вот Кольцов сделался директором Института экспериментальной биологии. Фактически Институт экспериментальной биологии начал существовать в 1916 году, но организовываться Кольцовым начал с 1912 года, с возникновения Московского общества научного института*. Первыми чисто научными институтами в России были Институт экспериментальной биологии, Институт физики и биофизики Лазарева, баховский Институт биохимии, крашенинниковский* Институт физиологии питания и мартыновский Институт практической медицины. Эти первые чисто научные институты были спасены и проташены через революцию замечательным человеком, Николаем Александровичем Семашко.

Семашко объединил все важнейшие научные учреждения в ГИНЗ* — Государственный институт народного здравоохранения. Это чисто формально так называлось, а было, собственно, московское отделение Академии наук. И потом все эти институты, или почти все, вошли в

Академию наук, когда ее в Москву перевели в начале 30-х годов, и ГИНЗ тогда влился в Академию наук.

Надо сказать пару слов о Семашко. Это был замечательный человек тех времен, тогдашний наркомздрав Семашко, очень интересный, умный и хороший человек, бывший земский врач. Очень знающий человек, интересующийся целым рядом сопредельных научных дисциплин, общекультурный человек, который очень много сделал для спасения русской науки в революцию. Ведь это были времена, когда в основных крупных городских центрах людям было буквально нечего есть, нечем было топить дома, не было никакого транспорта. Я сам заставлял такие времена в Москве, когда из одного конца Москвы в другой иначе, как пешком, не доберешься. Нужно было, как тогда выражались, на одиннадцатом номере ехать, значит, пешочком, на двух ногах действовать. Было же время, когда по карточкам восьмушку хлеба населению выдавали, восьмую не килограмма, а фунта, значит, это капелюшечка. Да не хлеб, а черт знает что выдавалось по карточкам. Одним словом, очень тяжело жилось людям в те времена.

Кольцов и Семашко были большие друзья. И отчасти под влиянием, так сказать, дружеских разговоров Семашко и решился организовать вот этот самый ГИНЗ. И ГИНЗ явился, несомненно, спасителем русской науки во время революции. Петроград голодал и пустел. Москва тоже голодала, но не пустела, а, наоборот, пухла, наполнялась беженцами самого разнообразного сорта. Тогда Москвой завладел так называемый жаргон беженцев. Это, значит, еврейский такой, западно-польский жаргон. Первыми появились беженцы от немцев, занявших западную Польшу. Они страшно повлияли на литературный русский язык, что сказывается до сих пор. Все ваше поколение в значительной мере пользуется этим беженским языком. Положение было очень тяжелое. Вы сейчас себе совершенно не представляете этот опустевший, голодающий Петроград, потом и Ленинград, и тоже голодающую, переполненную черт знает кем Москву. И тут наука тебе.

Семашко был очень умным человеком, вовремя уцелел. Уже после моего отъезда он успел смыться из наркомов, когда увидел, что закрепился окончательно Сталин. Он быстренько превратился в простого профессора Московского государственного университета, мирно прожил свою довольно долгую жизнь и помер в своей собственной постели естественной смертью.

Ну, как умыкали мы Семашко, это я вам рассказывал? Не рассказывал? Значит, кольцовский институт экспериментальной биологии имел, как я уже говорил, две станции. Первая — наша Звенигородская гидробиологическая, вторая — Аниковская генетическая станция, Серебровского. И вот в каком-то довольно голодном году, в 21 что ли, в начале лета или поздней осенью, Семашко, наркомздрав, со своим вечным спутником-секретарем... ну, Господи, здоровый такой, толстый... Выпала фамилия, вскочит, наверное... Они решили посетить эти станции. Ну, конечно, Серебровский со Скадовским страшно заволновались — нужно встретить. Жены их стали жарить, печь, варить... Мобилизовали все запасы казенного спирта, конечно, потому что все знали, что Семашко любит приложиться. И возникла очень важная дипломатическая проблема: куда нарком сначала приедет, на Аниковскую или на Звенигородскую? Ведь там, куда он первым заявится, там и будет основное празднество: и выпивка, и жратва, и всякая такая штука. А на вторую станцию-то приедет, посмотрит какую-нибудь науку в подпитии и смоеется. На этом и кончится.

А дело обстояло так. Ездили к нам до станции Кубинка по железной дороге, а от Кубинки была дорога, не шоссе, конечно, а грунтовая, по которой можно было на лошади ехать. Тут текла Москва-река, здесь развилка была на Аниково и на Звенигородскую станцию. И мы засели в развилке самой. Надо сказать, что мы тогда мало чем отличались от средневековых разбойников. Ну, я-то всегда лето проводил в расстегнутой рубашке, в штанах, сшитых из чего-нибудь, босиком, обрастал бородой, лохмат был и так далее, крайне загоревший. Вот Беляев, Ромашов, я — трое... кто же еще? Пять нас чело-

век было, все примерно в таком же виде и с дубинками. Мы срезали небольшую березу или вырывали с корнем, у корня ведь такая долбежка есть, наверху отгачивали вроде ручки, чтобы держать, а долбежка внизу. Так что такой штукой человека убить — раз плюнуть. Хлоп по кумполу — дух вон и лапти кверху.

Так вот, мы засели в кустах. Слышим — едет, на подводе, на мужике. А тогда советской-то власти еще настоящей не было, СеСеСеРе никакого не было, а была ленинская РеСеФеСеРе, высшее начальство были люди простецкие. Много было очень хороших русских интеллигентов среди них, в том числе и Семашко. Значит, они просто на поезде поехали, а тут наняли мужика. Ну, подъехали они к развилке, и по всем правилам искусства мы, зная и из песен и прочих источников исторических, как себя вести, выскочили с дубинками-то нашими, босиком, в портках и в развевающихся рубашках. Коня под уздцы сразу же, лошадку-то... Мужик совершенно обалдел. Этот Боровский, кажется, так звали этого секретаря Семашки, громадный такой дядька... В заднем кармане у него пушка была, револьвер. Он, значит, сует руку в карман и никак в задний карман попасть не может, чтобы пушку вытащить. Семашко совершенно был спокоен, похлопывал этого Боровского: так сказать, пушку-то не ищи, раз не нашел до сих пор, все равно тебе уже больше не понадобится...

А потом меня узнал. Мы с ним до этого знакомы уже были, встречались несколько раз у Кольцова. И он меня, однако, в таком виде опознал и говорит (а меня Колюшей звали друзья): «Колюша, неужто это ты?» — «Я.» — «А за что вы меня?» А я говорю: «По делу». И изложил ему в деловом стиле ясно, логично и понятно даже для наркома, в чем дело. Раз вы посещаете, а вы есть высокое начальство, то наше начальство подготовилось и в Аникове, и в Звенигороде, не беспокойтесь. И тут, и там готово под вас угощение первый сорт по нынешним временам, водочки из вашего же казенного спирта наделано от пуза. Но вопрос дипломатический заключается в том, что мы-то очень боимся, что вы сперва в Аниково завер-

нете, там главное будет. А для нас ни хрена не останется: духа уже никакого не будет, так сказать, одни остатки наркома. Вот мы и решили вас умыкнуть. Вы уж как хотите, а сила на нашей стороне. И ваш секретарь все равно пушку никак не вытащит. Ну, тут и Боровский увидел, что дело-то, в общем, безопасное, пушка не к месту будет, не к стилю. Мужик тоже отошел, уже смеется, говорит: «Молодцы, ребята, так и надо». И завернули, значит, к нам, на Звенигородскую станцию.

И действительно, было шикарное винопитие и жратва, и показывали мы циклопов и дафний, и планктон, и всякие такие штуки показывали. Дрозофилы еще тогда не существовало. Показали все лаборатории, центрифуги, аппарат для измерения всех этих вещей, а потом уже перешли, значит, к пиршеству, а после пиршества к искусству. Людмила Николаевна, жена Скадовского, пела, Сергей Николаевич играл на рояле... Да, подготовлена была еще певица, армяночка* какая-то, подруга Людмилы Николаевны, очень хорошая певица. И мы с Сергеем Романычем Царапкиным басом по очереди с ней. Потом мы их завезли на другую станцию, показали большое количество кур. Никакого большого винопития там не было. Может, они после отъезда Семашко и выпили, но это уже не то. Из этого вы видите, какие были все-таки симпатичные времена. Сейчас разве мыслимо, чтобы министр здравоохранения... сперва его умыкнули, потом напоили... Это невозможно совершенно. Этого быть не может.

Теперь еще об одной существенной связи кольцовского института — с крупным русским ученым, которого мы сокращенно называли ПэПэЛазой* — Петр Петрович Лазарев, физик и биофизик. Он был академиком избран... не помню уж в котором году, после революции. Был директором Института физики и биофизики ГИНЗа. В пределах ГИНЗа, собственно, первым, построенным еще до революции институтом был физический. Но он не был оснащен. Революция Петру Петровичу Лазареву прямо в самый раз подошла. Всякую всячину среди бесчисленного количества оставшихся по наследству от

первой мировой войны военных и гражданских организаций можно было, имея документы с круглыми печатями, а по-тогдашнему, с треугольными, раскурочивать в пользу народную, то есть грабить направо и налево, реквизировать, как тогда это называлось. По части реквизиции Петр Петрович был мастер. Все наши прочие профессора были шляпы по сравнению с ним и ничего толком реквизировать не могли.

А тут кольцовский институт, и Пречистенский рабфак, и затем, как я вам вкратце рассказывал, небольшая группа научно заинтересованных молодых людей или сравнительно молодых людей организовала Практический институт. Все это требовало оснащения. А оснащение все реквизировалось в Москве с окрестностями ПэПэЛазой. ПэПэЛазы пользовались и одной из семи, как тогда смеялись, может быть, их было и больше, но считалось, что семь автомашин в Москве имелось тогда. Так вот, одну из семи машин занимал ПэПэЛазы: ездил на ней и реквизировал. Особливо нуждались все в химической посуде. Так он всякую посуду реквизировал: и фарфоровую, и севрскую, и... любую — там, мол, разберется, которая для чего подходящая. Микроскопы из Земгора*, Земского городского союза, импортные, во время войны их получали для военных лазаретов. Многие, целые сотни, особенно американские, оставались неиспользованными. Он сваливал это все в огороженный забором двор своего института.

А наша небольшая компания не имела машины. Но приобретаю, вернее реквизирую, тут это слово более подходящее, салазки, с наступлением темноты впрягаясь в эти салазки, подъезжали мы к забору ПэПэЛазовского института, лучше всего втроем. Двое перелезали через забор, один оставался при салазках принимать. Двое, значит, раскурочивали теперь уже ПэПэЛазы: ящики с посудой разной, в том числе и севрской, ящики с микроскопами осторожно передавались двумя внутренними рабочими единицами наружной, та принимала себе на брюхо, осторожно нагружала салазки. Когда салазки были достаточно нагружены, то две внутренние единицы

перелезали наружу и все втроем тащили тяжело нагруженные салазки во двор Практического института или кольцовского института, смотря по тому, какая поездка какому организуемому институту предназначалась. Там не разгружалось, а упрятывалось, куда нужно. А уж разгружали все потом и разбирали, куда деть северский фарфор. Много шло на обмен. Очень честно мы все работали, хотя уже тогда все мы поголаживали, кроме таких военных людей, как я...

Таким образом, в конце концов все распределилось благополучно. Действительно, собранные Земгором большие лабораторные богатства были довольно справедливо и полезно распределены по московским институтам и лабораториям. И это послужило изрядным укреплением этих лабораторий. Потому что в это же время они и старые московские лаборатории сильно разрослись в связи с повышением числа студентов.

ПэПэЛазз был крупным ученым, конечно. Собственно, первым физиком, всерьез занявшимся биофизикой. Во время первой мировой войны совершенно независимо друг от друга он с немцем, тоже крупным физиком и физикохимиком, Нернстом* открыли очень сходные теории элементарных основ нервных явлений (ионная теория нервного возбуждения так называемая). Она в немножко различных формах была независимо друг от друга разработана Нернстом, после войны уже им напечатана, и ПэПэЛаззой, тоже после революции при первых возможностях, в начале 17 года, напечатана.

А затем он при советской власти уже кинулся на Курскую магнитную аномалию, узрев в ней некую практическую сторону. Как вы знаете, он сквозь землю очень хорошо ее разглядел. Сейчас там большие заводы и горные производства, горнорудные. Но в смысле Курской магнитной аномалии главная заслуга принадлежит не Петру Петровичу Лазареву, а профессору Московского университета старику Ленцу: такой русский немец, очень скучный, но очень дотошный профессор, который в свое время обнаружил магнитную аномалию в Курской губернии. И, по-видимому, правильно объяснил взрывы

газа — мощными запасами железных руд. ПэПэЛаза все это дело уточнил, перевел на более современный язык и прекрасно использовал.

На всех местах работы я предупреждал честно, что я сколько надо и даже еще больше могу работать до середины месяца мая и с месяца октября. А конец мая, июнь, июль, август и сентябрь я провожу на лоне природы на биологических станциях, потому что я биолог и одним трепом жить не могу, а должен иметь, так сказать, биологический подножный корм. Так что я проводил лето в основном на Звенигородской станции и на станции Практического института, которую я же со своим тезкой, Николаем Владимировичем Римским-Корсаковым и организовал, как уже вам докладывал. Около станции Влахернская нашли мы недостроенную маленькую фабричку «Карболит». Что это за «Карболит», этого я не знаю, какое-то вещество они должны были вырабатывать, но ничего не вырабатывали. Прекрасно построенное фабричное здание и еще маленький домик без единого окна, то есть стекла.

А мы достали через ПэПэЛазу стекла. Застеклили все это и сделали биологическую станцию. Вот я, значит, минимум полтора месяца на Влахернской проводил. Там мы пропускали через себя несколько сот студентов Практического института, биотехнического факультета и сельскохозяйственного факультета. Очень здорово у нас было построено. Каждый студент получал такую работу, вроде самостоятельного исследования небольшого клочка земли: леса, луга. Монографическое исследование — ботанико-зоологическое и почвенное. Обычно три преподавателя этим ведали: я в качестве зоолога, одна ботаничка и один такой почвовед, он же метеоролог.

Там мы хорошо работали и приучились действительно к серьезной, хорошей, научной работе как полевой и экспедиционной, так и лабораторной. Это самое главное было. Кто-то занимался планктоном, вроде меня, кое-кто донной жизнью, кое-кто макрофитами, тем, что вы, не ученые, называете тростник, камыш, рогоз и всякая

прибрежная растительность. Кто-то рыбками занимался, кто-то насекомыми.

У нас очень чудно было под Москвой. К сожалению, значительных биостанций под Москвой не было. Студенческих биологических станций не было вообще. Сколь ни замечательно это, но в России студентам-биологам негде было заниматься летней практикой биологической. Ни в одном университете. А до революции Московский университет был самый большой по числу студентов в России. Студентов было пару тысяч. И была одна только Болшевская, малозначительная, там была пара мест на пару тысяч студентов. Так что в лучшем случае каждое лето полтора десятка студентов проходило через Болшевскую станцию. Ну, а потом вот Скадовский построил Звенигородскую станцию. Звенигородская самая значительная была и самая интересная в научном отношении.

Жили мы в те времена весело, масса там всяких историй происходила. От нас недалеко было до Глубокого озера*, тридцать две версты, тридцать пять километров с хвостиком. С Дмитрием Петровичем Филатовым мы туда бегом бегали. Мне-то пустыки, а он все-таки лет на 15 меня старше был, ему тогда было лет 40 уже. Ну, правда, для стайера-то лет 40 — не возраст. Но мы — никаких рекордов, не со спортивными целями, а просто, чтоб очень много времени не тратить: пешочком-то далеко идти, а мы отмахивали примерно за три часа.

Дмитрий Петрович Филатов был первым по силе зоологом русским. Заварзин был вторым*. А третий — Алексей Всеволодович Румянцев*. На Глубоком озере и в Звенигороде у нас собирались они и боролись. Это было, когда вообще процветали еще науки. И Дмитрия Петровича Филатова никто положить не мог. Даже ежели мужик был здоровый, большой, вроде Заварзина... А у Дмитрия Петровича grip* был совершенно стальной. Он, значит, бородкой помотает, оглядится, оглядит своего противника — и цап его за обе руки, сожмет. И тот ничего, только извивается тихо, танец живота устраивает. Дмитрий Петрович и Заварзина обыкновенно клал,

перебрасывал через себя и припечатывал. А Заварзин с Алексеем Всеволодовичем Румянцевым иной раз по полчаса, минут по сорок пытели безрезультатно. При чем мы эти схватки длинные Румянцева и Заварзина не любили по причине судейства. Нам приходилось судить. Штука сложная была, учитывать все эти... у кого какой захват... Но никаких неправильных приемов не было. Честная работа была. Это были любители, а не так, как у нас сейчас, профессионалы, за деньги.

Как они боролись? В одеже? Вы под одежей понимаете «спинжак»? Ни боже мой! Кто же борется в спинжаке? В трусах боролись. Биостанции же были. А на Глубоком озере и вовсе без трусов можно было жить, потому что на Глубокое озеро бабий пол не допускался. За исключением Евгении Тихоновны... забыл фамилию, на букву «ш»... старейшая ученица Кольцова, дама на двенадцать пудов, объема необозримого. И так как никто не мог сказать, по причине необозримости, какого она пола, то, следовательно, она допускалась.

И было только известно, что когда Евгения Тихоновна погружалась для купания в Глубокое озеро, то озеро слегка выходило из берегов, и поэтому не рекомендовалось оставлять свои шмотки непосредственно у воды — унесет. И рассказывалось: с Евгенией Тихоновной произошел случай однажды. Вокруг Глубокого озера тогда еще бродили изредка лоси. И однажды случилось, что утром Евгения Тихоновна из своего сарайчика... В избушке жили мужики, а на отлете был маленький такой сарайчик, и там Евгения Тихоновна помещалась... Вот Евгения Тихоновна из своего сарайчика вышла купаться. Утром. Такое Глубокое озеро, над ним, как бывает утром, туман стелется слоями, солнышко восходит. А из леса — лось. Тут они и сошлись. И видел, уверяют, нынешний член-корреспондент бактериолог Кузнецов, очень милый человек*, замечательный, его что-то тоже рано подняло. И видит он картину: лось стоит удивленный и головой помавает, как лоси иногда делают. А Евгения Тихоновна против него в чем мать родила и фыркает на него, по-видимому, старается доказать, что она

купается, а не он. А лось потом слегка отвернулся для вежливости, чихнул, плюнул, повернулся и ушел. Вот.

Я вам расскажу еще, как мы умыкали баб. Я вот надеюсь, должна прибыть, сделать доклад на Центральном совете общества Олечка Иванова, ныне старушка, которую мы раз умыкнули. Она теперь в городе Витебске профессором «скотоведения». Ее в 48 году выдворили из Ленинграда, она в Сельхозинституте «скотоведение» вела. Теперь она сухонькая старушка стала, а в молодости была такая... в теле девица. И у нее сердце было слабое. Мы по вечерам всегда костер складывали и по череду умыкали девок из Аникова, это километров пять от нас. У нас были кровати, но были и сенники такие большие, в которых сено было набито. Вот такой сенник захватишь, вдвоем мы отправлялись обыкновенно... А там, в Аникове, рядом со станцией березовая роща, в которой девки предусмотрительно шпациры учиняли и находились в ожидании. Ну, и мы желаемую девку... а желанья-то у нас были ясные, практические: чтобы она была маленькая, жиденькая, тоненькая, легонькая, ну, и не совсем мордovorot. Вот, умыкали мы, значит, очередную девку, сажали под ейный визг (она для вежливости визжала) в этот сенник, на закорки и по череду, значит, сменяясь, волокли к себе. А у костра высыпали.

И вот нам сообщила пятая колонна, что Олечка Иванова... А Олечка Иванова была девица страшно ученая и в теле. Главное, нас смущала ейная ученость. Нам никогда и в голову не приходило умыкнуть Олечку Иванову. Но нам было доложено, что Олечка Иванова страшно обижается. Всякую сволочь умыкают, а ее — ни боже мой! Чем она хуже людей. Ну вот, я и еще кто-то, по-моему Астауров, отправились с общественным поручением умыкнуть Олечку Иванову. А это, извиняюсь, как говорится по-русски, не жук накакал. В ней все-таки пудов шесть было. Пришли мы в рощу, а там Олечка уже шпацир учиняла, взад-назад ходила. Мы, значит, прыг на нее. Она даже чуть-чуть взвизгнула. Мы ее сунули в мешок и потащили. Тяжело, потом обливаемся. Хорошо еще у нее мяса и жирка дос-

таточно, бока не оббивались, а, так сказать, мягко, с амортизацией. Тащим...

Обыкновенно девицы сперва пробовали заговаривать с нами, а потом что-то охали, кряхтели и вообще звуки издавали. А Олечка через некоторое время лежит колодой, мягкой довольно. Ну, мы ничего, сменяемся. Как раз самый последний-то участок пришелся не мне, а вот Львовичу. Он, значит, доносит до костра, вытряхивает — дохлая. Ужасно! Мы, конечно, перепугались, страсть. Нас же уговорили, мы страдали: шесть пудов пять-шесть километров тащили — тридцать шесть километро-пудов... Но тут Нина Гордеевна Савич оказалась, тетка теперешнего физика Алексея Владимировича Савича*, сестра Владимира Гордеевича Савича, гидрофизиолога, кольцовского ученика. Она во время первой войны милосердной сестрой работала и все это знала. Она сразу кого-то из нас с ведром за водой послала. Окатила ее ведром воды — и она очухалась. И страсть довольно была! Ну, это, наверное, самый существенный эпизод в ее ученой жизни. А обморок-то... У нее же сердце было и еще какие-то нервы. От учености, наверное. Я думаю, что ежели у человека ученость, рыхлый вес, сердце и нервы, то, конечно, труситься шесть километров в сеннике...

Просветитель «эпохи изоляции»

Так вот, я вам рассказывал, чем я деньги зарабатывал. Педагогикой всякой, ну и пением, и докладами в ППУОКРе. А летом всю эту педагогику и военное пение прекращал, работал на станции и изучал озера. Четыре с половиной, пять месяцев на станции проводил, а семь или семь с половиной месяцев, то есть осень, зиму и весну, в Москве — колбасился по всяким этим педагогикам. Обыкновенно в девять вечера прибежал домой, жрал, как австралиец, все, что было, так, что еле дышать мог, и сразу же бежал, благо рядом

было, в Сивцев Вражек, в Институт экспериментальной биологии.

Жили мы там же, в Никольском переулке, Плотников теперь, дом № 6. Это между Гагаринским и Успенским. На углу Гагаринского маленький был домик угловой, деревянный, прижавшись к нашему. Мы его в революцию спалили — разрушили да сожгли. Топиться-то надо было чем-то. Наш-то шестиэтажный, хороший дом.

Вот, значит, бежал в кольцовский институт и там так с полдесятого, с десяти до двух работал, тогда уже с дрозфилами. С 22-23 года начал в основном заниматься генетикой. Потом приходил, еще немножко читал, так в три, в полчетвертого засыпал и часов в половине восьмого вставал. И начинал все сначала — и колбасился, и колбасился, и колбасился. И еще посмеивался.

Вокруг меня люди не умели так много колбаситься почему-то. Одному казалось, что у него сердце, другому казалось, что у него легкие, у третьего — еще какая-нибудь печенка. Одним словом, все вокруг меня специализировались по разным потрохам. А я как-то не верил в потроха, а верил в старую русскую поговорку, что человек — не свинья, все вынесет. Во! И действительно, выносил хорошо. Правда, жена утверждала, что к отъезду за границу я, по ее выражению, дошел до ручки, но буд-то бы это выражалось только в том, что я отошал. Но это хорошо — тощать, и, так сказать, у меня появилось некоторое такое устремление куда-то всегда. Все бегал. А так ничего, жил и жил. Аппетит всегда у меня был хороший, съедал все, что мог. Ежели человек достаточно ест, то может и работать.

Ежели слишком много ест и ничего не делает, тогда плохо, тогда он жиреет, а ежели вот колбасится и много ест, тогда это хорошо, потому что прибавляются и физические силы, и какая-то психическая устойчивость против всяких мировых явлений окружающих, все идет в порядке тогда. Ну, а как вы знаете, наше время было в смысле мировых явлений того, шершавое время. Вот. Но вообще-то жизнь тогда была хорошая. Вообще первая половина 20-х годов было очень хорошее время в

России, и в частности в Москве. Ну, 20 год был, конечно, паршивый, а с конца 21-го до конца 26-го — начала 27 года было время очень хорошее. Потом, с 28-го, пошло плохо, и с 30-го началась вот та мура, которая у нас никак кончиться не может, называемая официально культом личности, по-моему.

Ну вот, значит, зимой мы работали в основном в Институте экспериментальной биологии. Он тогда находился на Сивцевом Вражке, во дворе, в таком особнячке трехэтажном. Прекрасный Институт экспериментальной биологии.

Уйдя из Московского университета в 1911 году и тем самым потеряв лабораторную основу, Кольцов смог организовать в университете Шанявского — ему была предоставлена такая возможность — очень замечательную вещь: первую в мире лабораторию и кафедру экспериментальной биологии. Первую в мире! Ни в одном университете, ни в одном высшем учебном заведении в то время еще не было официального курса, лаборатории и кафедры экспериментальной биологии. А вот Кольцов первый в мире такую кафедру и курс организовал. И стал заведовать кафедрой зоологии на Высших женских курсах. Значит, у него было две лаборатории, очень быстро и богато разраставшиеся, и прорва учеников. На Высших женских курсах только однополые ученики, только «бабели», девицы были. А надо сказать, Кольцов был очаровательный человек, поэтому главным затруднением для него было то, что все курсистки Высших женских курсов страстно хотели выйти за него замуж. А он был человеком холостым. А удалось только одной, Садовниковой некой, причем самой, пожалуй, неинтересной из курсисток. Она стала потом зоопсихологом и сделала, не без участия Кольцова, конечно, несколько небезынтересных работ на крысах и обезьянах.

Вот 10-11 год можно считать началом развития собственно кольцовой, уже не мензбиринской, а кольцовой школы. Лаборатория экспериментальной биологии в университете Шанявского стала образцом, я бы сказал, лаборатории экспериментальной биологии в мировом масшта-

бе. Я об этом могу судить, потому что, как вам известно, я двадцать лет провел за границей, объездил всю Европу и Северную Америку и, конечно, всюду интересовался в первую очередь зоологическими институтами, зоологическими кафедрами, зоологической работой и т.д. И просто знаю, что в Европе лучшим зоологическим университетским институтом был Гёттингенский, кюновский. Сам я несколько раз день-два жил у Кюна, когда приезжал в Гёттинген доклад делать или просто так потрепаться. И он сам мне рассказывал, что он сдул, так сказать, с Кольцова всю организацию Гёттингенского института. То же самое во Фрейбурге, в Германии, то же самое в Бернской зоологической лаборатории. Так что влияние Кольцова организационное было необычайно велико.

И надо сказать... опять-таки мы этого не знаем и считаем, что мы только сдирали с иностранцев и ездили учиться к иностранцам. И совершенно не знаем, что в некоторых случаях дело обстояло наоборот. Правда, не в очень многих случаях, потому что в финансовом отношении русская наука, так же как сейчас советская наука, бедная по сравнению с заграничной. В миллионах и сотнях миллионов рублей наша наука кажется очень богатой, но ведь это не деньги, а дензнаки. Ежели перевести то, что наши университеты и высшие школы имеют, в доллары, то это пустяки совершенные.

Так вот, это было одним из важнейших достижений Кольцова в предреволюционное время. В этих же лабораториях Высших женских курсов и университета Шаньявского началась интенсивнейшая научная работа по подготовке будущего Института экспериментальной биологии. Продолжалась эта организационная работа и во время первой мировой войны. В 16 году получено было небольшое сравнительно помещение — особняк в Сивцевом Вражке, и началась организация Института экспериментальной биологии.

Во время создания этого нового института Кольцову удалось удивительно талантливо подобрать себе основных сотрудников. Идея Кольцова была очень интересной. Она была дискутабельна, и многие с нею не согла-

шались. Дело в том, что он решил построить институт по возможно более широкой программе, представить все тогда возникшие и только еще возникавшие направления экспериментальной биологии во всем мире. Многие, даже хорошие ученые со своей точки зрения резонно возражали, что этим институт и его работа разбросается. Лучше сконцентрировать внимание на нескольких, максимум двух каких-нибудь крупных проблемах, наиболее близких самому Николаю Константиновичу, и их наиболее интенсивно разрабатывать, потому что сил, мол, у ученых наших мало, возможностей еще меньше, и нужно концентрировать эти немногие силы на немногих проблемах. Кольцов придерживался другой точки зрения. Он считал, что у этого нового его института не одна, а две задачи главных.

Первая задача — с помощью старшего поколения его учеников еще из университета Шанявского и с Высших женских курсов, начавших работать еще в довоенные времена, с помощью этого старшего поколения своих учеников сформировать достаточное число научно грамотной молодежи. Война мировая, революция, гражданские войны, различные пертурбации, беспорядок, трудности, голод то тут то там, отрыв от всего мира — научный, культурный, цивилизаторный, экономический — создали условия очень тяжелые. В этих тяжелых условиях эту огромную страну нужно поставить на ноги не только экономически, но и культурно и научно. И вот нужно создавать научно грамотную молодежь. Не только заниматься ликбезом, ликвидацией безграмотности. Это, конечно, тоже нужная вещь, но не в ней одно дело. А ежели страна будет сплошь стопроцентно грамотна, но в такой великой державе, занимающей шестую часть земной суши, не окажется достаточного количества научно грамотных людей, то есть достаточного количества крупных ученых, которые знают, что делать, и знают, как делать в науке, то будет печально. Значит, это первая из основных задач института.

Вторая задача заключается в том (и это уже не только педагогическая задача, а, так сказать, историко-научная),

что экспериментальная биология вообще новая дисциплина в мировом, так сказать, масштабе. В мире кое-где занимаются экспериментальной биологией, и есть и в Европе и в Америке ряд крупных экспериментальных биологов, но все-таки не представлены еще, собственно, все направления, которые созрели к тому, чтобы выделить экспериментальный сектор в своей области. Поэтому целесообразно первому в России Институту, профессиональному Институту экспериментальной биологии, включить в свой состав возможно большее число специальностей в области экспериментальной биологии.

Наконец, третье: среди многих талантливых биологов промежуточного поколения, младше его, Кольцова, но старше той молодежи, которую он собирает у себя в Институте экспериментальной биологии, есть ученые, работающие в разных областях биологии, но не имеющие возможности экспериментально работать, потому что ни оборудования, ни традиций, ни необходимого соседства в близких, но других областях экспериментальной биологии в их окружении нету. И Институт должен взять в свою среду людей, которые заинтересуются экспериментальной биологией и пожелают работать экспериментально. И Кольцов, как вообще в жизни почти во всем, оказался прав. Все надежды Кольцова оправдались. И, действительно, с удивительной скоростью вырос и развился в серьезное учреждение, чисто научное, этот новый Институт экспериментальной биологии.

Кольцов поддерживал живую связь с целым рядом своих друзей за границей. После окончания университета он был оставлен при кафедре Мензбира и получил сперва одну, потом вторую двухгодичную заграничную командировку. Это было тогда принято — заграничные командировки для подготовки к профессорскому званию для оставленных при университете. Он, будучи интересным человеком, познакомился и подружился с целым рядом как раз тоже очень интересных и умных людей немножко более старшего поколения. Особенно в Германии, где он больше всего провел времени, и отчасти в Италии и во Франции. Они остались на всю жизнь

его близкими друзьями. Он с ними переписывался, а когда бывал за границей, то всегда их навещал. После войны и революции он был одним из первых, кто смог восстановить живую связь с заграницей. Он написал своим старым друзьям. Они были страшно рады, они ему, конечно, ответили. Они прекрасно знали, насколько мы во время войны, революции и гражданских войн ото всего мира оказались изолированными. И все ему книги присылала, а тогда было очень трудно заграничную литературу достать.

Я уже упоминал, как в 21 году Кольцов получил от своих друзей из Германии один экземпляр книжки Моргана, которую он решил издать по-русски, перевести. По-моему, Гольдшмидт прислал*... В течение некоторого времени это был единственный экземпляр в Советском Союзе.

Эта книжка быстро объехала Ленинград, Киев и какой-то еще университетский город, Казань кажется, вернулась в Москву, была разделена, разорвана на главы, и различным сотрудникам Кольцова были розданы эти главы для перевода. Надо сказать, книжка оказалась переведенной очень хорошо. Такая метода применяется и сейчас: делят главы, и какой-нибудь там профессор, редактор, раздает их своим сотрудникам. И потом ни он, ни кто-то другой не дает себе труда редактировать, и, в общем, получается, что иногда и терминологическая путаница возникает. А это было прекрасно отредактировано Кольцовым и вышло в Москве в Госиздате под титулом «Структурные основы наследственности»*. Эти «Структурные основы наследственности» Моргана сыграли в свое время огромную роль. Это было, собственно, началом внедрения современной генетики в биологическое мышление русских зоологов, ботаников, микробиологов и т.д. А только с 22, даже с 23 года начали приходить журналы научные, особенно генетические, которые до тех пор почти никому из нас не были известны. Так что лаборатории и аудитории Кольцова были своего рода культурными и научными центрами самой современной для того времени биологической науки в Москве.

В кольцовском институте систематически еженедельно проводился коллоквиум, читались доклады научные как библиографического содержания о соответствующей новой литературе, касавшейся тех вопросов, над которыми мы работали, так и о результатах обработки наших собственных материалов. Все эти коллоквиумы возглавлялись лично Кольцовым. Он был и в этом деле мастер. Ведь это не так просто, как кажется. С одной стороны, он вносил оживление, интерес, принимая личное участие рассказом, вопросами, ответами, ставя определенные проблемы и дискуссии и т.д. С другой стороны, он очень хорошо умел, что тоже трудно без соответствующей выучки и традиций, прекрасно умел эти заседания вести, совершенно не формально, свободно, предоставлять и свободу слова, и свободу высказывания своего мнения любому участнику. Кольцовские коллоквиумы были, пожалуй, самым интересным и живым научным центром Москвы тогда.

В те годы проявилась одна очень замечательная черта, наверное, характерная для всех крупных ученых: необычайная трудоспособность Николая Константиновича. Он проворачивал массу дел, в конечном счете никогда не жалуясь на отсутствие времени, на какую-то сверхтрудность или сверхзанятость. Все он успевал делать, что считал нужным делать. Очень просто все это было у него поставлено. И вместе с тем его отличала, по-видимому, как всех крупных ученых, своего рода простота в обращении. Опять-таки в том смысле, что с министром — наркомздравом Семашко — он обращался примерно так же, как со своим молодым аспирантом каким-нибудь или ассистентом.

С другой стороны, нужно сейчас же отметить, я уже кратко об этом говорил, что в некоторых отношениях он не был похож на тех людей, которых чаще всего называют добрыми, хорошими, симпатичными, в нем не было ничего от так называемого «рубахи-парня». Он ни в чем и никогда не был «рубахой-парнем». Он был суховатый, дисциплинированный, очень вежливый, культурный человек. Это трудно описать точно, но мне кажется, в об-

щем, то, что я сказал, достаточно понятно характеризует его. При этом я должен заметить — без всякой тени холодности. В нем одновременно чувствовалось теплое и благожелательное отношение к любому человеку изначально. Плохо он относился только к тем, к кому он убеждался, нужно плохо относиться. А к любому человеку он сперва подходил как к хорошему человеку. И это тоже черта, по-видимому, свойственная всем крупным ученым, вообще крупным людям. А крупным, действительно всерьез крупным ученым не может быть некрупный человек. Некрупный человек может быть хорошим специалистом, но он не может быть крупным ученым.

Я за это время близко познакомился с Кольцовым как с профессором, лектором, университетским деятелем, с одной стороны, и как с директором, руководителем научно-исследовательского института, стоящего вне какого бы то ни было учебного заведения, Института экспериментальной биологии, как с руководителем научного коллоквиума этого института. Все-таки я видался тогда с Кольцовым почти каждый день и минимум раз в неделю сидел на его лекции какой-нибудь, и минимум раз в две недели принимал участие в коллоквиумах под его председательством. Так что это, можно сказать, стало очень близким знакомством, которое продолжалось до 25 года. В общем, пять лет я в ближайшем соседстве с Кольцовым провел.

И как-то так сложилось, что разговаривать довольно много с ним пришлось, потому что у меня отсутствует просто по природе моей чувство начальства. Мне плевать, с кем я имею дело — с министром или с дворником, — я одинаково и разговариваю, и веду себя с дворником и с министром. Мне наплевать, кто в каком чине. А надо сказать, очень много людей, которым не наплевать. Я потом за этим очень следил в отношении самого себя. Люди, становящиеся директорами институтов, профессорами, заведующими кафедрами, крупными чиновниками и т. д., попадают в изоляцию и образуют особую касту, особенно в нашей стране, отчасти по собственной вине, но отчасти по вине вот этих людей, у кото-

рых есть ярко выраженное чувство разницы в отношении к министру и дворнику. К сожалению, так как большинство людей обладает свойством трепетать перед начальством и не трепетать перед нена начальством, начальство превращается в касту, в «Николину гору»*... У нас это страшная вещь.

Мне в этом отношении очень повезло. Став в достаточно близкий научный контакт к Кольцову, я стал с ним и в человечески достаточно близкий контакт. Это особенно усилилось потом, после нашего отъезда за границу. Кольцов до 30 года часто ездил в заграничные командировки, сравнительно часто, в среднем три раза в два года. Тогда, куда бы люди ни ехали, все ехали через Берлин. И Кольцов всегда проводил много времени с нами, иногда у нас прямо в Берлине. И там-то уж он и не начальник мне был, он был совершенно равный. Там у меня очень хороший человеческий контакт с ним образовался, и очень много мы друг с другом говорили, и очень много я и научно и человечески полезного от него получил за границей.

Надо вам сказать, что зимой 18 года (я в это время был на каких-то фронтах) по какому-то из начатых тогда Чекой дел (только что была организована Чрезвычайная комиссия) Кольцов был арестован и приговорен вместе с целой группой интеллигенции к смертной казни. Одна из учениц Кольцова оказалась большевиком и лично была знакома с Лениным, и ей удалось вызволить из тюрьмы и вообще снять всякие обвинения политические с Николая Константиновича Кольцова. Но он просидел недели две-три в камере смертников, ожидая смертной казни, и успел сделать и написать очень интересную работу, которая потом была опубликована в трудах Института экспериментальной биологии, — «О влиянии ожидания смертной казни на общий обмен организма человека». Ему удалось ежедневно взвешиваться там и следить за динамикой веса в ожидании смертной казни. Так что провел время не бесполезно*.

У Кольцова круг интересов был чрезвычайно обширен. Я уже говорил о том, что одной из особенно инте-

ресующих Кольцова проблем было как раз внедрение в России, по возможности, всех тех разделов биологических дисциплин, групп биологических дисциплин, которые особенно развились в мире за время нашей многолетней изоляции от всего внешнего мира во время первой мировой войны, революции, гражданских войн и первых лет после окончания гражданских войн. В этом отношении роль Кольцова была очень велика. Из всех русских, а затем советских биологов разных профилей, за исключением, может быть, Вавилова, Кольцов сыграл самую большую роль такого вторичного просветителя эпохи изоляции. Хотя все эти обновления русской науки после десятилетия полной изоляции проходили дружными усилиями всех крупных русских людей, достаточно крупных для того, чтобы быть хорошими людьми, в основе добропорядочными и действовавшими, в общем, совместно.

У Кольцова в Институте экспериментальной биологии образовалась очень талантливая группа его старших учеников: Завадовский Михаил Михайлович, Скадовский Сергей Николаевич, Александр Сергеевич Серебровский, Сергей Сергеевич Четвериков, Петр Иванович Живаго, цитолог, Дмитрий Петрович Филатов, экспериментальный эмбриолог, Софья Леонидовна Фролова, цитолог, Мария Полиевктовна Садовникова, супруга Николая Константиновича Кольцова, экспериментальный зоопсихолог, Иван Григорьевич Коган, физиолог, и целый ряд других. Со многими, не входившими в штат Института экспериментальной биологии, московскими, уже более или менее самостоятельными учеными, занимавшими кафедры или заведовавшими какими-нибудь лабораториями в пределах Москвы в различных институтах и вузах, у Кольцова установились хорошие отношения, и эти люди также входили в группу, руководимую Николаем Константиновичем Кольцовым. Это все создало могучую, прямо надо сказать, не только большую в смысле числа людей, но большую по работе и по количеству обрабатываемых проблем школу Кольцова. Это, пожалуй, была наряду с вавиловской школой расте-

ниеводства самая большая научная школа, школа Кольцова. И я бы сказал, что рост этой школы, бессознательно в большинстве случаев, продолжается до сих пор. Очень многие разветвления современной биологии в широком смысле слова в Советском Союзе являются логическим следствием и развитием направлений, зачатых в кольцовском Институте экспериментальной биологии.

Я уже упоминал, как Кольцов еще во время первых своих заграничных командировок познакомился и подружился с целым рядом тогда, в 90-е годы, молодых европейских биологов различных, по тому времени тоже новых, начинавших свое развитие биологических дисциплин. Это очень пригодилось ему. К Кольцову попадали не только новые научные книжки, но и все первые, практически все первые, имевшие какое-либо отношение к биологии иностранные ученые-естественники, начавшие, некоторые из любопытства, некоторые для заключения знакомств или деловых отношений, приезжать к нам.

Я не оговорился, сказав, что некоторые приезжали из любопытства. Когда оказались возможными уже коммуникации с Советским Союзом, то совершенно естественно, что многие из ученых, которые имели к тому финансовую возможность, интересовались приехать и посмотреть, что, вообще, в России делается. Значит, приезжали не только из каких-нибудь выпретенных интересов... даже крупные ученые обладают всеобщими человеческими слабостями. Большинство крупных ученых обладают хорошо развитой мужской любознательностью, но многие и в достаточной степени женским любопытством. И поэтому многие приезжали из женского любопытства: посмотреть на большевиков, и что они выделывают с их бывшими друзьями — русскими учеными. И вот такие заграничные ученые всегда или почти всегда на то или иное количество времени попадали к Кольцову, в кольцовский институт, имели длинные беседы с ним лично. И все мы, тогда работавшие в кольцовском институте, имели возможность тоже пользоваться разговорами, советами этих крупных иностранных специалистов.

Про Мёллера я уже рассказывал подробно. В те годы, в начале 20-х, раза два приезжал в Москву Фритьоф Нансен* и тоже бывал у нас в институте. В те годы я лично с ним познакомился. Это был очаровательный, очень крупный человек и весьма замечательный человек по сердечным своим качествам — во всех отношениях замечательный человек.

Мне повезло в жизни: я встречал несколько замечательных людей обоего пола в жизни своей и даже несколько весьма замечательных. Нансен, по моей терминологии, был одним из весьма замечательных людей, которых мне посчастливилось встретить. Во-первых, он был по человечеству абсолютно добропорядочный во всех отношениях, ему не только любую государственную тайну можно было доверить, но даже гривенник. Ну, не всякому вполне добропорядочному человеку доверишь гривенник, особенно ежели он у тебя последний, а Нансену можно было. И в то же время это был человек, влиявший на других людей большим шармом, это был шармантный человек.

Есть такое русское слово, вымирающее в литературном русском языке: шармантность. А слово выразительное, взятое из французского языка — *charmant*. Так вот, своей шармантностью он влиял на людей и во время доклада, и при любой встрече. И вместе с тем — это всем известно из описаний его полярных путешествий — это был железный человек. Человек железной воли, железного здоровья, железной силы, который на «Фраме» совершил научно-исследовательский подвиг*, можно сказать. Одно его возвращение с «Фрама» вдвоем с Амундсеном* — это же было по тем временам уникальное, героическое предприятие. И он же был прекрасный зоолог.

И для своего небольшого, но замечательного отечества — Норвегии — он очень много сделал. Особенно после первой мировой войны, когда образовалась Лига Наций, где он был одним из трех норвежских представителей. Интересно, что Норвегия в Лиге Наций была представлена тремя крупными учеными: Фритьоф Нансен, Христина Бонневи и еще один — геофизик и метеоролог крупней-

ший, создатель учения о воздушных фронтах. А Христина Бонневи — профессор зоологии «Ослиного университета», как мы его называем, университета в Осло. Был Московский университет, а был Ослиный университет. Всякие университеты бывают. И Христина Бонневи заведовала кафедрой зоологии в этом Ослином университете. И, кроме того, была тоже одним из трех представителей Норвегии в Лиге Наций.

Нансен как раз ведал в Лиге Наций всякими, по теперешней терминологии, перемещенными лицами. А тогда они назывались эмигрантами или их просто официально называли бесподданными, потому что политических эмигрантов среди них было немного и среди русских так называемых белоэмигрантов было очень немного. А большинство были беженцы просто, которые бежали от одного холода и голода в другой холод и голод, частично эвакуировались с армиями различными — белыми, черными, рыжими и прочими. Одних русских было в общей сложности три с половиной миллиона эмигрантов тогда. И затем всякие: и поляки, и венгерцы... Образовалось много всяких новых государств. Была такая там неразбериха. Какие-то мадьяры попали к румынам и были недовольны, оказались опять беженцами в Париже где-нибудь и т.д. Одним словом, бардак был всеевропейский.

А победителями были американцы надо всеми европейцами. Я, кажется, когда-то вам уже упоминал, как появилась несколько позже замечательная английская книжка «Ten sixty six» — «1066». Это в 1066 году Вильгельм Завоеватель основал современную Great Britain, и это считается началом британской истории. Так вот, этот «1066» представляет собой нечто вроде русской истории от «Сатирикона» — сатирическая история Англии. Там все, так сказать, на попу поставлено, даже в языке все время *peasants* и *pheasants*, то есть «крестьяне» и «фазаны», путаются. Сплошные опечатки: крестьян называют фазанами, фазанов — крестьянами и т.д. Почти каждый раздел крупный кончается белибердой, он к концу белибердится весь, разъезжается. Для простоты короли располагаются в генеалогической таблице — все Георги друг за другом, все

Эдварды друг за другом и т.д., от первого до последнего перенумерованы все. Ну вот. Я вспомнил это, потому что... начинается книга с маленького такого вступления, что до 1066-го точно не известно, что было. Но были римляне. Римляне одно время всюду были, так что в этом ничего особенно удивительного нету. А кончается книга совершенно ясно: в 19 году всеобщий был заключен мир после первой мировой войны, и на историческую арену вышли американцы, Соединенные Штаты. «And thus» — «и с этим» — «the history came to a •» — «история дошла до точки»*. Кончилась история. Начались американцы. Очень правильно. И, действительно, с тех пор мутят во всем мире в основном американцы. Ну, не считая нас, но мы мутим самим себе и в пределах наших государственных границ.

Так вот. Пару раз приезжал крупный ученый-медик, очень интересный, Оскар Фогт*. Он приезжал в качестве врача к Ленину, так сказать, принимал участие в лечении Ленина. Интересный человек во многих отношениях. В моей судьбе потом Фогт сыграл большую роль. Таких посторонних гостей много бывало, не только те, которых я перечислил, но и другие. Протекал более или менее регулярно, даже очень регулярно, по-моему, коллоквиум кольцовского Института экспериментальной биологии. В библиотеке заседал этот коллоквиум, на него приходили посторонние гости, всякие доценты и директора соседних ГИНЗовских институтов. Бывал Тарасевич* — директор Микробиологического института, Шатерников* — директор Института физиологии питания ГИНЗа, тоже постоянно бывал. Когда перебрался в Москву, приходил Иван Иванович Шмальгаузен*, но это немного позже. Когда приезжал кто-нибудь из Ленинграда в Москву — Вавилов, Филипченко, — бывали обыкновенно тоже. Кто же еще приходил? Сейчас всех и не вспомнишь...

К некоторым ученым, с которыми у меня образовалась та или иная научная связь через Николая Константиновича Кольцова, мне еще придется в дальнейшем вернуться.

Кольцовская школа, прямая и косвенная

А сейчас я хочу перейти к особой теме. Очень любопытной, по-моему, касающейся не только меня и моих отношений к Кольцову, к кольцовскому институту, моей собственной, так сказать, научной биографии, но и биографий очень многих, отчасти еще живых, которые начинали свою научную деятельность так же, как и я, в кольцовском институте. Большинство из них — позже меня. Это очень любопытная вещь: из кольцовского института вышла довольно большая группа ведущих советских генетиков. И несмотря на чрезвычайно неблагоприятную, подвижную и изменчивую судьбу советской биологии, особенно генетики, начиная с 30-х годов и до, собственно, конца 50-х годов, можно, пожалуй, утверждать, что все, пережившие эту неблагоприятную пору генетики, стали пропагандистами в известной степени и центрами возрождения тех направлений экспериментально-теоретической генетики, которые заложены были в кольцовском институте. Это вот очень существенная характерная черта. Я бы сказал, существенная для нас.

В разных странах научные судьбы людей и судьбы самих наук складываются очень по-разному. Есть страны с типичным изобилием школ научных, например Германия. Ну, немножко преувеличивая, можно сказать, что каждый паршивый немецкий провинциальный профессор оставляет после себя какую-то школу. Ну, не совсем это так, и не все немецкие провинциальные профессора — паршивые профессора. В Германии было все-таки и есть относительно большое число хороших, известных университетов. Это исторически связано с тем, что Германия как рейх, как империя, то есть как разросшаяся Пруссия, очень молода. И, собственно, вся история культурной Германии, большой страны с многими отдельными государствами типа королевств, герцогств и всяких таких вещей, но говорившими на едином литера-

турном языке, сложилась так, что каждое из этих государств имело свою историю, а, следовательно, со времен Возрождения и свой университет. В Германии уже пару сот лет тому назад было около двадцати университетов. Почти столько, сколько их и сейчас. Минимум по штучке в каждой из отдельных немецких стран, которые только во второй половине XIX века сложились в рейх, в Германскую империю, единое государство.

Про различную судьбу научных школ, вернее, различное количество образующихся научных школ в различных странах, я вспомнил в связи с тем, что в России последних двухсот пятидесяти лет количество научных школ было относительно невелико. Россия никогда не отличалась развитием большого количества научных школ. Отчасти это было связано, может быть, с одним общим отрицательным признаком русской культуры — мы как-то никогда не умели достаточно ценить традиции. А одной из предпосылок образования научных школ является научная традиция. А с другой стороны — хорошо развитая вообще у русских, в частности у русских ученых, самокритичность, которой, например, иногда не хватает даже довольно хорошим и довольно крупным немецким ученым. Я в качестве примера немцев беру, которых лучше других знаю. То же самое, по-видимому, касается и французов, у которых этой самокритичности часто не хватает.

Так вот, на фоне этой типичной для русской науки недостаточности научных школ школа экспериментальной биологии Николая Константиновича Кольцова, прямая и косвенная, создавалась его непосредственными учениками, учениками и приятелями его учеников, часто просто людьми, знавшими Кольцова лично или только встречавшими его на каких-нибудь конгрессах и съездах, или знавшими его работы и стоявшими под их влиянием. Вся эта группа ученых образовала огромную школу экспериментальной биологии в России уже в советское время, в Советском Союзе с конца 20-х годов. И я бы сказал, что рост этой школы бессознательно в большинстве случаев продолжается до сих пор.

Очень многие разветвления и подразделения современной биологии в широком смысле слова в Советском Союзе являются логическим следствием и развитием направлений, зачатых в кольцовском Институте экспериментальной биологии. Это касается, в частности, и генетики. Ведь, в сущности, чрезмерная мода и успех так называемой молекулярной генетики, сейчас, во всяком случае словесно, процветающей всюду, а у нас опять-таки буквально изрыгаемой на каждом шагу любым студентом-биологом старших курсов,— ведь это же было зачато тоже в кольцовском институте и непосредственно в работах, напечатанных Кольцовым.

Правда, тогда еще не фигурировали нуклеиновые кислоты. Еще в период до нуклеиновых кислот Кольцов несколько раз старался построить конкретные физико-химические модели хромосом и расположенных в них генов. В начале 30-х годов он представлял себе гены как боковые цепи длинных, периодически построенных макромолекул или мицелл, образующих основную постоянную структуру хромосом клеточного ядра. И ведь, в сущности, принципиальных изменений в молекулярной генетике не произошло. Произошла конкретизация. В результате работ целого ряда биохимиков и химиков-органиков к самому концу 30-х годов, то есть не к самому концу, а ко второй половине 30-х годов, стало ясным решающее значение нуклеиновых кислот в физико-химической структурной основе хромосом.

Теперь мы знаем, что, в сущности, с нуклеопротеидной основой связано все, что в живом мире нашей планеты как-то размножается. Что типичное для жизни размножение, воспроизведение себе подобных, или, как мы в свое время окрестили это, конварьянтная редупликация всегда связана с наличием нуклеопротеидных структур. В широком смысле слова, в мировом масштабе можно, если угодно кому-нибудь из нас, русских, похвастаться, счесть это кольцовской школой в пределах современной экспериментальной биологии.

Нужно сказать, что и во многих других направлениях современной экспериментальной биологии работы коль-

цовского института 20–30-х годов заложили основу современных школ в широком смысле этого слова. Я молекулярную генетику привел в качестве примера одной из таких больших школ.

Сколько помнится, уже в 23-м или 24 году вышел из печати первый специальный, довольно большой сборник работ Института экспериментальной биологии. В то время научные, чисто научные сборники выходили редко еще. Кольцов развил тогда большую и общественно-научную деятельность, на общественных что ли началах в значительной мере. Он всячески пропагандировал и, сколько имел возможности, организовывал печатное дело в новых биологических областях. Он вошел в теснейший контакт с Госиздатом, организованным после революции, вошел в основную редакцию научно-популярной, учебной (для высших учебных заведений) и переводной литературы в области естествознания, в различных областях естествознания, особенно биологии. Под его редакцией вышла в первую половину 20-х годов целая серия переводов классических, чрезвычайно нужных и интересных биологических и общих естественноисторических книг в Госиздате, в серии «Современные проблемы естествознания».

В ту пору в непосредственном научном окружении Николая Константиновича Кольцова накопилось уже много работ собственных. И нужда была в работах подытоживающего, компилятивного характера, различных сводках по различным новым вопросам биологии. Нужны были возможности печатные, журналы. Поэтому Кольцов принял на себя очень сложную и подчас не столько трудоемкую, сколько времяземкую работу по организации новых научных журналов. Опять-таки с помощью Семашки и с помощью других инстанций и ряда друзей-ученых удалось, во-первых, укрепить несколько, очень немного, старых русских биологических периодических изданий, во-вторых, начать новую серию под названием «Журнал экспериментальной биологии». Причем с самого начала Кольцов разбил ее на две серии: серию А и серию Б. Серия А должна была включать оригинальные научные работы, а серия Б — обзорные статьи по различным вопросам современ-

ной, в основном экспериментальной, биологии. Серия А называлась просто «Журнал экспериментальной биологии», а серия Б называлась «Успехи экспериментальной биологии». Так вот, эти серии в начале 20-х годов, кажется в 24 году, во всяком случае в 24-25 годах, были запущены. Обе серии существуют и до сих пор. Это редкий случай. Правда, под другими уже названиями.

Сам Кольцов серию А — «Журнал экспериментальной биологии» — в 30-е годы назвал «Биологическим журналом», а когда в самом конце 30-х годов, в 39-40 году, Кольцова отовсюду выгнали (собственно, он умер буквально накануне своего, как говорят в просторечии, «посажё»), этот журнал был временно закрыт и затем вновь открыт в основном заботами Ивана Ивановича Шмальгаузена под заглавием «Журнал общей биологии». Этот «Журнал общей биологии» и сейчас существует и процветает. Это непосредственное продолжение «Журнала экспериментальной биологии», серия А. Из нашей любви к сокращениям он, естественно, называется «ЖОБ» — «Журнал общей биологии». Так что, ежели вас спрашивают, куда вы намерены статью свою дать, то вы: «Куда? В „ЖОБу“».

Косвенное участие Кольцов принимал и в организации целого ряда других журналов, близких экспериментальной биологии. Например, журнал для коротких статей по медицине и экспериментальной биологии... Как же он назывался? «Бюллетень экспериментальной биологии и медицины», что-то в этом роде. Затем с его участием укрепился «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», который тоже до сих пор существует, к сожалению, не совсем выполняя свои функции архива. Раньше все-таки разделяли довольно резко понятия «журнал», «известия», «доклады» и «архивы». «Журнал» — это был общий термин для среднего научного периодического издания, печатавшего очередные научные статьи. «Доклады» — это были короткие доклады о докладах, сделанных в каких-нибудь научных обществах. А «Архив»... «Архивами» назывались журналы специально для толстых, капитальных научных работ. «Архив» вовсе не означало, что дело происходило при

Гае Юлии Цезаре, а просто «Архивы» публиковали толстые работы, непригодные, с одной стороны, для нормальных журналов (слишком бы много места занимали), а с другой стороны, слишком тонкие, чтобы выходить отдельными книгами. Вот такие журналы назывались «Архивами».

Очень поддержал Кольцов Вернадского в организации радиологического журнала — «Журнала радиологии и рентгенологии», который до сих пор существует. Вообще Кольцов очень большое участие принял в старте современной, с тех пор уже разросшейся и обогатившейся советской научной периодической литературы.

Так вот, то, что я говорил о научно-организационной деятельности Кольцова, часто забывают. В последнее время довольно много поминают Кольцова и пишут даже книжки, статьи о нем, стараются реабилитировать его от того времени, когда разговоры о нем были почти под запретом. Начиная с конца 30-х годов и до недавнего времени сравнительно Кольцов был в такой немилоути, что о нем всерьез и разговаривать трудно было. Его обвиняли в так называемой евгенике. И это, конечно, одна из очередных глупостей и мод, проистекавших у нас. Обвиняли его в вещах, которые ему были совершенно не свойственны, в воззрениях, которые он никогда всерьез и не высказывал. И обвиняли люди, которые ничего не понимали в развитии самой биолого-медицинской дисциплины — евгеники. Обвиняли политики.

Очень характерно, что Кольцов и Филипченко примерно одновременно и, по-видимому, по одинаковым побуждениям, увлеклись евгеникой. Евгеника — это русский термин. Слово «евгеника»... Я не люблю всяких изысканий исторических о приоритетах, сам никогда этим не занимался... сейчас просто точно не помню, кто ввел это понятие — евгеника*. Это слово означает «хорошее происхождение» и относится к человеческой породе. Это, так сказать, якобы наука об улучшении человеческой породы. Я лично, сознательный ученик и почитатель Кольцова, отличаюсь от Кольцова тем, что никогда не понимал увлечения та-

ких крупных людей, как Кольцов, и даже таких, как Филипченко, евгеникой.

Я никогда евгеникой не увлекался, потому что улучшением человеческой породы никакие человеческие ученые по смыслу дела самого заниматься не могут. Свиновод совершенно знает, чего он хочет от своих свиней и в каком направлении ему хочется улучшить свое свиноводство. Это же знает и скотовод о своем рогатом скоте. А скажите пожалуйста, кто знает, как нужно и в каком направлении улучшать человечество? Нет таких людей. И у каждого действительно крупного человека свои представления об улучшении людей и лучших породах людей. Да и нужны ли человеку как «царю природы» улучшения? Всякие люди нужны, по-видимому, и глупые, и плохие люди — все нужно человечеству. Во всяком случае, как улучшать человечество — это не человеческое, а Божье дело. Что-то сверхчеловеческое может этим заниматься. Свиньи не могут улучшать свою породу. Каждая свинья думает, что она лучшая свинья. Это же наблюдается часто и в пределах человечества.

Значит, в этом смысле я лично антиевгеник не в меньшей степени, чем те, которые за последние там тридцать лет, особенно после этой войны, крыли евгенику на все корки у нас. Но только крыли евгенику по безграмотности, по незнанию, якобы по какой-то политической несовместимости евгеники с каким-то никому не известным марксистским мировоззрением, точно не сформулированным. Я же по тем соображениям, которые только что высказал.

Но практически под фирмой евгеники в мире сейчас понимается как положительная, так и отрицательная евгеника. Положительной евгеникой называется стремление приумножать потомство крупных и интересных людей. Отрицательной — приумножать потомство от различных, явно отрицательных человеческих личностей: наследственных сумасшедших различных сортов, дегенератов, уродов, калек наследственных — во всех тех случаях, когда какие-нибудь явные физические или умственные ненормальности людей являются наследственными.

Мне кажется, спорить против такой евгеники — довольно дурацкое занятие. Вряд ли найдется человек, который сознательно будет говорить, что да, приумножать количество шизофреников — очень полезное дело, или количество наркоманов, скажем. Их и без того у нас достаточно. Или количество маниакально-депрессивных психозов. Зачем их приумножать? Человечество и без того, благодаря относительно малому проявлению отбора в человечестве и благодаря тому, что человечество в течение пары тысячелетий находится, так сказать, в постоянном, правда колеблющемся, увеличении численности общего населения, обладает пониженным давлением отбора. Значит, еще дальше понижать отрицательный отбор в человечестве нецелесообразно, во всяком случае. Значит, против отрицательной евгеники разумный человек ни одного разумного слова сказать не может.

А о положительной евгенике, в смысле увеличения количества потомства от высокоценных личностей человеческих, тоже вроде сказать ничего нельзя разумного. Пусть себе плодятся Пушкины. Правда, надо помнить о том, что Пушкины совсем не только из Пушкиных состоят. И очень редко среди потомков Пушкина второй Пушкин выщепится. Так это, по Менделю, и должно быть*. Это большая редкость. Но, в общем-то, сохранять хорошие гены, проявившиеся в каких-то крупных людях, в общем населении человечества полезно. В этом смысле положительная евгеника вещь полезная. Вот так ее и понимал Кольцов, так ее понимал Филипченко. И Кольцов организовал в свое время «Русский евгенический журнал», который выходил почти десять лет или лет восемь*.

Что в нем было? В нем были интереснейшие статьи и просто интересные в смысле истории русской культуры. Например, под влиянием Кольцова ряд более молодых людей разобрались в родословных Толстых, Пушкиных, целого ряда других крупных деятелей русской литературы, русской науки. Показали интересные родственные связи, между прочим, между Толстыми и Пушкиными, целый ряд интереснейших связей в пределах классической рус-

ской литературы. И те и другие были в дальнем, но в родстве с Аксаковыми, например. Еще целый ряд интереснейших таких связей крупных русских культурных родословных: они где-то переплетаются очень многие. Так что — это вредная деятельность? Это, по-моему, очень занятая деятельность и небесполезная.

Кольцов и Филипченко считали необходимым публично обсуждать, например, такую проблему: в какой мере войны, революции и массовая гибель людей являются фактором положительного или отрицательного отбора человеческого населения. И действительно, практически очень важный и интересный вопрос. Ведь можно, пожалуй, сказать, что современная война с ее оружием массового истребления людей, вероятно, и не является фактором отбора как война. Она является фактором отрицательного отбора только в том смысле, что на военную службу и на фронт посылаются только мужской пол и только здоровые и нормальные мужчины. В этом смысле это легкий фактор отрицательного отбора. Но, конечно, не столь отрицательного отбора, как войны лет триста-четыреста тому назад, когда гибли в основном действительно герои, храбрые, сильные люди, которые с мечом врезались в толпу врага и направо и налево убивали. И их в конце концов, всех этих героев, передовиков военных, все-таки убивали. И вот тогда война была, несомненно, скорее отрицательным фактором отбора. Это точка зрения кольцовская, и она правильна.

Возможно, что фактором отрицательного отбора являются и революции, потому что с обеих сторон обыкновенно, по-видимому, гибнут все-таки наиболее активные, наиболее какие-то решительные и т.д. личности, а не, так сказать, серые массы, идущие за ними. Серые массы гибнут, но серые массы — всегда серые массы, и по статистике, сколько нужно, столько и гибнут, определенный процент гибнет и определенный процент не гибнет. Так вот, процент гибнущих среди вождей этих революционных, наверное, выше, чем среди ведомых масс, так что в этом смысле опять-таки революции мо-

гут быть фактором отрицательного отбора, но давление этого отбора не очень велико, конечно.

Массовые эпидемии также являются, конечно, фактором отбора. Но какого? Вот тут опять нужно думать, соображать, спорить. Эпидемии в первую очередь умерщвляют тех, которые обладают наименьшим врожденным, часто наследственным иммунитетом против данных болезней. Например, туберкулезом болеют те, кто обладает меньшим иммунитетом, причем наследственно меньшим. Это показано на очень обширных анализах однойяйцевых и двухяйцевых близнецов. Это же подтверждено огромным и очень печальным, так сказать, природным экспериментом.

В Исландии не было туберкулеза до середины XIX века, пока датчане не завезли его в свою уже тогда Исландию. И ученым удалось проследить весь ход заражения от исходных чахоточных датчан исландского местного населения. Буквально проследить. Ну, там населения немного, население редкое. В конце концов они все в кровном родстве друг с другом, во всяком случае, все друг друга знают. Одним словом, там проследить легко. И оказалось, что с минимальным иммунитетом все вымерли. Туберкулез свалил всех неиммунных исландцев, и сама чахотка вымерла. Это очень интересно, но очень печально, конечно. Природный эксперимент, если хотите. Что-то аналогичное, видимо, произошло во всем старом мире с проказой. Проказа ведь почти вымерла. Она не очень заразна, и поэтому в первую очередь вымерли те, кто обладал наименьшим иммунитетом.

Я несколько подробнее остановился на евгенике, на основанном Кольцовым «Русском евгеническом журнале» и на интересе Кольцова к евгенике потому, что в конце 30-х годов Кольцова буквально сживали со свету и в конце концов сжили с помощью евгеники: он, видите ли, буржуазную евгенику проповедовал в противовес всяким нашим общим установкам. Когда он благополучно умер, то оказалось, что нечего больше его упоминать скверными словами, но в расцвет послевоенной лысенковщины и даже после конца расцвета лысенковщины

вспомнили опять евгенику, Кольцова и продолжали его крыть в основном люди, не понимавшие ничего ни в биологии, ни в Кольцове, ни в евгенике.

Но, конечно, для Кольцова евгеника была просто интересной проблемой, связанной с возможными генетическими эффектами во время так называемых интересных исторических эпох, а не скучных, в которые ничего не происходит. В скучные исторические эпохи, как известно, все люди более или менее сыты, голодающих не очень много и ничего интересного в истории не происходит. А потом начинаются интересные исторические эпохи, огромная масса людей начинает голодать, резать друг друга и стрелять. Мы живем как раз в интересную историческую эпоху. А тогда, когда Кольцов был еще жив, эпоха у нас была особенно интересная исторически: голодало достаточное количество людей достаточное количество раз и друг другу, значит, горло грызло по мере возможности и надобности в этом... Но Кольцова-то интересовала проблема возможных генетических эффектов от пертурбаций в человечестве во время таких вот интересных исторических эпох. И в этом смысле он активно интересовался евгеникой.

Кроме того, в 20-е и начале 30-х годов Кольцов, как я уже кратко упоминал, интересовался в связи с присущей ему общественной жилкой пропагандой науки в различных кругах практиков. Он новые биологические идеи, в особенности генетику, пропагандировал среди растениеводов, животноводов, селекционеров, среди медиков. Он принимал большое участие в организации в 30-е годы центра в Москве по изучению близнецов.

Дело в том, что, как известно, человек, в качестве генетического объекта будучи, в общем, скорее неудобным, удобен в двух отношениях: во-первых, это наиболее изученная скотинка. Ни один другой вид животных так хорошо и детально, во всех подробностях не изучен, как человек. И, во-вторых, у человека имеется достаточное количество близнецов и даже, как известно, трое и четверо, но это редко, а близнецов рождается много, и эти близнецы бывают нескольких типов. Прежде всего,

близнецы неидентичные, произошедшие не из одного оплодотворенного яйца, яйцеклетки, а из двух, из оплодотворения более или менее одновременно двух различных яйцеклеток. Это так называемые неидентичные или двухяйцевые близнецы. Они в свою очередь распадаются на парных и непарных, то есть на близнецов одного пола и близнецов разнополох: мальчик и девочка. Значит, тут уже представляется возможность сравнения двух полов, во всем остальном зачинающихся, рождающихся, растущих примерно в одинаковых условиях.

Затем однойяйцевые близнецы — близнецы, возникающие в результате деления зародыша, образованного из одной оплодотворенной яйцеклетки, в силу различных причин на очень ранних стадиях развития. Получается два близнеца, два эмбриона, а потом ребенка абсолютно идентичного генотипа. И вот в первую очередь представляет аналитический интерес детальное статистическое сравнение массы однойяйцевых и двухяйцевых близнецов. Таким способом можно определять до мелочей и подчас очень интересных деталей степень наследственности или ненаследственности целого ряда различных соматических и психических признаков человека.

Кольцов поэтому при своем Институте экспериментальной биологии сперва устроил небольшую группу изучения близнецов и всячески пропагандировал эту идею. То же самое делал в Ленинграде Филипченко. Один из молодых людей, посланных на Рокфеллеровскую стипендию в Америку для изучения генетики, врач Левит, по возвращении работал* еще некоторое время в кольцовском институте, а затем был назначен директором первого, по-моему, вообще в Европе Института медицинской генетики в Москве*. К тому времени образовалась главным образом у Кольцова в его Институте экспериментальной биологии, отчасти в Ленинграде у Филипченки достаточная группа молодых, только что кончивших и кончающих студентов биологов и медиков, знающих уже основы генетики, и, таким образом, в этот институт, первый в Европе, Институт медицинской генетики, Левит смог набрать уже достаточно квалифицированный персонал.

Надо сказать, за недолгое свое существование, несколько лет всего, этот институт выпустил четыре тома работ и начал несколько важнейших и очень интересных направлений в изучении как патологической, так и нормальной наследственности у человека. К концу 30-х годов, когда мы вступили в особенно интересную историческую эпоху, так называемую ежовщину, от этого института остались одни ошметки: всех поразогнали, поарестовали, многие погибли физически в этом неравном по силам «интересном историческом процессе». Теперь, как известно, под директорством Николая Павловича Бочкова*, бывшего моего сотрудника уже и до известной степени ученика, образован новый Институт медицинской генетики* в Москве, довольно большой, крупнее института Левита 30-х годов. Ну, все сейчас по размерам крупнее, чем раньше. И этот новый институт тоже очень интересно работает и, в сущности, с моей точки зрения, он является продолжением традиций вот этого в основном под влиянием Николая Константиновича Кольцова возникшего в 30-е годы в Москве первого Института медицинской генетики.

Личная программа

Теперь перейду к собственным делам, к тому, чем я впоследствии сам занимался в области биологии в широком смысле слова. Сейчас мне хочется увязать это вот в каком аспекте. В сущности, вспоминая, что и когда я делал в биологии, я прихожу к умозаключению совершенно определенному, что, собственно, все дальнейшие направления моих собственных биологических работ и того, что делали с моим участием мои ученики в разных направлениях, заложены были в 20-е годы в кольцовском институте.

Я всегда в жизни одобрял достаточную леность, всегда сражался с дурацкой поговоркой немцев: «Morgen, morgen, nur nicht heute — sagen alle Faulleute» («Завтра,

завтра, не сегодня — так ленивцы говорят», или: «Никогда не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня»). Я всю жизнь жил противоположной поговоркой: «Никогда не делай сегодня того, что можешь сделать завтра» и «Зачем придумывать новое, когда еще не сделано старое?». Поэтому я могу похвастаться, что экономно и умно прожил жизнь, придумав все нужное для меня в жизни еще в 20-е годы в кольцовском институте, в хорошей и милой компании. Потом мне всерьез особенно думать нечего было. И это мне помогло, наоборот, при разработке нужных деталей.

Всегда в научной работе положение такое, что все время приходится в деталях что-то новое разрабатывать, находить, изобретать и т.д. При соприкосновении, сотрудничестве и просто разговорах частично с очень умными людьми, в чем мне очень везло, я почти всегда мог с ними разговаривать на равных правах, будучи обыкновенно самым молодым в компании умных людей, потому что моя личная программа в жизни, в науке была уже готова до известной степени. И от этих умных людей мне нужны были детали, которые они знали, а я не знал. Но я детали-то не знал, а что мне делать и зачем мне эти детали нужны, я знал. И поэтому чувствовал себя свободно, на равных правах с этими умными людьми, часть из которых были в два и более раза старше меня. И по моему, это была очень существенная и опять-таки очень счастливая штука, случившаяся со мной в жизни и очень облегчившая мою научную жизнь и мое теоретическое поведение в науках.

В разговорах и докладах нашего кружка я наметил несколько интересующих меня направлений работ, связанных с биологией в широком смысле этого слова, и начал даже кое-какие эксперименты в этих разных направлениях. Одно из направлений было теоретическая генетика, современным центром которой является то, что сейчас принято называть молекулярной генетикой, хотя, еще раз говорю, я противник этого прилагательного «молекулярная», которое сейчас употребляется в биологии на каждом шагу по отношению к чему угодно.

Я всегда спрашиваю начинающего разговор о чем-то молекулярном: «Скажите, пожалуйста, а какая немолекулярная биология? В школе нас учили, что все живое и неживое состоит из молекул. Так вот, расскажите мне, пожалуйста, что вы понимаете под немолекулярной биологией?» Всякая биология молекулярна, как и всякая небιология молекулярна. Все вещественное в нашем космосе, в нашей Солнечной системе во всяком случае, молекулярно. Может, есть другие солнечные системы, даже в пределах нашей галактики, в которых вещество представлено не в молекулярной, а непосредственно в атомарной или ионной форме. Но в нашем космосе, в пределах нашей Солнечной системы все вещества представлены в виде молекул реально, и немолекулярной биологии, в сущности, не существует. А какая мера внимания при изучении каких-либо биологических явлений уделяется их молекулярной структуре и функциям, это дело времени и вкуса исследователей. Биология есть биология.

Так что, ежели хотите, с моей точки зрения, никакой молекулярной биологии не существует, а существуют попытки разобраться в особенностях и относительной значимости молекулярных структур и функций, молекулярных явлений в тех или иных элементарных биологических процессах. Это вполне конкретная и реальная вещь. И на самом деле было очень мало пока таких работ, которые можно назвать молекулярной биологией. На самом деле называют так все те случаи, когда воняют какой-то химией в лаборатории вместо того, чтобы заниматься честной биологией без химии. Это, по-моему, явление больше моды, чем суть дела и необходимость.

Так вот, другие основные направления биологических исследований, которые меня с самого начала интересовали, и сейчас интересуют, и до самой смерти, вероятно, будут интересовать, это следующие. Во-первых, это фенoгенетика, то, что Валентин Хэккер*, немецкий профессор зоологии начала века, так окрестил и что на самом деле является, в сущности говоря, генетической основой эмбриологии, то есть эмбриологическим про-

явлением генетически обусловленных признаков. Теперешнее понимание феногенетики несколько расширено. Сравнительно недавно, вот в этом году, появилась статья моя совместно* с двумя моими бывшими учениками и сотрудниками, Ивановым* и Гинтером*, на тему о некоторых, с нашей точки зрения, важных направлениях в развитии феногенетики.

Второе направление — это изучение мутационного процесса и помимо теоретической генетики и в связи с нею.

Третье — это большой раздел биологии, который состоит опять-таки из нескольких проблем. Это связь эволюционного учения, или того, что у нас называется часто дарвинизмом, с развитием современной генетики.

Во времена Дарвина современной генетики, да и вообще никакой генетики как особой дисциплины — учения о наследственности — не было еще. Сейчас она есть. В биологии XX века, в сущности, центром развития всей биологии является, несомненно, генетика. Эта биологическая дисциплина проделала грандиозное бурное развитие в течение нашего века и все еще не закончила периода бурного своего развития. Каждое десятилетие приносит новые достижения, принципиально иногда новые. Так вот, казалось, генетика совершенно естественно должна была бы являться неизбежной составной частью эволюционного учения, потому что эволюция есть изменение наследственной структуры живых организмов по определенным, по-видимому, законам игры, которые были придуманы, в основном, Дарвином уже.

Но сколь ни странно, почти полвека, собственно, развитие эволюционного учения и зарождение и развитие генетики были чужды друг другу, как-то почти не контактировали; буквально, не разуваясь, можно было по пальцам пересчитать людей, которые одновременно всерьез интересовались и эволюционным учением, и генетикой. Только в XX веке, в конце 10-х и к 20-м годам нашего столетия начал образовываться реальный прочный рабочий контакт между развитием эволюционного учения и развитием генетики.

И вот это контактирование между генетикой и общим эволюционным учением, насколько я себя помню, интересовало меня чуть ли не с детских лет. С целью подметить такие контакты я и десять томов Брема изучал, и всякие другие книжки, и изучал сообщества живых организмов, по-научному называемые биоценозами. Интересовался всегда большими и почти постоянными лужами и маленькими прудами или сажалками, как некими обозримыми, но достаточно сложными в то же время сообществами микроорганизмов, растений и животных водных. Из этого, эволюционного что ли, сектора прежде всего выделились проблемы популяционной генетики. И очень рано, еще в середине 20-х годов, мы с Еленой Александровной в контакте с Сергеем Сергеевичем Четвериковым — как раз к моменту нашего переезда в Kaiser Wilhelm Institut в Берлине к Фогту — сформулировали понятия и очень простую методику изучения генетического состава природных, так называемых диких, популяций дрозофилы.

И действительно, первые, кто занялись экспериментальным изучением природных популяций, генетики природных популяций, были русские. Вот четвериковская маленькая группа — Четвериков с парой учеников и мы с Еленой Александровной, тоже сотрудники четвериковской группы. Только мы в Берлине, а они в Москве и под Москвой провели первые такие работы. Случайно, потому что за границей все было проще и быстрее, наша с Еленой Александровной работа была первой опубликована в печати, на полгода раньше опубликования работы Сергея Сергеевича с сотрудниками. А потом и пошло, и пошло, и пошло.

И сегодня популяционная генетика является не только основой учения о микроэволюционных процессах, то есть действительно о тех процессах эволюционных, которые нам доступны для изучения в смысле времени, пространства, масштабов, материала, которые можно экспериментально и описательно изучать. Основой этого являются ныне уже почти бесчисленные популяционно-генетические работы. И целый ряд связанных с ними соображений

другого порядка несколько, которые зародились еще в 20-е годы в Москве. Опять-таки, если хотите, кольцовский институт создал школу современного направления в эволюционном учении, то, что Джулиан Хаксли потом уже, в 40-е годы, назвал синтетической эволюцией, понимая под этим синтез генетики и классического эволюционного учения. Опять-таки, явление для нас типическое. Ежели первые популяционно-генетические работы сделаны были бы, скажем, в Лейпцигском, или Эрфуртском, или в каком другом немецком университете, то создана была бы лейпцигская или соответствующая школа современного эволюционного учения. А так никакой школы создано не было, но, по сути дела, старт всему современному эволюционному учению был, частично во всяком случае, или в значительной мере, дан вот этой московской группой кольцовского института, четвериковской группой в основном, и четвериковским кружком Дрозсоором.

Первые берлинские события

Сегодня я расскажу вам часть из того, чем занимался и как жил за границей, где я прожил довольно долго и побывал в самых разных странах. Для простоты всегда отвечаю: в Европе не был в Португалии, во всех прочих странах, включая микространы, был.

С 23-го или 24 года в Москву время от времени приезжал Оскар Фогт, знаменитый невропатолог, невролог и мозговик, создавший учение об архитектонике полушарий большого мозга. Он сперва принимал участие в лечении Ленина, на какой-то консилиум приезжал сюда. Потом, после смерти Ленина, возник вопрос об изучении мозга Ленина. Для этого было решено в Москве мозговой институт специальный устроить, который должен был и другими проблемами изучения мозга заниматься, но, в основном, там должен был храниться, препарироваться и изучаться мозг Ленина. И вот после смерти Ленина в 25 году Фогт для этого снова приехал в

Москву. Он такой левонастроенный очень был гражданин. Они оба с Лениным в 1870 году и, по-моему, в одном и том же месяце родились даже. Интересный был человек. Он и физически был очень похож на Ленина: был столь же лыс, такая же бородка у него козлиная была и взгляд очень схожий. И говорил он, когда доклады делал, говорил тоже очень похоже. Вот бывают на свете, изредка попадаются, так называемые двойники. Вот он вроде двойника был с Лениным. Очень талантливый и крупный невропатолог и, главное, анатом больших полушарий головного мозга. Он разработал методику изучения архитектурных как клеточных, так и нейронных полей коры больших полушарий мозга у целого ряда животных и человека. Вообще крупный был человек и очень известный медик, директор Kaiser Wilhelm Institut'a* мозгового в Берлине.

Еще он был очень известным и крупным энтомологом, специалистом по шмелям. Одно другому не мешало. Теоретически он даже шмелей и большие полушария головного мозга в некоторых отношениях трактовал одновременно, одно другое подпирало у него, так сказать, подтверждало и развивало: изменчивость окраски шмелей и изменчивость границ архитектурных полей он иногда сопоставлял, сравнивал и рассуждал на эти темы. Это уже показывает, что человек был небезынтересный. Его коллекция шмелей считалась, ну ежели не самой большой в мире, то одной из самых крупных в мире, так сказать, мировая коллекция шмелей. Вот он приезжал к Кольцову в кольцовский институт и делал там доклады на различные темы, как мозговые, так и шмелиные, по изменчивости шмелей.

В моей лично дальнейшей судьбе он сыграл большую роль. Я особенного интереса к нему не проявлял, потому что энтомологией из всей зоологии меньше всего интересовался, хотя работал уже с дрозофилой. Но я, для того чтобы избегать внутренних каких-либо конфликтов, выделил дрозофилу из энтомологии, из насекомых. Считал, что дрозофила есть дрозофила, а энтомология — это раздел о насекомых, и занимался спокой-

но дроздофилой, не интересуясь особенно энтомологией и шмелями. Потом, правда, я в другой связи шмелями как раз тоже заинтересовался и божьими коровками среди жуков, так что немножко расширил свои интересы в пределах энтомологии. Но есть энтомологи заядлые, так же, как собиратели марок и орнитологи, любители птиц. Так я скорее был орнитологом, чем энтомологом, из зоологов. Вот. А марками и насекомыми никогда не интересовался.

Но в моей судьбе потом Фогт сыграл большую роль, потому что он попросил Кольцова и Семашко порекомендовать ему русского генетика, по возможности молодого, но все-таки более или менее сформировавшегося. Он собирался у себя в Kaiser Wilhelm Institut'e в Берлине организовать лабораторию, а потом, может быть, целый отдел генетический, так как интересовался рядом генетических проблем, связанных с мозгами всяческими, с высшей нервной деятельностью. Потом он хотел к изменчивости, в особенности к географической изменчивости шмелей, как-то подойти и с современной генетической точки зрения. А в Германии подходящего генетика в то время не было.

В 24-25 годах молодых генетиков вообще не было. Несколько человек подросли, так сказать, и сформировались на два-три года позже. А все более или менее известные генетики были уже пристроены и Фогту в качестве организаторов небольшой лаборатории, конечно, не подходили*.

Семашко, со своей стороны, обратился к Кольцову, так как знал, что у него уже организована генетическая лаборатория, которая прекрасно работает на двух биологических станциях института, о которых я в прошлый раз вкратце говорил. Кольцов почему-то выбрал меня. Ну, почему? Наверное, потому, что из своего поколения я тогда был, пожалуй, наиболее самостоятельный уже молодой человек. У меня было уже пять работок: четыре небольших и одна большая, напечатанные или в печати уже. Затем я вполне прилично знал иностранные языки: немецкий и французский, а немецкий язык совсем хо-

рошо знал. Английский похуже. Но в Германии английский на первых порах был ни к чему. Достаточно было французского и, в особенности, немецкого. Немцы привыкли разговаривать по-немецки. Вот все это, наверное, и заставило наметить меня в качестве такого рекомендованного русского сотрудника для немецкого фогтовского института в Берлине.

Я сперва сопротивлялся. Мы с Еленой Александровной жили мирно, но довольно подвижно в Москве с окрестностями, мотались по гидробиологическим экспедициям, работали с дрозофилой, родили (преимущественно жена моя, конечно) сына старшего, названного Дмитрием, но прозванного почему-то — я уже не помню почему — Фомкой*. Так он до самой смерти Фомкой и остался. Который потом, об этом я упомяну, погиб в нацистском лагере* в Германии. Вот.

Нам неохота было ехать в Европу. Елене Александровне моей ну просто совсем, по-видимому, из-за консерватизма, но в основном потому, что она очень была довольна жизнью здесь. А мне еще потому, что я за границу знал с детства очень хорошо. Я с родителями по границам этим таскался каждый год в качестве старшего из своего поколения. Так что я уже по всей Европе поездил, все достопримечательности европейские, средиземноморские и т.д. знал. Так что меня не тянуло на басурман как таковых. Бог с ними! И кроме того, у меня начинались тут все разрастающиеся экспериментальные дела. Увлёкся я возможностью, как уже говорил, воссоединения классического эволюционного учения, дарвинизма, с современной генетикой, затем с биогеографией и биоценологией. Одним словом, всякие такие общие идеи бродили. Мне резонно казалось (я и до сих пор в этом убежден), что для развития этих дисциплин лучшего и наиболее подходящего места, чем наше обширное Отечество, нет на свете. Да и люди тогда у нас были интересные. Так что меня тоже не тянуло за границу.

Но меня уломали Кольцов и Семашко главным образом тем аргументом, что обычно перед революцией, да и теперь, когда начала налаживаться связь русской нау-

ки с границей, русские обыкновенно ездили учиться чему-нибудь за границу. А меня приглашают не учиться, а наоборот, учить немцев. Это случай такой выдающийся, и Кольцов и Семашко меня уговорили. И — я уже забыл, кажется, это было в начале июля — решено было нам ехать.

Ну, тут, конечно, не обошлось без некоторых таких комических штук. Мне Фогт предложил оплатить мой переезд в Германию. Я же был настроен барственно. Эта барственность, особенно финансовая, во мне сохранилась и до сих пор. Даже когда у меня уже денег и нет никаких, израсходовались все, я все же стараюсь жить барственно. Так я, конечно, отказался. С какой стати немцы мне будут дорогу оплачивать! Я сам с усам и оплачу себе в лучшем виде дорогу и без них. На черта они мне нужны! Раз я переезжаю туда работать, жалованьишко они мне будут там платить, а не тут. Так? Значит, отказался.

Фогт предложил, что он кого-то там из своих сотрудников помоложе настропалит подыскать нам поначалу меблированную квартиру в Берлине и т.д. От этого тоже я отказался, гордо заявив, что в Берлине, так же как и в других столичных городах, у нас с Еленой Александровной есть достаточно знакомых, приятелей, даже родственников, которые нам все это оборудуют. Одним словом, достаточно снисходительно, но с благодарностью отказался от всяких басурманских «помочей».

Это потом нам в копеечку влетело, конечно. Чтобы барственно переехать всем, хотя и маленьким семейством в Берлин, оказалось, что нужно для начала одеться и обуться. У жены еще нашлись какие-то старые перешитые платья ее старших сестер, матери. У меня же к тому времени были бывшие когда-то синими, очень старые казацкие полугалифе. И затем так называемые «танки». Когда-то я в гражданскую войну отбил у белых пару английских военных сапог. То есть не сапоги в нашем смысле слова, а до самого колена такие башмаки, шнурующиеся, но без разреза, а со складкой, поэтому, хотя они и шнуровались, можно было, как в сапогах, по воде

ходить. Вода и грязь не пролезали внутрь. Они назывались «танки». Танки тогда только появились в свете. И вот в честь сего оружия и эти башмаки, которыми человека вполне можно было убить, взявши такой сапог в руку и стукнув по башке, назывались тоже «танками». Я их оборудовал железными подковками, потому что надеялся, что они мне аж до самой смерти прослужат. Один тверской сапожник, когда я работал после революции в Тверской губернии в одном из первых совхозов, мне не железными даже, а стальными гвоздями подошвы все оббил, так что им не предвиделось и сносу. А подлатывать и чистить в Москве я доставал касторку. Сперва, в голод, на касторке мы жарили картошку. А касторка, как известно, в пережаренном виде теряет свои медицинские свойства и становится великолепным жиром, на котором можно жарить картошку или еще что-нибудь и есть с удовольствием по тем временам.

Были у меня еще довольно приличные остатки гимнастерки защитной. А остальное было все самодельное, послереволюционное. Из какой-то старой Лёлькиной юбки мне были штанцы сшиты, именно штанцы. А юбка была так называемая посконная. Посконная ткань — это ведь замечательная ткань, холстина такая деревенская в полоску. Вот у меня были такие посконные порты. Затем были штанцы совершенно неправдоподобные, неизвестно из чего и когда они были сделаны. И затем несколько русских рубах было. Я таким образом бегал все лето. Где-то у меня даже есть фотография с годовалого возраста сыном Фомкой: я на корточках, обросший бородой, на Звенигородской станции вот в этих посконных портах и рубахе.

Я уже говорил, что мы на станцию уезжали в половине мая и возвращались в начале октября. Значит, вот эту сравнительно теплую половину года я проводил честно босиком, потому что на вольном воздухе и вне пределов Москвы и научных институтов ни к чему было обуваться — одно разорение, а не удовольствие. А зимой во время революции и после оказались совсем не бесполезны божьи старушки, такие божьи одуванчики. Им

жрать нужно было, и они выдумали себе ремесло: из всяких обрезков, как бумажных (бумажных в смысле материи, а не бумаги писчей), так и шерстяных, они сшивали такие длинные узенькие ленточки. А из этих ленточек плели лапотки. И вниз, на подошву, тогда можно было найти на Смоленском рынке, например, моток шпагата. И из веревок плели опять-таки подметки. И получались такие лапти на веревочных подметках. Совершенно замечательная обувь: удобная, она расползалась по ноге. Даже не надо было очень уж точно подбирать величину, и ноги не мерзли. Я, вообще, как-то не мерз особенно. Человек я был обмороженный уже в гражданскую войну. Все, что обморозиться могло, обморозилось: и ноги, и тут вот полморды. Так что как-то пообвык.

Но ехать таким образом за границу, сами понимаете, нельзя было. По достоверным сведениям, у нас имевшимся уже, за границей люди жили так же, как мы до всяких революций и гражданских войн, то есть интеллигенция жила интеллигентно, одевалась в интеллигентную одежду, брючки всякие, штучки, пиджачки и прочее. Значит, возник вопрос. Лёльке проще, потому что ей были сшиты опять-таки из каких-то старых платьев старших сестер, мамыши и двух теток так называемые парадные платья. Это все потом оказалось не по моде и чрезвычайно смешно выглядело за границей. А мне-то хоть что-нибудь надо было. Поэтому мне Лёлька приобрела на Смоленском рынке серую рубашку с отложным воротничком и галстук, плетенный из чего-то. Ужасная штука была! Затем приобретены были двое трусов за очень большую цену на Смоленском рынке и был найден портной, который согласился из какого-то огромного старого плаща одного Лёлькиного дядюшки сшить мне костюм — тройку пиджачную, даже с жилеткой. Все точно промерил, немножко ежели куда-то что-то из другого места подставить, то получался как раз пиджак, брюки и жилетка. За приличную сумму это было сделано. Правда, очень быстро, еще по дороге в Германию, оказалось, что материал непригодный совершенно для «укустюмчиков», потому что на локтях и на коленях такие шары образуются.

Растягивается материал, и сколь его ни гладь, все равно получается нехорошо. Но это черт с ним. Во всяком случае, брюки и пиджак были. Дело в том, что у нас дома за революцию все обширное наше семейство съело все, что было. Никаких ни шляп, ни шапок, ни черта не осталось, ни обутки никакой. Но остался, правда, пережил революцию, парадный летний, к сожалению, а не зимний студенческий мундирный китель, белый с золотыми пуговицами, со стоячим воротничком, черные, парадные же полугалифе и хромовые офицерского типа сапоги. В парадном кителе даже была прорезь такая небольшая, и осталась шпага. Значит, я мог вырядиться совершенно парадно: парадный китель, при шпаге, в хромовых сапогах, и всякая такая вещь. Но это опять же не одежда для 20-х годов XX столетия. Вот.

Приобретены были какие-то полуботинки на шнурках. Я очень опасался, что по дороге шнурки лопнут, поэтому на том же Смоленском рынке были куплены еще две пары шнурков к этим башмакам. Таким образом, мы, в общем, снарядились. Залезли в долги, что-то полтысячи рублей задолжали... Червонцы и вообще советские деньги тогда были лучше долларов. Мы, приехав за границу, в первой же обменной кассе поменяли червонец на двадцать две марки, а даже до революции он двадцать марок стоил. Мы, значит, задолжали Кольцовым, больше некому было должать. У нас все приятели, родственники были голые, нищие. Вот. А у Кольцовых деньги были. Ну, потом мы, конечно, расплачивались с ними. Кольцовы нам писали, что им нужно, мы присылали из-за границы, когда там немножко обжились. Но все же в первые годы нам из-за этого и там туговато приходилось.

Затем мы приобрели билеты до Берлина, сели в поезд. За несколько дней до отъезда и Семашко, и мы с Лелькой были приглашены к Кольцовым, и нам всякие напутствия были. Между прочим, все наши начальники — и Кольцовы, Николай Константинович с Марией Полиевктовой, и Семашко Николай Александрович — нам сказали: «Нечего крохоборствовать, поезжайте мягким вторым классом». Тогда не было первого класса,

второго и третьего, а был мягкий и жесткий. Ну, в общем, как сейчас. Так вот: «...Поезжайте мягким классом и берите три билета. Тогда в купе останется только одно пустое верхнее место. Сговоритесь с проводником, чтобы никого не пускали. Может, вас еще встречать будут из фогтовского института, так что приезжайте как следует, чтобы не ронять нашего социалистического достоинства». Вот мы, не уронив сицилистического достоинства, и приехали в Берлин.

В Риге у нас была пересадка. К тому времени латыши уже сделали себе европейскую, узкую, колею. В Риге у нас был целый день. Мы погуляли, с большим удовольствием поели мороженого, еще купили каких-то шоколадок, конфет, всяких таких вещей, которых у нас мало было еще. Затем попили с величайшим удовольствием в кафе кофею со взбитыми сливками и с какими-то пирожными. Одним словом, шик и блеск. Сели как раз в обеденное время (за границей обедают поздно) в поезд, который нас в Европу повез, в вагон-ресторан пошли, пообедали. У меня еще не пузырились коленки, была выглажена еще такая изящная тройка, на Лёльке было какое-то платье продольно-полосатое. Ничего. Так, посматривали европейцы немножко. Европейцы вежливые, они очень вежливо смотрели. Фомка не очень безобразничал, даже совсем не безобразничал. На него, видно, тоже эта Европа подействовала, притих. А вообще был буен невероятно.

Доехали мы до Берлина, и тут с нами, конечно, произошла неприятность. Я-то позабыл с прежних времен, гимназических, что в Берлине с востока на запад... пять вокзалов такой цепочкой. Нам нужно было на предпоследнем, западном, вокзале Zoo вылезать. А главным вокзалом считается Фридрихштрассе, средний вокзал. И мы решили вылезти на главном вокзале. А нас действительно приехали встречать: Лёлькин отдаленный свойственник Феррейн, у которого мы должны были остановиться на первое время, до подыскания квартиры собственной. Это потомки знаменитой московской аптеки Феррейна, очень милые люди, хорошие, большие наши друзья. И затем еще кто-то из моих старых друзей

и два молодых человека из фогтовского института. И все они, естественно, приехали на Bahnhof zoo, от которого рукой подать до всех западных частей Берлина, где мы и должны были проживать. Вылезли мы на Фридрихштрассе — никто нас не встречает. Вышли, взяли носильщика и пошли сперва пожрать в ресторан. Решили: что будет там с нами, еще неизвестно, а деньги пока у нас еще есть, поедим в ресторации хорошей пищи. Пообедали, а потом решили по адресу Феррейнов поехать к ним.

Выходим из вокзала. Вокруг только таксишки. А у нас-то представление, что на автомобилях только миллионеры ездят. Нам не по карману на автомобиле-то ехать. И стал я искать извозчика. И нашел. Сбоку у вокзала стояло около дюжины извозчиков. Одного из них, тоже с таксометром таким, я нанял, страшно обрадовался. Я не знал, что уже в течение ряда лет в Берлине остались считанные извозчики, которые знатных иностранцев, интуристов по-нашему, возили по Тиргартену и по Унтер-ден-Линден, по большим улицам и паркам берлинским гулять, а никуда отсюда досюдова на извозчиках никто не ездит. Это страшно дорого. Раза в три дороже было, чем таксишки, и раз в десять дольше, потому что Берлин очень просторный город и огромной площади. Но мы взгромоздились на этого извозчика очень удобно. Так как я бегло говорил по-немецки, он очень обрадовался. Когда узнал, что мы русские, обрадовался еще больше и говорит: «Вы прямо из Москвы, из советской Москвы? И живы-здоровы?» «Да,— говорю,— ничего, живы, черта нам сделается. На то мы и русские». — «Ну, вот, замечательно. Раньше у нас русские самые выгодные были иностранцы. Потом не было русских у нас совсем. А вот теперь, видите, оказывается, появляются». Всю дорогу мы трепались, ехали целый час до Феррейна. Наконец, приехали. Возбудили всеобщий смех, когда в Западном Берлине около их дома остановился извозчик, на живой лошади, в цилиндре, извозщичий кнут у него воткнул, все чин-чином.

И тут-то вначале начались, конечно, всякие страсти-мордасти. Ну, во-первых, не по дням, а по часам обра-

зовывались мешки на коленках, на локтях, потому что оказалось, что это очень хороший, дорогой был материал для плаща, плотный, немецкий как раз, но совершенно непригодный для костюмчика. Поэтому мне понадобилось заводить костюмчик, а денюжки-то у нас более или менее того... кончатся начали. Затем оказалось, что галстук, приобретенный на Смоленском рынке, совершенно непригоден для какого-то ни было приличного окружения. Серые мои рубашкигодились мне через много лет, когда мы в Бух переехали, и там летом я в них без всяких галстуков ходил. Я там ввел моду босиком ходить и, вообще, так сказать, жить привольно.

Кроме того, через два дня после нас в фогтовский институт приехали два знатных американца: какой-то анатом знаменитый и крупный миллионер, его приятель. Я уже был в институте, меня демонстрировали, конечно, особо, в качестве зулуса, что ли: вот русский, совершенно живой, настоящий, из советской Москвы. Ну, американцам страшно я понравился: действительно живой, вполне здоровый. Я тогда мог, как говорится по-русски: «Как тресну по башке — дух вон и лапти кверху!» Вот. И вечером эти два американца, очень знаменитые и страшно богатые, пригласили весь научный состав института в лучший, самый шикарный берлинский ресторан «Эспланада».

И тут, конечно, опять произошла у меня неприятность: у меня-то этот костюмчик уже с пузырями. Лёлька приобрела мне какую-то белую рубашку с накладной, вставной грудью, значит, для дешевизны: рубашка из черт знает чего сделана, а тут приличный какой-то фронтон. Затем пристяжные мягкие отложные воротнички две штуки купила и галстук, за который заплатила семьдесят пять пфеннигов. Потом я выяснил рассмотрением витрин магазинных, что это самые дешевые галстуки, которые существовали тогда в берлинской природе. Мало-мало приличный галстук стоил два с полтиной.

Потом я был обряжен в простыню, а Феррейны отнесли мой костюмчик в американскую гладильню, чистку. И через час принесли в довольно приличном виде,

свежеразутюженным. Теперь Лёлька какие-то еще такие запонки дешевые купила, что они не закрывались, не держали воротничок и манжеты для рубашки. И поэтому воротничок и манжеты как-то там белыми ниточками одна из сестер Феррейна на мне пришила, чтобы не свалилось. У своего братца нашли запонки для меня... Да, и сбежали все-таки за два с полтиной какой-то приличный галстук купили. Башмаки у меня просто были новые, московские. Заграничным кремом я их вычистил. Одним словом, отправился. Лёлька отказалась, хотя тоже была приглашена. Наотрез: «Не пойду!» Она хуже меня тогда на языках говорила и еще стеснялась.

Пришел в «Эспланаду». Я совершенно отвык от хороших ресторанов, от всяких таких мест, поэтому не сразу нашел зал отдельный. Но язык до Киева доведет. Спрашиваю, где тут американцы обед дают. Меня через какую-то пустую залу подвели к закрытым дверям, перед которыми полдюжины или десяток джентльменов во фраках стоят и о чем-то разговаривают. Я решил, что это ихние гости, стал здороваться. А это оказались официанты. Вот, я, значит, со всеми официантами за руку поздоровался. Они страшно удивились, но, когда узнали, что я только что из Москвы, сразу все обрадовались: «А! Вы есть большевик!» Я говорю: «Да-да-да, вот из этих самых, которые... большевики-то. Человек еще дикий.» — «А почему Вы так хорошо по-немецки?» — «Ну,— я говорю,— это еще осталось у меня с тех пор, когда я не был большевиком, а просто русским был. А теперь у нас русские со всеми смешались, у нас двенадцать языков и, вообще, басурмане всякие, так что мы тоже стали полудикие. Но так, могу еще... вы как, по-французски можете?» Оказалось, что двое или трое по-французски говорят. Ну, я с ними по-французски поговорил. Ну, а потом: «Что ж, проходите, раз Вас пригласили». Я вошел. Американцы очень обрадовались, так как Фогт почти не говорил по-английски, а только по-французски, а американцы, кроме как на английском, ни на каком языке, конечно, не говорили. Меня посадили между двух каких-то дам молоденьких и приятных,

которые были дамами американцев, для поддержания «аглицкого разговору». Тогда по-английски никто не говорил. Французский — да, а по-английски... какой дурак по-английски квакать будет, неприлично было даже. Вот. И обедали мы, обедали, трепались. Вот это было первое мое заграничное происшествие.

Второе происшествие было такое. Опять с одежей. Тут мне из последних денег, вернее из первых уже немецких денег, еще до того, как мы начали расплачиваться с долгами, Лёлька приобрела костюмчик. Надо сказать, что в Германии одежда-то была недорогая. Самые дорогие готовые мужские костюмы, кажется, стоили примерно сто пять марок. Потом уже, ставши богатым, я ездил по границам, покупал себе стопятимарковый костюм. А тогда мне был куплен какой-то хороший костюм, не самый дорогой и самый модный, а за восемьдесят или восемьдесят пять марок, очень хороший костюм. Одет я был прилично, и бельишко мне купили, полужесткие воротнички... Тогда появились такие воротнички, которые не мнутся. И несколько пар запонок, гребенку приобрели и башмаки системы «саламандер». Причем опять-таки башмаки вполне приличные, самые дешевые стоили четыре с полтиной, по-моему, два двадцать, значит, на русский язык. А самые дорогие готовые стоили шестнадцать с полтиной. Так что дешевка была, в общем. Ну, и мне с самого начала было велено покупать себе дорогие башмаки, что было выгоднее и приличнее. Вскоре я убедился в правильности английской поговорки: «Мы не так богаты, чтобы покупать дешевку». Действительно, это были хорошие вещи куплены. Значит, я был обут, одет прилично. У меня появилось сперва летнее пальто, а к зиме такое осеннее, драповое пальто купили. Я и тут-то никогда зимнего пальто не имел, не носил, в Москве, а в Германии!..

Но в один прекрасный день оказалось, что мне в качестве нового научного сотрудника Kaiser Wilhelm Institut'a нужно явиться с визитом в Kaiser Wilhelm Gesellschaft, в президиум, представиться президенту, знаменитому старцу фон Харнаку, президенту Kaiser Wilhelm Gesellschaft,

а он был эллинист по профессии, то есть эллинской культурой занимался, древними греками и прочее. Знаменитый классик, основатель Kaiser Wilhelm Gesellschaft. А за границей днем положена визитка. Тутошний народ, наверное, никогда и не видел визиток. Это вроде пальто, но только покороче немного, длинное, черное такое, с шелковыми отворотами. Сюртук — официальная полупарадная мужская одежда была когда-то. А визитка — короче сюртука, не такая двуполоая и со скошенными назад хвостами. Визитка может быть цвета маренго, того цвета, какого был мундир Наполеона в битве при Маренго, — темносерого. Либо визитка черная, а штаны продольно-полосатые. Это обычная штука. Визитка маренго — такой шик особый.

У меня никакой визитки не было, а мне был назначен определенный день приема. Визитки же хорошие не продавались готовыми. Заказывать поздно уже было. Но тут выручил меня знаменитый гистолог и гистопатолог Бельшовский. Он заведовал гистопатологическим отделом в фогтовском институте. Они вместе с Фогтом меня как-то вызвали к себе, в фогтовский кабинет, стали страшно извиняться: «Вам вот надо представляться президенту. Конечно, вы можете пойти в пиджаке, вы иностранец. Но полагается в визитке. А визитка — вещь дорогая, сразу ее не сошьешь, а покупные все — дрянь. А у Бельшовского есть практически не надеванная визитка, которой пятнадцать лет, тогда у него не было брюшка, как раз на вас. (А по росту мы с ним одинаковые, с Бельшовским.) Бельшовский очень просит вас принять эту визитку на такие случаи. Вам она тут, за границей, может, еще в жизни раз пять понадобится, а у него другая есть». И это оказалась визитка маренго, самая дорогая, шикарная визитка.

Одним словом, по всей форме меня нарядили, и отправился я к Харнаку. Старик оказался совершенная душка! И заговорил со мной по-русски. Он, оказывается, из прибалтийцев, из балтийских немцев, кончил университет в Юрьеве, Тарту по-теперешнему, по-немецки — Дерпт. Так что вместо положенных десяти минут аудиенции я у

него просидел целый час, он меня угощал, конечно, кофе-ем, как за границей положено. Пили мы с ним кофе и трепались по-русски обо всем. Он говорит: «Я бы не пережил... Вы, я вижу, хорошо пережили революцию». Я говорю: «Ничего. Более или менее здоров и понимаю, что к чему. Так можно пережить и две революции». Но тогда-то я не знал, что революцию пережить — это каждый дурак может, а вот сталинизм пережить — гораздо труднее.

Он очень обрадовался, что я интересовался античной философией, греческой как раз, и не только Платонами, Сократами там всякими, древними идеалистами, но и Плотиним, уже нашей эры. Плотин — это, кажется, третий век... Так что мы с ним еще о древних философах поболтали. И, так сказать, расстались... Он говорит: «Ваш институт фогтовский будет скоро строить себе новое помещение в Бухе, большое, хорошее, новое. Если я доживу, как только он откроется, я туда к вам приеду, и мы еще с Вами повидаемся». Ему уж 80 лет, по-моему, было. Он, действительно, лет в 85, наверное, умер. Побывал в Бухе. Там мы с ним завтракали, опять впере-мешку с немецким по-русски говорили, потому что там много всяких людей за завтраком было.

Это было второе событие существенное. Всего бывает три всяких события. Вот третьим событием было то, что мы поселились в мебелированной квартире в Штеглице, южном предместье Берлина, зеленая такая местность. Берлин вообще очень зеленый город. Там масса парков. В каждом районе Берлина свой Stadtpark, городской парк. Обыкновенно большой, типично немецкий, аккуратный, который каждый день подметался, все соринки убирались специальными сторожами, каждый год наново красились скамейки в зеленый цвет, причем по-немецки: зеленая скамейка стоит, и белой краской на ней написано Sitzbank — «скамейка для сиденья», чтобы не перепутали с комодом, не дай Бог! И вот в Штеглице, как во всяком районе Берлина, был свой маленький базарчик, рынок такой. Вечером, вернее, часов с пяти, в послеобеденное время, там начинался парк культуры и отдыха, так сказать: всякие шатры и шатровые домики,

в которых различные эстрадоочки, где танцы, какая-нибудь музыка, еще что-нибудь, небольшие выставки и, конечно, есть Sportbude, такой небольшой цирк, где борьба и бокс происходят, профессиональный, конечно. И вот я повадился в нашу штеглицевскую Sportbude ходить. Для этого мне оказалось выгодным Лёлькино незнание и незаинтересованность в коммуникациях.

Из новой нашей квартиры совершенно по прямой линии от нашего дома до института ходило несколько трамваев. Я же от Феррейнов ездил под углом, с пересадкой, на двух трамваях. И получал от Лёльки, по сестри ее, на два трамвайных билета. Вместо этого я бегом бежал по этим большим улицам, бегом добегал даже быстрее, чем на трамвае, и экономил на дороге тридцать пфеннигов. Мне Лёлька выдавала каждый день шестьдесят пфеннигов. Представляете себе? А в Sportbude один тур стоил гривенник. Я на шесть туров экономил, шестьдесят пфеннигов в день имел заработка собственными ногами. Лёлька тогда еще не ходила в институт, только время от времени ездила, потому что была занята домашними делами всякими. И у меня был, так сказать, регулярный доход. И я более полугодом ходил у нас в Штеглице в Sportbude смотреть борьбу и бокс и стал там почетным посетителем. В один прекрасный день мне был выдан билет, печатный, большой, по которому я на весь остаток жизни мог в качестве почетного гостя даром ходить смотреть борьбу и бокс и сидеть в первом ряду. Вот. И это пришлось очень мне вовремя, потому что меня разоблачили. Те же самые наши друзья Феррейны сказали Лёлке: «Ну что ты, дура, каждый день ему на трамвай даешь? Во-первых, пятнадцать пфеннигов туда, пятнадцать — обратно. Но, кроме того, в Берлине продаются месячные, полугодовые и годовые билеты на определенный трамвай, на все трамваи вместе взятые, на трамвай с пересадкой на автобусы, на автобусы с пересадкой на трамваи и т.д. Одним словом, ежели взять годичный билет на все виды городского транспорта — метро, автобусы и трамваи, — то обойдется тебе примерно в два раза дешевле того, что ты сейчас на трамвай даешь».

Так и было сделано. Мне годичный билет купили трамвайный, прямой, почти от нашего дома до института. Но мне всегда в жизни везло, в общем. Когда разоблачили мои непоездки в трамвае, борцы и боксеры преподнесли мне почетный билет бесплатный. Ведь надо же, а?! Замечательно! Вот это была третья замечательная вещь в начале нашего переезда за границу. Так что, видите, все приятные вещи были, в общем и целом.

Я потом-то уже ездил на трамвае, зачем оголтелым-то бегать. Иногда даже эти заграничные люди дивуются: что человек бежит? Вроде так интеллигентный человек, а бежит как оголтелый. А я, действительно, бежал. Ну, что, километров пять, вероятно, было от дома до института. А пять километров — это, в общем... это двадцать минут бегу-то. Ежели не ставить никаких рекордов, то бегом как раз минут двадцать-двадцать пять. Вот я так и добежал. И столько же было на трамвае, на прямом: пятнадцать-двадцать минут, да его еще надо подождать.

Там в Берлине очень удобный был транспорт. Никогда таких петрушек, как в Москве, не было. Во-первых, никогда не был переполнен. С этим я познакомился, только вернувшись в обширное наше Отечество, что, оказывается, не транспорт для людей, а люди для транспорта. Как и торговля не для людей, а люди для торговли, чтобы существовала советская торговля. И электричество-то наше не для публики, а публика для электричества. Вот. А там все для публики сделано. Там в часы пик и трамваи, и автобусы «бисы» ходят. Пройдет номер, и через минуту «бис» идет. Ежели сидячих мест нет, кондуктор высовывает морду и говорит: «Через минуту будет „бис“». А чтобы такого, как у нас, как сельди в бочке напиханы были, друг другу ноги бы отдавливали... Я поэтому в Москве два раза только был в метро. Один раз от Большого театра меня довели до Смоленского рынка — две остановки. И другой раз от «Славянского базара», ресторана, после защиты какой-то диссертации на Киевский вокзал — три, по-моему, остановки. Таксишку я заказал — не приехало, а у нас последняя элек-

тричка уходила. Больше в метро никогда не был, в московском.

В Москве ни разу ни на одном автобусе не ездил. Один раз с удовольствием проехался на трамвае. Из этих общественных видов транспорта я признаю только трамвай. Все-таки это цивилизованный способ передвижения. Он всегда по рельсам катится, а не тыркается куда угодно, как автобус, мешает только движению. А особенно троллейбус. Это черт знает что. С одной стороны, привязан к проводам, с другой стороны, все-таки может разъезжать вправо-влево; совершенно идотская вещь. Трамвайчик катится себе по рельсам, и все в порядке. И никого он не давит обыкновенно. Катится. Дребезжит при этом, слышно — едет трамвай. Все ясно. Так? Вот.

Скучный германский порядок

Еще до моего приезда в Берлин для меня были наняты двое сотрудников. Это я разрешил Фогту. Он правильно сказал: «Вы все равно никого не знаете. Я вам подыщу двоих молодых людей». Я сказал: «Подыскивайте». Оба оказались очень подходящими. Один — русский немец, Михаил Иванович Клемм. Он прекрасно говорил по-русски, несколько хуже по-немецки, по-французски — совсем плохо, английским вовсе не владел. А другой — очень талантливый зоолог, очень симпатичный молодой немец, родившийся и выросший в Америке, поэтому имя ему было Вильям Фред Райниг. Он хорошо говорил по-английски, не разучился за время войны и послевоенного времени. Он, к сожалению, в конце второй войны погиб в Норвегии. Хороший был очень человек, первоклассный зоолог, добропорядочный и антинацист страшный. А Клемм в конце концов занялся прикладной зоологией и потом перешел в чиновники биологические. Он жив до сих пор, старичок. И очень полезный человек для нас, потому что он там реферировал всю рус-

скую зоологическую литературу и помогает, ежели что-нибудь переводится наше.

Ну вот, начали мы маленькой такой лабораторией работать. Затем лаборанточка какая-то появилась у нас, потом присоединился еще один такой уже пожилой дяденька, специалист по шмелям, изменчивостью шмелей занимался, профессор Крюгер. И было у нас три комнатки. И поставили-таки мне телефон. Я сопротивлялся. Сам Фогт, старик, пришел меня уговаривать: «Это полезное изобретение человечества». А я терпеть не мог и до сих пор терпеть не могу телефона. Я всегда говорю, что ежели я кому-то нужен, то можно прибежать ко мне. А то этот треп телефонный — ужасная штука. Времени уходит больше, чем ежели нет телефона. Но меня все-таки уговорили. Единственное, на чем я настоял, чтоб его Елене Александровне, жене моей, поставили в лабораторию.

Вскоре появился у меня такой доктор Клаус Циммерман, который окончил Ростокский университет что-то очень поздно, в 28 году, по-моему, потому что всю войну провоевал, до 19 года, а потом, после войны только, поступил в университет и не спеша его кончил. Потому что человек он был богатый, папаша его лесной промышленностью занимался, по слухам, даже миллионер был. Так что ему спешить некуда было. Деньги зарабатывать не к чему было: папаша давал. Но он очень хороший, настоящий зоолог был, мышевед и энтомолог одновременно. У Циммермана был талант, дар... Бывают такие зоологи, у которых любая скотина плодится, множится и разводится. Вот Циммерман такой был. Существует давно много мелких млекопитающих, которые разводятся в зоологических садах и в лабораториях, и некоторые дамы их содержат, разводят и т.д. А есть виды, которые ни у кого нигде никогда не размножались. А Циммерман... сажает в такую стеклянную аккумуляторную банку большую, чтобы выпрыгнуть не могли, бросает им там сенца, чтобы они могли зарыться, кормит чем-нибудь, и глядишь — детишки появляются у них, и великолепным образом они размножаются. Приходится писать статейку в зоологический журнал, что вот, ка-

ким образом — неведомо, но размножаются они в лабораторных условиях вполне.

Тут появилась, кроме Циммермана, еще одна такая польская еврейка Тененбаум Эсфирь Абрамовна. Она лучше всего говорила, пожалуй, по-немецки, потом по-русски, немножко по-польски, немножко по-французски. В 34 году, уже Гитлер тут был, мы с Фогтом умудрились ее переправить в Палестину, в Иерусалимский университет, и там она до конца войны благополучно занималась наукой. Что после войны с ней случилось, этого я не знаю.

Так вот в Берлине собрались поначалу эти первые мои немецкие сотрудники. Занимались мы дрозофилой. Я заставил всех их, кроме Крюгера (он сидел там со своими шмелями и действительно знал в лицо каждого шмеля), поработать с дрозофилой. Каждый у меня сделал какую-нибудь дрозофильную работку. Все они более или менее всерьез не столько усваивали, сколько осваивали генетику, чтобы затем всякими делами биологическими заниматься уже, так сказать, на теоретическом генетическом фундаменте. Тут я всех уговорил попробовать заняться экспериментально-систематическим и географическим анализом какого-нибудь вида насекомых. И вот мы рылись в литературе и наконец нашли (я, кажется, нашел в конце концов) божью коровку — эпиляхну. Большинство из известных вам и другим людям неосведомленным божьих коровок — тляедные, полезные для человека. А эта жрет тыквенные растения различные. На юге она является вредителем бахчей всяких: арбузы, тыквы, огурцы, дыни. Очень широко распространенный жук, на проростках тыквы можно его легко разводить. По литературным данным, он дает несколько поколений в год. Мы потом увидели, что можно шесть-семь поколений в год получить.

Первые три года моей заграничной жизни прошли в Берлине, до переезда в новое помещение института в Бухе. Было довольно тесно, но было три комнаты. Но, с другой стороны, было достаточно просторно, потому что не было практически лаборанток, этой чумы совет-

ских наук. Потому что каждый дурак, кончивший университет или вуз какой-нибудь, требует себе лаборантку, поэтому бездельницами-девками, которые смотрят в окно, ковыряют в носу, треплются друг с другом и треплются по телефону, забиты все коридоры и лаборатории в советских институтах. Этого там нет.

Ежели ты доработался и дожил до своего телефона служебного — трепись на доброе здоровье, это твое собачье дело. Но так на казенных телефонах общего пользования трепаться никому не полагалось. По делам службы — пожалуйста, им можно было пользоваться. Но чтобы лаборантки, как у нас, обсуждали, что там выбросили туфли, а там выбросили еще что-то! За это выгоняли со службы. Полагалось работать тогда во всем цивилизованном мире. Восьмичасовой ра-бо-чий день. Никаких этих советских штучек, как одно время у нас: опоздал на три минуты — скандал. Этого нигде не было, кроме как у нас. Около девяти все должны были собираться на работу, около шести — уходить с работы. Час полагался на обед, между двенадцатью и тремя каждый мог на час уходить, конечно, по уговору со своим начальством, куда хочет, хоть в шикарный ресторан, хоть домой, хоть в пивнушку — куда угодно. Но это, конечно, препараты, техники, лаборантки, служительницы — вот такая публика. Научные работники имели так называемый неограниченный рабочий день. Они могли когда угодно приходить, когда угодно уходить. И все. Конечно, опять-таки по уговору со своим заведующим лабораторией. И это естественно. А больше никаких особых формальностей не было. Вот.

В 28 году мы первыми в фогтовском институте переехали в Бух, где в то время уже строилось большое шестизэтажное новое здание института, и моя лаборатория должна была стать отделом этого института. Когда-то в двадцати километрах от Берлина была расположена деревушка Бух, по-видимому очень древняя. Раскопки показали, что на этом месте еще в бронзовом веке были какие-то поселения, не то германские, не то славянские. А потом появилась немецкая или прусская деревушка, то есть ли-

товская, которая онемечилась, а рядом разросся Берлин. И в 90-е годы XIX века, когда Берлин стал расти очень быстро и сделался столицей мощной большой Германской империи, было решено: за пределы Берлина помаленьку выносить берлинские больницы и клиники. Совершенно разумная вещь. Чем в центре, в духоте, в дыму, в копти держат крупные больницы, не лучше ли их на свежий воздух? И большие городские клиники решено было построить около этой старинной деревушки, в которой было, ну, может, пятнадцать-двадцать крестьянских дворов и довольно старая церковь XVII века с хорошим очень органом.

И вот тогда, сильно разбогатеv, Берлин построил там два госпиталя для стариков, что-то среднее между богадельнями и больницами, в которые потом по больничным кассам могли помещаться старые люди, либо одинокие, либо больные чем-нибудь хронически. Затем построили на полторы тысячи человек детскую больницу. Окружена она была лесом и лугами, какое-то небольшое озеро было. Прелесть место! Потом в другом месте, опять-таки на опушке леса, небольшая туберкулезная больница на восемьсот коек. Но, по сравнению с госпиталями и с детской, небольшая. И затем огромная нервно-психиатрическая клиника на четыре или на пять тысяч коек. По тогдашним временам это, конечно, огромное учреждение.

Рядом с клиникой, с одной стороны, по периферии, за пределами ограды располагались Landhaus'ы, такие, что ли, дачи, кирпичные большие дома двухэтажные, в которых лечили алкоголиков и отчасти других всяких шизиков, наркоманов различных. Вокруг каждого дома была своя большая территория паркового типа. И вот один такой Landhaus был предоставлен институту фогтовскому под мою лабораторию, пока строилось новое здание. Мы переехали первыми, народу у нас уже собралось. Приезжали из-за границы люди поучиться генетике, из Германии из разных мест молодые люди поработать. Так что всякой такой научной публики становилось все больше и больше, и в трех комнатках в старом берлинском помещении жить нам стало тесно.

Так как город ничего раздаривать не может, формально здание было сдано Берлином в аренду Kaiser Wilhelm Gesellschaft, как вы думаете, за сколько? За десять марок в год. На сто лет. Еще до войны 14 года Бух, где уже функционировали все эти огромные клиники и больницы, стал частью Берлина. Берлин просто купил эту деревню. Бух был островом Берлина за его пределами. Мы на электричке ехали до Буха по неберлинской земле, по полям всяким, лугам и перелескам некоторое количество километров, а потом въезжали в Бух, и это был опять Берлин. Так что в Бухе были все выгоды столицы и прелести деревни, так сказать, загородного места. А за границей загородные места обычно прелестные, особенно в Германии. А вместе с тем в смысле снабжения, в смысле удобств — все было как в лучших европейских столицах.

Вот в конце 28 года, за год до окончания строительства нового здания, мы переехали в этот самый Landhaus-5. А рядом был Landhaus-4, где пьяницы лечились. Там, значит, профессионалы, а тут любители выпить.

И очень это было выгодно и удобно, так как с большим удовольствием эти больницы нам поставляли, так сказать, низовую рабсилу. При этих огромных клиниках были всякие мастерские — и портновские, и сапожные, и столярные, и слесарные, — так что там могли работать хроники эти самые и немножко зарабатывать, так как в Германии, капиталистической, не социалистической, были самые социально передовые рабочие законы. Такого вообще безобразия по части рабочих законов, как у нас, я нигде в мире не видел. В Германии же рабочее законодательство было действительно здорово поставлено. Я вот получал жалование выше границы, за которой человек обязан был состоять в больничной кассе. Что совершенно разумно, потому что ежели человек получает достаточно жалования, чтобы лечиться на свой счет, на кой ему черт больничная касса. Пусть лечится на свой счет. А кто мало зарабатывал, те обязаны были состоять в больничных кассах. Благодаря им всякие хроники могли одиннадцать месяцев лечиться, но не дольше. И еже-

ли оказывалось, что они недолечены, они еще раз могли поступить на одиннадцать месяцев, после испытания.

Эти больницы предоставляли нам за очень дешевую цену так называемых кольфакторов — слугителей. Они убирали, подметали, носили и всякая такая штука. Ежели нужно было у нас всякие культуры разводить, то они садовые работы неспециализированные выполняли. Вот такие слугители были, очень удобная и полезная для нас вещь.

Эти пьяницы-то вообще были очень хитрые люди. Они прекрасно, цивилизованно жили в Landhaus'ах на всем готовом, работали, зарабатывали. Затем через одиннадцать месяцев они уходили, как мы говорили, в отпуск на месяц. От них требовалось только одно: оставить себе на конец отпуска достаточно денег, чтобы погулять «с крахом», то есть несколько раз напиться, по возможности с повреждением дешевой мебели, с разбитием дешевой посуды, так, чтобы жена могла вызвать полицию, не боясь заплатить штраф. (Ежели без надобности полицию вызываешь, штраф платишь.) И тогда составлялся протокол, что, значит, недолеченный, и он опять за счет больничных касс переправлялся в свой Landhaus, опять поступал на работу. Так они и жили.

Там были такие фокусники, что они чуть ли не десять лет так жили. Когда в начале 30-х годов начали в Германии вводить экономию всяких государственных средств, то догадались и на этом начать экономить и стали выгонять на волю этих самых якобы недолеченных пьяниц. Пьянствуйте за свой счет и сами о себе заботьтесь. У нас был такой герр Матиас в лаборатории, симпатичный пожилой мужик, очень аккуратный. Однажды говорит: «Да, герр доктор, времена-то какие настали: недавно лишних почтовых чиновников сократили, а сейчас и нас, алкоголиков, сокращать начали». Совершенно искренне: сокращают разные профессии и нас, алкоголиков, сокращают.

Так вот, переехали мы в Бух и один год были там одни совершенно. Жили на втором этаже этого Landhaus'a мы, Царапкины... Да, я еще забыл, Царапкин в 26 году

приехал. Значит, еще один сотрудник был. Затем Циммерман... мы все жили на втором этаже. А в нижнем этаже были лаборатории. Помещений была масса. Глядели, как достраивался институт. Я наблюдал за тем, чтобы оранжереи мои были правильно построены. Дело в том, что при новом здании института я заказал себе две специальные оранжереи для экспериментального разведения животных и растений. Такие оранжереи в те времена, в конце 20-х годов, не так уж часто встречались и за границей. Это опять-таки было весьма поучительно. Когда нам уже в других местах пришлось работать, опыт этот очень пригодился.

Происходило заказывание оранжерей следующим образом. Мне ориентировочно было сообщено, на какую сумму я мог рассчитывать, и я решил так. Шестиэтажное здание института большое, такой длинный четырехугольник, у южной короткой стены пристройка трехэтажная. В этой пристройке помещался мой отдел, очень большое помещение было. А к его южной стене были пристроены две оранжереи параллельно, с небольшим проходом между ними. Вход — из одной комнаты нижнего этажа этой трехэтажной пристройки. Каждая оранжерея разделена на две части продольно. Одна состояла просто из двух половин, вторая — тоже из двух, но ее вторая половина была еще разделена на восемь частей. Посередине проходил коридор, а из него были входы с каждой стороны в четыре отдела, все это стеклянное. Причем это было задумано как политермостат: каждый отсек на разную температуру. Главное же заключалось в том, что хотя была общая теплоцентраль и отопление, но регулировка отопления оранжерей была своя, отдельно. Оранжереи эти должны были быть пригодны для трех целей: для массового разведения тыквенных растений, чтобы кормить божьих коровок наших, для разведения аквариумных рыбок в больших количествах и для разведения этих божьих коровок в больших количествах, в десятках и сотнях тысяч, при разных температурах.

Когда я все это распланировал и мы договорились с моими сотрудниками, что нам нужно, я обратился в три

самых крупных немецких оранжерейных фирмы с письмом, что я предполагаю для такого-то института построить в Берлин-Бухе две спаренные оранжереи специально для разведения всякой всячины, мне нужной. И дальше происходило так, как раньше при постройке, например, железных дорог в России. Поставщикам устраивался конкурс. Составлялся примерный проект того, что нужно выстроить, и привлекались различные фирмы поставщиков, которые конкурировали, кто дешевле его выполнит, конечно, при соблюдении определенных качественных и количественных условий. В течение одной недели у меня побывали представители всех трех таких фирм. Они приехали уже с альбомами оранжерей, ими выстроенных, с примерными типовыми планами и проектами. Мы с ними позаседали. В конце концов я договорился, к счастью, как оказалось, с самой лучшей фирмой Редера в Дрездене. Она мне показалась самой толковой, и я заключил контракт.

В общем, я потратил на это изрядное количество времени в течение месяца: сначала всякие разговоры, вычерчивание плана, предложения и условия; еще одна неделя у меня ушла на рассуждения с фирмами и выбор, и за одну неделю избранная фирма представила окончательный проект. Как вы думаете, сколько еще ушло времени до того, как мы вселились в эти оранжереи с нашими культурами? Месяц! Месяц! У нас бы это полтора года продолжалось. Полтора года! Я знаю. У меня на атомном объекте значительно примитивнее две оранжерейки целый стройбат год строил по упрощенным буховским проектам, которые я по памяти восстановил. Год. А там — месяц. И никакого стройбата не было, а было какое-то небольшое количество рабочих.

Сверху оранжереи имели водяное охлаждение: вдоль, по коньку крыши, шла труба, и по бокам ее были маленькие отверстия, через которые пускалась холодная вода. И летом можно было на десять-пятнадцать градусов снизить температуру таким образом. Но это уже была забота садовника. Он же отоплением и охлаждением ведал. Так это шло, значит, круглый год с 28 года до 45-го. Семна-

дцать лет без всяких поправок, без ремонта. И до сих пор они там работают. Вот как дела делаются, ежели попросту, а не с фокусами нашими. Я уже теперь забыл точные цифры, стоило это гроши совершенно. У нас такие оранжереи построить в финансовом отношении немыслимая вещь, и подготовка вся потребует двух-трех лет. И осуществление полтора года минимум. А потом надо начинать ремонтировать и устранять недоделки.

В Бухе уже помещения было много, у нас стало просторно. Было достаточное количество лабораторных комнат, достаточное количество микроскопов и луп и, вообще, нужного оборудования, и начали появляться все новые и новые сотрудники. Штат мне увеличили в смысле денег. Надо сказать, что за границей-то удобно, конечно. У нас на жалование сотрудников — одна статья, а другая — на оборудование, аппараты и инструменты, третья — на командировки, четвертая — еще на что-нибудь. У нас считают, что все мы жулики, боятся, что украдем, поэтому семь подписей нужно на каждое дерьмо. Что на электронный микроскоп, что на фунт гвоздей — те же семь подписей. А при семи подписях вообще не известно, на ком это висит, электронный микроскоп или гвозди. И красть чрезвычайно просто. И проще всего раскрасть имущество казенное. Употребить в дело труднее намного. Во-первых, часто дела не бывает никакого, а имущество есть. Ну и во-вторых, чтобы на дело употребить, нужно работать, а у нас преимущественно не работают. А там таких сложностей, в сущности, нет. Я мог своей властью тратить деньги, скажем, брать сотрудников лишних, мог даже уволить ненужных сотрудников. Можно было хозяйствовать: и экономить, и рассуждать, как лучше деньги истратить. Например, мы из своего бюджета за два года сэкономили нужную сумму для приобретения первого в мире служившего для биологических целей нейтронного генератора уже в самом конце 30-х годов.

Ведь наше Отечество опять-таки уникальное в своем роде: это единственная страна не только в Европе, а и во всем мире, где нельзя экономить. Нам же все время го-

ворят: «Экономьте государственные средства!» А куда их экономить? Не истратишь — отберут. И это еще полбеды. На следующий год меньше дадут, так что прямо хана и все. А там всего этого нет. У моего отдела был свой банковский счет, и ежели что-нибудь сэкономили — хорошо, значит на следующий год будет больше денег, а не меньше.

При этих легких условиях, которые, однако, во всем мире считаются не какими-нибудь достижениями, а совершенно нормальным состоянием вещей, очень просто было научным учреждениям хозяйствовать. Наша эта система, замечательная по сложности и, я бы сказал, своего рода бухгалтерской красоте, она ведь еще имеет нехорошую сторону — она развращает людей служащих. И чем выше рангом, тем больше развращается советский чиновник. А все советские люди — чиновники, потому что они все на казенных харчах, так сказать, состоят. Но тот, кто за что-то отвечает, должен ловчить, мудрить, глядеть, как бы что обойти. И получается чрезвычайно любопытная вещь. Все советские учреждения, в особенности научные, все время скулят: «Ах, хорошо буржуйам, у них оборудование в институтах превосходное, у них денег на оборудование много. У нас лаборатории нищие». Врут! Все наши лаборатории, все наши институты забарахлены по первое число. Потому что покупается не то, что нужно, а то, что можно. Поэтому забарахленность наших научных учреждений совершенно фантастическая, особенно столичных, московских.

Теперешняя моя «косметическая» контора, в которой я имею честь состоять, — это на грани фантастики совершенной. Когда-то, пятнадцать лет тому назад, люди, руководящие в этой самой конторе, решили построить лабораторный комплекс, чтобы на Земле, на нашей планете проводить модельные эксперименты, подобные тем, что должны происходить в космосе. В космос тогда еще и Гагарин не летал, кажется, и вообще только разговоры были одни. И построили. На Хорошевском шоссе, где я работал, из моего окна видно, стоит замечательное здание — сплошное стекло, железобетон и прочее. И сто-

ит, и стоит, и стоит. Обошлось оно пока только в двадцать шесть миллионов рублей. Миллионов рублей! Пока в нем ни гвоздя ни в научном, ни в техническом, ни в каком смысле не сделано. Но туда никого не пускают. На наши пропуска нужно какую-то особую птичку, чтобы в этот самый стеклянный дом войти. Можно и без птички, но тогда нужно с заднего входа. Так вот. Сейчас все самое высшее начальство этой «косметической» конторы нашей думает: угробили двадцать шесть миллионов, и что, выход-то какой? А угроблены они так талантливо, что делать разумного ничего нельзя в этом здании. Его нужно либо сломать и новое здание построить, либо затратить еще двадцать пять миллионов на переоборудование. И уже третий год самая трагическая проблема, которая висит над институтом, — что делать с этими похороненными двадцатью шестью миллионами.

Это я рассказываю про свою контору «косметическую». Официальное название: Институт медико-биологических проблем Министерства здравоохранения. Совершенно секретное название, чтобы никому не было известно, чем там занимаются. Но можно было что угодно написать, потому что там все равно ничем не занимаются, стало быть и засекречивать нечего. Ужас!

Вы не представляете себе вообще, что делается у вас в Москве. Это черт знает что! Институт физики Академии наук. Мне по долгу службы несколько месяцев тому назад в руки попало штатное расписание, я в какой-то комиссии участвовал: семь тысяч восемьсот единиц! Вы представляете себе?! В семеновском институте четыре с половиной тысячи единиц. В нашей «косметической» конторе сейчас к трем тысячам подкатывает. Есть новая, новее нашей, контора, в которой совершенно неизвестно, что делается. Называется Институт биотехники. Была идея разводить на нефти дрожжи для прокормления голодающих индусов, которые за эти дрожжи будут рупии платить. Скоро, возможно, и нас переведут на дрожжи, коли так пойдет дальше. А пока что вот мы, французы, англичане и еще кто-то, есть же такие боголюбивые люди, которые заботятся о голодающих индусах... В этой

конторе, основанной три, четыре года тому назад, уже перевалило за две тысячи совершенных паразитов, понимаете ли? Это ужас, ужас, ужас!

Но вернемся в Германию. Там всего этого не было. Был очень простой, скучный порядок: начальство давало деньги, их надо было тратить разумно, потому что тех, кто тратил неразумно, выгоняли со службы. Значит те, кто хозяйствовал научно, были люди разумные, по-разному тратили деньги, которые получали. Расскажу вам в качестве примера, как иногда деньги на научные исследования выдавались. В Париже сидели три представителя Рокфеллеровского фонда: Тинбель, крупный очень физик, затем Хэмсон, тоже крупный экспериментальный генетик, и какой-то химик. Я забыл его фамилию, потому что с ним никогда не имел никаких дел. В один прекрасный день звонит мне из Берлина по телефону Хэмсон, что вот они с Тинбелем хотят ко мне заехать. Я говорю: «Заезжайте. У вас что, свой автомобиль?» — «Да, конечно, на машине.» — «Ну, валяйте, приезжайте». Приехали два дяденьки, я им показал свою скромную лабораторию; все, что там было интересного, похвастался своей оранжереей. Они поохали, поохали. Действительно, оранжерея была исключительная, даже, пожалуй, единственная в своем роде для таких экспериментальных целей. К тому времени мы сами в маленькой мастерской соорудили еще термостат замечательный, в котором было восемь, по-моему, камер: от $+5^{\circ}$ до $+40^{\circ}$. Причем регулировалась не только температура, но и влажность относительная. Регуляторы влажности мы сделали очень просто. За полторы марки можно было купить обыкновенные волосяные гигрометры. Мы десяток купили, разбили стекла и из них сделали терморегуляторы. Остроумным простеньким способом. Но у нас невозможно же купить десять гигрометров, да еще сломать. «Посажé» произойдет.

Так вот. Приехали они, поболтали мы, позавтракали у нас дома. Потом они и говорят: «Вам, наверное, деньги нужны?» Я говорю: «Деньги? Есть у меня бюджет. Хватает денег». Они говорят: «Ну, все ученые всегда тре-

буют денег, всегда нужны деньги». Я говорю: «Ну, пригодятся, ежели... А что, у вас много денег?» Они: «Есть, на то мы и Рокфеллеровский фонд. Мы вам можем дать, ну, пару тыщенок долларов. Надо только придумать на что. Знаете, вот нам особенно нравятся в ваших оранжереях жучьи работы по экспериментальной эволюции. Ведь это, в сущности, экспериментальное изучение эволюции». Я говорю: «Да, так это и задумано нами было еще в Москве». Они говорят: «Так ведь это совершенно новая штука. Мы так и устроим. На совершенно новое экспериментальное изучение эволюции мы вам подкинем. Ну, сколько?» «Я без денег обойдусь,— отвечаю,— а установка у меня такая: чем меньше денег, тем лучше, чем больше денег, тем больше ответственности. А для человека это самое скверное — ответственность, отвечать перед кем-то за что-то. Это всегда неприятно. А ежели денег я, скажем, не получаю от вас, то мне на вас наплевать с высокой башни. А если я от вас деньги буду получать, то должен буду стараться какие-то угодные вам науки разводить».

Они говорят: «Нет, мы вовсе не такая организация. У нас деньги для поддержания развития науки. Вот вашу эту экспериментальную эволюцию мы хотим поддержать и по возможности развить. Раз у вас такое редкостное умонастроение, что вы против денег, то не берите много. Возьмите тысячи три-четыре в год. Это пригодится всегда. Вдруг понадобится лишних парочку дорогих каких-нибудь цейсовских ультрафиолетовых микроскопов, или какая-нибудь другая вещь понадобится, или появится какой-нибудь симпатичный и умственный молодой человек, а у вас как раз нету денег на научного сотрудника. Вот вы и будете платить. Ведь мы-то деньги даем, а на что их тратить, это ваше собачье дело. Хотите — берите себе ассистента, хотите — микроскоп покупайте. Что хотите». Я говорю: «Ну ладно. Что для этого надо?» — «А ничего не надо». Вытащил какую-то книжицу с квиточками и один мне дал. «А дубликат, значит, у нас останется. На квиточке вы распишетесь и мы распишемся. Начнем с первого января. Хотите, разом мы

вам все деньги пришлем или как-нибудь частями?» Я говорю: «Лучше поквартально. Еще израсходуешь все разом». И вот договорились мы на пять тысяч в год. Ежеквартально тысяча двести пятьдесят долларов на мой банковский счет переводились с первого января, я уж не помню, какого года — 32-го или 31-го.

Я им сказал, что, знаете, это даже имеет, оказывается, свои хорошие стороны: в пределах пяти тысяч долларов я буду независимым барином по отношению к Kaiser Wilhelm Gesellschaft. Я могу с ними поругаться, послать их к чертовой бабушке. Так? Они могут обидеться и постараться сократить мне количество денег на науку. А мне наплевать. У меня вот рокфеллеровские доллары тогда есть. Они говорят: «Правильно. Вот так и надо делать. Для того чтобы чиновников держать в аккурате». Вот так это просто делалось. Чайку выпили — пять тысяч долларов. Так что все очень было хорошо и мило.

Поэтому, когда меня иногда хвалят за то, что я там за 30-е годы много наработал всяких вещей, то хвалить меня не за что. Я из условий, где надо было придумать, как обыкновенно прожить и как обыкновенно работать, попал в условия, где обыкновенно жить и работать — была норма, не нужно было ничего придумывать. Поэтому нашему брату там было очень вольготно. Ну, туземцы, конечно, у них были время от времени заботы, они стонали, потому что они другой жизни-то не знали, что человек не свинья, все может вынести. И поэтому иногда тоже были недовольны жизнью. А мы посмеивались: «Ишь ты, сукины дети, избаловались как».

Наши оранжереи были готовы еще до того, как начали строить основное здание. На это время я командировал Михаила Ивановича Клемма на остров Корфу и на «Грецкий материк» добывать живых эпиляхн. Он привез очень большой материал, и с тех пор у нас популяция с острова Корфу стала печкой, от которой мы плясали. Так сказать, основным исходным типом эпиляхны у нас стала эпиляхна с острова Корфу. С ней сравнивались, скрещивались все другие популяции. К концу этих работ,

продолжавшихся семнадцать-восемнадцать лет, у нас были живые жуки примерно с полтораэта мест Африки и Средиземноморья. Ну, опять-таки здесь это невозможно устроить... Господи, Боже мой! Из-за одной секретности это абсолютно невозможно: жуки со всего ареала пространства, охватывающего два десятка стран, чтобы не засекретили! Это невозможно.

В 1929 году был открыт для работы уже весь институт, весь Kaiser Wilhelm Institut переехал в Бух на Lindenbergerweg, 71.

Боровский круг и другие трепы

Каждое лето на время отпуска мы уезжали на Балтийское море. А Балтийское море — это море, которое я признаю. Например, Черное я не признаю. Это мертвое море, поганое, паршивое. А Балтийское признаю. Я, вообще, северные моря люблю. А Балтийское, оно и для купания достаточно теплое. Мы ездили всегда в июле. Июль и первая половина августа — самое теплое время на Балтийском море. Позагорать можно и купаться целый день можно. Вообще, замечательно. И ездили мы всегда в какую-нибудь рыбацкую маленькую деревушку.

Последние десять — двенадцать лет жили в Рове, маленькая деревушка в Померании, сейчас она к Польше отошла. Там, в Рове, может, тридцать — сорок рыбацких изб, разбросанных по побережью и по лесу. И за лето там, может, бывало около сотни так называемых гостей. Обыкновенно приезжали на месяц, на полтора. Так что в каждый данный момент в течение лета там было посторонних людей двадцать — двадцать пять человек. Ну, из двадцати лет мы в общем лет двенадцать в Рове провели, года четыре в Аренсхопе, около такого полуострова и заповедного леса Дарс, от Росток недалеко. Это очень интересное место. Опять-таки маленькая дере-

вущка рыбацкая и маленькая же художническая колония. Там рыбаки только, и затем, с конца XIX века, немецкие художники-пейзажисты завели себе дачки. И все. Никаких там посторонних людей не было. У нас были приятели художники*, вот мы к ним и ездили.

И года два были на... как это теперь по-русски-то называется... Куршская коса, что ли. Это к востоку от Кенигсберга. Кенигсберг называется Калининград? Вот там были. Как раз последняя деревушка рыбацкая на границе Литвы. В двух километрах была Литва уже, и километрах в четырех от нашей была литовская деревушка. Там тоже очень хорошо было, лоси ходили. Так что мы всегда таким образом проводили время. Вот. Значит, привыкали к загранице. Я несколько раз и из Берлина ездил за границу: в Англию, в Швецию, в Бельгию, в Италию. Кажется, вот так.

Лаборатория наша разрасталась. Начали прибывать другие люди. Началась у нас эпиляхновая работа. Это было запланировано на долгий срок. Она и продолжалась восемнадцать лет у нас: экспериментальная систематика, зоогеографический анализ вида *Epilachna chryso-melina*. Собственно, так закончено и не было. Основную монографию я не успел написать. Но такую сводочку краткую мы уже здесь с Еленой Александровной и Циммерманом (он из Германии помогал немножко) написали в «Трудах УФАНа», Уральского филиала Академии наук. Но это краткая такая, сжатая сводочка. А это большие были работы. Кое-что со шмелями. Крюгер — шмелиный наш доктор... Мне было, значит, двадцать восемь лет, или двадцать семь, когда он у меня появился. А ему было сорок пять примерно. Он был, кроме того, профессор, немец, а я, значит, русский, приезжий, но он мне подчинялся. Чудно было! Но он страшно дисциплинированный был.

Значит, за шмелями, эпиляхной, мыши появились различные, дикие, не лабораторные мыши. А Циммерман у нас... ловил мутации в природных популяциях полевых и лесных мышей и полевок. Знаете, не все мыши — мыши, а которые с коротенькими хвостами — это

полевки. А мыши — с длинным хвостом. А есть еще, ежели они потолще немножко и покрупней, то хомячки. Не хомяки, а хомячки. Значит, целый ряд видов у нас появился, которыми мы стали заниматься.

И прекрасно работали себе и работали, печатались. В 27 году был V Международный генетический конгресс в Берлине как раз. Тогда еще приехало несколько человек русских: Четвериков приехал, Кольцов приехал, Вавилов приехал, Писарев, Левитский, Карпеченко из вавиловцев, Серебровский приехал — в общем, несколько из Совдепии приехало людей. Был очень интересный такой конгресс, первый после войны мировой, да еще в Берлине. Ведь несколько лет после войны в Германии международные конгрессы не устраивались: бывшие враги все-таки считались.

А в Америке следующий конгресс международный был в 32 году. И я... нормально мы с Лёлькой решили, что куды нам ехать: дорого страшно и вообще... Но тут оказалось, что наши работы стали уже так известны, что меня организационный комитет конгресса пригласил в качестве одного из двенадцати приглашенных докладчиков на общих собраниях конгресса, не секционных, а пленарных заседаниях. И мне написали, что я являюсь гостем конгресса, что мне вся дорога туда и назад оплачена и пребывание там оплачивается. Ну, тут мы с Лёлькой решили: «Господи, вдвоем-то съездить можно, ежели один-то целиком оплаченный». Ну, потом оказалось, что нас еще пригласили на четыре месяца в Carnegie Institution поработать. Там платили нам деньги. Одним словом, шикарно съездили в Америку.

И кроме нас из русских были... во всяком случае, из советских русских... был только один Николай Иванович Вавилов. Больше никого не выпустили уже тогда. Тогда уже настоящая советская власть началась, сталинский прижим. С 29 года. Мы это прекрасно знали, потому что через нас проезжали ведь во всю Европу и в Америку — все через Берлин ехали командированные. До 28 года каждый год десятки, несколько дюжин командированных ученых проезжало через Берлин, и все к нам захо-

дили. В 29 году как обрезало. Несколько человек в 29 году всего было, а с 30-го — никого. Совсем, фьють — и кончилось. Только какие-то там политики ездили, да и то лучше бы, дураки, не ездили, потому что, я знаю, все эти коммунисты, которые по политической линии в командировки-то какие-то ездили в 30-е годы, все в конце 30-х годов на тот свет были отправлены. Этого достаточно было...

К тому времени я и часть моих сотрудников огромный материал уже провернули по мутациям, вызываемым всякими радиоактивными излучениями, рентгеновскими лучами и т.д. Первые работы мы еще в Москве с Ромашовым... Нас Кольцов еще до приезда Мёллера с дрозофилой попросил попробовать облучить рентгеном каких-нибудь дрозофил (они всюду водятся), поймать дрозофил, облучить и посмотреть, что получится. Мы сделали, и ничего не получилось. Какие-то мутации выщеплялись, но мы вообще-то и генетики еще не знали. И ловили не *Drosophila melanogaster*, хорошо изученную, а *Drosophila obscura* или *funnebris*. И там выщеплялись и в контрольном, и в облученном материале несколько мутаций каких-то, которые в природных населенных в гетерозиготном состоянии содержались уже. Так что ничего из этого не вышло.

Первая работа была выпущена осенью 27 года Мёллером. Он на Берлинском конгрессе об этом докладывал. А я, еще не зная о его работе, в Берлине начал ультрафиолетовыми и рентгеновскими лучами облучать дрозофилу. Ну, тогда я уже был дрозофилистом настоящим. После Мёллера ботаник такой, Стадлер, американец, опубликовал свою работу в начале 28 года, я тоже первую работу в начале 28 года опубликовал и кто-то еще. И потом пошло-пошло. Образовалась целая радиационная генетика вскорости. Я первую сводку написал* в 29 году, коротенькую, в 31 году — уже довольно толстую, и в 34 году — английскую, довольно подробную и в 37 году выпустил немецкую книжку о мутациях*, вызванных преимущественно облучением.

Кроме того, мы с женой продолжали размышлять и работать по воссоединению генетики с эволюционным

учением, то есть проделали первую, в сущности, работу. Мы даже не знали, что, оказывается, несколько четвериковских ребят, молодых человек, в Москве тоже какую-то кавказскую популяцию дрозофилы изучили генетически, а мы — берлинскую популяцию. Но, я уж говорил, мы раньше успели напечатать. В 27 году вышла наша первая работа: «Генетический анализ природной популяции *Drosophila melanogaster*». С этого пошла опять-таки популяционная генетика. Тут посыпалось: и у нас, и англичане, американцы — одним словом, сейчас это огромное поле деятельности. Потом сюда прицепились математики. И у меня уже здесь вышло несколько таких популяционно-генетических работ совместных с математиками. Это, значит, второе направление. И фенотипической продолжали мы заниматься.

Значит, в основном, были три направления: популяционная генетика и всякие эволюционные затеи, затем мутационная генетика, мутационный процесс и фенотипическая генетика. Три основных таких направления работ. Лаборатория росла, росла, росла. В 29 году была превращена в отдел, а в 36 году — в отдел генетики и биофизики. Фогт вышел в отставку в качестве директора института, ему шестьдесят пять лет исполнилось, даже шестьдесят шесть. А я, мой отдел, отделился уже в финансовом и административном отношении от Мозгового института и стал просто отделом генетики и биофизики Kaiser Wilhelm Institut'a в Бухе.

Я уже говорил, что эти основные направления работ наметил для себя еще в Москве. И за границей продолжал то, что было уже начато в Москве. Основные направления своей работы менять особенно не следует, а нужно действовать так, как действуется. Когда я уезжал, я был взрослый человек, двадцати шести лет, чего там... Ежели человек до двадцати шести лет ничего хорошего не придумал, так он и дальше не придумает ничего особенного. Я, следовательно, наметил продолжение и расширение работ по трем основным темам. При этом я постарался наладить работу на тот манер, на который налаживал в Москве, и не только в смысле основной тематики научной.

У нас в Москве, как я рассказывал, был замечательный четвериковский кружок Дрозсоор — коллоквиум, где мы трепались на всякие научные темы. Кое-что новенькое при этом рождалось. Там, в Дрозсооре, зародилась идея создания нового направления в эволюционном учении — воссоединение современной генетики с классическим дарвинизмом. Все это я решил и тут, в Германии, возобновить. Затеял тоже такой лабораторный семинар или треп. Собирались мы, обыкновенно, каждую вторую субботу или у меня дома, или иногда в лаборатории в вечернее время после работы, когда всякая посторонняя публика уходила.

Так как мои сотрудники заграничные, новые для меня люди, были генетически совсем еще невинны в смысле тех новых направлений, которые мы начали в Москве, пришлось их приучать к этой нашей новой проблематике: заставлять читать, заставлять делать доклады, заставлять размышлять. И, таким образом, подобралась у меня очень симпатичная и талантливая компания. За время моего пребывания за границей лаборатория моя из шести человек превратилась в огромный, по заграничным понятиям, отдел — около восьмидесяти человек, с несколькими группами и лабораториями. К концу 20-х годов и кружок наш разросся, упорядочился и стал постоянным. Он просуществовал до самого конца моей буховской лаборатории и сыграл довольно большую роль в развитии как наших наук, связанных с моим отделом генетики и биофизики Kaiser Wilhelm Institut'a, так и вообще в развитии европейской биофизики и биофизической генетики.

Надо сказать, что я сотрудников так же, как и потом здесь, брал с большим отбором. Никогда не брал, когда мне сверху кого-нибудь присылали или просили: «Возьмите, ради Бога. Мы даже можем вам подбросить несколько тысяч, только возьмите, — симпатичный там человек или иногда человечка». Я не брал сразу. Пусть сперва появится, поговорит, а потом волонтером поработает. Я посмотрю, что он представляет из себя. И ежели подходил для нас — возьму, не подходил — не возьму. И появлялись действительно интересные люди. Набралось много бес-

платных работников: приезжали иностранцы на разные сроки — англичане, французы, скандинавы разные, даже американцы. Их я с разбором брал, потому что народ дикий все-таки. Американцы — это не англичане. Англичан я очень люблю и уважаю. А американцы — это туземцы. Вот. У них не разберешь. Все они называются американцы, а это либо евреи, либо мексиканцы. Канадцы симпатичные бывали. И затем много братушек стало появляться, как услышали, что в Бухе практически русская лаборатория. У нас в лаборатории основным, государственным языком был русский, конечно, но пользовались и немецким, и английским, и французским, и всякими другими.

В связи с этим делался все интереснее и интереснее наш треп — семинар буховский. По субботам обыкновенно приезжали из Берлина и из всяких других городов люди и появлялись у нас. В конце 20-х годов начала формироваться квантовая механика, и постепенно складывалась новая картина мира взамен старой, наивной, основанной, в общем, на лапласовом детерминизме. Оказалось, что, в сущности, никакой мировой формулы нету и что причинность работает не так, как раньше это представлялось. Причинность оказалась вероятностной в своей основе, а не детерминистской. Это все вошло в наш буховский треп помаленьку. В начале 30-х годов я сдружился и, так сказать, втянул в наши работы Макса Дельбрюка*. Он был чисто теоретический физик, ученик Макса Борна* и Нильса Бора*. Я его, в сущности, переманил в биологию теоретическую. Он сейчас очень крупный вирусолог и теоретический биолог в Америке, нобелевский лауреат, вообще очень замечательный человек. Тогда он был молодой человек и, как смолоду все крупные теоретики, немножко нагловат, но это ничего. Мы с ним тоже нагло обращались, так что он обтесался очень быстро у нас и стал вполне приемлемым молодым человеком.

Дельбрюку я ни черта не платил. У меня был свой физик, так сказать платный, сотрудник моего отдела, Циммер*. Он сейчас директор немецкого ядерного института, навроде Курчатова. Это мой сотрудник и уче-

ник. Он как кончил университет, так ко мне и попал. Причем очень замечательно. Дельбрюк и Циммер примерно одновременно кончили институт. Циммер — экспериментальный физик, Дельбрюк — теоретический физик. Дельбрюк провалился по теоретической физике, а Циммер по экспериментальной физике провалился. Циммер великолепно сдал теоретическую физику, а Дельбрюк — экспериментальную, хотя к экспериментальной физике его как настоящего теоретика и близко не подпускали. Потому что, когда близко подпускают теоретиков к аппаратуре, тем более дорогой, то она ломается почему-то. И это дорого стоит вообще и муторно потом чинить. Вот.

Так же, как и во всех своих кружках прилабораторных, я обращал внимание не только на специальные интересы. Все люди, которые привлекались на наши буховские субботы, обыкновенно обладали и какими-то художественными интересами: либо музыкой, либо живописью увлекались, либо литературой или поэзией. Почти все мы страдали кое-какими философическими интересами. Иногда мы объединялись по субботам днем у Сережки Жарова. Хор донских казаков Сергея Жарова* — замечательный был хор. Это вообще лучший хор. У нас хоровое пение почему-то почти совсем погребло. Вот я на днях слушал опять этот александровский хор. Такая гадость! С сопровождением гармошечным каким-то, ни одной октавы. Вообще техника хоровая куда-то исчезла совершенно. Народу двести пятьдесят человек, громкости сколько угодно, а звучности никакой. Черт знает что! А у Сережки Жарова тридцать мужиков. И хор совершенно изумительный! Люди все были образованные, интеллигентные, все донские казаки. Жаров один из немногих был, кто аранжировать мог все, что угодно, в ладах, а не в мажоре или миноре, в старинных ладах, знал гласы, знал каноны. Русские песни, казацкие, солдатские, церковные песнопения и затем всякая мура — романсы в хоровом переложении. Вот «Очи черные»... как они, черти, пели эти «Очи черные» — это ужас!

Они в год в общей сложности месяца три проводили в Берлине и в Германии. А остальные восемь — девять месяцев проводили в прочем мире, включая Новую Зеландию. Так вот, у них был свой субботний коллоквиум. Иногда кто-то из них, либо сам Жаров делал какие-нибудь музыкальные или хоровые «доклады». Потом всякие проезжающие через Берлин русские люди, музыканты: Рахманинов, Стравинский, Гречанинов, бывая в Берлине, всегда бывали у Сережки Жарова и делали доклады с иллюстрациями. Такой музыковед Рудольф Васильевич Энгель*, я до сих пор помню, три доклада сделал, три субботы подряд, о русском колокольном звоне и производстве колоколов. Затем писатели: Бунин выступал, Борис Зайцев, Куприн, по-моему, раз приезжал в Берлин. Иногда из Советской России появлялся кто-нибудь случайно, но это прекратилось в 30 году совершенно. А до 30-го еще Держинская была, по-моему, Петров, бас замечательный, Богданович, Ершов, знаменитый драматический тенор. Гришку Кутерьму совершенно гениально пел. В Париже ставили «Китеж»*, и они все проезжали через Берлин в Париж. Держинская деву Февронию пела, а Ершов — Кутерьму. Масса интересных людей.

Я там первый доклад делал о популяционной генетике, о вызывании мутаций и о том, как мы в революционные годы помогали Грабарю реставрировать фрески во Владимире*. В 18-м, по-моему, или в 19-м, между какими-то военными приключениями, мы расчищали трубы ангелов в Дмитриевском соборе во Владимире. Одним словом, у Сережки Жарова был тоже очень интересный коллоквиум, но совершенно по другой линии. Но так как мы с Жаровыми дружили, то иногда кого-нибудь из того коллоквиума мы затягивали в Бух, а иногда кто-нибудь из нас там что-нибудь выкомаривал.

Помаленьку налаживались у нас и, так сказать, внешние связи. Мы с Дельбрюком, по-моему, в начале 30-х годов стали ездить в Копенгаген к Нильсу Бору. Нильс-сушка Бор очень интересный человек был. Это, конечно, был самый умный человек XX века. И до сих пор никого

умнее его и крупнее нету. Это очень крупный человек, очень умный человек, очень замечательный человек, исключительный по добропорядочности и во всех отношениях, Нильс Бор. И у Бора в 30-х годах (начала я не застал, еще тогда не был туды вхож) в Копенгагене, в его теоретическом институтике, по мере надобности, обыкновенно раза два-три в год, на недельку собирались все крупные теоретики, так от пятнадцати до двадцати пяти человек со всего мира, потрепаться. Это называлось *Bohrs Kreis* — кружок или круг боровский. Это была совершенно приватная затея, как и мои кружки: кого я пригласил — ладно, а кого не пригласил — вот тебе, выкуси! Так ведь и надо. И у Бора так же было, ничего официального. И помаленьку сформировался дружеский круг, в который новые люди втягивались старыми друзьями. С 33 года я более или менее постоянно там бывал. Несколько раз у Бора жил, в этом его дворце знаменитом.

У него народу, вообще, масса останавливалось. Домина огромный был, там этих *Gastzimmer*'ов, комнат для гостей, было много. У него всегда было очень симпатично, потому что Бор любил спорить очень. Вот обыкновенно уже за завтраком начинался спор. Перекричать его невозможно было, потому что в пылу спора он, наоборот, понижал голос, потом за пиджак брал, шептал что-то. Ну, что с ним сделаешь! И очень он был хороший человек просто по человечеству. Действительно, первосортный человек во всех отношениях. При нем не приживались плохие люди, потому что он тоже всегда говорил, что плохой человек не может быть хорошим ученым, так не бывает. И прав совершенно. Я тоже всегда в жизни придерживался этой точки зрения. Той же точки зрения придерживался и Кольцов. И той же точки зрения — Мензбир, учитель Кольцова. Так что в московской школе зоологов это была старая точка зрения.

Там, в боровском институте, я познакомился со своим другом Христиан Христианычем. Как-то в один из приездов в Копенгаген сидим я и Дельбрюк, по-моему, за лабораторным чаем. Там каждый день в четыре часа все собираются в библиотеке — длинный стол, много

стульев — и совместно пьют чай с печеньем, сахаром и сливками. И каждый год есть чайный председатель. Вот в этот год был как раз заведующий биологией Винге чайным председателем. Ну, сидим, пьем, вдруг стук в дверь. Приоткрывается дверь, и какой-то длинный дяденька руку просовывает и что-то мигает Винге, а тот ему обратно мигает, и вот так рукой... Тогда тот входит, в гетрах, с хлыстиком, в таком верховом костюме, на цыпочках подходит. Винге знакомит меня, говорит: «Вот это наш русский гость Тимофеев-Ресовский. А это, — говорит, — наш король». Он, король-то, услышав, что я русский, сразу рядышком сел и заговорил «по-русскому». «Я, — говорит, — еще помню по-русскому. Ведь моя тетушка покойная — вдовствующая императрица* Мария Федоровна». И стал расспрашивать про Россию. Говорит: «Я сам Христиан, мой отец тоже был Христиан, значит я по-русскому Христиан Христианович». Потом развел компанию коммерческую, какие в Дании хорошие кожаные изделия и какие хорошие сейчас шерстяные изделия и галстуки: «Мы делаем сейчас не шелковые, а шерстяные галстуки очень хорошие. Неужто вы еще не купили?» Обращается к Бору и говорит: «Что же это вы его не сводили?» Надо делать, мол, пропаганду нашим изделиям, и всякая такая штука.

А он приходил очень часто в институт смотреть культуру дрожжей. Страсть любил мутации дрожжей, когда эти нашлепки на чашечках... У них были страшно разнообразные мутации, дававшие колонии и белые, и черные, и красные, и оранжевые, и желтые, и лиловые — всякие. Замечательно красивые мутации дрожжей. И он появлялся и спрашивал, нет ли новых мутаций каких-то — и страсть умилялся. Его копенгагенцы страшно любили и говорили: «У нас король глупый, но очень хороший». Ну, он не глупый, но простецкий такой был король. Да, настоящие скандинавские короли, они все очень демократичные были.

Он каждый день после обеда ездил верхом. В Копенгагене на всех улицах такие верховые дорожки — рядом с тротуаром верховая дорожка и велосипедная дорожка,

потому что там все на велосипедах ездят, а многие верхом катаются. И это было приятное такое зрелище для копенгагенцев: король, значит, гуляет верхом, со всеми раскланивается, и с ним все раскланиваются и шутками там перебрасываются — одним словом, очень популярный был человек. Ну вот, и науку очень любил тоже. И гордился, что нигде в мире не было такого человека, как Карлсберг, который завел самую большую пивоварню и подарил науке.

Копенгаген действительно славился кожаными перчатками дамскими... Я всегда Лёльке пару перчаток привозил... Ну, и тут купил эти перчатки, купил себе этих шерстяных галстуков. У меня, между прочим, по-моему, до сих пор жив один шерстяной галстук, купленный по рекомендации Христиана Христиановича. А Нильсушка Бор подарил мне два вот таких портсигара. Один я с 33-34 года таскаю, а другой сыну подарил, физику, нильсборовский портсигар. Я помню, в тот же приезд, через пару дней, идем мы с Дельбрюком по улице, и нас нагоняет какой-то верховой, а мы что-то друг с другом разговариваем, не обратили сперва внимание. Верховой соскакивает с лошади — оказывается наш друг Христиан Христианович. Нас узнал и... Тут я уж ему похвастался, говорю: «Вот видите, галстук шерстяной. А Бор мне подарил портсигар». Тогда он был еще новенький. Замечательное качество! Тридцать пять лет таскаю его. Он был вроде из замши. Все это пообтерлось, и он теперь как будто из блестящей кожи. Вот только один хвостик, за который можно было вытягивать эту задвижку, оторвался и потерялся, а так... Господи, не только наш, но и английский давно бы разлезся по всем швам. На век сделано. На совесть.

Так вот, Нильсушка Бор, Карлсбергский институт. Дело в том, что Бор в плане своих теоретических представлений заинтересовался некоторыми физическими аспектами жизненных явлений. Под его влиянием и ряд других крупных физиков-теоретиков заинтересовались кое-какими биологическими проблемами. А, как я уже говорил, Николай Константинович Кольцов, мой учи-

тель и замечательный русский экспериментальный зоолог, еще в начале века занялся интереснейшими экспериментальными работами и теоретическими рассуждениями о кое-каких физико-химических процессах, происходящих в живой клетке. В частности, с 16 года он развивал гипотетическое представление о физико-химическом строении хромосом, в которых сидят эти самые гены — наследственные факторы, составляющие в сумме всю наследственную информацию организма.

Тут надо сказать, что общий интерес к проблеме гена заключается вот в чем: гены, наследственные факторы, несомненно, самые занятные и самые существенные элементарные жизненные явления. Это те элементарные составные части, которые образуют то, что сейчас принято называть кодом наследственной информации, то есть они определяют то, что человеческие «бабели рожают ребенков», а кобылицы — жеребенков, а мадам рак — маленьких раков и т.д. И что свинья никогда не родит человека... Хотел сказать наоборот, но, к сожалению, люди часто свиней изрядных рожают. Одним словом, тот код, в котором заложена вся, так сказать, потенциальная структура любого организма будущего.

Особенно замечательна была работа Кольцова 27-28 годов, вышедшая и по-русски в виде доклада на одном из зоологических съездов, и по-немецки в «*Biologische Zentralblatt*» и ставшая известной повсеместно. Называлась эта работа в русском издании «Физико-химические основы морфологии»*. В ней была дана теоретическая схема физико-химической структуры хромосом. В начале 30-х годов Кольцов написал еще одну, тоже очень интересную теоретическую работу о физиологической работе генов, о том, как происходит первичное развитие организма под влиянием этого кода наследственной информации с точки зрения, в общем, физико-химических представлений.

В связи с этим я был совершенно готов, в отличие от многих зарубежных биологов, к непосредственному восприятию пробудившегося под влиянием Бора у теоретических физиков интереса к биологической проблемати-

ке. На этой основе и получился у нас с Нильсушкой Бором стык некий. Я и Мёллер сделали сообщение о наших представлениях о природе мутаций генов в боровском кругу в Копенгагене. Принимали мы с Дельбрюком участие в различных рассуждениях о значении современных физических гипотез и, так сказать, общих принципов в том, что происходит в живых организмах, в биологии.

Из всего этого к концу 30-х годов, к сожалению, довольно поздно, родилось еще одно «трепатологическое» предприятие. Тут нам помогли опять-таки те же рокфеллеровцы, «Европейское представительство Рокфеллеровского фонда». Боровский коллоквиум был в основном, конечно, физическим коллоквиумом. Там с конца 20-х годов и до самой войны строилась и развивалась современная теоретическая физика, современная физическая картина мира, релятивистская квантовая теория и т.д. Значит, у господ физиков было своих дел до черта. А нам, нескольким биологам, в основном генетикам, заинтересовавшимся этим промежуточным генетико-физическим уровнем рассуждений, было интересно, конечно, всю потреться, не ограничиваясь временем, не мешая физикам и чтобы физики нам не мешали. И мы, в основном Борис Самойлович Эфрусси, решили затеять нечто свое, в основном биологическое, но с привлечением биологически наиболее заинтересованных физиков, тоже интернациональное. В мировом масштабе! Чего там стесняться! Не в уездном же масштабе делать дела.

Борис Самойлович Эфрусси тоже был когда-то кольцовским учеником еще в университете Шанявского, потом попал за границу, жил в Париже, стал заместителем директора Института физико-химической биологии. Борис Самойлович — замечательный русский человек, биолог. Он одним из первых начал заниматься культурой ткани, потом перешел на генетику, работал в области мутационного процесса, теории генов, фенотипики и популяционной генетики, микроэволюции. Я его ввел в боровский круг, и когда мы решили свой треп организовать, то появилась у нас такая идея.

В Европе тогда стало все больше и больше пахнуть жареным, подготавливалась война. Политикой занимались всякие великие державы, политики всё были скверные, конечно, одни скверные так, другие сяк, самые скверные были в Германии да у нас... Но были в Европе и тихие, небольшие страны, та же Дания, скандинавские страны, Бельгия, Голландия. Завоевывать им было некогда, но вместе с тем они очень не хотели быть завоеванными... Но пока у них было мирно-тихо, жили как-то даже без полиции почти что. Полиция была незаметна, регулировала движение на улицах и ловила жуликов, когда жулики крали что-нибудь. И выросла у нас такая идея, очень поддержанная Бором: в Дании, Голландии и Бельгии, в трех маленьких странах, собираться раз-два в год, как Бор в Копенгагене. Кому-то, чуть ли не Борису Самойловичу Эфрусси, первому пришла субгениальная идея: собираться на самом шикарном дорогом курорте вне сезона, когда курорт пустой и в самом лучшем отеле почти задарма можно поселиться.

Затруднение было в том, что среди физиков теоретические физики самые, конечно, бедные, потому что они ничего не изобретают, денег ниоткуда не зарабатывают, красть им негде и нечего. А мы, генетики, люди тоже, в общем, теоретические и нищие среди всяких других. Но все-таки люди уже взрослые, семейные: дом, жена, дети. Так что нам разъезжать-то вроде как бы трудновато. И помог нам Рокфеллеровский фонд, помните, я о них уже рассказывал. Поговорили мы в Париже с представителями фонда, и они сказали: «С удовольствием. Сколько нужно — пожалуйста!» В Германии уже валютные всякие трудности начались. Правда, в Германии можно было в любую страну билет купить, но разрешалось уже только десять марок вывозить. Поэтому рокфеллеровские эти деньги на Эфрусси в Париже выписывались. А он нам всем посылал на проезд, кому сколько надо.

Оказалось действительно так, как Эфрусси и предполагал: за гроши можно было на недельку снять почти пустой отель. Нас, предполагалось, будет от пятнадцати

до двадцати человек. Так и было. В среднем семнадцать-восемнадцать человек собиралось. Из всех европейских стран. Ну, не из всех — из многих. В Бельгии — в Спа, в Голландии — где-то около Эйнховена нашли хороший курорт, в Дании — в Клантенберге, недалеко от Копенгагена, на берегу морском. Собирались физики, физико-химики, даже один биохимик настоящий. Биохимиков ведь очень мало на свете. Те, кто у нас называются биохимиками, это средней руки органические аналитики, и никакого отношения к биохимии они не имеют. Мы как-то с Циммером написали, что, к сожалению, биофизикой называют все те случаи, когда медики и биологи работают со слишком сложной для себя аппаратурой. На самом деле биофизика — это стык элементарных биологических структур и явлений с физико-математической интерпретацией этих структур и явлений. А биохимия — это теоретическая физико-химия биологически активных макромолекул. Давно еще кто-то из хороших немецких химиков сказал: «Биохимией, к сожалению, часто называют те случаи, когда скверные химики делают грязные и плохие работы на малоподходящем для химии материале». Так это не биохимия!

Так вот. Приезжал к нам из Англии замечательный цитолог Дарлингтон*. Затем обыкновенно кто-либо — либо Чэдвик, либо Блэккетт — крупные атомные физики, старшие ученики Резерфорда. Затем Ли — такой совершенно замечательный тоже резерфордовский ученик, биофизик, настоящий биофизик. Затем Холдейн*. Из Франции — замечательный теоретический и космический физик Пьер Оже и Франсуа Перрен, теоретический физик, очень крупный, сын знаменитого Жана Перрена, который перреновские частицы открыл. Затем Рабкин — настоящий биохимик, замечательный человек, очень милый, просто душа! Конечно, сам Борис Самойлович Эфрусси, французский русский. Из Италии Адриано Буццати-Траверсо*, мой ученик такой. Он вот на днях был в Москве, мы с ним тридцать четыре года не виделись и увидались теперь. Он какой-то теперь крупный деятель при ЮНЕСКО.

Половину жизни в Париже проводит, половину — в Риме.

Из Италии еще Амальди был, замечательный теоретический физик. Затем из Швеции Касперсон* совершенно замечательный человек, экспериментальный цитолог; Густафссон, ботанический генетик*, цитолог и селекционер. Из Германии был такой замечательный цитолог Ванечка Баур, Ханс Баур, мой друг, и Ханс Штуббе*, тоже мой друг, ботаник и генетик, селекционер. Затем Циммер, мой физик. Дельбрюк уже смотался в Америку. Да, из Англии был еще Астбэри, замечательный физик. И все у нас очень хорошо прошло. Побывали мы и на датских, и на голландских, и на бельгийских курортах, очень приятных и шикарных, действительно почти совершенно пустых, практически в полном нашем распоряжении. К сожалению, поздно мы до этого додумались: все прекратилось в 39 году. Война. Ведь не забывайте: европейская война в 39-м, а не в 41-м началась, на два года раньше.

Очень хорошо все у нас сработало. Наши коллоквиумы мы организовали так же, как я все свои кружки и коллоквиумы организовывал. На каждое собрание назначался провокатор, задачей которого было провоцировать дискуссию. Он обыкновенно не докладывал чего-нибудь длинного, а формулировал какую-нибудь проблему в афористическом и немножко юмористическом смысле и тоне, чтобы было посмешнее да позабористей и провоцировало дискуссию. Основное правило — никакой звериной серьезности. Для серьезного развития серьезных наук нет ничего пагубнее звериной серьезности. Нужен юмор и некоторая издевка над собой и над науками. Тогда все будет процветать.

Вот, кстати, одна известная история с Бором. Както, совершенно самостоятельно, из Мюнхена приехал к Бору на один из трепов молодой, якобы подающий надежды немецкий теоретический физик, приват-доцент и очень серьезный молодой человек. Все были удивлены, что он явился без приглашения, и назвали его правильно наглым немцем. Он все отсидел и пришел в полный ужас. А боровские коллоквиумы — они веселые. Особен-

ный мастер по тихой издевке — Дирак. Шредингер тоже мог запустить очень злую издевку. Издевались часто над самим Бором, и Бор тоже умел издеваться, ежели нужно, неплохо. Вообще хохм разных там было полно. Вот немец после этого коллоквиума подошел к Бору, когда все гуляли в институтском парке, и говорит: «Герр профессор, все это очень интересно, конечно, но я в ужасе: ведь у вас совершенно несерьезный тон. Издевались даже над вами, герр профессор. Что же это такое?!» На что Бор ответил: «А знаете, коллега, вы, наверное, это не ощущаете еще, но ведь у нас в физике сейчас происходят такие замечательные, интересные и важные вещи, что остается только гаерничать». Вот и у нас тоже процветал такой гаернический дух. Из этих трепов курортных очень много интересного родилось и за границей, так сказать. Это дало такие ростки всюду.

«Зеленая тетрадь»

В прошлый раз я постарался рассказать, как мы вошли в очень интересный круг людей, в основном физиков, отчасти физикохимиков, создававших тогда новую физическую картину мира и новую теоретическую физику. Тогда как раз, с конца 20-х годов, развивалась, в основном в боровском круге в Копенгагене, квантовая теория и объединение квантовой теории с теорией относительности, с общим принципом относительности. В 30-е годы стала интенсивно развиваться совершенно новая атомная, а потом ядерная физика экспериментально: были открыты, получили широкое распространение нейтроны, стали появляться новые и новые элементарные частицы. Одним словом, началась чрезвычайно оживленная эпоха в развитии физики.

Часто считают сейчас послевоенное время замечательным в развитии физики. Я с этим не очень согласен. Сейчас, собственно, развитие физического прикладничества. Сейчас переводятся на практику, так сказать,

различные достижения физики конца 20-х и 30-х годов, вплоть до начала 40-х. Тогда было, действительно, замечательное, интереснейшее время. Сейчас все это переводится в машинерию.

Целую эру мы пережили атомной физики. Что хорошего от нее осталось — пока еще рано говорить, потому что, ну, несколько там этих атомных электростанций да атомная станция по опреснению морской воды — это все пустячки, в конце концов. А ужасных вещей очень много, конечно: атомные бомбы, ядерные бомбы, водородные бомбы, которые частью экспериментально взрывались и испоганили довольно изрядно биосферу Земли. Теперь не взрываются больше, во всяком случае так видимо и ощутимо.

Потом началась космическая, или «косметическая», эра, в которой мы и сейчас пребываем. Тут научно еще меньше нового и неожиданного происходит пока. А к чему она приведет интересному — пока тоже трудно знать. Пожалуй, самое интересное, что, так сказать, вот эта «косметика» принесла с собой, — это американские и наши длительные, но довольно скучные экспериментики на этих орбитальных станциях, где сидели, значит, какие-то ожидающие повышения своих земных благ джентльмены до двух месяцев и больше и занимались разведением вошек и блошек. Ничего сверхъестественно интересного при этом обнаружено не было. К сожалению, и у американцев, и у наших почти не проводилось планомерных экспериментов, а, в общем, так, что придется делали, главным образом. И это опять-таки нельзя сравнивать с действительно великими научными делами, которые происходили в 20–30-е годы нашего века. Так что мне и моей группе, группе друзей, сотрудников, учеников, очень посчастливилось, что нам с конца 20-х и особенно в 30-е годы удалось, так сказать, попасть в науку как раз в самый интересный пока, пожалуй, в XX веке период развития естествознания.

Я очень надеюсь, что, во-первых, на философии так называемой и, во-вторых, на целом ряде гуманитарных дисциплин вот этот новый расцвет естествознания

XX века еще отзовется плодотворно. Несомненно, ряду гуманитарных дисциплин придется перестраиваться на новый манер для того, чтобы не оказаться совсем никому не нужными. Но я думаю, что это произойдет не так быстро, как происходили новые перестройки физической картины мира в естествознании. А более постепенно, по мере того, как целый ряд общеметодологических, а отчасти и философских принципов из современного естествознания, не физики, не биологии, а всего естествознания в целом, будут помаленьку сперва популяризироваться в достаточной мере, чтоб быть удобоваримыми и понятными неестественникам, нематематикам, а затем помаленьку проникать в круги вне пределов естествознания и математики. Тогда, возможно, начнется такой новый интенсивный, интересный период в развитии гуманитарных научных дисциплин у нас на Земле. Возможно. Но это все в будущем, Бог его знает. Пророчить никогда не следует, потому что можно попасть пальцем в небо, что чаще всего и происходит.

Сейчас, пожалуй, я перейду уже к собственным делам.

Одно из трех направлений, по которым развивалась работа в моем отделе в Бухе — это, как я уже говорил, количественное изучение мутационного процесса. А в связи с изучением мутационного процесса попытка создать себе хотя бы самые общие представления о природе генов. Если что-то толковое разузнать о том, как что-то нам неизвестное меняется, то тем самым уже кое-что узнаем об этом неизвестном. Значит, обнаружив кое-какие закономерности в мутационном процессе, можно было высказать уже ряд положений о природе самих генов, изменениями которых являются мутации. Вот та основная идея, которая лежала в основе совместных рассуждений, рассуждений генетиков, биологов, настоящих биохимиков и, главное, физиков-теоретиков.

Я упоминал уже о том, что в моем отделе в Бухе это направление родилось не в виде пузыря на болоте, а явилось логическим развитием одного из направлений, созданных еще в начале века Николаем Константиновичем Кольцовым, моим учителем. Я говорил, что он постарал-

ся на основании своих экспериментальных цитологических исследований по изучению влияния определенных физико-химических условий на форму, структуру и движение клеток, а также на основании общих рассуждений о наследственных элементарных факторах, о генах, постарался создать для себя своего рода теоретическую модель того, что представляют собой с физико-химической точки зрения хромосомы и гены, которые расположены линейно, как в то время уже было известно, в этих самых хромосомах.

Мы исходили из кольцовских представлений о том, что все-таки хромосомы должны быть, по определению, чрезвычайно константными, стойкими образованиями, определяющими всю жизнь и особенности клеток и любых совокупностей клеток, то есть тогда уже было ясно, что хромосомы являются основой того, что мы сейчас называем кодом наследственной информации. Кольцов представлял себе поэтому хромосомы в качестве структурных физико-химических образований, гигантских мицелл, вероятнее всего, гигантских молекул каких-то, более или менее автономными частями, структурными подразделениями которых являются гены, линейно расположенные в этих длинных гигантских хромосомах.

Занявшись получением мутаций экспериментально, путем облучения мух дрозофил рентгеновскими лучами, гамма-лучами и другими различными ионизирующими излучениями, мы — я в сотрудничестве с физиками, как теоретиками типа Макса Дельбрюка, так и экспериментальными радиационными физиками вроде моего сотрудника Циммера, и рядом молодых людей, принимавших участие в этой общей, очень большой по размаху и количеству обрабатываемого материала работе, — мы попытались проделать следующее. Варьируя условия облучения, получить такие результаты, из сравнения коих можно было бы умозаключить, какие, в самой общей форме, процессы лежат в основе возникновения мутаций, а значит, что такое мутации. Из физики точно известно, что ионизирующие излучения могут, чего не могут делать, и ежели варьировать их параметры, дозы, же-

сткость, то что должно воспоследовать из действия этих ионизирующих излучений. Поэтому в течение ряда лет, пока других путей и возможностей не было, мы сконцентрировали свою работу в этом направлении.

Была проделана большая работа. Как раз в те годы, лет так, вероятно, за десять, пятнадцать, я изучил, в общем, пару миллионов мух и набрал довольно большой материал по прямым и обратным мутациям. Одним из важных, что ли, критериев структуры гена, в самой общей форме, то есть мультимолекулярна ли она или мономолекулярна, является возможность одним и тем же способом, скажем, одним и тем же рентгеновским облучением вызывать мутацию какого-либо гена и его обратную мутацию — из этого мутантного состояния обратно в исходное. Это вещь очень простая. Мы с Мёллером когда-то в каком-то докладе выразились так... кто выдумал, черт его знает, Мёллер или я... Вероятнее, что Мёллер, я был все-таки его моложе и иногда стеснялся так трепануть что-нибудь, а он уже не стеснялся... Так вот, картинно это обозначено таким образом: если бы мутация была просто количественным повреждением гена, ну, кусок гена отбит, то, конечно, нельзя было бы одним и тем же рентгеновским облучением вызвать и прямые и обратные мутации. Так же, как нельзя кулаком разбить окно и чтобы таким же ударом кулака оно опять вскочило на место.

Из сравнения действий разных доз одинаковых лучей и одной и той же дозы разных по жесткости ионизирующих излучений можно опять-таки выяснить довольно точно, является ли тот эффект, который мы наблюдаем, мономолекулярным или мультимолекулярным изменением. Картина получалась, опять-таки, в пользу мономолекулярных изменений. Поэтому к середине 30-х годов мы пришли к некой гипотезе, что мутации, вызываемые облучением, представляют собой, в основном, относительно простые мономолекулярные реакции. А из этого логически следует, что гены сами должны быть своего рода, ежели хотите, простыми физико-химическими единицами.

При этом они, конечно, могут быть очень сложными. Простота и сложность — понятия такие довольно неопределенные. «Простые» я в данном случае говорю в том смысле, что они не состоят из комбинаций разных молекул, образующих какое-то вещество сложное: смазь какую-то, деготь, или сливочное масло, или еще что-нибудь. А являются физико-химическими структурными единицами, по-видимому, гигантскими молекулами, или мицеллами, или частями, более или менее автономными, какой-то очень крупной мицеллы, образующей целую хромосому, которую видно в микроскопы. Вот. В общем, складывалась довольно простая картина — простая в том смысле, что она легко поддавалась дальнейшему изучению.

Первая коротенькая сводочка была мною напечатана в 29 году, вторая, значительно более толстая, в 31 году, еще более толстая в 34 году в «Кембриджских философических бюллетенях». А в 35 году мы втроем — я, Циммер и Дельбрюк — в так называемых «Гёттингенских похоронах по первому разряду»... в Гёттингене была знаменитая (и есть до сих пор) Гёттингенская академия естествоиспытательная, которая называется не Akademie, а Göttingen Gesellschaft die Wissenschaft, или иногда, когда им скучно делается, они меняют название на Gesellschaft die Wissenschaft zum Göttingen. Оно издает, это Gesellschaft, такие зеленые тетрадочки, в которых печатаются более или менее длинные, подробные доклады, которые делались в этом самом обществе. Вот мы, все втроем, были приглашены президиумом этого общества сделать доклад, и напечатана была такая зеленая книжечка*. Она до сих пор носит название классической из уважения к нашей точке зрения на механизм мутаций.

Уже потом, после конца войны, было ясно показано, что хромосомы, а следовательно, и сидящие в них гены являются нуклеопротеидами. И тогда целая армия биохимиков, среди которых были и настоящие биохимики, но очень много просто органиков-аналитиков, и некоторое количество физиков бросились на анализ и выяснение структуры тех нуклеопротеидных образований, которые образуют основу хромосом, а, следовательно, и ген.

Довольно быстро развивалось дело. Причем главная мыслительная работа была проделана в Англии физиком Криком*, а главная, так сказать, химическая работа была проделана в Америке. В Америке ведь скопился к концу 40-х годов и в 50-е годы весь цвет европейской науки: подрапали, кто мог, еще во время войны, многие после войны. Поэтому начала процветать американская наука, процветает якобы и до сих пор. Ну, собственно, процветают сейчас-то уже остатки большой европейской науки.

Во второй половине 30-х годов переселился в Америку и мой друг и сотрудник Макс Дельбрюк, по происхождению, я вам уже говорил, теоретический физик, а мною был переманен в биологию. Целый ряд американских цитологов и европейских цитологов и биохимиков, обосновавшихся в Америке, попали под его теоретическое влияние, и образовалась такая международная группа. В основе ее в 50-е годы стали три человека — англичанин Крик, американец Уотсон* и русский физик Гамов* — сокращенно мы называли их «крик и гам». Потом группа эта росла, росла, начались, значит, действительно замечательные анализы химиков, анализы реальные, анализы структур макромолекул. Сейчас идет с помощью Нобелевских премий эта великолепная, в сущности, органическая аналитика, анализ структур гигантских белковых молекул и нуклеиновых кислот.

Есть все основания полагать, что в предвидимом будущем действительно с достаточной точностью будет выяснена физико-химическая структура кода наследственной информации. Сейчас, конечно, до этого еще далеко. И только аспиранты полагают, что вот уже совершенно построена молекулярная генетика. Молекулярной генетики, в сущности, еще нет. Мои же непосредственные научные, и в особенности экспериментальные, отношения с этой частью генетики, с изучением мутационного процесса, общих принципов структуры генов и хромосом, мои отношения с этим направлением, так сказать, закончены. Я лично с 40-х годов больше этим не занимаюсь. Правда, меня многие, особенно там вот, за рубежом, считают

чем-то вроде деда этого направления. Потому что новая, послевоенная редакция его была запущена Дельбрюком, а Дельбрюку соответствующую вещь я заправил в мозги в 30-е годы. Вот с этого, в сущности, пошло все, с этой самой нашей классической так называемой «зеленой тетрадки» Гёттингенского общества наук. Ну и пусть, значит, дальше развивается на доброе здоровье.

Мутации и популяции

Вторая большая проблема, которой мы теперь займемся, — это проблема микроэволюции или стыка современной генетики с классическим дарвиновским эволюционным учением. Я уже в самом начале своих разговоров упоминал, что еще в Москве Сергей Сергеевич и мы, вот весь кружок четвериковский, в свое время и Николай Константинович Кольцов, заинтересовались вопросом о том, что пора бы классическим эволюционистам, биологам, ботаникам и зоологам немножко сомкнуться с мощно развившейся в течение четверти века после вторичного открытия так называемых законов Менделя в 1900-1901 годах экспериментальной новой генетикой. И создать фундамент и основу для развития оживленного и обновленного направления и процветания новой, так сказать, редакции эволюционного учения.

Эволюционное учение, конечно, должно остаться старое. Пока не предвидится в ближайшее время открытия какого-то второго общего закона природы, биологического, наряду с принципом естественного отбора Дарвина. Принцип естественного отбора — это единственный из очень немногих общих законов природы, открытых до сих пор человечеством в естествознании. Он соразмерен, скажем, с принципом всемирного тяготения Ньютона. Это тоже общий естественно-исторический принцип, лежащий в основе, собственно, механизмов всех природных явлений в окружающем нас реальном внешнем мире. А принцип естественного отбора — это

всеобщий принцип, лежащий в основе судьбы и механизмов существования всех конварьянтно редулицирующихся структур в окружающем нас мире.

Этот термин — конварьянтная редулицикация — мы, наша группа, ввели еще в конце 20-х годов и в 30-х годах в особенности.

Наблюдения издавна, спокон веков показывали людям, что наследуется все на свете: от бородавки на левой ноздре, которая никому не мешает и никому не интересна, до существеннейших, смертельных наследственных болезней и уродств. Наследуются не только типы характеров, типы высшей нервной деятельности, но и типы наследственных заболеваний, иногда очень тяжелых, иногда смертельных. Одним словом, наследоваться может, повторяю, все. Это обстоятельство мы и называем в целом конварьянтной редулицикацией. Организму свойственна не только редулицикация, постоянное самовоспроизведение, но конварьянтная, включающая возникшую варьяцию.

Но на нашей планете этого еще недостаточно. Мы знаем, что жизнь на нашей планете представлена бесчисленными дискретными квантированными единицами — индивидами. Эти индивиды образуют группы организмов, сходных между собой и не сходных с другими группами. Всюду в жизни на нашей планете происходит две вещи: вот это идентичное самовоспроизведение и проявление наследственной изменчивости. Наследственной в том смысле, что каким-то образом (будем пока считать, что не знаем как, — мало ли чего мы не знаем) возникают изменения, и эти изменения далее воспроизводятся. Что и является основой появления и существования в нашем мире наследственной изменчивости.

Мы все знаем также, что существует целый ряд ненаследственных изменений — изменчивость, возникающая под действием отдельных факторов среды. Ежели человеку очень сильно дать в морду, и он окосеет от этого, то эта его косость не наследуется. Но бывает косость и наследственная, без всякого «ударяния» по личности. Так вот. Конварьянтная редулицикация — основной признак

живого вещества, в отличие от косного, на нашей планете. И, по-видимому, это можно обобщить на Вселенную. То есть всюду во Вселенной, где имеется жизнь, она подходит под то минимальное, но строгое определение, которое мы даем ей на основании известной нам пока лишь жизни нашей планеты: наличие дискретных, квантованных, индивидов, живых существ, обладающих способностью идентичного самовоспроизведения в форме конварьянтной редупликации.

Результатом является у нас на планете вот этот удивительный, замечательный эволюционный процесс, то обстоятельство, что жизнь на нашей планете необычайно богата и пестра. Вскоре я буду иметь честь заверить вас, что столь же удивительно, как однотонна и неразнообразна жизнь на нашей планете. И то и другое верно. С одной стороны, можно удивляться роскоши и разнообразию форм и проявлений земной жизни; с другой стороны, с таким же, ежели не большим, правом можно удивляться, сколь схематично однообразно построена вся жизнь на Земле, начиная от вирусов и кончая человеком.

Всем нам, москвичам во главе с Кольцовым, кольцовской школе — Кольцову, Четверикову, Ромашову и мне, еще, может быть, нескольким человекам — пришло в самом начале 20-х годов в голову то, что совершенно независимо от нас, а нам независимо от них, пришло в голову и нескольким англичанам. Вообще развитие современных представлений в области эволюционного учения параллельно шло в основном у англичан и у нас. Остальные несущественны. Ну, немцы — всегда немцы. Недаром англичане говорят: «Никогда не делай того, что все равно сделают немцы». Это мудрое английское правило. Ну, а французы тонконогие, как известно, — что с них особенно спрашивать. Буржуазные революции — это их специальность...

Как известно, повседневная научная работа — это самое скучное занятие, которое настоящий нормальный, здоровый, средний человек может себе придумать. И вот этим не следует, по мнению англичан и по моему скром-

ному мнению, заниматься. Чем угодно заниматься можно, только не этим, потому что это все равно сделают немцы. Все дырочки в энциклопедиях и в Handbuch'ах заполнят со временем. То, что не изучено, будет изучено. Что делается с вашим мнением касательно такого-то вопроса, ежели вам долго чесать левое ухо, например. Что-то делается, конечно, не сможет бесследно пройти длительное чесание левого уха. Но я бы не сказал, что стоит посвящать много времени изучению этого вопроса.

Дарвиновская теория эволюции — это единственная теория, была и до сих пор остается единственной теорией в большом-то масштабе. Дарвин открыл и сформулировал точно принцип естественного отбора в живой природе. Его книжка «О происхождении видов путем естественного отбора» получила необычайно быстрое распространение и, так сказать, внедрение во все биологические науки. Вряд ли другое какое-нибудь естественно-историческое открытие, изобретение или появление и описание нового принципа или нового какого-то круга объектов или вещей внешнего мира пользовалось таким быстрым распространением и, в общем и целом, признанием, как дарвиновский принцип.

Ну, как известно, любят писать о драматическом, трагическом и другом периоде, продолжавшемся чуть ли не полстолетия, преследования дарвинизма. При этом почему-то не цитируют зулусов, а цитируют американцев: в каких-то штатах у них обезьяньи законы и т.д. Ну, у зулусов тоже, наверное, свои законы. Зачем же дикие совершенно, некультурные народы привлекать к таким научным дискуссиям. Господи! Зулусы, американцы — примерно один и тот же уровень развития общества! Ну вот. Я-то к чему это веду? Не следует нам, людям XX века, верить в серьезность всех этих антидарвинистических явлений, которые описывались в тогдашней журналистике и литературе. Это все было односторонне и основано на неинтересных вещах, на так называемых общественных откликах на науки. А общественные отклики на науки всегда бывают более или менее глупы, более или менее неинтересны и затихают в свое время,

не оставляя даже мокрую лужу по себе. То же самое было и с этим антидарвинизмом, за одним исключением уже внутрибиологического свойства.

Дело в том, что произошла очень замечательная вещь. Генетика в биологии как в науке академической, так сказать, в официальной науке, а не прикладном растениеводстве, не развивалась до этого удивительного открытия заново менделевских правил в 1900-1901 году. А эволюционное учение развивалось, конечно, по мере своих сил. Но произошла удивительная опять-таки вещь: хотя всем было ясно, а Дарвином было ясно сформулировано, что материалом для эволюционного процесса, естественно, служит наследственная изменчивость, свойственная всем живым организмам, этой наследственной изменчивостью — основой всякого эволюционного процесса — господа биологи во всем мире так и не раскачались заняться. Трепались теоретически, с высоты кафедр, ругали друг друга неприлично, даже печатно, писали друг против друга не только книжки, работы, но и памфлеты. Уж ученому опуститься до памфлета — это ужас! И выдумывали всякие дурацкие теории о механизмах эволюции, не имея представления никакого о механизме естественно происходящей в природе эволюции. Изменчивость — это еще не эволюция. Ведь для того, чтобы какая-нибудь эволюция произошла, должна в ее основе лежать не просто изменчивость, а наследственная изменчивость.

И вот в XX веке стала с огромной быстротой развиваться и формироваться современная генетика, экспериментальная... Быстрота развития ее была совершенно фантастической: к 10 году она охватила уже сотни исследователей, пару сотен лабораторий почти во всех культурных странах мира, включая Россию. Причем охвачены были уже сотни объектов ботанических и зоологических экспериментальными исследованиями, была доказана «всюдность», как любил выражаться Вернадский, и «всеобщность» менделевских правил расщепления. Что это не случайно на каком-нибудь горохе, или бобах, или на ночной красавице происходит, а буквально у всех организмов.

Казалось бы, чего лучше. Но, несмотря на то, что число генетиков росло в геометрической прогрессии буквально (в начале века было полдюжины генетиков, а к середине 20-х годов в мире их уже полтысячи стало), у генетиков было так много своего экспериментального дела, что им было не до контактов с эволюционистами. А эволюционисты — это были профессора, заведовали кафедрами, под ними были доценты, а под ними приват-доценты, а еще ниже ассистенты. И эти все чиновные биологи-то презрительно относились к какой-то новой науке генетике. Что-то подозрительное. Поэтому никакого воссоединения науки генетики как учения о наследственной изменчивости, и вообще о наследственности и изменчивости, и основного стержня всей биологии — эволюционного учения — и не происходило. Эволюционисты были безграмотными во всех экспериментальных современных направлениях в биологии. А генетики вполне грамотными, потому что тогда не было генетиков профессиональных, а генетиками становились либо зоологи, либо ботаники — образованные биологи. Биологом ведь надо родиться. Так же, как и музыкантом, поэтом...

Еще в Москве, в кольцовском институте, вместе с Сергеем Сергеевичем Четвериковым, я об этом уже говорил, еще до того, как начали заниматься экспериментальной генетикой, мы заинтересовались рядом эволюционных проблем в современном аспекте, в аспекте XX, а не XIX века. Сергей Сергеевич Четвериков сам был зоолог-систематик, знаток бабочек в основном, эволюционист, ученик Мензбира, Кольцова и биометрик. И мы начали, в сущности, заниматься такими вещами: достаточно точным количественным изучением возможно большего числа признаков в различных популяциях различных живых организмов, как животных, так и растительных. Для этого мы стали думать, что же такое популяции.

Дело в том, что сейчас вопрос этот опять у нас путают терминологически малограмотные биологи. И совершенно зря. Точно разбираться в этом деле нужно, на-

пример, англичанам, у которых в английском языке слово *population* означает то же самое, что в русском языке слово «население». *Population of Great Britain* — население Англии. Население России, население Москвы, население Калужской области. «Популяция» — не русское слово, но у нас, к сожалению, господа ученые, биологи и антропологи, называют сейчас популяцией любое население, что совершенно неправильно. Но русский язык — литературный и научный — в этом отношении очень счастливый язык. Он имеет возможность легко, просто и удобно пользоваться устоявшимися в ряде иностранных языков научными терминами, частично совпадающими в этих иностранных языках с бытовым современным языком и словарем. И слово «популяция», иностранное слово, целесообразно вот таким образом в эволюционной биологии в виде термина и использовать. Дать ему строгую формулировку, определить, что мы хотим называть популяцией в отличие от просто населения.

Еще тогда в Москве в 20-е годы мы начали ломать себе голову, как точно сформулировать понятие «популяция». Сейчас люди, кончающие университет: «кто ты?» — «генетик» или «цитолог». В наше время таких не было, а были зоологи или ботаники, которые потом на животных или на растениях могли заниматься физиологией, цитологией или генетикой, чем хотели. Мы были в этом смысле все настоящие биологи, то есть знали живые формы, знали живое население нашей планеты. И мы начали размышлять. И вот почему. Ежели размышлять толково, не просто так, об эволюции, то совершенно ясно делается очень скоро, что эволюция, происхождение одних форм от других, или иначе — расщепление одной формы минимум на две, должна иметь начало где-то. Где-то все это должно начинаться. Это из торричеллиевой пустоты не рождается.

Совершенно ясно для каждого биолога, вообще естествознателя, что происходит это не с помощью Святого Духа в массовом масштабе. Вот жила-была береза и потом распалась на два вида берез. Этого не бывает, потому что Господь создал людей с мозгами и приказал:

«Живите теперь во грехах, зарабатывайте хлеб насущный, трудитесь и все прочее, и выдумывайте сами себе все, что надобно». Так же, как я всем своим аспирантам говорю с самого начала: «Имейте в виду, что в последний раз 19...42 года тому назад Святой Дух* обучил двенадцать апостолов сразу всем языкам. Снизошел на них, и они заговорили. Так? Сейчас этого не бывает. Хотите „аглицкий“ язык одолеть — так вот учите его».

Так вот и в науках никогда нельзя забывать, что Господь Бог нам не помогает заниматься науками. А придется думать самим. И вот поэтому приходится думать, где, как сформулировать достаточно точно и строго начало эволюционного процесса, где он происходит и как он происходит. И так как мы были грамотными биологами, то знали, что поверхность нашей планеты биологически не является «вселенской смазью», что жизнь не размазана по лику Земли, а что лик Земли населен живыми организмами, типичнейшая черта коих — дискретность. Жизнь с самых азов, с самых ничтожных своих молекулярных основ и до покрытия ею, жизнью, лика Земли дискретна. Понятие дискретности здесь противоположно понятию непрерывности. Дискретный в общей форме значит прерывчатый. Но дискретность в русском литературном языке не вполне совпадает с понятием прерывчатость. Прерывчатость касается в большей мере процессов, а не структур. Прерывчатые не вещи, а что-то происходящее. Оно может непрерывно происходить, а может прерывчато. Дискретность же связана с вещами.

Большинство биологов, как и гуманитариев, крайне непривычно, наверное, из-за гуманитарного среднего образования, непривычно к строгому мышлению. А, так сказать, размышляли, как размышляется. И поэтому, в сущности, до XX века, вернее, до 20-х годов XX века, в биологии как-то проглядели основное: вот всю эту, с начала до конца, до биосферы Земли, дискретность жизни, дискретность живых организмов и их распространения, строения, функционирования, чего угодно. И вот когда начали биологи на эти темы думать, то увидели, что нету на Земле ни одного вида живых организмов — микроорганизмов, рас-

тений или животных,— равномерно распространенного в пределах своего ареала. У каждого вида есть какой-то ареал — регион, в котором он распространен. Иногда очень большой, иногда очень маленький, иногда очень занятый, разорванный, прерывистый.

Значит, во-первых, все организмы дискретны в том смысле, что они разбиты на различные систематические категории: на типы, классы, отряды, семейства, роды и виды. Затем каждый из видов имеет какое-то дискретное распространение, обитает в пределах своего ареала. Этот ареал не вечен и не неподвижен, во времени и пространстве он может меняться. Некоторые ареалы меняются на наших глазах. В пределах своего ареала ни один вид опять-таки не населяет территорию равномерно. Он живет, любой вид, ну, примерно так же, как и люди живут. Люди живут в городах, в поселках, в деревнях, изредка есть регионы, где люди живут хуторским способом, поодиночке. Но это, в общем, более редкий случай. Не так крайне, как у людей, но структура населения каждого вида животных и растений на поверхности нашей планеты, в общем, такого же типа — то густо, то пусто. Значит, все виды разбиты на популяции. А популяцией мы называем некоторое сообщество индивидов определенного вида, достаточно большое (что такое «достаточно», я еще скажу), занимающее определенную территорию, внутри которой осуществляется та или иная степень панмиксии — случайного свободного скрещивания и перемешивания,— и отделенное той или иной формой и степенью изоляции от любых таких же соседних популяций.

Вот такие популяции и являются элементарными эволюционными структурами. И в них должны происходить элементарные эволюционные явления. А вот элементарные эволюционные явления, происходящие в элементарных эволюционных структурах, и являются тем стартовым механизмом, который запускает грандиозную земную эволюцию. Это, собственно, и есть достижение XX века, в котором мы принимали посильное участие. Вот, а теперь я хочу вернуться на первое.

Как я уже говорил, экспрессными темпами, с невероятной и небывалой в истории науки быстротой развивалось все глубже и глубже учение о наследственной изменчивости, о появлении мутаций, наследственных изменений, о их наследовании, о связи наследственных признаков с хромосомами клеточных ядер и т.д. Развивались генетика и цитогенетика. Начали появляться попытки увязать генетические представления с развивающейся внутриклеточной биохимией и биофизикой. Я хочу сказать, что некоторое пренебрежение соседними общебиологическими представлениями, в частности эволюционным учением, со стороны генетиков понятно и почти извинительно. Почти — потому что все-таки оглядываться вокруг всегда полезно, даже когда работаешь интенсивнейше в каком-нибудь новом направлении.

Но совершенно непростительно то, что классики — зоологи и ботаники, дарвинисты, представители эволюционной биологии — совершенно проглядели развитие новой науки генетики. Как я уже опять-таки говорил, никакая эволюция невозможна без знания о материале эволюции. А материалом эволюции, естественно, может быть только наследственная изменчивость. Значит, генетика, специально занимающаяся наследственной изменчивостью и наследованием элементарных наследственных изменений, должна теснейшим образом быть связана с эволюционным учением. Но так или иначе почти до сих пор, почти до конца нашего столетия, во всяком случае до середины нашего столетия, было большое число классических представителей ботаники и зоологии, имевших лишь очень отдаленное представление о генетике, но тем не менее считавших себя вправе равноправно с людьми, знающими генетику, рассуждать на эволюционные темы. Сейчас все-таки, можно считать, этот барьер преодолен. Кроме отдельных чудаков и людей малограмотных, в общем все биологи, интересующиеся и занимающиеся эволюцией живых организмов, знают, изучают и иногда работают экспериментально в области генетики животных или растений.

Как же все это началось? 23 ноября 1976 года на объединенном заседании МОИПа и Московского отделения Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Вавилова в Москве я читал доклад в память моего учителя и друга покойного Сергея Сергеевича Четверикова по случаю пятидесятилетия выхода в свет его замечательной работы* «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики». Эта работа действительно замечательна. То, что она является классической работой, сформулировавшей новую теорию в области стыка генетики и эволюционного учения, доказывается хотя бы тем, что в последнее десятилетие эта работа не только дважды перепечатывалась у нас, но переведена на английский язык и напечатана как в Америке, так и в Англии, и в самые последние годы переведена на французский язык и напечатана в Швейцарии. Следовательно, через сорок с лишним лет после появления она стала, в кавычках выражаясь, модной. Она была оценена не только у нас, но и за границей как важный этап формирования современного эволюционного учения. Поэтому и своего рода празднование у нас пятидесятилетия появления этой работы надо считать вполне оправданным.

В докладе мною указывалось, что Сергей Сергеевич путем логического анализа или, как сейчас принято выражаться, путем системного анализа пришел к своего рода теоретической схеме протекания первых этапов эволюционного процесса. Это одна сторона была работы. Вторая сторона — предсказание, что все существующие в природе популяции животных, растений и микроорганизмов благодаря постоянному возникновению мутаций, которые служат элементарным материалом эволюционного процесса, испытывают это спонтанное давление всегда и всюду протекающего мутационного процесса.

Четвериков говорил о том, что популяции как губки впитывают рецессивные мутации, такие, которые проявляются только в двойной порции, в гомозиготном состоянии. И это действительно так. А главное, это может быть легко экспериментально проверено. Используя

специальные методы скрещивания, специальные культуры у хорошо изученных генетических объектов, можно и усложнять и упрощать методику выявления генетического строения индивидов, входящих в состав природных популяций. Сейчас это и делается. Можно специально ловить летальные мутации, гетерозиготные, можно ловить специальные мутации, изменяющие те или иные признаки или системы органов и т.д. Одним словом, можно сильно варьировать чисто генетическую методику изучения природных популяций. Ну, наконец, можно изучать популяции в разных участках ареала распространения вида — в близлежащих соседних популяциях, в пределах большого ареала некоторых видов, далеко географически друг от друга удаленных популяций и т.д. Таким образом, можно заниматься анализом целого ряда вопросов, возникающих в связи с генетическими процессами, протекающими в условиях различной географии и экологии данного вида. Все это составляет предмет исследования популяционной генетики.

Сразу же после выхода этой работы начали появляться наши, из группы Сергея Сергеевича Четверикова, включая мою тогда уже отделившуюся небольшую группу, экспериментальные работы. Первыми были работы Елены Александровны и моя на берлинской популяции дрозофилы и работы Сергея Сергеевича с рядом молодых сотрудников на кавказских, крымских и подмосковных популяциях дрозофил. Работы Гершензона, в 30-е годы — работы целой группы молодых генетиков кольцовского института, в те годы, когда Сергея Сергеевича уже не было в Москве. Работы Ромашова, Балкашиной, Николая Константиновича Беляева, целого ряда других молодых людей, Дубинина*. За границей опять-таки русской небольшой группой, потом разросшейся в большую американскую группу Феодосия Григорьевича Добржанского* в Соединенных Штатах, работы Симпсона*. Стали появляться популяционно-генетические работы на ряде других видов живых организмов, конечно, в первую голову на некоторых растениях, особенно самоопылителях, и на насекомых с достаточно быстрыми темпами размножения.

Быстро развивавшаяся популяционная генетика накапливала, во-первых, огромный материал по элементарному эволюционному материалу и, во-вторых, давала уже не гадательные, а довольно точные представления о действительных давлениях спонтанного мутационного процесса в природных популяциях животных и растений. Характер возникавших элементарных наследственных признаков и порядок величин давлений мутационного процесса позволяли в первом приближении моделировать то, что происходит в первом эволюционном шаге в природных популяциях живых организмов. Этим занялись некоторые математики и математически достаточно образованные генетики и биологи.

Сейчас это очень широко распространенное направление работ. Иногда мы даже немножко жалеем о чрезмерном распространении различных, иногда довольно-таки произвольных и необоснованных математических популяционных моделей, которые некрупными математиками, являющимися обычно никакими биологами, проделываются просто за неимением более подходящих занятий. К сожалению, такой лишней математико-биологической работы проделывается довольно большое количество. Поощрять такой раковый рост чисто математических упражнений на популяционно-генетические темы, мне кажется, не стоит. И лучшей формой является действительно теснейшая кооперация достаточно крупных и опытных популяционных генетиков с достаточно крупными и опытными математиками при взаимном достаточном ознакомлении с проблематикой, сутью терминологии и сутью тех вопросов конкретных, которые подлежат решению. Вот это одна из экспериментальных новых областей генетики, развившейся в нашем столетии, начало которой было положено нашей четвериковской группой в первой половине 20-х годов нашего столетия.

*Слово к математикам**

Теперь я позволю себе кратко, провокационно, чтобы математики отлаивались, сказать, чего мы от них, математиков, хотим и чего они нам не дают. Дело в том, что у математиков в последнее время тенденция считать так, что естественники, естествознание сейчас, собственно, целиком находится в ихних, математических, руках. Что вот, мол, они все знают, и очень точно, ну, а мы, так сказать, самые разнообразные, вплоть до физиков, на брюхе ползаем и ковыряемся в как это... в голой эмпирике. Так? Во! А на самом деле, по-видимому, к счастью для человечества, я бы сказал, дело не так обстоит. Потому что, если бы мир вдруг начал развиваться... вот с завтрашнего дня мы просыпаемся — и мир стал математическим, то есть рациональным, как утверждают математики, это была бы совершенно непроторимая белиберда. Понимаете? Так сказать, некая противоестественная смесь всяких фазовых пространств, которые обыкновенному человеку нормального пространства вовсе бы не оставили, и из этих фазовых пространств передвигающиеся там точки выпихивались бы в никуда. Это у математиков есть такой прием.

Когда уже доходит до ручки, то у них точка выбегает из фазового пространства к чертям собачьим. Понимаете? Каждый, кто встречался с математиками так более или менее активно, может легко себе представить ту катастрофическую картину мира, которая возникнет в момент математизации нашей жизни и деятельности.

Так вот, чтобы вернуться на стезю полной серьезности,— математика все-таки великая вещь, что там говорить! Мы там, эти, брюхоползающие голые эмпирики, должны все-таки сознаться: с одной стороны, страх перед этим математическим миром, с другой, од-

нако, в общем они душки, прямо надо сказать. Так в чем же они душки? Душки они в, так сказать, приуроченном состоянии, то есть, когда они, почти ничего не зная, не лезут командовать, а смиренхонько конструируют свои фазовые пространства и системы нелинейных уравнений и прочую всякую белиберду, как говорится, человеку на благо потребную. А человеками-то мы являемся.

Теперь, какая в частности нам, биологам, на эволюционном и биосферном уровнях нужна математика? Очень нужна. Нам действительно нужны модели. Дело в том, что большинство происшествий не только в сложных биоценозах, но и в популяциях, ну, как говорят те же математики, когда они в хорошем настроении, «не прозрачны»... Это они так нас кроют в вежливых терминах, что наши дела непрозрачные. Действительно, тут надо сознаться, непрозрачные. И в популяциях, и особенно в биогеоценозах мы имеем дело, сталкиваемся со взаимодействием, в общем-то, чертовой прорвы факторов всяких. И тут возникают две, как мне кажется, чрезвычайно существенные задачи.

Во-первых, устранение псевдофакторов, несуществующих или несущественных. Мы, по-видимому, склонны усложнять картину в значительной мере. Это вообще на известной стадии подхода к дивному окружающему нас миру людям свойственно. Так вот, это первая задача, в которой, несомненно, математики должны будут принять участие, хотя бы они или не хотят. Уж так оно выйдет. Ничего не поделаешь. Вот в какой-то переборке факторов и процессов, которые создают впечатление полной непрозрачности в тех общих явлениях, которые протекают в популяциях и особенно в биогеоценозах.

А затем... Видите ли, нам эти сложные системы, с одной стороны, приходится описывать, изучая их и аналитически с помощью вонючей химии и прочее, с другой стороны, мы можем экспериментировать. Но экспериментируя даже с относительно простыми био-

геоценозами, мы неизбежно все-таки имеем перед собой трудно контролируемую многофакторную систему какую-то и многокомпонентную систему. И нам практически обычно не удастся вычленишь в качестве варьянты какой-нибудь один фактор или одну компоненту, так сказать всерьез, а не по-украински. И вот это могут математики в своих машинных моделях.

Для этого им нужны две вещи: по-видимому, машины много лучше ваших, со значительно большим объемом памяти. И затем, свойственную нам, биологам, скромность. Значит, не решать пока что мировых задач, потому что вы их все равно не решите покуда. Да и без нас не решите. Потому что вот этой, как у вас сейчас принято говорить, информации-то у вас маловато, прямо надо сказать, маловато! Может быть, пока целесообразно бы воздержаться от решения мировых проблем, а броситься объединенными силами на конструкцию математических, а затем и машинных моделей относительно заведомо упрощенных биогеоценологических систем. Но опять-таки пока не решайте проблемы в пределе и в бесконечности... Вымрут эти ваши машинные биогеоценозы где-то в бесконечности или даже тогда, когда нас уже давно хватил инфаркт — это нам наплевать. Чтобы они достаточно долго жили, чтобы можно было всласть поиграть с варьацией отдельных факторов, удерживая прочие в константном состоянии.

Я почему помянул убожество ваших машин. Вчера всё разговор был о популяциях, состоящих из ста двадцати — ста пятидесяти особей, и разговор шел об эволюции. Разговор больше, так сказать, шел о вымирании, а не об эволюции популяций. Двадцать факторов изучаются в популяции, состоящей из ста двадцати зубров. Картина печальная, я бы сказал. Это даже не Беловежская пуца, а Приокский заповедник в стадии прошлого года. Сейчас их там, говорят, уже больше.

Значит, нужны, конечно, большие популяции. Модели нас интересуют в первую очередь на больших по-

пуляциях, чтобы пока исключить фактор флюктуации численности. Пока. А нарвемся на противоречия — черт с ними! У вас в моделях досихпорошних тоже — выгребай лопатой. Это не беда! Ежели будет хуже, вы исправите. На то вы и математики. Но значение флюктуации надо отдельно изучить. Численность популяции в машине можно... машина это позволяет... варьировать, хотите от пятидесяти зубров до пятидесяти тысяч зубров. Понимаете? И посмотреть, что при этом происходит при прочих равных условиях. Нас, во всяком случае, очень интересует возможность, не данная нам, так сказать, в природных экспериментах, в максимально чистой форме, опять-таки без пределов и бесконечности, проработать макрофизическое, более или менее заметное и осязаемое влияние различных вещей, таких как численность популяции, период флюктуации, амплитуда флюктуации, затем те или иные давления тех или иных изоляций, которые можно вставить.

Вот вчера докладывалась интересная работа, где была вставлена определенная форма биологической изоляции вот с этим генотипом, который пролезал по всей машинной популяции. Это, конечно, одна из форм биологической изоляции, а именно физиологический тип биологической изоляции, который был введен. И вот целый ряд таких различных форм изоляций можно вводить будет в машинные популяции и чистенько их раздраконить с тем, чтоб нам, в первом приближении пока, составить себе картину (я называю ее макрофизической — без всяких детальных внутренних механизмов) о том, что происходит с этими сложными системами, когда мы серьезно, заметно для себя (а это всегда серьезно, потому что это всегда грубое вмешательство) меняем компоненты и меняем давление факторов отдельных, давящих на популяцию. В этом отношении математики нам очень могут помочь.

И затем, конечно, я думаю, и в этом, может быть, особая роль отечественных математиков — перестрой-

ка сделанного... а сделано уже порядочно людьми... Это тоже не стоит только ругать. И Холдейн, и Райт, и Фишер проделали огромную работу, и полезную работу. Но, по-видимому, ее нужно переводить на новые математические рельсы. Это очень большая работа, но требующая внимательного отношения. А у математиков иногда бывает...

Вот мое долголетнее сотрудничество и дружба с Максом Дельбрюком начались со следующего. Он теоретический физик, ученик Борна и Бора. И как-то появился у нас в коллоквиум, послушал что-то об эволюции, сказал: «Ну, это вы все белибердой занимаетесь. Ведь отбор-то можно выразить количественно». И, подумав несколько дней, подсчитав, вычертил нам такую, ну, всем известную тогда уже в течение примерно сорока-пятидесяти лет кривую отбора. Ну, тогда я ему сказал: «Макс, это все очень хорошо, конечно, и ценное достижение теоретической физики в области эволюции. Но вот в таких-то и таких-то книжечках эта кривая давно есть». Он был крайне разочарован. Но потом всерьез принялся за дело и теперь, как известно, ведущий, так сказать, фаголог и вирусолог в Америке. Мы его совратили с теоретической физики. Ну, у теоретических физиков тогда было такое спокойное время. Им было трудно что-нибудь выдающееся сделать, а умницам из них невыдающееся делать не хотелось. Ну, и они полезли в биологию, конечно. Иногда это бывает с представителями точных дисциплин. Вот! В точных дисциплинах трудно — головой думать надо. Ну, вот это примерно то, что я хотел предложить вашему вниманию.

Я вначале сказал, что мне бы хотелось спровоцировать немножко математиков. Вот сейчас скажет Алексей Андреевич*, с которым мы кооперируем в превеликой дружбе вот уже много-много лет. Но для того чтобы эта кооперация была максимально плодотворна, время от времени надо и поцапаться. Так? Без этого никак невозможно. Иначе пейзаж станет однообразен, скучен, уныл, и все покроется осенним

мелким дождичком. Чтобы этого не было, нужно ругаться время от времени.

Как я только что сказал, быстрое развитие популяционной генетики, начавшееся после появления статьи Сергея Сергеевича, послужило очень важным стимулом для стыка современной генетики с эволюционной проблематикой. Потому что всем, даже, с позволения сказать, профессорам всяких университетов и им подобным личностям, давно закоряченным и хрустящим в различных, так сказать, предрассудках, стало все-таки ясно, что популяционная генетика вскрыла огромное поле — ту массу элементарного эволюционного материала, которая и есть дарвиновская наследственная изменчивость — основа происходящей эволюции. Изменчивость наследственная, изменчивость ненаправленная, как раз то, что требовалось дарвинизмом в качестве тогда постулированной, так сказать неопределенной, как Дарвин ее называл, наследственной изменчивости.

Наряду с этим надо было усилить изучение, в том числе и экспериментально-генетическое, существующей в природе внутривидовой таксономии, внутривидовых таксономических единиц, внутривидовых различий в отдельных группах популяций в разных частях ареала вида.

Поэтому мы во второй половине 20-х годов, начиная с 26 года, решили избрать объект, который было бы легко и просто разводить, который можно было бы разводить достаточно быстро. Который давал бы несколько поколений в год, и вместе с тем такой объект, который в природе давал бы достаточно сложную систему внутривидовых таксонов — распадался бы на подвиды и расы, достаточно легко различимые. И на котором можно было бы одновременно заняться генетикой в обычном смысле этого слова, в том числе и изучением мутационного процесса, ежели понадобится. А также заняться генетикой внутривидовых таксонов, подвидов и рас, уже сформировавшихся, для того, чтобы определить: изменчивость, появление которой мы видим в мутационном процессе и которую изучают генетики методом скрещи-

вания, и природная изменчивость в уже существующих географических таксонах — это одно и то же или это принципиально разные вещи, как это пытался утверждать Гольдшмидт и ряд других, в основном немецких, профессоров.

Нам удалось, после нескольких безуспешных попыток, остановиться на маленькой группе божьих коровок — эпиляхн. Большинство божьих коровок — хищники, тлеядные формы. Мы нашли растительноядную божью коровку из подсемейства *Epilachninae* — *Epilachna chrysomelina*. Я о ней уже рассказывал в свое время. Это вредитель бахчевых культур в тропиках и субтропиках с огромным видовым ареалом. Эпиляхна хризомелина распространена по всей Африке, во всем Средиземноморье, во всей юго-западной Азии, Малой Азии, Аравии, Турции, Закавказье, Средней Азии у нас, по-видимому, и в наших южных степях. Но, как и для очень многих случаев где-нибудь в Европе, где распространение любого насекомого известно с точностью до пяти верст, у нас неизвестно для целых областей. На восток она распространена до западной Индии, в восточной Индии она больше не встречается и в юго-восточной Азии тоже заменена другими видами. Так что громадный ареал с громадным числом уже изученных и описанных подвидов, рас, форм и т.д.

Разводить ее оказалось очень легко и просто. В небольших горшочках разводятся проростки тыкв. На проростки эти сажаются, значит, парочки нужные эпиляхн, они откладывают яички, и всё развитие эпиляхны от яйца до взрослой формы, которая может через несколько дней откладывать яйца, продолжается не более шести недель. Это зависит от температуры, но так пять-шесть недель. Значит, можно шесть поколений в год разводить максимум, а четыре-пять поколений легко и просто. Для них и была построена та специальная оранжерея, о которой я так подробно рассказывал, главным образом, для разведения в массовом количестве этих проростков тыкв в горшочках. Был изобретен и сконструирован большой очень политермостат, в котором можно было

разные температуры запускать. И в этой оранжерее с использованием политермостата мы проводили целый ряд экспериментов на эпиляхне в течение восемнадцати лет. Причем нам удалось собрать живой материал из более чем шестидесяти популяций эпиляхны в пределах этого огромного ареала. Даже больше, наверное, около семидесяти пяти различных популяций. Кстати, труднее всего было получить из Советского Союза, потому что тут ни один почти энтомолог не знал точно, где их ловить.

Эта работа велась с 26-го по 45 год — огромная монографическая работа и, к сожалению, она не была закончена. Но было сделано очень много. По этим работам опубликован ряд ценных отдельных статей. И пришлось мне уже здесь вместе с женой и одним из моих бывших немецких сотрудников, с прекрасным зоологом доктором Циммерманом опубликовать такую предварительную сводку. Она явилась, конечно, окончательной, потому что больше уж не появится другой, но все то, что сделано, окончательно доделано было и подведено в этой сводке, напечатанной в пятом томе трудов моей биофизической лаборатории на Урале, в Свердловске, в Уральском филиале Академии наук.

Общий итог можно подвести этим эпиляхновым работам таким образом. Так же, как у дрозофилы и у любого классического генетического объекта, у них появляются спонтанные мутации самого разнообразного характера, затрагивающие самые разнообразные признаки. Следовательно, все популяции природные испытывают определенное давление спонтанного мутационного процесса. Признаки, по которым отличаются друг от друга отдельные подвиды и географические расы, при скрещивании более просто или более сложно менделируют. Из чего следует, что природные внутривидовые таксоны не отличаются никакими другими признаками, чем те, которые нам из генетики известны в качестве менделирующих наследственных элементарных вариантов. Любые природные наследственные различия между таксонами являются комбинациями этих элементарных мутаций, и больше ничего. Никаких фокусов нет.

То есть фокусы появляются. Очень интересные физиологические отличия между популяциями и подвидами существуют. Приведу в качестве примера лишь один, особенно хорошо нами изученный. Оказалось, что в обычных наших оранжерейных условиях самые северные популяции из северного Средиземноморья и у нас из южной степной зоны, из северной Средней Азии, из Закавказья отчасти отличаются от тропических тем, что тропические и субтропические популяции бойко размножаются в течение всего года. У них нет никакой паузы сезонной в размножении. А вот у северных видов — пауза зимняя. И, конечно, у любителей всяческой эволюционной мистики сразу появляются всякие ламаркистские теории приспособления к зиме, всякая такая штука и пр. Но оказалась любопытнейшая вещь: все тропические и субтропические популяции жрут и на свету, и в темноте, и днем, и ночью. Самка лопает себе эти самые тыквенные листья в лучшем виде безотносительно к освещению. А самки из северных популяций ночью не жрут, а спят. Значит, дело тут не в севере и юге, а в освещении и целесообразном приспособлении. Эта разница определяется одним-единственным геном менделирующим — спать ли ночью или жрать ли ночью. Причем, совершенно целесообразно. У северных эпиляхновых популяций существует все-таки зима, когда холодно, а насекомые они не теплокровные, да и жрать нечего, бахчевые культуры не вегетируют. И совершенно целесообразно на зиму, на несколько зимних месяцев, впадать в спячку. А южным культурам, где практически нету так называемых сельскохозяйственных сезонов, где культурные растения, да и дикие многие растения вегетируют одинаково в течение всего года, — там им зимой и спать нечего: жри себе на здоровье и размножайся по-прежнему. Так что все объясняется очень просто.

И вот целый ряд таких физиологических признаков тоже удалось изучить. Одним словом, монографическое — всестороннее, систематическое — зоогеографическое, экологическое, физиологическое и морфологическое изучение количественных и качественных признаков внутри этого широчайше распространенного вида показало, что

все различия в изменчивости этого вида в принципе точь-в-точь такие, какие известны в генетике любых лабораторно удобных и на большом материале изученных видов. Ничего своеобразного нет. Вот. А капитальной сводки так и не получилось, потому что тут кончилась война, кончился Бух, наш во всяком случае. И я улетел через полгода в Карлаг знакомиться с последними достижениями в этой области, которые оказались грандиозны.

Волны жизни

Итак, я изложил, так сказать, начало популяционной генетики, рассказав, как дошли мы до необходимости ее экспериментального изучения. Сегодня я продолжу это в направлении постепенного развития того, что мы называем микроэволюционным процессом, а Хаксли называл синтетической эволюцией. Популяционная генетика, как я в прошлый раз уже говорил, не нашла достаточно близкого контакта с теми, кому следовало бы в первую очередь заинтересоваться этими контактами. Профессора-дарвинисты, зоологи и ботаники, продолжали не замечать развития генетики. И не заметили вовремя и работы Четверикова, не заметили начало, количественно действительно огромное начало экспериментальных популяционно-генетических работ в нашем Отечестве и в Америке.

Но, конечно, в любой специальности, тем более в такой симпатичной специальности, как биология, даже среди профессоров встречаются люди умные и настроенные, как иногда принято говорить, прогрессивно, с интересом к чему-то для них новому. У нас, помимо Кольцова и Четверикова (ну, Четвериков — младшее поколение, тогда профессором еще не был), Ивана Ивановича Шмальгаузена, ботаника Тахтаджяна*... пожалуй, никого из более заметных-то и не было. А за границей оказались, во-первых, два очень активных, очень интересных и очень талантливых англичанина, оба зооло-

ги — Холдейн и Хаксли, которые были не профессиональными генетиками, в особенности Хаксли, а общими зоологами.

Хаксли преимущественно занимался экспериментальной зоологией, экспериментальной морфологией, проблемами относительного роста у животных, сходными вещами. Холдейн же был вообще любопытный очень, универсальный такой биолог. Он занимался всякой всячиной. Был знаменит тем, что в каждый данный момент занимался не тем, чем должен был заниматься. Когда он заведовал кафедрой биохимии, занимался биометрией, когда попал в генетический прикладной ботанический сад в Лондоне, где от него ожидали развернутых ботанико-генетических работ, он занялся биохимией и биометрическим анализом человеческих популяций с целью изучения генетики, в основном человеческих болезней. Но человека, отнюдь не растений. Вот так он вел свою жизнь, занимаясь не тем, чем должно было. И это, вероятно, было правильно. Я думаю, что настоящему крупному ученому так и надлежит: заниматься не тем, чем велят заниматься, а тем, чем хотелось бы в данный момент.

Еще ряд английских зоологов заинтересовались генетикой. В Германии кое-кто, например орнитолог Ренш*, профессор зоологии Альфред Кюн, кое-кто из американских зоологов и палеонтологов, в особенности Симпсон. Мы, ставшие уже профессиональными генетиками, с успехом начали пропаганду и внедрение генетических идей, в первую очередь идей популяционной генетики, в умозрение профессоров-биологов, читавших лекции по зоологии, ботанике и в особенности так называемые курсы дарвинизма.

Кстати, надо заметить в качестве курьеза, что в длительную эпоху, когда у нас дарвинизм подменили воинствующим, совершенно вне научным антидарвинизмом под названием «учение Лысенко», «мичуринская биология» и так далее, все это продолжало называться дарвинизмом, хотя было совершенно откровенным, махровым антидарвинизмом вне научного толка и направления. Ну, сейчас у нас эта эпоха, слава Богу, более или менее кон-

чилась, оставив после себя, конечно, досадную брешь. В сущности, целых два поколения студентов обучались черт знает чему. Но в конце 20-х — начале 30-х годов, до конца 30-х годов у нас ничего этого не было, за границей такого антидарвинизма вообще никогда не было.

Вы вот меня все спрашиваете — Мичурин*, Лысенко?.. Я никогда не интересовался, не собирал всю ту ерунду, которая печаталась, не читал и даже не просматривал, потому что это было настолько далеко от науки, что когда меня спрашивают, почему я никогда не дискутирую, не спорю с лысенковцами, я отвечаю: «А можете вы себе представить, чтобы современный клиницист на научной основе всерьез спорил с мордовской знахаркой?»

Лысенкизм и мичуринская биология — это такая беллиберда, такое отдаленное, чисто словесное имеет отношение к науке, что дать даже отдаленно разумное и какое-нибудь более или менее строгое объяснение всяким этим явлениям, с моей точки зрения, абсолютно невозможно.

Внешне вся эта мичуринская биология в лысенковской трактовке отдаленно иногда напоминала самые грубые и примитивные старые формы так называемого ламаркизма додарвиновского эволюционизма. Но только отдаленно и словесно. По сути дела, я повторяю, вся так называемая мичуринская биология в трактовке 40-х и 50-х годов — это было нечто абсолютно антинаучное.

Вот во время первой сельскохозяйственной выставки 23 года Кольцов и Вавилов нас, генетическую молодежь, уговорили помочь... кому бы вы думали? Мичурину как раз, расположить его стенды. А Мичурин выразил желание понять, что такое менделизма. И мы тогда недели две, наверное, с Димитрусем Ромашовым, Николаем Константиновичем Беляевым и, по-моему, Рокицким пробовали Мичурину сделать понятным, откуда берется три к одному*. Это нам не удалось...

Мичурин был своеобразная штука. Садовод-мономан, он ухаживал за каждым кустиком, поливал кого марганцовкой, кого мочой. Во! И за всю свою долгую жизнь он так и не мог понять, что такое контроль. Поэтому все, что

он сделал в жизни своей, никакого отношения к наукам вообще не имеет. Это индивидуальное кустиководство. Он не понимал, что такое контроль и что без контроля эксперимент — не эксперимент, потому что не с чем сравнивать. Он вот сажал кустик какой-нибудь особой смородины, и, для того чтобы добиться высшего евойного развития, с утра ставился большой самовар, и Мичурин весь день пил чай и поливал кустик. Вот это был Versuch — опыт. Это вы не записали, надеюсь? Записали? Мать честная! Контрреволюция.

Мичурин очень долго менделизму не выдерживал. Слушал-слушал, спрашивал-спрашивал, а потом ему становилось совершенно скучно и нудно, и он убежал... Тогда только расцветал нэп, а у него еще не было там, в Козлове, ныне Мичуринске, буфетов, так что он убежал в буфет пить чай с пирожными. А мы в это время ухлестывали за девицами. Так что по самой сути дела и по самой профессии он ни за какую, ни за мичуринскую, ни за антимичуринскую, биологию ответственным быть не мог. Так же, как я не могу быть ответственным, скажем, за автомобилестроение — не понимаю в нем ничего.

Его, конечно, совершенно изнасиловали лысенковцы во главе с Лысенко. Икону из самого себя он сделать не мог — сделал из Мичурина. Вся эта билиберда была названа мичуринской биологией, в отличие от немичуринской, научной биологии, значит, прочей настоящей биологии. До того избито уже, изжевано, что об этом и говорить не стоит. А я всерьез вообще никогда не разговаривал о мичуринской биологии. Потому что, повторяю, она с потрохами этого не стоит, даже всерьез чихнуть не стоит. Так вот, вернемся на первое.

Значит, первое, что популяционная генетика внедрила во всю разумную биологию — это понятие популяции, представление о всеобщности популяций и о том, что популяции являются теми самыми элементарными эволюционными единицами, о которых мы уже говорили. Физика и общая математическая методология, современное естествознание учат нас — особенно популяризировал это умнейший человек XX века, Нильс Бор

покойный,— что точность любой научной и наукообразной дисциплины зависит не от количества элементарной или высшей математики в этой дисциплине, не от обилия формул в тексте, а от строгости и точности определения элементарных структур и элементарных явлений в данной области. Любая область может стать предметом точных и строгих исследований, ежели точно, строго и однозначно сформулированы в ней элементарные структуры и элементарные явления.

В физике недавно все казалось ясным. Сейчас все немножко запуталось, потому что физики запутались в элементарных частицах, и идет сейчас большой спор. В других науках отчасти хуже, отчасти лучше. В химии несколько лучше, потому что в химии элементарной структурой является молекула, с нею связаны химические свойства вещества. А элементарное явление в химии — реакция, то есть какое-то взаимодействие между молекулами или изменение структуры молекулы. В биологии мы пока не знаем ни структуры, ни явления. Но знаем, что, по-видимому, по самой природе биологического материала, по комплексности биологического материала мы принуждены будем говорить о разных уровнях, так сказать, строения, а в связи с этим и изучения биологического материала.

Я лично склонен разделять биологический материал на четыре группы. Первая группа — это молекулярно-генетическая, где основной элементарной структурой является ген — элементарная, дальше не делимая частица какая-то, в современном нашем представлении макромолекула типа нуклеиновой кислоты. Частица, которая способна к конварьянтной редупликации, способна рядом с собой строить точно подобную себе. А в случае, если структура ее изменяется, она дальше репродуцируется в этом новом измененном состоянии или вовсе перестает репродуцироваться. В связи с таким определением на этом молекулярно-генетическом уровне элементарное явление — это мутация, то есть изменение этой саморедуплицирующейся основной структуры. С этим уровнем все ясно.

Но жизнь представлена на нашей планете в очень сложных формах. Если бы существовали только доклеточные формы, то все было бы очень мило и хорошо. Но, к сожалению, произошла на Земле эволюция, длительная и сложная, которая привела к созданию настоящих клеток, клеток безъядерных, потом клеток с ядрами. Эти клетки существуют в виде одноклеточных организмов, всяких простейших форм, начиная с бактерий и кончая очень сложными по строению инфузориями. И в виде многоклеточных организмов. Причем, многоклеточные организмы могут быть от сравнительно простого овального многоклеточного образования или шара до нас с вами, до человека. Значит, существует далее онтогенетический уровень или, как его сейчас предпочитают называть, клеточно-онтогенетический. Это наихудше изученный уровень жизни на нашей планете.

Я могу вам точно и кратко сформулировать, что такое онтогенез. Это любопытное явление заключается в том, что индивидуальное развитие организма любой сложности всегда начинается от одной оплодотворенной яйцеклетки, которая начинает делиться и дифференцироваться. И онтогенез можно определить совершенно строго и кратко так: почему в должное время в должном месте в развивающемся зародыше происходит должное. И это совершенно исчерпывающее, точное описание индивидуального развития. Но теории, общей теории онтогенеза до сих пор нет, так же как нету общей теории биологии. И я думаю, что общей теории биологии, в том смысле, как существует теоретическая физика, скажем, и не будет из-за вот этих четырех уровней, о которых я начал говорить. О двух уровнях я сказал.

Теперь третий идет. В связи с популяционной генетикой мы уже говорили о другом замечательном явлении жизни, на которое тоже люди мало обращали внимания. Все знали это, все видели и как-то мимо проходили. Ни один вид живых организмов не может существовать в виде отдельных, изолированных особей. Все виды образуют совокупности особей, каждая из которых, тем не менее, формируется путем того самого онтогенеза, о ко-

тором мы только что говорили. Причем это любопытное явление имеет свое математическое обоснование, о котором люди часто не думают и поэтому так быстро уничтожают многие виды животных и растений. «Ах,— думают,— их еще достаточно!» А дело обстоит следующим образом.

Численность популяций из года в год, из десятилетия в десятилетие может варьировать, быть больше, быть меньше. Все на свете варьирует, ничего не варьирующего, абсолютно константного не бывает. И, как всякое статистическое явление, она — численность, может, с одной стороны, варьировать до нуля. Но ежели что-нибудь превратилось в нуль, то игра кончилась. «Кончено дело, зарезан старик, Дунай серебрится, блистая»*. Во! А с другой стороны — может ползти в бесконечность. И, пожалуйста, ползи, все равно не доползешь. Вот это совершенно замечательная особенность популяций. Их численность следует этой любопытной закономерности, которую можно так выразить: чем меньше средняя численность популяции, тем вероятнее, что случайные флуктуации, как говорят математики, этой численности, случайные ее изменения могут допрыгаться до нуля. И на этом кончится вся игра. И это совершенно, к сожалению, не учитывается при всех охранах природы и всяких таких вещах.

Значит, мы договорились до того, что элементарной структурой эволюции является популяция, не одна особь и не весь вид, а популяция любого вида. А элементарным эволюционным явлением — изменение ее генетического состава. Поэтому третий уровень строения и, соответственно, изучения жизни я лично называю популяционно-эволюционным. Это и есть тот уровень, на котором можно изучать элементарные исходные процессы, ведущие к эволюции живых организмов на нашей планете. Но этим не кончаются еще, так сказать, сложности явлений жизни на нашей планете Земля. Имеется еще одно общеизвестное обстоятельство, на которое тоже достаточного внимания как-то не обращается. Ни один вид живых организмов на нашей планете не существует и не может, по-видимому, существовать изолированно. Все участки пространства

планеты Земля, с ее окружающей атмосферой, литосферой и прочими сферами, всегда населены сообществами из нескольких, обычно многих, видов живых организмов. Вся природа от мельчайших пространств до крупных ландшафтов состоит из сообществ живых организмов. Это ведет к очень существенной вещи и произошло благодаря очень простой вещи.

Произошло это, несомненно, оттого, что каждая часть любой территории, любого пространства нашей планеты способна прокормить и дать возможность существовать не одной, а разным формам живых существ. Кроме того, разные формы живых существ во многом зависят друг от друга. Несомненно, эти различные формы в какие-то давно прошедшие времена начали изменяться. Началась эволюция, и началось использование окружающей среды и друг друга. И продолжается до сих пор.

Следовательно, четвертым уровнем, так сказать, структуры жизни на нашей планете является этот биосферный уровень. Биосфера Земли населена, как биологи их называют, биоценозами — сообществами микроорганизмов, растений и животных, которые теснейшим образом связаны друг с другом и со всеми элементами своего окружения. Но биосфера, как и все на свете, опять-таки не кисель, не сплошность какая-то, а построена из отдельных участков, которые Сукачев назвал биогеоценозами*. Я их просто и строго определяю таким образом: биогеоценозом является участок пространства биосферы, горизонтальный и вертикальный, через который не проходит ни одна установившаяся граница — геоморфологическая, почвенно-грунтовая, гидрологическая, метеорологическая и биоценотическая. Вот такой участок носит, по Сукачеву, название биогеоценоза. И вся биосфера состоит из биогеоценозов. Но возвращаемся опять-таки к эволюции.

Я сознательно после разговора о популяционной генетике перечислил различаемые мною четыре уровня организации и изучения жизни на нашей планете, чтобы показать, почему, как и откуда берется материал для дальнейших рассуждений о механизме эволюционного процесса.

Эволюция — сложный, направленный процесс. Описывая эволюцию, люди давно привыкли подмечать в ней то, что мы, правда до сих пор без точных определений, называем эволюционным прогрессом, то есть обстоятельство, что с течением времени живые формы на нашей планете усложняются, прогрессируют в каком-то отношении, делаются более высоко организованными. Эволюция является, кроме того, процессом, протекающим в очень сложной среде, которую в первом приближении, грубо и очень общо можно разделить на живую и неживую среду, или живую и косную, как любил говорить Владимир Иванович Вернадский. И в каждом из этих подразделений среды большое количество отдельных факторов, отдельных частей, отдельных условий, которые все так или иначе переплетены друг с другом и так или иначе влияют на ход эволюционного процесса. Во всем этом надо как-то разобраться. Вот следующей нашей задачей является выделение основных, главных элементарных эволюционных факторов.

Первым по порядку и, конечно, элементарным, и основным, и обязательным фактором эволюции можно считать мутационный процесс, потому что это тот основной фактор, который поставляет эволюционный материал, как мы уже говорили. Без давления мутационного процесса не могло бы быть ни в какой форме эволюции живых организмов на Земле. Мутационный процесс нам сейчас в общих чертах и в первом приближении достаточно хорошо известен. Можно сделать такое, на первый взгляд немножко парадоксально звучащее утверждение: в общем, давление спонтанного мутационного процесса, видимо, у всех живых организмов довольно велико. Статистически это вполне ощутимая величина.

С другой стороны, ежели рассуждать с точки зрения возникновения совершенно определенных мутаций определенных генов, то это величины очень маленькие. Это вот довольно существенная вещь. Удивляться этой двойственности мутационного процесса — с одной стороны, что он все-таки в целом заметная статистическая величина, а с другой стороны, что стабильность генов отдельных, по-видимому, относительно очень высока, —

не стоит. Если как следует продумать значение давления мутационного процесса, то неизбежно придешь к умозаключению, что должна существовать некая оптимальная лабильность генов. Но над этим нам надо думать постоянно и нужно более подробно и детально изучать количественное давление мутационного процесса.

Теперь вернемся опять-таки к представлению о популяциях. Значит (и об этом мы уже договорились), все популяции состоят из групп особей, внутри которых осуществляется практически свободное скрещивание и смешивание. На эти популяции, естественно, давит ряд факторов, первый из которых — мутационный процесс — мы назвали. Харди первым, а затем в более расширенной форме уже Четвериков показали, что ежели популяции живых организмов были бы, в известном смысле, бесконечно велики и ничто бы на них не воздействовало, то ничего бы с ними и не происходило, они оставались бы генетически стабильными. Действительно, потребовалось некоторое количество математических формул, чтобы эту простую и, казалось бы, не требующую никаких дальнейших рассуждений истину, так сказать, научно закрепить.

Но генетика к 20-м годам уже настолько развилась, что можно было считать определенно доказанным в качестве общего биологического закона для всех видов живых организмов на нашей Земле, что на популяции оказывает давление мутационный процесс. И по той же формуле Харди генетический состав популяций неизбежно должен в какой-то мере меняться. И меняться он должен с разной скоростью и в разных направлениях в зависимости уже не столько от силы давления мутационного процесса, сколько от других факторов: от строения самих популяций — численности индивидов, численного соотношения полов, средней длительности жизни поколений и всякая такая штука — и от степени изолированности популяций друг от друга, от количественных флуктуаций численности особей в каждой такой популяции живых организмов. Все это должно иметь большое значение. И наконец, в таких популяциях неизбежно начинает действовать естественный отбор.

Мы уже договорились, что *sine qua non*^{*}, без чего не может произойти эволюция — это изменение генетического состава популяций. Так вот, под давлением различных факторов такие изменения не только могут, но должны быть. Важно только строго и по возможности точно рассмотреть всякую всячину, которая может происходить с популяциями, просистематизировать и посмотреть, какой останется минимум элементарных эволюционных факторов, без которых не обойдешься, а какие только кажутся отличными, а на самом деле являются теми же.

Интересно, что, как я об этом рассказывал в своем докладе в МОИПе, Сергей Сергеевич Четвериков, еще будучи на последнем курсе университета, напечатал очень интересную статью^{*} «Волны жизни», в которой показал чрезвычайно интересную и важную вещь, которую все знали давным-давно, спокон веков, как говорится, но на которую ученые мужи и жены биологического профиля, выражаясь научно и картинно, не обращали должного внимания. А именно, что всем живым организмам на нашей планете свойственно не только не поддерживать постоянную численность особей в популяциях, но подвергаться часто совершенно безумным колебаниям этой численности, флуктуации численности особей. И это каждый из нас действительно без всякой науки знает.

Абсолютно стабильных по численности популяций в природе не существует. В свободной жизни у всех живых организмов от одноклеточных, от бактерий и, наверное, от доклеточных организмов, вроде вирусов, фагов, до сложных многоклеточных высших организмов всегда существуют «волны жизни». Эти «волны жизни» могут быть различны по своей природе, прежде всего по распределению своему во времени. Комары, мошки, целый ряд насекомых, некоторые растения мелкие, особенно из сорняков, развиваются при благоприятных условиях очень быстро и дают несколько поколений в год. У этих организмов «волны жизни» обычно связаны с сезонами года. Другие животные и растения, более крупные, живут дольше. Например, полевые или лесные мыши, гры-

зуны всякие, зайцы, кролики, всякая такая штука, живут по нескольку лет, дают каждый год обыкновенно пометы, некоторые по два помета в год дают. Средняя продолжительность поколения у них обычно больше года. И «волны жизни» у них не совпадают так просто с сезонными циклами года. Они тоже связаны с определенными внешними условиями, но несколько более сложным путем.

К настоящему времени появилась масса сводок по «волнам жизни». Я из чисто таких международных сообщений предложил в свое время изменить «волны жизни» в популяционные волны, потому что «волны жизни» по-русски-то еще звучит туда-сюда, а уже, скажем, по-немецки — сплошная романтика и какая-то идеалистическая вещь, что-то потустороннее. А по-французски вообще белиберда получается. По-английски смысл такой же нелепый, как и по-немецки, но еще, пожалуй, хуже, потому что «life waves» — эти слова — «жизнь» и «волны» — как-то в английском языке никогда не встречаются вместе, неподходящие друг другу слова. А популяционные волны на всех конгрессных языках звучат одинаково непорочно. А суть дела та же.

Так вот, на основании недостаточного тогда еще материала, но по зоологической интуиции Четвериков в своей работе «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики» в 26 году указывал, что волны жизни обладают всюдностью, встречаются всюду, у всех живых организмов, без всяких исключений. Сейчас мы можем действительно это утверждать. Нету живых организмов на нашем свете, которые не подвергались бы «волнам жизни». В тех или иных формах. Всегда и всюду есть какие-либо колебания численности в популяции любых живых организмов.

Но у некоторых из них на такие колебания накладываются более или менее нерегулярные, редкие, относительно редкие, отстоящие друг от друга на годы, на многие сезоны, вспышки численности. Так бывает часто у микроорганизмов, патогенных как для растений, так и для животных. И в результате вспышка эпизоотии,

эпифитотии или эпидемии у человека с колоссальной «волной жизни» соответствующего возбудителя. Потом в силу различных причин эта вспышка затихает, и все приходит опять в норму. Например, большинство подвергшихся просто вымирает.

Ученые мужи уже нашего времени, XIX, а в особенности XX века раскопали во всяких архивах интересные данные. Оказывается, мы иногда преуменьшаем города древние. Вот, скажем, Нюрнберг в конце средневековья насчитывал около ста тысяч населения, то есть столько же, сколько в конце XIX века. Про Нюрнберг было известно только, что он практически вымер в результате двух последовательных эпидемий чумы как раз. Но ведь паразиты и патогенные микроорганизмы тоже подвергаются различным влияниям, и по отношению к ним тоже может проявиться одновременное давление нескольких неблагоприятных условий. Это я говорю о природных концах таких эпидемий, эпизоотий и т.д. Но сейчас мы-то, люди, боремся с эпидемиями и эпизоотиями. И с вредителями культурных растений с переменным успехом, а иногда довольно успешно. Ведь ряд болезней человек все-таки выморил, по-видимому, в частности проказу. Она почти исчезла с лица Земли, во всяком случае в цивилизованной части глобуса. Резко сокращена малярия, ну и т.д.

Подытожим с «волнами жизни» следующее положение. У всех живых организмов на нашей планете «волны жизни», или популяционные волны, существуют, причем в очень разной степени выражены, очень разной структуры, очень разной длительности. Это совершенно несомненно. И мое утверждение сводится к тому, что как раз популяционные, четвериковские «волны жизни», как это чувствовал Сергей Сергеевич еще в 1905 году, когда печатал свою статейку, хотя там у него ничего путного-то не сказано, но он смутно утверждает, что эти «волны жизни» должны иметь какое-то существенное значение. И при ближайшем рассмотрении, конечно, имеют, и очень существенное. Причем значение их как фактора, который оказывает давление на популяции, довольно различно.

Первое, на что не могут, а обязаны, обязательно влияют «волны жизни», — это на случайные концентрации, ну, более или менее редких, не стопроцентно распространенных в популяции, мутаций. Значит, без всяких мудрований можно не утруждать себя сложными биологическими рассуждениями, почему да почему одна мутация находится в таком проценте, а другая — в другом проценте. Это может определяться чисто случайно, потому что «волны жизни» случайно, так же как и мутационный процесс случайно, поставляют в популяцию те или иные мутации, только уже вторично.

«Волны жизни» колеблют концентрации мутаций, особенно редких в популяции, случайно поднимая их процент сразу до значительно большей величины или роняя до значительно меньшей величины. А иногда так же случайно мутации просто исчезают из популяции. Это первое эволюционное действие популяционных волн. Правда, всякие такие статистические процессы, они не всякому человеку реально представимы, так сказать. Надо иметь привычку к статистической работе для того, чтобы это ясно и быстро себе представлять.

А второе, о чем я хочу сказать, в действии популяционных волн легче представимо. Всюду, всегда в природе действует фактор, о котором мы будем говорить под конец — естественный отбор. Это фактор очень интересный, самый интересный. Каждому нормальному человеку уже давно, вскоре после появления книги Дарвина, стало известно, что фактор естественного отбора имеет отрицательное эволюционное действие, если так можно выразиться. Он отмечает непригодное к жизни. И были люди, которые из кожи вон лезли, чтобы доказать, что только в этом заключается действие отбора. Но это признак преизрядной ограниченности, потому что, ежели какой-то фактор отмечает что-то, это значит, что он улучшает ситуацию чего-то противоположного. Так что отрицательный отбор не может существовать без положительного отбора, так же как положительный отбор не может существовать без отрицательного. Они друг с другом связаны неизбежно.

И тут без высшей математики можно обойтись. Совершенно понятно, что когда быстро растет численность популяции, то есть каждая размножающаяся пара оставляет после себя больше пары, то давление отбора автоматически снижается — может выжить и то, что при константной популяции и не выжило бы. С другой стороны, если мы находимся при падении популяционной волны, когда пара оставляет после себя меньше пары в каждом следующем поколении. Что это означает? Ежели среди потомства имеются какие-то формы получше — положительно отбираемые, то их судьба будет различна на поднимающейся и опускающейся части популяционной волны. При подъеме целый ряд отрицательно отбираемых признаков могут повысить свою концентрацию, потому что давление отбора будет снижено. На спадающей части популяционной волны как раз наоборот. Отрицательно отбираемые признаки будут еще интенсивнее отрицательно отбираться, быстрее исчезать. А положительно отбираемые будут закрепляться в популяции, поднимать свою относительную численность благодаря снижению относительной численности отрицательно отбираемых признаков.

Вот это вторая большая эволюционная функция популяционных волн. Значит, это действительно элементарный эволюционный фактор, который имеет «всюдность». Эти количественные флюктуации — биологическая особенность любой популяции любого живого организма на нашей планете. Так же как мутационный процесс, популяционные волны являются, таким образом, поставщиком эволюционного материала. Только не первичным, как мутационный процесс, а вторичным, влияя на концентрации наличных в популяции мутаций.

Таким образом, мы покончили с первыми двумя эволюционными факторами — мутационным процессом и популяционными волнами — поставщиками элементарного эволюционного материала. Но направляющего и решающего значения эти факторы не имеют. Направляется эволюция и решается целый ряд других возникаю-

ших эволюционных проблем давлением двух других факторов, а именно изоляцией и естественным отбором.

Изоляция и естественный отбор

Следующим фактором у нас будет изоляция. Изоляция рассматривалась биологами, видимо, раньше других факторов, действующих на живые организмы. Изучались самые разнообразные формы и ситуации изоляции между видами, внутри одних и тех же видов и т.д. И действительно, этот фактор чрезвычайно разнообразный. Форм изоляции бесконечное количество, почти необозримое. Но я постараюсь показать, что формы изоляции довольно легко расклассифицировать и разбить сперва на две большие группы — на территориально-механическую и биологическую. И внутри этих групп уже можно заняться дальнейшей классификацией различных форм изоляции. Начнем с территориально-механической, или, как ее часто называют зоологи и ботаники, с географической изоляции.

Как я уже говорил, ни один вид не расселен равномерно по всей занимаемой им территории, по всему ареалу своего распространения. Практически почти все ареалы в той или иной степени прерывчаты, покрывают определенную территорию не сплошь, а по принципу «где густо, где пусто». Ну, вы знаете, целый ряд видов животных и растений распространен очень широко. В ареал их распространения входят иногда даже разные континенты, разные субконтиненты и т.д. Совершенно ясно, что в таких случаях водная среда будет естественным прерывом в распространении сухопутных форм. А для расселения водных организмов преградой является суша. Например, Северная и Южная Америка соединены друг с другом тоненьким перешейком, через который люди уже прорыли Панамский канал. И все-таки удивительно, как велика разница в составе океанической фауны и флоры этих океанов по обеим сторонам перешейка, то есть он является практически полной преградой между

соответствующими пространственно смежными популяциями животных и растений.

Перерывы в распространении популяции по ареалу вида могут быть самого разнообразного характера: от почти полной изоляции через все мыслимые переходы, через любые количественные градации степени изоляции к полному отсутствию изоляции, к тому, что популяция едина. Большой фантазии не требуется, чтобы представить себе совершенно ясно, что вероятность встреч, оплодотворений и смешиваний между особями густонаселенных популяций больше, чем в слабо населенных районах. Слабонаселенные районы между двумя соседними густонаселенными популяциями являются тоже изолирующими факторами, но не абсолютными, а относительными. В зависимости от ряда условий такая относительная изоляция может быть более или менее сильной. В частности, я экспериментально изучал на ряде объектов, как влияет на встречи, скрещивание и перемешивание особей из двух различных смежных популяций не только расстояние между этими популяциями и степень ненаселенности или малой населенности в промежутке между двумя густонаселенными популяциями, но и то, что я в свое время назвал радиусом или ареалом индивидуальной активности отдельных индивидов.

В самом деле, легко представить себе, что есть виды подвижные, легкие на ногу, как говорится: птичка вспорхнула и может полететь далеко. А есть, скажем, улитка, которая ползает направо и налево, вперед, назад. Но всюду ползает тихо, медленно, подумавши. И это играет подчас не меньшую роль, чем степень отдаленности густонаселенных популяций. Правда, природа устроена вообще довольно сложно и запутанно для того, чтобы людям не сразу так распутаться, для того чтобы нам, спецам в разных областях, дать заработать жратвишку честным путем. Вот подвижность — на первый взгляд, все ясно. Но вот какое осложнение внесла природа. Разные виды, вне зависимости от степени своей подвижности, обладают различной степенью домостремительности, так сказать, стремления возвращаться домой, туда, откуда они вышли, вылетели, выползли и т.д.

Общеизвестный крайний пример этого — перелетные птицы, которые на зиму, на неблагоприятный сезон, улетают на юг, иногда на огромные расстояния. И там не размножаются. Следовательно, имеет значение не только подвижность вида, но и степень его репродуктивной оседлости, так можно это назвать. Большинство далеко мигрирующих видов животных оказываются оседлыми в смысле размножения. Есть несколько совершенно фантастических примеров. Вот кулик один, редкий очень, его осталось немного. Он гнездится в небольшом районе тундры между устьем Лены и Таймыром, на запад от дельты Лены. Там сравнительно небольшой ареал, где он гнездится. Он сейчас под абсолютной охраной, ежели там охранять практически можно. Наверное, его там кому ни лень бьют. Но, так или иначе, стараются все-таки охранять этого кулика. А на зиму он улетает на южный остров Новой Зеландии, отмахивает примерно пятнадцать-шестнадцать тысяч километров. Улетает, зимует там, а весной обратно прилетает размножаться в своей любимой тундре.

Территориальная изоляция может быть очень различна и еще значительно удивительней, чем пятнадцать тысяч верст перелета какого-нибудь кулика восточно-сибирского в южное полушарие. В сущности, то обстоятельство, что, например, даже небольшое снижение плотности населения между двумя смежными популяциями уже является фактором пространственной изоляции, очень удивительная вещь. Из этого следует одно важное обстоятельство: фактор изоляции, так же как и мутационный процесс и популяционные волны, о которых мы уже говорили, может обладать очень различным давлением. Ежели опять-таки мы давлением будем называть, как и до сих пор, количественную сторону воздействия данного фактора.

Ну, я не буду... у меня пороку не хватит рассказывать о всевозможных формах вот такой территориально-механической, или географической, изоляции. Их может быть бесконечное количество по причине большого разнообразия красоты и пестроты окружающих нас ланд-

шафтов и видов. Видов вокруг нас много, ландшафтов много, факторов географических, физико-географических очень много. Вот. Но это каждый может себе легко вообразить. Даже безнадежный горожанин, который давно уже начал сомневаться, существует ли какая-нибудь почвенная структура под асфальтом, не вся ли планета вообще состоит из асфальта, и тот легко может вообразить, насколько разнообразна среда обитания человека, животных и растений. И поэтому вся комбинистика различных факторов среды обитания создает бесконечное разнообразие возможных форм вот такой пространственно-механической изоляции. Говорите, вам вполне ясно, что такое популяция и что такое изоляция? Ну, «вполне» не говорите, потому что я занимался этим довольно долго, больше, по крайней мере, полустолетия, и мне не вполне ясно. Но так, в общих чертах ясно. В еще более общих чертах и вам должно быть теперь ясно. Прелестно!

Я уже вам упоминал, что есть вторая группа изоляций. Может быть, более занятная, особенно по своим последствиям. Это биологическая изоляция. Это нечто совершенно иное. Биологических форм изоляции тоже очень много. Я пробовал их классифицировать. Я их подразделяю на следующие основные группы. Первая — собственно генетическая изоляция. Это самая сильная, самая существенная и конечный пункт вообще всякой изоляции. Вторая группа — это, так сказать, физиолого-репродуктивная изоляция. Затем физиолого-пищевая и, наконец, физиолого-поведенческая изоляции.

Генетическая — самая простая. Например, может возникнуть полиплоидия — умножение набора хромосом. У растений, между прочим, много форм само- и перекрестноопыляющихся, и видообразование путем полиплоидий не так редко. Почти в каждом семействе имеются группы видов, отличающиеся по числу хромосом и внутри себя плодовые, а между собой вполне бесплодные. Но могут накопиться у изолированных популяций, друг от друга очень удаленных и никогда не перемешивающихся, множественные различия генетические и обусловить совершенно различные, другие формы биологических изоля-

ций. И виды станут тоже практически не скрещиваться друг с другом. Мы действительно знаем целый ряд видов, которые по числу хромосом друг от друга не отличаются, но друг с другом не скрещиваются.

Следующая форма — физиологически-репродуктивная. Это вот что. В двух разных популяциях, смежных или не смежных, не существенно, но, вероятнее, не смежных, а удаленных друг от друга, могут накопиться с течением времени мутации, определяющие разную степень, так сказать, половой аттракции. Ну, как у животных, а тем более у растений это дело поставлено, шут его знает, но из ряда наблюдений и из мировой литературы мы знаем, что некоторые джентльмены предпочитают блондинок, другие — brunetок, а третьим более или менее наплевать — чи brunетки, чи блондинки, а главное, чтобы задик был соответствующий. Во! Как это у растений, мы совершенно не знаем. Но и у животных знаем очень мало. Но ряд джентльменов, в том числе и я, между прочим, проводили на дрозофиле статистические эксперименты, пушая в случайное перемешивание и скрещивание мутантов с разными признаками, и обнаружили статистическое предпочтение самцами определенных самок и самками определенных самцов. Это и Стёртевант обнаружил и еще несколько людей.

Следовательно, самыми разнообразными путями возникают генетические различия, в конце концов основанные на наборе различных мутаций, которые определяют различное, ну, скажем так, в общей форме, половое поведение форм. И на этой основе предпочтения brunetок или блондинок может начаться дифференциация, изоляция популяций. В одной популяции будут подбираться brunеты, а в другой — блондины. Исключительно из-за ихнего предпочтения. Понимаете, какая история? Вполне возможная. Ну, и таких различных форм генетически обусловленной половой дифференцировки между популяциями можно придумать, конечно, много.

Следующую форму я назвал формой жрательной. Возникновение физиологических различий в питании. Это особенно хорошо изучено и чаще всего, пожалуй, встреча-

ется у насекомых-вегетарианцев. Существуют насекомые, питающиеся довольно разнообразной растительной пищей, и в этом смысле их пищевые, так сказать, привычки ни на какую изоляцию не намекают. Но существуют виды, у которых появляются мутации, определяющие какую-то специфику ихней жратвы. Вот они начинают предпочитать одни растения другим растениям. И естественно, начинают встречаться чаще на растениях, которые им нравятся и реже на растениях, которые им не нравятся. И появляется изоляция групп на основе предпочтения того или иного пищевого материала.

Затем очень большая и интересная группа, особенно у животных, форм изоляции, возникающей на почве физиологии поведения в широком смысле этого слова. Ну, какие привести вам наиболее известные, простые примеры? Вот, один хороший пример. Некоторые близкие виды славков, пеночек и других мелких певчих птичек, наверное, образовались, изолировавшись, на основе различий, как многие зоологи выражаются, в экологии гнездостроения. Одни виды любят себе строить гнездышки ближе к вершинам деревьев, а другие на нижних ветвях деревьев. И это наследственно-различные формы. Значит, изоляция внутри общей популяции может возникнуть на основе вот таких привычек к разным гнездованиям или к гнездованию в разный период, раньше или позже. Ну, и наконец, много всяких, так называемых экологических, по отношению к человеческому обществу можно было бы сказать — бытовых, факторов могут наследственно отличаться в пределах вида и вести к соответствующей изоляции внутри популяции данного вида. Вот это изоляция биологическая в разных формах.

Она, пожалуй, более интересна по сравнению с территориальными формами изоляции. Они, конечно, очень существенны, но, во-первых, они далеко не всегда затрагивают основные, принципиальные стороны взаимоотношения вида со своим окружением. Скорее наоборот. Распределяется как-то по поверхности земли привычная виду среда обитания — вот вид и следует этой среде обитания. Во-вторых, разделение территориально-

механическое, в сущности, на протяжении более или менее длинных отрезков времени, не только геологических, но и исторических, легко восстановимо. И ежели начинать рассуждать, что вообще в науках не рекомендуется, потому что человек, когда начинает рассуждать, обычно начинает завираться, и рассуждения скорее вредны для развития наук, чем полезны. Но так как у человека какая-то противоестественная тяга к рассуждениям, то время от времени люди принуждены и в науках начинать рассуждать. Так вот, ежели начинать рассуждать, пожалуй, можно дорассуждаться до того, что к бесплодию видовых гибридов, то есть к образованию новых видов, биологически изолированных от прежних, приводит именно биологическая изоляция того или иного типа.

Но первым толчком может быть, и часто бывает, территориально-географическая изоляция. Однако такие случаи редки, по-видимому, когда территориальная изоляция доходит до своего естественного конца, так сказать, когда пространственно изолированные формы становятся абсолютно изолированными, когда между ними вымирают все популяции. Хотя случаев, где далеко удаленные друг от друга популяции никогда в природе не встречаются, не перемешиваются и не воспроизводят потомство, довольно много. Но всегда они соединены промежуточными популяциями, с которыми они с двух сторон скрещиваются. Поэтому медленно, но верно происходит перемешивание между любыми, даже удаленными звеньями в цепи различных популяций одного и того же вида. Это, пожалуй, все, что можно сказать вам об изоляции.

Изоляция, значит, в отличие от мутационного процесса и популяционных волн является не столько поставщиком элементарного эволюционного материала, сколько фактором дифференцировки популяций, фактором, определяющим развитие и разделение одной популяции на две или несколько популяций путем возникновения изоляционных барьеров того или иного вида. Изоляция имеет уже значительно большее эволюционное значение. Абсолютная изоляция между популяциями

прекращает их взаимодействие путем скрещивания и перемешивания и, тем самым, закрепляет возникшие между ними различия. Изоляция, таким образом,— основной закрепитель возникших различий, закрепитель конечных единиц эволюционного процесса. Характер же эволюционных различий и характер самого эволюционного процесса определяются последним, четвертым, элементарным эволюционным фактором — естественным отбором, к которому нам и предстоит перейти теперь.

Я уже в начале как-то упоминал, что, в сущности, основным специфически эволюционным, вызывающим приспособление, адаптацию, вызывающим морфо-физиологические изменения живых форм, таким фактором всегда является естественный отбор. Отбору поддается все, что угодно, в той или иной степени. Как и все прочие эволюционные факторы, отбор — количественно действующий фактор. Я особенно еще не подчеркивал, что в конечном счете все эволюционные факторы — и мутационный процесс, и популяционные волны, и различные формы изоляции — являются типичными статистическими количественными факторами. Они могут не действовать, то есть их давление теоретически может равняться нулю, а может быть близким к стопроцентному. И естественный отбор — главный и ведущий фактор эволюционного процесса — также всегда является фактором количественным, обладает различным давлением, варьирующим почти от нуля до, по-видимому, очень высоких величин.

К сожалению, в природных условиях давление естественного отбора на эволюционный процесс, пожалуй, наихудше изучено количественно, сколь это ни странно. Хотя с самого начала научного изучения эволюции, особенно после Дарвина, под влиянием дарвиновской теории эволюции, общепризнано или почти общепризнано среди биологов, что отбор — ведущий, основной эволюционный фактор. И, тем не менее, количественных экспериментов, изучающих давление отбора, и в особенности наблюдений в природе относительно очень немного. Но не надо забывать, что на Земле обитает около трех

миллионов видов живых организмов. И то, что нами изучено, это, вообще-то, капля в море. Однако целый ряд сторон естественного отбора уже неплохо изучен и нам более или менее ясен. Хотя среди биологов постоянно появляются попытки отрицания существенного, принципиального воздействия естественного отбора на эволюционный процесс. Но большинство таких попыток либо несерьезно и объясняется просто недостаточной привычкой многих биологов к строгому и точному логическому анализу, доведенному до конца, либо это своего рода пережитки тех времен в развитии естествознания, когда биологию считали не точной естественной наукой, а такой, где можно просто рассуждать любым образом на любые темы. И рассуждают. Но серьезных попыток все-таки немного.

Так вот, естественный отбор как явление вещь очень простая. Если мы имеем панмиксическую смесь, то есть смесь свободно и эффективно скрещивающихся друг с другом живых организмов, особей, которые дают жизнеспособное и плодовитое потомство, и если предоставить достаточному числу особей данного вида размножаться самотеком, то при наличии лимита пространства и пищи всегда через то или иное количество времени между любыми различными генотипами будут наблюдаться сдвиги, изменения в их взаимных количественных соотношениях. Всегда одни формы с той или иной скоростью, иногда ничтожной, иногда очень большой, в течение поколений будут обгонять другие. Это вот и есть, собственно, основной феномен естественного отбора. В природных условиях обычно мы имеем дело даже не с отдельными популяциями, а с целыми населенными, состоящими из нескольких, иногда многих популяций. И вот, еще раз повторяю, такое население, будучи ограничено своим ареалом, той территорией, где особи данного вида способны существовать, и запасами пищевого материала, будут изменять свой генетический состав. Это и будет результат действия естественного отбора.

Не все генетически различные формы особей данного вида при всех условиях одинаково жизнеспособны

и репродуктивно способны, не все одинаково способны выживать и не все одинаково способны оставлять потомство. Естественный отбор — это конкуренция при репродукции между генетически различными формами в определенной среде обитания. И он всюду, у всех живых организмов на Земле существует. Всегда и всюду, где есть некоторое генетическое разнообразие, репродукция происходит с естественным отбором. Конечно, ежели, скажем, дать размножаться какому-нибудь генетически очень константному виду микроорганизмов, там, может быть, ничего и не изменится некоторое время. Но только некоторое время, пока давление неизбежного мутационного процесса, который мы к нулю свести не можем, не обогатит популяцию или население данной формы генетическими различиями, которые дальше будут опять-таки размножаться неодинаково. Вот это нужно себе совершенно ясно представлять. При всяких, на первый взгляд глубоко философских, рассуждениях о естественном отборе, о его могуществе, или немощи, или безразличии, или рассуждая, нужен ли он в действительности или можно обойтись без него, нельзя упускать этой основной феноменологической картины. Иначе в природе быть не может. Да и не бывает.

Со времен Дарвина, со времен появления книги Дарвина в 1859 году очень много занимались отбором теоретически. Классифицировали типы отбора, рассуждали, как протекает отбор в природе, к чему он может, к чему не может привести и т.д. К сожалению, надо сказать, что, как это часто бывало в других областях биологии, теоретизация, излишняя теоретизация часто сводилась к излишнему словообразованию. В сущности, строились не теории, а велись рассуждения на тему «о», в данном случае об отборе. Я не думаю и никогда не думал, что представляет большой интерес разбираться во всем этом теоретизировании. Ни к чему всерьез существовавшему это не приводило. Отбор, как я уже говорил довольно подробно, работает всегда, в конечном счете, на один и тот же манер и сводится к предпочтительному размножению одних по сравнению с другими.

Эволюционные рассуждения как моих учителей — Мензбира, Кольцова или Четверикова, — так и мои рассуждения, связанные с анализом эволюционного процесса, всегда, в конце концов, упирались в основном в такую очень простую формулировку понятия естественного отбора и сводились к совместно присутствующей паре положительного и отрицательного отбора. И форм отбора можно при желании выделить очень много, при желании — немного. Но и то, и другое несущественно, я бы сказал.

Очень существенно, с другой стороны, вот какое обстоятельство. Для того, чтобы произошла эволюция, нужно, чтобы в каких-то популяциях, по возможности в разных популяциях, по-разному изменялся набор составляющих их генотипов. И это в значительной мере осуществляется естественным отбором. В этом смысле естественный отбор является, если хотите, основным не случайно, а направленно работающим планетарным эволюционным фактором, влияющим на генотипический состав популяции.

С отбором связано, несомненно, и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, о котором вскользь, бегло и кратко, я уже упоминал. Я имею в виду признак, характеризующий наш земной эволюционный процесс, а именно то, что эволюция протекает в направлении прогресса живых форм. С понятием биологического эволюционного прогресса связана обширнейшая литература. Почти все биологи-эволюционисты со времен Дарвина, а отчасти и в додарвиновские времена, и до сих пор, очень много размышляли и размышляют, очень много докладывали и докладывают и очень много писали и печатали об эволюционном прогрессе. И действительно, проблема не такая простая, как кажется. Я думаю, что, опрашивая любых несумасшедших людей, нормальных, средних, физически и психически в порядке находящихся людей, ото всех получим сходный ответ, что человек более прогрессивное существо, чем блоха, или кузнечик, или даже рыба окунь, что любое или почти любое млекопитающее более прогрессивная форма, чем

любой червеобразный организм и даже моллюск. Но вот почему?

Уже были, появлялись время от времени такие провокационно настроенные «теоретики», которые, с известной точки зрения вполне резонно, утверждали, что: «Скажите, пожалуйста, а чем холерная бактерия менее прогрессивная форма, чем человек?». В любой холерной эпидемии, несмотря на всю медицину, на всякие мероприятия и т.д., люди помирают, побеждаемые холерными бактериями. И в этом смысле холерные бактерии можно считать, видимо, более прогрессивными, чем людей. Конечно, я не случайно, а нарочно сказал «провокационно настроенные». Потому что это, конечно, афоризм, словесная трепатология. Даже не настоящий парадокс, а стремление к парадоксу в области, где парадоксы ни к чему. Есть целый ряд областей, где парадоксы сплошные очень интересны. А вот в этой области биологического изучения эволюционного прогресса парадоксы без надобности. Но приведенные примеры показывают, что определить, что такое эволюционный прогресс, в общем-то, не так просто, как кажется.

Пожалуй, самое старое, сразу же скажу, не вполне удачное и, безусловно, не вполне исчерпывающее определение все-таки пока самое близкое к истине. А именно, что эволюционный прогресс сводится к повышению дифференцировки морфофизиологической структуры особей, дифференцировки, связанной с увеличением степени прямой независимости живого существа от окружающей среды. Наглядным примером являются, скажем, так называемые холоднокровные и теплокровные животные. Теплокровные животные — это, как известно, птицы и млекопитающие. В процессе эволюции они приобрели признак постоянной температуры тела, и совершенно ясно, что этот признак сразу, скачком делает их много менее непосредственно зависящими от внешней температуры. Холоднокровные же животные либо должны менять место обитания, иногда сложными, дальними миграциями, для избежания отрицательных температур, при которых обычно никакие жизненные процес-

сы ни у каких живых существ протекать не могут, либо впадать в так называемую зимнюю спячку, в некое состояние покоя, при котором практически прекращаются, сводятся до минимума все жизненные процессы до наступления теплого сезона.

Так вот, вернемся к отбору. Среда обитания живых существ на нашей планете крайне разнообразна. В сущности, мы можем говорить о том, что вся планета Земля обитаема — и вечные льды горных вершин, и приполярные льды и снега. В каждом уголке земной поверхности, где есть вода и где есть воздух, живут какие-либо живые существа. В совершенно экстремально плохих условиях, отрицательных с точки зрения протекания жизни, живут обычно микроорганизмы, самые мелкие живые существа, как растительные, так и животные. В тропиках и в экваториальных странах жизнь особенно богата и разнообразна. Но, в сущности, безжизненных уголков на нашей планете очень немного. Почти все мыслимые уголки поверхности Земли, биосферы, содержат живые организмы, и обычно не отдельные их виды, а, как раньше мы уже говорили, всегда комбинации различных видов растений и животных, связанных друг с другом и с теми условиями среды, в которых они обитают, и образующие вместе со своей средой обитания биогеоценозы.

Итак, если, с одной стороны, представить большую сложность и разнообразие живых существ, а с другой — простоту и всеобщность давления отбора, то можно легко все-таки представить себе, что любое, даже относительно небольшое давление отбора может с течением времени производить капитальные изменения в строении популяции и в строении самих видов, составляющих популяцию, населяющую данный участок биосферы. И к этому, собственно, сводится основная биологическая эволюция. На этом, пожалуй, можно теперь закончить.

От Германии до Сукугундии

Мы очень мало замечали все, что происходило тогда в Германии. Вильгельм II — так Вильгельм II, Гитлер — так Гитлер, Гинденбург — так Гинденбург. Все немцы. Нам-то что? Мы иностранцы, нас все это не касалось так, как касалось немцев. Немцы переживали, страдали душой, многие немцы из года в год не могли поверить, что хуже будет. Но им предсказывали все, до самого конца: вот через несколько лет начнется война, в этой войне вы сапогами истопчете всю Европу, а потом вас каким-то образом победят все-таки, победа будет не ваша, и вы будете, как и после первой войны, думать, что вы победили, а окажется, что вы побежденные, и от вашего этого нацизма ничего путного не останется...

Вы вот все спрашиваете, как мы жили, когда нацисты забрали власть? Вмешивались ли они, интересовались ли нами? Ведь жили мы с обыкновенными советскими заграничными паспортами. И до войны, и во время войны. Тут вы, конечно, немножко упрощенно, по-советски, представляете себе границу. Не забывайте, что хотя немецкий нацизм и был очень схож с нашей системой, потому что тоже был тоталитарный режим, диктатура одной партии — здесь коммунистической, там нацистской, — но разница была все-таки довольно существенная. Во-первых, не было коренной ломки экономической системы. Во-вторых, не было предшествующей великой русской революции и гражданской войны, конечно, которые камнями на камне не оставили от русской промышленности, передовых секторов сельского хозяйства. Одним словом, страна к началу 20-х годов у нас была в полном разгроме.

У них, наоборот, процветание началось и всеобщая борьба с безработицей. Не такая, как у нас, а откровенная. У нас вся суть борьбы в том, что все время создаются новые должности, места, кланы чиновничьи и рабочие. Там борьбу с безработицей начали так: отправили землю копать всех безработных. Их стали хорошо кор-

мить, немножко платить денег, и они занимались физическим трудом. У нас же от физического труда все бегут и начинают заниматься спекуляцией, махинациями и т.д. Это первое — разница в экономической подоплке.

Второе, очень существенное: мы в результате революции и гражданской войны оказались за китайской стеной, которую пробиваем до сих пор помаленьку. Одно время, в 20-е годы, вроде как бы под влиянием еще Ленина и после его смерти действовало года два, начали налаживаться нормальные отношения с границей — советский гражданин мог за тридцать пять рублей купить заграничный паспорт и ехать, ежели хочет, даже лечиться куда угодно. С зимы 22-23-го до зимы 28-29 года у нас был практически свободный выезд за границу. Ну, ежели вы преступник, ежели вы под реальным подозрением, под судом находитесь или следствием, вас не выпустят, потому что паспортная система — заграничная — под контролем все же была.

А внутри страны, ежели можно говорить о юриспруденции, то юридически роль паспортов играли трудовые книжки. Потому что слова «паспорт» тогда боялись немножко: паспорт связан с полицией, и всякая такая штука. Вот вместо полиции с паспортами ввели милицию с трудовыми книжками. Но несколько лет, практически только пятилетку, была такая более или менее свобода.

Эта отрезанность от всего мира — она в Германии не существовала. До первой мировой войны по всей Европе можно было даже без заграничных паспортов, просто по визитным карточкам разъезжать. И виз никаких никому не требовалось. После первой мировой войны введены были визы и иностранные паспорта для враждующих государств. А союзники между собой по-прежнему без визы, без паспортов могли ездить: англичане, американцы, французы. Немцы и австрийцы тут откололись. Немцам всюду нужны были визы и иностранные паспорта, австрийцам и туркам тоже, конечно, за компанию. На въезд в Германию, опять-таки для австрийцев, не надо было ничего. А французам, англичанам нужны были визы и специальные иностранные паспорта. Внутри стран люди жили без паспортов по-прежнему. Значит, в англосак-

сонских странах, в Америке, в Англии, да и в романских вполне достаточным видом на жительство было наличие в кармане адресованного вам письма.

В Германии высшим удостоверением личности, по которому вы могли получать любые деньги, пересланные по почте, было почтовое удостоверение. Ежели вы довольно много получали почты заказной, то для простоты на почте можно было получить удостоверение с фотокарточкой. Вот по этому почтовому удостоверению потом, когда все утряслось, в соседние государства, особенно нейтральные — в Швецию, в Норвегию, Данию и Голландию, — немцы могли ездить свободно.

Так обстояло дело в межвоенное время. В сущности, все снижалась формалистика международных общений. В первые три-четыре года после Версальского договора немцев-ученых не приглашали на большинство научных конгрессов. Сохранялось, по понятным причинам, такое отношение бывших врагов друг к другу. Но потом все это на тормозах спускалось, и к гитлеровским временам все пришло, так сказать, в спокойное состояние. Осталась политика.

Гитлеризм отличался и от нашей системы, и от итальянского фашизма, с которым его ни в коем случае нельзя путать. Фашизм — это итальянское изобретение, специально для Италии. Он имеет к немецкому нацизму очень мало отношения, так же как, по сути дела, к нашему коммунизму. Он вообще из всех этих тоталитарных режимов, я бы сказал, наименее универсальный. Италия — прелестная страна, сплошь усеянная руинами и местами, подлежащими осмотру, с прекрасным климатом, апельсинами и всякой такой приятной всячиной, но была она в страшно безалаберном состоянии. Даже в самые спокойные времена первой войны, это я еще помню, когда был там с родителями, международные экспрессы, въезжая в Италию, шли хуже наших электричек подмосковных, как Господь на душу положит, без расписания, иногда просто на чайных, как говорится. Грязно всюду было невероятно.

После войны все еще ухудшилось, и взвыли в первую очередь богатые туристы — американцы и англича-

не. Этим воспользовался Муссолини. Он резонно заявил, что все это связано со знаменитой французской демократией, с тем, что в парламенте десять партий, все они соревнуются, ссорятся, мирятся. И, в общем, ни хозяина, ни порядка в стране нет. И решил завести хозяина и порядок. Хозяином, естественно, себя назначил. А порядок — очень просто. Фашисты надели черные рубахи, пояса, обзавелись револьверами и холодным оружием в виде дубинок и этим простым способом завоевали всю Италию. Конечно, почти все итальянцы стали фашистами и тоже пожелали надеть черные рубахи и получить ежели не револьвер, то дубинку. Так вот Италия стала фашистской. Муссолини стал премьер-министром и дуче и принялся за восстановление итальянской экономики, то есть за привлечение опять всех богатых людей со всего мира в качестве туристов в Италию. Он отдал приказ: срочно всем фашистам и особенно их женам, дочкам, матерям и прочему бабьему полу заняться мытьем железнодорожного состава. Буквально за полгода все итальянские железные дороги, весь работающий, способный катиться состав вагонов был вымыт начисто и, ежели нужно, покрашен и отремонтирован. Итальянские железные дороги стали неузнаваемы.

Кроме того, обнаружилось, что, помимо знаменитых островов — Сардинии и Сицилии, рядом с итальянскими берегами есть еще много всяких островков. Вот куда еще, по серости, Наполеона посадили — остров Эльба. И вот таких Эльб вокруг Италии до черта. И Муссолини заявил, что каждый, кто плохо вымоет вагоны или кто будет не по расписанию водить поезда — от кочегаров через начальников станций до директоров железных дорог, — будет посажен в специальные лагеря на этих островках на рис с небольшим количеством прованского масла и парой апельсинов до исправления. А когда наступит исправление — это неизвестно, это очень трудно определить. И действительно, островки все эти заселились.

Итальянцы все же реалисты, теория их не интересует ни с какой стороны — ни справа, ни слева. Раз посадили синьоров, все-таки привыкших к хорошей, сытой жиз-

ни, на голодные островки, то нашлись какие-то рыбаки, которые решили: черт с ними, с сардинками, пусть испанцы продолжают ловить, а мы огороды будем для синьоров разводить. И очень хорошо окультурили все островки, завели там всякую всячину. Поэтому синьоры, отдыхающие от высоких постов, в общем, жили неплохо и спокойно ждали, когда Муссолини и его правящая партия найдет, что они уже исправились и их можно вернуть ежели не на прежние посты, то на соответствующие.

Вот так начался фашизм. И фашизм, действительно, девяносто пять процентов итальянского населения приветствовали искренне, потому что на парламентские политические партии, безразлично — коммунистические, социалистические, националистические, католические — плевать было среднему итальянцу. Итальянцы были реалисты. Они хотели mangiare, причем жрать им хотелось каждый день. Поэтому в двенадцать часов дня во всех городах, вплоть до Рима, Милана, Турина, Венеции, Флоренции — крупных городах, все бросают работу. Как двенадцатый удар шлепнет, так бухгалтер бросает неподытоженную, значит, колонку цифр (это он позже, после обеда сделает)...

И я все осведомлялся: бросают ли хирурги операцию? Вот вскрыл живот человеку, принялся вырезать аппендицит — а тут двенадцатый удар! Так незащищенного и оставят? Нет, меня уверяли медики крупные: «Ну, что вы о нас думаете? Ведь это было бы опасно для жизни пациента. Мы не звери. Но мы никогда не начинаем операцию, которую до обеда не можем кончить». Что вполне резонно. Вот. Это вот важно для итальянцев. И целый ряд выполнений жратвенных канонов и обычаев, конечно.

Во-первых, все эти аперитивы... Итальянцы бегут либо домой, либо в столовку, либо в ресторацию... Вне зависимости от того, где человек кормится, он по дороге непременно забегает всегда в одно и то же кафе. В итальянских городах, собственно, часть тротуаров оставляют для пешеходов, но большая часть тротуаров кофейнями занята — значит, столиками с зонтиками от жары. В кафе пьется предобеденный аперитивчик какой-нибудь,

обыкновенно какая-нибудь ярко-красная, ярко-желтая, ярко-зеленая штука. И затем несутся дальше, в жратвенное место, где быстро съедают то, что им положено или по карману. Простенькая пища в Италии стоит гроши совершенные. Затем, по истечении часа или полутора часов (в каждом учреждении свой порядок), несутся обратно и опять, конечно, через кафе. Там уже не аперитив, а обязательно, значит, caffè-espresso, то, что в тихий ужас привело бы вас... Это действительно крепкий кофе, черный, даже какой-то густой от крепости, обыкновенно без никому, и к нему какой-нибудь уже не аперитив, а какой-нибудь ликер. И потом, прибежав на работу, работают опять.

Работают итальянцы, в общем, хорошо. Это неправильное представление у нас: ах, вот немцы — они работяги, а итальянцы — лодыри. Это не совсем так. Я думаю, что рабочие, мастеровые немцы лодырничают больше итальянцев, но они солиднее, не попрыгунчики, зря не бегают, лодырничают, сидя у себя на рабочем месте. Так, как хорошие советские служащие, которые отсиживают от и до и не опаздывают, и не убегают раньше времени. Хороший советский чиновник свое время отсиживает. Вот так и немцы. Итальянцы этого не любят. И они, ежели бастуют и добиваются, то удлинения рабочего времени, когда они могут законно бегать по улицам или домой забегать и там поругаться с женой или оттрепать за уши сыновей — заняться опять-таки реальными, конкретными делами. Вот. А работают они очень хорошо. Ведь очень занятая вещь... Северная Италия — это, в общем, промышленная и, в частности, высокоразвитая электропромышленная страна. Там большие электротехнические фирмы, главным образом слаботочные... Уж пошто шовинисты немцы и на словах квасные патриоты, но в лаборатории каждый инженер или ученый мечтает об итальянских приборах...

Я вам не рассказывал, как мы с Лёлькой ездили обедать к Дукаatti в Болонью? Может, при такой okazji сейчас это можно рассказать. Это краткий эпизод. В Болонье есть замечательный огромный завод братьев Дукаatti. Их

дед, кажется, был какой-то ремесленник маленький, механический. А к 30-м годам все старики Дукацци перемерли. И завод находился во владении трех братьев. Средний брат, Альфонсо Дукацци, был (он есть и до сих пор) крупный итальянский экспериментальный физик такой, типа Ферми: и теоретик малость, и экспериментатор. И заведовал физическими лабораториями заводов Дукацци. За границей каждая крупная фирма обыкновенно имеет свои химические или физические лаборатории или свои опытные поля, в зависимости от специальности фирм. Так вот. Старший брат — экономист по образованию и экономический директор фабрик Дукацци. А младший брат... Я его меньше других знал, потому что он самый занятой был, всегда где-то разъезжал... Он был инженер по образованию и, говорят, очень талантливый инженер, прекрасный изобретатель и всякая такая штука. Так что эти три брата очень хорошо разделились по специальности.

Они были старыми друзьями домами с моим учеником, Адриано Буццати. Тоже из очень хорошей старой профессорской семьи. Его предки — отец, дед и прадед — были профессорами университетов в Венеции, Болонье и Милане — где-нибудь из этих трех городов всегда. А что до того было, я не упомянул, там опять были какие-то профессора. Одним словом, была старинная, богатая семья. У них имение было большое в венецианской области, в северо-восточной Италии, и квартира прекрасная в Милане. Так что, приезжая в Милан, мы всегда с Лёлькой останавливались у Буццати. Я чаще ездил один, чем с Лёлькой. Лёлька, по бабьему положению, должна была все-таки малость работать, а я мог, так сказать, трепаться научно. А ей нужно было мух разводить, эпиляхн разводить, всякими такими делами заниматься больше моего... Когда я один приезжал, тогда я обыкновенно не останавливался в Милане и не останавливался у Буццати, а в Павии.

Страшно люблю Павию. Это недалеко от Милана, маленький городок, приятный, старинный, и один из старейших итальянских университетов. Он, по-моему, в конце XIII или начале XIV века основан, Павианский

университет. Мы его так павианским и называли. Так вот, я там останавливался всегда в одной и той же гостинице, такой тоже старинной аристократической павианской гостинице «Три креста». В этой гостинице я чувствовал себя как дома, все меня там знали, всегда встречали, старались всегда в один и тот же мой любимый номер поместить, и обыкновенно это удавалось. Такого переполнения, как у нас, нигде же не было.

И вот однажды произошла такая штука. Жили мы у Буццати с Лёлькой и только что позавтракали. Завтрак у них примерно около часа, полпервого. Примерно в час кончили мы завтракать. Ну, это ленч, собственно, не завтрак, то, что у нас обед называется скорее... И позвонил телефон. Адриано подходит к телефону, страшно быстрый разговор начинается. Итальянцы, как хохлушки друг с другом разговаривают. Я медленно разговаривающих итальянцев еще понимал в те времена свободно и мог так потихоньку изъясняться. А вот при таком экспресс-темпе не все понимал. Но понял, что речь идет об обеде у Дукатти. Потом он кладет трубку, я говорю: «Что, Дукатти приглашает нас обедать?» — «Да, приглашает обедать.» — «Когда?» — «Вот сегодня.» — «Как сегодня?» От Милана до Болоньи около шестисот километров расстояние, да еще через Апеннины, где вот все идет змеей. Так, по птичьему полету-то ближе. И я уж чувствую, что ехать на автомобиле, а не по железной дороге и не лететь. Я говорю: «Ну и как же так, когда же они к обеду?..» — «Да к семи». Я говорю: «Шесть часов остается». — «Ну, — говорит, — больше, чем достаточно. Поедем. Они приглашают и Дзаки». Это наш знакомый и старый друг Буццати, всего семейства, инженер такой. А Дзаки — старый автомобилист.

Почти все итальянцы более или менее страстные и более или менее автомобилисты. Вроде как в Америке: почти у всех есть, даже у рабочих, «фиат» как минимум. Ну, а у Адриано и у Дзаки, я уж не помню, у кого что, две такие шикарные машины. И мы поехали обедать в Болонью. Моя жена до самой смерти поминала, что она все еще жива, что тогда не померла. Это ужас был! Зна-

чит, мы прибыли без двадцати семь... выехали так десять минут второго — так что ехали ровно пять с половиной часов. Средняя путевая скорость была сто сорок, а на крутых поворотах они резко снижали скорость до ста километров в час. Я-то был привычный уже к итальянской езде. Так мы прилетели туда и съели шикарнейший обед в «Pappagallo».

А Болонья замечательна тем, что там сохранился практически в нетронutom виде старинный, лучший в мире ресторан «Pappagallo». «Pappagallo» — это попугай. Так он называется со времен Христофора Колумба, потому что Христофор Колумб из Америки привез попугая системы ара. Есть такие зеленые, красные, синие ары. Мы обедали при четвертом попугае, еще сравнительно молодом. Они ведь страшно долго живут. Колумб какого-то молоденького ару, по-видимому, привез. Колумбов ара процарствовал в ресторане, по-моему, сто двадцать или сто пятьдесят лет. Когда стало ясно, что скоро, вот-вот, он Богу душу отдаст, выписан был второй ара, той же системы из той же Центральной Америки или какого-то самого севера Южной Америки, Эквадора или Колумбии. Тот дожил до старости, и был выписан третий, потом четвертый. Под четвертым мы и обедали.

А жили эти pappagall'ы в огромных золоченых клетках. Центральная зала огромная была, трехсветная, по-моему. Огромный зал, с потолка на бронзовой цепи свисала клетка. Дукатти рассказывали, что это было целое предприятие, когда чистили мелом pappagall'ову клетку до блеска опять. Она постоянно тускнела, бронзовая клетка, и, кажется, раз в году сооружались такие леса, лезли проворные итальяшки с мелом и чистили клетку. И вот в этой огромной клетке жил этот царствующий попугай. Он по-итальянски немного разговаривал, как попугаю и полагается, невпопад, конечно, но довольно обширный у него был набор слов итальянских.

На полу в центре стояла кухня. В хороших итальянских ресторанах кухня стеклянная. Все видно, что в ней делается. Директором кухни является шеф-повар, обыкновенно уже дядя пожилой. Он получал так, наверное,

три-четыре министерских жалованья. Надо сказать, у нас в «Праге» и «Метрополе» тоже двойное министерское жалованье шефы получали до революции, потому что это ответственнейшая должность и творческая действительно. Шеф, ведь он творил пищу дорогую. Это теперь мы жрем, что выбросят, а раньше то, что мы теперь жрем, действительно выбрасывали — в помойку только.

И у шефа два-три помощника, главных повара. Обычно один, так сказать, по ботанике и два по зоологии. И вот вы, скажем, заказываете вот эти замечательные зеленые итальянские... спаржу с артишоками. Один из помощников сперва приносит вам на блюде все это в сыром виде, и вы выбираете, какие артишоки вы хотите. Другой приносит вам рыбу. Вы заказали какое-нибудь рыбное блюдо — вам приносят соответствующих рыб в первично обработанном состоянии, сырых еще. Вы такой вилочкой с двумя зубцами, зубцы остренькие, но вилочки довольно нежные, вы немножко тыкаете в этих рыб. И предполагается, что вы можете выбрать, которая вам нравится. Ну, это, конечно, все символика — никто так не понимает в сырых рыбах, чтобы выбрать из трех великолепных рыбин ту, которая великолепнее всех. Ну, и то же с мясом, и с птицей.

И потом вы все видите, что там происходит на кухне, чтобы вам не подменили рыбину эту. Ни-ни, ни Боже мой! И этот помощник подмигивает, раскланивается, он уже ваш, так сказать, знакомый. Вот. Мы сравнительно недолго, как считалось, обедали, так часа три сидели. А потом поехали в гостиницу ночевать. Перед тем как отправились спать, еще в гостинице уже совершенно легкой ужин с вином хорошим...

Но самое интересное было на следующий день. На следующий день нас потащили по заводам. Вот это замечательное зрелище. Это слаботочие. В основном, всякие лабораторные и технические приборы, не какие-нибудь турбины или черт-те что, а небольшие всякие предметы электротехнические. Но я в этом ни черта не понимаю. Но замечательно! Нас провели по шести сборочным залам. Это огромные стеклянные залы, светлые,

высокие, там какие-то вертятся приводы, какие-то еще станочки и всякая такая штука. А в основном такие длинные столы и... как это называется... конвейеры, вот по которым медленно ползет что-то, а у конвейеров девки в возрасте от шестнадцати до двадцати двух лет. Потому что в Италии только с шестнадцати разрешается работать, моложе не имеют этого права. А к двадцати двум все уже выскакивают замуж, а замужним не запрещается работать, но не рекомендуется, потому что замужние женщины должны маленьких итальяшек рожать, выкармливать их и за домом следить. Редко кому удается до двадцати трех не выскочить замуж, потому что в Болонье... Я вам рассказывал про копенгагенский метод — математическое изучение, точное, изокал, изолиний женской красоты? Или не рассказывал? Это не в сторону, это самое главное. Все ведет к микроэволюции в конечном счете.

Так вот, там совершенно изумительные красавицы в сборочных залах. Причем в каждом зале своя спецодежда. В одной зале все эти красавицы белые, в другой — слоновой кости, в третьей — желтые, в четвертой — зеленые какие-то, розовые, голубые. В каждой зале свой цвет. Все это замечательно сшито как-то так, талия прихвачена кушачком, все они какие-то фигуристые, приятные, и мордашки на «ять», и все такое. Как там эти инженеры живут? Черт их знает! В таком концентрате таких бабелей-то! А это немудрено, потому что как раз изучение, точное, изокал показывает, что один из высших пиков женской красоты находится на севере от Флоренции, в самой Болонье и в Далмации, в Югославии. Недосыгаемые три пика.

Потом повели нас... тогда мне не представляло никакого затруднения... сейчас, конечно, я не могу совершенно такого проделывать... Там есть такая гора, а на горе башня. На гору плюс башня что-то около четырехсот ступеней, триста девяносто или триста девяносто пять, одним словом, влезть туда!.. Но я слазил, и Лёлька слазила. Мы тогда были молодые и здоровые — чего не слазить. И вид оттуда действительно замечательный. Го-

ризонт находится на расстоянии, кажется, примерно чуть ли не двухсот километров, на пределе того, что положено по учебнику природоведения, где доказывается круглость Земли. Видны и всякие реки, и долины, и рисовые поля, и леса, и предгорья Апеннин, и черт-те что.

Вот. И затем мы поехали обратно в Милан. Причем Лёлька Христом Богом молила не ставить рекордов. Они как-то рассчитали, что по каким-то причинам географическим смогут отмахать обратно еще быстрее, хотя по той же дороге. Почему-то из Болоньи в Милан можно быстрее проехать, чем из Милана в Болонью. Но Лёлька молила-молила и умолила их. И даже дважды мы останавливались на протяжении этих шестисот километров: двести километров отмахаем — остановимся где-нибудь в деревушке. Там ведь хорошее вино где угодно можно получить: чи в столице Рима, чи в Болонье в «Pappagallo».

Вот теперь, ежели выдержите, я расскажу, во-первых, про копенгагенскую методу, а потом доскажу про гитлеризм сравнительно с фашизмом. Сейчас переезжаем в Копенгаген, для того чтобы объяснить, почему на фабриках Дукаитти сплошной концентрат красавиц. Иначе не может быть, потому что по науке так быть должно. Так вот, значит, я рассказывал вам уже, что в Копенгагене у Бора раза два-три в год собирались умные люди со всего мира. И это называлось «боровский круг», или «боровский коллоквиум», или «боровская школа». И, как я уже упоминал, так как там делалась высшая в нашем столетии наука, то делалась она без звериной серьезности, а вперемешку со всякими делами более занятыми.

Выдумал это впервые, по-моему, Гамов — русский физик. Он первый, кажется, предложил: «Все мы интересуемся, по мере сил, хорошими бабами, и всякая такая штука. Есть такие чудаки, которые уверяют: „Ах, в Париже много хорошеньких женщин“. Все это совершенно неопределенно, некритично и неточно утверждается. А женская красота, как и все, легко и просто поддается статистическому изучению». И была разработана такая простая метода. Физики-теоретики и вообще теоретики, такие, как я, то есть все участники теоретического ко-

пенгагенского круга, все завели у себя такие маленькие тетрадочки, ну, как раньше в школах для иностранных слов. И где бы они ни собирались и когда бы ни собирались, проходя или гуляя по улицам, где-нибудь бывая, в ресторанах, в кафе — все равно, ставили всем встреченным женщинам отметки по пятибалльной системе с плюсами и минусами и ставили дату и место. Все регионы Европы были распределены. Америку, Африку, другие континенты мы не принимали во внимание. Советский Союз отпадал по политическим причинам: туда не пускали, никто там не собирался из порядочной публики, и что делалось в Советском Союзе — никому не было известно.

Каждым крупным регионом Европы заведовал один или два крупных теоретика. Например, Бор и его заместитель Вайскопф ведали Скандинавией — Данией, Швецией, Норвегией, Исландией... Затем Чэдвик и Блэкетт — два крупнейших теоретика и атомщика английских — ведали Англией, Шотландией, Ирландией и, по-моему, Голландией. Пьер Оже и Франсуа Перрен, французы, ведали Францией и Бельгией. Затем Разетти — замечательный теоретик итальянский и прекрасный знаток жуков, и прекрасный знаток аммонитов (ископаемых моллюсков) — ведал Италией и Балканами. Затем Шредингер ведал Австрией, Чехословакией, Венгрией и Швейцарией. Гейзенберг и Иордан — Германией и Польшей. Так вот вся Европа и была поделена.

Значит, ведающие теоретики собирали материал, и он подвергался совершенно первосортной, на высшем уровне, математико-статистической обработке. А начальствующие теоретики на основании этих обработок строили изокалы. Для многих стран это стало возможно уже к началу второй мировой войны, материала было достаточно. Изокалы — это все равно, что изобары или изотермы — изолинии. Только изотермы — это линии, соединяющие точки с одинаковыми средними температурами, а изокалы (от греческого «калос» — «красота») — это кривые, соединяющие точки с одинаковой средней бабьей красотой.

У Разетти в Римском университете кабинет помещался в старом таком palazzo. Это была высоченная комната, и на одной стене во всю стену висела карта Италии и прилегающей части Балкан, Югославии и Греции, и на ней были изображены эти изокалы. Очень высокие пики, в среднем чуть пониже пятерки, но выше четырех с плюсом, были во Флоренции и в регионе на север от Флоренции, в Северной Тоскане. Затем окрестности Милана — тоже четверка с лишним, в среднем. Пятерка с плюсом ставилась в исключительных случаях и всегда требовала особого дознания с пристрастием. Так вот, самый пик — это была Болонья, затем район Сплита, в Далмации, и на юге от Сплита, в Албании.

А ведь у вашего брата, знающего мир преимущественно по изящной словесности, представления часто совершенно превратные: «Ах, итальянки! Ах, итальянки!» К югу же от Рима, собственно уже и в Риме, итальянки — это помесь лягушки с обезьяной, вообще-то говоря. Еще в пятнадцатилетнем возрасте туды-сюды, а к двадцати пяти годам в ней уже сто килограммов, понимаете, с хвостиком, выползает она из всех юбок, и неизвестно, что у нее на морде в свое время было. Ужас! А среди еще более старых южных итальянок есть, наоборот, совсем высохшие, скелеты, обтянутые кожей, буквально живые ведьмы. Вот, значит, как дело обстоит. Очень печально дело обстоит, между прочим, с Парижем и Францией. Опять-таки потому, что изящная словесность пугает часто хорошую одежду с содержимым хорошей одежды. В Париже славится, и не зря, женская мода по части элегантности, но уж француженки красотой, вообще-то, не отличаются, хотя и элегантностью тоже не всегда. Так что не доверяйтесь во всем изящной словесности — врет она часто.

Очень высокий пик есть в южной луговой Ирландии, на юг от Дублина. Известно было качественно и без особых доказательств, давно, что ирландки попадают замечательные. Сколько помнится, в Ирландии кое-кто пару пятерок с плюсом поставил, несмотря на веснушки. Это особый такой ирландский фенотип — рыжеватые и даже рыжие, с зелеными глазами, бывают совер-

шенно замечательные, на пятерку. Затем очень высокие есть пики в Норвегии. Но в южной Норвегии есть и провалы. Немки в некоторых местах южной и западной Германии — совсем неважные, прямо надо сказать. А вот прусачки, особенно северные и северо-восточные, на границе с Польшей, «на ять» попадают. И там средние изокалы были довольно высокие из-за этого. В восточной Польше тоже, но это, по-видимому, наше влияние уже. Хотя в Польше опять-таки есть и ужасные провалы. Так что пики изокал связывать непосредственно со страной в целом очень трудно. Во всех более или менее больших странах есть и провалы и пики, кроме, пожалуй, Югославии. Там высшие пики в Далмации, но один или два высоких пика есть и в старой Сербии. Замечательные бывают темноволосые сербки с серыми глазами, как у нас в южной части Великороссии. Вот это я вам изложил результаты крупного научного исследования теоретического!

Теперь, значит, вернемся на первое, как говаривал протопоп Аввакум. Значит, фашизм, в сущности, был чистой Италией, чистой от всякой грязи в обыкновенном смысле слова: подмели улицы, что нужно вымыли, что нужно покрасили и побелили, вообще поштукатурили. Одним словом, привели Италию действительно в приличное туристское состояние, и туристы перестали жаловаться, что они деньги зря тратят на плохо циркулирующие поезда, совершенно грязные сортиры и т.д.

А немецкий фашизм был не фашизмом, а был нацизмом. Это была национал-социалистическая партия, которую очень ловко Гитлер с сотрудниками прибрал к рукам. Нельзя забывать, что крупный коммунистический деятель Геббельс стал, собственно, его правой рукой политической. Да-да, он владел всей нашей демагогией. У нас это, конечно, отрицается, скрывается. Как и всем нашим деятелям, так и чужим у нас соответствующие нужные биографии придумываются. Но это общеизвестно было.

Но до 36 года внутри страны, окромя, значит, легких еврейских погромов, никакой особой политики не было.

Жили себе люди по-прежнему, немножко хуже, конечно, но ничего особенного не происходило. А во время Олимпиады в Берлине в 36 году, когда со всего мира иностранцы съехались, была свобода, как в догитлеровские времена. Германия тогда была самой свободной и, как известно, демократической страной в мире. Такой она была и летом 36 года, до осени включая. Вот вам один пример.

Дельбрюк, мой друг и отчасти ученик, отчасти сотрудник, ныне нобелевский лауреат, был крайне антинацистски настроен. Он сам из старинной немецкой интеллигентной семьи. Его отец был знаменитым профессором истории сперва где-то в Гёттингене, потом в Берлине. Самый известный его труд — это пятитомная военная история Европы, всей Европы. У Дельбрюка была двоюродная сестрица — Рената Тейк, восходящая кинозвезда. Такая довольно смазливенькая девчонка, которая для ускорения карьеры киношной, так сказать, заигрывала с нацистами: ругала евреев, как положено, и вообще все положенное высказывала совершенно свободно, не стесняясь. Так же, как у нас лысенковцы свободно, не стесняясь, высказывали все, что считали нужным высказать. Мы решили эту Ренату Тейк разыграть. Был у нас приятель, очень хороший физик-теоретик, Йокель. У него папаша был Йокель — немец, а мамаша была еврейка. И он настолько был весь в мамашу, что всегда носил такой значок нацистских профсоюзов: полуевреи в негосударственных учреждениях могли продолжать работать и могли состоять в профсоюзах, а евреи — нет.

И вот мы придумали магараджат в Малайзии — Сукугундию*, ну, с какими-нибудь двадцатью пятью — тридцатью миллионами каких-то там сукугундцев, которые находятся в подчинении магараджи сукугундского. Йокель был назначен магараджей сукугундским, я разыгрывал самого себя, русского, Дельбрюк был рабом магараджи сукугундского. Затем Олег Цингер, художник, мой приятель, стал итальянцем, он по-итальянски довольно бойко говорил, и ему было поручено сукугунд-

ский диплом для Тейк нарисовать на сукугундском языке. Да, и главное участвующее лицо был настоящий и живой, совершенно натуральный секретарь голландского посольства, приятель Дельбрюка, с хорошей посольской дорогой машиной.

Тейк сообщено было через ее тетку, тоже такую бесноватую немку, которая о ее карьере очень беспокоилась, что вот на Олимпиаду приехал магараджа сукугундский, который, оказывается, ее поклонник как киноактрисы, мечтает познакомиться и хотел бы даже преподнести ей сукугундский диплом как заслуженной артистке Сукугундии. Та пришла в дикий восторг, конечно. А жила она в хорошем дорогом пансионе на Курфюрстендамм. Это самая шикарная улица в западном Берлине была. Ну, она должна была соорудить себе особое дневное парадное платье и еще организовать кофий с тортами, пирожными, конфетами, ликерами и всякой такой штукой у себя в салоне в этом пансионе в определенный день в три часа.

Большая часть Индонезии тогда принадлежала в качестве колонии Голландии, поэтому-то и появился голландский секретарь натуральный. Ровно в три он приехал на своей посольской машине и привез Дельбрюка, раба, и магараджу сукугундского — Йокеля. Мы все уже их ожидали в своих ролях. Рената Тейк нервничала, бегала к себе в спальню что-то там подмазывать, потом опять выбегала. Голландец ей все объяснил: «Знаете, фрейлейн, они, конечно, все, вместе с магараджей, подданные нашей королевы, но, с другой стороны, он сатрап, владеет практически двадцатью миллионами рабов, так что он привык делать все, что захочет. Ни на одном языке, кроме сукугундского, он не говорит, так, немножко по-голландски. Он будет мне говорить, а я на немецкий все это буду переводить. Конечно, он не какой-нибудь великий император, но все-таки надо соблюсти, так сказать, этикет определенный. Он, вообще, парень хороший, веселый такой, глупый очень, но вы должны сделать малый придворный книксен, большой не требуется делать. Потом он вам ручку поцелует, а вы



КОЛЮША КАК
'МЕДВЕДЬ ГУБАЧ'

«Колюша как медведь-губач». Рисунок О. Цингера из серии «Мазня на рисовальном столе». Берлин-Бух, 1945 г.

ему ручку поцелуете. Потом вы сядете, будете угощать его кофе, он будет врать всякую всячину, я вам буду переводить. А потом, когда настанет время уезжать, он мигнет своему рабу (раб будет тихо в уголке стоять с этим самым дипломом), тот принесет ему диплом, на коленки перед ним упадет, подаст ему диплом и отправится обратно в угол, а он вам поднесет диплом. И потом мы уедем. Перед отъездом он вам опять протянет ручку, вы ему поцелуете ручку. И все кончится на этом». Так все по этикету и произошло. Значит, она эту полуеврейскую ручку дважды поцеловала и была в полном восторге.

Сели мы все в машину, настоящую голландскую дипломатическую машину, чуть ли не «роллс-ройс», одним словом, какую-то громадную, дорогую, шикарную машину и поехали по Курфюрстендамм. А у нас уже разыгрался аппетит. Увидели мы шикарное кафе, а кафе по случаю летнего времени было вынесено на половину широчайшего тротуара, вылезли, решили кофею еще раз выпить с чем-нибудь. Вот, представляете, восточного типа такой важный человек на голландской дипломатической машине и в каком-то совершенно тропическом виде раб черномазый, потому что Дельбрюка тот же Олег Цингер загримировал так, что двоюродная сестрица его не узнала... Только мы сели за столик, выбежал метрдотель, и нам притащили черт знает чего. Когда мы поинтересовались, сколько все это будет стоить — ничего не будет стоить! Честь нашего заведения и т.д. Нас даром напоили, накормили. Ну, ладно, мы поели, сели в машину.

А недалеко от Зоо, Зоологического сада, открылся тогда буфет-автомат. Такой вход большой, а справа и слева автоматы, впереди была касса, где можно было поменять марки на такие фишки металлические. Их опустить — и вылезает всякая всячина: либо стакан и течет пиво из крана, либо... Одним словом, все, что угодно: и кофе, и чай, и пиво, и вино, и бутерброды, и пирожные — все, что хотите. И даже горячие сосиски. Так вот, магараджа сукугундский, дикий все-таки, заинтересовался всем этим. Наменяли ему фишек, и стал он их

всюду совать. А мы все были совершенно уже сытые-пересытые, уже не могли есть. Тут выскочил опять-таки директор этого заведения, предложил еще кучу фишек. Одним словом, мы веселились, показывали магарадже, как действует эта автоматическая ресторация.

Потом мы решили послушать и купить какие-то граммофонные пластинки. Поехали в универмаг, огромный шестиэтажный универмаг, где на самом верхнем этаже продавались граммофонные пластинки. У входа в универмагах берлинских тогда всюду были такие вывески с национальными флажками: «Говорят по-русски», «On parle français» и т.д., на всех языках. Магараджа посмотрел и возмутился, что сукугундского языка нету. Тут тоже выбежал какой-то директор, извинялся страшно, что сукугундского переводчика нет. Когда выяснилось, что секретарь голландского посольства может перевести, то успокоился, пожелал нам счастливого пути по универмагу. Тут произошел трагический случай: отстал, потерялся раб, а он ни на каком языке, кроме сукугундского, не говорил по определению. Он потерял нас перед подъемником, перед лифтом. Мы приехали на шестой этаж, а его нет. Но все-таки магараджа и его антураж всей публике бросился в глаза, поэтому раба знаками и пинками проводили каким-то образом на шестой этаж к граммофонным пластинкам, где магараджа уже отобрал целую стопку, за которую опять с нас ни гроша денег не хотели брать. И тогда-то мы решили, что довольно, а то влопаться можно. Вот сколь велика была демократия и свобода...

Вернадский и «вернадскология»

Еще в юности, отчасти в связи с общебиологическими интересами, экскурсиями, а потом и экспедициями, которые я предпринимал и в которых участвовал, у меня сформировался совершенно сознательный интерес к географии в самом общем смысле этого слова и к учению о

Земле как о планете. Поэтому меня рано заинтересовали работы одного из замечательнейших русских ученых последнего столетия Владимира Ивановича Вернадского, в частности его учение о биосфере. Оказалось, кстати, что семейство моей жены давно состояло в дружеских отношениях с семейством Вернадских, поэтому установились и кое-какие личные контакты, правда, больше с молодым поколением Вернадских, а не с самим Владимиром Ивановичем. Но затем я познакомился лично с Владимиром Ивановичем, несколько раз встречался и довольно много разговаривал с ним.

Вернадский был, конечно, очень крупный и совершенно замечательный человек. Люди бывают очень плохие, плохие, средние, хорошие, очень хорошие, и есть некоторое количество замечательных людей. Среди замечательных попадаются весьма замечательные люди, и, наконец, среди весьма замечательных людей попадаются — очень редко — совершенно замечательные люди. Вот Вернадский, несомненно, был совершенно замечательным человеком. Ну, хотя бы его внешняя биография, научная. Он ведь никогда никуда не лез в науке, не лез ни в академики, ни в директора чего-нибудь. Он всю жизнь интересовался всякой всячиной, много работал экспериментально. Он как-то умел работать незаметно, очень много и в то же время с очень высокой производительностью.

Как-то вокруг Вернадского никогда не было никакого ни крика, ни шума, терпеть он не мог модничать, не занимался никакой политикой никогда, а вместе с тем был такой либерально-политической личностью, концентрировавшей вокруг себя соответствующих людей. Но не активно, а просто как совершенно замечательный человек. К нему льнули, в общем, тоже замечательные люди. Во всяком случае, только хорошие люди. Как-то сволочи вокруг него не было. Правда, тогда в ученых кругах не было столько шушеры, сколько сейчас. Он как человек, да и как ученый, думаю, с окончания университета до смерти особенно не менялся. Он всегда был таким вот — Вернадским Владимиром Ивановичем.

Личные контакты с ним я имел сперва несколько раз до отъезда за границу, а затем довольно продолжительные за границей дважды, в Берлине. Первый раз, наверное, еще в 25-26 году, когда Вернадский через Берлин возвращался* из Парижа и Праги, где он читал время от времени лекции по геохимии и биогеохимии, а затем был участником русско-немецкой научной недели*. Точно не помню, в 27-м или 28 году, в Берлине немецкая и советская Академии наук совместно устроили выступления тринадцати или пятнадцати русских, советских ученых. Доклады делали, кроме Вернадского, Кольцов, Ферсман (ученик Вернадского, между прочим), затем кто-то из крупных медиков. Все небезыңтересные люди были. Среди всей этой компании очень различных по характеру, по способностям были живые, говорливые люди и были мрачные люди, всякие были. И был тихий, не особенно говорливый, но и не молчаливый человек — Вернадский. И вот все крупные немцы, которые встречались с ним, были совершенно в восторге от него. Он производил какое-то такое, в известном смысле умиротворяющее впечатление на всех, кто с ним не только общался, но и просто встречался.

Его «политическая» судьба тоже своеобразна и довольно уникальна. Он ведь с какими-то белыми частями эвакуировался за границу и попал в эмиграцию: в Прагу, а затем в Париж. В Сорбонне читал лекции. И вернулся в Россию, по-моему, в 21 году*. И тогда — сколько помнится, об этом говорили в ученых кругах — по указанию Владимира Ильича Ленина никто не смел его пальцем тронуть. Во времена Кассо, когда был, так сказать, обескровлен Московский университет, Вернадский переехал в Петербург и, кажется, в 11 году стал академиком*, настоящим, дореволюционным. И тоже как-то безо всякого шума, гама. Был за границей — вернулся из-за границы тоже без скандалов, без покаяний. За границей он делал, что хотел, читал, что хотел. Он очень хорошо владел французским языком, свободно читал лекции по-французски. И немецким тоже очень хорошо владел. В Берлине он по-немецки читал свой доклад, на совер-

шенно грамотном, превосходном немецком языке. Английским языком он, во всяком случае свободно, кажется, не владел, не помню. Великолепно говорил по-русски, но тогда это была не редкость. Теперь это редкость. В пределах обширного нашего Отечества люди, хорошо владеющие русским языком, встречаются не особенно часто.

Вернадский был человек широчайших интересов, почти всеобъемлющих, и он был не только интересным и интересовавшимся всякой всячиной человеком, но и совершенно первоклассным работником. Он создал, в основном собственными трудами, ряд новых естественно-исторических дисциплин. Например, он по праву считается создателем основ современной геохимии, он и его ученики, как русские, так и заграничные. Интересуясь с молодых лет биологией, он выделил из общей геохимии и сформулировал особую дисциплину — биогеохимию, которая, по идее Вернадского, занимается изучением тех геохимических процессов на поверхности нашей планеты, в которых основную роль играет живое вещество — население биосферы Земли. Биогеохимия разрослась в целую мощную, интереснейшую дисциплину и процветает до сих пор. С молодости же его интересовали общие идеи о биосфере Земли как отдельной сфере, в которой основную роль играют живые организмы, отличающие Землю как живую планету от мертвых планет, например Луны. Собственно, с середины 10-х годов до своей смерти в 45 году, все последние четыре десятилетия жизни, Вернадский, в основном, посвятил развитию общего учения о биосфере.

Чаще всего даже очень крупные ученые сравнительно долгое время работают, собирают материал, проводят эксперименты, потом, до чего-то доработавшись, подводят итоги своей работы и формулируют то общее, что они сделали. Вернадский очень часто шел другим путем — противоположным. Он вначале, заинтересовавшись какой-либо областью знаний, быстро, эффективно, талантливо собирал и анализировал материал, конечно, не бесконечно большой. Затем формулировал общее представление о той дисциплине, которую он со-

бирался создавать или которой он собирался заняться. Так произошло и с учением о биосфере. В сущности, современное учение о биосфере было сформулировано в основном в первой сводке Вернадского* на эту тему, изданной в 1926 году. После этого, в течение еще двух десятилетий, Вернадским была создана особая биогеохимическая лаборатория при Академии наук, образовалась целая группа сотрудников и учеников, которые разрабатывали учение о биосфере. Но суть учения была сформулирована до того, как были начаты крупные, планомерные работы. Это довольно типичный путь, способ работы Вернадского.

Примерно так же он очень рано сформулировал в общей форме задачи биогеохимии, которая развивалась далее при его же участии (и его учеников) и которую Вернадский умудрился сформулировать настолько хорошо, что, собственно, и в общих положениях, и в общем плане работ почти ничего изменять позже уже не пришлось и ему самому.

Меня в основном заинтересовали его воззрения, идеи и работы в области учения о биосфере. К чему оно сводится? Я уже упоминал, что Земля наша — живая планета, в отличие от многих неживых планет. Хотя, собственно, пока, кроме Земли, ни в пределах Солнечной системы, ни во Вселенной мы не знаем других живых планет.

Само слово, термин «биосфера» выдумал не Вернадский (он вообще не любил придумывать термины как таковые). Он использовал термин, введенный еще в XIX веке. Так геологи, в основном, называли ту часть оболочки Земли, ее литосферы, которая расположена на поверхности твердого тела планеты под атмосферой и заселена живыми существами. Вернадский вложил в понятие биосферы другое, значительно более богатое и широкое содержание. Он определял биосферу таким образом: это оболочка земного шара, включающая нижнюю часть атмосферы, практически всю гидросферу, то есть весь Мировой океан и всю водную оболочку Земли, а также верхнюю часть литосферы, в разных местах планеты разной толщины, в создании и изменении которой ос-

новную роль играют живые организмы. Это было совершенно новое и иное понимание биосферы. Об этом подозревали и говорили некоторые геологи еще с начала XIX века, но Вернадский строго, точно и, главное, количественно показал, что большинство так называемых осадочных горных пород (не вулканических, первичных горных пород, а вторичных, осадочных) являются в основном результатом жизнедеятельности живых организмов.

Природоведение в школе нас давно учит: первичные горные породы разрушаются постепенно в результате действия солнца, воды и ветра. Все это очень мило и хорошо, но ничего из этого бы не вышло без живых организмов. Основным деятелем, разрушающим первичные горные породы, и являются живые организмы, которые постоянно, многие, например фотосинтезирующие живые организмы, ритмически, днем и ночью меняют реакции — с кислой на щелочную, со щелочной на кислую — в своем окружении. Это постоянно колеблющееся изменение реакций и, кроме того, само вещество, образуемое трупами живых организмов, как растительных, так и животных, и создают то, что мы потом называем в просторечии просто «землей» — черноземом, сероземом, глиноземом и пр.

Вторичных осадочных горных пород по массе огромное количество, и значительная, большая часть поверхности земного шара покрыта не изверженными первичными горными породами, а вот этими вторичными осадочными породами. В течение жизни Земли происходили трансгрессии и регрессии Мирового океана, он наступал и отступал, что тоже способствовало в значительной мере распределению вторичных измельченных горных пород.

В связи с этим Вернадский различал в биосфере Земли как бы две сферы. Действительно живую современную биосферу, ту часть поверхности нашей планеты, где сейчас живут и действуют различные живые организмы, начиная от мельчайших микробов и кончая человеком. Это, так сказать, активная биосфера. И вторую — область былых биосфер, включающую большинство вто-

ричных измельченных горных пород, которые в свое время получились из твердых горных пород, превратились в глины, пески, а потом, слежавшись, в песчаники, известняки, мел и т.д. и которые все вместе, в сумме, образуют былые, или ископаемые, биосферы. Часть из них в тех или иных местах вылезает на земную поверхность, но в основном это ископаемые горные породы.

Меня в моей личной уже работе, еще в тот период, когда я начинал в кольцовском институте в Москве и в основном занимался гидробиологией, изучением среднерусских озер, заинтересовала роль живых организмов, ежели хотите, в такой геохимической работе пресноводных водоемов. Через это я и подошел, собственно, уже сознательно к работам Владимира Ивановича Вернадского, в которых он систематически, изучая один химический элемент за другим, показывал участие и механизм работы живых организмов в концентрации и миграции данного химического элемента по земной поверхности, по различным частям литосферы.

Тут вскорости выяснилась еще одна интересная вещь. Вернадский, опять-таки уже, по-видимому, давно носился с такой идеей общей, что живые организмы помимо всего прочего являются важнейшими концентраторами и накопителями рассеянных и редких веществ и химических элементов. Эту мысль можно высказать в очень простой форме и общепонятной: по-видимому, в организмы всяческая дрянь попадает много легче и скорей, чем вылезает обратно. Поэтому организмы действительно концентрируют, накапливают редкие и рассеянные элементы и определенные вещества из окружающей их среды.

Вернадский провел и первый в мире эксперимент в этой области в самом начале 20-х годов в Петергофе, в Петергофском научном институте, принадлежавшем Ленинградскому университету. Он в одном из прудов, довольно больших прудов петергофских, брал воду, профильтровывал ее (в осадке оказывалась достаточная масса планктона, всяких водяных блох, циклопов, дафний и т.д.) и определял концентрации естественных, как мы

сейчас их называем, радиоактивных веществ в чистой воде и в планктоне. Для небиологов нужно упомянуть, что соль этого дела заключается в том, что планктонные живые организмы проходят весь свой жизненный цикл во взвешенном состоянии в воде. Существуют формы поверхностного планктона, которые водятся только в хорошо освещенной верхней части водоема, например ряска, в больших количествах. Следовательно, все, что в них есть, они могут забрать только из окружающей их воды.

Я уже говорил, что Вернадский очень многими делами в жизни своей интересовался и много дел начал в науке вообще и, в частности у нас, в России. Он создал первый Радиевый институт в Петрограде, в котором была разработана очень точная по тому времени и тонкая методика определения количества естественных радиоактивных веществ в воде и вообще в любых природных телах. Так вот, оказалось, что в планктонных живых организмах, концентрация в них в основном радия, отчасти радиоактивного тория, вообще природных естественных радиоактивных изотопов примерно в сто раз выше, чем в окружающей воде. Значит, действительно живые организмы весьма интенсивно накапливают, концентрируют, а в связи с этим и транспортируют рассеянные редкие элементы и вещества. Я так подробно остановился на этой маленькой работке, напечатанной, по-моему, на трех страничках* в «Докладах Академии наук», потому что она, в сущности, явилась основой тысяч современных работ по изучению накопления и транспорта живыми организмами рассеянных элементов и веществ в пределах биосферы. Сейчас это наука модная.

Кстати, напомню неспециалистам, что путем накопления, транспорта и откладывания с трупам образуются целые горные породы, например, мел, которым на черной доске в школе пишут. Мел — это чисто биогенная порода, не что иное, как отложение спрессовавшихся за геологические периоды раковин фораминифер, маленьких морских амебок, содержащих кальций. Эти фораминиферы обладают колоссальной способностью накопле-

ния. У них идет почти односторонний обмен кальция. Что такое амеба, каждый знает, кто в школе учился. Так вот, фораминиферы — это морские очень интересные амёбки со сложной, спирально закрученной раковинкой кальциевой. Раковинка по массе во много раз больше самой амёбки, поэтому амёбе и нужно концентрировать огромное количество кальция. Концентрация кальция в живой массе фораминифер в несколько десятков тысяч раз выше концентрации кальция в океанической воде. Это почти чистый кальций.

Значит, не только радиоактивные изотопы накапливаются и концентрируются живыми организмами, а самые разнообразные. Так и создаются руды. Например, значительная часть железных руд тоже биогенного происхождения. Существует группа железобактерий, у которых очень большие коэффициенты накопления железа. Это уже наш термин — покойницы Елены Александровны и мой — коэффициенты накопления. Природные руды серы в большинстве случаев тоже биогенного происхождения. Бокситы образуются накопителями алюминия. И так далее, и так далее.

Сейчас мы пользуемся определением коэффициентов накопления для самых разнообразных целей. В этом и моя лаборатория, весь мой отдел принимал участие, начиная с 50-х годов, еще до появления моды всеобщей. Сейчас мода — изучение среды обитания человека. А еще лет двадцать тому назад, или двадцать пять, меня прорабатывали и ругали, что вместо практически важных дел — поддержки сельского хозяйства или медицины — я дурью какой-то занимаюсь. А эта дурь сейчас является одной из самых важных вещей, какую нужно срочно изучать людям, потому что мы помаленьку вокруг себя все приводим в такой вид, что скоро люди будутдохнуть, травиться от результатов собственной жизнедеятельности.

Вот старые бабки боятся Обнинска, потому что в Обнинске атомная электростанция была выстроена в свое время. Эта электростанция по теперешним масштабам малютка, маленькая совсем. Сейчас существует много атомных электростанций в десятки, ежели не в сотни

раз крупнее обнинской. Кроме того, она первая в мире и строилась в то время, когда все возможные меры защиты от возможных радиоактивных загрязнений предпринимались, поэтому в Обнинске фон радиоактивный на порядок величин, а для некоторых мест Москвы на два порядка величин ниже, чем в Москве. Много ведь таких предрассудков бродит по свету. Пока люди в основном неграмотные, ничего не читают, тогда ничего, а вот когда начинают читать, образуются десятки миллионов так называемой полуинтеллигенции — вроде грамотных людей, но глупых и серых — тогда очень плохо получается, потому что легко всякие слухи, всякие глупые представления распространяются. Так что господам «москвачам» бояться Обнинска нечего. Это в больших городах вроде Нью-Йорка, Лондона, той же Москвы черт знает что творится. Поэтому следует время от времени приезжать в Обнинск подышать свежим и безвредным воздухом.

Так вот. Хотя я с 22 года перешел в основном на дрозофильные работы в области генетики, но, конечно, у меня остались и радиобиологические, и общебиологические, и географические, и биогеохимические интересы к работам Вернадского и т. д. После переезда в Берлин и организации генетического и биофизического отдела в фогтовском институте сперва в самом Берлине, а потом в Берлин-Бухе я продолжал заниматься экспериментальной и теоретической генетикой, вызыванием мутаций рентгеновскими лучами, излучениями радия и анализом возможных механизмов этих мутаций, а также разработкой учения о микроэволюционных процессах. Все это шло с использованием таких своеобразных моделей природных сред: посевов на экспериментальных грядках облученных семян различных растений, облучения водных организмов, содержащихся в специальных аквариумах, проточных и непроточных, и т.д. Вот эти различные радиобиологические работы, естественно, заставили вернуться активно уже к целому ряду работ и идей Владимира Ивановича Вернадского. Так что в шутку у нас эта часть работ моего отдела называлась «вернадскологией».

Потом уже, после переезда в пределы нашего Отечества, сперва в Сунгуле, а потом в Свердловске и Миассово, мы расширили радиобиологию введением искусственных радиоизотопов в природные сообщества, такие огороженные, окопанные участки леса или луга, то есть в искусственно выделенные биогеоценозы. А так как это понятие было введено Сукачёвым, мы изменили несколько название своих работ. Они стали «вернадскологией с сукачёвским уклоном». Вот мы и занимались вернадскологией с сукачёвским уклоном. Долгое время никто, кроме нас, включая самих Вернадского и Сукачёва, такими вещами не занимался.

Эксперименты наши, совершенно естественно, иначе и не могло быть, протекали в строго обоснованных и достаточно точных частных условиях. Бралась не биосфера Земли, конечно, а бралась некая лабораторная и полулабораторная, искусственно созданная система либо водоемов в виде бачков, проточных или непроточных, через которые пропускались слаборадиоактивные растворы или просто чистая вода, либо какие-то опытные грядки и опытные участки. Но увязывали мы все это теоретически и с геохимическими представлениями Вернадского, и с его общим учением о биосфере, а затем и с учением Сукачёва о биогеоценозах и биогеоценологии.

На немецко-русской научной неделе, о которой я рассказывал, Вернадский вспомнил «грехи молодости» и прочел доклад — очень хороший, но, к сожалению, не о биосфере, не о биогеохимии, а о давнишних своих очень интересных работах — о структуре ядра кремнезема. Он как минералог был одним из первых минералогов, минералогических физикохимиков, и в молодости много занимался кремнеземом. Эти его работы по ядру кремнезема стали классическими.

Две моих встречи с Вернадским за границей были продолжительные. Мы очень много говорили о всяких вещах: научных, философских и всяческих. Всего я не помню, было давно. Но помню, что тогда как раз планировал начало довольно больших экспериментальных ра-

бот в области того, что я называл «вернадскологией», сперва просто «вернадскологией», а потом «вернадскологией с сукачёвским уклоном». В этом смысле я довольно много с ним говорил о его представлениях о биосфере и роли живых организмов на планете Земля.

Мы оба с ним не любили всерьез разговаривать о таких вещах, как происхождение жизни на Земле. Я вам, кажется, уже рассказывал, что когда меня после каких-нибудь популярных докладов или лекций разные дамочки спрашивают: «Николай Владимирович, скажите, что вы думаете о происхождении жизни на Земле?», я всегда отвечаю: «Вы знаете, я тогда был еще маленький и не помню. А если хотите знать точно, то спросите у академика Опарина или у Раисы Львовны Берг. Они точно знают, как жизнь произошла на Земле».

Вот примерно таких же воззрений придерживался и Вернадский. Он не утверждал, но больше всего ему нравилось аррениусовское представление о вечности жизни во Вселенной: по всей Вселенной носятся зародыши каких-то микроорганизмов и, находя на какой-нибудь планете подходящие условия для своей жизни, начинают там эволюцию. Так представлял себе Сванте Аррениус*, знаменитый шведский физик и химик, происхождение жизни. То есть, по его мнению, жизнь, по-видимому, вечна в том же смысле, как вечна Вселенная вообще, и является частицей мирового Добра. По религиозным воззрениям и ряду философских воззрений ведь абсолютное Добро — это вот вся Вселенная, то, что создано Богом, это воплощение Бога во Вселенной. Абсолютного Зла нету, а есть только абсолютизированное зло какого-то падшего существа, в разных религиозных системах обозначаемого различно. Я, к сожалению, лично никогда не встречался со Сванте Аррениусом. Когда я жил за границей, он уже покойник был, а в России он не был, во всяком случае, мне такого не известно. Это один из ученых, которых я теоретически уважал.

Затем с Вернадским много мы говорили на такие философические темы, как пространство и время, об отнесенности времени. Тогда как раз начались у Дира-

ка и Бора трепы. Но они ничего об этом не писали. Вообще написанного и напечатанного на эту тему нет, но говорилось о возможности квантования пространства и времени. Масса была квантована, а пространство и время вроде оставались непрерывными и подчинялись своего рода волновой, а не квантовой механике. Но я лично тогда уже, так сказать, склонялся трепатологически (я не физик и не математик, но любил потреться на эти темы с философской точки зрения, не физико-математической), что, несомненно, и пространство, и время тоже квантованы, имеются порции, кванты времени, кванты пространства. Вот об этом, я помню, наверное целый час мы трепались с Владимиром Ивановичем Вернадским во время его приезда в Берлин на немецко-русскую научную неделю.

Любопытная вещь, о которой мало кто задумывается, хотя для этого не нужно быть естественником, или физиком, или математиком. Мы знаем химическое и биологическое «ничто»: когда мы с вами помрем, то мы как земные живые существа перестанем существовать. Так? Мы знаем химическое «ничто» — торричеллиеву пустоту. Теоретически можно, а сейчас некоторые чудачки утверждают, что и практически могут (наверное, врут) абсолютную пустоту измерить с достаточной точностью. Во всяком случае, можно выпустить все из некоего непроницаемого сосуда и получить торричеллиеву пустоту, то есть пространство, в котором не содержится ни одной молекулы, ни одной элементарной единицы вещества. Это будет химическое «ничто».

Но вот никто не задумывается, что физического «ничто» мы не знаем, потому что в торричеллиевой-то пустоте, через нее и лучи проходят всякие; если что, то можно и рентгеном пролучить насквозь, и будут там в огромном количестве и кванты, и даже элементарные физические частицы. Так что торричеллиева пустота — это не есть физическое «ничто». Если ее теоретически устроить в пределах сосуда из очень крепкого стекла, то свет будет проходить, а свет — это сплошная физика. Так или не так? Я-то лично, а по моим воспоминаниям

о наших разговорах или трепках, и Владимир Иванович Вернадский придерживались близко к такой мысли, что если когда-нибудь будет квантовано пространство и время, то будет и взаимодействие квантов пространства и времени, а физическим «ничто» будет отсутствие такого взаимодействия. Это опять представить себе очень трудно, конечно, потому что квантов времени и пространства будет бесчисленное множество.

То, о чем я сейчас говорю, это чистая фантастика пока что. Вот, например Дирак, крупнейший английский физик и математик прекрасный, склонен был к такой фантастике. Мы с ним сходились в нелюбви к научной фантастике так называемой, научно-фантастическим романам. Я их терпеть не могу. Я очень люблю «дефективы», Агафью Кристи и т.п., и не люблю фантастические и приключенческие романы.

В один из приездов Вернадского в Берлин приезжала повидаться с ним его дочка*, бывшая уже замужем за Толлем*. Был такой барон Толль, очень симпатичный человек, сын знаменитого путешественника и исследователя Арктики барона Толля, погибшего где-то в районе Восточно-Сибирского моря или моря Лаптевых. Очень интересная семья была Толлей. Я не помню, просто забыл, приезжал ли тогда повидаться с отцом сын Владимира Ивановича Вернадского Гуля*, Георгий Вернадский, который был уже профессором Йельского университета в Соединенных Штатах, с которым тоже мы были знакомы и у которого мы с Еленой Александровной были в наш приезд в Соединенные Штаты в 32 году.

Мы тогда специально ездили в Йель как следует посмотреть знаменитый Йельский университет и повидаться с Гулей Вернадским. Мы как раз попали к нему в то время, когда он был деканом философского факультета Йельского университета. Это один из самых старых, ежели не самый старый американский университет, такой весьма аристократический, с традициями. В Америке ведь в университетах смешанная система. И на немецкий, и на английский, и на русский, и на французский манер — на всякие манеры. И смесь разных манеров тоже встречается.

Вот Йель, кажется, смесь английского и немецкого университетов. А в немецком университете в философский факультет входит все: и естествознание, и вся гуманитария — все. Это философия.

И Гуля Вернадский был, по-моему, деканом философского факультета и был в самом писании своей замечательной книжки* «Начертание русской истории». Он историк ведь по профессии, он сам читал курс русской истории и курс степоведения. Книжка на английском языке вышла в трех или в пяти томах, не помню точно, закончена была уже после войны, по-моему, или во время войны. Полного английского издания я ни разу не видел. По-русски читал только краткое однотомное «Начертание». Издано оно было в Праге этими знаменитыми евразийцами. Перевести ее, конечно, у нас не перевели сдуру, ведь у нас эта наука не в чести — геополитика. Это история России на геополитической основе, так сказать. Он рассматривает развитие Российского государства с VIII—IX века как наследника степных империй, в число которых входит и Киевская Русь, кончая Чингизом.

После посещения нами Гули Вернадского в Америке личных контактов с семьей Вернадских у нас больше практически не было. Только дочка Вернадского бывала пару раз в Берлине и видалась с нами. А затем личные контакты совсем прекратились, как раз в то время, когда у меня начался самый расцвет вернадскологии.

Сукачѳв и Вавилов

В 30-е годы стали появляться так называемые искусственные радиоизотопы. Первыми Жолио-Кюри, Ферми, еще несколько физиков в основном путем бомбардировки сравнительно тяжелыми альфа-частицами, а потом и нейтронами стали получать искусственные радиоизотопы целого ряда химических элементов.

Ну, почему нужны радиоактивные изотопы, ясно. Чтобы устанавливать ничтожные следы, очень малые ко-

личества редких и без того элементов, встречающихся, скажем, в среде обитания или в живых организмах в очень низких концентрациях, нужны либо предельно точные аналитические методы, крайне сложные и в конце концов неточные, либо физический метод измерения радиоактивности — метод точный, по самой своей природе количественный. Измеряется число распадов или, как часто говорят, практически число частиц. Так что при желании и терпении, ежели долго мерить, можно измерить концентрации радиоактивного соответствующего изотопа фантастически низкие: один на миллион атомов, скажем.

Следовательно, стали возможны методы внесения, введения радиоизотопов, природных или искусственных, в те или иные живые организмы, а затем измерение содержания этих элементов в организмах, их утерю или появление в среде обитания. Проще всего это было делать на водных организмах — то, что выходило из водных организмов, попадало в водную среду. Значит, можно было промерять радиоактивность тех вод, в которых жили испытуемые организмы. И этим путем в принципе можно решать очень интересную проблему — проблему судьбы химических элементов в сложных природных системах, в определенных комбинациях среды обитания и живых организмов. Причем можно было изменять систему, из сложных систем брать сколько угодно компонентов живых и косных в зависимости от возможности, трудолюбия, времени и т.д. Можно было сконцентрировать свое внимание на немногих организмах и немногих компонентах среды: скажем, трава, кустарники, почва поверхностная или с определенной глубины. А можно было взять сотни компонентов неживых и сотни живых организмов, микроорганизмов, растений и животных. Все это зависело опять-таки от возможностей, сил, терпения и трудолюбия.

Чтобы связать такого рода эксперименты с осмысленными природными условиями и явлениями, я воспользовался, уже много позже, понятием, которое в конце или где-то в середине 40-х годов начало вводиться Владими-

ром Николаевичем Сукачёвым, замечательным ботаником, пожалуй, одним из крупнейших ботаников XX века в мировом масштабе и, как все крупные ученые, очень замечательным человеком. По человечеству это был, подобно Вернадскому, совершенно изумительный, милый, хороший человек, человек, как-то удивительно хорошо относившийся ко всему своему живому и косному окружению.

Я очень рано познакомился с ним литературно. Одна его коротенькая книжечка «Лес как растительное сообщество», вышедшая в годы первой мировой войны, так в году 15-16-м, сыграла в моей жизни очень большую роль. Я тогда не знал, куда мне направиться окончательно, так сказать, профессионально: в искусствоведение, главным образом в историю живописи, или же в зоологию, вообще в естествознание. Но тут помогли две книжечки маленькие: вот сукачевский «Лес как растительное сообщество» и такая же тоненькая, в Москве же изданная, по-моему, брошюрка замечательного зоолога Книповича «Каспийское море». Как Сукачёв описывал жизнь леса, так Книпович описывал жизнь этого замечательного водоема — Каспийского моря. Эти две брошюры меня окончательно утвердили в необходимости заниматься естествознанием в биологическом аспекте.

Кроме того, мне тогда же пришлось прочесть несколько «интересных» искусствоведческих статей, написанных таким собачьим, символистским языком и содержавших такую галиматью, что я пришел в ужас. И хотя продолжал слушать в университете Шанявского, а потом в Московском университете искусствоведческие лекции, общую историю музыки, живописи, и в частности русскую древнюю живопись, иконопись, древнюю фреску, с одной стороны, и с другой — новую русскую живопись XIX — начала XX века и итальянский ренессанс, но, конечно, профессионально заниматься подобной белибердой, словоблудием, не стоило. И я занялся, уже, так сказать, в качестве профессии, естествознанием.

С тех пор мне и стало известно имя Владимира Николаевича Сукачёва. Он лесовед был, но он был петербур-

жец, жил и работал в Петербурге, потом в Ленинграде. А я был не теперешний москвач, а настоящий москвич, и жил и учился в Москве. Мы считали петербуржцев болотными жителями — они на болоте живут, столицу из себя изображают и на Марсовом поле парады устраивают. Но парады я очень любил. В Петербурге я очень любил сам Петербург — город, балет в Мариинском театре и парады на Марсовом поле. Потому что военные парады — это замечательная вещь. Это почти так же хорошо, как балет.

Лично познакомился я с Сукачёвым поздно, после того как вернулся из долговременного пребывания за границей в обширное наше Отечество, претерпел некоторые приключения и уже затем лично познакомился с Владимиром Николаевичем Сукачёвым. И несмотря на то, что он на девятнадцать лет старше меня был^{*}, мы с ним стали очень большими друзьями. Он был совершенно замечательный человек. Он был глух как тетерев, пользовался таким телефоном ушным: в ушах у него что-то торчало, а на животе болталось что-то, чтобы слушать. Он был человек, кроме всего прочего, жизнерадостный и вообще здоровый и веселый. И всегда говорил: «Вот, Николай Владимирович, конечно, неприятна глухота (глухота у него была оттого, что во время экспедиций в малярийные места в молодости он пережрал хинина — это самая подлая глухота, ничем ее потом не вылечишь), конечно, некоторые неудобства и неприятности, но зато сейчас, когда столько несут совершеннейшей белиберды, отключаешься — и, пожалуйста, трепитесь на здоровье». Всю эту лысенковщину и мичуринщину он совершенно не переносил.

Академиком он стал еще до главного, я бы сказал, такого уже чекистского расцвета лысенковщины. С середины 30-х годов сажали уже миллионы и миллионы. Но за научные и теоретические вещи не прямо сажали в лагерь, а сперва выгоняли со всех служб и лишали возможности работать, а уж потом при ближайшей okazji сажали в лагерь как, так сказать, неработающего. Сукачёв много раньше стал членкором, а потом академиком, по-моему, в конце войны. И это, до известной сте-

пени, его, конечно, спасло. Во-первых, с академиками обращались немножко все-таки бережнее. Их было не так уж много, поэтому миллионами их сажать нельзя было, тысячами тоже, да и сотнями нельзя было сажать. А сажать единицами скучно, ни к чему. Даже десятками сажать скучно. Поэтому он как-то остался жив и здоров.

Но в эти годы, тяжелые очень для биологии, с конца 30-х и, во всяком случае, до 56 года, значение его было огромно: он старался как-то помочь всем тем молодым биологам, которые страдали от мичуринско-лысенковской биологии, как-то устраивал их у себя в институте или еще где-нибудь, на опытных полях и станциях, и этим много помог многим людям.

Я с ним лично познакомился во второй половине 50-х годов и потом часто приезжал к нему, он уже был в Москве. Каждый раз, когда приезжал в Москву, бывал у него. Это единственное место на Земле, где я исключительно от любви и уважения к Владимиру Николаевичу Сукачёву пил белое вино. Я пью красное вино, а белое терпеть не могу. Даже в Париже, когда мы жили там в 37 году недолго и работали в Институте биологии и физикохимии, я специально на полдороге от дома к институту вылезал и в одну боковую улицу уходил, где находился такой трактир для людей, которые ели устрицы с красным вином, а не с белым. Большинство людей едят устрицы с белым вином, а в Париже было несколько кабачков для любителей есть устрицы с красным, а не с белым вином. Вот и я, значит, каждый день ел там устрицы с красным вином, что очень приятно. А белое вино пил только из любви к Владимиру Николаевичу Сукачёву. Кроме уважения, любви и дружбы, я чувствовал к нему этакое почтение как к человеку меня много старше и, так сказать, настоящему ученому.

То, что он академик, на меня, конечно, никакого впечатления не производило, потому что все эти профессорские и академические чины на меня никак не действуют. Я считаю, что это, скорее, отбор по признаку легкой бездарности, чем наоборот. Среди академиков, в том числе и русских, и даже среди советских академиков,

было несколько человек и есть еще несколько человек действительно крупных ученых, но это, конечно, исключения. Большинство — чиновники. А Сукачѳв — что угодно, только не чиновник был. Он очень хороший был человек. И жена его, Поплавская, полька, была очень симпатичная, ботаник, всю жизнь вместе с ним проработала и его пережила, потому что была много моложе. А он умер, к сожалению, в 67 году на восемьдесят восьмом году жизни, уже немолодым человеком.

Он мне иногда писал длинные письма, потому что мы жили в 50-х и в первой половине 60-х годов на Урале, в Свердловске и в Миассово, на станции биологической. Он часто мне туда писал. Старик все собирался приехать ко мне на биологическую станцию. Я очень хотел его заполучить на пару неделек в Миассово, на берег Большого Миассовского озера. Он лет сорок тому назад, в самые первые годы XX века, на территории Ильменского заповедника, где моя станция, был на этом Большом Миассовском озере и вспоминал его всю жизнь как самое замечательное и красивое место на Земле, которое когда-либо видел. И действительно, это была красота совершенно неопиcуемая. Но тем не менее я его отговаривал.

Конечный этап до нашей биостанции был из города Миасса на машине. Но без вещей я и люди моего возраста и склада, а я был человеком всегда быстрым и выносливым, эти тридцать с лишним верст от станции пешком проходили и быстрее, чем на машине. Эти тридцать верст — смесь болота с колдобинами и каменными глыбами. И за пять-шесть часов на машине перетряхивало так, что к концу дороги люди вываливались из машины. Единственное, что проходило, это «ГАЗ-63» — такая небольшая вездеходная машина, у которой так называемая амортизация, рессоры, были точь-в-точь такие, как у старой мужицкой телеги. Представляете себе, автомобиль с рессорами типа мужицкой телеги. По такой дороге! Когда человек в конце пути вываливался из этого «ГАЗ-63» или его вытаскивали за ноги, как кладь, то он некоторое время никак не мог разобрать, где у не-

го внутри печенки и где селезенки, сердце и прочие внутренности. Все это перепутывалось за дорогу. Ну, и доставлять старика Сукачёва, человека полного, хотя и быстрого, все-таки мы не рисковали.

А я еще до 64 года, когда мне было почти шестьдесят пять лет... в 64 году мы оттуда переехали в Обнинск... я вот эти тридцать с чем-то верст бегом пробегал. Ну, не состязался ни с кем, конечно, марафонные рекорды не бил, но мог пробежать бегом эти тридцать верст. Несколько раз приходилось мне десять верст в одну сторону пробегать на дальние от нас копи по пересеченной местности, по гористой, за такой брочкой с дамским полом: дамов сажали мы в брочку, молодые люди выходили несколько вперед, а брочку с дамами сопровождал я впереди коня, указывал дорогу, а за мной рысцой, трусцой, значит, веселой такой рыжей масти жеребчик тянул повозку с четырьмя-пятью дамами.

Так вот, я уже с 30-х годов начал в своих работах кое в чем основываться на биогеоэкологических воззрениях Сукачёва, на общих его воззрениях относительно сообществ живых организмов и их связи с окружающей средой. У меня появилась тогда же мысль о том, что как-то более или менее точно ограниченные участки, занятые определенным живым сообществом и определенным типом неживой среды, должны составлять какие-то элементарные участки всей биосферы Земли. Биосфера Земли состоит из таких элементарных биогеоценозов. В сукачевско-timoфеевском понимании такой элементарный участок — это некий участок косной среды, заселенный определенным биоценозом, через который не проходит ни одна установившаяся граница: ни биологическая, ни климатическая, ни гидрологическая, ни стоковая, ни почвенная, ни грунтовая. Ясно? Такой участок Сукачёв назвал биогеоценозом, а я счел их элементарными структурно-функциональными единицами биосферы Земли.

Начали мы еще в Сунгуле, в атомной системе, а продолжили в Миассово, в УФАНе, в Уральском филиале Академии наук, работы по изучению накопления живыми

организмами различными мечеными атомами, радиоизотопов, и распределения радиоизотопов по разным живым и косным элементам биогеоценоза. Вышло у нас несколько сотен таких работ и парочка сборников с солидными работами на эти темы. Шесть сборников вышло работ отдела биофизики Института биологии УФАНа.

Химические элементы (радиоизотопы) вносились по-разному, чаще всего в сухопутные модели биогеоценоза — в «гробы» или большие ящики, где внизу был какой-нибудь грунт или почва: иногда камни, потом галька, щебенка, потом уже песок и почва, затем засеяно определенными видами растений, пущены были дождевые черви, всякие личинки насекомых и прочее. А кроме того, были водоемы из оцинкованного железа — большие бачки с верхним стоком... У нас были системы, не помню, восемь или десять проточных бачков, один за другим установленных, первый повыше, последний пониже. Через верхний сток они сообщались друг с другом. Это на открытом воздухе все было, все это занимало большое такое пространство. Было, по-моему, шесть таких рядов по десять бачков, тоже с соответствующим грунтом. Они, как аквариумы, загроузились и песком, и водяными растениями, и всякими беспозвоночными, и рыбы бывали там — всякая всячина.

Я всегда старался экспериментировать наипростейшим способом, я терпеть не могу сложную аппаратуру. Есть, конечно, в так называемых точных науках, например в физике, в физической химии, в химическом анализе... существуют разделы, где действительно нужна сложная, точная аппаратура. Но в течение долгого времени, особенно у нас, да и во всем мире, увлечение какое-то патологическое сложностью аппаратуры. И часто люди, особенно молодые ученые, думают, что чем сложнее аппаратура, с которой они играют в игрушки, тем, значит, выше и точнее наука, которой они занимаются. Очень часто бывает как раз наоборот: чем сложнее и точнее аппаратура, тем глупее и менее точна наука, которая с этими аппаратами продлевается. Нужно всегда помнить, что аппараты нужны и аппаратура и методика нужны оптимальной, а не максимальной точности. В целом ря-

де биологических опытов, например, мерить температуру до сотой доли градуса Цельсия — совершенно бессмысленное занятие, которое усложняет работу и снижает точность.

Нами, в общем, за восемь лет пребывания в атомной системе в Сунгуле и за девять лет пребывания в УФАНе были проведены эксперименты с двадцатью одним химическим элементом, различными радиоактивными изотопами соответствующих атомов, примерно с тремя десятками водных растений и двумя десятками водных животных. Кроме того, были занятные специальные эксперименты проведены с лишайниками и бактериями, о чем я сейчас скажу особо несколько слов.

Общий вывод из всех этих опытов можно сформулировать так: каждый химический элемент отличается от любого другого своими коэффициентами накопления в живых организмах. Есть сравнительно слабо накапливающиеся химические элементы, коэффициенты накопления десятки, сотни. Есть хорошо накапливающиеся: коэффициенты накопления порядка тысячи. Это значит, что через некоторое время, когда устанавливается более или менее равновесие, то оказывается, что концентрация этого элемента в организме в тысячу раз больше, чем в окружающей среде. Равновесие всегда должно какое-нибудь устанавливаться, потому что постоянно происходит обмен между организмом и средой. Наконец, существуют элементы, которые имеют огромные коэффициенты накопления в некоторых живых организмах — порядка десятков тысяч. Я, кажется, уже упоминал радиолярии — морские амёбки с кремнеземным красивым игольчатым скелетом — основные накопители кремния. Концентрация кремния в океанической воде ничтожна. А кремниевый скелет радиолярии — это примерно три четверти ее веса, значит концентрация кремния в нем почти в миллион раз выше, чем в морской воде. Это фантастическая накапливаемость.

Второе умозаключение, может быть, еще более важное. Не меньший размах имеют коэффициенты накопления разными живыми организмами (тут нужно обращать вни-

мание на грамматику, на разные падежи) различных химических элементов. Эти различия коэффициентов накопления разными организмами различных химических элементов могут также варьировать от десятков до сотен тысяч.

Третье важное обстоятельство. С простой физико-химической точки зрения проще всего было бы принять: какого-то вещества из воды должно проникать в твердую фазу, находящуюся в этой воде, тем больше, чем больше относительная поверхность этой твердой фазы, то есть чем меньше ее частицы. Оказалось, как и следовало ожидать, это простое физико-химическое правило некоторое значение имеет. Одного типа живые организмы по отношению к одному и тому же химическому элементу, радиоизотопу, имеют тем большие коэффициенты накопления, чем они меньше. Но вообще же разные виды живых организмов, очень сильно различающиеся по величине, могут иметь очень разные коэффициенты накопления определенного химического элемента независимо от их величины.

Это очень существенная вещь. Между прочим, мы ожидали особенно высоких коэффициентов накопления у бактерий. У многих же водных бактерий коэффициенты накопления оказались меньше, чем у одноклеточных водорослей, которые по объему, по массе своей в сотни раз крупнее этих бактерий. На самом деле соотношение бывает очень различное. Но, в общем, можно высказать в качестве утверждения, что, по-видимому, коэффициенты накопления в основном определяются не просто относительной величиной поверхности накапливающего организма, а какими-то процессами интенсивности обмена веществ, с одной стороны, и какими-то связывающими накрепко накапливаемые атомы внутренними молекулами в структурах соответствующих клеток. Следовательно, можно сформулировать правило, которое я уже формулировал, и подчеркиваю, что это формулировка эмпирического правила. Коэффициенты накопления определяются тем, что по отношению к большинству рассеянных элементов окружающей среды у живых организмов быстрее происходит проникновение атомов из

среды в организм, чем выделение из организма тех же атомов в среду.

Вот это основные такие закономерности общие, которые и явились результатами этих опытов. Но эти опыты все-таки нужно было проделать, потому что до них никто ничего путного не знал обо всем этом. Применение вернадскологии с сукачёвским уклоном к радиобиологии, к изучению распределения меченых атомов между средой обитания и определенными живыми организмами привело помимо прочего к развитию некоей новой дисциплины — радиационной биогеоценологии. Первую сводку такую общедоступную, ни в чем не секретную, я дал в «Ботаническом журнале», по-моему, в 57 году*. Ну и, кроме того, по-моему, было еще в биологическом разделе «Бюллетеня» МОИПа, Московского общества испытателей природы. Мы посвятили ее Владимиру Николаевичу Сукачёву. И как-то с его смертью мы не сделали, не написали с Тюрюкановым третьей статьи... Вот. На этом можно, пожалуй, покончить с биогеоценологией.

Я забыл упомянуть, что помимо модельных лабораторных и полублабораторных опытов мы работали на станции Миассово, в окрестностях этой станции, просто на территории заповедника, в тайге, на избранных и огороженных нами участках в естественных природных условиях. Ну, я не люблю говорить «естественные», потому что антитезой является «противоестественный», а что такое противоестественный? В природных условиях мы работали, на опытных площадках, и, конечно, основными были ботанические работы. Поэтому некоторое косвенное влияние на методику работы и на постановку опытов оказывали чрезвычайно разнообразные многочисленные идеи еще одного очень крупного, очень крупного русского ученого, ботаника Николая Ивановича Вавилова.

Это была вообще одаренная семья. Брат его, Сергей Иванович Вавилов*, физик, одно время был президентом Всесоюзной Академии наук. Он, конечно, был очень хорошим физиком, но таких физиков, как Сергей Иванович Вавилов, в мире все-таки довольно много, во

всяком случае, десятки не менее крупных. А Николай Иванович Вавилов наряду с Сукачёвым, в совершенно другой области, был, конечно, одним из крупнейших, в мировом масштабе, ботаников XX века.

Я его хорошо знал. Когда он работал в Москве в Петровско-Разумовской академии, я еще был гимназистом и не интересовался его делами, да и он тогда был малоизвестен. Затем он несколько лет провел в Англии, учась генетике у Бэтсона^{*}, затем, вернувшись, продолжал работать в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии. Я с ним опять-таки в то время еще не был знаком. А затем он уехал профессорствовать в Саратов. И, собственно, в Саратове-то он и прославился. К концу своей саратовской деятельности, к 1920 году, он опубликовал несколько капитальных работ. Во-первых, об иммунитете у растений. Это работа, которую можно считать классической, она имеет значение до сих пор. Во-вторых, он занялся сравнительной обработкой сортов, в первую очередь различных культурных злаков, различных пшениц, ржи, ячменей, овсов и т.д. И уже будучи генетически образованным человеком, подметил одну общую закономерность, а именно, что у близких видов очень резко выражен параллелизм в наследственной изменчивости. По мере удаленности систематической резкость выраженности снижается, но остается в известной мере.

Вот в этом месте я должен уже сказать об одной человеческой особенности или способности Вавилова, которая позволила ему сформулировать его основные работы, те, которые прославили его на весь мир. Мне эта его особенность потом стала вполне ясна и знакома уже лично, потому что вскоре я с ним познакомился, а затем и подружился, об этом я потом скажу. Вот это свойство Вавилова можно так сформулировать: изредка попадают люди, которые не тонут в огромном материале.

Обыкновенно человек, накапливая по какому-нибудь вопросу в какой-нибудь области материал, накопив этого самого материала достаточное количество, в конце концов более или менее тонет в этом материале. Мате-

риал его захлестывает. Конечно есть такие, особенно немцы, которые с самого начала, примерно с шестилетнего возраста, с поступления в школу (за границей в школу дети поступают с шести лет, а не с семи, как у нас, что много целесообразней), все свои вещи укладывают аккуратно каждый вечер по ящикам, на свои места, и, становясь учеными, свои ученые материалы тоже все раскладывают по ящикам, по полочкам, туда, куда нужно, и не дают материалу себя утопить. Но зато они в конце концов тонут в аккуратности. Потому что соблюдение аккуратности есть вещь тоже небезопасная. Она человека превращает в архивариуса. Так? И это ужасная вещь, потому что тогда человек теряет способность все-таки работать. И вот изредка встречаются люди, которые в материале, сколь бы огромен он ни был, не тонут. И вот этим свойством обладал в яркой, ярчайше выраженной степени Вавилов. Он обладал талантом сбора огромного материала и приведения его прежде всего у себя в голове, а затем и на бумаге в порядок в форме определенных таблиц, замечая сравнительные сходства и несходства в отдельных представителях собранного им материала.

Так вот, первый огромный материал, им собранный, касался наследственной изменчивости, то есть разнообразия сортов и признаков у ряда культурных растений. Прежде всего лично он сам занялся злаками культурными и усмотрел такую штуку: число находящихся у человека в культуре злаков сравнительно велико — десятки. У каждого широко распространенного вида злаков десятки, иногда сотни различных местных сортов. Значит, получается общее количество — тысячи различных форм растений, принадлежащих к одному и тому же семейству злаковых.

Вот Вавилов умудрился все это огромное многообразие сравнить и увидеть в нем весьма замечательную вещь. Если мы изберем, а это среди культурных злаков можно, один или два, в крайнем случае три, вида, наилучше изученных, самых распространенных, имеющих самое большое число различных сортов и признаков, отобран-

ных человеком за иногда тысячелетнюю историю этих культур, то все эти признаки, все эти десятки, сотни, в конце концов даже до тысячи признаков, можно расположить в некую таблицу по органам и частям растений в какой-то последовательности.

И Вавилов проделал такую штуку. Он у наилучше изученных, как я уже сказал, растений из числа культурных злаков собрал все известные наследственные признаки, расположил их в определенном порядке в таблицах и сравнил все известные в то время ему подвиды, формы и сорта. Таблиц было составлено много, конечно, материал огромный был. Он тогда же, еще в Саратове, пристегнул к злакам и бобовые — различные горохи, вики, бобы, фасоли и т. д. — и еще какие-то культурные растения. И оказалась в очень многих случаях параллельность у очень многих видов. Конечно, у каждого семейства, рода, вида растений все признаки имели свои особенности, свою форму, свой способ выражения. Например, цвет семян от почти белого до почти черного варьировал почти у всех культурных растений. Значит, ежели у лучше изученных злаков с огромным количеством уже известных, изученных сортов и форм описано несколько сот различных признаков, а у других, менее изученных или диких родственников культурных видов многих признаков нет, то их можно, так сказать, предсказать. Они будут-таки найдены на соответствующем большом материале.

Вавилов показал, что в общем и целом наследственная изменчивость всех растений в очень сильной степени варьирует параллельно. Он назвал это гомологическими рядами изменчивости растений. И указал, что чем ближе виды друг к другу, тем больше эта гомология рядов изменчивости признаков. Целый ряд разных общих закономерностей был выявлен на этих гомологических рядах наследственной изменчивости растений. И это обстоятельство было взято Вавиловым в качестве одной из важнейших основ дальнейшей селекции и поисков хозяйственно полезных признаков у вводимых в культуру растений.

Изучение гомологических рядов наследственной изменчивости прежде всего у культурных растений, затем у домашних животных является теперь уже само собой разумеющимся, одной из основ дальнейшей селекции нужных человеку сортов тех или иных видов изучаемых растений. Это было, может быть, одно из первых крупных достижений Вавилова мирового масштаба, которое очень быстро и создало ему мировое имя. Имя ежели не первого и лучшего, то одного из первых и лучших прикладных ботаников в мире.

Параллельно с этим Вавилов совершил по всему миру — по всей Европе, большей части Азии, по значительной части Африки, по Северной, Центральной и Южной Америке — большое количество экспедиций со сбором огромного материала, в основном по культурным растениям. В 20 году, по-моему, Вавилов был сделан директором* Бюро по прикладной ботанике и новым культурам. Это Бюро было несколько изменено и превращено в Институт по прикладной ботанике и новым культурам, потом в Институт прикладной ботаники, генетики и селекции растений. А к концу 30-х годов он стал уже Всесоюзным институтом растениеводства. Это название и до сих пор сохранилось, хотя мировой удельный вес его после гибели Вавилова, конечно, сильно упал. Но все-таки многие вавиловские традиции и до сих пор поддерживаются, и часть огромной мировой живой коллекции сортов, подвидов и форм культурных растений буквально из всех групп культивируемых на земном шаре растений сохраняется в Пушкине, бывшем Детском Селе, бывшем Царском Селе. Это живой музей, каждый год пересеивающийся заново, созданный Вавиловым. То же и на бесчисленных опытных станциях, разбросанных по всему Советскому Союзу.

Во время своих многочисленных поездок Вавилов опять-таки умудрился не потонуть в огромном материале, в данном случае уже географическом многообразии форм различных видов культурных растений. Он наносил всё на карты большого масштаба разноцветными карандашами, сперва играя, как малые дети, в географиче-

ские карты, а потом все это переводя в сравнительно простые небольшие карты с черными значками различного типа для разных форм культурных растений. Так он обнаружил в мире, на земном шаре, в биосфере нашей планеты, несколько центров многообразия культурных растений. И показал, просто на картах, расползание, распространение на Земле не только отдельных видов, но определенных групп видов, окультуренных, по-видимому, впервые в определенном месте, ну, скажем, в северном или среднем Китае или в горной части Северной Африки, или, скажем, в районе Перу, в Южной Америке, в горах, в Андах. Оттуда обыкновенно не один вид каких-нибудь культурных растений, а группа хозяйственно друг с другом связанных видов, возникших как культурные растения и прижившихся как культурные растения в определенном месте, расползались по Земле. Некоторые недалеко, на небольшое расстояние, а другие завоевали полмира, как говорится, вроде той же пшеницы или гороха.

Вавилов, таким образом, установил центры многообразия и происхождения различных форм культурных растений в разных местах земного шара. И создал целую теорию происхождения культурных растений в различные эпохи древнейшего и древнего мира. Это было вторым большим достижением Вавилова, опять-таки мировым. Сейчас невозможно дальнейшее развитие истории мирового земледелия и истории очагов происхождения культурных растений без созданного Вавиловым фундамента. Существуют попытки, так сказать, некоторой реформы и видоизменения вавиловских воззрений, но, можно сказать, что это частности по сравнению с общей мировой картиной, созданной Вавиловым.

Значит, я перечислил уже три огромных достижения: иммунитет растений, закон гомологических рядов и теория центров земледелия и возникновения различных форм культурных растений. Пожалуй, последнее, что хочется назвать из общих достижений Вавилова, это большое количество его работ и усилий, главным образом усилий, уже в смысле пропаганды на различных кон-

грессах, международных и всесоюзных, написание статей научно-популярных по проблеме продвижения земледелия на север в первую очередь и в области, занятые пустынями и пустошами, соединенное с охраной природы в совершенно современном и даже предназначенном для ближайшего будущего смысле: продвижение культуры вместе с разумным отношением к сообществам живых организмов биосферы. Вот в этих направлениях Вавилов является совершенно исключительным, я бы сказал, исключительно крупным ученым в мировом масштабе.

А ежели к этому взять Вавилова как человека, о чем я пару слов сейчас еще скажу, то Вавилова можно называть, как немногих других людей, явлением природы. Это не просто человек, а это явление природы. Совершенно исключительное явление природы. Потому что как человек Вавилов обладал опять-таки целым рядом качеств. Он был очень здоровым человеком, очень работоспособным человеком. Как и мне, ему тоже в молодые годы стало обидно, что когда станешь помирать, жаль будет, что треть жизни проспал, и он выучился обходиться малым количеством часов глубокого сна без снов. И так же, как я, с пятнадцати-шестнадцатилетнего возраста и до конца своего он обходился в среднем, в зависимости от времени, занятости, условий жизни, пятью часами сна в сутки.

Когда он во вторую половину 20-х годов и до 34-го (он был последним из советских ученых, которого еще изредка выпускали за границу) ездил в какие-нибудь командировки заграничные или путешествия, то всегда ехал через Берлин, всегда встречался с нами и чаще всего и ночевал у нас. Так что мы были в курсе всех вавиловских дел и очень много разговаривали, иногда спорили, а иногда просто, так сказать, соорили совместно на какие-нибудь темы до двух часов ночи, потом с шести часов утра продолжали, поспав четыре часика.

Таким образом, Вавилов обладал исключительным здоровьем, физической силой и жизнеспособностью. Думаю даже, что эта его замечательная способность не тонуть в огромном материале в какой-то мере была связа-

на с его физической природой, физической силой, малым количеством, но очень крепкого сна, здоровьем и т.д. Затем он был от природы оптимистом, но не в обычном опять-таки смысле этого слова, а он считал, что при всех и любых условиях должен максимально работать и всегда делать то, что считает нужным и выгодным в научном и научно-прикладном смысле. И при этом не тонуть уже не в большом материале, а в человеческой толпе. В расцвет сталинской эпохи это было очень трудно. Но он как-то прогребал через все невзгоды 30-х годов (до поры до времени, правда).

Николаю Ивановичу Вавилову всюду и всегда было ловко, и он всегда находил для себя правильный путь. А его стойкость и, так сказать, умение в каждой ситуации не теряться я поясню таким примером. Произошло это в самом начале 30-х годов. Приехали к нему, по его приглашению, познакомиться кое с какими науками американский генетик знаменитый Герман Мёллер, мой тоже друг большой, и два англичанина-хлопководы. И Вавилов их таскал почти по всему Советскому Союзу: по всему Кавказу, по всей Средней Азии, и на Байкал, и всюду. Рассказывал мне все это потом очень картинно Мёллер, будучи у меня в Берлине, рассказывал во всех подробностях. Во-первых, Вавилов, исходя из собственных привычек, считал, что рабочий день можно вполне комфортабельно, оставляя на вечерний треп пару часов, кончать в десять часов вечера, а начинать в шесть часов утра. Спать можно с часу до пяти, ночью, четыре часа. Достаточно. Примерно в соответствии с такой суточной программой он распределил и план вояжа, главным образом на аэропланах. Аэропланы тогда были не такие, как сейчас: восьмидесяти- или стодвадцатиместные, с удобными мягкими креслами. А были очень небольшие, обыкновенно шестиместные, с неудобными жесткими сидениями. Их болтало, качало, особенно в гористых местностях, потому что высоко они не летали. И вот летели они из Баку в Тифлис, по Закавказью. Поднялся сильный ветер. И в один прекрасный момент, километров еще за двести от Тифлиса, летчик оборачивается и

кричит Николаю Ивановичу Вавилову: «Мне очень жаль, но придется, весьма вероятно, нам всем разбиться, потому что бензин у меня кончился, получить его негде, а с наличным бензином до Тифлиса мы, наверное, не долетим... Значит, готовьтесь на всякий случай, что никуда не прилетите, только на тот свет».

Мёллер уже немножко знал русский язык, один англичанин тоже немножко русский знал. Словом, они поняли, что дело «швах». Попросили Николая Ивановича перевести им. Он перевел, чего ж там: «Весьма вероятно, что летим мы с вами в последний раз, сокрушимся к чертям собачьим, разобьемся. Сделать ничего нельзя. Ураган какой-то поднялся невероятный. Я предлагаю, раз представляется такой экстраординарный случай — делать ничего нельзя, разговаривать в этом дребезжащем аэроплане тоже трудно, а спать можно, — значит, я предлагаю выспаться. Да и лучше лететь сверху вниз во сне, чем наяву». Вытянулся в своем кресле и заснул. Мёллер вытащил книжечку, стал в книжечке своей карандашиком писать свое завещание, что там он завещает жене, что сыну. Англичане тоже вытащили, тоже завещания стали писать, что передать родственникам, друзьям и т.д. А потом сидели и дрожали.

Продрожали они, то есть иностранцы, а проспал Николай Иванович Вавилов. Ветер вдруг затих, они в какую-то долину вылетели, и, с веселым видом обернувшись, летчик сказал, что как раз до Тифлиса должно хватить. Ежели не хватит, то самую малость, — на Куру сядем, на воду, все-таки мягче. А там нас как-нибудь уж выволокут. Но в конце концов долетели до аэродрома, правда, не до гражданского, а до какого-то пригородного военного аэродрома и там, по нужде, сели. Тогда еще времена были довольно патриархальные. Ну, не хватило бензина, ну что ж поделаешь. Надо на военный, совершенно секретный аэродром сесть, не беда, коли бензина нет.

Это очень типичный для Вавилова случай. Такой он был, Николай Иванович Вавилов. Он две недели таскал этих трех иностранцев, а они, между прочим, помоложе его были. Мёллер значительно даже моложе был. И по-

том попросили они его похлопотать им продолжение визы еще на неделю, чтобы в Крыму где-нибудь на солнечном и не очень заселенном берегу просто неделю поспать, полежать перед тем, как лететь домой. Отдохнуть от визита к Николаю Ивановичу Вавилову. Так он умудрился их затаскать. Вавилов был тогда в силе и схлопотал им продолжение визы на неделю в Крым.

Способность Вавилова не теряться в массе материала позволяла ему не теряться и в массе людей. Среди ученых чаще все-таки попадаются люди, плохо разбирающиеся в других людях и, так сказать, набирающие себе сотрудников с бору по сосенке. А у Вавилова было не так. Тогда еще не было этой моды на огромные научнообразные конторы, но ВИР, Всесоюзный институт растениеводства, со всеми своими отделениями, станциями и опытными полями обнимал, во-первых, весь Советский Союз — от Заполярья до Кушки, самого южного города советского, от Литвы и Прибалтики* на западе до Тихого океана и Камчатки на востоке. И, во-вторых, в нем было в общем более трех тысяч сотрудников. И Вавилов среди всех этих сотен людей, с которыми он лично работал, и пары тысяч ему подчиненных, которых он все-таки направлял туда-сюда, смотря по надобности, на ту или иную работу, никогда не терялся.

Ежели он с кем-нибудь из своих сотрудников хоть несколько раз не только поговорил, а хотя бы посмотрел, как он работает, то точно его уже знал. И знал, нужно его держать или при первом удобном случае тихомирно выставить под зад коленкой к чертовой бабушке. Такой талант у Вавилова был. Но, правда, не только это, а и то, что он умел и не ленился думать о каждом из своих сотрудников. Ведь современному директору большого института... скажу просто: наплевать на любого своего сотрудника — и прибавлю: с высокой колокольни, что прибавляют обычно к другому слову. А Вавилову ни на что не было наплевать с высокой колокольни. Он чем-нибудь либо не занимался вовсе и отказывался, либо, ежели что делал, то доделывал до конца и ничего не боялся обычно.

Среди доживших до сих пор его сотрудников, тогда еще молодых людей, которые его хорошо не могли знать, не могли быть его друзьями, а просто были лаборантами (сейчас это уже пожилые люди), многие без слез не могут вспоминать его. При этом он не был отнюдь каким-нибудь филантропом или нежным таким мужчиной, который всех приголубливал бы. Он был очень деловитый мужик, знал всегда более или менее точно, чего ему хочется и чего не хочется. И соответственно поступал: делал то, что хочется, и не делал того, чего не хочется. Но он обладал очень правильным способом суждения, поэтому, например, редко безнадежно спорил со своими сотрудниками и обыкновенно выигрывал спор. Он никогда не разыгрывал академика, генерала, хотя был всемирно известный человек. Он всех иностранцев, безразлично — министр какой-нибудь или просто докторант, похлопывал всегда по плечу и говорил: «Dear boy! The life is hard, but short» (Жизнь тяжела, но коротка).

Он говорил на всех языках одинаково скверно, но одинаково бойко. Он и по-испански что-то такое выковыривал, и на итальянском что-то такое изъяснял, мало понятное для итальянцев и совершенно непонятное, конечно, для русских, что было иногда очень удобно. По-английски говорил бойко и неправильно, но очень смело и что угодно. Мог часами говорить по-английски, доклады делать, по-немецки и по-французски то же самое. Мог доклады в любую минуту делать на любом конгрессном языке. Знал так, по нужде, и какой-то из восточных языков, не то турецкий, не то персидский, не то албанский, но так, в порядке пиджин-инглиш, или портового английского языка.

Вот такой был Николай Иванович Вавилов. И я очень счастлив, что мне повезло с ним познакомиться в свое время, потом подружиться и все-таки несколько раз, так сказать, фундаментально с ним повидаться и потрепаться. Он многое предвидел из того, что с нашей страной случилось: и войну предвидел, и, так сказать, прохождение войны предвидел, но это многие предвидели. Все разумные люди предвидели, конечно, что немцы

войну проиграют, что русские окажутся среди победителей, но, как и в первой войне, на самом деле половина России будет раздрызгана, разодрана, растоптана, как и получилось, в общем-то. Величие Вавилова в том, что, как и часто среди русских людей, будучи великим человеком, великим ученым, он был и великим практиком. Вавилов создал основу для практического упорядочения хозяйствования на шестой части земной суши. Это забывают часто, а это так. И недаром он ученик верный и концентрат тех не менее великих русских ученых, вплоть до Докучаева, Вернадского и других, которые были такими же теоретиками, как Вавилов, и вместе с тем решали практическую судьбу нашего Отечества.

Нескучная историческая эпоха

В середине 30-х годов, как раз в 37 году наконец догадались меня вызвать в обширное наше Отечество даже через генеральное консульство или полпредство, как тогда называлось. Мы очень хотели вернуться. И хотя знали, что там делается, но все-таки немножко недооценивали. Но нам друзья написали, что возвращаться к нам сюда из-за границы сейчас можно только прямо на тот свет или в лучшем случае, ежели повезет, то в Магадан. Так и билетик брать не в Москву, а сразу в Магадан. И Кольцов через шведов, какими-то окольными путями, мне написал, что ни в коем случае не возвращайтесь. Только всем нам навредите, нам всем будут неприятности, а вам большие неприятности. Ну, я поэтому оттягивал, оттягивал, а потом началась война, уже нельзя было возвращаться, даже при полном желании. Остался в качестве вражеского иностранца там.

Меня особенно не тревожили. Я так долго уже прожил в Бухе, все меня знали, полиция меня тоже знала. Когда стало известно, что иностранцы, которые живут в Германии, должны каждую неделю появляться в своем полицейском участке, чтобы зарегистрироваться, что



КОЛЮЩА БЕЖИТ
ЧЕРЕЗ ПАРК ОЧЕНЬ
НЕДОВОЛЬНЫЙ
ЧЕМ-НИБУДЬ!

«Колюша бежит через парк, очень недовольный чем-нибудь». Рисунок О. Цингера из серии «Мазня на рисовальном столе». Берлин-Бух, 1945 г.

они существуют, никуда не делись, никуда не убежали, я через неделю появился в Бухе в полиции. Начальник полиции, какой-то майор или подполковник полицейский (ведь полиция — это не наци, просто полиция), услышав, что это я, вышел из своего кабинета, поздоровался, утащил меня к себе в кабинет, предложил чашечку кофе и сказал: «Знаете, херр доктор, ведь вы нас давно знаете, давно здесь живете, мы вас тоже давно знаем. Ну что вам таскаться к нам. Я вам птичку буду ставить каждую неделю — и все». Так больше я и не появлялся в полиции. Ставили мне птичку рукой самого начальника полиции.

Действительно, нас каждая собака в Бухе знала. Так как мы на еду тратили в среднем в три раза больше денег, чем немецкая семья, то все торговцы нас знали, потому что мы много у них покупали. Это нам очень во время войны пригодилось, когда карточки были. Нам подсовывали продукты без карточек, потому что ни мясник, ни молочник, ни булочник не хотели выгодных клиентов терять. Всю войну полагалось сперва в день двести грамм мяса, потом сто грамм, в последний год войны, по-моему, семьдесят пять грамм. Но это грамм мяса без единой косточки, без единой жилки. Это чистое мясо, какого мы сейчас в Обнинске купить не можем, потому что продают черт знает что, ребра. Мы как-то отвыкли от того, что в стране может быть все совершенно нормально. Тем более в войну... Жена по нашим карточкам последний раз получила то, что нам положено, когда Бух уже занимали советские войска.

Когда началась война, наша международная группа, к сожалению, распалась. Все мои иностранцы были интернированы, очень мирно, спокойно сидели и дальше работали. Но все-таки большинство моих сотрудников были немцы, а так как все они в основном были молодые люди, то были призваны и пошли воевать. Но в Бухе у нас было очень хорошо. Практически не было шпигов. Многое, и отчасти даже наши кружковские занятия, продолжалось. Из университетов евреев выгоняли. Но университет казенный. А Kaiser Wilhelm Gesellschaft

формально было общество частное, а не казенное. Чисто научно-исследовательских институтов в этом обществе было к тому времени в Германии уже тридцать шесть штук. Они были не тронуты. Я вам потом расскажу, как мы нескольких очень хороших еврейских ученых спасли такими наивными способами, которые тут бы не сработали, а у немцев срабатывали. Лиза Мейтнер, прекрасный физик, уехала в Норвегию накануне войны, в 38 году, по-моему. Затем мы устраивали многих полуевреев, иногда даже, ежели внешность совершенно неотличима от немецкой, а по паспорту еврей, то таких мы тоже укрывали иногда в Бухе.

Я получал кое-какие стипендии, например от центра Krebs — центра по изучению рака. Многие получали от туда стипендии для каких-нибудь работников, никакого отношения прямого к раку не имеющих. А мы получали на мутации, потому что часть раков возникает в виде мутаций. И с такой стипендией они переезжали в Бух, при институте были комнаты, квартирки. Прописки никакой особенно не требовалось. Там многие пережили войну.

Мой друг Шурочка Кач — вообще не немец. Его отец был литовский полуеврей, а мать русская — Пузанова, сестра зоогеографа Ивана Ивановича Пузанова, умершего в очень уже древнем возрасте профессором зоологии в Одессе. Дед его, проживавший уже в России, принял в свое время немецкое подданство, будучи инженером, представителем каких-то немецких технических фирм, для того чтобы по еврейской линии не иметь никаких неприятностей, стал немецким подданным. А в 19 году они были отправлены в Германию, когда всех немцев возвращали в Vaterland. Потом Гитлер появился. Отец Шурочки числился евреем, и он, хотя на самом деле был евреем только на четверть, доказать это никак не мог, и его чуть в лагерь не отправили. Но я его перевел в Бух. Он прекрасный ученый, сейчас директор биологического сектора западногерманского Атомного института. Там два директора: один физик, один биолог, и оба мои ученики и сотрудники — доктор Циммер и доктор Кач.

Конечно, гитлеровская Германия была очень ужасна, но в каких-то отношениях все-таки несравнима со сталинским режимом. Сталинизм был много ужасней, да и жизнью он потребовал много больше. Никак сорок восемь миллионов было угроблено в этот сталинский режим. Это почти целая Германия. Нам тогда очень было противно, ужасно. Но мне было все же менее противно, чем немцам. Я был иностранец и, так сказать, со стороны смотрел на все эти дьявольские безобразия.

Летом 43 года был посажен мой сын старший. Так и пропал. Он действительно возглавлял маленькую группу молодежи, распространявшую листовки в лагерях для пленных и в лагерях для добровольно-принудительных рабочих, согнанных со всей Европы. Он прекрасно владел французским языком, немецким, английским и русским. Переводил всякие военные сводки — английские, русские, всякие — и распространял. И мы имели о нем сведения до конца 44 года. Можно было посылать ему посылки раз в месяц, и он присылал такую печатную, заполненную от руки карточку*, что все в порядке. А потом кончилось, в ноябре 44-го. Посылки не возвращались, карточки не приходили. И только уже на объекте в Сунгуле узнали мы от австрийца одного, что в лагере (а сын сидел в Маутхаузене) югославы, болгары и русские — братья-славяне — устроили очень здорово восстание в начале весны 45 года, когда подходили союзники. Но немножко рано. Удалось почти всем заключенным драпануть, но сразу были брошены эсэсовские части, и всех перебили. Так мы толком ничего и не знаем*. Но он, конечно, в этом участвовал. Он был активный в этом смысле.

Он работал лаборантом в Kaiser Wilhelm Institut'e и учился в университете. И вот занимался этой политикой. Я им фальшивые западноукраинские документики на машинке печатал. Каждую неделю подпиливал отдельные букочки, чтобы почерк машинки нельзя было узнать, менял буквы, шрифт. Потом выяснилось, что, как всегда, у них оказался провокатор, который посадил их. Русский немец такой, говоривший по-русски молодой человек. А меня посадили наши.

Я был советской военной администрацией поставлен сперва директором всего института буховского... А потом, с одной стороны, приглашали к Орбели*, с другой — Завенягин* и Курчатов* хотели в атомную систему меня забрать с моими старшими немецкими сотрудниками: физиком Циммером, радиохимиком Борном, радиобиологом Качем. Завенягин для меня готовил объект на Урале. А какое-то другое управление НКВД меня посадило*. Ну, в конце концов и Циммер, и Борн, и Кач оказались на уральском объекте, но они были привезены в Москву и полтора года в Электростали ждали, пока меня найдут и вылечат от пеллагры.

Это все НКВД, но главки разные. Атомная промышленность — 9-е управление НКВД, а потом МВД. А сажало, я уж не помню, наверное, 1-е, 2-е, 3-е или еще какое. Там посажено было много, немудрено, что я был утерян. Один мой приятель — ему очень повезло — попал в бухгалтерию центральную на Карабасе. Карабас — это железнодорожная станция перед Карагандой, пересялка Карлага*. Он рассказывал, что за 1946 год, за один год, в один Карлаг было девятьсот восемьдесят девять тысяч новых поступлений, круглым счетом один миллион. В один только Карлаг. А Карлаг был не самый крупный. Один из крупных, но таких, как Карлаг, было много. Всего с середины 30-х годов пересидело в лагерях более сорока миллионов людей у нас. Ведь с кировского дела почти половина Ленинграда пересидела. В Ленинграде нет семьи, часть которой не отсидела бы. Вообще масштабы как-то у нас не представляли. И не мудрено, потому что гласности никакой не было, а страх был огромный.

Значит, в 45-м... и почти на два года. Я летом 47 года прибыл на Урал. Тогда на лестницу еле мог влезть, потому что ногу на ступеньку следующую поставишь, а подъемной силы нет.

...Елене Александровне я уже потом написал. Она после моего отъезда одно время там, в Бухе, директорствовала. А потом Бух был передан в немецкую Академию наук, и она стала старшей научной сотрудницей немецкой Ака-

демии и доценткой университета. Вела там дрозофильную практику. А потом, уже с объекта, я ей написал*. Так что она не знала всей этой истории. Ну, догадывалась, конечно, через некоторое время. Ей там втемяшивали, что я процветаю в Советском Союзе. Даже когда она уже ехала сюда, она позабыла шубу и по пути на аэродром позвонила, а ее сопровождающий, майор или полковник, говорит: «Что вы беспокоитесь — вам муж две шубы подарит». А я еще эзком был на военном объекте в это время.

ОСО-то дал мне десять лет. Все это сняли только после смерти Сталина. Нет, сперва мне давали черт знает сколько дней за день, так что я формально отсидел там за три года или за два года десять лет, юридически отсидел. Я помню, в конце 53 года, после смерти Сталина, когда пришло мне снятие судимости*, вызвали меня в Касли. Там какой-то генерал-лейтенант МВД сидел в кабинете первого секретаря Каслинского района, один. Я вхожу, он встает, из-за стола выходит, жмет мне руку, говорит: «Поздравляю!». Вручает мне эту бумагу с большой печатью: «Президиум Верховного Совета...» и всякая такая штука и говорит: «Николай Владимирович, будем считать все бывшее небывшим». Я жму ему руку и говорю: «Включая пеллагру, Ваше превосходительство».

Мои первые впечатления в лагере... Нас толкнули в барак, в котором нам полагалось быть, в Самарском отделении Карлага, и тут сразу набросились урки. Был в нашей группе старичок, такой прилично одетый старичок. И на него набросились раздевать, разувать. И на меня накатило. Ну, злость накатила такая, что спасу нет. Я, несмотря на то, что на ногах недостаточно крепко стоял, вспомнил все-таки остатки джиу-джитсу, какие знал. Значит, на первого урку просто прыгнул и двумя кулаками ему в морду, в прыжке, вот таким образом: с двух сторон по двум скулам кулаками. Вообще это штука ужасная. Но я-то был очень ослабши... Он, конечно, свалился без сознания, но ничего, не сдох, слава Богу. Затем я второму в причинное место ногой сразу угодил. Он завыл, как шакал, и тоже бултыхнулся, а остальные разбежались. Потому что они же трусы вообще, урки,

страшные. И вдруг с единственных в этом саманном бараке нар... А барак был большой, без окон, а только с проемами оконными, и одни нары там стояли. И вдруг голос с нар: «Ну-ка подойди, браток, сюды!». Оказался медвежатник, уркаган. Уркаганом зовется начальник всех преступников. Старик почтенный, интеллигентный вполне, работал при царском режиме медвежатником, то есть специалист по сейфам банковским.

Он, между прочим, участвовал в знаменитом ограблении в 15 году Харьковского отделения Государственного банка. Там было три миллиона золотом взято. Подкоп устроили, а он тогда вскрывал сейфы самые новейшие, английские. Они вырезали замок из сейфа сварочной аппаратурой, несколько модифицированной. Высококвалифицированный специалист. И мы с ним очень подружились. И благодаря этому потом, когда я совсем уже дошел, ни один урка меня не тронул. А так вообще я не шизик, характер у меня не эпилептоидный. Но бывало пару раз в жизни, что на меня накатывала злость.

Первый раз это случилось еще во время первой войны на Моховой улице. Был как раз такой час переходный — только что зажгли фонари, сумерки. Несется грузовик и сбивает какую-то женщину. Притормозил, оглянулся, посмотрел — и помчался смываться. И тут на меня накатило. Ах, сукин сын, сбил человека и, вместо того чтобы помочь ему, смывается! Я бегун-то был хороший. Я успел наперез в зад ему вцепиться, в кузов, и перемахнул в кузов на ходу. А тогда кабинки были открытые у грузовиков. Я, значит, вперед прошел и стал ему сверху морду бить двумя кулаками и орать: «Тормози, сукин сын, а то машину разобьешь и сам убьешься!» Ну, он, конечно, затормозил. А я продолжал его молотить: нос, зубы — все в кровь избил. Потом заставил его, бия без передышки, до ближайшего городского доехать и сдал его городовому. Не знаю, как сейчас, а тогда за такие вещи полагалось очень здорово, за удирание от поверженного пешехода. Это ж трусость и подлость! Так? А таким людям надо физически морду избить в кровь совершенно. Так же как вот этому самому урке. У него потом два часа изо рта и из носа кровь шла.

Между прочим, советую, рекомендую: на первого, который хочет на тебя напасть, просто прыгай. Прыжок в длину, головой вперед и двумя кулаками вперед — и смыкай кулаки на его морде. Это страшная штука. Это хуже нокаута. Это просто разбитие портретного естества. Уже сравнительно недавно, когда меня отправили лечить почечный камень в Челябинскую областную больницу, такой случай произошел. Но там я, правда, избить не успел. Ну, больница областная, советская, переполнена до невозможности, больные лежат в коридорах, кормят их в коридорах же. Посадили меня за столик такой на четыре человека в коридоре: какой-то старичок, старушка и я. Такие довольно древние старичок и старушка. Мы сидим, беседуем: «Как здоровье» и прочее, и приходит четвертый — урка. А больницы и на Урале и в Предуралье на треть наполнены урками, порезанными, подбитыми. Особенно по субботам и воскресеньям доставляет «скорая помощь» этих уроков. Они там измываются над врачами, дежурными — черт знает что!

Подходит (а свободное место есть) и этой старушке говорит: «Ну, бабка, смывайся. Я тут хочу сидеть». Та что-то начала: «Ну что ты, голубчик, вот твоё место.» — «Не разговаривай! Смывайся, коли тебе говорят!» Вот тут на меня опять накатило. Я встал, ему в морду смотрю и говорю: «Вот кулак, видишь? Я не таких, как ты, на тот свет отправлял». Потом несколько таких нелитературных лагерных урковых выражений. «Ежели ты отсюда сейчас немедленно не смоешься, я тебя убью», — и замахнулся. Он, как заяц, улепетнул.

И тут началось паломничество ко мне медперсонала. Я говорю: «Вот мои коллеги по столу видели, я его даже не успел тронуть — он убежал. Эту же сволочь напугать надо. Почему вы не сдаёте их в милицию?» — «Да милиция не берет их у нас». Это и до сих пор. Милиция вообще до тех пор, пока вас не убьют, — это не её дело. Так что их надо испугать. Вот такие случаи бывают — злость накатится — хамло, сукин сын, сволочь. Таких же вообще убивать надо. Его надо по темечку бить. Вот это тоже

страшное дело — по самому темечку сверху кулаком: дух вон и лапти кверху.

Никакой у этого уркагана мощи нет, ничего. Но ему достаточно с выходящим каким-нибудь заключенным передать на волю записочку — всем уркам прекратятся передачи, всем уркам, когда они выйдут на волю, могут ножик под седьмое ребро сунуть. Там совершенно замечательные вещи. Вот в Карабасе обычно помкоменданта был из урок, из таких, у которых скоро кончается срок. Ведь у нас в сталинские времена было замечательно. Все эти страшные уголовники, урки, хуже зверей всяких, они редко получали больше трех лет, два-три года получали, иногда пять лет. Потом выходили, полгода, год, смотря как повезет, потом обратно возвращались. Были такие, уже пожилые, что по седьмому разу сидели.

И вот эти помкоменданта — это совершенная сволочь была. Они старались напоследок перед начальством выслужиться, чтобы там отпускные документки получше дали, или вместо минус 100 — минус 60, или вместо минус 60 — минус 25: города, в которых нельзя жить. И их все ненавидели, конечно. И вот за время моего пребывания в лагерях выпустилось, вышло на волю, три таких помкоменданта, и никто из них из Карабаса не уехал. Их выписывали, все обставлялось в достаточной мере секретно. Двое кончили одинаково — в толпе при подходе поезде сталкивают под поезд, и его разрезает на части поездом. Два так кончили. А третьего ножом зарезали в сумерках.

Ежели человек сволочь — то он сволочь. У него даже страха нет. Он себя изменить не может. Как он есть подлиза, подлец, хам и измыватель над слабыми, так он таким и остается. Это обыкновенно хорошо одетый, откормленный урка... Беззащитных политических разували, раздевали и через ту же охрану барахлишком их торговали, получали тридцать процентов, а семьдесят процентов охрана брала. На этапах, в пересылках тоже урки раздевали и тут же откровенно сдавали вахтеру, вертухаю вагонному, а те на станциях побольше на толкучке загоняли, приносили ему пачку папирос или еще что-

нибудь. Остальное себе. Это непредставимые совершенно вещи для вольняшек.

Вот в Петропавловске, недалеко от знаменитого курорта Боровое, тоже была пересыльная тюрьма. Тоже такие бараки были, без стекол в окнах — одни решеточки. И там задержали нам общий паек. Ну, украли. За сутки украли начальство паек. Это сплошь и рядом бывало. В вагонах вообще в лучшем случае мы получали четверть того пайка, который положен. И в тюрьмах то же самое проделывали. Объяснялось это якобы непорядками в бумагах: «На вас документы не пришли». Пойди разбери, пришли на тебя документы или нет. Ну, так уркам не дали суточного пайка. Они попробовали побунтовать. Что там было! Вызвали команду, вытащили их во двор. Мы через решетки все это наблюдали. И как начали прикладами, и как начали. Потом одного за другим бросали обратно в камеру, в изоляционный барак, без сознания, всех в крови. Так-то...

Еще на Лубянке я затеял коллоквиум. Там Васютинский, профессор, прочел нам курс древних культур*. Коллоквиум у нас был выдающийся. Потом в Бутырках был, где я с Солженицыным просидел*. Он тогда участвовал немножко в нашем коллоквиуме. А потом был и в лагере. В Бутырках у нас участвовало человек семнадцать. Три попка было — два православных и один униатский. Мы его, между прочим, там окропили и окрестили, обратно приняли в лоно православной церкви: он очень просил. Биолог — один я. Четыре физика, четыре инженера, два энергетика и один экономист. Я там читал доклады о биофизике ионизирующих излучений, о хромосомной теории наследственности, о копенгагенских общеметодологических принципах, о значении этих принципов для современной философии онтологического направления, для современной онтологии. Затем физики читали по своей науке. Из семнадцати человек живы остались Каган да я*.

Попик-то униатский, которого мы окрестили, очень был силен по патристике. Он нам патристику читал — учение о святых отцах церкви. Очень интересный был

курс. А старый православный попик, совершенно замечательный, отец Гавриил, прочел нам три лекции о непостыдной смерти. Почти всем нам это понадобилось потом. Вкратце философское содержание сводилось к тому, что всякие люди начинают думать о смысле жизни и выдумывают обыкновенно всякую чепуху. А смысл-то жизни очень прост — непостыдно умереть, умереть порядочным человеком, чтобы, когда будешь умирать, не было совестно, чтобы совесть твоя была чиста. Совершенно замечательная лекция была. И, наверное, так через недельку он и преставился*.

Слово о душе и духе

...В этой, в известном смысле материализованной математической точке, по-видимому, и заключается индивидуальный дух. Только дело это очень сложное, конечно, — заниматься теологией. Тот же язвительный Дирак, он уже утверждал, что это малопонятно, потому что этой материализованной математической точке в качестве элементарной частицы должна соответствовать античастица. Вот. А кто ж на том свете будет вашей античастицей, а?

Я и до сих пор совершенно уверен, что материализованная математическая точка будет инкорпорировать меня на том свете, но как быть с античастицами? Конечно, можно представить себе античастицу, так сказать, потенциально существующую, но не отделенную от частицы, так же, как при рождении пары. Вы себе мозги никогда не пробовали вывернуть на таких рассуждениях? Зря. Полезно иногда всерьез занять себе мозги делом, а не ерундой. Прочее все ерунда, а попытка гипотетически материализовать вечное существование человеческой личности — это существеннейшая проблема для людей, вообще-то говоря.

А что мы с вами вечно будем существовать — это же совершенно несомненно. Без этого существование

наше — не вечное — абсолютно бессмысленно. В буквальном смысле слова лишено смысла. А ежели что-либо лишено смысла, то есть бессмысленно, то оно не может существовать, потому что бессмысленное не может быть объективным. А объективность реального внешнего мира для нас все-таки несомненная предпосылка любых рассуждений, так ведь? Это даже... уж почто был, в смысле высоких рассуждений, не Бог весть какой величины-то человек Ленин, а и у того написано в «Материализме и эмпириокритицизме» довольно по этому поводу убедительное рассуждение в определении материи. Очень хитроумное, надо сказать, рассуждение, его никак не опровергнешь. И я удивлялся, как это наши философы дурака валяли и вообще современную физику отрицали. Они-то уж настолько глупы, что даже примитивную книжицу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» с умом прочесть не смогли.

Я никогда всерьез не размышлял, потому что считаю, что, находясь в тверёзом состоянии, а не совершенно, значит, упившись водкой до бесчувствия, бесполезно рассуждать, где начинается жизнь. Вряд ли элементарные, способные в определенной констелляции условий и среды к автокатализу макромолекулы являются действительно живыми существами. Но у всех живых существ, конечно, есть душа. Я с Франциском Ассизским, с Николаем Угодником и с другими святыми в этом отношении согласен. Они до конца рассуждали и, конечно, совершенно правы, что тело живого существа одушевлено, потому что душа есть не что иное, как синтетический синоним жизни, так ведь? Ежели из вас изъять душу, вы будете просто труп, а не живое существо. Следовательно, душа должна быть у любого бессловесного скота. Даже у клопа душа есть и у комара.

И индусы, коих было довольно давно уже довольно много, а пищи довольно давно у них было довольно мало, поэтому у них было много мудрецов. А мудрецы — это люди, которые по малости пищи

приходят к совершенно правильным мыслям, причаются к голодному пайку и зато размышляют. Недаром они и жука на дороге обходят, не давят, спаси Бог, — у него же душа тоже. Ну, правда, это вопрос: ежели комара ухлопать, то душе-то его от этого, может быть, никакого пороку и не произойдет. Она так в виде комариной души — какой-то материализованной математической точки — где-то в Космосе и застрянет. Но вот начало души-то... Я-то придерживаюсь точки зрения, которая опять связана с той же трудностью: где начало духа? Начало духа там, где начало человека. А где начало человека?

Неандертальцы людьми же были несомненно. А австралопитеки — люди? А кто вам это сказал? Сейчас ведь некоторые антропологи примитивных австралопитеков очеловечили. Они, по-моему, все-таки были глупее обезьян, и ниже стояли современных человекообразных обезьян, и не были людьми. Синантропы, несомненно, были людьми.

Ежели вам нечего будет делать, поразмышляйте, во что поселяется дух впервые. Я совершенно уверен, что у клопа нету духа, совершенно уверен. Насчет коровы я почти уверен, но я вам рассказывал, что, когда я пастушествовал, мы работали совместно с уже пожилой коровой Варькой. Вот что у Варьки был дух — это я допускаю. Может быть, дух в ряд живых существ избирательно поселяется. А душа-то у каждого живого существа есть, в качестве одушевления тела. Потому что душа есть то, что отличает тело живого существа от трупа.

...Существует ли материализованная математическая точка в качестве частицы элементарной — это одна нерешенная совершенно проблема (для меня совершенно решенная проблема, что душа у всех живых существ есть). А другая — где дух появляется в жизни. А дух-то, он, несомненно, индивидуальнее души, тут ничего уж не поделаешь. Когда вы помрете, душа-то ваша, может быть, и ничего интересного собой представлять не будет, а дух-то — сколько на-

грешите, столько и останется в духе вашем вечном греховного. Поэтому-то из-за духа, а не из-за души, главным образом, и нужно не быть совершенным стервецом и сволочью. А проблески человеческого в себе содержать.

...Я легкомысленно Борису*^{*}, своему приятелю, дьякону, кандидату биологических наук, дьякону отцу Александру Борису, упомянул об абсолютном Добре и Зле, забыв, что сам когда-то пришел к заключению. И он подсказал: а ведь абсолютного Зла-то нет, наверное. Тут и я вспомнил, что в свое время к этому умозаключению пришел. Потому что Дьявол не есть абсолютное Зло. Абсолютное только Добро в мире существует, а Зло — оно не абсолютно, а, по-видимому, в каждой Вселенной есть свое: свой демон, Дьявол, Мефистофель и т.д. — в качестве желającego быть абсолютом Зла и кажущегося соответствующим мыслящим существам абсолютированным Злом. Но Зло не абсолютно, конечно, а абсолютно Добро во Вселенной. Согласны? Во всяком случае, поразмышляйте на эту тему.

Вот так у нас один за другим и умирали. Глядишь — утром уже лежит холодненький. Кагана куда-то перевели, он до конца с нами не был. Из всей этой компании потом я один остался.

А что такое этап в наше время, вы знаете? Этап — это по железной дороге, но поезда идут очень медленно, с караванной скоростью. Ночами преимущественно. Столыпин — это, как известно, реакционер, сукин сын и прочее, он когда-то ввел арестантские вагоны. Теперешние плацкартные и даже жесткие купейные — дерьмо по сравнению со столыпинскими. Там просторные купе на шесть арестантов в купе. Удобно все, просторно, чисто. Но «столыпины», оставшиеся с дореволюционных времен, населяли так: в купе вталкивалось не шесть, а тридцать шесть. Так что я, например, днями висел, не доставая ногами до полу. Не стоял на полу, а висел*^{*}.

Вообще, вы, вольняшки, жизни не знаете. Все эти средневековые какие-то ямы тюремные — это была комфортабельная цивилизованная мура по сравнению со сталинскими лагерями, пересылками и т.д. Каждого, а это трудно было технически, раз в сутки извлекали в уборную. А которых несло и по-маленькому — они под себя делали. Тридцать шесть человек в купе! Кормили раз в день солеными сырыми ершами. Во-первых, сырых ершей, соленых, костлявых и с колючками жрать крайне трудно. От них пить хочется. А пить давали два раза в сутки по полкружки воды. Понапихано так, что кружка по дороге к пьющему разольется, так что по полкружки давали. Первая неделя очень тяжелая — и жрать хочется, и пить хочется, вонища. Но потом привыкаешь. Жрать не хочется. Пить хочется, но не обращаешь внимания. На атмосферу внимание не обращаешь. Когда окажется, что висишь, значит, справа покойник и слева покойник... Так днями между покойниками. Чувствуешь: сначала холодеют, а потом пованивать начинают.

Я не помню, как я доехал до Москвы. Не помню, как меня выгружали. По-видимому, каким-то людям были какие-то изрядные вздрюки, потому что уже помню, приехал я в шикарную больницу МВД на шикарной машине, полуголый, несмотря на зиму. Двадцать пять градусов мороза, а на мне остатки двоих драных брючек солдатских, летних таких, и подкладка из-под бушлата на голое тело, и опорочки на босу ногу. И все болит, все отмерзает. Язвы замороженные образуются, к штанам прилипают. И это единственное, к сожалению, что я помню. Я помнил еще, что жену зовут Лёлька, а как ее имя-отчество — забыл. Как сыновей зовут — забыл. Все забыл. Забыл свою фамилию. Что меня Николаем зовут — помнил, а как по батюшке — забыл.

Последняя стадия пеллагры — удивительно приятная вещь. Лежишь, уже есть не хочется, ничего не хочется, в таком приятном розовом настроении, все забывши, мозги чистенькие, свеженькие и пустенькие, и настроеньице этакое розовое. Иногда открываешь глаза... Мне потом врачаха, надо мной главным образом дежурив-

шая, рассказывала, что глаза открываются тоже так постепенно, медленно, не моргал я ими... Вот откроешь глаза, посмотришь вокруг — радуешься. И единственное, что я не забыл... Где-то, по-моему, у Тургенева в свое время вычитал, что у больных, лежащих долго, пролежни делаются и что это неприятно. И вот это я почему-то запомнил, и единственное, о чем старался — время от времени перекатываться с боку на бок или со спины на брюхо. И это продолжалось, опять врачаха рассказывала, минуты две-три — с правого на левый бок перевернуться в постели. Медленно, но очень приятно. Ничего не хочется. Время от времени я видел, что со мной что-то делают. А меня, оказывается, интравенозно кормили глюкозой, какими-то аминокислотами и еще какой-то дрянью. Все интравенозно.

А потом постепенно я начал выздоравливать. Сперва память вернулась. Я лежал в палате, где нас было три человека. И когда я стал выздоравливать... Я и в лагере-то, главным образом, на романсах, так сказать, жил. Так я и тут коллегам по палате стал вполголоса петь романсы. И страсть как это мне нравилось. Я всякие там и цыганские, и Глинку... Затем оказался один тенорок в палате, он тоже оживать начал и вспомнил, а я ему немножко напомнил, и мы дуэтом «Не искушай» пели*. А третий умилялся, слушал. Мы так, вполголоса. А потом оказалось, что он и духовные знает. Он был человек примерно моих годов. В церковном хору пел. Мы с ним на два голоса «Разбойника благоразумного» разучили и пели*. Хорошо. Врачи приходили слушать. Я им сольные басовые исполнял: «Ныне отпускаеши...», «Верую» Кастальского, только без бессловесного хора. Потом я двух своих компаньонов обучил изображать бессловесный хор. Это замечательно, Кастальского, в антидарийском ладу написанная басовая сольная речитативная «Верую» в сопровождении бессловесного хора*. В антидарийском ладу хор, а протодьякон: «Верую во еди-но-го Бо-га отца все-держи-теля творца...». Это замечательно. Чаще всего просили спеть последние стихи Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Это всем нравилось.

Пока я в себя приходил, среди заключенных-интеллигентов набрали физиков, биологов по всему Советскому Союзу. Их привезли в Москву, в Бутырки, и мне они были продемонстрированы как мои сотрудники. Мне ведь была готова огромная лаборатория на Южном Урале, в Сунгуле знаменитом. Прелестная местность! На берегу прелестного озера. Это когда-то был санаторий МВД. Его превратили в атомный объект. Совершенно замечательное было место*.

В Москву за мной приехал симпатичнейший старший лейтенант МВД, такой Шванев Валентин Семенович, удивительно милый человек. Первоклассно, свободно владеющий немецким языком. Потом два года мы с Циммером, моим физиком, обучали его уже на объекте, и он теперь блестяще владеет английским языком. С нашей же помощью он сам уже подучился французскому языку. А сейчас он начальник отдела переводчиков в Дубне. Очень симпатичный человек. Он, значит, был послан доставить меня в Сунгуль.

Последняя в этой шикарной больнице МВД была комедия, когда я уже стал вставать и учиться ходить. В один прекрасный день стук в дверь, я кричу: «Пожалуйста!», входит какой-то элегантнейший господин — оказывается портной. Просто портной. И меня обшили, потому что я-то был доставлен практически голым, в каких-то грязных ошметках, которые были, наверное, сожжены где-нибудь. И меня с ног до головы одеть надо было. Мне этот элегантный господин, значит, сшил «укустюмчик», пальто сшил демисезонное. Плащ мне летний купили готовый, по мерке. Затем белье мне сшили, шикарное белье. Никогда у меня такого не было. Затем несколько пар приобретено было трусов, носки всяческие, две пары башмаков, черные и рыжие. Что же еще было замечательного? Да, мне приобрели шляпик, шляпу очень хорошую, опять все этот портной покупал для меня, и кепку, чтобы и на советский манер, и на европейский, потому что там меня ждали, оказывается, уже иноспециалисты, австрийцы и немцы, приглашенные на этом объекте работать.

...Да, и я считался заключенным, зэком, несмотря на портного, несмотря на шеф-повара, несмотря на то, что

мне было подчинено около полусотни советских вольняшек, вольных дяденек и тетенок, и около пятнадцати иностранцев. Но было совершенно замечательно. Жили мы, как у Христа за пазухой. Прекрасная лаборатория. Прекрасный этот санаторий. Трехэтажный отдельный корпус с высокими большими комнатами, такая коридорная система: сначала комната, потом на каком-то расстоянии, значит, уборная, рядом, отдельно конечно, ванная и всякая такая штука.

Первое время никто не знал, что же, мне надо жалование платить? До этого директор объекта, полковник МВД Уралец* Александр Константинович, очень милый человек, старый чекист дзержинских времен, очень хороший человек, мы с Лёлькой с ним дружили до последнего времени... Вот последние два года я у него не был, а то каждый год по несколько раз в Москву к нему ездил поужинать, коньячку попить, водочки, потрепаться... очень хороший человек был. Он мне сказал: «Знаете, я не знаю и ни от кого не могу добиться, как отрегулировать ваше финансовое положение. Поэтому пользуйтесь: сейчас у меня практически для вас открытый счет. Ну, теоретически, конечно, какие-нибудь пределы есть, но все, что вам или вашей жене будет нужно, когда она придет (она еще не приезжала тогда, она приехала в сентябре месяце, а я — в мае), то скажите мне — все будет. И когда вам что-нибудь понадобится, можете в Челябинск, в Свердловск съездить. Конечно, в сопровождении Валентина Семеновича Шванева или подполковника Верещагина». Потом уже Шванев сопровождал более низкую братию, а меня сопровождал вот как раз подполковник Верещагин*, с которым даже анекдот произошел, и мне, еще зэку, пришлось его выручать из комендатуры.

Вообще все это фантастика. Ну, и осенью, в сентябре, пришло письмо от Елены Александровны из Берлина. Сперва ей про меня чушь рассказывали, что я тут процветаю. Когда я сперва неизвестно где был, а потом умирал в больнице. А потом сообщили более или менее конкретно, что вот «не желаете ли к нему уехать?» На что Елена

Александровна сказала, что очень желает, но только к мужу, а не куда-нибудь. Они сказали: «Да-да, да-да, вы можете ему написать. Мы перешлем. Мы сами тоже адреса не знаем. Он в атомной системе, совершенно секретной, но мы вот перешлем». И я получил от Елены Александровны письмо, где она спрашивает, что со мной. Все это описывает и говорит, что предлагают приехать.

А я-то после Лубянки, да лагеря, да больницы попал, ну действительно как в рай, в этот Сунгуль. Я и написал, что я живу, можно сказать, в раю. Так я никогда в жизни не жил, конечно, приезжай с Андреем. И что пусть Царапкины приезжают, не сомневаются. Очень хорошо. До того хорошо, что даже и описать невозможно: изумительное озеро, вокруг скалы и тайга, и всякая такая штука, и замечательная квартира у меня, места сколько угодно. Сейчас предлагают три комнаты огромных в этом бывшем санатории, а ежели захотим больше, можно и больше. И передал Уральцу, Уралец еще кому-то передал. Одним словом, до нее дошло, и через некоторое время я получил уведомление, что она придет, а потом телеграмму из Москвы, что едет. Причем их везли шикарно — все мои оттиски, библиотека — все это везли за казенный счет. В один прекрасный день появились там у Лёльки в Бухе какие-то солдатики, ящики,— все упаковали.

Часть большая русских книг пропала, потому что просто украли. Какие-то господа офицеры приехали на машине в один прекрасный день, Лёлька не успела институтскому коменданту позвонить, советскому,— и просто забрали себе в полковую библиотеку русские книги, сколько смогли. А так все остальное, всю научную библиотеку, полностью, без всякой цензуры, привезли.

Вот в один прекрасный день они приехали. Мы с Шваневым и с Верещагиным на двух машинах встречали и как-то проворонили их на аэродроме. А они опять-таки с сопровождающими господами официальными из Москвы. Мы сообразили, что не совсем же дураки офицеры МВД. Наверное, их повезли на вокзал. По железной дороге можно было подъехать ближе в Сунгуль, чем

из Свердловска. И действительно, приехали мы на вокзал — куча вещей, и наши все цепочкой вокруг вещей расставлены, и два офицера командуют. И все их уговаривают: «Вы только, ради Бога, далеко не отходите. Это вам не Берлин: сопрут мигом». Тут оказывается, что директор объекта снабдил Верещагина большим количеством денег, чтобы в аэропорту или на вокзале небольшой банкет устроить, угостить и офицеров, которые их привезли, и всех приехавших.

Я-то был пресыщен, а эти были совершенно голодные, приехали с довольно подтянутыми животами из Германии. Еще ведь 47 год.

Меня, конечно, не расконвоировали, не имели права, потому что я еще был заключенный. Так вот, этот подполковник Верещагин, я как-то уже отвык от всех этих дел, отправился к директору ресторана и действительно заказал такой обед, шикарнейший, с водочкой, закуской, с вином, как следует, черт-те чего там только не было.

Надо сказать, что, когда я на объект приехал, еще карточки были. И мне полагалось по карточкам килограмм мяса в день, полкило рыбы в день, сто двадцать пять граммов сливочного масла, пол-литра сметаны, сколько-то там сливок, шоколад, какие-то крупы и т.д. Действительно, фантастика. Совершенная фантастика. Причем вскоре после моего приезда, мне было очень неприятно, я потом старался все это уладить, меня начали закармливать. Я, значит, утром, проснувшись, ел хлеб с чаем или крепким кофе, потом завтракал, иногда опять кофе со сливками и что-нибудь там... яичницу с ветчиной или еще что-нибудь такое, бутерброды с сыром и прочее. Я для смеха как-то вспомнил англичан. В Англии я всегда поридж жрал утром, овсянку сиречь, и потребовал себе овсянку. Дали овсянку. Потом в одиннадцать часов мне специально давался салат из редьки и еще каких-то трав с аккуратными кусочками масла. Уж не помню, что-то к этому еще полагалось, не то молоко, не то простокваша, не то варенец. А потом уже был в час обед шикарнейший, обширнейший. И вот вдруг выясни-

лось, что мне что-то не додали. Кто-то из кухонных баб проворовался или две бабы поругались, друг на друга донесли, что, вот, от Тимофеева она жрет столько-то, а мне дает только столько-то. Дуры стали перечислять, что от моего пайка жрут там на кухне. Господи! Что тогда Уралец сделал! Разогнал их всех к чертям. А тогда работать у нас на объекте каждому человеку было счастье, потому он со своими чадами и домочадцами был сыт.

Когда приехали все мои и Царапкины, у них никаких карточек не было, оформлять их надо было. Не так это быстро делается даже в атомной системе МВД. И они в течение нескольких недель все жили на мои карточки. Этого на всех хватало.

Еще через некоторое время, в декабре, появились мои немцы. Когда я туда приехал, там уже немцы были, но не из моих, а набранные в мою лабораторию. Там было три лаборатории. И вот явились мои основные сотрудники, пять человек...

...Вообще-то история с хорошим концом, конечно, хотя «хороший конец» — все это относительно. Ведь, понимаете, с нашей точки зрения, российской да советской, — хороший конец. Но ведь все эти мои немцы, да и прочие, там еще человек двадцать было — это же европейцы. Они не были никакими заключенными, они по договору, специалисты. До 52 года включительно у них был договор. Они получали колоссальное жалование. Риль, который приехал к нам с высоким званием научного консультанта всего объекта нашего, он получал (деньги были старые и цены были старые) двенадцать тысяч в месяц. А обыкновенные научные работники, немцы и австрийцы, получали шесть тысяч в месяц. Я точно знаю, что двенадцать тысяч была зарплата министра высокой категории — СССР, а не РСФСР, и не всех министерств. Как раз министр Средмаша получал двенадцать тысяч. Это были огромные деньги. И Николай Васильевич Риль, не знаю, был ли второй, он, по-моему, единственный иностранец — Герой Социалистического Труда. Он получил три Сталинских премии и одну Средмаша. Ему была подарена ма-

шина «Победа», такая шикарная, особая «Победа». Он был миллионер с хвостиком. Так его и дразнили миллионером*.

Про собачий язык и демократию

В 55 году наш атомный объект кончил свое брэнное существование. Мы были отпущены на все четыре стороны. Мне было предложено выбрать, куда я хочу, любой филиал академический. Я выбрал Уральский филиал Академии наук из-за Ильменского заповедника, где мне предложили устроить великолепную биологическую станцию. Из-за пейзажа, из-за возможности биологической станции я избрал, значит, УФАН. Свердловск мы с Лёлькой избрали, конечно, по неведению и слишком поспешно. Я возненавидел его через пару месяцев. Отвратительный город, по моему: скучный, с паршивым населением. Свердловчане — это какие-то угрюмые нехристи. Но Миассово наше, конечно — рай земной. Мы проводили май, июнь, июль, август, сентябрь и начало октября в Миассово и месяца два в Москве и Ленинграде. Значит, оставалось три месяца на Свердловск. Это было терпимо.

Я был богатой невестой. Атомная система действительно расщедрилась. Правда, миллион был в атомной системе разменной монетой. Мне предложили всех сотрудников, кого я захочу, взять, все лабораторное оборудование, всю аппаратуру и всю мебель лабораторную, включая мягкие кресла из моего шикарного кабинета и шикарный письменный стол. У меня есть фотография, где тогдашний президент Академии Келдыш у меня за столом сидит. Келдыш у нас на объекте атомном бывал*, я его лично знал. Ну, и Александров, теперешний*, мною весьма уважаемый, президент нашей Академии, тоже бывал, я его тоже лично знал. Вот расскажу вам небольшой анекдот, с ним связанный.

Мы, проработав десять лет в атомной системе, нарабатывали кучу совершенно секретных отчетов. Я вам про

собачий язык рассказывал уже? Нет? Так вот, для всех атомных объектов, для таких крупных, вроде нашего, отдельно для каждого, а на более мелких — для группы смежных объектов, в Москве, в Центре, был разработан свой собачий язык, то есть шифр. Атомная система, к вашему сведению, возникла в виде 9-го управления МГБ, потом МВД, затем она стала Первым Главным управлением МВД и, наконец, превратилась в Министерство среднего машиностроения, в Средмаш. Это последние десять лет. Почему среднего — черт его знает! Наверное, потому, что есть Министерство тяжелого машиностроения и Министерство легкого машиностроения. А это среднего, хотя вовсе не машиностроение, а атомная система. Ну, для вящей секретности.

И там сидит, как во всяком министерстве, много чиновников, из которых большая часть — паразиты, конечно. Вот таких паразитов сидит целых два огромных зала — переводчики с одного собачьего языка на другой. На атомные объекты и без того входа никому постороннему нет, но все-таки на каждом объекте свой собачий язык, свой шифр. Значит, все отчеты научные печатаются на машинке совершенно секретными машинистками, но ни одна не должна знать секретов по-настоящему. Например, слово «облучение» обходится в полчервонца, то есть пять лет дают, ежели вы скажете «облучение» или, не дай Бог, напишете «облучение». «Облучение» было засекречено словом «окуривание». Но для примера всего идиотизма: рентгеновские лучи, скажем, были описаны еще в XIX веке, и никому не пришло в голову или совести еще осталось слишком много, чтобы засекретить рентгеновские лучи. И они остались незасекреченными. Поэтому заглавие совершенно секретного отчета гласило: «Эксперименты по окуриванию крыс рентгеновскими лучами». Из чего, конечно, это самое «окуривание» моментально рассекречивалось. Ну что можно сделать рентгеновскими лучами иного, как облучить ими!

У нас было одно главное неудобство или несчастье наше: радий засекречивали натрием, а существует у химиков хлористый натрий, который употребляется в дело,

но хлористый натрий — это поваренная соль в то же время. И доказать секретчику своему, что поваренная соль, она не засекречена — пойдите, докажите болвану, бывшему майору! Все это очень ужасно, конечно, и очень смешно было. Вначале очень неудобно, потом мы как-то приспособились и, в общем, все было нормально. Неудобно было еще и то, что все секретные слова не имела права знать даже машинистка совершенно секретная. Поэтому при сдаче работы в машинопись автор должен был там оставлять пустое место. И это пустое место на столько-то букв (карандашиком можно было написать сколько букв, цифрой, скажем, ну, пять или двенадцать) и столько-то ударов машинистка должна была оставить. И автор мягким карандашом вписывал, значит, вместо «радий» — «натрий» или вместо «облучение» — «окуривание».

Но на другом большом объекте или на другой группе объектов мог быть несколько иной собачий язык. И там, скажем, радий был не натрий, а калий. Ежели наш отчет нужно было отправить за двадцать пять верст от нас в «сороковку»*, то мы не имели право сами отправлять. Атомные объекты непосредственно друг с другом не могли сообщаться, хотя расстояние было двадцать пять километров и машин было у каждого объекта — сколько хочешь. Только через Москву. Там это должно было попасть в папку к какому-нибудь дураку, который мягкой резинкой мягкий карандаш стирал, затем мягким же карандашом вписывал... Должен был не перепутать, что наш отчет с натрием вместо радия идет в «сороковку», а там вместо радия калий. И вот он должен мягким карандашом написать калий вместо натрия. И потом он должен был опять попасть в какую-то папку и уже отправиться. Поэтому двадцать пять километров через Москву переслать отчет — это продолжалось иногда два месяца. Ужас! Ужас! Ужас! Но глупость, она как-то не исчезает. Она подлечит тоже закону сохранения, она остается в системе, только перераспределяется и где-то накапливается. Мы свою работу научную, сиречь отчеты, печатали в четырех экземплярах, из коих три экземпля-

ра, по-моему, посылались в Москву, а один экземпляр оставался у нас в секретной части.

Приезжая в Москву, мы останавливались обыкновенно у Реформатских, тогда еще на Композиторской улице, бывший Дурновский переулок. В один из моих приездов в Москву после того, как уже Келдыш умер и на его месте стал Александров, как-то звонок телефонный. Меня. Я подхожу. Александров: «Здравствуйте, Николай Владимирович, я слышал, вы в Москве. Вы в отпуске?» Я говорю: «Да, в отпуске.» — «Слава Богу. Нам на каком-то физическом объекте, где у нас реактор, нужно какое-то устройство для биологической доочистки радиоактивно загрязненных сточных вод. Я слышал, что вы, будучи в атомной системе, и ваша лаборатория этими делами как раз занимались». Говорю: «Странно, Анатолий Петрович, что вы только слышали об этом. Не так давно это было, я все помню: мы вам в двух экземплярах, или в трех даже, послали двадцать два отчета по этой проблеме. Причем один из последних так и назывался: „Система биологической доочистки радиоактивно загрязненных сточных вод“. Там описывалась серия экспериментов на двух прудах-отстойниках, через которые должна проходить очищенная якобы вода перед тем, как поступать в общий сток».

Да, а он, кроме всего, стал заместителем Курчатова и по Средмашу. «Я слышал, что вы этим занимаетесь, и слышал, что у нас были отчеты. Но ведь вы знаете, у нас эти отчеты читаются одним человеком каким-нибудь допущенным. Да и он обыкновенно их не читает, не интересуется. А потом они лежат в железных шкафах. А пролежавши, кажется, два с половиной года (это он сказал „кажется“, это не я говорю), попадают в секретный государственный архив. И чтобы получить оттуда нужный экземпляр, мне, начальнику всей атомной системы, потребовалось бы года два. Даже секретные списки ваших секретных отчетов уже в этом секретном архиве. Их сперва нужно получить, секретные списки ваших секретных отчетов, а потом выбрать нужный и подать заявление о получении ваших секретных отчетов. Так

это ведь уже разрушится наш завод, который мы строим, а ваших отчетов все еще не получим. Вот у меня какая просьба. Не можете ли вы заехать вместе с Еленой Александровной ко мне в Средмаш (мы вам пропуска заготовим всякие) и рассказать подробно о ваших делах. А мы совершенно секретную машинистку посадим, стенографистку, она будет записывать все, что вы вспомните».

Я говорю: «Совсем интересно получается. А вы, может быть, слышали еще, что при закрытии нашего объекта в 55 году все наши отчеты были рассекречены, и тот экземпляр, который оставался в нашей секретной части, был рассекречен официально. Слова „секретно“, номер секретности — все тушью замазано, и мне отчеты были переданы. И сейчас они у меня на Миассовской станции лежат себе, как милые, все наши отчеты, часть мы уже напечатали в виде работ. То, что мы там делали секретно, в виде совершенно несекретных работ уже напечатано. Так что не нужно нам таких с вами фокусов разводить. Раз вам, высшему начальству, получить из этого государственного архива — два с половиной года требуется, то можете вы подождать немного? Мы с Лёлькой через десять дней или через две недели самое позднее в Свердловск едем. Я вам обещаю тотчас по приезде вот этот наш отчет, толстый, подробный, где все рассказано, прислать. Я посажу совершенно обыкновенную свою машинистку, не секретную, она его перепечатает на всякий случай с двумя копиями. Вам послать один экземпляр, или, может быть, два или три?» — «Пошлите,— говорят,— два или три экземпляра, ежели вам все равно». Ну, я и послал по почте, не помню, два или три экземпляра переписанного на машинке бывшего секретного отчета, который лежит в государственном секретном архиве, похороненный на веки вечные. Я не знаю, может существует какой-нибудь закон, что через двадцать пять лет сжигается этот секретный, пролежавший четверть века отчет. Не знаю.

Все это дичь с начала до конца! Ведь во всем мире считается, что американцы разработали всю медицинскую изотопную, так сказать, биологию и всю водную

изотопную биологию. А все это мы раньше американцев сделали. Но американцы делали — и печатали. А мы делали — и посылали в эту прорву, в Средмаш, из которого сам начальник всего этого дела не может получить ничего постфактум и даже не знает, что эти отчеты рассекречены. А рассекречивались отчеты очень просто, без всякого рассмотрения, министром Средмаша. Я единственный раз согласился вступить ногой в этот Средмаш*, когда в «Челябинске-40» произошел взрыв* отходов неразделенного раствора осколков урана. Очень большой взрыв с погаными последствиями, которые до сих пор расхлебываются. Тогда всех специалистов собрали в Средмаш, и меня вызвали из Свердловска.

А Александрову я тогда сказал: «Елена Александровна, может, и согласится, а я к вам в Средмаш не пойду. С меня секретности хватит. Я больше в учреждение, в которое требуются особые пропуска, допуски, ногой не вступлю. Ежели хотите, приезжайте к Реформатским чай пить, к нам». — «Ой, я один не имею права. А вот есть... она ваша кураторша была (очень симпатичная дама, между прочим, я забыл, как ее зовут, очень симпатичная пожилая дама была куратором как раз нашего объекта от Средмаша), можно я с ней приеду?». Я говорю: «Буду рад ее опять повидать. Я с ней прекрасно знаком». И вот они вдвоем приехали, и мы чаек пили и разговаривали обо всех этих отходных делах. Так что, с одной стороны, сверхсекретность, с другой — чай у них в чем не повинных Реформатских. Из того, что я вам рассказал, сейчас все не секретно, имейте в виду. Все рассекречено давно. Секретно только то, что я рассказываю о глупости всей этой секретности. Но у нас вечно останется секретом, что представляет собой наша бюрократия.

Примерно к концу 60-х — началу 70-х годов я и мои ученики закончили, собственно, работу по этой радиационной биогеоценологии. Пожалуй, эти работы в атомной системе и в Миассово на биостанции, на Урале, были экспериментально наиболее продуктивными в моей так называемой научной жизни. Хорошо это или плохо — трудно сказать. Потому что, может лучше было бы

прочсть лишний десяток «дефективных» романов Агафьи Кристи, чем сидеть по четырнадцать часов в сутки и считать мух или мерить какие-нибудь распады в клевере, посеянном в «гробу», который нам с вами подошел бы. Как вы думаете?

Я считаю, самое важное, что мое поколение могло бы сделать в области науки и культуры, это наиболее интересным представителям современного поколения передавать все то хорошее, что мы можем, и не передавать плохое для будущих времен. Сейчас мы живем в каком-то бердяевском новом средневековье*, а когда-нибудь наступит опять новый Ренессанс какой-нибудь, эпоха Возрождения, и тогда все-таки понадобятся разные полезные вещи, и научные, и методологические, и философские. Так ведь?

Ситуация сложная в нашем Отечестве. Крайне интересная, но, конечно, сложная. Чудно, колоссальная крестьянская страна, многонациональная, не успевшая еще утрамбоваться, как началась эта самая власть, начался сталинский режим. Что такое сталинский режим, вы знаете? Это восточная сатрапия. Полный произвол. Все зачатки разумного в сталинские времена у нас подавлялись совершенно. Все же старые большевики, мало-мальски интересные, культурнейшие и умнейшие люди, ведь уничтожались стопроцентно, одна группа за другой. Ведь еще хрущевские-то разоблачения до конца-то не дошли. Еще больше было фокусов. Мы-то об этом за границей все знали из газет, все это просачивалось, несмотря на китайскую стену.

Конечно, ни одна страна не могла бы выдержать таких потерь. Ведь особенно в прикладных науках, в промышленности, в технике действительно восемьдесят процентов лучших людей уничтожено. В 20-е годы, еще при Ленине, в газетах писали разные люди, писали, в общем, что хотели. Были и критика, и самокритика, и все такое. А с 30 года, буквально по Салтыкову-Щедрину (странно, что его вообще переиздали) — «О введении единомыслия в России», вот и осуществлялось щедринское введение единомыслия в России*. А Десьянс Академия как у

Щедрина описана! «О постепенном искоренении бесполезных наук!» Все это у Салтыкова-Щедрина расписано было*. А философически осмыслено в «Бесах» Достоевского. Ведь ежели подумать, страна наша понесла совершенно фантастический ущерб, особенно в человеческом интеллекте.

А сколько молодежи изгажено было. Ведь до сих пор еще в школах процветает наушничество и доносительство и так далее. А ведь в 30-е годы это была совершенно сознательная теория. Учили детишек на родителей доносить. Как-то у нас все быстро очень забывается. И это страшно жалко, потому что вот эта ленинская система организации государства, она же совершенно замечательная вообще-то. В пределах советской власти. Но он, конечно, не додумал. Был догматизирован этим грузинском Джугашвили на семинарский манер. Ведь в марксизме-то... Социальные революции-то, введение социализма — где-где, только не в России можно было вводить. В этом парадокс. Проводится марксистская экономика и политика на абсолютно антимарксистский манер. Изволили интересоваться когда-нибудь «Капиталом» Маркса? Ведь у нас это на марксизм крайне мало похоже. Очень мало. У нас марксистская теория на антимарксистском материале. С этим и связаны все фокусы и экивоки жизни. И полное отсутствие привычки к демократии вообще в России.

Когда все это кончится? Вот всякая эта молодежь прогрессивная, которая гудит, все требует демократии, того, сего. Спаси, Господи, и помилуй! Вы представляете, что у нас будет, если у нас вдруг демократия появится. Действительно, народные массы... им будет дана возможность на самоуправство. Ведь это же будет засилье самых подонков демагогических! Это черт знает что! Хуже сталинского режима. Прикончат какие бы то ни было разумные способы хозяйствования, разграбят все, что можно, а потом распродадут Россию по частям. В колонию превратят. Да что шенки эти! Вы читали это знаменитое письмо академика Сахарова? Почитайте. Оно по Москве ходит*. Я читал. Такая наивная чушь, вообще-то

говоря, какая-то устаревшая технократия предлагается. Все это из лучших побуждений, конечно, но создается ощущение, что человек не знает, что делается в мире, не понимает в политике, в экономике. Очень невысокого уровня писание.

Положение-то наше особо пикантно тем, и это правильно в свое время усмотрел Ленин, что действительно старая система буржуазного или, как говорится, капиталистического хозяйствования, она изжила себя. Ведь сейчас и на Западе происходит очень любопытный кризис капитализма. К чему он приведет, еще трудно сказать. Может, они, на большей свободе, чем у нас, что-нибудь умней придумают. Конечно, марксов «Капитал» — работа была не безынтересная для начала второй половины XIX века. Но ведь это же экстраполяция того, что происходило тогда в передовой, наиболее индустриальной стране — Англии. На самом деле происходила любопытнейшая штука.

Со времен Ренессанса Европа начала насасываться за счет всего мира. Возникла европейская колониальная система, которая сводилась к тому, что западноевропейские государства активно это проделывали своими руками, ногами и головами: англичане, голландцы, гишпанцы. А остальные пользовались уже из вторых рук. Получали по дешевке, снимали, так сказать, сливки со всего мира. И вся Европа процветала на этом, богатела, жирела, получала доходы и организовывала вот эту капиталистическую систему. И вот уже в конце XIX века капиталистическая система начала отмирать. Потому что в мире в результате расцвета капиталистической системы произошли две вещи.

Определенные внеевропейские территории, части их, наиболее подходящие для европейцев, были просто европейцами заселены: Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка. А местное население, находившееся на низкой ступени развития, было просто уничтожено. В других же частях мира европейская колониальная система неизбежно цивилизовала огромную массу туземцев, не имевших еще европейской цивилиза-

ции. Это произошло в Японии, в Китае, в Индии, в арабских странах, в Северной Африке. И они захотели сами хоть часть барышей получить. Раньше ведь индусы сеяли хлопок, хлопок ехал на кораблях в Англию, там превращался в ткани и ехал обратно в виде тканей в Индию и индусам продавался. Так? Индусы сообразили, почему бы им самим не ткать хлопок, хлопчатобумажные ткани из своего хлопка. То же самое и в Египте произошло.

Надо сказать, что постарались, в основном, англичане. Ведь англичане колонии свои вели очень хорошо и вовсе не так грабительски, как это казалось. Ведь по всей Индии они провели прорву железных дорог, завели школы, завели даже университеты. То же самое в Египте за время своего относительно краткосрочного господства проделали. Ну, в известном смысле на собственную голову, конечно. Ведь без англичан ни Индия, ни Северная Африка... они бы и до сих пор без порток, босиком бегали все, включая шейхов и раджей и т.д. Так что вот, два процесса произошли. Стало ясно, что дальше так нельзя жить.

Вне колониальной системы европейской остались Россия, Балканы... Считались они отсталыми странами. На самом деле они не так отстали... Ладно, Англия, Голландия и Гишпания активно колонизовали весь мир. Остальные европейские страны развивались за счет меновой торговли с теми же англичанами, голландцами и испанцами. Немцы развили всякую легкую промышленность и черте что. К колониальной эпохе они опоздали, англичанам они завидовали. Когда немцы полезли в колонии, колонии были уже невыгодны: в них приходилось вкладывать деньги, а не наоборот. Французы вовремя влезли. И вот начался такой кризис колониальной системы. Конечно, европейцам было трудно и до сих пор трудно спускаться на тормозах. Но надо спускаться на тормозах и выдумывать какую-то новую систему.

В этом отношении объективно мы были в исключительно удобном положении — годами паразитировали на колониальной системе. С другой стороны, наша страна столь велика и обильна, что нам, в сущности, ни от кого

ничего не нужно. Мы можем жить автономно. У нас есть вся периодическая система Менделеева в наших недрах, у нас имеются и различные климатические зоны, все возможности для сельского хозяйства, за исключением кофе и какао. Это все есть. И было совершенно ясно, что и прочему миру нужно переходить на такую систему. Мир должен сейчас разделиться внутри себя на ряд больших таких блоков... В сущности, американцам ничего от нас не нужно, да и нам от американцев ничего не нужно. Вся Южная Азия — автономный блок, Африка тоже. Ну, Австралия с Новой Зеландией внутри себя неопределенное время жить не могут. У них многого не хватает. А Африка, Америка, мы, Евразия — могут жить автономно. А вот этому многонациональному, исторически сложившемуся маленькому европейскому полуострову, конечно, туго очень приходится. Ему нужно как-то совершенно переделывать свою экономическую систему. Это все безотносительно к сицилизму или не сицилизму.

Между прочим, сейчас до того сгладилась разница между социалистической и капиталистической, современной капиталистической системой... Скажите, велика ли разница между организацией промышленности у американцев и у нас? У американцев получше, потому что меньше ломки было, там гладко все идет. Но идет к тому же государственному капитализму и у нас. Так какая разница? Малые тресты все съедаются большими концернами. Вскоре у них по каждой специальности останется по одному концерну. То же самое, что у нас главк. И возникнет, кстати, та же проблема тогда: конкуренция. Откуда ее взять? Внутриконцерновую конкуренцию надо выдумывать. Это они выдумают легче нас. Я до сих пор не понимаю, почему у нас это не введут. Это сицилизму ни в коей степени не противоречит. Почему не считаться с потребностями страны и населения и не развивать те предприятия, которые этим потребностям удовлетворяют. А это очень легко сделать при нашей социалистической системе.

Биосфера и человечество

Среди большого числа современных проблем научно-технического характера, которыми эпоха наша весьма богата, есть одна комплексная проблема, решение которой является задачей всего естествознания, включая математику, и значение которой до сих пор большинством людей недостаточно осознано. Об этой проблеме теперь вкратце пойдет речь*.

Недавно происходил очередной международный демографический конгресс, занимавшийся проблемами народонаселения нашей планеты — Земли. Этот конгресс был в основном посвящен росту народонаселения. Цифры примерно следующие: в 1900 году людей на Земле было примерно полтора миллиарда, сейчас около четырех миллиардов людей населяют Землю. К 2000 году нас будут примерно семь миллиардов, а через сто лет ожидается цифра населения где-то между двадцатью и тридцатью миллиардами.

Но дело не в цифре как таковой. Места на Земле и для тридцати миллиардов людей достаточно, и для пятидесяти, и даже для большего числа. Но вот другой аспект проблемы важен: экономисты и ученые-естественники на основе наших современных научных знаний примерно оценили, что при достаточно хорошей организации хозяйства Земля может прокормить и снабдить другими видами сырья около десяти-двенадцати миллиардов людей. Из этого следует, что через сто лет примерно половине народонаселения Земли будет не хватать не только пищи, но и целого ряда других видов биологического сырья, необходимого, как все знают, для самых разнообразных отраслей химической и другой промышленности. Я должен напомнить, что сто лет — это не туманное отдаленное будущее, о котором можно не думать, а это всего лишь три человеческих поколения. Примерная продолжительность одного человеческого поколения — тридцать с небольшим лет, то есть через сто лет Землю будут населять внуки и правнуки теперешних людей, на-

селяющих сейчас Землю. Следовательно, это время от нас не слишком отдаленное. Из этого видно, что даже нам и ближайшим двум поколениям людей придется, хотя бы они или нет, разбираться детально в этой проблеме.

Как видите, я пока изобразил проблему в довольно-таки пессимистических тонах. Выходит, через сто лет примерно половине народонаселения нечего будет делать на Земле, будет нечего есть, а может быть, и нечем дышать и не хватит воды для питья, для утоления жажды, не говоря уже о промышленности, которая «пьет» воды много больше, чем все человечество вместе взятое.

А теперь попробуем поставить эту проблему иначе, отнюдь не в утопическо-фантастическом плане, а на основе того, что мы сегодня можем предвидеть, на основе конкретных научных знаний в области в первую очередь биологии и целого ряда других дисциплин, включая математику.

Я должен напомнить, что Земля наша — живая планета, на которой развивалась грандиозная по своему своеобразию, разнообразию, да и, как мы сейчас увидим, общей массе жизнь. Ее характерной особенностью в связи с этим является особая оболочка земного шара, получившая название биосферы. В биосфере развилась и процветает жизнь в форме большого числа разнообразных видов живых организмов, животных, растений, микроорганизмов, населяющих наружные слои земной коры на суше, практически всю толщу гидросферы, то есть Мирового океана, морских и пресных вод, и нижние слои атмосферы, окружающей земной шар.

Один из крупных, если не крупнейший натуралист последнего столетия, наш соотечественник академик В. И. Вернадский, умерший в 45 году глубоким стариком, в целом ряде блестящих работ создал общее учение о биосфере Земли. Масса живых организмов или, как мы говорим, общая биомасса Земли примерно была подсчитана Вернадским и его школой и составляет около десяти в шестнадцатой степени тонн. По сравнению с общей массой Земли это не очень много, но, конечно, это огромная масса вещества. Причем не следует забывать, что

это вещество живое. Живые организмы постоянно рождаются и отмирают, в живых организмах протекают процессы обмена веществ, следовательно, живые организмы в отличие от неживой или, как Вернадский говорил, косной природы или косного вещества, представляют собой огромный химический завод, перерабатывающий огромные массы вещества и энергии на поверхности нашей планеты.

В этом первое, может быть, самое важное свойство биосферы. Биосфера — существеннейшая составная часть общей жизни Земли как планеты, энергетический экран между Землей и космосом, та пленка, которая превращает определенную часть космической, в основном солнечной энергии, поступающей на Землю, в ценное высокомолекулярное органическое вещество.

В процессе эволюции живые организмы на Земле создали две большие основные группы: организмы-автотрофы, способные на основе поглощаемой ими солнечной, или шире — абиотической, энергии (например, зеленые растения с помощью фотосинтеза, а ряд микроорганизмов с помощью хемосинтеза) из неорганического вещества создавать органическое вещество, из малых молекул строить большие молекулы; другая группа организмов — гетеротрофы, к которым относимся и мы, может существовать и питаться лишь на основе первичных продуцентов, как их часто называют, организмов-автотрофов, о которых я только что говорил.

Таким образом, автотрофы непосредственно используют поступающую на Землю солнечную энергию, создают органическое вещество, а все остальные организмы — гетеротрофы: животные, очень небольшая часть растений, часть микроорганизмов и мы, люди, живем уже на счет или за счет органического вещества, которое создано автотрофами.

Следовательно, мы имеем энергетический вход в биосферу в форме солнечной энергии. В громадной биомассе биосферы протекают процессы обмена веществ: одни организмы отмирают, другие нарождаются, они питаются друг другом, продуктами друг друга и так далее. Происхо-

дит огромный, вечный, постоянно работающий биологический круговорот биосферы; целый ряд веществ, целый ряд форм энергии постоянно циркулируют в этом большом круговороте биосферы.

И наконец, из этого круговорота есть выход. Живые организмы не образуют идеально замкнутого биосферного круговорота. Часть органического вещества поступает в почву, на дно водоемов, в водные растворы, перерабатывается микроорганизмами — минерализаторами, которые, используя эти органические остатки, разлагают их до простых неорганических солей, растворяющихся в воде и поступающих в сток, который в конечном счете кончается в Мировом океане. И вот эти продукты минерализации отмирающего органического вещества, неиспользованные в биологическом круговороте биосферы, образуют, осаждаясь из водных растворов, осадочные или вторичные горные породы, мощным слоем покрывающие лик Земли. Другими словами, из живого круговорота биосферы для части вещества и энергии есть выход, так сказать, в геологию, путем формирования вторичных, осадочных горных пород. Таково общее представление о биосфере. Энергетический вход в виде солнечной энергии, большой биосферный круговорот и выход из него в геологию, в осадочные горные породы.

В связи с нашей проблемой, с той проблемой, которую я вначале поставил, — как же быть со все нарастающей численностью людей на земле, — возникает вопрос: «Что может большой биологический круговорот в биосфере давать людям?». Эту проблему можно рассмотреть по трем основным пунктам или местам только что описанной мною биосферы: 1) на энергетическом входе, 2) в биологическом круговороте биосферы и 3) на выходе из биологического круговорота в геологию.

Начнем с энергетического входа. На поверхность Земли падает определенное количество солнечной энергии. Конечно, сработать биологически может только та ее часть, которая поглощается организмами-автотрофами. Из всей падающей на Землю солнечной энергии лишь определенный процент (точно его подсчитать не

так-то легко), скажем, примерно от трех до восьми процентов, поглощается зелеными растениями. Из поглощенной энергии не вся идет на фотосинтез. Как и в технике, в живой природе мы можем говорить о КПД — о коэффициенте полезного действия фотосинтеза. Он составляет (опять-таки подсчитать его очень нелегко) примерно от двух до восьми процентов. При этом очень существенно заметить, что разные виды и группы растений обладают разными КПД.

Так вот, уже на входе человечество может кое-что сделать для того, чтобы растительность поглощала больше поступающей на Землю солнечной энергии, и для этого необходимо повысить плотность зеленого покрова Земли. Пока же мы, люди, в своей хозяйственной, промышленной деятельности и в быту скорее сокращаем плотность зеленого покрова Земли, небрежно обращаясь с лесами, лугами, полями, строительными площадками. Недостаточно озеленяя пустыни, степи, мы снижаем плотность зеленого покрова. Но как раз уровень современной техники и промышленности теоретически позволяет проделать обратную работу — повышать всемерно на всех пригодных для этого площадях земной поверхности и в водоемах, особенно пресноводных, плотность зеленого покрова. Причем повысить его, как показывают расчеты, можно минимум в полтора, может быть, даже и в два раза, и тем самым повысить биологическую производительность Земли.

Выше было сказано, что КПД — коэффициенты полезного действия — разных видов растений могут быть очень различны, варьируя от двух до восьми, а у ряда форм растений и более процентов. И здесь открывается для человечества еще одна возможность: разумно, конечно, на основе предварительного точного изучения КПД различных видов растений специалистами-физиологами стараться повышать процент участия в растительных сообществах, покрывающих Землю, растений с наивысшим, а не наинизшим КПД. Этим опять-таки можно на какую-то цифру, в полтора раза, или меньше, или больше, повысить уже тот процент солнечной энергии, кото-

рый усваивается растениями и через фотосинтез растений ведет к производству органического вещества на Земле.

Значит, уже на входе в биосферу, на энергетическом входе можно выиграть, повысить биологическую производительность Земли, скажем, в два раза. Напомню — это то, что будет нам совершенно необходимо через сто лет.

Теперь перейдем к основному, большому круговороту биосферы. Тут опять-таки мы, люди, хозяйствуем пока что очень небрежно, уничтожаем или подрываем воспроизводимые запасы животных и растений на нашей планете, небрежно и часто неумно используем промышленные запасы лесов, зверей, рыб и т.д. Здесь только путем рационализации использования «дикой» живой природы можно сделать очень много. При общем повышении плотности зеленого покрова Земли легко будет повысить плотность и животного населения Земли, которое в конечном счете питается растительным покровом, прямо или косвенно. Путем точного изучения воспроизведения масс растительности, воспроизведения запасов полезных человеку животных, пушных зверей, копытных, морских зверей, птиц, рыб и целого ряда беспозвоночных, особенно в океане, мы сможем резко повысить полезную для человека продуктивность этого гигантского круговорота в биосфере. Но мы можем, и мы на пути к этому, повысить и продуктивность сельскохозяйственных культур, культурных растений и домашних животных. Ведь как раз сейчас в генетике, науке о наследственности, мы все глубже проникаем в структуру и работу наследственного кода информации. Когда мы будем знать его более или менее точно, то сможем резко повысить эффективность и ускорить селекцию культурных растений и домашних животных, повысить их производительность, полезную для человека.

Ведь большинство используемых сейчас культурных растений и домашних животных — продукт одомашнивания, окультуривания, приручения и высева их около своих жилищ нашими далекими полудикими предками. Из почти трех миллионов видов животных, растений

и микроорганизмов, населяющих Землю, человек может извлечь целый ряд видов, вероятно, много более полезных ему и более высокопродуктивных, чем те, которые он использует сейчас. Поэтому в большом биосферном круговороте человек на основании уже сейчас предвидимых научных возможностей может получить в два, в три, а может быть, и в большее число раз больше продукции полезных для себя веществ, чем он получает сегодня. В Японии уже используется более двадцати видов водорослей для пищевых и кормовых целей, постоянно растет использование беспозвоночных, населяющих Мировой океан, вводятся в культуру новые виды растений, а иногда и животных и т. д. Теперь вспомните, если мы на энергетическом входе можем увеличить продуктивность, скажем, в два раза, да на большом биосферном круговороте повысить ее еще в три-четыре раза, значит, можно в шесть-восемь раз повысить продуктивность биосферы Земли. И это все на основании того, что научно уже сейчас понятно и возможно.

Есть еще одна очень важная, но нерешенная биологическая проблема. Дело в том, что Земля наша всюду и всегда, как я уже много раз говорил, населена более или менее сложными комплексами многих видов живых организмов, сложными сообществами, или, как биологи называют их, биоценозами. Мы до сих пор не знаем, почему в течение долгого времени такие сложные сообщества, если человек их не подрывает, не портит, не видоизменяет, способны поддерживать состояние равновесия между составляющими их видами.

Почему это так, мы, положим, знаем. Потому что вся эволюция на Земле проходила в приспособлении живых организмов не только к неживой внешней среде, но и друг к другу. В результате эволюции организмы оказываются хорошо притертыми друг к другу. Поэтому причина возникновения такого равновесия нам понятна. Но механизмы, управляющие такими равновесными системами, нам пока неизвестны. И вот одной из задач новой нашей отечественной дисциплины — биогеоценологии — и является точное изучение отдельных, мест-

ных, так сказать, биогеоценотических круговоротов, в сумме составляющих общий круговорот веществ в биосфере, и изучение условий и закономерностей, создающих равновесные состояния, а также условий и воздействий, нарушающих эти равновесия.

Человеку ведь, переделывая, улучшая сообщества в живом покрове Земли, придется делать это, не нарушая равновесия, а так, чтобы переводить сообщества живых организмов в разных местах из одного, менее выгодного для человека и менее продуктивного, в более выгодное и более продуктивное равновесное состояние.

Что значит нарушить равновесие, мы уже знаем. Вспомните общеизвестный пример: ввоз кроликов в Австралию. На новом месте, в Австралии, у кроликов не оказалось естественных врагов — хищников и паразитов. Они размножились в таких количествах, что стали в Австралии национальным бедствием. И со времени их завоза в XIX веке по настоящее время затрачены сотни миллионов, если не миллиарды долларов на борьбу с кроликами, которая достигла эффективных результатов лишь в самое последнее время, за последние два — два с половиной десятилетия.

Когда англичане в Новую Зеландию и Австралию желали завезти свои знаменитые английские розы, оказалось, что на новом месте розы съедались начисто за один сезон тлями. Выяснилось, что у тли, завезенной вместе с розами, на новом месте опять-таки нет естественных врагов. Равновесие было восстановлено лишь тогда, когда из Европы завезли жучков — божьих коровок, основных врагов тли. И тогда восстановилось равновесие: стали произрастать розы, тля ела розы, а тлей стали есть божьи коровки, которых опять-таки держали в приличных пределах численности разные птички, которые клевали божьих коровок, восстанавливая равновесие. Я привел два примера, но таких примеров можно привести сотни, сотни и сотни.

Следовательно, когда человек разрешит проблему равновесия в живой природе, он из биосферного круговорота сможет извлечь еще много больше, потому что он

тогда действительно сознательно, научно, на рациональных основах сможет в свою пользу и по своему усмотрению изменять и улучшать биологические сообщества, населяющие Землю. Если из этого возникнет возможность еще в полтора раза увеличить производительность биосферы, то мы уже получим вместе с предыдущими возможностями более чем десятикратное увеличение биологической продуктивности Земли.

И, наконец, последний, третий пункт — выход из биосферы. Сейчас мы знаем, что в ряде мест на Земле на дне некоторых озер вместо ила, который минерализуется живыми организмами до растворимых неорганических солей, постепенно образуется сапропель, чрезвычайно интересное и ценное органическое вещество, состоящее в основном из углеводов, белков и жиров. Этот сапропель уже сейчас используется людьми. Японцы, например, высшие сорта его превращают в пищевые вещества, следующие, более низкие сорта — в кормовой материал для скота, а самые низкие сорта сапропеля употребляют в качестве органических удобрений. У нас сапропель тоже уже употребляется, например, в кондитерской промышленности в качестве заменителя желатина и агара. Но употребляется он пока людьми в очень незначительном количестве.

Так вот, дело не в сапропеле как таковом, а гораздо в большем. Когда-нибудь на выходах из большого биосферного круговорота будут сидеть инженеры-биотехники, чтобы не допустить деградации вещества, выходящего из большого круговорота, до состояния малоценных мелких молекул, неорганических солей, в конечном счете какой-нибудь извести. Эти инженеры-биотехники будут ловить выходящие из круговорота биосферы вещества в формах значительно более ценных, в виде больших органических молекул — углеводов, белков и жиров, бесконечно более полезных людям. Это третий пункт, где люди смогут повысить продуктивность Земли.

Я начал с пессимистической констатации факта очень быстрого прироста народонаселения земного шара и естественной ограниченности его биологических запа-

сов. Однако, рассмотрев то, что происходит в биосфере, и то, что мы уже знаем благодаря работам наших крупнейших ученых — Вернадского, Сукачёва и ряда других, — мы приходим к оптимистическому прогнозу: не в два, а в десять с лишком раз человек может повысить продуктивность Земли, не подорвав производительных сил ее биосферы.

Наконец, я хочу указать на следующее: мы привыкли рассуждать о биологической производительности Земли главным образом с точки зрения пищевых ресурсов для нас самих. Но ведь биосфера Земли — эта гигантская живая фабрика, преобразующая энергию и вещество на поверхности нашей планеты, — формирует и равновесный состав атмосферы, и состав растворов в природных водах, а через атмосферу — энергетику нашей планеты. Она же влияет и на климат. Вспомним огромную роль в круговороте влаги на земном шаре испарения воды растительным покровом Земли. Следовательно, биосфера Земли формирует все окружение человека. И небрежное отношение к ней, подрыв ее правильной работы будет означать не только подрыв пищевых ресурсов и целого ряда нужного людям промышленного сырья, но и подрыв газового и водного нашего окружения. В конечном счете, люди без биосферы или с плохо работающей биосферой не смогут вообще существовать на Земле.

Из этого видно, что это действительно проблема номер один, и проблема срочная. Нам нужно уже сейчас бросать все научные силы на решение этой проблемы. Для этого нужно точно инвентаризовать наше живое окружение, в чем мы тоже сильно отстали. Нужна большая работа зоологов, ботаников, гидробиологов, которые бы точно и хотя бы полуколичественно инвентаризовали виды растений, животных, микроорганизмов, населяющих разные территории и акватории, разные регионы нашей планеты, в первую очередь — обширного нашего Отечества. Нужны физиологи, биохимики, биофизики, генетики, которые бы изучили интимные, глубинные механизмы жизни, которые позволили бы селекционерам, сельским хозяевам, биотехникам, промысловикам

рационально, полно и много богаче, чем сейчас, использовать живые ресурсы Земли.

Наконец, проблема равновесия, о которой я упоминал,— это проблема для математиков и кибернетиков, без их участия ее не разрешить. А, как я уже говорил, ее разрешение поможет людям разумно изменять свое живое окружение. Вот примерно то, что каждый должен знать и постоянно обдумывать в отношении той проблемы, которую я поставил вначале. Надо не забывать, что людям ее решать придется, хотя бы они этого или нет. И ведь жизнь на земном шаре, человеческая жизнь, пока протекает не очень мирно, поэтому, несомненно, будет в ближайшее время еще существовать соревнование, конкуренция разных стран, разных континентов, разных больших регионов Земли. И нам в этой конкуренции отставать нельзя. Наоборот, вся история естествознания, русского естествознания XIX и XX веков, дает возможность именно нам, советским ученым, эффективнее других, целостнее и рациональнее приступить к изучению научных основ этой большой проблемы — проблемы «биосфера и человечество».

О биологических естественнонаучных принципах

Я позволю себе изложить вам сейчас некоторые общие соображения касательно нашего времени*, в особенности у нас и в особенности в биологии, и в частности, в генетике. Начну с того, что наш век очень замечательный. Ну, это вы все знаете. Я напомним вам — это мне понадобится для дальнейшего — два замечательных явления, происшедших в нашем веке. Первое, самое, пожалуй, крупное и общее: старая физическая картина мира XIX века, выражением которой можно считать огюстконтровский детерминизм, заменилась совершенно новой общефизической картиной мира. Ее можно условно — она пока не имеет общего официального названия — назвать квантово-относитель-

ной, а в основе своей вероятностной, потому что она построена на современной теории квантовой физики и на теории относительности в основном.

Старая физическая картина мира стала строиться довольно давно, еще с начала XVIII века, и, в сущности, казалась завершенной к концу XIX — началу XX века. На основе общих физических принципов, таких, как принцип всемирного тяготения Ньютона и так далее, построено было логически завершенное общее представление о структуре нашей Вселенной, не только нашего Космоса, нашей Солнечной системы, а всей Вселенной. Причем как-то всякие философы, философствующие публицисты, политики, поэты, писатели и прочие гуманитарии, историки и в особенности философы, просматривали при этом чрезвычайно существенную вещь.

Сейчас много трепотни идет о так называемой физико-технической революции, будто бы даже такого времени, как наше, и не было в смысле развития физики, и техники, и так далее. Это чушь! Я не согласен, конечно, само собой разумеется, с современной терминологией научно-технических революций и всякой подобной чепухи. В науке никаких революций не бывает, наука развивается эволюционно и традиционно. Традиции являются основой развития науки. Конечно, так как все на свете течет негладко, то и в развитии наук существуют периоды расцвета и периоды затишья. Периоды расцвета чаще всего не те, которые замечают неспециалисты, особенно политики. Политики ничего в этих делах не понимают и думают, что всё вообще зависит от политики и экономики. На самом же деле наоборот, политика и экономика зависят от многих других вещей.

Так вот, периоды расцвета в науке не всегда совпадают с действительно шумными периодами развития техники, а обыкновенно предшествуют им, потому что техника связана с прикладными науками, а для того, чтобы быть прикладным, надо иметь, что прикладывать. Сейчас мы, несомненно, переживали и переживаем, может быть, конец такого очень интенсивного периода физико-технического развития. Но я лично совершенно не

признаю этого философствования, этого совершенно неправильного обозначения нашего времени как времени физико-технической революции...

Вообще ведь люди навывдумывали за последнее столетие, за эпоху после Ренессанса много таких псевдопроблем. Например, вся современная философская проблематика о смысле жизни — одна из таких бессмысленных проблем. Смысл вот вашего индивидуального появления в нашей Вселенной или моего? Бессмысленный вопрос. Мы появились на свет, потому что родились. И не мы в этом повинны. В худшем случае — наши родители, а то и они неповинны, а случайно так получилось. Они, может, и не хотели нас родить, а мы по ошибке родились. Бывает и так.

Я об этом говорю немножко в комическом «штиле», потому что из этого следует, что смысл жизни — бессмысленный вопрос, лишенный содержания вопрос. Смысл жизни — в смерти. Мы почему-то родились на свет и почему-то помрем. А смысл жизни действительно определен в большинстве старых, хорошо развитых религиозных систем. Например, в православной церкви в ектеньи дьякон, а ежели хороший дьякон, то басом таким глубоким и громким, возглашает в качестве одного из центральных пунктов: о непостыдной кончине живота нашего Господу помолимся... Это единственное разумное, не бессмысленное, а осмысленное решение проклятого вечного вопроса о смысле жизни. Смысл жизни заключается в непостыдной смерти. Чтобы человеку было не совестно умирать, когда смерть придет, чтобы он так прожил, что ему не стыдно было умирать.

Я этот пример привел к тому, что в человечестве или у человечества, в частности в том разделе человеческой деятельности, которая носит название, в большинстве случаев в наше время неоправданное, философии или философствования, возникает целый ряд таких псевдопроблем. Другая псевдопроблема возникла в конце XIX века, проблема так называемой мировой формулы.

Стали говорить, что важно накопить в достаточном количестве знания, а когда знаний будет достаточно со-

вершено, то легко будет построить общую формулу для физической картины мира, и тогда все можно будет и вперед, и назад, и вправо, и влево, и вкось, и вкривь рассчитать совершенно точно, пользуясь мировой формулой.

Представляете себе абсолютный огюстконтровский детерминизм? Свободы совести нету. Свободы мнений не может быть. В сущности, нету смысла ни в какой запланированной или предполагаемой деятельности. К чему нам стремиться, людям как обществу? Ведь все предусмотрено формулой и продетерминировано. Нам, людям, в этом мире делать нечего было бы. Нам нужно было бы просто стовориться и повеситься на крюке. Вот и все.

С моей точки зрения это чушь невероятная, да и с точки зрения очень многих современных умных людей это совершенно собачья чушь. Никакого этого контровского детерминизма нет, никаких мировых формул нет, ничего мы ни вперед, ни назад, ни вправо, ни влево рассчитать никогда не сможем. И не сможем не потому, что у нас знаний недостаточно, а потому что это принципиально невозможно.

Новая физическая картина мира в этом смысле принципиально отличается. Она нам дает жить. Она людям дает свободу, не противоречит свободе совести. Кроме того, эта современная картина мира дает свободу, и очень большую, для планирования индивидуальных, общественных, коллективных, социальных, политических, экономических и прочих действий в нашем земном человеческом существовании. Это ведь опять украшает нашу жизнь: есть для чего жить... И нечего вешаться на крюке...

Я не буду перечислять вам все достижения нашего столетия — это было бы скучно и очень долго, а назову еще только одно, касающееся нас непосредственно. В нашем веке появилась новая наука — генетика. И в очень замечательном виде: в качестве запоздалого необходимого звена сто лет тому назад с лишним «увиденной» замечательным, гениальным ученым Чарльзом Дарвином теории эволюции. Я обращаю опять ваше внимание на то, как небрежно мы часто обращаемся с нашими классиками, как все

привыкли говорить: «Ах, Дарвин, создатель эволюционного учения!» Ни черта он не создатель эволюционного учения!

Он был гениальный, но очень умный и очень осторожный человек. И не зря он свою книжку назвал «О происхождении видов путем естественного отбора». В свое время он, к сожалению, ничего не знал об элементарном эволюционном материале. Он свои теоретические положения построил на приложении принципа отбора, о котором я как о принципе отбора дальше еще буду говорить, к тому, что он назвал неопределенной изменчивостью. Вот на эту изменчивость, которую он всюду видел в природе (а смотреть он умел и видел очень много, недаром он на «Бигле» путешествовал и многое увидел в природе такого, чего до него не видели), приложение естественного отбора к этой неопределенной изменчивости он и считал двигательной стороной, движением эволюционного процесса и на этом строил свою теорию эволюции.

Но, еще раз повторяю, в его время ничего не было известно об этой неопределенной изменчивости. Цитологии, науки о клетке, практически не существовало, хромосом никто не знал, генов никто не знал. И это, конечно, делало гигантскую работу, произведенную Дарвином, какой-то такой беспочвенной. Что такое изменчивость в биологии и вообще — никто ясно себе не представлял. Ведь ему не была известна менделевская работа*. Только в XX веке произошло, как мы знаем, постисторическое открытие менделевской работы. К счастью, пятью людьми в пяти различных странах на девяти различных объектах, что с самого начала пресекло всякие рассуждения о случайности и единичности этих явлений, а сразу показало, что это всеобщие явления в живой природе. Так вот, только тогда можно было начать разговоры о действительно серьезном построении дарвинизма.

Эволюционное же учение со времен Аристотеля известно, а прекрасно оно было видно у Линнея, которого считают почему-то антиэволюционистом, хотя он создал иерархическую систему всего живого мира, показал на-

личие эволюции на нашей планете. Да и вообще у Дарвина предшественников по этому случаю было очень много. Но гениальность Дарвина была в том, что он первый увидел в природе принцип естественного отбора.

А гениальность Менделя была не в менделевских законах о расщеплении и всякая такая штука. Все это со времен Кельрейтера устанавливалось, правда, не в университетской ботанике и даже не в монастырской ботанике, а в практической селекции. По отдельности все менделевские законы были уже известны. А гениальность Менделя была в том, что он первым в экспериментальной биологии, пожалуй, проводил действительно точные, действительно продуманные и подготовленные эксперименты, точно их учитывал и создал вот эту самую гипотезу чистоты гамет и тем самым дал интерпретацию, совершенно точную и неоспоримую, тем результатам, которые он получил в своих знаменитых «гороховых» опытах. И слава Богу, что монастырские дела его отвлекли, и он не стал дальше заниматься генетикой, потому что первые же его следующие опыты дали (случайно, как мы сейчас знаем, он попал на партеногенетический вид) совершенно иные результаты. И он бы, конечно, легко мог запутаться в еще нескольких видах, дающих несколько иные результаты. Так что все хорошо происходило.

Третье явление, типичное для нашего мира и нас, опять-таки, касающееся: мода из области дамских платьев, духов и так далее перешла, к сожалению, в науки. У нас появилось несчетное количество модных дисциплин. Неправильно используя великий, могучий, свободный и так далее русский язык, в популярном переводе с английского *molecular biology* у нас появились молекулярная биология и тенденции к теоретической биологии.

Дело в том, что *molecular biology* в германских языках вполне допустимое сокращение того, что люди хотят в данном случае сказать: рассмотрение некоторых биологических проблем с позиций молекулярной физической химии. Это и мы, по-видимому, хотим сказать. Но в русском языке «молекулярная биология» ничего ино-

го, кроме биологии молекул, значить не может. А «биология молекул» — чепуха, чушь! Нет никакой биологии молекул. Молекулы не живые существа, и никакой биологии молекул не существует. Следовательно, молекулярная биология — а у нас сейчас и цитология молекулярная, и цитогенетика молекулярная, и даже радиобиология и что хотите... Вот эта молекулярщина у нас связалась как-то — по человечеству это понятно — с тенденцией нашего брата биологов, тем более что нас развела сила невероятная, со стремлением к теоретической биологии.

Это происходит и в западном мире. Правда, французы и итальянцы самые, так сказать, в этом отношении аккуратные и осторожные люди; но американцы, в меньшей степени англичане и немцы много грешат. А мы, слава тебе, Господи, теоретической биологией готовы все, что угодно, назвать, и забываем, что никакой теоретической биологии нет у нас пока. Не у нас лично, а вообще в мире пока нету теоретической биологии, сравнимой, эквивалентной в каком бы то ни было смысле тому, что называют теоретической физикой. И нету, потому что нету или не было до последнего времени биологических более-менее общих естественно-исторических принципов. Таких, которые давно уже, с XVIII века и даже раньше, со времен Ньютона существуют в физике. В последние десятилетия накапливаются в химии, и эти небιологические научные дисциплины поэтому могут строить свои теоретические разделы. А с их помощью строить и то, с чего я начал, — общую картину мира физическую.

Но никакую биологическую картину мира мы не можем построить, потому что мы еще не сформулировали пока хоть какого-нибудь значительного количества общих естественно-исторических биологических принципов. Хотя забыли совсем, не обратили внимания, мы, биологи в первую очередь, что один-то принцип биологический общий уже существует более ста лет. Это принцип естественного отбора Дарвина. Это принцип такой же, как физические принципы.

Все современные, модные опять-таки, споры по поводу, годится ли покойный господин Дарвин, или заменить его каким-нибудь неоламаркистом, или неовиталистом, или нео- еще чем-то,— все это чушь собачья. Спорить против естественного отбора — это то же самое, что спорить о том, вот ежели я брошу этот стакан с водой, то он упадет на пол, и вода разольется или полетит кверху и прилипнет к потолку? Не полетит кверху и не прилипнет к потолку! И всерьез трезвым, нормальным людям спорить об этом глупо! Так же глупо спорить о естественном отборе. А ведь в нашем веке есть так называемые математики, которые математически доказывают, что можно и без естественного отбора обойтись. Обойтись-то можно без всего, но просто естественный отбор существует в мире. Он, этот первый биологический общий естественно-исторический принцип, существует в комбинации с другими, о которых уже нашей смене,— я о себе не говорю, я уже бывший биолог — а смене современных биологов придется размышлять и уточнять.

Второй, он уже действует. В начале 30-х годов мы, с Дельбрюком в основном, а потом, войдя в копенгагенский так называемый боровский круг действительно крупных физиков и математиков, в том числе с замечательным англичанином Дарлингтоном, выдумали следующее. Не выдумали, а увидели опять-таки, что всюду, где имеется редупликация, то есть где какие-то элементарные существа размножаются, способны рядом с собой построить себе точно подобные и оттолкнуть... Это целесообразно называть не просто размножением, а редупликацией. Когда в XX веке появилась современная генетика, мы узнали, что у всех живых организмов — от простейших до человека — существует спонтанный мутационный процесс, и что мутации являются наследственными, возникнув, передаются путем этой редупликации следующим редуплицирующимся частицам. Так вот, мы придумали выражение, по-моему, очень удобное, «конварьянтная редупликация», то есть не просто редупликация, а включающая в себя наследственные варьяции, мутации.

Когда мы начали думать — думали, разговаривали и спорили, и доспорились до того, что не является ли вторым биологическим общим естественно-историческим принципом в науке конварьянтная редупликация дискретно построенных кодов наследственной информации. Вот так мы тогда постарались для себя сформулировать.

Я лично, хотя принадлежу к соавторам этого выражения, и до сих пор совершенно уверен, что после первого принципа естественного отбора этот является вторым биологическим общим естественно-историческим принципом. Но само выражение требует более строгой и точной формулировки и определения. Нужно еще немножко поспорить, подумать, привлечь действительно умных людей, которые умеют думать — а это редко бывает среди людей — и тогда будет уже два биологических естественно-исторических общих принципа научных: принцип естественного отбора и вот то, что предварительно я называю «принцип конварьянтной редупликации дискретно (то есть из отдельных генов) составленного кода наследственной информации, передаваемого от поколения к поколению».

Есть одна мода. Она не такая уже новая, но сейчас тоже стала модой в биологии. Это прогрессивная эволюция — такое больное место всех биологов. Вот вынь да положь им прогрессивную эволюцию. А вообще-то говоря, биологи не удосужились за сто лет, что идут разговоры о прогрессивной эволюции, сформулировать, что же это такое. Кто прогрессивный в ней — человек или чумная бактерия? Об этом можно и с Дарлингтоном поспорить часа три и выпить целую бутылку виски. И стоит. Во-первых, нужно сформулировать точно, что такое прогрессивная эволюция. А затем тут возникает действительно настоящая, нужная математическая проблема в биологии. И нам нужно сейчас несколько — очень немного, но действительно крупных мыслителей-математиков для решения следующей проблемы: ведет ли естественный отбор, продолжающийся практически бесконечно, то есть очень долго — с бесконечностью по математическим причинам лучше не играть, но, скажем,

очень долго,— автоматически к прогрессивной эволюции или не ведет.

Хочется по-человечески, логически, так сказать, поверить, что ведет. Так кажется человеку. Даже нам вот с Дельбрюком, который хороший очень математик, очень крупный математик, вроде Дарлингтона, казалось, что чего ж тут особенно размышлять. Оказалось, нужно размышлять. И нужно найти какие-то математические методы и методы математической логики и алгебры понятий, с помощью которых можно решить этот вопрос более-менее окончательно и точно. Обязательна ли прогрессивная эволюция при долговременном действии естественного отбора или нет? От решения этого вопроса зависит, получим ли мы сразу третий биологический общий естественно-исторический принцип, решающий проблему о прогрессивной эволюции или нет.

Тогда станет возможной теоретическая биология. Ведь то, что сейчас называют теоретической биологией — это ведь все прекрасно с XIX века известно под именем общей биологии. А первая задача теоретической биологии — критическая оценка эволюционного учения, эволюционной теории с точки зрения трех уже биологических общих естественно-исторических принципов: принципа естественного отбора, принципа конварьянтной редупликации кодов наследственной информации, передающейся от поколения к поколению, и принципа обязательности прогрессивного действия длительного, практически вечного естественного отбора.

Это утверждение — математическое доказательство того, что длительно действующий естественный отбор автоматически ведет к прогрессивной, а не регрессивной эволюции — на вопрос о том, какова же будет все-таки эволюция, конечно, не ответит. Этот вопрос останется биологическим. И биологам останется прорва работы.

Это основное, собственно, что я хотел вам сказать. И обратить ваше просвещенное внимание на то, что следующему поколению биологов придется, хотят они или не хотят... К тому времени тысячи, десятки тысяч выпускаемых всяких молодых биологов поймут все равно то, о чем

я сегодня твержу, потому что считаю, что это не доходит до ума. Так что придется все равно всерьез строго, по возможности точно сформулировать и даже определить некоторые понятия в области того, что желательно, чтобы стало частью будущей теоретической биологии.

Та же прогрессивная эволюция — это не то что строго или точно, а вообще мало-мальски приемлемо не определенное еще в биологии понятие. Под прогрессивной эволюцией каждый может понимать все, что ему желательно и хочется. Никакого разумного, точного, однозначного и применимого в однозначном смысле, в логическом глубоком рассуждении, а не только в высокой математике понятия прогрессивной эволюции у нас пока, к сожалению, нет.

И я предлагаю следующему поколению серьезно подумать на эту тему и решить, кто же прогрессивней — человек или чумная бактерия? Я не знаю. И не только я, но, пожалуй, никто из мне известных людей не может всерьез ответить на вопрос: влечет ли естественный отбор автоматически за собой прогрессивную, непременно прогрессивную эволюцию? Для этого действительно прежде всего нужно строго и точно, если можно, сформулировать понятие прогрессивной эволюции. Выяснить, возможны ли разные типы прогрессивной эволюции или невозможны разные типы? Наверное, возможны, потому что мы знаем на нашей планете разные пути эволюции. Ведь мы случайно стали, так сказать, в известной степени царями природы. На Земле мы теперь знаем, биологи знают, минимум два типа высшей нервной деятельности: наш, который можно назвать условно-рефлекторным, и, как у насекомых — безусловно-рефлекторный тип. Скажите, разве не замечателен и не совершенен строй общественных насекомых? И насколько другой была бы жизнь на Земле, ежели к этому моменту, к сегодняшнему дню, победителем в борьбе за жизнь на Земле стали бы не мы, а общественные насекомые. Наверное, никакой бы морали, этики, религии и всяческих таких возвышенных вещей не было бы на Земле. Но они есть и будут вечно, пока на Земле живем мы, люди.

Комментарии

- С. 23 *Родился я в 1900 году...* В беседе с В.Д. Дувакиным Н.В. Тимофеев-Ресовский назвал годом своего рождения 1899-й. Та же ошибка фигурирует в записи М.Адамса (Н.В. Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 18). Но, согласно документам, Николай Владимирович родился в 1900 г., в последний год XIX века, и об этом он тоже неоднократно упоминал. По-видимому, произошла некая аберрация памяти, и этот лишний год иногда и дальше нарушал хронологию рассказов.
- ...во Всеволожском переулке...* Городская усадьба рубежа XVIII–XIX вв. В.А. Всеволожского занимала обширный участок между Всеволожским переулком и улицами Остоженкой и Пречистенкой, куда выходил главный дом (№ 7). Его славу составили концерты одного из лучших в Москве крепостных оркестров. Пострадав от пожара 1812 г., дом простоял в виде выгоревшей коробки до конца 1860-х, когда его купил и перестроил купец М.А. Степанов. В 1870-е дом сдавался под Политехнический музей, а к моменту рождения Н.В. был приобретен военным ведомством, разместившим в нем штаб Московского военного округа. За прежними хозяевами — Всеволожскими, возможно, оставалась какая-то часть усадебных владений.
- Мать моя урожденная Всеволожская.* Надежда Николаевна Всеволожская (1870–1928) принадлежала к той ветви этого старинного рода, которая восходит к XVII столетию и внесена в 6-ю часть дворянской родословной книги (см.: Булычев Н. Калужская губерния. Список дворян, внесенных в родословную книгу по октябрь 1908 г. Калуга, 1908). В 6-ю книгу записывались те дворяне, предки кото-

- рых владели именьями до 1685 г., за 100 лет до предоставления Екатериной II «Жалованной грамоты дворянству» (1785). Подробнее о предках с материнской и с отцовской стороны см. в очерке Т.В.Пишиковой «К истокам рода» (глава «Всеволожские»).
- С. 23 *Они стали калуцкими...* Здесь, как и во многих других, далее не отмечаемых случаях, сохранены стиливые особенности и сознательные «неправильности» устной речи Н.В.Тимофеева-Ресовского.
- С. 25 *...записанных в шестой книге...* Тимофеевы записаны во 2-й части дворянской родословной книги, куда вносились лица, получившие дворянство на основе воинских чинов и орденов (см. очерк Пишиковой, глава «Тимофеевы»). *...от реки Ресы.* Так на картах XIX века писалось название реки и населенного пункта в Мещовском уезде Калужской губернии (современное написание — Ресса). *...двойная фамилия у старшего в роде.* Согласно закону двойную фамилию имели право носить старшие в роде, о чем и говорит дальше Н.В. Его право на эту фамилию было закреплено при утверждении его в дворянстве (указом Сената № 1285 от 19 июня 1908 г.). Тогда фамилия писалась как Тимофеев-Рясовский (см. Булычев Н. Указ. соч. С. 79. О происхождении этой фамилии см. очерк Пишиковой, глава «Рясовские»).
- С. 28 *...63 лет, на 64-м году жизни...* Согласно документам Владимир Викторович Тимофеев-Рясовский родился в 1856 г., скончался же действительно в 1913 г., но в 57 лет (см. очерк Пишиковой). *Она родилась в 1824 году...* По документам Софья Васильевна Всеволожская родилась в 1838 г. (ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1987, см. очерк Пишиковой).
- С. 29 *Когда в 17 году Кропоткин вернулся в Москву...* Князь Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) — географ, исследователь Сибири, видный деятель русского революционного движения, теоретик анархизма. После ареста и заключения (1874–1876) бежал за границу. Вернувшись из эмиграции после февральской революции, жил в Москве и Дмитрове. *...его книжку знаменитую...* Правильное название книги: *Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции.* СПб., 1907.

- С. 29 ...был основателем современных учений геологических о ледниковом периоде. См.: Кротокин П.А. Исследование о ледниковом периоде. СПб., 1876.
...создал первую наметку... карты Северо-Восточной Азии. См.: Кротокин П.А. Общий очерк орографии Восточной Сибири // Записки Российского географического общества по общей географии. СПб., 1875. Т. 5. (Приложение: карта Восточной Сибири, части Монголии, Маньчжурии и Сахалина.)
- С. 30 ...бронзовые медали в память 12 года... К столетию Отечественной войны 1812 г. для ветеранов были отчеканены специальные медали, точно воспроизводившие со старого штампа медали вековой давности (см.: Гранин Д. Зубр. Л., 1987. С. 20), с надписью из Псалтири: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу» (Пс. 113-9), выражающей бескорыстное служение Богу, даровавшему освобождение от неприятеля.
- С. 31 ...это была история по Платонову... С.Ф. Платонов (1860–1933) — академик, историк Московской Руси. В 1931 г. репрессирован, умер в ссылке. Широко была известна его книга «Лекции по русской истории». Гимназисты же занимались по учебнику: Платонов С.Ф. Сокращенный курс русской истории для средней школы. СПб., 1914 и 1915.
...одной из невест Грозного... Н.В. ошибается. Известна подобная история, связанная с царем Алексеем Михайловичем. В 1647 г. он выбрал из шести претенденток на роль невесты Афимью Всеволожскую, дочь касимовского помещика Федора-Рафа. Неожиданно на смотре невеста упала перед женихом без чувств: то ли ей слишком туго затянули волосы, то ли от волнения, то ли от умышленно наведенной порчи. За утаивание недуга Всеволожских сослали в Сибирь (см.: Соловьев С.М. Соч. в 18-ти тт. 1999. Кн. 5. Т. 10. С. 462).
- С. 32 ...протекают... реки Большой и Малый Узень... Эти реки протекают по территории Самарской области, граничащей с Астраханской и с Уральской областями.
- С. 42 ...есть портрет... В Русском музее хранится портрет адмирала Алексея Наумовича Сенявина (1716–1797), написанный в 1770-е гг. Ф.С. Рокотовым. Возможно, А.Н. Сенявин приходился дальним родственником Н.В. по женской линии со стороны Рясовских.

- С. 42 ...*кильватерную колонну придумал*. Это, скорее всего, относится к другому Сенявину — Дмитрию Николаевичу (1763—1831), прославившемуся введением новых принципов маневренной тактики морского боя. А. Н. Сенявину он приходился двоюродным племянником.
- С. 43 ...*просидел в плену у японцев*. Василий Михайлович Головнин (1776—1831) оставил воспоминания о своем пленении: *Головнин В. М.* Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812, 1813 годах. СПб., 1816.
...*был разжалован в матросы*. На самом деле в результате заступничества генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского прошение Гиляцкого комитета о разжаловании Невельского в матросы было отклонено.
- С. 44 ...*он находится во дворе Русского музея*. Памятник Александру III работы Паоло Трубецкого 1909 г. первоначально стоял на Знаменской площади Петербурга возле Николаевского (теперь Московского) вокзала. Снятый после революции, он долгое время хранился во дворе Русского музея. Сейчас установлен в саду перед Мраморным дворцом.
- С. 45 ...*не потеряла своего географического интереса...* Геннадий Иванович Невельской (1813—1876) оставил подробное описание экспедиции на Амур, изданное посмертно его женой: *Невельской Г. И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849—1855 гг. Приамурский и Приуссурийский край. СПб., 1878.
...*и сродственник и свойственник*. Адмирал Павел Степанович Нахимов (1802—1855) приходился троюродным братом Нилу Николаевичу Нахимову, сын которого Николай женился на Ольге Викторовне Тимофеевой — тетке Н. В.
...*мой двоюродный брат Сережа Нахимов...* Сергей Николаевич Нахимов (1882—1939) — сын Ольги Викторовны и Николая Ниловича. По традиции рода Нахимовых учился в Морском кадетском корпусе, участвовал в боях первой мировой войны, в том числе и в обороне Риги, о которой дальше рассказывает Н. В. Его сын Павел Сергеевич (1913—1942) ушел добровольцем на фронт Великой Отечественной войны и пропал без вести в боях под Смоленском. Внук Александр Павлович (р. 1939) — внучатый племянник Н. В., учился в Ленинградском Нахимовском

училище, потом в Московском лесотехническом институте, инженер-электрик, руководит отделом на московском оборонном предприятии (см.: *Нахимов А. П.* Нахимовы на Смоленщине // Смоленское дворянство. М., 1997 и очерк Пищиковой).

- С. 45 ...*Икскюльское предмостное укрепление...* Название дано по замку Икскюль, расположенному в 25 км от Риги на правом берегу Западной Двины. Главное сражение, в результате которого была сдана немцам Рига, произошло здесь в августе 1917 года.
- С. 46 ...*с помощью Бонч-Бруевича...* Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955) — историк, в 1917–1920 гг. управляющий делами Совнаркома, организатор издательского дела. Кроме того, много лет руководил первым подмосковным совхозом «Лесные поляны», в котором после окончания мировой и гражданской войн работал Сергей Николаевич Нахимов.
- ...*и с другой моей теткой.* Н. В., судя по всему, имеет в виду Марию Сергеевну Тимофееву (урожд. Иванову), жену его родного дяди Александра Викторовича. (Подробнее о родственных и дружеских связях семей Тимофеевых, Нахимовых и Бонч-Бруевичей см. очерк Пищиковой.)
- С. 47 ...*толстые русские журналы... петербургские альманахи...* При перечислении первые два неточных названия произнесены Н. В. в шуточной форме, но далее следуют три самых читаемых журнала второй половины XIX века: «Русское богатство» (издавался с 1876 по 1918), «Русская мысль» (1880–1918), «Вестник Европы» (1866–1918).
- ...*теперешней Ленинской.* Ныне Российская государственная библиотека.
- С. 48 ...*и другие крупные люди.* Об учениках Первой киевской гимназии см. очерк М. А. Реформатской «Юные годы ровестников века».
- ...*на Львовской улице.* Рядом с рыбозаводней Андрея Ивановича Шелюжко на Львовской, 45 находилось также киевское отделение Общества любителей растений и аквариумов, секцию аквариумов которого возглавлял Л. А. Шелюжко, сын сахарозаводчика.
- ...*нас много было, детишков... семь человек...* В семье Тимофеевых-Рясовских, по всем документам, было шестеро (своих) детей, пятеро сыновей: Николай, Владимир, Виктор, Дмитрий и Борис, и дочь Вера. Все они внесены в формулярный список Владимира Викторовича Тимофеева-

- Ресовского, составленный в 1913 г., незадолго до его смерти (Государственный архив Калужской области. Ф. 55. Оп. 2. Д. 3160. Л. 2–12).
- С. 50 *В знаменитых кофейнях Семадени...* Кофейни Семадени находились на Крещатики, 15 и на Большой Васильковской, 12.
...прямо напротив, кажется, Императорское коммерческое училище. На Бибиковском бульваре, 18 (на его пересечении с Большой Владимирской улицей) находилась Вторая мужская гимназия.
- С. 51 *...частной гимназии Науменки.* Владимир Павлович Науменко — владелец одной из лучших в Киеве частных мужских гимназий, которая находилась на улице Б. Подвальная, 256.
...во времена знаменитого Кассо. Лев Аристидович Кассо (1865–1914) — министр народного просвещения в 1910–1914 гг. (см. также прим. к с. 85).
- С. 54 *...бурса существовала в XIX веке.* Бурса (от лат. bursa — сумка, кошелек) — духовное училище и семинария с общежитием, содержавшиеся на казенный счет. Порядки и атмосфера киевской бursы середины XIX века описаны Н. Г. Помяловским в «Очерках бursы» (1862–1863).
- С. 56 *...сидел на диване с десятилетней «Жизнью животных» Брема.* Альфред Эдмунд Брем (1829–1884) — немецкий зоолог и просветитель, автор популярного труда «Жизнь животных» (1863–1869) в 6-ти томах. На русский язык они полностью переведены в 1911–1915 гг. с иллюстрациями В. А. Ватагина.
- С. 58 *...очень хороший зоолог Беллинг...* Дмитрий Евстафиевич Беллинг в то время был лаборантом Днепровской биологической станции и кафедры зоологии естественно-исторического факультета Высших женских курсов в Киеве.
- С. 60 *...гимназии, не министерские, а ведомства императрицы Марии...* В России с 1862 г. наряду с казенными (министерскими) и частными существовали открытые всесословные женские гимназии, содержавшиеся на средства государственной благотворительности. Они состояли при «Ведомстве учреждений имени императрицы Марии», начало которому было положено в 1797 г. Марией Федоровной (1759–1828), супругой Павла I. Другая Мария Федоровна (1847–1928) — тоже царствовавшая особа, супруга Александра III, в свое время стояла во главе управления ведомством и способствовала созданию училищ для деву-

шек низших классов. Гимназия, о которой рассказывает Н. В., располагалась на углу Фундуклеевской и Елизаветинской улиц.

- С. 60 ...*Надежда Васильевна Реформатская... увидела это в Миассове...* Н. В. Реформатская (урожд. Вахмистрова, 1901–1985) — литературовед, специалист по литературе XX века, друг Тимофеевых-Ресовских (см. очерк М. А. Реформатской и письма). Приезжая в 1956, 1959 и 1963 гг. в Миассово, она, как и многие другие, действительно была очевидцем подобных пробежек Н. В. А упоминается она в разговоре с В. Д. Дувакиным потому, что первоначально Виктор Дмитриевич, решив записывать рассказы Н. В., обратился к Надежде Васильевне за содействием.
- С. 61 ...*Игорь Северянин... как-то приезжал в Киев.* Поэт Игорь Северянин (1887–1941) мог быть в Киеве в 1913 г. ...*Маяковский там шатался... с Бурлюками, с распсанными мордами.* В. В. Маяковский (1893–1930) приезжал в Киев зимой 1914 г. В прессе, обсуждавшей его выступления, отмечались и клейма на лице, заимствованные у уголовных типов (см.: *Катанян В. А. Маяковский. Хроника жизни и деятельности.* М., 1985. С. 84–85).
...*серьезно интересовался поэтикой и поэтами.* Глубокий интерес Н. В. к русской поэзии подтверждают составленные им и собственноручно отпечатанные тринадцать машинописных сборников «Избранные стихотворения русской поэзии» (I–XIII. Бух, 24 октября 1940 – 24 августа 1942). Сборники сохранила Н. П. Кром и не так давно передала их М. А. Реформатской.
- С. 66 ...*основанной Александром Ефимовичем Флёровым.* Частное учебное заведение Александра Ефимовича Флёрова было основано в 1906 г., позже преобразовано в частную мужскую гимназию. С сентября 1910 г. она располагалась в здании, специально построенном архитектором Николаем Ивановичем Жериховым (Мерзляковский пер., 11). А. Е. Флёров был ее почетным попечителем.
- С. 69 ...*Барков был прекрасный директор.* Александр Сергеевич Барков (1873–1953) — географ, преподаватель гимназий и высших учебных заведений, автор научных трудов и учебников. Был директором Флёровской гимназии в 1911–1918 гг.
...*со своими учительницами-шкрабшами...* Так в быту сокращали принятое в советских учреждениях название должности «школьный работник».

- С. 69 ...*француженка была, Ольга Владимировна...* Ольга Владимировна Львова окончила курсы в Нанси, с 1910 г. преподавала французский язык в гимназии А. Е. Флёрова.
- С. 70 «*Однажды к попадье заполз червяк за шею*». Начальные строки басни Козьмы Пруtkова «Червяк и попадья».
- С. 71 *Главные комики были: Игорь Ильинский...* Игорь Владимирович Ильинский (1901–1987) — известный актер театра и кино, учился во Флёровской гимназии классом младше Н. В. и прославился своими комическими и озорными выходками (см. его воспоминания: *Ильинский И. В. Сам о себе*. М., 1984).
- С. 74 *Константин Иванович Горбачевский...* Преподаватель латинского языка К. И. Горбачевский (умер в 1915 г.) так увлек своих питомцев, что они готовы были писать ему письма по-латыни, а большинство учеников IV класса приходило на занятия субботнего кружка переводить и комментировать Цезаря.
- ...*учили по системе Берлица*. Максимилиан Берлиц (Берлиц, 1852–1921) — американский педагог, ввел метод прямого обучения иностранным языкам, рассчитанный на ускоренное усвоение живой разговорной речи. Метод стал популярен в Европе с 1910-х гг.
- С. 76 ...*и всякие там сит temporale...* Имеются в виду правила латинской грамматики относительно употребления предлога *sit*.
- ...*Владимир Михайлович Фишер...* Преподаватель русского языка и литературы В. М. Фишер работал в гимназии А. Е. Флёрова с 1913 г. После 1920 г. уехал в Польшу и во время второй мировой войны погиб в варшавском гетто. Основные труды: Гете. М., 1912; Поэтика Лермонтова // «Венок Лермонтову». М.-Пг., 1914; Опыты систематического прохождения литературы в средней школе. М., 1914; Учебник по истории русской литературы. М., 1916–1918.
- ...*учебник Саводника для гимназий...* *Саводник В. Ф.* Краткий курс истории русской словесности с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1914; Очерки по истории русской литературы XIX века. М., 1914.
- ...*и Сиповского несколько томиков хрестоматий...* *Сиповский В. В.* Историческая хрестоматия по истории русской словесности. Пг., 1915.
- С. 77 *Лице свое... хладна ночь...* Начальные строки стихотворения М. В. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния»

- (1743). Правильное звучание второй строки: «Поля покрыла мрачна (в раннем варианте — влажна) ночь...»
- С. 77 *Река времен... не уйдет судьбы.* Недописанное предсмертное стихотворение Г.Р.Державина «На тленность» (1816).
- С. 78 *...потом перерос в «Сикамбр»...* О «Сикамбре» см. прим. к с. 109.
...упомяну еще Александра Петровича Калитинского... А.П.Калитинский (1879–1946) — географ, историк. Окончил Новороссийский университет и Московский Императорский археологический институт. С 1914 г. преподавал географию и естествознание в гимназии Флёрова. После 1919 г. эмигрировал в Прагу, где сотрудничал с Н.П.Кондаковым и после его кончины (1925) стал секретарем научного ежегодника по вопросам медиевистики «*Seminarium Kondakovianum*», профессором Карлова университета в Праге. С 1930 г. жил в Париже.
- С. 79 *Зоологию... преподавал Сергей Иванович Огнёв...* С.И.Огнёв (1886–1951) — зоолог, эколог, систематик, эволюционист, основатель московской школы териологов. В те годы внештатный ассистент и сотрудник Зоологического музея Московского университета. Позже его профессор. С 1911 г. преподавал зоологию и природоведение в гимназии Флёрова.
...был сыном знаменитого... Ивана Флоровича Огнёва... И.Ф.Огнёв (1855–1928) — гистолог, профессор Московского университета.
...живописец известный очень... Михаил Васильевич Нестеров (1862–1942) — художник, автор картин, запечатлевших религиозный облик России. Сообщаемые Н.В. факты вносят интересные добавления в биографию Нестерова.
- С. 80 *В Москве был... Коммерческий институт...* Коммерческий институт возник в 1906 г, существовал до 1918 г., был преобразован в Московский институт народного хозяйства им. Г.В.Плеханова.
- С. 81 *...Александр Васильевич Цингер... Знаменитый...* А.В.Цингер (1870–1934) — физик, профессор московских вузов, автор учебных пособий, в частности: «Начальная физика», «Рабочая книга по физике. Учебник для школ», «Занимательная ботаника. Пестрые беседы любителя». Перу А.В.Цингера принадлежат также воспоминания о Л.Н.Толстом. Его сын, художник Олег Цингер (1910–1998), уехавший в 1922 г. с родителями в Германию, стал близким дру-

гом семьи Тимофеевых и написал об этом воспоминания, первый вариант которых прозвучал в книге Д.А.Гранина «Зубр» (1987) (также см.: Цингер О.А. Колюша — Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский // Н.В.Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 156—173; Цингер О.А. Где в гостях, а где дома. Париж-Москва, 1994;). Фрагмент переписки О.Цингера с Н.В. см. в разделе «Письма».

- С. 81 ...его сотрудник один, Яша Перельман... Яков Исидорович Перельман (1882—1942) продолжил ряд научно-популярных книг по физике и математике.
- С. 84 ...свободный университет имени Шанявского. Основанному в 1905 г. в Москве новому учебному заведению, чтобы не вызывать подозрительности властей, было дано официальное наименование: Московский городской народный университет имени Шанявского. Возник университет на волне просветительских и демократических идеалов начала века по инициативе и на средства генерала Альфонса Леоновича Шанявского (1837—1905) и его жены Лидии Алексеевны (урожденной Родственной), наследницы иркутских золотопромышленников. Университет должен был подчиняться не правительству, а Городской Думе. Руководство учебными и административными делами поручалось попечительскому совету, в который входили 10 членов, избранных Думой, и 10 — назначенных самим Шанявским. Открытый в 1908 г. университет состоял из двух отделений: академического трехгодичного, на котором обучение шло по программе университета по трем научным направлениям (естественное, историко-философское и общественно-юридическое) и научно-популярного четырехгодичного (по программе средней школы). Слушатели принимались с 16-летнего возраста без каких-либо цензовых ограничений. По окончании университета они не получали аттестатов с правами правительственных учебных заведений, но охотно приглашались на работу в частные и общественные учреждения. В 1912 г. университет разместился в собственном здании на Миусской площади, созданном по проектам И.А.Иванова-Шица и А.А.Эйхенвальда. Меценатство Шанявских было продолжено братьями М.В. и С.В.Сабашниковыми и В.А.Морозовой. В 1919 г. университет был закрыт.
- С. 85 ...Тренёв... очень интересные циклы лекций... Дмитрий Капитонович Тренёв — сотрудник отдела церковной

археологии Общества любителей духовного просвещения, знаток древнерусского искусства, реставратор.

- С. 85 *Василенко...* Сергей Никифорович Василенко (1872–1956) — композитор, дирижер, организатор общедоступных симфонических утренников «Исторические концерты» (1907–1917).

...петербургский профессор Кравков... Николай Павлович Кравков (1865–1924) — основоположник отечественной фармакологии, чл.-корр. Российской АН, профессор и заведующий кафедрой фармакологии Военно-медицинской академии.

...уволил... Мензбира... Михаил Александрович Мензбир (1855–1935) — зоолог, ученик Н.А.Северцова. Профессор (с 1886) и ректор Московского университета (1917–1919), Высших женских курсов (1911–1917), академик (с 1929). Основатель московской школы орнитологов, зоогеографов и анатомов. Президент Московского общества испытателей природы (МОИП) (1915–1935).

16 января 1911 г. министр просвещения Л.А.Кассо выпустил циркуляр, предписывавший университетским советам осуществлять надзор за благонадежностью студентов. Невыполнение требования грозило «привести к принятию особых мер» со стороны государственной власти. Это противоречило принципам автономии университета, и в знак протеста ректор А.А.Мануйлов и его помощник М.А.Мензбир подали в отставку. За ними последовало более ста лучших профессоров и преподавателей университета.

- С. 86 *...Московских высших женских курсов...* Московские высшие женские курсы были открыты в 1872 г., закрывались и были вновь открыты в 1900 г. В 1912 г. получили собственное здание на Девичьем поле, построенное архитектором С.У.Соловьевым.

...так называемые Голицынские курсы. Голицынские сельскохозяйственные женские курсы были основаны С.К.Голицыной в 1908 г. по типу сельскохозяйственных институтов с правительственными пособиями. Просуществовали до 1917 г.

- С. 87 *...мой учитель... Кольцов...* Николай Константинович Кольцов (1872–1940) — основоположник отечественной экспериментальной биологии. Чл.-корр. АН, академик ВАСХНИЛ. Организатор и первый директор (1917–1938) Института экспериментальной биологии. Первым (1928)

разработал представление о макромолекулярной природе генов и матричной репродукции хромосом, предвосхитившее главные принципиальные положения современной генетики и молекулярной биологии. Выдвинул (1934) идею о связи гена с определенным химическим веществом, создал первую схему строения хромосом. Основатель школы в области экспериментальной зоологии, цитологии и генетики.

- С. 88 ... *более молодое поколение... Четвериков...* Сергей Сергеевич Четвериков (1880–1959) — зоолог, энтомолог (специалист по бабочкам), генетик, один из основоположников популяционной генетики. Преподавал на Высших женских курсах, в Московском университете. С 1921-го по 1929 г. работал в Институте экспериментальной биологии. В 1929 г. был репрессирован и сослан. Одним из первых связал закономерности отбора в популяциях с динамикой эволюционного процесса. Сформулировал (1926) основные положения популяционной генетики. Исследовал роль генотипической среды в процессе наследственности и эволюции.

... *Борис Степанович Матвеев...* Б.С. Матвеев (1889–1973) — зоолог, ученик и сотрудник М.А. Мензбира и А.Н. Северцова, профессор Московского университета. Труды по сегментации и строению осевых структур карповых рыб, амфибий, черепах и др. В 1970 г. приветствовал своего университетского студента Н.В. Тимофеева-Ресовского на банкете по случаю его 70-летия.

... *Сергей Николаевич Скадовский...* С.Н. Скадовский (1886–1962) — гидробиолог, профессор и заведующий кафедрой гидробиологии (с 1930) Московского университета. Положил начало новому эколого-физиологическому направлению в гидробиологии.

- С. 89 ... *при кафедре Северцова.* Алексей Николаевич Северцов (1866–1936) — зоолог, профессор Юрьевского, Киевского и Московского (с 1911) университетов, академик. Изучал проблемы эволюционной морфологии, онтогенеза, закономерности эволюционного процесса. Создал отечественную школу морфологов.

Практикум... по зоологии... вел... Роскин... Григорий Иосифович Роскин (1892–1964) — цитолог и гистолог, профессор (с 1930) Московского университета, заведующий кафедрой цитологии и гистологии. Один из основоположников функциональной цитохимии.

- С. 90 ...*Филатов, замечательный...* Дмитрий Петрович Филатов (1876–1943) — эмбриолог, профессор (с 1937) Московского университета, заведующий кафедрой эмбриологии. Один из основоположников отечественной экспериментальной эмбриологии.
- ...*Фролова, замечательный цитолог...* Софья Леонидовна Фролова (1884–1951) — цитолог, кариолог, активно сотрудничала с Н. К. Беляевым, позже с Б. Л. Астауровым.
- ...и *Живаго читали нам...* Петр Иванович Живаго (1883–1948) — цитолог. До 1942 г. работал в Московском университете, с 1943 г. — заведующий лабораторией кариологии Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР. Основные работы посвящены изучению тонкого строения клеточного ядра.
- С. 91 ...*Васнецов читал...* Владимир Викторович Васнецов (1889–1953) — зоолог-ихтиолог, специалист по сравнительной и эволюционной морфологии рыб, ученик и сотрудник А. Н. Северцова.
- ...*ближе всех был Голенкин.* Михаил Ильич Голенкин (1864–1941) — ботаник, профессор и директор Ботанического сада и Научно-исследовательского института ботаники Московского университета.
- С. 92 ...*Реформатский...* *тоже завлекательные лекции читал...* Александр Николаевич Реформатский (1864–1937) — химик, профессор Московского университета, Высших женских курсов, Университета Шанявского (пожизненный член его попечительского совета), автор учебников. Заведовал лабораторией, читал курсы неорганической химии и качественного анализа.
- ...*читает Дарвин...* Чарльз Роберт Дарвин (1809–1882) английский естествоиспытатель, основоположник современного эволюционного учения в биологии. Главный труд — «О происхождении видов путем естественного отбора или сохранении благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» (1859). Иностраннный член Петербургской (с 1867), член Берлинской, Парижской и других академий наук.
- ...или *Гексли...* Томас Генри Гексли (1825–1895) — английский естествоиспытатель, ближайший соратник Ч. Дарвина и популяризатор его учения. Член и президент Лондонского королевского общества (1883–1885), иностраннный чл.-корр. Петербургской академии наук (с 1864). Работал в области зоологии, сравнительной анатомии, палеонтологии, антропологии и эволюционной теории.

- С. 93 *Читал он... в Мерзляках.* В Мерзляковском переулке, 1, в доме с ротондой, где на первом этаже находилась старинная московская аптека, а на верхних этажах, до переезда в новое здание, — аудитории Высших женских курсов. *...лекции по общему курсу геологии... Павлова.* Алексей Петрович Павлов (1854—1929) — геолог, академик, профессор Московского университета. Труды по стратиграфии, палеонтологии, геоморфологии, истории геологии и др. *...не могу не вспомнить... Павлову.* Мария Васильевна Павлова (1854—1938) — палеонтолог, профессор Московского университета, академик. Специалист по ископаемым млекопитающим, автор исследований по предкам жвачных, слонов и др.
- С. 94 *...любил и такого древнего классика Анучина...* Дмитрий Николаевич Анучин (1843—1923) — антрополог, географ, этнограф и археолог, академик. Один из основоположников антропологии в России и отечественной школы географов.
- С. 95 *Из немецких биологов... Хартман...* Макс Хартман (Гартман) — немецкий биолог, эмбриолог, генетик, специалист по биологии размножения и механизмам определения пола у животных и растений, университетский профессор, автор научных трудов, монографий и учебников по общей биологии и биологии пола. (В библиотеке Н.В. сохранилось свыше 20 оттисков научных работ М.Хартмана.) *...и Альфред Кюн...* Альфред Кюн — немецкий зоолог, энтомолог, эмбриолог, генетик. Многочисленные труды по генетической и гормональной регуляции процессов онтогенеза. (В библиотеке Н.В. хранятся оттиски около 60 научных работ Кюна за 1910—1940-е гг.) *...из англичан... Хаксли.* Джулиан Сорелл Хаксли (1887—1975) — английский зоолог. Внук Т.Г.Гексли. Член Лондонского королевского общества, профессор Королевского колледжа в Лондоне. Научные работы посвящены зоологии, эволюции, экспериментальной эмбриологии, охране природы, этологии, этике. Один из создателей современной синтетической теории эволюции. По приглашению Хаксли Н.В.Тимофеев-Ресовский стал одним из авторов знаменитой книги «The New Systematics», изданной в Оксфорде в 1940 г.
- С. 108 *...уважаемому Савве Ивановичу — какому-нибудь — Морозову...* Известного предпринимателя Морозова за-

ли Саввой Тимофеевичем, но в то же время жил не менее известный меценат Савва Иванович Мамонтов.

- С. 109 ...переросло в «Сикамбр»... В отличие от предметных внеклассных кружков, создававшихся преподавателями Флёровской гимназии для своих учеников, «Сикамбр», возникший в 1918 г., был межгимназическим объединением. В нем участвовали юноши и девушки из разных учебных заведений, интересовавшиеся широким кругом гуманитарных проблем. Название кружка произошло от любимого словца Сатина, персонажа популярной тогда мхатовской постановки пьесы Горького «На дне». Так называлось одно из варварских германских племен, в контексте пьесы оно означало «дикий», «непросвещенный». В устах же студийцев это название принимало характерный для тех лет эпатажный оттенок.

- С. 110 ...начали писать оперу... Проект сочинения оперы «Мельхиседек» (на ветхозаветную тему) относится к 1915 г. Театральные затеи «Сикамбра» осуществлялись под началом Ивана Александровича Витвера, музыканта, историка и географа, ставшего позже известным специалистом в области экономической географии зарубежных стран (о нем и о домашних спектаклях подробнее см. очерк М.А.Реформатской).

...слушали логику... Шпета Густав Густавович Шпет (1879–1937) — философ, логик, переводчик. С 1910 г. преподавал в Московском университете, в Университете Шанявского, на Высших женских курсах и в Алфёровской гимназии. Исследователь феноменологии немецкого философа Э.Гуссерля. В 1935 г. был репрессирован, через два гола расстрелян.

...алгебру понятий Лузина. Николай Николаевич Лузин (1883–1950) — математик, академик (с 1929). Основатель научной школы, в шутку именованной «Лузитанией». С 1914 г. приват-доцент Московского университета и преподаватель Флёровской гимназии. На те же годы (1914–1924) приходится время его наибольшего влияния на учащуюся молодежь.

- С. 111 ...затем Димитрись Ромашов... Дмитрий Дмитриевич Ромашов (1899–1963) — генетик. До 1942 г. работал в Институте экспериментальной биологии, затем в других институтах. Занимался популяционной генетикой.

Затем Лиля Балкашина... Елизавета Ивановна Балкашина (1899–1981) — зоолог, энтомолог, генетик. Коллега

Н. В. по кольцовско-четверииковской группе «Дрозсоор» в Московском университете, по биостанциям в Звенигороде и Аниково. Первооткрыватель одной из мутаций (*aristopedia*), регулирующей развитие органов дрозофилы. Основное направление научных исследований — популяционная генетика. После ссылки в 1935 г. в казахстанские степи, осталась жить в Усть-Каменогорске.

С. 111

...Николай Константинович Беляев... Николай Константинович Беляев (1899—1937) — генетик. Окончил Московский университет в 1925 г. Работал в Институте экспериментальной биологии (1928—1929) и других институтах. Занимался исследованием гетерозиготности популяций дрозофилы, физиологическими механизмами онтогенеза, генетикой тутового шелкопряда. Был репрессирован и в 1937 г. расстрелян .

...к нам примыкал Митя Обручев... Дмитрий Владимирович Обручев (1900—1970) — палеонтолог. Основные работы посвящены эволюции древнейших позвоночных животных. Почетный член Нью-Йоркской АН и Лондонского Линнеевского общества.

С. 112

...молодым студентиком... Астауров. Борис Львович Астауров (1904—1974) — биолог, ученик Н. К. Кольцова. Окончил Московский университет в 1927 г. До 1930 г. работал в Институте экспериментальной биологии. С 1967 г. — директор Института биологии развития АН СССР. Президент Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Н. И. Вавилова (1966—1972), академик (с 1966). Разрабатывал теоретические и практические вопросы развития и наследственности тутового шелкопряда.

...он у нас с Лёлькой... Елена Александровна Тимофеева-Ресовская (урожденная Фидлер, 1898—1973) — жена Н. В. с 1922 г.

Затем... Гершензон... Сергей Михайлович Гершензон (1906—1998) — генетик, академик АН Украины (с 1976). Окончил Московский университет в 1927 г. Труды по генетике и молекулярной биологии. Открытие им (1939) мутагенного действия экзогенных ДНК было одним из первых экспериментальных свидетельств значения ДНК в генетических процессах. Автор фундаментального учебника «Основы современной генетики» (1979), неоднократно переиздававшегося.

Михаил Осипович был замечательный человек. Михаил Осипович Гершензон (1869—1925) — историк и лите-

ратуровед. Жил в особнячке, построенном в 1912 г. по проекту И. А. Иванова-Шица (снесен в 70-е гг.), который стоял в глубине сада возле дома № 13 по Никольскому переулку.

- С. 112 *Там наши друзья Залоговы жили.* В том же доме № 13 находилась квартира приятельницы Н. В. по «Сикамбру» Маргариты Гавриловны Шемшуриной (1899–1970), ставшей в 1924 г. женой Георгия (Юрия, Егора) Георгиевича Залогова (1900–1976), друга Н. В. по Флёрвской гимназии и кружкам.

И издали потом книжку... Иванов Вяч. И., Гершензон М. О. Переписка из двух углов. Пг., 1921. В основе книги — письменные послания, которыми обменивались Михаил Осипович Гершензон и поэт Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949), пребывая в 1920 г. в одной комнате Московской здравницы для работников науки и литературы в 3-м Неопалимовском переулке, д. 5.

...тоже очень хорошая книжка. Гершензон М. О. Грибоедовская Москва: опыт исторической иллюстрации к «Горе от ума». М., 1914.

...появился такой... Винберг... Георгий Георгиевич Винберг (1905–1987) — гидробиолог и лимнолог, член-корр. АН СССР. Окончил Московский университет в 1927 г. Труды по проблемам продуктивности экологических систем. Создал новое направление в гидробиологии и школу гидробиологов эколого-физиологического направления.

- С. 114 *Несколько раз... Берг нам рассказывал.* Лев Семенович Берг (1876–1950) — физико-географ и биолог, академик, президент Географического общества СССР (с 1940). Разработал учение о ландшафтах, первым осуществил зональное физико-географическое районирование СССР. Труды по ихтиологии, климатологии, озероведению, истории географии. В 1922 г. выдвинул эволюционную концепцию номогенеза.

...Бреславец тогда была очень ученой... Лидия Петровна Бреславец (1882–1967) — цитолог и цитогенетик, преподавала в Московском университете, заведовала Лабораторией цитологии ВАСХНИЛ (1931–1938). Изучала строение растительных клеток, влияние физико-химических факторов на растения, полиплоидию.

- С. 115 *...знаменитый уже тогда генетик Герман Мёллер...* Американский генетик Герман Джозеф Мёллер (1890–1967),

ученик и сотрудник Т. Моргана, впервые приехал в СССР ненадолго в 1922 г. В 1932 г. он получил стипендию фонда Гуггенхейма и год работал в Германии в Институте по изучению мозга имени кайзера Вильгельма в отделе Н. В. Затем принял приглашение Н. И. Вавилова и несколько лет работал в Ленинграде и Москве. Основные направления исследований — генетика, в частности мутагенез, генетический анализ, теория гена и др. В 1946 г. получил Нобелевскую премию «за открытие появления мутаций под влиянием рентгеновского облучения».

С. 115

...из... четырех разбойников: Морган... Томас Хант Морган (1866–1945) — американский биолог и генетик, один из основоположников современной генетики. Профессор Колумбийского университета, директор биологической лаборатории Калифорнийского технологического института в Пасадене, президент Национальной АН США (1927–1931), иностранный почетный член АН СССР, член Лондонского королевского общества. Основные научные работы посвящены хромосомной теории наследственности. Совместно с Г. Дж. Мёллером, А. Г. Стёртевантом и К. Бриджесом обосновал представление о материальных носителях наследственности, что привело к созданию хромосомной теории наследственности. Установил закономерности сцепления генов и кроссинговера, в результате чего был выяснен цитологический механизм менделевских законов. Это открытие послужило стимулом для разработки генетических основ теории естественного отбора. Нобелевская премия по физиологии и медицине 1933 г.

...Стёртевант... Алфред Генри Стёртевант (1891–1970) — американский зоолог и генетик, профессор Калифорнийского технологического института в Пасадене. Член Национальной АН США. Основное направление исследований — хромосомная теория наследственности. Первым обосновал теорию линейного расположения генов в хромосомах, предложил метод картирования генов в хромосомах, составил (1913) первую карту X-хромосомы дрозофилы. Открыл явление супрессии и «эффект положения гена». Кимберовская премия по генетике 1957 г.

...и Бриджес. Элвин Бриджес (1889–1938) — американский биолог и генетик. Работал в Колумбийском университете и в Институте Карнеги, член Национальной АН США. Основные научные исследования посвящены хромосомной теории наследственности. Сформулировал тео-

рию генетического баланса, с которой связано определение пола животных, установил (1916) группы сцепления у дрозофилы и связь этих групп с определенными хромосомами.

- C. 116 ...*в особенности Серебровский...* Александр Сергеевич Серебровский (1892–1948) — биолог, один из основоположников отечественной генетики, чл.-корр. АН СССР (с 1933), академик ВАСХНИЛ (с 1935). Основное направление научных исследований — общая генетика и генетика животных. Сформулировал и экспериментально подтвердил идею о делимости гена. Предложил схему линейного строения гена и метод определения его размеров, а также новое направление в эволюционном учении — геногеографию. Работы по теории селекции. Организатор и первый заведующий кафедрой генетики Московского университета (с 1930). Создал крупную школу отечественных генетиков.
- ...*по приглашению Вавилова...* Николай Иванович Вавилов (1887–1943) — ботаник, генетик и селекционер, академик АН СССР и Украины, ВАСХНИЛ, президент ВАСХНИЛ (1929–1935). Директор Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур и Генетической лаборатории, преобразованной затем в Институт генетики. Президент Всесоюзного географического общества, член Лондонского королевского общества и многих других академий наук. Труды по генетике, селекции и формообразованию растений. Возглавлял и направлял работы по реорганизации сельского хозяйства в стране. Автор учения об иммунитете растений (1919), закона гомологических рядов в наследственной изменчивости (1920), принципов селекции растений (1934). Создал школу растениеводов-генетиков и селекционеров. В 1940 г. арестован, приговорен к расстрелу, умер в Саратовской тюрьме.
- C. 119 ...*потому что филиппченковская группа...* Юрий Александрович Филиппченко (1882–1930) — генетик, профессор Петербургского университета. Занимался теоретической генетикой, частной генетикой животных и растений, евгеникой. Первым начал читать (1913) курс генетики в университетах России. Создал первую в России кафедру генетики и экспериментальной зоологии (1919) в Петроградском университете и первую в стране Лабораторию генетики, преобразованную в 1933 г. в Институт генетики АН СССР.

- С. 121 ...*позже Рокицкий*... Петр Фомич Рокицкий (1903–1977) — биолог, генетик, академик АН БССР. Окончил Московский университет в 1927 г. Основные направления работы — генетика и генетические основы селекции животных. Сформулировал и экспериментально обосновал понятие о поле действия гена. Первым в стране начал исследования по радиационной генетике млекопитающих.
- С. 123 ...*интерес к биогеохимии, к Вернадскому*... Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) — минералог, кристаллограф, геохимик, биогеохимик, радиолог. Академик (с 1912), первый президент АН Украины (с 1919). Организатор и директор Радиового института, Биогеохимической лаборатории (ныне Институт геохимии и аналитической химии РАН им. В.И.Вернадского). Основоположник комплекса современных наук о Земле — геохимии, биогеохимии, радиологической, гидрогеологии и др. Создатель многочисленных научных школ. В центре его естественнонаучных и философских интересов — разработка целостного учения о биосфере, о живом веществе (организующем земную оболочку) и эволюции биосферы в ноосферу. Член многих академий наук и научных обществ.
- ...*Завадовский*... Михаил Михайлович Завадовский (1891–1957) — эмбриолог, академик ВАСХНИЛ, профессор, заведующий кафедрой и лабораторией динамики развития (1930–1948) Московского университета. Основные научные работы посвящены биологии индивидуального развития и физиологии животных.
- С. 126 ...*преподавал на вечерних Пречистенских рабочих курсах*. Эти курсы были открыты в 1897 г. в Нижнем Лесном переулке (ныне Курсовой) при содействии Общества распространения технических знаний (на благотворительные пожертвования В.А.Морозовой). В 1908 г. переехали в собственное здание, построенное по проекту В.Н.Башкирова. В 1919 г. преобразованы в Пречистенский рабфак.
- ...*в районе Девичьего поля и Погодинки*. В этом районе был рабфак, организованный на базе реального училища им. П.Г.Шеллапутина.
- ...*организовался... Практический институт*... Институт возник на базе Пречистенского рабфака в 1921 г. Помещался в здании бывшего Коммерческого училища на Остоженке, д. 38.

- С. 128 *К тому времени я уже женился...* Венчание Тимофеевых состоялось 10 июня 1922 г. в приходской церкви Успения на Могильцах, расположенной на стыке Успенского и Мертвого (ныне Пречистенский) переулков.
- С. 129 *Их было девять человек детей...* У Александра Александровича и Софьи Егоровны (урожденной Шульц) Фидлеров было семь дочерей: Вера, Наталья, Антонина, Мария, Александра, Елена и Ксения и два сына: Борис и Александр.
- С. 130 *Следующая сестра... была замужем за... Штуцером...* Наталья Александровна стала женой Михаила Ивановича Штуцера (1879–1935). Он был микробиологом и эпидемиологом, работал врачом в Порт-Артуре во время войны с Японией, стажировался в Институте Коха в Берлине, заведовал бактериологической лабораторией фармацевтической фирмы В.К. Феррейна в Москве (1911–1914), участвовал в первой мировой войне, после войны работал в нескольких научно-исследовательских институтах и университетах. Создал школу микробиологов и эпидемиологов.
...в его экспедиции в Асканию-Нова... Эту экспедицию М.М. Завадовский описал в своих воспоминаниях: Страницы жизни. М., Издательство МГУ. 1991.
Заканчивала она... Е.А. Фидлер окончила Алфёровскую гимназию 9 мая 1917 г.
- С. 131 *...на произвол проходящих банд.* Это событие сформировало у Н.В. стойкое отрицательное отношение к М.М. Завадовскому. Оно не было объективным, и Н.В. неоднократно критиковали за недооценку последовательного кольцовца.
...бойкий Симферопольский университет... университет в Симферополе назывался Таврическим.
...множество прекрасных профессоров со всей голодающей России. В Таврическом университете, в частности, состоялось знакомство Е.А. с В.И. Вернадским, который в конце 1920-го, в начале 1921 г. был профессором и ректором этого университета.
...покойный Гурвич, знаменитый гистолог... Александр Гаврилович Гурвич (1874–1954) — биолог и гистолог. Профессор Высших женских курсов в Петрограде, Таврического и Московского университетов, директор Института экспериментальной биологии АМН СССР (1945–1948). Труды по цитологии, гистофизиологии, эмбриологии, биофизике и теоретической биологии. Открыл (1923) назван-

- ное им митогенетическим излучение клеток и тканей, сформулировал теорию биологического поля.
- С. 131 ...*потом в Москву приехал и помер.* А. Г. Гурвич умер значительно позже, в 1954 г.
- С. 132 ...*на станции Влахернской...* С 1936 г. станция Турист.
- С. 133 *Брат Виктор, тоже зоолог...* Виктор Владимирович Тимофеев (1904–1974) в 1919–1927 гг. был лаборантом на Биостанции юных натуралистов, окончил высшие курсы охотоведения при Московском лесном институте. В 1927 г. уехал в Сибирь, где вел активную экспедиционную и научную деятельность по изучению пушного зверя, восстановлению и сохранению баргузинского соболя. В 1937–1939 гг. репрессирован. С 1939 г. — научный сотрудник Восточно-сибирского отделения ВНИИ животноводства и пушного звероводства.
- С. 134 *Граф Витте... ввел у нас золотую валюту...* Сергей Юльевич Витте (1849–1915) — министр финансов России с 1892 по 1903 гг. Денежная реформа была проведена в 1895–1897 гг.
- С. 137 ...*знаменитый такой невропатолог Россолимо...* Григорий Иванович Россолимо (1860–1928) — один из основоположников детской неврологии в России.
- С. 139 ...*для дуэтов сгожался... Царапкин...* Сергей Романович Царапкин (1892–1960) — зоолог, биостатистик, генетик, ученик С. С. Четверикова, многолетний сотрудник Н. В. Занимался изучением направленной изменчивости в онтогенезе.
- С. 141 *Я их видел уже в Берлине.* Графические работы, посвященные теме города, экспонировались в Берлине весной 1926 г. Наибольшую известность получили литографические серии «Петербург в 1921 году» и «Городские сны». Мстислав Валерианович Добужинский (1875–1957) уехал в Литву в 1924 г. Жил в различных городах Европы и США. Произведения художника рассеяны по государственным и частным собраниям мира.
- Вместе с... литовским послом...* Юргис Балтрушайтис (1873–1944) — поэт, переводчик, полномочный представитель Литовской республики в России с 1921-го по 1939 гг. С 1939 г. жил в Париже. Содействовал переезду М. В. Добужинского в Литву.
- ...который Семашко устроил.* Николай Александрович Семашко (1874–1949) — врач, нарком здравоохране-

ния РСФСР (1918–1930), позже академик АМН СССР и АПН РСФСР.

- С. 142 ...с возникновения *Московского общества научного института*. Общество Московского научного института было создано в 1916 г., а Институт экспериментальной биологии открылся в середине 1917 г. Его первый адрес: Сивцев Вражек, 41 (см.: *Астауров Б.Л., Рокицкий П.Ф.* Николай Константинович Кольцов. М., 1975. С. 23; *Бабков В.В.* Московская школа эволюционной генетики. М., 1985. С. 12.).
- ...*крашенинниковский*... По-видимому, это оговорка. Институт физиологии питания ГИНЗа возглавлял М. Н. Шатерников, о чем Н. В. и говорит далее, на с. 167.
- Семашко объединил все важнейшие научные учреждения в ГИНЗ*... Немного подробнее об этом Н. В. рассказывает в другом опубликованном фрагменте его воспоминаний (см.: Н. В. Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 42). С января 1920 г. кольцовский и некоторые другие институты были включены в систему учреждений Наркомздрава. Институт экспериментальной биологии оставался в этой системе до 1939 г., когда Н. К. Кольцов был снят с поста директора, а институт переведен в Академию наук СССР и переименован в Институт цитологии, гистологии и эмбриологии.
- С. 146 ...*певица, армяночка*... Мария Моисеевна Мирзоева вместе с Людмилой Николаевной Скадовской и Марией Григорьевной Савич (Россолимо) училась в Московской консерватории у Софьи Григорьевны Рубинштейн.
- ...*которого мы сокращенно называли ПэПэЛазой*... Петр Петрович Лазарев (1878–1942) — физик, биофизик и геофизик, академик (с 1917). Директор первого Научно-исследовательского института физики Московского общества научного института. Основал и возглавил Институт биофизики (1920 г., с 1927-го стал называться Институтом физики и биофизики). Исследования по фотохимии, молекулярной физике и др. Руководил исследованиями Курской магнитной аномалии.
- С. 147 *Микроскопы из Земгора*... Земгор — объединенный комитет Земского союза и Союза городов. Возник в июле 1915 г. для организации снабжения русской армии и лазаретов продовольствием и медицинской помощью. Упразднен в 1918 г.

- С. 148 ...*тоже крупным физиком и физико-химиком, Нернстом...* Вальтер Нернст (1864–1941) — немецкий физикохимик, один из основоположников современной физической химии, иностранный чл.-корр. и почетный член АН СССР (с 1926). Сформулировал 3-е начало термодинамики (1906), открыл одно из термомагнитных явлений (1886). Нобелевская премия в 1920 г.
- С. 150 ...*недалеко было до Глубокого озера...* На Глубоком озере находилась еще одна небольшая научная биостанция, где постоянно жили и работали лишь несколько человек. Подъездных путей туда не было, поэтому ходили пешком. *Заварзин был вторым.* Алексей Алексеевич Заварзин (1886–1945) — гистолог, позже академик, академик АМН СССР, директор Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР (с 1944). Труды по сравнительной гистологии нервной системы, крови, соединительной ткани. Один из основоположников эволюционной гистологии, создал школу советских гистологов. *А третий... Румянцев.* Алексей Всеволодович Румянцев (1889–1947) — гистолог, профессор 3-го Московского медицинского института. Научные работы посвящены гистологии беспозвоночных, микроструктуре кожи, культуре тканей, эндокринологии, эволюционной гистологии. *...у Дмитрия Петровича grip...* Grip (англ.) — захват, хватка в борьбе.
- С. 151 ...*Кузнецов, очень милый человек...* Сергей Иванович Кузнецов (1900–1987) — микробиолог, чл.-корр. АН СССР (с 1960). Работал в области водной и геологической микробиологии. Автор фундаментальных работ о геологической деятельности микроорганизмов и глава московской школы геологической микробиологии.
- С. 153 ...*теперешнего физика... Савича...* Алексей Владимирович Савич (1921–1998) — биофизик, работал в Институте биофизики Минздрава. В течение последних 20 лет жизни Н.В. сотрудничал с ним по вопросам механизмов лучевого поражения (см.: Тимофеев-Ресовский Н.В., Савич А.В., Шальнов М.И. Введение в молекулярную радиобиологию. М., 1981). С семьей его отца, Владимира Гордеевича, и теткой Ниной Гордеевной Савичами Н.В. был близок во время их совместной работы на Звенигородской биостанции Московского университета, о чем Савич написал в очерке «Запомнившееся...» (см.: Тимофеев-Ресовский Н.В. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 95).

- С. 159 *По-моему, Гольдшмидт прислал...* Рихард Гольдшмидт (1878–1958) — немецкий генетик и зоолог. Работал в Биологическом институте кайзера Вильгельма в Берлине (1913–1935, с 1924 — директор отдела генетики). Профессор Калифорнийского университета в Беркли (США, с 1936). Труды по цитологии и гистологии простейших, по генетике пола.
...под титлом «Структурные основы наследственности». Морган Т.Г. Структурные основы наследственности. М.-Пг., 1924.
- С. 162 *...начальство превращается в касту, в «Николину гору»...* Николина гора — подмосковный дачный поселок, заселенный научной, художественной и номенклатурной элитой.
...провел время не бесполезно. Н.К. Кольцов был привлечен ЧК по сфабрикованному Я.С. Аграновым делу так называемого «Тактического центра». В его защиту с письмом от 8 марта 1920 г. выступили его ученики и сотрудники института. Большую роль в благополучном исходе дела сыграло заступничество за обвиняемых П.А. Кропоткина, добившегося личной встречи с В.И. Лениным. В тюремном заключении Кольцов провел сутки с 19-го по 20 августа после речи прокурора Н.В. Крыленко, настаивавшего на смертном приговоре. На протяжении судебного процесса Кольцов наблюдал за своим весом дома и отразил это в статье «Об изменении веса человека при неустойчивом равновесии», напечатанной в Известиях ИЭБ, 1921. Вып. 1. С. 25–30 (см.: *Бабков В.В.* Н.К. Кольцов: борьба за автономию науки и поиски поддержки власти // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 3. С. 5–6).
- С. 165 *...приезжал в Москву... Хансен...* Фритьоф Хансен (1861–1930) — норвежский океанограф, зоолог, исследователь Арктики, общественный деятель. Иностраннный почетный член Петербургской АН. Бывал в Москве как верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных (1920–1921) и как глава комиссии по организации помощи голодающим Поволжья (август 1921). В 1922 г. получил Нобелевскую премию мира, большую часть которой пожертвовал на устройство двух показательных сельскохозяйственных станций.
...на «Фраме» совершил научно-исследовательский подвиг... Плавание Ф. Хансена на экспедиционном судне «Фрам» и его семнадцатимесячный поход к Северному

полюсу (1895–1896) с членом экипажа Фредериком Яльмаром Иохансенем описаны в книге «Фритьоф Нансен. „Фрам“ в полярном море» (Христиания. 1897; полный русский перевод вышел в Москве в 1956 г.).

С. 165

...возвращение... вдвоем с Амундсеном... Руаль Амундсен (1872–1928) — норвежский полярный путешественник. На судне «Фрам» совершил экспедиции в Антарктику (1910–1912) и открыл Южный полюс (14 декабря 1911 г.). Погиб в авиакатастрофе в Баренцовом море, участвуя в поисках экспедиции У.Нобиле.

С. 167

...«история дошла до точки». Речь идет о книге: *Sellar W.C., Yeatman R.J. 1066 and All That. The fountain Library. Methuen and Co. Ltd. London. 1936.* Н.В. цитирует ее последнюю строчку: «Amerika was clearly top nation, and history came to a • [stop]».

...ученый-медик, очень интересный, Оскар Фогт. Оскар Фогт (Фохт, 1870–1959) — морфолог-невролог. В 1919–1930 гг. возглавлял Институт мозга в Берлине. Участвовал в исследовании мозга Ленина и организации Института мозга в Москве (1925). Иностраннный чл.-корр. АН СССР. Труды по анатомии, электрофизиологии и патологии головного мозга.

Бывал Тарасевич... Лев Александрович Тарасевич (1868–1927) — микробиолог и патолог, академик АН УССР (с 1926). Основные научные работы относятся к медицинской микробиологии, эпидемиологии и иммунологии.

...Шатерников... Михаил Николаевич Шатерников (1870–1939) — физиолог, ученик и сотрудник И.М.Сеченова, организатор и первый директор Института физиологии питания (с 1920). Научные работы по обмену веществ и энергии, физиологии питания.

...приходил... Шмальгаузен... Иван Иванович Шмальгаузен (1884–1963) — зоолог и морфолог, эволюционист, академик АН СССР и УССР, директор Института эволюционной морфологии АН СССР (1936–1948). С 1955 г. заведующий морфологической лабораторией Зоологического института. Труды по эволюционной морфологии, экспериментальной зоологии, филогении животных, эволюционному учению и биокibernетике. Создал теорию стабилизирующего отбора.

С. 173

...кто ввел это понятие — евгеника. Понятие «евгеника» ввел Фрэнсис Гальтон (1822–1911) — английский

- антрополог и психолог, двоюродный брат Ч. Дарвина, член Лондонского королевского общества. См.: *Galton F. Inquiry into Human Faculty and its Development.* McMillan, London, 1888.
- С. 175 *Так это, по Менделю, и должно быть.* Грегор Иоганн Мендель (1822–1884) — естествоиспытатель, основоположник современного учения о наследственности. С 1843 г. — монах, а потом настоятель августинского монастыря в Брюнне (ныне Брно). Первым открыл, обосновал и сформулировал (1865) основные закономерности наследственности — законы Менделя. Эти законы были забыты и вновь открыты лишь в 1900 г., который с тех пор считается годом рождения генетики.
...выходил почти десять лет или лет восемь. «Русский евгенический журнал» выходил с 1922-го по 1930 гг.
- С. 179 *...врач Левит, по возвращении работал...* Соломон Григорьевич Левит (1894–1938) — медик, физиолог, генетик. Окончил Московский университет, работал врачом. Создал (1928) Кабинет наследственности и конституции человека при Медико-биологическом институте им. М. Горького, директором которого стал в 1930 г., преобразовав его в Медико-генетический институт. Под этим названием продуктивно работавший институт просуществовал с 1935-го лишь до 1937 г., был разогнан, Левит репрессирован и расстрелян, а медицинская генетика в нашей стране практически на 30 лет прекратила свое существование.
...первого... в Европе Института медицинской генетики в Москве. Точное название: Медико-генетический институт.
- С. 180 *...под директорством... Бочкова...* Николай Павлович Бочков (р. 1931) — генетик, академик и вице-президент РАМН, заведующий кафедрой медицинской генетики Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. В 1963–1968 гг. был старшим научным сотрудником Института медицинской радиологии АМН СССР в Обнинске в отделе Н. В. Организатор и первый директор Института медицинской генетики АМН СССР (1969–1989). Труды по проблемам мутагенеза, популяционной генетики человека и др.
...новый Институт медицинской генетики... Институт медицинской генетики был вновь образован в 1969 г. на базе Института экспериментальной биологии АМН СССР. В нем продолжились и возродились многие традиции и научные направления, заложенные в Институте Ле-

- вита. В 1989 г. институт реорганизован в Медико-генетический научный центр РАМН, директором которого стал академик РАМН В.И.Иванов.
- С. 182 ...*это феногенетика, то, что Валентин Хэккер...* Термин «феногенетика» был введен немецким биологом В.Хэккером в книге: *Haecker V. Entwicklungsgenetische Eigenschaftsanalyse (Phänogenetik)*. Jena, 1918.
- С. 183 ...*статейка моя совместно...* Тимофеев-Ресовский Н.В., Гинтер Е.К., Иванов В.И. О некоторых проблемах и задачах феногенетики // Проблемы экспериментальной биологии. М., 1977. С. 186–195.
- ...*с двумя моими бывшими учениками и сотрудниками, Ивановым...* Владимир Ильич Иванов (р.1932) — биолог, генетик, академик РАМН, директор Медико-генетического научного центра РАМН, заведующий кафедрой генетики Российского государственного медицинского университета. С 1956 г. ученик и сотрудник Н.В. Работы в области микробиологии, радиобиологии, генетики, истории науки, биоэтики.
- ...*и Гинтером...* Евгений Константинович Гинтер (р.1940) — генетик, чл.-корр. РАМН, директор Института клинической генетики Медико-генетического научного центра. Работал в Иституте медицинской радиологии (Обнинск) в лаборатории Н.В. Область научных интересов — генетика развития, популяционная и клиническая генетика, генетическая эпидемиология.
- С. 186 ...*директор Kaiser Wilhelm Institut'a...* Институт, которым руководил Оскар Фогт, назывался: *Institut für Hirnforschung der Kaiser Wilhelm Gesellschaft für Forderung der Wissenschaften* — Институт исследования мозга Общества содействия наукам им. кайзера Вильгельма.
- С. 187 ...*Фогту... конечно, не подходили.* В те годы в Германии работали крупные генетики, например Э.Баур и Р.Гольдшмидт со своими школами. В других рассказах Н.В. в качестве причин «импорта» русского генетика фигурировали сложный характер О.Фогта и его нелады с генетиками в Германии.
- С. 188 ...*прозванного почему-то...* Фомкой. Дмитрий Тимофеев-Ресовский родился 11 сентября 1923 г. Прозвище Фомка возникло по юмористической фольклорной песне о двух незадачливых чудаках Фоме и Ерёме, которую любил петь Н.В.

- C. 188 ...потом... погиб в нацистском лагере... См. прим. к с. 349.
- C. 218 У нас были приятели художники... На время нескольких летних отпусков Тимофеевы снимали домик в Рове вместе с семьей их друга художника О.Цингера. Подробнее об этом см.: Цингер О.А. Колюша — Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский // Н.В.Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 160—161; Цингер О.А. Где в гостях, а где дома. Париж-Москва. 1994. С. 117—118. (О Цингере см. прим. к с. 81.)
- C. 220 Я первую сводку написал... *Timofeeff-Ressovsky N.W.* Der Stand der Erzeugung von Genovariationen durch Röntgen Bestrahlung // J. Psychol. Neurol. 1929. Bd. 39. № 4—6. S. 620—635.
...выпустил немецкую книжку о мутациях... *Timofeeff-Ressovsky N.W.* Experimentelle Mutationsforschung in der Vererbungslehre. Dresden—Leipzig, 1937.
- C. 223 ...втянул в наши работы Макса Дельбрюка. Макс Дельбрюк (1906—1981) — физик, генетик. Один из основоположников молекулярной биологии. Член Национальной АН США, Лондонского и Датского королевских обществ, Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина». Кимберовская премия в 1964 г., Нобелевская премия в 1969 г.
...ученик Макса Борна... Макс Борн (1882—1970) — физик-теоретик. Один из создателей квантовой механики и современной теории жидкостей. Основатель гёттингенской физической школы. Почетный член многих академий наук и научных обществ, в том числе иностранный член АН СССР. Нобелевская премия в 1954 г.
...и Нильса Бора. Нильс Хенрик Давид Бор (1885—1962) — датский физик-теоретик, президент Датского королевского общества (с 1939). Один из создателей современной физики. Директор основанного им Института теоретической физики, который стал международным центром физиков-теоретиков. Сформулировал идею о дискретности энергетических состояний атома, построил первую квантовую модель атома, положившую начало новой эре в атомной теории, заложил теоретические основы квантовой механики. Нобелевская премия в 1922 г.
У меня был свой физик... Циммер. Карл Гюнтер Циммер (1912—1988) — немецкий физик, сотрудник и соавтор Н. В. все годы работы в Германии. После войны несколько

- лет работал на атомном объекте в Сунгуле — возглавлял дозиметрические работы Лаборатории «Б» (объект 0215). Затем уехал в ФРГ, руководил Радиобиологическим институтом в Карлсруэ. Работы в области радиобиологии и дозиметрии.
- С. 224 *Хор донских казаков Сергея Жарова...* Сергей Алексеевич Жаров (1897–1985) — хормейстер. В 1921 г. эмигрировал и организовал хор, который с 1923 г. начал активно гастролировать по всему миру, особенно по Европе и США. Хор получил высокую оценку С. В. Рахманинова и Ф. И. Шаляпина.
- С. 225 *Такой музыковед Рудольф Васильевич Энгель...* Имеется в виду Роберт Васильевич Фабер (псевдоним Роберт Энгель) — русский музыкальный критик, который с 1918 г. жил в Берлине и долгое время сотрудничал с московскими музыкальными изданиями.
В Париже ставили «Китеж»... Представление оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» состоялось в Париже в 1926 г. с привлечением солистов труппы Большого театра.
...помогали Грабарю реставрировать фрески во Владимире. Фреска XII века с изображением трубящих ангелов Дмитриевского собора во Владимире была расчищена 7-8 сентября 1918 г. реставратором Г. О. Чириковым под наблюдением председателя Комиссии по сохранению и раскрытию памятников живописи И. Э. Грабаря (см.: *Грабарь И. Э. О древнерусском искусстве.* М., 1966. С. 72).
- С. 227 *«Ведь моя тетушка покойная — вдовствующая императрица...»* Мария-София-Фридерика-Дагмара — после заключения брака с русским императором Александром III в 1866 г. ставшая императрицей Марией Федоровной, была дочерью датского короля Христиана IX.
- С. 229 *...в русском издании «Физико-химические основы морфологии».* Так назывался автореферат доклада, прочитанного Н. К. Кольцовым на 3-м Всероссийском съезде зоологов, анатомов и гистологов, проходившем в Ленинграде 14–20 декабря 1927 г. (см.: Труды 3-го Всероссийского съезда... Л., С. 39–41).
- С. 232 *Приезжал к нам из Англии замечательный цитолог Дарлингтон.* Сирил Дарлингтон (1903–1981) — английский цитолог, генетик. Занимался изучением мейоза, структуры хромосом, вопросами генетики и селекции растений, животных и человека, эволюцией генетических сис-

тем, происхождением культурных растений. Член Датского королевского общества наук.

- С. 232 *Затем Холдейн.* Джон Бэрдон Сандерсон Холдейн (1892–1964) — английский биолог, физиолог и генетик, общественный деятель. Разрабатывал математическую теорию отбора, исследовал его интенсивность, частоту возникновения мутаций, ввел понятие о генетическом грузе. Автор работ по физиологии человека в экстремальных условиях. Член Лондонского королевского общества и почетный иностранный член АН СССР (с 1942).

Из Италии... Траверсо... Адриано Антонио Буццати-Траверсо (1913–1983) — итальянский генетик, сотрудник Института зоологии университета в Павии, директор Института генетики этого университета, директор отделения морской генетики Итальянского института гидробиологии. Основные научные работы посвящены морской биологии, изучению эффектов ионизирующей радиации. Эксперт Всемирной организации здравоохранения по медицинской генетике (1960–1969). Заместитель генерального директора ЮНЕСКО (1969–1973).

- С. 233 *Затем из Швеции Касперсон...* Тобийорт Оскар Касперсон (р. 1910) — шведский биофизик. Труды по физике клетки. Руководитель медицинского отдела Нобелевского института медицинских исследований клетки и Лаборатории экспериментальных исследований клетки в Стокгольме (с 1944). Член Королевской шведской АН и других академий и научных обществ.

...Густафссон, ботанический генетик... Оке Карл Густафссон (р. 1908) — шведский генетик. Занимался изучением генетики растений, искусственным мутагенезом. Директор Института генетики леса в Стокгольме, Института генетики Лундского университета. Член Королевской шведской АН и других академий наук.

...Ханс Штуббе, тоже мой друг... Ханс Штуббе (1902–1989) — немецкий ботаник, генетик, селекционер. Основные направления исследований — экспериментальная эволюция культурных растений, теория и практика мутагенеза. Основатель и директор Института изучения культурных растений в Гатерслебене. Президент Академии сельскохозяйственных наук ГДР (1951–1968), член АН ГДР и других академий наук. Сотрудничал и дружил с Н. В. во время его работы в Германии.

- С. 239 ...*была такая зеленая книжечка*. Это — одна из главных работ Н. В. (и его соавторов), она стала широко известна под названием «Зеленая тетрадь» («Grünes Pamphlet») или «Работа трех мужчин» («Drei Menschen Werk»): *Timo-feeff-Ressovsky N. W., Zimmer K. G., Delbrück M. Über die Natur der Genmutation und der Genstruktur // Nachr. Ges. Wiss. Göttingen, 1935. Bd. 1. № 13. S. 189–245.*
- С. 240 ...*была проделана в Англии физиком Криком*... Фрэнсис Харри Комптон Крик (р. 1916) — английский физик, работающий в области молекулярной биологии. Основные работы посвящены изучению структуры нуклеиновых кислот. Предложил (совместно с Дж. Д. Уотсоном) модель ДНК — знаменитую «двойную спираль», и объяснил процесс репликации ее молекул при делении клеток. Это — одно из важнейших открытий века — положило начало молекулярной генетике. Член Лондонского королевского общества и многих других научных обществ и академий наук. Нобелевская премия (1962) «за открытия, касающиеся молекулярной структуры нуклеиновых кислот и их значения для передачи информации в живых системах».
- ...*американец Уотсон*... Джеймс Дьюи Уотсон (р. 1928) — американский молекулярный биолог. Главная область исследований — синтез белка, структура ДНК и вирусов. Расшифровал структуру ДНК (совместно с Ф. Х. К. Криком) — «двойную спираль». Провел классическое исследование бактериальных рибосом и роли РНК в белковом синтезе. Один из инициаторов и руководителей крупнейшего современного международного генетического проекта «Геном человека». Член Национальной АН США и других академий наук. Нобелевская премия в 1962 г.
- ...*и русский физик Гамов*... Георгий Антонович (Джордж) Гамов (1904–1968) — физик-теоретик. Окончил Ленинградский университет в 1926 г. С 1934 г. жил в США. Труды по квантовой механике, атомной и ядерной физике, астрофизике, космологии, биологии, истории физики. Первым четко поставил проблему генетического кода. Участник Боровского кружка в Копенгагене. Член Национальной АН США.
- С. 248 ...*19... 42 года тому назад Святой Дух*... Н. В. имел в виду событие, описанное в Священном писании (Деяния. 2:1-13). Рассказ был записан в 1975 г., и Н. В. подсчитал чис-

- ло лет, прошедших от традиционно принятой даты смерти Иисуса Христа (33 г. н.э.).
- С. 251 ...*пятидесятилетия... его замечательной работы...*
Четвериков С.С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики // ЖЭБ (А). 1926. Т. 2. Вып. 1. С. 3–54; Вып. 4. С. 237–240. Переиздана также в США на английском языке в журнале «Proc. Amer. Philos. Soc.» (1961. V. 105. P. 156–195).
- С. 252 ...*других молодых людей, Дубинина*. Николай Петрович Дубинин (1907–1998) — генетик, ученик Н.К.Кольцова, С.С.Четверикова, А.С.Серебровского. С 1966 г. академик, директор Института общей генетики АН СССР. Основатель генетической школы. Работал во многих областях генетики: структура гена, эффект положения и другие закономерности проявления генов, мутагенез, популяционная генетика, генетика и эволюция. Член многих академий наук и научных обществ.
...*разросшейся в большую американскую группу... Добжанского...* Феодосий Григорьевич Добжанский (Добжанский, 1900–1975) — генетик. Окончил Киевский университет (1921). Работал в Киевском и Ленинградском университетах. В 1927 г. уехал в США. Труды по генетике популяций, физиологическим, онтогенетическим и генетическим проблемам бесплодия гибридов, теории гетерозиса. Член Национальной АН США, Лондонского и Датского королевских обществ, Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина», Королевской шведской академии. Кимберовская премия в 1958 г.
...*работы Симпсона*. Джордж Гейлорд Симпсон (1902–1984) — американский палеонтолог и эволюционист. Один из создателей современной синтетической теории эволюции.
- С. 254 *Слово к математикам*. «Слово» было произнесено как вступление к докладу А.А.Ляпунова на Школе по теоретической биологии. Можайское море, июнь 1967 г. (запись С.Э.Шноля).
- С. 258 ...*скажет Алексей Андреевич...* Алексей Андреевич Ляпунов (1911–1973) — математик, кибернетик, чл.-корр. АН СССР (с 1964). Труды по теории множеств, математическим вопросам кибернетики, математической лингвистике, программированию, приложениям математических методов к различным областям техники, естествознания и гуманитарных наук. Еще в конце 30-х гг. начал заниматься

- вопросами биологии, в частности, генетики. Подробнее о нем и о дружбе семей Тимофеевых и Ляпуновых см. в разделе «Письма».
- С. 263 ...*ботаника Тахтаджяна*... Армен Леонович Тахтаджян (р. 1910) — ботаник, академик АН СССР и Армянской ССР, директор Ботанического института АН СССР (с 1977). Основные научные работы посвящены систематике, флористике, эволюционной морфологии, филогении высших растений, ботанической географии, палеоботанике. Член многих академий наук и научных обществ.
- С. 264 ...*например орнитолог Ренш*... Бернхард Ренш (1900–1990) — немецкий зоолог-эволюционист, биогеограф.
- С. 265 ...*Мичурин*... Иван Владимирович Мичурин (1855–1935) — биолог и селекционер.
...*откуда берется три к одному*. Речь идет об одном из правил Менделя, в соответствии с которым происходит передача наследственных признаков.
- С. 269 «*Кончено дело, зарезан старик...*» Любимое присловье Н.В., вольное цитирование строк А.К.Толстого из раннего сочинения «Упырь» (1841).
- С. 270 ...*которые Сукачѳв назвал биогеоценозами*. Владимир Николаевич Сукачѳв (1880–1967) — ботаник, лесовод, географ. Академик (с 1943). Основоположник биогеоценологии, один из создателей учения о фитоценозе. Труды по типологии леса, дендрологии, гео- и палеоботанике, систематике и селекции древесных растений, болотоведению и луговедению и др. Член многих академий наук и научных обществ, многолетний президент МОИП.
- С. 273 ...*уже договорились, что sine qua non...* sine qua non (лат.) — «без чего нет», т.е. совершенно необходимое, неременное условие.
...*напечатал очень интересную статью*... Четвериков С.С. Волны жизни // Дневник Зоол. отд. имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1905. Т. 3. № 6. С. 106–110.
- С. 306 *И вот мы придумали... Сукугундию*... Название магараджата было образовано, как рассказывал Н.В., из двух слов: сука — собака (рус.) и Hund — то же самое (нем.).
- С. 312 *Первый раз..., когда Вернадский через Берлин возвращался*... Первая встреча в Берлине могла быть, скорее всего, в декабре 1925 г.

- С. 312 ...он... был участником русско-немецкой научной недели. «Неделя русских ученых и русской науки» проходила в Берлине с 19 по 26 июля 1927 г. Советскую делегацию возглавлял нарком здравоохранения Н.А. Семашко. *И вернулся в Россию, по-моему, в 21 году.* В 1921 г. Владимир Иванович Вернадский вернулся в Советскую Россию из Крыма после захвата его Красной Армией. За границей (в частности в Париже) он, уже по командировке Академии наук, находился с 1922-го по 1926 г. В эмиграцию с отступающими частями Добровольческой армии попал его сын Георгий Владимирович Вернадский. *...кажется, в 11-м году стал академиком...* В.И. Вернадский переехал в Санкт-Петербург в 1911 г. после ухода из Московского университета, и в 1912 г. был избран ординарным академиком Петербургской академии наук.
- С. 314 ...в первой сводке Вернадского... *Вернадский В.И.* Биосфера. Л., 1926. Эта работа была также в 1928 г. издана в Париже.
- С. 317 ...напечатанной, по-моему, на трех страничках... *Вернадский В.И.* О концентрации радия живыми организмами // Докл. АН СССР. 1929. Сер. А. Т. 2. С. 33–34.
- С. 321 *Так представлял себе Сванте Аррениус...* Сванте Август Аррениус (1859–1927) — шведский ученый, один из основателей физической химии. Автор теории электролитической диссоциации. Труды по химической кинетике, а также по астрономии, астрофизике и биологии. Один из авторов гипотезы панспермии. Нобелевская премия в 1903 г.
- С. 323 ...повидаться с ним его дочка... Нина Владимировна Вернадская-Толль (1898–1986) — врач-психиатр. Окончила медицинский факультет Карлова университета в Праге в 1926 г., в том же году вышла замуж за Н.П. Толля. С 1939 г. семья Толлей жила в США. *...бывшая уже замужем за Толлем...* Мужем Нины Владимировны Вернадской был Николай Петрович Толль (1894–1985), археолог, византолог, медиевист, ученик Н.П. Кондакова, принимавший деятельное участие в работе «Seminarium Kondakovianum», преобразованном позднее в Институт имени Кондакова в Праге. После переезда в Америку работал, как и Г.В. Вернадский, в Йельском университете, занимая кафедру иранистики. Путешественника и полярного исследователя звали Эдуард Васильевич Толль. Он погиб во льдах около острова Беннетта в 1902 г.

- С. 323 ...сын *Владимира Ивановича... Гуля... Гуля* — домашнее имя Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973). Он занимался русской историей, был одним из активных участников евразийского движения. Эмигрировал в 1920 г. в Прагу, в 1927 г. переехал в США, в 1946 г. стал профессором Йельского университета.
- С. 324 ...*был, по-моему, деканом философского факультета и был в самом писании своей замечательной книжки...* Г. В. Вернадский деканом никогда не был, в те годы он готовил книгу «Опыт истории Евразии» (издана в Берлине в 1934 г.) и однотомную «Историю России» на английском языке, а также писал работу о дипломатической истории России. Упомянутая Н. В. книга «Начертание русской истории с евразийской точки зрения» вышла раньше (в 1927 г.) в Праге.
- С. 327 ...*он на девятнадцать лет старше меня был...* В. Н. Сукачев родился в 1880 г., умер в 1967 г. (см. прим. к с. 270).
- С. 334 *Первую сводку... в 57-м году. Тимофеев-Ресовский Н. В.* Применение излучений и излучателей в экспериментальной биогеоценологии // Бот. журн. 1957. Т. 42. № 2. С. 161–194.
Брат его, Сергей Иванович Вавилов... Сергей Иванович Вавилов (1891–1951) — физик и общественный деятель, президент АН СССР (с 1945). Основатель отечественной школы физической оптики. Основные работы — в области люминесценции и природы света.
- С. 335 ...*учась генетике у Бэтсона...* Уильям Бэтсон (1861–1926) — английский биолог, морфолог, генетик. Изучал генетические основы наследования, ввел термин «генетика» (1907). Член Лондонского королевского общества, иностранный член АН СССР (с 1923) и других академий наук. В 1913–1914 гг. Н. И. Вавилов работал в Институте садовых культур в г. Мертоне (Англия), который организовал и возглавлял У. Бэтсон, превратив его в генетический. Впоследствии Вавилов назвал Бэтсона «первым апостолом нового учения».
- С. 338 *В 20-м году, по-моему, Вавилов был сделан директором...* В 1920 г. Н. И. Вавилов принял предложение возглавить Отдел прикладной ботаники в Петрограде. В 1925 г. отдел был преобразован во Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур, который в 1930-м переименовали во Всесоюзный институт растениеводства.

- С. 343 ...от Литвы и Прибалтики... В годы работы Н. И. Вавилова Литва и Прибалтика не входили в состав СССР.
- С. 349 ...заполненную от руки карточку... одна такая карточка — записка на бланке Маутхаузена от 8.XII.44 чудом сохранилась; ее перевод, а также несколько писем и записок товарищей Фомы см. в разделе «Письма».
- Так мы толком ничего и не знаем. Фома (Дмитрий) Тимофеев-Ресовский был арестован гестапо 30 июня 1943 г., 10 августа 1944 г. отправлен в концентрационный лагерь Маутхаузен. Новые сведения о нем появились уже после смерти его родителей и выхода в свет повести Д. А. Гранина «Зубр» в «Новом мире» в 1987 г. Они вошли в книжное переиздание «Зубра» и в третью часть киноочерка Е. С. Саканян «Герои и предатели» (1991). Согласно самым последним сведениям, полученным Андреем Николаевичем Тимофеевым в ответ на свой запрос в Международную службу розыска при Красном Кресте, Дмитрий Тимофеев-Ресовский умер 1 мая 1945 г. в Эбензее округа Гмунден (лагерный пункт Маутхаузена). Документ, удостоверяющий смерть Фомы, датирован 11 декабря 1996 г., прислан из Бюро регистрации актов гражданского состояния г. Арользене (Германия).
- С. 350 ...приглашали к Орбели... Леон (Левон) Абгарович Орбели (1882–1958) — физиолог, вице-президент АН СССР (1942–1945), академик АМН СССР. Начальник Военно-медицинской академии, директор Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности АМН СССР, Института физиологии, позже Института эволюционной физиологии АН СССР. Основное направление научных исследований — эволюционная физиология, физиология пищеварения, кровообращения и др. Создал научную школу. Член многих научных обществ и академий наук.
- ...с другой — Завенягин... Авраамий Павлович Завенягин (1901–1956) — министр среднего машиностроения СССР и заместитель председателя Совета Министров СССР (с 1955). С 1933 — директор Магнитогорского металлургического комбината. С 1938 — начальник строительства и директор Норильского горно-металлургического комбината (ныне имени А. П. Завенягина). Заместитель министра внутренних дел СССР (1941–1950).
- ...и Курчатова... Игорь Васильевич Курчатова (1903–1960) — физик, академик. Организатор и руководи-

тель работ по атомной науке и технике в СССР. Основатель и первый директор Института атомной энергии (с 1943).

- С. 350 ...*другое управление НКВД меня посадило*. Историю ареста и следствия Н.В. см.: *Гончаров В.А., Нехотин В.В.* Неизвестное об известном // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 3. С. 249–257.

Карабас... пересылка Карлага. Согласно архиву УВД Карагандинской области Н.В. находился в Карабасе с 15.08.46 по 29.08.46. Привезен был туда из Петропавловска, а потом отправлен в Самарское отделение Карлага, где находился по 18 ноября 1946 г. Об этом см.: *Попов Ю.Г.* Сто семь дней в Карлаге // Вечерний Обнинск. 16 апреля 1997. № 41. С. 3.

- С. 351 ...*уже с объекта, я ей написал*. Первое письмо родным после «исчезновения» из Буха и полуторагодичного отсутствия было написано Н.В. 19 июня 1947 г. из Сунгуля Челябинской области — объекта 0215 (п/я 33/6). См. раздел «Письма».

...*пришло мне снятие судимости...* Документ о снятии судимости был вручен Н.В. 25 марта 1955 г. (см. письмо от 26.III.55).

- С. 355 *Там Васютинский, профессор, прочел нам курс древних культур*. Вадим Алексеевич Васютинский (1898–1950) — специалист по истории Шотландии и Англии, профессор Библиотечного и Педагогического имени Ленина институтов, сотрудник Института военных переводчиков. Сокамерник Н.В. по Лубянке в 1945 г. Умер в мордовском лагере в Явасе.

...*где я с Солженицыным просидел*. Н.В. Тимофеев-Ресовский пять раз упоминается на страницах «Архипелага ГУЛАГ», включая и отдельную подглаву, названную его именем. О пребывании Н.В. в тюрьме на Лубянке осенью 1945 г. см.: *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. М., Советский писатель. Новый мир. 1993. Ч. I. Гл. 5. С. 202. Рассказ о научно-техническом обществе 75-й камеры Бутырок летом 1946 г. см. там же: Ч. II. Гл. 4. С. 563–569.

Из семнадцати человек живы остались Каган да я. Участник коллоквиумов в 75-й камере Бутырок физик Виктор Каган (упоминается А.И. Солженицыным на с. 567) написал воспоминания: *Каган В.* Воспоминания о Н.В. Тимофееве-Ресовском // Континент. Париж, 1991. № 66. С. 271–275.

- С. 356 ...через недельку он и преставился. Сходный рассказ есть у Солженицына: Указ. соч. Ч. IV. Гл. 1. С. 561.
- С. 359 ...Я легкомысленно Борису... Отец Александр (Александр Ильич Борисов, р. 1939), по образованию биолог-генетик из школы Н. Н. Соколова, последние годы настоятель московского храма Козьмы и Дамиана в Столешниках, где он неоднократно служил панихиды по Тимофеевым-Ресовским, а 17 апреля 1999 г. — в память всех ушедших генетиков — отслужил особую панихиду.
Не стоял на полу, а висел. См.: Солженицын А. И. Указ. соч. Ч. II. Гл. 1. С. 473; Ч. II. Гл. 4. С. 569.
- С. 361 ...и мы дуэтом «Не искушай» пели. Романс М. И. Глинки на слова А. А. Дельвига «Не искушай меня без нужды» (1825).
...«Разбойника благоразумного» разучили и пели. Церковное песнопение, исполняемое на службе в страстной четверг.
Это замечательно, Кастальского... в сопровождении бессловесного хора. Александр Дмитриевич Кастальский (1856–1926) — композитор, регент Синодального училища в Москве. Занимался обработкой древних церковных песнопений. «Бессловесный» хор — исполнение мелодии с закрытым ртом или на указанной композитором гласной.
- С. 362 *Совершенно замечательное было место.* Объект «Б» МВД СССР (так до 1948 г. именовалась секретная лаборатория) был создан по распоряжению правительства СССР (№ 1996-р-с) в 1946 г. на Урале на базе санатория «Сунгуль» в небольшом поселке у восточного склона Вишневых гор. Объект, а потом Лаборатория «Б», в деловой документации назывался предприятием п/я 0215 и имел почтовый адрес: Касли, п/я 33/6 (см. раздел «Письма»). Лаборатория существовала до марта 1955 г., была закрыта, а на ее месте начал строиться новый ядерный институт, который с 1992 г. называется РФЯЦ-ВНИИТФ. Вокруг института возник город Челябинск-70 (Снежинск). Об истории лаборатории, института и города Снежинска, в связи с его 40-летием, написана книга: Раскрывая первые страницы... Екатеринбург, 1997.
- С. 363 ...директор объекта... Уралец... Александр Константинович Уралец, полковник МВД, до Сунгуля работал в системе Челябметаллургстроя, был директором объекта «Б» с мая 1946 г. до декабря 1952 г., когда его перевели в

- Москву (см. книгу: Раскрывая первые страницы... С. 21–22). На посту директора его сменил кандидат химических наук Глеб Аркадьевич Середа.
- С. 363 ...как раз подполковник Верещагин... Майор М. Н. Верещагин был комендантом объекта (заместителем по режиму).
- С. 367 Так его и дразнили миллионером. Николай Васильевич Риль (1901–1990) написал мемуары «Десять лет в золотой клетке» о годах работы в советской атомной системе: *Riehl Nikolaus. Zehn Jahre im goldenen Käfig. Dr. Riederer Verlag. GmbH-Stuttgart. 1988.*
Келдыш у нас на объекте атомном бывал... Мстислав Всеволодович Келдыш (1911–1978) — математик и механик, академик. Президент АН СССР с 1961 по 1975 гг.
...и Александров, теперешний... Анатолий Петрович Александров (1903–1994) — академик, один из основателей отечественной ядерной энергетики, был президентом АН СССР с 1975 по 1986 гг.
- С. 369 ...нужно было отправить... в «сороковку»... Имеется в виду г. «Челябинск-40» (сейчас г. Озерск).
- С. 372 Я единственный раз согласился вступить ногой в этот Средмаш... Об этом посещении есть воспоминания: *Торюканов А. Н., Федоров В. М.* Н. В. Тимофеев-Ресовский. Биосферные раздумья. М., 1996. С. 87–90.
...произошел взрыв... Речь идет об аварии на комбинате «Маяк» в сентябре 1957 г. в «Челябинске-40», которую позже стали называть Кыштымской катастрофой или Уральским Чернобылем.
- С. 373 Сейчас мы живем в каком-то бердяевском новом средневековье... Имеется в виду работа Н. А. Бердяева «Новое средневековье» (Берлин, 1924)
А с 30 года... осуществлялось щедринское введение единомыслия в России. Имеется в виду сочинение М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» (1869–1870). Сходные мотивы содержатся в сатирическом тексте «Проект: о введении единомыслия в России», написанном от имени Козьмы Прутков (1863).
- С. 374 Все это у Салтыкова-Щедрина расписано было. См. сочинение М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дневник провинциала в Петербурге» (1972). Точная формулировка «проекта» о переформировании Десьянс Академии: «О средствах к совершенному наук упразднению...»

- С. 374 *Оно по Москве ходит.* Имеется в виду самиздатовское письмо А. Д. Сахарова (1921–1989), написанное им в 1968 г. См.: Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Тревога и надежда. М., 1990. С. 11–47.
- С. 378 *Об этой проблеме... пойдет речь.* Эта глава — краткое изложение нескольких докладов, прочитанных Н. В. Тимофеевым-Ресовским в Московском Доме ученых, в МОИПе и в Институте медицинской радиологии (г. Обнинск) в феврале–марте 1967 г. (см.: Научные труды Обнинского отдела Географического общества СССР. Сб. I. 1968. С. 3–12).
- С. 388 *...некоторые общие соображения касательно нашего времени...* Эта глава — несколько сокращенное изложение последнего публичного выступления Николая Владимировича на заседании Московского отделения Всесоюзного общества генетиков и селекционеров совместно с Московским обществом испытателей природы, состоявшегося 28 февраля 1980 г.
- С. 392 *...ему не была известна менделевская работа.* Чарльз Дарвин получил в 1866 г. оттиск статьи Г. Менделя «Versuche über Pflanzenhybriden», но оттиск пролежал у Дарвина неразрезанным.

Письма

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. С. Серебровскому¹
Берлин — Москва

6. II. 28

Дорогой Александр Сергеевич!

Получил Вашу открытку и поручение Ваше исполнил. Hirschwald² обещал впредь высылать Вам книги в переплетах — Antoclor, кот[орые] он будет ставить Вам в счет по себестоимости. Как живете? Шикарные заграничные костюмы не износились еще³? Получили мы тут недавно очередную книжку Журн[ала] eksper[иментальной] Биологии и прочел я первую часть Вашей работы о «генофонде» кур. Это очень интересное и оригинальное направление и я с нетерпением жду конца работы. Скоро ли она будет напечатана? В апреле будет в Москве Царапкин⁴. Он едет в экспедицию на Дальний Восток. Кроме него от нашего института едут в Россию еще двое: Мих[аил] Ив[анович] Клемм в Забайкалье и Reinig⁵ на Памир и в горн[ую] Бухару. В результате этих поездок будет наверное собран очень интересный материал (частью живой, для генетич[еского] анализа) по географич[еским] расам *Coccinellidae*⁶ и шмелей. Я же буду сидеть все лето здесь и завидовать путешественникам. Пишу сейчас работу о *venae trans[versae] incompl[etae]* у *Dr[osophila] funebris* — работа получается дов[ольно] длинная. Скоро получу оттиски маленькой работы об одном случае соматической «обратной мутации» гена yellow у *Dr[osophila] melanogaster*⁷ и пришлю Вам. Елена Александровна и Царапкин кланяются. Привет всем Вашим и всем в институте.

Ваш Н. Тимофеев-Ресовский

1. Александр Сергеевич Серебровский по «происхождению», как и Н.В., из школы зоологов Московского университета. Основатель кафедры генетики МГУ. Они много общались в кругу молодых зоологов-генетиков, учеников и сотрудников Н.К. Кольцова и С.С. Четверикова, работали рядом на подмосковных биологических станциях. Эти шесть писем Н.В. Тимофеева-Ресовского из Берлина сохранились в архиве А.С. Серебровского (архив РАН, фонд 1595, оп. 1, № 452).
2. Hirschwald — немецкий издатель.
3. Шутивное напоминание о приезде Серебровского в Берлин, где в 1927 г. проходил V Международный генетический конгресс. Тогда они виделись последний раз.
4. Сергей Романович Царапкин приехал в Берлин в 1926 г. по рекомендации Н.В. и проработал с ним все годы в Германии. После возвращения на Родину, как и Н.В., был репрессирован, работал с ним на объекте 0215. Реабилитирован посмертно в 1992 г.
5. Михаил Иванович Клемм и Вильям Фред Райниг — первые берлинские сотрудники Н.В. (см. с. 202).
6. *Coccinellidae* — семейство божьих коровок.
7. *Drosophila funebris*, *Drosophila melanogaster*, *Drosophila obscura* — виды плодовой мушки дрозофилы, излюбленного генетиками и очень удобного для исследований модельного объекта. Короткий жизненный цикл, легкость разведения в лаборатории, большое число простых для учета контрастных наследственных признаков, малое число хромосом позволили Т.Х. Моргану и трем его сотрудникам за считанные годы выполнить генетический анализ сотен признаков дрозофилы и разработать основы современной хромосомной теории наследственности и генетической рекомбинации. Дрозофиле, как учебному объекту, посвящена статья Н.В.: *Timoféeff-Ressovsky N.W. Drosophila im Schulversuch // Biologie. 1934. Bd. 3. № 6. S. 141–147.*

Н.В. Тимофеев-Ресовский — А.С. Серебровскому
 Берлин-Бух — Москва

3.XII.28

Дорогой Александр Сергеевич!

Я только что получил от Вейнштейна культуры *Dros[ophila] obscura* <...> Культуры пришли в дов[ольно] хорошем состоянии, в них есть личинки и куколки, но мух нет. Поэтому я не могу выслать их Вам сейчас же и вышлю как только выведутся мухи. Здесь в Берлине есть различн[ые] *Dr[osophila] obscura*-культуры у Нахтсхайма¹. Я на днях узнаю, какие культуры у него имеются и тогда Вам сообщу. Вы же напишите мне — какие культуры есть у Вас и нужны ли Вам еще культуры, помимо высланных Вейнштейном. Я перевел работу Херувимова и помещу ее или в *Biol[ogische] Zentralblatt* или в *Zeitschr[ift] f[ür] ind[uktive] Abst[ammungs- und] Ver[erbungslehre]*. Работа, ко-

нечно, подходит больше для Zeitschr. f. ind. Abst., но очень уж там «завозно» и печатают они обычно не раньше чем через год, а в Biol. Zentralbl. дело идет быстро. Работа Херувимова мне очень понравилась, жаль только, что нет краткого, ясного резюме с кратким изложением методики и списка литературы.

Я слышал, что Вы много работаете с X-лучами и что большая Ваша работа на эту тему печатается уже в «Журн[але] Эксп[ериментальной] Биологии». С нетерпением жду ее выхода, т.к. эта область меня очень интересует. Я этим летом и осенью тоже начал работать с X-лучами. Я решил попробовать во-первых: вызвать обратн[ые] мутации рецессивн[ых] генов <...> — по этому вопросу у меня еще слишком мало материала и полож[ительных] результатов пока нет — и, во-вторых: попробовать количественно учесть мутабельность определ[енно-го] locus'a в разных направлениях. Для этого я решил путем рентгенизации личинок *Dros[ophila] mel[anogaster]* вызывать соматич[еские] мутации цвета глаз <...>. Эти результаты ясно показывают, что мутабельность аллеломорфов локуса W в разных направлениях различна и, очевидно, количественно специфична. Предварит[ельное] сообщение об этих опытах я послал Ник[олаю] Конст[антиновичу] Кольцову для напечатания. Теперь я продолжаю эту работу с другими w-аллеломорфами (пока — cherry и coral).

В последней своей работе в Proc[eedings] of [the] Nat[ional] Acad[emy] of Science[s] Мёллер сообщает и там, что удалось в опытах с X-лучами получить и мутацию forked и обратную мутацию от forked к норм[альному] аллеломорфу. Это, так же как и полученные мною до сих пор результаты с соматич[ескими] мутациями в locus'e W, говорит как будто за то, что X-лучи обладают не только деструктивным действием на генотип <...>

Мы готовимся постепенно к возвращению в Россию. Я был бы очень благодарен Вам, Александр Сергеевич, если бы Вы написали мне об условиях жизни и о квартире и проч[их] удобствах в Назарьеве. Вы ведь жили там с семьей, т.е. так же, как и нам придется жить.

Есть у меня и еще просьба к Вам: Вы прислали мне оттиск Вашей работы о курах Дагестана — большое Вам спасибо, работа эта для меня очень интересна и мне кажется, что разработка «генеогеографии» различ[ных] групп организмов даст

много интересного и практически важного. Но Вы прислали мне только окончание (2-ю часть) работы, а мне очень хотелось бы иметь ее целиком, т[ак] ч[то], если возможно, то пришлите мне пожалуйста первую часть.

Желая, за сим, всего Вам наилучшего, прошу кланяться Раисе Исаковне¹ и всему семейству Вашему, равно, как и общим знакомым — кого встретите. Елена Ал[ександровна], а также Серг[ей] Ром[анович] Царапкин просят передать Вам и семье Вашей их приветы.

Ваш Н.Тимофеев-Ресовский

P. S. Сообщите пожалуйста Ваш теперешний адрес, по кот[оро-му] Вам писать и отправлять мух. Это письмо отправляю на Институт Эксп[ериментальной] Биологии.

1. Фон Вейнштейн, Нахтсхайм — немецкие биологи. После отправки Н.В. в сентябре 1945 г. в СССР Нахтсхайм взял Е.А.Тимофееву-Ресовскую ассистентом на свою кафедру в Берлинском университете.

2. Раиса Исаковна Серебровская — биолог, ученица Н.К.Кольцова, жена А.С.Серебровского.

Н. В.Тимофеев-Ресовский — А. С.Серебровскому
Берлин-Бух — Москва

30.III.29

Дорогой Александр Сергеевич!

Хоть и с опозданием — очень благодарю Вас за присланную статью о гене. Ваше новое, scute'овое направление, судя по доходящим до меня сведениям (Ваша статья о гене, рефераты докладов Агола¹ и Дубинина² на Генет[ическом] Съезде, статья Дубинина для Biol[ogisches] Zentr[alblatt], рассказы Слепкова³) необычайно интересно. Я, как и следует ожидать, согласен далеко не со всеми теоретическими и методологическими предпосылками этой серии Ваших работ, но эвристическое значение Вашей гипотезы бесспорно. Необоснованным, в частности, кажется мне перенесение фенотипических «ступеней» изменений различн[ых] scute-аллеломорфов (и yellow) на хромосому, а также общие, слишком «вейсманнистические» и «лотсианские» концепции. Но в качестве рабоч[ей] гипотезы Ваше представление о гене обещает, повидимому, стать очень

плодотворным, даже независимо от того — принимаешь или нет Вашу общую теоретическую концепцию. Вашу «генеогеографию» я считаю еще более плодотворной и важной, особенно в наших, русских природных условиях (географо-экологическое разнообразие на окраинах и, с другой стороны, громадная евразийская равнина со степным и таежным поясами).

Получили ли Вы *Drosophila obscura*? Я послал их Вам дважды: 1. в Москву (приблизительно в конце декабря) с фотографом-немцем, ехавшим от Фогта в московский институт мозга; 2. в Ленинград, на Съезд, с Александром Петровичем Владимирским. В прошлом своем письме я кажется уже сообщал Вам, что сдал работу Херувимова в «Zeitschrift für induktive Abstammungs- und Vererbungslehre». Хотя по характеру работы это наиболее подходящий журнал, но я все же раскаиваюсь: невероятная там волокита и даже беспорядок (одну работу Stern'a⁴ недавно потеряли и нашли только через несколько месяцев); я до сих пор еще не получил первой корректуры. Для «Biologisches Zentralblatt» работа не совсем подходила, да и Nachtsheim просил дать ее для «Zeitschr. f. ind. Abst.». С переводом (я кажется писал уже вам) было порядочно возни, т.к. написана работа весьма неважно (хотя очень интересна и хороша по существу). Я в конце концов написал скорее немецкое изложение этой работы — чем перевод и надеюсь, что работа не проиграла от этого и что автор не будет на меня за это в обиде. Недавно Stern жаловался также на перевод и особенно на неясности изложения присланной для «Biol. Zentr.» работы Дубинина.

За эту зиму Елена Александровна нарендгенизировала изрядное количество *Drosophila funebris*, причем получился довольно интересный результат: появляется много модификаций, из которых большая часть наследственны; но так же, как и в «нормальном» мутационном процессе — все мутации очень «плохие», слабо пенетрантны, иррегулярно доминируют; совсем нет наследственных изменений глаз и окраски тела — почти все мутации изменяют крыло и хетотаксию⁵. Я продолжаю вызывать обратные мутации — получил уже таковые для scute, crossveinless, forked, white, hairy и pink. Продолжаю также собирать материал по мутациям к white от различных w-аллеломорфов (W, w^{co}, w^{ch}, w^c, w^a). Анализирую и локализирую также

гены *Dr[osophila] funebris*. Готова наша оранжерея и мы приступаем к эксперим[ентальному] анализу изменчивости окраски *Coccinellidae* (*Adalia bipunctata*, *Cocc[inella] decempunctata*, *Epilachna chrysomelina*⁶).

Записался я тут в Университет, на предмет сдачи докт[орских] экзаменов, т.к. по возвращении в Россию мне надо иметь какой-нибудь диплом (ведь я, как Вы знаете, «самоучка» — диплома никакого у меня нет). Надеюсь сдать их к осени, с тем, чтобы вернуться, как и предполагал, в октябре, но может выйти и задержка до весны, т.к. формальностей у немцев прорва. Живем мы хорошо, ребята здоровы и произрастают на тутошних кормах изрядно. Но все чаще и чаще одолевает нас, особенно меня, «тоска по Родине»: все здесь не мило делается, а сейчас, весной — так прямо никакого терпежа нет. Да и немцы преизрядно надоели — народ аккуратный, но прескучный.

Скоро Вы получите, наверно, от Гольдшмидта⁷ Атрах-лампу — он на днях прислал мне Вашу лицензию для того, чтобы оформить это дело в Торгпредстве.

Желаю Вам всего наилучшего! Передайте пожалуйста мой привет Раисе Исаковне и ребятам; Дубинину (кот[орого] я к сожалению не помню в лицо) — привет и поздравления с хорошей работой. Елена Алекс[андровна] — кланяется, также и Серг[ей] Романович.

Ваш Н.Тимофеев-Ресовский

1. Израиль Иосифович Агол (1891–1937) — генетик, академик АН УССР (с 1934). Окончил Московский университет в 1923 г., в 1928 г. возглавил Биологический институт им. К.А.Тимирязева.
2. Николай Петрович Дубинин — генетик, ученик Н.К.Кольцова, С.С.Четверикова, А.С.Серебровского.
3. По-видимому, здесь и в последующих письмах речь идет о Василии Николаевиче Слепкове (1902–1937) — генетике и философе. Он стажировался у А.С.Серебровского и у К.Штерна в Германии. Позже был профессором Казанского университета и Татарского педагогического института. Репрессирован и расстрелян в 1937 г.
4. Курт Штерн (1902–1981) — немецкий зоолог и генетик. Работал ассистентом Гольдшмидта. В 1933 г. эмигрировал в США. Лауреат Кимберовской премии по генетике 1963 г.
5. Хетотаксия — размеры, форма и расположение щетинок на теле насекомого.
6. Латинские названия разных родов и видов божьих коровок.
7. Рихард Гольдшмидт до 1935 г. был директором отдела генетики Биологического института кайзера Вильгельма.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. С. Серебровскому
Берлин-Бух — Москва

25.IX.29

Дорогой Александр Сергеевич!

Простите, что пишу карандашом, но моя самопиш[ущая] ручка только что сломалась, а писать простым пером я разучился. Ну, да будет не хуже Вашей, простите, «пишущей машины»: купите непременно, за счет («auf Rechnung») Зоотехнич[еского] Инст[ута] новую — Ваша — это сплошная опечатка и отказ от всякой субординации (буквы лезут со строки, преимущественно вниз). Подав сей ценный совет — к делу.

Действительно, двинул-таки Гольдшмидт¹ на старости лет! Главное — тиснул статью и уехал сам до весны в Японию!

Когда я виделся с Штерном, после напечатания Г[ольдшмидтом] статьи, и только начал «вопросительно» подъезжать к нему на эту тему — он сразу же, воздев руки, воскликнул: «я за это не отвечаю, я за это ни с какой стороны не отвечаю». Конечно, пишу Вам об этом «келейно», Штерн просил отнюдь его мнение не распространять. Далее Штерн заявил, что не будь он сотрудником Гольдшмидта — он сам бы проверил эти опыты. Он думает, что тут не все в порядке, хотя и считает, что зерно истины есть: «как почти всегда у Гольдшмидта — в частности много ерунды, а в общем — верная идея». Теперь подробности. За «чистоту» флоридской культуры Штерн ручается, но за возможность последующего «загрязнения» — нет. Во всех случаях, за исключением кажется двух, новые «мутации», конечно, никак не анализировались и названы Гольдшмидтом «на глаз». *Agistapedia* и *rolled*, конечно, настолько характерные признаки, что спутать их трудно с чем-либо иным. Так что, как видите, история темная. Ряд Гольдшмидтовских «мутаций» есть сейчас у Штерна и очевидно будут проанализированы.

Я лично тоже очень хотел проверить этот опыт, но решил не делать этого, т.к. все равно он несомненно будет проведен с нескольких сторон (кроме Вас, поставлены уже соотв[етствующие] опыты в Америке), а также потому, что я уже однажды проделал аналогичный опыт, кот[орый] я Вам вкратце опишу.

Два года назад, после появления первого сообщения Мёллера о его рентген[овских] опытах, я решил попробовать резкий «температурный шок». Я подвергал *Dros[ophila] melanog[aster]* в течение 6 часов воздействию 36–40° С, на стадии молодой куколки (от момента закукливания). Как видите — почти точно то же, что делал Гольдшмидт. Вызвал я своим «темпер[атурным] шоком», конечно, почти полную стерильность и несколько фенотипических изменений. Около 30 оказавшихся плодовитыми скрещиваний — не дали в потомстве (F_1 и F_2)² ничего похожего на мутации. Я об этом опыте не распространялся, ибо в данном случае — «отрицательный результат — никакой результат». Теперь, ясное дело, жду с нетерпением результатов Вашей проверки: чем черт не шутит!

Ну, это кажется все, что мне по этому делу известно. Особых разговоров по поводу статьи Г[ольдшмидта] не слышно. Немцы ведь на этот счет народ тихий. К сожалению, я не смог попасть на Конгресс Немец[кого] Генетич[еского] Общ[ества] в Tübingen: там наверное разговоры на эту тему были.

Мы тут работаем по-маленьку. Лёля (кот[орая] сейчас поехала в отпуск) продолжает рентгенезировать *Dr[osophila] funebris*. Я в последнее время засел за анализ имеющихся у нас мутаций *Dr[osophila] funebris*: скучноватое это дело, но надо наконец привести в порядок имеющийся материал. Очень трудно положить почин локализации генов *Dr[osophila] funebris*, т.к. почти все они слабо пенетрантны. Пока есть 4 «приличных» сцепл[енных] с полом гена и намечаются две аутомсомные группы. Я все же думаю, что с точки зрения сравнительной генетики, *Dros[ophila] funebris* будет весьма интересна.

Статью Вашу отправлю прямо в [Wilhelm] Roux' Archiv [für Entwicklungsmechanik der Organismen], как Вы просите. Отдал ее перепечатать на машинке; не делал этого до Вашего письма, ибо Вам отправил бы рукопись перевода, в целях экономии. Штерн пишет сейчас очередную какую-то сводку или «Handbuch»³ и просил меня дать ему еще до напечатания копию Вашей статьи для прочтения и внесения в его сводку. Вы ничего не имеете против? Я думаю это только хорошо, что она сразу же пойдет в «Handbuch». Я ее пока еще ему не давал — подожду Вашего ответа.

Как дела у Вас в Лаборатории? Что нового? Как поживает Слепков? Не собираетесь ли приехать за границу?

Я тут продолжаю по-маленьку заниматься антропологией и надеюсь весной сдать докт[орские] экзамены. Тогда можно домой ехать! Изрядно нам тут надоело! Комфортабельно, но скушно.

Привет Раисе Исаковне, ребятам Вашим (помнят ли еще нас?), всем Вашим сотрудникам и знакомым нашим — кого встретите.

Ваш Н. Тимофеев-Ресовский

1. О Гольдшмидте, Штерне и Слепкове см. прим. к предыдущему письму.
2. F_1 и F_2 — принятые в генетике обозначения первого и второго поколения гибридов.
3. Handbuch (нем.) — руководство, справочник.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. С. Серебровскому
Берлин-Бух — Москва

26.VII.29

Дорогой Александр Сергеевич!

Получил Ваше письмо и работу. Работа будет переведена. Думаю, что переведу ее сам — это будет вернее всего; если же в ближ[айшее] время у меня не хватит на это времени, то отдам перевести и потом прокорректирую перевод. Когда перевод будет готов, то как с ним поступить дальше? Отослать ли в Roux' Arch[iv] f[ür] Entw[icklungs]mech[anik] или же переслать его Вам и Вы сами отошлете его в редакцию? В Arch. f. Entwmesch. печатают быстро, но именно сейчас будет небольшая задержка, т.к. все ближайшие выпуски образуют «Festschrift zum 60 Geburtstag vom H. Spemann»¹ и очередные тома начнут выходить только с ноября.

Работу Вашу прочел с большим интересом — замечательные вещи получаются! Я получил до сего времени 3 обратн[ые] мутации scute. Одну из них я хотел послать со Слепковым, но он уехал столь внезапно, что сделать я сего не смог. Эта обр[атная] мутация появилась в X-ple культуре (в результате рентгениз[ации]), т[ак] ч[то] о какой-либо случайности, контаминации², загрязнении и пр. не может быть и речи. Я ее точно проанализировал (на возможность «подавителя» scute и пр.) и все оказалось в порядке, т.е. что это действ[ительно] обр[атная] геновариация. Теперь я получаю путем скрещива-

ния X-ple культуру без гена *scute* для сравнения с обр[атной] мутацией и когда у меня будут X-ple мухи без *scute* обоих типов (полученные 1. в результате обр[атной] мутации и 2. путем удаления *scute* из X-ple культуры при помощи скрещивания и cr[ossing]-ov[er]), то вышлю Вам и тех и других. В рентгенизир[ованных] культурах я буду ловить тоже всех *scute*¹ подобных мух и отправлять Вам. До сих пор у меня два раза возникла мутация *scute*, на мой взгляд неотличимая от *scute*^{1,3}, но культуры не сохранены.

У нас тут все по-прежнему. Оранжереи пушены в ход и начата большая работа по эксперим[ентальному] анализу направл[енной] изменчивости у *Coccinellidae*. Ел[ена] Алекс[андровна] шпарит рентгеном *Dros[ophila] funebris* и получила уже много мутаций. Я продолжаю работу с обратн[ыми] мутациями <...> и с white-мутациями от разных w-аллеломорфов <...>. В Университете занимаюсь антропологией: наука занятная, но очень уж много в ней беллетристики; не вредно генетикам малость вмешаться в антропологич[еские] дела!

Передайте пожалуйста мой привет Вашим сотрудникам. Слепкова обругайте от меня — мог бы... (вставьте по Вашему усмотрению)... написать! Будучи здесь обещал он мне прислать свою работу (теоретического содержания) и тоже ни-ни! Ел[ена] Алекс[андровна] и Серг[ей] Ром[анович] кланяются.

Ваш Н.Тимофеев-Ресовский

P.S. Не можете ли, Алекс[андр] Серг[еевич], сообщить что-либо о Серг[ее] Серг[еевиче Четверикове]? В каком положении его дела?

1. Festschrift zum 60. Geburtstag vom H. Spemann (нем.) — юбилейные публикации к 60-летию Г. Шпемана. Ганс Шпеман (1869–1941) — немецкий эмбриолог, в те годы директор Института биологии кайзера Вильгельма. Лауреат Нобелевской премии 1935 г.

2. Контаминация — смешение (от лат. contaminatio — соприкосновение, смешение).

3. *scute*¹ — обозначение мутации.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. С. Серебровскому
Берлин-Бух — Москва

12. II. 30

Дорогой Александр Сергеевич!

Дней десять тому назад я правил уже корректуру Вашей статьи в Roux' Arch[iv] f[ür] Entw[icklungs]mech[anik] d[er] Org[anismen]. Статья будет размером ок[оло] 1 печатн[ого] листа (16—17 страниц). Я позволил себе прибавить в конце статьи список литературы, составл[енный] на основании Ваших цитат в тексте (Агол, Dubinin, Muller, Payne, Серебровский): этот американский обычай соблюдается теперь и большинством немецких журналов. Да это ведь большое удобство при пользовании статьёй! Так как статья меньше, чем 24 страницы, то Вам предлагается 100 бесплатных отд[ельных] оттисков. Я и заказал 100 шт[ук] и распорядился, чтобы их отправили непосредственно Вам; из этого следует, что когда Вы их получите, то 1 экземпляр, вероятно, пошлете мне, помятуя, что у меня ни одной штуки не будет. Гонорария Вам будет причитаться ок[оло] 40 марок. Относительно него Вы должны сами распорядиться, куда его отправить: Вы должны написать An die Verlagsbuchhandlung Julius Springer, Berlin W9, Linkstr. 23-24; письмо может быть прибли[зительно] следующего содержания: Ich bitte das Honorar für meinen Aufsatz (A. S. Serebrovsky. «Untersuchungen über Treppenallelomorphismus». IV. Transgenation scute-6 ...u.s.w.) im Roux'schen Archiv f. Entwmech. d. Org. an folgende Adresse übersenden zu wollenадрес..... . Hochachtungsvollподпись... .

Очень мне досадно, что печатание статьи Вашей так задержалось. Но — Sie hatten Pech¹: с лета до декабря выходили 4 тома Roux' Arch., посвященные Spermann'у² и потому вышла задержка с печатанием всех очередных работ. Теперь эта задержка уже рассасывается. Обычно же у Springer'a³ работы выходят через 3—5 месяцев по их получению в редакции. Выгодно также большое число бесплатных сепаратов.

Очень давно не имеем никаких сведений о Вас! Почитай-что с самой осени ни строки! Хотелось бы знать — как идет Ваша работа, что делаете и как поживаете. Где Слепков и что делает? Скажите ему, что мог бы, туды его сюды, черкнуть пару слов!

Мы последнее время много работаем с жуками (*Epilachna chrysomelina*), т[ак] ч[то] я даже забросил пока что рентгеновскую работу с *Dros[ophila] melanogaster*. Лёля продолжает работу с *Dr[osophila] funebris*.

Хорошо было бы, если б Вы могли на пару месяцев приехать к нам! А то — пришлите кого-нибудь из Ваших сотрудников — Фогт тоже был бы рад.

Весной, когда потеплеет, пошлю Вам два scute-реверза. Я, воспользовавшись Вашими таблицами, не отличил их (реально) от нормалей; но я, конечно, не изучал их всерьез (по недостатку времени, а также, не желая без Вашего разрешения залезать в Вашу область).

Привет от нас Раисе Исаковне и детям! Приветы также Н. П. Дубинину, Слепкову, Аголу и другим Вашим сотрудникам.

Преданный Вам Н. Тимофеев-Ресовский

P.S. Посылаю Вам, одновременно с сим, корректуру Вашей статьи в полную и наследственную Вашу собственность.

1. Sie hatten Pech (нем.) — Вам не повезло.
2. О Г. Шпемане см. прим. к предыдущему письму.
3. «Шпрингер» — крупное немецкое издательство.

Николай¹ — Е. А. Тимофеевой-Ресовской
Берлин

29.VII.44

Добрый день дорогая Елена Александровна, ваш муж и сын Андрей!

Прошу извинения, что так начал, но иначе я не мог начать потому что я с Фомой просидел вместе 7 с лишним месяцев и я его считал за своего родного брата. Он вероятно вам писал уже обо мне. Меня зовут Николаем. Напишу вам несколько строк о том, как Фома разлучился со мной. Это было вчера утром в 4.30 мин. утра. Ему сказали, 27.7, что он должен будет с транспортом в 7 часов 47 мин. выехать в конц. лагерь Маутхаузен. И он сказал, чтобы наш общий знакомый (вы знаете конечно кто) передал вам записку о том чтобы вы что нибудь ему прислали на дорогу. Он так и сделал это с расчетом в 6 ча-

сов утра придти сюда и передать ему все. Но ночью пришло изменение об отправлении транспорта. Вместо 7.47 он должен был отправиться в 4.50, т.е. почти на 3 часа раньше. Он принес пакет и передал мне, но когда я понес его, чтобы передать Фоме, то мне сказали, что он уже рано утром уехал. Мне пришлось только сожалеть об этом, конечно. Причем получилось все досадно это все в последний раз. До сих пор все пакеты, которые оставляли в бюро, мне с тем стариком удавалось забирать, а этот раз не удалось. И со вторым пакетом тоже получилась неудача. Но это должно было когданибудь быть потому что говорят по-русски: «не все коту масленница, должен и пост быть». Этот человек пакет оставил у меня, потому что ему Фома сказал: в случае неудачи пакет он должен оставить у меня. Но я думаю, что там есть тоже хорошие люди, через которых можно будет снова устроить тесную связь. Распрощались с ним мы чисто по-братски, т.е. пожали друг другу руку, поцеловались и пожелали взаимно как можно скорее освободиться от решеток и конвоя и продолжать так же свободно жить, как и раньше.

Я понимал его внутреннее стремление к вам, но всегда предупреждал, что, несмотря на то, что ты еще молодой, ты должен во всех неудачах учиться терпеть. Осмелюсь немного написать о себе. Я сам был офицером в русской армии, по одной случайности попал в плен, потом оттуда бежал и пробрался в Германию, где в продолжение 1½ года работал и вследствие одной глупой неосторожности попал соседом к Фоме. Сам я тоже из Москвы с Таганской пл. О вашем муже я слышал и в Москве и в Берлине только хорошие отзывы. Хочу сообщить еще одно. Александр Романов, офицер, что был у вас дома и рассказывал о Фоме, снова арестован и сидит у нас, я его сегодня видел, затем другой черный такой грузин, который был у вас, тоже арестован и сидит в одиночном заключении у нас. Ну больше не хочу отвлекать вас посторонними вещами. Что представляет из себя этот концлагерь я вам сказать не могу, потому что сам не знаю. На этом заканчиваю свое послание по приказанию Фомы. Извините пожалуйста, что плохо написал, это все из-за отсутствия света и стола. И еще я хотел попросить вас об одном. Если получите какую-нибудь весть от Фомы то прошу убедительно сообщить мне, если я еще буду на-

ходиться тут, через того же человека. А от меня передайте горячий привет и наилучших пожеланий.

Остаюсь жив и здоров, чего и вам всем желаю.

Многоуважающий вас всех и Фому
Николай

1. Неизвестно, кто был автором сохранных в семье этой и следующих трех писем и записок: входили ли они в антифашистскую организацию, членом которой состоял Фома (Дмитрий) Тимофеев-Ресовский, или были лишь его товарищами по тюремной камере в гестапо. Елена Александровна поддерживала с этими людьми связь и помогала, по-видимому, и после того, как Фому отправили в Маутхаузен.

Фоменков — Е. А. Тимофеевой-Ресовской

Берлин

6.XII.44

Добрый день! Здравствуйте, сердечно благодарю за передачу получил табак, хлеб, масло. Большое спасибо. Изменения в жизни пока нет. Что решат господа неизвестно. Наручники до сих пор не сняли. Передайте Фомке сердечный привет... Сергею... остаюсь пока жив и здоров. Желаю вам во всем успехов. Андрею в учебе, без трудностей ничего не дается.

Сердечно благодарю за передачу. Желаю успехов во всем пока до свидания. Пишу ночью при лунном свете после тревоги передайте пожалуйста иголку.

Фомен[ков] (или Ромен[ков])

Александр — Е. А. Тимофеевой-Ресовской

Берлин

6.XII.44

Добрый день

Сердечно благодарю за ваши услуги все получил масло хлеб табак. Передайте Фомке привет. Остаюсь жив и здоров. Сижку все закованный. Изменен[ий] нет.

Пока до свидания ... /неразборчиво/

Александр

Неизвестный француз — Дмитрию Тимофееву-Ресовскому¹

Берлин

17 октября 1943 г.

Мой дорогой друг Дмитрий!

Я не хочу покидать Берлин, не сказав тебе прощай. Именно потому, что мы провели вместе долгие недели, самое грустное время нашей жизни, самое грустное потому, что нам не хватало свободы, а только свобода может сделать человека счастливым. Это судьба, что я выхожу отсюда первым, но уверяю тебя, мой дорогой, что я предпочел бы видеть тебя выходящим раньше.

Прощаясь с тобой, дорогой Дмитрий, хочу сказать, что для меня ты — один из тех редких людей, для которых чувство дружбы не исчезает никогда. Ты проявил по отношению ко мне и по отношению к другим товарищам чувство необычайной ценности, чувство великое и совершенное — чувство товарищества. Случай помог мне узнать в тебе не просто молодого человека, но человека зрелого, характер исключительный и чувства необычайно тонкие. Дорогой Дмитрий, сохрани эти качества на всю жизнь и благодари провидение, которое дало тебе родителей, чье совершенство и вырастило те качества твоего характера, о которых я говорил.

Не нужно просить тебя оставаться верным себе и дальше, человек, склад ума и души которого сформировался, как у тебя, никогда себе не изменит. Живи, мой друг, для будущего. Ты выйдешь однажды, война закончится, и придет новая эра. И тогда мы сможем возобновить наши контакты и даже, может быть, увидеться. С огромной радостью я приму первые известия от тебя, с огромным нетерпением буду ждать возможности увидеться с тобой в других обстоятельствах.

Всю мою жизнь я буду вспоминать грустные вечера, которые мы просиживали вдвоем на краю окна в нашей камере и, любясь звездами, строили планы, думали о будущем, мечтали о свободе. У нас были моменты уныния, но надежда не покидала нас никогда.

Бесполезно добавлять, что наш друг Петров представляется мне тоже существом, которое я никогда не забуду. Это человек высокой доблести духа, и характер у него такой, как нужно.

Завтра я возвращаюсь в Салоники, чтобы взяться за работу. Я необыкновенно рад возможности поехать туда. Нора меня, конечно, ждет. Без специального позволения секретной полиции я не могу вернуться в Швейцарию. Это не так уж меня расстраивает, хотя моя жена и хотела бы меня видеть. Ты знаешь, что Греция стала моей второй родиной, и невозможность поехать туда была бы для меня страданием.

Прощай, мой дорогой друг! Я снова тысячу раз благодарю тебя за все. Будущее покажет тебе всю меру моей признательности. Мои наилучшие пожелания тебе в случае, если ты скоро вернешься домой, в противном случае я желаю тебе мужества, много мужества, чтобы выдержать тюремные страдания.

Дружески обнимаю тебя.

1. Письмо дается в переводе с французского.

Дмитрий Тимофеев-Ресовский — родителям¹

Маутхаузен

8.XII.44

Дорогие родители и брат, я здоров и в общем у меня все нормально. Письмо от 6.9 я получил уже 13.9 и благодарен вам за него. Посылку я еще не получил, но посылка, отправленная вами 25.IX, мною получена, и спасибо вам за ее содержание. Я часто думаю о вас и посылаю вам сердечный привет.

Ваш сын

Дмитрий Тимофеев

Концлагерь Маутхаузен, Обердонау

Переписка заключенных требует выполнения следующих правил:

1. Каждый заключенный может получить от родственников и отправить им 2 письма или 2 открытки в конверте в месяц. Письма заключенных из 15 строк на одной стороне листа должны быть написаны разборчиво чернилами. Разрешается использовать только сложенный лист нормальной величины. Конверт должен быть чистым. К письму могут быть приложены только 5 почтовых марок по 12 рейхспфеннигов. Все дру-

Abreder:

Name: Family, Tineciff
 geboren am 14. IX 1923
 Strasse 807111
 Stadt _____

Brief 5


Konzentrationslager Mauthausen
(122) Oberdonau

Folgende Anordnungen sind beim Schriftverkehr mit Gefangenen zu beachten:

1. Jeder Strafgefangene darf im Monat zwei Briefe oder zwei Karten von seinen Angehörigen empfangen und an sie absenden. Die Briefe an die Gefangenen müssen gut lesbar mit Tinte geschrieben sein und dürfen nur 15 Zeilen auf einer Seite enthalten. Gestattet ist nur ein Briefbogen normaler Größe. Briefumschläge müssen ungefürt sein. In einem Briefe dürfen nur 5 Briefmarken à 2 Rpf. beigelegt werden. Alles andere ist verboten und unterliegt der Beschlagnahme. Postkarten haben 10 Zeilen. Lichtbilder dürfen als Postkarten nicht verwendet werden.
2. Geldsendungen sind gestattet, doch ist dabei genau Name und Vorname, Geburtsdatum, Häftlingsblock und Stube anzugeben.
3. ~~Postkarten~~ Postkarten sind gestattet, Briefmarken nur dann, wenn sie durch die Postverwaltung bestellt werden.
4. Lebensmitteleinkäufe sind gestattet. Außer einem ~~Lebensmittel~~ Lebensmittel sind Besuche verboten und werden beschlagnahmt.
5. Entlassungsgesuche aus der Schutzhaft an die Lagerleitung sind zwecklos.
6. Sprecheraufbau und Besuche von Gefangenen im Konzentrations-Lager sind grundsätzlich nicht gestattet.

Alle Post, die diesen Anforderungen nicht entspricht, wird vernichtet.

Der Lagerinspektor:



1

Бланк-открытка, предназначавшаяся для переписки заключенных в Маутхаузене. На одной ее стороне — правила переписки, на обороте — штамп с фамилией, личным номером, датой рождения и номером барака заключенного.

Mauthausen, den ✓

Liebe Eltern und Brüder
 ich bin gesund und es
 geht mir auch immer
 normal. Ein Brief
 vom 6.9 habe ich bereits
 am 13.9 erhalten und
 danke euch dafür. Das
 Paket habe ich auch nicht
 bekommen, bekam aber am
 15.11 dass es euch ein wenig
 angenehmes Paket mit einem Dank
 für die Güte war. Ich denke
 oft an euch und mit viele
 herzliche Grüße von eurem Sohn
 Dmitrij Timofeeff

Name der Sendung: _____
 Bestimmung des Empfängers: _____

Письмо Фомы (Дмитрия) Тимофеева-Ресовского из Маутхаузена на обратной стороне лагерного бланка

гие вложения запрещены и подлежат конфискации. Почтовые открытки должны содержать 10 строк. Нельзя использовать в качестве открыток фотографии.

2. Разрешены денежные переводы, но при этом необходимо указать полное имя, дату рождения, лагерный блок и камеру.

3. Пункт 3 неразборчив из-за штампа лагеря.

4. Разрешены продовольственные посылки..., другие вложения запрещены и будут конфискованы.

5. Всякие обращения к начальству лагеря с просьбами об освобождении не имеют смысла.

6. Абсолютно недопустимы переговоры и посещения заключенных в концлагере.

7. Вся почта, не соответствующая этим правилам, будет уничтожаться.

Комендант лагеря
(Перевод Л. А. Певницкого)

1. Это единственная сохранившаяся записка Фомы из лагеря. Она написана по-немецки на лагерном бланке, на котором есть еще список правил для заключенных (его перевод приведен после текста записки), печать, а также штамп с фамилией, датой рождения и номером 82744 рядом с фамилией.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — Е. А. Тимофеевой-Ресовской¹
Касли — Берлин-Бух

19.VI.47

Дорогая, милая моя Лёлочка!

Как Ты поживаешь, как Андрюша, слышала ли что-нибудь о Фомочке? Как вы все пережили эту суровую зиму?

Лёлочка, я жду Тебя сюда! После ряда перипетий, я теперь живу как в раю, в чудесной местности, на берегу изумительного озера (полного рыбы), в прекрасном доме, с милыми людьми. Тут организуем большой институт, в кот[ором] будем вести научную работу приблизительно в тех же направлениях, как и в Бухе (только в значительно большем масштабе). Тут помаленьку собирается у меня и часть нашей буховской компании. Для Тебя уже готово место научной сотрудницы, а для Андрюши— лаборанта-физика. Собирайтесь скорее! Я очень стосковался по Тебе и сынам! Помещение института великолепное и просторное и

19/VI 47.

† оран, милая моя Лёночка!
 Как Ты похорошела, как
 Андриана, слышала - ли это - не -
 было в Германии? Как вы
 все пережили эту ужасную зим -
 ну?

Лёночка, я жду тебя сло -
 за! Томе рада пережить, а
 тогда живу как в раю, в
 саду счастливости, на берегу
 изумительного озера (полюс
 радости), в шрак раски дома,
 с любимыми людьми. Тут
 организация больницы Инойды

Первое после полутора лет разлуки письмо Н.В.Тимофеева-Ресовского родным в Германию из Сунгуля.

находится, как и в Бухе, почти рядом с жилым домом. Вокруг изумительные леса — действительно, прямо рай!

С нашим сотрудником, кот[орый] передаст Тебе это письмо, пришли мне, пожалуйста, мои трубки, самопишущее перо, белье и костюмы, а также переплетенные и непереплетенные оттиски наших работ. Пожалуйста, расскажи ему также, что знаешь, о судьбе нашего лабораторного оборудования и библиотеки. Когда поедешь сюда — захватывай все, особенно мою библиотеку, материалы, бумаги, все, что было в подвале торхауза и в моей лаборатории. Вези также все пальто, платья, белье и т.д.

Учится ли Андрей в университете? Как поживают все обитатели торхауза? В Бухе ли Роман Романович²?

Передай, пожалуйста, мои сердечные приветы всем друзьям и знакомым, если увидишь, то и Пэтау³.

Крепко целую Тебя, милая моя Лёлочка!

Поцелуй от меня Андрюшу. Жду вас с нетерпением сюда!

Любящий тебя

Твой

Н. Тимофеев-Ресовский

Р. S. Напиши мне письмецо и передай с нашим сотрудником!

1. Это первое после полуторагодовой разлуки (тюрьмы, пересылок, лагеря) письмо уже из Сунгуля — объекта 1215, почтовый адрес: г. Касли, Челябинская область, п/я 33/6 (см. прим. к с. 362).

2. Роман Романович — Роберт Ромпе — немецкий биофизик, соавтор Н. В. и друг семьи. В годы войны активный антифашист и участник сопротивления.

3. Пэтау — немецкий генетик, работал в Берлин-Далеме, сотрудничал с Н. В. и входил в буховский круг его друзей.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Реформатскому¹

Касли — Москва

10. I. 54

Дорогой Шурка!

Вот уже 27 лет², как ты *от* меня вестей не получал, хотя, быть может, *обо* мне к тебе слухи и доходили. Ныне же седьмой год все собираюсь написать, да по известной тебе «неписьменности» моей до сих пор никак не мог раскататься.

Привет старейшему и, по-прежнему, дражайшему другу!

О нашей жизни (живем превосходно!) расспроси Нину³; а о своей напиши и Нине расскажи поподробнее. Я по-прежнему увлечен науками, а также множеством всяких других вещей (географией, историей животных, солеными, а особенно копчеными рыбками, водками разных сортов, историей отечественного естествознания и т.д.).

Посылаю тебе, *in memoriam*⁴, книжицу свою *in bellissima lingua italiana*⁵. Пришли, если сможешь, свою «Филологию»⁶: ее у меня нет.

Живы ли Залогинь?⁷ Если да, то — целую Егора и целую ручку Минечке. Кто еще существует из старой компании нашей?

Надеюсь когда-нибудь увидеться. Жаль, что не могу пригласить тебя сюда (Нина скажет — почему); поохотились бы! Глухарей тут чуть-что не за хвост ловить можно, а зайцев даже Андрей (не охотник, а шляпа и спортсмен!) стреляет.

Приветствуй всех, кто еще помнит меня! Крепко обнимаю тебя, целую ручку Наде⁸. Не забывайте и пишите — вы ведь филологи, следовательно люди «письменные».

Твой Н. Тимофеев

1. Александр Александрович Реформатский (1900–1978) — лингвист, преподаватель московских вузов, автор классического учебника «Введение в языковедение» и трудов по проблемам языкознания, один из создателей московской филологической школы. Близкий друг Н.В. с гимназических лет.

2. На самом деле прошло 29 лет, как правильно пишет в следующем письме Е.А.

3. Нина — Нина Алексеевна Тимофеева (р. 1927) — невестка Тимофеевых-Ресовских, жена сына Андрея, в 1954 г. приезжала в Москву. Подробнее о ее поездке см. в очерке М.А. Реформатской.

4. *in memoriam* (лат.) — на память.

5. *in bellissima lingua italiana (ital.)* — на прекраснейшем итальянском языке. Речь идет о книге: *Timofeeff-Ressovsky N.W. Mutabilità sperimentale in genetica. Milano. 1939.* На книге надпись: «A suo caro amico, illustrissime professore Alessandro Reformatsky, con mille grazie e saluti dell'autore. 10/1.54» (Несколько неточный итальянский текст переводится так: «Моему дорогому другу, глубокоуважаемому профессору Александру Реформатскому, с тысячью благодарностей и приветам от автора».)

6. Имеется в виду книга А.А. Реформатского «Введение в языковедение», подробнее о ней см. в прим. к письму от 28.IV.54.

7. Залогинь — Георгий (Егор или Юра) и Минечка (Маргарита), друзья Тимофеевых с гимназических лет.

8. Надежда Васильевна Реформатская (1901–1985) — жена А. А. Реформатского, друг Тимофеевых-Ресовских. Она, как и Е. А., была ученицей Алфёровской гимназии; их старшие сестры дружили, учились вместе на Высших женских курсах, работали в одном санитарном поезде в первую мировую войну.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. В. Реформатской
Касли — Москва

22.III.54

Дорогая Надя, ты, наверное, очень удивишься, прочитавши подпись на этом письме. Да — это я и Колюша Тимофеевы-Ресовские. Ты ничего не слышала об нас 29 лет. С 1947 года мы живем здесь. Все эти 7 лет я собиралась тебе написать и все не решалась. Не знаю, захочешь ли ты нам ответить. Но если бы ты знала, как мы хотели бы получить от вас хотя бы несколько слов. Как вы живете, как Шура? Что вы поделываете, есть ли у вас дети? Мы живем здесь — все вместе — я, Колюша и наш младший сын Андрей. О старшем я тебе когда-нибудь напишу. Но за все эти годы нам ничего не удалось узнать о моих родных. Мне почему-то кажется, что ты или твоя сестра возможно знают что-нибудь о моей сестре Шуре. Надя, если ты только могла бы сообщить мне, где моя сестра или если она умерла — где ее дети¹.

Здесь мы живем очень хорошо, много работаем, Андрей кончил в этом году университет (физик) и женился. У нас отдельный домик из 5-ти комнат. Единственно, что нас огорчает — это, что мы никак не можем восстановить связь с нашими друзьями и родными. Еще раз, дорогая Надя — прошу тебя — ответь мне, хотя бы совсем коротко.

Адрес наш: г. Касли, Челябинской области п/я 33/6.
Е. А. Тимофеева-Ресовская.

Колюша просит передать вам обоим сердечный привет.

Твоя Леля

1. О семье Е. А. см. в очерке М. А. Реформатской.

Тимофеевы-Ресовские — Реформатским
Касли — Москва

4.IV.54

Дорогие Надя и Шура, вы не можете себе представить, как вы нас обрадовали своим письмом. Я была на работе, а Колюша дома (он сейчас взял себе неделю отпуска), когда пришло письмо. Колюша сейчас же мне позвонил и я еле досидела до 6 часов. Придя домой, мы читали его несколько раз, собравшись всей семьей, затем оно было прочитано еще раз у наших друзей.

Эти 7 лет мы были совершенно оторваны от наших друзей и родных. Единственно, кому мы дали знать, что мы снова на родине — это Вере — Колюшиной сестре, но она не очень захотела нас знать. Недавно Нина (жена Андрея) была в Москве и заходила к ней, но она ее так приняла, что лучше об этом не рассказывать¹. После этого, хотя у Нины было для вас письмо — она просто не решилась к вам звонить. Это, конечно, очень жаль, т. к. Нина могла бы вам больше рассказать, чем мы можем написать. Теперь вы понимаете, как особенно радостно было для нас ваше письмо — первое с большой земли от наших друзей. Колюше пришлось пережить 2 очень тяжелых года (1945—1947), он был очень тяжело болен — после чего потерял центральное зрение — он все видит, но читать совсем не мог. Но за эти годы он научился читать с лупой. Конечно, очень медленно. Так что я превратилась теперь в чтицу — каждый вечер с 7 вечера до 12—1 часа читаю ему вслух и научную литературу, и беллетристику, и даже детективные романы на английском языке, которые я прежде терпеть не могла. Кроме того, у Колюши обнаружился камень в почке, который иногда его очень мучает припадками, но вырезать его он не хочет. Правда, сейчас припадки стали реже (последний был 7 месяцев назад). Зато я в смысле здоровья процветаю — совсем не болею, только здорово пополнила и стала гораздо более веселой, чем была прежде. Сын у нас — малый хороший, внешне, пожалуй, взял все лучшее от меня и Колюши — высокий, стройный и на лицо красовитый, характер только пожалуй слишком спокойный. Вот старший Фома был весь в Колюшу — очень бедовый — ну вот из-за его увлечений и легко-

мыслия и попал в гестапо. Он ведь попал в концентрационный лагерь (в 1943 г.) за свои левые убеждения. Первое время мы с ним переписывались, посылали посылки, а потом перестал писать — не знаю, м[ожет] б[ыть] он погиб там, а м[ожет] б[ыть] попал в Россию; но тут все наши поиски оказались тщетными. Мы все трое имеем паспорта и единственное освобождение для нас — это выезд отсюда. Но все на свете изменчиво и м[ожет] б[ыть] и это изменится. Кроме того, Колюша может быть сможет получить командировку. Если получит — то очень скоро, в конце апреля. Но это тоже еще неизвестно. А как бы нам хотелось попасть в Москву — повидать всех и сходить в театр. Ведь здесь ничего, кроме кино, нет. Но зато по кино мы теперь великие специалисты, бываем 2-3 раза в неделю. Главное же наше занятие, пожалуй, работа и чтение. Но ведь это тоже не плохо — сколько мы перечитали замечательных книг! Еще раз спасибо за письмо, за память и любовь. Очень, очень тронули нас. Ждем еще писем. <...>

Любящая вас Леля Тимофеева-Ресовская

Крепко обнимаю и целую!

Прилагаю свое первое (не переданное Ниной) письмо².

На днях вышлю свою книжку, а ты, пожалуйста, пришли свою. До осени я не приеду. Скоро напишу поподробнее.

Страсть был рад твоему письму!

Н. Тимофеев

1. Об этом см. в очерке М.А.Реформатской.

2. Имеется в виду письмо от 10.I.54.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Реформатскому

Касли — Москва

24.IV.54

Дорогой Шурка!

При сем — материалы для иллюстрированной биографии (или некролога). Посылаю их с нашими друзьями, соседями и сослуживцами — Сергеем Александровичем и Елизаветой Александровной Вознесенскими¹. Они расскажут тебе и о нашем здешнем житье. Андреева жена Нина, вероятно, в мае-июне

пойдет в отпуск; хочу послать ее в Москву, чтобы зашла к тебе и за меня всласть наговорила (предварительно).

Обнимаю и целую всех вас!

Н. Тимофеев

Прилагаю открытку Егору [Залогину].

1. Сергей Александрович Вознесенский (1892—1958) — химик, до ареста руководил лабораторией очистки воды в институте «Водгео». В 1941 г. репрессирован, с 1947 г. возглавлял радиохимический отдел и водную лабораторию на объекте 0215. Автор нескольких монографий и учебников. В 1949 г. был досрочно освобожден, но полностью реабилитирован только в мае 1953 г. Елизавета Александровна (1896—1986) — его жена. В 1957 г. Вознесенские переехали в Москву.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Реформатскому

Касли — Москва

24.IV.54

Друже!

Только что прочел твое второе письмо, из коего узнал о том, что Ив[ан] Ал[ександрович] Витвер¹ живет с вами. Помнит ли он меня, многогрешного? Я же часто вспоминаю его, наши кружки, «Сикамбр» и то время, когда мы собирались коллективно под его высоким музыкальным руководством сочинять оперу «Мельхиседек».

Я затем урывками следил за его превращением из музыканта в географа (география ведь одна из моих «пассий»). Собирался в следующем письме спросить тебя о нем: а он — и вот он!

Кланяйся Ивану Александровичу и приветствуй его от «полуколлеги». Буду рад, если он черкнет о себе. Я внимательно слежу по литературе за их дискуссиями о «предмете географии», «ландшафте» и т. д. (выписываю «Вопросы географии» и «Землеведение»). Пиши! Целую!

Н. Тимофеев

А ведь наш Ал[ександр] Серг[евич] Барков² еще жив!

1. Иван Александрович Витвер (1891—1966) с весны 1938 года жил в одной квартире с Реформатскими.

2. Александр Сергеевич Барков (1873–1953), директор и преподаватель географии в гимназии Флёрова, к моменту написания письма уже скончался. В последние годы был профессором МГУ и Педагогического института им. Ленина.

Тимофеевы — Реформатским

Касли — Москва

25.IV.54

Дорогие Надя и Шура!

Большое спасибо за письмо. Для нас это целый праздник. Как бы хотелось повидаться и многое рассказать друг другу. Напишите нам адрес Залоговых— мы, конечно, забыли номер их дома. Может быть, они знают что-либо о Лиле Балкашиной¹.

Очень надеюсь, что вы как-нибудь узнаете о моей сестре Шуре или ее детях. Жду с нетерпением дальнейших писем. Хорошо, если вы сумеете повидаться с С. А. Вознесенским— он вам многое сможет рассказать о нас. Целую вас. Ждем писем.

Ваша Е. Тимофеева


Христос Воскресе!

Только что презрительно разговелись, зело обильной трапезой и соответственной выпивкой (а лучше всего — московская белая головка).

Обнимаю

Н. Тимофеев

1. Елизавета Ивановна (Лиля) Балкашина — биолог, друг Тимофеевых-Ресовских со студенческих лет и времени работы у Н. К. Кольцова и С. С. Четверикова.


 ISTITUTO ZOOLOGICO
 "LAZZARO SPALLANZANI"
 R. UNIVERSITÀ - PAVIA
 (ITALIA)

← 1939-40. Период. обл., 2. Краем
 н.п. 33/6.
 28/10 54

Дорогой Шура!
 Поздравляю вас и вашу семью
 — счастливцы! Ты улетел —
 а об этом узнал в 1978 г. по рас-
 четным результатам и оценок.
 Кроме того, тебе, наверняка не
 известно, что ты, будучи студентом
 факультета «Конкурирование» и
 «областного» туземным студентом
 зачислился (фактически и «литер-
 туристом»). Ты использовал это
 во время «декрета» в библиотеке
 дяди Бориса, а потом при-
 отавил ко мне за распиской —
 твоя, Шура, и твоя, твоя
 — и как теперь быть — даже

Письмо Н. В. Тимофеева-Ресовского А. А. Реформатскому, на-
 писанное на сохранившемся у него бланке университета г. Па-
 вии (Италия)

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Реформатскому
Касли — Москва

ISTITUTO ZOOLOGICO
«LAZZARO SPALLANZANI» ← 1939–40
R. UNIVERSITÀ — PAVIA
(PALAZZO BOTTA)

Челяб. обл., г. Касли
п./я. 33/6.

28.IV.54

Дорогой Шурка!

Позавчера получил твою книжку — спасибоще! Ты угадал — я об ней узнал в 1948 г. по ругательным рецензиям и оценил¹. Кроме того, мне, ни разу ее не видевши, пришлось несколько раз давать «консультации» и «объяснения» туземным студентам-заочникам (филологам и «литературщикам»); они пользовались ею во время «сессий» в библиотеках, делали выписки, а потом приставали ко мне за разъяснениями. Ну, я и плел, что мог — и как теперь вижу — даже довольно «впопад».

Последние два дня, по случаю Пасхи, у нас тут была презрядная «синекдоха» (ор. cit. стр. 31: «пить — в значении умеренно употреблять спиртные напитки»)²; то же предстоит, по-видимому, в конце недели, по случаю 1-го мая. Погода гнусная, я малость «простыл», хриплю и соплю пущаю, а посему нынче не пошел в лабораторию, сижу дома и с удовольствием читаю твою книжку; вспоминаю при сем словопрения с покойным Ник[олаем] Серг[еевичем] Трубецким³ о «фонологии» и о «фонологическо-географических» подразделениях Евразии.

Повидался с Вознесенскими?

Крепко целую и обнимаю всех вас!

Твой Н. Тимофеев

1. Н. В. говорит о присланной ему книге А. А. Реформатского «Введение в языковедение» (М., 1947). В 1948 г. была развернута травля лингвистов, отказавшихся принять официально поддерживаемое тогда «новое учение» о языке академика Н. Я. Марра. Их обвиняли в отступлении от марксистских основ филологической науки, в формализме и космополитизме. Предметом резких нападок критики стала и книга Реформатского.

2. Синекдоха (от греч. *synekdochē* — соподраумевание) — прием переноса на слово большего (или меньшего) значения, чем это имеет место в обычном его употреблении. Н. В. шутиливо обыгрывает приведенный в книге пример синекдохы.

3. Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) — русский лингвист, философ, культуролог, один из идеологов евразийского движения. С конца 1919 г. в эмиграции. Ему принадлежит главная роль в создании новой лингвистической дисциплины «фонологии» — учения о звуковых закономерностях языка. В своих фонологических исследованиях Трубецкой стремился выявить языковую общность у народов, занимающих определенную географическую территорию. Итоговым его трудом стала книга «Основы фонологии», изданная посмертно на немецком языке в 1939 г., в русском переводе в 1960 г. и в 2000 г. с обширным послесловием Реформатского.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Реформатскому

Касли — Москва

30.V.54

Дорогой Шурка!

Как твой колит? Все О. К.¹? Очень мы рады были получить фотографии и письма через Вознесенских. Посылаю два некролога², кот[орые] тебе, может быть, будут небезынтересны. На днях ел косатого, запивал соответственно и тебя поминал.

Крепко всех обнимаю!

Твой Н. Тимофеев

1. О'кей.

2. Первый некролог о Н. С. Трубецком (*Timofeeff-Ressovsky N. W. N. S. Trubetzkoj Nachruf // Archiv für vergleichende Phonetik II. 1938. S. 60–61*). Второй — о Н. К. Кольцове (*Timofeeff-Ressovsky N. W. N. K. Koltzoff. Nachruf // Die Naturwissenschaften. 1941. Bd. 29. № 9. S. 121–124*). В русском переводе см.: О биологии и филологии // Человек. 2000. № 3. С. 158–171.

Тимофеевы-Ресовские — Реформатским

Касли — Москва

10.VII.54

Дорогой Шурка!

Что с тобой? Здоров ли ты? Получил ли 2 мои статейки¹ (о Кольцове и о Трубецком?)

У нас тут жарыща ужасная, после холодной весны. Но можно хоть 10 раз в день купаться.

Крепко всех вас обнимаю и целую.

Твой Н. Тимофеев

Дорогие Надя и Шура,
отчего от вас нет писем, уже 2 месяца. Очень беспокоимся. Напишите, хотя бы открытку. Может быть, у вас вышла какая-нибудь неприятность в связи с нашей перепиской? Расскажите об этом Серг[ею] Ал[ександровичу] или Ел[изавете] Ал[ександровне Вознесенским].

Целую вас крепко.

Очень ждем известий.

Е. Т. Р.

Не видели ли Д. Н. Курсанова²? Напишите все откровенно. Я вам писала, получили ли вы?

Не узнали ли, где мои сестра и брат?

1. Имеются в виду два некролога, см. предыдущее письмо.

2. Дмитрий Николаевич Курсанов (1899–1983) — химик, чл.-корр. АН СССР (с 1953). Друг молодости Е.А.

Тимофеевы-Ресовские — Реформатским
Касли — Москва

1.VIII.54

Дорогая Надя, ты не можешь себе представить, как мы обрадовались, получивши от вас книгу о Петрове В.Р.¹ Значит вы живы и здоровы и ничего не случилось. Ведь вы молчали почти 3 месяца. На другой день после книги пришла открытка от С.А.[Вознесенского] — он пишет, что вы оба очень перегружены работой и наверное поэтому молчите. Я все ждала и продолжаю ждать известий о своей сестре Шуре — тебе ничего не удалось узнать? Если с ней что плохо или она умерла — ты мне тоже напиши. <...> Надя, поверь — лучше знать правду и ни на что не надеяться, чем быть в неуверенности.

У нас все по-старому. Без В[ознесенских] стало мне скучно. Единственное развлечение — это кино, чтение, да еще наша чудная собачушка Мышка. <...> Наша молодежь, Андрей и Нина, купили себе мотор на лодку и каждый день катаются, ездят за грибами и удят рыбу. Андрею я подарила ружье и с 5.VIII он начнет ходить на охоту. А вы в этом году куда в отпуск? И когда?

Крепко целую. Привет Шуре и дочке².

Твоя Леля

Колюша еще сам хочет написать.

10.VIII.54

Дорогие Шурка и Надя!

Громадное спасибо! Наслаждаюсь книгой о Вас[илии] Род[ио-
новиче] и, особенно, воспоминанием о нем и наших с ним ув-
лечениях. У нас тут, как всегда, чудесно. Работы много. Креп-
ко целую!

Н. Тимофеев

1. Василий Родионович Петров (1875–1937) — певец, бас Большого театра. Книга называлась: *В. Р. Петров* Сборник статей и материалов. М., 1953.

2. Дочь Реформатских Маша — Мария Александровна Реформатская (р. 1938) — ныне искусствовед, преподаватель МГУ, автор работ по искусству Древней Руси и очерков из истории жизни московской интеллигенции первой половины XX века.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Реформатским

Касли — Москва

19.IX.54

Дорогие Надя и Шура!

Очень давно от вас ничего не получали. Как вы живы? Я вам писала в ответ на присланную вами книгу.

У нас произошло совершенно невероятное событие: на днях мы узнали, что нас переводят отсюда со всей лабораторией в филиал Академии наук. Причем довольно скоро: переезд должен произойти до 1-го января. Правда пока точно еще ничего неизвестно: куда — возможно в Новосибирск, м[ожет] б[ыть] в Свердловск, а м[ожет] б[ыть] еще куда-нибудь, но пока что во всяком случае не в Москву. Ссылку с нас, по-видимому, снимут и тогда мы будем совершенно свободные граждане и сможем приехать вас навестить. Дело о полной реабилитации начато и возможно выйдет — тогда мы будем совершенно счастливы!! Но об этом пока рано говорить. Удастся ли сохранить всю лабораторию, еще неизвестно. Но вся наша семья и еще пара людей поедут во всяком случае вместе. Колюша совершенно преобразился. Для него, конечно, будут открыты боль-

шие возможности. Ну вот, пока больше ни о чем не могу писать. <...>

Целую вас крепко. Напишите адрес Лили [Балкашиной].
Ваша Леля Тимофеева-Ресовская

Тимофеевы-Ресовские — Реформатским
Касли — Москва

13.X.54

Дорогая Надя, пишу тебе с Серг[еем] Ал[ександровичем] Вознесенским], который едет в Москву. Хорошо, если вы повидаетесь с ним. Хотя в сущности ничего нового он не сможет рассказать. Положение наше совершенно неопределенное. Ясно только, что здесь мы не останемся. Но когда и куда!? Свердловск, пожалуй, уже отпал — значит остается: Новосибирск, Алма-Ата или Фрунзе. Вот было бы замечательно, если бы и вы тоже переехали. Или вам не хочется? Шура написал как-то неопределенно. Выяснилось ли что-нибудь у вас? Напиши с Серг[еем] Ал[ександровичем]. Он пробудет в Москве, наверное, только неделю. Они ведь тоже отсюда уезжают. Интересно, был ли у вас второй раз Ник[олай] Викт[орович]¹. Как он вам понравился? Он на редкость талантливый человек и хороший работник. Жена его тоже у нас работает. Беда только, что у них двое совсем маленьких детей — одному 1 г. 7 мес., а другому 5 месяцев. Очень с ними трудно.

Мы живем теперь еще скучнее, а главное нервирует и беспокоит будущее. Если все так будет, как обещают — тогда хорошо. При переводе и работой будем все обеспечены и подъемные дадут. У Колюши почка что-то присмирела — 13 месяцев не было припадков. Но вообще он чувствует себя не очень хорошо — никак не могу прогнать его в отпуск, весь год совсем не отдыхал. Ну, всего хорошего. Напишите обязательно. Целую вас всех крепко. Колюша, наверное, еще припишет. <...>

Леля

13.X.54

Дорогие Надя и Шурка!

Все собираюсь написать «всерьез» — и никак не соберусь. Да и жду все еще — когда окончательно выяснится наша дальнейшая судьба. Пока ясно лишь то, что в ближайшем будущем попадем мы в один из филиалов «де сиянс», а куда и когда — неизвестно. Крепко целую. Привет и сплошной бонжур!

Н. Тимофеев

1. Николай Викторович Лучник — биолог, биофизик, генетик, цитогенетик, сотрудник лаборатории Н.В. Занимался исследованиями в области динамики смертности облученных животных, пострадиационного восстановления клеток, генетического кода и др. Работал с Н.В. в Сунгуле и Свердловске. В Обнинске возглавлял самостоятельную лабораторию.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. В. Реформатской

Касли — Москва

24.XI.54

Дорогая Надя! Очень скучаем без ваших писем. Давно ничего не было от вас. Как живешь, что поделываешь? О наших будущих переменах вы слышали от Ник[олая] Викт[оровича] Лучника]. К сожалению Серг[ей] Ал[ександрович] Вознесенский] не успел к вам заехать, ведь он был в Москве только несколько дней. Последнее время у нас полное затишье — ничего не знаем, что с нами будет. Единственно, что наверняка, это что мы уедем отсюда. Но когда и куда? Говорят что-то о Свердловске. Это, пожалуй, лучше Новосибирска — все же поближе к Москве. Да и климат в Новосибирске уж очень морозный. А что у вас: нет ли или не ожидается каких-нибудь перемен? Что-то Шура писал о возможном переводе. Серг[ей] Ал[ександрович] и Ел[изавета] Ал[ександровна] Вознесенские] пока тут, но тоже должны уехать, наверное, в Москву, но тоже неизвестно когда.

Тут мы живем, вообще говоря, замечательно — ведь у нас отдельный домик из 5 комнат с ванной и центральным отоплением, 5 мин ходьбы от работы. Обедаем мы дома, но берем обед в столовой. Три раза в неделю ко мне приходит женщина и убирает всю квартиру. Так что хозяйственных дел у меня никаких. Природа здесь изумительная, но ведь уже 7½ лет я не

была в концерте — я часто даже во сне вижу, как я вхожу в большой концертный зал и у рояля сидит Рихтер. Нет, этого я даже не могу себе представить! Такого счастья!! Очень, очень тут тоскливо, и даже я со своим веселым характером иногда прихожу в уныние, а Колюша последнее время в невозможном состоянии. Минуты посидеть не может, хватается за книгу. Я ему читаю очень много, иногда вечером 4-5 часов. Больше у меня язык не ворочается. Он научился читать с лупой. Но это ему вредно, у него всегда разбалывается голова. Скорее бы решалось дело с отъездом — тогда бы у него настроение переменялось. Напиши, Надя, хотя бы коротенькое письмо. <...>

Между прочим, на днях я получила письмо от своей племянницы (дочь моей сестры Наташи). Я с большим трудом нашла ее адрес. Я храню это письмо, как пример грубости и неприличия. Оно написано без обращения и подписи. Пишет от лица всего ее поколения, что они не хотят меня знать. Пишет кратко, но ясно. Пишет, что моя сестра Шура и брат Борис умерли. Когда и как, не потрудились написать. Так что, пожалуйста, тебе не стоит наводить справки о моей сестре Шуре.

Как бы мне хотелось ее побранить, эту племянницу. Но не стоит мारаться. Я очень переживала это и сейчас не успокоилась. Так что теперь у меня никого нет¹!

Леля

1. К счастью, Е.А. ошиблась. Нашлась дочь сестры Шуры Таня (Татьяна Алексеевна Кисловская, 1926–1982), с которой Тимофеевых соединила глубокая родственная близость — они ей отчасти заменили погубленных родителей. А позже, благодаря чуткому сердцу и умиротворяющему характеру Е.А. сумела наладить добрые отношения и с вышеупомянутой родственницей.

Е.А. Тимофеева-Ресовская — Реформатским

Касли — Москва

29.XII.54

Дорогие Надя и Шура!!

Поздравляем вас с Новым Годом и желаем вам всего самого лучшего! Прежде всего, Шура, большое Вам спасибо за Ваше длинное письмо, мы его читали просто с наслаждением даже несколько раз, это целый рассказ или вернее поэма!! Я все это время пробовала заставить Колюшу Вам написать, но Вы знае-

те, это безнадежно — он совсем не писака. А последнее время пребывал в ужасных настроениях по поводу нашего неопределенного положения. Но вот вчера вдруг лед прорвался. Совершенно неожиданно из Свердловска приехали зам. председателя Уральской АН и директор биологического отдела АН и стали нас торговать. Они пробыли пару часов в лаборатории, потом вместе с нашим директором пришли к нам обедать. Тут уж я проявила все свои кулинарные способности (надо сказать, что их, этих способностей, у меня совсем нет, но мне помогала Нина — жена Андрея) и наготовила очень много: и пирожки с мясом, и кур жареных, и жаркое из дикой козы — ну и питье соответственно. Пообедавши, они забрали Ник[олая] Вл[адимировича] и уехали в Ильменский заповедник. Колюшу одного я не видела и за обедом узнала только, что квартира в 3 комнаты в Свердловске для нас уже есть, что они хотят сделать Колюшу заведующим биологической лабораторией и кроме того отдать ему и лабораторию в Ильменском заповеднике. По-видимому, жить мы будем в Свердловске — раз нам там приготовили квартиру. Они берут также всех сотрудников лаборатории, но для них квартир еще нет — поэтому возможно во всяком случае часть будет жить в заповеднике. Сегодня или завтра Колюша придет и тогда припишу вам более точные сведения. Пока что могу сказать, что для нас всех это идеал! Возможно, мы сможем так распланировать свою работу, чтобы лето жить в заповеднике, а зиму в Свердловске. Деревня мне лично и Андрею надоела ужасно. Свердловск я знаю — город грязный, но там есть неплохая опера и, главное, приезжают из Москвы даже Рихтер и кукольный театр — это то, что я мечтаю послушать и посмотреть. Кроме того, недалеко от Москвы. Мы уже мечтаем, что вы к нам очень скоро приедете в гости — на самолете ведь это 5-6 часов. Главное же еще, что сможем печатать свои работы. Для Андрея тоже Свердловск очень хорошо — ведь он там кончал, его там знают, у него есть связи, да и физики там очень хорошие. Ведь тут мы сидим уже восьмой год. Хватит! А в Ильменском заповеднике места изумительные.

30.XII.54

Вчера Колюша приехал, проездил три дня и в полном восторге. На самом берегу Бол[ьшого] Миасского озера стоит пустой дом (10 комнат) и пара пустых избушек — это и есть наша будущая биологическая станция. Зимой будем работать в Свердловске, а летом на озере. Я боюсь еще с уверенностью сказать, но, по-видимому, это вещь реальная. В среду Колюша еще поедет в Свердловск и там все осмотрит — помещение для лаборатории там есть, но пока нет жилплощади для сотрудников. Обещают найти. Наверное, после его поездки все окончательно решится и тогда начнем собираться. Отсюда переезд конечно очень прост — переедем на своих машинах. Только бы не возникло какого-нибудь препятствия. Для Андрея это просто замечательно, т.к. оказывается Колюше предоставляют в физическом отделе АН 2 комнаты и он посадит туда Андрея.

Я не могу себе даже представить — неужели мы сможем увидеться? Ведь вы оба приедете к нам в гости?

Ну вот, пока все, простите за безалаберное письмо. Как только будет что-либо более определенное, так напишу. Всего вам хорошего, привет дочке.

Ваша Леля Тимофеева

Колюша поздравляет и шлет тысячу приветов.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Реформатскому

Касли — Москва

15.II.55

Дорогой Шурка!

С недели на неделю откладываю письмо к тебе, т.к. вот уже три месяца, как со дня на день должно окончательно решиться — куда мы переедем. И все еще не решилось!

Вероятнее всего — в УФАН (в Свердловске), с биостанцией в Ильменском заповеднике. Комбинация сия меня весьма привлекает, хотя условия (как бытовые, так и лабораторные) весьма примитивны. Но все еще не выяснилось — окончательное ли это решение. Как только судьба наша окончательно определится — сразу же напишу о сроке переезда, а то-

гда — ждем вас всех в гости к нам! У меня для тебя рассказов, как у Шехерезады!

Пока крепко вас всех обнимаю и целую!

Твой Н. Тимофеев

Тимофеевы-Ресовские — Реформатским

Касли — Москва

26.III.55

Дорогие Надя и Шурка!

Ну, поздравляйте нас!!

Вчера 25.III.55 Колюша получил бумагу из Верховного Совета о полной реабилитации¹. Теперь мы все совершенно свободные и полноправные граждане! Ура!

Мы вчера от радости просто не знали, что делать! Сначала пили шампанское у Вознесенских, потом у себя дома водку. А сегодня завели гостей и устраиваем пир горой.

Ведь почти 8 лет мы не могли никуда двинуться. Жаловаться, конечно, нехорошо — денег нам платили много и домик у нас был замечательный, и относились к нам хорошо. Но... Теперь, конечно, Колюша сможет развернуться!

Приказа еще нет, но, по-видимому, комбинация с переводом нас и всей нашей лаборатории в Свердловск и Ильменский заповедник вполне реальна. М[ожет] б[ыть] и приказа не было, т.к. ждали реабилитации. Вообще говоря, и без реабилитации Колюша уже начал подготовку и перебазирование. <...>

Мы уже мечтали, как вы приедете к нам в гости в Свердловск. Но теперь, т.к. мы теперь можем ехать, куда хотим, я предполагаю дней на 10 съездить с Колюшей в Москву к вам в гости, если вы нас примете. Но это будет зависеть от того, как скоро нам переменят паспорта. Говорят, что это может продолжаться недели две. А сдать мы их сможем только на следующей неделе, т.к. Колюша в начале той недели должен поехать в Свердловск. Я считаю, что нам удобнее всего поехать до переезда, т.к. во-первых, у нас еще есть неиспользованный отпуск за 1954 год, кроме того, после переезда у нас будет масса работы, и кроме того, мы просто не можем здесь усидеть и хочется страшно повидать вас и посмотреть на Москву. <...>

Ну целуем вас крепко, все, все и ждем письма.

Ваша Леля Тим-Ресовская

Ну и дела! А на бумаге — печать огромная, с блюдце.

Надо бы повидаться! Обнимаю!

Н. Тимофеев

1. На самом деле тогда было получено лишь постановление о снятии судимости, а полностью реабилитирован Н.В. был только посмертно в 1992 г.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Реформатскому

Касли — Москва

9.IV.55

Дорогой Шурка!

Эту записку передаст тебе мой сотрудник и друг Дмитрий Иванович Семенов¹. Если сможешь, а он окажется неприкаянным — приюти его на 1-2 дня.

Спасибо за телеграмму!

На этих днях должен быть получен и указ Совета Мин[истров] о перебазировании моей лаборатории в УФАН. В Свердловске получу квартиру и лабораторию для части сотрудников, а другая часть сотрудников будет работать в Ильменском заповеднике, где я организую Эксп[ериментальную] Биол[огическую] Станцию. Думаю, что будет занятно!

Когда выберусь на недельку в Москву — еще не знаю: масса дел по перебазированию. Хочу постараться попасть в Москву в мае. Когда определятся сроки — напишу и попрошусь к тебе в гости на несколько дней.

Крепко обнимаю всех вас! Наши шлют сердечные приветы!

Твой Н. Тимофеев

1. Дмитрий Иванович Семенов — медик, радиобиолог. До конца второй мировой войны учился и работал в Болгарии. Познакомился с Н. В. в тюрьме Бутырки, потом они встретились на пересылке Карлага, а в 1947 г. он стал сотрудником лаборатории Н. В. в Сунгуле. Позже возглавил самостоятельную лабораторию в отделе Н. В. в Свердловске. Наиболее интересные работы посвящены защите организма от радиации.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Реформатским
Касли — Москва

10.V.55

Дорогие Надя и Шура, прежде всего спасибо за телеграмму — не писала, так как предполагали в конце апреля или начале мая быть в Москве. Но не всегда все так устраивается, как хочется. Нам всем необходимо поменять паспорта — а это дело затянулось и до сих пор еще, хотя с места сдвинулось, но не совершилось. Вместе с тем, наше дело с перебазированием подвинулось вперед: приказ есть о перебазировании и приказ об упаковке лабораторного имущества. Будто бы к 1-му июня мы должны покинуть сии места. Но дело в том, что для лаборатории есть помещение и в Свердловске и в Ильменах. Но жилплощади для нас и наших сотрудников пока что не имеется никакой нигде! Так что пока что мы еще не знаем, куда будем перевозить наши личные вещи и когда! В связи с этим мы теперь совершенно не знаем даже, если мы скоро получим паспорта — сможем ли мы приехать в Москву. Одним словом — ничего не известно!

Живем мы очень хорошо. Колюша тоже прибодрился, весь в мечтах о новой работе и о возможности свидания с вами. Я тоже перестала скучать, т.к. уверена, что мои мечты съездить в Москву послушать Рихтера и увидеть балет — осуществимы.

Если нам не удастся побывать теперь скоро в Москве — то мы надеемся, что м[ожет] б[ыть] вам можно будет приехать к нам в Ильменский заповедник. Дело в том, что туда уже высланы 5 больших (4-х квартирных) финских домика — когда их поставят, тогда для всех там найдется место, а пока их не поставят, так и нам там жить негде. <...>

Ну, надо кончать. Всего вам хорошего. Все-таки наше свидание приближается. Уж очень много надо иметь терпения.

Ваша Леля Тимофеева-Ресовская

Колюша, конечно, шлет тысячу приветов.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Реформатскому
Касли — Москва

25.VI.55

Дорогой Шурка!

Мы все еще не переехали, но переезжаем! Паспорта («чистые») все еще не получили, но скоро получим. В Москву приеду осенью.

Дмитрий Иванович [Семенов] расскажет тебе все наши новости. Напиши пару строк! Все книги кончаются. Клянись от меня всем друзьям, кого встретишь.

Крепко целую.

Твой Н. Тимофеев

Жизнь — «прекратительная»! Перевозить лабораторию в 2 разные места, по таежным дорогам — тихий ужас!

Тимофеевы-Ресовские — Реформатским
Касли — Москва

1.VIII.55

Дорогие Надя и Шура, на днях получили письмо от Шуры, спасибо большое — теперь мы в курсе ваших дел. Но беда в том, что мы не в курсе *наших* дел. Ясно следующее, что мы получили наконец-то совершенно чистые паспорта и теперь можем передвигаться как и куда хотим. Затем ясно, что в конце этой недели мы отсюда уедем. <...> Кроме того, нам надо в Ильмень, там лабораторный корпус уже готов и часть сотрудников уже живет там во временных квартирах, а жилой дом и наша квартира там еще не готовы. Но так как Колюше необходимо там быть — то мы решили туда поехать, купивши складные кровати, и ночевать в лабораторном корпусе. <...>

Ваша Леля Тим. Ресов.

Крепко целую! От полнейшего кабака в делах с переездом — голова кругом идет!

Н. Тимофеев

Тимофеевы-Ресовские — Реформатским
Свердловск — Москва

12.VIII.55

Дорогие Надя и Шура!

Ну вот, наконец-то мы в Свердловске! Правда еще не в своей квартире, а в гостинице «Большой Урал». УФАН'у удалось забронировать для нас и наших сотрудников 5 номеров. Какое счастье жить в городе! Квартира наша должна быть готова на днях. Должна, но будет ли? Уверенности нет. Получить номер в гостинице тоже очень трудно. Иначе мы просили бы вас прилететь хотя бы на пару дней в Свердловск. Ведь у вас отпуск с 15.VIII. А до Свердловска всего 6 часов лёту. В Ильменах у нас тоже пока что ничего нет. Но после 1-го сентября будет место и для вас и для нас. Мы не знаем ваших планов — куда вы собираетесь в отпуск? <...>

Колюша вас целует. Ждем от вас известий.

Ваша Леля Тимофеева-Ресовская

Наслаждаемся относит[ельно] цивилизованной, почти городской жизнью! Ежедневно полдня ругаюсь для ускорения дел.

Крепко целую!

Н. Тимофеев

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. В. Реформатской
Свердловск — Москва

22.IX.55

Дорогая Надя, вот уже почти две недели, как приехали Нина с Андреем из Москвы, и я каждый день собираюсь вам написать и никак не могу собраться. Дело в том, что наконец-то, вот уже две недели, как лаборатория наша готова, и мы начали работать. А нам надо к 1 октября подготовить к печати наш первый сборник «биофизической лаборатории». Часть работ у нас уже готова, но еще надо кое-что написать и дообработать. Ну вот мы и работаем во всю, а по вечерам у нас читывается то, что написали. Надеемся, что к 1-му все будет готово, после этого Колюше надо будет съездить в заповедник, а потом в конце октября в Москву.

28.IX.55.

Прошла почти неделя и я все письма не кончила. Совсем зашились. Но зато почти все готово — только еще рисунки сделать тушью на кальке. Ну, этого делать я совсем не умею, и без меня сделают.

Мы все еще живем в «Большом Урале», а молодых мы встретили и прямо отвезли на нашу квартиру. Они там понемногу устраиваются и сторожат квартиру. А дом все еще не сдан, а сегодня нам сказали совсем определенно, что он будет сдан не раньше, чем через месяц. Я думаю, что мы могли бы, пожалуй, переехать, но Колюша ни за что не хочет, т.к., конечно, незаконно, а я не настаиваю, т.к. Колюша себя чувствует не очень важно, а тут ему спокойнее. Он уверяет, что он здоров, но на самом деле не совсем здоров. У него что-то с сердцем. Недели 3 назад мы были приглашены к нашему начальству на обед, и он там порядочно выпил; легли спать — стал задыхаться, пришлось позвать нашу сотрудницу (она врач), пульс у него тоже был нехороший, и она категорически запретила ему пить. Попил он какое-то лекарство и сейчас как будто ничего. <...>

Начала я писать письмо и хотела прежде всего поблагодарить тебя с Шурой и Миню с Юрой [Залоговых] за то, как вы приняли наших молодых. <...> Конечно, нехорошо хвалиться собственным сыном, но он право хороший, его гувернантка часто говорила мне, что «Бог послал мне такого сына». Я никогда за всю его жизнь не имела от него ни одной неприятности, и в детстве, и в юности, и сейчас, я всегда им довольна. Со старшим Фомой было много труднее — но у него характер был совершенно другой; много было огорчений и с его учением, и с его самыми разнообразными увлечениями, и с его настойчивостью. Он, пожалуй, был способнее Андрея, но учился плохо, музыкальнее, но не хотел учиться играть на рояле, зато изумительно играл на балалайке. Но свой характер, свою настойчивость он показал в тюрьме. Ну, об этом расскажу при свидании.

Скоро, скоро увидимся. Целую тебя. Привет Шуре. Колюша шлет приветы.

Твоя Леля

Тимофеевы-Ресовские — Реформатским
Свердловск — Москва

31.X.55

Дорогие Надя и Шура, поздравляю вас с праздником! Ну вот, наконец-то мы у себя на квартире. Уже 8 дней как переехали! Квартира, конечно, замечательная! Пребольшие комнаты, большая передняя и очень большая кухня. В одной комнате поселились Андрей с Ниной, в другой — я с Колюшей (причем все мы спим на кушетках, на больших и удобных), а третья комната завалена книгами. Мебели в ней, кроме круглого стола, нет никакой. Не можем достать столяра, который сделал бы нам полки, да и мебели здесь кроме шифоньеров и кушеток никакой нет.

Вообще мы после жизни (8 лет) в почтовом ящике, где все было для нас устроено, где не было никаких очередей, еще не можем привыкнуть к свободной жизни. Трудно, конечно, и то, что мы все четверо работаем. Но понемногу налаживаемся. Нашли уборщицу на 2 раза в неделю, достали картошки, достали и мясо и сахар. Со временем все организуем.

Сборник наш готов, сегодня отправляем в печать¹. Лаборатория тоже понемногу налаживается. На днях начинаем кое-какие опыты. Правда все это здесь сложно, да и теснота ужасная. Я имела всегда отдельную комнату, у меня было 2 лаборантки и 2 молодые научные сотрудницы, а тут мы сидим вчетвером в одной комнате.

Предполагаем числа 15 ноября быть в Москве. Колюша за это время прочитал много докладов. Сейчас будет некоторый перерыв. Да и со вторым сборником нам дали отсрочку до 1 апреля. Так что, пожалуй, сейчас самое удобное время для поездки. Страшно радуемся увидеть вас и Залогиных. Как вы живете? Отчего ничего не пишете? Я себя чувствую прекрасно, но Колюша не на высоте — в лаборатории он воюет, бодр, весел, но домой приходит совершенно разбитый. С того знаменитого случая у Деменёвых² пить он ничего не пьет, и все же сердце у него не в порядке. Никак не могу заставить его пойти к врачам.

Ну всего вам хорошего. Колюша целует вас.

Ваша Е. Тимофеева

Крепко целую, скоро увидимся!

Н. Тимофеев

1. Труды Института биологии УФ АН СССР. Свердловск, 1957. Вып. 9.
2. Николай Васильевич Деменёв — в те годы председатель Уральского филиала АН СССР. О случае у Деменёвых Е. А. упоминает в письме от 22.IX.55.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Реформатским
Свердловск — Москва

16.XI.55

Дорогие Надя и Шура, третьего дня получили вашу телеграмму — мы знаем, вы ждете нас. А мы предполагали на этой неделе выехать. Но... опять не выйдет — Колюша должен в пятницу поехать в Миассово на несколько дней. Казалось, все кончили: сборник написали, доклады прочитаны, в квартиру переехали и прописались, ну уж на той неделе мы обязательно выедем — иначе я психически заболею. Я до того жду Москвы — и уж сколько времени!!

Остановимся мы в «Якоре» — это гостиница Академии наук на ул. Горького, 49. Но мы пришлем вам телеграмму о дне выезда. Вообще у нас все в порядке, только Колюша что-то неважно себя чувствует. Конечно, он устал очень — ведь он 14 лет не был в отпуске, кроме того, глаза у него устают от чтения с лупой, хотя я и очень много ему читаю вслух, но у меня есть и кое-какие хозяйственные дела — а он не может ни одной минуты посидеть без книги. Кроме того, ему, строго говоря, совсем нельзя пить — на днях у него вдруг поднялась страшная головная боль — тут же были наши сотрудники, 2 врача, они его уложили, положили компресс на голову, массировали шею — отошло. Но все это нехорошо.

Целую вас и скоро увидимся!

Е. Тимофеева

Тимофеевы-Ресовские — Реформатским
Свердловск — Москва

Телеграмма

Приезжаем воскресенье 25.XI.55 12 часов Казанский вокзал
поезд 1 вагон 5 Тимофеев

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Реформатским
Свердловск — Москва

20.XII.55

Дорогие Надя, Шура и Маша.

Хочу написать вам только несколько слов. Поблагодарить вас за все, за все, за гостеприимство, за встречу, за ласку и любовь. Я не знаю, как вам высказать всю ту радость, которую вы все нам доставили. Эта поездка в Москву останется самым лучшим воспоминанием для нас. Целую вас всех крепко, крепко. Колюша тоже целует.

Любящая вас Леля

P.S. Спасибо за поздравление.

Тимофеевы-Ресовские — А. А. Ляпунову¹
Свердловск — Москва

26.XII.55

Многоуважаемый Алексей Андреевич,

Ну вот уже больше недели мы у себя дома в Свердловске. Каждый день собирались Вам написать, да за делами время и прошло. Мы все еще полны впечатлениями о Москве. Ведь 8 лет мы сидели совершенно запертыми. И это был наш первый выезд. Выезжать было даже несколько страшно, неприятно и неудобно. Мы никак не ожидали, что наши друзья, с которыми мы не виделись 30 лет, встретят нас как родных и близких. А тем менее ожидали, что люди, незнакомые нам лично, как Вы, отнесутся к нам с таким вниманием. Знакомство с Вами произвело на нас большое впечатление. Хочется от всего сердца поблагодарить Вас за радушный прием и за интересно проведенное время с Вами и Вашей молодежью². Передайте наш сердечный привет Вашей жене и дочерям.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

Дорогой Алексей Андреич!

Посылаю Вам свою старую (1945 г.) работу об индетерминированности и принципе усилителя в биологии. Если будет вре-

мя — просмотрите, а если найдете нужным — дайте и другим почитать.

Большое спасибо за милый прием!

Сердечные приветы Вам с семьей и Вашей молодежи!

Ваш Н. Тимофеев

1. Летом 1955 г. Алексей Андреевич Ляпунов проводил отпуск в Ильменском заповеднике, где узнал, что Н. В. Тимофеев-Ресовский в России и что в заповеднике организуется его лаборатория. В ноябре 1955 г., когда впервые после 30-летнего перерыва по приглашению Н. П. Дубинина Тимофеевы приехали в Москву, произошло их знакомство, которое затем переросло в тесную семейную дружбу, не прерывавшуюся до последних дней жизни Н. В. Многочисленные, сохраненные дочерью и зятем Ляпунова (Наталией Алексеевной Ляпуновой и Юрием Федоровичем Богдановым) письма, большая часть которых приведена ниже, охватывают период с декабря 1955 г. до весны 1973 г., когда скоропостижно скончалась Е. А., а через два месяца также в одночасье ушел из жизни А. А. В этих письмах отразились многие стороны жизни Тимофеевых — и бурная научная жизнь, и проблемы и неурядицы быта, и обстановка в Академии наук и научных кругах страны, пожинающей плоды «расцвета» и «падения» Лысенко.

2. 9 декабря 1955 г. в доме Ляпуновых в Хавско-Шаболовском переулке (д. 18/2, кв. 3) состоялся первый в Москве публичный доклад Н. В. Он рассказывал о своих работах по биофизическому анализу мутационного процесса и об определении размера гена. На доклад собралось более 50 человек, среди которых были как генетики старшего поколения (М. М. Завадовский, В. В. Сахаров, А. Р. Жебрак, Н. П. Дубинин, Б. Н. Васин, Е. Т. Васина-Попова, Ж. Г. Шмерлинг), так и аспиранты и студенты разных курсов биофака и мехмата МГУ и других вузов.

Тимофеевы-Ресовские — А. А. Ляпунову

Свердловск — Москва

5.1.56

Многоуважаемый Алексей Андреевич!

Только что получили Ваше письмо. С нашими письмами получилась, по-видимому, «сплошная кибернетика!» По возвращении из Москвы мы, рукою Елены Александровны, написали целый ряд писем своим московским друзьям, в том числе и Вам. Затем выше уже цитированная Елена Александровна рассовывала их по конвертам, оные конверты адресовала и отправляла. При этой-то операции и произошла какая-то «кибернетика». Вероятнее всего, что Ваше письмо попало к Дубинину, так как Вы получили его письмо.

Я (Ник[олай] Вл[адимирович]) недавно послал Вам рукопись (вернее машинопись) своей работки об индетерминированности и принципе усилителя в биологии, с приложением короткого письма; такую же рукопись и тоже с письмом я отправил Дубинину, получили ли Вы эту рукопись с письмом? И Вам и Дубинину я эти рукописи послал заказным, но, может быть, и тут произошла «кибернетика».

Очень нас обрадовали сообщаемые Вами сведения о том, что науки «зашевелились». Особенно важна перемена в ОБН¹: В.А.² — серьезный ученый с крупными и интересными работами. Надо надеяться, что эта перемена ускорит «оздоровление» биологических наук.

Я получил от Тарусова³ [приглашение] прочесть доклад о радиостимуляции растений в его коллоквиуме. С большим удовольствием прочту доклад⁴ о биофизическом анализе мутационного процесса у Капицы⁵; на днях напишу ему.

С 30.I до 5.II в Москве будет происходить конференция по медицинской радиологии, на которую мы, по-видимому, приедем и будем кое-что докладывать. Может быть, можно будет остаться на пару дней и устроить доклады у Тарусова, у Капицы и, может быть, у Вас или у Дубинина. Как только вопрос о нашей поездке окончательно выяснится (около 15.I) — мы напишем Вам о сроках приезда и пребывания в Москве.

В Ильменах дела помаленьку налаживаются, и мы уже начинаем готовиться к приему летом как Вас с женой (что просто), так и молодежи, желающей поработать (что требует серьезной подготовки). Надеемся, что и Вы и молодежь приятно проведете лето в тайге на берегу чудесного озера.

К сожалению у меня не осталось ни французских, ни немецких оттисков (Биофизического анализа мутационного процесса). Я готовлю сейчас (на всякий случай!) несколько сокращенный и переработанный русский текст; как только он будет готов, я его отпечатаю с несколькими копиями и пошлю Вам и Н. П. Дубинину.

Еще раз большое Вам спасибо за столь активный интерес к нашим делам. Очень будем Вам благодарны, если время от времени будете сообщать нам о важнейших и наиболее интересных московских делах: ведь мы глубокие провинциалы. Сер-

дечные приветы и наилучшие пожелания в наступившем Новом году Вам, Вашей жене и всей Вашей молодежи.

Искренне преданные Вам

Е. Тимофеева-Ресовская

Н. Тимофеев

1. ОБН — Отделение биологических наук АН СССР.
2. В. А. — Владимир Александрович Энгельгардт (1894—1984) — биохимик, академик. В декабре 1955 г. был избран академиком-секретарем ОБН, сменив на этом посту академика А. И. Опарина.
3. Борис Николаевич Тарусов — профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, в то время заведовал кафедрой биофизики биолого-почвенного факультета.
4. В свой первый приезд Н. В. сразу покорила московскую аудиторию. Его доклад дома у Ляпуновых имел большой резонанс в научных кругах Москвы. Из рассказов Ляпунова о Н. В. узнал П. Л. Капица и пригласил его выступить на своем семинаре в Институте физических проблем.
5. Петр Леонидович Капица (1894—1984) — физик, академик. Организатор и первый директор Института физических проблем АН СССР. Лауреат Нобелевской премии 1978 г.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. В. Реформатской

Свердловск — Москва

18.I.56

Дорогая Надя, посылали вам поздравительную телеграмму, посылали сразу после приезда письма с благодарностью за любовь, радушие и гостеприимство, но от вас все ничего нет, начинаем беспокоиться, не случилось ли чего-нибудь, все ли у вас в порядке.

У нас много всяческих новостей. Самая главная — 29.I.56 мы будем в Москве на конференции с 30.I по 4.II и, можешь себе представить, и я буду читать доклад. Я бы ни за что не согласилась, но уж очень хочется побывать в Москве. <...>

Еще новость: вчера получили письмо, в котором пишут, что хотят Колюшу представить в академики. Нам кажется, что это не всерьез; но, по-видимому, серьезно. Вообще из Москвы получили много писем, которые свидетельствуют, что Колюша произвел впечатление — приглашают читать доклады, даже ак[адемик] Капица.

Очень тороплюсь. Целую тебя крепко, и Шуру и Машу тоже. Очень рады снова увидеться.

Твоя Леля

Тимофеевы-Ресовские — А.А.Ляпунову
Свердловск — Москва

20.I.56

Многоуважаемый Алексей Андреевич, получили Ваше письмо, большое спасибо, что Вы держите нас в курсе всяческих дел. Очень хочется повидаться и обо всем переговорить. Свои доклады мы уже написали и отправили, предполагаем быть в Москве 29.I. Где остановимся еще не знаем. Возможно нам предоставят комнату в гостинице, если нет — то по всей вероятности опять у Реформатских. Во всяком случае, как приедем — позвоним Вам по телефону. Конференция продолжится до 4.II, но я наверное задержусь на пару дней и тогда смогу прочесть доклад в Университете.

Относительно доклада в семинаре у Капицы — я написал ему, что согласен — но ответа от него не имею.

Нам бы очень хотелось в этот приезд побывать в балете с Улановой — Анастасия Савельевна¹ обещала это устроить. Мы были бы ей очень благодарны.

До скорого свидания. Очень радуемся снова всех повидать.

Ваши Е.Тимофеева-Ресовская
Н.Тимофеев

Там, где Ел[ена] Ал[ександровна] пишет «я» — останусь, прочту доклад и т.д. — следует подразумевать меня, т.е. Ник[олая] Вл[адимировича].

Скоро увидимся!

Сердечный привет!

Ваш Н.Тимофеев

1. Анастасия Савельевна Ляпунова (1904–1986) — жена А.А.Ляпунова.

20. I. 56

Многоуважаемый Алексей Андреевич
получили Ваши письма, большое
спасибо, что вы держите нас в курсе
всего что идет. Очень жаль, что не
иногда все перевернулось. Свои
доклады мы уже написали и
отправили, предполагая пойти
в Москву 29. I. Где остановился
еще не знаем. Хотели пойти
представителю компании в гости
ны, если нет - то по всей вероят-
ности опять у Редукционных.

Начало одного из первых писем к А. А. Ляпунову, написанное
Е. А. Тимофеевой-Ресовской

Так, где вы. Ад-
министр "а" - оста-
нется, потому как:
кто, и т.д. - сле-
дует под руководством
кого, т.е. Ник. Вл.

С уважением,
Сергей Тимофеев!

Ваш Н. Тимофеев

Тимофеевы-Ресовские — А.А. Ляпунову
Свердловск — Москва

20.II.56

Дорогой Алексей Андреевич,
мы очень жалели, что перед отъездом не успели еще раз как следует повидаться с Вами. Я Вам очень благодарен за то, что обе наши поездки в Москву оказались столь интересными, включая организованный Вами семинар у Капицы¹. Я за последние годы сильно отстал от генетики и теоретической биофизики; а сейчас эти интересы ожили и очень хочется поскорее опять начать заниматься интересными делами.

2-3-го марта в Академии на Калужской, 33² будет координационное совещание по действию излучений на растения. Я приеду и буду рассказывать о наших работах по радиостимуляции, привезу и свой манускрипт о биофизическом анализе мутационного процесса, который Капица и Шпольский предлагают напечатать в «Успехах физических наук». Мне хотелось бы показать его Вам. По приезде я позвоню Вам и мы сговоримся о свидании. Хочется повидаться с Вами и с Николаем Петровичем [Дубининым]!

Всего хорошего и до скорого свидания. Сердечные приветы от нас всему Вашему семейству.

Ваши Н.Тимофеев

Е.Тимофеева-Ресовская,

я к сожалению не приеду!

1. Доклад на семинаре у П.Л. Капицы в Институте физических проблем состоялся 8 февраля 1956 г. Его тема: «Биофизический анализ мутационного процесса». Об этом событии существует много воспоминаний, в частности см.: *Капица С.П. Семинар в Институте физпроблем... // Н.В.Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 300–302.*

2. Калужская, 33 — Ленинский проспект, д. 33, там в то время располагалось ОБН АН СССР и ряд его институтов.

Тимофеевы-Ресовские — А.А.Ляпунову
Свердловск — Москва

12.III.56

Дорогой Алексей Андреевич,
как дела, выиграли ли Вы все последние сражения¹? Просмотрели ли Вы мой манускрипт «Биофизический анализ мутационного процесса»? Если да, то пожалуйста передайте его П.Л.Капице.

У нас тут большие неприятности². Я Вам, кажется, рассказывал, что большинство провинциальных биологических институтов передается в Министерство сельского хозяйства на предмет организации зональных сельскохозяйственных институтов. Эта участь грозит и нам, что, конечно, равносильно прекращению научных биофизических работ нашей лаборатории. Все это дело продвигается чрезвычайно быстро, хотя и вполне бюрократически, т.е. безо всякого учета научной, академической и государственной целесообразности. Я совершенно не знаю, что можно предпринять для спасения лаборатории. Конечно, если бы Президиум Академии Наук серьезно заинтересовался такой мелочью, как наша лаборатория, то, наверное, легко мог бы ее отстоять. Но пока видна только агрессия сельского хозяйства, желающего зацапать по возможности все (из-за штатных единиц и оборудования). Я написал отчаянное письмо Петру Леонидовичу [Капице]; он, может быть, смог бы возбудить интерес к нам в Президиуме. Если Вы его увидите, то со своей стороны попросите замолвить за нас слово в высших сферах Академии. Если у Вас будет случай (в самое ближайшее время!) поговорить с какой-либо высокой Академической особой, то замолвите словечко за нас и со своей стороны. Очень уж обидно было бы бросить столь хорошо начавшееся дело.

Сообщите пожалуйста о Ваших делах и о положении Дубининской лаборатории, а также об атмосфере на Биофаке и когда начнете просвещать профессоров биологии. Сердечный привет Вам с супругой и всем семейством от нас обоих.

Ваши Е.Тимофеева-Ресовская
Н.Тимофеев

Простите за скверный почерк — лежу в кровати уже 7 дней с гриппом.

Е. Тимофеева-Ресовская

1. Скорее всего речь идет о «конфликте» в МГУ, связанном с домашним научным кружком Ляпунова, где студенты занимались, в частности, и генетикой. В феврале 1956 г. (в день доклада Н. С. Хрущева на XX съезде партии) на биолого-почвенном факультете состоялось комсомольское собрание 2-го курса, на котором разбиралось «дело сестер Ляпуновых». (Подробнее об этом см.: «Знание—сила». 1998. № 8. С. 35—47.)

2. Неприятности, по-видимому, были связаны еще и с комиссией из Москвы. Доклад на семинаре у Капицы не прошел незамеченным для соответствующего начальства — вызвал волну «отчетов» и доносов в разные инстанции, вплоть до ЦК КПСС. Многие из них сохранились в архиве ЦК, в частности там есть и такое письмо от 17 марта 1956 г. — ответ на один из доносов: «Президиум АН не намерен переводить Тимофеева-Ресовского на работу в Москву. Отдел науки и вузов ЦК рекомендовал Президиуму АН направить в Уральский филиал АН группу биофизиков, которой поручить ознакомиться на месте с содержанием работы Биофизической лаборатории этого филиала» (Центр хранения современной документации. Ф. 5. Оп. 35. Д. 20. Л. 38.)

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. В. Реформатской
Свердловск — Москва

16.III.56

Дорогая Надя, ты, наверное думаешь, что я совсем сви-нушка — не поблагодарила тебя ни за Колюшу, ни за чудные конфеты. Спасибо большое и за то, и за другое. Но я молчала, так как через 2 дня после Колюшиного отъезда — заболела — это в третий раз с 1925 года <...>. Не знаю, когда выйду на работу. Но дома мне неплохо: лежу и наслаждаюсь чтением. Колюша привез много интересных книг по искусству, о Глинке, и даже читаю стихи Есенина, Гумилева и Блока.

С Колей Сахаровым¹ у нас началась какая-то дикая переписка, получила от него за это время, кажется, 6 писем. Он, по-видимому, совсем забыл, что ему за 60 лет, вспомнил все, что было 40 лет назад. Вообще-то это не плохо и очень трогательно.

Как вы живете, черкни, не поленись, напиши, какой Колюша был без меня, не очень ли сумасшествовал? Как Маша, как Шурка? Передай им обоим мой сердечный привет. Скажи

Шуре — когда он не пьет — он душка. Ну, крепко тебя целую.
Еще раз тысячу спасибо.

Твоя Леля

P.S. Рассказывал ли вам Колюша, что у нас была ужасная канитель с паспортами, но в конце концов получили бессрочные на фамилию Тимофеевы-Ресовские.

1. Николай Иванович Сахаров (1891–1971) — биолог, друг юности Е.А., дядя Андрея Дмитриевича Сахарова.

Тимофеевы-Ресовские — А.А.Ляпунову
Свердловск — Москва

4.IV.56

Дорогой Алексей Андреевич,
большое Вам спасибо за письмо и за заботы. По-видимому частично благодаря нашим усилиям, а частично благодаря Вашему содействию в Москве (через П.Л. Капицу и др.) у нас тут все устроилось наилучшим образом. Нашу биофизическую лабораторию не тронули, а с Биологическим институтом все вышло как нельзя лучше. Дело в том, что примерно на две трети Институт биологии представлял из себя совершенно невозможный балласт, не имеющий ничего общего с биологией; вполне приличными являются лишь лаборатории зоологии и лесоведения, и вот они остались, а всё прочее (от которого давно уже не знали, как отделаться, ибо, как известно, от негодного баракла избавиться весьма трудно) отошло в Мин[истерство] с[ельского] х[озяйства], так что теперь можно будет начинать создавать здесь помаленьку настоящий институт научной биологии. Пожалуйста, позвоните Петру Леонидовичу [Капице], поблагодарите за заботу и сообщите ему, что все к лучшему в сем лучшем из миров. Кстати, разве он не получил моего письма с приложением копии решения Президиума Верховного Совета? Может быть я забыл приложить просимую им фотокопию моего немецкого Академического диплома; прилагаю ее Вам: если увидите Петра Леонидовича, то при случае пожалуйста передайте ему.

Очень мы порадовались Вашим новым успехам, как в кибернетике, так и в генетике. Как хорошо, что у Вас хватает энергии и оптимизма преодолевать все препятствия, не обращать слишком большого внимания на гадости и неуклонно развивать правильную линию. С громадным удовольствием в следующий свой приезд прочту у Вас в коллоквиуме доклад о «Биофизической интерпретации явлений радиостимуляции»; это хоть и не генетика, но тоже небезынересное направление «физико-математической биологии».

Очень обрадовались мы Вашему сообщению о том, что Николая Петровича [Дубинина] пригласили председательствовать на международной конференции по генетике; даже если он не поедет, то все-таки это отраднй факт, свидетельствующий о том, что нашу науку, несмотря на долгий перерыв, в мире не забывают. Это следует рекламировать в академических и университетских кругах. Я недавно получил сходное приглашение от организационного комитета Международной радиобиологической конференции; проф[ессор] Хевеши¹ просит меня председательствовать и прочесть доклад. Я написал об этом Энгельгардту и хотя меня наверняка в Стокгольм не пустят, но все-таки приятно, что за 10 лет меня не забыли.

Я очень рад, что мой «Биофизический анализ мутационного процесса» будет напечатан в «Успехах физических наук». От Э. В. Шпольского я никакого извещения не получил; следует ли мне написать ему?

У нас тут тоже свирепствует грипп. Елена Александровна поправляется, хотя у нее все еще распухла коленка; а у меня распухли локти, что также относят за счет гриппа.

Еще раз большое спасибо за заботы! Держите нас в курсе столичных новостей, дабы мы провинциалы не закисли. Сердечный привет от нас Вам с супругой и всему семейству Вашему, а также дружественной молодежи.

Ваши Е. Тимофеева-Ресовская
Н. Тимофеев

P. S. Ждем вас летом в Миассово!

1. Дьёрдь Хевеши (1885–1966) — химик, основатель радиационной химии, создатель метода радиоактивных индикаторов («меченых атомов»), пионер его применения в биологии, лауреат Нобелевской премии 1943 г.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Свердловск — Москва

15.IV.56

Дорогой Алексей Андреевич!

<...> Вчера со мной произошел случай — за полчаса до разговора с Вами — у меня разрезали сумку — при входе на почту — правда ничего не украли, только вывалились купленные папиросы. Вообще Свердловск невозможный город. Вечером здесь лучше не выходить, всюду шныряет какая-то «шпана», а кроме того такая неообразимая грязь, что не идешь, а плывешь. Больше я вечером на почту не пойду. Но у нас есть знакомые с телефоном и я смогу от них Вам позвонить. Так что, если будет нужно, то Вы пришлите телеграмму и я Вам позвоню. Ник[олая] Вл[адимировича] подвинуть на телефонный разговор невозможно!! Я вчера даже не успела спросить, как Вы себя чувствуете, мы слышали, что Вы тоже болели гриппом? Передайте пожалуйста наш сердечный привет всем Вашим.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

Тимофеевы-Ресовские — А. А. Ляпунову
Свердловск — Москва

18.V.56

Дорогой Алексей Андреевич!

Нам обоим не повезло: вскоре после моего возвращения из Москвы, на основе какого-то «вирусного гриппа» у Елены Александровны разболелась левая коленка, так что она до сих пор преимущественно лежит, а у меня сперва образовался бурсит на обоих локтях, а затем неврит и плексит правой руки и лопатки. Почти месяц были такие боли, что хоть на стену лезь; и сейчас еще боли не прошли, хотя немного уменьшились. Не повезло!

Поэтому мы так долго никому не писали. Получили ли Вы наше заказное авиа письмо с вложениями для Капицы? За исключением болезней, которые надо надеяться скоро кончатся, жизнь тут у нас идет хорошо и спокойно. Работы помаленьку развиваются. В Миассове, наконец, заканчивается проведение электричества. Часть наших свердловских сотрудников от-

правились уже туда налаживать сезонные работы; скоро и мы поедем. С 1-го июня у нас будет работать Передельский¹ с несколькими сотрудниками, приезжающий на лето в «радиоэкологическую экспедицию» из Московского Института Биофизики. В Свердловске мы организовали Уральский филиал Московского Об[щест]ва испытателей природы, с радиобиологической секцией, которая с сегодняшнего дня начинает работу (заседание с биофизическими и радиобиологическими докладами); надеемся регулярно издавать свой «Бюллетень», что было бы очень хорошо, ввиду катастрофического положения у нас с печатанием научных работ. Как видите, мы провинциалы тоже помаленьку рыпаемся! Кстати, что слышно о моем «Биофизическом анализе мутационного процесса», который Вы передали в «Успехи физических наук»? Будет он печататься? Выдаете ли Вы Петра Леонидовича Капицу? Если увидите, то попросите его прислать, если можно, мой манускрипт об «Индетерминированности и принципе усилителя в биологии» (находящийся у него экземпляр): мне хочется кое-что переработать и, может быть, доложить здесь в нашей биофизической секции Урал-МОИП.

Когда Вы собираетесь к нам в Миассово? Мы ждем Вас с женой и любимым количеством молодежи², а туземцы предсказывают прекрасное лето. Молодежь пусть берет с собой сачки и морилки для сбора насекомых и ботанизирки для сбора растений: надо начинать систематический сбор коллекций местной фауны и флоры. Если найдутся определители насекомых и растений, то неплохо и их захватить.

Как у Вас в Москве научные, в частности биологические, настроения? Кое-какой прогресс наблюдается уже и у нас в провинции: все работы Т.Д.Л[ысенко] вычеркнуты из экзаменационных списков, и не только молодежь, но даже профессора и преподаватели (sic!) начинают проявлять интерес к научной биологии.

Простите за долгое неписание, объясняемое нашими болезнями. Будем ждать письма от Вас! Сердечный привет Вам с супругой, молодежи Вашей и всем нашим друзьям от нас обоих.

Ваши Е. Тимофеева-Ресовская
Н. Тимофеев

1. А.А. Передельский — сотрудник Института биофизики АН СССР, сотрудничал с лабораторией Н.В. Тимофеева-Ресовского в изучении поведения радиоактивных веществ в биоценозах.

2. В начале июля 1956 г. в Миассово приехали Ляпуновы: Алексей Андреевич, Анастасия Савельевна, дочери Наташа (студентка биофака МГУ) и Алла (только что окончившая биофак) с мужем Юрием Виноградовым (инженером-электронщиком). Вместе с ними приехала Нина Баландина (студентка мехмата МГУ). Позже в это же лето приехали Надежда Васильевна и Маша Реформатские, потом Николай Иванович Жинкин (лингвист) и Евгений Эмильевич Мандельштам (сценарист научно-популярных фильмов, брат О.Э. Мандельштама), которые в тот год работали над сценарием фильма о генетике, генах и молекуле ДНК. Во второй половине августа из Ленинграда приехала известный генетик, ученица И.И. Шмальгаузена Раиса Львовна Берг. Неуемное стремление Н.В. и А.А. к общению друг с другом и с многочисленными сотрудниками и гостями привело к тому, что интереснейшие разговоры о науке, об искусстве, о событиях культурной и общественной жизни страны прекращались только на несколько (немного!) ночных часов. Тогда и возникла идея — перенести эти разговоры в аудиторию (большую веранду в лабораторном корпусе), чтобы все могли принимать в них участие. Так родились знаменитые миассовские семинары или «коллокви», как их больше любил называть Н.В. Весть о Миассово, о лаборатории Н.В. разнеслась во все концы страны, и в следующие годы — каждое лето вплоть до 1963 г. (в 1964 г. Тимофеевы-Ресовские переехали в Обнинск) в Миассово съезжались биологи, физики, химики, математики (бывало более 100 человек одновременно!) на «миассовские трёпы» к Тимофееву-Ресовскому (об этом, в частности, см.: *Ляпунова Н.А.* Миассовские семинары Н.В. Тимофеева-Ресовского // Н.В. Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 302–309, а также многие воспоминания из книги: Н.В. Тимофеев-Ресовский на Урале. Екатеринбург, 1998).

Н.В. Тимофеев-Ресовский — Л.А. Зенкевич¹

Свердловск — Москва

31.VIII.56

Многоуважаемый Лев Александрович!

Состоящая при Вашей кафедре студентка третьего курса Н.А. Ляпунова² проходит летнюю практику в Полевой лаборатории биофизики Уральского филиала Академии наук СССР. В июле она ознакомилась с некоторыми ведущими формами зоопланктона озера Большое Миассово. В конце июля она взяла тему, связанную с работами, производимыми «водной» группой лаборатории. Ее тема посвящена изучению коэффициентов накопления зоопланктоном некоторых химических элементов из воды. Опыты проводятся с помощью метода меченых атомов. На этот год запланированы в качестве основных опыты по определению коэффициентов накопления стронция,

рутения, цезия и кобальта рачковым планктоном. Ею уже закончены опыты с рутением и кобальтом, давшие по кобальту для в основном диаптомусового (*Diaptomus*) зоопланктона весьма устойчивые коэффициенты накопления порядка 300–500 (коэффициентами накопления мы называем отношение концентрации данного вещества соответственно в организме и в воде). С рутением получены несколько более изменчивые результаты. Сейчас Н. А. Ляпунова проводит опыты с цезием и стронцием. Работу свою студентка Ляпунова проводит очень хорошо, с большой инициативой и интересом к делу. Ее опыты представляют большой интерес в связи с проводимыми в нашей лаборатории работами по проблеме распределения и концентрации рассеянных элементов по живым и косным компонентам пресноводных водоемов.

Ввиду вышеизложенного прошу Вас продлить студентке Н. А. Ляпуновой отпуск до 1 октября сего года для окончания запланированных на этот сезон опытов.

Во время одной из предполагаемых в зимнем сезоне поездок в Москву я был бы рад повидать Вас и рассказать Вам подробнее о проводимых в нашей лаборатории гидробиологических и биогеоценологических работах.

С искренним приветом и уважением

Н. В. Тимофеев-Ресовский

-
1. Лев Александрович Зенкевич (1889–1970) — зоолог, океанолог, академик, заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных биологического факультета МГУ.
 2. Наталия Алексеевна Ляпунова (р. 1937) — биолог, зоолог, генетик. В то время студентка кафедры зоологии беспозвоночных. Ныне — доктор биологических наук, чл.-корр. РАЕН, руководитель лаборатории общей цитогенетики Медико-генетического научного центра РАМН.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Ляпунову
Миассово — Москва

12.IX.56

Дорогой Алексей Андреевич!
Плачем горькими слезами — отправляем Тусю¹ досрочно². Она малость не доделала — закончим без нее. Не успела сделать доклад; пусть доложит Вам до доклада на кафедре.

Сердечнейший привет Вам с Анаст[асией] Савельевной и Алле с Юрой³ от всех нас!

Ваш Н.Тимофеев

P.S. Жаль Вас не было — приезжал мой брат⁴ и делал интереснейший доклад о соболях.

1. Так в семье звали Н.А.Ляпунову.
2. В ответ на письмо Н.В. от 31 августа 1956 г. Л.А.Зенкевич прислал телеграмму, в которой рекомендовал своей студентке срочно вернуться в Москву, так как после «комсомольского процесса по делу сестер Ляпуновых» со стороны парткома могли быть серьезные неприятности и для нее и для кафедры.
3. Гамбурцева Алла Григорьевна (р. 1929) — биолог, работала в Институте биофизики АН СССР, потом в Институте биологии моря Дальневосточного научного центра АН СССР, сейчас пенсионер. Падчерица А.А.Ляпунова. Ее муж, Юрий Алексеевич Виноградов (р. 1930) — инженер-электронщик, сотрудник отдела кибернетики Института прикладной математики им. М.В.Келдыша РАН.
4. Виктор Владимирович Тимофеев тогда жил в Иркутске, работал в Баргузинском заповеднике.

Н.В.Тимофеев-Ресовский — Ляпуновым
Миассово — Москва

18.IX.56

Дорогие Анастасия Савельевна и Алексей Андреевич!
Сейчас — во второй раз отправляем Тусю¹. Она сегодня утром закончила опыты; результаты — хорошие. В Москве ей надо их окончательно обработать, составить все таблицы и написать доклад (с «Введением», «Материалом и методикой», «Результатами опытов» и «Заключением»). Не выпускайте ее читать доклад на кафедре у Зенкевича — не прочтя его и не поговорив о нем с Тусей подробно.

Тут начинается «золотая осень»; очень хорошо! Преображенские² уезжают и на их место приглашаем Льва Царапкина³ и Нестора Васильевича Горбатюка⁴. Водопровод почти готов. Получили мал[ый] трактор с с[ельско]-х[оз]яйственным оборудованием.

К 1.X собираемся вернуться в Свердловск.

Сердечные приветы от всех нас!

Ваш Н.Тимофеев

1. Получив телеграмму Л. А. Зенкевича, Н. А. Ляпунова поехала в Свердловск, позвонила в Москву и поняла, что ничего страшного не случится, если она опоздает еще на неделю. Вернулась в Миассово и завершила эксперименты.
2. Преображенские — сотрудники лаборатории Н. В.
3. Лев Сергеевич Царапкин (1930—1975) — цитолог и генетик, сотрудник лаборатории Н. В. в Свердловске, затем лаборатории Н. В. Лучника в Обнинске, сын Сергея Романовича Царапкина.
4. Нестор Васильевич Горбатюк — физик-дозиметрист, был сотрудником Н. В. на объекте 0215.

Тимофеевы-Ресовские — А. А. Реформатскому
Свердловск — Москва

26.IX.56

Дорогой Шурка!

Только что получили твое письмо и очень были рады, что:

1. Наде с Машей, по-видимому, у нас понравилось.
2. Ты успешно поохотился и
3. Малость и потрудился на пользу наук.

В конце октября будем в Москве и увидимся.

Спешу сообщить о Цвирнере¹. Мы его прекрасно знаем, прожили соседями в одном доме почти 15 лет. При нас же он еще переехал в Брауншвейг, получив там фонетико-психологический институт. Он абсолютно порядочный человек, образованный, культурный и даже неглупый. Я, кажется, рассказывал тебе в Москве кое-что о его работах по фонетике афазий, которыми он занимался лет 10. Чем он теперь занимается, я не знаю. В свое время он очень интересовался фонологией Трубецкого; он меня и попросил, вместе с Ельмслевым², написать в редактируемом им журнале некролог, который у тебя есть. Он всю жизнь был антинацистом; думаю, что и теперь политически абсолютно чистый и невинный человек. Мне кажется, что тебе было бы очень хорошо вступить в соредакторы издаваемого им журнала; там, должно быть, собрана только «чистая публика»: Цвирнер всегда тщательно избегал «нечистых». При свидании могу тебе много рассказать о нем. Пока же на сотрудничество в его журнале вполне благословляю.

Мы все еще в Миассове и вернемся в Свердловск числа 2.X, 3.X. 30.X (а не 19.X, как предполагалось) я должен читать доклад в Ленинграде. Первоначально мы предполагали прие-

хать в Москву из Ленинграда после 25.X. Теперь, может быть, мы приедем в Москву до Ленинграда. Когда выяснится окончательно — напишем. Крепко целуем всех! Сердечный привет Витверам, Насте, Симе и Игорю с супругой³.

Леля
Н. Тимофеев

1. Эберхард Цвирнер (1899—1980) — немецкий невролог и лингвист, руководитель фонометрического отдела Института мозга в Берлин-Бухе. Занимался афазией (от греч. а-phasia — нарушение) — расстройством речи, связанным с поражением определенных участков мозга. Научные интересы Цвирнера и Трубецкого пересекались на проблемах фонетики и фонологии. Анализу работ Цвирнера посвящен один из разделов книги Н.С. Трубецкого «Основы фонологии» (М., 1960. С. 13—15).
2. Луи Ельмслев (1899—1965) — датский лингвист.
3. Настя, Сима, Игорь — члены семьи А.А. Реформатского.

Тимофеевы-Ресовские — А.А. Ляпунову
Свердловск — Москва

26.XII.56

Дорогой Алексей Андреевич, как доехали? Повидали ли Четвериковых¹? Как они? Как московские дела? Посылаем Вам список опубликованных и сданных в печать за 1956 год работ нашей лаборатории. Всего мы написали за этот год 56 штук. Список этот может пригодиться при разговорах с Энгельгардтом и другими людьми. Ваш доклад и мое к нему введение так разворошили тут лысенкоидов, что обо мне тут же пущены в оборот всякие гадости примерно такие же, как в прошлом году в Москве; кажется, пишут уже доносы в горкомы и обкомы. Как Тусин доклад? Пусть поскорее его пишет и пусть пришлет нам копию для ознакомления и возможных корректур. Ждем ее вместе с Вами в конце января и конечно Анастасию Савельевну тоже. Все мы с большим удовольствием вспоминаем ваше пребывание у нас. Передайте пожалуйста наши приветы всем нашим друзьям и знакомым в Москве. С сердечным приветом Вам с Анастасией Савельевной, Тусей, Аллой и Юрой (им большое спасибо за телеграмму!).

Ваши Е. Тимофеева-Ресовская
Н. Тимофеев

1. Сергей Сергеевич Четвериков последние годы жил с женой в Горьком (Нижнем Новгороде). А. А. Ляпунов намеревался посетить их по пути из Свердловска в Москву.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Ляпуновым
Свердловск — Москва

3.III.57

Дорогие Анастасия Савельевна и Алексей Андреевич!
Прежде всего, тысячу раз спасибо вам за ваше гостеприимство. Простите, что не сразу написали вам. Но, как всегда, как приехали — навалилась куча дел. Но если бы вы знали, как у вас в Москве было хорошо и как тут все не так. Я даже хорошо не знаю, что мне здесь так не нравится — но главным образом, по-видимому, люди. Ну, да об этом лучше не писать.

Очень ждем от вас письма, как прошли выборы в Президиум — напишите пожалуйста подробно.

Да, еще главное — простите за ключи — мы же только приехав, обнаружили их в кармане Ник[олая] Владимировича. Я вам их выслала заказной ценной бандеролью.

Сейчас Ник[олай] Вл[адимирович] кончает свою статью для Средмаша, а затем напишет для «Техники молодежи». Что слышно о конференции по редупликации?

Пожалуйста передайте наши поздравления Алле с Юрой, Тусе, Нине¹, а также Ярославу² — скажите ему, что мы сегодня делали блины, и я делала по его рецепту — но они у меня вышли не такие вкусные, как у него. Нет, я совершенно бесталанна в кулинарном искусстве!!

Еще раз спасибо за все. Очень ждем от вас письма.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

Сердечный привет!

Н. Тимофеев

1. Нина Алексеевна Баландина (р. 1935) — математик, ученица Ляпунова и друг его семьи. Летом 1956-го и 1957 г. была в Миассово, где выполнила курсовую работу на тему «Математическая модель процесса сорбции радиоактивных изотопов ряда элементов почвами».

2. Ярослав Андреевич Ляпунов (1922–1987) — брат А. А. Ляпунова.

А. А. Ляпунов — Тимофеевым-Ресовским
Москва — Свердловск

11.III.57

Дорогие и глубокоуважаемые Николай Владимирович и Елена Александровна!

Простите, что не сообщил вам состав президиума¹. Я думал, что вы его узнаете из газет. Выборы прошли совершенно спокойно, имена Лысенко и Опарина не фигурировали совсем. В составе президиума из биологов Палладин, Энгельгардт и Курсанов, из физиков — Капица, Арцимович, Курча-тов, из математиков — Лаврентьев, Петровский, Келдыш, Мухелишвили, астроном — Амбарцумян, техники — Бардин, Благоданов, Костенко, геологи — Щербаков, Сатпаев, химики — Несмеянов, Дубинин М. М., Топчиев, Арбузов, Семенов. От общественных наук — Островитянов, Виноградов, Немчинов.

Состав президиума представляется очень благоприятным. Организован новый биологический ин[ститу]т «Радиоцитологии»². Директором будет Энгельгардт. В работе института примут участие Тамм, Кнунянц, Дубинин Н. П., по всей вероятности Франк, Астауров. Энгельгардт хочет просить Вас... (на этом черновик, написанный под диктовку Ляпунова, обрывается)

1. Речь идет о результатах выборов в президиум Академии наук СССР. Перечисляются имена академиков, вошедших в состав президиума.

2. Имеется в виду Институт радиационной и физико-химической биологии, созданный В. А. Энгельгардтом в 1957 г. и возглавлявшийся им до конца жизни. С 1965 г. он стал называться Институтом молекулярной биологии АН СССР (теперь им. В. А. Энгельгардта РАН).

Тимофеевы-Ресовские — А. А. Ляпунову
Миассово — Москва

5.X.57

Дорогой Алексей Андреевич!

А мы все еще в Миассово! Погода изумительная, тепло и солнце, только за последние дни по утрам стало холоднее и Елена Александровна перестала купаться. Думаем пробыть здесь чис-

ла до 15.X. У вас в Москве наверно вертеж, крутеж и прорва дел. Дел и тут много, но спокойно, почти все разбегались.

Я взял, да и написал для вас — кибернетиков «Микроэволюцию»¹. Постарался: с одной стороны охватить все существенное, а с другой стороны выражаться кратко. Получилось 33 параграфа, в афористически-аксиоматическом стиле. Помоему получилось недурно, оригинально и иначе, чем все писания об эволюции. Мне кажется, что даны в достаточно краткой и строгой форме все основные определения. Главные определяемые понятия (эволюция, элементарные эволюционные явления, вид, популяция, элементарный эволюционный материал, мутационный процесс, популяционные волны, изоляция, естественный отбор) напечатаны в разрядку в тех местах, где они кратко определяются. Я не даю никакого фактического материала или примеров (таблиц и рисунков), так как мне кажется, что к стилю изложения это не подходит, да и нет в этом необходимости. Зато привожу весьма обширный список литературы; он, конечно, не полный, но содержит все самое существенное и по нему любой человек может ориентироваться во всей громадной литературе (упомянуты работы, не все, почти всех авторов, работавших в области микроэволюции и эволюционной генетики). Этот длинный список литературы следует напечатать непременно, можно петитом. Я посылаю Вам манускрипт 33 страницы и список русской литературы; иностранная (еще больше названий) переписывается от руки (здесь нет иностранной машинки) и я пришлю ее Вам дополнительно. Пусть Туся прочтет Вам это писание (на это уйдет около часу); а потом напишите мне свое мнение. Манускрипт черновой, с исправлениями опечаток и его надо перепечатать (посылаю Вам второй экземпляр т.к. первый из-за плохой ленты получился неровный и бледный). Если можно, то после перепечатки пошлите экземпляр Влад[имиру] Ник[олаевичу] Сукачëву и Ив[ану] Ив[ановичу] Шмальгаузену; дайте также посмотреть Борису Львовичу Астаурову. Я пошлю свой третий экземпляр Раисе Львовне Берг², с просьбой показать Тахтаджяну³ и Баранову⁴. Напишите пожалуйста — как дела с кибернетическими сборниками: когда они будут печататься, что-то похоже на наши сборники, все никак не могут выйти.

Надеюсь, что в ноябре попадем в Москву. Наша юбилейная сессия УФАН'а откладывается до начала декабря. Как доехала Туся? Или долетела? Пожалуйста передайте сердечные приветы от нас Анастасии Савельевне, Тусе, Алле с Юрой и всем друзьям. С сердечным приветом.

Ваш Н.Тимофеев

P.S. Пожалуйста, отдайте перепечатать список иностр[анной] литературы и пришлите 1 экз. мне и 1 экз. Р.Л.Берг!

Дорогая Анастасия Савельевна, хочу Вам написать только несколько слов: Туся вела себя на 5+: к обеду не опаздывала, посуду мыла, очень много и хорошо работала и перед отъездом оставила лабораторию в блестящем виде! Хвала ей!! Мы здесь наслаждаемся — вместо купания мы каждый день с Ниной⁵ делаем прогулки. Нина оказалась молодцом — прочла очень хорошо доклад, а затем написала маленькую статейку. Сегодня она уехала. Мы остались одни. Но уезжать нам не хочется. Сейчас здесь изумительно красиво! Целую Вас.

Ваша Е.Тимофеева-Ресовская

-
1. Эта рукопись стала основой опубликованной в 1958 г. в «Ботаническом журнале» (Т. 436. № 3. С. 317–336) статьи «Микроэволюция. Элементарные явления, материал и факторы микроэволюционного процесса».
 2. Раиса Львовна Берг (р. 1913) — биолог, генетик, в то время работала в Ленинграде, неоднократно бывала в Миассове.
 3. Армен Леонович Тахтаджян (р. 1910) — ботаник, академик (с 1972), в то время преподавал в Ленинградском университете и работал в Ботаническом институте АН СССР.
 4. Павел Александрович Баранов (1892–1962) — ботаник, чл.-корр. АН СССР, был директором Ботанического института.
 5. Нина Алексеевна Тимофеева была сотрудницей лаборатории Н.В. еще со времени работы на объекте 0215.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Ляпунову
Миассово — Москва

12.X.57

Дорогой Алексей Андреевич!
Несколько дней тому назад я послал Вам свое сочинение о микроэволюции. Перечитав его, я обнаружил важный пропуск на ст. 29; посылаю Вам соответствующую коротенькую вставку.

Просмотрели ли Вы «Микроэволюцию»? Считаете ли Вы сочинение это подходящим для кибернетического сборника? Сообщите Ваше мнение. При перечитывании мне кое-что понравилось меньше, однако кое-что, пожалуй, больше, чем при писании. В полезности такой краткой, сухой схемы микроэволюционных процессов я, все-таки, твердо убежден. Как дела с «Индетерминированностью»? Будете печатать? Вы обещали отдать ее перепечатать на машинке и прислать мне один экземпляр. Жду! Посылаю Вам четыре добавления в список литературы к «Индетерминированности»: два иностранных и два русских названия. Включите их пожалуйста! Я прочел последние теоретические высказывания Макса Борна; они мне очень понравились (умный старик!) и они имеют прямое отношение к моей работе.

Слышали ли Вы что-нибудь о судьбе моего манускрипта «Биофизический анализ мутационного процесса»? Если физикам он не нужен, то м[ожет] б[ыть] он сгодится для Ваших сборников? Как Вы думаете?

Мы все еще в Миассове, в Эривань не поехали, когда вернемся в Свердловск, тоже еще не знаем; тут хорошо, спокойно и много дела. Сердечные приветы Вам и всем Вашим от нас обоих.

Ваш Н. Тимофеев

Тусе спасибо за письмо. Анадонты¹ живут!

1. Анадонта или беззубка (*Anadonta cellensis*) — крупный двустворчатый моллюск, обычный обитатель пресных водоемов России. Как все «фильтраторы» (животные, питающиеся организмами, взвешенными в толще воды), анадонта является активным «очистителем» воды, в том числе эффективно очищает водоемы от радиоактивных загрязнений.

Тимофеевы-Ресовские — А. А. Ляпунову
Миассово — Москва

28.X.57

Дорогой Алексей Андреевич!
Завтра мы наконец уезжаем из Миассово. Тут все еще тепло, хотя сегодня день пасмурный и моросит мелкий дождичек. Даже березы еще не совсем облетели. Не повлияла ли на климат

Ваша комета, несмотря на свою мизерную величину и никакой видимости. Уезжать, конечно, не хочется. Сейчас тут тихо и спокойно и мы с Еленой Александровной накатали 5 работ.

Посылаю Вам список иностранной литературы к микроэволюции¹. Он включает более тысячи названий; но, напечатанный петитом и подряд он займет лишь несколько страниц. А напечатать его, мне кажется, необходимо: для всех интересующихся он будет представлять большую ценность. Отдайте его пожалуйста нащелкать на машинке и пришлите мне один экземпляр, а то у меня ничего не осталось, кроме разрозненных черновых набросков и карточек.

Позавчера мы, наконец, получили целую партию ваших писем; большое спасибо. Мы очень рады, что Ваша математическая итальянка² познакомилась с нашим другом Буццати³ и виделась с Холендером⁴ (с которым я лично не знаком). Когда приедем в Москву — очень хочется с ней повидаться и поговорить.

Я очень рад, что моя микроэволюция Вам, по-видимому, в общем понравилась. Перечитав ее, я сам удивился — как в столь краткой форме упакалось почти все существенное. У меня даже появляется некоторое желание и предерзкая идея написать в такой же форме, афористически-аксиоматически, по параграфам, работку о генетике, примерно под титлом: «Краткий очерк развития и определение основных понятий современной генетики». Идея сия, однако, предерзостна, поколику являюсь я лишь бывшим генетиком, преизрядно от бурного развития наук отставшим. Надо, впрочем, полагать, что блажь сия по возвращении в Свердловск незамедлительно выветрится. Вообще же для кибернетиков и математиков этакую штуку сочинить следовало бы.

Мы все еще не получили ответа от Штуббе⁵ о том, когда он приедет в Москву и сможет ли с'ездить в Свердловск. С его приездом связана и наша поездка в Москву. Кстати, не можете ли Вы в Москве узнать у кого-нибудь — когда состоится юбилейная сессия ВАСХНИЛ; Штуббе ведь должен приехать на нее.

Скажите Тусе, чтобы она со страшной силой обрабатывала все свои материалы. Три работы о коэффициентах накопления уже написаны; теперь надо писать ее работу о планктоне и ее коллективный труд об анадонте. Хочу всю серию о коэффици-

ентах накопления (уже имеющиеся работы и будущие) под общим титулом «О концентрации химических элементов пресноводными организмами» напечатать в МОИП'е.

Сердечный привет Вам с Анастасией Савельевной, Тусе, Алле с Юрой, внуку и всем друзьям.

Ваши Н. Тимофеев

Е. Тимофеева-Ресовская

1. В полном виде этот список литературы опубликован в монографии: *Тимофеев-Ресовский Н. В., Воронцов Н. Н., Яблоков А. В.* Краткий очерк теории эволюции. М., 1969. С. 340–372.
2. Речь идет о Наташе Рикко, ученице А. А. Ляпунова.
3. Адриано Буццати-Траверсо — итальянский генетик и радиобиолог, ученик Н. В. Тимофеева-Ресовского.
4. А. Холендер — американский радиобиолог.
5. Ганс Штуббе — немецкий генетик, ботаник, сотрудничавший и друживший с Н. В. Тимофеевым-Ресовским в Германии.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. С. Ляпуновой
Свердловск — Москва

31.I.58

Дорогая Анастасия Савельевна!

Простите, что до сих пор не написала Вам. Но не знаю, м[ожет] б[ыть] Вы уже слышали — какое с Ник[олаем] Вл[адимировичем] произошло несчастье. Уже садясь в машину — он стал сам засовывать в багажник наши чемоданы и при этом как-то стукнулся правым глазом об угол багажника и очень сильно поранил себе правый глаз. Времени не было — кое-как промыли глаз и поехали. По дороге глаз сильно болел и распух. Приехавши, сейчас же отправили его к доктору. Он прописал: каждые 3 часа капать пенициллиновые капли. И вот две недели мы сидели дома и лечили глаз — через день ходили к доктору — потом прописал еще какие-то капли и примочки. Были сильные боли — оказывается поранено глазное яблоко. Теперь, конечно, стало лучше. С 27.I я хожу на работу с 8.30 до 15 ч., а потом иду домой — чтобы капать капли. Остальное время читаю ему вслух — и научную литературу и беллетристику. До сих пор врач еще не может установить — не хуже ли стало зрение. Будем надеяться, что осталось по-старому. Но вообще врач старый и хороший. Обещал, когда залечит глаз,

то займется его глазами — исследует их и м[ожет] б[ыть] можно будет что-нибудь сделать. За это время написали с Галей¹ ее работу летнюю. Теперь Ник[олай] Вл[адимирович] хочет написать то, что он обещал Алексею Андреевичу — как начнет, так очень быстро напишет; наверное в понедельник начнет.

Вчера получили письмо от Раисы Львовны [Берг] — пишет, на днях Ник[олай] Вл[адимирович] получит приглашение от Рентгенологического института прочитать небольшой курс по радиационной генетике, кроме того его пригласили на совещание по филогенезу растений, так что он наверное в начале марта будет в Ленинграде, а потом заедет в Москву. Поеду ли я с ним — еще не знаю — по правде сказать, мы что-то так истратились за последнюю поездку, что денег нет. Ну посмотрим! Мне конечно поехать очень хочется. Нина [Тимофеева] сейчас поехала в Миассово — я просила ее узнать, как обстоит дело с увеличением нашего и постройкой Вашего дома². Мы сами обязательно хотим поехать в феврале. Но не знаю, как будет с глазом.

Нас, конечно, очень интересует, как дела в ВАК'е с докторской степенью³. Если бы Алексей Андреевич смог позвонить Лидии Ивановне Коридалиной⁴ и узнать у нее, как и что. Передайте тогда с Галей [Махониной] записочку. Я очень волнуюсь. Как у вас дела, оба ли внука с Вами? Мы как-то очень мало с Вами повидались. Ну, если в марте будем — тогда уж повидаемся как следует. Берегите свое здоровье — не набирайте на себя слишком много. Я нашла очень хорошую работницу — 2 раза в неделю она убирает всю квартиру.

Целую Вас и привет большой от нас обоих Алексею Андреевичу и всем.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Галина Ивановна Махонина — в то время студентка МГУ, позже сотрудница лаборатории Н. В., потом доцент кафедры экологии Уральского государственного университета.

2. Эти планы так и не осуществились.

3. Е. А. беспокоится, можно ли надеяться на утверждение ВАК докторской степени Н. В. Дело в том, что 20.XII.1957 в Ленинграде, в Ботаническом институте АН СССР состоялось совместное заседание ученых советов Ботанического института и Института цитологии АН СССР (его вел директор Института цитологии чл-корр. АН СССР Дмитрий Николаевич Насонов), на котором с обширным и обстоятельным докладом выступил Н. В. После бурного и напряженного

обсуждения ученый совет постановил ходатайствовать перед ВАК о присуждении Н. В. Тимофееву-Ресовскому ученой степени доктора биологических наук. Документы были переданы в ВАК, но утверждение после этой, первой, «защиты» так и не состоялось. Позже, в 1963 г., состоялась вторая защита уже в Институте биологии в Свердловске. «Дело о докторской степени Н. В. Тимофеева-Ресовского» тянулось вплоть до 1964 г. — до снятия Н. С. Хрущева и окончательного падения Т. Д. Лысенко. Вся эта история будет еще неоднократно обсуждаться в письмах.

4. Лидия Ивановна Коридалина — в те годы куратор Уральского филиала АН (УФАН) в президиуме АН СССР.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. В. Реформатской
Миассово — Москва

1.XI.58

Дорогая Надя, решила написать тебе хоть несколько слов перед отъездом в Свердловск — завтра уезжаем, уже снег лежит! Спасибо тебе, что написала, теперь знаю, что вы живы. <...>

У нас была одна ужасная неприятность — ВАК решил не давать Колюше «степени доктора». Все предварительные стадии — три академических института, отделение биологических наук Академии прошли блестяще, рекомендации 6 академиков! Ничего не помогло. Ну мы день, два погоревали, а теперь утешились, черт с ними — не хотят давать и не надо — нам уж недолго осталось жить — как-нибудь проживем. Важнее сохранить здоровье и главное — нервы. Возможно, что будут еще опротестовывать это решение. Но мы не надеемся, что это может.

Лето мы провели очень хорошо — я что-то вошла в раж и много наработала, а сентябрь-октябрь писали с Колюшей — у меня даже рука устала. Вообще немного устала за последнее время, зато за лето очень отдохнула — с ленинградской домработницей не было никаких ни забот, ни хлопот.

Я очень рада, что Таня¹ осталась довольна своим пребыванием у нас — мы тоже были очень довольны — она всем здесь очень понравилась.

На будущий год едем на Байкал! Я во чтобы то ни стало уговорю Колюшу. Перед смертью надо еще повидать Байкал.

Крепко целую тебя и Машу, и Колюша тоже.

Твоя Леля

1. Татьяна Георгиевна Залогина (р. 1925) — переводчица, дочь Г.Г.Залогина.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Ляпунову
Свердловск — Москва

9. II. 59

Дорогой Алексей Андреевич!

В УФАН из Москвы прислали с просьбой об отзывах, составленные С. В. Яблонским¹ и Вами «Основные проблемы кибернетики»². Весьма приветствую! Так как, по-видимому, отсюда никаких откликов не будет и все лишь «примут к сведению», то я написал маленькое «дополнение». Я, конечно, отнюдь не настаиваю на включении этих двух пунктов в план; но мы часто с Вами о них говорили и я пишу о них «для памяти». Один экземпляр я сдал ученому секретарю УФАНА для отправки в то место, откуда они получили Ваш план, а прилагаемый экземпляр посылаю Вам (ибо дойдет ли до Вас официально посланный?). Разработкой теории эксперимента заняться необходимо и ближе всего это математикам с кибернетическим уклоном. Особенно важно показать, как в сложной системе возможных условий и влияний получать из различных типов опытов максимум достоверной информации при минимальной затрате времени. Второй пункт (о взаимоотношениях кибернетики и «теоретической биологии») может быть стоит иметь в виду в связи с тем, что при разработке общих принципов кибернетики наверно придется учитывать столь сложные системы, какие имеют место при взаимодействиях и взаимозависимостях онтогенетического и филогенетического планов в биологии.

Я все еще не очухался от Ленинграда и Москвы; а тут накопилось много дел. Как Ваше здоровье? Как дела? Как московские научные умонастроения? У нас, пока, все спокойно. Черкните — как дела с биологией. Как сошли комиссии у Дубинина в Новосибирске и у Баранова в Ленинграде?

Сердечнейшие приветы Вам, Анастасии Савельевне и всем обширнейшим семействам (F₁ и F₂)³.

Ваш Н. Тимофеев

Р.С. Дорогой Алексей Андреевич, меня очень интересует, как обстоят дела в ВАК'е? Настал ли «момент»⁴? Пожалуйста напишите. Большой привет всем, всем.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Сергей Всеволодович Яблонский (1924–1998) — математик, кибернетик, ученик и сотрудник А.А.Ляпунова, заведующий отделом кибернетики Математического института в Отделении прикладной математики АН СССР. Занимался математической логикой и математическими проблемами кибернетики. Чл.-корр. АН СССР с 1968 г.
2. Работа А.А.Ляпунова и С.В.Яблонского была полностью опубликована в сборнике «Проблемы кибернетики» (М., 1963. Вып. 9. С. 179–193). Кроме определений основных понятий и содержания кибернетики в ней был дан развернутый план работ в разных областях науки: математике, технике, биологии, экономике и др.
3. F_1 и F_2 — так генетики обозначают первое и второе поколение, здесь — дети и внуки.
4. Е.А. спрашивает о возможности пересмотра решения ВАК, отклонившего представление о присуждении Н.В.Тимофееву-Ресовскому ученой степени доктора биологических наук (см. прим. к письму от 31.I.58).

А.А.Ляпунов — Тимофеевым-Ресовским

Москва — Свердловск

23.II.59

Дорогие и глубокоуважаемые Елена Александровна и Николай Владимирович!

Простите, что так долго Вам не писал и что отвечаю с таким опозданием. Некоторое время обстановка в области биологии была напряженной и неясной. Сейчас она в значительной мере прояснилась. Здравые тенденции явно одержали верх. Особенно характерно это проявилось на С'езде¹. Выступления Лаврентьева и Несмеянова обрисовали программу деятельности Академии, Курчатов — область своих работ, а Митин и Островитянов произнесли чисто оборонительные речи, не затрагивая естественных наук.

Сейчас сформирован целый ряд комиссий для разработки планов мероприятий по улучшению работы научных учреждений и практического использования современных возможностей науки. В центре внимания экономические науки. Стоит вопрос об использовании машинно-математических методов при планировании, а это связано с развитием точных методов

в экономике, выработкой системы точных понятий и разработкой количественных методов в изучении экономических явлений. Отдаться приходится кибернетикам.

Биологические дела обстоят так: после изменения состава редакции «Ботанического журнала» был ряд попыток изменения состава редакции Бюллетеня МОИП. Теперь уже ясно, что эти попытки остались безрезультатными. Состоялось заседание Президиума АН, где обсуждались итоги работы биоотделения. После доклада Энгельгардта, Т.Д.[Лысенко] и К^о пошли в поход. Контратаку осуществили Семенов и Келдыш. В решении была отмечена справедливость всякой критики работы бюро и было предложено укреплять связь биологии с физикой, математикой и химией и форсировать создание новых институтов. В первую очередь намечается создание Ин[ститу]та физико-химической биологии². Почти одновременно прошло обследование Ин[ститу]та Дубинина в Новосибирске³. Комиссия Нуждина⁴ вела себя весьма агрессивно и подготовила погромное решение. Однако на заключительном заседании Лаврентьев посадил комиссию в калошу, и заставил их отказаться от своего проекта и провел совершенно правильное и благоприятное решение. Это немедленно сказалось на обследовании Ботанического ин[ститу]та⁵. Линия поведения ленинградской комиссии стала неузнаваемой и проект решения — самым благоприятным. Впрочем, окончательное решение еще не обнародовано. Зато на Биофаке МГУ разгул средневековья. Завтра Е.С.Смирнов⁶ выступает с докладом о наследовании благоприобретенных признаков. У Астаурова лаборатория развертывается. Он набирает людей. Возник вопрос о том, чтобы Юра Богданов⁷, сдав минимум, бросил аспирантуру и перешел к Астаурову. Мне кажется, что работа у Трошина А.С.⁸ для Юры малоперспективна. Пребывание в Миассово оказало на него большое воздействие. Он переоценивает научные ценности и ищет осмысленные постановки вопроса. Очень хотелось бы знать Ваше мнение по поводу этого замысла.

Очень благодарен Вам за дополнение к плану по кибернетике. Мы его непременно учтем. Сейчас очень остро встал вопрос об организации биолого-кибернетических работ. Это наименее обеспеченный в организационном отношении раздел плана. Единственные места, на которых сейчас можно ба-

зираться — это Ваша лаборатория, Шмальгаузен, Астауров и Крушинский⁹. Мы, наконец, получили возможность развернуть лабораторию по кибернетике в Университете. Направление ее выбрали кибернетико-физиологическое. Основные задачи — моделирование поведения групп живых существ с обменом информацией, попытка систематизации рефлексологических понятий и дальнейшее изучение экстраполяционных рефлексов. Начали с маленького семинара. Трудности очень большие, т. к. тематика еще очень расплывчата. Развернуть генетико-кибернетическую работу в Университете немыслимо. Ориентировать лабораторию на связь с лингвистами и экономистами мне не хотелось. Надеюсь отсюда вести атаку на университетскую биологию. Демарш в ВАК'е еще не сделан, но некоторые подготовительные операции прошли успешно. На днях получу окончательный совет, когда осуществить этот демарш. Мы все по очереди болеем гриппом. Я заседаю по 6 часов в день и совершенно не делаю дела. Очень рад, что у Вас Отдел. От всей души желаю процветания. Всем семейством шлем Вам сердечный привет.

А. Ляпунов

1. Речь идет о XXI (Внеочередном) съезде КПСС, проходившем в Москве с 27 января по 5 февраля 1959 г.
2. Имеется в виду Институт радиационной и физико-химической биологии, упоминавшийся в письме от 11.III.57. Он начал работать только весной 1959 г.
3. Н. П. Дубинин был директором-организатором Института цитологии и генетики СО АН (1957—1959), смещен по указанию Н. С. Хрущева, посетившего Новосибирский Академгородок проездом из Пекина в Москву.
4. Николай Иванович Нуждин (1904—1972) — профессор МГУ, сотрудник Института генетики АН, соратник Лысенко. До 1948 г. — генетик, с 1948 г. — ренегат и антигенетик.
5. Ботанический институт им. В. Л. Комарова АН СССР в Ленинграде.
6. Евгений Сергеевич Смирнов — энтомолог, профессор кафедры энтомологии биофака МГУ.
7. Юрий Федорович Богданов (р. 1934) — биолог, в те годы был аспирантом Института цитологии в Ленинграде. В 1958 и 1960 г. летом работал в Миассово. Сейчас профессор, академик РАЕН, заведующий лабораторией цитогенетики Института общей генетики им Н. И. Вавилова РАН. Муж Н. А. Ляпуновой.
8. Афанасий Семенович Трошин (1912—1985) — цитолог, цитофизиолог, чл.-корр. АН СССР, в 1958 г., после смерти Д. Н. Насонова, стал директором Института цитологии.
9. Леонид Викторович Крушинский (1911—1984) — физиолог, генетик, профессор кафедры высшей нервной деятельности МГУ, чл.-корр. АН СССР. Школьный друг А. А. Ляпунова.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Ляпунову
Свердловск — Москва

[2, 3.III.59]

Дорогой Алексей Андреевич!

Алексей Николаевич Орлов¹ посылает Вам экземпляр своей работы о транспорте стройматериалов для редупликации хромосом; Вам может быть будет интересно познакомиться с окончательной формой этой работы, доклад о которой Вы слышали летом. Алексей Николаевич с С. В. Вонсовским² посылают ее С. Л. Соболеву³ для представления к напечатанию в ДАН; может быть Вы сможете ускорить это дело, напомнив о нем С. Л. Соболеву. Сейчас мы все три законченные работы (Плишкина о двойных спиралях, Зырянова о гомологичной аттракции и Орлова о транспорте стройматериала) разослали в краткой и строгой форме со всеми формулами (для физиков) в «Биофизику» и в ДАН; а теперь готовим, вместе с моим введением по истории вопроса, в популярной форме, для биологов и хотим напечатать 4 небольшие работы по проблеме ауторепродукции в новом журнале «Цитология».

Большое спасибо Вам за длинное письмо, которое мы на днях получили. Слава Богу, из нового натиска реакции ничего не вышло⁴. Я тут совсем погряз в делах: очень много обработки летних материалов и писанины. Надеемся в мае быть хоть на короткий срок в Москве и Ленинграде, а в июне собраться в Миассово на небольшую биофизико-цитологическую конференцию, на которую, конечно, ждем и Вас. Как со вторым номером «Проблем кибернетики» и моей статьей⁵? Первый номер пользуется большим успехом.

Сердечный привет от нас обоих Вам и всем Вашим трем поколениям.

Ваш Тимофеев

1. Алексей Николаевич Орлов, так же, как называемые далее Юрий Михайлович Плишкин и Павел Степанович Зырянов — физики, сотрудники Института физики металлов АН СССР и Уральского политехнического института в Свердловске, с которыми сотрудничал Н. В.

2. Сергей Васильевич Вонсовский (р. 1910) — физик, академик (с 1966). В те годы был заместителем директора Института физики металлов АН СССР, профессором Уральского университета.

3. Сергей Львович Соболев (1908–1989) — математик, академик.

4. После некоторого «потепления» в 1954–1957 гг., когда, казалось, стала понемногу восстанавливаться в правах генетика, с 1958 г. началась новая волна возвеличивания Т. Д. Лысенко, который нашел понимание и поддержку Н. С. Хрущева. Хотя обстановка в правительстве была уже не та, что при Сталине, и с мнением ученых нельзя было не считаться, но за время монополии Лысенко на многих постах в научных институтах, ВУЗах, а, главное, в отделах науки партийных комитетов и в министерствах прочно обосновались выдвинуты лысенковского клана, которые продолжали определять политику в области биологии.

5. «Проблемы кибернетики» — сборники статей под редакцией А. А. Ляпунова, издавались Государственным издательством физико-математической литературы в Москве. Выпуск 1-й вышел в конце 1958 г. Во 2-м выпуске (конец 1959-го) опубликована статья Н. В. Тимофеева-Ресовского и Р. Р. Ромпе «О статистичности и принципе усилителя в биологии». Всего при жизни А. А. Ляпунова под его редакцией вышли 29 выпусков. В них опубликованы, кроме указанной, еще 6 статей Н. В.: 1961, вып. 5; 1964, вып. 12; 1966, вып. 16 — две статьи и 1967, вып. 18 — две статьи (см. библиографию в книге: *Тимофеев-Ресовский Н. В. Избранные труды*. М. 1996).

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. С. Ляпуновой
Свердловск — Москва

12.V.59

Дорогая Анастасия Савельевна!

Очень, очень давно сама Вам не писала и от Вас ничего не слышно. Как мы приехали из Москвы — так Ник[олай] Вл[адимирович] вел себя очень плохо. В конце концов я его отправила к врачу. А врач нашел, что у него аритмичное сердце, да и склероз. Посоветовали поехать в санаторий. Со страшными трагедиями уговорили Ник[олая] Вл[адимировича] поехать в конце апреля в Сочи. Все достали, и письмо от Деменёва и курортные карты. Л. И. Коридалина сказала, что есть две путевки в Сочи на 25 апреля, она была как раз здесь, взяла у меня деньги, я купила билет и ждала окончательной телеграммы. Ну вот и получила телеграмму, что путевок *нет*. Я должна Вам сказать, что я даже не расстроилась, но дала клятву никогда в жизни ни по каким путевкам никуда не ездить.

Теперь относительно Миассово. Я наверное поеду туда через неделю, а Ник[олай] Вл[адимирович] совершенно неожиданно для всех нас — занялся своими зубами: ему уже вырвали 18 зубов, осталось только на нижней челюсти 4 штуки!! На них он получит 4 коронки и затем 2 челюсти. Зубы его задержат — вряд ли он выберется раньше 1 июня. Нам очень хочется, что-

бы Вы приехали в Миассово. 7 июля у нас будет совещание с физиками. Хорошо было бы, если бы Вы к этому времени приехали. Как и где мы вас поместим — я еще себе не представляю. Но уж для вас мы место найдем и вы будете под крышей. Напишите о ваших планах *обязательно*.

Я даже не поздравила Тусю с сыном¹. Мы слышали от Гецово², что сын огромный! Поцелуйте Тусю от меня. Очень я переживаю «докторскую степень». Что же, как дела? Н. В. Демёнёв говорил нам, что и Топчиев³ сказал, что окажет поддержку. И Несмеянов⁴ сказал, чтобы его оповестили, когда будет заседание — он лично поговорит с Елютиным⁵. Неужели этого недостаточно? Николая Владимировича рвут на части: прочитал в этом году курс генетики и радиобиологии в УПИ⁶ на одном факультете — вчера звонили — просим прочитать еще 3 лекции на другом факультете, постоянно призывают на консультации. А степени все нет. Теперь мы «отдел». Начинают строить летом институт. Но, конечно, Алексею Андреевичу виднее — по-видимому еще нельзя⁷. Надо делать уже наверняка. Да, между прочим, Ник[олай] Вл[адимирович] получил из Академии наук (Германии, Академии в Халле — Леопольдина), что ему решено выдать Дарвиновскую плакетку за его работы. 10.V. там было торжественное заседание памяти Дарвина — его конечно приглашали приехать, чтобы лично вручить ему эту плакетку. Но конечно мы и не пытались просить о поездке. Ну вот какие у нас дела.

Крепко целую Вас и всех Ваших.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

-
1. В апреле 1959 г. у Н. А. Ляпуновой и Ю. Ф. Богданова родился сын Андрей.
 2. Анна Бенедиктовна Гецова (1908–1993) — гидробиолог, сотрудник Зоологического института АН (Ленинград). Начиная с 1958 г., каждое лето приезжала в Миассово, где работала в группе Е. А. Бывая в Ленинграде, Тимофеевы обычно останавливались в ее гостеприимном, уютном доме. Именно в ее доме Тимофеевы познакомились с Д. А. Граниным. Эта встреча привела к появлению (почти через 30 лет!) книги «Зуб».
 3. Александр Васильевич Топчиев (1907–1962) — химик-органик, академик, с 1958 г. вице-президент АН СССР.
 4. Александр Николаевич Несмеянов (1899–1980) — химик-органик, академик, президент АН СССР (1951–1961).
 5. Вячеслав Петрович Елютин (1907–1993) — чл.-корр. АН, с 1954 г. министр высшего и среднего специального образования, которому подчинялась ВАК.
 6. УПИ — Уральский политехнический институт (Свердловск).

7. Имеется в виду активизация «лысенковцев», занимавших прочные позиции, в том числе и в ВАК.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Ляпунову
Миассово — Москва

11.VI.59

Дорогой Алексей Андреевич!

Окончательно выяснилось, что трёп по теоретической биофизике с нашими свердловскими теоретиками и кое с кем из приезжих состоится в Миассово от 7 до 12 июля. Ваше присутствие совершенно необходимо! Более того — умоляем Вас приехать 2-3 июля. Дело в следующем: в последних числах июня в Свердловске состоится Всесоюзная конференция по низким температурам, на которую с'едутся всякие академики и членкоры; конференция закончится 2 июля, и 3 июля к нам прибудет дня на два, на три группа физиков, по-видимому, во главе с П. Л. Капицей и Л. Д. Ландау (человек 20) посмотреть нас и заповедник и может быть устроить заседание с докладами на общие темы. Сами понимаете: без Вас такое физическое проишествие в Миассово немислимо. Умоляем Вас, бросайте все дела и летите к нам, если время жалко, то буквально — на самолете. Если Вы прилетите 2 июля на ТУ-104 в Свердловск (полет менее 2-х часов, а стоит столько, сколько мягкий вагон), то переночуете у нас (Андрей дома) и вместе с физиками приедете; а еще лучше — приезжайте не позже 2.VII прямо в Миассово, вместе с Анастасией Савельевной.

Ждем!

Недавно я получил корректуру «Индетерминизма» из второго выпуска «Проблем кибернетики» и на следующий же день, исправив, отослал обратно. Я просил редакцию изготовить на мой счет как можно больше оттисков; пожалуйста, со своей стороны, попросите их дать мне штук 50 оттисков, а если можно, то и больше — я заплачу. В начале августа собирается приехать Игорь Андреевич Полетаев¹; тогда мы с Вами и с ним втроем займемся вопросом «о кибернетике и теоретической биологии» для очередного выпуска «Проблем кибернетики». Может быть, Вы уговорите Игоря Андреевича выбратъся пораньше.

Ждем! Пишите! Телеграфируйте! Приезжайте!

Всему семейству Вашему (четырем поколениям от прабабушки до мелюзги) наши сердечнейшие приветы. Крепко обнимаю и жду.

Ваш Н. Тимофеев

Дорогая Анастасия Савельевна!
Ждем Вас обязательно — кушетка Ваша стоит на складе. Целую.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Игорь Андреевич Полетаев (1915–1983) — инженер, физик, математик, кибернетик. Сформулировал и разрабатывал, в частности, математический принцип анализа лимитирующих факторов при моделировании экономических, экологических и физиологических объектов. В 1961 г. переехал в Новосибирск и стал сотрудником Института математики СО АН. Автор первой в России научно-популярной книги по кибернетике «Сигнал», провокатор нашумевшей в свое время дискуссии «о физиках и лириках».

А. А. Ляпунов — Тимофеевым-Ресовским

Москва — Свердловск

VI.59

Дорогие и глубокоуважаемые Елена Александровна и Николай Владимирович!

Сердечно поздравляем Вас с Дарвиновской медалью, которую Берлинская Академия присудила Николаю Владимировичу.

Нам сообщил об этом П. Л. Капица, который просил передать свое поздравление. Эта Медаль присуждена также И. И. Шмальгаузену и Н. П. Дубинину. Нам очень стыдно, что мы так долго не писали. Эта зима прошла в совершенном водовороте. Удалось организовать Совет по кибернетике¹ в Ак[адемии] Наук и сдвинуть с точки замерзания «Проблемы». Я могу выехать в Миассово не раньше 30-го вечером. Днем у нас ученый совет, который нельзя пропустить. Таким образом в Миассово мы приедем 3-го утром. Очень бы хотелось застать физиков.

Полетаев сможет приехать в середине июля. С ним должен получиться хороший кибернетический трэп.

На конференцию по редупликации мы с Андреем [Маленковым]² готовим формализацию основ генетики, кроме

того я мог бы прореферировать статью Стенли под названием «О природе вирусов, рака, генов и жизни», а также работы И.И. Шмальгаузена о циркуляции информации в живой природе. Кроме того, мне хотелось бы рассказать на коллоквиуме о последних новостях из области кибернетики. Это скорее хроника, чем научный доклад.

Обстановка в области биологии продолжает быть неустойчивой. Особенно плохо в Университете. Кафедру генетики получил Столетов³. Московские биологи недопустимо пассивны — они возлагают все надежды на физиков и математиков и сами ничего не предпринимают. Астауров, Алиханян⁴ и Хесин⁵ организовали маленькую лабораторию у физиков. Академия утвердила проблему — физ[ико]-хим[ические] основы наследственности. В этой проблеме фигурирует Ваша лаборатория. Однако утверждена и лысенковская проблема. Институт Энгельгардта пребывает в неясности, хотя Туся говорит, что они набирают народ и получают оборудование.

Наши домашние дела определяются внуками. Маша и Гриша⁶ находятся на Мозжинке. <...> У Туськи растет великан. Родился 4200, а к двум месяцам весил 6300. <...> У среднего поколения дела сравнительно благополучны. Понемногу заканчивают учение и начинают печататься. Старики выматываются, наукой не занимаются и, видимо, скоро перестанут печататься. Уж слишком много приходится заседать. Это большое горе московской жизни. Но, пока, еще живы и даже здоровы.

Нина Баландина сочинила целый труд на тему «о сорбции». По-видимому, ей удалось нащупать математический подход к сорбции на смесях сорбентов при отсутствии химических превращений. На беду, она сама боится своей работы.

Мы очень стремимся в Миассово и рассчитываем на интересное и увлекательное лето.

Всем семейством шлем Вам свой сердечный привет.

А. Ляпунов

1. Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» АН СССР был создан в 1959 г., его председателем был назначен академик А.И. Берг, а его заместителем — А.А. Ляпунов.

2. Андрей Георгиевич Маленков (р. 1938) — биофизик, академик РАЕН, тогда студент кафедры биофизики физического факультета МГУ, участник семинаров в Миассово в 1958 и 1960 гг.
3. Всеволод Николаевич Столетов (1907–1989) — биолог, заведующий кафедрой генетики МГУ (с 1959), одновременно министр высшего и среднего специального образования РСФСР. Академик АПН, в 1972–1881 гг. президент АПН СССР. В бытность заведующим кафедрой генетики МГУ регулярно приглашал Н. В. и других генетиков с лекциями, что способствовало возрождению генетики.
4. Сос Исаакович Алиханян (1906–1985) — генетик. Тогда в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова был создан радиобиологический отдел — специально для возрождения и развития генетики в стране. На базе отдела в 1978 г. образовался Институт молекулярной генетики АН СССР. В состав отдела входила и лаборатория Алиханяна. После 1968 г. он возглавил ВНИИ генетики промышленных микроорганизмов.
5. Роман Бениаминович Хесин-Лурье (1922–1985) — генетик и биохимик. Руководил лабораторией молекулярной генетики Института атомной энергии.
6. Маша и Гриша — внуки Ляпунова, дети дочерей Ляли и Аллы.

А. А. Ляпунов — Н. В. Тимофееву-Ресовскому
Москва — Свердловск

VI.59

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Владимирович!
Я только что получил Ваше письмо и приглашение участвовать в лабораторном совещании. Вероятно, это письмо скрестилось в пути с теми двумя, которые я Вам послал, — одно по почте, другое — с мальчиками.

На беду, у меня в последний момент произошли некоторые перемены. Я освобожусь только вечером 2-го. Собираюсь 3-го вместе с А. С. [Ляпуновой] лететь в Челябинск. Удобно ли просить туда машину? Мы будем телеграфировать вылет. Если машину выслать не удастся, очень прошу дать нам телеграмму на Челябинск, аэродром, востребование.

Вчера был у Капиц. Они очень хотят к Вам приехать. По всей вероятности, после конференции они будут у Вас. Завтра в посольстве ГДР состоится вручение наград Берлинской Академии. Насколько я знаю, Дарвиновская медаль присуждена Вам, Четверикову, Шмальгаузену и Дубинину. Капице присуждена медаль по физике. Все очень сожалеют, что Вам не послали вызова. По-видимому, никто из награжденных биологов не получил приглашения. На днях в Париже получили медали за работы в области кибернетики Дородницын и Базилевский.

Послезавтра состоится первое заседание Совета по кибернетике. Там будут чисто организационные вопросы.

Мальчики Иванов и Архангельский с нетерпением ждут Вашего разрешения приехать.

Все семейство шлет Вам и Елене Александровне самый горячий привет. Просим Вас передать наш сердечный привет всем Вашим сотрудникам.

До скорого свидания, с глубоким уважением

Ваш Ляпунов

Во II половине июля на Урале будет астроном Б. Ю. Левин¹. Он просит разрешения провести в Миассово несколько дней. Он работает в области теории происхождения Земли в духе О. Ю. Шмидта. Это очень интересный и милый человек. Его можно заставить сделать интересный доклад по космогонии.

1. Борис Юльевич Левин — астроном, доктор физико-математических наук, ученик и сотрудник О. Ю. Шмидта, школьный товарищ А. А. Ляпунова.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Ляпуновым

Свердловск — Москва

8.IX.59

Дорогие Анастасия Савельевна и Алексей Андреевич!

Вот уже две недели как мы приехали с Байкала и никак не могли собраться написать вам. Съездили мы изумительно — с начала до конца. Туда ехали на поезде очень весело, брали в купе еду из ресторана и пили вино, а обратно вылетев на ТУ в 8 утра из Иркутска прибыли домой в 12 ночи 25.VIII. В Иркутске нас встретили на двух машинах и вообще Виктор [Владимирович Тимофеев] и его жена принимали нас чудесно — поили, кормили и веселили.

Из Иркутска мы сделали несколько очень интересных поездок по Байкалу и окрестностям Иркутска — ездили за 200 километров по замечательным дорогам удивительной красоты. Ну, а о Байкале и говорить нечего — ничего более грандиозного мы в своей жизни не видели. Теперь я смогу спокойно умереть. Хотя мне это не очень хочется — т.к. планируем на будущий год — опять туда поездку. Уже заказали лодку

большую и поедем вдоль берегов Байкала. Вам совершенно необходимо побывать на Байкале!!

Город Иркутск нам тоже очень понравился — Николай Владимирович ставит его на второе место после Ленинграда.

Да, на днях мы получили от Керкиса¹ телеграмму: «2-го сентября трагически погибла на Урале жена Дубинина» — Вы наверное знаете, что такое произошло, почему трагически? Мы послали сейчас же Дубинину телеграмму и письмо. Напишите пожалуйста, что произошло.

Приехавши в Миассово — нашли здесь массу поздравительных телеграмм и писем — это по-видимому после заметки в Правде². Кто только не поздравлял — и даже академики: Сукачѳв, Баландин, Виноградов. Затем совершенно неожиданно в прошлое воскресенье приехал Н. В. Деменѳв и В. Новиков (из Совета по координации). Пробыли весь день — обедали у нас, осматривали лабораторию и много говорили. В общем наобещали массу всяких приятных вещей. Будут строить новый лабораторный корпус и два жилых дома. Верить ли только?! Приехавши — мы окунулись в миассовскую жизнь — коллокви, я заканчиваю опыты, а потом засядем писать. Я думаю, до 1 ноября пробудем здесь. Мы слышали, что Алексей Андреевич числа 20.IX будет в Челябинске — *ждем Вас к себе обязательно, хотя бы на один день*. Николай Владимирович шлет вам и всему вашему семейству сердечные приветы.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Юлий Яковлевич Керкис (1907–1977) — генетик, в 1959 г. заведовал лабораторией в Институте цитологии и генетики СО АН СССР (Новосибирск). Неоднократно бывал в Миассове.

2. В «Правде» была публикация о присуждении Дарвиновских медалей АН ГДР Н. П. Дубинину, Н. В. Тимофееву-Ресовскому, С. С. Четверикову и И. И. Шмальгаузену.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Ю. Ф. Богданову и Н. А. Ляпуновой
Свердловск — Москва

5.XI.59

Дорогой Юра!

Большое спасибо за обстоятельное письмо и за книги, которые пришли почти одновременно. Очень было интересно уз-

нать подробно о цитологической конференции, по-видимому, действительно можно было услышать много интересного. Но Николаю Владимировичу очень не хотелось ехать без доклада — это во-первых, а во-вторых не хотелось уезжать из Миассова — уж очень хорошо мы там жили вдвоем и работали. Мы хотели остаться в Миассове до ноября, но Шварц¹ вызвал уже 20 октября Николая Владимировича в Свердловск. Я писала о наших делах Алексею Андреевичу. Пока что все в неопределенном положении. Деменёв, приехавши в Москву, сказал, что все остается по-старому, но в конце ноября будет большое заседание в Академии и тогда окончательно все решится. Николаю Владимировичу во что бы то ни стало хочется остаться в Академии — никуда он больше идти не хочет. Но ходят какие-то неясные слухи, что весь наш Биологический институт или б[ыть] м[ожет] только отдел биофизики присоединят к Университету. Николай Владимирович категорически против этого. Живем как-то не особенно спокойно. Защищала ли Туся диплом — я хочу ее поздравить, но м[ожет] б[ыть] она еще не защищала.

Всего хорошего, еще раз большое спасибо за письмо и книги.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

Дорогая Туся!

Поздравляю тебя с окончанием Университета! Если даже ты еще и не защитила, то все равно мое поздравление остается в силе, так как я уверена, что ты защитишь блестяще. Юра писал, что Зенкевич оставляет тебя у себя, но ведь ты хотела эту зиму не работать? Или он возьмет тебя через год? Мне очень понравился ваш Андрей — громадный юноша. Интересно будет его посмотреть, когда приедем в Москву. Мы рассчитываем быть в Москве в конце декабря. Но, кто знает — что с нами будет. Может быть, Николаю Владимировичу нельзя будет уехать в декабре. Очень соскучилась по всем вам и по многим московским и ленинградским друзьям. Передай наши самые сердечные приветы всем вашим.

Твоя Е. Тимофеева-Ресовская

1. Станислав Семенович Шварц — биолог, академик, директор Института биологии УФАН СССР.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. А. Ляпуновой
Свердловск — Москва

10.XI.59

Дорогая Туся!

Только что получили твое письмо и хочется еще раз поздравить тебя с окончанием и получением «отличного» диплома. Очень приятно было услышать о том, что помянули нас хорошо и Зенкевич¹ и Телитченко². Обязана ты за получение «отлично» не столько тому, что работала у нас в лаборатории, а своей голове, своему интересу к наукам и своим рукам.

Я получила недавно работу Телитченко и совершенно не знала, где он работает. Может быть ты напишешь его имя, отчество и адрес. Я хотела бы ему написать несколько слов по поводу его работы, почему он брал такую маленькую активность — что-то меньше 1 микрокюри на литр — это же очень трудно считать.

У нас все продолжают какие-то невероятные слухи — теперь уже не о закрытии УФАН'а, а наоборот — о его расширении и превращении в Отделение. Вчера Ник[олай] Викт[ор]ович Лучник] был в Ун[иверсите]те и говорил с Лебедевым (декан) — он сказал, что Председателем будет акад[емик] Бардин, а Ляпунов и Волькенштейн дали уже свое согласие на переезд в Свердловск. Где здесь правда??!

Мне предстоит ужасная вещь — написать в этом году (1960) монографию по водным делам. Своего материала у меня очень много — но я очень плохо знаю соответствующую литературу. Кроме своей экспериментальной работы — я очень занята Николаем Владимировичем — ведь ты знаешь, он мне диктует все свои работы и много читаю ему. Я была бы тебе очень благодарна, если бы ты прислала свою работу — но с полным списком литературы.

Живем мы хорошо — только вчера у меня разболелся зуб и мне пришлось снимать весь мост с нижней челюсти — сегодня надо рвать 2 зуба — а потом буду ходить без нижней челюсти недели две!! Мы собираемся в начале декабря в Ленинград, а в

конце декабря в Москву — если ничего не будет такого, что задержит Ник[олая] Вл[адимировича] здесь. Но я мечтаю вырваться. Целую тебя, родителям, сестрам и мужьям сердечные приветы.

Твоя Е. Тимофеева-Ресовская

-
1. Лев Александрович Зенкевич был научным руководителем дипломной работы Н. А. Ляпуновой.
 2. Михаил Михайлович Телитченко — преподаватель и научный сотрудник кафедры гидробиологии биолого-почвенного факультета МГУ, позднее — профессор и заведующий лабораторией той же кафедры, официальный рецензент дипломной работы Н. А. Ляпуновой.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. А. Ляпуновой
Свердловск — Москва

16.1.60

Дорогая Туся!

Карточки переписала, большое спасибо. Доехали мы очень хорошо и поели все пирожные-морожные, их проводница поставила в холод!!

Тут мы всё нашли более или менее в порядке. Много хороших перспектив — УФАН не только не закрывают, но даже собираются расширять. Утвержден план на строительство нового здания, в котором будут помещаться 3 института: 1. Институт экологии (Шварц), 2. Институт экспериментальной биологии и биофизики (наш) и 3. Институт по охране природы.

Но это все, конечно, будет не скоро. Ну, надо кончать. Целую тебя, передай наши нежные приветы папе с мамой и Юре с Лялей¹. Как папино здоровье? Пиши мне, хоть изредка. Устроилась ли ты на работе?

Твоя Е. Тимофеева-Ресовская

1. Елена Алексеевна Ляпунова (Ляля, р. 1936) — зоолог, цитогенетик, сотрудник Института биологии развития им. Н. К. Кольцова РАН. Дочь А. А. Ляпунова и жена Н. Н. Воронцова.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Свердловск — Москва

17.III.60

Дорогой Алексей Андреевич!

Вчера получили Вашу телеграмму о том, что доклад у физиков будет 13.IV. Николай Владимирович очень радуется этому, т.к. теперь он все успеет сделать без спеха. Сегодня он едет в Ленинград, вернется 25.III — проведет до 30.III наше совещание с миассовцами, а 30.III прочтет здесь доклад у математиков; затем 3 дня вздохнет и 3.IV поедет в Москву, т.к. у него там совещание 6 и 7.IV и 13.IV у физиков. Что-то очень много дел навалилось на Николая Владимировича. Меня это беспокоит, т.к. здоровье Ник[олая] Вл[адимировича] что-то не очень хорошо — сердце начало сдавать. А от поездок он очень утомляется. Он очень счастлив, что будет делать доклад у Капицы¹. Но я и он немного волнуемся — почему семинар будет в присутствии Несмеянова и еще каких-то важных людей. Черкните нам — кто будет и для чего. А кроме того Николай Владимирович беспокоится, подойдет ли доклад, который как ему сказали, он должен сделать.

У нас сейчас очень беспокойные времена, так как УФАН переформируют, хотя с нами, по-видимому, все останется по-старому. Конечно беда, что у Ник[олая] Вл[адимировича] нет «доктора» — ну да ничего!

Я, наверное, тоже приеду вместе с Николаем Владимировичем в Москву к 6.IV. Хорошо, если бы Ник[олай] Вл[адимирович] смог остановиться у вас, а я остановлюсь у Реформатских. Но мы не знаем, найдется ли у вас место для Николая Владимировича. Напишите нам или поручите Тусе написать, если у Вас нет времени. Передайте наши сердечные приветы всему Вашему семейству от нас обоих.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

Сердечный привет! Оттиски из «Пробл[ем] киберн[етики]»² получил!

Ваш Н. Тимофеев

1. Этот доклад не состоялся.

2. Речь идет о статье: Тимофеев-Ресовский Н. В., Ромле Р. Р. О статистичности и принципе усилителя в биологии // Проблемы кибернетики. 1959. Вып. 2. С. 213–228.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Ю. Ф. Богданову
Свердловск — Москва

19.V.60

Дорогой Юра!

На днях получили Ваше письмо. Николай Владимирович просил меня написать, что через неделю — в воскресенье 29.V. мы будем в Москве и тогда лично с Вами и с Вашим шефом Иваном Алексеевичем¹ — обо всем переговорим.

Вы очень обрадовали меня, что написали о том, что говорит Алексей Андреевич, что ВАК снова затребовал бумаги Николая Владимировича — м[ожет] б[ыть] на сей раз что-нибудь и выйдет. Если Николай Владимирович сейчас не получит докторской степени — то не получит ее *никогда*. А если бы Вы знали, как она ему нужна. Мы последнее время не говорим с Николаем Владимировичем о степени — но у меня такое впечатление, что и ему ясно, что она должна быть. Все его мрачные настроения здесь в Свердловске и даже временами пропадающее настроение работать — все от этого ожидания — тянущегося уже годы. Меня же к тому же беспокоит, что 4000 чистыми он будет получать до 1-го июля, а затем 1600 рублей. Правда Николая Владимировича это последнее совсем не волнует. Если дело начало двигаться, м[ожет] б[ыть] можно его как-нибудь ускорить. Я все хотела написать сама Алексею Андреевичу — но очень совестно его беспокоить — он и так потратил на эти дела много сил. Но Вы ему при случае скажите о том, что я Вам написала. Передайте всем, всем привет, а Тусе особенный и наше большое сожаление, что ее не будет с нами это лето.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Иван Алексеевич Уткин — до 1959 г. директор Института экспериментальной патологии АМН СССР в г. Сухуми. В 1959 г. по приглашению В. А. Энгельгардта стал его заместителем в Институте радиационной и физико-химической биологии АН СССР.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Ю. Ф. Богданову
Свердловск — Москва

[20.V.60]

Дорогой Юра!

Только что я отправила письмо — позвонил бухгалтер — и сказал, что он получил письмо от президента¹ — тот пишет, чтобы еще один год платили Ник[олаю] Вл[адимировичу] зарплату 4000 р. В этом отношении все в порядке. Мои волнения в этом отношении были зря.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

P.S. Очень тороплюсь — идем в кино на «Крики с улицы».

1. Президентом АН СССР тогда был А. Н. Несмеянов.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. С. Ляпуновой
Свердловск — Москва

12.VI.60

Дорогая Анастасия Савельевна!

Мы страшно возгорелись ехать вместе с Вами по Волге¹ и я очень волнуюсь о билетах. Получили ли Вы их? Очень беспокоюсь также о деньгах. Дело в том, что для меня было бы очень удобно, если бы я могла Вам их привезти с собой в августе, когда мы получим отпускные деньги. Но если это вам неудобно — то напишите мне и я раздобуду и пришлю Вам сейчас же по почте. Мы доехали очень хорошо — здесь встретил нас брат Николая Владимировича² и мы провели с ним три дня. Вчера он улетел в Москву, м[ожет] б[ыть] позвонит Вам. На среду 15.VI взяли уже билеты и уезжаем в Миассово. Надо еще за эти три дня проверить все с совещанием — кое-что купить для Миассово — дел уйма. Как Вы себя чувствуете? Жду от Вас письма уже в Миассово. Целую Вас. Ждем Алексея Андреевича на совещание. Всем привет.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Летом 1960 г. Тимофеевы-Ресовские вместе с Ляпуновыми совершили поездку на туристическом пароходе по Волге по маршруту Москва—Астрахань—Москва.

2. Виктор Владимирович Тимофеев.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. А. Ляпуновой
Миассово — Москва

20.VI.60

Дорогая Туся!

Только что написала Анастасии Савельевне и совсем забыла тебе еще раз напомнить, чтобы ты *обязательно* прислала с Юрой каких-нибудь водорослей для Мили¹. Миля совсем поправилась и на днях приедет в Миассово, ее *Scenedesmus*² тоже погиб.

У нас здесь сейчас полный разгром — весь корпус в ремонте. Но уже виден конец. Мы, водники, теперь располагаемся на II этаже, но на противоположной веранде (там, где были коллоквиумы). У нас будет изумительно стена покрашена масляной краской, во всю стену будет стоять вытяжной шкаф с сушильными шкафами и т. д. и т. д. Но только бы поскорее кончили! Мы сейчас занялись писанием, тут в этом году как-то особенно хорошо: сирень вся в цвету, вода в озере уже теплая и я по три раза купаюсь. Вообще рай!! Очень жаль, что тебя в этом году не будет у нас.

Крепко целую тебя.

Е. Тимофеева-Ресовская

Туся! Напиши мне, пожалуйста, адрес дачи Елены Васильевны³, чтобы мне списаться с Анастасией Савельевной перед 22 августа.

-
1. Миля Гилева — аспирантка в лаборатории Н. В.
 2. Пресноводная одноклеточная зеленая водоросль.
 3. Е. В. Ляпунова — мать А. А. Ляпунова.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. А. Ляпуновой
Миассово — Москва

21.VI.60

Дорогая Туся!
Спасибо, спасибо и еще раз спасибо!! Получили хлореллу!
Сейчас приедет Миля и займется ей. Ты просто гениальна!
Всем привет

Е. Тимофеева-Ресовская

1. Хлорелла — одноклеточная зеленая водоросль, хорошо культивируется в лабораторных условиях.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. А. Ляпуновой
Свердловск — Москва

25.IX.60

Дорогая Туся!
Хочется еще раз в твоём лице, как главного организатора поблагодарить всех, всех, принимавших участие в организации потрясающего празднования, устроенного по случаю 60-летия Николая Владимировича¹. Я должна сказать, что все было удивительно устроено — не говоря о хозяйственной стороне — уж очень было уютно и мило. Передай, пожалуйста, всем, всем наше большое спасибо.

Тут в Миассове как всегда поразительно хорошо! И работаем, а я еще и гуляю. Только лезть в озеро после большого перерыва не решаюсь. Но Аргента² все еще купается. Погода стоит очень холодная, но солнечная!

Крепко тебя целую.

Наши самые сердечные приветы всей вашей семье.

Твоя Е. Тимофеева-Ресовская

1. В сентябре 1960 г. в Москве в доме А. А. Ляпунова, в Хавско-Шаболовском переулке, отмечали 60-летие Н. В. Собралось более 60 человек — друзей, учеников Н. В., участников миассовских конференций. Всю подготовку держали в секрете от Тимофеевых, так что празднование оказалось для Е. А. и Н. В. полным сюрпризом.

2. Аргента Антониновна Титлянова — геохимик и радиохимик, сотрудница лаборатории Н. В. еще на объекте 0215. В 70–90-е гг. — профессор Новосибирско-

го государственного университета, сотрудник Института почвоведения и агрохимии СО АН СССР.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Свердловск — Москва

19.XI.60

Дорогой Алексей Андреевич!
Пишу Вам опять по поводу «докторской степени» Николая Владимировича. Я уверена, что эта «докторская степень» надоела Вам еще больше, чем мне. Не надо было Вам браться содействовать этому делу. А уж теперь надо это дело как-то довести до конца. Николай Владимирович говорил мне, что все бумаги лежат теперь у Топчиева, а вместе с тем физики от себя хотят его провести. Уж как-нибудь надо это дело кончать. Дело в том, что на днях Деменёв сказал Николаю Владимировичу, что его акции поднимаются и что в январе начнут строить большое здание, а наша лаборатория переделается в Институт. Насколько все это реально — трудно сказать. Но во всяком случае «докторская степень» нужна. Может быть Вы могли бы как-нибудь выяснить — сделает ли что-нибудь Топчиев или физики. Может быть надо, чтобы он прочитал доклад — в виде защиты — ведь мы будем в самом конце декабря и в начале января в Москве. Я знаю, что у Вас масса дел и Вы очень перегружены — но сейчас ситуация изменилась. Николай Владимирович сегодня получил письмо из «Вестника АН СССР» — с просьбой написать небольшую статью о радиационной генетике. Это показательно. Да и в МГУ теперь приглашены на кафедру¹ Шапиро, Алиханян и Бельговская!! Неужели уж никак нельзя сделать Николая Владимировича «доктором». Простите, что я Вас опять затрудняю этими делами. Но пожалуй это единственная забота, которая у нас имеется. Так у нас все хорошо — здоровы и веселы. Передайте всем вашим от всех нас большой привет.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Речь идет о кафедре генетики и селекции МГУ (заведующим был профессор Столетов). Генетики — Николай Иосифович Шапиро, Сос Исаакович Алиханян (тогда заведовавшие лабораториями в радиобиологическом отделе Института атомной энергии АН) и Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская (тогда

сотрудник Института биологической физики АН) начали преподавать на этой кафедре в 1961 г.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Ляпунову
Свердловск — Москва

23.III.61

Дорогой Алексей Андреевич!

Посылаем Вам автореферат Николая Васильевича¹; Вы в курсе всех наших дел, а потому — пришлите коротенький отзыв на имя ученого секретаря Объединенного Ученого Совета УФАН СССР Б. П. Блохина (Свердловск, ул. С. Ковалевской, 13). Отзыв необходим до конца мая.

С сердечным приветом от нас обоих Вам и всему бедляпу².

Ваш Н. Тимофеев

1. Николай Васильевич Куликов — биолог, сотрудник лаборатории Н. В. еще со времени работы на объекте 0215, заместитель Н. В. по биостанции Миассово, позже (с 1964 г.) — его преемник на посту заведующего лабораторией биофизики в Свердловске и организатор радиозоологического стационара в г. Зареченске (Белоярская АЭС).

2. «Бедляп» — «бедлам у Ляпуновых» — так Николай Владимирович в свойственном ему шутиливом тоне называл большую семью Ляпуновых.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Свердловск — Москва

27.III.61

Дорогой Алексей Андреевич!

Посмотрите — какое затмение мы видели!¹ Вы наверное будете нам завидовать?!

Всего хорошего. Всем привет от всех нас!

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. В конверт вложена фотография короны солнечного затмения. В марте 1961 г. полоса полного солнечного затмения проходила через Южный Урал. А. А. Ляпунов, в юности серьезно увлекавшийся астрономией, конечно же, не мог упустить такого случая. С группой своих сотрудников он специально выезжал наблюдать это затмение в район Челябинска.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Ю. Ф. Богданову
Свердловск — Москва

27.III.61

Дорогой Юра!

Большое, большое Вам спасибо за книги. Если бы не Вы — мы бы так и умерли необразованными! Если Вы этого не хотите, то достаньте нам, пожалуйста, еще одну очень хорошую книгу: «Боги, гробницы, ученые» Керам. Изд. Иностранной литературы. 1960. Пошлите наложенным платежом — мы будем Вам очень, очень благодарны.

Живем мы как-то не особенно хорошо — Николай Владимирович что-то плохо себя чувствует. Но много всюду выступает. Связался теперь еще с телевидением и написал: «Человек летит в космос». Кроме того читает в Ун[иверсите]те для физиков большой курс генетики, какие-то доклады для учителей и т.д., и т.д.

Как вы все живете? Напишите пару строк.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

Приглашение

Многоуважаемый Алексей Андреевич!

Подобно прошлым годам, в первой половине июля 1961 г. на биостанции Лаборатории биофизики УФАН «Миассово» состоится расширенное лабораторное совещание, посвященное вопросам применения некоторых физических методов, в частности ионизирующих излучений и магнитной спектроскопии для изучения элементарных биологических структур и процессов.

Просим Вас принять участие в этом совещании и срочно сообщить наиболее удобную для Вас неделю в первой половине июля по адресу: г. Свердловск обл. 66, ул. Софьи Ковалевской, 13, Лаборатория биофизики УФАН. По согласованию со всеми участниками, точный срок совещания будет сообщен вам дополнительно.

Зав. Лабораторией биофизики Н. В. Тимофеев-Ресовский

А. А. Ляпунов — Тимофеевым-Ресовским
Москва — Свердловск

1961

Дорогие и глубокоуважаемые Елена Александровна и Николай Владимирович!

Очень благодарен за приглашение на конференцию. По поводу срока возникает непредвиденное затруднение. С 3 по 12 июля предполагается Всесоюзный съезд математиков в Ленинграде. Поэтому я мог бы участвовать в конференции либо во второй половине июля, либо во второй половине июня. На съезде математиков я должен делать два обзорных доклада, кроме того там предстоит обсуждение путей развития кибернетики. Мне, вероятно, придется провести в Ленинграде всю первую половину июля.

В течение зимы я немного занимался размышлениями о строении управляющих систем живой природы. К весне в эту работу включилось несколько студентов медиков и биологов. Вырисовывается иерархическая структура управления многими жизненными функциями — сахарный обмен, терморегулирование, управление деятельностью сердца, дыхания и т.д. Гуморальные циклы управления во многих случаях иерархически подчинены нервным, нервные — генотипу. В самой нервной системе также намечается развитая иерархичность.

Мне очень хочется развернуть параллельную работу на клеточном, субклеточном и популяционном уровнях. Пока не удастся подыскать людей.

В конце апреля я был несколько дней в Ереване. Там развешиваются работы в области радиационной биологии, и многие интересуются Вашей конференцией. На конференцию хотели бы приехать из Института физиологии Арм[янской] АН (Грант Гургенович Демирчоглян) и из лаборатории биофизики И[нститута] Земледелия Арм[янской] ССР в г. Эчмиадзине (Ц. М. Авакян — другой! — Р. Р. Атаян, С. П. Семерджян) — это физики, которые производят очень хорошее впечатление. Их институт находится рядом с храмом Гаянэ VII века, в 10 мин ходьбы от собора Эчмиадзин IV—VII—XVII век и в 20 мин ходьбы от храма Рипсимэ VII века.

Когда я у них был, мне показали все эти памятники, сплошной восторг! Был я также в Матенадаране — это единственное в Союзе хорошо оборудованное хранилище древних рукописей. Там имеются рукописи начиная с VI—VIII веков. В рукописях IX—XV веков изумительные миниатюры. В конце XIII века в Армении был мастер Торос Рослин исключительной силы. Я видел иллюстрированное им Евангелие. В Армении приятно то, что много культурных людей, много людей, любящих свою старину, и все очень приветствуют интерес приезжих к культурным и историческим памятникам Армении. Мне очень охотно показывали вещи, находящиеся вне экспозиции.

В Академии наук сейчас царит чисто академическая неразбериха. До конца мая все дела заморожены. Предreshена смена Президента. Будет Келдыш. Почти все технические и геологические институты, а также филиалы из Академии уходят. Меня беспокоит Ваша судьба.

С другой стороны, увеличиваются шансы на развертывание некоторых новых институтов, в частности Ин[ститу]та кибернетики. Я нахожусь в состоянии буриданова осла. Мне предлагают вычислительный центр, а в будущем институт в Иркутске, отдел в Новосибирске, несколько штатных единиц в ОПМ¹ и отделы в нескольких московских институтах. Выбор оказывается затруднителен. Биологические дела по-прежнему неясны, но есть благоприятные симптомы. Во всяком случае, несмотря на трудности, нет оснований для пессимизма. Официально пока имеется приказ Мин[истерства] здравоохранения обеспечить издание генетической литературы — генетика, наследственность человека, хромосомные болезни. Я думаю, что после воцарения Келдыша многое прояснится.

Что у Вас нового? Что с Ниной? Есть ли перемены в УФАНе? И какие?

Высылаю Вам рукопись нашей статьи с Маленковым, которая печатается в «Проблемах» № 7².

Сердечный привет.

А. Ляпунов

1. ОПМ — Отделение прикладной математики Математического института им. В.А.Стеклова АН СССР (директор отделения — академик М.В.Келдыш), где А.А. организовал отдел кибернетики.

2. Ляпунов А.А., Маленков А.Г. Логический анализ строения наследственной информации // Проблемы кибернетики. 1962. Вып. 8. С. 293–308.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Ляпунову
Свердловск — Москва

20.V.61

Дорогой Алексей Андреевич!

Очень был рад получить от Вас письмо, но весьма опечален тем, что Вы не сможете быть на трёпе. Все участники уже согласились на сроки от 8 до 14 июля; перенести еще позже невозможно, т.к. числа 17-18 июля нам надо уезжать в Красноярск, чтобы ехать по Енисею, а кроме того часть москвичей должна в середине июля быть дома для подготовки к биохимическому конгрессу. Может быть Вы с Анастасией Савельевной все-таки прилетите из Ленинграда к нам и поедете с нами по Енисею? Вот было бы хорошо!

Я к 31 мая должен быть в Ленинграде и, наверное, поеду через Москву; в этом случае я 20–30 мая буду в Москве и очень хотел бы повидаться с Вами. Наши дела с Колтушами¹ задерживаются, главным образом из-за перетасовок в Академии. Требуется благословение М. В. Келдыша; было бы замечательно, если Вы могли бы «оказать протекцию». Здесь все становится совсем безнадежным: УФАН, по-видимому, спускается на уровень местной, региональной, низовой научной организации, которая должна будет работать в основном по «договорным темам». Что мне тут делать в будущем — не знаю; надо смываться, пока не поздно. Завязли опять и мои докторские дела: ни здесь, ни в Москве никакого продвижения нет. Шварц хочет, чтобы я сам сходил к Елютину в качестве просителя. Я же считаю, что совсем неудобно и ни к чему. Подумайте пожалуйста — нельзя ли еще раз предпринять что-либо через физиков и Келдыша, а то с июля в три раза снизят зарплату. Вообще даже я начинаю впадать в пессимизм и завидовать Вам с Вашей полудюжиной заманчивых предложений. Я, пожалуй, согласен с Вашим семейством в том, что не следует Вам уезжать из Москвы; надо добиваться организации Института кибернетики, и для этого, несомненно, в ближайшем будущем предпосылки будут все улучшаться. Если организуется Ваш Институт кибернетики, а мы переберемся в Колтуши, то

в Колтушах мы с Вами в два счета организуем интереснейший теоретический кибернетико-физический-биологический центр, в форме периодического, кооперативного коллоквиума по основным проблемам теоретической биологии и смежных дисциплин. Это было бы замечательно! Но пока — это мечты, а наши тутошные дела из рук вон плохи.

Ну, не буду больше ныть! Надеюсь, повидаемся с Вами в Москве.

С сердечными приветами от нас Вам и всему Вашему семейству.

Ваш Н. Тимофеев

Р. S. Как здоровье Елены Васильевны?

1. По-видимому, в то время шли переговоры о переезде Тимофеевых в Колтуши под Ленинградом, где находилась лаборатория, основанная И. П. Павловым еще в 20-е годы при Институте экспериментальной медицины АМН СССР.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. А. Ляпуновой

Миассово — Москва

19.VI.61

Дорогая Туся!

Вот какого рода у меня к тебе просьба: мы (я, Анна Бенедиктовна [Гецова]) получили через Поликарпова¹ известие, что наша общая работа с анадонтой не печатается, т. к. теперь новые правила и нужно во-первых представить еще один экземпляр рисунков и затем акт о допуске к печатанию, который должна составить комиссия Института биологии. Этот акт мы достанем, но вот с рисунками дело дрянь — у нас есть какие-то старые, плохо начерченные и мы решили, что м. б. проще, если ты возьмешь из МОИП'а² отданные экземпляры и сделаешь копии. Акт мы пошлем (получивши на днях его из Свердловска) отсюда в МОИП. А рисунки ты там же в Москве и передашь. Работа называется: «О накоплении пресноводными организмами химических элементов из водных растворов». Сообщение VI: «О накоплении и распределении по органам радиоактивных изотопов восьми различных элементов беззубкой *Anadonta cellensis*». <...>

Очень ждем тебя в августе, а Юру на совещание в июле. Как Ниночка³? Поправилась ли совсем? Поцелуй ее от меня крепко, крепко и скажи, что я часто о ней думаю. Но написать ей никак не могла собраться.

Крепко целую тебя. Папу и маму мы ждем в августе.

Твоя Е. Тимофеева-Ресовская

P. S. Если Туси еще нет в Москве — м[ожет] б[ыть] Юра сделает рисунки. <...>

1. Геннадий Григорьевич Поликарпов (р. 1929) — зоолог, сотрудник Института биологии южных морей в Севастополе. Занимался исследованиями в области радиационной и химической экологии морских организмов. Чл.-корр. АН УССР (с 1967 г.).
2. МОИП — Московское общество испытателей природы, в «Бюллетене» которого предполагалась публикация статьи, но она была позже опубликована в «Вестнике высшей школы».
3. Нина Баландина поправлялась после травмы, полученной в автомобильной аварии.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Свердловск — Москва

2.VII.61

Дорогой Алексей Андреевич!

Хотя я и знаю (из письма Юры [Богданова]), что Вы сейчас чувствуете себя неважно и что Вы завалены работой, но все же решаюсь написать Вам о деле, которым Вы все эти годы интересовались. Это касается все того же вопроса о «докторской степени» и зарплате Николая Владимировича. На днях я получила от С. С. Шварца письмо, в котором он пишет, что «дело» Николая Владимировича рассматривается в «кадрах» АН СССР. Ведь в прошлом году Несмеянов продолжил зарплату Николая Владимировича в 400¹ рублей еще на один год (этот год кончился 15 июня). В феврале этого года или в марте ему снова было отправлено письмо из УФАН'а с просьбой продлить еще на 1 год эту зарплату. Но, по-видимому, это совпало с его уходом и он на это письмо ничего не ответил. Это письмо и все бумаги Ник[олая] Вл[адимировича] (которые лежали у него на письменном столе) попали в «кадры». И Шварц пишет, что вряд ли «кадры» решат этот вопрос положительно. Шварц ре-

комендует Николаю Владимировичу самому написать заявление в ВАК с просьбой допустить его к защите и лично добиться бы приема в ВАК'е у Елютина. Но и я и Николай Владимирович считаем, что это вряд ли имеет смысл, т.к. в ВАК'е его все равно или не допустят или провалят. Но что делать, мы не знаем. Может быть, Вы посоветуете написать Келдышу? Николай Васильевич Деменёв как-то стоит в стороне от этого дела, а С.С. Шварц пишет, что он побывал в Москве во всех инстанциях и ничего не добился. Очень совестно Вас затруднять, но Шварц пишет очень неясно. «Дело» Николая Владимировича рассматривается в отделе «кадров» АН СССР, но какое «дело», только ли о зарплате или и «дело» о докторской степени — там ли письмо к Несмеянову или его получил Келдыш? Возможно ли будет Вам это узнать или это Вас очень затруднит. Мы слышали от Юры [Богданова], что математическое совещание откладывается и может быть Вы приедете к нам на совещание? Не забудьте, что нас в Миассово не будет с 18 июля числа до 12 августа. Ждем Вас в августе вместе с Анастасией Савельевной, а в конце августа Тусю. Николай Владимирович шлет всем привет.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

Как здоровье Елены Васильевны? Передайте ей от нас сердечный привет.

P. S. Сейчас получили ведомость и Николай Владимирович получит за месяц вместо 400 рублей — 200 рублей.

1. В 1961 г. в стране была проведена денежная реформа. Курс рубля изменился в 10 раз.

Е.А. Тимофеева-Ресовская — А.А. Ляпунову
Свердловск — Москва

23.XI.61

Дорогой Алексей Андреевич!
Только вчера из письма Олечки¹ узнала, что на днях Вам исполнилось 50 лет и Вы очень хорошо провели день Вашего юбилея. И я и Николай Владимирович очень были огорчены,

что вовремя не знали этого и не смогли Вас поздравить в этот знаменательный день. От всей души и от всего сердца поздравляем Вас и желаем Вам всего самого лучшего, всего, что Вы хотите. Вы знаете, как мы тепло к Вам относимся — Вы один из первых людей, с которым мы познакомились после возвращения — к жизни свободной, а Вы так хорошо отнеслись к нам. Этого мы никогда не забудем. Да и все Ваше семейство, и Анастасия Савельевна и Ваши дочери и мужья Ваших дочерей — нам, как родные. Надеюсь, мы будем держать нашу дружбу до конца нашей жизни. Очень, очень хотелось бы с Вами повидаться, мы вряд ли в декабре попадем в Москву, а когда Вы переезжаете в Новосибирск¹? Может быть Вы могли бы с Анастасией Савельевной заехать к нам по дороге в Новосибирск? Хотя бы на пару дней. Телеграфируйте нам о дне приезда и номере поезда — мы Вас встретим и поживете у нас. Ведь это совсем по дороге. О нашей жизни хотелось бы поговорить — в письме всего не напишешь. Мы замечательно проехали по Енисею до острова Диксон, в октябре были в Сталинабаде. Много видели интересного и оба чувствовали себя прекрасно. Как приехали в Свердловск — так начались неприятности, а Ник[олай] Вл[адимирович] расхворался — все у него весь костяк болит. В общем же живем неплохо, я написала монографию по водным делам и вообще не унываем! Сердечный привет всему Вашему семейству от всех нас.

Ваша Тимофеева-Ресовская

1. Ольга Игоревна Елифанова — биолог, в то время заведующая лабораторией в Институте радиационной и физико-химической биологии АН СССР. Друг А.А. Ляпунова с детских лет, дочь И.Э. Грабаря.

2. А.А. и А.С. Ляпуновы окончательно переехали в Новосибирский академгородок в январе 1962 г.

Е.А. Тимофеева-Ресовская — Н.А. Ляпуновой

Свердловск — Москва

27.XII.61

Дорогая Туся!

Свердловск нам надоел до невозможности. И мы решили съездить в Москву. У нас еще есть остатки отпуска. Хочется со всеми вами повидаться, встретить Новый год у Реформатских

и вообще отдохнуть от Свердловска, лаборатории и всех здешних людей.

Будем в субботу утром в Москве, у Реформатских. Пробудем всего дней 5. Не знаю, как это сделать — но м[ожет] б[ыть] из вас — кто-нибудь может заехать к Реформатским — мы сговоримся как и где встретиться.

Папе, маме, сестренкам, мужьям сестер и маленьким детям, всем шлем сердечные приветы.

Е. Тимофеева-Ресовская

А. А. Реформатский — Н. В. Тимофееву-Ресовскому
Москва — Свердловск

18.11.62

Дорогой Колюша!

Вчера был у меня киевский математик Лев Аркадьевич Калужнин и рассказал, что был он у Алексея Андреевича [Ляпунова] в Новосибирске, что А. А. очень доволен воздухом, покоем, соснами, что он угощал стерляжьей ухой, пельменями и нельмой, и что это-то все хорошо... но что против Алексея Андреевича начат новый поход, от ВАСХНИЛа, что этот поход поддержан Отделением биологических наук АН СССР, и что Аксель Иванович Берг¹ с возмущением потрясал этой «бумажкой» и рассылал ее биологам и иным нужным людям, дабы поднять народ на защиту истины².

Если это так, то ты, наверное, эту «бумажку» получил, а кроме того и вообще кое-что знаешь, чего мне Калужнин не смог рассказать.

Очень тебя прошу написать мне обо всем, что ты по этому делу знаешь и что ты посоветуешь на сей предмет пробовать в Москве.

Ты ведь знаешь, как я люблю Алексея Андреевича и как мне больно думать об этих гнусных происках его врагов.

Обязательно напиши. Адрес мой слегка изменился: Москва А-319. 2-я Аэропортовская, д. 7/15, кв. 132.

Большой привет Лёле!

Твой А. А. Реформатский

1. Аксель Иванович Берг (1893–1979) — инженер-адмирал, академик, организатор науки в области радиотехники, процессов управления и др. С 1959 г. председатель Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика» при президиуме АН СССР.
2. Речь идет об анонимном письме, пересланном А. И. Бергу из Издательства физико-математической литературы. В письме с лысенковских позиций критиковались статьи по биологии, опубликованные в сборниках «Проблемы кибернетики» в 1958–1961 гг.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Реформатскому
Свердловск — Москва

25.II.62

Дорогой Шура!

Только сегодня пришло твое письмо на имя Колюши, который с 20-го февраля пребывает в Ленинграде, а с 2-3 марта будет пару дней в Москве — там ты сможешь его поймать. Колюша получил от А. И. Берга эту кошмарную рецензию, совершенно безграмотную и хамскую. А. И. Берг просил Колюшу написать отзыв на эту рецензию, что Колюша и сделал. Эта рецензия на все биологические работы, которые были напечатаны в «Проблемах кибернетики» (Шмальгаузен, Эфроимсон¹, Берг² и Колюша), он ругает работы и главным образом главного редактора А. А. Ляпунова. Возмутительно!! Ну Колюша и отзыв дал ответственный. А. И. Берг писал, что он разослал эту рецензию 30 людям. Кажется, 8-го марта будет заседание [президиума] АН СССР и там будут это дело обсуждать. Вот все, что я знаю. Лучше поговори с Колюшей.

Всего хорошего.

Е. Тим. Ресовская

-
1. Владимир Павлович Эфроимсон (1908–1989) — генетик, участник миассовских совещаний. Автор фундаментальных трудов по генетике тутового шелкопряда, радиационной и медицинской генетике, генетике интеллекта и др.
 2. Раиса Львовна Берг.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. С. Ляпуновой
Свердловск — Новосибирск

13.IV.62

Дорогая Анастасия Савельевна!

Большое спасибо за письмо и приглашение. Но сейчас приехать к вам совершенно невозможно. Я все еще никак не могу оправиться после моих 3-х гриппов. Все еще чувствую себя очень плохо и хочу в начале мая ехать в Миассово. А Николай Владимирович ведет себя так же, как и Алексей Андреевич — все летает и делает доклады. На днях вернулся из Челябинска, а сейчас у него здесь прием кандидатских экзаменов и опять лекции. 26 апреля он должен быть в Москве на каком-то ученом совете, а потом лететь в Таджикистан. Очень было бы хорошо, если бы Николай Владимирович встретился в Москве с Алексеем Андреевичем. Нам надо отсюда выбираться. Николай Владимирович не может здесь работать. Ему предлагают перебраться в Обнинск¹. С Ленинградом по-моему и по мнению Б.Л. Астаурова его водят за нос. В общем, хорошо было бы, чтобы Николай Владимирович поговорил бы с Алексеем Андреевичем. Если бы Вы знали, как мне обидно за Николая Владимировича. Он еще пребывает в полной силе, желает работать и может это прекрасно. А тут для него создали такие условия — что ничего невозможно делать. И постепенно мы с Николаем Владимировичем теряем нашу жизнерадостность. В общем, как-то грустно!

Передайте большой привет Алексею Андреевичу от нас обоих.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. В 1958 году в г. Обнинске (Калужской области), где с 1954 г. работала первая экспериментальная атомная электростанция, был создан Институт медицинской радиологии АМН СССР. Н. В. получил предложение от директора института, академика АМН Г. А. Зедгенидзе организовать в этом институте отдел радиобиологии и генетики и переехать в Обнинск вместе с группой сотрудников, что и состоялось в 1964 г.

А. А. Ляпунов — Тимофеевым-Ресовским
Новосибирск — Свердловск

1962

Дорогие и глубокоуважаемые Елена Александровна и Николай Владимирович!

Только что получили от Вас письмо, а кроме того получили из Москвы от нашей молодежи известие о том, что у Вас новые осложнения. Очень много неприятностей, но духом падать не надо. Мне кажется, что общебиологические дела прояснятся, и это не замедлит сказаться на Ваших делах.

Я воспринимаю изменения, произошедшие в ВАСХНИЛе, как нечто очень существенное¹.

На один день к нам прилетал И. Е. Тамм. Он сделал исключительно интересный доклад о работах Крика², Очоа³ и др. о «Расшифровке генетических кодов». Сейчас к этому привлекается всеобщее внимание. Несомненно, это повлечет за собой организационные меры.

Мне очень хотелось бы перетащить Вас к нам в Городок⁴. Я веду к этому подготовку.

В институте мои дела сложились так: создан Отдел кибернетики из двух лабораторий — одной заведу я, другой Юра Журавлев⁵. Всего у нас около 30-ти человек. Формируется третья лаборатория для Полетаева (он уже здесь). В этом полутодии в наших отделах защищается 5 диссертаций, кроме того, еще минимум 5 защищается по ту сторону Урала. Кибернетика встает на ноги, однако, то ли еще впереди. Говорят, что есть решение о создании трех кибернетических центров (Москва, Киев, Новосибирск) по несколько институтов и по 5 тысяч сотрудников в каждом (гигантомания!). Кроме того, Тамм заявил, что для развития генетики сейчас потребуется не менее 10 тысяч человек. Всю эту армию надо готовить. Как с этим справиться!

Я не сомневаюсь в том, что в очень скором времени Вы будете привлечены к этим работам и получите большие возможности работать. Пока, в ожидании будущего, мне поручили кафедру математики Новосибирского университета. Я проектирую курс математики для естественников на 800 часов с включением в него математической логики, вычислительных

машин, основ теории множеств и ряда разделов кибернетики. Очень хочется обсудить этот курс с Вами. Я буду в Москве в конце апреля, очень хотел бы с Вами повидаться.

Замысел этого курса для биологов возник еще в Миассово под Вашим влиянием. Много там предполагается без доказательств. Основной упор на постановку задач, выявление основных понятий, описание методов решения этих задач и выяснения того, как их использовать на практике. Мне хочется сочетать постановку такого курса с реальными потребностями биологии. Для этого Ваша помощь мне совершенно необходима. Я очень прошу Вас уделить мне время и буду проситься для этого в командировку в Миассово и просить Вашего приезда к нам.

Здесь очень много желающих установить с Вами научный контакт.

У нас работает семинар по кибернетике, не менее многолюдный чем в Москве. Тематика семинара широкая. Он привлекает много молодежи. Много из того, что в Москве не удавалось, здесь разворачивается. Работать здесь много лучше, чем в Москве. В наш коллектив влилось человек 10 студентов. Я вернулся к принципам программирования. Проясняются новые интересные связи весьма общих вещей с принципами программирования. Особенно занятно, что иерархическая организация управления программированием имеет много общего с организацией управления в живой природе.

С этой точки зрения опять необходим контакт с биологами, и в первую очередь с Вами.

Ради математического эксперимента я взялся за изучение производственного процесса на одном из здешних заводов. Опять те же иерархии, возможность выявления элементарных актов, вычленение потоков информации и, наконец, синтез. Но кто его знает, что хорошо и что плохо. Думаю, что только сопоставление с живой природой поставит такие эксперименты на твердую почву. Все ключевые позиции кибернетики связаны с биологией.

Я очень боюсь слишком быстрого формирования гигантских коллективов. С другой стороны, создание руководящего ядра из представителей разных областей насущно необходимо. В это ядро Вы непременно должны войти.

У нас длится бесконечная процедура устраивания. Рабочего помещения еще нет, зато жилье нам двоим предоставили избыточное.

Семинары отдела, неочередные доклады, некоторые занятия со студентами (дополнительные — научные), а также вся работа с сотрудниками у меня протекает дома, несмотря на протесты «власти». Она разгоняет нас около 12. Зато с 10 утра до 12 ночи с перерывами для еды и дневным сном (около часа) я пытаюсь трудиться. Отрывают защиты, занятия со студентами и разнообразные доклады. <...> Кроме того, приходится писать популярные статьи, вплоть до газет. Мы все здесь очень стремимся привлекать молодежь и ведем соответствующую агитацию. В Городке создан Совет молодых ученых. Я тоже в него попал — чтобы не стареть. Как было бы хорошо, если бы Вы были здесь с нами. Я приложу к этому все усилия.

Очень надеюсь встретить Вас в Москве или, в крайнем случае, пролетом в Свердловске.

Шлем сердечный привет и лучшие пожелания

А. Ляпунов

1. В 1962 г. Лысенко наконец был снят с поста президента ВАСХНИЛ.
2. Фрэнсис Крик — английский физик, расшифровавший структуру ДНК, лауреат Нобелевской премии.
3. Северо Очоа (р. 1905) — американский биохимик. В 1959 г. удостоен Нобелевской премии за открытие механизмов биосинтеза РНК и ДНК.
4. Речь идет о Новосибирском академгородке (Сибирское отделение Академии наук СССР).
5. Юрий Иванович Журавлев (р. 1935) — математик, ученик А. А. Ляпунова. Теперь академик, директор Вычислительного центра РАН.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Ляпунову
Свердловск — Новосибирск

10.V.62

Дорогой Алексей Андреевич!

На счет новосибирского проекта я еще перед отлетом из Москвы секретно поговорил с нашим общим другом Митей Курсановым и Борисом Львовичем Астауровым; они оба его весьма приветствуют. По возвращении мы много говорили с Еленой Александровной и она тоже приветствует этот проект. В УФАН'е дела все хуже. Но вчера, совершенно не ожи-

данно, здешние физики во главе с Сергеем Васильевичем Вонсовским предложили мне перевести всю лабораторию в Институт физики (который не принадлежит УФАН'у, а большой Академии). Это, конечно, не плохо; но нам больше нравится новосибирский проект. Надо, однако, его форсировать, так как физики хотели бы как можно скорее предпринимать реальные шаги к нашему переводу к ним. Завтра я улетаю в Таджикистан, [вернусь] в конце месяца; было бы очень хорошо, если бы Вы смогли в июне вызвать меня в Новосибирск для окончательных переговоров; а то я немного боюсь, что откажусь здесь переходить к физикам, а с Новосибирском что-либо не выйдет и мы опять на неопределенное время застрянем в УФАН'овском болоте. Надо ковать железо пока горячо.

Здешним физикам, и, особенно, Вонсовскому очень не хочется, чтобы я уезжал из Свердловска: им хотелось бы совместно с нами подымать здесь научный дух и настоящую науку; но я смотрю на это довольно пессимистически. Мне кажется, что создание большой науки в Свердловске в предвидимом будущем — безнадежно; у Вас же в Новосибирске можно будет сразу же создать и интересный научный центр и сформировать хорошую группу молодежи. Но — надо ковать железо пока горячо!

С первых чисел июня я буду в Миассово, а Елена Александровна уезжает туда уже на днях.

В начале июля у нас в Миассово, как всегда будет трёп, на который мы Вам, Полетаеву, Керкису и Салганику¹ заранее пришлем приглашения.

С сердечными приветами от нас обоих Вам с Анастасией Савельевой, а также всем нашим новосибирским друзьям и знакомым.

Ваш Н. Тимофеев

1. Рудольф Иосифович Салганик (р. 1923) — биолог, биохимик, академик, сотрудник Института цитологии и генетики СО АН.

А. А. Ляпунов — Н. В. Тимофееву-Ресовскому
Новосибирск — Миассово

12.VI.62

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Владимирович!
Вторая половина мая и июнь сложились страшно напряженно. Мне пришлось побывать в Москве, Киеве и Баку, на днях предстоит поездка в Иркутск. Очень много переплетающихся дел возникло в городке у Соболева и Лаврентьева. В связи с этим Лаврентьев оказался вынужденным перенести Ваше приглашение на сентябрь—октябрь. Как только определится рациональный срок, мы Вам пришлем приглашение. Очень прошу Вас сообщить, какой срок был бы Вам удобен.

У нас очень рассчитывают на Ваш устойчивый переезд в Новосибирск. Тем более, что у нас, по-видимому, ожидается расширение биологической проблематики.

О создании отдела кибернетической биологии в Институте математики в принципе договорились. Рассчитываем на Ваше руководство. Экспериментальные лаборатории частично можно развернуть у Беляева¹, согласие его на это есть, частично в нашем всеобъемлющем Институте математики, согласие Соболева на это также есть.

Летом мне предстоит заниматься вторым туром Всесибирской олимпиады — конец июня, летним сбором учителей — июль, летней математической школой для одаренных школьников — июль, август. Очень хочется хоть на неделю попасть в Миассово. Полетаев будет завучем летней математической школы. Не знаю, сумеем ли мы попасть на конференцию. Может быть удастся приехать в конце августа.

Режим жизни по-прежнему таков: с 10 утра и до 12 ночи почти непрерывно идут работы и деловые разговоры. В отличие от Москвы у меня группа сотрудников, которая занимается разработкой принципов программирования, кроме того сильные группы по кибернетике образовались у Журавлева и Полетаева, а по автоматам у Трахтенброта². Эти группы составляют зародыш будущего сектора по кибернетике, в котором проектируется и Ваш отдел.

Здесь находится Туся (это она печатает!), Маша и Андрюша³. В августе приедет Коля⁴, вероятно с Лялей. Я делаю все

от меня зависящее, чтобы убедить их всех переехать сюда. Тусе здесь, кажется, нравится, но у биологов она еще не была. (Папе — «кажется», что мне нравится — это потому, что он меня почти не видит. А на самом деле мне здесь все, что касается природы и быта, *очень* нравится, а вот как живут биологи, я в самом деле еще не знаю. Завтра пойду к Керкису). — Вот что значит по неграмотности полагаться на писца! (Это папа на меня жалуется!).

Сердечный привет всем миассовцам. Пусть не думают, что мы о них забываем.

Большой привет из Москвы от моей мамы и от А. С. [Ляпуновой] (из Новосибирска). Вам и Елене Александровне. Шлю Вам самые сердечные пожелания.

Ваш А. Ляпунов

Крепко целую Вас и Елену Александровну. Очень хочу по-пасть к Вам в июле.

Ваша Туся

1. Дмитрий Константинович Беляев (1917–1985) — генетик, академик, директор Института цитологии и генетики СО АН.
2. Борис Абрамович Трахтенброт — математик, сотрудник Института математики СО АН.
3. Маша и Андрюша — внуки Ляпуновых.
4. Николай Николаевич Воронцов (Коля, 1934–2000) — зоолог, эволюционист, эколог, генетик. В 1989–1990 гг. был министром охраны природы и рационального природопользования СССР. Один из учредителей Российской академии естественных наук, с 1990 г. ее вице-президент. В 60-е годы был ученым секретарем президиума СО АН и директором Биолого-почвенного института Дальневосточного филиала АН СССР. Муж Е. А. Ляпуновой.

А. А. Ляпунов — Н. В. Тимофееву-Ресовскому
Новосибирск — Миассово

28.VIII.62

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Владимирович!
Я только что вернулся из Москвы. Летал туда для всяких утрясок. Попутно узнал состояние Ваших дел. Ситуация такова, что сейчас первоочередная задача это степень. До утверждения в степени не следует начинать новых затей. Вопросом степени несколько неожиданно для меня занялись всерьез и в Москве,

и в Свердловске. В связи с этим Вам нужно <...> форсированным темпом представить работы. Самое простое переплести комплект оттисков, снабдив их объединяющим предисловием. Совсем не нужно отражать все Ваши работы. Возьмите один какой-нибудь цикл, но постарайтесь это сделать скорее.

Дело в том, что наш основной план реален. Однако проводить его до степени будет сложно; кроме того, при такой реализации одно дело будет мешать другому, тогда как после решения вопроса о степени, все остальное становится чисто локальным делом.

М.А.[Лаврентьев] и С.Л.[Соболев] весь план всецело поддерживают.

С.Л.[Соболев] завтра улетает в Прагу. До его отъезда я должен выяснить возможность прилететь к Вам дня на два. Как только выясню это, немедленно Вам сообщу.

И.А.[Полетаев] и Ю.Я.[Керкис] не меньше горят желанием реализовать основной замысел, но и они считают, что порядок действий должен быть тот, о котором я пишу.

Сердечный привет всем миассовцам. Очень надеюсь в ближайшие дни побывать у Вас.

Желаю Вам всего лучшего.

А.Ляпунов

А.А.Ляпунов — Тимофеевым-Ресовским
Новосибирск — Свердловск

2.IX.62

Дорогие Елена Александровна и Николай Владимирович! Игорь Андреевич [Полетаев] отправился к Вам с двумя делами — информировать вас о ситуации и обсудить популяционные модели.

С 22 по 25 августа, после обстоятельных бесед с И[горем] А[ндреевичем] и Ариадной Дмитриевной [Соболевой], я летал в Москву главным образом для того, чтобы выяснить обстоятельства ваших дел. Результаты оказались следующие: М.В.[Келдыш] был в Свердловске и говорил с местным начальством. Он договорился о том, что оно начальство энергично ходатайствует о Вашей степени. В связи с этим, уезжая из Свердловска, Вы лишаетесь этой поддержки. Это может опять ос-

ложнить вопрос о степени. С другой стороны, по прошествии некоторого времени, после присуждения степени, Вы сможете переводиться к нам уже без каких-либо согласований.

В Обнинске по-настоящему хороших условий для работы не будет. М.А.[Лаврентьев] и С.Л.[Соболев] считают, что много лучше для Вас, оформив степенные дела, перебраться к нам. Они оба этого очень горячо желают. В случае, если Ваши внутренние дела у Шварца уж очень тяжки, есть смысл временно перебраться к Вонсовскому.

По приезде из Стокгольма С.Л.[Соболев] с А.Д.[Соболевой] в первый же вечер были у Керкиса и изложили ему ту же точку зрения.

Вопросы площадей и всякого обеспечения сейчас решаются без затруднений.

Очень завидую И.А.[Полетаеву], но сейчас выехать не могу никак — предстоит переселение в Институте и начало учебного года. Мы с Анастасией Савельевной шлем Вам и всем миассовцам сердечный привет.

Ваш А.Ляпунов

Н.В.Тимофеев-Ресовский — А.А.Ляпунову
Свердловск — Новосибирск

14.XI.62

Дорогой Алексей Андреевич!

<...> Мой «доклад» только что получил разрешение Главатома¹ и, я надеюсь, скоро пойдет в печать. <...>

С сердечными приветами и пожеланиями скорейшего выздоровления от всех нас.

Ваш Н.Тимофеев

1. Разрешение Главатома требовалось в те годы на все работы, выполненные с использованием радиоактивных изотопов. Получение разрешения на доклад Н.В.Тимофеева-Ресовского «Некоторые проблемы радиационной биогеоэкологии» тянулось так долго, что директору Института биологии в Свердловске С.С.Шварцу пришлось послать в Москву гонца — Вл.И.Иванова. Только тогда, благодаря помощи Р.В.Петрова, разрешение было получено. Этот доклад был представлен в 1963 г. на соискание ученой степени доктора биологических наук по совокупности опубликованных работ. Степень в Свердловске была присуждена без задержек, но для ее утверждения в ВАК понадобилась «малая октябрьская революция» — снятие Н.С.Хрущева со всех постов, что наконец положило

окончательный конец господству лысенковщины — лишь тогда, 14 октября 1964 г., присуждение Н. В. докторской степени было утверждено ВАК.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Ляпунову
Свердловск — Новосибирск

1.XII.62

Дорогой Алексей Андреевич!

Посылаю Вам автореферат диссертации на тему «Влияние цистеина на лучевые повреждения хромосом у растений». Работа превосходная, а автора Вы хорошо знаете¹. Был бы Вам очень признателен и благодарен, если бы Вы смогли прислать краткий отзыв в адрес Ученого Совета.

С сердечными приветами и пожеланиями скорейшего выздоровления от всех нас.

Ваш Н. Тимофеев

P.S. Отзыв может написать Юра, а Вы подмахните.

1. Автор — Лев Сергеевич Царапкин, в те годы сотрудник лаборатории Н. В.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Ляпунову
Свердловск — Новосибирск

[?]

Дорогой Алексей Андреевич!

Посылаю Вам работу «Математический подход к поиску прецедента при проведении медицинской диагностики» Э. Ф. Казанца и Л. Н. Столярова, которую, мне кажется, было бы хорошо напечатать в «Проблемах кибернетики». Среди многих, в большинстве случаев довольно пока бесплодных попыток применить кибернетические методы для диагностики, и, особенно, для прогнозирования течения различных заболеваний — описанный в этой небольшой статье материал представляет большой интерес. На основании предлагаемого авторами метода классификации получается ряд чисел (из которых каждое характеризует отдельного больного), естественно распадающийся на три группы — «а», «б» и «в». В группу «а» попадают пациенты, из которых большинство оказываются с весьма бла-

гоприятным прогнозом; в группу «б» — большинство случаев с неблагоприятным прогнозом; а относительно малочисленная крайняя по характеристикам белой крови группа «в» содержит с прогностической точки зрения смешанный материал. Этот метод позволяет с точностью до 10–15% ошибок ставить правильный диагноз дальнейшего течения шизофрении после первых лечебных мероприятий.

Мне кажется, что напечатание этой небольшой статьи в «Проблемах кибернетики» было бы со всех точек зрения (например, как для пропаганды кибернетики, так и для «подражания» другими медиками) делом весьма полезным. Так как статья небольшая, то, может быть, Вы могли бы ее сунуть в один из ближайших номеров.

Надеюсь повидаться с Вами в Новосибирске, куда Дмитрий Константинович [Беляев] вызывает меня заседать в первых числах июня.

С сердечными приветами от нас с Еленой Александровной Вам, Анастасии Савельевне и учёнейшим Воронцовым.

Ваш Н. Тимофеев

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. В. Реформатской
Свердловск — Москва

2.I.63

Дорогая Надя!

Послезавтра решительный день! Я совершенно расхворалась, меня хватил «прострел». Не могу ни согнуться, ни встать, правда вчера пролежала целый день на горячей грелке и стало получше. Мы все в нервах и каждый хочет по своему отпраздновать этот день. Я еще не уверена, что смогу поехать на «защиту». Но вчера мы все переругались. В конце концов помирились — кажется решили — устроим короткий выпивон прямо в институте человек на 50!! А потом захвативши оппонентов и наших старших сотрудников посидеть, закусить и выпить дома. Я только отдаю распоряжения — т.к. выхожу только к врачу.

У меня нет уверенности, что все пройдет гладко — уж очень у нас Ученый совет не «того». Отзывов масса и все блестящие — есть и такие, где требуют дать ему еще второго доктора

или академика и профессора и один с требованием дать ему ленинскую премию! Надеюсь, будете думать 4.I. об нас.

Крепко всех целую.

Леля

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Реформатскому
Свердловск — Москва

8.I.63

Дорогой Шура!

Так как ты знаешь своего друга Колюшу лучше меня, то должен знать, что он «неграмотный» и все письма за него пишу я. Я тоже нахожу, что он мог бы тебя поздравить с внуком. Но что делать, если он не пишет. Поздравляем тебя хотя и поздно ото всей души.

С сентября у нас была не жизнь, а кошмар. Надо было спешно готовить «доклад» и по совокупности защищать Колюше «доктора». Написал он быстро, по-моему, скорее чем в 2 недели. Мы были еще в Миассово, и он диктовал мне и утром и вечером. Написав, он сказал: «Я свое дело сделал — теперь проворачивай». Ну я и начала проворачивать. К 4 декабря все было готово, «доклад разослан», оппоненты приглашены — и т.д. и т.д. 4 января Колюша защищал. Надо сказать, что защита прошла блестяще. Отзывы — их было больше 30 штук — все положительные, некоторые хотели, чтобы ему еще присудили не только доктора биологических наук, а и еще доктора геолого-географических наук, кто-то хотел, чтобы сразу он получил и звание профессора и даже еще один ученый нашелся, который требовал немедленно провести в академики. Ну, в общем, единогласно все присудили «за».

После защиты поехали в ресторан «Большой Урал». И там нас встречал наш сын Андрей, которому было поручено все устроить. Он (Андрей) оказался на высоте: 35 человек накормил и напоил!! Теперь надо ждать утверждения в ВАК'е. Ну, посмотрим, что выйдет.

Большое спасибо за предложение в случае нужды — выслать деньги. Но мы пока живем очень хорошо, хоть Колюша получает последние 1½ года 200 рублей, но я получаю 135 рублей, да у нас пенсия льготная по 60 рублей, да еще у Колюши

много аспирантов — так что денег у нас вагон, а если его «одокторят» — то два вагона. Но за желание помочь — еще раз большое, большое спасибо.

Колюша шлет тысячу приветов. Всего хорошего.

Леля

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Ю. Ф. Богданову
Свердловск — Москва

5.III.63

Дорогой Юра!

Вчера получили все Ваши бандероли, большое, большое спасибо!! Мало того, что мы своим требованием доставили и Вам и Тусе столько беспокойства, еще и после отъезда оставили свои дела на Вас. Как Вы и Туся себя чувствуете, совсем ли поправились? Черкните нам, хотя бы открытку. Где Андрюша? У вас или все еще у бабушки? Приехала ли Анастасия Савельевна? Передайте ей пожалуйста мой самый сердечный привет.

Николай Владимирович улетел 2.III в Новосибирск. Ехать ему очень не хотелось, но Беляев звонил по телефону и очень просил приехать. Я же не поехала — надо тут всяческие научные дела двигать.

Я очень беспокоюсь, как двигаются дела в ВАК'е и двигаются ли вообще.

Может быть Вы позвонили бы Эфроимсону и спросили его, когда будет заседание экспертной комиссии — он там все знает. Боюсь, что дело очень затянут, а могут и вообще не утвердить.

В конце марта (числа 20-го) мы поедем в Еривань. Но еще не решили, заедем ли мы по пути туда в Москву или на обратном пути. Наверное на пути туда, т. к. мне надо взять платье.

Передайте мой сердечный привет Тусе, Алле и Юре.

Всего хорошего, еще раз за все спасибо.

Е. Тимофеева-Ресовская

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Ю. Ф. Богданову

Свердловск — Москва

26.IV.63

Дорогой Юра!

Мне очень совестно опять Вас беспокоить по знаменательному «делу», но мне, конечно, очень интересно знать, как обстоит это «дело». Мы были вечером накануне отъезда у Курсановых и Ник[олай] Вл[адимирович] согласился со мной и хотел звонить к Столетову, но Митя [Курсанов] нас убедил, что этого не надо делать самому Ник[олаю] Вл[адимировичу]. Эфроимсона мы не видели (он улетел на юг, умерла сестра Марии Григорьевны¹). Алиханяна тоже не было в Москве. Зедгенидзе² сказал, что сам требовать «дело» к себе в комиссию не может. Как только он получит — так сразу провернет. Но как заставить Генкеля передать — ведь Столетов ему это уже говорил. Может быть, Вы могли бы позвонить Алиханяну и узнать у него, как обстоит дело. Я понимаю, что это «дело» уже очень надоело всем нашим друзьям, и я иногда думаю — не написать ли в ВАК, что Николай Владимирович сам не хочет получать «докторской степени». Но иной раз меня берет даже злость — вот так всегда порядочные люди пасуют перед «темными силами». Неужели действительно Николай Владимирович не заслужил «доктора». Конечно, он сам во многом виноват, ведь голова у него на науки изумительная, а для жизни никуда непригодная. И так всю жизнь — сколько раз еще в двадцатые годы его выгоняли с Рабфака за обручальное кольцо и писание старорорфографией. Он приходил домой, ложился на диван и ждал. И так как его очень ценили как преподавателя, то приходили и просили — вновь читать. Но в общем мы прожили нашу жизнь хорошо и весело и, если и не дадут «докторской» — то тоже проживем, т. к. совесть у нас чиста — а потому есть душевное спокойствие. А «темные силы» пускай бушуют. Ну, простите меня за некоторые отступления и если что узнаете, то напишите мне.

Большой привет Тусе и всем Вашим.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

P. S. Напишите мне адрес, имя отчество и фамилию портнихи в Сокольниках. Скажите Тусе, что платье сидит прекрасно и всем очень понравилось — я хочу написать благодарственное письмо.

1. Мария Григорьевна Цубина — генетик, жена В. П. Эфроимсона.
2. Георгий Артемьевич Зедгенидзе — академик АМН, организатор и директор Института медицинской радиологии АМН СССР в Обнинске. В то время с ним шли переговоры о переходе лаборатории Н. В. в его институт.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Ляпунову
Миассово — Новосибирск

5.VI.63

Дорогой Алексей Андреевич!

Из прилагаемого письма Игорю Андреевичу [Полетаеву] (которое, по прочтении, не забудьте передать Игорю Андреевичу) Вы узнаете подробности — почему в этом году не будет биофизического трéпа. В то же время мы очень хотели бы, чтобы Вы хоть на недельку (а если можно, то и наподольше) приехали к нам для специального кибернетического трéпа о кибернетической схеме биогеоценоза, как нулевой гипотезе. Клещи нас не трогают (мы с Еленой Александровной не нашли еще ни одного); да и в нашем возрасте после 50 лет, вакцинироваться даже не рекомендуется. Приезжайте вместе с Игорем Андреевичем; мне кажется, что совместными усилиями мы сможем «открыть новую страницу прикладной кибернетики». А здесь, в Миассово, как всегда — чудесно! Только имейте в виду, что на август мы уезжаем на Амур¹ (поездка на теплоходе Благовещенск—Николаевск—Благовещенск); билеты для нас с Еленой Александровной, Надежды Васильевны Реформатской и моего соболиного брата Виктора на днях уже заказаны — может быть и Вы присоединитесь? На всякий случай: билеты (путевка) надо заказывать в Благовещенск, речной порт (деньги отправлять в Благовещенск на расчетный счет Благовещенского порта № 42304, Благовещенская областная контора Госбанка) на рейс теплохода «Миклухо-Маклай» 6-го августа из Благовещенска; путевка первой категории стоит 89 р. 40 коп. Хорошо бы, как по Волге, прокатиться вместе по Амуру до Тихого океана. Напишите о Ваших (Амурных) соображениях.

Надеюсь, что Вы поедете вместе с Анастасией Савельевной. Рейс Благовещенск—Николаевск—Благовещенск продолжается 12-13 дней.

Ждем письма! С сердечными приветами от нас обоих Вам с Анастасией Савельевной, наличному в данный момент семейству нескольких поколений и всем новосибирским друзьям.

Ваш Н.Тимофеев-Ресовский

5.VI.63

Дорогой Игорь Андреевич!

Вчера получили Ваше письмо. Дошедшие до Вас слухи о том, что биофизического трéпа в этом году не будет — правильны: процент зараженных клещей на всем Южном и Среднем Урале возрос с 2% до 8% и в связи с этим всякие сборища запрещены, а экспедиции разрешаются лишь по предъявлении удостоверения о трехкратном введении (в течение целого месяца и со страшными мучениями) противознцефалитной сыворотки. Вас, Алексея Андреевича [Ляпунова] и Юлия Яковлевича [Керкиса] это, разумеется, не касается, и мы очень обрадовались, узнав о Вашем намерении на пару недель приехать в Миассово. Тем более, что я (Н.В.) собирался писать Вам и Алексею Андреевичу, с просьбой *непрерывно* летом приехать, хоть на недельку, для специального трéпа. Дело в том, что мы (я, Володя Иванов, Юра Абатуров², Галя Махонина и Нина [Тимофеева]) начали развивать, несколько переделывать, уточнять и углублять кибернетическую схему, предлагаемую В.Д.Александровой³ для фитоценоза, распространив ее на биогеоценоз. Сейчас мы читаем кое-что (в основном Александрову и Шмальгаузена) и трепемся друг с другом в примитивной и предварительной форме; через пару недель надеемся дотреться до такой стадии, в которой нам без Вас с Алексеем Андреевичем далее — ни тпру, ни ну. А разработка, хотя бы самой общей и предварительной (но достаточно строгой) кибернетической схемы биогеоценоза, даже помимо каких-либо чисто кибернетических и машинных планов имела бы для нас большое значение — хотя бы в смысле «нулевой гипотезы». Было бы хорошо, если бы Вы до приезда к нам успели бы просмотреть работу В.Д.Александровой «Опыт анализа явлений саморегуляции в фитоценозе с точки зрения некоторых идей кибернетики», напечатан-

ную в Бюллетене МОИП за 1961 год и в недавно вышедшем в Ленинградском Ун[иверсите]те сборнике третьего совещания по применению математических методов в биологии. Ждем Вас!

С сердечным приветом от нас обоих Вам с супругой.

Ваши Е. Тимофеева-Ресовская
Н. Тимофеев-Ресовский

P. S. Посылаем на адрес Алексея Андреевича, т.к. оказалось, что у нас не записан Ваш адрес (на Ваш гордый обратный адрес «Полетаеву, Новосибирск», посылатъ все же не решаемся).

1. В 60-е годы Тимофеевы-Ресовские почти каждый год совершали туристические поездки на речных пароходах (Волга, Енисей, Амур, Лена, Днепр др.).
2. Юрий Данилович Абатуров (как и Влад. И. Иванов в то время) — сотрудник лаборатории Н. В.
3. Вера Даниловна Александровна — ботаник, сотрудник Ботанического института АН.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Ю. Ф. Богданову
Миассово — Москва

14.VI.63

Дорогой Юра!

Спасибо Вам большое за Ваше письмо. Должна Вам только сказать, что письма от В. П. Эфроимсона я не получала. Не знаю, в чем дело — мы уже давно в Миассово, возможно, он написал на Свердловск, а там оно завалилось. Насколько я понимаю — «дело» по-видимому отложено до осени. А там посмотрим. Это, конечно, очень неприятно, т.к. задерживается наш переезд в Обнинск. Ну, ничего не поделаешь — жизнь не всегда идет гладко. Придется с этим помириться.

Теперь относительно совещания: в этом году из-за того, что обнаружено повышение процента энцефалитных клещей — никакого совещания устраивать нельзя. Басов¹ получил приказание свыше и категорически запретил устраивать совещание. Всем нашим молодым сотрудникам ввели энцефалитную сыворотку, людям свыше 50—55 лет этого делать не надо. Если же кто из молодежи приезжает — то должны привозить удостоверение о том, что она впрыснута. Нам, конечно, это очень

жаль, но опять же ничего не поделаешь. Пусть Туся скажет об этом Блюменфельду² и всем, кого она знает — кто собирался приехать. Клещей действительно много и, говорят, в Машгородке лежат уже 30 больных энцефалитом, напротив нас сын кордонщика тоже заболел. Но у нас все здоровы.

Мы с Николаем Владимировичем заказали билеты на 6-е августа — хотим проехать в этом году по Амуру вместе с Надеждой Васильевной [Реформатской] и братом Виктором [Тимофеевым]. Так что 1-го августа уже двинемся в дальний путь — через Иркутск — в Благовещенск, а потом на пароходе до устья Амура в Николаевск.

Какие у вас планы на лето? Вернулась ли Туся? Поедет ли Туся в Новосибирск? Возможно мы на обратном пути заедем в Новосибирск.

Да, мы получили письмо от Полетаева — он пишет, что несмотря на клещей — он хочет (м[ожет] б[ыть] вместе с Алексеем Андреевичем) в середине июня приехать к нам. Ведь возраст Игоря Андреевича и Алексея Андреевича — защита от клещей. Ждем их на днях.

Большой привет Тусе и всем, всем Ляпуновым.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Владимир Михайлович Басов — геолог, директор Ильменского заповедника, на территории которого располагалась летняя база лаборатории Н. В. «Миассово».

2. Лев Александрович Блюменфельд (р. 1921) — биофизик, организатор и многие годы руководитель кафедры биофизики физического факультета МГУ (где Н. В. читал курсы лекций), академик РАЕН. Неоднократный участник миассовских семинаров.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Свердловск — Новосибирск

4.X.63

Дорогой Алексей Андреевич!
Посылаю Вам свою книжицу, наконец-то она вышла. Теперь придется мне ее защищать. С. С. Шварц настаивает на этом и я на днях получила из ВАК'а сообщение, что мне разрешается защищать по монографии и что я освобождена от сдачи экзаменов. Автореферата мне тоже печатать не надо. Срок защиты

еще не назначен, но наверное это будет что-нибудь в ноябре. Я очень стесняюсь Вас просить об отзыве, так как знаю, что Вы заняты, но если найдете время, то я буду Вам очень благодарна, если напишете. Мне очень хочется иметь именно от Вас отзыв, так как Вы близко стоите к нашим работам и «свой» человек в Миассово. Лучше пошлите отзыв (если напишете!) ученому секретарю Г.С. Хреновой, Свердловск, ул. 8-го марта, д. 202а, Институт биологии УФАН, а копию мне.

Как жаль, что Вы не приехали с Игорем Андреевичем [Полетаевым] — Николай Владимирович остался чрезвычайно доволен его пребыванием у нас — они здорово поработали и покричали, а с Вами, наверное, было бы еще больше крику. Погода была замечательная, да и сейчас стоит на удивление — солнце сияет во всю!!

Николай Владимирович написал наконец-то свою работу о «малых мутациях», а завтра наверное начнет о «биохорологических единицах для кибернетики», а затем м[ожет] б[ыть] я подвину его на большой труд — из его докторского доклада — написать большую монографию. Здесь в Миассово работать очень хорошо. Но числа 15.X. мы должны ехать в Свердловск, т.к. ведь 18.X. — Аргента [Титлянова] защищает. Вряд ли мы после этого вернемся сюда.

На днях должен быть объявлен в Обнинске конкурс — мы с нетерпением ждем результатов. Надеемся, что еще до Нового года будем в Обнинске. Но уверенности у меня в этом нет.

Николай Владимирович шлет Вам самый сердечный привет. От нас обоих передайте пожалуйста привет Анастасии Савельевне.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Свердловск — Новосибирск

25.X.63

Дорогой Алексей Андреевич!

Большое, большое Вам спасибо за отзыв. Уж только слишком Вы меня расхвалили — какой же я доктор?! Но я очень тронута, что несмотря на то, что Вы больны — Вы все-таки написали отзыв. Как Вы себя чувствуете? Трудно себе представить,

как Вы можете лежать, но Вы должны лежать — иначе Вы не поправитесь.

Николай Владимирович еще не прочитал, что Вы ему послали последний раз. Ведь у нас сейчас была очень волнительная неделя — защищала Аргента [Титлянова] и Леша Рачков¹. Надо сказать, что Аргента на наш взгляд защитила блестяще, а Леша очень средне. Но Аргента получила три черных шара, а Леша — один. И это получилось, по-видимому, потому, что не понравилось, как она себя держала. Вы ведь знаете ее — и мы ее знаем и на наш взгляд она вела себя скромно, но на взгляд Ученого Совета — она слишком резко отвечала на вопросы и т.д., и т.д. Но, конечно, эти три шара ей не помешают.

На этих днях Николай Владимирович займется Вашей лекцией. И я тогда напишу Вам его мнение.

А Вы — главное поправляйтесь поскорее — лежите и не вскакивайте.

Николай Владимирович шлет Вам сердечный привет, а также передайте наши приветы Анастасии Савельевне.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Леонид Дмитриевич Рачков — аспирант Н.В. из Душанбе.

Н.В. Тимофеев-Ресовский — Г.М. Франку¹

Свердловск — Пушино

14.XI.63

Многоуважаемый Глеб Михайлович!

За какие грехи Вы меня осчастливили «рецензией на Тринчера²»? Не подумайте пожалуйста, что я так долго не присылаю ее Вам по лени или невниманию к Вашей просьбе. Дело в том, что я, совместно со своим другом Елеонским (теоретическим физиком, специально работающим в области термодинамики необратимых процессов в сложных открытых системах) вот уже три недели пробую разобраться в работе Тринчера и найти в ней логическую красную нить и положительное содержание, имеющее эвристическое значение. Это страшно трудно! Трудности начинаются с постановки вопроса: в длинном введении фигурируют и утверждение о немоделируемости жизненных процессов, и критика взглядов на происхождение жизни, и рассуждения о

том, что такое жизнь, и утверждения о необходимости термодинамического определения жизни, и рассуждения об информации, и рассуждения о несравнимости машин с организмами и многое другое; при этом не дается сколько-нибудь четких определений ни для одного из употребляемых понятий, царствует полный терминологический хаос, а синтаксис и стиль русского языка таковы, что иной раз совершенно непонятно (по литературным причинам) — что хочет сказать автор. В дальнейших частях и главах фигурирующие во введении понятия и утверждения не только не подвергаются более строгим определениям (которые позволили бы оперировать с ними, если не математически, то хотя бы логически), но, часто, совершенно расплываются. Почти все «формулы» и «математические операции» представляют собой либо нечеткое и неясное изложение общеизвестных и тривиальных вещей, либо — странные операции, основанные на произвольных и ничем не обоснованных утверждениях автора. Пожалуй, одним из кульминационных пунктов в этом направлении является манипуляция со знаменитой формулой Больцмана, в которую автор совершенно необоснованно и произвольно вставляет вместо Больцмановских значений — прямо им противоположные (например, замена Больцмановской связи энтропии с термодинамической вероятностью на связь негэнтропии с некоей биологической вероятностью); этим путем, кстати, автор (весьма «скромно») создает, наряду с законом Больцмана, «закон Тринчера». Затем идут дальнейшие случаи применения того же приема: перелицовка и вывертывание наизнанку хорошо известных формул, имеющих вполне определенный смысл и содержание. Кстати, в главе второй автор показал знание ряда терминов, но полное непонимание генетики и эволюционного учения. В дальнейшем, особенно при рассуждении об адаптациях путаются и переплетаются, так до конца точно и не определенные понятия адаптации, онтогенеза, филогенеза, информации, негэнтропии и т.д., разобраться в которых почти невозможно. Из всего этого выводится «закон биологической адаптации»; характерно, что в основе этого закона в качестве единственного фактического материала лежат результаты опытов автора с эритроцитами (которые сами по себе являются, по-видимому, вполне хорошими и не безынтересными), дающие минимальную и совершенно недостаточную информацию для вывода столь общих законов. Не буду пока

обременять Вашего внимания дальнейшими перечислениями неясностей и явных недоработок в статье Тринчера; скажу лишь, что в принципе то же самое касается и всех прочих «законов» и общих теорем автора, включая «квант биологической мощности» и «полное термодинамическое уравнение живой системы». Указанное вначале отсутствие сколько-нибудь строгих и точных определений понятий, с которыми автор оперирует, делает совершенно неубедительной и последнюю часть работы.

Вся работа производит на нас впечатление непродуманных до конца наметок самого различного содержания, весьма смело, но неубедительно подгоняемых под общую проблему «биологической термодинамики» и вопроса о связи негэнтропии с информацией.

Письмо это я пишу Вам в порыве возбуждения, переходящего порой в отчаяние при попытках разобраться в статье Тринчера, являющейся своего рода пределом невежливости автора к читателям. Читать и отделять кое-что положительное от нечленораздельного моему другу Елеонскому (как я уже говорил — теоретическому физику и термодинамику, знакомому с биологической проблематикой) ничуть не легче, чем мне грешному. Мы пришлем Вам, конечно, вполне спокойную и «цивильную» рецензию, в которой, однако, мы совершенно категорически укажем на необходимость до опубликования серьезнейшим образом доработать и переработать статью, снизить тон (не выводить в каждой главе по паре «законов» живой природы), привести в порядок и какую-либо логическую систему длинное введение (понятия, утверждения и термины образуют в нем, как говорят англичане, а *system of random sampling* или, по-русски, случайно-хаотическое распределение), и, что особенно важно, хотя бы более или менее точно и строго сформулировать и определить те понятия, с которыми оперирует автор. Наконец, я очень советовал бы Вам послать эту работу на рецензию биологически грамотным и полноценным кибернетикам, лучше всего — А.А. Ляпунову и И.А. Полетаеву в Новосибирск.

Простите за длинное и несколько темпераментное письмо. Рецензию надеемся выслать Вам примерно через неделю.

С искренним приветом

Ваш Н. Тимофеев-Ресовский

P. S. Кроме того, нужно тщательно выправить язык.

1. Глеб Михайлович Франк (1904–1976) — биофизик, академик, директор Института биофизики АН СССР.
 2. Карл Сигизмундович Тринчер — сотрудник Института биофизики.
-

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Ляпуновым
Свердловск — Новосибирск

30.XI.63

Дорогие Анастасия Савельевна и Алексей Андреевич!
Большое, большое вам спасибо за ваше внимание ко мне, за то, что звонили по телефону и за телеграмму. Я очень, очень тронута вашим вниманием и вниманием многих друзей — я ведь получила 32 отзыва, среди них от нескольких академиков и чл.-кор. и все хвалебные.

Как все говорят, доложила я очень хорошо, а на вопросы отвечала замечательно, даже Ник[олай] Вл[адимирович] поставил мне «5». Но вы не можете себе представить, как я до защиты волновалась и сколько я времени потратила на подготовку. Наш директор С. С. Шварц в «Большом Урале», за ужином, сказал речь: «Я думал, что Николай Владимирович замечательный оратор, но Елена Александровна его затмила сегодняшним выступлением». Вообще Шварц был очень доволен. Да и все в лаборатории были очень довольны и говорили, что не ожидали, что я смогу так спокойно держаться. Я и сама не ожидала, что так хорошо получится. Счастлива, что все уже кончилось и теперь я могу немного отдохнуть.

Наверное, через недельку мы поедем в Москву и конечно увидим ваших. Мы что-то слышали, что у Алексея Андреевича тромб в ноге. Что-то на Вас, Алексей Андреевич, все напасти.

Еще раз большое спасибо за все. Большой привет от Николая Владимировича.

Любящая вас Е. Тимофеева-Ресовская

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Реформатским
Свердловск — Москва

30.XI.63

Дорогие Надя, Маша и Глеб!

Спасибо за поздравление! Да я защитила и, как все говорят, «блестяще», даже Колюша сказал, что можно поставить «5». Подробности расскажу при свидании. Но должна сказать, что я сама удивилась, что вышло так хорошо. Ведь я перед защитой ездила в Челябинск — там делала доклад, а затем репетировала, как у нас полагается, в лаборатории. И оба раза неважно докладывала. А тут не знаю, как это вышло, — я вдруг набралась храбрости (это был такой же подвиг, как я полезла с Полетаевым под воду!) — и действительно доложила хорошо и отвечала на вопросы — прекрасно. Потом в «Большом Урале» наш директор сказал, что он думал, что Ник[олай] Вл[адимирович] — прекрасный оратор — но Елена Александровна — его затмила. Ну в общем здорово!! Все поздравляли, получила цветы и здорово выпили в «Большом Урале».

Крепко вас всех целую, я самый счастливый человек на свете!!!

Точно день приезда еще не знаем, но наверное скоро приедем, тогда пришлем телеграмму.

Любящая вас всех

Леля

1. Глеб Геннадьевич Поспелов (р. 1930) — искусствовед, автор статей и книг по русскому искусству. Муж М. А. Реформатской.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. А. Ляпуновой
Свердловск — Москва

2.XII.63

Дорогая Туся!

Хочу написать тебе только несколько слов, т. к. скоро мы будем в Москве. Защитила «прекрасно». Никто не ожидал от меня такой защиты, а я меньше всех. Как-то очень здорово получилось. Все остались очень довольны, а директор даже сказал, что я затмила своего мужа — прекрасного оратора.

Должна сказать, что я целый месяц пребывала в нервах, написала свой доклад, ездила в Челябинск докладывать в Институте биофизики Минздрава — и доложила там, как сказал Колюша, на 3—, потом докладывала в лаборатории и тоже неважно. И вдруг — вышло так прекрасно! Даже Колюша поставил мне «5». Я очень счастлива и теперь хочу отдохнуть не столько от работы (хотя я много занималась — мне все казалось, что я к защите должна все познать), сколько от нервов.

Потом кутили в «Большом Урале», а вчера нас напоил мой оппонент — Геннадий¹ — вообще жизнь — чудесная штука.

Крепко целую тебя и всем большой привет — твои родители звонили Куликовым² в день защиты, и я получила от них поздравительную телеграмму.

Твоя Е. Тимофеева-Ресовская

1. Геннадий Григорьевич Поликарпов.

2. Николай Васильевич Куликов и его жена Валентина Георгиевна. Они оба были сотрудниками лаборатории Н. В.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Ю. Ф. Богданову
Свердловск — Москва

9. II. 64

Дорогой Юра!

Только что получила Ваше письмо, большое, огромное спасибо. Конечно, лучше знать, что происходит, чем сидеть и предполагать всякие штуки!! Ваше известие по-моему тоже приятно, дело¹ сдвинулось с места и конечно это Зедгенидзе его сдвинул. Ваша весточка была вторая — вчера вечером мы получили от Астаурова короткую записку с сообщением +12, -6². Спасибо, что Вы подробно все написали. Появилась надежда, но мы вчера удержались пить шампанское, черт его знает, как поступит Президиум. Ну, будем надеяться. Теперь мы будем ждать и знать причину, а то казалось странным — что-то не вызывают, но почему?!

Еще раз большое спасибо, что вспоминаете нас и переживаете вместе с нами. Большой привет Тусе, Алле с Юрой и Воронцовым.

Как дела в Новосибирске? Как здоровье Алексея Андреевича?

Ждем дальнейших известий, надо полагать последних — получить «доктора» или нет.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

-
1. Речь идет все о той же докторской степени Н. В.
 2. Таковы были результаты голосования на экспертной комиссии ВАК: за — 12, против — 6. После этого дело поступило на утверждение президиума ВАК.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. А. Ляпуновой

Обнинск — Москва

6.V.64

Дорогая Туся!

Только что получила твое письмо. Это действительно — подарок — Anadonta. Обе работы, о которых ты пишешь — так и не вышли, вычеркни их или напиши «в печати». Если ты не найдешь экспертной комиссии, то пошли нашей Нине (Свердловск, ул. Малышева, 129, кв. 17) один экземпляр и попроси ее передать экспертной комиссии, ведь мы работу делали в УФАН'е и они должны это сделать. Сколько тебе возни с этой «Анадонтой». Очень жаль, что Алексей Андреевич к нам не заехал. Я только раз днем была в Москве — купила письменный стол — замечательный и еще 5 полок. Мы блаженствуем в нашей квартире и вообще тут — изумительно. Приезжайте в гости — у нас чистота и порядок — я нашла домработницу. Не знаю, когда мы будем в Москве. Всем привет от нас обоих.

Е. Тимофеева-Ресовская

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. А. Ляпуновой

Обнинск — Москва

22.VI.64

Дорогая Туся!

К тебе большая просьба. Николай Владимирович должен быть в Москве 30.VI и 1.VII на каком-то совещании в АМН. Но ему необходимо повидаться с В. Н. Сукачёвым, Л. А. Зенкевичем и С. Яблонским. Если бы ты была такая любезная и сговорилась бы по телефону с этими уважаемыми людьми о свидании с Николаем Владимировичем. Николай Владимирович приедет в Москву около половины седьмого и проедет прямо к Вам.

Он может уже 29.VI — вечером повидаться с кем-нибудь из этих трех людей. Но ночевать он будет у Реформатских, Надежда Васильевна была у нас на днях и они сговорились — Надежда Васильевна специально приедет с дачи. Умоляю вас всех — не угощайте Николая Владимировича ничем алкогольным!!!

Я не знаю еще, приеду ли я. Жара невыносимая, а в Обнинске — чудесно!

Заранее очень благодарна тебе, если ты устроишь эти свидания. Очень трудно Николая Владимировича вытолкнуть в Москву. Надо воспользоваться этим выездом. Зенкевич приглашал Николая Владимировича поехать на Белое море¹. Смогу ли я поехать — я не знаю. Ты советуешь?

Целую тебя. Мы каждое воскресенье ждем тебя с Юрой. Может быть, приедете в следующее воскресенье? Очень будем рады.

Е. Тимофеева-Ресовская

1. Л. А. Зенкевич приглашал Тимофеевых на Беломорскую биологическую станцию МГУ. Поездка, к сожалению, так и не состоялась.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Ляпунову
Обнинск — Новосибирск

16.I.65

Дорогой Алексей Андреевич!

Письмецо это вручит Вам Юрий Михайлович Свирежев¹, которого Вы раз уже видели у Вас. Как Вы знаете, мы с Юрой интересуемся, а он и занимается рядом популяционных и биогеоценологических задач. В связи с этим мне очень хотелось бы, также, как и Юре, чтобы он (Юра) поговорил с Вами, а если можно и с Игорем Андреевичем [Полетаевым], о направлении и характере своих математических рассуждений и расчетов. С этой целью он на несколько дней едет в Новосибирск. Пожалуйста, примите его и поговорите!

У нас в Обнинске все хорошо — процветаем. С сегодняшнего дня получаю больше денег — разбогател²! Как Выживаете? Как Анастасия Савельевна и внуки? Ваши новосибирские головастиковые³ идеи докатились и до Обнинска: тут то-

же собираются в школах подбирать и готовить гениев, а нам будет больше мороки.

С сердечным приветом от нас с Еленой Александровной Вам с семейством.

Ваш Н.Тимофеев-Ресовский

1. Юрий Михайлович Свирижев — биолог, математик, в те годы сотрудник Н. В.; в настоящее время профессор университета в Потсдаме.
2. 14 октября 1964 г. ученая степень доктора биологических наук наконец была ВАК присуждена. Однако по приезде в Обнинск в апреле 1964 г. Н.В. еще несколько месяцев получал зарплату научного сотрудника без степени, так как решение президента АН о персональной ставке для него не распространялось на обнинский Институт медицинской радиологии, принадлежавший к Академии медицинских наук.
3. Шуточное название победителей сибирских физико-математических олимпиад, которых собирали на летние школы, а позже в школу-интернат в новосибирском Академгородке.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Ляпунову
Обнинск — Новосибирск

15.IV.65

Дорогой Алексей Андреевич!

В середине июня мы хотим, с технической помощью Московского горкома комсомола, возобновить под Москвой (по-видимому, на Можайском море, в лесу, в небольшом комсомольском доме отдыха) миассовские трёпы. Так как, как это всегда водится, организацию нужно было проводить заранее и быстро, то я не успел списаться с Вами; поэтому в первом, предварительном приглашении (приглашаемые — почти только миассовцы) мы, без Вашего согласия, не смогли Вас включить в организаторы: включены лишь я, Рапопорт¹ и Блюменфельд. Пишу Вам не только для того, чтобы пригласить Вас, но и чтобы получить Ваше согласие на включение Вас в нашу «инициативную» группу. Пожалуйста, соглашайтесь! Думаю, что соберется человек сто; кормить нас будет задарма комсомол. В этом и в предоставлении своего маленького дома отдыха или турбазы и будет заключаться его, комсомола, техническая помощь и участие; в остальном все будет по-миассовски². Прилагаю при сем официальное предварительное приглашение от горкома.

С сердечными приветами Вам с Анастасией Савельевной и всем семействам.

Ваш Н. Тимофеев-Ресовский

1. Иосиф Абрамович Рапопорт (1912–1990) — генетик, ученик Н. К. Кольцова, чл.-корр. АН. Один из пионеров химического мутагенеза.
2. Два лета подряд под эгидой отдела науки ЦК комсомола проводились незабываемые для их участников по атмосфере и содержательности школы по биологии и биофизике. В 1965 г. — в Красновидово на берегу Можайского моря, в 1966 г. — на Клязьминском водохранилище.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. В. Реформатской
Обнинск — Москва

31.V.65

Дорогая Надя!

<...> Вчера неожиданно к Медведевым¹ приехал Солженицын, и я написала к ним в гости. Хотела было послать тебе телеграмму, но Медведевы сказали, что они сегодня уже уедут. Они на своей машине путешествуют уже целый месяц, говорили, что очень любят реки и озера и раз проехали, но их совершенно доняло радио и теперь для них закрыто путешествие по рекам — они оба совершенно не выносят радио, как сказал Солженицын, «без моего управления». Я совершенно очарована писателем, он совершенно очаровательный человек, встретил меня так, как будто я с ним просидела в тюрьме лет десять. Выглядит очень мило с бородой. Очень радостный и веселый. Очень много интересного рассказывал о тюрьме, о лагере, об Ахматовой (с которой он хорошо знаком), о Мандельштаме и т.д и т.д. Очень хорошо посидели. Сегодня я их пригласила к себе. Но не уверена придут ли — у них целый чемодан рукописей — и как сказал Медведев — должны работать. <...> Обнинск им очень понравился. А Рязань не нравится. Возможно они скоро сюда переберутся — тогда ты должна с ними обязательно познакомиться — он просто душа! <...> Ну вот, кажется все. Целую всех. <...>

Твоя Леля

1. Жорес Александрович Медведев (р. 1925) — биохимик, тогда заведующий лабораторией в отделе Н. В. Преследовался властями как борец со сталинизмом,

лысенковщиной, тоталитарными порядками, был лишен гражданства. С 1973 г. живет за границей.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Обнинск — Новосибирск

12.XII.65

Дорогой Алексей Андреевич!

На днях получила Ваше письмо, простите, что сразу не ответила. Большое спасибо Вам за новые заботы об Николае Владимировиче. Но дело в том, что еще в прошлом году ученый секретарь требовал от меня всяческие бумаги (анкету, автобиографию, список трудов Ник[олая] Вл[адимировича] и т. д., и т. д.) для того, чтобы представить его в ВАК'е к званию профессора. Несмотря на протесты Николая Владимировича — все эти «бумаги» были мною собраны и переданы. Но так как вскоре после этого Зедгенидзе пожелал выдвинуть Николая Владимировича (опять несмотря на протесты Николая Владимировича) в чл.-коры, то по-моему представление в профессора как-то выпало. И теперь это дело заглохло. Мне кажется, что хорошо бы это дело снова поднять и то, что Вы послали «документ» Зедгенидзе — хорошо — это напомнит ему, что начатое дело не двинулось с места. Хотя по мнению Б. Л. Астаурова надо некоторое время Николаю Владимировичу сидеть тихо. Борис Львович в прошлом году был против выдвижения Ник[олая] Вл[адимировича] в чл.-коры, хотя и считает его достойным этого звания.

Николай Владимирович очень жалел, что не встретился с Вами в Новосибирске.

Послезавтра 14-го мы уезжаем на неделю в Ленинград на юбилей (250-летие) БИН'а¹.

Еще раз большое спасибо за заботы. Николай Владимирович шлет Вам и всему Вашему семейству самые сердечные приветы и я тоже.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Ботанический институт АН СССР.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Обнинск — Новосибирск

24.XII.65

Дорогой Алексей Андреевич!

Только вчера получила Ваше письмо. Сначала о Ратнере¹ — Николай Владимирович остался доволен диссертацией Ратнера и дал хороший отзыв. Но он считает, что лучше, чтобы он решил задачи, поставленные им для ряда дальнейших экспериментов и тогда дать ему «докторскую». Кроме того он боится, как бы не вышло, как с Колей Воронцовым; пожалуй лучше наверняка получить «кандидатскую», пару лет поработать и получить «докторскую». Ну, это его личное мнение.

Мы были с 15-го по 22-е в Ленинграде, а когда приехали, узнали, что Зедгенидзе получил Ваше письмо и написал на нем «грозное» приказание — дело с «профессорством» двинуть. Дело в том, что еще в прошлом году «дело» это было начато, но потом его, по-видимому, отложили, в связи с выдвижением в чл.-коры. В чл.-коры Николая Владимировича провалили, а дело с профессорством отложили или забыли. Во всяком случае я прослежу, чтобы это дело поскорее провели.

Теперь относительно Вашего желания выдвинуть Николая Владимировича в Академию. Большое Вам спасибо за Ваши заботы о Николае Владимировиче, но я не уверена, нужно ли это делать. Ведь в чл.-коры в Ак[адемии] Мед[ицинских] Наук — его уже провалили. Мне рассказывали, что Жуков-Вережников² выступил с совершенно кошмарной речью — все вспомнил: и наше пребывание в Германии, и арест Ник[олая] Вл[адимировича] и т.д., и т.д. Я говорила как-то с Борис Львовичем Астауровым и он посоветовал годик, два посидеть тихо. Вам, конечно, виднее, но есть ли у Вас уверенность, что Николай Владимирович пройдет? Я знаю, что, к сожалению, у него есть много людей, настроенных против него, да и биография его может вызывать сомнение. Вместе с тем знаю и мнение о нем таких людей, как Келдыш, Сукачёв, Зенкевич, Капица и Ваше. В общем я высказала Вам свои сомнения, а Вам решать.

Спасибо за приглашение приехать к Вам. Не знаю, я уже в этом году ездила на Можайское море, целый месяц была

в Миассово, а сейчас в Ленинграде, вряд ли мне будет удобно опять скоро уезжать. Николай Владимирович поедет в Дубну, потом в Эривань и еще мы оба имеем приглашение на Южный Урал на зимнюю теоршколу. Слишком много поездок — когда же работать?

Передайте, пожалуйста, самый сердечный привет Анастасии Савельевне и еще раз спасибо за все.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Вадим Александрович Ратнер — биолог, математик, заведующий теоретическим отделом Института цитологии и генетики СО АН, академик РАЕН. Участник миассовских семинаров.

2. Николай Николаевич Жуков-Вережников (1908–1981) — академик АМН СССР, активно поддерживал Лысенко. В свое время занимал посты вице-президента АМН, заместителя министра здравоохранения, директора Института экспериментальной биологии, в последние годы жизни подвизался на поприще борьбы за мир.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову

Обнинск — Новосибирск

25.XII.65

Дорогой Алексей Андреевич!

Хочу Вам первому сообщить о радостном событии, которое произошло сегодня днем. Николай Владимирович получил сегодня письмо из Америки из «National Academy of Sciences» из Вашингтона от Harrison Brown (Foreign Secretary) с поздравлением получения Kimber Genetics Award of the National Academy of Sciences of the USA за «Ваши замечательные работы в области мутаций». Дальше пишет, что эта премия включает в себе золотую медаль и honorarium в 2000 долларов. В конце пишет, что он надеется, что Николай Владимирович сможет приехать получить эту премию 25 апреля на заседании их Академии. Кроме того, что президент их Академии Frederic Seits известил об этой премии нашего президента Келдыша. Ну что Вы скажете на все это? Ведь это здорово — мы очень довольны. Значит еще помнят Николая Владимировича. У него теперь бронзовая (Дарвиновская), серебряная (Менделевская) и золотая медаль (Kimber'овская). Но порадовавшись и выпивши шампанского, нам немного взгрустнулось — ведь вряд ли пустят Николая Владимировича в Америку и тогда возможно и ме-

даль и деньги плакали. Но в общем-то мы решили заранее не расстраиваться и подождать. Не знаем — может быть напишем Келдышу и спросим его — что они ему сообщают.

Ну вот — я уж очень расписалась длинно, но хотелось прежде всего поделиться с Вами.

Дело с профессорством движется. В начале января все бумаги будут готовы — я еще написала Лобашеву¹ и просила его выслать нашему директору отзыв о Ник[олае] Вл[адимировиче]. Сам Лобашев, когда мы были сейчас в Ленинграде, говорил мне, что очень важно получить это звание и просил меня сообщить ему, если нужно будет написать отзыв.

Но я сегодня говорила с нашим ученым секретарем и он сказал мне, что утверждение в ВАК'е продолжается очень долго — даже до целого года.

Передайте большой привет Анастасии Савельевне и всем, всем друзьям.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Михаил Ефимович Лобашев (1907–1971) — генетик, в то время заведовал кафедрой генетики Ленинградского университета. Занимался проблемами экспериментального, в частности химического, мутагенеза, генетикой поведения.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Обнинск — Новосибирск

11.1.66

Дорогой Алексей Андреевич!

Прежде всего большое спасибо за поздравительную телеграмму и передайте, пожалуйста, благодарность писавшим ее вместе с Вами.

Теперь хочу Вам сообщить дела со «званием профессора». Сегодня был Ученый Совет, на котором единогласно проголосовали, чтобы «быть ему профессором». Теперь все бумаги отправятся в ВАК и когда их утвердят — неизвестно. Я хотела Вас еще спросить, что Вы знаете по выдвижению Николая Владимировича в академики, Вы написали, что кто-то хочет его выдвинуть. Я уже Вам писала, что может быть не стоит этого делать — все равно провалят. Ведь по-моему знаменательно, что все три медали — бронзовую, серебряную и золотую — Николай Владимирович получил за рубежом, здесь у

себя на родине еле-еле дали «доктора» — не следует ли подождать? Я, конечно, мало в этих делах понимаю, мое дело маленькое — подготовить нужные бумаги, что я уже много раз делала. Только, если что нужно будет сделать — напишите мне, пожалуйста, заранее.

Мы живем очень хорошо — я понемногу работаю по генетике *Arabidopsis*¹, а Николая Владимировича рвут на части. Этим я не очень довольна, но ведь его не удержишь. Если для учителей каждый прочитает по одной лекции, то он берется и читает четыре лекции. Кто бы и что его ни попросил — на все согласен — «это пустяки — я быстро сделаю». Ну, а вот его собственная книжка «О принципе попадания» — не движется с места. Договор заключен к 1-му июля, но он уверяет, как начну — так в 2 недели напишу. Ну, посмотрим².

Как Вы живете, как здоровье Анастасии Савельевны? Очень бы хотелось повидаться. Передайте, пожалуйста, от нас обоих большой привет Анастасии Савельевне, Воронцовым, Керкисам и всем друзьям и знакомым.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. *Arabidopsis* — небольшое крестоцветное растение с коротким циклом развития и малым числом хромосом, за что получило прозвище «ботанической дрозофилы». В 60-е и последующие годы вошло в широкий лабораторный обиход и было всесторонне изучено, в том числе полностью проанализирован его геном. В обнинский период Е.А. также занималась радиационной генетикой *Arabidopsis* и опубликовала по этой теме полтора десятка работ.

2. Несмотря на сетования Е.А., книга была написана: *Тимофеев-Ресовский Н.В., Иванов В.И., Корогодин В.И.* Применение принципа попадания в радиобиологии. М., Атомиздат. 1968.

Е.А. Тимофеева-Ресовская — Н.В. Реформатской
Острово — Москва

21.VII.66

Дорогая Надя! Я в совершенном восторге от Витима — это удивительно красивая река — с высокими холмами. Но Лена тоже хороша со своими «щеками» и «столбами». Целые дни провожу на палубе, почти не читаем, дышим дивным воздухом и любимся берегами. Компания очень интересная и симпатичная, так что пока — чрезвычайно довольны путешествием. Я два дня проболела животом — так что не смогла посмотреть

Ленские золотые прииски — ну и черт с ними!! Очень жалею, что тебя нет с нами. Правда, сначала нас мучило радио — но теперь мы с ним разделались — пошли к директору и категорически потребовали — закрыть радио совсем. И теперь блаженство — оно молчит. А молодежь танцует совсем внизу и его не слышно. Да и молодежи очень мало — все больше средний возраст и замечательные старушки — одна 78 лет — но она куда прытче меня!! Да я еще здесь на пароходе встретила свою подругу, которая со мной была в Асканье Нова — 45 лет тому назад. Я ее, конечно, не узнала, но она меня узнала — затащила к себе в каюту — и тут мы договорились. Интересно! Правда?

Ну, крепко тебя целую и всех, всех. Мы будем заезжать только к Виктору — это 2 часа лету от нашего порта «Осетрово». А оттуда уже заказали билет на самолет — прямо в Москву. Сколько проживем у Виктора — не знаю — конечно, хочется и по Байкалу проехать. Наверное, к середине августа будем дома. Очень хочется видеть [тебя] у себя в Обнинске.

Твоя Леля

А Митю-то [Курсанова] не выбрали!

А Астауров — академик!!

Этому мы очень радуемся.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Обнинск — Новосибирск

14.IX.66

Дорогой Алексей Андреевич!

Николай Владимирович получил Ваше письмо и просил меня написать Вам, что очень благодарит Вас за желание помочь остепениться Виктору Владимировичу [Тимофееву]. Я говорила с А. Н. Тюрюкановым¹ и он сказал мне, что уже получил письмо от Воронцова и теперь пока ничего не надо. Если Вы согласны написать отзыв — то А. Н. Тюрюканов пришлет Вам «автореферат» или «доклад» Виктора Владимировича, когда это будет готово.

Мы очень хорошо провели в этом году наш отпуск — прокатились по Лене и Витиму (25 дней!), а потом были еще 8 дней в Иркутске и на Байкале. Замечательно отдохнули. Вер-

нулись 12 августа и сейчас уже опять замученные, особенно я, ну и Николай Владимирович тоже — очень уж много всяческих дел, а кроме дел — гостей. Ну ничего — пока еще дышим и здоровы! Отдыхали ли Вы где-нибудь, уезжала ли куда-нибудь Анастасия Савельевна? Очень бы хотелось с вами повидаться. Но у нас сейчас предстоит еще поездка в Еривань (6–15.10), а на праздники хотим поехать в Киев.

Передайте, пожалуйста, наши сердечные приветы Анастасии Савельевне и всем вашим, а также Игорю Андреевичу [Полетаеву].

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Анатолий Никифорович Тюрюканов (р. 1931) — биолог, академик РАЕН, специалист в области почвоведения, биогеоценологии и проблем биосферы. С 1957 г. ученик и сотрудник Н.В.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Обнинск — Новосибирск

14.II.67

Дорогой Алексей Андреевич!

Вчера вечером получили Ваше письмо. Мы завтра уезжаем на Южный Урал (на зимнюю школу свердловских физиков), там пробудем до 28.II, а затем до 8 марта останемся в Свердловске, т.к. Николай Владимирович уже давно дал согласие Шварцу быть оппонентом у одного его сотрудника (это будет 7.III), а 8.III мы выедем из Свердловска. Так что в этом году, в этот Ваш приезд нам не удастся с Вами к нашему большому сожалению встретиться.

Теперь относительно летних планов. В это воскресенье у нас были Ляля с Колей и Ниночка¹. Мы говорили с ними о лете. И они (Ляля и Ниночка) взялись достать нам путевки по Волге (с заездом в Ростов). На какое время — я даже точно не знаю — конечно в июле очень жарко. Ну, посмотрим. За Ваше приглашение пожить у вас большое спасибо. Но я боюсь, что у нас и в этом году будет еще короткий отпуск (24 рабочих дня), но м[ожет] б[ыть] с этого лета у нас будет уже большой отпуск.

Так что будем надеяться, что поедем вместе и хорошо отдохнем. На Курилы — что-то ехать уж очень далеко и близко к китайцам, а я их боюсь.

Большой привет Анастасии Савельевне и всем, всем от нас.
Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

P. S. Относительно Бермана² не беспокойтесь, отдано распоряжение — его здесь примут, доклад он прочитает и отзыв самый лучший он получит.

Простите, что очень небрежно написано — но очень тороплюсь.

1. Ляля Ляпунова, Коля Воронцов и Ниночка Баландина.
2. Даниил Берман — биолог, сотрудник магаданского Института биологии Севера АН.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Обнинск — Новосибирск

21.III.67

Дорогой Алексей Андреевич!

На днях получили Ваше письмо. Большое спасибо. Из Вашего письма явствует, что Вы навалили на себя столь много трудов — что их выполнить даже совершенно здоровому и молодому человеку — абсолютно невозможно! Пожалуйста остановитесь и подумайте о себе немножко! Правда — то же самое я почти ежедневно говорю Николаю Владимировичу — успеха мало, все больше набирает себе работы.

Мы очень счастливы, что поедем с Вами вместе по Волге. Только бы Тусе удалось достать билеты (4 штуки) I класса. Я что-то в этом году немножко потеряла свою энергию, да и устаю очень (ведь мне скоро 69 лет!), так что в Москву стала ездить редко. Вся надежда на Тусю! Завтра мы ждем Тусю с Юрой и Лялю с Колей к себе — тогда окончательно поговорим о нашей поездке.

Сегодня мы остались с Николаем Владимировичем дома — он хочет написать отзыв о Колиной диссертации¹. Как всегда затянул почти до последнего дня. Завтра вручим его Коле. Работа, конечно, изумительная и отзыв будет на 5 с тремя +++.

Последнюю неделю мы совсем замучились, т. к. к нам приехали из Дрездена две немки и один немец разговаривать по поводу договорной темы. Мы с ними затеяли совместную работу с *Arabidopsis* и *Drosophila* — они берут на себя облечение

самыми разнообразными лучами — нейтронами, протонами, электронами и т.д., а мы взяли на себя всю биологическую экспериментальную часть.

По-видимому Николай Владимирович все-таки получит Кимберовскую медаль и премию. Получили письмо от президента Вашингтонской Академии, он пишет: «Прочитав о Вас статью в „Генетике“² — мы считаем, что премия принята и, если Вам не удастся приехать в этом году на годичное собрание, то мы найдем другие пути и то и другое Вам вручить». Мы, конечно, радуемся и ждем!!

Передайте, пожалуйста, наш привет Анастасии Савельевне.
Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

P.S. Да у нас еще радость: после разговора Коли [Воронцова] и Тюрюканова со Столетовым дела пошли быстро и Виктор Владимирович [Тимофеев] уже прошел в ВАК'е экспертную комиссию, а на днях, наверное, будет утвержден в Президиуме и тогда сможет защищать по совокупности работ. Наконец-то — дадут разрешение! Где он будет защищать — еще не знаю — возможно у вас в Новосибирске.

1. Речь идет о докторской диссертации Н.Н.Воронцова.

2. В журнале «Генетика» (1966. № 8. С. 184—185) в разделе «Хроника» была напечатана статья «Международная Кимберовская премия по генетике за 1965 год присуждена советскому ученому Н.В.Тимофееву-Ресовскому».

Е.А.Тимофеева-Ресовская — Н.В.Реформатской
Обнинск — Москва

4.IV.67

Дорогая Надя!

Свершилось чудо: Колюша получил медаль (даже 2 — 1 золотую и копию — бронзовую) и чек на 2000 долларов!!! Случилось все неожиданно: только накануне (30.III) — в институт позвонили из Москвы из Ак[адемии] мед[ицинских] наук и сначала сказали, что в 12 часов завтра будет вручаться медаль Н.В.Т.-Р. кем-то из посольства Америки. Потом еще много раз звонили и в конце концов выяснилось, что на несколько дней приехали в Москву вице-президент и еще несколько человек из Вашингтонской Академии для переговоров с Келды-

шем и привезли с собой медаль и чек (насчет чека ничего не было сказано, и мы до последней минуты не знали, получим ли мы чек на доллары или рубли). В тот же день, не сказавши нам ни слова, Тюрюканов и Арам¹ поехали в Москву и позволили всем, чьи телефоны они знали, а главное, Тусе Ляпуновой, и она в один вечер собрала не знаю сколько — кучу народу. Мы с Колюшей на директорской машине поехали с замдиректором (директор наш в Испании) к 13 часам в Академию. В 14.15 (как и было условлено) явился вице-президент со свитой. Происходило это все в кабинете у нашего президента. Весь народ ввалился туда же. Вице-президент сказал речь, вручил медаль и чек. Колюша отвечал, а потом выступила Прокофьева-Бельговская и сказала несколько прочувствованных слов. Потом подносили Колюше букеты, а потом мы угощали шампанским, было его куплено много, но бокалов было только 30 штук. В общем, все кончилось очень хорошо. На обратном пути мы заехали в «Москву», закупили шампанского, коньяку, фруктов и т.д. и вечером же кутили со всей лабораторией. Мы бы очень хотели всех вас видеть у себя. <...>

Крепко, крепко тебя целую, и Машу, и Глеба, и Петрушу², и Настю.

Всегда любящая тебя,

твой вечный друг Леля

1. Арам Сурунович Зурабян — генетик из Еревана, в то время аспирант Н.В.

2. Петруша — внук Н.В.Реформатской.

Е.А.Тимофеева-Ресовская — Н.А.Ляпуновой

Обнинск — Москва

21.IV.67

Дорогая Туся!

Все последнее время собираюсь тебе написать — но что-то совершенно закрутилась и невозможно было выбрать свободной минутки.

Мне так хочется тебя поблагодарить за то, что ты собрала столько народу на вручение премии Николаю Владимировичу. Это было очень приятно и все было бы иначе, если бы никого не было. Только ты способна за один вечер оповестить такую

массу народа!!! Очень трогательно было и выступление Александры Алексеевны [Прокофьевой-Бельговской]. Я ей тоже все собираюсь написать, да все что-то не выходит. Скажи ей пожалуйста, что Николай Владимирович и я были очень тронуты ее словами. Конечно же, были потрясены «чеком». Первую неделю он у нас лежал и все приходили смотреть и на чек и на медаль. Но неделю тому назад мы сдали его в иностранный банк и наверное через месяц — сможем тратить доллары — которые придут из Вашингтона.

Ты не представляешь себе, сколько было раздумий и советов, как истратить эти доллары. Думали купить мне обезьянью шубу или «Волгу» для нас или тратить их на виски и черную икру. Но теперь мы уже решили — подарить Андрею «Волгу» — это уже больше половины наших денег. Дальше будем думать — что еще купить.

Очень хочется видеть тебя и Юру. Может быть приедете на праздники или майские или 8.V, 9.V мая. На 30.IV, 1.V и 2.V — в Обнинск к нам приезжают Оля Епифанова с мужем, приедут на машине и я их устроила в гостинице. В какой-то из дней майских должны приехать Курсановы. 5.V приезжает Андрей, чтобы м[ожет] б[ыть] присмотреть или выбрать «Волгу».

Большой привет Юре.

Твоя Е. Тимофеева-Ресовская

Ник[олай] Вл[адимирович] — кланяется вам обоим.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. В. Реформатской

Воротынский — Москва

7.VIII.67

Дорогая Надя!

Только вчера получила твое письмо от 18 июля. 20-го июля утром мы сели на машину и через 3 часа были уже на месте нашего отпуска¹. <...>

Мы в этом году отдыхаем чрезвычайно своеобразно. С утра до 15-ти часов — на речке, почти голые — купаемся, гуляем, лежим и читаем приключенческие истории!! Загорели как черти — никаких впечатлений, а только любимся на свою матушку Россию — красота тут необыкновенная, какой огром-

ный старый парк, какие липы и дубы, а вдоль речки — ивы — тоже я таких не видывала. <...> Пока хозяева были дома — ходили на Оку — тоже изумительно. На днях с одной сотрудницей были в фруктовом саду, объедались белым наливом. А какие здесь вишни!!! Вообще ты, наверное, в ужасе от моего письма — только солнце, купание и еда!!! Ну ничего — раз в жизни можно себе это позволить. <...>

Крепко целую тебя, Машу, Глеба, Петю, Катю² и Настю.

Всегда твоя Леля

-
1. Место отдыха — Калужская областная сельскохозяйственная опытная станция близ г. Воротынска.
 2. Внучка Н. В. Реформатской.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Обнинск — Новосибирск

11.IX.67

Дорогой Алексей Андреевич!

Николай Владимирович просил меня ответить Вам на Ваше письмо, в котором Вы приглашаете его участвовать в «достаточно сумасшедшей затее». Он находит, что «затее» эта совершенно правильная, совсем не «сумасшедшая». Он, конечно, знает о плавании «Витязя» и ему кажется очень нужным — упорядочить эти плавания и взятия проб. Но к его большому сожалению он никак не сможет посетить Новосибирск в это время. В этом году у него невероятное количество приглашений — в Воронеж — курсик лекций по генетике, в Никитский сад — курсик лекций по генетике, в Киев — пара докладов, в Ригу — там у него пара аспиранток. Как это он все провернет — я не представляю. Но окончательное согласие он дал уже в Воронеж — первая половина октября — он уже 2 раза перекладывал эти лекции. Вообще я нахожу, что он ужасно перегружен, не говоря уже об отделе — где у него сейчас кончают 4 аспиранта — ему надо их прослушать и поправить, постоянные доклады, а кроме того ведь он с Яблоковым¹ и Воронцовым пишет «Очерки эволюции»². Яблоков приезжает на целый день и он ему диктует в машинку свою часть, прослушивает Яблокова — его писание. Просто ужас! И кроме всего этого бесконечные гости!!! Хорошо еще, что мы замечательно отдохнули

под Калугой — на реке Выссе (это приток Оки) — ничего не делали, купались, загорали, гуляли, читали детективы и изумительно кормились! Так что не сердитесь на него, что он не сможет приехать. Я же мечтаю приехать к Вам в гости — но у меня экспериментальная работа и выбраться очень трудно. Передайте, пожалуйста, наши самые сердечные приветы Анастасии Савельевне. Не собираетесь ли Вы в Москву?

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

Очень жалко, что первую половину октября буду читать в Воронеже. Пригласите Л. А. Зенкевича.

Сердечный привет!

Н. Тимофеев-Ресовский

1. Алексей Владимирович Яблоков (р. 1933) — биолог, чл.-корр. РАН. В 1967 г. заведовал лабораторией в Институте биологии развития АН СССР.

2. Тимофеев-Ресовский Н. В., Воронцов Н. Н., Яблоков А. В. Краткий очерк теории эволюции. М., 1969.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Ляпунову

Обнинск — Новосибирск

11.IV.68

Дорогой Алексей Андреевич!

Простите, что так долго не отвечал Вам. Но мы с Свиричевым всерьез засели за всю серию Ваших посланий. Сейчас сообщая Вам лишь, что Вашу «формализацию мирового океана» мы протудировали и позволяем себе внести в нее несколько, с нашей точки зрения необходимых уточнений. В частности, Ваша «химическая конкретизация» в направлении азота и фосфора нам кажется случайной и группу химических компонентов целесообразно обобщить, с возможностью внесения в соответствующие уравнения необходимых качественных и количественных конкретизаций; а Ваш «каннибализм» мы предлагаем заменить общим понятием внутривидовой конкуренции (ибо, по-видимому, сокращение биомассы вида может происходить и без межвидовой конкуренции и каннибализма). Некоторые сложности возникают и с понятием детрита¹.

Сегодня — ничего больше!

В ближайшее время мы со Свиричевым направим Вам детальный отчет о наших размышлениях и рассуждениях по поводу Ваших посланий, а также копию одного из отчетов в конце прошлого года, направленного в адрес некоего почтового ящика, с которым мы малость кооперируем. Сейчас я хотел лишь сообщить Вам, что задержка моих ответов объясняется «солидностью» нашего подхода к Вашим посланиям, которые мы всячески приветствуем.

С сердечнейшими приветами всему Вашему семейству от нас с Еленой Александровной. Юрий Михайлович Свиричев, «профессор» (Коля Готов²), Володя Иванов и проч. присоединяются к моим сердечным приветам и наилучшим пожеланиям.

Ваш Н. Тимофеев-Ресовский

1. Детрит — осадок, образующийся в водоемах из остатков отмерших организмов.

2. Николай Васильевич Готов (р. 1939) — биолог. Появился в окружении Н. В. еще в Свердловске в бытность свою студентом медицинского института. Позднее — аспирант, затем сотрудник Н. В., преподаватель МГУ, ЛГУ. В настоящее время заведует кафедрой ботаники Марийского университета. Автор работ по радиационной, популяционной, экологической генетике растений и животных, учебников по биостатистике и др.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Обнинск — Новосибирск

3.VI.69

Дорогой Алексей Андреевич!

Ну вот, теперь наконец наступила ясность; на днях зам. директора вызвал Николая Владимировича и сообщил ему официально, что к августу он должен выйти на пенсию. Мы счастливы, что может быть отчасти благодаря Вашим, Юриным [Богданова] и Алешиным [Яблокова] стараниям (а отчасти <...> как люди, которые этого добивались — получили то, что они хотели) — возможно, кошмарные слухи заглухнут¹. Хочется еще и еще раз сказать Вам большое, большое спасибо.

Теперь надо думать о будущем. О материальной стороне беспокоиться совершенно нечего: Ник[олай] Вл[адимирович], по-видимому, по новому положению будет получать 200 рублей (так ему сказал наш директор) и я 120 руб., да у нас еще

кое-что есть на книжке. Мне кажется, что торопиться не надо. Есть целый ряд реальных предложений: консультантом у Бориса Львовича [Астаурова], Петергоф — зав. лабораторией и кроме того не вполне реальные: это Газенко² (сегодня Ник[олай] Вл[адимирович] с ним увидится) и на днях Ник[олая] Вл[адимировича] вызвал к себе акад. Семенов³ — у него планы устроить «Биогеоценологическую лабораторию» — этому плану очень сочувствует и Зенкевич. Кроме того очень беспокоится судьбой Ник[олая] Вл[адимировича] — Вонсовский (Свердловск) — он на днях будет в Москве и хочет повидаться с Ник[олаем] Вл[адимировичем]. Вообще физики из Свердловска спрашивали через Андрея — не хочет ли Ник.Вл. вернуться в Свердловск. Вчера я говорила по телефону с П.С.Зыряновым — он сказал, что какое-то приглашение Ник[олай] Вл[адимирович] должен получить из Харькова. Так что — возможностей много. Но я не знаю на что решаться. Дело в том, что за эту зиму так истрепали Николая Владимировича, что мне совсем не нравится его здоровье. По-моему, и сердце у него сдало и какой-то странный не простудный кашель. И вместе с тем боюсь, что без работы он еще раньше кончит свою жизнь. Вы же знаете Николая Владимировича — он же не может не работать. Мне бы казалось, что сейчас он должен согласиться быть консультантом у Бориса Львовича, а затем немного подождать, слухи — м[ожет] б[ыть] совсем заглухнут и тогда уже выбирать какое-нибудь место.

В начале августа мы поедem в Киев, т.к. я уже давно купила 2 билета I класса на пароход, который свозит нас по Днепру — Киев—Херсон—Киев. В июне мы хотели побывать на «генетической школе» в Новосибирске, но что-то ничего о ней не слышно.

Как Ваше здоровье, как поживает Анастасия Савельевна, большой, большой ей привет от нас обоих.

А Вам конечно огромный привет от Николая Владимировича.

Всегда ваша Е.Тимофеева-Ресовская

P.S. Простите за ужасное писание — но я пишу лежа, так как моя «трофическая язва» все еще не прошла. Со вчерашнего

дня я взяла отпуск за свой счет на 2 недели — надеюсь «она» залечится.

P. S. Ходят еще «слухи», что м[ожет] б[ыть] Ник[олая] Вл[адимировича] будут просить остаться здесь консультантом. Но я категорически против этого.

1. Е. А. имеет в виду слухи, которые возникли, в частности, после проверки ЦК КПСС деятельности Обнинска как научного центра. Результатом проверки стало инструктивное письмо о работе с молодежью, разосланное по всем райкомам партии, где Обнинск был приведен в качестве примера упущений в работе с научной молодежью. В письме была фраза: «...в условиях отсутствия должного внимания к работе с научной молодежью роль воспитателя научной молодежи начинают играть чуждые нам по идеологии люди, например, в Обнинске некий профессор Тимофеев-Ресовский, известный тем, что работал на гитлеровскую Германию...» Это письмо, а также некоторые другие события породили новую волну доносов и слухов, и как ни пытались отстоять Н. В. его сотрудники и друзья, Ляпунов, Яблоков, Богданов и другие, все закончилось отправкой Н. В. на пенсию. Еще раньше ушла на пенсию и Е. А.

2. Олег Георгиевич Газенко (р. 1918) — физиолог, специалист по космической биологии, академик. В то время директор Института медико-биологических проблем Министерства здравоохранения СССР. Пригласил Н. В. (в критический для него период преследований со стороны органов КПСС) консультантом в свой институт, где, благодаря заботам О. Г. Газенко, он работал все последние годы жизни.

3. Николай Николаевич Семенов (1896–1986) — физик, академик, один из создателей химической физики, директор Института химической физики АН СССР, в те годы вице-президент АН. Лауреат Нобелевской премии 1956 г. Всегда защищал научную биологию и генетику от нападок лысенковцев, создал в своем институте биологический отдел.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. А. Ляпунову

Обнинск — Новосибирск

11.VI.69

Дорогой Алексей Андреевич !

Надеюсь, что скоро увидимся — когда мы 22.VI приедем в Новосибирск на «генетическую школу». А в ближайшие годы надеюсь заезжать к Вам чаще, т.к. буду свободным пенсионером — с 1-го августа меня выгоняют на пенсию. Теперь же у меня к Вам срочная просьба.

В последнее время мы кое-какие пустяки пишем для нового издания «Большой Советской Энциклопедии»; а иногда нам на рецензию присылают статьи других авторов. Недав-

но главный редактор отдела биологии Осип Михайлович Беньюмов прислал нам на рецензию две разные статьи на слово «Биометрия»; обе эти статьи и по мнению редактора и по нашему мнению — не только исключительно плохи, но и совершенно неисправимы. А дело очень срочное (буква «Б»!). Он очень просил Николая Васильевича Глотова и меня написать совершенно новую статью «Биометрия», с привлечением в качестве соавтора какого-нибудь авторитетного математика. Это для того, чтобы предыдущие авторы-неудачники (один из них небезызвестный Вам, действительно неисправимый Плохинский¹) ни на что не могли претендовать. Мы позволили себе для скорости написать такую статейку и очень просим Вас согласиться ее подписать: написана она, по-моему, вполне корректно, удлинять ее нельзя из-за лимита, а сократить что-либо — заменив другим мне кажется не следует. Конечно, если Вы найдете некорректности или пожелаете изменить те или другие фразы — то мы будем рады и счастливы: в таком случае пришлите мне исправленный экземпляр. Пожалуйста, простите, что я обращаюсь к Вам с такой наглой просьбой — подписать уже написанное! Но дело действительно срочное и важное: пропустить в энциклопедию очень скверные статьи предыдущих авторов — нельзя, а статья на днях должна идти в набор. Поэтому Вашей любезностью Вы очень одолжите и выручите и нас грешных и редакцию БСЭ².

О наших делах расскажем Вам подробно при свидании. Кое-какие проекты есть, но как и когда они смогут реализоваться — неизвестно.

С сердечными приветами от нас обоих Вам с Анастасией Савельевной, Николай Васильевич Готов и Владимир Ильич Иванов очень просят кланяться Вам и приветствовать Вас.

Ваш Н. Тимофеев-Ресовский

1. Николай Александрович Плохинский — математик, автор книги «Биометрия» (Новосибирск, 1961).

2. Статья «Биометрия» за подписью Н. В. Глотова, А. А. Ляпунова и Н. В. Тимофеева-Ресовского опубликована: БСЭ. 1969. Т. 3. С. 358.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. А. Ляпуновой
Новосибирск — Москва

27.VI.69

Дорогая Туся!

Мы живем здесь¹, как в Раю. Ничего подобного я еще не видела — огромный, замечательный дом, а сад — просто сказка. Анастасия Савельевна целый день в саду работает, к сожалению я совсем не могу ей помогать.

Анастасия Савельевна купила за 300 рублей чудный рояль Беккер и мы каждый день наслаждаемся дивной музыкой — приходит Вера Августовна² и услаждает нас игрой. Она ведь ученица Корто³ и многое играет совсем необычно, но интересно и нам очень нравится. Единственное, что мне не повезло — это что доктор в отпуске, но Анастасия Савельевна его поймала и вчера он был, посмотрел мою «язву» — и назначил лечение, совсем не то, что я делала. Теперь я счастлива и энергично принялась вчера за лечение. Очень рада, что он сказал, что не надо все время лежать (я уже одурела от лежания), а даже надо ходить. Я пробуду здесь до 5-го, а потом заеду к Андрею и числа 10.VII. буду дома.

Туся — ведь тебе надо как следует перед зимой отдохнуть. Приезжай сюда лучше всего одна, оставь младшего⁴ с Юрой и Домашей⁵ на даче. У мамы здесь столько клубники, всяких ягод и овощей, хорошо отдохнешь. Ведь поездка в Киев не будет отдыхом. Подумай!

Поздравляю тебя с философией⁶, «4» — это здорово! Языка ты наверно совсем не боишься. Николай Владимирович 3-го будет уже в Обнинске. Позвоните ему. Он ведь вечером всегда дома. Целую тебя. Юре большой привет.

Твоя Е. А. Т.-Р.

1. В это время Е. А. и Н. В. жили в гостях у Ляпуновых в новосибирском Академгородке.

2. Вера Августовна Лотар-Шевченко — пианистка, солистка Новосибирской филармонии, француженка по происхождению, вдова советского дипломата, репрессированная вместе с ним, отсидевшая около 15 лет в лагере в Бодайбо. В 50-е годы реабилитирована и усилиями академиков М. А. Лаврентьева (тогда председателя СО АН СССР) и А. А. Ляпунова получила квартиру в Академгородке. Друг семьи Ляпуновых. (О ней см. также в следующем письме.)

3. Альфред Корто (1877–1962) — французский пианист, педагог, музыкальный и общественный деятель. Профессор Парижской консерватории, основатель высшей музыкальной школы в Париже.
4. В апреле 1968 г. у Н.А. Ляпуновой и Ю.Ф. Богданова родился второй сын — Николай.
5. Домна Андреевна Гусева — няня, более 50 лет прожила в семье Ляпуновых.
6. Со сдачей кандидатского минимума по философии.

Е.А. Тимофеева-Ресовская — Н.В. Реформатской
Новосибирск — Москва

27.VI.69

Дорогая Надя!

Мы попали в Рай! <...> По вечерам приходит пианистка В.А. Лотар-Шевченко (м[ожет] б[ыть] ты ее слышала — она дает концерты и в Москве и Ленинграде). Ан[астасия] Сав[ельевна Ляпунова] купила дивный рояль Bekker'a. Лотар-Шевченко — ученица Корто, играет многое очень своеобразно, но интересно, большая поклонница Рихтера, она француженка — всю ее жизнь я расскажу при свидании, очень интересна и трагична — она с мужем была арестована в 1938 году, муж сошел с ума и погиб, она потеряла двух детей, а сама выжила, т.к. в лагере давала концерты и работала на кухне. Очень очаровательная женщина и необыкновенно веселая, она говорит «тот, кто не сидел — не знает жизни и не ценит ее».

Вообще все было бы чудесно, если бы не моя «трофическая язва» — она у меня все не проходит. <...> Я пробуду здесь до 5 июля, потом заеду к Андрею и числа 11 июля буду в Обнинске. Отпуск у меня до 14.VI. Колюша улетит 3 июля прямо в Москву и Обнинск, у него еще дела в Обнинске, а 7 до 13 он поедет на молодежное совещание под Москву. Я, как приеду, подам заявление об уходе на пенсию к 1 августа. Колюша еще не знает — надо ли ему самому подавать или он должен получить из Президиума уведомление, что его уходят на пенсию. Что с нами будет дальше — неизвестно. Астауров говорил с Келдышем — тот сказал, что надо узнать, в чем дело. Не знаю, что-то происходит непонятное. Я спросила Бориса Львовича — «какое преступление сделал Ник[олай] Вл[адимирович]?» А он сказал — «никакого, но заброшена тень» — все чего-то боятся, и Келдыш должен узнать, что это за тень. Я считаю, что надо некоторое время пожить на пенсии, никуда не уст-

раиваться, тогда м.б. тень рассеется. Ну вот, как вы все живете — напиши мне, когда ты будешь в Москве — я позвоню. Всех целую.

Твоя Леля

Н. В. Тимофеев-Ресовский — В. Д. Крупину¹

Обнинск — Москва

19.2.70

Дорогой Владимир Дмитриевич!

Простите, что так долго не отвечал и не поблагодарил Вас за присланную книгу. После ее получения я дважды был в отъезде и до поездки успел прочесть только о Вавилове — дочитал книгу по возвращении. Хотелось написать Вам по прочтении всей книги.

Сперва два вводных замечания: во-первых, я не собираюсь Вам льстить или хвалить для приличия, а, во-вторых, я вообще отношусь скорее недоброжелательно к большинству написанных журналистами и писателями биографий крупных ученых. В большинстве случаев это попытки «изобразить» и, даже, «проанализировать» личность большого ученого; к тому же авторов почему-то [тянет] драматизировать и напустить даже трагических тонов в описание жизни и работы ученого: выдумываются внутренние коллизии, душевные конфликты — трагическая борьба с учеными-врагами и всяческая подобная «мура». Кроме того, основной задачей автор ставит «воссоздание» личности ученого и характеристику его научного и человеческого облика; но, так как автор биографии и описываемый ученый обычно люди очень разные и разного масштаба — это плохо удается.

Так вот — Ваша книга мне очень понравилась. Она лишена всех недостатков большинства таких книг. Вы описываете различные аспекты большой научной проблемы и, в связи с этим, жизнедеятельность ряда больших людей. И вот, без попыток «воссоздавать от себя» личности этих ученых — они сами вырастают, притом вполне в соответствии с их истинным обликом, работой и заслугами. Достигается это, я думаю, талантливым изложением проблемы и работы ученого, а не (столь, к сожалению, обычным) «ковырянием» автора книги

в душе, личности и жизни мало ему «сродного» ученого. От чтения Вашей книги я спустя долгое время получал такое же удовольствие, как от чтения превосходных книг Данилы Семёныча Данина «О неизбежности странного мира» и «Резерфорд». Очень радуюсь, что появился у нас второй первоклассный «научный журналист» или «популяризатор» большой науки. При этом, к счастью, Вы с Даниным — люди разные, с различным стилем и интересами, хотя и равного таланта.

За последнее время о Н.И.Вавилове (которого я хорошо знал и любил) появилось много книг разного, обычно не очень высокого качества. Лучшие из них — не мудрящие, честные и с любовью написанные биографии его старых друзей и сотрудников, худшие — попытки лирико-драматического «воссоздания» личности Вавилова, по существу совершенно чуждой автору. В Вашей книге в первой ее половине без таких попыток прекрасно описан Вавилов, и сам собой появляется его образ — простой и сложный, многообразный и целеустремленный, а в целом неповторимый. Хороши и две последние части; их, конечно, труднее «подать» так законченно и ярко, как работу и жизнь Вавилова. Но это Вам, несомненно, удастся при переиздании книги (а это совершенно необходимо — книга очень нужная), надо будет яснее и ярче выделить «вернадскологию» — общее учение о биосфере Земли.

Простите за длинное писание: я не собирался разводить подробный обзор и критику Вашей книги. Всем высказанным мне хотелось только показать, что книга мне понравилась и отдельными краткими намеками указать — почему.

Буду рад как-нибудь повидаться с Вами и поговорить вплотную. Может быть, соберетесь заехать к нам. Позвоните мне — из Москвы это просто: Обнинск 38-80. О моих поездках в Москву всегда знает Алексей Владимирович Яблоков, с которым Вы теперь, наверное, встречаетесь в «Природе».

С искренним приветом и наилучшими пожеланиями в наступившем году.

Ваш Н.Тимофеев-Ресовский

1. Владимир Дмитриевич Крупин — журналист, в конце 60-х — начале 70-х гг. работал заведующим отделом биологии в редакции журнала «Природа» издательства «Наука», позже на Всесоюзном радио.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. В. Реформатской
Ленинград — Москва

25.IV.70

Дорогая Надя!

<...> Я страшно уверовала во врачей, которые лечат Колюшу. Они действительно ставят на глазах людей на ноги. Очень симпатичный палатный врач, просто душка, такой внимательный, всегда поговорит, все объяснит. Он хотел выписать Колюшу к 1 мая, но вчера после обхода с главным врачом признался, что был легкомыслен, что у Колюши еще есть маленький остаток в правом легком, да и ноги у него отекают, «мы выпустим Николая Владимировича совсем здоровым, а для этого надо остаться до дня Победы» (9 мая). Мы, конечно, не стали настаивать — значит еще придется пробыть в больнице до 8 мая, да пару дней у Анны Бенедиктовны [Гецовой]. Это последнее меня больше всего волнует — Анна Бенедиктовна мила и любезна до невозможности, я их, конечно, страшно стесняю. У них гостит еще племянница, и Анна Бен[едиктовна] с ней спят на раскладушках, а я занимаю комнату Анны Бенедиктовны. Я тебе подробно расскажу при свидании об их жизни. По-моему, жизнь невозможная — всю главную работу несет Анна Бен[едиктовна] <...>. Я ничем не могу помочь. Я в 10 утра ухожу в больницу и прихожу после 16 часов, совершенно усталая, обедаю и ложусь на два часа — если я этого не буду делать, то мои ранки опять могут открыться. Эта больница изматывает совершенно — я и вечером ни на что не пригодна — ни о каких театрах и думать не могу — во-первых, первое время настроение было ужасное, теперь я успокоилась, хотя не совсем — я не думаю, что Колюша будет прежним «орлом» — ну посмотрим.

Очень трогательны к нам наши сотрудники, звонят, пишут, переслали мне демисезонное пальто. Наверное директор новый распорядился, чтобы Колюша получал зарплату без всякого бюллетеня. Так что с деньгами у нас все благополучно, не знаю, страшно сказать, что я здесь истратила с 15 марта — никаких глупостей, а все нужное. Крепко тебя целую, и Машу и Глеба и детишек.

Любящая тебя Леля

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Н. А. Ляпуновой

Обнинск — Новосибирск

11. IX. 70

Дорогая Туся!

Прежде всего, как твое здоровье? Только на днях узнала от Юры, что ты со своей печенью пролежала месяц в больнице, теперь тебя на 2 месяца отпустили домой, а потом опять в больницу. Очень это нехорошо, но будем надеяться, что твой замечательный врач совсем тебя вылечит. Я виделась с Юрой на юбилее Николая Владимировича в его новом Ин[ститу]те, а потом вместе провели вечер у директора Ин[ститу]та — у генерала Газенко. По-моему все было очень хорошо и в Ин[ститу]те и особенно у директора. Но вообще это только начало — мы точно ничего не знаем, но Алеша Яб[локов] и Коля Вор[онцов] что-то затевают грандиозное — 18-го — банкет, а в середине октября в МОИП'е — научное заседание и возможно и вручение еще одной Менделевской медали (от Академии [наук] ГДР), если президент подъедет к этому времени в Москву. Конечно, я понимаю, что именно сейчас это очень важно для Николая Владимировича, но как-то совестно, что столько тратится на это сил и времени и все такими хорошими людьми, как Алеша, Коля и Блюменфельд.

Ник[олай] Вл[адимирович] после поездки по Волге и Каме чувствует себя очень хорошо — совсем здоров, но только все же быстро устает и если быстро ходит — то задыхается. Как себя чувствует Алексей Андреевич? Совсем ли он отошел от гриппа?

Все находят, что я неважно выгляжу, но у меня все в порядке — язвы совсем зажили, но я за 7 месяцев, что у меня были язвы — все больше лежала и совершенно разучилась ходить. Очень быстро устаю. А так мы живем чудесно — я приучила Ник[олая] Вл[адимировича] ходить гулять — мы каждый день часов в 10 уходим в парк, сидим там — я ему читаю, в 12 часов ходим есть мороженое (вот мороженым-то я его и соблазнила на прогулки), а потом до часу или позднее опять ходим по парку или сидим!!

Теперь вот какое дело: Колюша получил 2 телеграммы — одну от Полетаева, а другую от Титляновой, Стебаева и Бази-

левича. Пожалуйста, поблагодари их очень и напиши их адреса, а также имя отчество Стебаева и Базилевича — у меня нет их адресов, а Колюша хотел бы их поблагодарить. Крепко целую тебя, маму и папу. Жаль, что тебя нет в Москве — мы бы вместе выпили на банкете. Как себя чувствует мама?

Твоя Ел. Ал.

Тимофеевы-Ресовские — А. А. Ляпунову
Обнинск — Новосибирск

2.X.70

Дорогой Алексей Андреевич!

Не сердитесь, что до сих пор ничего не ответили, не поблагодарили Вас за Ваш очаровательный «сонет»¹. Но мы совершенно замучились с «чествованиями» — ведь дело шло таким образом: 8.IX — заседание в Новом институте — с поднесением адреса, подарка, цветов, приказа, а потом вечер у нового директора (Газенко), потом 18.IX — банкет в «Пекине» на 80 человек, 20.IX — банкет у нас дома на 30 человек, все наши обнинские бывшие сотрудники, причем было выпито 7 бутылок коньяка, 2 бутылки водки, 5 бутылок красного вина и 5 бутылок шампанского — по-моему даже на 30 человек — это слишком!!

На следующей неделе еще предстоит чествование в филиале Обнинского Генетического Об-ва, а 15.X — заседание в Московском обществе испытателей природы², по-видимому, с вручением медали от Академии Leopoldina — должен приехать президент Академии. Приезжали и Андрей с Ниной с подарками от свердловских физиков. А поздравительных телеграмм и писем по-моему получили около 80 штук. Мне кажется, уже даже перехвалили Николая Владимировича — ну и мне тоже досталось — многие из выступавших уверяли, что я «создала» Николая Владимировича, и просто завалили меня цветами. Конечно, все это было очень приятно, но и очень утомительно. Да еще завтра придут поздравлять 20 человек — наш бывший кружок³.

Как Вы себя чувствуете, совсем ли оправились после ужасного гриппа? Мы очень ждем вас к 15 октября⁴ — не будет ли это для Вас слишком утомительным? Я писала Тусе, просила

ее написать мне адрес Аргенты⁵ — она тоже прислала поздравление.

Большой привет передайте, пожалуйста, Анастасии Савельевне и Тусе.

Всегда Ваши Е. Тимофеева-Ресовская
Н. Тимофеев-Ресовский

-
1. «Сонет» — стихотворное приветствие А. А. Ляпунова к 70-летию Н. В.
 2. Юбилейное заседание биологических секций МОИПа и Московского отделения Всесоюзного общества генетиков и селекционеров, назначенное на 15 октября 1970 г. и посвященное 70-летию со дня рождения Н. В. Тимофеева-Ресовского, на которое уже разослали пригласительные билеты, в последний момент было отложено, но, вопреки надеждам, так и не состоялось.
 3. В Обнинске в тесной квартирке Тимофеевых регулярно собиралась молодежь, обсуждались, как всегда у Н. В., самые разные проблемы: «от астрономии до гастрономии» (об этом кружке см.: *Ярилин А. А.* Вечерами у Тимофеева-Ресовского // Н. В. Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М. 1993. С. 335 и др. воспоминания). Кружок также стал одним из поводов для гонений на Н. В. со стороны партийных властей.
 4. На юбилейном заседании МОИПа предполагался доклад А. А. Ляпунова.
 5. Титлянова к тому времени уже переехала в Новосибирск.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — Ю. Ф. Богданову
Обнинск — Москва

20.X.70

Дорогой Юра!

Сегодня был у нас Алеша [Яблоков] и передал Ваше письмо. К сожалению адрес Эфрусси¹ я не знаю, но по-моему должен знать Борис Львович Астауров. Олег же Цингер² теперь живет в Германии во Фрейбурге, но он часто бывает в Париже и очень будет рад встретиться с Вами — нашим другом. Зовут его Олег Александрович, его адрес: 7, Square du Thimerais, Paris 17-e. Как приедете — напишите ему открытку — если он будет в Париже — то обязательно откликнется. Я так уже делала с Борисом Львовичем этой весной. <...>

Николаю Владимировичу получше, сегодня его перевели в терапевтическое отделение, рана еще открытая, но температура у него нормальная³. Наверное ему придется еще пробыть недели 2 в больнице. Но я теперь успокоилась, хорошо было, что Андрей приехал, но дня через 2 он собирается уезжать. <...>

Если Вам удастся повидать Эфрусси — передайте ему тысячу приветов и расскажите о нашей жизни — он очень хорошо говорит по-русски. А про Олега и говорить нечего — он владеет идеально французским, немецким, русским языками, а говорит еще и по-итальянски.

Олегу я напишу маленькую записочку — но и без нее — он, узнавши, что Вы наш друг — будет с Вами мил. Попробуйте уговорить его приехать в гости в Москву⁴.

Всего хорошего.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

-
1. Борис Самойлович Эфрусси (р. 1901) — французский биолог и генетик русского происхождения. С 1917 г. в эмиграции. Тимофеевы-Ресовские много общались с ним во время жизни за границей.
 2. Олег Александрович Цингер (1910–1998) — художник, сын физика А. В. Цингера. Эмигрировал из России в 1922 г. Познакомился с Тимофеевыми-Ресовскими в Берлине в 1927 г., и с тех пор до конца дней их связывала близкая дружба. Фрагмент их переписки см. ниже.
 3. В октябре 1970 г. Н. В. перенес операцию гнойного аппендицита.
 4. Встретиться ни с Б. С. Эфрусси, ни с О. А. Цингером Ю. Ф. Богданову тогда не удалось.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Обнинск — Новосибирск

4.1.71

Дорогой Алексей Андреевич!

Очень мы жалели, что ни Вы, ни Анастасия Савельевна так к нам и не собрались. Как себя чувствует Анастасия Савельевна, совсем ли оправилась? Николай Владимирович как будто совсем здоров, ездит один раз в неделю в Москву, на работу, но все еще быстро устает.

У нас к Вам следующая просьба. Наш друг, председатель местного отделения Всес[оюзного] Географ[ического] Об[щес]тва Николай Сергеевич Студенов уже в течение ряда лет занимается разработкой новых карточек, содержащих всю нужную океанологическую информацию для различных, в основном машинных обработок. Мы с ним вместе много беседовали об этой его работе с покойным Львом Александровичем Зенкевичем; они были связаны по работе в последний год жизни Зенкевича. Перед выбором окончательного (на ряд лет) оформ-

ления карточек — Студенов хочет проконсультироваться с математиком-кибернетиком; но Вы хорошо знаете — как трудно найти такового, творчески заинтересованного и грамотного в ряде областей естествознания. Не идти же к Гельфанду¹? И вот наша просьба следующая: не разрешите ли Вы Студенову, взяв командировку, приехать на 2-3 дня к Вам в Академгородок для консультации; это можно сделать в любое удобное для Вас время в течение ближайших пары месяцев. Несколько лет тому назад Вы ведь активно интересовались некоторыми океанологическими проблемами и мы как-то вместе говорили на эти темы с Львом Александровичем.

Если Вы согласны принять Николая Сергеевича Студенова — то я дам ему Ваш адрес и попрошу лично списаться с Вами; это проще или напишите нам, когда ему лучше приехать к Вам.

Мы слышали, что Воронцовы уезжают во Владивосток? Пожалуй это правильно. Как себя чувствует Туся? Когда же она приедет в Москву? Тысячу приветов Анастасии Савельевне и Тусе и от меня, и от Николая Владимировича.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Израиль Моисеевич Гельфанд — математик, позже академик.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Обнинск — Новосибирск

17.V.71

Дорогой Алексей Андреевич!
На днях получили за Вашей подписью — приглашение на семинар по биогеоценологии. Конечно, и мне и Николаю Владимировичу хотелось бы очень принять участие в работе семинара. Но к сожалению это совершенно невозможно из-за здоровья Николая Владимировича. Да — он ездит в Москву, читает доклады, работает дома, но это все через силу. Он страшно устает, стал еще более задыхаться, а отправляться в длинное путешествие — абсолютно невозможно. Я все надеюсь, что он восстановит свои силы и будет «прежним» Николаем Владимировичем — но пока этого нет. Я чувствую себя совсем хорошо, но маленькие неприятности время от времени

беспокоят меня — сейчас у меня образовался небольшой тромб на правой ноге — но это требует ежедневной поездки в клинику — облучают кварцем.

Как Вы себя чувствуете? Туся говорила, что Вы долго пробыли в больнице, да и после чувствовали себя очень плохо. Как теперь? Как чувствует себя Анастасия Савельевна? Очень прошу ее написать мне о вашем житье-бытье.

Мы на лето тоже не сможем никуда далеко поехать. Буду просить Газенко достать нам 2 путевки в Дом отдыха «Березки» под Москвой, на Клязьме. Отдохнуть нам надо, главное Николаю Владимировичу — а этот дом отдыха очень хвалят.

Так что с большим сожалением мы отказываемся от участия в семинаре.

Большой привет, пожалуйста, передайте Анастасии Савельевне от нас обоих. Николай Владимирович просит и Вам кланяться и выразить свое сожаление, что не смог повидать Вас в Москве.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. А. Ляпунову
Обнинск — Новосибирск

8.VI.71

Дорогой Алексей Андреевич!

Большое спасибо за Ваше длинное, интересное письмо. Николай Владимирович просил меня написать Вам, что он согласен принять участие в бюро секции. Мы, конечно, тоже очень жалеем, что нам не удалось побывать на семинаре по проблеме «Человек и биосфера». Но я должна Вам совершенно откровенно написать, что Николай Владимирович чувствует себя очень плохо из-за сердца. Когда он вышел после операции в ноябре из больницы — все врачи сказали, что он должен и утром и вечером *обязательно* гулять. А он, как сел в кресло в ноябре — так и не сходит с него. Я ничего не могла с ним поделать — только последнюю неделю по утрам — мы ходим до парка и обратно. Вместе с тем — он ходить теперь совершенно не может — задыхается — приходится по дороге раза 3 присаживаться на скамейки. С утра он рано встает и воздуха ему не хватает, спит он совсем плохо. И вместе с тем работы

набрал невероятное количество. Один раз в неделю ездит в Москву, на два дня. Изд[ательст]во Fischer'a предложило ему перевести его книгу¹ по эволюции (с Колей [Воронцовым] и Алешей [Яблоковым]) на немецкий язык. Перевод они сами сделают, но они с Алешей должны всю книгу прочитать, сделать кое-какие исправления, дополнить литературный список и т.д. Это берет массу времени. За это время написал статью в журнал Юнеско «Биосфера и человечество». Прослушивает две диссертации своих бывших аспирантов, пишет статьи для энциклопедии — и т.д., и т.д. Конечно, устает, да я думаю, что и молодой бы человек тоже уставал. Ни от чего не хочет отказаться. При такой нагрузке — выбраться ему в Новосибирск было невозможно. Сейчас на дальние путешествия он совершенно не способен. Его приглашали прочитать курс — в Воронеже, в Ростове, в Усть-Каменогорске — от всего отказался. Мы очень Вас благодарим за Ваше приглашение провести у Вас отпуск, но это совершенно невозможно. Я уже переговорила с О.Г. Газенко и он обещал достать нам 2 путевки в «Дом отдыха» — под Москвой, на Клязьме. Туда мы можем добраться на такси, а места, говорят, удивительные. Хочу еще до отпуска положить его дней на 10 в нашу клинику — на этом настаивают и врачи. Не уверена, что мне это удастся. Я себя чувствую хорошо, т.к. слежу за своим здоровьем. Ноги, конечно, у меня уже не те — но мне велено побольше ходить и я это делаю. Но вообще-то, надо признаться, что старость все-таки пришла — правда не очень рано, ведь мне скоро исполнится 73 года.

Целую Вас и Анастасию Савельевну и еще раз большое спасибо за приглашение.

Всего Вам хорошего.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Перевод книги вышел в издательстве Gustav Fischer Verlag: *Timofeeff-Ressovsky N.W., Voroncov N.N., Jablovok A.V. Kurzer Grundriss der Evolutionstheorie.* Jena. 1975.

Е. А. Тимофеева-Ресовская — А. С. Ляпуновой
Обнинск — Новосибирск

24.1.72

Дорогая Анастасия Савельевна!

Большое спасибо Вам за Ваше письмо. Теперь мы, хотя и немного, но представляем Вашу жизнь. Как хорошо, что Алексей Андреевич доволен своей лабораторией и работой. А вот Николай Владимирович недоволен своей работой. Уж очень неприятная публика в этом Институте. Он ездит каждую неделю и остается ночевать у Яблокова или Блюменфельда. Но последнее время он очень занят писанием новой книги. На этой неделе они ее сдают. Но придется еще много поработать над ней, т.к. много они написали очень наспех — 27.1 — это первая сдача, а потом они получают ее обратно до конца мая. Кроме того, Ник[олай] Вл[адимирович] то доклад, то лекцию читает, сейчас скоро съезд генетический и он там будет куратором в одной секции, да и вообще будет там кружиться целую неделю. Я все время волнуюсь за него — он себя чувствует не особенно хорошо. Так что о поездках думать сейчас не приходится — даже к вам. Получили сейчас приглашение — в феврале в Ригу, в октябре в Душанбе. Будем всюду отказываться. Я здорова, но и у меня прыть пропала — язвы мои совсем зажили, но я как-то плохо стала ходить. Не знаю отчего это. Но я веду очень правильный образ жизни — ежедневно днем лежу поднявши ноги 1½–2 часа. Бинтую, конечно, ноги. Хожу гулять — вернее за покупками. Квартиру мне убирает все моя Паня — уже 7 лет — так что я только готовлю. Но очень много читаю Николаю Владимировичу, веду всю его корреспонденцию — стала уставать. В Москву езжу очень редко. Но в декабре я была у Реформатских и пригласила Тусю с Юрой и с обоими сыновьями. Я совершенно очарована старшим — такой прелестный, воспитанный, а младший тоже прелесть, но и «разбойник». Почему у Вас живет Гриша? Почему Вы ставите его на ноги? Он что, болел?

Как поживает Наталия Алексеевна¹? Какой ужас у нее с ногой. Я ее раз навещала в больнице. Не знаю, но по-моему она отчасти сама виновата — уж очень запустила. Но очень жаль ее.

Ваша Туся, по-моему, кончила эксперименты и начала писать. Я всегда говорю, что Туся такая умная, образованная и работающая — затянула дело со своей диссертацией. Столько глупеньких давно защитились, а она все нет.

Дорогая Анастасия Савельевна, большое спасибо Вам за Ваше милое письмо и за приглашение — но пока ничего не выйдет. А мы тоже часто вспоминаем нашу жизнь, особенно в Миассово — какие мы были еще тогда молодые и как хорошо жили, как весело и интересно.

Целую Вас крепко и большой, большой привет Алексею Андреевичу. Николай Влад[имирович] тоже просит передать вам обоим самые сердечные приветы.

Всегда ваша Е. Тимофеева-Ресовская

1. Наталия Алексеевна Заварзина — жена Ю.Я. Керкиса.

Тимофеевы-Ресовские — Ляпуновым
Обнинск — Новосибирск

20.III.72

Дорогие Анастасия Савельевна и Алексей Андреевич!
Прежде всего Николай Владимирович просит меня написать Алексею Андреевичу большое спасибо за приглашение его на совещание (и даже с оплатой командировки!). Газенко, конечно, не задержит Николая Владимировича и уже дал свое согласие. Но вся беда в здоровье Николая Владимировича. Сейчас его проверяли в нашей клинике его лечащий врач и еще должен пару раз проверить в апреле. Ухудшения он не наблюдает. Но все же ехать так далеко он не советует. Николай Владимирович не должен изменять своего образа жизни. Один раз в неделю он ездит в Москву, а остальные дни сидит в Обнинске тихо и спокойно и отдыхает. А у вас в Новосибирске ему придется несколько дней заседать и напряженно работать. Ну, что же делать, «старость не радость» и приходится думать о своем здоровье. Я хотя и старше Николая Владимировича почти на два года, но у меня сердце здоровое, правда зато ноги стали плохо передвигаться. Так что ничего не поделаешь, а придется отказаться от такой приятной для нас поездки, опять побыть с Вами Анастасия Савельевна и с Вами Алексей Анд-

реевич. Мы никогда не забываем — ни совместной жизни в Миассово, ни поездки — по Волге, ни 60-летнего юбилея, который вы устроили Николаю Владимировичу. Мне было так радостно повидать Вас, Анастасия Савельевна, у Маршак'ов¹. И мы не теряем надежды побывать у вас.

Николай Владимирович шлет вам обоим самые сердечные приветы.

Любящая вас

Е. Тимофеева-Ресовская

1. Маршаки — Иммануил Самуилович, физик, поэт и переводчик (сын С.Я. Маршака) и его жена Мария Андреевна Ляпунова (сестра А.А. Ляпунова).

О. Цингер — Н.В.Тимофееву-Ресовскому¹

Гарш, Франция — Обнинск

17.XI.76

Дорогой Колюша!

Уж очень давно ничего о тебе не слышал! Как твоё здоровье и настроение? Я тебе писал после наших летних каникул. Писал, что видался с Сергеем Мамонтовым², который, по-своему, как-то процветает. Не собирается умирать раньше ста сорока лет, гуляет, пишет воспоминания и статьи и проповедует всякую чушь вроде того, что *надо быть* суеверным, что Достоевский писатель плохой, что существуют летающие тарелки с неизвестными нам существами и т.д. и т.д. Но у него в Cannes обычно хорошая погода и еще две недели тому назад можно было в море свободно купаться. У нас отвратительная осень, дождь и туман с утра. В комнате, в большой и обычно светлой, можно начинать работать (я говорю о живописи) с 11-ти часов, а в 5 уже опять темно. <...>

Я много работаю. Кое-что продал в городке Boussy-St. Antoine самому городу. Продали за хорошие деньги одну мою картину на аукционе в Мюнхене. Работаю я с утра до вечера, собираюсь устраивать где-нибудь выставку и много даю работ на всякие выставки в небольшие салоны. Я так сильно окупился в работу отчасти от «страха перед смертью» (или от страха перед жизнью, сам не знаю?). Мне до того страшно стареть, что хотелось бы плюнуть самому себе в морду! Стараюсь

бороться с подобным настроением, но это не всегда удается. Чувство, что ВСЕ ни к чему, что все равно скоро «конец», меня не покидает и не дает мне жить! <...>

Ездили мы осенью на 3 дня по делам во Фрейбург и Базель. В Базеле конечно я посетил ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ZOO, а так Германию и Швейцарию я не люблю. Немцы все больше и больше богатеют и уже окончательно превращаются в наци. В Париже сейчас невероятное количество выставок! «Рамзес 2», «L'Amérique vue par l'Europe»³, «Русские художники», «Немецкие романтики» и еще многое! Всего не посмотришь. «L'Amérique vue par l'Europe» мне понравилась больше всего! Это главным образом картины, гравюры, ковры, акварели со времен Колумба до начала 19-го века. Таким образом, почти что только искусство! Замечательные рисунки и акварели животных и растений, привезенные отовсюду! Такие туканы, черепахи, змеи, крабы и рыбы, что обалдеть можно. Вообще я такой «художественной экзотики» еще никогда не видал. Индейцы, негры, корабли, попугаи во всех видах! Картины, ковры, гравюры! От этой Америки, которая *так вдохновила* в свое время художников, конечно, уже ничего не осталось.

Очень не плохи немецкие романтики. В свое время, когда мне было 25 лет, почему-то многое презиралось и считалось *spreßig*⁴, а теперь я был поражен, до чего все же хорош и глубок такой художник, как Caspar David Fridrich⁵. Кстати, было его 4 хороших картины из Ленинграда. Оказывается, тогда в России его *очень* ценили. «Русские художники» — это «La peinture russe contemporaine»⁶, но те, которых в Союзе не выставляют или выставляют очень мало. Пожалуй, самым интересным был Михаил Шемякин⁷. Очень не плохи были рукописи и *иллюстрации* Алексея Ремизова⁸.

Шемякинская дочка Доротея 12-ти лет тоже выставляла (и очень не плохо). Были немецкие и французские T.V., сам Шемякин с длинными волосами, в узких длинных сапогах до бедер и в кожаной жилетке⁹. Я, кстати, с ним познакомился, и он мне сделал надпись на каталоге. В общем, мне не многое понравилось. У меня было такое чувство, что это *все подражание чему-то*, что делается тут, но хуже! Третий сорт, без юмора, чересчур всерьез, с трагедией...

Был я опять на балете Моисеева¹⁰. Водил смотреть Нани¹¹. Технически танцуют фольклорные вещи замечательно. Очень я люблю номер «Партизаны». Видел их в четвертый раз и больше не пойду. Переписываюсь я регулярно с Игорем Гребеншиковым¹², а иногда разговариваю по телефону с Левоу Ботасом¹³. Ботас в начале июня был тут и собирается опять приехать. Вот это пока-что все новости! А как здоровье Андрея и какие вообще у вас новости? Шлю тебе и Андрею мой самый сердечный привет! Я вас не забываю и с Сашей Носковым¹⁴ я часто в письмах говорю о вас — также и с Мамонтовым и Игорем [Гребеншиковым]! Надеюсь, Колюша, что ты здоров и еще полон энергии! Желаю тебе всего хорошего и крепко тебя обнимаю.

Твой Олег Ц.

1. Переписка с Цингером началась в конце 1967 г., после того как кто-то из приехавших в Париж общих знакомых рассказал, что Тимофеевы-Ресовские живы. Вела переписку, как обычно, Елена Александровна. После того, как в апреле 1973 г. она скоропостижно скончалась, переписка Н.В. резко сократилась. Несколько раз под его диктовку писала Т.И. Никишанова, и у нее сохранилось несколько черновиков таких писем. Из многочисленных же писем Цингера здесь публикуются (с небольшими сокращениями) лишь те, на которые есть ответы Н.В., — вместе они дают представление о стиле и духе их переписки.
2. Сергей Иванович Мамонтов — архитектор, друг Цингера.
3. «L'Amérique vue par l'Europe» (фр.) — «Америка глазами Европы».
4. *spreßig* (нем.) — обывательский, мещанский.
5. Каспар Давид Фридрих (1774—1840) — немецкий живописец, картины которого были приобретены еще при его жизни Николаем I при содействии В.А. Жуковского.
6. «La peinture russe contemporaine» (фр.) — современная русская живопись.
7. Михаил Шемякин (р. 1943) — живописец, график, скульптор. В 1971 г. эмигрировал.
8. Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957) — писатель, делавший рисунки к собственным книгам. С 1922 г. в эмиграции.
9. Таким Шемякин нарисован в письме.
10. Игорь Александрович Моисеев (р. 1906) — балетмейстер, создатель и бесшменный руководитель хореографического ансамбля народных и характерных танцев.
11. Нани — Марианна Мюллер-Беллингхаузен — переводчица, жена Цингера с 1969 г.
12. Игорь Сергеевич Гребеншиков — сотрудник лаборатории Н.В. в Бухе, сын русских эмигрантов. Позже стал известным генетиком, жил в Гатерслебене (ГДР).
13. Лев Ботас — художник, друг Цингера.
14. Александр Носков — художник-дизайнер, сын русского генерала, эмигрировавшего в Бельгию. Друг и соученик Цингера по Берлинской Академии декоративного искусства. Многих своих друзей Цингер привозил в Бух, и они стано-

вились друзьями Тимофеевых. Об их жизни в те годы в Германии Цингер вспоминает в книге: *Цингер О.А. Где в гостях, а где дома. Париж-Москва, 1994.* После войны А.Носков переехал в США.

Н.В.Тимофеев-Ресовский — О.А.Цингеру

Обнинск — Гарш, Франция

26.XI.76

Дорогой, Олег!

Спасибо тебе за последнее длинное письмо от 17 ноября, которое я получил 22.XI. (удивительно быстро дошло!). Долго не писал тебе ничего, так как весь сентябрь и октябрь пролежал на ремонте. Ремонт сердечных дел прошел хорошо; сердце малость подправили и давление понизили, но вот, вернувшись домой, схватил какой-то ужасный ишиас в правой ноге: по ночам болит, я все время просыпаюсь, так что не сплю, а передремываю и, в результате вот уже почти месяц не высыпаюсь. Но это пустяки. Хуже то, что в результате какого-то воспаления в ноге, парализовалась некая «четырёхглавая» мышца, из-за чего не держит и при малейшей неосторожности подгибается правая коленка, так что не могу ходить и у себя в квартире по нескольку раз падаю, а из-за постоянных падений у меня все тело от головы до пяток избито — как будто не смиренный нормальный гражданин, а уличный хулиган или неудачный боксер. Все это неприятно: старость и даже сердечная недостаточность — пустяки (нельзя бегать на дальние дистанции — ну и что?); а вот настоящая болезнь с болью и подвертывающаяся коленка — это действительно неприятно.

Позавчера (23.XI) в Москве в объединенном заседании Московского отделения испытателей природы и Московского отделения Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н.И.Вавилова устроили поминание Сергея Сергеевича Четверикова (наряду с Кольцовым и Мензбиром главного моего учителя) по случаю 50-летия опубликования им классической работы «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики»¹, а так как я остался теперь старшим из четвериковских учеников (все остальные, большинство младше меня на пару лет, умерли), то, несмотря на боль и затруднения в ходьбе, я согласился приехать и сделать доклад. Меня привезли из Обнинска на машине и после

доклада я остался отдохнуть на несколько дней у моих милых друзей — Никишановых. Пишет сейчас за меня Тамара Илларионовна², мадам Никишанова, мой хороший милый друг, которого я давно называю «своей Бататовой Барыней» (потому что я «подрядился» оказывать ей посильную помощь по приведению в порядок огромных материалов, которые она собрала в научной работе по разведению бататов — «сладкая картошка», как возможной главной культуры в замкнутых системах жизнеобеспечения).

Сын Бататовой Барыни твой тезка — Олег (только не Александрович, а Игоревич); кроме того, он твой коллега по профессии — художник. Правда, ему еще только 14 лет, но, в первых, он никогда не рисовал ненавидимых мною «детских» рисунков (которыми принято обыкновенно восхищаться), а во вторых, сейчас уже пишет как акварелью, так и маслом хорошие натюрморты... Мы с Бататовой Барыней хотели просить Олега написать тебе длинное письмо с изложением московской художественной жизни (за последние два года у нас тут много и «внутренних» выставок и «привозных» из-за границы, из Америки, из Парижа, из Польши, из Японии и т.д.). На многих выставках происходит столпотворение вавилонское, люди простаивают часы, чтобы попасть; я поэтому их не посещаю, а Олег же, иногда с мамашей, посещают и могут тебе их описать...

Когда я приеду в Обнинск (меня должны отвезти на машине), должен буду попробовать заставить себя написать еще одну книжку под титулом «Очерки по истории современной генетики»³; после написания этой книжки, которая была задумана и даже начата нами с Лёлькой еще совместно, можно и помирать спокойно.

Андрей с Ниной [Тимофеевы] хорошо живут и работают в Свердловске, видимся мы, к сожалению, редко. Андрей приезжает ко мне 2-3 раза в год.

Реформатские (Машка и Глеб⁴) в восторге от своей поездки и от тебя; они очень славные люди.

Передай и всегда передавай при встречах мои сердечные приветы Сергею Ивановичу Мамонтову, Леве Ботасу, Саше Носкову, конечно, Наташе Кром⁵ и, если встретишь, всем нашим еще живым друзьям. Сердечный привет тебе и Нани со

всем вашим разнообразным семейством. Не забывай всегда любящего тебя

старого друга

1. Об этом см. комментарий к с. 251.
2. Тамара Илларионовна Никишанова (р. 1935) — биолог, в то время сотрудник Института медико-биологических проблем Минздрава СССР. В последние годы друг и помощник Н.В.
3. Книга не была написана.
4. Глеб Геннадьевич Поспелов и Мария Александровна Реформатская познакомились с О.Цингером по рекомендации Н.В. в Париже летом 1976 г.
5. Наталья Павловна Кром — сотрудница отдела Н.В. в Бухе, много лет проработавшая вместе с Тимофеевыми. Жила в соседней квартире в Горхаузе.

О.Цингер — Н.В.Тимофееву-Ресовскому

Гарш, Франция — Обнинск

19.XII.76

Дорогой Колюша,

Большое тебе спасибо за письмо от 26.XI.76. Очень мне неприятно, что тебе приходится так страдать с коленкой. Помочь я, конечно, ничем не могу. Вижу только, что со временем всегда что-нибудь неприятное да и вылезет! Ничего тут не поделаешь! У кого глаза, у кого простата, у кого коленка. Стареть и болеть большое свинство и много приятней быть молодым, здоровым и богатым, чем старым, больным и бедным! Ты хоть ЗНАМЕНИТОСТЬ, все тебя чтут и уважают и в своем деле ты, так сказать, «мировая свая». А я что? Гадость какая-нибудь непременно вылезет, а слава, так это говно на проволочке. Забавно, что я стал на днях членом-основателем любителей искусства Мстислава Валерьяновича Добужинского. Я совсем не так уж люблю искусство Добужинского, но я очень всю жизнь дружил с его сыновьями Додей¹ и Стивой² Добужинскими. Кроме того, и мои родители были дружны с Мст[иславом] Валер[иановичем] еще со времен Художественного театра³. Теперь Мстисл[ав] Вал[ерианович] Добужинский давно умер и покоится на *великолепном русском* кладбище в St. Geneviève des Vois. Сыновья же М[стислава] В[алериановича], Додя в Нью-Йорке и Стива тут, невероятно любят своего отца и считают, что где-то он *не достаточно* чтим и *не достаточно* известен! По этому поводу было устроено общество «GROUPE D'AMIS

DE L'ART DE MSTISLAV V. DOBOUJINSKY»⁴. Конечно, я оказался одним из первых 20-ти членов этого общества. <...> Все это я тебе написал просто для того, чтобы сказать, что и у меня оказалась «общественная деятельность».

А Сергея Сергеевича Четверикова я хорошо помню! Так же как и Кольцова и Мензбира! Как-то я показывал мои рисунки Мензбиру и он мне сказал: «Да вот мы оба любим животных — Вы их изображаете, а я их изучаю». А в раннем детстве у меня был «Мензбировский альбом»⁵ с рисунками В.А. Ватагина⁶, изображающими животных в их географической среде! Я так ценил тогда этот альбом. Кольцова я немного побаивался, но когда мне было 9 лет (а может быть и 10), то меня как-то спросили, кем бы я хотел быть, на что я ответил: «Залогием как Кольцов». «Залогия» из меня не вышло, но я по-прежнему очень люблю (насекомых в особенности) всех животных и по зоологическим садам стал почти что специалист. А с С.С. Четвериковым и с моим отцом я много разъезжал по Берлину. Мы часто бывали *втроем* в берлинском ZOO, в Scála⁷, в музеях и за городом.

* * *

Сейчас я сижу в Гарше один. Нани с Катрин⁸ уехали на три дня во Фрейбург, а я остался тут с нашей псиной Мишкой. <...> Вчера и позавчера у нас вдруг совершенно весенняя погода. Небо голубое, тепло и дрозды кричат — так, как будто бы действительно наступила весна! Я ходил гулять в ту часть парка Saint Cloud, где совсем дико и где можно пускать собак без всякой привязи. Было восхитительно! Большой пруд, покрытый тонким слоем льда, желтый камыш, туманчик! Большое количество водяных курочек и лысух бегают на своих длиннопалых лапах как какие-то таинственные черные комочки — иногда вереницами «спасаются» в камыш. Я долго возился с Мишкой в парке, бросал ему палки и иногда крутил его в воздухе, когда он, вцепившись, висел на суке. Мне эта прогулка так понравилась, что я сегодня опять туда пошел. Опять никого (кроме лысух) и опять кричали по весеннему дрозды и синицы. Мне удалось увидеть зимородка, что тут у нас, *под Парижем, величайшая редкость!*

А так сейчас невероятная передпраздничная суматоха. В город я просто боюсь ехать. Но и тут, в Гарше, все полно усталого и спешащего народа, который *должен* что-то покупать! Праздники! Со всех сторон висят общипанные индюшки с черными хвостами, распущенными как веер. Гирлянды красных лангустов, фазаны, кабаны, кролики и горы, конечно, всяких крабов и ракушек. В общем, *очень живописное* зрелище, но я как-то от всего устал и меня больше тянет на тишину и в природу. <...>

А детские рисунки я тоже не люблю! Вернее не рисунки сами по себе, а то, *что из них делают!* Все эти выставки и *восторги с психологией!* Конечно, в детских рисунках очень часто попадает шарм и непосредственное творчество! Потом это все пропадает, но вот эта непосредственность, эта, пожалуй, «наивность» и тревожит чем-то человека! Она непременно где-то нужна для большого творчества. *Вся большая живопись* непременно таит в себе эту «наивность», эту непосредственность. Чрезмерное «умение» и натурализм где-то чужды искусству! Это факт! Это не значит, что надо нарочно рисовать неумело. Салватор Дали (я его совсем не люблю) очень хорошо как-то сказал: Не старайтесь *нарочно* рисовать ПЛОХО, если вы плохой художник (*peintre médiocre*), то это все равно будет заметно!

Смотрел я тут выставку «русских романтиков». Очень хорош Тропинин и Венецианов, но я кажется уже обо всем этом тебе писал!? Ну вот, дорогой, пока что это все, что я могу тебе рассказать.

<...> Когда пишу Саше Н[оскову], Мамонтову, Гребенщикову и Ботасу, то *всегда* сообщаю, что знаю о тебе, и они всегда о тебе спрашивают. А Машка и Глеб мне *очень* понравились! ДУШКИ! К сожалению мы едва, едва виделись! Хотелось бы с ними посидеть, пожрать устрицы и поругать кое-каких художников — отвести душу. Будь здоров и всего тебе самого хорошего в Новом Году.

Твой старый друг Олег

-
1. Всеволод Мстиславович (Доля) Добужинский (р. 1905) — художник-дизайнер, соученик Цингера по Берлинской Академии декоративного искусства.
 2. Ростислав Мстиславович (Стива) Добужинский (р. 1903) — театральный художник, прикладник.
 3. Мать О.Цингера Вера Николаевна Павлова (1876–1962) была актрисой Художественного театра со дня его основания. В 1922 г. уехала с семьей в Берлин,

участвовала в гастрольных спектаклях театра и сотрудничала с его пражской группой. Мстислав Валерианович Добужинский в 1910-е годы оформлял многие спектакли МХТ.

4. «Groupe d'amis de l'art de Mstislav V. Doboujinsky» (фр.) — «Общество друзей искусства М. В. Добужинского».

5. «Мензбировский альбом» — составленный М. А. Мензбиром «Зоогеографический атлас» (М., 1911) с таблицами В. А. Ватагина.

6. Василий Алексеевич Ватагин (1883–1969) — зоолог, художник-анималист, скульптор (см. также прим. к след. письму).

7. Scála — кабаре в Берлине, куда любили ходить отец и сын Цингеры и их гости.

8. Катрин — дочь Нани от первого брака.

О. А. Цингер — Н. В. Тимофееву-Ресовскому

Гарш, Франция — Обнинск

31.XII.76

Дорогой Колюша!

Как-то ты будешь встречать Новый Год? У нас холод и снег! Снег тут большая редкость и поэтому у всех какой-то испуганно-удивленный вид! Мы с Нани наслаждаемся без детей!.. Вчера мы, по случаю снега, отправились в Зоопарк в Vincennes¹. Я страшно люблю ходить в зоологические сады при снеге. Очевидно еще с самого раннего детства, так как до сих пор помню мои прогулки зимой в зоологический сад в Москве! Помню запах лисиц и барсуков и вкус французской булки с маслом и ветчиной на чистом морозном воздухе! Мы с Нани навещали панду* — бамбукового медведя. Он сидел у себя за стеклом и беспрерывно ел бамбуковые побеги — точь в точь, как на прилагаемой скверной открытке. Потом мы ходили в наш небольшой, экзотический аквариум, где я всегда наслаждаюсь экзотическими коралловыми рыбами. Аквариум небольшой, но *полон изумительных* зверей! Креветки, звезды, всех цветов морские ежи, актинии и черт знает какие рыбы! К сожалению, аквариум этот находится *так* далеко и так мало делает рекламу, что его просто многие не знают! Не то, что в Берлине.

Ходили мы еще на балет «Шелкунчик» Roland Petit²! *Очень хорошо!* Совсем новый подход, *чудные костюмы* и много поэзии! Смотрели русский фильм «Дерсу Узала» Куросавы³! Фильм длинный и немного скучноватый. Конечно сентиментальный — «класса нет», но ничего. Тут имеет огромный успех! «В тайга много люди! Солнце самый главный люди! Луна

люди, барсук люди, рассомаха люди», «Я стрелял оленя, мимо стрелял!» «А ты хороший люди капитан!» И т.д. и т.д., все в таком духе, без конца! Но все же есть несколько очень хороших сцен! В телевизоне на днях смотрел постановку «Петрушка», тут в *ОПЕРА*, с Нуреевым⁴ и декорациями Александра Бенуа. Все совершенно *первый сорт*! И как все танцуют!!! И подумать только, что эта постановка 1911-го года! Те же костюмы и те же декорации! До чего все со вкусом! До чего художественно! И совсем не постарело. Я наслаждался и сожалел только, что это телевизон, *который я ненавижу и обычно не смотрю*, а не оригинал.

Сережа Мамонтов в Каннах где-то упал и вывихнул себе правое плечо. Ему делали операцию и теперь кажется лучше, но бедняга сильно страдал! <...> Вот видишь, и у других всякие анатомические неприятности! Это тебе в утешение, что не только у тебя одного такого рода оксиданы¹! А помнишь, как ты рассказывал про генерала или иное высокопоставленное лицо, которое подверглось кой-какой операции — и с превеликим жужжанием молодой человек спрашивал: «А как жже ваша жжопирация? и т.д. и т.д....» «и не твоего это, блядун, ума дела!» — Это ты рассказывал, еще живя у Dumke², и Василий Алексеевич Ватагуша (как мы его в семье называли) страшно любил этот рассказ.

Но вот мы с Нани никуда не приглашены и собираемся без гостей, без детей купить себе омара и выпить бутылку хорошего шампанского за всеобщее здоровье!

Будь здоров и желаю тебе всего самого хорошего в Новом Году.

Твой старый друг

Олег Ц.

* За последние 3 месяца он страшно вырос (Прим. в письме Цингера — в конверт вложена открытка с изображением панды).

1. Vincennes — предместье Парижа.

2. Ролан Пти (р. 1924) — французский балетмейстер. Поставил «Щелкунчика» для труппы «Марсельский балет» (1976).

3. Акира Куросава (1910–1998) — японский кинорежиссер. Советско-японский фильм «Дерсу Узала» был снят на «Мосфильме» в 1976 г.

4. Рудольф Хаметович Нуриев (Нуреев, 1938–1993) — русский танцовщик, балетмейстер, дирижер. С 1961 г. в эмиграции. Балет «Петрушка» на музыку

И. Ф. Стравинского впервые был показан в Париже на русских сезонах в 1911 г. в постановке М. М. Фокина и возобновлен в Парижской опере в 1976 г.

5. Аксида́ны (от фр. accidents) — происшествия.

6. Фрау Думке — хозяйка квартиры в берлинском районе Штеглице, где поселились Тимофеевы-Ресовские по приезду в Германию (до конца 1928 г.). Там же останавливался знавший Н. В. в Москве В. А. Ватагин, приехавший в командировку по заданию Дарвиновского музея. Он и познакомил в 1927 г. Н. В. со своим юным другом О. Цингером. Тогда же Ватагин сделал скульптурный портрет Елены Александровны.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — А. Носкову

Обнинск — Сан-Франциско, США

22.II.77

Дорогой Саша!

Страшно был рад получить твое письмо. Мы оба с Еленой Александровной имели о тебе изредка лишь отрывочные сведения от Олега [Цингера] и один раз что-то, но я уже забыл что, писал о тебе Конрад Конрадович Кюне. Надеюсь, ты помнишь его? В свое время, это было, по-моему, в середине 30-х годов, он ведь здорово и радикально вылечил тебя от туберкулеза и из несчастного «вьиноша» ты стал здоровенным «боксером» полутяжелого веса.

А времена тогда были хорошие. Вся наша компания, к которой, конечно, и ты принадлежал, жила дружно и, по-моему, очень интересной жизнью. После войны нас разбросало в разные стороны, но я рад, что ты время от времени появляешься в Европе и выдаешься с Олегом. Встречаешься ли ты с Сергеем Ивановичем Мамонтовым? И жив ли К. К. Кюне, от которого еще до смерти Елены Александровны мы перестали получать письма. Я очень рад, что ты продолжаешь заниматься искусством. Особенно рад твоей женитьбе на, по-видимому, хорошей и милой русской женщине из Югославии, которую ты «обрусил» после воздействия на нее довольно затхло́й провинциальной эмигрантской атмосферы.

Фомка, которого ты, конечно, помнишь, по-видимому, погиб в немецком лагере за неделю до освобождения¹. Елена Александровна до самой смерти все надеялась, что он жив, что он откуда-то появится.

Андрей — физик твердого тела, научный сотрудник свердловского Физического института АН СССР, женат, но детей

у них нету, т.к. оба (и он и жена его Нина) 15 лет проработали в атомной системе с сильными излучениями с большим числом излучателей. Так что рисковать и родить что-то непотребное нельзя было; у Андрея была настоящая лучевая болезнь, из-за которой он был освобожден от воинской службы. Но живут они хорошо, и работа у Андрея очень интересная.

Я — не так, как молодой человек Цингер (который в каждом письме жалуется на отсутствие денег, старость), действительно стар и после 70-ти лет стал побаливать сердцем. Поэтому каждый год тут у нас, в Обнинске, ложусь на 4–6 месяцев в клинику на ремонт; но опять же, в отличие от своего старого друга Олега, не ною ни на старость, ни на отсутствие денег, хотя старости у меня больше, а денег меньше, чем у Олега.

Кое-что я пописываю, выпустил несколько книжек и работ. Сейчас готовлюсь писать еще 2 книги: о важнейших этапах развития генетики и о некоторых путях формирования теоретической биологии. Пиши о себе!

Пожалуйста, передавай самые сердечные приветы от меня, кого встретишь из старой компании (Ботасы, Добужинские, Таня Шаляпина², Сережа Мамонтов и др.).

Не будучи знаком лично — передаю сердечный привет твоей супруге, передай мой привет своей маме.

Крепко обнимаю

Твой старый друг

1. См. комментарий к с. 349.

2. Татьяна Федоровна Шаляпина (1905–1993) — младшая дочь Ф. И. Шаляпина от первого брака, дружила с Цингером с 1939 г., бывала с ним в Бухе.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — О. А. Цингеру
Обнинск — Гарш, Франция

23.II.77

Дорогой, Олег!

Прости ты меня, ради Бога, за свински редкие мои письма к тебе. Всю жизнь, как тебе известно, за меня со всеми переписывалась Лёлька. И с тобой она ведь переписывалась очень аккуратно. А после ее смерти все это расстроилось у меня. Я сейчас, к счастью, могу изредка эксплуатировать «ММББ» (Мою Милую Бататовую Барыню), при которой я в течение послед-

них лет состоял вроде консультанта по всяким научным, культурным и прочим вопросам, а теперь убедился, что она по всем этим вопросам стала моей консультанткой. Так вот, сегодня она приехала сюда в Обнинск, в больницу, по свойственной ей доброте, а я довольно по-свински эксплуатирую ее, диктуя оптом ответы на скопившиеся уже почти поддюжины твоих писем.

Именины свои я отпраздновал дома со многими друзьями, приехавшими из Москвы, Риги и Обнинска (около 25 человек). Между прочим, были и Машка с Глебом и подробно рассказывали о поездке во Францию и о тебе. Я очень рад, что у вас установились добрые и взаимозаинтересованные отношения. И даже возникла переписка.

Новый же год встретил я один у телевизора и пошел потом спать.

В первых числах января моя здешняя врачиха Маргарита Николаевна¹ уложила меня опять в клинику, все в ту же мою 24-ю одиночную палату, которая так уж и числится моей. С правой ногой и недержанием правой коленки дело было уже совсем дрянь. Тут меня стали лечить какой-то совершенно бесполезной электрической игрушкой, которую скоро отменили за возможную вредность. Наряду с обычными инъекциями и таблетками по сердечной линии, лечат меня также массажем и лечебной физкультурой. Выпишут меня в последних числах февраля или в первых числах марта, после чего ко мне дней на десять приедет Андрей. Лечение пока правой ногой помогло мало, но кое-какие улучшения есть и надо будет дома продолжать напрягать и расслаблять некоторые мускулы, сопровождая все это глубокими вдохами и выдохами (все это называют лечебной физкультурой).

Как видишь — в отличие от твоих — мои дела плоховаты: подвижность сильно снижена.

На днях получил письмо из Америки от Саши Носкова и сегодня же, воспользовавшись присутствием ММББ, ответил ему.

Ради Бога — продолжай почаще писать! Твои письма, даже если ты иногда ноешь зря по поводу мнимой старости и мнимого отсутствия денег, оживляют душу и восстанавливают контакт со всеми старыми друзьями. Особенно интересны описания твоих поездок и встреч с разными людьми. Что-то давно,

по-моему, ты не писал о встречах с Дарреллом². Напиши, бываешь ли еще в Англии?

Передавай мои сердечные приветы своему обширному и разбросанному по всему миру семейству; а также С. И. Мамонтову, Леве Ботасу, Доде Добужинскому.

Вернувшись домой в начале марта, непременно напишу тебе длинное письмо. Пиши!

Сердечно и крепко обнимаю тебя.

Твой старый и действительно уже больной друг

1. Маргарита Николаевна Лыскова — терапевт, опекавшая и врачевавшая Н. В. в последние годы.

2. В более ранних письмах О. Цингер описывал свое путешествие в Англию и посещение Джералда Даррелла (1925–1995) — английского зоолога и писателя, автора многочисленных популярных книг о животных

Приложения

Т. В. Пищикова

К истокам рода

Личность Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского привлекала и будет привлекать к себе внимание не только тех, кто знал его, вместе с ним работал или учился у него, но и тех, кто, как автор этих строк, услышал о нем уже тогда, когда его не стало.

По рассказам об этом необыкновенном человеке, воспоминаниям друзей и учеников, по фильмам, по прочитанным статьям и книгам довелось многое узнать о нем. И стал он мне дорог и близок так же, как те люди, о которых я не так давно начала искать в архивах материалы и документы, работая над историей своей семьи. Теперь собрать документальные сведения о предках и родственниках Николая Владимировича и познакомить с ними тех, кого это имя не оставляет равнодушным, считаю своим долгом перед его памятью.

В последние годы многие архивы открылись для широкого доступа, и мне удалось найти документы, до сих пор никем не прочитанные. Теперь можно проследить служебную деятельность одного из прадедов, дедов, отца и некоторых родственников ученого из разных ветвей родства и нескольких поколений. Обладали они многочисленными талантами, образованностью, трудолюбием, которые унаследовал их потомок. Он взял все лучшее, принял эстафету предков, а теперь и сам уже стал частицей истории.

Николай Владимирович носил уникальную фамилию — Тимофеев-Ресовский, по крайней мере до 1919 года писавшуюся по-иному: Тимофеев-Рясовский¹. Когда и почему изменилось ее написание, точно выяснить пока не удалось. Известно лишь, что его первая научная статья появилась в «Журнале экспериментальной биологии» в 1925 году² под уже привычной сегодня фамилией³. Здесь же я буду говорить о тех временах, когда такой фамилии еще не существовало, о том, как она возникла и кто окружал в детстве Николая Владимировича.

Тимофеевы

Фамилия эта издавна широко распространена, но объединяющего начала различным родам Тимофеевых нет. В исторических трудах, таких как «Акты смутного времени», «Книги разрядные», «Дворцовые разряды» и в других книгах и энциклопедиях упоминаются многие Тимофеевы — дьяки, подьячие, служивые люди, жившие в XV—XVII веках⁴. Встречаются Тимофеевы в «Истории русского флота», среди них, в частности, есть некие Владимир, Яков, Матвей и Иван, посланные Петром I в 1717 году в Голландию «в числе посадских детей» на обучение, а также Тимофеев Максим — казак, Лев и Андрей Тимофеевы — ученики математической школы⁵. А Нико-

¹ Так подписано письмо Н.В., отправленное им в 1919 г. своему другу, А.А. Реформатскому. Оно приведено в очерке М.А. Реформатской. В семье сестры Н.В. Веры Владимировны сохранилась справка, выданная их матери Н.Н. Тимофеевой-Рясовской в 1926 г. в связи с ее увольнением со службы в Центрумтресте, где она служила регистратором. По-видимому, фамилия матери не менялась.

² *Тимофеев-Ресовский Н.В.* Обратная геновариация у *Drosophila funebris* // ЖЭБ. 1925. Сер. А. Т. 1. С. 143.

³ И уже под этой фамилией в книге «Вся Москва» за 1925 год Н.В. числится в списке преподавателей Рабочего факультета имени Н.И. Бухарина при 2-м Московском Государственном университете. Указан и его домашний адрес — Никольский переулок, 6, кв. 5.

⁴ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1974. С. 512—515.

⁵ Алфавитный указатель личных имен // Именная роспись ученикам, обучающимся морской науке в 1705 году у иноземца Андрея Фарфарсона. Материалы для истории русского флота. СПб., 1855. Т. 2, 3. С. 295—297.

лай Владимирович рассказывал об одном из своих прапра...дедов со стороны отца, который учился за границей по приказу Петра I.

Сегодня документально достоверно «начать» родословную Николая Владимировича можно только с его прадеда Тимофея Никифоровича Тимофеева. Правда, архив петербургского дворянского собрания, где хранились дворянские дела, частично сторел при пожаре¹, и документы, из которых можно было узнать, когда, где и в какой семье прадед родился и чем занимался, не сохранились². Неизвестно имя его жены и очень мало сведений пока нашлось о его детях, кроме одного сына — Виктора, информацию о котором я искала целенаправленно. Именно из дворянского дела Виктора Тимофеевича³ мы узнаем, что право на потомственное дворянство его отец Тимофей Никифорович получил в 1805 году по чину 8-го класса с внесением в 3-ю часть дворянской родословной книги⁴ Петербургской губернии.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 30. Д. 1270.

² В книге «Петербургский некрополь» (СПб. 1912) имеется запись о «чиновнике 7-го класса и кавалере» Тимофее Никифоровиче Тимофееве, который родился в 1763 г., умер 16.10.1830 и похоронен на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге.

³ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 66. Оп. 2. Д. 964.

⁴ В то время дворянство в России уже делилось на потомственное и личное. Приобрести дворянство можно было не только по рождению, но и высочайшим пожалованием, а также заслужив его чинами и орденами. Выходец из любого сословия, дослужившийся, согласно введенной Петром I «Табели о рангах», до чина 8-го класса на гражданской службе или до первого обер-офицерского чина, мог претендовать на дворянское достоинство.

Екатерина II дала дворянам многочисленные привилегии, ввела дворянское самоуправление. Жизнь дворянского общества стала регламентироваться законами, в частности «Законом о состояниях» (Свод законов Российской империи, Т. IX), в котором первая глава «Раздела о дворянстве» начиналась словами: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в заслугу, приобрели потомству своему нарицание благородное» (Дворянский адрес-календарь на 1898 год. СПб. С. 123).

Главным органом самоуправления было дворянское депутатское губернское собрание, в обязанность которого входило веде-

В дворянском деле Виктора Тимофеевича о его отце Тимофее Никифоровиче больше ничего не сказано, но я нашла несколько публикаций, в которых, предположительно, говорится именно о Тимофее Никифоровиче: 1) «В собственном доме № 380 (в те годы номера домов были „сквозными“ и обозначали номер строения) в Санкт-Петербурге на Б.Садовой улице жил Тимофей Тимофеев, коллежский советник (это чин 6-го класса) в отставке»¹. 2) «14.03.1819 награжден орденом Св. Владимира 4-й степени Тимофей Никифорович Тимофеев»². (Орден Св. Владимира 4-й степени, так же как и чин, начиная с 8-го класса, давал право на получение потомственного дворянства.)

Виктор Тимофеевич (дед Николая Владимировича) родился 26 января 1815 года. В ноябре 1831-го был определен «на казенное содержание» в Петербургский Инженерный корпус путей сообщения. В 1833 году произведен в прапорщики и «оставлен для продолжения курса наук». Через два года командирован в распоряжение генерал-майора Гетבלата для работ по строительству петербургского Обводного канала «с назначением на действительную военную службу». Еще через год произведен в поручики «с присвоением звания военного инженера»³.

Из послужных списков стало известно, что Виктор Тимофеевич принимал участие в строительстве многих значительных сооружений тех лет, в том числе Королевского (Тизенгаузеновского⁴) канала в Гродненской губернии. Производил

ние дворянских дел. Это и рассмотрение документов, предъявляемых для получения дворянства, и подтверждение сословной принадлежности, необходимое при поступлении детей в учебные заведения, при награждении, продвижении по службе и во многих других случаях. В ведении собрания были и родословные книги, которые делились на шесть частей. Тимофей Никифорович Тимофеев был занесен в 3-ю часть родословной книги как получивший дворянство по гражданскому чину.

¹ Санкт-Петербург. Адресная книга на 1809 г. СПб., 1809. С. 406.

² Список кавалеров Российских императорских и царских орденов за 1827 г. СПб., 1827; То же за 1849 г. СПб., 1849.

³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 1270; Список окончивших курс в Институте инженеров путей сообщения Императора Александра I за сто лет 1810–1910. СПб., 1910.

⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. 16. С. 312.

он изыскания по понижению Чудского озера и соединения его с Балтийским морем, строил шоссейные дороги (шоссе Чернигов—Киев и другие). С 1849 по 1854 годы находился в распоряжении XI округа Путей сообщения. В 1843-м произведен в майоры, а в 1850-м — в подполковники.

За заслуги перед Отечеством Виктор Тимофеевич был награжден орденами Св. Анны 3-й степени и Св. Станислава 3-й степени, знаками отличия за 15 и 20 лет «беспорочной службы», бронзовой медалью в память войны 1853—1856 годов. В 1859 году «уволен с военной службы по болезни в звании полковника с мундиром и пенсией».

23 мая 1863 года Правительствующий Сенат слушал дело «О доказываемом роде Тимофеевых по чину о дворянском достоинстве», представленное калужским Депутатским дворянским собранием. Дворянство Виктора Тимофеевича было подтверждено (указ № 3099). Его жена и дети по решению Департамента Герольдии от 16 марта 1870 года¹ были внесены во 2-ю часть дворянской родословной книги² Калужской губернии³.

Выйдя в отставку, Виктор Тимофеевич поселился в своем имении в селе Бабаево Калужской губернии и в течение нескольких лет занимал различные должности в губернской земской управе: был председателем управы «вместо выбывшего князя Мещерского», в 1866 и 1869 годах уездным земским собранием избирался почетным мировым судьей Калужского округа.

Кроме имения у него было два каменных дома в Петербурге, в одном из которых семья жила в зимнее время, когда в столичных учебных заведениях учились дети.

Умер Виктор Тимофеевич 12 марта 1875 года и похоронен на кладбище Московского Ставропигиального Донского монастыря, как тогда говорили, «в 4-м разряде»⁴.

¹ Департамент Герольдии входил в состав Правительствующего Сената и вел дела о принадлежности к дворянскому сословию, к почетному гражданству, дела о составлении гербовника и т. п.

² Во 2-ю часть родословной книги вносились роды, в которых дворянство было приобретено чинами на военной службе.

³ Материалы о внесении в родословную книгу жены и детей инженера-полковника В. Т. Тимофеева. ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 964.

⁴ Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 3. С. 207.

У Виктора Тимофеевича было две сестры, Вера (в замужестве Шахова) и Любовь (в замужестве Петрова). По-видимому, у Тимофея Никифоровича были и другие дети, но достоверно о них пока ничего не известно.

Женой Виктора Тимофеевича была Елизавета Григорьевна Рясовская, о ней речь еще впереди. У них было два сына, Владимир и Александр и две дочери, Вера и Ольга.

Старший сын Владимир (отец Николая Владимировича) родился 23 июля 1856 года в Дерпте, крещен 26 июля в Дерптской Успенской церкви Рижской Епархии¹. Восприемники — отставной статский советник Григорий Андреевич Рясовский (дед) и жена служащего петербургского Департамента народного просвещения, коллежского советника Василия Петровича Петрова — Любовь Тимофеевна (тетка). Владимир окончил 4-ю Московскую мужскую гимназию с серебряной медалью в 1874 году² и поступил в Императорский Московский университет на отделение «чистой математики» физико-математического факультета. Проучившись один год и сдав экзамены «на отлично», в 1875 году «по домашним обстоятельствам» перевелся в Императорский Санкт-Петербургский университет.

В августе 1880 года по окончании физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата³ Владимир Викторович был определен на службу в земский отдел Министерства внутренних дел. 17 декабря 1880 года утвержден в чине коллежского секретаря, но вскоре снова поступил учиться в Институт инженеров путей сообщения имени Императора Александра I. Окончив его в 1883 году со званием гражданского инженера, получил права на производство строительных работ.

15 июля 1883 года был зачислен на службу в Министерство путей сообщения штатным инженером 9-го класса и откомандирован в распоряжение Временного управления казенных железных дорог. Служил в должности производителя работ 2-го

¹ ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 964. Л. 3 (об), 4.

² Личное дело В. Тимофеева хранится в фонде Императорского Московского университета в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ). В нем есть и аттестат об окончании гимназии № 627 от 22.06.1874: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 288. Д. 271.

³ Звание кандидата присваивалось по решению ученого совета за выполнение научной работы по окончании учебного курса.

разряда на постройке Екатеринбургско-Тюменской железной дороги. В декабре 1883 года его произвели в титулярные советники, а далее чины присваивались по заслугам в соответствии с выслугой лет. Владимир Викторович дослужился до действительного статского советника.

С 1 сентября 1888 года Владимир Викторович занял должность начальника службы пути по эксплуатации Псково-Рижской железной дороги, с 1 января 1892 года переведен в Общество Курско-Киевской железной дороги, а с 21 марта 1893-го — в Общество Рязанско-Уральской железной дороги. Здесь он, тогда в чине надворного советника, занимал должность заместителя главного инженера управления по постройке железнодорожных линий и сооружений, получая вознаграждение в 12000 рублей в год¹. В марте 1902 года ему присваивают звание штатного инженера 5-го класса и назначают начальником строительства железнодорожной линии Полоцк-Седлец. В книге «Весь С.-Петербург» за 1902 год указан его тогдашний адрес: Малая Итальянская, 33. В 1904 году под его началом строится железнодорожная ветка от города Гродно до Зельвяны (позже ст. Мосты). В августе 1908 года его переводят в Киев, в Общество Московско-Киево-Воронежской железной дороги.

За заслуги перед Отечеством Владимир Викторович был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени (1890), Св. Владимира 4-й степени (1907), а также серебряной медалью в память Императора Александра III на Александровской ленте². Скончался Владимир Викторович в Киеве 25 декабря 1913 года в первый день Рождества Христова. Гроб с его телом был перевезен по железной дороге и захоронен в Москве на кладбище Донского монастыря 29 декабря³.

Жена его Надежда Николаевна, урожденная Всеволожская, после смерти мужа вместе с детьми уехала из Киева в имение своей матери Конецполье (Мещовского уезда Калужской губернии), а позже поселилась в Москве, где определила детей в разные учебные заведения.

¹ Список личного состава Министерства путей сообщения. СПб. 1894.

² ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 3160, 3099.

³ Извещение о смерти // Русские ведомости. 28 декабря 1913. № 198.

Вера Викторовна Тимофеева (29.XII.1857–1922) крещена там же, где брат Владимир. Восприемники — генерал-майор Генерального штаба Алексей Иванович Стириоканц и вдова действительного статского советника Екатерина Семеновна Уварова. Известно, что Виктор Тимофеевич получал необходимые документы для определения детей в учебные заведения, но где учились Вера и ее младшая сестра Ольга, не установлено. Мужем Веры Викторовны был Дмитрий Федорович Повалишин (1854–1916) — дворянин Смоленской губернии. В 1904 году он — коллежский ассессор в отставке, почетный мировой судья Сычевского уезда¹, в 1910-м — действительный статский советник, член окружного суда.

О жизни Ольги Викторовны известно довольно много. Она родилась 4 октября 1859 года и крещена 26 ноября в Московской Предтеченской за Пресней церкви. Восприемниками были коллежский ассессор Василий Григорьевич Рясковский и жена надворного советника Мария Александровна Арбузова. Ольга вышла замуж за Николая Ниловича Нахимова, владевшего вместе с братом Сергеем факторией «Волочѣк» в Сычевском уезде Смоленской губернии. В 1883 году, ожидая рождения второго сына — Сергея, она овдовела. Мужественно приняв на себя все дела огромного хозяйства, сумела дать достойное образование сыновьям, участвовала в общественной жизни уезда, занималась благотворительностью. Во время русско-японской войны 1904–1905 годов, оставив хозяйство на сыновей Николая и Сергея, Ольга Викторовна уехала в Маньчжурию в действующую армию сестрой милосердия. Вернувшись с фронта, на свои средства открыла во флигеле усадебного дома больницу, где, наняв в помощники фельдшера, врачевала, используя опыт, полученный на фронте.

В 1914 году приняла в свой дом не только племянницу мужа Валентину Сергеевну Полозову (урожденную Нахимову), бежавшую с восемью детьми из имения отца Гречаны под Проскуровом, оказавшегося на линии фронта, но и еще более двадцати сирот, чьи родители пали жертвами войны. С помо-

¹ Памятная книжка Смоленской губернии на 1904 г. Смоленск. 1903. По сведениям А. П. Нахимова (о нем речь чуть ниже), у Повалишиных были сын Борис и дочь Елизавета, в замужестве Зилова (1891–1954). Повалишины и Зиловы похоронены на Донском кладбище.

щью жены сына Сергея Марии Владимировны создала детскую колонию, просуществовавшую в имении Нахимовых несколько лет.

В первые же дни после революции семью Сергея Николаевича Нахимова со всеми домочадцами выселили из дома в крестьянскую избу, куда женщины, чудом сохранив, сумели перенести часть бесценного семейного архива и реликвий. Многие из уцелевших раритетов розданы потомками Нахимовых в музеи. Нет сомнения, что Николай Владимирович бывал в этом доме, видел портреты, коллекции оружия, альбомы и документы. Судьба разделила его с этой семьей на долгие годы, и лишь в середине 50-х годов, в один из своих приездов в столицу, он встретился вновь с Марией Владимировной, вдовой Сергея Николаевича, его любимого двоюродного брата. Она доживала свой век в Москве, где и скончалась в 1971 году. О судьбе рода, о своих деде и бабке написал большой очерк внук Сергея Николаевича Александр Павлович Нахимов¹, который приходится и двоюродным внучатым племянником Николаю Владимировичу. Личный архив А. П. Нахимова, включающий множество старых фотографий², помог разобраться в родственных связях семей Нахимовых и Тимофеевых, которые не ограничиваются Ольгой Викторовной.

Младший в семье Тимофеевых сын Александр родился 21 марта 1861 года и крещен 18 апреля в той же церкви, что и сестра Ольга. Восприемники: статский советник Григорий Андреевич Рясовский и его дочь Мария. Александр окончил 2-ю Петербургскую гимназию в 1879 году с золотой медалью. В том же году поступил «своекоштным студентом» на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. На 4-м курсе был награжден золотой медалью за работу «О выветривании полевых шпатов, роговых обманок и авгитов». В 1883 году, окончив курс уни-

¹ *Нахимов А. П.* Нахимовы на Смоленщине // Смоленское дворянство. М., 1997. Автор очерка Александр Павлович Нахимов (р. 1939), в соответствии с традициями семьи, окончил Ленинградское Нахимовское училище, служил в авиационных войсках, сейчас работает начальником отдела на оборонном предприятии в Москве.

² По-видимому, многие из сохранившихся в архиве Нахимова фотографий, сделаны и надписаны Николаем Николаевичем Нахимовым, старшим сыном Ольги Викторовны, который профессионально занимался фотографией. Часть из них вошла в эту книгу.

верситета со степенью кандидата, был принят на 2-й курс Военно-медицинской академии, а через три месяца переведен на 3-й курс. В 1886 году окончил академию, был награжден премией Пальцева и оставлен «для усовершенствования» в академической терапевтической клинике С. П. Боткина¹. 29 февраля 1888 года защитил докторскую диссертацию², текст которой заканчивается такими словами: «...приношу мою признательность дорогому учителю моему, Сергею Петровичу Боткину, за его незаменимое руководство моими клиническими занятиями. Сердечно благодарю доцента И. П. Павлова за его постоянную готовность помочь словом и делом». Дружеские отношения между И. П. Павловым и его учеником продолжались, по видимому, долгие годы³.

В 1891 году Александр Викторович был назначен директором Дома призрения для душевнобольных имени Императора Александра III, который находился на станции Удельная под Петербургом. Семья Тимофеевых переехала в Удельную и прожила там 24 года. Много лет Александр Викторович занимал также посты почетного лейб-медика и лейб-медика Двора Его Императорского Величества в чине тайного советника⁴.

Жена Александра Викторовича — Мария Сергеевна (до замужества Иванова, 1860—1941) была дочерью Сергея Сергеевича Иванова, предводителя дворянства Сычевского уезда Смоленской губернии, мирового судьи. Ее мать Агния Дмитриевна, в первом браке была замужем за Нилом Николаевичем Нахимовым, а их сын Николай стал мужем Ольги Викторовны Тимофеевой. Так эти семьи оказались в двойном родстве. Выяснилось это из писем Марии Сергеевны Владимиру Дмитрие-

¹ *Curgiculum vitae*, приложенное к диссертационной работе (см. следующую сноску).

² *Тимофеев Александр*. К вопросу о недостаточности полулунных клапанов аорты. СПб. 1888. (Хранится в РГБ.)

³ Об этом свидетельствуют фотографии из архива А. П. Нахимова, на которых И. П. Павлов и А. В. Тимофеев играют в городки около дома в Удельной под Петербургом, где работал и жил с семьей Александр Викторович, а также Павлов с семьей Тимофеева на велосипедной прогулке.

⁴ Адрес-календарь Всея России на 1915-1916 гг. СПб.; Письма А. В. Тимофеева и М. С. Тимофеевой. Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РО РГБ). Ф. 369. К. 349. Д. 7; Ф. 70. К. 53. Д. 73; Ф. 219. К. 62. Д. 50.

вичу Бонч-Бруевичу и его жене Вере Михайловне¹, знакомство с которыми произошло в 1905 году, а переписка продолжалась вплоть до 1928 года. Из этих же писем стало известно о детях А. В. и М. С. Тимофеевых: Владимире (р. около 1889), который ушел на фронт в 1914 году, Александре (р. 1897), собиравшемся в 1916 году поступать в Михайловское военное училище, и Татьяне, получившей образование в Цюрихском университете. Она жила с матерью до 1938 года и работала в Колтушах².

Рясовские

О происхождении этой фамилии точных сведений нет. Наиболее вероятная версия — от названия нескольких речек со словом Ряса Раненбургской округи Рязанской губернии (а не Реса, как говорил Николай Владимирович). Мелководные речки Становая, Московская, Ховейная и Раковая Рясы входят в бассейн реки Дон, протекающей через Рязанские и Воронежские земли³.

В памятные книжки Воронежской губернии и в Воронежские епархиальные ведомости вписаны сведения о том, что в Воронежской духовной семинарии в разное время XIX века учились, а затем стали священнослужителями Иван и его сын Иван, Андрей, Василий, Николай, Петр, Стефан, Василий и Григорий Рясовские⁴. Епархиальное женское училище с правом на звание домашней учительницы окончили Мария Петровна, Серафима, Елена Николаевна и Еликонида Васильевна Рясовские. К большому сожалению, в Воронежском архиве

¹ РО РГБ. Ф. 369. К. 349. Д. 7, 8.

² О судьбе семьи А. В. Тимофеева рассказала его внучка Наталья Геннадьевна Озерецковская (р. 1920), живущая в С.-Петербурге: А. В. Тимофеев скончался в Новороссийске в 1920 г. от «испанки». Возвращаясь после похорон отца в Москву пропал без вести его сын Александр. Старший сын Владимир попал в германский плен и после освобождения в Россию не вернулся, а уехал в США. Его переписка с матерью оборвалась в 1935 г. Татьяна Александровна Тимофеева, в замужестве Озерецковская, умерла в эвакуации в Казани в 1943 году. М. С. Тимофеева скончалась в Ленинграде в 1941 г.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. 1889. Т. 27. С. 531.

⁴ Воронежские Епархиальные ведомости. Список воспитанников, окончивших Воронежскую духовную семинарию за 1780—1880 го-

нет личных дел священников Рясовских, но по другим документам всех Рясовских объединяют прекрасные отзывы об их успехах и в учении, и в служении церкви, однако родственные связи между ними установить не удастся.

Прадедом Николая Владимировича по этой линии был Григорий Андреевич Рясовский, «сын священника слободы Лосевой Павловского уезда Воронежской губернии». (Возможно, этим священником был о. Андрей, в свою очередь — сын священнослужителя Ивана, прибывшего в слободу из Раненбургской округи Рязанской губернии.) Родился Григорий Андреевич в 1798 году. Учился в Воронежской духовной семинарии в классе богословия, но вышел из нее 8 июля 1817 года, по другим источникам — из семинарии «исключен»¹. Причиной этого могла быть проходившая в то время реорганизация семинарии, в результате которой ограничивались права учащихся продолжать образование по своему выбору, исключалась свобода их определения на службу, им запрещалось обучать детей светских лиц вне семинарии, что лишало семинаристов заработка.

В том же 1817 году Григорий поступил в Императорский Харьковский университет на медицинское отделение. Через три года обучения, не приступая к практике, он перевелся на медицинский факультет Московского университета².

Одна из дошедших до нас работ Григория Рясовского — перевод раздела немецкой медицинской энциклопедии под названием «Наука сочинять рецепты», который он посвятил профессору университета, статскому советнику Ефрему Осиповичу Мухину³. Позже этот перевод был издан отдельной

ды. Воронеж, 1882; Воронежская старина. Ежегодник № 148. Вып. 2; Памятные книжки Воронежской губернии. Воронеж, 1856, 1877–1879, 1914.

¹ *Литвинов В. В.* Слушатели Воронежской Духовной семинарии, вышедшие из духовного звания. Воронеж, 1902. С. 78; Записка гр. Панина А. Н. о профессорах Императорского Московского университета // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1870. Кн. 4. С. 218; Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 62. С. 232.

² Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 4. Оп. 10. Д. 1901.

³ *Змеев Л. Ф.* Русские врачи-писатели. СПб., 1886. Вып. 1. Тетр. 2. С. 89; *Геннади Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в 18 и 19 столетиях. Берлин. 1876–1908. Т. 3. С. 291.

книгой¹. Он сохранился в Российской государственной библиотеке, так же как и диссертация², после защиты которой в 1825 году Г.А.Рясовскому было присвоено звание доктора медицины «с оставлением преподавателем университета за отличные успехи». Читал он курс лекций «Ветеринарная анатомия и физиология». В 1827 году его взял к себе адъюнктом известный в то время экстраординарный профессор повивального искусства М.Рихтер³, и с сентября 1828 года в течение семи лет Григорий Андреевич преподавал «науку о женских болезнях». С 1832 года он — акушер и доктор при Родильном институте.

Во время эпидемии холеры с сентября 1830 по февраль 1831 года Григорий Андреевич работал доктором Временной больницы, открытой в связи с эпидемией в Московской губернской гимназии, и написал статью о своем методе лечения⁴. За работу «на холере» получил Монаршую благодарность.

В 1832 году Рясовский был избран «секретарем Отделения врачебных наук» и пробыл на этой должности два года. После введения в Московском университете нового устава и штатов с разрешения министра народного просвещения 9 ноября 1835 года он покинул университет, выйдя в отставку «с правом носить мундир адъюнкта». Следующий год был для него и радостным и трагичным — родилась дочь Елизавета, но через несколько дней после родов умерла жена Зоя Васильевна.

В 1847 году Рясовский был назначен директором «Серпуховского в Москве приюта», где прослужил 9 лет, «не получая содержания». Серпуховской детский приют Ведомства учреждений Императрицы Марии был открыт в Москве на улице Ивановской в доме Скворцовой в 1847 году для приходящих детей, которые обучались в нем по программе начальных учи-

¹ Консбрух Г. В. и Ебермейер И. Х. Наука сочинять рецепты. М., 1824.

² Латинское название диссертации: «De Lithiasi, seu morbo calculoso» (по русски: «О литиазисе — он же каменная болезнь»). «Диссертация терапевтико-хирургическая, подготовленная на медицинском факультете Императорского Московского университета на степень доктора медицины, разработана Григорием Рясовским». М., 1825.

³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 335. Д. 11; Ф. 54. Оп. 184. Д. 249; Ф. 4. Оп. 4. Д. 124. Л. 18; Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского Университета. М., 1855. Т. 3. С. 386–387.

⁴ Рясовский Г. А. О паровой ванне для лечения холеры // Московские ведомости. 1830. № 93.

лищ. При приюте было также и сиротское отделение¹. За пожертвования в пользу московских детских приютов Григорий Андреевич в том же году получил «Высочайшее Ея Величества благоволение». Окончательно вышел в отставку в чине статского советника в 1856 году. Жил он, согласно адресному списку медиков Москвы, в Пресненской части².

Еще в 1827 году, дослужившись до чина 8-го класса, Григорий Андреевич выхлопотал потомственное дворянство (как в свое время это сделал Тимофей Никифорович Тимофеев через Московское дворянское депутатское собрание). Департаментом Герольдии решение Дворянского собрания о внесении Рясовского в 3-ю часть родословной дворянской книги Московской губернии было утверждено 1 декабря 1830 года. По прошению Григория Андреевича был разработан родовой дворянский герб Рясовских, утвержденный Департаментом герольдии 8 декабря 1859 года указом № 4312³:

«В горностаевом поле лазуревый крест, на середине которого золотая звезда о пяти лучах. Нашлемник, лазуревая шапка с горностаевым околышем, верх шапки серебряный, увенчан золотой звездой о пяти лучах. Намет золотой и лазуревый»⁴.

К выходу в отставку Григорий Андреевич владел одним каменным и двумя деревянными домами в Москве в Скертном переулке⁵ и небольшим имением в Звенигородском уезде Московской губернии с 17-ю душами крестьян. Скончался он 28 июня 1864 года. Отпет в Иоанно-Предтеченской церкви, похоронен на Ваганьковском кладбище⁶.

Первая жена Григория Андреевича, Зоя Васильевна⁷ Шапилова, родилась 12 февраля 1812 года. Венчались они в церкви Бориса и Глеба у Арбатских ворот в 1828 году⁸. Через

¹ Сборник справочных сведений о благотворительности в Москве. М., 1901; ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 184. Д. 249.

² Адресный список медикам, ветеринарам, фармацевтам, докторам и акушерам, пребывающим в г. Москве. М., 1863.

³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. Д. 4111.

⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 1351.

⁵ Московский адрес-календарь. М., 1842. Т. 4. С. 1067.

⁶ Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 3. С. 56.

⁷ В некоторых документах, в том числе в завещании Г. А. Рясовского, она называется Зоей Ивановной.

⁸ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 1901.

несколько дней после рождения третьего ребенка — дочери Елизаветы 21 января 1836 года, Зоя Васильевна скончалась «от воспаления внутренностей». Отпета в Спасо-Божедомной церкви близ Пречистенских ворот, прихожанами которой были Рясовские. Погребена она на Ваганьковском кладбище 24 января 1836 года¹.

Второй женой Григория Андреевича стала дочь иностранца Амалия Петровна реформатского вероисповедания. Из завещания Григория Андреевича выяснилось, что она была художницей и картины, ею написанные, были переданы их дочери Марии вместе с бриллиантовыми серьгами матери².

От первого брака у Григория Андреевича было двое сыновей: Василий и рано умерший Николай (р. 1832)³ и дочь Елизавета (бабушка Николая Владимировича), а от второго — дочь Мария, родившаяся 17 июня 1844 года. Крестили Марию в церкви Воздвижения Честного Креста на Овражках. После смерти родителей Мария Рясовская жила в семье сестры Елизаветы, чей муж, Виктор Тимофеевич Тимофеев стал опекуном сироты. Умерла Мария 30 января 1876 года и похоронена на кладбище Донского монастыря⁴, где за год до этого нашел упокоение ее опекун.

Василий Григорьевич Рясовский (внучатый дядя Николая Владимировича) родился в Москве 29 ноября и крещен 2 декабря 1830 года в Никитской сороки Вознесенской церкви на Царицынской улице. Восприемниками были отставной капитан Василий Семенович Шапилов (по-видимому, отец матери) и дворянка Анна Алексеевна Сенявина⁵. Она, без сомнения, не была случайным человеком для семьи Рясовских. У Сенявиных были земли в Калужской губернии, в частности, селом Бабаево в свое время владел адмирал Алексей Наумович Сенявин. Очень вероятно, что именно его дочь была восприемницей Василия Рясовского, а имение Бабаево перешло к Елиза-

¹ Московский некрополь. СПб. 1908. Т. 3; Картотека Чернопятова. Российская государственная библиотека. Рукописный отдел. Ф. 329/1. К. 5. Д. 916.

² РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. Д. 4111.

³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 317. Л. 934; Д. 1257. Л. 742.

⁴ Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 3.

⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4111.

вете Григорьевне Рясовской как приданое или по наследству от Сенявиных или Шапиловых, которые могли быть связаны родством. Подавая в декабре 1862 года прошение о присвоении дворянства, Виктор Тимофеевич Тимофеев указал в нем: «По состоянию за мной и за женой состоит в Калужской губернии в с. Бабаево 2600 дес. земли с временно обязанными крестьянами (264 души муж. и 287 жен.)»¹. В родственных связях этих семейств еще много неточностей и вопросов. Невольно вспоминается «всеволожский» архив, о котором говорил Николай Владимирович, — многое могло бы проясниться, будь он сохранен.

Василий Рясовский по окончании естественного отделения физико-математического факультета Московского университета со степенью кандидата² в 1851 году переехал в Петербург и поступил на службу в Департамент таможенных сборов Министерства финансов и внешней торговли. В 1870 году был произведен в статские советники. В 1878-м назначен помощником управляющего петербургской портовой таможни, а вскоре занял там же должность управляющего. С 1850 г. и до выхода в отставку по состоянию здоровья в 1899 году занимал должность чиновника по особым поручениям при министре финансов в чине действительного статского советника³. Последние годы жизни много занимался благотворительной деятельностью⁴. Две его опубликованные работы о таможенных тарифах сохранились в Российской государственной библиотеке⁵. Сохранились и некоторые его письма⁶. Известно, был ли женат Василий Григорьевич, но детей у него не было.

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 1270.

² Краткий отчет о состоянии Императорского Московского университета за 1851 год. М., 1852. С. 22.

³ Адрес-календарь Всея России. СПб., 1897; Весь Санкт-Петербург. 1897—1902.

⁴ Скорбная страница. В. Г. Рясовский // Петербургский листок. 12 марта 1904. С. 4.

⁵ *Рясовский В. Г.* Таблицы вычета на тару. СПб., 1868; Таблицы исчисления пошлины по русскому таможенному тарифу. СПб., 1888.

⁶ Письма В. Г. Рясовского — В. П. Боткину, А. С. Суворину и др. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 54. Оп. 1. Д. 88; Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1194.

После смерти отца его имущество Василий Григорьевич разделил по завещанию. Дело о вступлении в права наследства рассматривалось во 2-й Московской палате гражданского суда в 1866 году. Сестре Марии было передано 40 тысяч рублей серебром, а дома были проданы: в Сретенском переулке № 275/299 — в 1871 году и в Пречистенской части № 272/215 и участок земли № 259/273 — в 1872 году. В семье Василий Григорьевич был «последним носителем фамилии Рясовский», поэтому он выхлопотал в 1888 году разрешение на передачу фамилии и родового герба Рясовских старшему сыну своей сестры Елизаветы — Владимиру Викторовичу Тимофееву¹. В то время по закону потомственный дворянин, не имеющий ни сыновей, ни родственников мужского пола той же фамилии, мог просить о передаче своей фамилии вместе с гербом кому-либо из своих родственников, тоже потомственному дворянину, либо мужу родственницы, носившей до замужества ту же фамилию. Таким образом, заботами Василия Григорьевича Рясовского и появилась эта уникальная двойная фамилия — *Тимофеев-Рясовский*.

Скончался Василий Григорьевич 11 марта 1904 года в Санкт-Петербурге, как сказано в некрологе, «от простуды во время хлопот о лотереях в пользу „Дома трудолюбия“, созданного его усилиями». Простуда осложнилась воспалением легких и болезнью сердца. В некрологе обращают на себя внимание слова: «Почивший обладал редкой отзывчивой душой. Квартира Василия Григорьевича постоянно посещалась бедняками нашей столицы...»² Похоронили его в Москве на Ваганьковском кладбище³.

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 1351; ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 3099, 3160.

² Среди писем В. Г. Рясовского есть одно к А. С. Суворину, в котором он беспокоится о заказанных им для Сычевского училища книгах и журналах (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3721). По-видимому, Сычевский уезд не случаен — общение с проживающими там родственниками, судя по всему, было постоянным. Об этом говорят и фотографии из архива А. П. Нахимова, на которых запечатлены В. Г. Рясовский и Е. Г. Тимофеева в имении О. В. Нахимовой «Волочёк» в Сычевском уезде. На одном из портретов В. Г. Рясовского есть дарственная надпись: «Дорогому племяннику Николаю Ниловичу Нахимову. 6 марта 1880».

³ Скорбная страница. В. Г. Рясовский // Петербургский листок. 12 марта 1904. С. 4; Московский некрополь. СПб., 1908.

8411
1875

Отъ Е.И.И.

30. MAR. 1887

2

Ваше Императорское
Величество.

Не имея родственников, носивших
имя со мною фамилии "Рясовый", в
надеждах пригласить Ваше Величество
в присоединенной мной фамилии к фамилии
родного племянника моего (сына) родного брата
моего Давы Николаевича Суслова (Зингера
Ивановича (Тимофеева)) потомственного Юренина
Императора (лучше Сообщения Коммерческого
Агента) Александра Ресовича (Тимо-
феева), в правах имущественной
Тимофеевичей - Ресовичей и пожелавших
присоединить имя гербовых

При сем выходящий на предписание
1) Копию из Акта о выделении
имен выделенных имен из Департамента
Императорского (Грива) 7 Января 1885 года
№ 11971.

2) Урацию, выданную тому же имени
в законе рода наших в Журне моего
племянника Николаевича Суслова

Прошение В. Г. Рясовского о присоединении своей фамилии к фамилии его родного племянника В. В. Тимофеева

Сестра Василия Рясовского, Елизавета Григорьевна (бабушка Николая Владимировича) родилась 11 января 1836 года в Москве и крещена в Спасо-Божедомной церкви близ Пречистенских ворот 26 января¹, после скоропостижной смерти своей матери. Восприемниками были брат Василий Григорьевич Рясовский и девица Ольга, дочь коллежского ассессора Александра Ивановича Воронцовского². Растила ее мачеха Амалия Петровна Рясовская. В августе 1853 года ее отец получил формулярный список, необходимый «для представления при определении детей в казенные заведения», но в какие именно — в нем не указано. По сохранившемуся письму к брату, в котором Елизавета Григорьевна давала согласие на присоединение их родовой фамилии к фамилии сына, можно судить о том, что она была человеком образованным и обладала прекрасным почерком³. Выйдя замуж, Елизавета Григорьевна следовала с детьми за мужем Виктором Тимофеевичем Тимофеевым, часто переезжавшим из города в город в связи с перемещениями по службе. Дату смерти и место погребения Елизаветы Григорьевны установить не удалось⁴.

Всеволожские

Род Всеволожских, предков Николая Владимировича по материнской линии, как он и рассказывал, более древний, чем род Тимофеевых. Это явствует и из документов дворянского дела Всеволожских, которое хранится в Калужском архиве.

Существуют несколько родов этой фамилии разного происхождения. Один из них берет начало от смоленских князей, потомков Рюрика. Эти Всеволожские внесены в 6-ю часть ро-

¹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 317.

² Метрическая книга Пречистенской сороки церкви Нерукотворного образа Спасителя на Божедомке близ Пречистенских ворот. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 317. Л. 924.

³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 1351.

⁴ В 1900 г. Елизавета Григорьевна крестила своего первого внука — Николая Тимофеева-Рясовского.

208 14

Любимый брат мой,

Василий Григорьевич,

Силою изъявляю полное мое согласие на присоединение фамилии Ресовский к фамилии сына моего Инженера Пупной Свободыи Владимира Викторовича Тимофеева, а равно предоставление ему права пользоваться гербом Ресовских на том основании, что 5-й единственный мой носитель фамилии Ресовских, друг моих же родственников той же фамилии не существуете, — следовательно — старший во роду.

Со Травки-бу
Василий Григорьевичу
Ресовскому

г.р. Верро Октября 1887 года

Вдова Каролина Петровна Соболева
Инженера Тимофеева

Свободыи Григорьевича Тимофеева

В присутствии Ардугого свидетеля в силе удостоверения
Всесоюзного нотариата г. Санкт-Петербурга
сего числа 1887 года.
Верро, Ардугого свидетеля, 16 Октября 1887 года.

№ 10024



Заведующий Ардуго

за секретаря Р. Водкина

Письмо Е. Г. Тимофеевой своему брату В. Г. Рясовскому о согласии присоединить их родовую фамилию к фамилии ее сына В. В. Тимофеева

дословной книги¹ Московской и Пензенской губерний². Другой род, не такой древний, ведет свое происхождение от «патриаршего сына боярского» Василия Петровича Всеволожского, получившего от патриарха Гермогена поместье во Владимирском уезде, которое в 1621 году было закреплено за его сыновьями Григорием, Петром и Романом³. Николай Владимирович — потомок Григория Васильевича Всеволожского.

Потомки другого сына Василия Петровича, Петра, переселились в южные земли и, как военные, внесены во 2-ю часть родословной книги, но уже Херсонской губернии.

Начиная с конца XVIII века, большинство Всеволожских — предков Николая Владимировича — служило во флоте. Их имена внесены в «Общий морской список». В дворянском деле⁴ сохранилась схема калужской ветви этого рода и послужные списки многих Всеволожских как по прямой линии родства от Григория Васильевича до Надежды Николаевны, матери Николая Владимировича, так и его двоюродных, троюродных и т. д. родственников.

Теперь, пропустив несколько поколений, о которых почти ничего неизвестно, начнем вести родословную от Петра Степановича, потомка Григория Васильевича Всеволожского в 6-м поколении. Служил он лейб-гвардии сержантом, внесен в 6-ю часть родословной книги Владимирской губернии. Владел именьями во Владимирской и Костромской губерниях, Саратовском и Тамбовском наместничествах. В 1764 был пожалован званием поручика. Его прошение о подтверждении дворянства имеется в дворянском деле.

В этом деле есть один любопытный документ — «определенные древности» всего рода Всеволожских, датированное 19 марта

¹ В 6-ю часть дворянских родословных книг вносились потомственные дворяне, которые принадлежали к древним благородным дворянским родам и могли доказать свою принадлежность к словию «в течение 100 лет до момента издания жалованной грамоты». «Жалованная грамота дворянству» была издана Екатериной II в 1785 г.

² Гербовник. Т. 11. К. 19.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. 7. С. 658; Материалы к истории Симбирского дворянства собраны и изданы губернским предводителем дворянства В. Н. Поливановым. Симбирск, 1900.

⁴ ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 964.

1793 года. Такие «определения» при Екатерине II составлялись повсеместно Дворянским депутатским собранием для упорядочения дворянского сословия, и каждый, кто хотел подтвердить или восстановить дворянство, предъявлял документы о своем происхождении.

Есть в «деле» сведения и о сыновьях Петра Степановича, служивших во флоте: Михаил — (с 1781 по 1805) капитан-лейтенант; Григорий — (с 1781 по 1799) капитан-лейтенант; Андрей — (с 1786 по 1812) капитан 2-го ранга; Александр — (с 1786 по 1829) капитан-лейтенант.

Пятый сын Петра Степановича, Василий — прапрадед Николая Владимировича, родившийся в 1765(6) году, внесен в 6-ю часть родословной книги Калужской губернии, так как местом его жительства, скорее всего после женитьбы, стало село Крюково Мещовского уезда. В 1778 году Василий Петрович вступил в шляхетский дворянский корпус гардемаринном. Участвовал в походах на Балтийском, Немецком (теперь Северном), Средиземном, Белом морях, Северном океане. Участвовал в девяти военных кампаниях, в том числе в сражениях против шведов.

Женой его была Мария Васильевна Камынина. Древний род Камыниных тесно связан с Калужской губернией. Были среди них воеводы: Лазарь (в 1652) и Богдан (в 1654); а в начале XIX века гражданским губернатором Калужской губернии служил Михаил Афанасьевич Камынин, много сделавший для родного края. Неудивительно, что семья владела в губернии многочисленными земельными угодьями. Земли Концеполья (тогда писалось Конец-Поле), числившиеся ранее в Серпейском уезде, как явствует из описания к Калужскому атласу, составленному в 1782 году, принадлежали Камыниным, Головиным и Вырубовым. В этом же уезде жили Рагозины, а в соседнем Боровском — Сенявины. Фамилии эти не раз упоминались Николаем Владимировичем. Впоследствии имение Концеполье перешло в собственность Николая Васильевича Всеволожского и стало семейным гнездом для родных Николая Владимировича. Он любил рассказывать и об этом имении и о его обитателях.

Старший сын Василия Петровича, тоже Василий (р. 1796), прадед Николая Владимировича, плавал на Немецком и Бал-

тийском морях. Вышел в отставку Василий Васильевич в 1821 году лейтенантом. Как и отец был дворянином Калужской губернии, жил в селе Крюково. От первой жены, имя которой неизвестно, у него были сын Михаил и две дочери: Елена (помещица села Анютино Калужской губернии) и Софья. Они внесены в дворянскую книгу Калужской губернии, как и дети от второго брака: Мария, Прасковья, Александра, Николай (дед Николая Владимировича), его брат-близнец Сергей, Михаил 2-й и Владимир. В 1908 году, через 70 лет после рождения братьев-близнецов Николая и Сергея Всеволожских, у дочери Николая Васильевича Надежды, в замужестве Тимофеевой-Рясовской, тоже родились близнецы, которым дали имена Дмитрий и Борис.

Николай Васильевич родился 24 февраля 1838 года и крещен в церкви села Крюково Калужской губернии. В 1852 году поступил в Николаевское инженерное училище, которое окончил в 1856-м. Был произведен в полевые (военные) инженер-прапорщики и оставлен в академии на теоретическом отделении. В 1857 году в чине подпоручика переведен на практическое отделение и направлен в штаб Его Императорского Величества генерал-инспектора «по инженерной части». Позже в чине поручика командирован в Свеаборгскую инженерную команду, а в марте 1861 года направлен в Мещовский уезд Калужской губернии в качестве мирового посредника¹.

Он вернулся в Штаб в апреле 1862 года и продолжал служить до «определения к статским делам». В «реверсе» — обязательстве, которое давал военный при выходе в отставку, от 24 ноября 1865 года, он писал, что при переходе на гражданскую службу «не будет нигде просить о казенном содержании и о своем месте жительства будет сообщать».

В Государственном архиве Калужской области хранятся «Уставные грамоты», составленные в связи с крестьянской реформой, на земли, отчуждаемые от помещиков в пользу крестьян, и условия расчета за них. Одна из этих грамот обратила на себя внимание тем, что предметом рассмотрения комиссии, в которой участвовал Н. В. Всеволожский, были земли селения Концеполье, принадлежавшие в то время вдове полковника

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 802. Оп. 4. Д. 15. Л. 244–249; Ф. 395. Оп. 57. Д. 2269.

Николая Охотникова — Софье Васильевне и ее сыну Павлу. В Концеполье и мог Николай Васильевич познакомиться с другой Софьей Васильевной — Рагозиной, племянницей Охотниковых, которая стала его женой. Их венчание состоялось 27 апреля 1864 года в Благовещенском соборе города Мещовска. Николай Васильевич был внесен в метрическую запись как «Мещовского уезда, сельца Анютино помещик, военный инженер, штабс-капитан».

В 1863 году Николай Васильевич получил знак отличия «За введение в действие Высочайше утвержденного положения по крестьянским делам присутствия от 19 февраля 1861 года». После увольнения в 1866-м был переведен в Контрольную палату старшим ревизором. Затем служил в Окружном суде до окончательной отставки в 1871 году. Дальнейшая его деятельность была связана с Калужским земством. Избирался он гласным Мещовского земского собрания от землевладельцев, гласным судьей.

Сергей Васильевич один из внучатых дядей Николая Владимировича, учился вместе с братом-близнецом Николаем в Николаевском инженерном училище, потом в Инженерной академии. Служил в действующей армии на Кавказе, затем в Виленском военном округе. Вышел в отставку по болезни в чине майора и вскоре скончался, оставив сиротами четырех сыновей¹.

О службе двух младших братьев Николая Васильевича — Михаила 2-го (р. 1841) и Владимира (р. 1844) сведений пока нет. Не выяснена и судьба старшего брата — Михаила 1-го (1821) от первого брака Василия Васильевича, хотя он скончался, видимо, до 1832 года, когда были поданы документы на подтверждение дворянства всех детей.

Один из двоюродных братьев Николая Васильевича — Николай Петрович (р. 1830) был мировым судьей Серпуховского уезда и записан как помещик села Кулаково того же уезда Московской губернии. Это, вероятно, было наследное имение его матери, Наталии Васильевны Васильчиковой. Пока это все, найденные на сегодня достоверные сведения о семье Всеволожских.

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 7110. Л. 17–21.

Рагозины

Дворянский род Рагозиных, потомком которого по отцу была бабушка Николая Владимировича Софья Васильевна внесен во 2-ю, 3-ю и 6-ю части дворянских книг многих губерний, в том числе Калужской, Орловской и Воронежской. Мужчины в этом роду почти все были военными. Документально можно начать отсчет от братьев Степана и Дмитрия Рагозиных, живших в начале XVII века и владевших жалованными поместьями в Кромах. Сын Степана Фома и его пятеро детей, в том числе Тимофей, служивший поручиком, жили в Орловской и Курской губерниях.

От сына Тимофея Петра, дослужившегося до полковника, идет ветвь калужских Рагозиных¹. Следующее поколение — Сергей Петрович, родился в 1761 году, тоже служил в армии, вышел в отставку секунд-майором. Жил в Юхновском уезде Смоленской губернии с женой Александрой Васильевной Сысоевой и детьми: Василием (р. 1786), Николаем и Прасковьей (р. 1792).

Потомки Дмитрия также жили в Калужской губернии и связи между обеими ветвями Рагозиных не прерывались.

Сын Сергея Петровича, Василий, служил в лейб-гвардии Преображенском полку, затем в Литовском полку. В отставку вышел штабс-капитаном. В метрической книге Московской Пречистенской сороки Николаевской церкви нашлась запись: «11.01.1821 года Василий Сергеевич Рагозин венчался с Авдотьей Алексеевной Охотниковой... Венчание происходило в доме покойной генерал-майорши Чирковой». Авдотья была дочерью майора Алексея Андреевича Охотникова. В этой семье, как и в семьях Рагозиных и Всеволожских, было много офицеров, служивших в армии и на флоте. У Василия Сергеевича и Авдотьи Алексеевны Рагозиных были дети: Василий, Наталья, Марья, Николай, Анна и Софья (ставшая впоследствии женой Николая Васильевича Всеволожского).

Софья родилась 11 августа 1838 года в селе Татаринце Козельского уезда Калужской губернии. Восприемниками были: «Мешовского уезда деревни Карташевой помещик» Андрей

¹ ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1021, 1987.

Афанасьевич Рагозин (дядя) и «села Татаринец помещица» Наталья Григорьевна Охотникова (бабушка). Об образовании детей Василия Сергеевича точных сведений нет, но для определения Софьи и ее сестры Анны в казенное учебное заведение отец собирал необходимые документы в 1845 году, в том числе хлопотал о выдаче ему свидетельства об их дворянском происхождении. Копия этого свидетельства от 19.06.1832 хранится в Калужском архиве¹.

Дочь Софьи Васильевны Надежда Николаевна (мать Николая Владимировича) родилась 1 июля 1870 года. О ее образовании сведений также пока нет.

Тимофеевы-Рясовские и Тимофеевы

После утверждения Государем Императором решения Департамента Герольдии о передаче фамилии Рясовский старшему сыну сестры Василия Григорьевича Рясовского Владимиру Викторовичу Тимофееву во все документы были внесены изменения, и с 1888 года его фамилия стала писаться как Тимофеев-Рясовский. В формулярном списке Владимира Викторовича появилась такая запись: «Государь Император Всемиловитейше соизволил в 30 день марта 1888 г. Утвердить мнение Департамента Гражданских и Духовных Дел Государственного Совета о дозволении Тимофееву принять фамилию и герб родного дяди его действительного статского советника Василия Рясовского, о чем объявлено в приказе по Министерству путей сообщения за № 130 от 10 октября 1901 года».

Венчание Владимира Викторовича с Надеждой Николаевной Всеволожской состоялось 12 ноября 1899 года.

У Тимофеевых-Рясовских было пятеро сыновей и одна дочь. Старший сын Николай родился 7 сентября 1900 года и крещен в Московской Трехсвятской у Красных ворот церкви. Его восприемниками были Николай Васильевич Всеволожский (дед) и «вдова инженера полковника» Елизавета Григорьевна Тимофеева (бабушка)².

¹ ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1987.

² ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 3099, 3160; Материалы о внесении в родословную книгу детей вдовы умершего д. с. с. инженера путей сообщения В. В. Тимофеева-Рясовского.

Следующий сын в семье — Владимир родился 31 июля 1903 года и крещен 28 августа в Кафедральном соборе Вильно. Восприемники: действительный статский советник Василий Григорьевич Рясковский и жена действительного статского советника Софья Васильевна Всеволожская. С 1933 года Владимир Владимирович был директором крупнейшего ленинградского завода имени Калинина. Арестован 1 мая 1937 года, расстрелян 28 февраля 1938¹. В 1956 году реабилитирован.

Виктор родился 20 июля 1904 года в с. Концеполье. Крещен там же священником В. Чиновым 27 июля. Восприемники: коллежский ассессор Дмитрий Федорович Повалишин и вдова поручика Прасковья Васильевна Скоробогач (сестра Николая Васильевича Всеволожского).

Вера родилась 23 декабря 1905 года в Вильно. Крещена 14 января 1906 года в Виленском Кафедральном соборе. Восприемники: тайный советник Николай Васильевич Всеволожский и жена старшего фабричного инспектора Екатерина Николаевна Алексеева (возможно, дочь Николая Петровича Всеволожского, двоюродного дяди матери). Работала медсестрой-лаборантом. Скончалась в 1996 году.

Братья-близнецы Дмитрий и Борис родились 16 июля 1908 года в селе Концеполье и крещены там же 24 июля священником В. Чиновым. Восприемники Бориса: Николай Владимирович Тимофеев-Рясковский и вдова тайного советника Софья Васильевна Всеволожская. Восприемники Дмитрия: сын полковника Генерального штаба Сергей Сергеевич Всеволожский (дядя, сын брата-близнеца деда Сергея Васильевича Всеволожского) и вдова Ольга Викторовна Нахимова (сестра отца). Дмитрий работал администратором киносьемочной группы «Союзкинохроника», был арестован в 1934 году, где и когда погиб — неизвестно. В 1992-м реабилитирован. Борис работал кинооператором на Студии документальных фильмов, воевал, дошел до Берлина. Умер в 1979 году².

¹ Российский центр хранения и изучения документов новой истории. Москва. Именная картотека.

² Сведения о младших братьях сообщила Раиса Васильевна Пономарева, жена сына Веры Владимировны (в замужестве Пономаревой) Бориса, который умер в возрасте 30 лет. В семье хранится копия дела Дмитрия № П-74554.

Свидетельство

По указу Его Императорского Величества
из Монастыря Фурьевой Канцелярии воздано ее в
таком, что в церковной книге Монастыря
Иерусалимского и Крайней Восточной Церкви
такого девятилетнего года № 78 означено
сентября седьмого числа родился Николай,
возраст 17 лет; родители его: Коммунист
Сотников, Коммунист Гродовский, Коммунист
Крутой сообщая Владимир Владимирович Тимофеев
и законная жена его Капитан Коммунист
оба православные, воспринявшие Боже:
Григорий Григорьевич Сотников и жена
Владимир Всеволодович и жена Коммунист
Коммунист Елизавета Григорьевна Тимофеева
Крестный отцовский свидетельский Алексей Коммунист
с матерью: Коммунист Гродовский сообщая
указавший Иван Яковлевич Коммунист:
Член Коммунист Коммунист Н. Коммунист Л.
Секретарь Н. Коммунист Коммунист Н. Коммунист.
Примечание: не имеет

В 1908 году указом Правительствующего Сената Николай Владимирович был утвержден в дворянстве по Калужской губернии под фамилией Тимофеев-Рясовский, а братья Виктор и Владимир и сестра Вера утверждены в дворянстве с фамилией Тимофеевы. Младшие — Дмитрий и Борис — причислены к дворянскому роду в 1914 году тоже с фамилией Тимофеевы.

Николай Владимирович знал о пункте 10 Закона о присвоении наследной фамилии, в соответствии с которым его отец и он сам, как старшие сыновья в своих поколениях, стали Тимофеевыми-Рясовскими, поэтому, как и в прошлые времена, эта фамилия была дана при венчании его жене Елене Александровне, урожденной Фидлер (1898—1973), а позже их старшему сыну Дмитрию (1923—1945). Сохранились документы о том, что в 1932 году Дмитрий был в числе кандидатов в лагерь Берлинской дружины русских скаутов¹, участвовал в спектаклях театрального объединения и группы русского юношества в Германии (18.06.1941, 14.04.1942, 16.09.1942)². Второй сын Николая Владимировича и Елены Александровны Андрей родился 9 апреля 1927 года в Германии, носит фамилию Тимофеев.

Николай Владимирович скончался 28 марта 1981 года в Обнинске³. Похоронен на обнинском городском кладбище рядом с Еленой Александровной.

Дмитрий погиб в фашистском концлагере Маутхаузен, не оставив потомства, поэтому род дворян Тимофеевых-Рясовских считается угасшим.

Из потомков рода Тимофеевых, не носящих двойной фамилии, ныне здравствуют Андрей Николаевич Тимофеев, Андрей Владимирович Тимофеев и его сын Владимир.

Как говорилось выше, с 1925 года в документах и публикациях Николай Владимирович писался как Тимофеев-Ресовский, а не Рясовский; когда и почему произошла эта «мутация» — пища для догадок. Но не так уж важно, по-моему, как писалась и пишется эта фамилия. Главное, удалось восстано-

¹ Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф. 500. Оп. 3. Д. 451.

² Там же. Ф. 1371. Оп. 9. Д. 4.

³ Извещение о смерти // Московская правда. 31 марта 1981.

№ 119. **УКАЗЪ**
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО,

Изъ Правительствующаго Совета *Камуфрскому*
Дворянскому Депутатскому Собранию.
По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Правительствующей
Сенатъ слушалъ дѣло о дворянствѣ рода *Миниаресовыхъ*,
представленное при разпорѣ *Камуфрскому* Дворянскаго Де-
путатскаго Собрания отъ *24-го Марта* 1908 г. за № *61*.
Приказали: Признавая правильнымъ постановленіе *Камуфрского*
Дворянскаго Депутатскаго Собрания *24-го Марта 1908 года*,
о причисленіи *Никиты, Владимира, Дмитрия*

№ 1285

и братьевъ *Владимировыхъ Миниаресовыхъ*

къ роду *Миниаресовыхъ*, признанному определенными *Департаментомъ*
Герольдии 5 Марта 1883 г. за 4 Марта 1883 г. въ
дворянствѣ, со внесеніемъ во *вторую* часть дворянской родо-
словной книги, Правительствующій Сенатъ, на основаніи Св. Зак. 1899 г. Т. IX Зак.
сост. ст. *37, 59, 93 (прим.) и 98*,
опредѣляетъ: поманутое постановленіе утвердить; о чемъ тому Собранию дать знать указомъ,
съ возвращеніемъ *прошанія Прошаніе Миниаресова-Ресовскаго* при семъ *приматѣиася*. *Томъ*
19-го дня 1908 года.

Оберъ-Секретарь

А. Малинъ

Помощникъ Оберъ-Секретаря

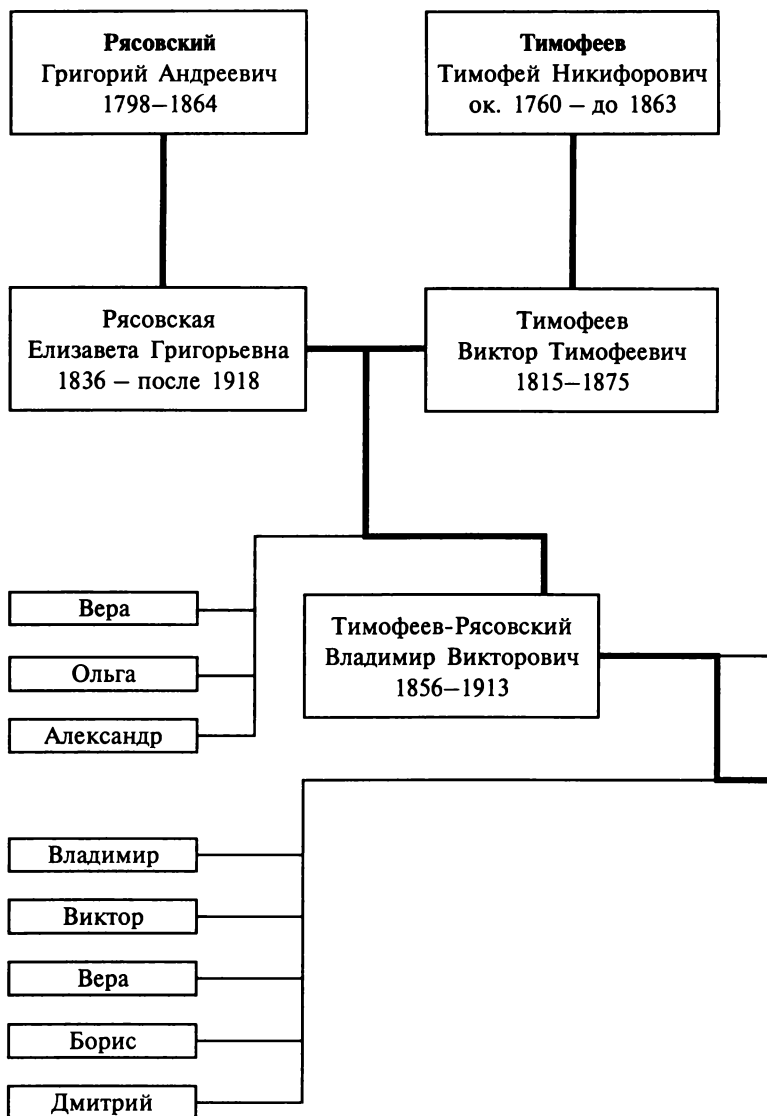
Мерушинъ

Изъ исполненія.

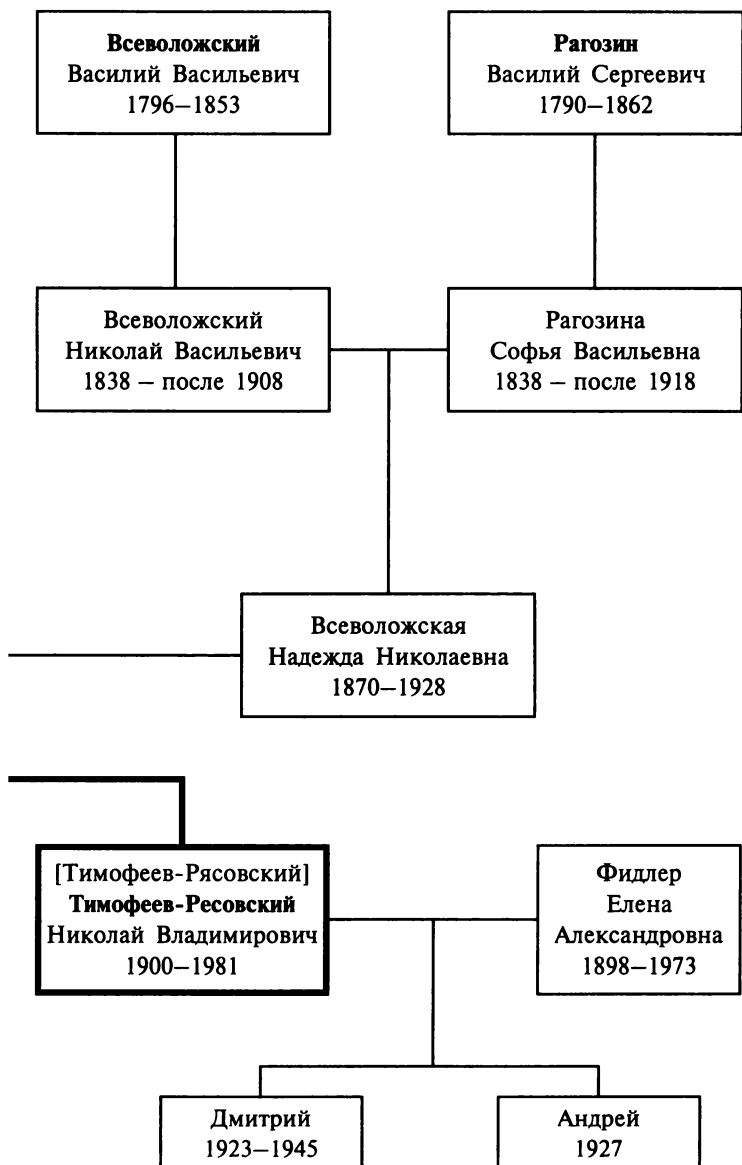
По Департаменту Герольдии.

Указ о причислении старших детей Тимофеева-Рясовского к дворянскому роду Тимофеевых с внесением во вторую часть дворянской родословной книги

вить истинное, документированное прошлое предков Николая Владимировича и происхождение фамилии с такой недолговечной — чуть меньше ста лет (1888—1981), но значимой историей.



Краткая схема родословной Н. В. Тимофеева-Ресовского



Юные годы ровесников века

27 марта 1954 года мои родители, Надежда Васильевна и Александр Александрович Реформатские, получили письмо, вызвавшее у них одновременно и радость и горечь. То была весть после более чем четвертьвековой разлуки — от друзей их молодости Тимофеевых-Ресовских, уехавших в научную командировку в Германию еще в 1925 году: «Ну, слава Богу, живы! И у нас, в России!» Но обратный адрес на конверте: г. Касли Челябинской области, п/я 33/6 — для привычного глаза тех лет мог означать только одно — письмо из «узилища». Стало быть, не миновал и их этот «многих славных путь». Да и как могло быть тогда иначе?

Мелькнувшая несколькими годами ранее догадка, что Николай Владимирович находится на каком-то закрытом объекте, подтверждалась. Со слов своего друга В. Н. Сидорова отец знал, что в лабораторию его брата биолога (Б. Н. Сидорова) поступил запрос из НКВД на выдачу подопытных мушек-дрозофил, тех самых, которые у нас тогда, в конце 40-х годов, в разгар лысенковщины предавались анафеме вместе с именами работающих с ними ученых. Название мушек на приложенной записке было написано по латыни энергично и размахисто хорошо известным Б. Н. Сидорову почерком Н. В. Тимофеева-Ресовского.

Ровный же, спокойный почерк каслинского письма нес след многолетней эпистолярной практики. Сколько этим по-

черком было написано Еленой Александровной под диктовку Н.В. дружеских и деловых писем, научных статей и книг! С врожденной деликатностью и вынужденным лаконизмом Е.А. сообщала о себе:

«22.III.54. Дорогая Надя, ты, наверное, очень удивишься, прочитавши подпись на этом письме. Да, это я и Колюша Тимофеевы-Ресовские. Ты ничего не слышала об нас 29 лет. С 1947 года мы живем здесь. Все эти 7 лет я собиралась тебе написать и все не решалась. Не знаю, захочешь ли ты нам ответить. <...> Мы живем здесь все вместе — я, Колюша и наш младший сын Андрей. О старшем я тебе когда-нибудь напишу. Но за все эти годы нам ничего не удалось узнать о моих родных. Мне почему-то кажется, что ты или твоя сестра, возможно, знают что-нибудь о моей сестре Шуре¹. Надя, если ты только могла бы сообщить мне, где моя сестра или если она умерла — где ее дети.

Здесь мы живем очень хорошо, много работаем, Андрей кончил в этом году университет (физик) и женился. У нас отдельный домик из 5-ти комнат. Единственно, что нас огорчает, что мы никак не можем восстановить связь с нашими друзьями и родными. Еще раз, дорогая Надя, прошу тебя — ответь мне, хотя бы совсем коротко. <...>

¹ Александра Александровна Фидлер (р. 1892) — агроном, зоотехник. Училась на Высших женских курсах вместе со старшей сестрой моей мамы. Обе они, а также Маруся Фидлер, с 1914 г. работали медсестрами на санитарном поезде № 67. С середины 20-х годов Александра Александровна жила в г. Белеве Тульской области. В 1938 году был арестован ее муж, Алексей Александрович Пелопидас, а в 1942 году она сама. Из заключения никто из них не вернулся. В начале 50-х годов до родных А.А. Фидлер дошла записка, в которой сообщалось, что она находится под Воркутой и «собирает коллекцию минералов». Однако позже на запрос дочери в официальном ответе датой смерти был назван 1944 г. О внутренней близости сестер говорит памятная надпись Шуры, сделанная ею на своей фотографии 1 апреля 1921 г.: «Дорогой Лелечке как сестре и другу, перед которой легко открывается душа. Храни свою душу, дорогая, иди путем правды, а главное, не разбивайся на мелочи и держись главного. До сих пор это было так, но еще не достаточно крепко стоишь ты. Да поможет тебе Господь, да пошлет тебе силы. Я тебя помню и люблю. Шура». С А.А. Фидлер были дружны родственники А.Д. Сахарова, о чем он говорит в своих воспоминаниях (Сахаров А.Д. Воспоминания. 1996. С. 333–334).

Колюша просит передать вам обоим самый сердечный привет. Твоя Леля».

Незамедлительный ответ моих родителей на письмо Елены Александровны явился первой ласточкой, прилетевшей к опальным Тимофеевым с воли, из их прежней московской жизни. Ободренная теплым откликом, Елена Александровна писала второе письмо уже гораздо раскованнее и подробнее.

«4.IV.54. Дорогие Надя и Шура, вы не можете себе представить, как вы нас обрадовали своим письмом. <...> мы читали его несколько раз, собравшись всей семьей, затем оно было прочитано еще раз у наших друзей.

Эти 7 лет мы были совершенно оторваны от наших друзей и родных. Единственно, кому мы дали знать, что мы снова на родине — это Вере — Колюшиной сестре, но она не очень захотела нас знать¹. <...> Теперь вы понимаете, как особенно радостно было для нас ваше письмо — первое с большой земли от наших друзей.

Колюше пришлось пережить 2 очень тяжелых года (1945—1947). Он был очень тяжело болен — после чего потерял центральное зрение — он все видит, но читать совсем не мог². Но за эти годы он научился читать с лупой. Конечно, очень медленно. Так что я превратилась теперь в чтицу — каждый вечер с 7 вечера до 12—1 часа читаю ему вслух и научную литературу, и беллетристику, и даже детективные романы на английском языке, которые я прежде терпеть не

¹ Предшествующая попытка Тимофеевых подать о себе весть закончилась неудачей. С началом первого послесталинского года — в январе 1954-го — в Москву была откомандирована невестка Нина, единственный в семье «свободный человек», с поручением передать письма родным и знакомым. Но после тяжелой встречи с сестрой Николая Владимировича Верой Владимировной, отказавшейся с ней говорить, Нина не захотела куда-либо еще заходить и привезла письма обратно. У негостеприимства Веры Владимировны были тогда весьма мрачные и убедительные причины, о чем она через тридцать пять лет нашла силы открыто сказать с экрана фильма Е. С. Саканян «Рядом с Зубром» (1988). После ареста и гибели братьев Владимира и Дмитрия Вера Владимировна была затерроризирована вызовами в НКВД, где у нее требовали сведений о старшем брате Николае.

² Рассказ Н. В. об этих годах см. в главе «Нескучная историческая эпоха».

могла. Кроме того, у Колюши обнаружился камень в почке, который иногда его очень мучает припадками, но вырезать его он не хочет¹. <...> Сын у нас малый хороший, внешне, пожалуй, взял все лучшее от меня и Колюши — высокий, стройный и на лицо красовитый, характер только, пожалуй, слишком спокойный. Вот старший Фома был весь в Колюшу — очень бедовый — ну вот из-за его увлечений и легкомыслия и попал в концентрационный лагерь (в 1943 г.) за свои левые убеждения. Первое время мы с ним переписывались, посылали посылки, а потом перестал писать — не знаю, м.б. он погиб там, а м.б. попал в Россию; но тут все наши поиски оказались тщетными. Мы все трое имеем паспорта и единственное осложнение для нас — это выезд отсюда. Но все на свете изменчиво и м.б. и это изменится. <...> Главное же наше занятие, пожалуй, работа и чтение. Но ведь это тоже неплохо — сколько мы перечитали замечательных книг! Еще раз спасибо за письмо, за память и любовь. Очень, очень тронули нас. Ждем еще писем. Любящая Вас Леля Тимофеева-Ресовская».

К письму Елены Александровны добавлялись приписка от Николая Владимировича и то его первое письмо, которое было заготовлено для январской поездки невестки Нины. Тут и предстал во всей красе знаменитый «шумный» почерк — только буквы от потери зрения стали еще крупнее и нажимы линий еще толще.

«10.1.54. Дорогой Шурка! Вот уже 27 лет, как ты *от* меня вестей не получал, хотя, быть может, *обо* мне к тебе слухи и доходили. (Выделено Н. В.) Ныне же седьмой год все собираюсь написать, да по известной тебе „неписьменности“ моей до сих пор никак не мог раскататься.

Привет старейшему и, по-прежнему, дражайшему другу!

О нашей жизни (живем превосходно!) расспроси Нину; а о своей напиши и Нине расскажи поподробнее. Я по-прежнему увлечен науками, а также множеством всяких других вещей (географией, историей животных, солеными и, особенно, копчеными рыбками, водками разных сортов, историей отечественного естествознания и т.д.).

¹ Отказ от операции во многом объяснялся опасением после больницы вновь попасть в лагерь, что случилось с узниками объекта 0215, где в то время работали Тимофеевы-Ресовские.

Посылаю тебе, *in memogram*, книжицу свою *in bellissima lingua italiana*¹. Пришли, если сможешь, свою „Филологию“: ее у меня нет.

Живы ли Залогинны? Если да, то — целую Егора и целую ручку Минечке. Кто еще существует из старой компании нашей?

Надеюсь когда-нибудь увидеться. Жаль, что не могу пригласить тебя сюда (Нина скажет — почему); поохотились бы! Глухарей тут чуть что не за хвост ловить можно, а зайцев даже Андрей (не охотник, а шляпа и спортсмен!) стреляет.

Приветствуй всех, кто еще помнит меня! Крепко обнимаю тебя, целую ручку Наде. Не забывайте и пишите — вы ведь филологи, следственно люди „письменные“. Твой Н. Тимофеев».

Затем последовал приезд тимофеевских друзей и сослуживцев по уральской шарашке — Вознесенских, Сергея Александровича и Елизаветы Александровны, получивших реабилитацию и разрешение на побывку в Москву. Они долго беседовали с родителями, рассказывали о том, чего не поведаешь в письме. После их ухода мы уже все вместе читали присланное и разглядывали кипу фотографий из германской жизни Тимофеевых 20–30-х годов и последних лет на объекте, которые Н. В. окрестил «материалами для иллюстрированной биографии (или некролога)».

От фотографий исходило ощущение удивительного жизненного подъема, и только по напряженным взглядам Тимофеевых на поздних снимках и изборожденному морщинами лицу Елены Александровны можно было понять, сколько пережито ими за последние десять лет.

Я расположилась к ним сразу, хотя не без труда соединила европейски respectableного Н. В. на берлинских фотографиях с тем разбойным сорви-головой на снимках 1916–1918 годов, что были у нас дома, и с тем его обликом, который вырисовывался из непрерывных рассказов родителей о друге их молодости. Там Колюша предстával заводилой гимназических выходок и студенческих эскапад, ярко одаренной и азартной натурой, увлекающийся разными вещами и всегда очень темпераментно. В юные годы Колюша имел обыкновение часто и круто менять свои привязанности. То он был поглощен рыб-

¹ См. письмо от 10.1.54 в разделе «Письма».

ной ловлей, то принимавшим тогда свой старт футболом, вступив в общество «Сокол», то увлечен нигилизмом и Базаровым, то одержим религиозным духом и преклонением перед Достоевским и отечественными церковными древностями. Вспомнилась и мощная, как иерихонская труба, Колюшина глотка, заставлявшая содрогаться стены, когда он пел арию варяжского гостя «О скалы грозные...». Но более всего поражала одержимость наукой. Тут не без ревности припоминались некие «выводящиеся карпы», расстроившие совместную охотничью поездку, а охоте Н. В. отдал в молодые годы немалую дань.

Разные истории эпохи молодости моих родителей звучали так часто, что мне казалось, я их отчетливо вижу, как въяве, а их герои — Колюша Тимофеев и мамыны гимназические подруги — мои давнишние знакомые. Способствовала этому и привычка родителей показывать во время прогулок по Москве памятные дома, причем независимо от того, с кем они связаны: с теперешними друзьями или приятелями прошлого, литературными героями или историческими знаменитостями. Так в недалеком от нас Сивцевом вражке и Плотниковом переулке стояли дома друзей Залогиных и Ушаковых (куда мы реально направляли путь), а также Льва Толстого и Михаила Гершензона, Николая Ростова и молодого Колюши Тимофеева. Церковь Успенья на Могильцах подавалась как приходской храм Ахросимовой из «Войны и мира», место венчания Кити и Левина из «Анны Карениной», а также Колюши и Лели Тимофеевых.

Тяга к воспоминаниям, свойственная моим родителям и многим людям их поколения, выражала, как мне кажется, потребность в опоре на нечто подлинное, здоровое, прочное, что было усвоено на заре их жизни и что помогло устоять в житейских передрягах, с лихвой выпавших на долю ровесников XX века. В мамином дневнике я натолкнулась на такую фразу: «Гимназические годы пролетели как стрела, а остались от них сладкие, лучшие воспоминания, да еще, пожалуй, самое главное — определенный уклад на всю жизнь».

Николай Владимирович и Александр Александрович встретились в 1914 году в пятом классе частной гимназии А. Е. Флёрова, куда Н. В. поступил, приехав из Киева. В Киеве же он посещал ту самую I Императорскую Александровскую

гимназию, где прошли ученические годы М. А. Булгакова и К. Г. Паустовского, а также будущих его коллег Ф. Г. Добржанского и Л. А. Зенкевича, художника Н. Н. Ге, филолога Н. П. Анциферова, музыканта Б. Л. Яворского, историка Е. В. Тарле, авиатора И. И. Сикорского, ученых А. А. Богомольца и А. А. Фортунатова, деятелей театра И. Н. Берсенева, А. Н. Вертинского, В. А. Лосского и С. М. Лифаря, политиков А. В. Луначарского, Д. Т. Флоринского, А. Я. Шульгина, князя С. Е. Трубецкого.

От пребывания в Киеве у Н. В. остались некоторые особенности произношения: «въ институте», «въ истории», «въ итоге», выражения: «пара миллионов мух», «пара мест на пару тысяч студентов» или рассказ о том, как вечерами, прогуливаясь на Подоле, гимназисты подкарауливали и избивали особо им ненавистных «педелей» — штатных шпионов за учениками. На киевских улицах был им подслушан и печально памятный клич: «Бей его, у него брат студент!», злобный и тупой дух которого еще не раз оживет в XX столетии, так или иначе коснувшись судеб многих его ровесников.

Оттуда, из Киева, потянулась и ниточка, связавшая Н. В. с естествознанием — через учителя П. В. Терентьева, посещение Днепровской биостанции и через товарища отца Н. В. гистолога И. Ф. Огнёва, а затем, уже в Москве, его сына зоолога Сергея Ивановича, преподававшего во Флёровской гимназии. Его уроки напоминали серьезные университетские занятия, но иногда он разрешал своим ученикам и некоторые «вольности», если это шло на пользу дела. Так, в подтверждение того, что у медведки орган слуха расположен на лапе, озорники Колюша и Шурка нарисовали на доске медведку в позе Татьяны Лариной, которой Онегин поет арию, дуя в лапу.

Повезло флёровцам и с некоторыми другими преподавателями. В интересе Н. В. к географии «повинны» были замечательные географы. Сначала П. Н. Пашин. Он часто водил гимназистов на экскурсии, в частности, в подмосковные каменоломни по Курской дороге за аметистами, и занимательно живописал о городах и реках России. В старших классах Пашин сменил директор гимназии А. С. Барков, один из четырех авторов (А. С. Барков, А. А. Крубер, С. Г. Григорьев, С. В. Чефранов, на гимназическом языке — «четыре разбойников») известного учебника по географии, послужившего верой и прав-

дой и советской школе. Превосходную память о себе оставил и преподаватель космографии А. П. Калитинский, человек артистичный и энциклопедически образованный, впоследствии получивший известность участием в знаменитых сборниках по средневековой культуре «*Seminarium Kondakovianum*», издававшихся в Праге. (Он попал туда в 1920 году с трупой МХТа, где играла его жена, актриса М. Н. Германова.)

Особо пытливые гимназисты организовывали дополнительно к урокам домашние кружки на исторические и литературные темы. Довольно часто собирались на квартире моего деда химика А. Н. Реформатского, читали доклады и затевали горячие споры. То спорили «за» и «против» Писарева и Базарова, то обсуждали под руководством учителя истории С. М. Чемоданова крестьянскую войну Яна Гуса и зарождение английского парламента. Об этом пылко вещал пятиклассник Колюша Тимофеев, воспетый в стихах своего друга Шурки:

В счастливый миг мечтаний чистых
Хвалил, открыв словесный кран,
Парламент мудрых англичан.

Почти лицеистскую восторженность испытывали флёровцы к своему словеснику В. М. Фишеру. В записках А. А. Реформатского, хранящихся в семейном архиве, ему дана развернутая характеристика, и я ее приведу почти полностью: «Фишер — крупный талант, великолепный педагог и острый исследователь. Он был автором только что вышедшего двухтомного учебника, компактного и „тонкого“ по мыслям, и интереснейшей статьи „Поэтика Лермонтова“ 1914 года. <...> Рассказывал он, увлекаясь и увлекая других. Расхаживая между партами и размахивая руками, он декламировал Пушкина (он знал у него наизусть буквально все) и Байрона, которого сам переводил. Мы ходили с ним на лекцию М. О. Гершензона „Мудрость Пушкина“¹, реферировали литературоведческие статьи, устраивали диспуты о проблеме отцов и детей, символистах и стиховедческих работах Андрея Белого. Словом, это было наше и мое, в частности, счастье!» Перебирая впоследствии вместе с Н. В. имена своих гимназических учителей и их судьбы, А. А. заметил, что Фишер по своему дарованию, бес-

¹ Позже вышла книга: *Гершензон М. О. Мудрость Пушкина*. М., 1919.

спорно, смог бы украсить Московский университет, но после 1920 года он оказался в Польше и позднее погиб в гитлеровском гетто. «Как это все грустно,— сказал А. А. и, подумав, заметил — конечно, и здесь ему было бы не так весело, особенно в 1949 году... Вечная ему память за все, что он нам дал своей щедрой рукой».

Как объяснить такую концентрацию солидных педагогических сил во Флёровской, да, впрочем, и во многих других гимназиях России 10-х годов? Здесь немалую роль играло и пристойное жалование, которое назначалось в частных гимназиях, и прилив преподавателей университетского ранга в гимназии и другие учебные заведения после конфликта профессуры Московского университета с министром Л. А. Кассо в 1911 году. Но главное заключалось в том, что просветительское дело (как и вообще многое в сфере культуры, науки и искусства) находилось тогда в России на большом подъеме. Собственно, на этой волне и возникла Флёровская гимназия, выстроенная в Мерзляковском переулке в 1910 году и оснащенная классами, залами, кабинетами по последнему слову.

Основная установка Флёровской гимназии отвечала потребности общества в образованных, трудолюбивых людях, способных принести ощутимую пользу, и немалому числу ее выпускников удалось это исполнить и приобрести известность. Из одного класса, где учились А. А. и Н. В., в науке проявили себя экономист и историк И. Ф. Гиндин, историк культуры В. П. Зубов, биолог Н. С. Архангельский, палеонтолог Д. В. Обручев, филолог С. А. Коновалов, зоолог С. Д. Перелешин, а из других выпускников — искусствовед В. Н. Лазарев, литературовед Б. В. Михайловский, химик А. Н. Курсанов, биолог Б. С. Эфрусси, композиторы Л. К. Книппер и М. Н. Робер, актеры Н. И. Рыжов и И. В. Ильинский, дирижер М. Н. Тэриан, художник Б. Ф. Шаляпин, писатель Анри Труайя (Тарасов) и др. В этой же гимназии учились младшие братья Н. В. Владимир и Виктор. «Одним словом,— заключал при таких перечислениях А. А.,— и учеными, и литераторами, и актерами наша Флёровская гимназия Русь обслужила!»

Но не имея обыкновения выдерживать только одну торжественную ноту, и А. А., и Н. В., помянув добром одних, пускались описывать и преподавателей «чудаков», с которы-

ми гимназисты учиняли всевозможные розыгрыши, и «монстров», над которыми они язвительно насмехались, а уж анекдотам о колоритных персонажах из учеников — балбесах, второгодниках «с Камчатки» или забавных «антиках» (говоря словами Лескова) не было конца. Об одном из таких, кто упорно молчал у доски, флёровский выпускник В. П. Зубов иронически и велеречиво писал, что «семя учения не везде принесло плод, попадая на каменистую почву». Этот молчун с охотно-рядским прямым пробором посреди жесткой черной гривы волос объяснял свое поведение тем, что «с жидами, инородцами и интеллигентами он не разговаривает. А так как преподаватели или жиды, реже — инородцы, но уж во всяком случае они — интеллигенты, то отвечать он не желает». Зато после его отчисления из гимназии в 1916 году Смоленский рынок наполнился новой палаткой с галантерейными товарами.

От неумных проказников часто страдало гимназическое имущество — то исчезала отфутболенная кем-то тряпка, то разбивалось окно, то теряла девственную чистоту стена в курилке на чердачном этаже, покрываясь, как вспоминал И. В. Ильинский¹, во всю ширину надписью «Вясна ядэть!» или подтверждающими ее призывный клич изображениями брачующихся зверей, нарисованными так похоже, что автору этой живописи анималистического жанра мог бы позавидовать уважаемый зоолог С. И. Огнёв. Тогда появлялся сам попечитель гимназии А. Е. Флёров, прозванный «козлом» за скрипучий голос, и принимался увещевать гимназистов, начиная с неизменной формулы: «Вы — дети интеллигентных родителей, а хулиганите!» и кончая требованием внести штраф за причиненный материальный ущерб. Штраф в продолжение выходки собирался копейками и доставлялся, уложенный в большой мешок².

Подобные истории передавались по всей Москве и обрели легендарными подробностями. Они-то и создали Флёровской гимназии репутацию «хулиганской». В благонравной женской гимназии Алфёровых, где учились Елена Александровна и моя мама, тогда Лёля Фидлер и Надя Вахмистрова, одно упоминание о флёровцах вызывало шок, и чересчур разрезвив-

¹ Ильинский И. В. Сам о себе. М., 1984. С. 103.

² О гимназических выходках см. главу «Salve, domine magister!».

шимся ученицам говорилось: «Что вы делаете? Это же не Флёровская гимназия, а Алфёровская!»

И тем не менее бывало, что воспитанники противопоставляемых гимназий заводили общие компании, ставили спектакли, дружили и даже впоследствии образовывали супружеские пары (Тимофеевы, Залоговы, Реформатские). В годы первой мировой войны такие знакомства возникали и на созданных земским советом пунктах помощи фронту. Учащиеся, жившие между Поварской и Пречистенкой (а к ним принадлежала большая часть флёровцев и алфёровов), собирались по вечерам в пустующем особняке на Арбате, 14, около Николы Явленного в так называемом «доме с привидениями». Они приносили в земский совет деньги, собранные на домашних спектаклях, вместе со старшими упаковывали подарки в армию и доставляли их на железнодорожные вокзалы для отправки на фронт. Такие посылки солдатам состояли из смены белья, мыла, кисета с махоркой, почтовых принадлежностей и вложенного письма. Среди педагогов-общественников здесь часто можно было встретить Софью Егоровну Фидлер, мать девочек-алфёровов: Антонины, Марии, Шуры, Ксении и Лёли.

Алфёровская гимназия, основанная в 1896 году, также обладала сильным преподавательским составом (физик А. Б. Млодзиевский, историк В. С. Сергеев, выдающиеся философские умы Г. Г. Шпет и А. Ф. Лосев¹, сама директорская чета: математик Александра Самсоновна и словесник Александр Данилович, но славу ей составил прежде всего либеральный и интеллигентский дух, который исходил от педагогов божьей милостью Алфёровых. Если у Флёрова преобладал трезвый деловой подход, то здесь большое значение придавалось собственно воспитанию. В отношениях между учениками и учителями ощущались доброжелательность и взаимное доверие. Со смущавшими юные души вопросами, вроде «можно ли жить без веры в Бога?» или «как воспринимать учение Толстого?» ученицы приходили прямо к своему директору, а на уроках истории весной 1917 года бурно обсуждали, что же пригоднее для России: прежняя монархия, парламент английского типа или рес-

¹ А. Ф. Лосев, например, преподавал литературу и латынь. Он же, кстати, в 1915/1916 учебном году учил латыни и учеников Флёровской гимназии.

публика? В 1913 году алфёровские гимназистки сочувственно встретили свежую новость: «Оправдан Бейлис!», принесенную Соней Унковской еще до ее опубликования в газетах; в марте 1917 года ликовали, узнав об отмене смертной казни. Обо всем этом свидетельствуют мамины дневниковые записи. В семье отца, видимо, были похожие настроения. Там с особым значением хранился сборник статей «Против смертной казни», составленный М. Н. Гернетом, О. Б. Гольдовским и И. Н. Сахаровым, дедом Андрея Дмитриевича. Эту книгу подарил 29 мая 1906 года моей бабушке ее деверь, Леонид Николаевич Реформатский, со следующей надписью: «Будем верить, скоро конец черным дням». Через полвека, 29 мая 1960 года моя мама добавила новую надпись: «Маша! Передай эту книгу своим детям и так дальше. Пусть знают, чем жили их прадеды и прабабы».

При поощрении взрослых Алфёровская гимназия вступила в «Московскую организацию учащихся», куда от старшего класса была выбрана известная своей энергичностью и добросовестностью, всеобщая любимица, умная и веселая Лёля Фидлер. Члены организации мобилизовывали молодежь на помощь деревне, и для них специально читал лекцию по аграрному вопросу А. В. Чайнов. Жаждавшие общественно полезной деятельности девушки готовились ехать в сельскохозяйственные дружины, на покос, подбирали политические брошюры и книги для обучения крестьян грамоте. Методическую программу по преподаванию взрослым людям грамоты предложил А. Е. Флёров (тот самый), а с культурно-просветительскими лекциями выступили известные историки, филологи, искусствоведы — А. А. Кизеветтер, С. А. Котляревский, Б. Р. Виппер, П. П. Муратов, А. К. Дживелегов, И. А. Орбели. В мае 1917 года собрался Первый Всероссийский съезд учащихся, на котором неоднократно звучали слова людей старшего поколения, предостерегающих молодежь от чрезмерного увлечения политикой. «Будьте прежде всего гармонической свободной личностью. Будьте людьми!» — призывал вернувшийся из ссылки социалист-революционер О. С. Минор. С тревогой следившая за настроениями своих учениц Алфёрова подчеркивала: «России теперь больше чем когда-либо нужны культурные люди!»

В августе 1919 года Алфёровых арестовали за принадлежность Александра Даниловича к кадетскому заговору и вскоре

расстреляли обоих. Александре Самсоновне удалось переслать своим питомцам письмо-завещание, которое выучила на память одна из алфёровок, Ирина Федоровна Шалапина, и на их традиционной встрече (у нас дома) воспроизвела собравшимся: «Дорогие девочки! Участь моя решена. Последняя просьба к вам: учитесь без меня так же хорошо, как и при мне. Ваши знания нужны будут Родине, помните постоянно об этом. Желаю вам добра, честной и интересной жизни. А.Алфёрова».

Гимназический батюшка Александр Федорович Добролюбов отслужил в храме Николая Явленного на Арбате панихиду по расстрелянным Алфёровым. Народу собралось много: в церкви стоял сплошной плач. В последующие смятенные годы алфёровки еще не раз помянут добром своих учителей. В 1920 году моя мама запишет в своем дневнике: «Так не хватает теперь их обоих. Ни к кому не может быть столько доверия, любви и уважения как к ним». И еще: «Александра Самсоновна руководила и душой и умом, и я знала, что она поможет разобраться в трудных и тяжелых минутах, направит тебя».

Следовавшие ее заветам ученицы — и в их числе, конечно, Лёля Фидлер — мало напоминали кисейных барышень и маменькиных дочек. Говорят, что на алфёровских гимназистках всегда лежал какой-то особенный отпечаток: их узнавали не только по синим беретам, но по манере держать себя. Конечно, под этим следует понимать не внешний этикет поведения, а глубокую внутреннюю воспитанность, естественный такт и искреннюю благожелательность. Этими качествами Елена Александровна обладала сполна, вобрав в себя все лучшее, что могли ей дать гимназия и семья.

Основную массу учениц гимназии Алфёровых составляли дети московской интеллигенции. Родители Елены Александровны были известные в Москве педагоги. Они принадлежали к обширному кругу обрусевших немцев, с деятельностью которых в России связано множество благородных и полезных начинаний по устройству лечебниц, аптек, книгоиздательств и учебных заведений, носящих имена Фидлеров и бывших с ними в родстве Штуцеров и Феррейнов.

Вслед за старшими сестрами Лёля Фидлер поступила на естественный факультет Народного университета имени А.Л.Шанявского. Это не только вытекало из круга профессиональных

интересов членов семьи, но в не меньшей мере отвечало нравственным побуждениям девушек той эпохи. Из них-то, этих курсисток, воспитанных в пору широко развернувшегося в начале XX века в России женского образования, и составила замечательная гвардия отечественных сестер милосердия и фельдшерниц, лаборанток, женщин-врачей и научных работников, зарекомендовавших себя увлеченным и бескорыстным отношением к делу. Там же, в Университете Шанявского, произошло знакомство Елены Александровны с руководителем лаборатории экспериментальной биологии Н.К. Кольцовым, роль которого в дальнейшей научной и личной судьбе Тимофеевых трудно переоценить.

Для Елены Александровны рано началась самостоятельная взрослая жизнь. Многодетный — чуть ли не в десять человек — дом Фидлеров отличала обстановка исключительного трудолюбия и радушия. Но на него одно за другим начали обрушиваться несчастья: с 1912-го и до зимы 1918 года за короткий срок туберкулез и испанка унесли трех сестер и главу семейства Александра Александровича Фидлера¹.

В мамином дневнике под датой 19 декабря 1918 года я нашла описание похорон Маруси Фидлер, бывшей курсистки, приехавшей домой из сельскохозяйственной коммуны под Ярославлем на рождественскую побывку. В Москве тогда свирепствовала испанка, которая ее и скосила. Стояла стужа. Мела метель. Несчастной семье с трудом удалось нанять повозку с простыми козлами, на них поставили вынесенный из церкви Успенья на Могильцах гроб. Но лошадь почему-то стала метаться, скакать по сугробам, а потом шальной рысью понеслась к кладбищу. Посторонний свидетель этой сцены, проходивший мимо «товарищ с винтовкой», не удержался от злорадной реплики: «Думают буржуи, что как прежде их хоронить будут! Счастье, что Софья Егоровна и другие этого не слышали — не до того им», — записывает мама, еще не подозревая, в какую страшную реальность превратится пущенная в декабрьскую пургу 1918 года фраза случайного уличного прохо-

¹ Александр Александрович Фидлер был директором Рукавишниковского исправительного приюта для подростков, находившегося в Глазовском переулке (Смоленская-Сенная, 30). В 1912 г. был мировым судьей.

жего, и как отразится клеймо «буржуи» на судьбах членов фидлеровской семьи.

Для Николая Владимировича Москва юных лет тесно связалась с его одноклассником Юрой Залогиним, именуемым Егором, и с одной из самых хорошеньких алфёровских выпускниц Миней (Маргаритой) Шемшуриной, заключившими в 1924 году семейный союз. А несколько раньше Минечка была предметом пылких сердечных вздыханий Колюши Тимофеева. У многих обитателей Никольского переуллка, где они жили (их дома стояли по соседству, чуть наискосок друг от друга), запечатлелась в памяти эта обращающая на себя внимание пара — благовидная барышня и диковатого вида, но с породистым лицом молодец. Они подолгу прогуливались или стояли у ворот дома № 13.

«Живы ли Залогины?» — справился в первом же письме Николай Владимирович. По счастью — да! Но тяготы военного времени сильно подточили их здоровье. В изможденном от туберкулеза человеке трудно было теперь признать пользующегося славой лучшего флёровского форварда, ловкого игрока в городки и неперемного участника театральных постановок Егора. В те годы рождественские или пасхальные каникулы обычно ознаменовывались домашними спектаклями, для которых избирались квартиры либо Шемшуриных, либо Реформатских. Они проходили под руководством моей бабушки Екатерины Адриановны (преподавателя литературы) или старшего друга всей молодежи и нашего дальнего родственника Ивана Александровича Витвера¹, находившегося тогда на положении гувернера братьев Залогиных. Он занимался с мальчиками историей и поэтому прозывался «Престарелый историк Жан», хотя был старше своих учеников всего лет на десять. Как вечный чеховский студент он поочередно пребывал то в числе

¹ О нем идет речь в главе «От „Сикамбра“ до Дрозсоора». И. А. Витвер (1891–1966) — географ, историк, основатель кафедры экономической географии капиталистических стран в МГУ, автор научных трудов и школьного учебника «Экономическая география зарубежных стран», выдержавшего 16 изданий. В 1918 году бывшие гимназисты организовали под началом И. А. Витвера домашнюю студию «Сикамбр» (о ней см. прим. к с. 109), где были поставлены спектакли из отрывков пьес Гоголя, Островского и Чехова, инсценирован рассказ Лескова «Грабеж» (1918 г., Н. В. играл черного дьякона), разыгран старинный французский фарс

учащихся Московского университета, то консерватории, потом преподавал историю в средней школе, служил в редакции энциклопедии и окончательно утвердился в профессии географа. Возможно, этот шаг он сделал из-за того, что уже с середины 20-х годов собственно историей заниматься становилось почти невозможно.

Витвер стал позднее крупным специалистом в области экономической географии Европы и Америки. О нем-то и шел разговор в очередном послании Николая Владимировича к моему отцу: «Друже! Только что прочел твое второе письмо, из коего узнал о том, что Ив. Ал. Витвер живет с вами (с 1938 года наши семьи жили в одной квартире — *М.Р.*). Помнит ли он меня многогрешного? Я же часто вспоминаю его, наши кружки, „Сикамбр“ и то время, когда мы собирались коллективно под его высоким музыкальным руководством сочинять оперу „Мельхиседек“. Я затем урывками следил за его превращением из музыканта в географа (география ведь одна из моих „пассий“). Собирался в следующем письме спросить тебя о нем: а он — и вот он! Кланяйся Ивану Александровичу и приветствуй его от „полуколлеги“. Буду рад, если он черкнет о себе. Я внимательно слежу по литературе за их дискуссиями о „предмете географии“, „ландшафте“ и т. п. Выписываю „Вопросы географии“ и „Землеведение“». Поперек текста письма сделана красным карандашом дописка о географе из гимназии Флёрова: «А ведь наш Ал. Серг. Барков еще жив!»

След театральных затей сохранила до наших дней программка спектакля «Женитьба» Гоголя, состоявшегося 27 марта 1915 года. В нем в роли Кочкарева выступал Колюша Тимофеев под сценическим псевдонимом Пискарев-Рыбниковский, в роли Яичницы — Шурка Реформатский (Оралов-Горлодерский), декоратором значился Юра Залогин (Егор Плешивый), а режиссером И. А. Витвер (Запузыркин-Швейцарский). Иван Александрович сделал также немало и в музыкальном просвещении своих подопечных и их друзей. Он подбирал музыку к спектаклям, сам сочинял шуточные арии, много играл сам, преимущественно Скрыбина, водил моло-

«Адвокат Пателен» (1919 г., Н. В. исполнял роль Аньеле). Одно из представлений состоялось в красноармейском госпитале в Мерзляковском переулке.

дежь на концерты С. В. Рахманинова, Н. А. Орлова, А. К. Боровского, на симфонические циклы С. А. Кусевицкого, прививал любовь к опере, переживавшей тогда в России свою лучшую пору.

Чтобы попасть на концерты знаменитых певцов — Шаляпина, Собинова, Петрова — приходилось простаивать в длинных очередях за билетами. Характерной чертой московского зимнего пейзажа тех лет были ночные костры, вокруг которых грелись заядлые театралы, обменивались впечатлениями, а иногда пропевали любимые отрывки из опер. Колюша и Шурка стали страстными почитателями оперы. Они стремились послушать полюбившихся им исполнителей всюду: и в театре, и на концерте, и на церковной службе. На всю жизнь они запомнили, как истово и строго пел В. Р. Петров «Разбойника благоразумного» в храме Христа Спасителя и как величаво он брал заключительное басовое «ми» на фоне звучащего хора в «Ныне отпускаеши...» в Университетской церкви на Большой Никитской. Поэтому-то такой радостью для Николая Владимировича было получение книги о певце Петрове: «Громадное спасибо! Наслаждаюсь книгой о Вас. Род. и, особенно, воспоминанием о нем и наших с ним увлечениях», — пишет он моему отцу.

В истории общения гимназических друзей есть еще одна, на мой взгляд, важная страница, имеющая отношение к сильно выраженному в них чувству «укладности». Оно проявлялось и в стиле поведения, и в особенностях речи, и в ощущении своей укорененности в отечественной истории и культуре. К уже известному добавлю лишь то, что исходило из семьи моего отца, где Колюша Тимофеев был принят совсем как свой.

Нашим героям посчастливилось в раннем возрасте вкусить от русской усадьбы, проникнуться духом семейных преданий, приобщиться к природе, земле и сельским занятиям. Словом, окунуться в атмосферу, о которой мы сейчас, на исходе XX века, судим лишь по книгам классиков русской литературы. Олицетворением этой атмосферы в семье Александра Александровича был его обожаемый родич, дед по материнской линии, Адриан Алексеевич Головачёв. В его имении Покровском, расположенном в двадцати пяти верстах от уездного города Кимры, в старинном доме с островерхими окнами под «готику», на берегу большого озера и в окружении лип, сажен-

ных в петровские времена, протекали летние каникулы Головачевского внука. К нему туда несколько раз приезжал гостить Колюша Тимофеев.

Головачёв принадлежал к мелкопоместному, но довольно известному в Тверской губернии дворянскому роду. Его предки, начиная с XVIII века, были предводителями дворянства Корчевского уезда и передавали эту должность по наследству, пока «монаршей милостью» Александра II не лишились этого права за составление вместе с А. М. Унковским слишком радикального проекта крестьянской реформы. Этим крамольником и был отец владельца Покровского Алексей Адрианович Головачёв. В 1872 году он издал книгу «Десять лет реформ» резко критического содержания, с публицистическими статьями выступал на страницах «Современника» и «Отечественных записок». Его дочь учительствовала неподалеку от Покровского, а сын, закончив Военно-медицинскую академию в Петербурге, работал врачом-хирургом в разных городах России, участвовал в трех военных кампаниях и лечил до самых последних дней всех, кто к нему обращался. Выйдя в 1907 году в отставку, он организовал в своем любезном Покровском молочную ферму и обеспечивал продуктами и собственное семейство, и лавки Кимр, и даже что-то поставлял в Москву. Но из-за войны (нехватка рабочих рук, мобилизация скота и прочие трудности тех лет) хозяйство сильно пошатнулось. Подрастающие внуки Головачёва и их приятели постепенно втягивались в общие заботы, деля время пребывания в Покровском между забавами, шалостями и полевыми работами. «Я привык каждый год начинать весну в Покровском пашней, картошкой, с лошадьми, с собаками», — говорил А. А.

Весна притягивала в Покровское возможностью постоять на тяге, послушать птиц, побродить по лесу и болоту. В увлечении всем этим Шурка обрел в Колюше самого верного единомышленника. У них были складывающиеся пополам одностволки 16-го калибра бельгийской фирмы «Дюмулен». Спустя полвека А. А. вспоминал: «В 1917 году я ходил на охоту с Колюшей Тимофеевым. Больше мазали, но бывали и удачи. Колюше везло: весной он убил кроншнепа (а я вот за 50 лет охоты ни разу), а после Петрова дня — большую крякушу у Маленького озера, стоявшего за березами в трясине: Колюша

провалился в топь по плечи, но вылез сам и пришел мокрый и торжествующий с крякушей в руках».

Пребывание в Покровском и впечатления от личности хозяина не прошли, как мне думается, бесследно для Николая Владимировича. Деятельный, увлекающийся, с оттенком чудачества и во всем чрезвычайно естественный, Головачёв чем-то напоминал и некоторых тимофеевских предков. Не исключено, что он, вернее представляемая им традиция, и оказалась источником тех жизненных пристрастий, литературных вкусов и даже стиля речи и шуток, которые сближали между собой Н. В. и А. А. В привязанностях Адриана Алексеевича к природе, охоте, музыке и литературе проступало какое-то особенное ощущение жизни как стихии, и это же можно отнести к его увлечению живым словом¹. В головачёвском доме был заведен обычай читать вслух стихи и прозу. Особенно любили Пушкина, Гоголя, Аксакова, Лескова, Алексея Константиновича Толстого, Тургенева — эти же писатели были особенно дороги и Николаю Владимировичу и Александру Александровичу. За делами и общими разговорами молодое поколение перенимало от старших отдельные словечки — «ретирада», «клистирная команда» (так генерал Скобелев именовал врача Головачёва на Балканской войне), словообразования и каламбуры в духе Лескова, забавные присказки и присловья². В молодости Головачёв вместе с писателем В. А. Слепцовым совершил путешествие по русской провинции в поисках оригинальных «языковых фактов». Головачёв имел склонность представлять свою родословную в виде занятных маленьких историй. Он передал это умение и внуку. А у Николая Владимировича это вылилось в особый жанр блестящих устных импровизаций.

Тимофеевская манера говорить поражала колоритом вольного и сочного слога, абсолютно естественным соединением интеллигентской речи и серьезного тона со старомосковскими просторечными оборотами, пронизанными нескрываемой про-

¹ О семейной охотничьей традиции говорит автограф поэта Некрасова, оставленный им на журнальном оттиске главы «Кому на Руси жить хорошо», изъятой цензурой: «Доброму товарищу по литературе и охоте А. А. Головачёву на память. Н. Некрасов. 26 ноября 1876 года».

² Об этом см. подробнее: *Реформатская М. А.* Как говорили дома // *Язык и личность.* М., 1989. С. 190–191.

нией. Имитировать ее, а такой соблазн возникал у многих,— гибели подобно! Сразу обнаруживается фальшь. Такой же первородной стихией дышало и его пение, раздольное и одновременно эпически сдержанное, особенно в песне о Кудеяре-разбойнике. Интонацией и внутренним «дыханием» он владел захватывающе! Все шло из глубинных корней его природы, и сам он казался удивительным явлением природы. (Так что охрана его памяти — задача также и экологическая!)

12 апреля 1918 года Колюша и Шурка окончили гимназию с золотыми медалями. Матери подарили им студенческие фуражки, в которых они показались своим приятельницам, запечатлевшим их на фотографии. А вечером отметили знаменательное событие у Шурки дома в компании со старшими, откупорив заветный дедов портвейнчик и вспомянув с благодарностью его дарителя, уже полгода как скончавшегося в своем родовом гнезде, еще до прихода новой власти. К весне 1918-го Покровское было национализировано, а наследникам собирались предоставить надел. «После Пасхи мы с Колькой туда дёрнем,— мечтает Шурка на следующий день после окончания гимназии.— Увижу весну в природе!»

Однако летняя поездка в Покровское вылилась не в отдохновенную прогулку, а в суровое добывание пропитания. Поскольку молодые люди были приучены к полевой страде, они оказались во всеоружии: косили, навивали стога, снаряжали жнейки, запрягали лошадей и возили навоз. Поначалу исполком не только разрешил, но даже попросил прежних владельцев отработать лето в Покровском, пообещав им годовой паек по числу работников. Колюша, благо его хорошо помнили тамошние жители по предыдущим приездам, был выдан за члена семьи. И все во главе с зятем Головачёва, пятидесятичетырехлетним профессором химии А. Н. Реформатским, трудились не за страх, а за совесть. От исполкома их работу контролировал представитель местного актива большевиков, бывший, кстати сказать, до этого председателем местного Союза русского народа. Наблюдая это превращение, почтенный профессор заповедовал молодым людям: «Никогда не будьте б...!»

Однако, как явствует из письма А. А. одной своей приятельнице, «обещанного пайка мы не получили, а за все труды нас обвинили в расхищении имущества, держали под арестом,

грозили расстрелом, направляли дуло револьвера, ругались ужасными словами... потом смилостивились и просто выгнали. Это было 9 сентября. С тех пор мы в Москве. Первое время мы не могли опомниться от этого кошмара, а надо было сейчас же добывать средства и продукты <...>. Я поступил на службу в книжный склад „Коммунист“. Служу грузчиком, получаю 665 р., имею I категорию» (письмо от 26 октября 1918 года.). Так опять оказались рядом друзья. Бывшие балованные гимназисты, теперь студенты Московского университета (один — естественник, другой — филолог), начавшие трудовую жизнь на первой в своей биографии государственной службе. Могли ли они такое представить (служить под вывеской склада «Коммунист») год тому назад, когда во время большевистского наступления они были мобилизованы в домовую охрану. «Мы до последней возможности охраняли переулки,— пишет своей корреспондентке А.А. 5 ноября 1917 года,— забирали пьяных и никого не пропускали, а когда наш переулок был занят большевиками, мы заперлись... У нас все слава Богу, хотя Колюша Тимофеев ранен шрапнельной пулей в ногу. Он ходит, но здорово хромает. А что будет еще? И может быть скоро».

Первый послегимназический год прошел в резко контрастных переживаниях. С одной стороны, острые потрясения, захватившие всю страну (в одном из писем А.А. от 6 декабря 1918 года читаем: «Действительность ужасна: стрельба, кровавая бойня, разрушение»), а с другой — насыщенность новыми активными впечатлениями: студенческие занятия, лекции видных московских профессоров, организация студии «Сикамбр», участие в спектаклях. Лето 1919 года друзья провели в разных местах. Шурка нанялся инструктором сельского хозяйства в трудовую колонию Назарьево около Жаворонков, а Колюша работал на Звенигородской биостанции и один раз наведлся к своему приятелю. Туда же, в Назарьево, пришло и написанное кроваво-красными чернилами тревожное письмо от Колюши с датой 13 октября 1919 года:

«Прощай, брат! Завтра отправляют на южный фронт (по-видимому). Так и не успел захватить к тебе проститься. Я думал, что пробуду тут еще недельку, а сегодня (я ведь уже откомандирован из Всеобуча в распоряжение военного комиссариата 9 октября) мне на сборном пункте военного комиссариата ве-

лели явиться завтра к 12-ти часам, с вещами, готовым к отправке. Отправляют меня повидимому в Ефремов (около Ельца). Если будешь в Москве, то подробности моего откомандирования можешь узнать у Виктора Шемшурина¹. Жаль не удалось мне повидаться с тобой перед отъездом. Увидимся теперь уже не скоро, а может и не увидимся, т.к. мое дело сложное². Настроение, брат, скверное. Мои в расстройстве чувств, впереди — грязь, теплушки, холод и прочее. Скверно. Весьма паскудно. Не думал я, что так тяжело будет уезжать. Я и к вашим не успел зайти проститься; сегодня узнал только о том, что завтра отправляют и еле успел собраться, а теперь уже поздно — 10 часов. Эх, чорт бы побрал все на свете гуртом. Одно только хорошо — что теперь цель появится хоть какая-нибудь. Хотя цель-то дурацкая, никчемная. Все на свете не только суета сует, но чепуха чепух. Ну всего, брат, тебе хорошего, не поминай лихом. Авось и увидимся когда-нибудь. Жаль уезжать без выпивки. Не выпить на прощание — это чорт знает что. Прощай. Н. Тимофеев-Рясовский».

Говоря о Покровском, можно указать на еще одну возможную линию сближения Н. В. и хозяина дома. Головачёв учредил своеобразный культ князя-анархиста П. А. Кропоткина, почитая его как достойного деятеля российского освободительного движения и как замечательного географа и путешественника, ибо и сам был большим охотником до странствий. В отличие от Н. В., имевшего возможность лично беседовать со своим дальним родственником³, Головачёв Кропоткина никогда не видел, но гордился знакомством во время совместной службы на Балканском фронте с доктором О. Э. Веймаром, близким другом Кропоткина, организовавшим в 1876 году его побег из тюремной больницы на черном коне по кличке Варвар.

¹ Виктор Гаврилович Шемшурин (1901–1953) — одноклассник Н. В., брат Мини.

² На какое «сложное дело» намекает здесь Н. В., сказать трудно, но предположить можно многое, если вспомнить обстановку осени 1919 г. На южном фронте наступал Деникин, активизировался Колчак; в Москве и Питере разоблачали заговоры, шли расстрелы...

³ Родственные отношения между семьями Всеволожских и Кропоткиных, о которых говорил Н. В., пока документально подтвердить не удалось. Возможно, их связывало соседство по имениям, находившимся в Мещовском уезде Калужской губернии.

В честь этого события чугунный конь, принадлежавший головачёвскому внуку, был назван Варваром, а фотография О. Э. Веймара, погибшего в 1885 году на каторге, демонстрировалась в Покровском как дорогая реликвия.

Знаменитому революционеру удалось поучаствовать в жизни и самого Николая Владимировича. Помимо истории с бандой пана Гавриленко и «ленинским» вареньем, описанной Н. В.¹, напомню еще об одном эпизоде. Будучи решительным противником «красного террора», Кропоткин 14 августа 1920 года добился встречи с Лениным и заступился за людей, привлеченных по делу так называемого «Тактического центра», а среди них и за арестованного биолога Н. К. Кольцова². Дело закрыли. А под крылом вернувшегося в науку Кольцова свели знакомство Колюша Тимофеев и Лёля Фидлер. 10 июня 1922 года состоялось их венчание в церкви Успенья на Могильцах, и молодые поселились в тимофеевской квартире в Никольском переулке, д. 6/8, кв. 5, неподалеку от тех мест, где жил до эмиграции Кропоткин.

На свадьбу своего друга Шурка Реформатский написал октет под названием «История моего современника» со следующим финалом:

Теперь Колюша не юнец —
Он ассистентом у Кольцова.
Сегодня двинул под венец
В исканье света жизни новой!

И песне надо бы конец;
Скажу еще к сему два слова:
Колюша, будь всегда мне друг,
Наукам — сын, жене — супруг.

Тимофеевы прожили вместе без малого пятьдесят один год. В 1972 году справили золотую свадьбу с массой гостей разного возраста, шумными возгласами и теплыми словами. Моя мама на правах старого друга с юмором и той долей серьезности,

¹ См. главу «Приключения военные и гражданские».

² *Бабков В. В.* Н. К. Кольцов: борьба за автономию науки и поиски поддержки власти // Вопросы истории естествознания и техники. 1985. № 3. С. 5–6.

которая подобает жанру праздничного тоста, осветила жизненный путь юбиляров, напомнив о многом из того, о чем уже было сказано на этих страницах. Комната в цветах и со столом, уставленным пирогами и июньскими ягодами, буквально источала свет, но сильнее всего он исходил от самих виновников торжества. Мама утверждала, что улица, где стоит дом Тимофеевых в Обнинске, потому называется Солнечной, что там живет самый лучезарный в мире человек — Лёлочка. «Лёлочке, которая лучше всех» — так мама обычно надписывала конверты писем к Елене Александровне, вызывая добрую усмешку у обнинских почтальонов и постоянную реплику со стороны адресата: «Ох, Надя! Ну ты совсем невозможная!»¹

Еще до отъезда за границу у Тимофеевых родился их первенец, окрещенный Дмитрием, но прозываемый Фомой — по популярной тогда песенке про Фому и Ерему. Андрей родился уже в Германии, и от называния его Еремой родители удержались, но старшего они и их знакомые именовали Фомой в лицо, и за глаза, и после гибели. Елена Александровна жила надеждой, что Фома как-нибудь объявится, и долгое время не решалась запирать на ночь дверную задвижку. Каждый вечер молилась за него и все ждала и ждала.

В одном из писем к моей маме Елена Александровна так высказывалась о своих сыновьях: «Конечно, не хорошо хвалиться собственным сыном,— писала она об Андрее,— но он право хороший, его гувернантка часто говорила мне, что „Бог послал мне такого сына“. Я никогда за всю его жизнь не име-

¹ К этому времени мои родители более пятнадцати лет жили разными домами. Вспомнив об исключительном юбилее старых друзей, А.А. послал им поздравление:

«Дорогие Лёля и Колюша!

Вот — когда можно и нужно людей поздравлять! Это вам — не 70-летие со дня рождения (будь оно проклято), а сама жизнь и ее смысл! Я прекрасно помню день вашей свадьбы <...> Рад за вас, что вы вместе (не всем удастся...). Рад, что вы живы, и всякие болезни — в прошлом. Рад, что сохранился юмор и такой друг, как Надюша. Хотите вы иль не хотите, а я вас люблю и крепко обнимаю, и желаю, чтобы вы подольше баловали нашу грешницу Землю... Ваш Александр Реформатский». В ответ пришло письмо: «Дорогой Шура! Большое спасибо за поздравление. Спасибо, что вспомнил и написал. А мы тебя тоже всегда помним. И никогда не забываем, как ты нас встретил, когда мы приехали (после 30 лет отсутствия) в Москву...»

ла от него ни одной неприятности, и в детстве, и в юности, и сейчас, я всегда им довольна. Со старшим Фомой было много труднее — но у него характер был совершенно другой; много было огорчения и с его учением, и с его самыми разнообразными увлечениями, и с его настойчивостью. Он, пожалуй, был способнее Андрея, но учился плохо, музыкальнее, но не хотел учиться играть на рояле, зато изумительно играл на балалайке. Но свой характер, свою настойчивость он показал в тюрьме. Ну, об этом расскажу при свидании»¹.

А свидание все откладывалось. Неизвестность нервировала. «Почтовый ящик» свертывался, а новое место работы все еще не было определено. «Говорят что-то о Свердловске,— общается в ноябре 1954 года Елена Александровна.— Это, пожалуй, лучше Новосибирска — все же ближе к Москве.— И признается: очень, очень тут тоскливо, и даже я со своим веселым характером иногда прихожу в уныние, а Колюша последнее время в невозможном состоянии. Минуты посидеть не может, хватается за книгу. Я ему читаю очень много, иногда вечером 4-5 часов. Больше у меня язык не ворочается».

¹ Из услышанного о Фоме при первой встрече с Тимофеевыми меня особенно потрясли слова о нем некоего француза, прошедшего с ним несколько месяцев в одной тюремной камере. Он восхищался исключительными душевными качествами своего друга, его чувством товарищества и силою характера. Сейчас, перечитывая письмо этого француза (см. раздел «Письма»), хочу обратить внимание на следующие строки: «Дорогой Дмитрий, сохрани эти качества на всю жизнь и благодари providение, которое дало тебе родителей, чье совершенство и вырастило те качества твоего характера, о которых я говорил». О мужестве и стойкости Фомы говорили его товарищи по антифашистскому подполью, арестованные вместе с ним летом 1943 года при провале «Берлинского комитета» сопротивления. Фома переводил, изготавливал и распространял антигитлеровские листовки среди военнопленных, точных рабочих и завербованных во «власовские легионы». Эти подробности выявились после выхода «Зубра» в журнале «Новый мир» в 1987 году, когда родителей Фомы уже не было в живых. Участники берлинской подпольной организации после окончания войны из нацистской тюрьмы попали в отечественный ГУЛАГ, но до наших дней они тщетно пытались предать гласности историю берлинского подполья и роль в ней Фомы Тимофеева. Новые материалы вошли в книжное переиздание повести Гранина «Зубр» и в третью часть киноочерка о Тимофееве-Ресовском Е. С. Саканян «Герои и предатели».

И рядом: «...уже семь с половиной лет я не была в концерте — я часто даже во сне вижу, как я захожу в большой концертный зал и у рояля сидит Рихтер. Нет, этого я даже не могу себе представить! Такого счастья!!». В следующих письмах опять звучали «рихтеровские» мотивы: «Свердловск, я знаю, — город грязный, но там есть неплохая опера и, главное, приезжает Рихтер и кукольный театр — это то, что я мечтаю послушать и посмотреть. (29.XII.54)» И вновь: «Я тоже перестала скучать, т.к. уверена, что мои мечты съездить в Москву и послушать Рихтера и увидеть балет — осуществимы. (10.V.55)» Позднее я познакомила Святослава Теофиловича Рихтера с этими строчками из писем Е.А. На мое сообщение пришел ответ: «Милая Маша! Спасибо за присланные Вами волнующие выдержки из писем. Как все это странно и трагично. Сердечный привет. Ваш С.Рихтер»¹.

К весне 1955 года определилось место работы Тимофеевых: их принимал Уральский филиал «Десянс» (так называли Академию наук Н.В. и А.А.). Попутно прояснялось и их юридическое положение. 26 марта 1955 года Е.А. сообщала: «Дорогие Надя и Шурка! Ну, поздравляйте нас!!!... Колюша получил бумагу из Верховного Совета о полной реабилитации. Теперь мы все совершенно свободные и полноценные граждане! Ура! Мы вчера от радости просто не знали, что делать! <...> Сегодня зовем гостей и устраиваем пир горой. <...> Теперь конечно Колюша сможет развернуться!». А в излюбленной Н.В. манере накладывая свои размашистые строки поверх текста Е.А. его рукой написано (буквально вопиет): «Ну и дела! А на бумаге — печать огромная, с блюдце. Надо бы повидаться! Обнимаю! Н.Тимофеев»¹.

Перебазирование лаборатории в Свердловск и Миассово затянулось на целое лето. С выдачей «чистых» паспортов начальство медлило. Николай Владимирович был занят сверх

¹ В своем письме к С.Т. Рихтеру я присоединила к цитатам из писем Е.А. еще и копию программки памятного для Тимофеевых концерта, который дал 7 июля 1945 года в актовом зале Буховского института Всеволод Владимирович Топилин (две прелюдии и две сонаты Шопена). Этого музыканта, попавшего в плен, нашедшего пристанище под тимофеевским кровом в Бухе, а потом брошенного в советский ГУЛАГ, Рихтер хорошо знал и по классу их общего учителя Г.Г. Нейгауза, и как концертмейстера Давида Ойстраха в довоенной Москве.

головой и изъяснялся в письмах кратко, но очень эмоционально: «Жизнь — „прекратительная“! (Выражение из рассказа Н.Лескова „Воительница“ — М.Р.) Перевозить лабораторию в два разных места, по таежным дорогам — тихий ужас!» Или: «От полнейшего кабака в делах с переездом — голова кругом идет!»

К осени Тимофеевы переехали в Свердловск, но пока не был сдан дом, жили в гостинице «Большой Урал». Одновременно с налаживанием лаборатории шла спешная подготовка к печати сборника работ биофизической лаборатории, доработка и вечернее их прочитывание с сотрудниками в гостиничном номере. «Мы могли бы, пожалуй, переехать,— замечает Елена Александровна,— но Колюша ни за что не хочет, т.к. это, конечно, незаконно». (Очень характерно для Николая Владимировича с его независимым нравом и вместе с тем дисциплинированным подчинением законопорядку.) 13 октября состоялся наконец переезд в квартиру на улицу Малышева. После этого Н.В. прочел еще много докладов, проведаль миассовскую биостанцию. В работе наступил небольшой передых и долгожданная Москва становилась уже реальностью. «Ну уж на той неделе мы обязательно выедем — иначе я психически заболею. Я до того жду Москву — и уж сколько времени!!!» — читаем в последнем в преддверии Москвы письме.

Долгожданное свидание состоялось 27 ноября 1955 года. Прибытие Тимофеевых в Москву на Казанский вокзал являло зрелище запоминающееся. Используя любимую присказку Николая Владимировича, можно сказать: «не факт, а истинное происшествие!» Поезд, замедляя ход, проплывал перед перроном. В пролете тамбура величаво выступали, заполнив собою все, светящиеся радостью Тимофеевы. Последовали объятия, раздались громкие поцелуи. Посреди узкой платформы образовалась пробка, и из ее эпицентра в мокрую ноябрьскую хмарь выплескивались громкие, в прежнем колюшином стиле шутки. Минувших тридцати лет как не бывало! От приехавших исходила невиданная жизненность, распрямляющая энергия.

Так Тимофеевы стали «вращать» в родную им Москву и вообще в «большую землю». С их приездом во многих московских домах, в том числе и в нашем, началась совершенно новая эпоха. Она растянулась на целые двадцать пять лет и

¹ См. примечание к письму от 26.III.55.

заслуживает самостоятельного рассказа. Здесь же я попыталась отразить, по преимуществу, то, чему сама не была свидетелем, но что вобрала из рассказов домашних, из письменных документов, хранящихся у меня дома.

1991–2000 гг.

Лёлька и Колюша

С легкой руки Даниила Александровича Градина вошло в широкий обиход слово «Зубр», вынесенное им в название своей повести о Тимофееве-Ресовском, хотя при жизни Николая Владимировича никто его так не называл. Случилось же это вот как. Приехав к нам домой с рукописью повести, Даниил Александрович рассматривал висящий на стене большой портрет Николая Владимировича кисти художника Рубена Габриэляна и заинтересовался композицией картины. А на ней, кроме ясной фигуры Николая Владимировича в полупрофиль справа, изображены: (вверху) небольшой фотопортрет Нильса Бора и (внизу) стоящий на столе массивный чугунный зубр каслинского литья. Об изображении на картине портрета Нильса Бора просил художника сам Николай Владимирович: «Ты уж, Рубен, расстарайся, чтобы Нильсушка обязательно присутствовал». И выполнить это желание Рубену было нетрудно, так как в многоярусном интернациональном научном «иконостасе» в кабинете Николая Владимировича на биостанции Миассово, где писался портрет, фотография Бора, одного из наиболее чтимых и любимых Николаем Владимировичем ученых мужей, занимала весьма почетное место. Каслинский же зубр привлек внимание художника своей массивностью, чем хорошо уравновешивал крупную фигуру основного персонажа. Моя жена Татьяна Александровна назвала картину «три зубра» — зубр как

таковой, «зубр» физики XX века Нильс Бор и «зубр» отечественной генетики и биологии Тимофеев-Ресовский. После того, как повесть Д.А.Гранина под таким названием появилась сначала в «Новом мире», а потом в виде книг на нескольких языках в разных странах, вызвав широкий отклик не только литературной критики, но и обсуждение реальной судьбы героя, слово «зубр» стало почти нарицательным, приобретая смысловые оттенки то мощного и колоритного богатыря, то исчезающего зоологического вида. Инициатива Е.С.Саканян по посмертной реабилитации Н.В.Тимофеева-Ресовского и появление трех ее фильмов: «Рядом с Зубром», «Охота на Зубра», «Герои и предатели» еще усилили общественный интерес к Тимофееву-Зубру, при этом фамилию героя стали часто просто опускать. Например, в 1992 году я готовил статью для строго академичного журнала «Вестник Российской Академии наук» о научных работах Н.В.Тимофеева-Ресовского по охране природы. Мне казалось, что всякий беллетристический оттенок в подобном журнале неуместен, но редакция предложила (и опубликовала) мой материал под названием «Природоохранные идеи Зубра», и без подзаголовка.

Сами Елена Александровна и Николай Владимирович Тимофеевы-Ресовские при неформальном общении называли друг друга со времен первого знакомства в студенческие годы и до конца своих дней: он ее — Лёлька (иногда Лёля), она его — Колюша (так называется и очерк о нем их друга, художника О.А.Цингера). Так же называли их и другие друзья, близкие им по возрасту. Среди сотрудников и друзей помоложе они фигурировали сначала как тетя Лёля и дядя Колюша, а позже стали бабой Лёлей и Дедом.

* * *

Сегодня, когда имя Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, выдающегося русского ученого, ровесника XX века на слуху, и не только в научных кругах, а 100-летие со дня его рождения включено ЮНЕСКО в список знаменательных дат года, гораздо менее известно, что Елена Александровна более полувека была его верным другом, спутницей, сотрудницей, добрым гением и ангелом-хранителем. При этом Елена Алек-

сандровна оставила большой след в науке не только как сотрудница Николая Владимировича, но и как самостоятельный ученый-генетик, эволюционист, гидробиолог, радиобиолог и др. (она внесла в копилку естествознания более 60-ти перво-классных исследований).

Научная работа занимала в жизни четы Тимофеевых доминирующее положение. Можно даже сказать, лишь слегка утрируя, что без научного аспекта их жизнеописание было бы очень далеким от оригинала. Чтобы восполнить этот пробел, в данном очерке основное внимание будет уделено именно их научной работе на фоне общих сведений об их жизни.

* * *

Елена Александровна Тимофеева-Ресовская родилась 21 июня 1898 года в Москве в большой старомосковской семье русско-германско-итальянского происхождения¹. Отец Елены Александровны — Александр Александрович Фидлер был известным московским педагогом, директором детского приюта.

После гимназии Елена Александровна окончила естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В студенческие годы под влиянием профессоров Н. К. Кольцова, С. С. Четверикова и С. Н. Скадовского определился основной круг ее научных интересов, в который вошли зоология беспозвоночных, экспериментальная биология, генетика, гидробиология с гидрофизиологией.

В круговерти вынужденных миграций в период гражданской войны какое-то время Елена Александровна была студенткой симферопольского Таврического университета, где состоялось ее знакомство с Владимиром Ивановичем Вернадским, тогда одним из руководителей этого университета, уже близким к завершению построения основ биогеохимии и учения о биосфере. Позже это знакомство нашло отражение в большом цикле приоритетных научных работ Николая Владимировича и Елены Александровны обозначенном ими как «опыты по экспериментальной радиационной биогеоценологии» (в разговорной версии — «вернадскология с сукачѣвским уклоном»).

¹ Подробнее см. очерк М. А. Реформатской «Юные годы ровесников века».

Позже за этим направлением естествознания закрепилось название «радиоэкология».

Вернувшись в Москву в ту же кольцовско-четвериковскую школу, Елена Александровна завершила университетское образование, активно включилась в начатые тогда С. С. Четвериковым исследования по прослеживанию путей от генов к признакам организма и стала тесно сотрудничать в этой области с Колюшей, одним из старших учеников Сергея Сергеевича, что привело к появлению целой серии научных публикаций, а также к венчанию в московском храме «Успения на Могильцах», рождению сыновей Дмитрия и Андрея (прозванных по мотивам городского фольклора тех лет Фомкой и Ерёмкой; причем по прихоти случая прозвище закрепилось только за старшим из братьев) и чуть более, чем полувековому (без добровольных разлук) образцовому супружескому союзу, который прервался со смертью Елены Александровны на первый день православной Пасхи 29 апреля 1973 г.

* * *

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский в автобиографической записке, которая не раз уже публиковалась полностью и по частям¹, сообщал о своих ранних годах следующее: «Родился в Москве 7 сентября 1900 года. Отец — Владимир Викторович Тимофеев-Ресовский (1850—1913), инженер путей сообщения. Мать — Надежда Николаевна, урожденная Всеволожская (1868—1928)².

Учился сперва в Киевской I Императорской Александровской гимназии (1911—1913), а затем в Московской Флёрвской гимназии (1914—1917), далее в Московском свободном университете имени Шанявского и в I Московском государственном университете (1917—1922).

Работал: преподавателем биологии на Пречистенском рабфаке в Москве (1920—1925), преподавателем зоологии на биотехническом факультете Московского Практического института (1922—1925), ассистентом при кафедре зоологии (проф.

¹ Например, см.: *Тимофеев-Ресовский Н. В.* Избранные труды. М., Медицина. 1996.

² Подробнее о семье см. очерк Т. В. Пишиковой «К истокам рода».

Н. К. Кольцов Московского медико-педологического института (1924–1925) и научным сотрудником Института экспериментальной биологии ГИНЗ (директор проф. Н. К. Кольцов, 1921–1925)».

Начало научной карьеры Николая Владимировича совпало с тяжелым временем гражданской войны. Спокойное течение академических занятий неоднократно прерывалось мобилизациями в Красную армию и подработками на хлеб насущный то преподаванием, то погрузочно-разгрузочными работами, более доходными и хлебными, чем научная работа и педагогика, вместе взятые. Тем более, что с 1922 года у него появились обязанности главы семьи. Однако все это не уменьшило настойчивости и увлеченности начинающего ученого, а работоспособности у него было с избытком.

Уже в 1923 году он стал полноправным участником зоологических и генетических работ в группе Н. К. Кольцова — С. С. Четверикова. В первой же своей публикации¹, посвященной изменчивости проявления жилкования крыльев у дрозофилы, Николай Владимирович ввел два фундаментальных понятия генетики: проявление и выражение генотипа, понимая под первым «самый факт проявления генотипа во внешних признаках», а под вторым — «форму и степень проявления данного генотипа у отдельных организмов». Эта статья стала стартом одного из основных направлений научной работы Николая Владимировича, которое он успешно развивал на протяжении всей жизни. Параллельно Н. В. и Е. А. Тимофеевы-Ресовские под началом С. С. Четверикова приступили к изучению генетики природных популяций дрозофил, что также вылилось в одно из главных направлений не только их научной работы, но и всей современной генетики — в учение о микроэволюции. Тогда же Н. В. Тимофеев-Ресовский совместно с Д. Д. Ромашовым дали ранний, правда не старт, а скорее «фальстарт», еще одному будущему направлению науки о наследственности — радиационной генетике: облучив выборку дрозофил из природной популяции, они, в отличие от всех своих (и чужих) последующих опытов такого рода, не обнаружили в потомстве облу-

¹ Тимофеев-Ресовский Н. В. О фенотипическом проявлении генотипа // Журнал экспериментальной биологии. 1925. Сер. А. Т. 1. С. 93–142.

ченных мух каких-либо генетических изменений. Позже авторы поняли, что они не сумели правильно спланировать наблюдения.

* * *

В 1925 году Тимофеевы-Ресовские по приглашению берлинского профессора нейроанатома Оскара Фогта участвовавшего в Москве в лечении В.И.Ленина, а позже в исследовании его мозга, и по рекомендации Н.К.Кольцова и наркома здравоохранения СССР Н.А.Семашко переехали в Германию, где проработали в Институте исследования мозга Общества содействия наукам имени кайзера Вильгельма (ныне — Общество Макса Планка, аналог нашей Академии наук) в Берлине и его пригороде Бухе до 1945 года. Возглавлявшийся Н.В.Тимофеевым-Ресовским научный коллектив, начав свое существование в статусе генетического отдела (*Genetische Abteilung*), перед войной стал называться Институтом биофизики и генетики, а нынче вырос в крупный авторитетный Центр молекулярной биологии имени Макса Дельбрюка (нобелевского лауреата, сотрудника Н.В.Тимофеева-Ресовского довоенных лет).

* * *

В Германии Николай Владимирович продолжил и развил научные работы во всех трех начатых еще в Москве направлениях. Его работа по изменчивости проявления генотипов сразу заинтересовала директора института профессора Фогта, увидевшего ее возможное приложение к классификации болезней человека. Уже в 1926 году в журнале «*Die Naturwissenschaften*» появилась их совместная публикация¹ на эту тему, в которой русские термины «проявление» и «выражение» были заменены латиногерманскими синонимами «*Penetranz*» (от лат. *penetrare* — проникать) и «*Expressivität*» (от лат. *expressus* — выразительный) с германизированными окончаниями. В такой версии с модификацией только суффиксов и окончаний применительно к

¹ *Timofeeff-Ressovsky N.W., Vogt O. Über idiosomatische Variationsgruppen und ihre Bedeutung für die Klassifikation der Krankheiten // Naturwissenschaften. 1926. Bd. 14. № 50, 51. S. 1188–1190.*

разным европейским языкам, они вошли в международную генетическую номенклатуру, в том числе вернулись в Россию как пенетрантность и экспрессивность в публикации Н. В. Тимофеева-Ресовского 1929 года¹.

Дальнейший экспериментальный и теоретический анализ этих характеристик изменчивости проявления генотипов привел их автора к выводу о генетической обусловленности самих этих характеристик, о взаимодействии генов в формировании признаков: «признак, даже просто менделирующий, подвергается воздействию многих генов, и обратно — отдельный ген обладает множественным действием. Это создает представление о целостном действии генотипа и о воздействии наследственной конституции на проявление и выражение отдельного гена». Так было положено начало современным представлениям о системной регуляции фенотипического проявления генотипа.

За этими первыми работами последовал каскад исследований о гетерогенных группах генов, контролирующих одни и те же признаки, о специфичности проявления генов, о влиянии на этот процесс температуры среды, о зависимости жизнеспособности отдельных мутаций и их комбинаций от генетических, внутриорганизменных и внешнесредовых факторов и т.д. Распространение принципа системной регуляции с отдельных фенотипических признаков на индивидуальное развитие организмов в целом позволяло приблизиться к ключевой проблеме онтогенеза: каким образом достигается удивительная стройность многокомпонентного и многофакторного процесса роста и развития многоклеточных организмов, так что в полужидкой субстанции живой протоплазмы лишь при незначительных «шумовых возмущениях», то есть с высокой точностью и надежностью в *должное* время и в *должном* месте случается *должное*.

В исследованиях по проявлению генов участвовала и Елена Александровна. Первая (к тому же сразу большая — 25 журнальных страниц) ее научная публикация² 1926 года была по-

¹ Тимофеев-Ресовский Н. В. Обратные и соматические геновариации определенного гена в противоположных направлениях под действием рентгеновых лучей // Журнал экспериментальной биологии. 1929. Сер. А. Т. 5. С. 25—31.

² Timofeeff-Ressovsky H. A., Timofeeff-Ressovsky N. W. Über das Phänotypische Manifestierung des Genotyps. II. Über idio-somatische Va-

священа изменчивости фенотипических проявлений наследственных признаков у *Drosophila funebris*. Тогда (да и позже) этот вид дрозофилы редко становился объектом генетических исследований, поэтому публикации Е. А. Тимофеевой-Ресовской по генетическим аномалиям полового развития, по детальному анализу открытой ею мутации *Polyphaen* и по вариации проявлений ряда мутаций, были приоритетными в то давнее время и сохраняют научное значение и до сих пор. Одновременно Елена Александровна выполнила и опубликовала несколько работ по изменчивости признаков в популяциях божьей коровки *Epilachna chrysomelina*.

Позже в Обнинске Тимофеевы-Ресовские еще раз вернулись к проблеме проявления генов в индивидуальном развитии организмов, на этот раз вместе со своими учениками и сотрудниками тех лет В. И. Ивановым, Е. К. Гинтером и другими¹. Тогда, в середине 60-х, эти работы вошли в большой цикл лекций и публикаций уцелевших генетиков старших поколений по основным разделам генетики, по которым осваивало эту науку молодое ее пополнение.

* * *

Параллельно с исследованиями проявления генов Тимофеевы-Ресовские в Германии продолжили работы по генетике и эволюции популяций. В 1927 году они опубликовали первую статью², посвященную генетическому анализу свободноживущей популяции *Drosophila melanogaster* из южной части Берлина. Они установили, что в природной популяции, как и в лабораторных культурах, присутствует в скрытом виде большое количество мутаций. Это наблюдение подтвердило ранее сделанный С. С. Четвериковым вывод о высокой генетической ге-

riationsgruppen bei *Drosophila funebris* // W. Roux' Arch. f. Entwicklungsmech. d. Organismen. 1926. Bd. 108. Hft. 1. S. 146–170.

¹ Например, см.: Тимофеев-Ресовский Н. В., Гинтер Е. К., Иванов В. И. О некоторых проблемах и задачах феногенетики // Проблемы экспериментальной биологии. М., 1977. С. 186–195.

² Timofeeff-Ressovsky H. A., Timofeeff-Ressovsky N. W. Genetische Analyse einer freilebenden *Drosophila melanogaster*-Population // W. Roux' Arch. f. Entwicklungsmech. d. Organismen. 1927. Bd. 109. Hft. 1. S. 70–109.

терогенности природных популяций. За первой работой последовали другие: по географической изменчивости популяций, по относительной жизнеспособности разных генотипов в популяциях и генетическому полиморфизму последних, по радиационной генетике популяций и др. Особое место по своей оригинальности и обстоятельности занимает в истории популяционной и эволюционной генетики серия из трех их публикаций 1940 года: 1) по распределению особей (во времени и пространстве) в популяциях разных видов дрозофилы, 2) по «областям активности» особей из популяций *Drosophila funebris* и *Drosophila melanogaster* и 3) по динамике численности популяций¹. Эти фундаментальные работы включены в уже цитированное выше посмертное издание избранных трудов Н. В. Тимофеева-Ресовского, вышедшее в 1996 году.

Кульминационным моментом популяционно-генетических работ Н. В. Тимофеева-Ресовского стали его публикации 1939–1941 годов, в которых (с каждым сообщением все четче) изложены генетические основы эволюционного процесса. Позже эти работы стали объединять общим названием «учение о микроэволюции». В отечественной литературе суть этого учения дана Н. В. Тимофеевым-Ресовским в 1958 году в классической статье «Микроэволюция», опубликованной В. Н. Сукачёвым в «Ботаническом журнале»². По определению Н. В. Тимофеева-Ресовского элементарными объектами процесса микроэволюции (видообразования) являются популяции, а элементарным эволюционным событием — изменение их генотипического состава. Материалом для последнего служат мутации, появление

¹ *Timofeeff-Ressovsky N. W., Timofeeff-Ressovsky H. A. Populationsgenetische Versuche an Drosophila. Teil 1. Zeitliche und Raumlische Verteilung der Individuen einiger Drosophila-Arten über die Gelände // Z. ind. Abst. Vererb. 1940. Bd. 79. Hft. 1. S. 28–34.*

Timofeeff-Ressovsky N. W., Timofeeff-Ressovsky H. A. Populationsgenetische Versuche an Drosophila. Teil 2. Actionsbereiche von Drosophila funebris und Drosophila melanogaster // Z. ind. Abst. Vererb. 1940. Bd. 79. Hft. 1. S. 35–43.

Timofeeff-Ressovsky N. W., Timofeeff-Ressovsky H. A. Populationsgenetische Versuche an Drosophila. Teil 3. Quantitative Untersuchungen an einigen Drosophila-Populationen // Z. ind. Abst. Vererb. 1940. Bd. 79. Hft. 1. S. 44–49.

² *Тимофеев-Ресовский Н. В. Микроэволюция. Элементарные явления, материал и факторы микроэволюционного процесса // Бот. журн. 1958. Т. 436. № 3. С. 317–336.*

и судьба которых в популяциях определяются комбинированным воздействием таких факторов как мутационный процесс, колебания численности популяций, изоляция, миграции и отбор по приспособленности.

Анализ Тимофеевым-Ресовским микроэволюционного процесса интересен еще в одном отношении: в нем ярко проявилась методология его научных построений. В подлежащем рассмотрению природном явлении строго вычленяются: 1) его элементарная материальная основа, 2) основные факторы, воздействие которых на элементарный материал составляет механизм явления, 3) основные условия, определяющие течение процесса, и наконец, 4) элементарные события, представляющие собой результат воздействия комплекса факторов на элементарный материал в конкретных природно-исторических условиях. Николай Владимирович говорил, что такой методологический подход сложился у него под влиянием копенгагенских коллоквиумов Нильса Бора, в которых он участвовал в предвоенные годы. Наверное, так оно и было. К этому следует добавить только, что общетеоретические подходы физиков нашли в его лице чрезвычайно чуткого и восприимчивого реципиента.

В последние годы жизни Н.В.Тимофеев-Ресовский вернулся к проблемам эволюционной теории и популяционной биологии и дал их новое развернутое изложение в двух книгах, написанных одна совместно с Н.Н.Воронцовым и А.В.Яблоковым¹, а другая совместно с А.В.Яблоковым и Н.В.Готовым², обе изданы в Москве и в Йене.

* * *

Неудачно начав радиационно-генетические эксперименты, Николай Владимирович не утратил интерес к мутационным исследованиям. Уже в 1925 году он опубликовал свои наблюдения по спонтанному возникновению мутаций в культурах дрожжей, а в 1928-м опыты (на этот раз успешные) по получению

¹ Тимофеев-Ресовский Н.В., Воронцов Н.Н., Яблоков А.В. Краткий очерк теории эволюции. М., 1978.

² Тимофеев-Ресовский Н.В., Яблоков А.В., Готов Н.В. Очерк учения о популяции. М., 1973.

мутаций с помощью облучения. Елена Александровна также была одной из первых, кто вслед за докладом Г. Мёллера на V Международном генетическом конгрессе в 1927 году в Берлине опубликовал данные о генетических эффектах рентгеновского облучения (три публикации 1930 года). За сим последовали их общие и отдельные публикации, посвященные разным аспектам спонтанного и радиационно-индуцированного мутационного процесса.

Примерно в это же время началось сотрудничество Николая Владимировича в области радиационной генетики и биофизики с германскими физиками. Особенно продуктивным оно было с видным физиком-экспериментатором, дозиметристом К. Г. Циммером (после войны — сотрудником Н. В. на «атомном объекте» МВД в Сунгуле на Южном Урале, а позже — директором радиобиологического центра в Карлсруэ, ФРГ) и молодым тогда физиком-теоретиком М. Дельбрюком (еще до войны он выехал в США по рокфеллеровской стипендии, остался там и продолжал биофизические исследования, а в 1969 году совместно с А. Херши и С. Луриа получил Нобелевскую премию по физиологии и медицине за исследования структуры и размножения вирусов). За короткий срок Тимофеев-Ресовский, Циммер и Дельбрюк детально изучили количественные зависимости частоты мутаций от дозы облучения, мощности дозы и ее распределения во времени, качества излучения, включая пионерские опыты с нейтронами. Результаты этих работ широко публиковались в Европе и США и принесли авторам известность мировых лидеров в радиационной генетике и биофизике.

Исключительное значение имела их совместная работа, вышедшая в 1935 году в известиях Гёттингенского научного общества под названием «О природе генных мутаций и структуре гена»¹. Среди коллег эта статья была известна как «Drei Menschen Werk» или «Grünes Pamphlet». Она — образец продуктивной кооперации трех взаимодополняющих друг друга исследователей: К. Г. Циммер обеспечивал точную дозиметрию разных видов излучений, М. Дельбрюк разрабатывал изящные

¹ *Timofeeff-Ressovsky N. W., Zimmer K. G. Delbruck M. Über die Natur der Genmutation und der Genstruktur // Nachr. Gess. Göttingen. 6. N. F. Bd. 1. № 13. S. 189–245.*

математические решения задач о микрогеометрии взаимодействия излучений с биосубстратом, а Н. В. Тимофеев-Ресовский был душой всего дела, исполнителем всех генетических экспериментов, к тому же привнес в исследование представления своего учителя Н. К. Кольцова о «наследственных молекулах»¹. В совокупности это привело не только к формулировке основ современной радиационной генетики, но и к определению (в «домолекулярно-генетические» времена!) вероятного размера отдельного гена — ген оказался структурой величиной примерно в 300 атомных радиусов, то есть макромолекулярных размеров. Спустя полвека один из ведущих специалистов по структуре макромолекул, нобелевский лауреат М. Перутц высказал мнение, что популяризация «зелёной тетради» в широких кругах естественников стала наиболее важным результатом публикации известной книги другого нобелевского лауреата Э. Шрёдингера «Что такое жизнь?»².

Развитие генетической, радиобиологической и биофизической линий продолжалось и в последующие годы. В 1947 году в Лейпциге, когда Н. В. Тимофеев-Ресовский и К. Г. Циммер уже работали на Южном Урале на объекте 0215 МВД СССР, вышла на немецком языке их совместная книга «Биофизика. Т. 1. Принцип попадания в биологию»³. Позже, уже в период жизни в Обнинске (1964—1981), Николай Владимирович с сотрудниками более позднего «отечественного набора» подготовил еще две книги, в которых подвел итог этим исследованиям: «Применение принципа попадания в радиобиологию»⁴ совместно с В. И. Ивановым и В. И. Корогодиным и «Введение в молекулярную радиобиологию»⁵ совместно с А. В. Савичем и М. И. Шальновым.

¹ Кольцов Н. К. Наследственные молекулы // Наука и жизнь. 1935. № 5, 6.

² Schrödinger E. What is life? Cambridge Univ. Press. 1944. В переводе на русский: Шрёдингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики. М., 1947.

³ Timofeeff-Ressovsky N. W., Zimmer K. G. Biophysik I. Das Terefferprinzip in der Biologie. Leipzig, 1947.

⁴ Тимофеев-Ресовский Н. В., Иванов В. И., Корогодин В. И. Применение принципа попадания в радиобиологии. М., 1968.

⁵ Тимофеев-Ресовский Н. В., Савич А. В., Шальнов М. И. Введение в молекулярную радиобиологию. Физико-химические основы. М., 1981.

* * *

Двадцать лет жизни и работы в Германии были для семьи Тимофеевых-Ресовских в общем благополучными: они были молоды, здоровы, счастливы в семье и работе, имели тесные научные и дружеские контакты с коллегами в России и других республиках СССР, в Германии, в разных странах Европы, Америки, Азии. Но...

Серьезные неприятности начались где-то с 1936—1937 годов. В Германии усиливался нацизм и некоторым друзьям Тимофеевых, иногда с их помощью, пришлось спешно покидать страну. В СССР нарастала волна репрессий, в которых среди многих погибли близкие родственники Елены Александровны и Николая Владимировича. Ему в 1937 г. было предложено вернуться в СССР. От такого шага его предостерег в письме Н. К. Кольцов. Затем начались вторая мировая и Великая Отечественная войны, и Тимофеевы практически стали заложниками. Хотя их личная жизнь осложнилась только необходимостью регулярных явок в полицию для очередных краткосрочных перерегистраций, всякие внегерманские контакты почти полностью прекратились. Правда, и в это время Николай Владимирович старался быть полезным своим коллегам, оказавшимся среди военнопленных или «остарбайтеров», добываясь их зачисления в свой отдел. Мало кто из них сейчас жив, но до конца своих дней они сохраняли благодарность к своему освободителю.

Самым большим личным переживанием Елены Александровны и Николая Владимировича той поры были арест и заключение в гитлеровский концентрационный лагерь (где он и погиб в самом конце войны) старшего сына Дмитрия. Эта трагедия оставила в душах родителей неизлечимую рану. Единственно, что позволяло сохранять свойственные им оптимизм и жизнерадостность, это никогда не угасавшая надежда, что бесследно сгинувший первенец непременно найдется и вернется к родителям. Дар Провидения, что достоверные сведения о гибели Дмитрия были получены уже после смерти его родителей.

* * *

В сентябре 1945 года исчез из Буха Николай Владимирович: за ним пришла машина советской администрации, чтобы отвезти его как «консультанта» в Берлин. Очутился же он значительно дальше — в Москве на Лубянке. В это трудное время Елену Александровну с сыном гимназистом Андреем поддержал профессор генетики берлинского университета Х.Нахтсхайм, предложивший ей место своего ассистента. К счастью, и «*via dolorosa*» Николая Владимировича после Лубянки—Бутырок—Карлага—дистрофии—пеллагры завершилась в 1947 году его переводом на уже упомянутую шарашку — засекреченный атомный объект 0215 МВД в Сунгуле Челябинской области, где ему во главе большого коллектива заключенных, пленных и вольнонаемных специалистов предстояло исследовать биологические последствия ядерных взрывов, радиации и радиоактивных загрязнений организмов животных, растений, человека, а также территорий и акваторий. Эти направления были для Николая Владимировича и Елены Александровны не в новинку: как говорилось выше, еще во время гражданской войны Елена Александровна общалась в Симферополе с В.И.Вернадским, а позже он неоднократно бывал гостем и собеседником семьи Тимофеевых в Берлине и Бухе. Так что его идеи и данные о ключевой роли живых организмов в миграции, концентрации и рассеянии химических элементов в биосфере Земли были ими восприняты в полной мере. И уже в начале 40-х годов Тимофеев-Ресовский со своими берлинскими сотрудниками начал эксперименты по прослеживанию радиоактивных веществ в живых организмах и среде их обитания.

Получив в Берлине собственноручное письмо-приглашение мужа, ставшего сотрудником Сунгульского почтового ящика, Елена Александровна, не колеблясь ни минуты, со всем скарбом, включая большую библиотеку Николая Владимировича, отправилась в дальний путь в заповедный горно-таежный уголок Южного Урала на берегу дивного озера Сунгуль, где им предстояло жить и работать до 1955 года.

Здесь за несколько лет ими был накоплен огромный бесценный материал о распределении естественных и искусственных радиоактивных элементов в тканях животных и растительных организмов, между основными живыми и косными компо-

нентами наземных, почвенных и пресноводных биогеоценозов (тогда этот термин В. Н. Сукачёва еще не был вытеснен позже возникшим термином «экосистемы») и по влиянию излучений и излучателей на отдельные организмы, их популяции и био-сообщества. В те годы все эти работы проходили под грифом «секретно» и оставались недоступными для научной общественности, хотя параллельно получаемые сходные результаты биологов из Лос-Аламоса уже публиковались открыто.

* * *

На волне рассекречивания в СССР (после 1953 года) данных радиобиологических исследований сунгульский отдел Н. В. Тимофеева-Ресовского был передан в Институт биологии Уральского филиала Академии наук СССР в Свердловске (ныне Екатеринбург). Биофизические, радиобиологические и радиационно-генетические исследования получили дальнейшее развитие. Одна из ключевых ролей в гидробиологической части этих исследований принадлежала Елене Александровне. Результаты радиогидробиологических исследований обобщены ею в капитальном труде «Распределение радиоизотопов по основным компонентам пресноводных водоемов»¹. О фундаментальном значении этого труда свидетельствует тот факт, что он в самое короткое время дважды вышел в США на английском языке.

Переезд Тимофеевых-Ресовских с секретного объекта в большой город, крупный промышленный и научно-технический центр, имел своим следствием также восстановление старых родственных и дружеских (московские семьи Залогиных, Курсановых, Реформатских) связей, появление новых знакомых и друзей в Свердловске, Москве, Ленинграде, Новосибирске и многих других городах России и СССР. Расширению круга научного и дружеского общения Тимофеевых-Ресовских много способствовали проводившиеся ими с 1957 года летние конференции с тематикой «от астрономии до гастрономии» на биостанции Миассово в Ильменском заповеднике, выделен-

¹ Тимофеева-Ресовская Е. А. Распределение радиоизотопов по основным компонентам пресноводных водоемов // Тр. Инст. биол. УФ АН СССР. Свердловск, 1963. Вып. 30.

ной Уральским филиалом АН СССР для тимофеевских опытов с радиоизотопами в лабораторных и природных условиях. Так зародилась устойчивая тимофеевская научная школа численностью свыше сотни участников. И если главой школы был, конечно, Николай Владимирович, то душой ее была Елена Александровна. Это она писала десятки и сотни писем, улаживала все шероховатости, служила буфером между слишком горячими головами, включая своего Колюшу, заступницей за обиженных и многое другое. Причем все это она, как всегда, делала с мягкой доброжелательностью и дружелюбием, не поступаясь, однако, истиной и справедливостью. Самым ругательским ее ругательством неизменно было — «ну совершенно невозможный господин!».

С переездом Тимофеевых в Свердловск связано и знакомство с ними автора данного очерка. В том же 1955 году, когда в Свердловск перебрались Тимофеевы-Ресовские, и я приехал в этот город, где поступил учиться на биологический факультет Уральского государственного университета, имея неблагоприятную анкету выходца из русской семьи, проживавшей в городе Харбине. Примерно через год основатель биофака и тогдашний его декан, теперь уже покойный профессор Григорий Васильевич Заблуда, в свое время отказавшийся принять в Московском университете кафедру физиологии растений не выдержавшего гнета репрессий и добровольно ушедшего из жизни профессора Дмитрия Анатольевича Сабинина, пригласил меня к себе в кабинет и обратился примерно с такими словами: «Владимир Ильич, (Григорий Васильевич всех называл по имени и отчеству) сейчас генетика в нашей стране находится в загоне, ее полностью подавило лысенковское „учение“, но неизбежно настанет день, когда необходимость генетической основы для развития всей биологии будет осознана и наступит ее возрождение. У нас в городе с недавних пор живет и работает один из крупнейших генетиков мира, у которого есть чему поучиться. Это — Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Но у него очень плохая биография — долгая жизнь в Германии, да еще в военные годы, потом ГУЛАГ. Ваша биография получше, но тоже с изъятиями, а ваши успехи в университете представляются мне обнадеживающими. Идите к Тимофееву, учитесь у него, а потом вместе будем возрождать гене-

тику в нашем университете». Я послушался доброго совета и стал учеником и Николая Владимировича и Елены Александровны. Вскоре мы сдружились семьями до самого конца их жизни и храним о них благодарную память по сей день.

В конце 50-х годов научный авторитет Н.В.Тимофеева-Ресовского среди ученых СССР был так велик, что его стали не только приглашать с лекциями в Ленинградский и Московский университеты и ведущие академические центры, с докладами на самые разнообразные конференции по всему СССР (Колюша без Лёльки почти никуда не ездил — ни в командировки, ни в отпуска), но и предлагали перебраться из Свердловска на постоянную работу в Новосибирский академгородок, Гатчинский и Пушкинский академические центры, строящийся Институт медицинской радиологии АМН СССР в Обнинске и в ряд других мест. После раздумий и колебаний, особенно со стороны Елены Александровны, поскольку в Свердловске оставался сын Андрей, патриот Урала и своего коллектива в Институте физики металлов, выбор остановился на Обнинске в родной для Николая Владимировича «Калуцкой губернии», куда Тимофеевы могли перебраться вместе с основной группой сотрудников.

* * *

В 1964 году состоялся переезд Тимофеевых-Ресовских на последнее на их полном странствий жизненном пути место жительства — «наукоград» Обнинск. Поначалу жизнь в Обнинске складывалась для Тимофеевых и нас, их сотрудников, совсем не плохо. Отдел, возглавляемый Николаем Владимировичем, имел хорошие возможности для работы. Компания сложилась интересная и продуктивно работающая. Елена Александровна, старше нас всех по возрасту, не побоялась начать совсем новые для нее опыты с тогда для всех новым объектом — «ботанической дрозофиллой», крестоцветным эфемерным растеньицем *Arabidopsis thaliana* (L.) Heynh. Энтузиазма и работоспособности нам было «не занимать статью», так что за 1966–1971 годы в СССР и за границей только с ее участием вышла дюжина публикаций по радиобиологии и радиационной генетике этого модельного объекта, теперь занимающего одно из ведущих мест в генетических исследовани-

ях во всем мире. Одним из первых расшифрован и геном арабидопсис.

В эти годы Николай Владимирович продолжал возглавлять исследования по нескольким направлениям: радиобиология и, особенно, радиационная генетика, генетика развития, экспериментальная и теоретическая биогеоценология, космическая биология, математическое моделирование биологических структур и процессов. Синтезом работ во всех этих направлениях была разработана им проблема, которую он считал теоретически и практически центральной в естествознании второй половины XX века, — «биосфера и человечество». При этом, опираясь на данные тех лет о продуктивности биосферы и уровнях ее антропогенных загрязнений, он оптимистически полагал, что при разумном хозяйствовании биосфера выдержит нагрузки, а человечество сможет преобразовать ее в ноосферу в смысле В. И. Вернадского.

* * *

Чета Тимофеевых-Ресовских всегда, в том числе и в обнинский период своей жизни, совмещала интенсивную научную работу с насыщенной общением частной жизнью. При этом дружеское общение в их кругу, отнюдь не аскетическое, всегда было богато содержательными разговорами на темы науки, искусства, литературы при минимальном обсуждении политических и бытовых вопросов. Квартира Тимофеевых на Солнечной улице (ныне улица Лейпунского) в Обнинске была центром притяжения нескончаемой череды местных и приезжих паломников, не считая званых вечеров, и Елене Александровне приходилось регулировать их потоки. При этом все беседы велись за неизменным чайным столом.

Такая идиллия продолжалась лет пять. В 1969 году Елена Александровна собралась на покой, а над головой Николая Владимировича по милости работников ЦК, Калужского обкома и Обнинского горкома КПСС снова начали сгущаться тучи политических обвинений. В итоге, чтобы не ставить под удар организатора и директора Института медицинской радиологии Георгия Артемьевича Зедгенидзе, всегда поддерживавшего Тимофеевых-Ресовских, вышел на покой и Николай Владимирович. Вскорости его пригласил Олег Георгиевич Газенко

в свой Институт медико-биологических проблем в качестве консультанта — в этом качестве Николай Владимирович и пребывал до конца жизни.

Однако уход Тимофеевых на покой был полусимволическим: они перестали ежедневно бывать на службе, но остались по-прежнему очень активными — до последнего дня жизни Елены Александровны. В тот день, как всегда на Пасху, Тимофеевы устроили парадный завтрак для своих друзей-учеников-сотрудников. Завтрак проходил в обычной оживленной обстановке с куличами, сырной пасхой, окороком, икрой, рыбными деликатесами и пр. Елена Александровна была весела и, пожалуй, несколько более обычного румяна. Конечно, она вспомнила и про Фомочку. После полудня, когда большинство гостей уже отбыло, Елене Александровне стало плохо и чем дальше, тем хуже. Вскоре ей уже никто не мог помочь, только Николай Владимирович прочел последнюю напутственную молитву. Так в первый день Православной Пасхи, когда по народному поверью доводится переселяться в мир иной только праведникам, ушла из жизни Елена Александровна Тимофеева-Ресовская — настоящий ученый и прекрасной души человек. Похоронена Е. А. Тимофеева-Ресовская на Обнинском городском кладбище. В ее память ежегодно в Фомино Воскресенье (первое после Пасхи) Николай Владимирович заказывал панихиды в Храме Троицы Живоначальной на Воробьевых горах в Москве. После богослужения его участники — родственники, друзья и дети друзей Тимофеевых — собирались на большое поминальное застолье на квартире Реформатских и Поспеловых.

Для Колюши уход Лёльки был тяжелейшим ударом. Между собой они установили другую очередность и время от времени обсуждали вопрос, как будет жить Лёлька, когда умрет Колюша, тем более, что тяжелые удары судьбы подорвали его богатырское здоровье. Провидение распорядилось иначе. Колюша же до конца дней считал уход Лёльки невозможной утратой, отвергал предлагаемую ему помощь по хозяйству от пожилых родственниц и давних подруг, делая некоторую скидку лишь племяннице Елены Александровны, тоже теперь покойной Татьяне Алексеевне Кисловской, и близко сдружившейся с ним одной из последних его сотрудниц Тамаре

Илларионовне Никишановой. Это не мешало ему общаться и азартно обсуждать научные вопросы с широким кругом своих учеников, друзей и коллег. Опасаясь, не упомянув, обидеть кого-либо, назову тем не менее имена нескольких наиболее запомнившихся мне коллег, сотрудничавших с Николаем Владимировичем в последние годы, перечислив их по алфавиту: Р.Р.Атаян, Л.А.Блюменфельд, Н.Н.Воронцов, О.Г.Газенко, Е.К.Гинтер, Н.В.Глотов, Н.Г.Горбушин, А.С.Зурабян, В.И.Иванов, В.И.Корогодин, А.В.Савич, Ю.М.Свирижев, А.Н.Тюрюканов, М.И.Шальнов, А.В.Яблоков, А.А.Ярилин.

Возраст и болезни брали свое. Николай Владимирович слабел, у него открывались все новые недуги. Летом 1980 года ему стало совсем тяжело, так что его сыну Андрею Николаевичу, верному другу и помощнику Николаю Григорьевичу Горбушину и автору этих строк пришлось поочередно, но постоянно находиться возле больного. Не признавая своих дней рождения, празднуя обычно только свои именины на зимнего Николая 19(6) декабря, в тот год Николай Владимирович пожелал видеть друзей у себя дома на свое восьмидесятилетие, и не 19 сентября, что соответствовало действительной дате, а 7 сентября (хотя родился он 7 сентября по старому стилю). На его восьмидесятилетии было много друзей из Обнинска, Москвы, Пущина и других мест. Праздник был с грустинкой, так как юбиляр с трудом преодолевал слабость и боли. Сохранились фотографии, сделанные С.Э.Шнолем, на которых Николай Владимирович поочередно снят с кем-то из гостей. Это напоминало обряд прощания. Да так оно и было. Уже на следующий день Николай Владимирович слег в больницу. Попытки врачей еще раз поднять его на ноги не увенчались успехом, и ранним утром 28 марта 1981 года Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, прочитав последние молитвы, в ясном сознании скончался на руках Н.Г.Горбушина. Ушел человек-эпоха, ровесник XX века, Зубр. Похоронен Колюша по его желанию рядом со своей верной Лёлькой.

Е. С. Саканян

Любовь и защита*

*Надев на локоть щит земного шара,
можно было спастись от ударов.*

Велимир Хлебников

В начале 60-х годов я училась на биологическом факультете Ереванского госуниверситета. Генетика у нас была еще лысенковская, и сначала целый семестр мы слушали веселую и яростную ругань по поводу трех недоумков — Вейсмана, Моргана и Менделя. Таким хитроумным способом мы получили своеобразное представление о классической генетике. А затем, когда мы должны были перейти к собственно «настоящей, лысенковской генетике», нам показали несколько пыльных муляжей мичуринских сортов, затем несколько невнятных общих фраз... и семестр закончился.

Экзамена по генетике я не помню, скорее всего, его не было. Зато, как веяние нового времени, появился новый термин и новый для нас предмет — «экология». Читали его нам, несколько смущаясь, и главным удивлением, конечно же, было понимание единства дома человечества, не зависящего от раздирающих его изнутри разных политических систем, и живущей по своим законам биосферы. Это звучало как крамола.

* При поддержке РГНФ; проект № 97-03-04373.

Вот на таком фоне, году в 1964-м, на нашем факультете появился профессор Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Шепотом рассказывали, что он крупнейший генетик, был репрессирован, сидел в лагере и сейчас заведует генетической лабораторией в научном городке в Обнинске. В Ереван его пригласили его армянские аспиранты, и на биофаке была объявлена лекция «О биосфере Земли». Актовый зал был переполнен. Мы ожидали увидеть изможденного лагерной жизнью старика, с тихим голосом, которому мы все сочувствовали бы, как вдруг оказались сражены громовым голосом мощного красавца в расцвете сил, излучавшего могучую энергию, оптимизм и свободу,— человека, взявшего в руки весь земной шар.

Рассматривая возможности нашего «шарика», он особое внимание обратил на океаны, и мы вместе с ним опускались с армянских гор на океанское дно и оценивали роль океана в будущем. Сухие, скучные цифры становились живыми действующими лицами биосферы, а когда звучало его громовое «в нашем обшир-р-рном отечестве», мы понимали, что отдаленные уголки отечества нашего он знает не понаслышке. Но испытывали не жалость, а напротив, веселую гордость за него.

Заряд энергии, излученный Тимофеевым, был столь велик, что дал мне «подъемную силу», и я вскоре перевелась из Ереванского университета на биофак МГУ. Окончив МГУ, я поступила в аспирантуру Института общей генетики, директором которого был главный генетик страны, академик Н.П.Дубинин. Но не закончив аспирантуры, я поступила во ВГИК и по окончании стала работать режиссером научно-популярного кино на киностудии «Центрнаучфильм».

«Генетика и мы»

Первый раз я сняла Тимофеева-Ресовского для фильма «Генетика и мы» в августе 1978 года на XIV Международном конгрессе по генетике в Москве. Конгресс открывался в Кремлевском Дворце съездов в знак официального признания генетики наукой. Организаторы очень нервничали, многие зарубежные участники конгресса отказались приехать из-за очередных международных осложнений, прессу пускали с трудом, нашей киносъёмочной группе отказали в аккредитации, и

попасть на конгресс нам удалось, попросту говоря, обманным путем.

Н. В. Тимофеев-Ресовский приехал из Обнинска и остановился в доме Н. Н. Воронцова. Елена Александровна к тому времени уже скончалась, а с опекавшей Тимофеева Т. И. Никишановой мы договорились о съемке.

В вестибюле Дворца съездов Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского мы увидели сразу. Он стоял один, внутри невидимого магического круга, через границу которого никто не смел переступить.

Как рассказал мне впоследствии ныне покойный генетик Кир Гринберг, накануне конгресса к ним в Институт медицинской генетики, а, стало быть, и в другие генетические институты, приходил человек из КГБ. Он в мягкой форме объяснил, что политическая ситуация и так непростая, а тут еще на конгрессе будет присутствовать профессор Н. В. Тимофеев-Ресовский с еще более непростой биографией. Многие зарубежные генетики его знают и хотели бы его видеть, так что «нашим» рекомендуется не демонстрировать Тимофееву особых знаков внимания.

...У Тимофеева обмякли и обвисли щеки, он никого не искал, не рассматривал генетиков, очерчивающих вокруг него невидимую границу. Казалось, он вообще не понимал, зачем его сюда привели. И только неунывающая и улыбающаяся Никишанова сновала туда и обратно, пытаясь кого-нибудь затащить в этот круг. Увы, все ее попытки были тщетны. Оператор Женя Потиевский, державший наготове кинокамеру, устал и снял ее с плеча.

И вдруг, о чудо, в «клетку» к Тимофееву входит невысокий худощавый старик, почтительно обнимается с ним и целуется. Оператор мгновенно вскидывает камеру, а стены невидимой клетки уже рухнули — и к Тимофееву не протолкнуться. И вдруг оказалось, что этот посторонний и никому не нужный величественный старик всем знаком, нужен, любим и дорог. Эту метаморфозу произвел скромный человек, профессор зоологии В. В. Алпатов.

Тимофеев преобразился, его могучий голос перекрывает шум толпы, к нему кинулись все иностранцы, он — патриарх. Но вот Н. Н. Воронцов уводит Тимофеева, и Женя снимает их

«проход» сквозь толпу¹. Вечером был банкет, с красочного описания которого начинается «Зубр» Даниила Гранина.

На следующий день я высказала Тимофееву свое неодобрительное отношение как к организации конгресса, так и к поведению некоторых ученых. Изливая на меня потоки энергии, Тимофеев-Ресовский ответил своим знаменитым: «нужно уметь отличать существенное от несущественного». Существенным в данном случае, было то, что конгресс все-таки состоялся и несмотря ни на что открыт Институт медицинской генетики, в котором много «порядочных людей», а, как известно, в нашей жизни «как всегда все упирается в нехватку порядочных людей».

Мы договорились о съемке Н. В. на следующий день. А вечером этого же дня в клубной части МГУ делала доклад А. А. Прокофьева-Бельговская, и представлять ее должен был Тимофеев-Ресовский. В зале собрался цвет мировой генетики, и все ждали этого необычного выхода. И вот действие началось. Н. В. церемонно и слегка лукаво вывел на сцену хрупкую и еще очень красивую женщину. И пока он вел Александру Алексеевну по сцене и галантно целовал ей ручку, кое-кто вспомнил, что когда-то из-за этой прекрасной дамы была дуэль между Опариним и Бельговским и красавица предпочла Бельговского, а Опарин с горя придумал теорию происхождения жизни на Земле.

А сейчас Александра Алексеевна, обрамленная Тимофеевым-Ресовским, делала доклад о бессмертной нити DNA², связывающей не только поколения, но и все живое на Земле. Н. В. остроумными замечаниями украшал вдохновенную речь Александры Алексеевны. Этот прекрасный дуэт стал подлинным событием, что и было прочувствовано всеми участниками собрания.

На следующий день мы собирались снимать Николая Владимировича в доме Воронцова. Однако, как выяснилось, в этот день на одной из секций конгресса должен был состояться доклад В. П. Эфроимсона о генетических механизмах гениальности. Владимир Павлович очень нервничал и требовал, чтобы мы обязательно зафиксировали его выступление.

¹ Этот «проход» впоследствии стал стержнем фильма «Рядом с Зубром».

² DNA (анг.) — ДНК.

Я позвонила Никишановой и, объяснив ситуацию, предложила перенести съемку Н.В. на один день. Но, к сожалению, это оказалось невозможно, так как Тимофееву нужно было вернуться в Обнинск. Но почему? Ведь конгресс еще не закончился! Одни мне говорили, что Тимофеев-Ресовский не имел права находиться в Москве более трех дней, другие — что все это «враки». Ничего путного не вышло и со съемками Эфроимсона: получился не доклад, а скандал. Но неприятный осадок от несостоявшейся съемки Н.В. остался, и я дала себе слово снять его в следующем фильме.

«Кто разбудит аксолотля?»

В 1979 году я написала сценарий полнометражного фильма об эволюции «Кто разбудит аксолотля?», в котором заключительный эпизод был предоставлен размышлениям Тимофеева-Ресовского об эволюции. Сценарий должен был быть утвержден художественным советом студии. Он состоял из 20–25 членов, среди которых был главный редактор журнала «Человек и закон».

Сценарий, естественно, вызвал чувство брезгливого раздражения своей непонятностью, дискуссионностью и неоднозначностью. Но тут взял слово «Человек и закон». И прокурорским тоном заявил, что совершенно недопустимо, чтобы одним из героев фильма стал «фашист», генетик Тимофеев-Ресовский, который работал у Гитлера, был осужден, и его фамилия включена в список людей, чье изображение никогда и нигде не может публиковаться, тем более в кинофильмах.

Слава Богу, у меня хватило ума промолчать насчет фильма «Генетика и мы», где Тимофеев представлен на конгрессе одним из крупнейших генетиков мира, и что фильм награжден многими премиями, в том числе и премией Ленинского комсомола. Но самым потрясающим было то, что промолчала не только я, промолчали все! По-видимому, шок был столь велик, что каждому показалось, что он не так понял, ослышался насчет «фашиста» и «Гитлера». Слишком уж это было фантастично, чтобы на нашей Центральной студии, где всегда выполнялся план по Лениниане для всего Госкино, вдруг была бы возможна подобная контра. Я получила в письменном виде

несколько пунктов замечаний, в которых Тимофеев-Ресовский не значился, и фильм можно было снимать.

Снимали мы Н. В. 13 мая 1980 года, в день, когда в одной из аудиторий биофака МГУ скромно отмечали столетие его учителя Сергея Сергеевича Четверикова. После юбилейного заседания Никишанова привела Н. В. и приехавшую на юбилей учителя из Усть-Каменогорска Елизавету Ивановну Балкашину в один из кабинетов кафедры генетики. В качестве бутафории на стол поставили древние сушки и холодный спитой чай. И вдруг, о ужас, Тимофеев взял сушку, размочил ее в чае и стал есть!

Бутафория ожила, а Тимофеев стал сердито выговаривать по поводу юбилея: «Отмечать столетие великого ученого в таком убожестве!» И начал выстраивать перед нами виртуальный иконостас из крупных и гениальных ученых, четко определяя каждому место. И казалось, что он мучительно и строго думал о своем месте, пытаясь определить его в этом иконостасе.

Жизнь подходила к концу, и это чувствовалось во всем. Я заговорила с ним об идее «спящих генов» из недавно переведенной у нас книги американского генетика Сусуму Оно, но он равнодушно заметил, что это старая идея Кольцова, и заговорил о биологии развития.

«...Вот это и есть та самая биология развития, которую никто не понимает. Думал, что понимал Кольцов, перед смертью уже не понимал. Покойный друг мой, Астауров, думал, что понимал, — перед смертью мы говорили с ним (смеется) и пришли к выводу, что ничего мы не понимаем! Когда-то Лиля (жест в сторону Балкашиной) думала, что понимает что-то в этой самой аристократии¹, а сейчас вот, волосья хоть и сохранились, но цветом изменились, белые стали. И теперь она не понимает, отчего у этих мух усики превратились в ноги! (смеется). Сейчас особенно принято думать, что науки что-то объясняют, что науки и есть, так сказать, человеческие знания. Науки и знания — вещи очень разные, вообще-то говоря, по совести, и никаких действительных знаний наука не дает... И к этому выводу в конце жизни приходили все крупнейшие ученые...»

В сентябре Тимофеев-Ресовский лег в больницу на операцию...

¹ Е. И. Балкашина в середине 20-х гг. открыла и исследовала мутацию дрозофилы «aristopedia».

Эпизод с Тимофеевым был включен в фильм. Фильм надо было сдать художественному совету студии, а там нас поджидал «Человек и закон» в лице его главного редактора!

И вдруг — чудо! За неделю до сдачи фильма наш строгий обвинитель оказался под судом за какую-то растрату, и, естественно, был исключен из состава художественного совета. Таким образом, про то, что Тимофеев в «черных списках», никто из худсовета не вспомнил. Но зато все редакторы ополчились на самого Н. В.: «Что это за ученый, о чем он говорит, дискредитирует науку, еще и над старушкой издевается!»

Словом, фильм не приняли, требуя удалить неприличного Тимофеева-Ресовского.

Был март 1981 года. Тимофеев лежал в больнице. А ко мне в монтажную каждый день заходил директор студии В. Н. Рябинский и требовал выкинуть Тимофеева из фильма.

Конец марта — это конец квартала. Администрация студии должна получить священную прогрессивку (квартальную премию). А я, не сдав фильма, лишаю их этой прогрессивки. Две недели шла война нервов. Директор студии выкидывал Тимофеева из фильма, а я затем вставляла. Он выкидывал, а я вставляла.

Наконец, это было уже 27 марта, последний срок, фильм надо сдавать в Госкино. Директор, применив власть, категорически требует выкинуть Тимофеева. Но 28-го рано утром звонят моему мужу, В. В. Бабкову¹, из Обнинска и сообщают, что Н. В. скончался. За пять дней до этого пришло известие, что в Усть-Каменогорске умерла Елизавета Ивановна Балкашина.

Я еду на студию, иду к директору и говорю, что сегодня скончался Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, великий русский ученый. И в моем фильме единственные, снятые на кинолентку его предсмертные мысли². Этот матери-

¹ Генетик-популяционист и историк науки, автор книги «Московская школа эволюционной генетики» (М., 1985), где дан анализ работ школы Кольцова-Четверикова, к которой принадлежали Е. А. и Н. В. Тимофеевы-Ресовские, Е. И. Балкашина и другие.

² Впоследствии выяснилось, что в конце 60-х гг. на студии «Центрнаучфильм» снимался учебный фильм о биофизике (режиссер Ф. Фролов). Однако после съемки Н. В. Тимофеева-Ресовского фильм был закрыт; вскоре режиссер эмигрировал. Поиски отснятого киноматериала привели в Пушкино, к С. Э. Шнолю. Он передал нам сохранившийся у него позитив и фонограмму (негатив,

ал — исторический, никто не имеет права брать на себя ответственность выбрасывать его из истории.

Валерий Николаевич как-то очень быстро согласился. Вот так, «смертию смерть поправ», фильм «Кто разбудит аксолотля?» был принят.

Материал, не вошедший в фильм, я забрала домой.

* * *

Атмосфера в стране становилась все более удушливой. Как вдруг, внезапно, на нас обрушилась никем не предвиденная, спущенная сверху перестройка. Появился Горбачев, мы стали смотреть телевизор, стали говорить о лучшей жизни, наверху снимали старых партийных начальников и назначили новых, и где-то в середине апреля 1986 года Горбачев объявил, что перестройка закончена, теперь пора работать с ускорением.

Но тут 26 апреля грянул Чернобыль, Горбачев исчез с экранов ТВ, 1 мая в Киеве первомайская демонстрация надышалась радиоактивным воздухом, и, наконец, шведы сообщили о масштабах аварии. Горбачев «вынырнул» месяц спустя и объявил, что одним только ускорением, без гласности, невозможно наладить нашу социалистическую экономику.

Оправившись слегка от Чернобыля, народ получил цель. И мы вступили в эпоху «гласности». Горбачев позвал к себе главных редакторов ведущих журналов и предложил им опубликовать то, что раньше публиковать было нельзя. То есть писалось «в стол». И мы получили известную литературу эпохи «гласности»; первым среди новых романов был «Зубр» Д. А. Гранина.

Трудно передать то чувство восторга, почти детского счастья, что Тимофеев-Ресовский узнаваем и теперь его полюбят миллионы людей.

Со Свердловской киностудии мне позвонил сценарист Борис Евсеев и спросил, буду ли я снимать фильм о Зубре. Я ответила, что нет, и могу отдать хранящуюся семь лет в нашем платяном шкафу коробку с кадрами Н. В., не вошедшими в

к сожалению, пропал). Кроме того, у Ю. Д. Абатурова, Ю. Ф. Богданова, Ю. А. Виноградова и С. И. Цитовича сохранился любительский материал, снятый на 8-мм кинокамеру.

мои фильмы. Дело в том, что уже несколько лет я готовилась к фильму о гениальном поэте и ученом Велимире Хлебникове. Фильм этот стоял в плане студии, и весной 1987 года я должна была приступить к съемкам. Но когда я вытащила из шкафа коробку с пленкой, взяла наугад один из кадров и посмотрела на свет, на меня глянул Н. В., и я узнала этот кадр, когда совершенно неожиданно, оборвав нашу беседу о науке, изменившись в лице, очень трагично, он вдруг заговорил о смысле жизни. Оператор успел включить камеру:

«...И главное, в церквах Божиих диаконами почти на каждой службе в ектеньи ответ дается: смысл жизни в непостыдной смерти, чтобы, когда вы будете помирать, вам не стыдно было помирать в качестве какой-нибудь сволочи, или черт знает чего, а в качестве человека, прожившего нормальную и более или менее доброкачественную жизнь, которую не он сам себе дал... Почему я родился? Не знаю, ежели вы меня спросите, не знаю... Родители меня родили, я вот такой, а не другой. Но знаю, что целью моей жизни всегда было и есть, вот, чтобы не очень совестно было помирать, когда смерть придет. Так? Я думаю, и вам надо прожить так, чтоб было не совестно, когда ваша смерть придет. И в этом цель жизни».

И вот семь лет спустя, вновь услышав эти слова, я поняла, что не имею права отдать Тимофеева в чьи-либо руки. И сообщила в Свердловск, что фильм о Тимофееве буду делать сама. Борис Евсеев отнесся к этому, как сейчас говорят, с пониманием.

В плане нашей студии удалось заменить много лет пробиравший 30-минутный фильм о Велимире Хлебникове на фильм о Тимофееве-Ресовском. А тридцать минут превратились в четырехчасовую кинотрилогию о Зубре. Делались фильмы с мая 1987 года по март 1991 года.

• *«Рядом с Зубром»*

Первый фильм, «Рядом с Зубром», делался в светлое время, когда казалось, вытащим из темных углов все мерзости и пакости, затаившиеся там, покажем их, покаявшись, миру, оплачем и воздадим должное героям, не дожившим до этого светлого времени, и будем строить новую жизнь.

В ЦДЛ был объявлен вечер, посвященный истории нашей генетики в связи с «перестроечными» романами — «Белые одежды» Дудинцева, «Повесть об отце» Амлинского и «Зубр» Гранина. Пришли все дожившие до этого дня поруганные генетики. Впервые можно было говорить, особенно не боясь, во весь голос. Приоткрыли щелочку и казалось: сейчас рванет. Выступали замечательные светлые люди.

Свистящий шепот В. П. Эфроимсона: «У нас с вами один общий враг — номенклатура». Крик: «Куй железо, пока Горбачев!»

Ю. И. Полянский: «Никогда мы не простим Сталину убийство Вавилова. Это был гениальный человек!» Зал на мгновение замер — и сорвался в шквал аплодисментов. Выкрики, многие плачут.

Спокойный голос В. С. Кирпичникова: «Николай Владимирович вернуться не мог. Как и его братья, он был бы немедленно арестован. А между тем в Германии ему удалось спасти многих людей и сделать очень многое в науке, благодаря чему он и стал академиком шести академий мира, кроме Академии наук Советского Союза...»

Запись этого вечера звукооператор Н. Рогинская унесла к себе домой, и ей казалось, что всю дорогу ее преследуют двое.

Был май, весело гремели грозы, аккомпанируя нашему настроению.

* * *

Мы дергали то за одну, то за другую ниточку, прислушиваясь к гармонии будущего фильма. Я думала, что это должен быть фильм не столько о самом Тимофееве (ведь Гранин уже написал книгу), сколько о тех, кто был с ним рядом, еще пока не высвеченных участниках трагической истории генетики. Успеть снять, пока живы. Сценарий фильма так и был назван: «Рядом с Зубром». Во время встречи Гранина с сотрудниками Института медицинской генетики мы с ним познакомились, и он дал «добро». Там же познакомилась я и с замечательной М. А. Реформатской, верным другом семьи Тимофеевых-Ресовских. Все четыре года работы над кинотрилогией она была и нашим верным другом, критиком и советчиком. Мария

Александровна связала нас с сотрудником научной библиотеки МГУ М. В. Радзишевской, которая вместе с В. Д. Дувакиным в течение пяти лет ездила к Тимофееву в Обнинск. Там они записывали его рассказы на магнитофонную пленку.

Прослушиваем пленки, отбираем тексты, договариваемся о реставрации звука на фирме «Мелодия».

Едем в Пушкино, к С. Э. Шнолю, у которого также есть кассеты с записью разговоров с Тимофеевым. Симон Эльевич сперва отказывает, но я очень настойчива, и он нехотя приглашает к себе домой: послушать некоторые записи. Мы с директором фильма Л. Вяжлинской отправляемся к Шнолю. Он на минутку выходит за кассетами, а в комнату входит соседка и говорит мне: «Выйдите на балкон и посмотрите на небо».

Я выхожу на узенький балкон с застекленными двойными дверями, открывающимися наружу. Успеваю увидеть страшное черное небо, но тут раздается нездешней силы гром, мощный порыв ветра распахивает двери, мне отступить некуда, и я вся, с головы до ног, оказываюсь под стеклянными струями. Этот «душ» длится, как мне кажется, довольно долго, но я остаюсь невредима. И только одна тонкая длинная «шпага» пронзила ступню и кровь фонтаном хлынула прямо в комнату. На Симона Эльевича вид моей крови произвел сильное впечатление, и он, оказав первую медицинскую помощь, дал нам кассеты с собой. Так произошел первый прорыв в «канал» Тимофеева.

С раненой ногой 28 июня, в день смерти Хлебникова, я поехала на его могилу, в деревню Ручьи Новгородской области, а затем отправилась в Свердловск, знакомиться с младшим сыном Николая Владимировича — Андреем Николаевичем Тимофеевым и его женой, Ниной Алексеевной.

В Свердловске стояла невыносимая, злокачественная жара. Текли все холодильники. В гостинице постоянно морили тараканов: задыхались люди, но тараканам все было нипочем. В центре города, как выскочивший из-за угла бандит, стоял Свердлов на пьедестале. По телефону мы договорились с Андреем Николаевичем о встрече, и я попросила его подготовить фотографии германского периода.

Андрей Николаевич и Нина Алексеевна, разложив на столе фотографии, ждали нас. «Вот он, наконец, германский пери-

од!» — воскликнула я, подходя к столу. И тут раздался могучий гром. На совершенно безоблачном небе засверкали молнии, что-то, ослепив нас, вкатилось в открытое окно и выкатилось обратно. «Ой, убьет!» — закричала Нина Алексеевна.

Так мы познакомились с сыном и невесткой Николая Владимировича и Елены Александровны. Это был второй прорыв в «канал» Тимофеева.

* * *

Возвращаемся в Москву. Приступаем к съемкам. Начинаем с тех, кто был рядом с Тимофеевыми еще в студенческие годы. Отправляемся на Звенигородскую биостанцию, где и сейчас проходят летнюю практику студенты биофака МГУ. Студенты на удивление «заморожены», плохо знакомы с историей биологии, почти ничего не знают о лысенковщине. Зато совершенно удивительны две старушки, которых мы привезли с собой — Анна Петровна Сушкина и Ольга Александровна Чернова вместе с Тимофеевыми проходили здесь летнюю практику. Их воспоминания столь свежи и непосредственны, что лихая студенческая жизнь начала 20-х годов становится более реальной, чем современная.

К сожалению, этот эпизод, как и многие другие, не вошел в фильм, потому что все больше и больше экранного времени требовали другие материалы.

В архиве Академии наук СССР с разрешения Владимира Ильича Иванова нам выдали архив Н. В. Тимофеева-Ресовского. Открываю первую папку, и сразу же — холодный душ. Это письмо 1944 года к издателю. В конце письма «Хайль Гитлер», как сигнальный знак: «Стой, не проходи мимо! Перед тобой фашист». Впоследствии один из учеников Тимофеева Ю. И. Бубнов рассказывал, что в Обнинске, в институте, на письменном столе Тимофеева или где-то на видном месте время от времени таинственным образом появлялось это письмо, чтобы все натыкались на него и не теряли бдительности. А после смерти Тимофеева на это письмо можно было наткнуться уже в архиве АН СССР. Написано оно, когда Фома¹ сидел в гестапо.

¹ Фома — Дмитрий Тимофеев-Ресовский.

Оправившись после первого шока от невероятного обаяния мощной личности, предъявленной обществу в документальной повести Гранина «Зубр», завистники и злопыхатели стали готовить ответный удар. Так, бывший директор секретного объекта в Сунгуле, Лаборатории «Б», где работал Н. В. в заключении, профессор Г. А. Середа начал выступать с лекциями, в которых говорил, что не надо смотреть на Тимофеева-Ресовского сквозь розовые очки гранинского «Зубра», что он-де знаком с делом Тимофеева в КГБ, и там есть тако-о-е... Чуть ли не беседовал Тимофеев-Ресовский с Гитлером, танцевал с Евой Браун...

Другой академический чин заявлял, что сам видел фотографию Тимофеева, которому вручали Железный Крест от Гитлера...

Моя ассистентка С. Белокриницкая позвонила в архив КГБ, чтобы договориться о киносъемке «дела» Тимофеева-Ресовского. Но ей отказали, так как Тимофеев-Ресовский не реабилитирован. Тогда мы решили подать на посмертную реабилитацию Тимофеева-Ресовского. Я поговорила с его учениками, Вл. И. Ивановым, Н. А. Ляпуновой, А. Н. Тюрюкановым. Они согласились. Снять же эпизод «подачи на реабилитацию» я решила в одной из «timoфеевских точек» — на Южном Урале, в Ильменском заповеднике, на берегу Большого Миассова озера, там, где Тимофеев, выйдя на свободу, на своей биостанции создал центр возрождения генетики в СССР в то время, когда в университетских центрах еще всюду царил удушливая лысенковщина. Сюда, к Тимофееву, тогда начали стекаться все живые силы.

* * *

В городе Миассе, на центральной усадьбе Ильменского заповедника, мы получили разрешение на съемку бывшей биостанции. Молоденькая сотрудница шепнула нам, что в одном из сараев биостанции лежит архив тимофеевской лаборатории. Добираться очень трудно, либо пешком через перевал, либо по непроходимым «военным» дорогам, потому что кругом военные части, и дороги разворочены танковыми учениями. Наша съемочная группа вместе с Андреем Николаевичем Тимофее-

вым, Наталией Алексеевной Ляпуновой и Анатолием Никофоровичем Тюрюкановым отправилась на машине.

Наконец мы попали на «timoфеевскую точку» в заповеднике. Какое чудо открылось перед нами! Какое озеро — не просто вода, а душа озера — она ликовала, принимая нас в свои воды, она помнила Тимофеева. И дом, сохранившийся в заповеднике, где жили Тимофеевы, был одухотворен ими, казалось, хозяева вот-вот вернутся. А когда Андрей Николаевич Тимофеев сел за стол, на стене появилась тень — сын отбрасывал тень отца. До тех пор все говорили, что Андрей Николаевич похож на мать, с этой минуты в нем непостижимым образом проснулся отец.

Над озером возвышается двухэтажный деревянный корпус, названный когда-то «Дворянским гнездом». Кордонщик отпирает замок, и мы попадаем внутрь дома. Вокруг — остатки лабораторного оборудования, на втором этаже — бывший кабинет Тимофеева, здесь его кресло. С балкона открывается чудесный вид на озеро. Перед домом небольшая площадка, где проходили семинары. В заповеднике сохранилось все, даже деревянные туалеты, обозначенные не обычными буквами «Ж» и «М», а принятыми у генетиков знаками: зеркалом Венеры ♀ и щитом и мечом Марса ♂.

К вечеру через перевал приходят Лидия Геннадьевна Кузнецова, Валерий Иванович Иванов и бывший зэк и сотрудник Тимофеева Дмитрий Иванович Семенов, поразивший меня аристократическими манерами и элегантным видом. После пешего перехода через горный перевал его шелковый шейный платок был совершенно свеж, а на блестящих черных башмаках не было и пылинки.

Утром мы достали архив из сарая, о котором нам рассказали на центральной усадьбе заповедника. Наполовину он был съеден мышами. Стали разбирать ящики. Это были пионерские работы по радиологической защите. Часть из них была сделана в Сунгуле, в шарашке, а часть — здесь, в Ильменском заповеднике. Тюрюканов выудил из кипы бумаг письмо из редакции журнала «Атомная энергия», в котором «из-за перегруженности редакционного портфеля» отказывалось в публикации одной из статей тимофеевской лаборатории. Тогда эти работы полностью не публиковались. А сейчас, 30 лет спустя,

они очень нужны были для ликвидации аварии в Чернобыле. Об этом очень эмоционально заявил Тюрюканов.

На крыльце тимофеевского дома Семенов рассказывает, как он встретился с Тимофеевым-Ресовским:

— С Николаем Владимировичем я встретился осенью 1945 года в знаменитой тюрьме Бутырки. Когда привели Николая Владимировича, то сразу было видно, что человек прибыл из-за границы — в шляпе, одет по-европейски. Я уже слышал фамилию Тимофеев-Ресовский, поскольку учился на медицинском факультете. Вел он себя очень свободно, откровенно. Это производило большое впечатление, что человек ничего не скрывает, все говорит о себе и о своих мнениях. Я как медик разбирался в радиоизотопах, и мы с ним часто беседовали. Потом он мне сказал, что что бы ни было, собирается организовать институт, по типу института, который был в Бухе. Затем его куда-то перевели, и мы с ним расстались.

В 47 году я был главврачом на пересыльном пункте Карлага. Привезли очередную партию заключенных. Я, конечно, не сразу узнал Николая Владимировича, потому что он был в крайней степени пеллагры, совершенно исхудавший: кожа и кости. Я его тут же поместил в стационар, там его продержали недели две, а потом с какой-то партией заключенных увезли дальше. А на прощанье он мне сказал, что если выйдет организация института, то первым делом вас заберу отсюда...

Где-то в декабре 47 года приходит извещение: собирайтесь. Привезли меня в Челябинск и вместе с тремя другими заключенными учеными отправили на секретный объект. Тут я снова встретился с Николаем Владимировичем...

...Туда же привезли из Берлин-Буха немецких сотрудников Тимофеева и Елену Александровну с сыном Андреем. Старший сын Фома пропал в концлагере Маутхаузен.

Лидия Кузнецова рассказала, как однажды, когда по Свердловску ходило много мерзких слухов о сотрудничестве Н.В. с фашистами, у нее был разговор с Еленой Александровной. Елена Александровна сказала, что они никогда ничего общего с этими господами не имели и что к Николаю Владимировичу приходили и предлагали участвовать в программе медицинских исследований, обещая за это Фому не посылать в концлагерь, а оставить в тюрьме в Берлине. Но Тимофеев отказался

говорить и выгнал этого господина. Тут же Фому отправили в концлагерь.

Андрей Николаевич сказал, что ничего об этом не знает. Единственное, что он действительно помнит, это грандиозный скандал, когда к Николаю Владимировичу пришел директор Института мозга Шпатц¹, и Николай Владимирович его выгнал, после чего родители долго не разговаривали друг с другом. Но по какому поводу был этот скандал, он не знает, ему не объяснили. Но именно в это время Фому отправили в концлагерь.

Фамилия Шпатца нам уже была известна из статьи Плярре «Наука о наследственности в Берлине», где рассказывалось, в частности, об Институте мозга со ссылками на Шпатца. Кратко характеризуя научный вклад Тимофеева-Ресовского, Плярре утверждал: «Он безусловно никогда не сотрудничал с нацистами»².

Съемки длились неделю. Наконец приехал Вл. И. Иванов, и ближе к вечеру мы отправились на высокий берег озера, на любимую Еленой Александровной Гранатовую горку, уселись за сколоченный из досок стол и стали готовиться писать «письмо турецкому султану» — обращение по поводу реабилитации Тимофеева-Ресовского. Об этом знали все, кроме Андрея Николаевича Тимофеева, и нам удалось снять на киноплёнку его непосредственную реакцию на наше предложение о реабилитации. Получился глубокий психологический портрет: за секунды он пережил всю жизнь.

Письмо в Верховный Суд Союза ССР подписали: Андрей Николаевич Тимофеев, Владимир Ильич Иванов, Наталия Алексеевна Ляпунова, Анатолий Никифорович Тюрюканов и наша съёмочная группа³.

Когда письмо было подписано, на хмуром небе словно кто-то раздвинул занавес и засияло солнце, что и было зафиксировано на плёнку. Вот так 8 августа 1987 года на берегу Большого Миассова озера, на Гранатовой горке родился этот

¹ Национал-социалист Шпатц стал директором Института мозга в Берлин-Бухе после увольнения О. Фогта.

² *Plarre. Science of Heredity in Berlin // Englera 7. Botany in Berlin. Berlin, 1987. P. 206.*

³ Л. Кузнецова, Вал. Иванов и Д. Семенов к тому времени уже уехали.

документ, положивший начало длительной борьбе за честь ученого.

Н. В. Тимофеев-Ресовский в 1937 году отказался от предложения вернуться на Родину, ибо возвращение означало смерть его и его семьи. Об этом его предупредил Н. К. Кольцов, а братья его — Владимир и Дмитрий Тимофеевы — были уже уничтожены. Правда, старшего сына своего, Фому, он все равно не уберег, другие людоеды уничтожили. В 1946 году Тимофеев-Ресовский был осужден за *невозвращение*. В условиях начавшейся перестройки право на жизнь уже признавалось, и мы не сомневались в положительном ответе.

Вернувшись из Ильменского заповедника, я сдала целый чемодан тимофеевского архива из сарая в архив Академии наук, а 26 августа 1987 года директор фильма Л. Вяжлинская отнесла заявление о реабилитации Тимофеева-Ресовского в Военную коллегию Верховного Суда СССР, откуда через несколько дней мы получили следующее письмо:

Военная коллегия
Верховного Суда
Союза ССР
4 сентября 1987 г.

Гражданке Вяжлинской Л. Н.
Валдайский проезд, 16
«Центрнаучфильм».

Сообщаю, что поступившее от Вас на личном приеме 26 августа 1987 г. коллективное письмо направлено для проверки в Главную военную прокуратуру (г. Москва, ул. Кирова, 41), с просьбой сообщить Вам о принятом решении.

Председатель Военной коллегии
Верховного Суда Союза ССР

[подпись] Г. Бушуев

* * *

Вернувшись с Урала в Москву, мы сразу же попали на Международный конгресс по истории и философии науки. В работе конгресса участвовал американский ученый Роберт Проктор, который исследовал материалы, связанные с криминальными опытами на людях в нацистской Германии. Он нам заявил, что в своей работе ни разу не встречал фамилию Тимофеева-Ресовского, потому что тот занимался исключительно фундаментальными исследованиями.

В это же время в Москве проходил еще один Международный конгресс — по экологическому образованию. Его участником был профессор Томского университета, старый лысенковец Бодо Германович Иоганзен — один из авторов обвинительных писем по поводу Тимофеева-Ресовского. Мы с ним встретились, поговорили об экологии, а затем перешли на Зубра. Иоганзен, радостно сверкая золотыми зубами, объявил, что «это не Зубр, а бизон Геббельса», и что другой лысенковец «профессор Кемеровского мединститута Логачев уже написал десять писем в разные инстанции, а Гранину публиковать „Зубра“ в виде книги запретят: в журнале опубликовал — и хватит».

Если бы я снимала игровое кино, то лучшего исполнителя роли «писателя» трудно было бы найти. Иоганзен был счастлив, что может унизить, уничтожить этого огромного человека. Он был «в своем праве» и не сомневался, что Зубр рухнет...

В начале сентября наша съемочная группа отправилась в Ленинград, где на кафедре генетики ЛГУ мы собрали еще подписи под обращением в Верховный Суд, сняли на пленку воспоминания генетиков старшего и среднего поколения профессоров Ю. И. Полянского, Д. В. Лебедева, С. Г. Инге-Вечтомова, Н. В. Глотова и других.

7 сентября — день рождения Н. В. Тимофеева-Ресовского¹. Встречаем его на квартире у друга семьи Тимофеевых, чудесной Анны Бенедиктовны Гецовой. Красиво накрытый стол, во главе — портрет Н. В. Приглашены Д. А. Гранин с супругой и дочерью, племянник Н. В. Андрей Владимирович (сын репресси-

¹ По старому стилю.

рованного брата Владимира) и приехавшая из Обнинска Елизавета Николаевна Сокурова — верная сотрудница Н. В., начинающая еще с Сунгуля. В комнате необыкновенный светящийся воздух. Елизавета Николаевна вспоминает, как впервые увидел Тимофеева: он влетел в лабораторию, сказал, чем они будут заниматься и с ходу дал всем задания. Он рассказывал им про замечательных учителей своих и друзей: Н. К. Кольцова, С. С. Четверикова, Н. И. Вавилова, чьи имена уже не значились в учебниках...

Гранин высказал свое мнение по поводу «писателей» Иоганзена и Логачева. Все подписали обращение по поводу реабилитации Н. В. Правда, Гранин очень беспокоился: «нужно ли вообще подавать на реабилитацию; не вылезет ли чего из темного угла».

В Москве подписанные листы сдали в приемную Главной военной прокуратуры. Военный прокурор, который вел наше дело, Б. В. Кулагин сообщил в телефонном разговоре, что ответ на наше обращение будет не ранее, чем через три месяца.

Тем временем профессор Вал. И. Иванов написал письмо немецкому коллеге профессору Бенно Мюллер-Хиллу, который занимался исследованием связей немецких ученых с нацистским режимом для книги «Убивающая наука» и сделал уже несколько скандальных разоблачений. Иванов попросил его ответить нам в интервью на вопрос: сотрудничал ли Тимофеев-Ресовский с нацистами.

Мой коллега, немецкий режиссер из Мюнхена Кристоф Беккер съездил в Кёльн и снял это интервью:

— Вы задали вопрос, как обстояло дело с господином Тимофеевым. К счастью, могу сказать, что во всех моих исследованиях господин Тимофеев ни разу на моем пути не встречался. Ведь Тимофеев, как специалист в области фундаментальной науки, был свободен и имел возможность устраниваться от всего того, в чем впоследствии были обвинены рядовые генетики. Хотя Тимофеев и работал в том институте, где творились вещи, которые, пожалуй, можно было бы назвать преступлениями, сам он лично не имел к этому никакого отношения.

* * *

Мы готовились к поездке в ГДР. Связались со студией ДЕФА. Нам выделили директора, Гюнтера Фосса, который стал готовить наш приезд. Поездку назначили на конец ноября. А в сентябре Василий Бабков съездил в Берлин к своему другу и коллеге доктору Йохену Рихтеру¹. Они побывали в научном городке в Берлин-Бухе, где в вестибюле Института молекулярной биологии увидели портрет Николая Владимировича. Там их принял профессор Фридрих Юнг, который на Нюрнбергском процессе был экспертом по вопросам химической и радиационной стерилизации людей. Профессор Юнг сказал, что Тимофеев никак не фигурировал на Нюрнбергском процессе и не мог фигурировать, так как занимался только фундаментальными исследованиями, «чистой наукой». С 1949 года Юнг живет в Торхаузе², в бывшей тимофеевской квартире.

Наконец, в Берлине они познакомились с членом ЦК СЕПГ, бывшим подпольщиком-антифашистом, академиком Робертом Ромпе, который заявил, что все дурные слухи о Тимофееве производятся в Москве и идут из Москвы.

В октябре мы снова отправились в Ильменский заповедник, чтобы снять натуру. На съемки было отведено всего два дня. На центральной усадьбе заповедника в Миассе нам сказали, что снять мы ничего не сможем, так как начался сезон дождей, и дождь будет идти, не переставая. Но мы все-таки отправились по совершенно уже раскисшим дорогам к тимофеевскому дому на берег Большого Миассова озера.

Всю дорогу шел дождь, но только мы приехали на место, как дождь прекратился. И стали происходить чудеса. За два дня нам было выдано все четыре времени года. Погода менялась каждые несколько часов: то валил снег, то шел дождь, то стоял густой туман, солнце сверкало то по-летнему, то по-весеннему. А небо и озеро выдавали такую гамму красок и состояний, что мы едва успевали запечатлеть все это богатство

¹ Д-р Рихтер занимался тогда историей Института мозга Общества им. кайзера Вильгельма.

² Дом, изначально спланированный как въездные ворота, где была квартира Тимофеевых-Ресовских.

на пленку. «Без Тимофеева здесь не обошлось», — заметил кордонщик, удивляясь этим чудесам.

На третий день вновь зарядил унылый дождь, и мы уехали в Свердловск, снимать Андрея Николаевича и его жену Нину Алексеевну. В Свердловске встретились и с бывшими сотрудниками Тимофеева. Попытались пробиться на секретный объект в Сунгуле, где работал Тимофеев, однако нам не позволили. Тогда мы с Ниной Алексеевной поехали в Касли и сняли Сунгуль с противоположного берега озера.

Андрей Николаевич Тимофеев предложил нам посмотреть на главную достопримечательность Урала — границу между Европой и Азией. Едем на старенькой, но прекрасно сохранившейся «Волге», которую купил еще Николай Владимирович на Кимберовскую премию. Получился забавный симбиоз евразийского материка и интеллекта — как сказал Велимир Хлебников: «Мозг земли не может быть только великорусским. Лучше, если бы он был материковым».

Уезжаем из Свердловска. За несколько минут до отправления поезда видим бегущего по перрону Д. И. Семенова. В руках у него — две перевязанные стопки книг. Запыхавшись, он едва успевает вручить каждому члену съемочной группы по поэтическому сборнику. Его яркие голубые глаза полны слез, как будто прощается навсегда. Через некоторое время Дмитрия Ивановича не стало...

По возвращении в Москву нас ожидало письмо из Главной военной прокуратуры за подписью нового военного прокурора В. К. Кондратова. Прежний прокурор Кулагин ушел в отставку, а новый сообщал нам прерадостную весть.

Прокуратура
Союза Советских
Социалистических Республик
Главная военная прокуратура
20 октября 1987 г.
№ 3-39076-45
101822 Москва, центр,
ул. Кирова, 41

Гражданке Вяжлинской Л. Н.
125445, г. Москва,
Валдайский проезд, № 16
«Центрнаучфильм»

Сообщаю, что заявление от 8 августа 1987 г., и письмо без указания даты по вопросу о реабилитации Тимофеева-Ресовского Н. В., подписанное Вами, а также другими сотрудниками студии «Центрнаучфильм» и научными работниками различных учреждений, рассмотрены в Главной военной прокуратуре. После соответствующей проверки они вместе с уголовным делом направлены для разрешения в Верховный Суд СССР, откуда Вас уведомят о результатах.

Военный прокурор отдела ГВП

[подпись] *В. Кондратов*

* * *

В Москве в октябре 1987 года проходил Всесоюзный съезд генетиков, приуроченный к столетию Н. И. Вавилова. На съезде устами президента ВАСХНИЛ А. А. Никонова впервые было официально заявлено об осуждении лысенковщины, правда, никто не предложил присутствующим встать и почтить память погибших генетиков.

На съезде мы продолжаем собирать подписи за реабилитацию Тимофеева-Ресовского¹. Реакция разная: от полного восторга до злобного шипения — что говорить о «фашисте». Но таких несравнимо меньше. В основном лица светились, нам его изображали, цитировали, каждый стремился рассказать о

¹ Всего под обращением в Верховный Суд СССР было поставлено более 500 подписей сотрудников разных институтов из разных республик.

чуде общения с этим человеком, о масштабе личности, о его исключительной роли в науке, его колоссальном научном потенциале и невозможности его реализации из-за зависти научных «генералов». Часто всплывало имя Н. П. Дубинина.

Нам рассказывали, что после аварии в Кыштыме в 1957 году¹ Тимофеев предложил на базе своей лаборатории организовать всесоюзный радиологический центр, где комплексно изучались бы все проблемы, связанные с радиоактивностью, начиная с биосферы, с защиты окружающей среды и кончая культурным уровнем будущих работников атомных станций. И главное условие — никакой секретности. Ибо радиоактивность не знает государственных границ. Об этом он открыто заявил в 1959 году на одной из своих лекций в МГУ, в которой, естественно, рассказал и об аварии в Кыштыме. Тут же посыпались доносы, что он выдал государственную тайну, снова поползли слухи о его сотрудничестве с фашистами. Работать стало невозможно, в начале 1964 года Тимофеевы перебрались в Обнинск. А работы по изучению генетических последствий радиации возглавил академик Дубинин, секретные, конечно. Тимофеева к этим работам не допустили. Мнение Дубинина оказалось решающим: политически неблагонадежен.

Академик Н. П. Дубинин на съезде присутствовал. В перерыве я подошла к нему. Снимали кинокамерой и видеокамерой.

— Николай Петрович, не согласились бы вы подписать обращение по поводу реабилитации Н. В. Тимофеева-Ресовского?— Дубинин, не вспомнив меня, бывшую аспирантку своего института, читает текст и подписывает.

— А как вы считаете, удастся ли нам его реабилитировать?

— Я не знаю, понимаете, он был осужден за невозвращение, это можно реабилитировать. Но как можно реабилитировать его жизнь в фашистской Германии?!

— Вы считаете, что есть какие-то основания...?

— Да, я считаю, так просто есть документы на эту тему. Вы посмотрите книгу Ирвинга «Вирусный флигель»², изданную в 1969 году Атомиздатом. Там страница 220-я. Вот по-

¹ См. прим. к с. 372.

² Ирвинг Д. Вирусный флигель. М., 1969.

смотрите, чем занимался Отдел генетики и биофизики. В этом самом «Вирусном флигеле» написано, что Лаборатория генетики и биофизики работала по заданию военного министерства для разработки атомного оружия. Вот, понимаете, какое дело там написано.

— Но он работал, напротив, на защиту от радиации.

— Но это неважно, как он там работал. Защита там или что... Важно, что его Отдел работал по заказам военного министерства. Повторяю, на странице 220 вы как раз найдете это место,— ласково говорит Дубинин, излучая потоки обволакивающей энергии, стремясь сделать тебя своим участником.

Дубинин и Тимофеев — оба ученики Кольцова. Дубинин имя учителя растоптал. Тимофеев пропагандировал имя и идеи учителя на Западе; вернувшись в Россию, вместе с другими кольцовцами извлекал имя великого учителя из небытия.

Мощная энергетика Тимофеева, имеющего глубокие нравственные корни, не принимающего в расчет никакую политическую конъюнктуру, вовлекает каждого соприкасающегося с ним в мировой научный процесс. Ласковая энергетика Дубинина засасывает человека в орбиту его собственного эгоистичного «я», его карьерных личных интересов, где человек, превратившись в субстрат, погибает как личность. Тимофеев диктовал свои книги ученикам и делал их соавторами. В своем институте Дубинин не позволял печатать почти ни одной статьи, если не была поставлена его фамилия первым из соавторов, даже если он не принимал никакого участия в работе. Краткая характеристика личности Дубинина, по формуле Велимира Хлебникова, это — «*все в степени я*», Тимофеева — «*я в степени все*».

В одной из магнитофонных записей бесед с Тимофеевым есть примечательный сюжет: во время застолья кто-то из собеседников пытается выяснить его отношение к известным словам Пушкина о несовместности гения и злодейства. Собеседник уверен, что Пушкин не прав, что гений и злодейство все-таки совместимы. Для Тимофеева совершенно очевидна работа Пушкина, и он продолжает прерванный вопросом рассказ. Но его прерывают вновь и вновь, пытаясь доказать, что гений и злодейство совместимы. И вдруг Тимофеев начинает

понимать, что речь ведут о нем самом, что от него ждут признания... Он замолкает — запись обрывается.

* * *

Итак, перчатка брошена. Академик Дубинин обвиняет Тимофеева и дает ссылку на 220 страницу книги журналиста Ирвинга «Вирусный флигель». Было ясно, что он только что написал письмо в соответствующие органы или кого-то подвигнул на это написание, потому что даже при самой замечательной памяти 18 лет помнить страницу совершенно невозможно.

И мы тут же получили доказательство. Когда В.В. Бабков выписал из Ленинки по межбиблиотечному абонементу книгу Ирвинга, то через три дня библиотека затребовала книгу обратно, по срочному запросу Верховного Суда. Надо сознаться, что В.В. не удержался и оставил на полях мягким карандашом комментарии к дубининским обвинениям. А мы сняли для фильма интервью с Вл.И. Ивановым, где он дал научную оценку тексту из книги Ирвинга.

* * *

Наконец нам сообщили долгожданную новость: дело о реабилитации Тимофеева будет рассматриваться Военной коллегией Верховного Суда 23 декабря 1987 года. А пока, с 17 по 21 ноября, состоялась наша первая командировка в Берлин. Случайно вместе с нами в Берлин летел и Даниил Гранин. Я решила использовать это обстоятельство и снять Гранина с немецкими научными сотрудниками в Бухе. В аэропорту нас встретил наш немецкий директор Гюнтер Фосс. Он сказал, что, к сожалению, академик Роберт Ромпе отказался с нами встречаться, бывшая сотрудница Тимофеева Наталья Кром, жившая в Западном Берлине, тоже не хочет нас видеть. Мы можем съездить в Берлин-Бух и поговорить там с бывшей секретаршей Тимофеева Хильдегард Пальм и, кроме того, в Музее естественной истории с профессором Вольфдитрих Эйхлером. Таков был список людей, который я заранее выслала в Берлин.

Из гостиницы я позвонила Наталье Кром в Западный Берлин. По нашему разговору она, по-видимому, поняла, что я

никакого вреда Тимофееву не причиню, и тут же согласилась приехать к нам в Восточный Берлин. Гюнтер под большим секретом дал мне телефон секретаря академика Роберта Ромпе. Я позвонила, ответил мужской голос. Я представилась и попросила академика Ромпе, мне ответили, что Ромпе отсутствует и вообще со мной встречаться не намерен. «Как!— воскликнула я.— Он же герой антифашистского подполья! Я должна видеть его и рассказать о нем!» На том конце провода голос дрогнул и смущенно сказал:

— Я — Ромпе, моя секретарша вышла, и я взял трубку.

— Роман Романович, я должна встретиться с вами, без вас просто невозможно!

— Хорошо, хорошо, но только не сейчас. Вы пришлите в письменном виде ваши вопросы, и потом я отвечу, смогу ли я с вами встретиться. Вы же приедете еще в Берлин?

— Если надо, то буду.— Так мы договорились с академиком Робертом Ромпе.

А между тем из Западного Берлина приехала Наталья Павловна Кром, чудесная Наташа, совершенно *timoфеевский* человек; казалось, что мы уже давным-давно знакомы. В номере гостиницы провели первую съемку.

— Почему Тимофеев не уехал в Америку, куда его приглашали в 37 году?

— Но ведь Россия была рядом, а Америка так далеко. Он сидел там, куда его командировали. И второе, это ответственность за людей, за свой Отдел генетики и биофизики, где его так все любили. Я не знаю ни одного человека, который не любил бы его. Вы вообще очень плохо представляете, как все здесь происходило. На последних свободных выборах за Гитлера проголосовали 46%, а остальные же были против.

— Но как Тимофеев мог продержаться?

— Потому что его защищали, оберегали. Его все очень любили. Даже один из местных нацистских фюреров говорил Николаю Владимировичу: я вас прошу, профессор, чтобы только мои уши не слышали ваших речей...

Н.Кром передала нам два сохранившихся у нее немецких «паспорта» — виды на жительство Елены Александровны и Дмитрия Тимофеева-Ресовского, где, в частности, указано их со-

ветское гражданство¹. (Документы Н. В., по-видимому, должны храниться в архиве КГБ.)

На следующий день мы с Натальей Кром отправились в Берлин-Бух. Была прекрасная погода, но как только мы стали подъезжать к Торхаузу, пошел такой силы дождь, что выйти из машины было невозможно.

Торхауз. Заглядываем в окно бывшей комнаты Наташи, там теперь парикмахерская. Здесь в июне 1943 года она стояла у окна, а там, на перекрестке дорог был арестован Фома.

Здесь же, во дворе тимофеевского дома, в апреле 1945-го сидел усталый юноша. Из дома вышел Тимофеев-Ресовский и спросил, не голоден ли он. Эйхлер ответил «нет», так как просить еду в это голодное время было неприлично. Тимофеев вернулся в дом и вышел оттуда с тарелкой дымящегося супа, протянул ее и сказал: «Тарелка горохового супа не помешает». Эта история с тарелкой супа перевернула жизнь Эйхлера. Он стал биологом и неукоснительно чтит имя Тимофеева-Ресовского. Писал статьи к его юбилейным датам, в одной из которых и описал эту историю. Я хотела с ним встретиться. Гюнтер сказал: «Но вы знаете, что Эйхлер был эсэсовец!?» Мне стыдно, но в тот момент я смалодушничала и решила с Эйхлером не встречаться. Как мне кажется, это очень важный эпизод для понимания Н. В. Он был *Защитник* и всегда помогал тем, кто нуждался в помощи. Перед ним сидел не враг, а голодный, несчастный юноша, пусть и в форме инженерных войск СС. Не злорадство, а сочувствие. Поэтому для всех, кто знал Тимофеева, были совершенно немыслимы слухи о том, что он будто бы занимался опытами на людях. Слухи эти изготовлялись в России, чтобы не дать ему занять подобающее место в русской науке.

Я прошу Гюнтера Фосса зайти в тимофеевский дом, к профессору Юнгу. Гюнтер отказывается, мотивируя тем, что надо было заранее из Москвы предупредить об этом. Мы хотим зайти в здание института, где тогда находилось Отделение генетики и биофизики, которое возглавлял Тимофеев-Ресовский. Но Гюнтер возражает: разрешено снимать здание только снаружи. Я говорю, что хотела бы снять эпизод встречи Гра-

¹ В настоящее время эти документы хранятся в домашнем архиве М. А. Реформатской.

нина с сотрудниками института. Гюнтер в ужасе: «Какой Гранин, его вообще на территорию Буха не пустят, и книгу его в ГДР публиковать не будут». Я хочу в вестибюле другого института, молекулярной биологии, снять один кадр — портрет Тимофеева. Гюнтер нас туда не пускает и говорит, что там нет никакого портрета. Он явно серьезно проинструктирован на наш счет. Мы устраиваем небольшой скандал, все это снимается на пленку, но Гюнтер выворачивает объектив у камеры и срывает микрофон. А звукооператор Наталья Рогинская продолжает писать звук на крохотный микрофончик, с которого сорвана только заглушка. Вечером Гюнтер приходит в гостиницу прослушать записи, но Наташа включает магнитофон, предварительно вывернув звук так, чтобы ничего не было слышно.

Мы находились в хоннекеровской ГДР, и удушливая атмосфера чувствовалась во всем. Д-р Йохен Рихтер, так много сделавший (неофициально) для подготовки нашего визита, беседовавший и с Юнгом, и с Ромпе, разыскавший одноклассника Андрея Тимофеева, имел серьезные неприятности после приезда Бабкова, и ему, очевидно, было запрещено общаться с нами во время нашего визита. А Гюнтер Фосс на самом деле — высокопрофессиональный организатор и очень нам помог, особенно во время двух следующих экспедиций в Берлин.

Гюнтер Фосс выдает нам документы из архива МВД ГДР. Один из них под грифом «Совершенно секретно» — перечень научных тем различных ученых с приоритетом «SS». Этот приоритет не имеет никакого отношения к эсэсовцам и, как пишет тот же Ирвинг в «Вирусном флигеле», не имел никакого секретного значения, а просто давался всем работам, чтобы как-то обозначить их важность и получить субсидии. Среди этих работ есть и тема Тимофеева, SS-0224 «Исследования с искусственными радиоактивными изотопами».

Другой документ — выдержки из доклада американского майора Лео Александра от 20 июля 1945 года, подготовленного для Международного военного трибунала в Нюрнберге. Тема: «Невропатология, нейрофизиология и электроэнцефалография в военной Германии». Из доклада узнаем, что с началом войны всех душевнобольных пациентов клиники Института мозга тай-

но, ночью увезли в газовые камеры. Вернулись они в институт в виде ценной коллекции мозгов. А больничные корпуса института превратили в госпиталь для раненых солдат. Именно этот факт имел в виду Мюллер-Хилл, отмечая в своем интервью, что «хотя Тимофеев и работал в том институте, где творились вещи, которые, пожалуй, можно было бы назвать преступлениями, сам он лично не имел к этому никакого отношения». С 1937 года Отделение генетики и биофизики было полностью самостоятельным. Тимофеев-Ресовский упоминается в докладе Лео Александра один раз: «Как указано выше, генетический отдел KWI¹ остался в Берлин-Бухе. Его директор — д-р Тимофеев-Ресовский, чья книга „Экспериментальные исследования мутаций в учении о наследственности“² хорошо известна».

Наконец, вместе с Натальей Кром отправляемся к бывшей секретарше Тимофеева-Ресовского, Хильдегард Пальм. Та же просветленность в лице, то же неподдельное чувство огромной любви, восторга, счастья, оттого что в ее жизни был этот человек, та же свежесть воспоминаний. На вопрос, как же им все-таки удалось выжить, она отвечает: «Мы были как одна семья; наш отдел, можно сказать, был как остров, и мы все держались друг за друга».

Известны слова Макса Планка, которые он говорил Гейзенбергу, о том, что «необходимо сохранять островки устойчивости, островки порядочности, чтобы в будущем они стали центрами кристаллизации, где будут сохранены прежние верные масштабы».

* * *

В Москве у нас запланированы две важные съемки: с учеником Тимофеева-Ресовского членом-корреспондентом АН СССР А. В. Яблоковым и академиком АМН СССР Г. А. Зедгенидзе, который одним из первых советских ученых встретился с Тимофеевым-Ресовским в Берлин-Бухе в мае 1945 года. Несмотря на то, что Георгий Артемьевич прожил всю жизнь в России, он сохра-

¹ Kaiser Wilhelm Institut.

² *Timofeeff-Ressovsky N. W.* Experimentelle Mutationsforschung in der Vererbungslehre. Dresden-Leipzig: Verl. Steinkopf., 1937.

нил ярко выраженный грузинский акцент и кавказский темперамент, которые невозможно передать на бумаге:

— 24 мая 1945 года я был уже в Берлине и представился коменданту Берлина генералу Берзарину. Он говорит мне: «Хорошо, что вы приехали. Поезжайте в местечко Бух под Берлином, там десять немецких научно-исследовательских институтов, в том числе фашиствующих, расовых, и обратите внимание на бывшего русского, эмигранта, профессора Тимофеева-Ресовского. Он просится к нам обратно».

Я отправился в Бух и первым делом зашел к Тимофееву-Ресовскому. Директор и все сотрудники сбежали в Гёттинген, и остался только отдел Тимофеева-Ресовского. Его тоже просили эвакуироваться, предупреждали, что он скоро окажется в Сибири и будет жалеть. Но Тимофеев отказался. А когда пришли советские войска, его назначили директором института.

Я вошел к нему в кабинет, поздоровался, как полагается, сухо. Он познакомил меня со своими трудами. В них не было ничего такого расового, фашистского. Вместе с женой своей, Еленой Александровной, он занимался молекулярной биологией, генетикой. Я увидел их удостоверения, в которых было написано: «Подданство — советское». Я разговаривал и с другими сотрудниками, были среди них и русские, и немцы, и все они говорили, что Тимофеев им уши прожужжал, что он русско-подданный и должен вернуться в Россию. Это факт! Я ему сказал, что обещать ничего не могу, но доведу его желание до высокого начальства. И ушел...

В следующий раз они встретились уже тогда, когда Тимофеевы собрались уезжать из Свердловска. Посредником в переговорах стал В. И. Корогодин.

— В 1961 году мы объявили конкурс в наш институт, который я построил и... на должность заведующего лабораторией радиобиологии¹, я провел Тимофеева-Ресовского. И вдруг из отдела кадров мне сообщают, что у него нет никаких документов — ни об образовании, ни об ученой степени. Человек

¹ Н. В. переехал а Обнинск и начал работать в Институте медицинской радиологии АМН СССР в 1964 г. в должности заведующего отделом радиобиологии и экспериментальной генетики, в который входили четыре лаборатории. Об этом подробнее см.: Корогодин В. И. Школа Н. В. Тимофеева-Ресовского // Н. В. Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 258–260.

с мировым именем, все его знают, не мог же я предположить, что у него нет документов об образовании, верно ведь? Вызвал его, он говорит: «Никаких документов у меня нет, докторскую диссертацию по совокупности работ я защитил два с половиной года тому назад, но не утвердил ВАК». Пришлось его зачислить на должность заведующего лабораторией... с окладом 95 рублей! Представляете себе?! А Елену Александровну, она была кандидатом биологических наук, с окладом 175 рублей. Он говорит: «Нам с Лёлькой хватит».

А. В. Яблоков:

— ...Тимофеев входил в силу, становился неформальным лидером современной отечественной биологии. В городском музее была комната, где были выставлены работы Тимофеева. Но после того, как появилась фотография Тимофеева в журнале «Огонек», вдруг резко изменилась ситуация.

Г. А. Зедгенидзе:

— Некто написал письмо в ЦК, в Верховный Совет, Академию меднаук, Генеральному прокурору: «Как могло случиться, что такой человек, как Тимофеев-Ресовский — невозвращенец, в течение 20 лет работавший с нашими врагами, вдруг вернулся, получил квартиру, работу, и даже ему поручили воспитание молодежи?!» Представляете, письмецо такое?!

А. В. Яблоков:

— И даже больше того, пошли какие-то слухи, что Тимофеев во время его пребывания в гитлеровской Германии делал опыты над военнопленными. Вот такая грязная молва стала активно распространяться через партийные круги.

Г. А. Зедгенидзе:

— В Обнинске секретарем обкома был некто Новиков. Он мне сказал: «Есть решение бюро горкома — снять его, но без ссылки на нас».

А. В. Яблоков:

— Выдающийся наш математик, борец за кибернетику Алексей Андреевич Ляпунов и я решили все же раскопать, в чем же там дело. Обратились в Отдел агитации и пропаганды при ЦК КПСС. Нас там приняли. И вот мы увидели то, с чего все началось. Лежит папка, в ней письмо аспирантки Лысенко, некой Главинич. Она пишет, что сама видела американскую статью, где написано, что Тимофеев связан с фашистами. Я разы-

скал эту статью. Оказалось, что действительно, в одном американском генетическом журнале была опубликована статья американского генетика, который накануне войны посетил лабораторию Тимофеева в Берлин-Бухе. Там буквально было сказано следующее: что немцы молятся на этого странного русского, они позволяют ему делать то, что не позволяют никому другому, он думает и говорит, что хочет. Это непонятно, но это на самом деле так. А занимается он мушками... Американца поразила его личность¹. А для меня это лучшее свидетельство того, что Тимофеев не изменился, что он всегда был таким, каким мы его знаем...

Г.А. Зедгенидзе:

— Не прошло и пары дней, как звонок: «С вами будет говорить Кондренков, первый секретарь калужского обкома партии». Не здороваясь, писклявым голосом говорит: «Ты почему не выполняешь решение горкома партии об освобождении от занимаемой должности Тимофеева-Ресовского?!» Я отвечаю: «Андрей Андреевич, вопрос о работе Тимофеева-Ресовского согласован с гораздо более высокими инстанциями».

Но в ЦК вопрос решили просто: Тимофеева отправили на пенсию, а его отдел ликвидировали. Вскоре на пенсию был отправлен и сам Г.А. Зедгенидзе.

* * *

Следующая командировка в Саратов, к профессору С. Н. Варшавскому. Сергей Николаевич вместе с женой Клавдией Тихоновной Крыловой работали в Саратове на противочумной станции. Когда немцы были близко, станцию эвакуировали. Сергей Николаевич грузил машину с оборудованием станции, а когда они выбежали со своими чемоданами, то груженная машина развернулась и уехала. Сергей Николаевич бежал за ней и, естественно, не догнал. За рулем был сотрудник станции, с которым он проработал 10 лет.

В город вошли немцы. Варшавского с женой арестовали, отправили сперва в Ростов-на-Дону, а оттуда в Берлин в качестве остарбайтеров. В Берлине работали они на фабрике. По

¹ *Ellinger T. On the breeding of Aryans and other genetic problems of war-time Germany // J. Heredity. 1942. V. 33. № 4. P. 141–143.*

воскресеньям их выпускали в город, и на международной толкучке на Александерплац они услышали о русском профессоре Тимофееве, который помогает всем, кто к нему обратится. В 1944 году фабрику разбомбили, и они втроем, с ними был еще один остарбайтер, Лукьянченко, отправились в Берлин-Бух к Тимофееву.

«Вы помните Тимофеева-Ресовского?» — спрашиваю у Клавдии Тихоновны. У нее глубокий склероз, и она практически ничего не помнит, но остался островок памяти — это Тимофеев-Ресовский: «Ну а как же, он нас спас от смерти. Я, значит, выскочила, и вижу — какой-то мужчина идет. Я спрашиваю: вы не знаете, где можно найти Тимофеева, профессора? Он говорит: я — Тимофеев. Я обрадовалась невозможно. И он нас спрятал и хранил все время от немцев».

Секретарь Хильдегард Пальм отпечатала им справки, Тимофеев поставил печать и расписался. Варшавского взял на работу в виварий. Варшавский рассказывает, что первый раз войдя в кабинет Тимофеева, был поражен «иконоostasом» из портретов ученых, занимавшим всю стену. Кольцов, Четвериков, другие учителя, коллеги, друзья... Среди них Варшавский запомнил и молодого Дубинина.

Иконостас сопровождал Тимофеева везде. Из Берлина его перевезли в Сунгуль, из Сунгуля в Миассово, из Миассово в Обнинск. И когда мы были в Обнинске, мне разыскали случайно оставшиеся три портрета с разбитыми стеклами¹. Портреты клеил он сам, рамкой служила специальная клейкая лента, на обратной стороне одного почерком Тимофеева указана дата изготовления «23 июня 1941 года». Затем сентябрь 1941 года, и третья дата тоже где-то рядом. Эти портреты я передала в Обнинский музей, поэтому не могу восстановить в точности все даты, но 23 июня 1941 года помню очень хорошо. Она меня поразила. 22 июня началась война с Россией. Подавлен, разрушен, растерян, ушла почва из-под ног, и он хватается за стержень — за разум человеческий. Он клеит портреты ученых для иконостаса и тем самым восстанавливает и собирает себя...

¹ Теперь «иконоostas» хранится в Медико-генетическом научном центре РАН.

* * *

Декабрь 1987 года. На 23-е назначено слушание на пленуме Верховного Суда протеста Генерального прокурора в отношении приговора Н. В. Тимофееву-Ресовскому, вынесенного в 1946 году. То есть должна состояться отмена приговора, и Тимофеев должен быть реабилитирован.

Но ясно, что готовится большая неприятность. Ведь Дубинин уже «написал». Кто еще? Мы стараемся обнародовать тот факт, что дело дошло до реабилитации. Обращаюсь в Союз кинематографистов. Секретарь Союза К. Лаврентьев обращается в Верховный Суд с просьбой позволить нам снять заседание суда. Киносъемка на заседании не разрешена, но предлагается после заседания интервью с прокурором, который будет докладывать протест по делу Тимофеева-Ресовского. Однако накануне слушания дело без каких-либо объяснений откладывается. Спустя некоторое время, в полной тайне, дело направляется на дополнительное расследование. Говорят, был звонок сверху, из Политбюро.

В это же время выходит журнал «Москва»¹ с разгромной статьей В. Бондаренко «Очерки литературных нравов», где подвергается сомнению личность Зубра и выдвигается ряд чудовищных подозрений. По тону автора и содержанию статьи чувствуется, что за ним хороший тыл.

На имя Генерального прокурора А. М. Рекункова мы отправляем материалы, полученные в процессе работы над фильмом «Рядом с Зубром»: архивные документы МВД ГДР, ксероксы «паспортов» Елены Александровны и Дмитрия Тимофеевых-Ресовских, свидетельские показания Н. Кром и Х. Пальм, интервью с Б. Мюллер-Хиллом, Р. Проктором и другие². В Главную военную прокуратуру отправлены письма чл.-корр. А. В. Яблокова и академика О. Г. Газенко. Написал рукописный текст и Владимир Павлович Эфроимсон. Но его письмо запоздало и не попало в почту, и сейчас я рада привести его здесь.

¹ Москва. 1987. № 12. С. 179–199.

² Копии этих документов позже были переданы в комиссию АН СССР по научному наследию Н. В. Тимофеева-Ресовского, заместителю председателя комиссии Н. Н. Воронцову.

В Прокуратуру Союза СССР

Свидетельство по делу о реабилитации

Н. В. Тимофеева-Ресовского

Почетного члена МОИП,
Профессора, доктора биологических наук,
ст. н. сотр. ИБР АН СССР (консультанта)
Эфроимсона Владимира Павловича
Москва 117526, Проспект Вернадского
99 кор. 1 кв. 2, тел. 433-9-16.

Вынужден обратиться в Прокуратуру Союза СССР по поводу грязной, клеветнической кампании, инспирированной в целях самозащиты личностью (которую с полным основанием называю Лысенко № 2), против великолепного исследователя, несравненного педагога и одного из благороднейших людей в кругу крупнейших ученых, которых мне довелось узнать за 79 лет жизни, Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского.

Занимаясь экспериментами по радиационной генетике (первые статьи опубликованы в 1930, 1931 гг.), я знал Тимофеева-Ресовского как одного из крупнейших генетиков мира, мирового авторитета.

Меня не удивило то, что он не вернулся в СССР в конце двадцатых, начале тридцатых годов: как дворянин и член семьи, на которую обрушились несправедливые репрессии, он, как мне казалось, считал, что его дело — наука, а в СССР его ждала только гибель. А в науке он делал необычайно много.

Я тесно сблизился и сдружился с ним с 1956 г., всегда общался с ним чрезвычайно уважительно и почтительно, но между нами не было очень близкой дружбы. Этот легкий холодок он ощущал, а с моей стороны это было следствием непонимания того, почему этот великий ученый оставался в Германии после прихода нацистов, хотя его приняли бы лучшие ВУЗы и институты мира (западного). Я знал хорошо, что человек столь демократичный и благородный, как Тимофеев-Ресовский, нацистский режим мог только ненавидеть (и он это неоднократно выражал). Очень поздно, уже после того, как я произнес

горячую речь на его похоронах в Обнинске, где между прочим высказывал глубокую горечь, что Тимофееву-Ресовскому не удалось участвовать в восстановлении медицинской генетики, потому что это не устраивало монополистов, а он должен был бы стать ведущим, вместо меня (мне пришлось с величайшим трудом выпустить 4 собственных книги и стать редактором или соредактором доброго десятка сборников в этой области), я узнал, что он был участником движения Сопротивления в Германии (об этом написано в письме тогдашнего президента АН ГДР, генетика Штуббе).

То, что Н. В. Тимофееву-Ресовскому пришлось работать не в Москве, и не по генетике человека, области, остродефицитной по кадрам, а в биофизике, погрому не подвергшейся, считаю очень тяжелым ударом для советской науки.

Но недоумение по поводу того, почему Н. В. Тимофеев-Ресовский оставался в Германии и после прихода нацистов, во мне продолжало жить. И только в результате постепенного накопления фактов я понял, почему это произошло: дело в том, что Тимофеев-Ресовский, блестящий организатор, генератор идей, все время устраивал на свои бесчисленные темы бедствовавших в Германии русских, преимущественно эмигрантов 2-го поколения. Конечно, с его отъездом на Запад все эти устроенные им на его разнообразнейшие темы люди разом потеряли бы работу. Конечно, не будь Н. В. таким гордым, исполненным собственного достоинства человеком, он бы сам мне это объяснил десятком слов.

Конечно, он не назвал эту причину и на следствии, не желая подводить своих подопечных.

Конечно, главная беда его после освобождения заключалась в том, что он был титаном в науке, очень нетерпимым и для лысенковцев, и тех, кто пользуясь лысенковским засильем, создавали в ущерб делу свои монополии в различных разделах генетики. Отсюда постоянная клевета по его адресу, отсюда и отлучение от науки, остродефицитной по кадрам, а отсюда — лакомой.

Не желаю называть поименно тех, кто организовал и организует травлю Тимофеева-Ресовского, и организовывал ее в прошлом. Позволю себе только заметить, что положение в ге-

нетике теперь хуже, чем при Лысенко. Но над наукой слишком много начальства, чтобы привлекать еще и прокуратуру.

<...>

Для всех, знавших Тимофеева-Ресовского, всякое допущение, что он мог участвовать в нацистских преступлениях,— вздор или злостная клевета.

11.2.88.

Проф., д. б. н. *В. П. Эфроимсон*

Из прокуратуры, наконец, приходит официальное уведомление.

Прокуратура
Союза Советских
Социалистических Республик
Главная Военная прокуратура
26 февраля 1988 г.
№ 3-39076-45

Кинорежиссеру *Саканян Е. С.*
125445, г. Москва,
Валдайский проезд, № 16,
киностудия «Центрнаучфильм»

Уважаемая Елена Саркисовна!

На Ваш устный запрос сообщаю, что по делу в отношении профессора Тимофеева-Ресовского Н. В. проводится дополнительное расследование, в процессе которого будут учтены доводы, изложенные в Вашем заявлении.

Письмо аналогичного содержания было нами направлено в адрес директора кинофильма Вяжлинской Л. Н., которая 25 января 1988 г. на приеме в Главной военной прокуратуре передала некоторые материалы по этому вопросу (наш исх. № 3-39076-45 от 16 февраля 1988 г.).

О результатах Вы будете уведомлены.

Военный прокурор Отдела ГВП [подпись] *В. К. Кондратов*

* * *

Вместе с прокуратурой к дополнительному расследованию приступаем и мы. Нашим «следственным кабинетом» становится кинозал или павильон киностудии. Первым долгом приглашаем к себе группу учеников Н. В.— Вл. И. Иванова, Н. Н. Воронцова, В. И. Корогодина, А. А. Ярилина и автора статьи В. Бондаренко.

Пафос статьи Бондаренко заключается в следующем:

1. Зачем Гранин предлагает в качестве героя человека, «во время войны с его родиной отсиживавшегося в фашистской Германии» и, вне всякого сомнения, сотрудничавшего с властями.

2. Как и его учитель Кольцов, занимавшегося евгеникой.

3. Ставившего опыты на людях.

4. Делавшего немецкую атомную бомбу, чтобы скинуть ее на головы соотечественников.

После всех этих обвинений Тимофеева впору было бы приговорить к расстрелу (посмертно!). Однако почему-то у следователей в 1945—1946 годах, при всей их предвзятости, никакие обвинения не прошли, осталось только одно — невозвращение на родину.

1. Итак, Тимофеев должен был вернуться, чтобы его расстреляли или сгноили в лагере, или, в самом благополучном, но практически невероятном случае, имея бронь как ученый, он мог бы отсидеть войну в эвакуации в Алма-Ате, как академик Дубинин.

На эту тему Бондаренко лучше разговаривать с теми, кого Тимофеев спас. Например, с Варшавскими. Они живо объяснили бы Бондаренко, где Тимофееву было лучше находиться.

Почему в Берлине не объявляли об аресте популярного Тимофеева-Ресовского? Боялись волнений? Ведь его просто воровски выкрали, увезли в Берлин будто бы читать лекции и не вернули. И никаких официальных сведений. Как говорил нам профессор С. Н. Варшавский, они несколько раз обращались за разъяснениями к майору контрразведки Кондрацкому, но тот отвечал, что Тимофеев уехал в Москву для устройства института.

Из документов, хранившихся у Варшавского, следует, что Тимофеев-Ресовский, после всех проверок, советской военной администрацией был назначен директором Института генетики и биофизики в Берлин-Бухе. Когда же его увезли, обязанности директора исполняла Елена Александровна.

2. Обвинение в занятиях евгеникой. Тут уже «вылезали уши» академика Н.П.Дубинина. Он-то своего учителя Н.К.Кольцова распял за евгенику в книжке «Вечное движение»¹, в народе прозванной «вечное самовывдвижение». Впрочем, Бондаренко тут же и сам сослался на Дубинина. И, понятно, привел цитату из «Вирусного флигеля» со стр. 220, известную нам от самого Дубинина. Научную оценку этому тексту профессор В.И.Корогодин уже отправил письмом в ГВП.

В Главную Военную Прокуратуру СССР

По делу о реабилитации Н.В.Тимофеева-Ресовского

Мне стало известно, что среди обвинений в адрес покойного Н.В.Тимофеева-Ресовского фигурирует утверждение о его причастности к военному атомному проекту гитлеровской Германии. В качестве доказательства используются положения, приведенные в книге Д.Ирвинга «Вирусный флигель» (пер. с англ. М., Атомиздат, 1969 г.), стр. 220. Цитирую соответс-
ий абзац:

«Однако и в Германии генетическим последствиям уделялось внимание, и даже были проведены исследования воздействия нейтронной и другой проникающей радиации. С 1943 г. вплоть до конца войны и военное министерство, и полномочный представитель по ядерной физике заключили несколько контрактов на изучение этого вопроса. Исследования в основном проводил отдел генетики Института кайзера Вильгельма в Берлин-Бухе. Среди немецких документов имеется письмо из Биофизического института, написанное Раевским в 1944 году. В нем он сообщает полномочному представителю, что его

¹ Дубинин Н.П. Вечное движение. М., 1973, 1975, 1989.

Директор
Н.-И. Института,

Берлин-Бух, 18^{го} мая 1945 года.

Удостоверение.

Дано гр. Серг. Ник. Варшавскому, в том, что он ~~и~~ состоит на службе в Н.-И. Институте Генетики и Биофизики в Берлин-Бухе, находящемся в ведении Командования Красной Армии, и не подлежит привлечению ни по какие посторонние работы.



H. V. Timofeev

(проф. Тимофеев)

Правильность удостоверяет

Начальник чести п.п.

Подполковник

В. Бурман

(Бурман).

Удостоверение, выданное С. Н. Варшавскому, подписано Н. В. Тимофеевым-Ресовским как директором Научно-исследовательского института генетики и биофизики в Берлин-Бухе. Эту должность по распоряжению советского командования он занимал после прихода Красной Армии и до ареста в сентябре 1945 г.

Справка

Дана Крыловой Клавдии Яковлевне в том, что она в период замещения Берлин-Бухе заместителем Красной Армии, с января 1945 г. принимала активное участие в создании целостности и оборудовании Института Генетики и Биологии. После перевода Ин-та со всех штатов и оборудования Института Генетики и Биологии Советом в Бельградское Фронта и Санитарного Управления Фронта в ведение Санитарного Управления Фронта, была оставлена до особого распоряжения обслуживания данного Ин-та в СССР, работала в качестве научного консультанта - зоолога, выполняла научно-исследовательскую работу главным тематического типа. В период демонтажа Ин-та Генетики и Биологии работала также по демонтажу и отправке в Москву в Академию Медицинских Наук аппаратуры, оборудования и научные материалы указанного Института. После эвакуации Ин-та была оставлена в отделении здравоохранения САВТ для приведения в порядок научных коллекций и составлений научного отчета о проделанной работе.

Освобождена от занимаемой должности в связи с окончанием работы.

1/III 46г.



Е. А. Тимофеева / Тимофеев

Справка К. Т. Крыловой, подписанная Е. А. Тимофеевой-Ресовской. После ареста Н. В. и до отъезда в Сунгуль Е. А. исполняла обязанности директора НИИ генетики и биофизики.

группа в числе прочих выполняет работу по изучению „Биологического воздействия корпускулярного излучения, включая нейтронное, с точки зрения его использования в качестве оружия“» (С. 220).

Прокомментирую содержание цитированного текста.

1. После открытия Г.А.Надсоном и Г.С.Филипповым в СССР (1925) и Г.Мёллером в США (1927) генетического действия ионизирующих излучений исследования этой проблемы широко проводились и публиковались во многих генетических центрах стран Европы и США. Большой вклад в разработку этой проблемы внес Н.В.Тимофеев-Ресовский (работавший тогда в Берлин-Бухе), чьи работы еще до войны получили всемирную известность. К указанному Д.Ирвингом периоду — «с 1943 года» — эти исследования были практически завершены и опубликованы. При этом объектом экспериментальных исследований Н.В.Тимофеева-Ресовского и его сотрудников служила плодовая мушка дрозофила. Отмечу также, что в книге Д.Ирвинга фамилия Н.В.Тимофеева-Ресовского вообще не упоминается.

2. Б.Н.Раевский, на которого ссылается Д.Ирвинг, в Берлин-Бухе не работал. Он работал в Берлин-Далеме и Франкфурте-на-Майне, где до сих пор существует Биофизический институт, директором которого он был (сам Б.Н.Раевский умер).

Таким образом, в книге Д.Ирвинга не содержится никаких свидетельств, доказательств или упоминаний о причастности Н.В.Тимофеева-Ресовского к военным атомным проектам гитлеровской Германии. Зная чисто биологическую направленность научной специализации Н.В.Тимофеева-Ресовского (я проработал девять лет в его отделе в НИИМР АМН СССР, г. Обнинск), хочу специально подчеркнуть, что он никак не мог быть ни руководителем, ни участником проектов, связанных с разработкой атомного оружия, что требует высокой инженерно-физической квалификации.

В заключение хочу выразить недоумение, каким образом нейтральный абзац в книге журналиста Д.Ирвинга мог послужить поводом для обвинения Н.В.Тимофеева-Ресовского в причастности к гитлеровскому атомному проекту. Такого рода обвинения следует *доказывать*, а не *ожидать* их опровер-

жений. Данная ситуация, на мой взгляд,— типичный пример «презумпции виновности».

15 апреля 1988 г.

Начальник сектора радиобиологии
Отдела биофизики
Лаборатории ядерных проблем
Объединенного института
ядерных исследований,
доктор биологических наук
профессор (*В. И. Корогодин*)

3. И наконец, снова всплыл еще один «борец за правду», профессор Г.А.Середа из Обнинска, второй и последний начальник шарашки в Сунгуле. Из письма Середы, отправленно-го в ответ на публикацию в журнале «Москва», Бондаренко зачитывает ссылки на три статьи, в которых, по мнению Середы, имеются сведения о злодейских опытах Тимофеева-Ресовского на людях. Вл.И.Иванов переписывает ссылки, благо вся научная библиотека Тимофеева хранится в его институте. Свою экспертизу этих статей он отправляет в Главную военную прокуратуру.

А я тем временем звоню профессору Середу и приглашаю его к себе домой. Глеб Аркадьевич растерян, больше высказывает свои обиды на Гранина: что тот с ним не встретился, не побеседовал и не включил его рассказы в свою повесть. Письмо Бондаренко он не писал, кто-то, видно, ему передал запись его лекций. А Середа действительно много выступает по поводу Тимофеева-Ресовского и приводит эти статьи в качестве доказательства его экспериментов с людьми. Но если я докажу ему, что торий-Х в этих дозах безвреден и его используют по сей день, тогда он откажется от своих обвинений. Середа признается, что статьи эти дал ему другой человек, правда, человек нехороший, дурной, но, тем не менее, ради «правды» он согласился воспользоваться этими статьями. Глеб Аркадьевич назвал имя этого человека, оно было мне давно и хорошо известно, хотя мы лично и не были знакомы. Я позвонила этому человеку, предложила встретиться и снять нашу беседу на пленку. Но он отказался, сославшись на нездоровье. Поэтому

имени его я и не называю. Могу лишь сказать, что этот человек, Середа и Дубинин, объединившись, забросали Тимофеева таким убойным компроматом, что из-под него, как им представлялось, выбраться было невозможно.

В Обнинске в исследование этих статей включились сотрудники Института медицинской радиологии АМН СССР Н.Г.Горбушины Н.Г.Шишканов. В ходе экспертизы они показали, что в своих расчетах Середа или тот, кто подsunул ему эти расчеты, ошибается в 30 000 раз. Горбушин и Шишканов обращались и к Середе, и в редакцию «Нашего современника», где с удовольствием публиковали все пакостные материалы Середы, но безрезультатно. В редакции даже слышать не хотели об их экспертизе: у нас, мол, нет специалиста, чтобы разбирать ваши научные экспертизы.

Дважды мы ездили к Середе в Обнинск. Но он уже твердо стоял на занятой позиции и предлагал всем своим разоблачителям ввести себе в вену торий-Х. Кстати, Раиса Львовна Берг из Сент-Луиса сообщила, что ей как раз недавно делали радиоизотопную диагностику, при которой торий-Х был введен в вену. Но о том, что в своих расчетах он ошибается в 30 000 раз, Середа и слышать не хотел.

Я сказала Середе, что у нас есть интервью с Б.Мюллер-Хиллом, где он свидетельствует, что Тимофеев занимался фундаментальной наукой, и никоим образом не был связан с опытами на людях. Кроме того, я сказала ему, что собираюсь поехать в Мюнхен к Николаусу Рилу, чтобы тот ответил на вопрос, кто субсидировал научную работу Тимофеева и какое отношение Тимофеев имел к урановому проекту.

Как выяснилось впоследствии, Середа написал письма в оба эти адреса.

А на наши письма в прокуратуру ответом стала статья А.Кузьмина «К какому храму мы ищем дорогу?»¹ В статье вновь перечислялись все обвинения в адрес Тимофеева, а в качестве истинного ученого и патриота своей родины, то есть антипода Тимофеева, приводился лауреат Ленинской премии академик Н.П.Дубинин. Впрочем, тень Дубинина лежит на всех анти-timoфеевских акциях.

¹ Статья появилась в журнале «Наш современник» № 3 за 1988 год.

«В защиту Зубра и зубров» «выстрелил» О. Гусев в журнале «Охота»¹. А также в журнале «Знание — сила»² Н. Н. Воронцов в статье «Перед лицом истории» ответил на поставленные вопросы.

* * *

В мае 1988 года мы отправились во вторую поездку в Берлин. На этот раз в съемочную группу был включен и Андрей Николаевич Тимофеев. Мы счастливы, что предоставили ему эту возможность. Правда, в Шереметьево пришлось поволноваться, потому что паспорт его оказался недооформлен: печать была, а подписи не было. По отчаянным глазам было видно — он решил, что таким издевательским путем его хотят задержать и не пустить в Берлин.

Но все, слава Богу, обошлось. Андрей Николаевич впервые с 1947 года попадает в Берлин. Там нас встречает Гюнтер Фосс, он очень трогательно относится к Андрею Николаевичу и прекрасно организует съемки. Академик Роберт Ромпе, после предварительного ознакомления с вопросами, готов нас встретить. Когда мы вошли к нему, был солнечный майский день; когда выходили — повалил густой снег. В конце мая! Но это продолжалось не более пяти минут.

Разговор с Ромпе был трудным. Он предложил говорить на немецком, чтобы присутствующий при беседе молодой человек переводил на русский. Я удивилась, зачем такие сложности, когда мы все говорим по-русски. Ведь Ромпе, по происхождению из русских немцев, прекрасно владел русским языком. Словом, сперва начали по-немецки, а потом перешли на русский. Ромпе очень нервничал: ведь он был членом ЦК СЕПГ. Он говорил, что ГДР является витриной социализма, и их главная задача — поддержание этой витрины, а в СССР происходит какая-то непонятная перестройка. Ромпе явно боялся быть вовлеченным в наши перестроечные дела.

«Тимофеева осудили не в Германии, а в СССР, и если вы затеяли теперь процесс реабилитации, то это ваше внутреннее дело». Он был очень недоволен «Зубром» Гранина, потому что

¹ Охота. 1988. № 7.

² Знание-сила. 1988. № 7.

«надо было подробней описать сам процесс, ход развития науки, и тогда бы никакие глупые вопросы не возникали».

Но вот заговорили о Николае Владимировиче и Елене Александровне, и тогда любовь и восхищение отменили все его страхи и он весело сказал: «В Бухе *работал доктор Тимофеев* — это была Елена Александровна. Она вела колоссальную работу и при этом не получала никакой зарплаты. Но об этом никто не знал, это выяснилось уже после войны, когда проверяли документы института».

Ромпе рассказал о советских военнопленных, которые прятались у Тимофеева в подвале. Как выяснилось, об этом знал только он. Ромпе назвал военнопленного Александра Романова, который сидел с Фомой в гестапо, затем убежал, жил у Тимофеева в подвале и потом снова попался. В архиве Андрея Николаевича сохранилось письмо этого Романова¹. Написано оно уже после того, как Фому отправили в концлагерь.

Мы спрашиваем у Ромпе про статью Карла-Хайнца Рота «Прекрасный новый человек»², в которой автор обвиняет всех генетиков в том, что они инспирировали нацистские безобразия по «выведению нового человека и стерилизации неполноценных рас». Он писал, что даже такой ученый, как Тимофеев, который занимался фундаментальной генетикой на мушках дрозофилах, тоже в этом повинен, так как давал на своих мушках научные подтверждения расовой гигиене.

Ромпе сказал, что знаком с этой статьей, и бóльшую глупость по поводу Тимофеева трудно придумать. «Я скажу вам так: Николай Владимирович был человек глубоко верующий, и он считал, что мушка — не человек, и человек — не мушка! Понимаете? Потому что у человека есть душа, и потому все эти разговоры — глупость, просто глупость! Я скажу так: давайте вместе напишем книгу, я — его научную биографию на фоне развития науки, а вы — историю его жизни».

А. Н. Тимофеев дарит Ромпе уральские сувениры. А я даю магнитофонную пленку с записью моего последнего разговора с Тимофеевым.

¹ Это письмо есть в разделе «Письма».

² Копию этой статьи (*Roth K. H. Schöner neuer Mensch // Der Griff nach der Bevölkerung. Nördlingen, 1986. S. 11–63*) подготовил для нас Гюнтер Фосс.

Следующий визит — к академику Академии сельскохозяйственных наук ГДР (в прошлом президенту этой академии), другу Тимофеева, Гансу Штуббе. Радостная встреча с Андреем Николаевичем. Штуббе отмечает его новую черту — неожиданное сходство с отцом. Садимся за стол, начинаем съемку. Штуббе русским не владеет, поэтому беседа идет через переводчицу. Я спрашиваю у Штуббе, что ему известно об участии Тимофеева в расовых чистках. Штуббе отвечает, что он действительно слышал, что Тимофееву предлагали возглавить программу по стерилизации славянского населения. Просто дать свое имя этой программе. За это Тимофееву обещали, что Фому не отправят в концлагерь. Но Тимофеев категорически отказался, и Фома попал в Маутхаузен.

Итак, Штуббе подтвердил рассказ Лидии Кузнецовой в Миассово летом 1987 года. Еще она рассказывала тогда, что однажды в Свердловске, в день Святого Димитрия Солунского Николай Владимирович отправился в единственную действующую церковь где-то на окраине города. Елена Александровна, беспокоясь, попросила Кузнецову последить за ним. Николай Владимирович вошел в церковь и сразу бухнулся на колени. Решив, что ему плохо, Кузнецова кинулась, было, к нему, но ее остановили церковные старушки: «Оставь его — человек кается».

Берлин-Бух. В бывшем доме Тимофеевых снимаем встречу А.Н.Тимофеева с живущим ныне в этой квартире профессором Юнгом. Андрей Николаевич спрашивает, известно ли профессору Юнгу, как эксперту на Нюрнбергском процессе, был ли его отец связан с какими-либо криминальными опытами на людях, так как в России это мнение широко распространяется. Профессор Юнг категорически отрицает какое-либо отношение Тимофеева ко всем этим мерзостям.

Затем удивительно трогательная встреча Андрея Николаевича с Натальей Кром и Хильдегард Пальм. Конечно, они тоже поражены, до чего Андрей Николаевич стал похож на отца... Говорить о Фоме почти невозможно: рана эта незаживающая.

Наконец, нам удается попасть в Западный Берлин, в гости к Наталье Павловне Кром. Она показывает один из тимофеевских томов «Антологии русской поэзии», составленный и на-

печатанный им самим в Берлине. Другой том я видела в Москве у Т.И. Никишановой и в нем среди замечательных русских поэтов наткнулась на стихотворение «Не шалить!» моего любимого Велимира Хлебникова:

Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем высока
Воля правды у нас,
В соболях-рысаках
Чтоб катились, глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки.
Не зубами скрипеть
Ночью долгою —
Буду плыть, буду петь
Доном-Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые устриги.
Кто со мною — в полет?
А со мной — мои други!

* * *

В Москве приступаю к монтажу первого фильма «Рядом с Зубром». Тону в обилии материала. Очень трудно. Надолго заболела. Затем все-таки складываю фильм. Звонит огромное количество людей, все хотят помочь. Есть и странные посетители, которые явно присланы что-то выведать.

В августе 1988 года в Торонто проходит Генетический конгресс. На заседании, посвященном этическим проблемам генетики, как сообщил нам участник конгресса Юрий Богданов, почему-то возник вопрос о причастности Тимофеева-Ресовского к расовой теории. И главным обвинителем выступил Б. Мюллер-Хилл, тот самый, который сказал в интервью моему немецкому коллеге К. Беккеруо совершенной непричастности Тимофеева к каким-либо нацистским программам. На конгрессе оппонен-

том Мюллер-Хилла выступила негибкая Р.Л.Берг, а также Ю.Ф.Богданов, Н.П.Бочков, В.Н.Сойфер.

После конгресса Раиса Львовна Берг получила от Мюллер-Хилла «новые» компрометирующие материалы: это были известные уже нам статьи из компромата Середы. Как выяснилось впоследствии, Середа, которому я упомянула об интервью Мюллер-Хилла, написал ему письмо и, в качестве специалиста, подsunул все те же свои фальсифицированные расчеты, и тот клюнул. Раиса Львовна ответила Мюллер-Хиллу со свойственной ей прямотой: «Благодаря новым материалам Мюллер-Хилла я получила документальное свидетельство непричастности Тимофеева-Ресовского к преступлениям нацизма».

Мюллер-Хилл, цитируя Середу, ссылаясь в своих обвинениях на классика медицинской радиологии Робли Эванса. Василий Бабков послал аргументы Середы (опубликованные в «Нашем современнике») и Мюллер-Хилла своей коллеге Дайане Пол, которая переслала их самому Робли Эвансу. Тот, соединив две поговорки, резюмировал свою оценку аргументов Середы и Мюллер-Хилла следующим энергичным выражением: «Слепой поводырь слепых завел туда, где сам черт ногу сломит».

В конце 1988 года Мюллер-Хилл опубликовал в журнале «Nature» рецензию на вышедший в ФРГ перевод книги Гранина «Зубр», в которой из всех сил пытался лишить Тимофеева героического ореола¹. Письмом в тот же журнал Мюллер-Хиллу ответили Андрей Маленков и Валерий Иванов².

Бенно Мюллер-Хилл известен не только как молекулярный биолог, но так же как человек, участвующий в выяснении личной ответственности ученых в проведении опытов над людьми во времена нацизма. В своей рецензии на книгу Даниила Гранина (Nature, 336, 721; 1988) о Тимофееве-Ресовском, озаглавленной «Герои и злодеи», он подтверждает, что Тимофеев-Ресовский в подобных опытах не участвовал. Однако он тем не менее считает, что Тимофеев-Ресовский, вопреки мнению Гранина, не был личностью героической хотя бы потому, что будучи главой Отделения генетики при Институте кайзера Вильгельма он имел деловые контакты с пропагандис-

¹ Nature. 1988. 336, 721.

² Nature, 1989. 338, 612.

тами «расовой гигиены». (Мюллер-Хилл далее свидетельствует, что Тимофеев-Ресовский лично не опубликовал ни одной антропологической статьи.)

Объективный взгляд в прошлое, наряду с правильной оценкой личного поведения тех, кто жил при тоталитарных режимах — вещи очень важные. В этой связи судьба Тимофеева-Ресовского уникальна: ему пришлось жить и работать и в гитлеровской Германии, и в сталинском Советском Союзе.

По нашему мнению, чтобы правильно понять и оценить жизнь и дела Тимофеева-Ресовского, недостаточно взглянуть на них глазами человека, живущего много лет спустя в комфортабельном демократическом обществе. Поясним это на примере. Петр Капица, пытаясь спасти репрессированного Льва Ландау, написал письмо Сталину. Его содержание и в особенности форма весьма неприглядны по моральным критериям, принятым в западных демократических обществах: в этом письме знаменитый физик униженно просит Сталина освободить из тюрьмы ни в чем не виновного коллегу и заверяет, что Ландау в будущем не совершит никаких антисоветских поступков. Но учитывая ситуацию в Советском Союзе того времени, то был героический поступок Капицы, поскольку мог стоить ему жизни.

Точно так же поведение Тимофеева-Ресовского должно рассматривать в свете общества, в котором он жил. Надо ответить на два фундаментальных вопроса: каково было жизненное кредо Тимофеева-Ресовского? И как он следовал ему?

Тимофеев-Ресовский был глубоко верующим человеком. Он верил в абсолютный характер Добра и относительность Зла. Он считал науку гуманистической силой и в то же время полагал, что она не в состоянии решать фундаментальные моральные проблемы.

Будучи в Германии, он помог укрыться многим людям, рискуя своей жизнью. Его добровольное, глубоко продуманное возвращение в Советский Союз едва не стоило ему жизни: он был репрессирован как невозвращенец из Германии и чуть было не погиб от пеллагры в Карлаге.

Мы хотим подчеркнуть, что деление людей на «героев и злодеев» не есть плод гранинского упрощения ситуации, но есть прямое следствие существования в условиях тоталитарно-

го режима, который почти не оставляет возможности выбора. Отказавшись стать злодеем, Тимофеев-Ресовский должен был стать героем.

Именно в Советском Союзе Тимофеев-Ресовский совершил то, что стало, возможно, его самым главным достижением: восстановление связи между различными поколениями биологов — связи, почти утерянной из-за деятельности Лысенко.

По мнению тех, кто хорошо знал Тимофеева-Ресовского, он, потомок князей Всеволожских, никогда не изменял фамильному девизу: «Чести своей не посрами!»

Я заканчиваю фильм эпизодом подачи на реабилитацию. Готовый фильм прежде всего везут в ЦК и КГБ, а потом возвращают нам.

7 декабря 1988 года в Армении происходит страшное землетрясение. Во всех аудиториях, где показывается картина «Рядом с Зубром», армянская община собирает деньги для пострадавших от землетрясения. Эти деньги — «от Зубра». Так фиксируется во всех соответствующих документах.

Везу фильм в Свердловск. После просмотра люди просят прощения у присутствующих в зале Андрея Николаевича и Нины Алексеевны Тимофеевых. Просят прощения за то недоверие, за те оскорбительные унижения, которых немало хлебнули они, живя в Свердловске.

В Москве фильм успешно демонстрируется в кинотеатре «Стрела» на Смоленской. Премьеру в Доме кино снимает для «Кинопанорамы» TV. Но почему-то передача так и не вышла на экран. Все время срабатывает невидимый ограничитель. Центральная пресса отказывается публиковать рецензии. В газете «Известия» журналистке Марине Мурзиной удалось протиснуть свою рецензию «Еще одно возвращение Зубра»¹ только в день, когда она была дежурным редактором и могла без чьей-либо санкции использовать длинную, как кишка, газетную колонку...

Особенно запомнился мне просмотр фильма «Рядом с Зубром» в Дубне, в клубе Объединенного института ядерных исследований. Просмотр устроил В. И. Корогодин. После просмотра ко мне подошел знаменитый физик и легендарная личность Бруно Понтекорво и сказал:

¹ «Известия» от 5 сентября 1889 г.

— Дайте мне список физиков на Западе, которые могли бы выступить в защиту Тимофеева-Ресовского. Я им напишу...

Меня глубоко тронула решимость этого, уже совершенно больного человека стать на защиту Тимофеева. Это предложение — поступок небожителя. Никакими списками обременять его я, конечно же, не стала...

Я вспомнила поступок другого небожителя. Тимофеев провожал своего ученика, уезжавшего из страны без всякой надежды на научную работу, Гензеля Гегамяна. Он поставил свою очень характерную подпись на нескольких чистых листах бумаги:

— Сам сообразишь, кому адресовать. Меня ведь кое-кто из басурман еще помнит...

В первой же лаборатории в Париже, куда обратился Гегамян с рекомендательным письмом Тимофеева-Ресовского, его тут же взяли на работу...

Узнав, что я начала снимать фильм о Тимофееве-Ресовском, Гегамян купил видеокамеру и поехал в пригород Парижа к художнику Олегу Цингеру и снял для нас его воспоминания. Он привез в Москву текст «Бухиады» и копии рисунков Олега Цингера «Мазня на рисовальном столе в Бухе в 1945 году», где была представлена вся буховская компания. Видеоматериал вставить в фильм я не смогла ввиду полной его непрофессиональности. А рисунки Олега Цингера вошли в фильм «Рядом с Зубром».

...Прокуратура молчит. Продолжается дополнительное расследование...

Официально запускаем в производство фильм второй.

«Охота на Зубра»

Летом 1989 года в Москву из Берлина приехала коллега Василия Бабкова, американский историк науки Дайана Пол, профессор Гарвардского университета. Ей заказана статья о Тимофееве-Ресовском и о характере его работы в Германии для журнала «Scientific American». Мы сняли интервью с ней:

— Чем вызван ваш интерес к Тимофееву-Ресовскому?

— Я хочу понять, чем занимался Тимофеев-Ресовский в годы войны в Германии. Ведь он был советским человеком?!

Я знаю, что по этому поводу развернулась полемика в Советском Союзе. Я целый год изучала архивы в Америке, а также в Восточной и Западной Германии. Я изучала архивы в Западном Берлине, в Бундесархиве, в Немецком музее в Мюнхене, в Кобленце. И прежде я думала, что успешно работать в нацистской Германии можно было только при условии активного участия, скажем, в программе расовой гигиены, либо в разработке оружия. Но изучив за этот год огромный материал, я не нашла этому подтверждения. Тимофеев не имел ничего общего с урановым проектом, а исследования, которые он проводил, не имели ничего общего ни с химическим оружием, ни с каким-либо другим оружием — он занимался радиологической защитой.

Д. Пол сообщила нам также, что еще за год до Гранина о Тимофееве был написан роман, сейчас его переводят на многие языки. Автор его Элли Вельт, роман называется «Berlin Wild». «Берлинская дикая», так генетики обозначают местный дикий тип дрозофил; а можно понять и как «Дикий Берлин».

Д. Пол подарила нам книгу, а позже прислала копию письма Элли Вельт. Книжку, к сожалению, снять для фильма мы не успели, так как Лидия Кузнецова отдала ее прочитать поэту Андрею Вознесенскому с тем, чтобы тот выступил в защиту Тимофеева. Но, к сожалению, у Вознесенского книжка затерялась, а выступить он так и не нашел времени. Осталось только письмо Элли Вельт:

Дорогая Дайана Пол,

мой муж, Петер Вельт, полуеврей. Тимофеев спас его жизнь, как и жизни многих других. Я действительно располагаю значительной информацией о Тимофееве, и нахожусь в контакте с теми, кого он спас. При написании романа моим исходным намерением было высветить его героизм, его храбрость, и такие же качества других в Институте в Бухе. Показать, что достоинство и смелость могут существовать среди великого зла нацизма. В настоящее время я стала интересоваться психологией выживших. <...>

Ваша Элли Вельт

Мы с мужем провели с Дайаной Пол несколько чудесных вечеров. Она, оказывается, уже списалась с Николаусом Рилем и дала мне его адрес. Но самое главное, она сообщила, что коллеги в Берлине ей сказали, что в 1988 году, когда началось дополнительное расследование по делу Тимофеева-Ресовского, Прокуратура СССР обратилась в Прокуратуру ГДР с просьбой дать оценку научной деятельности Н. В. Тимофеева-Ресовского во время его пребывания в Германии, особенно в годы войны. Прокуратура ГДР обратилась в Академию наук ГДР, где была создана специальная экспертная комиссия. Председатель комиссии — генетик Гельмут Бёме. Комиссия Академии наук ГДР работу уже завершила, и никаких свидетельств в пользу сотрудничества Тимофеева-Ресовского с нацистским режимом обнаружено не было.

В июне я позвонила в Главную военную прокуратуру прокурору В. К. Кондратову справиться, когда завершится дополнительное расследование по делу Тимофеева-Ресовского. Он весело ответил, что «все в порядке, пришли документы из ГДР, и дней через десять вашего Тимофеева реабилитируют».

Мы стали готовиться к съемке заседания Верховного Суда. Но прокуратура почему-то молчала. И вдруг в начале августа мне позвонил Гранин и сказал, что из редакции «Советской культуры» ему сообщили о возможном отказе в реабилитации Тимофеева. Об этом, находясь в редакции по своим делам, случайно проговорился генерал-майор юстиции, старший помощник Главного военного прокурора, заслуженный юрист РСФСР В. Г. Провоторов. В редакции «Советской культуры» мне дали его телефон, и я договорилась о встрече.

Генерал-майор В. Г. Провоторов — очень милый и любезный человек, но сразу было видно, что в деле Тимофеева он не компетентен. О работе комиссии в ГДР он просто не знал или делал вид, что не знает. Но говорил, что из Германии пришли какие-то документы, будто бы свидетельствующие не в пользу Тимофеева. Говорил он все какие-то общие слова, а затем, видно проникшись сочувствием, уже перед уходом, отозвал меня в угол кабинета и сказал, что я должна понять, что они (прокуратура) — «люди подневольные: что им в КГБ скажут, такое решение они и примут. У Тимофеева много именитых

учеников, пусть они в КГБ и похлопочут. И надо спешить, срок — только сентябрь».

Необходимо было срочно предать происходящее гласности. И тут как раз в Колонном зале Дома Союзов должна состояться встреча с редколлегией журнала «Искусство кино», в состав которой я входила. Встречу снимало ТВ. И я вынуждена была использовать эту возможность, чтобы заявить: «Сейчас идет процесс реабилитации Тимофеева-Ресовского. Он — как лакмусовая бумажка: если Тимофееву откажут в реабилитации, значит в стране нашей ничего не переменялось. Следите!»

Отповедь дал мне ведущий программы Борис Ноткин. В своем комментарии он снисходительно посоветовал мне не соваться туда, куда не следует, а оставить прокуратуре самой решать вопрос, который находится в ее компетенции. В то время Борис Ноткин очень дружил на телеэкране с тогдашним Генеральным прокурором Сухаревым.

Тем временем Дайана Пол, вернувшись в Берлин, сообщила доктору Йохену Рихтеру, что о работе комиссии АН ГДР в Москве ничего не известно. Йохен Рихтер обратился к члену комиссии профессору Трипоцкому, и тот неофициально передал ему выводы из заключения комиссии. Йохен Рихтер, приехав в Москву, передал нам этот документ:

Резюмируя, эксперты установили следующее. Из документов, переданных в их распоряжение, и из материалов, подвергавшихся дополнительной оценке, вытекает, что исследования, которые проводил советский ученый Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, никогда не способствовали тому, чтобы сознательно укреплять фашистскую диктатуру в Германии или предоставлять фашистам средства для ведения войны.

1. Относительно утверждений писателей о предполагаемом участии Н.В.Тимофеева-Ресовского в изготовлении атомной бомбы, а также в опытах на людях.

Экспертиза установила, что подобные высказывания представляют собой чисто эмоциональные утверждения, не соответствующие действительности, и поэтому считаться обоснованными не могут.

Из материалов, подвергавшихся дополнительной оценке, ясно следует, что так называемый Уран-Ферейн (в который входили ведущие физики-атомщики, но не Н. В. Тимофеев-Ресовский) хотя и ставил перед собой задачу изготовить ядерный реактор и атомную бомбу, однако ему не удалось найти технически приемлемый путь для изготовления атомной бомбы с помощью средств, имевшихся в распоряжении Германии во время войны.

Кроме того, существуют свидетельства, что некоторые физики-атомщики сознательно затягивали проведение необходимых работ.

2. Сделанный Н. В. Тимофеевым-Ресовским в 1939 г. обзор о биологических институтах в Советском Союзе рассматривается как составная часть обвинения его в государственной измене. Однако необходимо принять во внимание тот факт, что этот обзор появился в момент действия договоров о ненападении и дружбе между Германией и Советским Союзом, т. е. в тот момент, когда между учеными обеих стран также возникли желание и интерес к более тесным контактам.

В этой связи необходимо также отметить, что в работу значимых научных учреждений всех стран входил также обмен публикациями. Как советские научные институты, за исключением военных лет, получали труды институтов Германии, так и научные институты Германии получали труды институтов Советского Союза.

3. При оценке высказываний, касающихся проблемы возвращения после 1937 г. в Советский Союз, необходимо учитывать сложившуюся ситуацию с генетикой в это время. Неоправданное государственное вмешательство в развитие естественных наук создало в первую очередь в генетике сложную ситуацию, которая выражалась в подавлении проведения основополагающих исследований в области генетики, а также в репрессиях ведущих генетиков.

Но публиковать этот текст мы не имели права, так как работа комиссии была засекречена. Зато мы сняли беседу доктора Рихтера с нашей переводчицей. Прогуливаясь среди зверей в Московском зоопарке, они обсуждали фильм «Рядом с Зубром»; Йохен говорил об абсурдности обвинений профессора

Иоганзена, а переводчица отвечала: «Есть обвинения более интересные, например, что Тимофеев танцевал с Евой Браун...» И слушали их изумленные звери в зоопарке...

* * *

Гранин устроил премьеру фильма «Рядом с Зубром» в ленинградском Доме кино. Ленинград неприятно поразил меня своим запущенным видом и хамством людей. За год город стал неузнаваем. Какие-то молодчики, грубо оттолкнув меня, уселись в остановленное мною такси. И на это никто не отреагировал! Всюду грубая речь, спросить что-либо — невозможно, да и обращаться боишься. Но куда делись ленинградцы — самые интеллигентные люди в стране?! Мне объяснили, что они вымерли. — Как это, взяли, и сразу вымерли? — Нет, произошла какая-то непостижимая подмена: их просто не стало видно.

Иду на ленинградское телевидение, в программу «Пятое колесо». Там снимали митинг общества «Память», на котором поносили Тимофеева. Представляюсь. Очень скромные и симпатичные ребята из «Пятого колеса» обещают разыскать этот материал, но тут врывается прораб перестройки — главный редактор «Пятого колеса» Белла Куркова. Безапелляционно и на повышенных тонах она заявляет, что без ее разрешения я никакого материала не получу. Но, во-первых, я не собираюсь ничего брать без ее разрешения, и, во-вторых, конечно же, мы заплатим и в титрах на них сошлемся. Куркова, подбоченясь, презрительно смотрит на меня.

— Сколько же вы заплатите?

— Сколько положено по государственной цене.

— Ха! Да мне иностранцы валютой платят!

— Но мы делаем фильм о Зубре, мы ведь должны помогать друг другу!

— Чего-о-о! — Она уже визжит. — За этот материал вы должны дать или валюту или кинокамеру «Аррифлекс». Все! — Ребятам очень неудобно, они тихо выходят из комнаты.

— Теперь я понимаю, почему Ленинград стал хамским городом, — отвечаю я и едва уношу ноги.

В семь вечера должен начаться просмотр фильма в Доме кино. На пять часов я приглашена на обед к Гранину. Но

где-то часа в три внезапно налетает страшный ураган, хотя ничто не предвещало его появления. С домов срывает крыши, бьются окна. Вечер под угрозой срыва. В Доме кино побито стекла. Я в отчаянии открываю в гостиничном номере окно и кричу прямо в смерч: «Николай Владимирович, прекратите немедленно! Я понимаю, Вы волнуетесь, нервничаете, но я же должна показать фильм! Ведь никто не придет смотреть его из-за вашего урагана! Пожалуйста, возьмите себя в руки!» На небе, как на сцене, раздвигается занавес, ураган мгновенно прекращается, сияет солнце, и я отправляюсь к Гранину.

Жена Гранина, Римма Михайловна, потрясена тем, что ураган к нужному часу так мгновенно осекся. Я рассказываю про свое обращение к Тимофееву, все смеются, и всерьез, конечно, мой рассказ никто не принимает.

Дом кино, несмотря на пронесшийся ураган, переполнен. Фильм произвел очень сильное впечатление. После фильма, как всегда, обсуждение. Гранин говорит, что совершенно напрасно мы подали на реабилитацию: перед кем оправдываться, просить прощения? Перед шпаной?!

Но реабилитация — это не амнистия, амнистия — значит: прощен. А Тимофеев-Ресовский амнистирован в 1951 году, а в 1955-м с него снята судимость. Реабилитация же означает признание властями *незаконности осуждения*.

В переднем ряду сидят старушки и в ответ Гранину отчаянно качают головами: нет, нет, нет, реабилитация нужна. Видно, сами сидели.

В целом вечер очень удался. Возвращаюсь в гостиницу, звонит Гранин и говорит, что, по-видимому, он был не прав, когда говорил, что реабилитация не нужна.

Возвращаюсь в Москву. А. В. Яблоков сообщает мне, что беседовал с физиком, член-корром Евгением Львовичем Фейнбергом, который упомянул о недавней встрече в ЦЕРНе¹ с французским физиком Шарлем Пейру. Тот рассказал ему, как в 1943 году, будучи военнопленным, познакомился с Тимофеевым, а затем до конца войны работал в Бухе. Я позвонила Евгению Львовичу, и он тут же предложил написать Шарлю Пейру с тем, чтобы тот дал официальное свидетельство. Привожу полученное свидетельство полностью:

¹ ЦЕРН — Европейский центр ядерных исследований в Женеве.

Я, нижеподписавшийся Шарль-Луи Жан Пейру, свидетельствую честью, что нижеследующее является абсолютной правдой.

Я познакомился с Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским в середине 1943 г. Я был французским военнопленным в Берлине. Я работал в его отделе с октября 1944 г. по сентябрь 1945 г. С конца ноября 1943 г. я виделся с ним очень часто, много раз в неделю, иногда почти ежедневно, и мы вели долгие разговоры. Я считал его наставником не только в науке, но и в культуре и политике. Я могу торжественно утверждать, что Н. В. Тимофеев-Ресовский был убежденным антифашистом. Я не хочу сказать, что он научил меня антифашизму, ибо это отвечало и моим мыслям, но, будучи гораздо старше меня и имея больший, чем мой, опыт в нацистской Германии, он, несомненно, укрепил мои взгляды и подвел под них более прочный политический фундамент.

Н. В. Тимофеев поддерживал многих людей, подвергавшихся нацистским преследованиям, предлагая им работу в своем отделе. Характеризуя Н. В. Тимофеева, я должен добавить, что, по его рассказам, ему предлагали германское подданство, но он отказался в выражениях жестких и ироничных: «Сударь, я родился русским и не вижу никаких средств изменить этот факт...»

Работы, проводимые в отделе Тимофеева, относились к генетике, в частности, к изучению мутаций под действием ионизирующих излучений у мух дрозофил, что, очевидно, не имело ничего общего с военными усилиями. Нужно хорошо понимать, что для бюрократии никакая научная деятельность не имела права на существование, если она не была провозглашена важной для войны с присвоением ей степени приоритета («Dringlichkeitsstufe»). Низкая степень приоритета означала в действительности, что эта работа не имела никакого значения для войны, но без ее присвоения Тимофеев и его сотрудники не могли не только работать, но даже покупать манную крупу и сироп, необходимые для размножения дрозофил.

Правда, отдел генетики («Genetische Abteilung») сотрудничал с научными службами Auergesellschaft, но это абсолютно не означало, что этот отдел работал на Auergesellschaft. Как раз наоборот, именно эти службы помогали Тимофееву, предоставляя и

отлаживая аппаратуру, необходимую для облучения, снабжая радиоактивными препаратами, используемыми для биологического мечения (по-английски — tracers), а также оплачивая часть персонала, в частности тех подвергавшихся опасности лиц, о которых я говорил выше. Я думаю (но здесь я не уверен), что это сотрудничество началось перед войной и затем продолжалось, имея наверняка низкую степень приоритета.

Наконец, нужно отметить, что в конце войны Тимофеев много раз имел возможность перевести свой отдел на запад. Он никогда не хотел этого делать, желая, как я думаю, вступить в контакт со своей родиной и соотечественниками. Он, наверное, не остался бы в Берлине, если бы ранее проявил хоть малейшую активность в деле помощи нацистским военным усилиям.

Наконец, известно, что его сын Дмитрий был арестован в 1943 г. за просоветскую деятельность; насколько я знаю, он переводил советские пропагандистские тексты с русского на французский для военнопленных французов. Дмитрий был заключен в концлагерь Маутхаузен, где исчез. Конечно, речь идет о Дмитрие, а не о Николае Владимировиче, но эта деятельность свидетельствует о воспитании, которое он, Дмитрий, получил.

Совершено в Женеве 4 декабря 1989 г.

Шарль Пейру, бывший директор отдела ЦЕРН,
почетный профессор университета в Берне.

Рассмотрено в генеральном консульстве Франции с целью официального удостоверения вышеприведенной подписи г-на Шарля Пейру, расположенной справа и выше.

Женева, 4 декабря 1989 г.
за генерального консула
и по его поручению
Клэр де Суза, вице-консул,
глава канцелярии.

Но пока Шарль Пейру удостоверял свою подпись, в конце ноября вышел 11-й номер «Нашего современника» со статьей с зажигательным названием: «Кто вы, доктор Тимофеев-Ресовский?» Авторы — первый заместитель главного редактора

Д. Ильин и мой новый знакомец, генерал-майор В. Провоторов. Теперь стало понятно, почему сердобольный генерал Провоторов советовал мне, чтобы ученики Тимофеева надавили на КГБ до конца сентября.

Вслед за журналом, как приложение к статье или под ее прикрытием, приходит письмо из Главной военной прокуратуры за подписью незнакомого мне помощника Главного военного прокурора Н.Л. Анисимова.

Прокуратура
Союза Советских
Социалистических Республик
Главная Военная прокуратура
27 октября 1989 г.
№ 3-39076-45

119852 Москва, Хользунов переулок, 14
Центральная киностудия
научно-популярных и учебных фильмов
тов. *Саканян Е.С.*
125445, Москва, Валдайский пр., д. 16.

Елена Саркисовна, Ваше заявление от 19 января 1988 г., адресованное Генеральному прокурору СССР по вопросу реабилитации профессора Тимофеева-Ресовского Н.В. передано в Главную военную прокуратуру и рассмотрено.

Расследованием установлено, что Тимофеев-Ресовский Н.В., будучи гражданином СССР и руководя германским государственным научно-исследовательским учреждением, лично сам и совместно с подчиненными научными сотрудниками занимался исследованиями, связанными с совершенствованием военной мощи фашистской Германии, ведущей тотальную войну против Советского Союза, чем совершил измену Родине в форме перехода на сторону врага, т.е. преступление, предусмотренное ст. 58-1а УК РСФСР (в редакции 1926 г.).

Оснований для постановки вопроса об отмене состоявшегося по делу судебного решения не имеется.

Помощник Главного военного прокурора

[подпись] *Н.Л. Анисимов*

Итак, Тимофееву не просто отказано в реабилитации, но и выдвинуты новые обвинения, которых не было на следствии 1945-1946 годов. Тогда обвинили только в невозвращении на родину в 37-м (один том уголовного дела 1945-1946 года), а сейчас — в «совершенствовании военной мощи фашистской Германии <...> чем совершил измену Родине в форме перехода на сторону врага» (десять томов уголовного дела 1988–1989 года). Обоснование этих обвинений — в пространной статье в «Нашем современнике», где обильно и грозно цитируются обрывки фраз из этих томов.

Звоню генерал-майору Провоторову и спрашиваю, читал ли он статью в «Нашем современнике» и согласен ли со всем, что под его именем опубликовано.

— Да, согласен.

— Тогда давайте, мы возьмем у вас интервью!

— Я не уйду от ответа, — отвечает Провоторов. — Но представьте мне сначала в письменном виде вопросы, я покажу начальству, мы все решим, и потом я вам отвечу.

Говорить с Провоторовым не имело смысла. В глубине души я еще надеялась, что его именем просто воспользовались.

Ложь и мракобесие наворожены в статье, полной глубокого презрения к науке вообще и ко всем ученым, выступившим в защиту Тимофеева, в частности. Скрыты результаты специальной комиссии Академии наук ГДР, работавшей по заказу Главной военной прокуратуры. Сделаны чудовищные псевдонаучные фальсификации. Из показаний академиков Р. Ромпе, Г. Штуббе и других вырваны отдельные предложения и интерпретированы в прямо противоположном смысле.

Мне позвонил Гранин и раздраженно сказал, что нечего было мне затевать эту историю с реабилитацией. Я ответила, что ему тогда незачем было писать книгу. А если показал Тимофеева миру, так надо идти до конца и официально его реабилитировать, чтобы раз и навсегда прекратить все грязные потоки лжи. Что-то в таком духе. С тех пор с Граниним мы, к сожалению, не общались.

* * *

Однако надо было срочно лететь в Германию, чтобы встретиться там с членами комиссии, пока еще отказ от реабилитации и статья в «Нашем современнике» не получили широкой огласки. Но был конец года, и весь лимит валюты, выделенный нашему фильму, был уже израсходован. И вдруг — о чудо: директор нашей студии А. Г. Буримский, который еще не был в курсе последних событий, говорит мне, что у студии в конце года осталась неизрасходованная валюта и я могу, если мне нужно, лететь в Германию.

Я позвонила Гюнтеру Фоссу, чтобы он договорился с председателем комиссии Гельмутом Бёме в Магдебурге, нашел бы фрау Треттин, опрос которой упоминается в «Нашем современнике», а также некоего Пютца, показания которого обильно цитируются в статье.

В свою очередь профессор Н. Н. Воронцов решил собрать у себя в Госкомприроде, председателем которого он тогда был, ученых и журналистов по поводу статьи в «Нашем современнике». И вдруг — страшная трагедия: внезапно, накануне своего выступления на Съезде народных депутатов с проектом конституции, умер Андрей Дмитриевич Сахаров. Все смешалось. Пресс-конференция будет уже после похорон. Я оставляю вторую съёмочную группу, чтобы они снимали пресс-конференцию, а основная группа 17 декабря 1989 года, в день похорон Сахарова, вылетает в Берлин. Чудовищный гололед, вся проезжая часть покрыта толстой коркой льда. С невероятным трудом добираемся до Шереметьева — и в Берлин.

А в Берлине тут же попадаем на антифашистскую демонстрацию, город гудит, рушат Стену, вот-вот произойдет объединение Германии. «Зубр» уже опубликован и в ГДР. Едем к академику Роберту Ромпе. Согласно «Нашему современнику», «в ходе расследования 1988-1989 годов Ромпе заявил, что ему ничего не известно об антифашистской деятельности Тимофеева (том 9, листы дела 144–155)».

Роберт Ромпе тут же сказал, чтобы мы не впутывали его в наши дела. Но когда он прочитал свои показания в «Нашем современнике», возмущению его не было предела.

— Я сказал, что по поводу Тимофеева у Гранина все написано правильно. Он никогда не принимал участия в левых организациях. И не только в левых, но и вообще ни в каких. Он всегда был независим. Он был человек православный и всегда руководствовался только христианскими идеями. То, что Тимофеев спасал евреев, и не только евреев — это факт! То, что он помогал своему сыну Фомке, который как раз состоял в организации, — это факт! Он прятал у себя в подвале беглых советских военнопленных — это факт! Тимофеев *защищал* людей. И если у вас в стране это не называется антифашистской деятельностью — то это проблема вашей страны. Поймите меня правильно, если я отказываюсь сниматься у вас в фильме, это не значит, что я отказываюсь защитить Тимофеева, нет, но это я сделаю по своим каналам.

Ромпе мы все-таки сняли. Но материал оказался засвеченным, и поэтому в Москве пришлось перевести его на видеопленку и заново переснять.

Отправляемся в Берлин-Бух к свидетельнице Шарлотте Треттин, которая будто бы «показала, что Тимофеев принимал участие в нацистской демонстрации (том 9, лист дела 180)». Старушка Треттин была разъярена:

— Тимофеев не имел никакого отношения ни к национал-социалистическим демонстрациям, ни к их действиям! Совсем наоборот! Я же сказала этому, из органов безопасности, который пришел сюда, расставил свои микрофоны и посмел устроить мне допрос. Я же сказала ему, что когда директором института стал национал-социалист Шпатц, то *один* раз он вынудил, заставил Тимофеева пойти на *первомайскую* демонстрацию. Это был один-единственный раз, на 1 мая, и больше Шпатцу никогда не удавалось сделать...

— Тимофеев взял нас под свою защиту, он спас нас: ведь когда в апреле 1945 года нацистский уполномоченный распорядился, чтобы все женщины и дети отправились на грузовиках в Берлин, то пришел Тимофеев, и вернул нас в подвалы, а те, кто все же успел уехать в Берлин — погибли там под бомбежкой.

Спрашиваю о Пютце, бывшем сотруднике абвера, заведовавшем финансами в институте. Согласно статье в «Нашем современнике», создается впечатление, что он жив и дал пока-

зания сейчас. Однако фрау Треттин говорит, что он умер в 1947 году в лагере, куда его как раз и отправили за ложные показания. Согласно статье, Пютц показал, что Тимофеев спрятал какую-то научную аппаратуру от советского командования. Комментирует Треттин:

— История с аппаратурой действительно была. Только уже после ареста Тимофеева. Так что он к этому не имел никакого отношения. Аппаратуру, а именно электрокардиограф и электроэнцефалограф из Института мозга, спрятал сотрудник Тимофеева доктор Циммер с двумя механиками, чтобы впоследствии открыть врачебный кабинет.

Согласно «Нашему современнику» Пютц также показал, что перед приходом Красной Армии Тимофеев велел уничтожить документы с грифом секретности. Однако, как рассказали и Ш. Треттин, и Р. Ромпе, и Н. Кром, и Х. Пальм, на всех финансовых документах обязательно стоял гриф «На нужды войны», иначе не было бы финансов. Трудно представить себе, чтобы кто-то в апреле 1945 года стал разбираться в этих документах, так что их уничтожение было разумным.

А вот на вопрос, какие же работы велись в отделе, Главной военной прокуратуре СССР ответила специально для этого созданная комиссия Академии наук ГДР. Но экспертизу этой комиссии Главная военная прокуратура проигнорировала и, более того, скрыла факт ее существования.

Мы едем в Магдебург, в Институт генетики, к профессору Г. Бёме, председателю комиссии. По дороге слушаем радио о стремительно развивающихся событиях в Румынии, о бегстве Чаушеску с женой, об их аресте и расстреле...

Профессор Бёме сначала отказывается говорить о комиссии, так как давал подписку о неразглашении. Но, когда я показываю ему документ об отказе в реабилитации и инкриминируемые Тимофееву обвинения, он потрясен. Они-то считали, что Тимофеев уже реабилитирован. Правда, ответа из Главной военной прокуратуры, как это принято у цивилизованных людей, они не получили. Расследование проводилось целый год, и были опровергнуты все обвинения, более того, в результате своего расследования они выяснили и были поражены тем, насколько Тимофеев недооценен как ученый!

Затем профессор с ужасом читает «экспертизы» Ильина и Провоторова в «Нашем современнике». Мы оставляем ему копию отказа в реабилитации и просим у него полный текст экспертизы (ведь у нас есть только резюме). Но Бёме не имеет права отдавать нам, киношникам, полный текст экспертизы и предлагает, чтобы официальная инстанция, например комиссия по научному наследию Тимофеева-Ресовского, обратилась за текстом к президенту Академии наук ГДР академику Шелеру.

В Берлине берем интервью у профессора Трипоцкого. В качестве члена комиссии он должен был ответить на вопрос о роли и положении Отделения генетики и биофизики в Берлин-Бухе в системе научных исследований Третьего Рейха. Трипоцкий сказал, что Тимофеев организовал отделение в 1928 году. С 37-го это отделение стало самостоятельным, но в рамках Института мозга. Такие самостоятельные отделения в Обществе кайзера Вильгельма организовывались только в том случае, если, во-первых, была достаточно серьезная тема для исследований, и, во-вторых, если во главе такого отделения находилась замечательная личность. И тогда этой личности давалась свобода и большая самостоятельность для работы.

— Руководил ли Тимофеев «германским государственным научным институтом»? — читаю из обвинительного документа.

— Нет, Общество кайзера Вильгельма оплачивалось капиталом самого общества, состоящим из взносов членов общества, к этому лишь добавлялась небольшая сумма от правительства Рейха. Таким образом, Общество кайзера Вильгельма не было государственным учреждением, и уж тем более Тимофеев не был его руководителем.

Итак, все пункты обвинения разоблачены специальной комиссией, и все это снято на пленку.

А в Москве прошла пресс-конференция в Госкомприроде, где собрались ученые и журналисты. Адвокат Г.Н. Монахов указал на незаконность, с юридической точки зрения, предъявления новых обвинений Тимофееву-Ресовскому при пересмотре судебного постановления 1946 года, когда он был осужден только за невозвращение.

Сотрудник Института медицинской радиологии АМН Н.Г. Шишканов зачитал свое письмо к научной общественно-

сти, где разоблачал фальсифицированные данные Г. А. Середы, широко цитируемые «Нашим современником».

Василий Бабков сообщил о факте существования экспертной комиссии Академии наук ГДР, образованной по просьбе Прокуратуры СССР, который был скрыт Главной военной прокуратурой, и зачитал переданное Йохеном Рихтером заключение комиссии АН ГДР.

Евгений Львович Фейнберг огласил прибывшее из Женевы «свидетельство чести» Шарля Пейру, заверенное Генеральным консульством Франции.

Сергей Петрович Капица сказал, что статья в «Нашем современнике» является опасным симптомом: презрение к науке, к высоколобым, очень свойственно фашизму.

Я передала заместителю председателя комиссии по научному наследию Н. В. Тимофеева-Ресовского Вл. И. Иванову предложение Г. Бёме. Иванов написал президенту Академии наук ГДР В. Шелеру и вскоре получил на 50 страницах полный текст экспертизы немецкой комиссии.

Если бы столь своевременно не были произведены все эти разоблачения, наш фильм, несомненно, был бы закрыт. Но свидетельства, привезенные нами из Германии, и материалы пресс-конференции в Госкомприроде позволили фильму удержаться в плане студии. На 1990 год даже была запланирована валюта для поездки в Женеву и Мюнхен.

Я уже списалась с Николаусом Рилем, и он согласился встретиться с нами. Кроме того, были проведены переговоры с ЦЕРНОм и Шарль Пейру предупрежден о нашем скором визите.

* * *

Наступил 1990 год.

Надо сказать, что статья в «Нашем современнике» — это был тяжелый удар. Очень многие отвернулись или потеряли к нам интерес. До нее рядом было густо, потом же оказалось — пусто. В эти тяжелые дни отправились мы к о. Александру Менью. Незадолго до смерти Тимофеева о. Александра Меня привез к нему в больницу в Обнинск о. Александр Борисов. Привез для исповеди и причастия...

О. Александр Мень сразу, без лишних вопросов, согласился сняться в нашем фильме. Мы стояли с ним во дворе перед церковью, на том самом месте, где восемь месяцев спустя будет стоять его гроб. А сейчас, в начале февраля, шел снег, и было состояние необычайной просветленности.

— Отец Александр, я прошу у вас не тайны исповеди, а ваши впечатления от встречи с этой личностью.

— Должен сказать, что это был человек совсем не уходящий, не угасающий. Наоборот, мощь его натуры проявилась в ту нашу встречу во всей ее красоте и полноте. Подобные люди рисуются нам, когда мы вспоминаем эпоху Возрождения, это титанические фигуры.

Размах его мысли, размах его интересов, юмор, что-то богатырское, и можно понять, что именно такой человек способен был пройти столь сложную жизненную дорогу и сохранить не только человеческое достоинство, а раскованность, свободу, полноту.

Его одухотворенность и его вера — не что-то ущербное, наоборот, — это что-то, восполнявшее полноту его жизни. Он глубоко и обоснованно верил в бессмертие души. Это философски продуманное им и внутренне пережитое убеждение. Ведь в это верят все люди, но бессознательно, инстинктивно. А он верил продуманно, пропустив глубину интуиции через фильтр своего мощного разума.

Это фигура, которая независимо от его заслуг в науке, независимо от его места в истории российской интеллигенции, сама по себе, как личность — это потрясающая скульптура, которая может украсить собор Святого Петра.

Он сохранил себя личностью, могучей, независимой, светлой, утверждающей личностью. Вот мне представляется, что таким должен быть христианин. В нем было смирение большого ученого и открытость человека, который многое пережил. Колесо истории прошло по нему, но неспособно было раздавить его — *таких оно не может раздавить*.

Он был действительно тот светлый христианин, который нам рисуется, когда мы думаем о самых крупных личностях в истории.

— И жизнь свою он прожил по-христиански?

— Это очень трудный вопрос. Каждый человек, который имеет христианскую настроенность и цель, стремится к этому.

Но не может человек судить об этом! Судить об этом может только Бог.

Через восемь месяцев после этого интервью, 9 сентября 1990 года, отец Александр Мень был зверски зарублен топором по дороге к храму.

* * *

Профессору Николаусу Рилю я обещала приехать в январе. Но командировка наша состоялась только в конце февраля, причем из-за нехватки денег мы вынуждены были везти с собой видеокамеру, чтобы одновременно записывать изображение и звук.

Сперва мы поехали в Женеву, в ЦЕРН, к профессору Шарлю Пейру. Пейру поначалу разговаривал, почти стоя спиной к нам. Он не хотел говорить, потому что уже был печальный опыт: к разным людям за границей, знавшим Тимофеева, приезжали из СССР, проводили опросы, а потом в России распространяли какую-нибудь гадость со ссылками на заграничные источники.

Но так как я не могла разговаривать со спиной Пейру, я подсунула ему нашу любимую фотографию Тимофеева в одежде¹, Тимофеева-патриция. Сердце Пейру не выдержало. Он обернулся к нам и попросил подарить ему эту фотографию. Пейру позвонил домой, своей жене Шошо, с которой он познакомился в 1943 году у Тимофеева в Берлин-Бухе. Пейру говорил с ней по-французски, но мы сняли его разговор на видео и в Москве перевели:

— Алло, Шошо, слушай, маленькая, я тебе кое-что сообщу. Эти люди хотят снимать нас с тобой вместе. Они хотят все знать. Я знаю, что они очень заняты, и могут приехать только сегодня после обеда. Ты можешь, конечно, позвонить и сказать, что они некстати. Но они приедут на одну секунду... Это очень интересно. У нее есть все фотографии Буха. И я вынужден был подарить мне фотографию Тимофеева в России. Он старый, но очень красивый. Я сейчас им рассказываю о том, что не Тимофеев спрятал аппаратуру, а Циммер и Машен.

¹ Автор этой фотографии С.Э.Шноль.

Кто? Плюге? Значит, еще и Плюге... Ну что ж, очень тебе сочувствую, мы скоро приедем.

Переводить нам любезно согласилась сотрудница ЦЕРНа, Татьяна Фаберже, внучка знаменитого русского ювелира Фаберже.

Шарль Пейру, будучи французским военнопленным, в 1943 году согласился на предложение немецкого физика Шона покинуть концлагерь и работать у него в лаборатории, но только после письменного разрешения на это Жолио-Кюри, который был во французском Сопротивлении.

Сперва мы снимаем Шарля Пейру в ЦЕРНе.

— Вы слышали о Розбауде?— спрашивает меня Пейру.

— О Пауле Розбауде? Главном редакторе журнала «Die Naturwissenschaften»? Да, я читала, что он был английским шпионом.

— Да, да, он был английским осведомителем. Розбауд был страшный антинацист. Он был консультантом у Шпрингера. И именно Розбауд посоветовал физику Шону взять нас из концлагеря к себе, меня и другого физика Пиатье. Шон написал мне письмо, немного закодированное, в котором говорилось, что Морис де Бройль и Жолио-Кюри согласны. Таким образом я проконсультировался со своими знаменитыми учителями и коллегами. Мы стали работать в берлинской лаборатории у Шона, мы переводили научную литературу с французского на немецкий. Существовало такое негласное соглашение между нами и гестапо: мы не хотели работать на войну, да и гестапо не хотело, чтобы мы работали на войну, поскольку мы могли оказаться шпионами. Это я узнал, конечно, потом.

— А как Вы узнали про Тимофеева?

— Розбауд знал Тимофеева, Шон знал Тимофеева, вся физика знала Тимофеева, поскольку в то время вызывало большой интерес то, что называется биофизикой. Существовало Германское общество биофизиков, в котором состояли Шон, Риль, Иордан, который был нацистом, но неопасным нацистом.

— А как вы познакомились с Тимофеевым?

— В Берлин на принудительные работы на каком-то заводе привезли моего брата Пьера Пейру. И Шон попросил Тимофеева взять моего брата. Сказал, что мой брат биолог, хотя

он только начал учиться и проучился несколько месяцев. Мы с братом приехали в Бух. Я помню первую фразу Тимофеева: «Господа, кто из вас — брат?!» Мы договорились.

Я знал одного француза, очень хорошего товарища, немного вишиста, он знал немецкого чиновника, который мог дать разрешение моему брату на смену работы. Я поехал к этому чиновнику с пятью заграничными марками и двумя сигаретами. И мой брат сменил работу. Я думаю, что не стоит объяснять это русским, советским, у вас должны быть аналогии.

Таким образом мой брат стал сортировать мух у Тимофеева. Наташа Кром научила его этому. И 22 ноября 1943 года, очень важная дата, американцы стали бомбить Берлин. А мы жили с братом и другом в центре города. Это было ужасно. И Тимофеев сказал моему брату Пьеру: «Петр Петрович, поезжайте в Бух, чтобы ночью не подвергаться бомбардировке, и заберите с собой брата». Но в Бухе негде было жить. И мы ночевали на соломенных матрацах прямо в лаборатории. Утром я ехал в город в лабораторию, а брат оставался в Бухе. Потом Шон уехал на Запад и хотел меня взять с собой, но я не хотел уезжать на Запад, так как был влюблен в Шошо. Все уладилось, и меня перевели в Бух, не в Отделение генетики, а в другой институт в Бухе, где я работал у Циммера.

— А почему Тимофеев не уехал на Запад?

— Решение остаться в Берлине, в 1945 году, Тимофеевым было хорошо обдуманно. Иногда Тимофеев говорил о том, что не сможет быть крысой, бегущей с тонущего корабля. Мое личное мнение — он испытывал ностальгию, ностальгию по России. Кто-то говорил, что если вдруг Фомка остался в живых, то он вернулся бы в Бух. И Тимофеев ждал в Бухе. А вот еще одна версия: Тимофеев был очень человечным и, может быть, он остался для того, чтобы как-то защитить свой младший персонал, который не смог бы перебраться на Запад.

Но он знал, причем знал очень хорошо, что играет в опасную игру. Вечером накануне прихода советских войск он пришел ко мне, и я спросил: «Ну что, завтра все кончится?» «Да», — ответил Тимофеев. Я спросил: «Это опасно?» «Для вас — нет, а для меня это может быть смертельным», — ответил он.

Из ЦЕРНа мы поехали домой к Шарлю Пейру. Он чрезвычайно эмоционален, а жена его, красавица Шошо, очень

сдержана. Мадам Шошо — полька, но Тимофеев выправил ей немецкое происхождение. У Тимофеева она работала с 1938 года.

Рассматриваем фотографии. Пейру очень волнуется.

— Почему ты так взволнован?— спрашивает его жена.

— Я всегда волнуюсь, дорогая. Это просто ты такая, что у тебя есть силы оставаться спокойной...

— Вот он, Лазаренко! Он был из охраны, которую оставил русский полковник Бухман следить за институтом, чтобы не было там грабежей. А это Лутц Розенкётер, одноклассник Андрея... он полуеврей. Когда разбомбили тюрьму в Дрездене, где он сидел, то он прибежал в Бух и Тимофеев спрятал его у себя.

Потом смотрим фильм «Рядом с Зубром».

— Андрей, Андрей, как он похож стал на отца, никогда бы не подумала.

— Андрей болеет, облучен еще в шарашке.

— Он курит, как отец...

— А это шарашка...

— По словам Кача, там был прекрасный пейзаж. Действительно похоже.

Начинаем интервью:

— Я практически всему научился у Тимофеева,— говорит Шарль Пейру.— Политике, философии. Я считаю его одним из самых больших ученых, которых я когда-либо встречал, а встречал я многих, так что знаю, о чем говорю...

— Знали ли вы что-либо о людях, которых он прятал в подвале?

— Нет, нет, об этом я не знал, не знаю, кто у него был там в погребе. Здесь он был очень себе на уме и ничего не говорил. Но был Паншин, который выдавал себя за фольксдойч. Знаете, что это такое, фольксдойч? Как говорил Тимофеев, у него была какая-то прабабка немка, во времена Петра Великого. Паншину надо было спасти жизнь! Ведь он был военнопленным, значит, он был мертв! Русские военнопленные были мертвы по самому определению.

— Как появился Топилин¹?

— Не знаю. И про людей в подвале не знаю. Есть такое правило: ваш великий Сталин говорил, что секрет должны знать

¹ Пианист, аккомпаниатор Д. Ойстраха.

только три человека, тогда у него есть гарантия продержаться три часа. И он был прав!

— А как Паншин решил остаться в Берлине?

— Паншин?!— кричит Пейру.— Паншин был фанатичным коммунистом — или русским патриотом, если вам так больше нравится. Накануне прихода русских, по-моему, 20 апреля, день рождения Гитлера, появились первые русские штурмовики. Паншин стоял возле меня и орал: «Уже три года я вас жду!» Когда пришли русские, я слышал, как Паншин сказал Тимофееву: «Идем в комиссариат» или не знаю, как это назвать. Паншин проявил инициативу и не вернулся.

Когда пришли русские, не знаю, как там их назвать, НКВД или другие какие войска, то они нашли в гестапо документы на арест Тимофеева и всей нашей команды.

На следующий день Пейру пригласил нас в ресторан. Он плакал, рассказывая нам о своем учителе Тимофееве. Никогда не забуду этого бесконечно милого, прожившего сложную жизнь и всегда остававшегося эталоном порядочности человека.

Рано утром из Женевы поездом отправляемся в Мюнхен к Николаусу Рилью. В дороге по радио все время говорят о страшном урагане с каким-то женским именем, проносащимся где-то параллельно с нами из Швейцарии в Германию. В Мюнхене звоню профессору Рилью. Он живет в пригороде Мюнхена, в Бальдхаме.

Николай Васильевич очень расстроен и сильно испуган. Он отказывается сниматься в фильме и говорит, что мы обещали приехать в январе, а вместо этого приехали в феврале, и сейчас он не будет давать интервью. Что-то произошло за этот месяц, очевидно, его предупредили, чтобы он с нами не встречался. С трудом договариваюсь с ним о встрече без камеры. Еду в Бальдхам.

Супруги Риль встречают меня на вокзале. Каким-то чудом он стоит как раз на том месте, где остановился мой вагон, и мы сразу узнаем друг друга. Риль очень высокий, красивый старик, ему 90 лет. Он как осенний листок на ветру: вот-вот сорвется и отправится в дальний путь. Я сразу же ощущаю ту же непосредственность, юмор, обаяние, которые отличают всех людей *timoфеевского* круга. За рулем фрау Риль, встретившая меня настороженно. По пути заезжаем сделать ксерокс пись-

ма, которое Риль написал Дайане Пол несколько месяцев назад. В нем он отвечает на все вопросы по поводу Тимофеева. Ксерокс этого письма он вручает мне, и говорит, что я могу его опубликовать. Но повторяет, что сниматься он не будет.

По дороге — вывороченные с корнями деревья от прошедшего здесь урагана. «Видите, какой страшный ураган был у нас вчера,— говорит Риль.— Наверняка это Тимофеев примчался сюда,— отвечаю я.— Риль смеется: Возможно, так оно и есть, во всяком случае, на него это очень похоже».

Дома Риль лукаво показывает мне письмо от Г.А.Середы, в котором тот предупреждает Рилья «ни в коем случае не встречаться с ужасной армянкой, которая ездит и собирает всякие сведения о Тимофееве».

Но не этого письма испугался Риль: оно написано полгода назад. Какие-то более могущественные инстанции предупредили его прямо накануне нашего приезда. Но об этом мы с Рилем не говорим.

Мы говорим о том страшном и прекрасном времени, которое было временем расцвета их творческих сил.

Риль написал книгу «Десять лет в золотой клетке»¹ — о своем пребывании на закрытых объектах в Советском Союзе, где советские и немецкие ученые создавали советскую атомную бомбу. (Эту книгу нам подарила Дайана Пол во время визита в Москву.)

В разговоре я замечаю, что, по сути, он теперь единственный человек, который был знаком и с гитлеровской верхушкой (из-за того, что был директором Ауэргезельшафт), и со сталинской (в частности, он был знаком с Берией), и он мог бы сравнить два тоталитарных режима. Эта идея Рилья очень веселит. И он соглашается ответить завтра только на этот единственный вопрос, при условии, что снимать мы будем не более 15 минут и чтобы не было никакого киношного света.

На следующий день повалил густой снег. Снимать без света невозможно, значит съемка срывается. Тогда, в присутствии оператора М.Алексаняна, я открываю в гостинице окно и кричу в эту метель: «Николай Владимирович, что вы делаете, я так долго и трудно шла к Рилью, а вы не даете нам работать. Возь-

¹ *Riehl Nikolaus. Zehn Jahre im goldenen Käfig. Dr. Riederer Verlag. GmbH-Stuttgart. 1988.*

мите себя в руки, прекратите эту метель!» В мгновение ока метель стихла, на небе раздвинулся облачный занавес, засияло солнце, и мы отправились к профессору Рилю. Произошедшую резкую смену погоды отметил также и Риль, и мы с удовольствием признали присутствие Николая Владимировича здесь, с нами.

Беседа наша началась, как мы и договорились, со сравнения двух тоталитарных систем, и Риль должен был выступить в роли эксперта, но сперва надо было поговорить, как он оказался в этой роли. Риль известен как изобретатель люминесцентной лампы, ученик Отто Гана и Лизы Мейтнер. В конце 30-х годов он стал директором научного центра акционерного общества Ауэр. После открытия расщепления атома стал заниматься технологией получения чистого урана:

— Уран должен быть очень чистым, чтобы реактор функционировал и чтобы можно было бы получить атомную энергию. Мы, правда, не очень далеко дошли к концу войны, потому что гитлеровское правительство не интересовалось этим... В общем, все кончилось тем, что в Германии до конца второй мировой войны ядерный реактор не получился.

— То есть в Германии ставилась цель сделать атомный реактор, а не атомную бомбу?

— Первой целью была разработка атомного реактора, но в конечном итоге, конечно, было ясно, что из этого когда-нибудь можно будет сделать и бомбу. Но до этого, к счастью, не дошло. Ну и, конечно, я и мои сотрудники представляли интерес для советских властей, и они нас полудобровольно, полунедобровольно пригласили в Советский Союз.

— А кто это сделал?

— В основном, Завенягин и его штаб. Все это я описываю в этой книжке...

Значит, мы поставили в Советском Союзе, в сравнительно короткое время, производство чистого урана. В городе Электросталь мы вместе с советскими инженерами и химиками построили первый завод для производства такого урана. И в 1949 году, после того, как атомная бомба взорвалась в Советском Союзе, меня наградили (показывает): вот это — Герой Социалистического Труда, это соответствующая звезда. Кроме того, Сталинская премия 1-й степени, а это орден Ленина, он выдается вместе с Геройской Звездой.

— А это что за красивый орден?

— Это я получил уже здесь, в Германии, за всякие заслуги, после возвращения.

— Скажите, пожалуйста, насколько вы и ваши сотрудники ускорили создание атомной бомбы в СССР?

— Я бы так сказал. Без нас Советский Союз тоже сумел бы сделать бомбу, но на год или два позже. Мы, конечно, ускорили это дело. Я говорю не только о моей группе, но и еще об одной важной группе профессора Герца. Он был изобретателем особо эффективного способа разделения изотопов... Давайте на этом остановимся.

— А Фукс? Вы знали Фукса?

— Нет, я его не знаю.

— Он передавал какие-то секретные сведения...

— Да, но он теперь умер, говорят. Но Фукс, он был своего рода не то шпион, не то предатель, что он дал Советскому Союзу — я не знаю. Ну, конечно, он какие-то сведения в Советский Союз передал. Но немецкие группы работали отдельно. Главными группами в области атомной энергии были: моя группа — получение чистого урана и группа Герца — по разделению изотопов.

— То есть, проработав 10 лет в Советском Союзе, вы имеете возможность сравнить два тоталитарных режима.

— Совершенно верно, причем на основании вашего вопроса, я чувствую, что и у вас уже задумались, что тоталитарный режим у вас и тоталитарный режим у нас, в сущности, были очень похожи друг на друга. Вообще это было позором для Германии, что Гитлер смог захватить власть. Да, но вы спрашиваете о разнице. Основная разница была в том, что в гитлеровской Германии оставалась частная собственность, а у вас подавляли все частное предпринимательство. Значит, в экономическом отношении разница была в пользу Германии. Другое печальное обстоятельство — это расовая теория. Преследовали не только евреев, но и полуевреев. Сняли с должностей очень знаменитых ученых, лауреатов Нобелевских премий, заставили их эмигрировать. Ведь недаром инициаторы атомной бомбы в Америке почти все были немецкие евреи, понимаете? Впрочем, у вас в этом отношении тоже не все было в порядке. У нас происхождение должно было быть арий-

ским, а у вас — пролетарским. Так что в этом отношении, скорее, было сходство, чем различие.

— А как Тимофееву удалось выжить и работать в нацистской Германии?— Все-таки решаюсь спросить я.

— Я дал вам письмо госпоже Пол, там это написано. Но постараюсь объяснить. Хотя объяснить это так же трудно, как воцарение Гитлера в Германии. Нельзя делить людей на две категории, хороших и плохих. Скажем, чекисты все плохие, а не чекисты все хорошие. Есть очень много людей в промежуточном пространстве. И поэтому Тимофееву удалось уцелеть в фашистской Германии. С точки зрения Советского Союза он был преступником, невозвращенцем. Но с точки зрения Германии он преступником не был, но все-таки был советским человеком. И никогда никаких авансов он гитлеровцам не делал. Никогда! Даже намеков на это не было! Ему бы и не поверили.

— Но как случилось, что он мог свободно работать?

— Это связано с тем, что организация, в которой он работал, Общество кайзера Вильгельма, нечто похожее на Академию наук у вас, оно было сравнительно независимо от Гитлера, и в основном существовало на деньги промышленности, как, кстати, и акционерные общества. Я был в промышленности, например, и поэтому пользовался некоторой независимостью. Я, например, прятал полуевреев у себя, у меня был один русский князь, один балтийский барон, и других я оплачивал там. У меня были сравнительно большие возможности, все-таки я был директором Акционерного общества Ауэргезельшафт.

— А вы работы Тимофеева субсидировали?

— Отчасти я, а отчасти Общество кайзера Вильгельма. Общество кайзера Вильгельма, значит, нечто вроде Академии наук, но не государственной. И Тимофеев как ученый пользовался всеобщим уважением, и даже те из ученых, которые увлекались Гитлером, как-то уважали Тимофеева и не трогали его. Иногда это кажется каким-то чудом, но, тем не менее, это так и было. И можно так сказать, что он был окружен людьми, некоторые из которых были определенно антифашистами, например, я, или Отто Ган, который открыл расщепление атома, и другие. Мы его как бы окружали и защищали. Тут, кстати, Циммер сыграл большую роль. Он был и моим сотрудником,

и сотрудником Тимофеева. Он очень умело нами дирижировал и распределял роли своих шефов.

— А к урановому проекту Тимофеев имел отношение?

— Никакого! Никакого! Я пишу в этом письме и точно объясняю. Он имел отношение, так сказать, личное, ко мне, но я же не представлял собой весь урановый проект. Он, конечно, знал, что мы делаем, но мы с ним об этом не говорили.

— А почему он остался в Берлине и не уехал на Запад?

— Я бы так сказал, что решающее обстоятельство было то, что он был русским, если хотите, русским патриотом, да!

— Но американцы предлагали ему переехать в Америку?

— Американцы предлагали еще в 37-м. Я на его месте предложение принял бы. Но у него были сотрудники, и русские, и немцы, он видимо, не хотел бросать их. Если бы он согласился, то он не был бы арестован, не ослеп бы, и главное, не погиб бы Фома.

— А Вы за Фому хлопотали?

— Да, за Фому я хлопотал. Но его уже невозможно было спасти. Он впутался в какую-то организацию... Фому уже спасти было нельзя.

Входит фрау Риль и говорит, что такси будет с минуты на минуту.

— Спасибо. А вы искали Тимофеева в Союзе?

— Я узнал, что он арестован и что он ослеп. Я купил две толстые книжки о витаминах и выяснил, что он ослеп потому, что пострадала миелиновая пленка глазного нерва. Пострадала от недоедания, от отсутствия одного витамина. Я схлопотал этот витамин, послал Завенягину, чтобы он переслал Тимофееву, но было уже поздно.

— Вы ему в жизни много помогали, и в Германии, и в Союзе.

— Да, но я все-таки человек более или менее порядочный.

Входит фрау Риль: «Такси подъехало».

— Спасибо огромное.

— Вы все-таки добились своего.

— Но я же должна вас показать людям.

Возвращаемся в Москву. Мой коллега, режиссер А. Н. Герасимов, ведущий программы TV «Экран научно-популярного

кино», предлагает показать в своей программе фильм «Рядом с Зубром» с моим комментарием. Я рассказываю про гнусные проделки Главной военной прокуратуры и журнала «Наш современник».

Оргкомитетом Всесоюзного фестиваля неигрового кино фильм «Рядом с Зубром» выдвинут на конкурс. Однако директор студии А. Г. Буримский отказывается выдать копию фильма на фестиваль. Вероятно, он уже проинструктирован. Но, по фантастическому совпадению, в то время, когда фильм должен был демонстрироваться на фестивале, его показывают по 1-му каналу TV, в программе «Экран научно-популярного кино». (Что-то разладилось в тотальном контроле или цензоров сбило с толку научно-популярное название «Рядом с Зубром».) В результате, жюри фестиваля смотрит фильм по телевидению и присуждает ему главный приз фестиваля. А 4 марта Вл. И. Иванов выдает еще один «залп»: «Обвинен посмертно», так называется его письмо в «Медицинскую газету».

Еще трижды показывают картину «Рядом с Зубром» по телевидению. 10 марта газета «Советская Россия» публикует письмо авторов статьи в «Нашем современнике» Д. Ильина и В. Провоторова под названием «Кинопромыывание мозгов». Они причитают по поводу пресс-конференции в Госкомприроде¹, письма Иванова и показа фильма «Рядом с Зубром», где я в своих комментариях «обвиняю следствие во лжи». Значит, не надо лгать.

Профессор С. Н. Варшавский из Саратова присылает нам статью «Мои свидетельства» о последних военных годах Н. В. Тимофеева-Ресовского в Бухе: «делайте с ней, что хотите». Профессор Р. Л. Берг присылает из Сент-Луиса «Охранную грамоту для Зубра», где разносит в пух и прах всех обвинителей Тимофеева-Ресовского. В. В. Бабков публикует эти очерки в новом, только что образовавшемся журнале «Человек»², главный редактор которого Б. Г. Юдин решает на публикацию.

После показа фильма «Рядом с Зубром» по телевидению пришло много замечательных писем, в том числе и от людей, вступивших в борьбу с «Нашим современником». Произошло

¹ Отчет о которой опубликован в газете «Трибуна НТР», № 1–2, 1990.

² Статьи опубликованы в № 2 за 1990 г.

самое главное — запугать не удалось. Это уже очевидно. Процесс пошел в обратном направлении.

Тем временем в Обнинске «Открытое письмо общественности» Н. Г. Шишканова получило широкое распространение. Профессор Г. А. Середа обращается в Институт медицинской радиологии с просьбой сделать экспертизу статей, на основании которых он, Середа, обвиняет Тимофеева-Ресовского в опытах на людях. Такую экспертизу директор института, чл.-корр. АМН СССР А. Ф. Цыб поручил сделать руководителю лаборатории дозиметрии внутреннего облучения В. Ф. Степаненко, который сдал свою экспертизу в дирекцию института, а также отправил в редакцию «Нашего современника» письмо:

Уважаемая редакция!

В феврале 1990 года ко мне на заключение поступили материалы, касающиеся введения препаратов радия людям в Германии в 1941-1942 гг. и возможном участии в этих работах Н. В. Тимофеева-Ресовского.

Просьба о таком заключении поступила от проф. Середы (г. Обнинск). Она была адресована директору НИИ медицинской радиологии АМН СССР, члену-корреспонденту АМН СССР А. Ф. Цыбу. Дирекция института направила соответствующие материалы для заключения мне. Текст заключения я передал в дирекцию.

Учитывая, что в последнее время в средствах массовой информации вокруг этого вопроса идет оживленная дискуссия, считаю необходимым направить вам текст данного заключения.

Основные выводы:

— Из представленных материалов следует, что лично Н. В. Тимофеев-Ресовский в опытах по введению препаратов радия людям не участвовал. Работы такого рода проводились другими специалистами.

— Проводившиеся работы, судя по представленным данным, были направлены на разработку медицинских радиофармацевтических препаратов. Из-за низкого уровня радиологических знаний по состоянию на начало 40-х годов в то время отсутствовала осторожность при применении препаратов радия-224¹. Этот препарат применялся до начала 50-х годов

¹ Другое название этого изотопа торий-Х.

для лечения немецких пациентов в ФРГ. В ряде стран он и сейчас применяется для лечения анкилозирующего спондилита у взрослых.

— Практика применения радиоактивных препаратов для лечения и диагностики тяжелых заболеваний (таких, например, как злокачественные опухоли) является обычной для мировой и отечественной медицины. При этом вводимые в организм количества радиоактивности определяются соотношением между ожидаемой пользой для больного и возможным риском для его здоровья за счет действия радиации (как, впрочем, и при любом другом лечебном вмешательстве).

— Что же касается введения препаратов здоровым людям, то это принято проводить только на добровольной основе в соответствии с существующими в каждой стране инструкциями об испытаниях, так как в этом случае испытуемый не получает никакой пользы для своего здоровья, а риск остается. Так, в случае введения 35 мкКи радия-224 индивидуальный риск заболеть в дальнейшем каким-либо онкологическим заболеванием увеличивается на 0,25%. Если же исходить из вероятности заболеть саркомой кости, то увеличение индивидуального риска составит около 11%, поскольку само по себе это заболевание очень редкое. В связи с этим современные требования к уровням допустимого поступления радия-224 в организм жителей и профессиональных работников весьма жесткие — для профессионалов допустимое годовое поступление составляет 7 мкКи, а для отдельных лиц из населения — 0,7 мкКи. Ранее эти требования вполне могли быть менее жесткими, а в начале 40-х годов по этому вопросу вообще имелось очень мало информации.

Готов, в случае необходимости, предоставить и дополнительные разъяснения, хотя, как мне кажется, независимо от научных выкладок достаточно и того, что Н. В. Тимофеев-Ресовский в работах по введению препаратов радия людям не участвовал. Таковы предоставленные в мое распоряжение факты.

Руководитель лаборатории дозиметрии внутреннего облучения отдела радиоактивных препаратов НИИ медицинской радиологии АМН СССР

В. Ф. Степаненко

В Обнинске организуют Общество защиты Тимофеева-Ресовского. Чтобы прийти к примирению, профессору Серде предлагают стать одним из учредителей этого общества, и он соглашается. Но подписать соответствующие документы не успевает: скорострительно умирает у себя дома от инфаркта. Похоронили профессора Г.А.Середу на Обнинском кладбище, недалеко от могил Н.В. и Е.А.Тимофеевых-Ресовских.

Приступаю к монтажу фильма «Охота на Зубра».

8 июля 1990 года, благодаря корреспонденту газеты «Московские новости» Сергею Бура, удастся опубликовать три документа: письмо профессора Н.Риля о работе Тимофеева в фашистской Германии, адресованное Дайане Пол; резюме по итогам работы комиссии Академии наук ГДР; свидетельство под присягой Шарля Пейру. Публикация эта называется «...Я родился русским и не вижу никаких средств изменить этот факт...» Посвящена она 90-летию Тимофеева-Ресовского.

Спустя три недели после публикации внезапно от инфаркта умирает Николаус Риль. Оторвался трепетавший на ветру листок его жизни. В память о нем письменное свидетельство Риля о Тимофееве в письме к Д.Пол.

Уважаемая госпожа Пол!

Сначала я хотел бы ответить на Ваше письмо проф. Борну от 20.8.89. Г-н Борн скончался уже более 2 лет назад. Его вдова попросила меня ответить Вам. Вы писали г-ну Борну, что Вас очень интересует, был ли Тимофеев-Ресовский связан с германским «урановым проектом». На этот вопрос именно я, пожалуй, отвечу лучше всех. Ответ гласит: работа Т.-Р. ничего общего не имела с «урановым проектом», хотя Т.-Р. хорошо знал многих людей, имевших отношение к этому проекту... Контакты появлялись благодаря общему интересу к биофизическим проблемам. По вопросам биофизики часто велись дискуссии, результаты которых не находили никакого практического применения.

Тесные связи между Ауэровским обществом и отделением генетики института в Бухе, возглавляемым Т.-Р., возникли по разным причинам: во-первых, из-за мною уже упомянутого чисто научного интереса к биофизическим проблемам, а точ-

нее, к тому, что сегодня называется молекулярной биологией. Во-вторых, Т.-Р. и я родились в России, поэтому довольно хорошо знали как лучшие стороны русской действительности, так и ужасы большевизма. Естественно, от нас не ускользнуло сходство сталинской России и гитлеровской Германии. Между собой мы часто говорили по-русски.

Существовала еще и третья, совершенно независимая от первых двух причина, связывавшая Ауэровское общество и генетическое отделение института в Бухе. После открытия искусственной радиоактивности д-р Вольф, руководитель радиологического отделения Ауэровского общества, которое преимущественно занималось поставками и сбытом природных радиоактивных веществ для нужд медицины, решил проявить интерес также и к искусственным радиоизотопам. Это произошло, к слову замечу, задолго до экспериментального расщепления урана, так что более поздний «урановый проект» здесь ни при чем.

Сам Т.-Р. не интересовался этими работами, но его жена (Е.А.Тимофеева-Ресовская) делала вместе с Борном опыты (и публиковала их результаты) по распределению короткоживущих искусственных радиоизотопов в организме в основном для использования их как «изотопов-проводников» в диагностике (сейчас этот диагностический метод распространен повсеместно). Ауэровское общество осуществляло финансовую поддержку генетического отделения. И ничего общего с «урановым проектом»!

Человеку, который не пережил то время, невозможно реконструировать те отношения. Доказательством тому служит большинство вопросов, которые задают нам, старым людям, современные историки. До чего же они наивны (простите)! Схематическое упрощенное деление тогдашних действующих лиц на «добрых» и «злых», «нацистов» и «ненацистов» не передает действительности. А действительность была «оттеночно богаче», поэтому ее трудно представить. Это относится также и к судьбе Т.-Р., когда он находился в Германии. Он ничего не совершил такого, о чем можно было бы потом пожалеть, он остался верным себе. Он выжил среди нацистов, но лишь потому, что был окружен людьми, заслонявшими его от опасности. Уберечь его было трудно, но это удалось сделать не только

по отношению к нему. Спаслись, например, биохимик, еврей по национальности, Варбург, физик Кальман и другие...

Заканчиваю фильм, пора озвучивать. Не слышу музыки. Но когда фильм окончательно закончен, вдруг слышу чьи-то бесшумные шаги, прислушиваюсь и узнаю музыку, под которую они движутся. Это «Кармен-сюита» Бизе-Щедрина. Идет тавромахия, война против быка. Весь фильм Тимофеева вызывают на бой, а он молчит и только здорово танцует¹. В конце фильма В. Бондаренко говорит: «Может быть, остальные читатели и зрители убеждены, но только не я: для меня аксиома, что Тимофеев-Ресовский — коллаборационист!» Тут начинается партия тореадора и короткая реклама третьего фильма «Герои и предатели».

«Герои и предатели»

Профессор А. Н. Тюрюканов сообщает, что к ним в Институт охраны природы поступил на работу бывший военный прокурор Б. В. Кулагин. Тот самый прокурор, который первым рассмотрел наше обращение по поводу реабилитации Тимофеева-Ресовского, первым ознакомился с его делом 1945-1946 года, написал заключение, а затем ушел в отставку.

В Институте охраны природы бывший прокурор Борис Васильевич Кулагин дает нам интервью.

— Когда дело это поступило ко мне, я тогда еще «Зубра» Гранина не читал. И решил не читать, чтобы не было психологического давления.

И вот, изучив уголовное дело Тимофеева-Ресовского, я пришел к выводу: преступления никакого он не совершал, хотя его и осудили на 10 лет за измену родине, то есть за невозвращение. А не вернулся он из Германии лишь потому, что шли репрессии в Советском Союзе. Но началась война, и он продолжал работать в своем институте. Никакого пособничества фашистским властям он не оказывал, а занимался только научной работой в мирных целях.

Это все красной нитью по делу просматривается. Много свидетелей проходило по делу, и никто из них не подтвердил,

¹ Это кадры любительской съемки на 8-мм пленке.

что он занимался какой-то враждебной по отношению к СССР деятельностью. И когда его арестовали, он также все это подтверждал. И когда, после изучения дел, я прочитал книгу Гранина «Зубр», то как раз и в деле он так и выглядит: просматривается эта большая личность, как ученый, как гражданин нашей страны. Он не унижался, никогда не терял присутствия духа и своего личного достоинства. И в деле он просматривался как великий ученый, как гражданин, и я прямо скажу, как патриот своей родины.

Я свое мнение по изученным материалам высказал в составленном мною заключении, в котором указал, что никакого состава преступления у Тимофеева-Ресовского нет. Но не прошло... Если б мне показали, я бы возразил. Но никто не покажет. Доступа сейчас нет у меня.

Съемки проходили 7 сентября. И в пустом, только что отремонтированном зале Института охраны природы¹, где стоял только черный рояль, почвовед А. Н. Тюрюканов и бывший военный прокурор Б. В. Кулагин помянули великого ученого Тимофеева-Ресовского.

9 сентября был зверски убит о. Александр Мень. И мы сняли его похороны.

* * *

17 сентября, в рамках научной конференции «Актуальные проблемы радиационной биологии и радиационной генетики» в Обнинске, собирались отметить 90-летие одного из создателей этих наук, профессора Тимофеева-Ресовского.

Приглашают и меня с фильмом «Охота на Зубра», который также посвящен этой дате. В это время в Москве находилась профессор Раиса Львовна Берг, и мы с ней вместе отправляемся в Обнинск. Однако юбилейная часть конференции как-то комкается, все начальство куда-то пропадает, видно, бдящее око не дремлет.

И фильм «Охота на Зубра» органично вплетается во все это неприличное замешательство: ведь в фильме как раз и просматривается период пребывания Тимофеева в Обнинске. Жизнь с экрана плавно перетекает в реальную жизнь. Но я

¹ В бывшем имени Трубецких.

чувствую, что вызвала огорчение и у своих друзей тем, как представлен в фильме Обнинск.

Елизавета Николаевна Сокурова устраивает ужин. Он оказался прощальным — через некоторое время она умерла.

* * *

К 90-летию Тимофеева в сентябрьском номере журнала «Природа» помещена подборка статей под общим названием «Я прожил счастливую жизнь». В ней, кроме статей Вл. И. Иванова и В. И. Корогодина, напечатаны наконец русские переводы немецких статей, на основании которых Тимофеева так долго обвиняли в опытах на людях. Кроме того, Вл. И. Иванов передал в редакцию журнала полученный из Германии полный текст экспертизы комиссии АН ГДР на 50 страницах.

Больше света, господа, чтобы *высветить все темные углы!*.. А. В. Яблоков издает сборник научных трудов учеников и друзей Тимофеева-Ресовского «Онтогенез, эволюция, биосфера». Сборник посвящен 90-летию учителя, правда, без единой его фотографии, а о посвящении сообщается только во введении: ведь он не реабилитирован.

10 октября снимаем открытие памятника жертвам политических репрессий. Идут люди с портретами репрессированных, среди них — В. В. Бабков с большим портретом Тимофеева-Ресовского.

На секретариате Союза кинематографистов СССР фильм «Рядом с Зубром» выдвигают на Государственную премию СССР. Но в каких-то инстанциях фильм вычеркивают из списка и не публикуют его название даже в числе выдвинутых работ.

Зато фильм получает высший профессиональный приз «Ника» за 1989 год.

17 октября 1990 года в «Литературной газете» опубликовано интервью с советником юстиции В. И. Илюхиным, только что возглавившим прокурорский надзор за КГБ. Он, в частности, заявил: «...Дело Тимофеева-Ресовского нужно рассматривать заново — по вновь открывшимся обстоятельствам. Из Германии пришло письмо ученых, свидетельствующих, что научные работы Тимофеева-Ресовского в период его пре-

бывания в Германии не работали на вермахт и на службу Гимmlера».

Лед тронулся! Не удалось все-таки спрятать заключение комиссии, и Ромпе, по-видимому, стал действовать, как и обещал, по своим каналам.

В 1-м номере за 1991 год журнала «Человек» В.В. Бабков публикует статью «Докторская степень Тимофеева-Ресовского», в которой снова предьявляет резюме заключения комиссии АН ГДР и построчно разоблачает ложь в обвинительном документе Главной военной прокуратуры.

А в следующем номере этого журнала начинают печататься расшифрованные с магнитофонных пленок записи рассказов Николая Владимировича, сделанные в Обнинске В.Д. Дувакиным и М.В. Радзишевской. И рассказы эти печатаются в течение двух с половиной лет. Звучит подлинный голос Тимофеева-Ресовского.

Последняя информация по делу о реабилитации — это интервью прокурора Илюхина «Литературной газете». Однако никаких новых сведений к нам из Главной военной прокуратуры не поступает. То есть, я никому не могла дозвониться: все люди новые, прежние куда-то исчезли.

В марте 1991 года заканчиваю монтаж фильма «Герои и предатели». И только сейчас, в конце 1999 года, когда я пишу эти строки, в «Вестнике РАН» собираются опубликовать материалы архивного следственного дела Тимофеева-Ресовского¹. Из них стало известно, что, оказывается, «4 февраля 1991 года Прокуратура СССР отменила постановление Главной военной прокуратуры о прекращении производства по вновь открывшимся обстоятельствам на том основании, что <...> не нашло своего отражения заключение экспертной комиссии Академии наук ГДР...»

А фильм «Герои и предатели» заканчивается последними словами Тимофеева-Ресовского о смысле жизни: «Смысл жизни в непостыдной смерти, чтобы когда вы будете помирать, вам не стыдно было помирать в качестве какой-нибудь сволочи, а в качестве человека, прожившего нормальную и более или менее доброкачественную жизнь... Вот и вам надо про-

¹ Гончаров В. А., Нехотин В. В. Неизвестное об известном // Вестник Российской Академии наук. 2000. Т. 70. № 3. С. 249–257.

жить так, чтобы и вам было не совестно, когда ваша смерть придет. И в этом смысл жизни».

Последнее место земного пребывания Н. В. Тимофеева-Ресовского — обнинская больница, здесь его исповедовал о. Александр Мень. Последняя дорога — длинный стеклянный переход между корпусами.

Когда умирают кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца — они гаснут,
Когда умирают люди — поют песни.

В бесконечном, прозрачном стеклянном переходе Тимофеев поет:

Эх, Расея, ты мать Расея...
Мать, расейская земля...

Вот и все.

* * *

Фильм закончен. Получилась кинотрилогия, 4 часа просмотра. Надо ее показывать.

Приглашают в Киев, показываем три серии по украинскому телевидению с моими комментариями.

Приглашают в Новосибирский академгородок. С невероятным количеством коробок еду. Члены местного общества «Память» срывают афиши. Обстановка неприятная. В нетопленном зале Дома ученых идет просмотр четырехчасовой кинотрилогии, без перерыва. Люди сидят в пальто, за четыре часа никто не вышел, четыре часа единой жизни с экраном! Это был незабываемый просмотр.

Показываю фильм в разных домах творчества. Замечаю, как одни и те же люди ходят с просмотра на просмотр. Но все-таки нужна аудитория на всю страну.

Телевидение не предлагает: кому нужны неприятности.

И вот где-то в конце июля слушаю ночью заседание Верховного Совета РСФСР, где обсуждаются кандидатуры будущего спикера палаты. В числе других предлагается кандидатура ленинградца Ю. Ярова. Депутат от Солнечногорска коммунист

Слободкин задает Ярову вопрос: как он относится к книге своего земляка Гранина, герой которого, профессор Тимофеев-Ресовский — фашист, и далее буквально цитирует «Наш современник»...

Рано утром даю две телеграммы, одну — Слободкину:

«Ваш „любимый“ герой Тимофеев-Ресовский часто повторял, что опаснее дурака — дурак с инициативой. Как всегда, он оказался прав».

Вторую телеграмму — президенту России Б. Н. Ельцину такого содержания:

«На вчерашнем заседании Верховного Совета депутат Слободкин обвинял проф. Н. В. Тимофеева-Ресовского в сотрудничестве с нацистами. Прошу Вашего распоряжения показать по Российскому телевидению мою кинотрилогию о Зубре, чтобы раз и навсегда покончить со всеми обвинениями и очистить светлую память о великом русском ученом».

Буквально на следующий день мне позвонили с РТР и предложили показать кинотрилогию. Показ состоялся незадолго до путча, 3–5 августа.

Далее был путч.

И где-то в конце сентября 1991 года кинотрилогию показали по РТР второй раз. Сразу после вторичного показа фильмов Н. Г. Горбушин увидел сон: лежит на раскладушке Николай Владимирович, по-простому, в маечке, и говорит Николаю Горбушину: «Ты, Коля, не беспокойся, дело уже сделано». Вот так из «небесной канцелярии» нам и сообщили.

А 17 октября из газеты «Известия» узнаем, что 16 октября 1991 года Генеральным прокурором СССР был внесен по делу Н. В. Тимофеева-Ресовского протест на Пленум Верховного Суда СССР на предмет прекращения дела за отсутствием в действиях Тимофеева-Ресовского состава преступления.

И вдруг как-то сразу вспыхнули разговоры о том, что Тимофеев-Ресовский, в сущности, фигура раздутая, в науке он ничего особенного не сделал: да, он был хороший организатор, лектор, рассказчик, но наука вполне обошлась бы и без него.

Этот «творческий почерк» мне хорошо и давно знаком по моей кинематографической жизни. Если по каким-либо, далеко не художественным мотивам фильм не устраивал редакто-

ров, то начинали говорить о том, что фильм слабый и ничего из себя не представляет. Если прежде говорили, что да, Тимофеев велик, но понес заслуженное наказание, то теперь — преступлений он, конечно, не совершал, но как ученый он не стоит всех этих баталий. Словом, слухачи работали вовсю, чтобы подготовить спокойное, бесшумное восприятие его реабилитации.

Тем временем рухнул Советский Союз, и, как свидетельствует статья в «Вестнике Академии наук», протест Генерального прокурора СССР не был рассмотрен в связи с ликвидацией Верховного Суда СССР.

Распад Союза был величайшим потрясением. В это время я находилась с фильмом «Герои и предатели» на частном фестивале «Нестыдного кино» в городе Заречном Свердловской области, рядом с Белоярской АЭС. Участниками фестиваля были представители почти всех республик Советского Союза.

7 декабря во время мирного ужина участников фестиваля в зал вошел совершенно растерянный журналист Юрий Щекочихин и сказал, что Советского Союза больше не существует. На ужин мы все пришли как граждане одной страны, а во время ужина стали гражданами десяти стран. Все сразу осиротели. К концу вечера все перепились, обнимались, целовались и клялись друг другу в вечной любви и дружбе.

Вторым потрясением для меня на фестивале оказалась та обструкция, которая была устроена фильму «Герои и предатели». Во время просмотра раздавался деланный и совершенно неуместный хохот. Просмотр всячески пытались сорвать. Общество наше было небольшое, поэтому невозможно было скрыть работу «людей в штатском», которые обрабатывали участников фестиваля.

На обсуждении местный молодой человек говорил о чудовищном комментарии к фильму, что это самый слабый фильм на фестивале. Я оказалась чуть ли не врагом народа. И только две актрисы Валентина Теличкина и Маргарита Терехова пытались поставить все с головы на ноги. Но от них отмахивались: что с них взять — актрисы, а тут серьезное государственное дело. Мои коллеги, которые в начале фестиваля искренне приветствовали меня, теперь стыдливо отводили глаза. В рамках фестиваля была запланирована встреча с А. Н. Тимофее-

вым, интервью с ним для радио и TV. Ни то, ни другое не состоялось.

Во время прощального ужина, когда опять же все перепились, ко мне подошел один из местных «сотрудников», армянин, хорошо знавший Тимофеева, и жалостливо глядя на меня, сказал: «Безумная, соображаете ли вы, куда наступили, безумная, безумная...»

* * *

Наступил 1992 год. Я тяжело заболела. Нервное истощение, сердце, давление. Ни о каком фильме о Хлебникове не могло быть и речи. И вдруг как-то весной звонит какой-то странный человек и объявляет, что он видел все три фильма о Тимофееве и я сделала то, что должен был сделать он. Но сейчас он хочет вернуть мне те силы и здоровье, которые я затратила на Тимофеева. Выясняется, что он учился на медико-биологическом факультете 2-го Медицинского института, слушал лекции Тимофеева, но потом жизнь сложилась так, что сейчас он работает тренером по теннису. И зовут его Юрий Малышкин.

Начинаются занятия, в группе — молодежь. Юра бережно учит меня ходить, дышать, бегать, держать в руке ракетку. Все это со стороны выглядит, конечно, очень смешно, но молодежь не смеется. У себя дома Малышкин устраивает видеозал, где демонстрируется исключительно трилогия о Зубре. Он водит к себе разные группы людей, показывает фильмы, иногда приглашает меня, чтобы я рассказала, как они делались.

В своей группе я подружилась с двумя замечательными девочками, Дашей и Катей. Им я рассказываю о Хлебникове. Они очень увлечены. И как-то незаметно я пишу сценарий о Хлебникове, совершенно новый, ничего общего не имеющий с тем, который написала когда-то. Сценарий я пишу для Даши и Кати. И совершенно неожиданно для себя 29 июня запускаю в производство фильм о Хлебникове «Путешествие с двойником». И снимаем мы его в глухой деревне на Валдае, и живем в доме Никишановой, который она как будто специально для нас только что купила. И там есть банька, которая и стала хлебниковской.

Я не сомневаюсь, что здоровье и Хлебникова мне вернул Николай Владимирович, с помощью глубоко почитающего его Юрия Малышкина.

В конце 1992 года заканчиваю фильм «Путешествие с двойником». Журналистка Елена Веселая приглашает меня в прямом эфире «Открытого радио» рассказать об этом фильме. Но буквально накануне звонит из Екатеринбурга Андрей Николаевич Тимофеев и сообщает, что из Главной военной прокуратуры пришло письмо с документом о реабилитации Николая Владимировича.

Нужно срочно оповестить об этом людей! А тут как раз передача. И вновь приходится Хлебникову уступить место Тимофееву. Я рассказываю в прямом эфире о Тимофееве.

Звонит радиослушатель, представляется антропологом. И начинает выдавать традиционный набор обвинений в адрес Тимофеева. Я его прерываю и говорю, что Тимофеев-Ресовский уже реабилитирован, поэтому на защиту его чести встает само Государство и на подобных обвинителей теперь можно подавать в суд.

Тут начинается шквал звонков. Меня поздравляют, все счастливы, что наконец справедливость восторжествовала... О Хлебникове я едва успеваю сказать несколько слов в конце передачи.

Андрей Николаевич присылает из Екатеринбурга копию письма о реабилитации, так как нам на студию Главная военная прокуратура не сочла нужным его прислать.

Прокуратура
Российской Федерации
29.06.92 № 13/3-1279-92
Москва

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гр-н: *Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович*
Год и место рождения: *1900, г. Москва*
Место жительства до ареста: *г. Берлин-Бух, Германия*
Место работы и должность (род занятий) до ареста: *Отдел генетики и биофизики института мозга в г. Берлин-Бухе, руководитель*

Когда и каким органом осужден (репрессирован): *арестован 10 октября 1945 г., осужден 4 июля 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР*

Квалификация содеянного и мера наказания (основная и дополнительная): *ст. 58-1 «а» УК РСФСР, 10 (десять) лет лишения свободы*

На основании ст. 3 п. «а» и ст. 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года гр-н *Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович* реабилитирован.

Помощник Генерального
прокурора Российской Федерации

[подпись] *Г. Ф. Весновская*

Из документа выясняется, что Н. В. Тимофеев-Ресовский реабилитирован уже полгода назад, 29 июня 1992 года, в день, когда я приступила к фильму о Хлебникове.

Журналистка Елена Веселая, которая, помимо радио, работает и в редакции газеты «Московские новости», сообщает в редакции о состоявшейся реабилитации. Корреспондент газеты Андрей Колесников публикует в газете статью о реабилитации Тимофеева-Ресовского.

В 1993 году Н. Н. Воронцов издает книгу: «Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы».

В 1995 году выходит книга «Н. Тимофеев-Ресовский. Воспоминания», в которой редактором журнала «Человек» Н. И. Дубровиной собраны сохранившиеся магнитофонные записи рассказов Николая Владимировича.

В 1996 году появляется книга А. Н. Тюрюканова и В. М. Федорова «Н. В. Тимофеев-Ресовский. Биосферные раздумья». Книгу издал в Париже на свои деньги Гензель Гегамян.

В 1996 году — еще одна книга: «Н. В. Тимофеев-Ресовский. Избранные труды. Генетика, эволюция, биосфера». Издают книгу академик О. Г. Газенко и академик РАМН Вл. И. Иванов.

Н. В. Тимофеев-Ресовский постепенно встает во весь рост.

Волею судеб эта необыкновенная личность была поставлена в самый центр главных политических и научных событий XX века.

Он прошел через два величайших зла в истории XX века: гитлеровскую Германию и сталинский ГУЛАГ и доказал непобедимость свободной личности.

Важнейшие прорывы в науке XX века сфокусировались в нем, как в кристалле. Он был тем замечательным ферментом, который обеспечивал взаимодействие наук.

Он был участником расшифровки природы гена и свидетелем расщепления атома.

Он был одним из основателей новых наук XX века: генетики популяций, генетики развития, биофизики, молекулярной биологии, радиационной генетики, радиобиологии, одним из создателей современной теории эволюции.

Он был Учителем с большой буквы.

«Любовь и защита»

Самыми главными, ключевыми словами во всех собранных мною свидетельствах, были два: *любовь* и *защита*.

Его все любили и потому сберегли.

Он считал своим долгом защищать всех, кто нуждался в защите: от конкретных людей до биосферы.

И только самых дорогих ему существ не смог защитить. Его старший сын Фома погиб в концлагере, а младший, Андрей был облучен во время опытов в шарашке.

Но 40 лет спустя Андрею Николаевичу помогает его бывший одноклассник, психоаналитик из Франкфурта-на-Майне, Лутц Розенкётер, которого Тимофеевы спасли во время войны. В Германии Лутц Розенкётер оплачивает дорогостоящую операцию Андрея, потом вторую. «Эти деньги — ничто по сравнению с тем, что сделали для меня твои родители. Они подарили мне жизнь», — примерно так отвечает он Андрею Николаевичу в ответ на его благодарность.

В 1998 году в Екатеринбурге выходит в свет книга «Н. В. Тимофеев-Ресовский на Урале», воспоминания благодарных учеников. В числе организаций, финансировавших это издание — мэрия города Заречного и Техноцентр «Лазерная диагностика и чистые технологии», город Заречный. Это тот самый город Заречный, где в конце 1991 года на фестивале «Нестыдного кино» был подвергнут шельмованию фильм «Герои и предатели».

Весной 1998 года киноканал «Культура» решил показать вновь, спустя 7 лет, кинотрилогию о Зубре.

Накануне показа приходит известие о смерти академика Дубинина. В день показа, в середине апреля, в Москве внезапно случился небывалый снегопад. Выпало полтора метра осадков. Валил и валил густой снег. Жизнь в городе была остановлена. Мэр города Лужков делал строгие выговоры сотрудникам Гидрометеослужбы за то, что не предупредили заранее. Но они, в данном случае, были совершенно невиновны: по их данным ничто не предвещало этот снегопад. Они не могли знать, что над Москвой встретились два мощных духа. Тимофеев, вызванный фильмом, прилетел из Небесной России, а Дубинин отправлялся в свой посмертный путь искупления. Здесь, над Москвой, состоялась их встреча, и насколько она оказалась бурной, можно было судить по невероятному обилию снега...

Вот и сейчас, когда я пишу этот очерк, случилось чудо. Месяц назад наши соседи, уезжая на дачу, принесли нам горшок с фуксией. На ней были два маленьких бледно-розовых цветочка. Они быстро отцвели. А вместо них стала тянуться одна длинная цветоножка, раз в семь длиннее обычной, с огромным бутоном на конце. Бутон очень долго и мучительно раскрывался. Наконец он распахнулся ярко-розовыми лепестками громадного размера, а внутри стал раскрываться бутон фиолетового цвета, огромный пестик, огромные тычинки, лучистая жизненная сила.

Мы сразу поняли, что это дела Тимофеева. Цветок так и назвали: «Тимофеев».

Раскачиваясь на ветру, он парит передо мной на своей непомерно длинной цветоножке:

Кто со мною — в полет?
А со мной — мои друзья!

Библиографический указатель

Основные научные труды Н. В. Тимофеева-Ресовского

Тимофеев-Ресовский Н. В. О фенотипическом проявлении генотипа. I. Геновариация *radius incompletus* у *Drosophila funebris* // Журн. exper. биол. Сер. А. 1925. Т. 1. С. 93–142.

Timofeeff-Ressovsky H. A. und N. W. Über das phänotypische Manifestieren des Genotyps. II. Über idio-somatische Variationsgruppen bei *Drosophila funebris* // W. Roux' Archiv f. Entwicklungsmechanik d. Organismen. 1926. Bd. 108. Heft 1. S. 146–170.

Timofeeff-Ressovsky N. W. Studies on the phenotypic manifestation of hereditary factors. I. On the phenotypic manifestation of the genovariation *radius incompletus* in *Drosophila funebris* // Genetics. 1927. V. 12. Nr. P. 128–198.

Timofeeff-Ressovsky H. A. und N. W. Genetische Analyse einer freilebenden *Drosophila melanogaster*-Population // W. Roux' Archiv f. Entwicklungsmechanik d. Organismen. 1927. Bd. 109. Heft 1. S. 70–109.

Тимофеев-Ресовский Н. В. Обратные и соматические геновариации определенного гена в противоположных направлениях под действием рентгеновских лучей (предварительное сообщение) // Журн. exper. биол. Сер. А. 1929. Т. 5. С. 25–31.

Timofeeff-Ressovsky N. W. Verknüpfung von Gen und Außenmerkmal (Phänomenologie der Genmanifestierung) // Wiss. Woche zu Frankfurt. 1934. Bd. 1. S. 92–115. (В русском переводе см.: *Тимофеев-Ресовский Н. В.* Связь между геном и внешним признаком (феноменология проявления генов) // *Н. В. Тимофеев-Ресовский. Избранные труды.* М., 1996. С. 59–84.)

Timofeeff-Ressovsky N. W. The experimental production of mutations // Biol. Rev. Cambridge. 1934. Vol. 9. № 4. P. 411–457.

Timofeeff-Ressovsky N.W. Über die Vitalität einiger Genmutationen und ihrer Kombinationen bei *Drosophila funebris* und ihre Abhängigkeit vom «genotypischen» und vom äußeren Milieu // *Z. Ind. Abst. Vererbl.* 1934. Bd. 66. № 3/4. S. 319–344.

Timofeeff-Ressovsky N.W. Auslösung von Vitalitätsmutationen durch Röntgenbestrahlung bei *Drosophila melanogaster* // *Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Biologie. Neue Folge.* 1935. Bd. 1. № 11. S. 163–180. (В русском переводе см.: *Тимофеев-Ресовский Н.В.* Индукция мутаций жизнеспособности рентгеновским облучением у *Drosophila melanogaster* // *Н.В. Тимофеев-Ресовский. Избранные труды.* М., 1996. С. 85–91.)

Timofeeff-Ressovsky N.W. Über geographische Temperaturrassen bei *Drosophila funebris* F. // *Arch. Naturgesch. N.F.* 1935. Bd. 4. Heft 2. S. 245–257.

Timofeeff-Ressovsky N.W., Zimmer K.G., Delbrück M. Über die Natur der Genmutation und der Genstruktur // *Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Biologie. Neue Folge.* 1935. Bd. 1. № 13. S. 189–245. (В русском переводе см.: *Тимофеев-Ресовский Н.В., Циммер К.Г., Дельбрюк М.* О природе генных мутаций и структуре гена // *Н.В. Тимофеев-Ресовский. Избранные труды.* М., 1996. С. 105–145.)

Timofeeff-Ressovsky N.W. Experimentelle Mutationsforschung in der Vererbungslehre. Dresden-Leipzig. 1937.

Timofeeff-Ressovsky N.W. Genetik und Evolution (Bericht eines Zoologen) // *Z. Ind. Abst. Vererbl.* 1939. Bd. 76. Heft 1/2. S. 158–218. (В русском переводе см.: *Тимофеев-Ресовский Н.В.* Генетика и эволюция (точка зрения зоолога) // *Н.В. Тимофеев-Ресовский. Избранные труды.* 1996. С. 203–263.)

Timofeeff-Ressovsky N.W. Eine biophysikalische Analyse des Mutationsvorganges // *Nova Acta Leopoldina. Neue Folge.* 1940. Bd. 9. Nr. 60. S. 207–240.

Timofeeff-Ressovsky N.W. Mutations and geographical variation // *The new Systematics.* Oxford. 1940. P. 73–136.

Timofeeff-Ressovsky N.W. Zur Analyse des Polymorphismus bei *Adalia bipunctata* L. // *Biol. Zbl.* 1940. Bd. 60. Heft 3/4. S. 131–137.

Riehl N., Timofeeff-Ressovsky N.W., Zimmer K.G. Mechanismus der Wirkung ionisierender Strahlen auf biologische Elementareinheiten // *Naturwiss.* 1941. Bd. 29. № 42/43. S. 625–639.

Bauer H., Timofeeff-Ressovsky N.W. Genetik und Evolutionsforschung bei Tieren // *Die Evolution der Organismen.* Jena, 1943. S. 335–429.

Timofeeff-Ressovsky N.W. und H.A. Populationsgenetische Versuche an *Drosophila*. Teil. 1–3 // *Z. Ind. Abst. Vererbl.* 1940. Bd. 79. Heft 1. S. 28–49. (В русском переводе см.: *Тимофеев-Ресовский Н.В., Тимофеева-Ресовская Е.А.* Популяционно-генетические исследования на дрозофиле // *Н.В. Тимофеев-Ресовский. Избранные труды.* 1996. С. 263–281.)

Born H.J., Timofeeff-Ressovsky N.W., Zimmer K.G. Anwendungen der Neutronen und der künstlich radioaktiven Stoffe in Chemie und Biologie // Die Umschau. 1941. Heft 6. S. 83-87.

Born H.J., Timofeeff-Ressovsky N.W., Zimmer K.G. Biologische Anwendungen des Zählröhres // Naturwiss. 1942. Bd. 30. Heft 40. S. 600-603.

Möglich F., Rompe R., Timofeeff-Ressovsky N.W. Über die Indeterminiertheit und die Verstärkererscheinungen in der Biologie // Naturwiss. 1944. Bd. 32. (Идеи этой работы были развиты позже в статье: *Тимофеев-Ресовский Н.В., Ромпе Р.Р.* О статистичности и принципе усилителя в биологии // Проблемы кибернетики. М., 1959. Вып. 2. С. 213-227.)

Timofeeff-Ressovsky N.W., Zimmer K.G. Biophysik. I. Das Trefferprinzip in der Biologie. Leipzig. 1947.

Stresemann E., Timofeeff-Ressovsky N.W. Artentstehung in geographischen Formenkreisen. I. Der Formenkreis *Larus argentatus* — *cachinnans-fuscus* // Biol. Zbl. 1947. Bd. 66. № 3/4. S. 57-76. (В русском переводе см.: *Тимофеев-Ресовский Н.В., Штреземан Е.* Видообразование в цепи подвидов настоящих чаек группы серебристая-хохотунья-клуша // Труды Уральского отд-ния МОИП. 1959. Вып. 2. С. 99-115.)

Тимофеев-Ресовский Н.В. Применение излучений и излучателей в экспериментальной биогеоценологии // Бот. журн. 1957. Т. 42. № 2. С. 161-194.

Тимофеев-Ресовский Н.В., Лучник Н.В. Лучевые поражения и воздействие на них. I. О классификации возможных путей воздействия на общий эффект облучения // Труды Ин-та биологии УФ АН СССР. Свердловск, 1957. Вып. 9. С. 57-69.

Тимофеев-Ресовский Н.В., Порядкова Н.А., Сокурова Е.Н., Тимофеева-Ресовская Е.А. Работы по экспериментальной биогеоценологии. I. Влияние излучателей на биомассу и структуру наземных, почвенных и пресноводных биоценозов // Сб. работ лаб. биофизики УФ АН СССР. 1957. Вып. 9. С. 202-251.

Тимофеев-Ресовский Н.В. Микроэволюция. Элементарные явления, материал и факторы микроэволюционного процесса // Бот. Журн. 1958. Т. 43. № 3. С. 317-336.

Тимофеев-Ресовский Н.В. О механизмах авторепродукции элементарных клеточных структур. I. Из истории вопроса // Цитология. 1960. Т. 2. № 1. С. 45-56.

Тимофеева-Ресовская Е.А., Агафонов Б.М., Тимофеев-Ресовский Н.В. О почвенно-биологической дезактивации воды // Труды Ин-та биологии УФ АН СССР: Сб. работ лаб. биофизики. Свердловск, 1960. Вып. 13. С. 35-48.

Тимофеев-Ресовский Н. В. О некоторых принципах классификации биохорологических единиц // Труды Ин-та биологии УФ АН СССР. Свердловск, 1961. Вып. 27. С. 23–28.

Тимофеев-Ресовский Н. В. О возможном действии повышенного фона ионизирующих излучений на генетический состав популяций человека // Труды ин-та биологии УФ АН СССР. Свердловск, 1962. Вып. 22. С. 77–91.

Тимофеев-Ресовский Н. В. О радиоактивных загрязнениях биосферы и о мерах борьбы с этими загрязнениями // Труды Ин-та биологии УФ АН СССР. Свердловск, 1962. Вып. 22. С. 7–16.

Тимофеев-Ресовский Н. В. Некоторые проблемы радиационной биогеоценологии. Свердловск, 1962.

Тимофеев-Ресовский Н. В. Биосфера и человечество // Науч. труды обнинского отдела Геогр. об-ва СССР. 1968. Сб. 1. Ч. 1. С. 3–12.

Тимофеев-Ресовский Н. В., Иванов В. И., Корогодин В. И. Применение принципа попадания в радиобиологии. М., 1968.

Тимофеев-Ресовский Н. В., Воронцов Н. Н., Яблоков А. В. Краткий очерк теории эволюции. М., 1969. (На немецком языке: *Timofoeff-Ressovsky N. W., Voroncov N. N., Jablokov A. V.* Kurzer Grundris der Evolutions-theorie. Jena, 1975.)

Тимофеев-Ресовский Н. В., Яблоков А. В., Глотов Н. В. Очерк учения о популяции. М., 1973. (На немецком языке: *Timofoeff-Ressovsky N. W., Jablokov A. V., Glotov N. V.* Grundriss der Populationslehre. Jena, 1977.)

Тимофеев-Ресовский Н. В., Савич А. В., Шальнов М. И. Введение в молекулярную радиобиологию. Физико-химические основы. М., 1981.

Материалы о Н. В. Тимофееве-Ресовском

Опубликованные

Абраменко Ю. «Зубр» художника Габриэляна // Вечерний Челябинск. 29 апреля 1989.

Алан Ю. Под знаком Марса // Уральский следопыт. 1991. № 11.

Аленикова С. И. Вместе с Николаем Владимировичем и Еленой Александровной Тимофеевыми-Ресовскими // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 318–324.

Арцимович Н. Г. Несколько строк // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 186–188.

Атаян Р. Р. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский и Армения // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 355–368.

Бабков В. В. Друзья и враги Тимофеева-Ресовского // Человек. 1990. № 2. С. 112–113.

Бабков В. В. Докторская степень Н. В. Тимофеева-Ресовского // Человек. 1991. № 1. С. 116–120.

Белозерцев А. Осень в Миассово // Челябинский рабочий. 12 октября 1988. С. 3.

Берг Р. Л. Охранная грамота для Зубра // Человек. 1990. № 2. С. 123–133.

Берг Р. Л. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 226–239.

Блюменфельд Л. А. Очень коротко о Н. В. Тимофееве-Ресовском // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 332–335.

Блюменфельд Л. А., Волькенштейн М. В., Воронцов Н. Н., Газенко О. Г., Иванов В. И. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900–1981) // Молекулярная биология. 1981. Т. 15. Вып. 5. С. 1194–1199.

Богачёв К. Герои берлинского подполья // Знамя. Военно-патриотический выпуск. 5 ноября 1987. № 11. С. 3.

Богачёв К. Берлинский комитет ВКП(б) // Уральский рабочий. 21 февраля 1988. С. 3.

Богачёв К. Мужество // Знамя. 22 января 1989. № 19. С. 3.

Богомолов С. Старший брат // Уральский рабочий. 21 февраля 1988. С. 3.

Бойко В. Дед // Молодой ленинец. Март 1989. С. 6–7.

Бойко В. Вспомнили славного земляка // Час пик. 14 января 1994. № 1. С. 3.

Бойко В. Герои и злодеи // Весть. 17 сентября 1994. С. 7.

Бондаренко В. Очерки литературных нравов // Москва. 1987. № 12. С. 179–199.

Бондаренко В. Вопросы остаются // Молодая гвардия. 1989. № 1. С. 44–56.

Борисов А. Вечная память! // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 375–380.

Бура С. «...Я родился русским и не вижу никаких средств изменить этот факт...» // Московские новости. 8 июля 1990. № 27. С. 15.

Вайс И. Имя собственное в прошедшем и настоящем // Московские новости. 28 июня 1987. № 26. С. 16.

Варшавский С. Н. Мои свидетельства // Человек. 1990. № 2. С. 114–120.

Варшавский С. Н. Воспоминания и мысли о Н. В. Тимофееве-Ресовском // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 100–112.

Виноградов Ю. А. Размышления о свободе творческого духа // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 188–193.

Волькенштейн М. В. Встречи с Николаем Владимировичем // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 309–318.

Вонсовский С. В. Супруги Тимофеевы-Ресовские // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 269–274.

Вонсовский С. В. Памяти Е. А. Тимофеевой-Ресовской // Наука Урала. Май 1998. № 9. С. 4.

Воронцов Н. Н. Перед лицом истории // Знание — сила. 1988. № 6.

Воронцов Н. Н. Предисловие // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 5–9.

Ворошилин С. И. Тимофеев-Ресовский и кружок свердловских студентов-медиков // Н. В. Тимофеев-Ресовский на Урале. Воспоминания. Екатеринбург. 1998. С. 125–131.

Газенко О. Г., Иванов В. И. Синтез теории, эксперимента и практики // Тимофеев-Ресовский Н. В. Избранные труды. Генетика. Эволюция. Биосфера. М.: Медицина. 1996. С. 5–12; 455–460.

Гамаюнов И. Без гипноза // Литературная газета. 17 октября 1990. № 42. С. 11.

Гершензон С. М. Заметки о Н. В. Тимофееве-Ресовском // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 369–370.

Гецова А. Б. Незабываемые встречи // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 324–331.

Гилева Э. А. Памяти Н. В. Тимофеева-Ресовского // Онтогенез и популяция. Йошкар-Ола, 2000. В печати.

Гинтер Е. К. Несколько слов о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском // Онтогенез и популяция. Йошкар-Ола, 2000. В печати.

- Готов Н. В.* Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: мировоззрение биолога // Экология. 2000. № 4. С. 244–247.
- Главная премия по генетике советскому ученому // Комсомольская правда. 1966. № 77.
- Глас Б.* Памяти Тимофеева-Ресовского // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 173–177.
- Гончаров В. А., Нехотин В. В.* Неизвестное об известном // Вестник Российской Академии наук. 2000. Т. 70. № 3. С. 249–257.
- Горбушин Н. Г.* Человек-легенда // Медицинская газета. 9 октября 1992. № 80. С. 11.
- Горбушин Н. Г.* Николин день // Обнинск. 17 декабря 1992. № 149. С. 1.
- Горбушин Н. Г.* Генетика и человечество // Обнинск. 19 апреля 1994. № 53–54. С. 2.
- Горбушин Н. Г.* Сечения взаимодействия в науке и обществе // Обнинск. 14 ноября 1995. № 153. С. 2.
- Горбушин Н. Г.* Как пошутили физики, чем обернулась эта шутка // Обнинск. 14 мая 1996. № 71. С. 3.
- Горбушин Н. Г.* Что есть истина? // Обнинск. 15 апреля 1997. № 57. С. 3.
- Горбушин Н. Г.* Сечения взаимодействия в науке и обществе // Н. В. Тимофеев-Ресовский на Урале. Воспоминания. Екатеринбург. 1998. С. 132–152.
- Горностаева О.* «Рядом с Зубром» // Советская культура. 14 марта 1989.
- Горчаковский П. Л.* Аристократ в образе русского мужика или мужик в образе аристократа? // Н. В. Тимофеев-Ресовский на Урале. Воспоминания. Екатеринбург. 1998. С. 46–53.
- Гощицкий Н.* Групповой портрет у открытой двери // Наука Урала. 1988. № 46.
- Гощицкий Н.* Радиоэколог из Миассово // Наука Урала. 1989. № 45.
- Гранин Д. А.* Зубр // Новый мир. 1987. № 1, 2.
- Гранин Д. А.* Жизнь по правде требует ежедневного мужества // Знамя. 17 декабря 1987.
- Грекова И.* Легендарный образ // Октябрь. 1987. № 5. С. 184–189.
- Гришина Р.* В память о «Зубре» // Знамя. 2 декабря 1992. № 224. С. 1.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1994. С. 614–629.
- Гусев О.* В защиту Зубра и зубров // Охота. 1980. № 7. С. 4–5; Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 371–375.

- Данин Д.С.* Третье Можайское море // Человек. 1993. № 3. С. 155–158.
- Дарвиновская медаль советскому профессору* // Правда. 19 августа 1959.
- Добрых С.* Лаборатория на Миассово // Миасский рабочий. Июль 1957.
- Дубинин Н.П.* К вопросу о коллективных письмах // Наш современник. 1990. № 2. С. 190–191.
- Евсеев В.* Он умел «смотреть в корень» // Екатеринбургская неделя. 21 июня 1996 г. Выпуск 29. С. 8.
- Емельянов Ю.* Портрет Зубра // Челябинский рабочий. 14 ноября 1987. С. 4.
- Зайцев В.* По следам Зубра // Вечерний Свердловск. 1991. № 167.
- Иванов В.И.* Личность невероятного масштаба // Химия и жизнь. 1990. № 12. С. 46.
- Иванов В.И.* Наследственные молекулы: ретроспектива // Биологич. журнал Армении. 1989. Т. 42. № 9–10. С. 818–822.
- Иванов В.И.* Очерк о научных работах Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского // Онтогенез. Эволюция. Биосфера. М., 1989. С. 5–15.
- Иванов В.И.* Обвинен посмертно // Медицинская газета. 4 марта 1990. № 27. С. 4.
- Иванов В.И.* Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: ученый и учитель // Биологич. науки. 1990. № 4. С. 140–152.
- Иванов В.И.* Нет пророка в своем отечестве // Природа. 1990. № 9. С. 71–77.
- Иванов В.И.* Биогеохимия радионуклидов в экосистемах (из истории вопроса) // Актуальные проблемы радиационной биологии и радиационной генетики. Материалы Всесоюзной конференции. Обнинск: НИИМР АМН СССР. 1990. С. 48–49.
- Иванов В.И.* Биогеохимия радионуклидов в экосистемах (к истории вопроса) // Радиобиология. 1991. Т. 31. Вып. 4. С. 578–580.
- Иванов В.И.* Природоохранные идеи Зубра // Вестник РАН. 1992. № 12. С. 40–49.
- Иванов В.И.* К читателю // Н.Тимофеев-Ресовский. Воспоминания. М., 1995. С. 6–8.
- Иванов В.И.* Добрый гений (К 100-летию со дня рождения Е.А.Тимофеевой-Ресовской) // Природа. 1998. № 10. С. 88–96.
- Иванов В.И.* Елена Александровна и Николай Владимирович Тимофеевы-Ресовские (Лёлька и Колюша) // Онтогенез и популяция. Йошкар-Ола, 2000. В печати.

Иванов С. Страницы уранового проекта // Литературная Россия. 27 мая 1988. № 21. С. 8–9.

Ильин Д., Провоторов В. Кто Вы, доктор Тимофеев-Ресовский? // Наш современник. 1989. № 11. С. 173–188.

Ильин Д., Провоторов В. Кинопромывание мозгов // Советская Россия. 10 марта 1990.

Ингель Л. В память о Зубре // Провинция. 7 мая 1991. № 17. С. 1.

Ирвинг Д. Вирусный флигель. М.: Атомиздат, 1969. С. 220.

Кабанова Л. ...В беззаветном служении истине // Наука Урала. 1987. № 29.

Казан В. Воспоминания о Н.В.Тимофееве-Ресовском // Континент. Париж. 1991. № 66. С. 271–275.

Капица С.П. Семинар в Институте физпроблем им. П.Л.Капицы АН СССР // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 300–302.

Карпов В., Рубин Б., Беляков Л. На чей взгляд? // Вперед. 2 июня 1988. № 68. С. 3.

Катагощин В. «Зубр» // Весть. 17 февраля 1996. С. 10.

Книга о мирном использовании атомной энергии // Миасский рабочий. 18 октября 1959.

Кобелев Л.Я. Встречи с Николаем Владимировичем // Н.В.Тимофеев-Ресовский на Урале. Воспоминания. Екатеринбург. 1998. С. 119–124.

Колесников А. Зубр реабилитирован с четвертой попытки // Московские новости. 3 января 1993. № 1. С. 5.

Константинов Н.Н. Размышления о Н.В.Тимофееве-Ресовском // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 239–251.

Копылова Е. Час Зубра // Вечерняя Москва. 14 февраля 1989. № 38. С. 3.

Корогодин В.И. Учитель // Природа. 1990. № 9. С. 85–95.

Корогодин В.И. Школа Н.В.Тимофеева-Ресовского // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 252–269.

Корякин О. Очищение. Свердловск: Средне-Уральской книжное издательство. 1970.

Кривоносов Ю. Физики и философы продолжали шутить // Обнинск. 30 мая 1996. № 80–81. С. 3.

Международная Кимберовская премия вручена советскому ученому Н. В. Тимофееву-Ресовскому // Вперед. 6 апреля 1967. № 41. С. 1.

Моисеев Н. Н. Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления. 1917–1993. М., 1994. С. 208–211.

Мокронос А. Т. У истоков радиоэкологии // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 193–199.

Молчанов Е. О «Зубре» и не только о нем // Дубна. 6 января 1988. № 1. С. 7.

Мурзина М. Еще одно возвращение Зубра // Известия. 4 сентября 1989. № 248. С. 3.

Научное наследие Зубра (в беседе о Н. В. Тимофееве-Ресовском-ученом принимают участие д. х. н. Л. А. Блюменфельд, чл.-корр. АН СССР А. В. Яблоков, д. ф. -м. н. Ю. М. Свирижев, акад. О. Г. Газенко) // Наука и жизнь. 1988. № 2. С. 70–77.

Н. В. Тимофеев-Ресовский на Урале. Воспоминания. Екатеринбург, 1998.

Н. В. Тимофееву-Ресовскому вручена медаль ГДР // Миасский рабочий. Август 1959.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский // Радиобиология. 1981. Т. 21. Вып. 4. С. 635–636.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука. 1993.

Новожен Ю. И. Зубр: жизнь на Урале // Вечерний Свердловск. 18 июля 1991. № 140. С. 2.

Новожен Ю. И. Могучий дух мысли // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 216–222.

Новожен Ю. И. Работал на будущее. Предвидел его // Екатеринбургская неделя. 21 июня 1996. Вып. 29. С. 8.

Новожен Ю. И. Знакомство с Зубром // Н. В. Тимофеев-Ресовский на Урале. Воспоминания. Екатеринбург. 1998. С. 21–32.

О биологии и филологии (письма, комментарии и некрологи Н. В. Тимофеева-Ресовского о Н. С. Трубецком и Н. К. Кольцове) // Человек. 2000. № 3. С. 158–171.

Обитель Зубра // Миасский рабочий. 17 апреля 1992. № 74–75. С. 4.

Оскоцкий В. Д. Самостоянье (О повести Даниила Гранина «Зубр» и вокруг нее) // Портрет современной прозы. М.: Знание, 1989. С. 20–39.

Международная Кимберовская премия вручена советскому ученому Н. В. Тимофееву-Ресовскому // Вперед. 6 апреля 1967. № 41. С. 1.

Моисеев Н. Н. Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления. 1917–1993. М., 1994. С. 208–211.

Мокронос А. Т. У истоков радиоэкологии // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 193–199.

Молчанов Е. О «Зубре» и не только о нем // Дубна. 6 января 1988. № 1. С. 7.

Мурзина М. Еще одно возвращение Зубра // Известия. 4 сентября 1989. № 248. С. 3.

Научное наследие Зубра (в беседе о Н. В. Тимофееве-Ресовском-ученом принимают участие д.х.н. Л. А. Блюменфельд, чл.-корр. АН СССР А. В. Яблоков, д.ф.-м.н. Ю. М. Свирижев, акад. О. Г. Газенко) // Наука и жизнь. 1988. № 2. С. 70–77.

Н. В. Тимофеев-Ресовский на Урале. Воспоминания. Екатеринбург, 1998.

Н. В. Тимофееву-Ресовскому вручена медаль ГДР // Миасский рабочий. Август 1959.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский // Радиобиология. 1981. Т. 21. Вып. 4. С. 635–636.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука. 1993.

Новожен Ю. И. Зубр: жизнь на Урале // Вечерний Свердловск. 18 июля 1991. № 140. С. 2.

Новожен Ю. И. Могучий дух мысли // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 216–222.

Новожен Ю. И. Работал на будущее. Предвидел его // Екатеринбургская неделя. 21 июня 1996. Вып. 29. С. 8.

Новожен Ю. И. Знакомство с Зубром // Н. В. Тимофеев-Ресовский на Урале. Воспоминания. Екатеринбург. 1998. С. 21–32.

О биологии и филологии (письма, комментарии и некрологи Н. В. Тимофеева-Ресовского о Н. С. Трубецком и Н. К. Кольцове) // Человек. 2000. № 3. С. 158–171.

Обитель Зубра // Миасский рабочий. 17 апреля 1992. № 74–75. С. 4.

Оскоцкий В. Д. Самостоянье (О повести Даниила Гранина «Зубр» и вокруг нее) // Портрет современной прозы. М.: Знание, 1989. С. 20–39.

Паншин И. Б. В Берлин-Бухе в 1943–1945 гг. // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 112–155.

Пейру Ш. Свидетельство под присягой. 4 декабря 1989 г. // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 54–56.

Петров Р. В. Перспективы биологии — процветание или катастрофа? // Коммунист. 1990. № 1.

Петров Р. В. Миассовский университет // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 283–291.

Пищикова Т. В. Н. В. Тимофеев-Ресовский. К истокам рода // Человек. 1999. № 1. С. 159–176.

Пищикова Т. В. Почетные земляки // Сельские зори. 10 декабря 1999. № 99. С. 3.

Плотников В. В. Первая встреча, последняя встреча // Н. В. Тимофеев-Ресовский на Урале. Воспоминания. Екатеринбург. 1998. С. 72–81.

Поздравления Н. В. Тимофееву-Ресовскому // Миасский рабочий. Октябрь 1959 г.

Попов Г. Х. Система и зубры // Наука и жизнь. 1988. № 3. С. 56–64.

Попов Ю. Сто семь дней в Карлаге // Вечерний Обнинск. 16 апреля 1997 г. № 41. С. 3.

Придня М. В. Мои встречи с Н. В. Тимофеевым-Ресовским // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 222–226.

Признание международного союза // Знамя. 1991. № 53.

Раскрывая первые страницы... // К истории города Снежинска (Челябинска-70). Екатеринбург, 1997. С. 21–28.

Ратнер В. А. «Мамонт» (заметки о Н. В. Тимофееве-Ресовском) // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 291–300.

Ренш Б. Историческое развитие современного синтетического неodarвинизма в Германии // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 177–178.

Реформатская М. А. Юные годы ровесников века // Человек. 1993. № 3. С. 130–154.

Реформатская М. А. Юные годы // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 57–78.

Ришина И. «Зубр» — эхо дальнее и близкое // Литературная газета. 27 мая 1987. № 22. С. 4; 6 июля 1988. № 27. С. 12.

Руднев В. Пересмотрены дела Ульманиса, Тимофеева-Ресовского и Царапкина, Снявского и Даниэля... Кто следующий? // Известия. 17 октября 1991. № 248. С. 4.

Савич А. В. Запомнившееся // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 95–99.

Саканян Е. С. Рядом с Зубром // Московский комсомолец. 31 июля 1988. № 178. С. 2.

Саканян Е. С. Кинотрилогия о Н. В. Тимофееве-Ресовском: «Рядом с Зубром» (1988), «Охота на Зубра» (1990), «Герои и предатели» (1991).

Сараева Е. К тайне жизни // Уральский рабочий. 1961. № 152.

Сафронова Н. Охота на Зубра? // Медицинская газета. 24 января 1990. № 10. С. 4.

Сборник работ лаборатории биофизики // Миасский рабочий. 8 мая 1959.

Сваровская С. Се — Человек // Кадр. Личность и Судьба. Союзинформкино. 1989. С. 6–7.

Семёнов Д. И. Он умел «смотреть в корень» // Екатеринбургская неделя. 21 июня 1996. Вып. 29. С. 8.

Серёда Г. Не реабилитирован, а прощен // Вперед. 2 июня 1988. № 68. С. 3.

Серёда Г. А. Об исторической правде // Наш современник. 1989. № 1. С. 186–188.

Солженицын А. С. Архипелаг ГУЛАГ. М.: Советский писатель. Новый мир. 1993. Ч. I. Гл. 5. С. 202; Ч. II. Гл. 1. С. 473, Гл. 4. С. 563–569; Ч. IV. Гл. 1. С. 561.

Скончался под стражей // Московский комсомолец. 18 октября 1991.

Сокурова Е. Н. Еще раз о чести и достоинстве // Вперед. 9 апреля 1988. № 44–45. С. 5.

Сокурова Е. Н. Николай Владимирович — ученый и человек // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 207–216.

Талуц Г. Г. Он учил хорошо относиться ко всему живому и косному окружению // Н. В. Тимофеев-Ресовский на Урале. Воспоминания. Екатеринбург. 1998. С. 96–103.

Тесленко В. Не дальше намеков и эмоций // Вперед. 9 апреля 1988. № 44–45. С. 5.

Тимофеев-Ресовский Н. Воспоминания. М., 1995.

- Турков А.* Неповторимый // Московская правда. 12 марта 1996. С. 6.
- Тюрюканов А. Н.* Фрагменты к воспоминаниям об учителе // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 274–279.
- Тюрюканов А. Н., Федоров В. М.* Н. В. Тимофеев-Ресовский: Биосферные раздумья. М., 1996.
- Тютев М.* Возвращение незабываемого // Уральский автомобиль. 6 ноября 1988. № 129. С. 3.
- Фильрозе Е. М.* Не могу называть его «Зубром» // Н. В. Тимофеев-Ресовский на Урале. Воспоминания. Екатеринбург. 1998. С. 55–62.
- Цингер О. А.* Колюша // Химия и жизнь. 1990. № 12. С. 39–45.
- Цингер О. А.* Колюша — Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 156–173.
- Цингер О. А.* Где в гостях, а где дома. Париж-Москва. 1994.
- Чеботина М. Я.* Ашрам науки // Н. В. Тимофеев-Ресовский на Урале. Воспоминания. Екатеринбург. 1998. С. 39–45.
- Чернова О. А.* Университетские годы // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 78–94.
- Черных Н.* Восторг чужой, а боль своя // Вперед. 24 марта 1988. С. 2–4.
- Черных Н.* Ампутация репутации // Горожане. Обнинск. Март 1998. № 3. С. 3–4.
- Шноль С. Э.* Н. В. Тимофеев-Ресовский и соединение разорванной цепи поколений // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 182–186.
- Шноль С. Э.* Парадокс Н. В. // Н. Тимофеев-Ресовский. Воспоминания. М., 1995. С. 9–13.
- Шноль С. Э.* Герои и злодеи российской науки. М., 1997. С. 103–126.
- Штуббе Х.* Воспоминания о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 180–181.
- Яблоков А. В.* Об Учителе // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 200–206.
- Ярилин А. А.* Вечерами у Тимофеева-Ресовского // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 335–351.
- Anläßlich der Enthüllung... // MPG-Spiegel. 1992. № 6. S. 24.

Böhme H. Geschmächt und verehrt — Beschreibung eines wechselvollen Lebens // *Sinn und Form.* 1989. Jahr. 41. Heft 5. S. 1096–1099.

Eichler W. Zum Gedenken an N.W. Timofeeff-Ressovsky (1900–1981) // *Dt. Entom. Z., N.F.* 29, 1982. Heft 1–3. S. 287–291.

Hill Reiner. Über Widersprüche gestolpert // *Volkung Welt. Die Wahrheit.* 29 Dezember 1988. S. 3.

Ivanov V. I. A zoologist's input into human genetics: An essay on the role of N.W. Timofeeff-Ressovsky in the history of human genetics in the U.S.S.R. // *The History and Development of Human Genetics. Progress in Different Countries.* Washington, DC. 6. October 1991; Singapore e.a.: World Sci. Publ., 1992. P. 109–116.

Ivanov V. I., Liapunova N. A. Nikolay W. Timofeeff-Ressovsky (1900–1981). An Essay on His Life and Scientific Achievements // *Advances in Mutagenesis Research.* 4. Berlin, 1993. P. 115.

Kossuth L. Granins «Ur», ein Zeitzeuge — Abbild und Medium // *Sinn und Form.* 1989. Jahr. 41. Heft 5. S. 1099–1110.

Medvedev Z. A., Green M. M., Lefevre G. Nikolai Wladimirovich Timofeeff-Ressovsky (1900–1981) // *Genetics.* 1982. V. 100. № 1. P. 1–5.

Mueller-Hill B. Heroes and villains // *Nature.* 1988. V. 336. 22/29. P. 721–722.

Paul D. B., Krimbas C. B. Nikolai V. Timofeeff-Ressovsky // *Scientific American.* 1992. V. 266. № 2. P. 86–92.

Perutz M. F. Physics and the Riddle of Life // *Nature.* 1987. V. 326. № 6113. P. 535–558.

*Тексты из архива директора
Медико-генетического научного центра РАМН,
академика РАМН В. И. Иванова*

Анисимов Н. Л., помощник главного военного прокурора. Ответ Иванову В. И. от 27 октября 1989 г.

Бочков Н. П., Иванов В. И., Собельс Ф. Х. Н. В. Тимофеев-Ресовский. 7 сентября 1900 – 28 марта 1981.

Газенко О. Г. Письмо в Главную военную прокуратуру СССР по делу о реабилитации Тимофеева-Ресовского Николая Владимировича. 22 февраля 1988 г.

Газенко О. Г. Письмо Главному военному прокурору СССР Катусеву А. Ф.

Газенко О. Г., Воронцов Н. Н., Иванов В. И., Яблоков А. В. Проект письма Яковлеву А. Н.

Горбушин Н. Г. Истина и судьба. Рукопись от 2 февраля 1989 г.

Горбушин Н. Г. В защиту науки и чести ученого. Рукопись от 30 января 1990 г.

Горбушин Н. Г. Наука и нравственность ученого.

Горбушин Н. Г. Он не умел шагать в колонне.

Иванов В. И. Письмо в Главную Военную Прокуратуру по делу о реабилитации Тимофеева-Ресовского Николая Владимировича. 18 января 1988 г.

Иванов В. И. Письмо военному прокурору Отдела ГВП Кондратову В. К. от 16 февраля 1988 г.

Иванов В. И. Очерк жизни и научной работы Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Стенограмма выступления в Обнинске в сентябре 1994 г.

Кондратов В. К., военный прокурор отдела ГВП. Ответ Иванову В. И. от 16 февраля 1988 г.

Кондратов В. К., заместитель начальника управления ГВП. Ответ Иванову В. И. от 19 марта 1990 г.

Корогодин В. И. Письмо в Главную военную прокуратуру СССР по делу о реабилитации Н. В. Тимофеева-Ресовского от 15 апреля 1988 г.

Месяц Г. А. Письмо президенту Ассоциации содействия развитию Уральского региона Я. П. Рябову.

Паншин И. Б. Заявление Генеральному прокурору СССР Сухареву А. Я. от 10 июля 1988 г.

Проект письма Генеральному прокурору СССР Трубину Н. С. Сентябрь 1991 г.

Сокурова Е. Н. Еще раз о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском, еще раз о чести и достоинстве. Рукопись от 31 апреля 1988 г.

Сокурова Е. Н. Кто Вы, Д. Ильин и В. Провоторов? Письмо в «Литературную газету» от 8 января 1990 г.

Сокурова Е. Н. Как трудно расстаться с прошлым... Письмо в газету «Вперёд».

Севанькаев А. В., Мясник М. Н., Константинов И. О., Горбушин Н. Г., Шишканов Н. Г. Письмо в Главную военную прокуратуру СССР, Комитет Верховного Совета СССР по науке, образованию, культуре и воспитанию. Копии в Комиссию по научному наследию Н. В. Тимофеева-Ресовского при АН СССР и в «Литературную газету». Приложение: «Комментарии и замечания к статье Д. Ильина и В. Провоторова».

„Кто Вы, доктор Тимофеев-Ресовский?“ (Наш современник. 1989. № 11)».

Стенограмма расширенного заседания комиссии АН СССР по научному наследию Н.В.Тимофеева-Ресовского и пресс-конференции по обсуждению статьи Д.Ильина и В.Провоторова в журнале «Наш современник» № 11 за 1989 год «Кто Вы, доктор Тимофеев-Ресовский?» (Отчет о ней см. в газете «Трибуна НТВ». 1990 г. № 1–2).

Сукачѳв В. Н., Астауров Б. Л. Отзыв о научных работах Тимофеева-Ресовского Николая Владимировича. Март 1965 г.

Экспертиза советских архивных материалов, касающихся советского ученого Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, проведенная специальной комиссией АН ГДР в 1989 г. по просьбе правоохранительных органов СССР.

Green M. M. Letter to V. I. Ivanov. July 30. 1981.

Green M. M. Letter to V. I. Ivanov. October 8. 1981.

Green M. M. Letter to V. I. Ivanov. January 11. 1982.

Ivanov V. I. Letter to M. M. Green. September 14. 1981.

Ivanov V. I. Letter to M. M. Green. October 26. 1981.

Ivanov V. I. Letter to M. M. Green. October 30. 1981.

Ivanov V. I. Letter to M. M. Green. December. 1981.

Medvedev Z. A. Letter to M. M. Green. January 14. 1982.

Medvedev Z. A. Letter to V. I. Ivanov. January 14. 1982.

Хронологический указатель

Основные даты жизни
Н. В. Тимофеева-Ресовского

- 1900 Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский родился 7 сентября (19 сентября по новому стилю) 1900 г. в Москве.
- 1911–1913 Учился в Киевской I Императорской Александровской гимназии.
- 1914–1918 Учился в Московской Флёровской гимназии.
- 1916–1918 Учился в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского.
- 1918–1922 Учился в Московском университете на естественном отделении физико-математического факультета.
- 1919–1920 Служил в Красной армии в 117-м стрелковом батальоне 12-й армии.
- 1921–1925 Работал: преподавателем биологии на Пречистенском рабфаке; преподавателем зоологии на биотехническом факультете Практического института; ассистентом на кафедре зоологии профессора Н. К. Кольцова Московского медико-педологического института.
- 1922–1925 Научный сотрудник Института экспериментальной биологии ГИНЗа.
- 1922–1925 Участник руководимого С. С. Четвериковым кружка «Дрозсоор».
- 1922 Женитьба на Елене Александровне Фидлер.
- 1923 Рождение сына Дмитрия.
- 1925–1928 Научный сотрудник Института исследования мозга Общества содействия наукам им. кайзера Вильгельма в Берлине (Германия).

- 1927 Рождение второго сына Андрея.
- 1929–1945 Руководитель отдела генетики и биофизики Института мозга Общества кайзера Вильгельма в Берлин-Бухе (Германия).
- 30-е гг.
вторая
половина Участие в семинарах Н. Бора в Копенгагене и организация и проведение собственных международных семинаров для обсуждения широкого круга проблем теоретической биологии.
- 1938 Избран почетным членом Итальянского общества экспериментальной биологии и членом германского Общества содействия наукам им. кайзера Вильгельма.
- 1939 Присуждена медаль памяти Л. Спалланцани (Университета г. Павии).
- 1940 Избран действительным членом Германской академии естествоиспытателей Леопольдина в Галле.
- 1943 Арест Дмитрия (погиб в Маутхаузене 1 мая 1945 г.).
- 1945 Арест, затем тюрьма и следствие.
13 сентября
- 1946 Военная коллегия на основании статьи 58-1а УК РСФСР приговорила Н. В. Тимофеева-Ресовского к лишению свободы в ИТЛ сроком на 10 лет с поражением в политических правах сроком на 5 лет, с конфискацией личного имущества. Начало срока: 08.10.45, конец: 08.10.1955.
4 июля
- 1946–1947 Пересылки, Самарское отделение Карлага, Бутырская тюрьма, больница.
- 1947, апрель
1955 Заведующий биофизическим отделом и биофизической лабораторией объекта 0215.
- 1951 «За большие успехи в научно-исследовательской работе» освобожден «от отбытия наказания».
- 1955, март Снятие судимости.
- 1955–1964 Заведующий лабораторией, а затем отделом биофизики Института биологии Уральского филиала АН СССР (Свердловск).
- 1956 Стал действительным членом Московского общества испытателей природы.

- 1957, декабрь Первая защита докторской диссертации в Ленинграде, в Ботаническом институте АН СССР, которая не была утверждена ВАК.
- 1958 Член Всесоюзного ботанического общества.
- 1959 Награжден Дарвиновской медалью Академии естествоиспытателей Леопольдина в Галле (ГДР).
- 1963 Вторая защита докторской диссертации в Институте биологии УФАН СССР.
4 января
- 1964 Утверждение ВАК присуждения степени доктора биологических наук.
14 октября
- 1964–1969 Заведующий отделом радиобиологии и генетики Института медицинской радиологии АМН СССР (Обнинск).
- 1965 Награжден Менделевской медалью Чехословацкой Академии наук.
- 1965 Присуждена международная Кимберовская премии по генетике Академии наук США. Премия была вручена в Москве в Академии медицинских наук в апреле 1967 г.
- 1966 Избран почетным членом Британского генетического общества в Лидсе.
- 1967 Член-учредитель Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Н. И. Вавилова, член обнинского отдела Географического общества СССР.
- 1969, апрель Вынужденный выход на пенсию.
- 1969–1981 Консультант Института медико-биологических проблем Министерства здравоохранения СССР.
- 1970 Избран почетным членом Менделевского общества в Лунде (Швеция).
- 1970 Награжден Менделевской медалью Академии естествоиспытателей Леопольдина в Галле (ГДР).
- 1973 Кончина Е. А. Тимофеевой-Ресовской.
29 апреля
- 1974 Избран иностранным почетным членом Американской академии наук и искусств в Бостоне.

- 1981
28 марта Николай Владимирович скончался в Обнинске. Похоронен на Обнинском городском кладбище рядом с Еленой Александровной.
- 1981
28 мая Посмертно избран иностранным членом Лондонского Линнеевского общества.
- 1992
29 июня Реабилитирован.

Именной указатель

- Абатуров Юрий Данилович (1928–1992) — биолог, почвовед, с 1963 г. сотрудник лаборатории Н. В. Тимофеева-Ресовского в Миассове и Обнинске 564–565, 714
- Авакян Цовак Минасович — радиобиолог, заведующий отделом Ереванского физического института 540
- Аввакум Петрович (1620 или 1621–1682) — глава старообрядчества, протопоп, писатель 305
- Агол Израиль Иосифович (1891–1937) — генетик, с 1928 г. директор Биологического института им. К. А. Тимирязева, академик АН УССР (с 1934). Был репрессирован и расстрелян. 446, 448, 453–454
- Агранов Яков Саулович (Ян Сорендзон, 1893–1938) — заведующий секретно-политическим отделом ОГПУ 423
- Адамс Марк — историк российской науки, профессор Пенсильванского университета (США) 399
- Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859) — писатель 677
- Аксаковы 176
- Александр Лео — американский майор медицинской службы 734–735
- Александр — товарищ Фомы (Дмитрия Тимофеева-Ресовского) 456
- Александр I (1777–1825) — российский император с 1801 г. 29, 43, 628, 630
- Александр II (1818–1881) — российский император с 1855 г. 44, 676
- Александр III (1845–1894) — российский император с 1881 г. 44, 402, 404, 428
- Александров Анатолий Петрович (1903–1994) — физик, президент АН СССР (1975–1986), один из основателей советской ядерной энергетики 367, 370, 438
- Александрова Вера Даниловна — ботаник, сотрудник Ботанического института АН СССР 564–565
- Алексанян Михаил — оператор киностудии «Центрнаучфильм» 779

- Алексеева Екатерина Николаевна 651
- Алексей Михайлович (1629–1676) — русский царь с 1645 г. 23–24, 134, 401
- Алиханян Сос Исаакович (1906–1985) — генетик, заведующий лабораторией радиобиологического отдела Института атомной энергии им. И. В. Курчатова, позже директор ВНИИ генетики и селекции промышленных микроорганизмов 525–526, 537, 562
- Алпатов Владимир Владимирович — биолог, зоолог 709
- Алфёров Александр Данилович (1862–1919) — педагог, общественный деятель 669–670
- Алфёрова Александра Самсоновна (1868–1919) — педагог, начальница частной московской женской гимназии 669–671
- Алфёровы 668–671
- Амальди Эдоардо (1908–1989) — итальянский физик-экспериментатор, профессор и директор Института физики Римского университета. Работал в ЦЕРНе, был президентом Международного Союза чистой и прикладной физики 233
- Амбарцумян Виктор Амазаспович (р. 1908) — астрофизик, академик 508
- Амлинский Владимир Ильич (1935–1989) — писатель 716
- Амундсен Руаль (1872–1928) — норвежский полярный путешественник и исследователь 165, 424
- Анисимов Н. Л. — помощник Главного военного прокурора СССР 766
- Анна Иоанновна (1693–1740) — российская императрица с 1730 г. 31
- Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923) — антрополог, географ, этнограф, археолог, академик, профессор Московского университета 94, 412
- Анциферов Николай Павлович (1889–1958) — историк, филолог, краевед 665
- Аньеле — персонаж французского фарса «Адвокат Пателен» 674
- Арбузов Борис Александрович (1903–1991) — химик, академик 508
- Арбузова Мария Александровна 632
- Аристотель (384–322 до н.э.) 392
- Аррениус Сванте Август (1859–1927) — шведский ученый, один из основоположников физической химии, лауреат Нобелевской премии 1903 г. 321, 433
- Архангельский 527
- Архангельский Николай Сергеевич — биолог, соученик Н. В. Тимофеева-Ресовского по Флёровской гимназии 667
- Архимед (ок. 287–212 до н.э.) 137
- Арцимович Лев Андреевич (1909–1973) — физик, академик, профессор Московского университета 508

- Астауров Борис Львович (1904–1974) — биолог, академик 112, 121, 152–153, 411, 414, 508–509, 518–519, 525, 549, 552, 573, 578–579, 583, 592, 596, 602, 712
- Астбэри Уильям Томас (1898–1961) — английский физик, кристаллограф 233
- Атаян Ромен Рафаелович (р. 1936) — радиобиолог, аспирант Н. В. Тимофеева-Ресовского, позже сотрудник Армянского института земледелия 540, 706
- Ахматова Анна Андреевна (Горенко, 1889–1966) 577
- Ахросимова — персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир» 664
- Бабков Василий Васильевич (р. 1946) — биолог, генетик, историк науки 713, 726, 731, 734, 754, 757, 772, 784, 791–792
- Базаров — персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» 664, 666
- Базилевич 601
- Базилевский Ю. Я. — конструктор вычислительных машин 526
- Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788–1824) — английский поэт 78, 666
- Баландин Алексей Александрович (1898–1967) — химик, академик 528
- Баландина Нина Алексеевна (р. 1936) — математик, ученица А. А. Ляпунова и друг его семьи, дочь А. А. Баландина 502, 507, 525, 544, 584–585
- Балкашина Елизавета Ивановна (1899–1981) — зоолог, энтомолог, генетик. Коллега Н. В. Тимофеева-Ресовского по кольцовско-четвериковской группе «Дрозсоор» в Московском университете 111, 114, 121, 252, 413, 469, 475, 712–713
- Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873–1944) — русский и литовский поэт, полномочный представитель Литвы в Москве (1921–1939) 141, 420
- Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) — поэт-символист, с 1920 г. в эмиграции 61
- Баранов Павел Александрович (1892–1962) — ботаник, чл.-корр. АН СССР, с 1952 г. директор Ботанического института АН СССР в Ленинграде 509–510, 516
- Бардин Иван Павлович (1883–1960) — инженер-металлург, академик 508, 530
- Барков Александр Сергеевич (1873–1953) — географ, директор Флёровской гимназии, профессор Московского университета и Педагогического института им. Ленина 69, 78, 109, 405, 468–469, 665, 674
- Басов Владимир Михайлович — геолог, директор Ильменского заповедника 565–566

- Баур Ханс — немецкий цитолог 233
- Баур Эрвин (1875—1933) — немецкий ботаник и генетик, с 1927 г. директор основанного им Института растениеводства и генетики растений в Мюнхенберге 426
- Бах Алексей Николаевич (1857—1946) — химик и революционный деятель, академик 142
- Башкиров В. Н. — архитектор 418
- Бейлис Мендель Менахем — обвиняемый по делу, сфабрикованному черносотенцами в Киеве. Процесс по «делу Бейлиса» (1911—1913) получил в свое время громкую огласку 670
- Беккер Кристоф — немецкий кинорежиссер 725, 753
- Беллинг Дмитрий Евстафиевич — зоолог, преподаватель киевских вузов 58—59, 404
- Белокриницкая Софья — ассистент кинорежиссера студии «Центрнаучфильм» 719
- Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич, 1880—1934) — писатель, поэт, теоретик символизма 61, 666
- Бельговский Марк Леонидович (1906—1959) — генетик 710
- Бельшовский — немецкий гистолог, гистопатолог 198
- Беляев Дмитрий Константинович (1917—1985) — генетик, академик, директор Института цитологии и генетики СО АН СССР 554—555, 559, 561
- Беляев Николай Константинович (1899—1937) — генетик, ученик Н. К. Кольцова и участник четвериковского кружка 111, 114, 144, 252, 265, 411, 414
- Бёме Гельмут — немецкий генетик, академик АН ГДР, руководитель Института генетики и исследования культурных растений АН ГДР в Гатерслебене, председатель экспертной комиссии по изучению деятельности Н. В. Тимофеева-Ресовского в Германии 759, 768, 770—772
- Бенуа Александр Николаевич (1870—1960) — художник, историк искусства и критик. Один из художественных руководителей «Русских сезонов» в Париже 1908—1911 гг. С 1926 г. жил во Франции 618
- Бенюмов Осип Михайлович — редактор издательства «Советская энциклопедия» 594
- Берг Аксель Иванович (1893—1979) — адмирал-инженер, академик, специалист в области радиотехники, радиолокации, кибернетики 525, 547—548
- Берг Лев Семенович (1876—1950) — географ, биолог, эволюционист, академик 114, 415
- Берг Раиса Львовна (р. 1913) — биолог, генетик, дочь Л. С. Берга 321, 502, 509—510, 514, 749, 754, 784, 790

- Бердяев Николай Александрович (1874–1948) — религиозный философ, публицист. В 1922 г. выслан из России 109, 438
- Берзарин Николай Эрстович (1904–1945) — генерал-полковник, военный комендант Берлина 736
- Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) — советский политический и государственный деятель 779
- Берлиц Максимилиан (Берлитц, 1852–1921) — американский педагог, создавший популярную в свое время систему обучения иностранным языкам 74, 406
- Берман Даниил — биолог 585
- Берсенева Иван Николаевич (Павлищев, 1889–1951) — режиссер и актер 665
- Бизе Жорж (1838–1875) — французский композитор 789
- Бирон Эрнст Иоганн (1690–1772) — граф, фаворит императрицы Анны Иоанновны, правившей в России с 1730 по 1740 гг. 31–33
- Благонравов Анатолий Аркадьевич (1894–1975) — генерал-лейтенант артиллерии, академик 508
- Блок Александр Александрович (1880–1921) 61, 497
- Блохин Б. П. — ученый секретарь Объединенного ученого совета УФАН СССР 538
- Блэккет Патрик Мейнард Стюарт (1897–1974) — английский физик, лауреат Нобелевской премии 1948 г. 232, 303
- Блюменфельд Лев Александрович (р. 1921) — биофизик, организатор и заведующий кафедрой биофизики МГУ 566, 576, 600, 607, 706
- Богданов Андрей (р. 1959) — сын Н. А. Ляпуновой и Ю. Ф. Богданова 522, 529, 554–555, 561
- Богданов Николай (р. 1968) — сын Н. А. Ляпуновой и Ю. Ф. Богданова 596
- Богданов Юрий Федорович (р. 1934) — биолог, генетик, академик РАЕН, заведующий лабораторией цитогенетики Института общей генетики им. Н. И. Вавилова РАН 6, 489, 518–519, 522, 528–529, 531, 533–535, 539, 544–545, 558, 561–562, 565, 573, 575, 585, 588, 591, 593, 595–596, 600, 602–603, 607, 714, 753–754
- Богданович Александр Владимирович (1874–1950) — певец, солист Большого театра (1906–1936) 225
- Богомолец Александр Александрович (1881–1946) — патофизиолог, академик 665
- Больцман Людвиг (1844–1906) — австрийский физик-теоретик, один из основоположников классической статистической физики 569
- Бондаренко Владимир — литератор 740, 744–745, 748, 789

- Бонневи Христина — норвежский зоолог и общественный деятель
165–166
- Бонч — см. Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич
- Бонч-Бруевич Вера Михайловна — врач-педиатр, жена В.Д. Бонч-Бруевича *635*
- Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) — историк, советский партийный и государственный деятель, первый управляющий делами Совнаркома *46–47, 100–101, 129, 403, 635*
- Бор Нильс Хенрик Давид (1885–1962) — датский физик, один из создателей современной физики, лауреат Нобелевской премии 1922 г. *223, 225–231, 233–234, 258, 266, 302–303, 322, 427, 687–688, 696*
- Борисов Александр Ильич (отец Александр, р. 1939) — по образованию биолог, настоятель церкви святых Козьмы и Дамиана в Столешниках (Москва) *359, 437, 772*
- Борн Макс (1882–1970) — немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики и современной теории жидкостей. Лауреат Нобелевской премии 1954 г. *223, 258, 427, 511*
- Борн Ханс (у. 1987) — радиохимик, сотрудник лаборатории Н.В. Тимофеева-Ресовского в Берлин-Бухе и в Сунгуле *350, 787–788*
- Боровский *145–146*
- Боровский Александр Кириллович (1889–1968) — пианист. С 1921 г. находился в эмиграции *675*
- Ботас Лев — художник, друг О.А. Цингера, входил в круг буховских знакомых Тимофеевых-Ресовских *611, 613, 616, 620, 622*
- Боткин Владимир Петрович *640*
- Боткин Сергей Петрович (1832–1889) — терапевт, основатель школы русских клиницистов *634*
- Бочков Николай Павлович (р. 1931) — генетик, академик и вице-президент РАМН, заведующий кафедрой медицинской генетики Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова *180, 425, 754*
- Браун Ева (1912–1945) — любовница А. Гитлера *719, 762*
- Браун Харрисон *580*
- Брем Альфред Эдмунд (1829–1884) — немецкий зоолог, просветитель *56–58, 113, 184, 404*
- Бреславец Лидия Петровна (1882–1967) — ботаник, цитолог, профессор Московского университета *114, 415*
- Бриджес Кэлвин (1889–1938) — американский генетик *115, 416*
- Бройль Морис де (1875–1960) — французский физик *775*
- Бубнов Ю.И. — биолог *718*

- Буденный Семен Михайлович (1883–1973) — военачальник, командующий Первой конной армии в гражданскую войну, маршал Советского Союза 100
- Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940) — писатель 48, 665
- Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) — экономист, философ, теолог. С 1923 г. в эмиграции 109
- Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) — писатель, поэт. С 1920 г. в эмиграции. Лауреат Нобелевской премии 1933 г. 225
- Бура Сергей — журналист 787
- Буримский Александр Гаврилович — директор студии «Центрнаучфильм» 768, 784
- Бурлюки: Давид Давидович (1882–1967) — поэт и художник, один из основателей русского футуризма; Владимир и Николай Давидовичи — художники 61
- Бухарин Николай Иванович (1888–1938) — партийный и государственный деятель, академик 127, 626
- Бухман — полковник Красной Армии 777
- Буццати-Траверсо Адриано Антонио (1913–1983) — итальянский генетик и радиобиолог 232, 297–298, 429, 512–513
- Бушуев Г. — председатель Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР 723
- Бэтсон Уильям (1861–1926) — английский биолог и морфолог, один из основоположников генетики 335, 434
- Вавилов Николай Иванович (1887–1943) — биолог, генетик, академик 116, 163, 167, 219, 251, 265, 324, 334–345, 416–417, 434–435, 598, 716, 725, 728
- Вавилов Сергей Иванович (1891–1951) — физик, академик, президент АН СССР (с 1945 г.) 334, 434
- Вайскопф Виктор Фредерик (р. 1908) — немецкий физик-теоретик. С 1937 г. в США 303
- Ванька 104
- Варбург Отто Генрих (1883–1970) — немецкий биохимик и физиолог, с 1930 г. директор Института физиологии клетки в Берлин-Далеме, лауреат Нобелевской премии 1931 г. 789
- Варсонофьева В. А. — геолог, многие годы ученый секретарь МОИП, сотрудник геологического Музея АН СССР 114
- Варшавский Сергей Николаевич (р. 1909) — зоолог, сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского противочумного института «Микроб» в Саратове. В конце войны работал в отделе Н. В. Тимофеева-Ресовского в Берлин-Бухе 738–739, 744–746, 784

- Василенко Сергей Никифорович (1872–1956) — композитор, дирижер, педагог 85, 409
- Васильчикова Наталия Васильевна (в замужестве Всеволожская, 1798–1840) — мать Николая Петровича Всеволожского, жена Петра Васильевича Всеволожского 648
- Васин Борис Николаевич — зоолог, селекционер, ученик А. С. Серебровского, участник четвериковского кружка 111, 489
- Васина-Попова Екатерина Тимофеевна — генетик, ученица А. С. Серебровского 489
- Васнецов Владимир Викторович (1889–1953) — зоолог-ихтиолог 91, 411
- Васютинский Вадим Алексеевич (1898–1950) — историк, преподаватель московских вузов 355, 436
- Ватагин Василий Алексеевич (1883–1969) — зоолог, художник-анималист, скульптор 404, 615, 617–619
- Веймар Орест Эдуардович (1845–1885) — врач-хирург 680–681
- Вейнштейн фон — немецкий энтомолог 444, 446
- Вейсман Август (1834–1914) — немецкий зоолог и теоретик эволюционного учения 707
- Вельт Петер — лаборант отдела Н. В. Тимофеева-Ресовского в Берлин-Бухе 758
- Вельт Элли — жена П. Вельта 758
- Венецианов Алексей Гаврилович (1780–1847) — художник 616
- Верещагин М. Н. — майор МВД, комендант объекта 0215 363–365, 438
- Вернадская-Толль Нина Владимировна (1898–1986) — врач-психиатр, дочь В. И. Вернадского 433
- Вернадские 311, 324
- Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) — естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель 9, 123, 140, 173, 245, 271, 310–317, 319–324, 326, 345, 379–380, 387, 418–419, 432–433, 689, 700, 704
- Вернадский Георгий Владимирович (Гуля, 1887–1973) — историк, сын В. И. Вернадского, с 1920 г. находился в эмиграции 323–324, 433–434
- Вертинский Александр Николаевич (1889–1957) — артист, поэт, композитор. В 1919–1943 гг. жил в эмиграции 665
- Веселая Елена — журналист 797–798
- Весновская Г. Ф. — помощник Генерального прокурора РФ 798
- Вильгельм I Завоеватель (ок. 1027–1087) — английский король с 1066 г. 166
- Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) — германский император и прусский король (1888–1918) 291

- Винберг Георгий Георгиевич (1905–1987) — гидробиолог, чл.-корр. АН СССР 112, 415
- Винге — биолог 227
- Виноградов Александр Павлович (1895–1975) — геохимик, академик 528
- Виноградов Виктор Владимирович (1894/95–1969) — языковед, литературовед, академик 508
- Виноградов Гриша (р. 1957) — сын А.Г. Гамбурцевой и Ю.А. Виноградова 525–526, 607
- Виноградов Юрий Алексеевич (р. 1930) — инженер-электронщик 502, 504, 506–507, 510, 513, 561, 573, 714
- Виппер Борис Робертович (1888–1967) — искусствовед 670
- Витвер Иван Александрович (1891–1966) — географ, историк, профессор МГУ 110, 413, 468, 506, 673–674
- Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — российский государственный деятель 134, 420
- Владимирский Александр Петрович 447
- Воейков Александр Иванович (1842–1916) — климатолог, географ, основоположник климатологии в России, чл.-корр. Петербургской АН 79
- Вознесенская Елизавета Александровна (1896–1986) — жена С.А. Вознесенского 468, 663
- Вознесенские 467–468, 471–473, 476
- Вознесенский Андрей Андреевич (р. 1933) — поэт 758
- Вознесенский Сергей Александрович (1892–1958) — химик, руководитель радиохимического отдела и водной лаборатории на предприятии п/я 0215 468–469, 473, 475–476, 663
- Волькенштейн Михаил Владимирович (1912–1992) — биофизик, чл.-корр. АН, заведующий лабораторией Института высокомолекулярных соединений в Ленинграде, позже заведующий лабораториями в Институте молекулярной биологии и в Институте биофизики АН СССР в Москве 530
- Вольф — руководитель радиологического отделения Ауэровского общества (Германия) 788
- Вольф Лев Григорьевич (р. 1898) — сын помощника присяжного поверенного, одноклассник Н.В. Тимофеева-Ресовского по Флёровской гимназии 71
- Вонсовский Сергей Васильевич (р. 1910) — физик, академик, председатель президиума Уральского научного центра АН СССР 520, 553, 557, 592
- Воронцовская Ольга Александровна 643
- Воронцовский Александр Иванович 643

- Воронцов Николай Николаевич (1934–2000) — зоолог, генетик, эколог. Один из учредителей и вице-президент РАЕН, в 1989–1991 гт. министр охраны природы и рационального природопользования СССР 531, 554–555, 559, 573, 579, 582–586, 589, 600, 604, 606, 696, 706, 709–710, 740, 744, 750, 768, 798
- Воронцова Маша (р. 1957) — дочь Е. А. Ляпуновой и Н. Н. Воронцова 525–526, 554–555
- Всеволожская Акимья — дочь касимовского помещика Федора-Рафа, невеста царя Алексея Михайловича 31, 401
- Всеволожская Надежда Николаевна — см. Тимофеева-Рясовская Надежда Николаевна
- Всеволожская Софья Васильевна (урожд. Рагозина, 1838 — после 1918) — бабушка Н. В. Тимофеева-Ресовского со стороны матери 28–29, 400, 648–651
- Всеволожские 23, 25–26, 31–33, 38, 42, 399–401, 643, 645–649, 680, 756
- Всеволожский — адмирал, брат деда 33–38
- Всеволожский Владимир Алексеевич — владелец дома на Пречистенке 399
- Всеволожский Василий Васильевич (1796–1853) — лейтенант флота, прадед Н. В. Тимофеева-Ресовского, сын Василия Петровича Всеволожского 646–648
- Всеволожский Василий Петрович (1765/66–1833) — капитан-лейтенант, прапрадед Н. В. Тимофеева-Ресовского, сын Петра Степановича Всеволожского 646
- Всеволожский Григорий Васильевич (начало XVII века) - предок Н. В. Тимофеева-Ресовского 645
- Всеволожский Иван Васильев — предок Н. В. Тимофеева-Ресовского 31–33
- Всеволожский Николай Васильевич (1838 — после 1908) — военный инженер, дед Н. В. Тимофеева-Ресовского по материнской линии, сын Василия Васильевича Всеволожского 28, 30, 35, 646–651
- Всеволожский Николай Петрович (1830–1879) — двоюродный брат Николая Васильевича Всеволожского 648, 651
- Всеволожский Петр Степанович (середина XVIII века — 1798) — поручик, предок Н. В. Тимофеева-Ресовского 645–646
- Всеволожский Сергей Васильевич (1838 — до 1895) — военный инженер, сын Василия Васильевича Всеволожского, брат-близнец Николая Васильевича 647–648, 651
- Всеволожский Сергей Сергеевич (1869–1950) — генерал-майор, двоюродный дядя Н. В. Тимофеева-Ресовского, сын Сергея Васильевича Всеволожского 651

Вырубовы 646

Вяжлинская Лариса Николаевна — директор фильма «Рядом с Зубром» 717, 723, 728, 743

Габриэлян Рубен — художник, друг Н. В. Тимофеева-Ресовского 687
Гавриил (отец Гавриил) — священник 356

Гавриленко — главарь банды в гражданскую войну 106, 108, 681

Гагарин Юрий Алексеевич (1934—1968) — первый летчик-космонавт 212

Газенко Олег Георгиевич (р. 1918) — физиолог, академик, директор Института медико-биологических проблем Министерства здравоохранения СССР 592—593, 600—601, 605—606, 608, 704, 706, 740, 798

Гальтон Фрэнсис (1822—1911) — английский антрополог и психолог, один из создателей биометрии и евгеники; двоюродный брат Ч. Дарвина 424

Гамбурцева Алла Григорьевна (р. 1929) — биолог, падчерица А. А. Ляпунова 502, 504, 506—507, 510, 513, 526, 561, 573

Гамов Георгий Антонович (Джордж, 1904—1968) — физик-теоретик, с 1934 г. жил в США 240, 302, 430

Ган Отто (1879—1968) — немецкий радиохимик и физик, директор Института химии в Берлин-Далеме, лауреат Нобелевской премии 1944 г. 780, 782

Гарвей Николай — художник, издательский работник, соученик Н. В. Тимофеева-Ресовского по Флёровской гимназии 71

Ге Николай Николаевич (1831—1894) — живописец 665

Геббельс Йозеф Пауль (1897—1945) — министр пропаганды в нацистской Германии 305, 724

Гегамян Гензель — биолог 757, 798

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ 111

Гейзенберг Вернер Карл (1901—1976) — немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики 303, 735

Гексли Томас Генри (1825—1895) — английский естествоиспытатель, соратник Ч. Дарвина и популяризатор его учения 92, 411—412

Гельфанд Израиль Моисеевич (р. 1913) — математик, академик 604

Генкель 562

Генкин — директор Практического института 127

Георги — английские короли 166

Герасимов Андрей Николаевич — кинорежиссер 783

Германова Мария Николаевна (1884—1940) — актриса первого состава МХТа, жена А. П. Калитинского 666

- Гермоген (ок. 1530–1612) — патриарх русской православной церкви в 1606–1612 гг. 645
- Гернет Михаил Николаевич (1874–1953) — юрист, общественный деятель 670
- Герц Густав Людвиг (1887–1975) — немецкий физик, возглавлял лабораторию Сименса в Берлине, в 1945–1954 гг. работал в СССР. Позже директор и профессор Физического института Лейпцигского университета. Лауреат Нобелевской премии 1925 г. 781
- Гершензон Михаил Осипович (1869–1925) — историк, литературовед, философ 112, 414–415, 664, 666
- Гершензон Сергей Михайлович (1906–1998) — генетик, ученик С.С. Четверикова, академик АН Украины 112, 252, 414
- Геттлат — генерал-майор русской армии середины XIX века 628
- Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832) — немецкий писатель, мыслитель и естествоиспытатель 75
- Гецова Анна Бенедиктовна (1908–1993) — гидробиолог, сотрудник Зоологического института АН СССР. Друг семьи Тимофеевых-Ресовских 522, 543, 599, 724
- Гилева Эмилия Абрамовна (Миля) — биолог, аспирантка Н.В. Тимофеева-Ресовского, теперь сотрудник Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН 535
- Гиммлер Генрих (1900–1945) — руководитель СС, шеф гестапо нацистской Германии 792
- Гинденбург Пауль фон (1847–1934) — президент Германии с 1925 по 1933 гг. 291
- Гиндин Иосиф Флорович (1900–1980) — экономист, историк 667
- Гинтер Евгений Константинович (р. 1940) — генетик, чл.-корр. РАМН, директор Института клинической генетики Медико-генетического научного центра РАМН 183, 426, 694, 706
- Гитлер Адольф (Шикльгрубер, 1889–1945) — рейхсканцлер германского государства с 1933 г. 8, 204, 291, 305, 348, 711, 719, 732, 778, 781–782
- Главинич — югославская аспирантка Т.Д. Лысенко 737
- Глинка Михаил Иванович (1804–1857) — композитор 361, 437, 497
- Глотов Николай Васильевич (р. 1939) — биолог, генетик, заведующий кафедрой ботаники Марийского университета 6, 591, 594, 696, 706, 724
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) 673–674, 677
- Голенкин Михаил Ильич (1864–1941) — ботаник, профессор Московского университета 91, 411
- Голицына С.К. — основательница сельскохозяйственных женских курсов 409

- Головачёв Адриан Алексеевич (1845–1917) — врач, дед А. А. Реформатского 675–678, 680
- Головачёв Алексей Адрианович (1819–1903) — экономист, публицист, прадед А. А. Реформатского 676
- Головины 646
- Головнин Василий Михайлович (1776–1831) — мореплаватель, вице-адмирал, чл.-корр. Петербургской АН 43, 402
- Гольдовский Онисим Борисович (1858 или 1865–1922) — адвокат 670
- Гольдшмидт Рихард (1878–1958) — немецкий генетик и зоолог, с 1936 г. профессор Калифорнийского университета (США) 159, 260, 423, 426, 448–451
- Горбатьюк Нестор Васильевич — физик-дозиметрист, сотрудник Н. В. Тимофеева-Ресовского на объекте 0215 504–505
- Горбачев Михаил Сергеевич (р. 1931) 714, 716
- Горбачевский Константин Иванович (у. 1915) — преподаватель латинского языка во Флёровской гимназии 74, 76, 406
- Горбушин Николай Григорьевич (р. 1935) — инженер-исследователь Медицинского радиологического научного центра РАМН в Обнинске. Сотрудничал с Н. В. Тимофеевым-Ресовским в Свердловске, Миассово и Обнинске. 706, 749, 794
- Горький Максим (Пешков Алексей Максимович, 1868–1936) 413
- Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) — живописец, искусствовед, академик, организатор реставрационного дела в России 225, 428, 546
- Градов 85
- Гранин Даниил Александрович (Герман, р. 1919) — писатель 7, 11, 19, 408, 435, 522, 687–688, 710, 714, 716, 719, 724–725, 731, 734, 744, 748, 750, 754, 758–759, 762–763, 767, 769, 789–790, 794
- Гранина Римма Михайловна — жена Д. А. Гранина 763
- Грачев — московский купец 101
- Гребенщиков Игорь Сергеевич (1913–1984) — немецкий генетик, сотрудник Института генетики и исследования культурных растений АН ГДР в Гатерслебене, работал в отделе Н. В. Тимофеева-Ресовского в Берлин-Бухе 611, 616
- Гречанинов Александр Тихонович (1864–1956) — композитор, с 1925 г. в эмиграции 129, 225
- Григорьев Сергей Григорьевич — географ 665
- Гринберг Кир Николаевич (1935–1987) — генетик 709
- Гумилев Николай Степанович (1886–1921) — поэт 497
- Гурвич Александр Гаврилович (1874–1954) — биолог, гистолог, профессор Таврического и Московского университетов 131–132, 419–420

- Гус Ян (1371–1415) — чешский национальный герой, идеолог Реформации 666
- Гусев Олег Кириллович (р. 1930) — биолог-охотовед, главный редактор журнала «Охота», сотрудник лаборатории Н. В. Тимофеева-Ресовского в Институте биологии УФАН 750
- Гусева Домна Андреевна (Домаша) — няня в семье Ляпуновых 595–596
- Гуссерль Эдмунд (1859–1938) — немецкий философ, основатель феноменологии 110, 413
- Густафссон Оке Карл (р. 1908) — шведский генетик. В 1935–1944 гг. сотрудник, позже директор Института генетики Лундского университета 233, 429
- Дали Сальвадор (1904–1989) — испанский художник-сюрреалист 616
- Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) — естествоиспытатель, философ, публицист 109
- Данин Даниил Семенович (1914–2000) — писатель, критик 598
- Дарвин Чарлз Роберт (1809–1882) — английский естествоиспытатель, основоположник учения об историческом развитии органического мира 92, 121, 183, 241, 244–245, 259, 276, 285, 287–288, 391–395, 411, 425, 439
- Даргомыжский Александр Сергеевич (1813–1869) — композитор 140
- Дарлингтон Сирил (1903–1981) — английский цитолог и генетик 232, 395–397, 428
- Даррелл Джералд Малколм (1925–1995) — английский зоолог и писатель 622
- Даша 796
- Дельбрюк Макс (1906–1981) — немецкий физик, генетик, вирусолог. В 1937 г. эмигрировал в США, с 1947 г. профессор Калифорнийского технологического института в Пасадене. Лауреат Кимберовской премии 1964 г., Нобелевской — 1969 г. 18, 223–226, 228, 230, 233, 237, 239–241, 258, 306–307, 309, 395, 397, 427, 697
- Дельвиг Антон Антонович (1798–1831) — поэт 437
- Деменёв Николай Васильевич — председатель Уральского филиала АН СССР 486–487, 521–522, 528–529, 537, 545
- Демирчоглян Грант Гургенович — физик, сотрудник Института физиологии Армянской АН 540
- Деникин Антон Иванович (1872–1947) — военный деятель, генерал-лейтенант, один из руководителей белого движения 680
- Державин Гаврила Романович (1743–1816) — поэт 77, 407
- Держинская Ксения Георгиевна (1889–1951) — певица, солистка Большого театра 129, 225

- Дживелегов Алексей Карпович (1875–1952) — литературовед, театровед 670
- Дзаки — итальянский инженер 298
- Дирак Поль Адриен Морис (1902–1984) — английский физик, один из создателей квантовой механики, лауреат Нобелевской премии 1933 г. 234, 322–323, 356
- Добржанский Феодосий Григорьевич (Добжанский Теодозиус, 1900–1975) — генетик. С 1927 г. в США, сотрудник Калифорнийского технологического института в Пасадене, профессор Колумбийского и Рокфеллеровского университетов, лауреат Кимберовской премии 1958 г. 252, 431, 665
- Добролюбов Александр Федорович — законоучитель Алфёровской гимназии, в 1910-е гг. священник церкви Николая Явленного на Арбате 671
- Добужинский Всеволод Мстиславович (р. 1905) — художник-дизайнер, сын М. В. Добужинского 614, 616, 622
- Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957) — график, театральный художник. С 1925 г. в эмиграции 140–141, 420, 614, 617
- Добужинский Ростислав Мстиславович (р. 1903) — театральный художник, сын М. В. Добужинского 614, 616
- Докучаев Василий Васильевич (1846–1903) — естествоиспытатель, почвовед, профессор Петербургского университета, основоположник современного генетического почвоведения, учения о зонах природы 345
- Дородницын Анатолий Алексеевич (1910–1994) — математик, академик, директор Вычислительного центра АН СССР 526
- Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) 58, 374, 609, 664
- Дубинин Михаил Михайлович (1900/01–1993) — физикохимик, академик 508
- Дубинин Николай Петрович (1906/07–1998) — генетик, академик 252, 431, 446–448, 453–454, 489–490, 495, 499, 508, 516, 518–519, 524, 526, 528, 708, 729–731, 739–740, 744–745, 749, 800
- Дубровина Наталья Ивановна (р. 1943) — редактор журнала «Человек» издательства «Наука» 798
- Дувакин Виктор Дмитриевич (1909–1982) — литературовед, педагог, основатель фонда устных мемуаров по истории русской культуры XX века, теперь отдел фонодокументов Научной библиотеки МГУ 5, 19, 399, 405, 717, 792
- Дудинцев Владимир Дмитриевич (1918–1998) — писатель 716
- Дукатти — семья итальянских промышленников 296–299, 302
- Думке — хозяйка первой берлинской квартиры Тимофеевых-Ресовских 618–619

Дюринг Евгений (1833–1921) — немецкий философ 103

Евгения Тихоновна — биолог, ученица Н. К. Кольцова 151

Евсеев Борис — сценарист 714–715

Екатерина I Алексеевна (1684–1727) — российская императрица с 1725 г. 31

Екатерина II Алексеевна (1729–1796) — российская императрица с 1762 г. 25, 32, 40, 42, 400, 627, 645–646

Елеонский 568, 570

Елизавета (1709–1761/62) — российская императрица с 1741 г. 32

Ельмслев Луи (1899–1965) — датский лингвист 505–506

Ельцин Борис Николаевич (р. 1931) 794

Елютин Вячеслав Петрович (1907–1993) — металлург, министр высшего (позже высшего и среднего специального) образования СССР (с 1954), чл.-корр. АН СССР 522, 542, 545

Епифанова Ольга Игоревна (р. 1922) — биолог, заведующая лабораторией Института молекулярной биологии АН СССР, дочь И. Э. Грабаря 545–546, 588

Ершов Иван Васильевич (1867–1943) — певец, солист Мариинского театра 225

Есенин Сергей Александрович (1895–1925) 361, 497

Жадовские: Анатолий Эсперович — ботаник, доцент Московского университета, и Борис Эсперович — зоолог, ассистент Московского университета. Преподаватели Флёровской гимназии 80

Жаров Сергей Алексеевич (1897–1985) — хормейстер. С 1921 г. в эмиграции. 224–225, 428

Жебрак Антон Романович (1901–1965) — генетик, селекционер, профессор и заведующий кафедрой генетики Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева 489

Жерихов Николай Иванович — архитектор 405

Живаго Петр Иванович — биолог, цитолог, профессор Московского университета 90, 119, 123, 163, 411

Жинкин Николай Иванович (1893–1979) — психолог, лингвист, философ 502

Жолио-Кюри Фредерик (1900–1958) — французский физик и общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии 1935 г. 324, 775

Жуков-Вережников Николай Николаевич (1908–1981) — академик АМН СССР 579–580

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) — поэт 611

Журавлев Юрий Иванович (р. 1935) — математик, академик 550, 552, 554

- Заблуда Григорий Васильевич — биолог, профессор и декан биологического факультета Уральского университета 702
- Завадовский Михаил Михайлович (1891–1957) — эмбриолог, академик ВАСХНИЛ (с 1935), профессор и заведующий кафедрой динамики развития МГУ 123, 130–132, 163, 418–419, 489
- Заварзин Алексей Алексеевич (1886–1945) — гистолог, один из основоположников эволюционной гистологии, академик 150–151, 422
- Заварзина Наталия Алексеевна — биолог, жена Ю.Я. Керкиса 607–608
- Завенягин Авраамий Павлович (1901–1956) — советский государственный и партийный деятель 350, 435, 780, 783
- Зайцев Борис Константинович (1881–1972) — писатель, с 1922 г. в эмиграции 225
- Залогин Георгий Георгиевич (Юрий, Егор, 1900–1976) — художник-оформитель, искусствовед, друг Н.В. Тимофеева-Ресовского по Флёровской гимназии 415, 464, 468, 485, 516, 663, 673–674
- Залогина Маргарита Гавриловна (урожд. Шемшурина, 1899–1970) — подруга гимназических лет Н.В. Тимофеева-Ресовского, жена Г.Г. Залогина 415, 464, 485, 663, 673
- Залогина Татьяна Георгиевна (р. 1925) — переводчик, дочь М.Г. и Г.Г. Залогиных 515–516
- Залогины 112, 464, 469, 486, 663–664, 669, 673, 701
- Зедгенидзе Георгий Артемьевич (1902–1994) — академик АМН СССР, организатор и директор Института медицинской радиологии АМН в Обнинске 549, 562–563, 573, 578–579, 704, 735, 737–738
- Зелинский Николай Дмитриевич (1861–1953) — химик-органик, академик 111
- Зенкевич Лев Александрович (1889–1970) — гидробиолог, академик, заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных биофака МГУ 502–505, 529–531, 574–575, 579, 590, 592, 603–604, 665
- Зерченинов Николай Тимофеевич — преподаватель математики Флёровской гимназии 73
- Зиловы 632
- Зубов Василий Павлович (1899–1963) — историк искусства, философ 667–668
- Зурабян Арам Суренович — генетик 587, 706
- Зырянов Павел Степанович — физик 520, 592
- Иван IV Грозный (1530–1584) — первый русский царь с 1547 г. 30–31
- Иван Иванович — артельный 101–104
- Иванов 527

- Иванов Валерий Иванович (р. 1939) — биофизик, академик РАЕН, сотрудник Института молекулярной биологии им. В.А.Энгельгардта 720, 722, 725, 754
- Иванов Владимир Ильич (р. 1932) — биолог, генетик, академик РАН, директор Медико-генетического научного центра РАН, заведующий кафедрой генетики Российского государственного медицинского университета 5–7, 11, 183, 426, 557, 564–565, 591, 594, 687, 694, 698, 702, 706, 718–719, 722, 731, 744, 748, 772, 784, 791, 798
- Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) — поэт, теоретик символизма. С 1924 г. в эмиграции 112, 415
- Иванов Сергей Сергеевич — предводитель дворянства Сычевского уезда Смоленской губернии, отец Марии Сергеевны Тимофеевой 634
- Иванова Агния Дмитриевна (в первом браке Нахимова) — жена Сергея Сергеевича Иванова, мать Николая Ниловича Нахимова и Марии Сергеевны Тимофеевой 634
- Иванова Ольга — биолог 152–153
- Иванова Татьяна Александровна (р. 1929) — медик, биолог, сотрудница лаборатории Н.В.Тимофеева-Ресовского в Миассово и Обнинске, жена Вл.И.Иванова 13, 687
- Иванов-Шиц Илларион Александрович — московский архитектор 408, 415
- Ильин Д. — заместитель главного редактора журнала «Наш современник» 766, 771, 784
- Ильинский Игорь Владимирович (1901–1987) — актер, режиссер 71, 406, 667–668
- Илюхин Виктор Иванович — прокурор 791–792
- Инге-Вечтомов Сергей Георгиевич (р. 1939) — генетик, чл.-корр. РАН, профессор и заведующий кафедрой генетики биофака С.-Петербургского университета 724
- Иоганзен Бодо Германович — биолог, профессор Томского университета 724–725, 762
- Иордан Паскуаль (1902–1980) — немецкий физик 303, 775
- Иохансен Фредерик Яльмар — норвежский офицер, участник полярной экспедиции Ф.Нансена на судне «Фрам» 424
- Ирвинг Д. — американский журналист 729, 731, 734, 745, 747
- Йокель — немецкий физик-теоретик 306–307
- Каган Виктор — физик 355, 359, 436
- Казанец Этелий Филиппович — психиатр 558

- Калитинский Александр Петрович (1880–1946) — географ, историк, преподаватель Флёровской гимназии, профессор Карлова университета в Праге. С 1930 г. жил в Париже 78, 407, 666
- Калужнин Лев Аркадьевич — математик 547
- Кальман Хартмут Пауль (1896–1978) — немецкий физик, в 1933–1945 гг. работал в компании «Фазбен индастри» 789
- Камынина Мария Васильевна — прапрабабушка Н.В.Тимофеева-Ресовского со стороны матери, жена Василия Петровича Всеволожского 646
- Камынины 646
- Кант Иммануил (1724–1804) — немецкий философ 111
- Капица Петр Леонидович (1894–1984) — физик, академик. Организатор и первый директор Института физических проблем АН СССР. Лауреат Нобелевской премии 1978 г. 16, 490–492, 495–498, 500–501, 508, 523–524, 526, 532, 579, 755
- Капица Сергей Петрович (р. 1928) — физик, заведующий кафедрой Физико-технического института, вице-президент РАЕН, член Европейской АН 772
- Карлсберг 228
- Карпеченко Георгий Дмитриевич (1899–1942) — цитогенетик, профессор и с 1938 г. заведующий кафедрой генетики Ленинградского университета. В 1940 г. был арестован и погиб 219
- Карпинский Александр Петрович (1846/47–1936) — геолог, президент Академии наук СССР с 1917 г. 83
- Касперсон Тобийорт Оскар (р. 1910) — шведский биофизик. Руководитель медицинского отдела Нобелевского института медицинских исследований клетки и Лаборатории экспериментальных исследований клетки в Стокгольме 233, 429
- Кассо Лев Аристидович (1865–1914) — государственный деятель, министр народного просвещения в 1911–1914 гг. 51, 85, 312, 404, 409, 667
- Кастальский Александр Дмитриевич (1856–1926) — композитор, хормейстер, фольклорист 361, 437
- Катрин — падчерица О.А.Цингера 615, 617
- Катя 796
- Кач Александр Сергеевич — немецкий биолог, сотрудник Н.В.Тимофеева-Ресовского в Бухе и в Сунгуле, позже директор биологического сектора западногерманского Атомного института 348, 350, 777
- Келдыш Мстислав Всеволодович (1911–1978) — математик, механик, президент АН СССР в 1961–1975 гг. 367, 370, 438, 508, 518, 541–542, 545, 556, 579–581, 587, 596

- Керкис Юлий Яковлевич (1907–1977) — генетик, заведующий лабораторией Института цитологии и генетики СО АН СССР 528, 553, 555–557, 564, 582, 608
- Кёльрейтер Йозеф Готтлиб (1733–1806) — немецкий ботаник, адъюнкт ботаники Петербургской академии наук в 1756–1761 гг. и заведующий ее Ботаническим садом, позже директор Ботанического сада в Карлсруэ 393
- Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) — историк, педагог, политический деятель. В 1922 г. выслан из России 670
- Киреевские: Иван Васильевич (1806–1856) — религиозный философ, литературный критик, публицист, и Петр Васильевич (1808–1856) — фольклорист, археограф, публицист 109
- Кирилл (ок. 827–869) и Мефодий (ок. 815–885) — просветители, создатели славянской азбуки 74
- Кирпичников Валентин Сергеевич — биолог, генетик 716
- Кисловская Татьяна Алексеевна (урожд. Пелопидас, 1926–1982) — племянница Е. А. Тимофеевой-Ресовской, дочь ее сестры Александры Фидлер, в замужестве Пелопидас 477, 705
- Кити — персонаж романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» 664
- Клемм Михаил Иванович — немецкий биолог, один из первых сотрудников лаборатории Н. В. Тимофеева-Ресовского в Институте мозга в Берлине 202, 216, 443–444
- Книпович Николай Михайлович (1862–1939) — зоолог, ученый хранитель Зоологического музея Петербургской АН, глава русской школы ихтиологов 326
- Книппер Лев Константинович (1898–1974) — композитор 667
- Кнунянц Иван Людвигович (1906–1990) — химик-органик, академик, генерал-майор-инженер 508
- Коган Иван Григорьевич — биолог, физиолог, ученик Н. К. Кольцова 163
- Козьма Прутков — коллективный псевдоним, под которым в 50–60-е годы XIX века выступали А. К. Толстой и братья Жемчужниковы 70, 406, 438
- Колесников Андрей — журналист 798
- Колумб Христофор (1451–1506) — мореплаватель 299, 610
- Колчак Александр Васильевич (1873–1920) — военачальник, полярный исследователь, гидролог, один из организаторов белого движения 680

- Кольцов Николай Константинович (1872–1940) — биолог, основоположник отечественной экспериментальной биологии, чл.-корр. АН СССР, академик ВАСХНИЛ. Организатор и первый директор Института экспериментальной биологии. 15, 18, 87–89, 91–92, 95–96, 116–119, 122–123, 128, 130, 132–133, 135, 138–139, 141–143, 145, 151, 155–164, 167–180, 186–189, 192, 219–220, 226, 228–229, 236–237, 241, 243, 246, 263, 265, 288, 312, 345, 409, 414, 421, 423, 428, 431, 444–446, 448, 469, 472, 577, 612, 615, 672, 681, 689, 691–692, 698–699, 712–713, 723, 725, 730, 739, 744–745
- Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) — историк византийского и древнерусского искусства, академик, с 1920 г. в эмиграции 407, 433
- Кондратов В. К. — военный прокурор 727–728, 743, 759
- Кондрацкий — майор контрразведки в Берлине в 1945 г. 744
- Кондренков Андрей Андреевич — первый секретарь Калужского обкома партии в конце 60-х гг. 738
- Коновалов Сергей Александрович — филолог, после революции жил и преподавал в Англии 667
- Константин Константинович (псевдоним К. Р., 1858–1915) — великий князь, поэт, переводчик, драматург, президент Петербургской АН (с 1889 г.) 83
- Коридалина Лидия Ивановна — куратор Уральского филиала в президиуме АН СССР 514–515, 521
- Корогодин Владимир Иванович (р. 1929) — радиобиолог, генетик, сотрудник Объединенного института ядерных исследований в Дубне 698, 706, 736, 744–745, 748, 756, 791
- Корто Альфред (1877–1962) — французский пианист, педагог, музыкальный и общественный деятель 595–596
- Костенко Михаил Полиевктович (1889–1976) — электротехник, академик 508
- Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939) — историк, юрист 670
- Кочкарев — персонаж пьесы Гоголя «Женитьба» 674
- Кравков Николай Павлович (1865–1924) — фармаколог, химик, основоположник отечественной фармакологии, чл.-корр. Российской АН 85, 409
- Кречетович Лев Мельхиседекович (1878–1956) — ботаник, профессор и заведующий кафедрой высших растений Московского университета 92
- Крик Фрэнсис Харри Комптон (р. 1916) — английский физик и молекулярный биолог. Лауреат Нобелевской премии 1962 г. 240, 430, 550, 552

- Кристи Агата (1890–1976) — английская писательница, мастер детектива 323, 373
- Кром Наталья Павловна — сотрудница отдела Н. В. Тимофеева-Ресовского в Берлин-Бухе 405, 613–614, 731–733, 735, 740, 752, 770, 776
- Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) — географ, деятель русского революционного движения, теоретик анархизма 29, 106, 108, 400, 423, 680–681
- Кропоткины 680
- Крубер Александр Александрович — географ 665
- Крупин Владимир Дмитриевич — журналист 597–598
- Крушинский Леонид Викторович (1911–1984) — физиолог, генетик, профессор кафедры высшей нервной деятельности МГУ, чл.-корр. АН СССР 519
- Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) — советский партийный и государственный деятель, с 1918 г. член Верховного революционного трибунала при ВЦИК 423
- Крылова Клавдия Тихоновна — жена С. Н. Варшавского 738–739, 746
- Крюгер — сотрудник лаборатории Н. В. Тимофеева-Ресовского в Берлине 203–204, 218
- Кузнецов Сергей Иванович (1900–1987) — микробиолог, чл.-корр. АН СССР (1960) 151, 422
- Кузнецова Лидия Геннадьевна (р. 1940) — биохимик, ученый секретарь Института фундаментальных проблем биологии РАН. Сотрудник лаборатории Н. В. Тимофеева-Ресовского в Свердловске 720–722, 752, 758
- Кузьмин А. 749
- Кулагин Борис Васильевич — военный прокурор 725, 727, 789–790
- Куликов Николай Васильевич — биолог, консультант Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН. Сотрудник Н. В. Тимофеева-Ресовского с 1954 г. 538, 573
- Куликова Валентина Георгиевна — биолог, сотрудник Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН. Работала с Н. В. Тимофеевым-Ресовским с 1951 г., жена Н. В. Куликова 573
- Куприн Александр Иванович (1870–1938) — писатель, в 1919–1937 гг. в эмиграции 225
- Куркова Белла Алексеевна — журналист 762
- Куросава Акира (1910–1995) — японский кинорежиссер 617–618
- Курсанов Александр Николаевич — химик 667
- Курсанов Андрей Львович (1902–1999) — физиолог растений, академик 508

- Курсанов Дмитрий Николаевич (1899–1983) — химик-органик, чл.-корр. АН СССР 473, 552, 562, 583
Курсановы 562, 588, 701
Курчатов Игорь Васильевич (1902/3–1960) — физик, академик, организатор и руководитель работ по атомной науке и технике в СССР 223, 350, 370, 508, 517
Кусевитский Сергей Александрович (1874–1951) — контрабасист, дирижер. С 1920 г. жил в эмиграции 675
Кутерьма Григорий — действующее лицо оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» 225
Кюн Альфред — немецкий биолог, профессор 95, 156, 264, 412
Кюне Конрад Конрадович 619
- Лаврентьев К. — секретарь Союза кинематографистов СССР 740
Лаврентьев Михаил Алексеевич (1900–1980) — математик, механик. Вместе с академиками С.Л. Соболевым и С.А. Христиановичем инициатор создания Сибирского отделения Академии наук с центром в г. Новосибирске. С 1957 г. по 1975 г. — вице-президент АН СССР и председатель ее Сибирского отделения 508, 517–518, 554, 556–557, 595
Лазарев Виктор Никитич (1897–1976) — историк, искусствовед 667
Лазарев Михаил Петрович (1788–1851) — флотоводец, мореплаватель, адмирал (1843) 43
Лазарев Петр Петрович (1878–1942) — физик, био- и геофизик, академик. Директор первого Научно-исследовательского института физики Московского общества научного института, организатор и директор Института биологической физики 142, 146–149, 421
Лазаренко 777
Ландау Лев Давидович (1908–1968) — физик-теоретик, академик, лауреат Нобелевской премии 1962 г. 523, 755
Лаптевы: двоюродные братья Дмитрий Яковлевич (1701–1767) и Харитон Прокофьевич (1700–1763/64) — мореплаватели, исследователи Арктики 323
Ларина Татьяна — персонаж поэмы А.С. Пушкина «Евгений Онегин» 665
Лебедев 530
Лебедев Даниил Владимирович — генетик 724
Левин — персонаж романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» 664
Левин Борис Юльевич — астроном, школьный товарищ А.А. Ляпунова 527

- Левит Соломон Григорьевич (1894–1938) — медик, физиолог, генетик, директор Медико-генетического института. В 1937 г. репрессирован и расстрелян 179–180, 425–426
- Левитский Григорий Андреевич (1878–1942) — ботаник и цитолог, чл.-корр. АН СССР. Репрессирован, погиб в лагерях 219
- Ленин Владимир Ильич (Ульянов, 1870–1924) 29, 100, 123, 141, 162, 167, 185–186, 292, 312, 357, 373, 375, 423–424, 681, 692
- Ленц — профессор Московского университета 148
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) 140, 406, 666
- Лесков Николай Семенович (1831–1895) 12, 109–110, 668, 673, 677, 685
- Ли — биофизик 232
- Линней Карл (1707–1778) — шведский естествоиспытатель, создатель системы классификации растительного и животного мира 392
- Лифарь Сергей Михайлович (Серж, 1905–1986) — артист балета, хореограф, педагог. С 1923 г. в эмиграции 665
- Лобашев Михаил Ефимович (1907–1971) — генетик, профессор Ленинградского университета 581
- Логачев — биолог, профессор Кемеровского медицинского института 724–725
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) 77, 406
- Лосев Алексей Федорович (1893–1988) — философ, филолог 669
- Лосский Владимир Аполлонович (1874–1946) — оперный певец, режиссер 665
- Лотар-Шевченко Вера Августовна (1901–1982) — пианистка 595–596
- Лужков Юрий Михайлович — мэр Москвы 800
- Лузин Николай Николаевич (1883–1950) — математик, академик, основатель научной школы по теории функций 110, 413
- Лукьянченко Иван Иванович — оstarбайтер 739
- Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — государственный деятель, первый нарком просвещения, писатель, критик, академик 47, 665
- Луриа Сальвадор Эдуард (1912–1991) — американский вирусолог и генетик, лауреат Нобелевской премии 1969 г. 697
- Лучник Николай Викторович (1922–1993) — генетик, сотрудник Н. В. Тимофеева-Ресовского на объекте 0215, в Свердловске и Обнинске 475–476, 505, 530
- Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) — агроном, академик, президент ВАСХНИЛ 16, 264–266, 489, 501, 508, 515, 518–519, 521, 552, 580, 737, 741, 743, 756
- Лыскова Маргарита Николаевна (р. 1930) — врач 621

- Львова Ольга Владимировна — преподаватель французского языка во Флёровской гимназии 69, 406
- Львович — см. Астауров Борис Львович
- Ляпунов Алексей Андреевич (1911–1973) — математик, кибернетик, чл.-корр. АН СССР (с 1964) 258, 431, 488–489, 491–493, 495–498, 500, 502–503, 506–508, 510–511, 513–514, 516–517, 519–542, 544–550, 552, 554–558, 563–564, 566–567, 570–571, 573–576, 578–581, 583–585, 589–591, 593–595, 600–605, 607–609, 737
- Ляпунов Ярослав Андреевич (1922–1987) — брат А.А.Ляпунова 507
- Ляпунова Анастасия Савельевна (1904–1986) — жена А.А.Ляпунова 492, 502, 504, 506, 510, 513, 516, 521, 523–524, 526, 534–535, 542, 545–546, 549, 553, 555, 557, 559, 561, 564, 567–568, 575, 577, 580–582, 584–586, 590, 592, 594–596, 602–609
- Ляпунова Елена Алексеевна (р. 1936) — зоолог, цитогенетик, сотрудник Института биологии развития им. Н.К.Кольцова РАН, дочь А.А.Ляпунова 526, 531, 554–555, 584–585
- Ляпунова Елена Васильевна (1887–1976) — мать А.А.Ляпунова 535, 543, 545
- Ляпунова Мария Андреевна (в замужестве Маршак, р. 1920) — сестра А.А.Ляпунова 609
- Ляпунова Наталия Алексеевна (р. 1937) — зоолог, генетик, чл.-корр. РАЕН, заведующая лабораторией цитогенетики Медико-генетического научного центра РАМН. Дочь А.А.Ляпунова 6, 489, 502–507, 509–513, 519, 522, 525, 528–533, 535–536, 543–546, 554–555, 561–563, 566, 572–574, 585, 587, 595–596, 600–602, 604, 607–608, 719–720, 722
- Ляпуновы 432, 491, 497, 504, 507, 527, 534, 538, 546, 555, 566, 571, 595–596, 608
- Маленков Андрей Георгиевич (р. 1937) — биофизик, академик РАЕН, председатель секции РАЕН «Ноосферные знания и технологии» 524, 526, 541, 754
- Малышкин Юрий 796–797
- Мамонтов Савва Иванович (1841–1918) — промышленник и меценат 108, 413
- Мамонтов Сергей Иванович — архитектор, друг О.А.Цингера 609, 611, 613, 616, 618–620, 622
- Мандельштам Евгений Эмильевич (1898–1979) — сценарист научно-популярных фильмов, брат О.Э.Мандельштама 502
- Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938) 502, 577
- Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929) — экономист, в 1908–1911 гг. ректор Московского университета 409

- Мария Федоровна (Мария-София-Фридерика-Дагмара, 1847–1928) — супруга российского императора Александра III 227, 404, 428
- Мария Федоровна (София-Доротея-Августа-Луиза, 1759–1828) — супруга российского императора Павла I 59–60, 404
- Мария, императрица — см. Мария Федоровна, супруга Павла I
- Маркс Карл (1818–1883) 111, 374
- Марр Николай Яковлевич (1864/65–1934) — востоковед и лингвист, академик 471
- Мартынов Алексей Васильевич (1868–1934) — хирург, создатель научной школы 142
- Маршак Иммануил Самуилович (1917–1977) — физик, поэт, переводчик, сын С.Я.Маршака 609
- Маршак Самуил Яковлевич (1887–1964) — поэт 609
- Матвеев Борис Степанович (1889–1973) — зоолог, профессор МГУ 88–89, 91, 410
- Матиас 208
- Махно Нестор Иванович (1888–1934) — один из руководителей анархо-крестьянского движения на Украине в гражданскую войну 106
- Махонина Галина Ивановна — биолог, доцент кафедры экологии Уральского университета. Сотрудник лаборатории Н.В.Тимофеева-Ресовского в Институте биологии УФАИ 514, 564
- Машен — слесарь-механик в отделе Н.В.Тимофеева-Ресовского в Берлин-Бухе, пленный француз 774
- Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930) 61, 405
- Медведев Жорес Александрович (р. 1925) — биохимик, публицист, правозащитник. С 1973 г. живет за границей 577
- Мейтнер Лиза (Майтнер, 1878–1968) — австрийский физик и радиохимик, работала в Германии, в 1933 г. эмигрировала 348, 780
- Мёллер Герман Джозеф (1890–1967) — американский генетик, лауреат Кимберовской премии 1955 г., Нобелевской премии 1946 г. 115–119, 165, 220, 230, 238, 341–342, 415–416, 445, 450, 453, 697, 747
- Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) — ученый, педагог, создатель периодической системы химических элементов 9, 377
- Мендель Грегор Йоганн (1822–1884) — монах, настоятель монастыря в Брюнне (ныне Брно, Чехия), естествоиспытатель, основоположник учения о наследственности 175, 393, 425, 439, 707
- Мензбир Михаил Александрович (1855–1935) — зоолог, академик. В 1917–1919 гг. ректор Московского университета 85, 87–88, 92–93, 158, 226, 246, 288, 409–410, 612, 615, 617
- Мень Александр Владимирович (отец Александр, 1935–1990) — православный священник, богослов 772–774, 790, 793

- Минов О. С. — социалист-революционер 670
- Мирзоева Мария Моисеевна — певица 421
- Митин Марк Борисович (1901–1987) — философ, академик 517
- Михайловский Борис Васильевич (1899–1965) — литературовед 667
- Мичурин Иван Владимирович (1855–1935) — селекционер, академик ВАСХНИЛ 265–266, 432
- Млодзиевский Анатолий Болеславович — физик, преподаватель Алфёровской гимназии 669
- Моисеев Игорь Александрович (р. 1906) — балетмейстер, создатель и руководитель Ансамбля народного танца СССР 611
- Монахов Г. Н. — адвокат 771
- Морган Томас Хант (1866–1945) — американский биолог, один из основоположников генетики, с 1928 г. директор биологической лаборатории Калифорнийского технологического института в Пасадене. Нобелевская премия 1933 г. 115, 117, 159, 416, 444, 707
- Морозов Савва Тимофеевич (1862–1905) — предприниматель, меценат Московского Художественного театра 108, 413
- Морозова Варвара Алексеевна (1864–1917) — владелица Тверской мануфактуры, меценатка 408, 418
- Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809–1881) — государственный деятель и дипломат, в 1847–1861 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири 402
- Муратов Павел Павлович (1881–1950) — писатель, искусствовед. С 1922 г. в эмиграции 85, 670
- Мурзина Марина — журналист 756
- Муссолини Бенито (1883–1945) — фашистский диктатор Италии в 1922–1943 гг. 294–295
- Мухелишвили Николай Иванович (1891–1976) — математик, механик, академик 508
- Мухин Ефрем Осипович — профессор медицинского факультета Московского университета в 20-е годы XIX века 636
- Мюллер-Беллингхаузен Марианна (Нани) — переводчица, жена О. А. Цингера с 1969 г. 611, 613, 615, 617–618
- Мюллер-Хилл Бенно — немецкий биохимик, историк науки, профессор университета г. Кельна 725, 735, 740, 749, 753–755
- Надежда 30
- Надсон Георгий Адамович (1867–1939) — микробиолог, академик 747
- Нансен Фритъоф (1861–1930) — норвежский исследователь Арктики, лауреат Нобелевской премии мира 1922 г. 165–166, 423

- Наполеон I (Бонапарт, 1769–1821) — французский император 198, 294
- Насонов Дмитрий Николаевич (1895–1957) — цитофизиолог, академик АМН СССР, с 1953 г. директор организованного им Института цитологии АН СССР 514, 519
- Настя (Анастасия Дмитриевна Бондарчукова, 1904–1977) — няня в семье Реформатских 506, 587, 589
- Науменко Владимир Павлович — владелец и преподаватель частной мужской гимназии в Киеве начала века 51, 404
- Нахимов Александр Павлович (р. 1939) — инженер, внук Сергея Николаевича Нахимова 6, 45, 402, 632–634, 641
- Нахимов Николай Николаевич (1882 — после 1955) — фотокорреспондент, двоюродный брат Н. В. Тимофеева-Ресовского, старший сын Ольги Викторовны Нахимовой 632–633
- Нахимов Николай Нилович (1853–1883) — дядя Н. В. Тимофеева-Ресовского, муж Ольги Викторовны Нахимовой 402, 632, 634, 641
- Нахимов Нил Николаевич (р. 1817) — отец Николая Ниловича Нахимова 402, 634
- Нахимов Павел Сергеевич (1913–1942/43) — инженер-электрик, племянник Н. В. Тимофеева-Ресовского, сын Сергея Николаевича Нахимова 402
- Нахимов Павел Степанович (1802–1855) — флотоводец, адмирал, троюродный брат Нила Николаевича Нахимова 45, 402
- Нахимов Сергей Николаевич (1884–1939) — агроном, двоюродный брат Н. В. Тимофеева-Ресовского, младший сын Ольги Викторовны Нахимовой 45–46, 402–403, 632–633
- Нахимов Сергей Нилович (около 1848 — после 1920) — врач и юрист, брат Николая Ниловича Нахимова 45, 632
- Нахимова Мария Владимировна (урожд. Семенова, 1885–1971) — жена Сергея Николаевича Нахимова 633
- Нахимова Ольга Викторовна (урожд. Тимофеева, 1859 — после 1917) — тетка Н. В. Тимофеева-Ресовского 402, 632–634, 641, 651
- Нахимовы 402–403, 633
- Нахтсхайм Х. — немецкий энтомолог 444, 446–447, 700
- Невельские 43
- Невельской Геннадий Иванович (1813–1876) — адмирал, исследователь Дальнего Востока 43–44, 402
- Нежданова Антонина Васильевна (1873–1950) — певица, солистка Большого театра 129
- Нейгауз Генрих Густавович (1888–1964) — пианист, педагог, писатель 684
- Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877/78) 677

- Немчинов Василий Сергеевич (1894–1964) — экономист, статистик, академик 508
- Нернст Вальтер (1864–1941) — немецкий физикохимик, один из основоположников современной физической химии, лауреат Нобелевской премии 1920 г. 148, 422
- Несмеянов Александр Николаевич (1899–1980) — химик-органик, президент АН СССР (1951–1961) 508, 517, 522, 532, 534, 544–545
- Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) — граф, канцлер, министр иностранных дел России с 1816 по 1856 гг. 43
- Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942) — живописец 79, 407
- Никишанов Олег — сын Т. И. Никишановой 613
- Никишанова Тамара Илларионовна (р. 1935) — биолог, сотрудник Института медико-биологических проблем Министерства здравоохранения СССР 5–6, 611, 613–614, 706, 709, 711–712, 753, 796
- Николай — товарищ Фомы (Дмитрия Тимофеева-Ресовского) 454, 456
- Николай I (1796–1855) — российский император с 1825 г. 43–44, 84, 611
- Николай Угодник (Николай Чудотворец, Николай Мирликийский, III–IV вв.) — один из самых почитаемых христианских святых 35, 357
- Никонов Александр Александрович (1918–1995) — экономист, академик, академик и президент ВАСХНИЛ 728
- Нобиле Умберто (1885–1978) — итальянский строитель дирижаблей, участник экспедиции Р. Амундсена 1926 г. и других экспедиций 424
- Новиков — секретарь калужского обкома партии в середине 60-х гг. 737
- Новиков В. — сотрудник аппарата УФАН в конце 50-х гг. 528
- Нора 458
- Носков Александр — художник-дизайнер, входил в круг буховских знакомых Тимофеевых-Ресовских 611, 613, 616, 619, 621
- Ноткин Борис Исаакович — журналист 760
- Нуждин Николай Иванович (1904–1972) — профессор МГУ, сотрудник Института генетики АН 518–519
- Нуриев Рудольф Хаметович (Нуреев, 1938–1993) — танцовщик, балетмейстер, дирижер. С 1961 г. в эмиграции 618
- Ньютон Исаак (1643–1727) — английский математик, механик, астроном и физик, создатель классической механики 241, 389, 394
- Обручев Владимир Афанасьевич (1863–1956) — геолог и географ, академик 111

- Обручев Дмитрий Владимирович (1900–1970) — палеонтолог, сотрудник Палеозоологического института АН СССР. Сын В.А.Обручева, соученик Н.В.Тимофеева-Ресовского по Флёровой гимназии 111–112, 414, 667
- Огнёв Иван Флорович (1855–1928) — гистолог, профессор Московского университета 79, 83, 407, 665
- Огнёв Сергей Иванович (1886–1951) — зоолог, профессор МГУ, сын И.Ф.Огнёва 79–83, 407, 665, 668
- Оже Пьер Виктор (р. 1899) — французский физик, профессор Парижского университета 232, 303
- Озерецковская Наталья Геннадьевна (р. 1920) — внучка Александра Викторовича Тимофеева, дочь Татьяны Александровны Озерецковской (урожд. Тимофеевой) 635
- Ойстрах Давид Федорович (1908–1974) — скрипач, педагог 684, 777
- Онегин Евгений — персонаж поэмы А.С.Пушкина «Евгений Онегин» 665
- Оно Сусуму — американский зоолог и генетик японского происхождения 712
- Опарин Александр Иванович (1894–1980) — биохимик, академик 321, 491, 508, 710
- Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961) — историк, востоковед, директор Эрмитажа, академик 670
- Орбели Леон Абгарович (1882–1958) — физиолог, организатор и глава Института эволюционной физиологии им. И.М.Сеченова, вице-президент АН СССР в 1942–1946 гг. 350, 435
- Орлов Алексей Николаевич — физик 520
- Орлов Николай Андреевич (1892–1964) — пианист. С 1921 г. в эмиграции 129, 675
- Островитянов Константин Васильевич (1892–1969) — экономист, академик 508, 517
- Островский Александр Николаевич (1823–1886) — драматург 673
- Охотников Алексей Андреевич (ум. 1824) — майор, прапрадед Н.В.Тимофеева-Ресовского по материнской линии, отец Авдотьи Алексеевны Рагозиной 649
- Охотникова Авдотья Алексеевна — см. Рагозина Авдотья Алексеевна
- Охотникова Наталья Григорьевна (ум. до 1864) — прапрабабушка Н.В.Тимофеева-Ресовского со стороны матери 650
- Охотниковы 648
- Очао Северо (р. 1905) — американский биохимик, лауреат Нобелевской премии 1959 г. 550, 552
- Павел I (1754–1801) — российский император с 1796 г. 25, 404

- Павлов Алексей Петрович (1854–1929) — геолог, профессор Московского университета, академик 93, 412
- Павлов Иван Петрович (1849–1936) — физиолог, академик, лауреат Нобелевской премии 1904 г. 9, 543, 634
- Павлова Вера Николаевна (1876–1962) — актриса Художественного театра, мать О.А.Цингера 616
- Павлова Мария Васильевна (1854–1938) — палеонтолог и палеозоолог, чл.-корр. АН СССР, профессор и заведующая кафедрой Московского университета 93–94, 412
- Палладин Александр Владимирович (1885–1972) — биохимик, академик 508
- Пальм Хильдегард (Клаудет) — секретарь отдела Н.В.Тимофеева-Ресовского в Берлин-Бухе 731, 735, 739–740, 752, 770
- Паншин Игорь Борисович — генетик, в 1943–1945 гг. сотрудник отдела Н.В.Тимофеева-Ресовского в Берлин-Бухе 777–778
- Паня (Прасковья Евтеевна) — помощница Е.А.Тимофеевой-Ресовской по хозяйству 607
- Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968) — писатель 48, 665
- Пашин П.Н. — преподаватель географии во Флёровской гимназии 665
- Певницкий Лев Алексеевич — биолог, сотрудник Медико-генетического научного центра РАМН 461
- Пейн 453
- Пейру Пьер — биолог, брат Ш.Пейру 775–776
- Пейру Шарль-Луи Жан — французский физик, сотрудник ЦЕРНа, почетный профессор университета в Берне 763–765, 772, 774–778, 787
- Пелопидас Алексей Александрович — муж Александры Александровны Фидлер 660
- Передельский А.А. — биолог, сотрудник Института биофизики АН СССР 501–502
- Перелешин Сергей Дмитриевич (1900–1962) — зоолог, одноклассник Н.В.Тимофеева-Ресовского по Флёровской гимназии 667
- Перельман Яков Исидорович (1882–1942) — физик, популяризатор науки 81, 408
- Перрен Жан Батист (1870–1942) — французский физик и физикохимик, профессор Парижского университета. Лауреат Нобелевской премии 1926 г. 232
- Перрен Фрэнсис (Франсуа, 1901–1979) — французский физик, профессор Парижского университета. Сын Ж.Б.Перрена 232, 303
- Перуц Макс Фердинанд (р. 1914) — английский биохимик, лауреат Нобелевской премии 1962 г. 698

- Петр I Великий (1672–1725) — русский царь с 1682 г., первый российский император с 1721 г. 31, 38, 626–627, 777
- Петров — товарищ Фомы (Дмитрия Тимофеева-Ресовского) 457
- Петров Василий Петрович — муж Любви Тимофеевны Тимофеевой 630
- Петров Василий Родионович (1875–1937) — певец, бас Большого театра 225, 473–474, 675
- Петров Рэм Викторович (р. 1930) — иммунолог, академик, вице-президент РАН 557
- Петровский Иван Георгиевич (1901–1973) — математик, академик, ректор МГУ с 1951 г. 508
- Пиатье — французский физик 775
- Писарев Виктор Евграфович — генетик-селекционер, сотрудник Н. И. Вавилова по ВИРу 219
- Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868) — публицист, критик 666
- Пищикова Татьяна Васильевна (р. 1930) — инженер, в последние годы архивист-исследователь, в том числе и родословной Н. В. Тимофеева-Ресовского 6, 400, 403, 625, 690
- Планк Макс Карл Эрнст Людвиг (1858–1947) — немецкий физик-теоретик, основоположник квантовой теории, лауреат Нобелевской премии 1918 г. 735
- Платон (428/427 – 348/347 до н.э.) 199
- Платонов Сергей Федорович (1860–1933) — историк, академик 31, 401
- Плишкин Юрий Михайлович — физик 520
- Плотин (ок. 204/205 – 269/270) — греческий философ 199
- Плохинский Николай Александрович — математик 594
- Плюге 775
- Плярге В. — немецкий историк науки 722
- Повалишин Борис Дмитриевич — сын Веры Викторовны Тимофеевой (в замужестве Повалишиной) 632
- Повалишин Дмитрий Федорович (1854–1916) — действительный статский советник, член Окружного суда Смоленской губернии, муж Веры Викторовны Тимофеевой 632, 651
- Повалишина Елизавета Дмитриевна (в замужестве Зилова, 1891–1954) — дочь Веры Викторовны Тимофеевой 632
- Пол Дайана — американский историк науки 754, 757–760, 779, 782, 787
- Полетаев Игорь Андреевич (1915–1983) — инженер, физик, математик, кибернетик. С 1961 г. сотрудник Института математики СО АН 523–524, 550, 553–554, 556–557, 563–564, 566–567, 570, 572, 575, 584, 600

- Поликарпов Геннадий Григорьевич (р. 1929) — зоолог, сотрудник отдела радиационной и химической биологии Института биологии южных морей им. А. О. Ковалевского Национальной АН Украины, чл.-корр. АН УССР (с 1967 г.) 543–544, 573
- Полозова Валентина Сергеевна (урожд. Нахимова) — племянница Николая Ниловича Нахимова 632
- Полянский Юрий Иванович (1904–1993) — зоолог, генетик, чл.-корр. АН СССР, профессор и заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных Ленинградского университета, сотрудник Института цитологии АН СССР 716, 724
- Помяловский Николай Герасимович (1835–1863) — украинский писатель 404
- Понтекорво Бруно Максимович (р. 1913) — физик, академик 756
- Поплавская — ботаник, жена В. Н. Сукачёва 329
- Поспелов Глеб Геннадьевич (р. 1930) — искусствовед 572, 587, 589, 599, 613–614, 616, 621, 705
- Поспелов Петя (р. 1962) — сын М. А. Реформатской и Г. Г. Поспелова 587, 589
- Поспелова Катя (р. 1967) — дочь М. А. Реформатской и Г. Г. Поспелова 589
- Потемкин Григорий Александрович (1739–1791) — государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал 41
- Потиевский Евгений — оператор студии «Центрнаучфильм» 709
- Преображенские — сотрудники лаборатории Н. В. Тимофеева-Ресовского 504–505
- Провоторов В. Г. — генерал-майор юстиции, старший помощник Главного военного прокурора 759, 766–767, 771, 784
- Прокофьева-Бельговская Александра Алексеевна (1903–1984) — цитогенетик, чл.-корр. АМН СССР, сотрудник Института биологической физики, позже Института молекулярной биологии 537, 587–588, 710
- Проктор Роберт — американский историк науки 724, 740
- Промптов Александр Николаевич (1898–1948) — биолог, орнитолог, участник четвериковского кружка 111
- Пти Ролан (р. 1924) — французский балетмейстер 617–618
- Пузанов Иван Иванович (1885–1971) — зоолог и зоогеограф 348
- Пузанова — мать А. С. Кача и сестра И. И. Пузанова 348
- Пурчил — пастух 99
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) 175, 666, 677, 730
- Пушкины 175
- Пэтау К. — немецкий генетик, соавтор и друг Н. В. Тимофеева-Ресовского 463
- Пютц — сотрудник Института мозга в Берлин-Бухе 768–770

- Рабкин — биохимик 232
- Рагозин Андрей Афанасьевич — дядя Софьи Васильевны Рагозиной 650
- Рагозин Василий Сергеевич (1790—1862) — прадед Н.В.Тимофеева-Ресовского со стороны матери 649—650
- Рагозин Сергей Петрович (р. 1761) — прапрадед Н.В.Тимофеева-Ресовского 649
- Рагозина Авдотья Алексеевна (урожд. Охотникова, р. 1796) — прабабушка Н.В.Тимофеева-Ресовского со стороны матери, жена Василия Сергеевича Рагозина 649
- Рагозина Софья Васильевна — см. Всеволожская Софья Васильевна Рагозины 646, 649—650
- Радзишевская Марина Васильевна (р. 1941) — филолог, научный сотрудник отдела фонодокументов Научной библиотеки МГУ 5—6, 19, 717, 792
- Раевский Борис Николаевич — немецкий физик, директор Биофизического института в Берлин-Далеме 745, 747
- Разетти Франко Дино (р. 1901) — итальянский физик и палеонтолог, заведующий кафедрой спектроскопии в Миланском университете. С 1939 г. в Канаде и США 303—304
- Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630—1671) — донской казак, предводитель Крестьянской войны 1670—1671 гг. 23—24
- Разин Тимофей Тимофеевич 23
- Разин Тимофейка 23—24
- Райниг Вильям Фред — немецкий зоолог, сотрудник лаборатории Н.В.Тимофеева-Ресовского в Институте мозга в Берлине 202, 443—444
- Райт Сьюалл (1889—1988) — американский генетик, один из основоположников современной популяционной генетики 258
- Рапопорт Иосиф Абрамович (1912—1990) — генетик, чл.-корр. АН СССР 576—577
- Ратнер Вадим Александрович (р. 1932) — биолог, математик, заведующий теоретическим отделом Института цитологии и генетики СО АН 579—580
- Рахманинов Сергей Васильевич (1873—1943) — композитор, пианист, дирижер. С 1917 г. жил в эмиграции 129, 225, 428, 675
- Рачков Леонид Дмитриевич — биолог, аспирант Н.В.Тимофеева-Ресовского из Душанбе 568
- Редер — глава немецкой строительной фирмы 210
- Резерфорд Эрнест (1871—1937) — английский физик, один из создателей учения о радиоактивности и строении атома. Лауреат Нобелевской премии 1908 г. 232

- Рекунов Александр Михайлович — Генеральный прокурор СССР 740
- Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — писатель. С 1921 г. в эмиграции 610—611
- Ренш Бернхард (1900—1990) — немецкий орнитолог, один из создателей синтетической теории эволюции 264, 432
- Ресовские 25
- Ресовский 25
- Реформатская Екатерина Адриановна (урожд. Головачёва, 1871—1942) — преподаватель литературы, мать А. А. Реформатского 673
- Реформатская Мария Александровна (р. 1938) — искусствовед, преподаватель МГУ, дочь А. А. Реформатского 5—6, 403, 405, 413, 464—465, 467, 474, 488, 492, 497, 502, 505, 515, 572, 587, 589, 599, 613—614, 616, 621, 626, 659, 670, 677, 689, 716—717, 733
- Реформатская Надежда Васильевна (урожд. Вахмистрова, 1901—1985) — искусствовед, мемуарист, жена А. А. Реформатского 60, 405, 464—465, 473, 476—477, 484, 488, 491, 497, 502, 505, 515, 559, 563, 566, 572, 575, 577, 582, 586—588, 596, 599, 607, 659—661, 663, 668, 682, 684
- Реформатские 370, 372, 466, 468—469, 472—477, 480, 482—484, 486—488, 492, 532, 546—547, 669, 673, 701, 705
- Реформатский Александр Александрович (1900—1978) — лингвист, профессор, друг и соученик Н. В. Тимофеева-Ресовского по Флёровской гимназии 463—465, 467—468, 471—472, 474—477, 479, 481, 483, 485, 488, 492, 497—498, 505—506, 547—548, 560, 626, 659, 661—662, 664—667, 674—679, 681—682, 684
- Реформатский Александр Николаевич (1864—1937) — химик-органик, профессор московских вузов, отец А. А. Реформатского 92, 130, 666, 678
- Реформатский Игорь Александрович (р. 1921) — радиохимик, сын А. А. Реформатского 506
- Реформатский Леонид Николаевич (1872—1955) — преподаватель литературы, дядя А. А. Реформатского 670
- Рикко Наташа — математик, ученица А. А. Ляпунова 512—513
- Риль Николаус (Николай Васильевич, 1901—1990) — немецкий физик и радиохимик, один из руководителей немецкого научного общества «Ауэргезельшафт». После войны около десяти лет работал в СССР 366, 438, 749, 759, 772, 774—775, 778—780, 783, 787
- Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908) — композитор, дирижер 31, 428
- Римский-Корсаков Николай Владимирович — зоолог 132, 149

- Рихтер Йохен — немецкий историк науки 726, 734, 760–761, 772
- Рихтер М. — профессор повивального искусства Московского университета в первой половине XIX века 637
- Рихтер Святослав Теофилович (1915–1997) — пианист 102, 477–478, 482, 596, 684
- Робер Модест Николаевич (1903–1943) — композитор 667
- Рогинская Наталья — звукооператор студии «Центрнаучфильм» 716, 734
- Розанов Борис Федорович — физик, преподаватель Флёровской гимназии 70–73
- Розбауд Пауль — во время войны главный редактор немецкого журнала «Die Naturwissenschaften» 775
- Розенкётер Лутц — психоаналитик, соученик Андрея Тимофеева в Германии 777, 799
- Рокицкий Петр Фомич (1903–1977) — биолог, генетик, биометрик, селекционер 121, 265, 418
- Рокотов Федор Степанович (1735?–1808) — живописец 401
- Романов Александр — товарищ Фомы (Дмитрия Тимофеева-Ресовского) 455, 751
- Романовы — боярский род. С 1613 г. — царская, с 1721 г. — императорская династия в России 23
- Ромашов Дмитрий Дмитриевич (1899–1963) — генетик, участник четвериковского кружка, до 1942 г. сотрудник Института экспериментальной биологии АН СССР 111, 114–115, 120, 144, 220, 243, 252, 265, 413, 691
- Ромпе Роберт (Роман Романович) — немецкий биофизик, академик АН ГДР, антифашист, соавтор и друг Н. В. Тимофеева-Ресовского 463, 521, 726, 731–732, 734, 750–751, 767–770, 792
- Роскин Григорий Иосифович (1892–1964) — цитолог, гистолог, преподаватель, с 1930 г. профессор Московского университета 89, 410
- Рослин Горос — армянский художник-миниатюрист XIII века 541
- Россолимо Григорий Иванович (1860–1928) — невропатолог, психоневролог 137–139, 420
- Ростов Николай — персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир» 664
- Рот Карл-Хайнц 751
- Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) — пианист, композитор, дирижер, основатель первой русской консерватории в Петербурге 139
- Рубинштейн Софья Григорьевна — профессор Московской консерватории 421

- Рудый Панько — персонаж повести Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» 12
- Румянцев Алексей Всеволодович (1889–1947) — гистолог, преподаватель Московского университета, профессор 3-го Московского медицинского института, сотрудник Института эволюционной морфологии АН СССР 150–151, 422
- Рыжов Николай Иванович (1900–1986) — актер 667
- Рюрик — основатель династии Рюриковичей 643
- Рюриковичи — династия русских князей, в том числе и русских царей (IX–XVI веков), считавшихся потомками Рюрика. К этой династии принадлежали и некоторые дворянские роды, потомки удельных князей 23
- Рябинский Валерий Николаевич — директор студии «Центрнаучфильм» 713–714
- Рясовская Амалия Петровна (ум. до 1864) — вторая жена Григория Андреевича Рясовского 639, 643
- Рясовская Елизавета Григорьевна — см. Тимофеева Елизавета Григорьевна
- Рясовская Зоя Васильевна (урожд. Шапилова, 1812–1836) — прабабушка Н.В. Тимофеева-Ресовского, жена Григория Андреевича Рясовского 637–639
- Рясовская Мария Григорьевна (1844–1876) — дочь Григория Андреевича Рясовского от второго брака 633, 639, 641
- Рясовские 400–401, 635–636, 638–639, 641
- Рясовский Василий Григорьевич (1830–1904) — сын Григория Андреевича Рясовского, брат Елизаветы Григорьевны Тимофеевой, передавший свою фамилию ее сыну Владимиру 632, 639–644, 650–651
- Рясовский Григорий Андреевич (1798–1864) — доктор медицины, прадед Н.В. Тимофеева-Ресовского со стороны отца 630, 633, 636–639
- Рясовский Николай Григорьевич (1832 — до 1840) — младший сын Григория Андреевича Рясовского 639
- Сабашниковы: Михаил Васильевич (1871–1943) и Сергей Васильевич (1873–1909) — издатели, основатели издательства, ориентированного на естественнонаучную и историческую литературу 408
- Сабинин Дмитрий Анатольевич (1889–1951) — физиолог растений, с 1932 г. профессор и заведующий кафедрой физиологии растений Московского университета 702

- Савич Алексей Владимирович (1921–1998) — биофизик, сотрудник Института биофизики Министерства здравоохранения СССР 153, 422, 698, 706
- Савич Владимир Гордеевич — гидрофизиолог, ученик Н.Кольцова, сотрудник Звенигородской биостанции Московского университета 153, 422
- Савич Мария Григорьевна (урожд. Россолимо) — жена В.Г.Савича 421
- Савич Нина Гордеевна — биолог, сотрудник Звенигородской биостанции Московского университета, сестра В.Г.Савича 153, 422
- Саводник Владимир Федорович (1874–1940) — историк литературы, автор учебников 76
- Садовникова Мария Полиевктовна (ум. 1940) — зоопсихолог, жена Н.К.Кольцова 155, 163, 192
- Сайтс Фредерик 580
- Саканян Елена Саркисовна (р. 1944) — кинорежиссер, автор документальных фильмов, в том числе кинотрилогии «Рядом с зубром» (1988), «Охота на зубра» (1990) и «Герои и предатели» (1991) 12, 19, 435, 661, 683, 688, 707, 743, 766
- Салганик Рудольф Иосифович (р. 1923) — биохимик, академик 553
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889) — писатель, публицист 373–374, 438
- Самарин Юрий Федорович (1819–1876) — философ, историк 109
- Сатин — персонаж пьесы М.Горького «На дне» 413
- Сатпаев Каныш Имантаевич (1899–1964) — геолог, академик 508
- Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989) — физик и общественный деятель, академик. Нобелевская премия мира 1975 г. 9, 374, 439, 498, 660, 670, 768
- Сахаров Владимир Владимирович (1902–1969) — биолог, генетик, ученик Н.К.Кольцова, до 1948 г. сотрудник Института экспериментальной биологии, после 1966 г. Института общей генетики АН СССР 489
- Сахаров Иван Николаевич (1860–1918) — юрист, общественный деятель, дед А.Д.Сахарова 670
- Сахаров Николай Иванович (1891–1971) — биолог, дядя А.Д.Сахарова, друг юности Е.А.Тимофеевой-Ресовской 497–498
- Свирижев Юрий Михайлович (р. 1938) — биолог, математик 575–576, 590–591, 706
- Северцов Алексей Николаевич (1866–1936) — биолог, зоолог, профессор Московского университета (с 1911 г.), организатор и глава Лаборатории (с 1935 г. Институт) эволюционной морфологии животных, академик, сын Н.А.Северцова 89, 410

- Северцов Николай Алексеевич (1827–1885) — зоолог, зоогеограф и путешественник, один из основоположников экологии 409–411
- Северянин Игорь (Лотарев Игорь Васильевич, 1887–1941) — поэт 61, 405
- Семадени Элеонора Георгиевна — владелица кофеен в Киеве 50, 404
- Семашко Николай Александрович (1874–1949) — советский государственный и партийный деятель, врач, один из организаторов советского здравоохранения, нарком здравоохранения с 1918 по 1930 г. 141–146, 160, 171, 187–189, 192, 420, 433, 692
- Семенов Дмитрий Иванович — медик, радиобиолог, сотрудник Н. В. Тимофеева-Ресовского с 1947 г. в Сунгуле и Свердловске 481, 483, 720–722, 727
- Семенов Николай Николаевич (1896–1986) — физик, академик. Основоположник химической физики, организатор и директор Института химической физики АН СССР. Лауреат Нобелевской премии 1956 г. 508, 518, 592–593
- Семерджян С. П. — физик, сотрудник лаборатории биофизики Армянского института земледелия 540
- Сенявин Алексей Наумович (1716–1797) — адмирал 42, 401–402, 639
- Сенявин Дмитрий Николаевич (1763–1831) — флотоводец, адмирал, двоюродный племянник А. Н. Сенявина 402
- Сенявина Анна Алексеевна 639
- Сенявины 42, 639–640, 646
- Сергеев Владимир Сергеевич — историк, преподаватель Алфёровской гимназии 669
- Сергей — товарищ Фомы (Дмитрия Тимофеева-Ресовского) 456
- Серебровская Раиса Исааковна — биолог, жена А. С. Серебровского 446, 448, 451, 454
- Серебровский Александр Сергеевич (1892–1948) — биолог, генетик, чл.-корр. АН СССР, академик ВАСХНИЛ, организатор и первый заведующий кафедрой генетики МГУ (1930–1948) 6, 116, 118, 123, 135, 144, 163, 219, 417, 431, 443–446, 448–449, 451–453
- Середа Глеб Аркадьевич (ум. 1990) — химик, руководитель Лаборатории «Б» в Сунгуле 438, 719, 748–749, 754, 772, 779, 785, 787
- Сеченов Иван Михайлович (1829–1905) — естествоиспытатель и физиолог, профессор Медико-хирургической академии в Петербурге, Новороссийского, Петербургского и Московского университетов. Основоположник отечественной физиологии 424
- Сидоров Борис Николаевич (1908–1980) — биолог, генетик 659
- Сидоров Владимир Николаевич (1903–1968) — лингвист 659

- Сикорский Игорь Иванович (1889–1972) — авиаконструктор и промышленник. С 1919 г. жил в США 665
- Сима — член семьи А. А. Реформатского 506
- Симпсон Джордж Гейлорд (1902–1984) — американский палеонтолог, эволюционист, один из создателей современной синтетической теории эволюции 252, 264, 431
- Сиповский Василий Васильевич (1872–1930) — историк литературы, автор учебных пособий 76
- Скадовская Людмила Николаевна — жена С. Н. Скадовского 139, 146, 421
- Скадовские 138–139
- Скадовский Сергей Николаевич (1886–1962) — гидробиолог, гидрофизиолог, сотрудник, позже профессор и заведующий кафедрой гидробиологии Московского университета 88, 90, 123, 135–139, 144, 146, 150, 163, 410, 689
- Скворцова 637
- Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) — генерал, участник многих русских военных кампаний 677
- Сковорода Григорий Саввич (1722–1794) — украинский философ, поэт, музыкант, педагог 109
- Скоробогач Прасковья Васильевна (урожд. Всеволожская, р. 1834) — сестра Николая Васильевича Всеволожского 651
- Скрябин Александр Николаевич (1871/72–1915) — композитор, пианист 674
- Славянов Андрей Николаевич — химик, преподаватель Флёровской гимназии 80
- Слепков Василий Николаевич (1902–1937) — генетик, философ, профессор Казанского университета и Татарского педагогического института 446, 448, 450–454
- Слепцов Василий Алексеевич (1836–1878) — писатель 677
- Слободкин Юрий Максимович — депутат Верховного Совета РСФСР 794
- Смирнов Евгений Сергеевич — энтомолог, профессор кафедры энтомологии биофака МГУ 518–519
- Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) — певец, солист Большого театра 675
- Соболев Сергей Львович (1908–1989) — математик, академик, с 1957 г. директор Института математики СО АН СССР 520, 554, 556–557
- Соболева Ариадна Дмитриевна — жена С. Л. Соболева 556–557
- Сойфер Валерий Николаевич (р. 1936) — генетик, историк науки. В 1988 г. эмигрировал в США, теперь профессор Университета штата Охайо 754

- Соколов Николай Николаевич (1902–1975) — генетик, цитогенетик 437
- Сократ (ок. 470–399 до н.э.) 199
- Сокурова Елизавета Николаевна (1925–1991) — микробиолог, сотрудник Н.В.Тимофеева-Ресовского с 1949 г. 725, 791
- Солженицын Александр Исаевич (р. 1918) — писатель, публицист. Лауреат Нобелевской премии 1970 г. 355, 437, 577
- Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) — религиозный философ, поэт, публицист 109
- Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) — историк 401
- Соловьев Сергей Устинович (1859–1912) — архитектор 409
- Стадлер — американский ботаник 220
- Сталин Иосиф Виссарионович (Джугашвили, 1878–1953) 144, 349, 351, 374, 521, 716, 755, 777
- Стебаев Игорь Васильевич — биолог, сотрудник Биологического института СО АН 600–601
- Стенли Уэнделл Мередит (Стэнли, 1904–1971) — американский вирусолог, биохимик, лауреат Нобелевской премии 1946 г. 525
- Степаненко В.Ф. — руководитель лаборатории Института медицинской радиологии АМН СССР в Обнинске 785–786
- Степанов М.А. — московский купец 399
- Степанова Елена Андреевна (1891–1978) — певица, солистка Большого театра 129
- Стёртевант Алфред Генри (1891–1970) — американский зоолог и генетик, один из создателей хромосомной теории наследственности. Лауреат Кимберовской премии 1957 г. 115, 282, 416
- Стириоканц Алексей Иванович — генерал-майор Генерального штаба, служивший в середине XIX века 632
- Столетов Всеволод Николаевич (1906/67–1989) — биолог и государственный деятель. С 1959 г. заведующий кафедрой генетики Московского университета. В 1959–1972 гг. министр высшего и среднего специального образования РСФСР 525–526, 537, 562, 586
- Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) — государственный деятель, министр внутренних дел и председатель Совета Министров (с 1906 г.) 359
- Столяров Л.Н. 558
- Стравинский Игорь Федорович (1882–1971) — композитор, дирижер, пианист. С 1910 г. жил в Швейцарии, с 1939 г. в США 129, 225, 619

- Студенов Николай Сергеевич (р. 1926) — гидрограф, сотрудник ВНИИ гидрометеорологической информации — Мировой центр данных, председатель обнинского отдела Географического общества СССР 603–604
- Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) — публицист, критик, издатель 640–641
- Суза Клэр де — вице-консул французского консульства в Женеве 765
- Сукачёв Владимир Николаевич (1880–1967) — ботаник, лесовод и географ, академик. Основатель и руководитель Института леса до 1959 г. Основоположник биогеоценологии 270, 320, 324, 326–330, 334–335, 387, 432, 434, 509, 528, 574, 579, 695, 701
- Сухарев — Генеральный прокурор СССР 760
- Сушкина Анна Петровна — биолог, падчерица и ученица С. С. Четверикова 718
- Сысоева Александра Васильевна — прапрабабушка Н. В. Тимофеева-Ресовского, жена Сергея Петровича Рагозина 649
- Тамм Игорь Евгеньевич (1895–1971) — физик-теоретик, академик, лауреат Нобелевской премии 1958 г. 508, 550
- Тарасевич Лев Александрович (1868–1927) — микробиолог, патолог, профессор Высших женских курсов и Московского университета, основатель и директор Государственного института народного здравоохранения им. Л. Пастера 167, 424
- Тарле Евгений Викторович (1874–1955) — историк, писатель, академик 665
- Тарусов Борис Николаевич — профессор МГУ, заведующий кафедрой биофизики биолого-почвенного факультета 490–491
- Тахтаджян Армен Леонович (р. 1910) — ботаник, академик, профессор Ленинградского университета, директор Ботанического института АН СССР с 1977 г. 263, 432, 509–510
- Тейк Рената 306–307
- Телитченко Михаил Михайлович — профессор и заведующий лабораторией кафедры гидробиологии биолого-почвенного факультета МГУ 530–531
- Теличкина Валентина — актриса 795
- Тененбаум Эсфирь Абрамовна — биолог, сотрудник лаборатории Н. В. Тимофеева-Ресовского в Берлине 204
- Терентьев Павел Викторович — преподаватель Первой киевской гимназии 55–56, 665
- Терехова Маргарита — актриса 795
- Тимофеев Александр Александрович (1897–1920) — двоюродный брат Н. В. Тимофеева-Ресовского, сын Александра Викторовича Тимофеева 635

- Тимофеев Александр Викторович (1861–1920) — почетный лейб-медик, терапевт и психиатр, дядя Н. В. Тимофеева-Ресовского, младший брат его отца 25, 403, 630, 633–635
- Тимофеев Андрей Владимирович (р. 1928) — племянник Н. В. Тимофеева-Ресовского, сын Владимира Владимировича Тимофеева 653, 724
- Тимофеев Андрей Николаевич (р. 1927) — физик, сотрудник Института физики твердого тела Уральского филиала Академии наук, младший сын Н. В. Тимофеева-Ресовского 6, 25, 364, 435, 454, 456, 461, 463–466, 473, 478–479, 484–486, 523, 560, 588, 592, 595–596, 601–602, 611, 613, 619–621, 653, 660, 663, 682–683, 690, 700, 703, 706, 717, 720–722, 727, 734, 750–752, 756, 777, 796–797, 799
- Тимофеев Борис Владимирович (1908–1979) — кинооператор, брат Н. В. Тимофеева-Ресовского 403, 647, 651, 653
- Тимофеев Виктор Владимирович (1904–1974) — зоолог, брат Н. В. Тимофеева-Ресовского 133, 403, 420, 504, 527, 535, 563, 566, 583, 586, 651, 653, 667
- Тимофеев Виктор Тимофеевич (1815–1875) — дед Н. В. Тимофеева-Ресовского по отцовской линии 627–630, 632, 639–640, 643
- Тимофеев Владимир Александрович (р. около 1889) — двоюродный брат Н. В. Тимофеева-Ресовского, старший сын Александра Викторовича Тимофеева 635
- Тимофеев Владимир Андреевич — внучатый племянник Н. В. Тимофеева-Ресовского, сын Андрея Владимировича Тимофеева 653
- Тимофеев Владимир Викторович (1856–1913) — отец Н. В. Тимофеева-Ресовского. С 1888 г. его фамилия стала писаться как Тимофеев-Рясовский 25, 400, 403–404, 630–632, 641–642, 644, 650, 690
- Тимофеев Владимир Владимирович (1903–1938) — брат Н. В. Тимофеева-Ресовского 403, 650–651, 653, 661, 667, 723, 725
- Тимофеев Дмитрий Владимирович (1908 — после 1935) — брат Н. В. Тимофеева-Ресовского 403, 647, 651, 653, 723
- Тимофеев Тимофей Никифорович (ок. 1760 — до 1863) — прадед Н. В. Тимофеева-Ресовского по отцовской линии 627–628, 630, 638
- Тимофеева Вера Викторовна (в замужестве Повалишина, 1857–1922) — тетка Н. В. Тимофеева-Ресовского, сестра его отца 630, 632
- Тимофеева Вера Владимировна (1905–1996) — сестра Н. В. Тимофеева-Ресовского 403, 466, 626, 651, 653, 661

- Тимофеева Вера Тимофеевна (в замужестве Шахова) — дочь Тимофея Никифоровича Тимофеева, сестра Виктора Тимофеевича Тимофеева 630
- Тимофеева Елизавета Григорьевна (урожд. Рясовская, 1836 — после 1918) — бабушка Н. В. Тимофеева-Ресовского по отцовской линии, жена Виктора Тимофеевича Тимофеева 630, 637, 639—641, 643—644, 650
- Тимофеева Любовь Тимофеевна (в замужестве Петрова) — дочь Тимофея Никифоровича Тимофеева, сестра Виктора Тимофеевича Тимофеева 630
- Тимофеева Мария Сергеевна (урожд. Иванова, 1860—1941) — жена Александра Викторовича Тимофеева 403, 634—635
- Тимофеева Нина Алексеевна (р. 1927) — биолог, сотрудница лаборатории Н. В. Тимофеева-Ресовского в Сунгуле и в Свердловске, жена Андрея Николаевича Тимофеева 464, 466—467, 473, 478, 484, 486, 510, 514, 541, 564, 574, 601, 613, 620, 661—663, 717—718, 727, 756
- Тимофеева Ольга Викторовна — см. Нахимова Ольга Викторовна
- Тимофеева Татьяна Александровна (в замужестве Озерецковская, ум. 1943) — двоюродная сестра Н. В. Тимофеева-Ресовского, младшая дочь Александра Викторовича Тимофеева 635
- Тимофеева-Рясовская Надежда Николаевна (урожд. Всеволожская, 1870—1928) — мать Н. В. Тимофеева-Ресовского 23, 35, 399, 626, 631, 645, 647, 650, 690
- Тимофеев-Ресовский Дмитрий Николаевич (Фома, Фомка, 1923—1945) — биолог, старший сын Н. В. Тимофеева-Ресовского 25, 188, 190, 193, 349, 426, 435, 454—458, 460—461, 466, 485, 619, 653, 662, 682—683, 690, 699, 705, 718, 721—723, 732—733, 740, 751—752, 765, 769, 776, 783, 799
- Тимофеев-Рясовский Владимир Викторович — см. Тимофеев Владимир Викторович
- Тимофеевы 23, 25—26, 38, 42, 46, 400, 403, 408, 432, 626, 629, 633, 643, 650, 653—654, 683
- Тимофеевы-Ресовские 405, 419, 427, 672, 681—682, 684—685, 689
- Тимофеевы-Рясовские 403, 650, 653
- Тинбель — физик 214
- Титлянова Аргента Антониновна — радиохимик, эколог, профессор Новосибирского университета, сотрудник Института почвоведения и агрохимии. Сотрудница лаборатории Н. В. Тимофеева-Ресовского с 1952 г. в Сунгуле и Свердловске 536, 567—568, 600, 602
- Толли 323

- Толль Николай Петрович (1894–1985) — археолог, медиевист, византолог, иранист, ученик Н.П. Кондакова 433
- Толль Эдуард Васильевич (1858–1902) — полярный исследователь 433
- Толстой Алексей Константинович (1817–1875) — писатель, поэт, драматург 432, 677
- Толстой Лев Николаевич (1828–1910) 58, 407, 664, 669
- Толстые 175
- Топилин Всеволод Владимирович — пианист, в довоенные годы аккомпаниатор Д.Ф. Ойстраха 684, 777
- Топчиев Александр Васильевич (1907–1962) — химик, академик 508, 522, 537
- Трахтенброт Борис Абрамович (р. 1921) — математик, в 60–70-е гг. сотрудник Института математики СО АН 554–555
- Тренёв Дмитрий Капитонович — искусствовед 85, 408
- Треттин Шарлотта — сотрудница Института мозга в Берлин-Бухе 768–770
- Тринчер Карл Сигизмундович — биофизик 568–571
- Трипоцки Йоахим — философ, руководитель отдела Института теории, истории и организации науки АН ГДР 760, 771
- Тропинин Василий Андреевич (1776–1857) — художник 616
- Трошин Афанасий Семенович (1912–1985) — цитолог и цитофизиолог, чл.-корр. АН СССР, директор Института цитологии с 1958 г. 518–519
- Труайя Анри (Лев Тарасов, р. 1911) — французский писатель 667
- Трубецкие 790
- Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) — лингвист, философ, культуролог. С 1919 г. жил в эмиграции 471–472, 505–506
- Трубецкой Паоло (Павел Петрович, 1866–1938) — скульптор 44, 402
- Трубецкой Сергей Евгеньевич (1890–1949) — общественный деятель, мемуарист. В 1920 г. был арестован, в 1922 г. выслан из России 665
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) 361, 677
- Тэриан Михаил Никитич (1905–1987) — альтист, дирижер, педагог 667
- Тюрюканов Анатолий Никифорович (р. 1931) — биолог, специалист в области почвоведения, биогеоценологии и проблем биосферы, академик РАЕН 334, 583–584, 586–587, 706, 719–722, 789–790, 798
- Уварова Екатерина Семеновна 632
- Уланова Галина Сергеевна (р. 1909/10–1998) — балерина, солистка Большого театра, педагог 492

- Унковская Софья — ученица Алфёровской гимназии 670
- Унковский Алексей Михайлович (1828–1893) — юрист, общественный деятель 676
- Уотсон Джеймс Дьюи (р. 1928) — американский биохимик и молекулярный биолог, лауреат Нобелевской премии 1962 г. 240, 430
- Уралец Александр Константинович — полковник МВД, директор Лаборатории «Б» с 1946 по 1952 гг. 363–364, 366, 437
- Уткин Иван Алексеевич (1921–1960) — биолог, заместитель директора Института радиационной и физико-химической биологии АН СССР 533
- Ушаков Дмитрий Николаевич (1873–1942) — языковед, педагог 664
- Фабер Роберт Васильевич (псевдоним Роберт Энгель) — музыкальный критик. С 1918 г. жил в Берлине 225, 428
- Фаберже — ювелирная фирма в России, названная по имени ее основателя Густава Фаберже 775
- Фаберже Татьяна 775
- Фальц-Фейн Фридрих — старший из шести братьев Фальц-Фейнов, владевших землями на юге России, основавший в своем имении уникальный заповедник Аскания-Нова 130
- Феврония — персонаж оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии» 225
- Федоров Винцент Моисеевич (р. 1937) — биолог и философ, профессор МГУ, академик РАЕН 798
- Федор-Раф (Всеволожский, ум. 1657) — касимовский помещик, отец Афимьи Всеволожской 401
- Фейнберг Евгений Львович (р. 1912) — физик-теоретик, чл.-корр. РАН 763, 772
- Ферми Энрико (1901–1954) — итальянский физик, один из создателей ядерной и нейтронной физики. В 1938 г. эмигрировал в США. Нобелевская премия 1938 г. 297, 324
- Феррейн Владимир Карлович (1834–1918) — основатель фармацевтической фирмы, владелец аптечных и косметических магазинов 193
- Феррейны 193–196, 200, 671
- Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945) — геохимик, минералог, академик, один из основоположников геохимии 312
- Филлер Александр Александрович (ум. 1913) — педагог, мировой судья, отец Е.А. Тимофеевой-Ресовской 419, 672, 689
- Филлер Александра Александровна (Шура, в замужестве Пелопидас, 1892–1944?) — агроном, зоотехник, сестра Е.А. Тимофеевой-Ресовской 465, 469, 473, 477, 660, 669

- Фидлер Антонина Александровна (1884/85–1912) — химик, сестра Е. А. Тимофеевой-Ресовской 130, 669
- Фидлер Борис Александрович (1880–1952) — зоотехник, брат Е. А. Тимофеевой-Ресовской 129, 477
- Фидлер Вера Александровна — музыкант, сестра Е. А. Тимофеевой-Ресовской 129
- Фидлер Ксения Александровна — сестра Е. А. Тимофеевой-Ресовской 669
- Фидлер Лёля (Елена Александровна Тимофеева-Ресовская, 1898–1973) 660, 668–671, 681
- Фидлер Мария Александровна (1889–1918) — сестра Е. А. Тимофеевой-Ресовской 660, 669, 672
- Фидлер Наталья Александровна — химик-фармаколог, сестра Е. А. Тимофеевой-Ресовской 419, 477
- Фидлер Софья Егоровна (урожд. Шульц) — педагог, мать Е. А. Тимофеевой-Ресовской 419, 669, 672
- Фидлеры 419, 671–672
- Филатов Дмитрий Петрович (1876–1943) — эмбриолог, сотрудник Института экспериментальной биологии, профессор и с 1940 г. заведующий организованной им кафедрой эмбриологии МГУ 90, 150, 163, 411
- Филиппов Г. С. 747
- Филипченко Юрий Александрович (1882–1930) — биолог, генетик, организатор первой в России кафедры генетики и экспериментальной зоологии в Петроградском университете (1919) 167, 173–176, 179, 417
- Фишер Владимир Михайлович — литературовед, преподаватель русского языка и литературы во Флёровской гимназии, с 1919 г. жил в Польше 76–79, 406, 666
- Фишер Роналд Эйлмер (1890–1962) — английский биолог и биометрик, один из основоположников математической генетики 258
- Флёров Александр Ефимович — основатель и попечитель частной московской мужской гимназии 66, 405, 469, 664, 668–670, 674
- Флоринский Дмитрий Тимофеевич (р. 1889) — юрист, дипломат, после революции эмигрировал 665
- Фогт Оскар (1870–1959) — немецкий морфолог-невролог, с 1919 г. по 1936 г. директор Института мозга Общества кайзера Вильгельма 167, 184–185, 187, 189, 196, 198, 202–204, 221, 424, 426, 447, 454, 692, 722
- Фокин Михаил Михайлович (1880–1942) — артист балета, балетмейстер, педагог. С 1918 г. жил за границей
- Фома, Фомка — см. Тимофеев-Ресовский Дмитрий Николаевич

- Фоменков (или Роменков) — товарищ Фомы (Дмитрия Тимофеева-Ресовского) 456
- Фортунатов Александр Алексеевич (1884—1949) — педагог, историк образования 665
- Фосс Гюнтер — немецкий директор съёмочной группы кинотрилогии о Н. В. Тимофееве-Ресовском на студии «Дефа» 726, 731—734, 750—751, 768
- Франк Глеб Михайлович (1904—1976) — биофизик, академик, с 1957 г. директор Института биофизики АН СССР 508, 568, 571
- Франциск Ассизский (Джованни Бернардоне, 1181 или 1182—1226) — итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев 357
- Фридрих Каспар Давид (1774—1840) — немецкий живописец 610—611
- Фриш, фон — зоолог 81
- Фролов Ф. — режиссер студии «Центрнаучфильм» 713
- Фролова Софья Леонидовна (1884—1951) — цитолог, цитогенетик, преподаватель Московского университета 90, 119, 123, 163, 411
- Фукс 781
- Хаксли Джулиан Сорелл (1887—1975) — английский биолог и философ, один из создателей синтетической теории эволюции 95, 185, 263—264, 412
- Харди Годфри Харолд (1877—1947) — английский математик, профессор Кембриджского и Оксфордского университетов 272
- Харламов Лев (Харлашка) — соученик Н. В. Тимофеева-Ресовского по Флёровской гимназии 70
- Харнак Адольф фон — историк, знаток раннехристианской культуры, один из основателей и первый президент Общества кайзера Вильгельма 197—198
- Хартман Макс — немецкий биолог 95, 412
- Хевеши Дьёрдь (1885—1966) — венгерский радиохимик, основатель радиационной химии. Лауреат Нобелевской премии 1943 г. 499
- Херувимов 453, 455
- Херши Алфред Дей (р. 1908) — американский генетик и вирусолог, лауреат Нобелевской премии 1969 г. 707
- Хесин-Лурье Роман Бениаминович (1922—1985) — генетик и биохимик, руководитель лаборатории молекулярной генетики в Институте атомной энергии АН СССР 525—526
- Хиршвальд — немецкий издатель 443—444
- Хлебников Велимир (Виктор Владимирович, 1885—1922) — поэт и прозаик 707, 715, 717, 727, 730, 753, 796—798

- Холдейн Джон Бэрдон Сандерсон (1892–1964) — английский биолог, физиолог и генетик, общественный деятель, популяризатор науки 232, 258, 264, 429
- Холендер А. — американский радиобиолог 512–513
- Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) — религиозный философ, писатель, поэт, публицист 109
- Хренова Г. С. — ученый секретарь Института биологии УФАН 567
- Христиан (Христиан X) — король Дании в 1912–1947 гг. 226–228
- Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) 497, 515, 519, 521, 557
- Хэккер Валентин — немецкий зоолог 182, 426
- Хэмсон — генетик 214
- Царапкин Лев Сергеевич (1930–1975) — цитолог и генетик, сотрудник лаборатории Н. В. Тимофеева-Ресовского в Свердловске, затем лаборатории Н. В. Лучника в Обнинске, сын С. Р. Царапкина 504–505, 558
- Царапкин Сергей Романович (1892–1960) — генетик, ученик С. С. Четверикова и многолетний сотрудник Н. В. Тимофеева-Ресовского 139, 146, 208, 420, 443–444, 446, 448, 452, 505
- Царапкины 364, 366
- Цвиринер Эберхард (1899–1980) — немецкий невролог и лингвист, руководитель фонеметрического отдела Института мозга в Берлин-Бухе 505–506
- Цезарь Гай Юлий (102 или 100 – 44 до н.э.) — римский диктатор, полководец 173, 406
- Циммер Карл Гюнтер (1912–1988) — физик, сотрудник отдела Н. В. Тимофеева-Ресовского в Берлин-Бухе. После войны работал в СССР, позже директор биологического сектора западногерманского Атомного института 18, 223–224, 232–233, 237, 239, 348, 350, 362, 427, 697–698, 770, 774, 776, 782
- Циммерман Клаус — зоолог, сотрудник лаборатории Н. В. Тимофеева-Ресовского в Берлине 203–204, 209, 218, 261
- Цингер Александр Васильевич (1870–1934) — русский физик, профессор, с 1922 г. жил в Берлине 81, 407
- Цингер Олег Александрович (1910–1998) — художник, мемуарист, друг Тимофеевых-Ресовских с 1927 г. 306, 309, 408, 427, 602–603, 609, 611–612, 614, 616–620, 622, 688, 757
- Цитович Сергей Иванович — сотрудник Института медико-биологических проблем Министерства здравоохранения СССР 714
- Цубина Мария Григорьевна — биолог, жена В. П. Эфроимсона 562–563
- Цыб А. Ф. — директор Института медицинской радиологии в Обнинске, чл.-корр. АМН СССР 785

- Чаушеску Николае (1918–1989) — президент и генеральный секретарь компартии Румынии 770
- Чаянов Александр Васильевич (1888–1937) — экономист-аграрник и литератор. В 1929 г. репрессирован, погиб в заключении 670
- Чекунов Василий — ученик Флёровской гимназии 107–108
- Чемоданов Сергей Михайлович (1888–1942) — историк, музыкальный критик, лектор, преподаватель Флёровской гимназии 666
- Чернова Ольга Александровна — энтомолог, участница четвериковского кружка, сотрудница кафедры энтомологии биофака МГУ 718
- Четвериков Сергей Сергеевич (1880–1959) — генетик, преподаватель Высших женских курсов, Московского университета, сотрудник Института экспериментальной биологии. Один из основоположников популяционной генетики. В 1929 г. был репрессирован и сослан 15, 88, 91, 111, 113–114, 117–120, 123–124, 163, 184, 219, 241, 243, 246, 251–252, 259, 263, 272–275, 288, 410, 420, 431, 444, 448, 452, 469, 506–507, 526, 528, 612, 615, 689–691, 694, 712–713, 725, 739
- Четверикова Анна Ивановна — биолог, жена С.С. Четверикова 111
- Чефранов Сергей Васильевич — географ 665
- Чехов Антон Павлович (1860–1904) 101, 673
- Чингисхан (Тэмуджин, Темучин, ок. 1155–1227) — основатель и великий хан Монгольской империи 324
- Чинов В. — священник 651
- Чириков Григорий Осипович (1882–1936) — иконописец, реставратор 428
- Чиркова 649
- Чуев — владелец московской булочной 70
- Чэдвик Джеймс (1891–1974) — английский физик-экспериментатор. В 1935–1948 гг. профессор Ливерпульского университета. Лауреат Нобелевской премии 1935 г. 232, 303
- Шальнов Михаил Иванович — физик, биофизик 698, 706
- Шалапин Борис Федорович (1904–1979) — художник, сын Ф.И. Шалапина 667
- Шалапин Федор Иванович (1873–1838) 428, 675
- Шалапина Ирина Федоровна (1900–1978) — актриса, дочь Ф.И. Шалапина 671
- Шалапина Татьяна Федоровна (1905–1993) — младшая дочь Ф.И. Шалапина 620
- Шанявская Лидия Алексеевна (ум. 1926) — меценатка, жена А.Л. Шанявского 408

- Шанявский Альфонс Леонович (1837–1905) — генерал, меценат, на средства которого был открыт Московский городской народный университет 84, 408
- Шапилов Василий Семенович — капитан, прадед Н. В. Тимофеева-Ресовского, отец Зои Васильевны Рясовской 639
- Шапиловы 640
- Шапиро Николай Иосифович (р. 1906) — генетик, сотрудник Института биофизики АН СССР, позже заведующий лабораторией радиобиологического отдела Института атомной энергии им. И. В. Курчатова 537
- Шатерников Михаил Николаевич (1870–1939) — физиолог, организатор и первый директор (с 1920 г.) Института физиологии питания ГИНЗа 167, 421, 424
- Шахов — муж Веры Тимофеевны Тимофеевой 630
- Шванев Валентин Семенович — старший лейтенант МВД 362–364
- Шварц Станислав Семенович (1919–1976) — зоолог, академик, директор Института биологии УФАН СССР (ныне Институт экологии растений и животных) 529–531, 542, 544–545, 557, 566, 571, 584
- Шелапутин Павел Григорьевич (1847–1917) — владелец мануфактуры, меценат, в память об умершем сыне студенте Григории построивший в Москве несколько педагогических учреждений 418
- Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891) — литературный критик, публицист 109
- Шелер Вернер (р. 1923) — биолог, медик, президент Академии наук ГДР 771–772
- Шелюшко Андрей Иванович — директор-распорядитель Ильинецкого сахарного завода под Киевом 48–49, 57, 403
- Шелюшко Л. А. — сын А. И. Шелюшко 403
- Шемшурин Виктор Гаврилович (1901–1953) — экономист, одноклассник Н. В. Тимофеева-Ресовского, брат М. Г. Шемшуриной 680
- Шемшурина Маргарита Гавриловна — см. Залогина Маргарита Гавриловна
- Шемшурины 673
- Шемякин Михаил Михайлович (р. 1943) — живописец, график, скульптор. С 1971 г. живет в эмиграции 610–611
- Шемякина Доротея — дочь М. М. Шемякина 610
- Шиллер Иоганн Фридрих (1759–1805) — немецкий поэт 75
- Шишканов Николай Григорьевич — инженер-физик, сотрудник Института медицинской радиологии РАМН в Обнинске 749, 771, 785

- Шмальгаузен Иван Иванович (1884–1963) — биолог, зоолог, морфолог, эволюционист, академик 167, 172, 263, 424, 502, 509, 519, 524–526, 528, 548, 564
- Шмерлинг Жозефина Григорьевна — генетик 489
- Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) — математик, астроном, географ, академик и государственный деятель 527
- Шноль Симон Эльевич (р. 1930) — биофизик, биохимик, профессор МГУ, заведующий лабораторией Института теоретической и экспериментальной биофизики РАН 5–8, 15, 431, 706, 713, 717, 774
- Шон — немецкий физик 775–776
- Шопен Фридерик Франсуа (1810–1849) — польский композитор и пианист 684
- Шошо — сотрудница отдела Н. В. Тимофеева-Ресовского в Берлин-Бухе, жена Ш. Пейру 774, 776–777
- Шпатц Хуго — директор Института мозга в Берлин-Бухе 722, 769
- Шпеман Ганс (1869–1941) — немецкий эмбриолог, директор Института биологии кайзера Вильгельма, лауреат Нобелевской премии 1935 г. 452–454
- Шпет Густав Густавович (1879–1937) — философ 110, 413, 669
- Шпольский Эдуард Владимирович (1892–1975) — физик, главный редактор журнала «Успехи физических наук» 495, 499
- Шпрингер Аксель — немецкий издатель 775
- Шрёдингер Эрвин (1887–1961) — австрийский физик-теоретик, один из создателей квантовой механики, лауреат Нобелевской премии 1933 г. 234, 303, 698
- Штерн Курт (1902–1981) — немецкий генетик и зоолог. В 1933 г. эмигрировал в США. Лауреат Кимберовской премии 1963 г. 447–451
- Штуббе Ганс (1902–1989) — немецкий ботаник, генетик, селекционер. Президент Академии сельскохозяйственных наук ГДР (1951–1968) 233, 429, 512–513, 742, 752, 767
- Штуцер Михаил Иванович (1879–1935) — врач, бактериолог и эпидемиолог 130, 419
- Штуцеры 671
- Шукшин Василий Макарович (1929–1974) — писатель, кинорежиссер, актер 12
- Шульгин Александр Яковлевич (р. 1889) — историк, политик. С 1920 г. в эмиграции 665
- Шедрин Родион Константинович (р. 1932) — композитор 789
- Шекочихин Юрий Петрович — журналист 795
- Щербаков Анатолий Петрович — биолог 133

- Щербаков Дмитрий Иванович (1893–1966) — геолог, геохимик, академик 508
- Эванс Робли — американский медик, радиолог 754
- Эдварды (Эдуарды) — английские короли 167
- Эйхенвальд Александр Александрович (р. 1863) — физик, автор проекта здания Народного университета им. Шанявского 408
- Эйхлер Вольфдитрих — немецкий паразитолог, сотрудник Музея естественной истории в Берлине 731, 733
- Энгель Рудольф Васильевич — см. Фабер Роберт Васильевич
- Энгельгардт Владимир Александрович (1894–1984) — биохимик, академик, организатор и директор Института радиационной и физико-химической биологии (с 1965 г. Институт молекулярной биологии, теперь им. В.А.Энгельгардта РАН) 490–491, 499, 506, 508, 518, 525, 533
- Эфроимсон Владимир Павлович (1908–1989) — генетик, автор фундаментальных трудов по генетике тутового шелкопряда и медицинской генетике 548, 561–563, 565, 710–711, 716, 740–741, 743
- Эфрусси Борис Самойлович (р. 1901) — биолог, генетик. В 1917 г. эмигрировал во Францию, преподавал в Сорбонне, руководил лабораторией при Исследовательском институте Жиф-сюр-Ивэст под Парижем 230–232, 602–603
- Юдин Борис Григорьевич (р. 1943) — философ, главный редактор журнала «Человек» 784
- Юм Дэвид (1711–1776) — английский философ 111
- Юнг Фридрих — биолог, сотрудник Института молекулярной биологии в Берлин-Бухе 726, 733–734, 752
- Яблоков Алексей Владимирович (р. 1933) — зоолог, эколог, эволюционист, чл.-корр. РАН 589–591, 593, 598, 600, 602, 606–607, 696, 706, 735, 737, 740, 763, 791
- Яблонский Сергей Всеволодович (1924–1998) — математик, кибернетик, чл.-корр. АН СССР, заведующий отделом Института прикладной математики РАН 516–517, 574
- Яворский Болеслав Леопольдович (1877–1942) — музыковед, пианист, педагог 665
- Яичница — персонаж пьесы Н.В.Гоголя «Женитьба» 674

Ярилин Александр Александрович (р. 1941) — биолог, иммунолог, чл.-корр. РАЕН, сотрудник отдела Н. В. Тимофеева-Ресовского в институте медицинской радиологии АМН СССР. Позже заведующий лабораторией в Институте иммунологии Министерства здравоохранения РФ 706, 744

Яров Юрий Федорович — депутат Верховного Совета РСФСР 793–794

Содержание

<i>От составителя</i>	5
<i>Д. А. Гранин.</i> Огромный человек	7
<i>В. И. Иванов.</i> К читателям этой книги	11
<i>С. Э. Шноль.</i> Парадокс Н. В.	15
Истории	21
Разбойники, землепроходцы, адмиралы и другие предки	23
Киев. Гимназия.	47
«Salve, domine magister!»	66
Всякие учителя и всякие способы учиться	84
Приключения военные и гражданские	99
От «Сикамбра» до Дрозсоора	109
Педагогика, Лёлька и «мокрые дела»	124
Как я умыкал наркома	140
Просветитель «эпохи изоляции»	153
Кольцовская школа, прямая и косвенная	168
Личная программа	180
Первые берлинские события	185
Скучный германский порядок	202
Боровский круг и другие трепы	217
«Зеленая тетрадь»	234
Мутации и популяции	241
<i>Слово к математикам</i>	254
Волны жизни	263

Изоляция и естественный отбор	278
От Германии до Сукугундии	291
Вернадский и «вернадскология»	310
Сукачёв и Вавилов	324
Нескучная историческая эпоха	345
<i>Слово о душе и духе</i>	356
Про собачий язык и демократию	367
Биосфера и человечество	378
О биологических естественнонаучных принципах	388
 Комментарии	399
 Письма	441
 Приложения	
<i>Т. В. Пищикова.</i> К истокам рода	625
<i>М. А. Реформатская.</i> Юные годы ровесников века	659
<i>В. И. Иванов.</i> Лёлька и Колюша	687
<i>Е. С. Саканян.</i> Любовь и защита	707
 Библиографический указатель.	801
 Хронологический указатель.	819
 Именной указатель	823

Н. В. Тимофеев-Ресовский

Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами

Компьютерная верстка

Д. А. Глазков

Корректор

М. В. Кузьмина

ЛР № 040552 от 31 июля 1998 г.

Формат 84x108/32. Уч.-изд. л. 38,96. Усл. печ. л. 46,2.

Гарнитура Ньютон

Подписано к печати 11.07.2000 г.

Заказ № 4453. Тираж 3000 экз.

Издательство

«СОГЛАСИЕ»

113054 Москва, ул. Бахрушина, 28

e-mail: soglasie@mail.ru

<http://welcome.to/soglasie>

ОАО «Типография „НОВОСТИ“»

107005 Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

СОГЛАСИЕ[®]

**Издательство является единственным владельцем
настоящего названия в качестве товарного знака
и знака обслуживания**

**Свидетельство № 165848
Российского агентства
по патентам и товарным знакам**

ISBN 5-86884-080-1



9 785868 840807

Н.В.Тимофеев-
Ресовский



Н.В.Тимофеев-Ресовский



*Для серьезного развития серьезных наук
нет ничего пагубнее жерной
серьезности. Нужен юмор и некоторая
издевка над собой и над науками. Тогда
все будет процветать.*

Истории,
рассказанные
им самим,
с
письмами,
фотографиями
и
документами

Истории, рассказанные им самим,
с письмами, фотографиями
и документами



СОГЛАСИЕ

СОГЛАСИЕ